Дэвид

БРИН



Новая трилогия Возвышения

Новая трилогия Возвышения. Том 1

Дэвид Брин

Аннотация
Дэвид Брин. Новая трилогия Возвышения. Том 1
Риф яркости
Аскс
Прелюдия
I . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
II . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Семья Нело
Аскс
Двер
Аскс
Сара
III . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
IV . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Двер
Аскс

Ларк
Аскс
Сара
Незнакомец
V . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
VI . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Двер
Аскс
Сара
Аскс
Двер
VII . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
VIII . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара
Парк
Аскс
Двер
Незнакомец
IX . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина

X . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара
Аскс
Двер
Аскс
Ларк
Рети
XI . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XII. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара
Аскс
Двер
Незнакомец
XIII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XIV. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Ларк
Аскс
Рети

XV. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XVI. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара
Аскс
Двер
Аскс
Ларк
Незнакомец
XVII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XVIII. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Рети
Аскс
Сара
XIX. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XX. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Ларк
Незнакомец
XXI. КНИГА МОРЯ

Рассказ Олвина
XXII. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Двер
Аскс
Сара
XXIII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXIV. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Сара
Аскс
Ларк
Аскс
Сара
Аскс
Незнакомец
XXV. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXVI. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Двер
Рети
Двер
Рети
Двер

Аскс
Сара
Аскс
XXVII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXVIII. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Сара
Ларк
Аскс
Сара
Эпилог
Берег бесконечности
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
НЕЗНАКОМЕЦ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СУНЕРЫ
ОЛВИН
АСКС
РЕТИ
ОЛВИН
АСКС
САРА

ОЛВИН
АСКС
ЛАРК
ЭМЕРСОН
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
СУНЕРЫ
ОЛВИН
АСКС
РЕТИ
ОЛВИН
АСКС
САРА
ОЛВИН
АСКС
ЛАРК
АСКС
ЭМЕРСОН
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
ХАННЕС
ДЖИЛЛИАН
СУНЕРЫ
ЭВАСКС
ОЛВИН

ДВЕР
САРА
ЛАРК
ЭВАСКС
ДВЕР
ОЛВИН
САРА
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
ТШ'Т
СУНЕРЫ
НЕЛО
ЭВАСКС
ЛАРК
ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ
ДВЕР
ОЛВИН
ЭВАСКС
САРА
ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПОЛЕЗНОМ ИНСТРУМЕНТЕ/СТРАТЕГИИ, ОСНОВАННОЕ НА НАШЕМ ОПЫТЕ НА ДЖИДЖО
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

МАКАМИ
ХАННЕС
СУНЕРЫ
ЭМЕРСОН
ЭВАСКС
ЛАРК
ЭВАСКС
ЛАРК
ДВЕР
ОЛВИН
САРА
НЕЛО
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
ХАННЕС
ТШ'Т
СУНЕРЫ
ЭМЕРСОН
ЛАРК
ОЛВИН
САРА
ЭВАСКС
ЛАРК
НЕЛО
ЛАРК

ДВЕР
ОЛВИН
ЭВАСКС
ДВЕР
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПРИТЧА
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
ДЖИЛЛИАН
ЭВАСКС
ТШ'Т
КАА
СУНЕРЫ
ЛАРК
ОЛВИН
ЭВАСКС
САРА
БЛЕЙД
ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ
ФАЛЛОН
НЕЛО
РЕТИ
Уф!
ДВЕР
РЕТИ
САРА

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
ДЖИЛЛИАН
КАА
ДЖИЛЛИАН
КАА
СУНЕРЫ
ЭВАСКС
ВУББЕН
БЛЕЙД
ВУББЕН
БЛЕЙД
ЛАРК
БЛЕЙД
ЭВАСКС
БЛЕЙД
ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ
ЛАРК
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
СУНЕРЫ
ЛАРК
БЛЕЙД

ЛАРК
НЕЛО
ЭВАСКС
САРА
ЭВАСКС
ДВЕР
ЭВАСКС
ДВЕР
САРА
ДЖИЛЛИАН
ЛАРК
ЭМЕРСОН
КАА
ОЛВИН
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
ВУББЕН
КАА
РЕТИ
ДВЕР
ОЛВИН
ЭВАСКС
САРА
ДВЕР
ЛАРК
ДЖИЛЛИАН
РЕТИ

ЭВАСКС
ДЖИЛЛИАН
ДВЕР
ДЖИЛЛИАН
МУДРЕЦЫ
РЕТИ
ДВЕР
ЛАРК
РЕТИ
ДЖИЛЛИАН
ДВЕР
МУДРЕЦЫ
ЭВАСКС
ДВЕР
САРА
ДВЕР
ДЖИЛЛИАН
МУДРЕЦЫ
СКЛОН
ЛАРК
ЛАРК
ДЖИЛЛИАН
САРА
РЕТИ
ЭВАСКС
ЭМЕРСОН

ПЕРЕЧЕНЬ РАЗУМНЫХ РАС
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аннотация

Первые два романа из цикла Новая трилогия Возвышения.

Дэвид Брин
Новая трилогия Возвышения. Том 1

Риф яркости

Герберту Брину, поэту, журналисту и постоянному защитнику справедливости

Аскс

Должен попросить у вас разрешения. У вас, мои кольца, мои раздельные сущности.

Теперь принимайте решение. Должен ли я говорить с внешним миром от лица нас всех? Должны ли мы вновь соединиться, чтобы стать Асксом?

Такое имя используют люди, квуэны и другие существа, когда обращаются к этому множеству кругов. Под этим именем собрание пухлых колец треки было избрано мудрецом Общины, уважаемым и почитаемым, выносящим решение о судьбе всех членов шести рас изгнанников.

Этим именем — Аскс — нас называют, когда просят рассказывать.

Все согласны?

В таком случае Аскс начинает рассказывать… о событиях, свидетелями которых были мы сами, и о тех, о которых нам рассказали другие. Рассказ будет вести “я”, словно наша груда сошла сума и противостоит миру единственным сознанием.

Аскс готовит этот рассказ. Погладьте его восковые следы. Ощутите вьющийся запах рассказа.

Никто лучше “я” этого не расскажет.

Прелюдия

Боль не дает ему рассыпаться… иначе, как изжеванная кукла или сломанная игрушка, он уже распался бы, и его разорванные члены лежали среди грязных корней, а со временем совсем исчезли.

Грязь покрывает его с ног до головы, светлеет там, где высыхает под лучами солнца; превращаясь в головоломку хрупких пластинок, она становится светлее светлой кожи. Грязь скрывает наготу лучше обгоревшей одежды, которая рассыпается и опадает, как сажа после поспешного бегства из огня. Грязь смягчает боль, так что пытка становится почти переносимой, напоминая болтливого всадника, которого тело вынуждено тащить по бесконечному вязкому болоту.

Его словно окружает какая-то музыка, дрожащая баллада царапин и ожогов. Опус травмы и шока.

Крик боли вздымается в печальной каденции в дыре сбоку на голове.

Только раз он поднес руку к зияющей ране. Кончики пальцев, ожидая соприкосновения с кожей и костью, продолжали ужасно уходить внутрь,

пока какой-то глубокий инстинкт не заставил его содрогнуться и убрать руку. Это непереносимо, такую потерю невозможно осмыслить.

Утрата *способности* соображать…

Грязь алчно хлюпает, засасывая на каждом шагу. Приходится согнуться, чтобы перебраться через очередную преграду из переплетенных веток, опутанных красными и желтыми нитями. И в середине куски стеклянистого кирпича или изъеденного металла, потемневшие от времени и разъедающих кислот. Такие места он обходит, смутно помня, что когда-то знал, почему их нужно избегать.

Когда-то он знал очень много.

Под маслянистой водой невидимый стебель хватает за ногу, увлекая его в грязь. Барахтаясь, он едва удерживает голову над водой, кашляя и отплевываясь. Все его тело дрожит, когда он с усилием встает и идет дальше, совершенно измученный.

Еще одно падение будет означать конец.

Ноги движутся по упрямой привычке, а сопровождающая боль напоминает фугу из многих частей, скрипучую и необработанную, превосходящую своей жестокостью всякое описание. Единственное чувство, которое как будто не

повреждено в результате падения, удара и пожара, это *обоняние.* У него нет ни направления, ни цели, но смесь запахов кипящего горючего и собственной обожженной плоти помогают ему уйти, подгоняют, заставляют спотыкаться, падать, карабкаться и снова двигаться вперед, пока колючие кустарники наконец не начинают редеть.

Неожиданно кусты исчезают. Впереди простирается болото, усеянное отдельными незнакомыми деревьями с изогнутыми спиральными корнями. Отчаяние туманит сознание: он замечает, что вода становится глубже. Скоро бесконечная трясина поднимется до подмышек, а потом еще выше.

Скоро он умрет.

Даже боль словно соглашается с этим. Она смягчается, как будто понимает тщетность попыток мучить мертвеца. Впервые после спасения из горящих обломков крушения он полностью распрямляется. Скользя по грязи, медленно делает полный круг…

…и неожиданно натыкается на пару глаз, следящих за ним с ветвей ближайшего дерева. Глаза сидят над вытянутыми челюстями, усаженными иглообразными зубами. Как маленький дельфин,

думает он… *пушистый* дельфин, на коротких крепких лапах… со смотрящими вперед глазами… и с ушами…

Что ж, возможно, дельфин — не слишком удачное сравнение. Сейчас он не способен хорошо соображать. Тем не менее удивление рождает цепь ассоциаций. Из глубины поднимается след воспоминания, становится почти словом.

— Тай… тай… — Он пытается глотнуть. — Тай… тай… т…

Существо наклоняет голову, с интересом разглядывая его, перемещается на ветке, а он устремляется к нему, вытянув руки…

Неожиданно это внимательное разглядывание кончается. Существо поворачивает голову в сторону звука.

Жидкий всплеск… за ним еще один, потом снова, всплески повторяются в правильном ритме, они все приближаются. Шелест, всплеск, шелест, всплеск. Существо с гладкой шерстью протиснулось мимо, издав глубокий разочарованный вздох. И мгновенно исчезло среди необычной формы листьев.

Он поднимает руку, чтобы уговорить его остаться. Но не может найти слова. Ничто не способно выразить его горе, когда хрупкая надежда исче-

зает в пропасти одиночества. Он снова издает жалобный стон.

— Тай… тай…

Всплески все ближе. Теперь слышен и другой звук — низкий шум выдыхаемого воздуха.

Ему отвечает множество чередующихся щелканий, свистов и бормотания.

Он узнает речь, речь разумных существ, хотя не понимает смысла слов. Оцепенев от боли и покорности, он поворачивается — и, не понимая, смотрит *на лодку*, выплывающую из-за рощицы болотных деревьев.

Лодка. Слово, одно из первых, с которыми он познакомился, всплывает в сознании легко, как это всегда происходит и с бесчисленными другими словами.

Лодка. Сооруженная из множества длинных узких трубок, искусно изогнутых и связанных. Лодку передвигают гребцы, согласно действуя веслами и шестами. Этих гребцов он знает. Видел раньше, но никогда так близко.

Никогда не общался.

Одна фигура — конус из колец или торов, уменьшающихся кверху; от колец отходят гибкие щупальца, они сжимают длинный шест и отталкивают им от корпуса лодки древесные корни.

Рядом пара широкоплечих двуногих в зеленых плащах гребут большими веслами, похожими на совки; их длинные чешуйчатые руки кажутся бледными в косых лучах солнца. Четвертая фигура — короткий приземистый торс в броне из кожистых пластин; торс увенчивается плоским куполом, окруженным полоской блестящих глаз. От центра исходят пять мощных ног, как будто существо в любое мгновение может побежать в любом направлении.

Он знает эти фигуры. Знает и боится их. Но подлинное отчаяние ощущает, только заметив пятую фигуру, стоящую на корме и разглядывающую заросли и искалеченные камни. Эта пятая фигура держит руль лодки.

Тоже двуногая, но более стройная и одета в грубую плетеную ткань. Знакомые очертания, и слишком похожие на его собственные. Незнакомец, но у них общее наследие, начало обоих восходит к соленому морю во многих тысячелетиях и галактиках от этой комической отмели.

Меньше всего хотел он увидеть такую фигуру в этом жалком месте, так далеко от дома.

И когда бронированный пятиног поднял оканчивающуюся клешней руку, указал в его направлении и крикнул, его заполнили покорность

и смирение. Остальные устремились вперед, глядя на него, а он смотрел на них — и было на что посмотреть: все эти лица и формы, удивленно бормочущие, обращаясь друг к другу, пораженные его появлением, а потом старающиеся грести согласованно, быстрее, направляясь к нему с явным намерением *спасти.*

Он приветственно поднял руки. И тут, словно по приказу, колени подогнулись, и теплая мутная вода поглотила его.

В эти последние секунды, отказавшись от борьбы за жизнь, он все равно ощущал иронию без слов. Он пришел издалека и слишком многое испытал. Совсем недавно казалось, что его судьбой, его назначением будет *огонь.*

Почему-то ему казалось, что утонуть — более приличествующий уход.

I . КНИГА МОРЯ

Вы, избравшие такой образ жизни – жить, и плодиться, и умирать в тайне на одном из изувеченных миров, укрываясь от звездных линий, по которым когда-то летали, прячась с другими изгнанниками в месте, запретном по закону, – какое право имеете вы на справедливость? Вселенная жестока. Ее законы беспощадны. Даже преуспевающих и великолепных наказывает все перемалывающий палач, по имени Время. Тем более жестока она с вами, проклятыми, боящимися неба.

И все же есть ведущая вверх тропа – даже из глубины отчаяния.

Прячьтесь, дети изгнания! Укрывайтесь от звезд! Но ждите, смотрите и слушайте – ждите этой тропы.

Свиток Изгнания

Рассказ Олвина

В тот день, когда я достаточно подрос, чтобы мои волосы начали белеть, отец созвал всех членов нашего гнездящегося пучка в семейную кугу на церемонию называния меня правильным именем — *Хф-уэйуо.*

Мне кажется, для хуна это подходящее имя. Оно легко выкатывается из моего горлового мешка, хотя иногда мне неловко его слышать. Это имя как будто постоянно употребляется в нашем роду с тех пор, как первый крадущийся корабль высадил на Джиджо первого хуна.

Этот крадущийся корабль был невероятно прекрасен! Возможно, мои предки и были грешниками: ведь они высадились в запретном мире, в мире-табу, но прилетели они в могучем звездном крейсере, прячась от патрулей Института и избегая опасных углеродных бурь Занга и Измунути. И сумели-таки высадиться. Даже если они грешники, они должны были быть чертовски смелыми и умелыми, чтобы сделать это.

Я прочел все, что смог найти, об этих днях, хоть это и произошло за сто лет до того, как на Джиджо появилась бумага, так что до нас дошли только

легенды о пионерах-хунах, которые спустились с неба и обнаружили, что здесь, на Склоне, уже скрываются г'кеки, глейверы и треки. В легендах рассказывалось, как эти первые хуны утопили свой корабль в глубине Помойки, чтобы его невозможно было выследить, потом связали грубые деревянные плоты и впервые с тех пор, как великие буйуры покинули планету, отправились в плавание по рекам и морям Джиджо.

Поскольку мое имя связано с крадущимся кораблем, думаю, оно не может быть таким уж плохим.

Тем не менее мне больше нравится, когда меня зовут *Олеин.*

Наш учитель, господин Хайнц, велит нам, старшеклассникам, вести дневники, хотя некоторые родители жалуются, что бумага здесь, на южном краю Склона, слишком дорога. Мне все равно. Я напишу о своих приключениях, когда мы с друзьями помогали и мешали добродушным морякам в гавани, или исследовали извивающиеся лавовые русла вблизи вулкана Гуэнн, или плавали в нашей маленькой лодке до длинной остроконечной тени Окончательной скалы.

Может, когда-нибудь из этих записок получится книга!

А почему бы и нет? Мой англик очень хорош. Даже ворчливый старый Хайнц говорит, что у меня склонность к языкам. Ведь к десяти годам я наизусть запомнил городской экземпляр “Роджета”. А теперь, когда печатник Джо Доленц открыл в Вуфоне свою мастерскую, мы можем рассчитывать на приход бродячих библиотекарей *с* книгами. Может, Доленц даже позволит мне самому напечатать свою книгу! Конечно, если я успею что-то написать до того, как мои пальцы станут слишком большими, чтобы управляться с мелкими буковками.

Моя мама Му-фауфк считает это замечательной мыслью, хотя я понимаю, что она слегка потакает моей детской одержимости, и мне хотелось бы, чтобы она не относилась ко мне так покровительственно.

Мой папа Йоуг-уэйуо ворчит, раздувая свой горловой мешок; он считает, что я слишком подражаю людям. Но я уверен, что в глубине души эта идея ему нравится. Разве он не берет в долгие поездки на Помойку взятые взаймы книги? А ведь это опасно. Что, если корабль утонет и, возможно, последний древний экземпляр “Моби Дика” уйдет под воду вместе с ним и экипажем? Разве это не настоящая катастрофа?

И разве не он приучил меня читать почти со дня рождения? Давал мне все великие земные приключенческие книги: “Остров сокровищ”, “Синдбад” и “Ультрафиолетовый Марс”? Почему же он называет меня хьюмикером — подражателем людям?

Сегодня папа говорит, что я должен читать современных хунских писателей, которые пытаются перестать подражать старинным землянам и создать нашу собственную литературу.

Наверно, должно быть больше книг на других языках, не только на англике. Галактический два и Галактический шесть кажутся ужасно невыразительными и не подходят для рассказов. Но я пытался читать некоторых из этих писателей. Честно. И должен сказать, что ни один из них не достоин даже поддерживать штаны Марка Твена.

Естественно, *Гек* полностью со мной согласна.

Гек — мой лучший друг. Она взяла себе это имя, хотя я ей объяснял, что девочке оно не подходит. Она только обвивает одним глазным стебельком другой и говорит, что ей все равно и, если я еще раз назову ее Беки, она зажмет своими спицами шерсть у меня на ногах и так закрутит, что я заору.

Думаю, это не имеет значения: все равно г'кеки меняют пол после того, как отпадают их детские колеса, и если она захочет оставаться самкой, это ее дело. Гек сирота. Она живет с соседями с тех пор, как Большая Северная Лавина стерла с лица земли клан ткачей, который жил там в развалинах буйуров. Наверно, она имеет право быть слегка странной, если пережила это и выросла в семье хунов. Она замечательный друг и отличный моряк, хотя она и г'кек, и девочка, и у нее нет ног.

Чаще всего в наших приключениях участвует и *Острая Клешня,* особенно когда мы спускаемся к берегу. Ему не нужно прозвище из какого-нибудь рассказа, потому что все красные квуэны получают его, как только высовывают свои пять когтей из загона для вылупливания. Клешня не большой любитель чтения, как мы с Гек, в основном потому что книги не выдерживают соли и влаги тех мест, где живет его клан. Клан бедный, живет только за счет мелких извивающихся существ, которых находят в грязевых полях к югу от города. Папа говорит, что квуэны с красными панцирями были слугами тех, у кого панцири серые и синие, до того как крадущийся корабль высадил все три вида на Джиджо. И даже после этого серые

какое-то время распоряжались остальными, и поэтому папа говорит, что красные не привыкли думать самостоятельно.

Может, и так, но когда Острая Клешня с нами, именно он больше всех говорит… одновременно всеми своими ножными ртами — рассказывает о морских змеях, или об утраченных сокровищах буйуров, или о чем-то другом — и клянется, что видел это собственными глазами… или слышал от кого-то, кто знал того, кто мог что-то видеть… где-то сразу за горизонтом. И если мы попадаем в неприятности, то обычно из-за того, что выдумывает Клешня в том жестком корпусе, в котором находится его мозг. Иногда мне хочется иметь хотя бы десятую часть его воображения.

Мне стоит включить в список *Ур-Ронн*, потому что иногда она отправляется с нами. Ур-ронн почти так же любит книги, как мы с Гек. Но она ур, а у ура есть пределы, за которые он не может выйти в своем подражании людям, прежде чем опереться на все четыре ноги и сказать “вау”.

У них, например, не бывает прозвищ.

Однажды, когда мы читали древнегреческие мифы, Гек попробовала прозвать Ур-ронн кентавром. Вероятно, ур действительно напоминает это легендарное создание — если, конечно, вас

только что ударили кирпичом по голове и от боли вы плохо видите и не очень хорошо соображаете. Но Ур-ронн это сравнение не понравилось, и она продемонстрировала это, взмахнув, как хлыстом, длинной шеей и едва не отхватив глазной стебелек Гек своей треугольной пастью.

Гек назвала ее кентавром только один раз.

Ур– ронн племянница Уриэль, которая держит кузницу вблизи огненных лавовых потоков высоко на горе Гуенн. Она завоевала право стать учеником кузнеца, а не оставаться со стадами и караванами на травянистых равнинах. Жаль, что тетка все время заставляет ее работать и не позволяет плавать с нами в лодке: говорит, что уры не умеют плавать.

В школе в прериях Ур-ронн привыкла много читать. В этом захолустном уголке Склона мы о таких книгах и не слыхали. И она рассказывает нам, что может вспомнить, например, о Сумасшедшей Лошади, или о Чингисхане, или об урских героях-воинах, о том, как они сражались с людьми после того, как земляне прилетели на Джиджо и до того, как возникла Община и начался Великий Мир.

Было бы здорово, если бы наша команда стала полной Шестеркой, вроде той, что с Дрейком

и Ур-джушен и их товарищами отправилась в Великий Поиск и впервые увидела Святое Яйцо. Но единственный треки в городе — аптекарь, и он слишком стар, чтобы образовать новое множество колец, с которым мы могли бы играть. А что касается людей, то их ближайший поселок в нескольких днях пути отсюда. Так что, вероятно, нам суждено оставаться четверкой.

Жаль. Люди — это здорово! Это они привезли на Джиджо книги, они владеют англиком лучше всех, кроме меня и, может быть, Гек. К тому же дети людей по фигуре напоминают маленького хуна, так что могут пробраться почти повсюду, куда и я на своих двух длинных ногах. Может быть, Ур-ронн бежит быстрей, но она не может заходить в воду, Клешня не может слишком далеко отойти от воды, а бедная Гек должна держаться ровных участков суши, по которым могут пройти ее колеса.

И никто их них не может взобраться на дерево.

И все же они мои приятели. И способны на многое, на что не способен я, так что, полагаю, счет у нас равный.

Именно Гек сказала, что летом нужно пуститься в настоящее приключение: ведь это лето у нас последнее.

Занятия в школе кончились. Господин Хайнц отправился в ежегодную поездку в великие архивы Библоса, потом на Праздник Собрания. Как обычно, он взял с собой несколько старших учеников-хунов, включая приемную сестру Гек Аф-аун. Мы завидовали их долгому путешествию — вначале морем, потом в лодках вверх по реке до города Ур-Тандж, и наконец караваном ослов вверх, в горную долину, где они будут посещать игры и театральные постановки, навестят Яйцо и будут наблюдать, как встречаются мудрецы и решают проблемы всех шести рас-изгнанников Джиджо.

На следующий год, может быть, мы тоже отправимся в такое путешествие, но не скажу, чтобы перспектива ждать еще семнадцать месяцев меня радовала. А теперь перед нами ничем не занятое лето, и родители все время будут заставлять нас помогать грузить корабли с мусором, разгружать рыбачьи лодки и выполнять сотни других мелких работ. И что еще хуже, до самого возвращения господина Хайнца не будет никаких новых книг — он привезет книги, если не потеряет список, который мы ему дали.

(Однажды он вернулся в крайнем возбуждении и привез целую груду земных стихов, но при этом

ни одного романа Конрада, Купа или Кунца. А некоторые взрослые заявляли, что им эти стихи нравятся!)

Именно Гек первой предложила отправиться за Линию, и я все еще не знаю, стоит ли ее за это благодарить, или проклинать.

— Я знаю, где есть что почитать, — сказала она однажды, когда здесь, на юге, начиналось раннее лето.

Йоуг–уэйуо уже поймал нас, когда мы сидели под пирсом, бросали камни в прыгающие куполы и скучали, как нур в клетке. И, конечно, сразу заставил карабкаться по длинной решетке вверх, чтобы починить маскировку деревни: терпеть не могу эту работу и с нетерпением жду, когда стану слишком большой, чтобы ее делать. Мы, хуны, не так хорошо переносим высоту, как любители деревьев люди и их домашние шимпы, и позвольте мне вам сказать, что, когда карабкаешься по деревянной решетке над всеми домами и магазинами Вуфона, ухаживая за зеленым растительным ковром, который должен помешать заметить нас из космоса, голова начинает кружиться.

Сомневаюсь, чтобы это помогло, если когда-нибудь наступит День, которого все так боятся. Когда небесные боги придут нас судить, что нам

даст покров из листьев? Избавит от наказания?

Но не хочу, чтобы меня называли еретиком. И вообще это не подходящее место для таких разговоров.

Итак, мы были вверху, высоко над Вуфоном, подставляли солнцу свои незащищенные спины, и Гек неожиданно выпалила, словно прокричала:

— Я знаю, где есть что почитать,

Я положил завязки, которые нес с собой, на пучок черных веток ириса. Внизу мне виден был дом аптекаря, и из его трубы поднимались отчетливые запахи треки. (Вы знаете, что вокруг домов треки растут совсем другие растения? Трудно работать по соседству, когда аптекарь готовит лекарства!)

— О чем ты говоришь? — спросил я, борясь с приступом тошноты. Гек подкатилась, подобрала одну из свисавших лиан и приладила на место.

— Я говорю о том, чтобы прочитать кое-что такое, чего на Склоне никто не читал, — ответила она вполголоса и с чувством; она всегда так говорит, когда считает идею замечательной. Два глазных стебелька повисли над ее занятыми руками, а третий повернулся ко мне с блеском, который слишком хорошо мне знаком. — Я гово-

рю о чем-то таком древнем, что по сравнению с ним самые древнейшие свитки кажутся только что напечатанными Джо Доленцем, и краска на них еще не просохла.

Гек катилась по балкам и брусьям, заставляя меня ахать, когда подпрыгивала или проезжала мимо зияющих дыр, сплетая гибкие ветви, как прутья в корзине. Мы считаем г'кеков хрупкими существами, потому что они предпочитают гладкие равнины и терпеть не могут скалистую местность. Но их оси и окружности проворны, а то, что г'кек назовет дорогой, может быть узенькой планкой.

— Не вешай мне лапшу на уши, — ответил я. — Твои предки сожгли и затопили свой крадущийся корабль, и то же самое сделали все расы, высадившиеся на Джиджо. И у них остались только свитки — до появления людей.

Гек качнула торсом, подражая жесту треки, который означает: *может, ты и прав, но я/мы так не думаем.*

– Олвин, ты знаешь, что даже первые изгнанники нашли на Джиджо что почитать.

Ну, хорошо, я действительно не очень быстр. По-своему я достаточно умен — настойчив и основателен, как подобает хуну, но никто не сможет

обвинить меня в поспешности.

Я нахмурился, подражая человеческому “задумчивому” выражению, которое однажды видел в книге, хотя от этого у меня заболел лоб.

— Хрррррм… Минутку. Ты ведь не имеешь в виду те настенные надписи, которые иногда находят…

— На стенах старых зданий буйуров, да! Те, что уцелели, не были разбиты или съедены мулькпауками за миллион лет после ухода буйуров. Эти самые надписи.

— Но разве это в основном не уличные указатели и тому подобное?

— Верно, — согласилась она, опуская один глазной стебелек. — Но в тех развалинах, где я жила вначале, были очень странные надписи. Дядя Лорбен перевел некоторые на ГалДва — до того, как ударила лавина.

Я так и не смог привыкнуть к тому, как небрежно она упоминает о катастрофе, уничтожившей всю ее семью. Я о таком не мог бы говорить много лет. Может, никогда не смог бы.

— Дядя переписывался с учеными из Библоса и обсуждал с ними найденные надписи. Я была тогда слишком мала, чтобы многое понять. Но, очевидно, есть ученые, которые хотели бы боль-

ше узнать о настенных надписях буйуров.

А также и такие, кому это не понравится, помню, подумал я. Несмотря на Великий Мир, во всех шести расах всегда найдутся готовые воскликнуть *“ересь!”* и предупредить о страшном наказании, готовом прийти с неба.

— Что ж, жаль, что надписи были уничтожены, когда… ну, ты знаешь.

— Когда гора убила моих родичей? Да. Очень жаль. Послушай, Олвин, не передашь ли мне еще несколько вязок. Я не дотягиваюсь…

Гек покачивалась на одном колесе, второе бешено вращалось. Я глотнул и протянул над пропастью несколько срезанных веток.

— Спасибо, — сказала Гек, с грохотом приземляясь на балку и гася толчок. — Да, так о чем я? А, да! Настенные надписи буйуров. Я собиралась рассказать, как можно найти некоторые надписи, которые еще никто не видел. По крайней мере никто из изгнанных Шести.

— Но как это возможно? — Должно быть, мой шейный мешок от волнения раздулся, издавая булькающие звуки. — Твой народ прилетел на Джиджо две тысячи лет назад. Мой почти так же давно. Даже люди здесь уже несколько сотен лет. Исследован каждый дюйм Склона, и каждую

развалину буйуров разглядывали десятки раз.

Гек вытянула ко мне все свои четыре глаза.

— В*от именно!*

Слова англика, выходящие из ее черепного барабана, казались окрашенными легким акцентом возбуждения. Я долго смотрел на нее и наконец удивленно прохрипел:

— Ты хочешь сказать, что нужно покинуть Склон? Прокрасться за Трещину?

Не стоило даже спрашивать.

Если бы кости Ифни выпали по-другому, это был бы совсем другой рассказ. Но обстоятельства способствовали тому, чего хотела Гек.

Во– первых, она продолжала приставать ко мне. Даже когда мы кончили чинить решетку, спустились и снова бездельничали возле кораблей, причаленных под нависающими кронами огромных деревьев гингури, она продолжала настаивать со смесью ума г'кеков и настойчивости хунов.

— Послушай, Олвин. Разве мы десяток раз не плавали к Окончательной скале и не призывали друг друга двигаться дальше? Мы однажды даже так и сделали, и никакого вреда не было.

— Но мы добрались только до середины Трещины. И повернули назад.

— Ну и что? Хочешь, чтобы этот позор был с нами всегда? Может быть, сейчас наш последний шанс!

Я погладил полураздутый шейный мешок, произведя гулкий рокочущий звук.

— А ты не забыла, что у нас уже есть проект? Мы будем строить лодку, чтобы можно было нырять… Она с отвращением прервала меня.

— Мы говорили об этом на прошлой неделе, и ты согласился. Это глупая затея…

— Я согласился подумать. Ведь Клешня уже почти закончил корпус. Выгрыз его из большого бревна тару. А как же работа остальных? Мы ведь изучили старинные земные чертежи, сконструировали насос и протянули провода. А еще колеса, которые ты раздобыла, и иллюминатор Ур-Ронн…

— Да, да. — Она пренебрежительным движением двух глазных стебельков отмахнулась от всех этих работ. — Конечно, забавно было заниматься этим зимой, когда все равно приходилось сидеть взаперти. И особенно, когда казалось, что этого никогда не будет. Мы ведь притворялись.

Но теперь речь идет о серьезных вещах! Клешня уже говорит, что через два месяца нужно будет сделать первое глубокое погружение. Разве мы

не согласились, что это безумие? Правда, Олвин? — Гек подкатилась поближе и сделала то, чего г'кеки никогда не делают — во всяком случае, я о таком никогда не слышал. Она прогудела *амбл,* подражая звуку, который издает молодая самка хуна, когда ее большой красивый самец не соглашается с ней.

– Разве тебе не интересней пойти со мной и увидеть эти надписи, такие древние, что их писали *компьютеры, лазеры* и все прочее? Хр-рм? Разве это не интересней плавучего гроба с мусором на полпути к морскому дну?

Пора менять язык. Обычно я нахожу англик более удобным, чем самоуверенные древние языки звездных богов. Даже господин Хайнц соглашается, что “глагольные времена и свободная логическая структура человеческих языков легче передают импульсивный энтузиазм”.

Но сейчас мне нужно как раз противоположное, поэтому я перешел на свисты и пощелкивания Галактического два.

Соображения о (наказуемом) преступлении — об этом ты не думала?

Не смущаясь, она ответила на Галсемь, формальном языке, который любят люди:

Мы младшие, друг. К тому же пограничный за-

кон направлен на предотвращение нелегального размножения за пределами разрешенной зоны. У нас нет такого намерения!

И быстрый переход на Галактический два:

Или ты намерен (извращенно) заняться размножением с этой (девственной самкой) особой?

Какая нелепая мысль! Очевидно, она старается вывести меня из равновесия. И скоро я соглашусь направить парус к тем темным развалинам, которые можно увидеть с Окончательной скалы, если нацелить урский телескоп за глубокие воды Трещины.

И тут я заметил знакомое волнение под спокойной поверхностью залива. Рыжая фигура выползла на песчаный берег, показался пятнистый красный щит, с которого стекала соленая вода. Над пятиугольным компактным панцирем поднимался мясистый купол, окруженный стеклянистым черным кольцом.

— Клешня! — воскликнул я, радуясь, что могу отвлечься от спора с Гек. — Иди сюда и помоги отговорить от этой глупости…

Но молодой квуэн выпалил, не дав воде стечь с речевых щелей.

– Ч…ч…чу… чу…

Клешня не так бегло владеет англиком, как мы

с Гек, особенно когда возбужден. Однако часто им пользуется, чтобы доказать, что он такой же современный хьюмикер, как и мы. Я поднял руки.

— Полегче, приятель! Сделай вдох. Сделай пять вдохов! Он выдохнул: от еще погруженных в воду ног поднялись две цепочки пузырей.

— Я…в…в…видел их! На этот раз я на самом деле видел-идел их!

Зрительное кольцо вокруг купола Клешни способно видеть одновременно во всех направлениях. Но мы чувствовали, что наш друг напряженно смотрит на нас. Он снова выдохнул и произнес одно-единственное слово:

– *Чудовища!*

II . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Прошла большая часть миллиона лет с тех пор, как буйуры, повинуясь галактическим законам, покинули Джиджо, когда кончился срок их разрешения на использование этой планеты. То, что не смогли увезти с собой или спрятать в тайниках на спутниках, они тщательно уничтожили, так что на месте могучих городов, когда-то сверкавших под солнцем, остались одни поросшие сорняками руины.

Но даже сейчас их тень нависает над нами, проклятыми и изгнанными варварами, напоминая, что некогда Джиджо правили боги.

Живя здесь в качестве нелегальных скваттеров, в качестве "землезахватчиков", которые не могут выходить за пределы узкой полоски между горами и морем, мы, члены шести рас, смотрим на выветренные руины буйуров со сверхъестественным страхом и благоговением. Даже когда в нашу Общину вернулись книги и грамотность, нам не хватало инструментов и знаний, чтобы исследовать эти руины и больше узнать о

последних законных обитателях Джиджо. Недавно отдельные энтузиасты, именующие себя археологами, заимствовали технику раскопок из старинных земных текстов, но эти фанатики не могут даже сказать нам, как выглядели буйуры, каковы были их обычаи или образ жизни.

Больше всего сведений мы получаем из фольклора.

Хотя глейверы больше не говорят — и поэтому больше не числятся среди Шести, — мы знаем предания, которые они когда-то рассказывали г'кекам, которые хорошо знали глейверов еще до того, как они деэволюционировали.

Некогда, еще до того, как их крадущиеся корабли прилетели на Джиджо, когда глейверы летали звездными путями как полноправные члены пяти галактик, они, как говорят, находились в очень близких отношениях с расой, именуемой таннактиуры, великим и благородным кланом. В молодости эти тиннактиуры были клиентами другого вида — патронов, которые возвысили их и дали тиннактиурам владение речью, инструментами и разум. Эти патроны назывались буйуры, и прилетели они из четвертой галактики, с планеты, в небе которой висела огромная углеродная звезда.

Согласно легенде, эти буйуры славились своим умением производить маленькие живые существа.

Известны они были и другим своим редким и опасным свойством — чувством юмора.

Хау– Афтунд,

член гильдии вольных ученых. Год изгнания 1908

Аскс

Слушайте, мои кольца, песню, которую я пою. Пусть ее пары поднимутся из ваших сердечников и опустятся, как капающий воск. Эта песня приходит во множестве голосов, запахов и отрезков времени. Она сплетается, как гобелен г'кеков, течет, как ария хунов, скачет и извивается наподобие урской легенды, но разворачивается так же неумолимо, как страницы книги людей.

История начинается мирно.

Весной, в самом начале второго лунного цикла тысяча девятьсот тридцатого года нашего изгнания-и-преступления, появились ротены, возвестив с неба о своем нежеланном прибытии. Сверкая, как солнце в своем господстве над воздухом и эфиром, они разорвали ткань нашего

укрытия в самое неподходящее время — во время весеннего сбора племен, вблизи благословенного основания Яйца Джиджо.

Мы собрались, как часто делали после Появления, чтобы послушать великую музыку овоида в надежде получить руководство. Чтобы обменяться результатами наших разнообразных способностей и талантов. Чтобы решать споры, соревноваться в играх и возобновить нашу Общину. И прежде всего — отыскать возможности уменьшить вред, причиняемый нашим незаконным присутствием на этой планете.

Собрание — это время возбуждения для молодежи, работы для мастеров и прощания для тех, кто приближается к концу своего срока. Уже распространились слухи-предсказания, что это собрание будет иметь особое значение. От каждого клана пришло больше обычной квоты представителей. Наряду с мудрецами и странниками, садоводами и техниками пришло много простых жителей Джиджо на двух, четырех и пяти ногах, а также на кольцах и колесах; под барабанный бой поднимались они по еще замерзшим горным тропам к священным полянам. Каждая раса ощутила земную дрожь, более сильную, чем в прошлом, кроме того дня, когда Яйцо вырвалось из мате-

ринской почвы Джиджо, разбрасывая горячую пыль своего рождения, смирило наши капризные и раздражительные страсти и объединило нас.

Ах, Собрание.

Последнее паломничество, возможно, еще не улеглось в памяти. Но вспомните, как наше молодое множество колец медленно плыло на борту корабля от Дальнего Влажного Святилища мимо блестящего Спектрального Потока и равнины Острого Песка.

И разве эти знакомые чудеса не поблекли, когда мы достигли Великого Болота и увидели его в цвету? Такое можно увидеть только раз за всю жизнь треки. Море цвета — расцветающего, плодоносящего и тут же умирающего. Перейдя с лодки на баржу, мы, путники, гребли в облаках ароматов, плыли по проходам под покровом миллионов серебристых лепестков.

Наши спутники приняли это как предзнаменование, не правда ли, мои кольца? Люди среди нас говорили о загадочной Ифни, таинственной силе, приговоры которой не всегда справедливы, но всегда удивительны.

Помните ли вы другие виды/испытания? Деревни ткачей? Мульк-пауков и охотничьи лагеря? И наконец тяжелый подъем, поворот за поворотом

под нашими напряженными ножными подушечками, через проход Долгий Умбрас, ведущий к зеленой долине, где четыре поколения треки назад поднялись гейзеры и засверкали радуги, празднуя появление темного овоида?

Вспомните скрип вулканического гравия и то, как обычно послушные реуки дрожали на нашей голове-кольце, отказываясь лечь на глаза, так что мы прибыли в лагерь с обнаженным лицом, без маски, а дети всех шести рас бежали к нам с криками: “Аскс! Аскс, треки, пришел!”

Вспомните других высоких мудрецов, коллег и друзей, появившихся из своих палаток, пошедших, покатившихся, заскользивших нам навстречу, приветствуя нас возвышенными эпитетами. Этот ярлычок — Аскс — они рассматривают как постоянно присущий “мне” — выдумка, над которой “я” посмеиваюсь.

Помните ли вы все это, мои кольца?

В таком случае терпение. Воспоминания сливаются, как капающий воск, облекая нашу внутреннюю сущность. И оказавшись там, не могут быть забыты.

На Джиджо в районе неба, удаленном от солнца, видно глубокое сияние. Говорят, такое редко встречается в мирах, каталогизированных в ве-

ликих галактиках. Это действие частиц углерода, тех самых, что насылают град пустоты, зерен, рожденных Измунути, сверкающим огненным глазом в созвездии, которое люди называют Муками Иова. Говорят, наши предки изучали такие особенности своего нового мира, прежде чем сжечь и затопить свои корабли.

Говорят также, что они просто заглянули в передвижной отдел Галактической Библиотеки, прежде чем даже это сокровище предать огню в день, который они назвали “Возврата нет”.

В это утро, когда другие мудрецы вышли приветствовать нас, называя нас/меня Аскс, никакого града пустоты не было. Когда мы собрались в павильоне, я узнал, что не только наш реук вел себя капризно. Даже терпеливый хун не смог справиться со своим помощником-переводчиком. Поэтому мы, мудрецы, совещались без этих маленьких симбионтов, общаясь только с помощью слов и жестов.

Из всех рас, чьи предки избрали безнадежную участь изгнанников на этой планете, г'кеки самые старшие. Поэтому обязанности председателя Воспламенения принял на себя Вуббен.

— Виновны ли мы в гибели рантаноидов? — спросил Вуббен, поворачивая глаза во все четыре

стороны света. — Яйцо ощущает боль в поле жизни, когда утрачивается потенциал.

— Хрррм. Мы бесконечно спорили об этом, — ответил хунский мудрец Фвхун-дау. — Ларк и Утен говорят об *упадке.* Но рантаноиды еще не вымерли. Небольшое их количество остается на острове Юкун.

Мудрец-человек Лестер Кембел согласился.

— Даже если они вымрут, рантаноиды — всего лишь один из бесчисленных видов животных, питающихся корнями. Нет причины считать их особо благословенными.

Ур– Джа возразила, что ее собственные предки когда-то были маленькими и питались корнями.

Лестер с поклоном согласился.

— И все же мы не отвечаем за подъем и упадок каждого вида.

— Откуда ты знаешь? — настаивал Вуббен. — Нам недостает большинства орудий науки, наши эгоистичные предки погрузили нас во тьму, и мы не знаем, какой вред причиняем, просто ступив на эту планету или выбрасывая свой мусор в пропасть. Никто не может предсказать, что нам вменят в вину, когда настанет День. Даже *глейверов,* в их нынешнем состоянии невинности, будут судить.

В этот момент наша мудрая квуэн, которую мы называем Ум-Острый-Как-Нож, наклонила свой синий панцирь. Из ее хитинового бедра послышался тихий шепот:

– Яйцо, наш дар в дикости, знает ответы. Ее ответ непредубежденному сознанию – правда.

Пристыженные ее мудростью, мы впали в медитацию.

Реуки, в услугах которых больше не нуждались, сползли с наших голов и собрались в центре, обмениваясь энзимами. Мы приняли мягкий ритм, каждый мудрец добавлял свою гармоничную линию — дыханием и ударами сердца.

Кольца мои, помните ли вы, что произошло потом?

Ткань нашего единства была разорвана громовыми звуками, которые высокомерно издавал корабль ротенов, возвестив о злой силе еще до своего появления.

Мы вышли и в отчаянии смотрели на разорванное небо.

Скоро и мудрецы, и простой народ знали, что День наконец настал.

Месть не щадит и детей падших.

Семья Нело

У мастера-бумажника было три отпрыска — число, достойное его благородного призвания, как и у его отца, и у отца его отца. И Нело всегда считал, что эту линию продолжат два его сына и дочь.

Поэтому он тяжело переживал, когда его упрямые дети покинули водяную мельницу, ее лотки и деревянные колеса. Никого из них не привлек ни манящий ритм молота, размельчающего тряпье, доставленное всеми шестью расами, ни сладкий туман вокруг решетчатых экранов, ни уважительные поклоны торговцев, которые издалека собирались, чтобы получить белые полосы, изготовленные Нело.

О, Сара, Ларк и Двер с удовольствием пользовались бумагой!

Двер, младший, заворачивал в нее наконечники стрел и приманку для охоты. Иногда он платил отцу клубнями пиу или зубами груона, прежде чем снова исчезнуть в лесу, как всегда поступал с девяти лет. Побывав в ученичестве у Фаллона-Следопыта, Двер скоро стал легендой на всем Склоне. Ничто не могло избежать его

лука, если не было защищено законом. А слухи утверждали, что парень со свирепым взглядом и черными волосами убивает всех, кого хочет, когда закон смотрит в другую сторону.

Насколько своенравен Двер, настолько сосредоточен Ларк. Он использует бумагу, чтобы готовить надписи и диаграммы. В его кабинете все стены покрыты таблицами, плотно исписаны заметками и чертежами. Но на таблицах видны и обширные белые пятна — напрасная трата драгоценной бумаги Нело.

— Тут ничего не поделаешь, отец, — объяснял Ларк, стоя у деревянных полок, уставленных окаменелостями. — Мы не знаем, какие виды заполняют эти белые пятна. Этот мир сложен, и сомневаюсь, чтобы сами буйуры полностью понимали экосистему Джиджо.

Нело помнит, что тогда же подумал: какая глупость! Когда буйуры взяли в использование Джиджо, они были полноправными членами общества Пяти галактик, имели доступ к легендарной Великой Библиотеке, по сравнению с которой ничтожны все бумажные книги Библоса! По одному слову буйуры могли получить любой ответ под солнцем. Под миллиардом солнц, если можно верить рассказам о прошлом.

Но по крайней мере мудрецы одобряли работу Ларка. А как же Сара? Любимица Нело, она всегда наслаждалась запахами, ритмами и текстурой изготовления бумаги — до четырнадцати лет, пока не наткнулась на *дар*.

Нело винил покойную жену, которая давным-давно так необычно вошла в его жизнь и забивала головы детей странными рассказами и стремлениями.

Да, решил он, *это вина Мелины…*

Негромкий кашель прервал размышления Нело. Бумажник увидел над своим столом пару карих глаз. Почти человеческое лицо обрамляла густая шерсть — лицо настолько человеческое, что неосторожные треки иногда принимали *шимпанзе* как полноправных членов Общины.

— Ты все еще здесь? — рявкнул Нело.

Лицо искривилось, потом кивнуло налево, в сторону склада бумаги, где один из помощников Нело медленно снимал порванные бумажные листы с барабана.

Нело выругался.

— Это мусор, Джоко!

— Но, хозяин, ты велел собирать обрывки, которые можно продать…

Нело нырнул под большую ось — горизон-

тально расположенный шпиндель из твердой древесины, который передает энергию от дамбы во все ближайшие мастерские. Он оттолкнул Джоко.

— Не важно, что я велел. Возвращайся к чанам — и скажи Калебу, чтобы меньше воды пускал на лоток. До сезона дождей еще целых четыре месяца. Он нас через два выведет из дела!

Нело сам осмотрел полки и наконец отобрал два слегка поврежденных листа, перевязанных лианами. Это не совсем брак. Кто-нибудь даже может заплатить за них наличными. С другой стороны, к чему их беречь? Разве мудрецы не предупреждали, что не стоит слишком гордиться и думать о завтрашнем дне?

Ибо все стремления будут подвергнуты суду, и мало кто получит благословение…

Нело фыркнул. Он не религиозен. Он делает *бумагу*. Его профессия подразумевает некоторую веру в добрую суть времени.

— Это для твоей хозяйки, Прити, — сказал он маленькой самке — шимп, которая стояла у стола, сложив руки. Немая, как реук, она служила дочери Нело так, как не способно служить ни одно существо на Джиджо. Это ее служение невозможно осмыслить. Нело протянул ей один

тяжелый пакет.

— Второй понесу сам. Все равно пора заглянуть и проверить, достаточно ли у Сары еды.

Хоть шипм немая, но глаза у нее выразительные. Она знает, что это лишь предлог, чтобы Нело мог взглянуть на загадочный дом Сары для гостей.

Нело проворчал:

— Иди со мной и не медли. Некоторым приходится работать, чтобы заработать на жизнь, знаешь ли.

Крытая дорожка соединяла плотину/фабрику с лесом, где жило большинство обитателей поселка. Яркий солнечный свет пробивался сквозь полог листвы. В полдень нужно быть оптимистом, чтобы поверить, что эта живая маскировка способна скрыть дома от взгляда из космоса, — а среди Шести оптимизм считается легкой разновидностью ереси.

Увы, не такой ереси следует старший сын Нело.

Укрытие казалось еще более проблематичным по отношению к большой дамбе. В отличие от маленьких плотин, которые сооружают квуэны, подражая осыпям или грудам стволов, эта плотина от одного конца до другого тянется на

расстояние половины полета стрелы. Ее края скрывают фальшивые булыжники и заросли вьюнков. Тем не менее многие считают ее самым вопиющим артефактом на Склоне — вдали от древних поселений буйуров. Ежегодно в День Обвинения радикалы требуют ее уничтожения.

И теперь Ларк один из них. — Нело снова обвинил дух своей покойной жены. — *Ты слышишь, Мелина? Ты привела мальчика с собой, когда пришла с далекого юга. Нас учат, что гены не так важны, как воспитание, но разве я растил сына вероотступником и сторонником всеобщего разрушения? Никогда!*

Нело верил не в маскировку, а в слова отцов-основателей, которые забросили свое праздное семя на Джиджо и пообещали, что специальных поисков из космоса не будет. Не будет по крайней мере полмиллиона лет.

Однажды он высказал этот аргумент в споре с Ларком. К его удивлению, парень согласился, но потом сказал, что это не имеет значения.

Я настаиваю на решительных мерах не потому, что боюсь быть пойманным, а потому, что это правильный поступок.

Правильный? Неправильный? Все это непонятные абстракции. Ларк и Сара постоянно говорят

о таких вещах, целые мидуры спорят о судьбе и предназначении. Иногда Нело казалось, что ему легче понять Двера, этого своевольного любителя леса.

Из мастерской деревенского столяра тучами вылетают опилки. Там делают деревянные трубы для Джоби, полного сантехника. Он проводит такие трубы во все дома, чтобы по ним поступала свежая вода, а отходы удалялись в септические ямы-отстойники. Удобства цивилизованной жизни.

— Глубокой тени, Нело, — протянул Джоби, намекая на то, что не против немного посудачить.

— Облачного неба, Джоби, — с вежливым кивком ответил Нело, но не остановился. Конечно, несколько дуров легкой болтовни не повредят. *Но если он узнает, что я иду к Саре, то скоро половина поселка соберется у меня, чтобы узнать что-нибудь новое об этом пациенте Сары — Незнакомце с дырой в черепе.*

Когда-то это мог быть чипвинг со сломанным хвостовым рулем или раненый детеныш тойо. Все больное или раненое оказывалось у него на складе, где у Сары были специальные клетки, обитые тонким войлоком. Нело полагал, что, повзрослев, дочь минует эту фазу — пока несколько

дней назад она не отказалась от обычного собирательского похода из-за того, что ей на носилках принесли раненого Незнакомца.

Когда-то Нело мог бы возразить против присутствия Незнакомца, пусть даже раненого, в древесном доме дочери. Теперь он радовался всему, что отвлечет дочь от целого года напряженной работы и одиночества. Одна из руководительниц гильдии недавно написала ему, жалуясь, что его дочь сторонится главной обязанности женщин ее касты. Нело вынужден был ответить, упрекая в поспешном и опрометчивом суждении. Но все равно: любой интерес, который Сара проявляет к мужчине, пробуждает надежду.

С крытой дорожки Нело углядел городского взрывника с сыном, разглядывавших якорный пирс большой дамбы. Неприветливый и серьезный, с резкими чертами лица, Хенрик сунул руку в отверстие и вытащил глиняную трубку, заканчивающуюся шаром. Сначала сам рассмотрел заряд, потом протянул сыну, чтобы тот понюхал.

Нело неожиданно подумал о громадном озере, которое плещется за дамбой, готовое поглотить все дома и фабрики, если Хенрик получит сигнал исполнить свой долг. Он испытал также укол ревности, глядя на это понимающее тет-а-тет между

отцом и сыном — такое же, какое когда-то было у него самого с его детьми. И какое он надеялся ощутить снова с тем, кто любит бумагу так же, как он.

Если бы хоть один из детей дал мне наследника.

Мне нужен хотя бы один, — молил Нело. — *Если бы можно было подкупить мудрецов, чтобы они приказали!*

Хенрик вернул трубку на место и заклеил отверстие глиной.

Слева послышался низкий вздох. Нело посмотрел туда и увидел еще одного наблюдателя за взрывниками. Лог Байтер — Грызущая Бревно, матриарх местного улья квуэнов, сидела на древесном пне, втянув все пять ног. Нервное дыхание поднимало пыль под ее синим панцирем, а на зрительном кольце у нее реук, как будто он способен рассказать ей о Хенрике и его сыне!

Но о чем тревожится Лог Байтер? Это стандартная процедура. Жители Доло никогда не принесут в жертву дамбу, источник своего богатства и престижа. Только несколько глупцов-ортодоксов хотят этого.

И старший сын Нело.

Все нервничают, думал он, поворачивая. *Снача-*

ла необычная зима, потом предложение Улькоуна и ересь Парка. А теперь еще и Сара появляется с загадочным Незнакомцем.

Неудивительно, что у меня бессонница.

Большинство домов поселка скрыто от горящего неба, расположено на стволах могучих деревьев тару, где на широких верхних ветвях находятся грядки съедобного мха. Казалось, это ниша, специально подготовленная для землян, как любимые озера — для синих квуэнов и травяные равнины — для племен уров.

Нело и Прити пришлось ненадолго остановиться и переждать детей, которые гнали кустарниковых индеек по лесному суглинку. Пара глейверов с опаловой кожей, потревоженных в своем занятии — они рылись в земле в поисках насекомых, — подняли круглые головы и высокомерно фыркнули. Дети рассмеялись, а выпуклые глаза глейверов вскоре снова помутнели: слишком больших усилий требовал от них гнев.

Знакомый ритм деревенской жизни, и Нело счастливо продолжал бы принимать его как должное, если бы не слова старшего сына, сказанные перед отправлением на Собрание, когда Ларк объяснял причины своей ереси.

Природа снова завладевает этим миром, отец,

выходя за пределы, навязанные прежними обитателями.

Нело охватили сомнения. Как может неразумная жизнь меньше чем за миллион лет изменить мир? Без руководящей расы, которая ухаживает за этой жизнью, как садовник за садом?

Это и означает объявление планеты невозделанной, — продолжал Ларк. — *Ей предоставляют отдых и способность восстановиться без вмешательства.*

Ты хочешь сказать, без таких, как мы?

Совершенно верно. Мы не должны находиться на Джиджо. Мы приносим вред самим своим пребыванием здесь.

Это обычная дилемма всех Шести. Предки всех шести рас считали, что у них есть очень основательные причины, чтобы прилететь сюда на крадущихся кораблях и засеять запретную планету своим семенем. Свитки говорят о преступлении, слившемся с отчаянной *надеждой.* Но сын Нело подчеркивает только преступление. Больше того, Ларк и его друзья собираются что-то предпринять. Какое-то серьезное выступление на Собрании этого года, чтобы возместить поколения вины священным и ужасающим поступком.

Какая глупость! возразил Нело. *Когда цивилиза-*

ция вернется в эту галактику, не будет никаких следов нашей жизни здесь. Если мы будем жить праведно, клянусь Яйцом, то, что вы собираетесь сделать, не будет иметь никаких последствий!

В любом споре с Двером последовали бы вызывающие выкрики. Но разговор с Ларком тем более раздражает, что парень скрывает свою пуристическую ересь под упрямой вежливостью, которую унаследовал от матери.

Не важно, что наше преступление никогда не будет раскрыто, отец. Важно то, что нам здесь не место. Мы просто не должны существовать.

Жители деревни здоровались с проходящими Нело и Прити. Но он сегодня отвечал лишь сердитыми взглядами, горячо желая, чтобы отпрыски не раздражали его так сильно — сначала отказавшись подчиниться его желаниям, а потом внеся фермент своих беспокоящих идей.

У городского причала стояли несколько лодок. Стройные нуры с гладкой шерстью сновали по мачтам, натягивая снасти и набрасывая маскирующие покровы, как их столетиями учат высокие длинномордые хуны. Экипаж одной из лодок помогал местным жителям разгружать стекло и металл, найденные в поселении буйуров выше по реке. В городе Ур-Тандж кузнецы все это перера-

ботают, а остатки будут отправлены в мусорные ямы, далеко в море.

В обычное время Нело остановился бы, чтобы понаблюдать, но Прити потянула его за рукав, торопя вверх, в сине-серые ветви рощи.

Когда они повернулись, раздались неожиданные крики. Люди побросали груз, а моряки хуны присели, расставив мохнатые ноги. Древесные стволы раскачивались со скрипом, как корабельные мачты, все канаты натянулись, по воде пошла рябь. Из леса вылетела туча листвы, заполнив воздух вертящими спиралями. Нело узнал гулкий рокот землетрясения. Его охватил страх, смешанный с возбуждением, и он подумал, стоит ли добираться до открытого места.

Но шум стих, прежде чем он успел принять решение. Ветви продолжали раскачиваться, но доски дорожек перестали колебаться, а рябь на озере исчезла, как во сне. Моряки облегченно фыркали. Жители деревни ритуально жестикулировали, ибо дрожь Джиджо целительна, даже если приносит разрушения. Столетие назад более сильное землетрясение вырвало из-под земли Священное Яйцо, благословение, стоящее всех мук, причиненных его рождением.

О мать Джиджо, взмолился Нело, когда стихла

последняя дрожь. *Пусть на Собрании все пройдет хорошо. Пусть мудрецы отговорят Ларка и его друзей от их глупых планов.*

И может быть, решился добавить он, *пусть Двер встретит девушку из хорошей семьи и наконец осядет.*

Он знал, что третье желание высказывать не стоит. Сара не хочет, чтобы он ради нее просил божество. Если это, конечно, не Ифни — капризная богиня чисел и судьбы.

Когда пульс успокоился, Нело знаком велел Прити идти вперед. Их маршрут пролегал вверх по массивному стволу тару, а потом по древесным вершинам, соединенным веревочными дорожками. Нело шел привычно, не замечая высоты, но тюк бумаги все сильней оттягивал руки.

Дом Сары расположен так высоко, что солнечный свет часами падает на плетеную стену. Делая последний переход над пустотой, Нело крепче ухватился за веревку. Обнаженное солнце так его тревожило, что он едва не упустил квадратную клетку, сделанную из досок и висящую на шкиве рядом с небесным порогом Сары.

Лифт! Почему к дому моей дочери присоединили лифт?

И тут же вспомнил. *Из-за Незнакомца.*

От дома исходили разнообразные запахи — по большей части острые, но и сладкие. Заглянув внутрь, Нело сразу опустил жалюзи, отрезав косые солнечные лучи. Из другой комнаты доносился печальный голос Сары. Нело уже собрался постучать в косяк, но остановился: внутри шевельнулись две тени. Одна коническая, состоящая из круглых колец, выше Нело на голову. Шишковатые ноги поддерживают нижнее кольцо, производя при движении хлюпающие звуки.

Вторая фигура, меньшего размера, на двух колесах-ободах; стройный торс заканчивается парой грациозных рук и четырьмя стебельками с глазами, направленными одновременно во все стороны. Существо покатилось вперед, одно колесо скрипнуло, показался пятнистый череп и опущенные глазные стебельки пожилого г'кека.

Если кто из жителей деревни Доло и мог заставить Нело почувствовать себя живым и проворным, так именно эта пара. За всю историю этих двух видов ни г'кек, ни треки никогда не поднимались на дерево.

– Облачного неба, бумажник, — сказал тот, что на колесах.

— Глубокой тени, доктор Лоррек. И тебе тоже, аптекарь. — Нело дважды поклонился. — Как

ваш пациент?

После многих лет обслуживания деревни, населенной почти исключительно людьми, англик Лоррека был превосходен.

— Поразительно. Но пациент набирается сил под действием особых мазей Пзоры, — врач согнул глазной стебелек в направлении треки, чей девятый тор казался раскрасневшимся от напряженной работы, — а также под действием заботы и свежего воздуха.

Это неожиданность. Положение Незнакомца казалось безнадежным.

— Но его раны! Дыра в голове…

Пожатие плечами — по происхождению человеческий жест, но никто не проделывает его изящней г'кека.

— Я опасался, что рана смертельна. Очевидно, Незнакомец обязан жизнью выделениям желез Пзоры и быстрым действиям твоей дочери, которая вытащила его из грязного болота.

Тут заговорил аптекарь — треки, поворачивая свои воспринимающие органы, похожие на драгоценные камни; голос его дрожал, как звук ненастроенной арфы.

— Я/мы помог с радостью, хотя наше синтезирующее кольцо почти в обмороке от усилий.

Потребовались сильнодействующие мази. Но и они не очень понравились.

— О чем это ты?

— Только здесь, высоко, где мало бактерий, можно было проделать работу. Жилище мисс Сары идеально, и она никому не позволяет забрать ее пациента. Но она так много жалуется! Говорит, что ей мешают работать, отрывают от пациента. Хочет, чтобы мы все убрались с ее шеи.

— Ну, это всего лишь метафора.

— Так я/мы и предположил. Я/мы высоко ценю это несоответствие. Пусть она это поймет.

— Я позабочусь, чтобы она поняла, — с улыбкой сказал Пзоре Нело.

— Спасибо вам всем, великолепный Нело, — ответил молодой треки, переходя на множественную форму. — Я/мы надеюсь на спокойствие в работе, когда вернусь сегодня вечером.

Лоррек переплел свои глазные стебли, и Нело не понадобился реук, чтобы прочесть молчаливый смех старого г'кека.

— Спокойствие — это хорошо, — согласился он, прикрывая рукой кашель.

Он подержал кабину лифта вначале для заходящего в нее тяжелого треки. Затем вкатился Лоррек. Его левое колесо покачивалось от неиз-

лечимой наследственной болезни оси. Нело потянул за сигнальный канат, призывая оператора далеко внизу привести в действие лебедку.

— Узнали что-нибудь о происхождении Незнакомца? — спросил Лоррек, пока они ждали.

— Я ничего не слышал. Но уверен, это вопрос времени.

До сих пор даже торговцы не смогли узнать человека, лежавшего в беспамятстве. Предполагалось, что он из далекого берегового поселка или даже из Долины. *В Дало никто не знал и Мелину, когда она появилась много лет назад с приветственным письмом и ребенком на руках. Склон больше, чем мы привыкли думать.*

Г'кек вздохнул.

— Скоро придется решать, не лучше ли отослать пациента, теперь, когда его положение стабилизировалось, чтобы его осмотрели…

Клетка задрожала и быстро пошла вниз, прервав Лоррека на середине фразы.

Понятно, думал Нело, глядя, как клетка исчезает внизу за ветвями. *Это объясняет шум. Сара не хочет, чтобы ее пациента отправляли специалистам в город Тарек, хотя и жалуется на помехи в работе.*

Научится ли когда-нибудь Сара? Когда в послед-

ний раз взял верх ее воспитательный инстинкт — она помогала выздоравливающему переплетчику в Библосе, — это привело к любовной связи и закончилось трагедией, скандалом и изгнанием Сары из гильдии. Нело надеялся, что больше это никогда не повторится.

Даже сейчас она может все это вернуть — положение и брак с уважаемым мудрецом. Конечно, мне никогда не нравился этот кисло-напыщенный Теин, но он обещал более безопасную и благополучную жизнь, чем этот ее хрупкий возлюбленный.

И она может продолжать заниматься математикой и родить мне здоровых внуков.

Первым в дом вошел маленький шимпанзе. Из тени послышался голос Сары:

— Это ты, Прити? Мне помешали, но, кажется, я наконец решила интеграл. Посмотри…

Послышался глухой звук. На стол опустили тяжелый сверток.

— А, бумага. Замечательно. Посмотрим, что послал на этот раз старик.

— Что бы ни послал старик, это слишком хорошо для того, кто не платит, — проворчал Нело, ожидая, пока адаптируется зрение. В полутьме он увидел, как из-за стола, покрытого листами бумаги с какими-то непонятными символами,

встает дочь. На круглом лице Сары появилась улыбка, которую он всегда считал прекрасной, хотя было бы лучше, если бы девушка больше походила на мать.

Моя внешность и своенравный характер Медины. Не хотел бы я такой смеси для девушки.

— Отец! — она торопливо подошла и обняла его. — Ты меня испугал.

Ее черные волосы, остриженные коротко, по-мальчишески, пахнут карандашной пылью и мазями Пзоры.

— Еще бы. — Он неодобрительно посмотрел на беспорядок в комнате, который стал еще больше с появлением матраца у стола. Груды текстов, на некоторых эмблема большой сокровищницы Библоса, лежат среди записей о “новом направлении”, которое приняли ее исследования, объединяющие математику и — подумать только! — *лингвистику.*

Прити взяла один из листов Сары и взгромоздилась на стул. Шимпанзе жевала нижнюю губу, просматривая строку за строкой, — молчаливая соучастница таинственного искусства, в котором Нело ничего не понимает.

Он посмотрел в сторону спального отделения, где солнечный свет падал на одеяло, выделяя

очертания двух больших ног.

— Оба парня ушли, и я подумал, загляну, как у тебя дела.

— Как видишь, все в порядке. — Она гордо осмотрелась, словно ее древесный дом в образцовом порядке. — И обо мне заботится Прити. Да я часто даже вспоминаю, что нужно поесть!

— Что ж… — пробормотал он. Но Сара уже взяла его за руку и мягко повела к выходу.

— Завтра загляну, — пообещала она, — когда Лоррек и эта старая Вонючка попросят не мешать им. Отправимся к Белонне и хорошо пообедаем, ладно? Я даже надену чистое платье.

— Что ж… неплохо было бы. — Он помолчал. — Но помни, старейшины дадут тебе помощника, если работы будет слишком много.

Она кивнула:

— Я знаю, как ты на это смотришь, отец. “Сара снова одержима”, верно? Не волнуйся. На этот раз все совсем по-другому. Просто я считаю, что это место идеально для предотвращения инфекций при таких ужасных ранах…

Из глубины дома донесся низкий стон. Сара поколебалась, потом подняла руку.

— Сейчас вернусь.

Нело смотрел, как она торопливо направляется

к завешенному спальному отделению, потом, подстрекаемый любопытством, заглянул сам.

Прити вытирала лоб раненого Незнакомца, ее темные руки словно отгоняли какое-то смертельно опасное существо. Руки Незнакомца были покрыты свежими шрамами, а из-за уха вытекала желтоватая жидкость. Когда Нело видел его в последний раз, кожа Незнакомца посерела, как пепел, в приближении смерти. Теперь его глаза с черными зрачками казались воспламенными какой-то страстью.

Сара взяла руки раненого, настойчиво заговорила с ним, стараясь унять неожиданный приступ. Но чужак с такой силой сжал ее запястья, что Сара от боли закричала. Нело бросился к ней и тщетно пытался разжать сильные пальцы.

— Ги… ги… гм… дау! — запинался Незнакомец, таща Сару за собой на пол.

И в это мгновение небо раскололось.

Раздался громогласный рев, с полок посыпалась посуда. Все дерево тару *накренилось,* словно его толкнула огромная рука. Нело упал. Со звоном в ушах отец и дочь держались за планки пола, дерево наклонилось совсем низко. В щели Нело увидел землю. Еще посыпалась посуда. В облаке бумажных листов закричала Прити, Незнако-

мец с широко открытыми глазами подхватил ее крик.

В голове Нело появилась тупая мысль: *Может, это еще одно землетрясение?*

Тару швыряло их, словно бусинки. Продолжалось это бесконечно — должно быть, не больше минуты.

Как ни поразительно, но дом устоял на своей развилке двух ветвей. По стволу огромного дерева пробежала дрожь, вопль, разрывавший череп Нело, стих, уступив место тишине. Нело неохотно позволил Саре помочь ему подняться. Они подошли к Незнакомцу, который сжимал подоконник руками с побелевшими костяшками.

Весь лес был в туче пыли и сорванной листвы. К удивлению Нело, ни одно дерево не упало. Он поискал взглядом большую дамбу и увидел, что она выдержала, слава Богу. Бумажная мельница казалась невредимой.

— Смотри! — Сара ахнула и показала куда-то вверх, в небо над лесом.

Здесь, высоко над головой, появился тонкий белый след; что-то огромное и стремительное разрывало воздух; это что-то, сверкающее, еще виднелось вдали, устремляясь к заснеженным вершинам хребта Риммер. Оно казалось таким

высоким, таким легким и таким высокомерным — Нело не нужно было вслух высказывать ужасную мысль. Тот же страх отразился и в глазах его дочери.

Незнакомец, глядя на удаляющийся блеск, испустил полный дурных предчувствий вздох. Казалось, он разделяет их тревогу, но на его усталом лице не было удивления.

Аскс

Помните ли вы, мои кольца, как корабль ротенов сделал три круга над Поляной Собраний, сверкая в своем спуске, сопровождаемый ревом протестующего неба? Погладьте воск памяти и вспомните, каким могучим выглядел этот корабль, когда драматично застыл почти над самой головой.

Даже человеческое племя — наши лучшие техники — смотрело, округлив глаза по своему обыкновению, как большой цилиндр, огромный, словно ледник, мягко опустился всего в девяноста полетах стрелы от священного тайного углубления, в котором лежит Святое Яйцо.

Вокруг нас со стонами страха стояли представители шести рас.

— О, мудрецы, должны ли мы бежать? Должны ли прятаться, как требует закон?

Поистине так приказывают нам Свитки.

Укройте свои палатки, свои поля, свои труды и самих себя. Ибо с неба придет ваш суд и ваше наказание.

Вестники спрашивали:

— Нужно ли разносить Призыв? Нужно ли сжигать деревни и города, уничтожать стада и ульи?

Еще до оформления закона, еще до того, как из вражды родилось наше единство, разрозненные племена знали, в чем опасность. Мы, изгнанники-на-Джиджо, прятались, когда со своими редкими проверками появлялись исследовательские зонды Галактических институтов, заставляя наши чувствительные камни загораться предупредительным огнем. А в другое время со звездного свода опустились сверкающие шары-рои зангов, опустились в глубину моря, а потом снова взлетели, окруженные парами украденной жидкости. И даже те шесть раз, когда на берег опускались изгнанники, их никто не приветствовал, пока они не сжигали корабли, которые их привезли.

Попытаемся спрятаться?

Вспомните, мои кольца, растерянный лай, когда народ рассыпался, словно мякина на ветру,

разбирая праздничные павильоны, таща отходы нашего лагеря к ближайшим пещерам. Но среди всего этого смятения некоторые оставались спокойными и покорными. Немногие в каждой расе поняли: на этот раз спрятаться от звезд не удастся.

Первым из высоких мудрецов заговорил Вуббен, повернув к каждому из нас по глазному стебельку.

— Никогда раньше корабль не приземлялся прямо среди нас. Они нас явно видели.

А может, и нет, — предположила Ур-Джа на обнадеживающем Галактическом семь, топнув одним копытом. Возбужденная белая шерсть обрамляла ее расширившиеся урские ноздри. — *Возможно, они уловили излучение Яйца. Может, если мы спрячемся быстро…*

Ур– Джа смолкла, когда Лестер, человек, покачал головой -простой жест отрицания, в последнее время ставший модным во всей Общине. Среди тех, у кого есть голова.

— На таком расстоянии наши инфракрасные показатели невозможно не распознать. Их корабельная библиотека распознала нас до самого последнего подвида. Если до входа в атмосферу они о нас не знали, то теперь точно знают.

По привычке мы поверили ему на слово — люди в таких вопросах разбираются лучше всех.

— Может, они такие же беглецы, как мы! — выпалил наш мудрец квуэн, излучая надежду всеми ножными щелями. Но Вуббен не разделял его надежды.

— Вы видели, как они появились. Разве это стиль беглецов, крадущихся в страхе, таящихся от взгляда Измунути? Разве кто-то из наших предков прибывал *так? С* ревом по всему небу?

Приподняв передний глаз, чтобы осмотреть толпу, Вуббен призвал к спокойствию.

— Пусть никто не покидает долину праздника, чтобы их не проследили к нашим разбросанным племенам и поселкам. Но разыщите всех глейверов, которые пришли кормиться среди нас, и прогоните их, чтобы наша вина не запятнала их невинность.

А что касается Шести, которые оказались здесь, где опустилась темная тень корабля… мы все должны жить или умереть, как велит судьба.

Я/мы ощутил удовлетворение колец моего/нашего тела. Страх смешался с покорностью: все признали справедливость слов Вуббена.

— И не будем бесполезно суетиться, — продолжал он. — Ибо в свитках сказано также: *Когда*

сорваны все покровы, не скрывайтесь больше. Ибо настал день суда. Оставайтесь на месте.

Так очевидна была его мудрость, что не возникло никаких споров. Разве мы не собрались потом племя за племенем, мои кольца? Из множества стало единство.

Наша Община повернулась к кораблю, навстречу судьбе.

Двер

Странный нур продолжал тащиться за ним, улыбаясь с ветвей деревьев, настоящий паразит.

Иногда существо с гладкой черной шерстью на время исчезало, пробуждая надежды Двера. Может, наконец устало от пыльного горного воздуха, так далеко от болот, где обычно живут нуры.

Но потом оно снова появлялось с улыбкой во всю короткую морду и смотрело с ветки, как Двер прорубает дорогу в колючем кустарнике или пробирается по перевернутым плитам древнего пути, часто наклоняясь и всматриваясь в следы сбежавшего глейвера.

Когда Двер впервые увидел этот след сразу за пределами Поляны Собраний, он был уже остывший. Брат и другие пилигримы продолжили

движение на звуки веселой музыки, доносящиеся из праздничных павильонов. Но увы! Работа Двера — останавливать глейверов, у которых появилось странное обыкновение покидать уютные низины и пытаться вернуть себе прежнюю свободу. Празднику придется подождать.

Нур лаял высоким голосом, делая вид, что помогает; его мускулистое гибкое тело легко передвигалось вверху, в то время как Двер приходилось рубить и карабкаться. Наконец Двер убедился, что они догоняют. Теперь следы глейвера ближе друг к другу, и есть нажим на пятку. Когда ветер переменился, Двер уловил запах. *Как раз вовремя,* подумал он: очень скоро горы перейдут в еще один водный сток, ведущий по существу в другой мир.

Почему глейверы так поступают? По эту сторону их жизнь легче, здесь все в них души не чают. А за переходом лежит ядовитая равнина, в которой способны продержаться только самые выносливые охотники-люди.

Или туристы, подумал он, вспоминая предложение Лены Стронг за плату вести туристов на восток. Единственная цель этого путешествия — осмотр достопримечательностей. Такое выражение Двер раньше слышал только в рассказах

о старой Земле.

Безумные времена, подумал он. Однако “организаторы туризма” утверждают, что получили одобрение мудрецов — на определенных условиях. Двер покачал головой. Сейчас, когда добыча прямо перед ним, ему не нужно забивать себе голову этими идиотскими идеями.

Нур тоже проявлял признаки усталости, хотя продолжал бежать по следу глейвера, время от времени привставая на задних лапах и вглядываясь вперед черными, далеко видящими глазами. Неожиданно он гортанно заурчал и исчез в горных зарослях — и тут же Двер услышал безошибочный писк глейвера, а вслед за ним топот бегущих ног.

Ну вот, теперь он его спугнул!

Наконец Двер выбрался из подлеска на открытый участок древней дороги буйуров. Побежал по разбитым плитам дороги, на бегу сунув в ножны мачете, доставая свой складной лук и натягивая тетиву.

Из узкого бокового каньона доносились шипящие звуки противостояния. Дверу пришлось снова оставить древнюю дорогу и двигаться среди переплетенных лианами деревьев.

Наконец сразу за кустами он их увидел — два

существа: одно черное, другое радужно-светлое.

Загнанный в узкую расщелину глейвер, несомненно, самка, возможно, беременная. Она долго шла и теперь тяжело дышит. Круглые глаза вращаются независимо друг от друга, один следит за черным нуром, другой отыскивает иные, еще не обнаруженные опасности.

Двер выругал их обоих — глейвера за то, что тот увлек его в не приносящее никакой выгоды преследование, в то время как он так ждал праздника, а этого нахального нура — за то, что постоянно вмешивается.

Вдвойне выругал, потому что теперь он у него в долгу. Если бы глейвер добрался до равнины за хребтом Риммера, конца бы не было неприятностям.

Казалось, ни одно существо не замечает Двера — хотя он, зная, какие острые чувства у нура, не поручился бы за это. *Что делает здесь этот маленький дьявол? Что он пытается доказать?*

Двер назвал его Грязнолапым, потому что коричневые пятна на лапах выделяются на фоне черной шкуры, от плоского хвоста до усов, которые дергаются на короткой морде. Черная тварь стояла неподвижно, не отрывая взгляда от пугливого глейвера, но Двер не обманывался. *Ты*

знаешь, что я слежу за тобой, показушник. Из всех видов, которые оставили на Джиджо, улетая, древние буйуры, нуры казались Дверу самыми непонятными, а ведь мастерство охотника в том, чтобы понимать живые существа.

Он тихо опустил лук и развязал кожаную сумку, достав оттуда свернутое лассо. Терпеливо, вкрадчиво начал продвигаться вперед.

Обнажив в улыбке острые прямоугольные зубы, Грязнолапый поднялся почти до роста глейвера — примерно на уровень бедра Двера. Глейвер с рычанием отступал, пока его тело не прижалось к скале, высвободив град камней. Своим раздвоенным хвостом самка сжимала палку — ветку или ствол с оборванными листьями. Сложное орудие, показывающее, на какой стадии сейчас находятся глейверы.

Двер сделал еще один шаг, но на этот раз не смог избежать хруста листьев. Из-за острых ушей нура из шерсти поднялись серые бугорки и независимо друг от друга закачались. Грязнолапый продолжал следить за глейвером, но в его осанке что-то говорило: *“Тише, дурак!”*

Дверу не нравилось, когда ему указывали, что делать. Особенно если указывает нур. Тем не менее об охоте судят по результатам, а Дверу нужна

чистая поимка. Подстрелить глей-вера — значит признать свое поражение.

Свободно свисающая шкура глейвера утратила свой блеск после ухода со знакомой охотничьей территории: глейверы обычно кормятся вблизи поселков. И так уже несколько столетий, с тех пор как приобрели невинность.

Но почему они это делают? Почему ежегодно пытаются перебраться через переходы?

Невозможно догадаться о том, что движет нуром. Среди Шести только у терпеливых хунов есть дар управляться с шаловливыми беспокойными зверьками.

Может, буйурам не хотелось покидать Джиджо, и они оставили нуров как шутку для тех, кто придет за ними.

Пролетела жужжащая львиная муха на прозрачных вращающихся крыльях. Тяжело дышащий глейвер проследил за ней одним глазом, продолжая вторым следить за раскачивающимся нуром. Очевидно, голод победил страх; к тому же самка поняла, что Грязнолапый слишком мал, чтобы убить ее. И словно подкрепляя это впечатление, нур сел на задние лапы, небрежно облизывая плечо.

Очень умно, подумал Двер, перемещая свою тя-

жесть, в то время как глейвер оба глаза повернул в сторону добычи.

Изо рта самки устремилась полоска слюны, ударила муху в хвост.

Грязнолапый мгновенно прыгнул влево. Глейвер запищал, ударил палкой и повернул в другую сторону. Двер с проклятием выскочил из кустов. Его мокасины скользнули по граниту, он нагнулся, едва избежав удара дубины. В отчаянии Двер бросил лассо — оно с резким звуком натянулось, прижав его подбородок к земле. Глейвер, даже ослабевший и умирающий с голода, обладал такой силой, что смог протащить Двера на несколько шагов, пока наконец не сдался.

Дрожа — по ее гладкой шерсти пробегали волны цвета, — самка бросила импровизированную дубину и опустилась на все четыре колена. Двер осторожно встал, сворачивая лассо.

— Спокойней. Никто тебя не обидит.

Глейвер разглядывал его одним тусклым глазом. *“Больно. Маргинально”*, — проскрипела самка на Галактическом восемь с сильным акцентом.

Двер откинулся назад. В прошлом только раз пойманный глейвер заговорил с ним. Обычно глейверы до конца демонстрируют свое приобре-

тенное отсутствие разума. Двер облизал губы и попытался ответить на том же диалекте:

“Достойно сожаления. Предлагается терпение. Лучше, чем смерть”.

Лучше? Осторожный глаз прищурился, словно слегка удивленный и не вполне понимающий.

Двер пожал плечами.

Жаль, что больно.

Взгляд слегка потерял фокус.

Нет вины. Плохая музыка. Сейчас готов есть.

И свет разума снова исчез под покровом животной тупости.

Удивленный и утомленный, Двер привязал существо к ближайшему дереву. И только тогда занялся своими порезами и ушибами, а Грязнолапый тем временем лежал на плоской скале и грелся в лучах заходящего солнца.

Нуры не умеют говорить. В отличие от глейверов, их предки никогда не получали толчок к разуму. Тем не менее его улыбающаяся пасть словно говорила: “Это забавно. Давай сделаем так еще!”

Двер отыскал лук, разжег костер и последний дневной мидур провел, кормя пленницу из своего скромного рациона. Завтра он отыщет гнилой ствол, под которым можно рыться в поисках

насекомых — любимое, хотя и лишенное достоинства занятие тех, кто когда-то был могучей звездной расой.

Когда Двер разворачивал хлеб и мясо, Грязнолапый подобрался поближе. Двер вздохнул и бросил немного нуру, который хватал куски в воздухе и ел с осторожным достоинством. Потом принюхался к фляжке-тыкве Двера.

Двер видел, как нуры пользуются такими фляжками на борту лодок с экипажем из хунов. Поэтому после некоторых сомнений он вытащил пробку и протянул фляжку нуру. Тот взял ее обеими шестипалыми лапами, почти такими же ловкими, как человеческие руки, и искусно вылил на язык несколько капель, громко причмокивая.

А потом вылил все оставшееся себе на голову.

Двер с проклятием вскочил. Но Грязнолапый уже блаженно отбросил опустевшую фляжку. По его гладкой спине бежали ручейки, темные капли падали в пыль. Нур счастливо почирикал и начал прихорашиваться.

Двер потряс фляжку, вылив из нее несколько капель.

— Из всех эгоистичных неблагодарных существ...

Уже слишком поздно идти к ближайшему ручью, спускаясь по узкой опасной тропе. Гул водопада слышен, но пешком до него не менее мидура пути. Конечно, это не кризис: ему приходилось обходиться без воды. Тем не менее у него всю ночь от этого звука будет сухо во рту.

Никогда не переставай учиться, сказала Ур-Руолс. Сегодня Двер еще кое-что узнал о нурах. И учитывая все обстоятельства, за урок он заплатил не очень дорого.

Он решил устроить себе будильник. Но для этого нужен часовой тит.

У него есть причины встать пораньше. Возможно, еще успеет вернуться в долину к началу Собрания Шести, еще до того, как все девушки выберут себе партнеров для праздничного танца Затем нужно представить ежегодный отчет Дэйнелу Озаве и выступить против нелепой идеи Лены Стронг по поводу туризма К тому же если увести глейвера еще до рассвета, Грязнолапый может остаться спать у тлеющих углей. Нуры любят поспать почти так же, как проказничать в деревне, а у этого нура позади долгий день.

Поэтому после ужина Двер достал несколько бумажных свертков — свой запас разных практически необходимых вещей. Бумага для

свертков из корзины для ненужных бумаг брата или Сары.

Ларк всегда пишет четко и аккуратно, и записи его касаются какого-нибудь вида в сложноорганизованном образе жизни Джиджо. Выброшенные бумаги Ларка Двер использует, чтобы заворачивать в них семена, травы и перья — все то, что бывает полезно на охоте.

Почерк у Сары размашистый, но сдержанный, словно воображение и порядок ограничивают друг друга. На ее выброшенных листочках математические символы и формулы. (Некоторые уравнения не просто выброшены, а изорваны в приступе раздражения.) В листочках сестры Двер держит лекарства, приправы и порошки, которые делают продукты Джиджо съедобными для людей.

Из одного такого пакета он извлек шесть семян *тобара,* круглых, твердых и ароматных, и разложил их на плоском камне ниже по ветру. Задержав дыхание, ножом расколол одно из семян и убежал от поднявшегося остро пахнувшего облачка. Глейвер тревожно поерзал, а нур смотрел на Двера сердито, пока ветерок не унес запах.

Завернувшись в спальный мешок, Двер смотрел на появляющиеся звезды. Калунути горячей

красной точкой горело на усмехающемся лице Саргона, этого безжалостного стража законов. Появилось еще много звездных рисунков, *орел, лошадь, дракон* и *дельфин,* любимый двоюродный брат, улыбающийся и направляющий челюсть в ту сторону, где, как говорят, расположена Земля.

Если нас, изгнанников, когда-нибудь поймают, думал Двер, *появится ли в Великой Галактической Библиотеке файл о нашей культуре? О наших мифах? Будут ли чужаки читать наши мифы о созвездиях и смеяться?*

Если все пройдет, как планировалось, никто никогда не услышит об этой одинокой колонии и не вспомнит ее легенды. *Наши потомки, если они вообще будут, станут подобны глейверам — простым и невинным, как звери в поле.*

Бьющиеся крылья затмили свет костра. Вблизи семян тобара приземлилась плотная фигура с крыльями из серых пластинок, которые складываются, как налегающие друг на друга лепестки. Желтый клюв птицы быстро заглотил семя, расколотое Двером.

Грязнолапый сел, глаза его блестели.

Двер полусонно предупредил нура:

.– Потревожишь ее, и я из твоего меха шляпу сделаю.

Грязнолапый фыркнул и снова лег. Скоро послышался ритмичный стук: тит принялся за следующее семя. На поедание одного семени ему требуется один мидур — примерно семьдесят минут. А когда съест последнее, с пронзительным криком улетит. Не нужно заглядывать в Великую Библиотеку, чтобы понять, зачем буйуры сотворили это создание. Живой будильник работает точно по программе.

Ларк ошибается насчет нашего места в этом мире, думал Двер, на которого непрерывное щелканье действовало усыпляюще. *Мы приносим пользу. Джиджо было бы печальным местом, если бы мы не использовали его дары.*

Ему что-то снилось. Двер всегда видел сны.

Бесформенные враги таились за пределами зрения, а он шел по многоцветной земле, словно радуга растаяла, поплыла по поверхности, а потом застыла. Резкие цвета ранили глаз. Больше того, у него пересохло в горле, и он не вооружен.

Сон изменился. Неожиданно он оказался в лесу, деревья которого уходили вверх, за луны. По какой-то причине деревья были еще более угрожающими, чем многоцветный пейзаж. Он побежал, но не мог найти выход из леса, а древесные стволы засветились, загорелись и начали

взрываться.

Яростная напряженность кошмара вырвала его из сна, и он сел с колотящимся сердцем. Двер смотрел широко раскрытыми глазами, радуясь тому, что *реальный* лес не изменился, хотя он темный и его продувает утренний ветер. Огненной бури нет. Это ему все приснилось.

Тем не менее тревога его не оставила. Что-то *не так.*

Он потер глаза. Иные созвездия плыли по небу и блекли на востоке в предрассветной серости. Самая большая луна — Лусен — висела над силуэтами гор, ее освещенное солнцем лицо было усеяно яркими точками — куполами давно покинутых городов.

Что же не так?

Это не интуиция. Часы — тит остановились. Что-то встревожило птицу раньше времени, и она издала свой будящий сигнал. Двер осмотрелся и увидел спокойно храпящего нура. Глейвер одним лишенным мысли глазом посмотрел на охотника, второй глаз оставался закрытым.

И неожиданно Двер понял, в чем дело.

Мой лук!

Его нет на месте, на расстоянии вытянутой руки. Он исчез.

Его украли!

Гнев притоком адреналина отогнал утреннюю сонливость. Многие с завистью говорили о его луке — шедевре из слоистого дерева и кости, созданном знаменитым мастером квуэном из города Овум. Но кто?…

Успокойся. Подумай.

Может быть, Джени Шен? Она часто шутила, что заставит его играть в покер, а ставкой будет лук. Или, может…

Стоп!

Он перевел дыхание, но так трудно сдержать молодое тело, рвущееся к действию.

Остановись и послушай, что скажет тебе мир…

Прежде всего он должен сдержать собственный яростный поток невысказанных слов. Двер отбросил все шумные мысли. Затем заставил себя забыть о звуках дыхания и пульса.

Отдаленный гул водопада теперь хорошо знаком, и его легко устранить. Шелест ветра, менее регулярный, скоро тоже отодвинулся, стих.

Звук сверху — это часовой тит, он кружит в надежде найти еще семян тобара. Еще один легкий звук — медовая летучая мышь, пара мышей, на них тоже можно не обращать внимания. Он

устранил также негромкий храп нура и мягкий скрежет коренных зубов глейвера: пленник пережевывал жвачку.

Вот оно! Двер повернул голову. Скрип гравия? Вероятно, скатились несколько булыжников. Что-то или кто-то… двуногий? *Размером почти с человека,* подумал он, *и торопливо уходит.*

Двер двинулся в направлении этого звука. Скользя в мокасинах, как призрак, он пробежал некоторое расстояние, прежде чем понял, что вор уходит *в неверном направлении.* В сторону от берега. В сторону от Склона. Он направляется выше по хребту Риммер.

Направляется к Проходу.

Двер шел по каменистой тропе. Гневная вспышка сменилась равномерным ритмом преследования — напряженной, почти экстатической концентрацией каждого шага, каждого удара пятки и пальцев ног, необходимостью в самых быстрых движениях сохранять тишину, прислушиваться к звукам, помимо собственного легкого шума. Голова была ясная, ярость больше ее не отравляла. Какова бы ни была причина погони, Двер не мог не наслаждаться ею. Это его дело, это он любит больше всего.

Он уже приближался к полосе серого света,

разделяющей две горные вершины, когда ему в голову пришла неожиданная мысль.

Минутку!

Он замедлил бег, потом перешел на шаг.

Это глупо. Я гонюсь за звуком, хотя не уверен, что на самом деле его слышал — может, это был пережиток сна, а ответ прямо передо мной!

Нур

Он остановился, ударил кулаком по бедру, чувствуя себя идиотом.

Именно это должен делать нур — красть разные предметы. Менять крестьянскую вырезанную из дерева чашку на сокровище или наоборот.

Найдет ли он, вернувшись, на месте лука груду помета лиггера? Или бриллиант, вырванный из короны давно умершего буйурского короля? Или все они: нур, лук и глейвер — просто исчезнут? Грязнолапый очень искусно изображал сон, похрапывая у костра. Усмехался ли зверь, когда он, Двер, гонялся за плодом собственного воображения?

И, наряду с гневом, возникло невольное восхищение.

Хорош. Он меня провел.

Но нура может ждать сюрприз. Из всех жителей

Джиджо, вероятно, только Двер способен *отыскать* зверя и сравнять счет.

Погоня будет трудной. Возможно, бесплодной.

Но это погоня всей жизни.

Неожиданно Двера охватило вдохновение. Неужели таков дар нура? Предложить Дверу…

Впереди, в полутьме, шевельнулся край тени.

Несфокусированное зрение готово было воспринимать все, что происходит на периферии постоянной сцены. Охотничий рефлекс делает особенно чувствительным к движениям — "булыжник" впереди шевельнулся и двинулся в направлении Прохода.

Слух уловил отдаленный скрип, тише ветра. Двер свел брови и снова двинулся вперед, вначале медленно, потом все быстрей.

Когда расплывчатая тень остановилась, он тоже застыл, разведя руки, чтобы сохранить равновесие.

Видный на фоне предрассветной серости, силуэт ждал несколько дуров, затем повернулся и двинулся в прежнем направлении.

Верь своим инстинктам, учил следопыт Фаллон. Старик не дурак.

Очевидным подозреваемым был Грязнолапый. Может быть, именно поэтому такая мысль не

пришла Дверу в голову в лагере. Он потратил бы драгоценное время, виня преступника, подсказываемого самой логикой. И в конечном счете его первый импульс оказался верным. Первая догадка — самая правильная.

Тень снова повернулась. Теперь Двер разглядел очертания человека, встревоженного, убегающего с похищенным луком. На этот раз Двер решил пожертвовать скрытностью ради быстроты. Разлетелись камни, наполняя проход гулом падения. Тень устремилась вперед, как преследуемый полосатый гузул.

Только три человека на Джиджо могли перегнать Двера, да и то лишь на ровной местности.

Игра кончена, подумал он, делая последний бросок.

Когда преследуемый повернулся, Двер был готов. А когда тот извлек нож, охотник понял, что это не шутка. Он присел и увернулся, ожидая услышать крики гнева и отчаяния.

Но лицо вора, которое стало видно, когда он повернулся, оказалось полной *неожиданностью.*

Человек.

Женщина.

Очень молодая.

И прежде всего — совершенно незнакомая.

Аскс

Судьба снизошла с неба.

На Джиджо.

На Склон.

На Поляну Собраний.

Причина всех наших страхов — и гораздо быстрее, чем мы ожидали.

Прилетел через множество мегапарсеков корабль Пяти Галактик! Такое огромное расстояние… и самое меньшее, что мы, бедные изгнанники, можем сделать, это приблизиться к месту посадки и вежливо приветствовать его.

Вуббен отклонил честь вести нас вперед. Тяготение Джиджо ограничивает возможности наших дорогих г'кеков, они должны полагаться исключительно на колеса, используя ноги-стебельки лишь для сохранения равновесия. По неровной местности они передвигаются почти так же медленно, как треки. Поэтому мы с Вуббеном брели позади, предоставив право вести процессию нашим коллегам хуну, квуэну, человеку и уру.

Ощутил ли я/мы отвратительный запах зависти в центральном ядре? Вы, мои разные личности,

не негодовали ли из-за нашей неуклюжести по сравнению с длинными ногами хуна или стройными конечностями ура? Дела обстояли бы совсем по-другому, если бы наш корабль-изгнанник был оборудован полным набором колец, каким обладали, как говорят, наши предки. Легенды рассказывают об искусных органах бега, дарах могучих оэйли, которые позволяли таким тяжелым мешкам, как наши тела, передвигаться со скоростью песенного шакала. Со скоростью *джофура.*

Но в таком случае сохранили ли бы мы и высокомерие оэйли? Их безумие? Вели ли бы мы *войны,* как столетиями делали квуэны, уры, хуны и люди здесь, на Джиджо, пока Община не стала настолько сильна, чтобы установить мир? У треки, которые бежали на Джиджо, были причины не брать с собой некоторые кольца. Так мы считаем.

Но наши сказания могут быть искажены. Спокойствие, мои кольца! Пусть ваши испарения повернутся еще раз. Погладьте восковые отпечатки и вспомните…

Вспомните, как мы шли, каждый на своем месте, к боковой долине, где опустился корабль пришельцев. По пути Вуббен цитировал строки

из Книги Изгнания, самого святого из всех свитков, наименее искаженного спорами, ересью и волнами новых прибытий.

Право на жизнь гипотетично, пел Вуббен голосом, который словно ласкал душу.

Материальное ограничено, сознание свободно.

В протеине и фосфоре недостаточно энергии, чтобы утолить любой голод. Поэтому не спорьте с иными существами о сути физического существования. Только мысль может быть подлинно великодушной. Поэтому пусть центром вашего мира станет мысль.

Голос Вуббена на всех действует успокаивающе. Стройные стволы деревьев велпал словно резонировали в такт его словам, в такт, настроенный не музыку Яйца.

И все же, хоть Вуббен говорил о невозмутимости и спокойствии, мой/наш нижний сегмент все время пытался остановиться, повернуть наши ноги назад, унести нас прочь! Это нижнее кольцо смутно сознавало, что впереди опасность, и разумно голосовало за бегство. И нашим верхним кольцам приходилось использовать пульс запахов, чтобы заставить его двигаться вперед.

Я/мы находим странным действие *страха* на других существ. Они говорят, что страх поражает

все части их тела, и с ним нужно бороться одновременно повсюду. Однажды я/мы спросил Лестера Кембела, как люди сохраняют спокойствие во время кризиса. Он ответил, что обычно они его не сохраняют!

Очень странно. Люди всегда кажутся такими владеющими собой. Неужели это только игра, попытка обмануть других и самих себя?

Не отвлекайся, о, Аскс! Погладь воск. Продолжай. Иди к кораблю.

Сара

Казалось, Хенрику не хочется выдвигать свои требования.

Вначале это удивило Сару. Разве не о таком кризисе всегда мечтал взрывник? О возможности все уничтожить? Разрушить все, что другие создавали всю жизнь?

В сущности Хенрик казался спокойней большинства горожан, в панике собравшихся в ту ночь у Дерева Встреч, после того как огненный шар потряс лес до самых его древних корней. Два садовника и рабочий шимп упали с верхних веток и разбились насмерть, десятки других едва избежали смерти. Все фермеры были в тревоге.

Вырубленный в просторном наросте гигантского тару зал был забит почти всеми взрослыми разумными в пределах дневного перехода. Как горячий пирог с пескарями, зал был пропитан запахом человеческого пота.

Присутствовали и другие разумные, преимущественно моряки хуны, чья бледная чешуйчатая кожа и длинный белый ножной мех контрастировали с темно-зелеными плащами, застегнутыми под раздутыми горловыми мешками деревянными брошами. У некоторых на глазах были дрожащие реуки, которые помогали им интерпретировать мешанину человеческих эмоций.

Ближе к северному выходу, где было не так жарко, переминались с ноги на ногу несколько лудильщиц — уров; они тревожно подергивали хвостами с кисточками. Сара даже заметила одного несчастного паломника г'кека; из одного его глазного стебелька капал зеленый пот тревоги, а остальные три стебелька были свернуты, как носки в ящике шкафа, прячась от разъедающих ферментов.

Похоже, доктор Лоррек был мудр, когда добровольно вызвался подежурить сегодня вечером у постели раненого Незнакомца.

Пзора, городской аптекарь, пользовался особой

защитой против тех, кто наступал на его нижние кольца. Когда становилось слишком тесно, треки испускал немного остро пахнущего пара, и даже самые возбужденные горожане уступали ему дорогу.

Несомненно, то же самое происходило везде, где видели страшный небесный призрак. Именно сейчас люди присутствуют на собраниях квуэнов или хунов и даже на урских племенных встречах, у костров на бескрайних равнинах.

Великий Мир — наше высшее достижение, думала Сара. *Может, его будут рассматривать как смягчающее обстоятельство на суде над нами. Мы далеко ушли от дней войн и убийства.*

Увы, судя по злобе на сегодняшнем собрании, Общине еще многое предстоит пройти.

Небольшой ремонт?

Чэз Ленгмур, главный столяр, стоял на сцене, на которой обычно проходили концерты и театральные спектакли.

— Все ниже уровня затопления уйдет под воду, не говоря Уже о самой дамбе! Вы спрашиваете, сколько *лет* потребуется на восстановление, если тревога окажется ложной? Да не о годах нужно говорить, а о целых жизнях!

Торговцы и ремесленники поддержали Ленг-

мура одобрительным гомоном, но его заглушили крики “Позор!” со стороны многих одетых в серое фермеров. К ним присоединились возбужденные возгласы обезьян вверху. Местные шимпы не имели права голоса, но традиция разрешала им карабкаться по занавесям и наблюдать за происходящим сверху, от вентиляционных прорезей. Много ли они понимали — это предмет постоянных споров. Многие поддерживали криками ораторов, которые казались им самыми страстными, другие поддерживали сторонников отца Сары, которые одобрительно хлопали его по спине.

Так продолжалось часами. Рассерженные мужчины и женщины по очереди цитировали свитки или оплакивали стоимость ремонта и восстановления, и каждая сторона кричала все громче по мере роста страха и раздражения. И спорили не только люди. Лог Байтер, матриарх местного улья Квуэнов, настойчиво требовала сохранения дамбы Доло, в то время как ее сестра из пруда Логджем назвала плотину “кричащим чудовищем”. Сара даже опасалась, что между двумя бронированными матронами начнется драка, но тут вмешалась старейшина Фру Нестор. Ее реук гневно сверкал, и обе квуэны попятились

от этой маленькой человеческой фигуры.

Собравшиеся в зале вели себя не лучше. Женщина наступила Саре на ногу. Кто-то на этой неделе совсем не мылся, издавая запахи хуже выделений Пзоры. Сара позавидовала Прити, крошечной фигурке, взгромоздившейся высоко на подоконник, рядом с несколькими человеческими детьми, слишком маленькими, чтобы голосовать. В отличие от других шимпов, Прити занимали не крики спорщиков, а собственный блокнот: потягивая себя за нижнюю губу, она изучала строчки математических уравнений.

Сара завидовала способности Прити спасаться в абстракциях.

Собираясь заговорить, встал один из фермеров — смуглый человек по имени Джоп; его светлые волосы завивались у ушей. Он сжал большие ладони, покрытые многолетними мозолями.

— Мелочные споры и неспособность предвидеть! — Джоп отмахнулся от доводов столяра. — Что вы сохраните? Несколько мастерских и доков? Преходящие игрушки типа канализации и бумаги? Мусор! Все мусор! Жалкие удобства, которыми наши грешные предки позволили нам, бедным изгнанникам, пользоваться, чтобы смягчить первые шаги на пути к благословению.

Но Свитки утверждают: все это пройдет! Все это обречено погрузиться в море!

Джоп повернулся к своим сторонникам, сжимая большие руки.

— Давно уже все запланировано; мы знаем, что нужно делать, когда появятся звездные корабли. Иначе зачем бы мы все это время содержали гильдию взрывников?

Сара снова посмотрела на Хенрика и его сына, которые сидели в глубине помоста. Мальчик Джома выдавал свою тревогу, медленно и нервно сгибая и разгибая руками шапку. Но его отец словно превратился в статую. Сделав краткий доклад о том, что все его заряды готовы, Хенрик остальное время молчал.

Сара всегда считала их профессию раздражающей, уникальной на Джиджо. После стольких лет подготовки, после бесконечных экспериментов и тренировок в небольшом каньоне в горах, разве не хочется им испробовать свое мастерство? *Я знаю, что мне бы захотелось.*

В детстве и она, и Ларк, и маленький Двер любили вечерами сидеть на чердаке, смотреть, как отражается лунный свет в воде на мельничном колесе, и пугать друг друга рассказами о том, что произойдет, когда Хенрик зажжет свои фитили.

С восхитительным ужасом в груди они считали удары сердца, пока — бабах!

Двер любил звуковые эффекты, особенно звук взрыва, который уничтожит дамбу, и все это сопровождалось диким размахиванием руками и морем слюны. Потом младший брат Сары с восторгом описывал стену воды, швыряющую гордые корабли, как игрушки, разбивающую сушильные решетки Нело и движущуюся к окну их спальни, как кулак.

Затем подхватывал Ларк, приводя в ужас и возбуждение младших детей. Он рассказывал, как удар воды разносит чердак, проносится по лесу тару, а фермеры смотрят вниз с жалостью. Сара и Двер начинали плакать, бросались на смеющегося старшего брата и кулаками заставляли его замолчать.

И тем не менее — хотя Ларк и Двер изо всех сил старались ее напугать, они бились и метались во сне, а у Сары никогда не бывало кошмаров. Когда ей снился взрыв, пена окутывала все на Джиджо и волшебно превращала в пушистое облако. И всегда сон кончался тем, что тело ее становилось легче облака и уносилось к сверкающим ночным звездам.

Одобрительный рев вернул ее к происходяще-

му. Вначале она не поняла, исходит ли он от тех, кто требует быстрых действий, или от тех, кто не решается уничтожить результаты труда девяти поколений на основании простого свидетельства зрения.

— Мы понятия не имеем, что видели! — заявил ее отец, забирая бороду узловатыми пальцами. — Можем ли мы быть уверены, что это космический корабль? Может, просто пролетел метеор. Это объяснило бы шум и гвалт.

Это предположение было встречено топотом и насмешками. Нело торопливо продолжал:

— Даже если это корабль, то вовсе не значит, что нас обнаружили! Прилетали и улетали другие корабли — например, шары зангов заправлялись водой из моря. Уничтожили ли мы все тогда? Сожгли ли старейшие племена свои города, когда прилетели *люди?* Откуда нам знать, что это не еще один крадущийся корабль и седьмая раса изгнанников не присоединится к нашей Общине?

Джоп презрительно фыркнул.

— Позвольте напомнить ученому бумажнику — крадущиеся корабли *крадутся!* Они прилетают по ночам, прячутся в тени туч или гор. Новый корабль таких усилий не предпринимал. Он нацелился прямо на Поляну Яйца, причем в такое

время, когда там воздвигнуты праздничные павильоны и присутствуют мудрецы всех Шести.

– Совершенно верно! — воскликнул Нело. — Сейчас мудрецы должны были бы уже разобраться в ситуации и прислали бы видение, если бы сочли нужным…

– *Видение?* — прервал Джоп. — Ты серьезно? Мудрецы снова и снова напоминали нам, что видениям нельзя доверять. Во времена кризиса они могут как раз отвлекать внимание. — Джоп зловеще помолчал. — Или связи нет по другой, гораздо более ужасной причине.

Он подождал, пока все поймут, на что он намекает. Слушатели в ужасе ахали. Почти у всех в паломничестве этого года участвовали родственники или близкие друзья.

Ларк и Двер — вы в безопасности с тревогой думала Сара. *Увижу ли я вас снова?*

– Традиция предоставляет право решать каждой общине. Уклонимся ли мы, если наши близкие заплатили более дорогую цену, чем несколько зданий и вонючая дамба?

Гневные крики ремесленников заглушил одобрительный гул сторонников Джопа.

— Порядок! — кричала Фру Нестор, но ее голос терялся в хаосе. Джоп и его приспешники требо-

вали голосования.

— Выберем Закон! Выберем Закон!

Нестор с поднятыми руками призывала к порядку; она явно страшилась уничтожения своего города, превращения его в простую деревню, богатую набожностью, но бедную всем остальным.

— Кто еще хочет высказаться?

Нело попытался выступить еще раз, но выкрики не дали ему говорить. Где это видано, чтобы так обращались с *бумажником?* Сара чувствовала его позор и стыд, но будет гораздо хуже, если его любимая фабрика исчезнет под всеуничтожающей волной.

У нее появилась странная мысль: может, нужно пробраться на старый чердак и там ждать прихода волны? Чье предсказание окажется верным? Двера и Ларка? Или те картины, которые она видела во снах? Возможно, только раз в жизни есть шанс узнать это.

Возобновившееся пение стихло, когда из толпы светлокожих хунских моряков появился еще кто-то. Это была кентавроподобная фигура с длинным мускулистым телом, с кожей — пятнистой замшей, с длинными руками, отходящими от широких плеч, и сильной змеиной шеей. На заостренной голове три черных глаза — один

фасеточный и без ресниц, — расположенных вокруг треугольного рта. Это урская лудильщица; Сара видела ее и раньше, когда она приходила в Доло, чтобы купить обломки стекла и металла и продать простые буйурские инструменты, найденные в развалинах. Самка ура двигалась осторожно, словно опасалась, что ее копыта застрянут на грубом полу. Она подняла одну руку, на мгновение обнажив под ней синеватую сумку. Во время встречи с себе подобными такой жест мог иметь различные значения, но Фру Нестор восприняла его как просьбу предоставить слово и с поклоном согласилась.

Сара слышала, как кто-то из людей произнес грубое прозвище из тех времен, когда вновь прибывшие земляне воевали с урскими племенами за землю и честь. Если лудильщица слышала оскорбление, она не обратила на него внимание, держась удивительно хорошо для молодой самки, у которой всего одна сумка с мужем. Среди такого количества людей ур не мог пользоваться Галактическим два, и ей пришлось говорить на англике, хотя раздвоенная губа мешала этому.

— Меня можно называть Улгор. Благодарю за вашу вежливость, благословенную среди Шести. Хочу задать только несколько вопросов, каса-

ющихся настоящего обсуждения. Первый мой вопрос…

Разве наши мудрецы не обсуждали эту проблему? Почему бы не позволить им принимать решения, когда настало время суда?

С преувеличенной демонстрацией терпения Джоп ответил:

— Ученый сосед, Свитки призывают все поселения действовать независимо и уничтожить все признаки нашей жизни, видные с неба! Приказ очень прост. Никаких сложных рассуждений не требуется.

К тому же, — заключил он, — у нас нет времени, чтобы дожидаться решения мудрецов. Они все далеко, на Собрании.

— Прошу прощения. — Улгор согнула передние ноги. — Не все. Несколько остались в своем жилище, в Зале книг, в Вивлосе. Не правда ли?

Собравшиеся в замешательстве переглядывались, а Фру Нестор воскликнула:

— Зал книг в Библосе! Верно! Но Библос все равно во многих днях пути в лодке.

И снова Улгор согнула шею, прежде чем ответить.

— Но я слышала, что с самого высокого дерева в Доло можно увидеть за воротами стеклянные

утесы, возвышающиеся над Вивлосом.

— Да — в хороший телескоп, — осторожно согласился Джоп, опасаясь, что настроение толпы изменится. — Но я по-прежнему не вижу, чем это нам…

– *Огонь!*

Все повернулись к Саре, которая крикнула еще до того, как мысль полностью оформилась.

— Если библиотека горит, мы увидим огонь!

Все, переговариваясь, смотрели на нее, а она объясняла:

— Вы все знаете, мне приходилось работать в Библосе. Там, как и повсюду, есть план действий в чрезвычайном положении. Если мудрецы прикажут, библиотекари спрячут книг, сколько смогут, а остальное подожгут.

Все ошеломленно смолкли. Разрушить дамбу Доло — это одно дело, но потеря Библоса — поистине признак конца. Нет более важного центра человеческой жизни на Джиджо.

— Наконец они взорвут столбы, поддерживающие каменную крышу, и все погибнет. Улгор права. Мы увидим перемены, особенно сейчас, когда всходит Лусен.

Фру Нестор отдала короткий приказ:

— Пошлите кого-нибудь посмотреть!

Несколько мальчишек скрылись в окнах, их с гулкими выкриками сопровождали шимпанзе. Толпа ждала с нервным гомоном. Сара чувствовала себя неуверенно под многочисленными взглядами и опустила глаза.

Так поступил бы Ларк. Смело выступил бы на собрании в самую последнюю минуту и побудил всех действовать. Такая же импульсивность была у Джошу, пока несколько недель назад он не заболел.

Ее руку сжали искривленные пальцы, прервав цепь рассуждений. Подняв голову, она увидела, что за последние несколько минут Нело сильно постарел. Теперь судьба его любимой мельницы зависит от новостей сверху.

Медленно тянулись дуры, и Сара все сильней ощущала тяжесть своего предсказания.

Библос.

Зал книг.

Когда-то огонь уже причинил ему ужасный ущерб. Тем не менее это по-прежнему величайший вклад людей в Общину и повод для зависти и удивления остальных рас.

Что с нами станет, если он исчезнет? Мы превратимся в примитивных сельских жителей? Будем жить на том, что осталось от великих

городов буйуров? Все станут фермерами?

Такими казались остальные пять рас, когда появились люди. Дикари, воюющие друг с другом, живущие в едва функционирующих общинах. Люди принесли новый образ жизни, изменили правила почти в такой же степени, как и Яйцо, появившееся несколько поколений спустя.

Неужели мы опустимся еще ниже? Утратим последние напоминания о том, что когда-то покоряли галактики? Уничтожим наши книги, инструменты, одежду и уподобимся глейеверам? Чистые, жалкие, невинные существа?

Согласно Свиткам, это единственный путь к спасению. И многие, подобно Джопу, верят в это.

Сара старалась не потерять надежды, даже если придет сообщение об огне и пыли в ночи. В любое время сотни книг находятся за пределами Библоса, переданные на время в далекие общины.

Но немногие тексты по специальности самой Сары почти никогда не покидают пыльные полки. Гилберт, Соммерфельд, Виттен и Тэнг. Элиаху — это все имена великих мыслителей из многих столетий и парсеков, близко знакомые Саре. Это близость чистой, почти совершенной мысли. *Они сгорят. Единственные экземпляры.* В последнее время ее исследования пошли по другим направ-

лениям — она заинтересовалась хаотическими приливами и отливами языков, но математику по-прежнему называет своим домом. Голоса этих книг всегда казались ей живыми. И теперь она страшилась услышать, что они исчезли.

Но потом ей в голову пришла другая мысль, совершенно неожиданная, и позволила взглянуть на беду под совершенно иным углом.

Если действительно прилетели галакты, какое значение имеют несколько тысяч бумажных книг? Конечно, нас будут судить за древнее преступление. Этому ничто не может помешать. Но тем временем на борту кораблей…

Саре пришло в голову, что она может познакомиться с совершенно другим типом библиотеки. Возвышающейся над архивами Библоса, как солнце затмевает свечу. *Какая возможность! Даже если мы превратимся в пленников Повелителей Миграций, осужденных на жизнь на какой-нибудь тюремной планете, они не откажут нам в возможности читать!*

В рассказах о прошлых днях она читала о базах данных компьютеров, насыщенных знаниями, словно теплое море, которое проникает в ваше сознание, во все ваши поры. Плывешь в облаках мудрости.

Я могла бы узнать, оригинальна ли моя работа! Или ее выполняли уже миллион раз за миллиард лет галактической культуры.

Эта мысль казалась одновременно высокомерной и унизительной. Страх перед большими звездными кораблями не уменьшился. Она по-прежнему молилась, чтобы все это оказалось ошибкой, метеором или иллюзией.

Но где-то в уголке сознания возникло что-то новое, мятежное — проснулся ненасытный голод.

Если только…

Но тут мысли ее прервали. Высоко наверху в узкое оконце просунул голову мальчик. Вися вниз головой, он крикнул:

– Огня нет!

Из других отверстий его крик подхватили, и все кричали одно и то же. К шуму присоединились шимпы, возбужденно вопя в переполненном зале собраний.

– Огней нет! И каменная крыша по-прежнему цела!

Старый Хенрик встал и произнес, обращаясь к старейшинам, всего два слова, потом повернулся и ушел вместе с сыном. В шуме толпы Сара прочла эти слова по губам и решительному выражению:

– Мы подождем.

Аскс

Наш караван рас двигался к тому месту, где в последний раз видели корабль чужаков, сверкающий цилиндр, опускавшийся за низкий холм. В дороге Вуббен продолжал цитировать Свиток Опасности.

Впереди слышались крики. На вершине холма свистели, гомонили, шумели толпы. Чтобы пройти дальше, нам пришлось миновать людей и хунов.

А тем временем разве мы не смотрели на *гнездо?* От него уходила полоса поваленных деревьев, по-прежнему дымившихся от действия снесшего их луча.

И посреди всего этого опустошения в конце полосы лежала его причина, раскалившаяся в своем падении.

Рядом с нами люди и уры, техники, спорили на своем причудливом жаргоне касты инженеров, обсуждая, может ли этот выступ или тот нарост служить оружием. Но у кого на Джиджо есть достаточно опыта, чтобы судить об этом? Наши корабли давным-давно расплавились в центре планеты. Даже самые последние прибывшие, люди, уже много поколений не бывали в космосе. Никто из живущих членов Общины ничего по-

добного не видел.

Это корабль цивилизации Пяти Галактик. Техники могли утверждать только это.

Но где спираль из лучей? Символ, который обязательно должен находиться на передней части любого корабля, законно выходящего в космос?

Наши встревоженные мастера сказаний объясняли: спираль не просто символ. Она перемещается молча. Бесстрастно регистрирует. Служит объективным свидетелем всего увиденного и сделанного, куда бы ни полетел корабль.

Мы всматривались, вглядывались, но на предназначенном для спирали месте виден только обгоревший блеск. Спираль стерта, уничтожена, сглажена сильней, чем лавой квуэнов.

И тут смятение уступило место пониманию. Осознанию того, что представляет этот корабль.

Не великие Институты, как мы вначале подумали.

Не праведные, могучие, законные звездные кланы и не загадочных зангов.

И даже не изгнанников, как мы сами.

Ничего подобного. Это *преступники.* Правонарушители хуже наших предков.

Бандиты.

На Джиджо пришли разбойники.

III . КНИГА МОРЯ

Парадокс Жизни, что все расы размножаются быстрее простого воспроизводства. И всякий рай жизни вскоре заполняется, переставая быть раем. Тогда по какому праву мы, изгнанники, претендуем на планету, благородно оставленную в стороне, чтобы мирно лелеять молодую жизнь и быть в безопасности от голодных народов?

Изгнанники, вы должны бояться справедливого гнева закона, если вас застанут здесь поселившихся без разрешения. Но когда придет суд, закон станет и вашим щитом, умеряя праведный гнев справедливостью.

В глубине разгневанного неба бродит более страшный ужас. Это совсем иная опасность. Она совершенно не повинуется закону.

Свиток Опасности

Рассказ Олвина

Ну, хорошо, я не такой быстрый, как некоторые. Я не так быстро соображаю, как Гек, которая способна свивать вокруг меня словесные кольца.

И к лучшему, как мне кажется. Я не мог бы вырасти в маленьком хунском порту, считая себя таким умницей, таким же остроумным и гладкоязычным, как мой литературный тезка, просто потому, что умею читать на англике и воображаю себя писателем. Хорошо, что по соседству живет маленький гениальный г'кек, который постоянно повторяет, что хун выше среднего уровня все равно хун. Тупой, как кирпич.

И вот я сижу, зажатый между двумя своими лучшими друзьями, которые спорят о том, что нам делать предстоящим летом, и ни Гек, ни Клешне не приходит в голову, что они пронзили мне кольца больше чем на одном уровне. Клешня несколько дуров пытался рассказывать нам о своих последних “чудовищах” — сероватых тенях, которые, как ему показалось, он видел, когда скучал, ухаживая за садком омаров своего улья. Он нам так часто рассказывал об этом, что мы не стали бы слушать, даже если бы он принес нам

зуб Моби Дика, с торчащей из него, как зубочистка, ногой. Вздыхая одновременно всеми пятью вентиляционными щелями, он отказался от рассказа и перешел к защите *“проекта Наутилус”.*

Клешня расстроился, узнав, что Гек хочет отказаться от этого плана. По обе стороны от его жесткого панциря вздымались ноги, свистя, как трубы каллиопы.

— Послушайте, мы уже согласились-сились. Мы должны закончить лодку. Ведь работали-ботали целый год!

— Столярничал и испытывал в основном ты, — заметил я. — Мы с Гек только строили планы…

— Совершенно верно! — прервала Гек, подчеркнуто выпячивая два глаза. — Мы помогали планами и мелкими усовершенствованиями. Это было весело. Но я никогда не соглашалась опускаться в этой проклятой штуке на дно моря.

Синий панцирь Клешни максимально поднялся, и его глазные прорези словно завертелись.

— Но вы говорили, вам интересно! Вы называли эту идею замечательной-чательной!

— Верно, — согласилась Гек. — Теоретически это замечательно. Но есть одна проблема, друг. Это также очень *опасно.*

Клешня откинулся, словно такая мысль нико-

гда не приходила ему в голову.

— Вы… раньше никогда об этом не говорили.

Я повернулся и посмотрел на Гек. Не думаю, чтобы раньше слышал от нее это слово. Опасно. Во всех наших приключениях она всегда была готова рискнуть, насмехалась над нашей нерешительность так, как могут только г'кеки, когда они решают оставить вежливость и стать отвратительными. Гек сирота, Ур-Ронн и Клешня из менее значительных таких рас, где на их отсутствие никто не обратит внимания, так что мне естественно надлежало быть голосом благоразумия и осторожности. А я ненавидел эту роль.

— Да, — согласилась Гек. — Но, наверно, пора кому-нибудь указать на разницу между расчетливым риском и простым *самоубийством.* Что с нами и случится, если мы отправимся в этом твоем устройстве, Клешня?

Наш бедный друг квуэн выглядел так, словно по его ножной жабре ударили мешком. Панцирь его дрожал.

— Вы знаете-аете, что я никогда не просил своих друзей-узей…

— Отправляться туда, куда сам не можешь отправиться? — возразила Гек. Да, но ты ведь говоришь о том, чтобы утащить нас под воду, а

там ты будешь очень хорошо себя чувствовать.

— Только вначале-чале, — ответил Клешня. — После первых пробных погружений мы пойдем глубже. И я буду с вами, я тоже буду рисковать-овать!

— Давай, Гек! — вмешался я. — Стукни беднягу по панцирю.

— А как же ваш собственный план? — решил отомстить Клешня. — По крайней мере моя лодка законная. А вы хотите нарушить закон и стать *сунерами!*

Наступила очередь Гек защищаться.

— Почему сунерами? Мы не можем размножаться друг с другом, так что это преступление совершить за границей не сможем. И ведь люди и инспекторы переходят границу.

— Конечно. С разрешения мудрецов-рецов!

Гек пожала двумя глазными стебельками, словно говоря, что не стоит тревожиться из-за ничтожных юридических тонкостей.

— Все равно я предпочитаю неправильное поведение откровенному самоубийству.

— Ты хочешь сказать, что предпочитаешь глупое путешествие к каким-то давно разбитым буйурским развалинам, чтобы взглянуть на настенные надписи, возможности увидеть

Помойку-мойку? Увидеть настоящих живых *чудовищ?*

Гек застонала и в отвращении повернулась кругом. Чуть раньше Клешня рассказал нам о существе, которое как будто видел на мелком месте к югу от города. Он клялся, что там ныряла какая-то тварь в яркой серебристой чешуе. На удалении казалось, что она передвигается на подводных крыльях. Мы слышали подобные рассказы почти со дня сплавления Клешни и потому ему не поверили.

И тут они оба обратились ко мне за решением.

— Помни, Олвин, — сказала Гек, — ты только что обещал.

— А мне ты обещал несколько месяцев назад! — воскликнул Клешня с такой страстью, что даже перестал заикаться.

Я почувствовал себя, как треки, стоящий между двумя грудами спелой мульчи. Мне хотелось отправиться в глубину и посмотреть на Помойку, где лежат всякие галактические штуки, оставленные ушедшими буйурами. Подводные приключения как в книгах Холлера или Верна.

С другой стороны, Гек права, говоря, что план Клешни — это творение Ифни. Квуэну, не знающему даже, кто его мать, риск может показаться

незначительным, но мои родители очень расстроятся, если я исчезну, не оставив даже сердечный выступ, чтобы можно было совершить обряды очищения души и вуфайнивания.

К тому же Гек предлагает план почти такой же интересный: отыскать надписи, более древние, чем книги, привезенные на Джиджо людьми, может быть, настоящие истории буйуров. Мои сосательные подушечки кололо от возбуждения при этой мысли.

Но, как оказалось, я был избавлен от необходимости принимать решение. Потому что в этот момент появилась моя Хуфу, проскочила между ногами Клешни и колесами Гек и что-то пролаяла насчет срочного сообщения от Ур-Ронн.

Ур– Ронн хочет нас видеть.

Больше того, она хочет поделиться с нами чем-то удивительным.

О да, надо представить Хуфу.

Прежде всего она на самом деле не мой нур. Она обычно держится рядом со мной, и по большей части мне удается заставить ее делать то, что я хочу. Однако трудно описать отношения между хуном и нуром. Само это слово — *отношения* — предполагает много такого, чего здесь просто нет. Может, это как раз один из тех случаев, когда

англик, прославленный своей гибкостью, не справляется и не может описать концепцию.

Во всяком случае, нур не принадлежит к говорящим и принимающим решения. Это не разумное существо, подобно нам, членам Шести. Думаю, она такой же член нашей компании, как и все остальные. Многие говорят, что нуры просто безумны. Разумеется, они равнодушны к жизни и смерти — при условии, что узнают что-то *новое.* Вероятно, больше нуров погибло от любопытства, чем от диггеров на суше или морских акул в воде. Так что я знаю, как голосовала бы Хуфу, если бы умела говорить.

К счастью, даже Клешня понимает, что нельзя доверять ей право решать.

И вот мы спорили, когда маленький нур появился среди нас, визжа, как сумасшедший. Мы все сразу поняли, что сообщает нам Хуфу. Нуры не владеют Галактическим два и вообще не могут говорить ни на каком языке, но могут запомнить и повторить любой короткий ручной сигнал, который увидят своим острым зрением. И в начальном знаке могут даже сообщить, кому предназначен сигнал. Замечательная способность, и очень полезная, если бы нуры делали это надежно и постоянно, а не тогда только, когда это

им нравится.

На этот раз Хуфу явно нравилось, потому что в следующее мгновение она передавала цепочку знаков на Галактическом два. (Думаю, что любой телеграфист, знающий азбуку Морзе, как Марк Твен, справился бы и с Галактическим два, если бы постарался.)

Как я уже сказал, сообщение было от нашей урской приятельницы Ур-Ронн, и в нем говорилось: ОКНО ЗАКОНЧЕНО. ПРИХОДИТЕ БЫСТРЕЙ. ПРОИСХОДЯТ РАЗНЫЕ СТРАННЫЕ ВЕЩИ!

Я поставил в конце восклицательный знак, потому что, как только Хуфу кончила передавать, она метнулась вниз с горы Гуенн, завершив сообщение возбужденным лаем. Уверен, что ее прыжки и попытки укусить себя за хвост и означали “странные вещи”.

— Прихвачу свой водяной мешок, — сказал после короткой паузы Острая Клешня.

— А я свои очки, — добавила Гек.

— Возьму плащ и встречусь с вами у поезда, — закончил я. Обсуждать было нечего. После такого-то приглашения.

IV . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Г'кеки рассказывают легенду, очень древнюю; она существовала у них, когда они первыми высадились на Джиджо, и передавалась из уст в уста две тысячи лет, пока не была наконец записана на бумаге.

В саге говорится о юноше, который свое "мастерство катания на нити" обновил в одном из орбитальных городов, где г'кеки жили после того, как проиграли на пари свою родную планету.

В этом городе, где не было помех со стороны больших масс материи, молодые лорды на колесах, представители поколения, родившегося в космосе, изобрели новую игру — катались своими сверкающими разноцветными колесами по тончайшим нитям, кабелям, развешенным под всевозможными углами по всему пространству огромной внутренней пустоты их искусственного мира. Один из катающихся, рассказывает легенда, выступал все смелей и смелей, наслаждался риском, перепрыгивал с одной нити-паутинки на другую и даже иногда устремлялся в

свободный полет, с бешено вращающимися колесами, пока не цеплялся за очередную нить и не начинал в экстазе раскачиваться на ней.

И вот однажды молодому чемпиону бросил вызов побежденный противник.

— Бьюсь об заклад, ты не сможешь прокатиться так близко от солнца, чтобы обвить его нитью!

Сегодня ученые Джиджо находят эту часть легенды непонятной. Как может солнце находиться внутри вращающейся полой скалы? Поскольку секция космических технологий почти полностью погибла, Библос не дает возможности интерпретировать этот отрывок. Мы полагаем, что история со временем претерпела искажения, как и все прочие воспоминания о нашем богоподобном прошлом.

Но технические подробности не так важны, как мораль этого сказания: неблагоразумно иметь дело с силами, которые выше твоего понимания. Глупец, поступающий так, сгорит, как тот катающийся из сказания, о чьем драматичном конце возвестила путаница горящих нитей на внутреннем небе обреченного города.

Седьмое собрание легенд Джиджо.

Третье издание. Департамент фольклора и

языков,
Библос. 1867 год изгнания

Двер

После окончания ученичества Двер посетил почти все деревни и фермы в обитаемой зоне Джиджо, включая острова и одно-два тайных места, о которых дал клятву никогда не говорить. Он встречался со множеством поселенцев из всех рас, особенно с самыми многочисленными на Склоне людьми.

И с каждым проходящим дуром все больше убеждался, что пленница не из их числа.

Удивление раздражало Двера. А иррациональное ощущение собственной вины еще усиливало гнев.

— Из всех глупостей, — говорил он девушке, растирая ее голову у погасшего костра, — украсть мой лук — самая большая. Но нацелить на меня нож — еще больше! Откуда я знал, что ты всего лишь девчонка? Ведь было темно. Я мог бы, обороняясь, сломать тебе шею!

Впервые один из них заговорил с тех пор, как она головой ударилась о землю и осталась неподвижно лежать. Ему пришлось взвалить ее на

плечи и притащить в лагерь. Потерявшая сознание незнакомая девушка почти пришла в себя, когда он усадил ее у угольев. Теперь она трогала свою голову, поглядывая на нура и глейвера.

— Я… я думала… ты лиггер, — сказала она наконец.

— Ты украла мой лук, убежала, а потом подумала, что тебя преследует *лиггер?*

Но хоть это свидетельствует в ее пользу: врать она не умела. При дневном свете стало видно, что одета она в плохо обработанные шкуры, сшитые сухожилиями. Волосы, связанные в конский хвост, рыжеватые. На лице — то, что можно было увидеть под грязью, — выделялся нос, который когда-то был сломан, и большой ожог на левой щеке, портящий впечатление. Если бы не этот ожог, девушку можно было бы назвать хорошенькой, конечно, предварительно вымыв.

— Как тебя зовут?

Она опустила голову и что-то пробормотала.

— Что это? Я ничего не расслышал.

— Я сказала, меня зовут *Рети!* Впервые она посмотрела прямо ему в глаза, и в голосе ее прозвучал вызов. — Что ты со мной сделаешь?

Разумный вопрос, учитывая обстоятельства. Потирая подбородок, Двер решил, что особого

выбора у него нет.

— Наверно, возьму тебя на Собрание. Там большинство мудрецов. Если ты достаточно взрослая, против тебя выдвинут обвинение; в противном случае придется отвечать твоим родителям. Кстати, кто они? Где ты живешь?

Наступила тишина. Наконец девушка сказала:

— Я хочу пить.

К этому времени уже и нур, и глейвер носами тыкались в пустую фляжку и потом обвинительно смотрели на него. *Да что я, всеобщий папочка?* подумал Двер.

Он вздохнул.

— Ладно, пойдем к воде. Рети, иди с глейвером. У нее расширились глаза.

— А он… не кусается?

Двер удивленно посмотрел на нее.

— Ради Ифни, это ведь *глейвер!* — Он взял девушку за руку. — Его стоило бы бояться, если бы ты была кучей мусора или земляным червем. Впрочем, если посмотреть на тебя…

Она сердито выдернула у него руку.

— Ладно, прости. Но тебе придется идти впереди, чтобы я мог за тобой следить. И убедиться, что ты не убежала. — Свободный конец веревки глейвера он привязал к ее поясу на спине, так что

она могла дотянуться лишь с трудом. Затем Двер взвалил на плечи походный мешок и прицепил лук. — Слышишь звуки водопада? Доберемся до него и поедим.

Странное было шествие: впереди мрачная и неразговорчивая девушка, затем недоумевающий Двер, а замыкал развлекающийся нур. Когда бы Двер ни оглядывался, Грязнолапый насмешливо улыбался ему. Впрочем, он отдувался в утреннем воздухе, и улыбка его казалась чуть напряженной.

Кое– кто, услышав поблизости лай нура, запирает двери. Другие оставляют для него угощение, надеясь, что это принесет удачу. Иногда Двер встречал на болотах диких нуров, особенно там, где среди бродячих лилий цвели пламенные деревья. Но самое яркое воспоминание у него сохранилось с детства. К отцовской мельнице каждую весну приходил молодой нур и совершал безрассудные, часто смертельно опасные прыжки с вращающегося громоздкого мельничного колеса. Ребенком Двер часто становился с ним рядом и тоже прыгал, к отчаянию отца. Он даже пытался подкупить этого товарища по детским играм едой, учил его разным трюкам, пытался найти такую же связь, какую когда-то человек

установил с *собакой.*

Увы, нуры не собаки. К тому времени как судьба увела его от спокойной реки детства, Двер уже знал, что нуры умны, смелы — и очень опасны. И молча предупредил Грязнолапого: *То, что не ты оказался вором, совсем не значит, что я тебе доверяю.*

Спускаться по крутой тропе совсем не то, что подниматься. Временами окружающая местность казалась такой дикой и нехоженой, что Двер мог прищуриться и вообразить, что он на настоящем фронтире, на совершенно новой планете, не тронутой руками разумных существ. Но потом показывались какие-нибудь остатки строений буйуров: стена, укрепленная цементом, выщербленная мостовая, — пропущенные разрушителями, когда буйуры улетали и иллюзия исчезала. Уничтожение никогда не бывает полным. К западу от границы видны бесчисленные следы буйуров.

Подлинный восстановитель — это время. Бедная Джиджо должна была со временем восстановить свою экосистему; так по крайней мере утверждает его брат Ларк. Но Двер редко рассуждал о таких высоких материях. Это лишало сегодняшнюю Джиджо волшебства — планета

больна, но полна чудес.

На самых крутых местах приходилось помогать Рети, а глейвера иногда опускать на веревке. Однажды, опустив мрачное существо на остаток старой дороги, Двер повернулся и обнаружил, что девушка исчезла.

— Где эта маленькая… — раздраженно выдохнул Двер. — О, дьявол!

Проступок Рети заслуживает наказания, а ее тайна должна быть раскрыта, но забота о сбежавших глейверах на первом месте. Доставив этого, он, возможно, вернется и возьмет след девушки, даже если пропустит большую часть Собрания.

Он обогнул выступающий камень и едва не столкнулся с девушкой, которая сидела лицом к лицу с Грязнолапым. Рети посмотрела на Двера.

— Это ведь *нур,* верно? — спросила она. Двер скрыл свое удивление.

— Ты раньше их не видела?

Она кивнула, забавляясь улыбкой флиртующего Грязнолапого.

— Кажется, и глейверов ты не встречала, — сказал Двер. — Как далеко на восток живут твои родители?

Лицо девушки вспыхнуло, и на нем отчетливо выделился шрам.

— Не знаю, что ты…

Она замолчала, поняв, что проговорилась. Сжала губы в тонкую линию.

— Не расстраивайся. Я и так все о тебе знаю. — Он указал на ее одежду. — Никаких тканей. Шкуры, прошитые кишками. Хорошие меха имла и соррла. Соррл к западу от границы не вырастает таким крупным.

Видя ее отчаяние, он пожал плечами.

— Я сам несколько раз бывал за горами. Разве родители не говорили тебе, что это запрещено? По большей части это справедливо. Но если я кого-то преследую, то могу пройти куда угодно.

Она опустила взгляд.

— Так что я не была бы в безопасности, даже если бы…

— Бежала быстрей и ушла за переход? Пересекла какую-то воображаемую линию, за которой я не смог бы тебя преследовать? — Двер рассмеялся, стараясь не делать это слишком недружелюбно. — Рети, успокойся. Ты не у того украла лук, вот и все. Если бы понадобилось, я преследовал бы тебя и за пустыней Солнечного Восхода.

Разумеется, это хвастовство. Ничто на Джиджо не стоит двухтысячелигового путешествия через район вулканов и горящих песков. Но Рети удив-

ленно распахнула глаза. А Двер продолжал:

— Я ни разу не видел твое племя в своих походах на восток, так что, наверно, оно далеко на юге. У Ядовитой равнины? Серые холмы? Я слышал, там такая запутанная местность, что маленькое племя, если будет осторожно, вполне может спрятаться.

Ее карие глаза полны были болью и усталостью.

— Ты ошибаешься. Я не из… этого места.

Она угнетенно замолчала, и Двер посочувствовал ей. Он знал, каково чувствовать себя неловко среди своих. Собственная одинокая жизнь не очень способствовала преодолению застенчивости.

Именно поэтому мне необходимо на Собрание! Сара дала ему письмо к аналитику Пловову. А дочь Пловова — совершенно случайно — красавица и еще не обручена. Если повезет, Двер сможет пригласить Глори Пловов прогуляться и, может, расскажет что-нибудь, что произведет на нее впечатление. Например, как он в прошлом году остановил мигрирующее стадо морибулов и не дал им броситься с утеса в бурю. Может быть, рассказывая, он не будет заикаться и она не станет посмеиваться, как всегда делает.

Неожиданно его охватило нетерпение.

— Ну, незачем сейчас об этом тревожиться. — Он знаком велел Рети снова вести впереди глейвера. — С тобой будет разговаривать один из младших мудрецов, так что тебе не придется предстать перед всем советом в одиночестве. И мы больше не вешаем сунеров. Если, конечно, не бываем вынуждены.

Он попытался подмигнуть ей, но не сумел поймать ее взгляд, поэтому шутка получилась неудачная. Пока он перевязывал ее веревку, она смотрела в землю, а потом они снова двинулись цепочкой.

Усиливающаяся сырость сменилась туманом, все громче раздавались звуки падающей воды. Там, где тропа поворачивала, сверху падал ручей, множеством брызг разбиваясь в аквамариновом бассейне. Дальше вода падала с обрыва и возобновляла свой крутой спуск к реке далеко внизу и, в конечном счете, — к морю.

Спуск вниз к бассейну казался слишком рискованным для Рети и глейвера, поэтому Двер сделал знак продолжать путь. Ручей они пересекут дальше.

Но нур принялся перепрыгивать с камня на камень. И вскоре они услышали, как он весело

плещется в воде.

Двер подумал о другом водопаде, там, где Большой Северный, ледник достигает утеса на краю континента. В прошлом году он там во время весеннего таяния охотился за шкурами бранкуров. Но на самом деле пришел туда, чтобы посмотреть, как ломается ледяной затор у входа в озеро Опустошения.

Огромные, в километр, прозрачные пласты льда раскалываются с грохотом, заполняющим небо, и с ревом оживают могучие водопады.

Однажды он по-своему попытался описать это зрелище Ларку и Саре — эти кричащие цвета и радужные шумы, — надеясь, что практика поможет ему справиться с неловким языком. И конечно, глаза сестры вспыхнули при описании чудес за пределами узкого Склона. Но добрый старый благоразумный Ларк только покачал головой и сказал: *Эти замечательные чудеса отлично обойдутся и без нас.*

Обойдутся ли? Двер в этом сомневался.

Есть ли красота в лесе, если никто не смотрит на него и не называет прекрасным? Разве не для этого существует “разум”?

Он надеялся когда-нибудь отвести свою жену и подругу к водопадам Опустошения. Если най-

дется кто-нибудь, чья душа способна разделить с ним его восхищение.

Нур догнал их немного спустя, он улыбался и отряхивал гладкую черную шерсть, обдавая путников брызгами. Рети рассмеялась. Короткий, резкий и торопливый звук, как будто она не надеялась на долгое удовольствие.

Ниже по тропе Двер остановился в том месте, где по скале стекал тонкий ручеек. Это зрелище напомнило, как отчаянно ему хочется пить. И вызвало вздох, напомнив об одиночестве.

— Давай, малышка. Там внизу еще один бассейн, до него легче добраться.

Но Рети стояла неподвижно, и щеки у нее были влажные. Впрочем, Двер решил, что это туман.

Аскс

Они не показывались. Должно быть, мы смешали их планы. Некоторые из нас, возможно, выживут, чтобы дать показания. Естественно, они решили не показываться.

Свитки предупреждали нас о такой возможности. Казалось, судьба наша предопределена. Но когда голос звездного корабля заполнил долину, ясно стало стремление успокоить нас.

(Простые) ученые мы.

Обзор (местных, интересных) форм жизни мы готовим.

Никому не причиняем вреда.

* * *

Это сообщение — в свистах и щелчках строго формального Галактического два — было передано и на трех других стандартных языках и наконец — очевидно, они увидели в толпе людей, — на языке волчат англике.

В изучении (местных, уникальных) форм жизни мы просим вашей (великодушной) помощи,

Знание (местной) биосферы, вы им (несомненно) обладаете.

Инструменты и (полезные) знания мы готовы предложить в обмен.

Можем ли мы — уверенно — приступить к (взаимному) обмену?

Припомните, мои кольца, как мы в замешательстве переглядывались. Можно ли верить таким клятвам? Мы, живущие на Джиджо, преступники в глазах огромной империи. Но те, что на борту корабля, тоже. Может, у наших двух групп есть общие цели?

Наш мудрец-человек лаконично подвел итог.

На англике Лестер Кембел глубокомысленно произнес:

– Уверенно, волосатые подмышки моих предков!

И почесался красноречиво и очень уместно.

Ларк

В ночь накануне прилета чужаков цепочка пилигримов в белых одеяниях брела в предрассветном тумане. Их было шестьдесят, по десять от каждой расы.

Этим же путем во время праздника пройдут и другие группы в поисках образцов гармонии. Но эта отличалась от остальных — у нее чрезвычайно серьезная миссия.

Вокруг собирались тени. Искривленные, изогнутые деревья, подобно призракам, протягивали переплетенные ветви. Сливались и смешивались маслянистые испарения. Тропа резко поворачивала, огибая темные провалы, очевидно, бездонные, в них отдавалось загадочное эхо. Обветренные камни своими формами бросали вызов воображению, усиливали нервное напряжение путников. Откроется ли за следующим поворотом наиболее почитаемое на Джиджо

материнское Яйцо?

Какие бы различные органические особенности ни унаследовали пилигримы шести рас в четырех разных галактиках, все они сейчас испытывали неудержимый порыв к единству. Ларк шагал в соответствии с ритмом, который передавал реук у него на голове.

Я десятки раз проходил этой тропой. Она должна быть мне знакома. Почему я не могу откликнуться?

Он попытался настроить свой реук на цвета и звуки реального мира. Шаркали шаги. Стучали копыта. Шуршали кольца и скрипели колеса. Пыльная тропа так плотно утоптана пилигримами, что можно подумать, будто она восходит к самому началу изгнания, а не насчитывает всего сто с небольшим лет.

А к чему обращались раньше, когда нуждались в надежде?

Брат Ларка, знаменитый охотник, однажды тайной тропой провел его на соседнюю гору, откуда яйцо можно было увидеть *сверху.* Оно лежало в своей вулканической кальдере, словно потомство в гнезде сказочного дракона. Издали его можно принять за какой-то древний буйурский памятник или след еще более древних — на

многие эпохи — обитателей Джиджо, загадочный часовой, неподвластный времени.

Мигнешь — и это уже приземлившийся *межзвездный корабль*, продолговатая линза, предназначенная для скольжения по воздуху и эфиру. Или *крепость*, созданная из сверхпрочного материала, пьющая свет, отражающая его, плотнее нейтронной звезды. Ларк даже представил себе на мгновение панцирь какого-то гигантского существа, слишком терпеливого или гордого, чтобы обращать внимание на мух-поденок.

Эти мысли тревожили его, заставляя переоценить свое представление о священном. И это прозрение все еще с Ларком. И, возможно, ему предстоит выслушать немало насмешек со стороны толпы верующих, к которой он вскоре намерен обратиться с речью. Но такая проповедь требует самопожертвования.

Тропа повернула — и неожиданно устремилась вниз, в каньон с крутыми стенами, окружающими гигантскую овальную фигуру, в два полета стрелы от одного конца до другого, фантастическим образом возникшую перед пилигримами. Ее поверхность, изгибаясь, уходила вверх от тех, кто в благоговении собрался у ее основания. Глядя вверх, Ларк знал.

Это не может быть ничем из того, что я себе воображал издали.

Вблизи, под массивным закрывающим вид корпусом, всякий мог увидеть, что Яйцо состоит из *местного природного камня.*

На боках видны следы его рождения, отметки яростной матки Джиджо, которая где-то глубоко внизу продолжает сокращаться. Рисунок слоев похож на мышечные нити. Хрустальные вены сплетаются в дендритном узоре, разветвляясь, как нервы.

Путники медленно входили под выпуклое Яйцо, давая ему почувствовать свое присутствие и надеясь получить благословение. Там, где гигантский монолит вдавился в черный базальт, шестьдесят начали обход. Сандалии Ларка скрипели на зернистой пыли, которая цеплялась за пальцы, и благоговение и мир этого мгновения частично испортило воспоминание.

Однажды, когда он был высокомерным мальчишкой десяти лет, ему в голову пришла идея — прокрасться за Яйцо и взять его образец.

Это происходило в юбилейный год, когда бумажник Нело отправлялся на Собрание, где происходила встреча его гильдии, и южанка Мелина, его жена, настояла на том, чтобы он взял

с собой Ларка и маленькую Сару.

Прежде чем они начнут всю жизнь работать в твоей бумажной фабрике, пусть немного посмотрят на мир.

Как, должно быть, впоследствии Нело проклинал свое согласие, потому что это путешествие изменило Ларка и его сестру.

В пути Мелина часто раскрывала книгу, недавно напечатанную мастером в городе Тарек, заставляла мужа останавливаться — он нетерпеливо стучал своей тростью — и вслух со своим южным акцентом читала описания различных растений, животных или минералов, которые встречались вдоль дороги. Тогда Ларк не знал, сколько поколений трудились, создавая этот путеводитель, собирая устные рассказы представителей всех изгнанных рас. Нело считал книгу отличным образом печатного и переплетного мастерства, хорошим использованием бумаги, иначе не разрешил бы показывать детям плохо изготовленный товар.

Мелина придумала игру — узнавать реальные предметы, сравнивая их с рисунками в книге. И то, что могло для детей быть скучным путешествием, превратилось в приключение, затмившее само Собрание, так что когда они

наконец пришли, усталые, со стертыми ногами, Ларк уже влюбился в эту планету.

Теперь эта книга, пожелтевшая, истрепанная и устаревшая благодаря трудам самого Ларка, как талисман, всегда в кармане его плаща. *Оптимистическая часть моего характера. Та часть, которая считает, что можно научиться.*

Когда цепочка пилигримов приблизилась к дальнему концу Яйца, он сунул руку под одежду, чтобы коснуться другого своего талисмана. Этот он не показывал никому, даже Саре. Камень, размером *с* большой палец, на кожаной нити. Двадцать лет он хранится рядом с бьющимся сердцем и всегда кажется теплым на ощупь.

Моя темная сторона. Часть, которая уже знает.

Пилигримы цепочкой шли мимо того места, которое Ларк так хорошо помнил, и камень в руке казался *горячим.*

Только на третьем своем Собрании он набрался решимости — ученик ремесленника, вообразивший себя ученым, — ускользнул от праздничных павильонов, ныряя в пещеры, чтобы избежать проходящих пилигримов, затем метнулся под изогнутую поверхность, куда может пролезть только худой ребенок, извлек свой молоток для

отбивания образцов…

За все прошедшие годы никто не упомянул о шраме — свидетельстве его святотатства. Да он и не может быть заметен среди других бесчисленных царапин, покрывающих поверхность Яйца. Но даже клочья тумана не могли закрыть от Ларка это место, когда он проходил мимо.

Неужели после всех этих лет детский проступок продолжает его смущать?

Знание того, что он прощен, не уничтожает стыд.

Процессия прошла мимо, и камень похолодел, стал беспокоить не так сильно.

Может быть, это иллюзия? Какой-то естественный феномен, знакомый ученым Пяти Галактик? (Хотя для примитивных народов, прячущихся на запретной планете, он остается совершенно непостижимым.) Симбионты реуки широко распространились только в прошлом столетии, давая бесценную возможность заглянуть в душу других существ. Яйцо ли вызвало их появление, как считают некоторые, чтобы помочь Шести преодолеть войны и раздоры? Или это просто еще одно чудо, оставленное генетиками-колдунами буйурами, когда эта галактика кишела бесчисленными чуждыми расами?

Порывшись в архивах Библоса, Ларк понял, что его смятение типично для людей, пытающихся разобраться в священном. Даже великие галакты, чьи знания преодолевают пространство и время, непрерывно спорили из-за противоречивых догм. Если могучие звездные боги могут попасть в затруднительное положение, какая у него может быть уверенность?

Есть одно, в чем согласны обе мои стороны.

И научная работа, и сердечная боль приводили Ларка к одному и тому же выводу:

Нам здесь не место.

Именно об этом говорил он позже пилигримам, собравшимся в грубо сработанном амфитеатре, где восходящее солнце окружило продолговатое Яйцо сверхъестественным блеском.

Они собрались рядами, сидели, складывали торсы и многочисленные конечности в выражении внимания. Первым выступил вероотступник квуэн Харрулен, он говорил на поэтическом диалекте, свистя всеми своими пятью ножными щелями. Он призывал мудро служить этому миру, источнику всех их атомов. Затем, наклонив свой синий панцирь, Харрулен представил Ларка. Многие пришли издалека, чтобы выслушать его ересь.

— Нам говорят, что наши предки были преступниками, — начал Ларк сильным голосом, преодолевая внутреннее напряжение. — Крадущиеся корабли один за другим прилетали на Джиджо, уходя от патрулей великих Институтов, прячась от дежурных шаров зангов, заметая следы в потоках излучения великой Измунути, чей углеродный ветер начал маскировать эту планету несколько тысяч лет назад. Они явились в поисках спокойного места, где могли бы совершить свое преступление.

У каждого корабля основателей были свои причины. Рассказы о преследованиях и пренебрежении. Все сожгли и потопили свои корабли, сбросили свои богоподобные инструменты в Большую Помойку и предупредили потомков, чтобы те опасались неба.

С неба придет суд когда-нибудь — наказание за преступление выживания.

Солнце показалось из-за края Яйца, ударив лучом в глаз Ларка. Он избежал этого, наклонившись в сторону аудитории.

— Наши предки вторглись в мир, оставленный после многих веков жестокой эксплуатации. Мир, многочисленным видам которого — естественным и искусственным — требовалось время,

чтобы восстановить нарушенное равновесие, при котором могут возникнуть новые чудеса. Цивилизации Пяти Галактик пользовались такими правилами еще до того, как загорелась половина видимых нами звезд.

Почему же наши предки нарушили эти правила?

Все пилигримы г'кеки смотрели на него двумя широко расставленными глазами, остальные два глазных стебля спрятаны в знак глубокого внимания. Типичный слушатель ур направлял узкую голову не на лицо Ларка, а ему в живот, чтобы все три черных разреза, окружающих пасть, могли видеть одновременно. Реук Ларка подчеркивал эти знаки, а также аналогичные признаки внимания со стороны хунов, треки и квуэнов.

Пока они со мной, думал Ларк.

— О, наши предки постарались уменьшить ущерб. Наши поселки расположены в узкой, геологически беспокойной зоне, в надежде что когда-нибудь вулканы скроют следы нашего пребывания, не оставляя никаких свидетельств. Мудрецы указывают, кого мы можем убивать и есть, где строить, чтобы как можно меньше вмешиваться в жизнь остальной части Джиджо.

Но никто не может отрицать, что ущерб при-

чинен и продолжает причиняться каждым часом нашей жизни здесь. Теперь вымерли рантаноиды. Наша ли это вина? Кто знает? Сомневаюсь, чтобы могло сказать даже Святое Яйцо.

Гул в толпе. Над глазами реук вспыхивает многоцветными красками. Некоторые буквально все понимающие хуны полагают, что он зашел слишком далеко. Другие, вроде г'кеков, более привычны к метафорам.

Пусть об оттенках заботятся их реуки, подумал Ларк. *Сосредоточься на самом сообщении.*

Наши предки сообщили нам причины, передали предупреждения, установили правила. Они говорили о плате, о Пути Избавления. Но я говорю, что все это бесполезно. Пора покончить с фарсом и посмотреть в лицо правде.

Наше поколение должно сделать выбор.

Мы должны стать последними представителями своих видов на Джиджо.

Путь назад проходил мимо темных пещер, выдыхающих блестящие испарения. Время от времени из этих отверстий доносился грохот природного подземного взрыва, затем другой, и с каждым повторением звук слабел.

Катиться вниз г'кекам гораздо легче. Но несколько треки, приспособленных к жизни в

болотистых зарослях, мрачнели от напряжения, стараясь не отстать на поворотах. Чтобы облегчить путь, пилигримы хуны напевали негромкий атональный мотив, как часто делают в море. Большинство пилигримов сняло отнимающие силы реуки. И теперь все были заняты собой, своими мыслями.

Легенды говорят, что у искусственного интеллекта и у зангов все обстоит по-другому. Групповое сознание не нуждается в убеждении. Эти существа просто соединяют свои сознания, становятся одним целым и принимают решение.

Но не так-то легко обычному представителю Шести рас присоединиться к новой ереси. Глубокий врожденный инстинкт заставляет каждую расу размножаться и воспроизводиться как можно надежнее. А для таких людей, как его отец, вполне естественно стремиться к лучшему будущему.

Но не здесь, не на этой планете.

Утренняя встреча подбодрила Ларка. *В этом году мы убедили немногих. Потом будет больше. Вначале нас будут терпеть, потом начнут сопротивляться. Но в конечном счете решение будет принято без насилия, путем всеобщего*

согласия.

В полдень по тропе пронесся гул голосов — это прибывающие пилигримы демонстрировали свою набожность, они пели о радости Собрания. За испарениями фумарол Ларк разглядел фигуры в белом. Предводители приветствовали группу Ларка, уже возвращающуюся с поклонения, и отошли в сторону, уступая дорогу.

И когда группы проходили мимо друг друга, ударил гром, сталкивая и развевая одежды. Хунны пригибались, зажимая уши, г'кеки закатывали глазные стебельки. Один несчастный квуэн едва не упал в пропасть, отчаянно вцепившись клешней в искривленное дерево.

Вначале Ларк подумал о выходе газов.

Когда затряслась земля, в голову пришла мысль об извержении.

Позже он узнает, что звук исходил не с Джиджо, а с неба. Он возвещал о роковом прибытии, и мир, который был знаком Ларку, неожиданно закончился — раньше, чем кто-либо мог ожидать.

Аскс

Находящиеся в корабле открыли небольшое отверстие в его блестящем борту. И все увидели в

этом выходе посланца, какого не видел никто из ныне живущих в Общине.

Это был робот!

Моим/нашим кольцам пришлось обратиться в одну из мириадов влажных ячеек памяти, чтобы узнать эти очертания, которые я/мы однажды видел в человеческой книге.

Какая книга? А, спасибо тебе, я сам. *“Обзор основных галактических орудий” Джейна.* Один из редчайших уцелевших плодов Великой Печати.

Точно как на том древнем рисунке, этот плывущий механизм представлял собой черную октагональную плиту высотой с молодого квуэна, висящую над землей на уровне моего зрительного кольца; над плитой и под ней виднелось множество различных устройств и инструментов. С того момента как люк за ним закрылся, робот игнорировал все неровности поверхности, оставляя за собой полосу, на которой трава, булыжники и почва были спрессованы незримой тяжестью.

При появлении робота все отступили. И лишь одна группа существ оставалась на месте, ожидая создание не из плоти. Это были мы, мудрецы. Нас удерживал на месте якорь *ответственности,* удерживал так надежно, что даже мой

сегмент-основание застыл неподвижно, хотя от него исходило стремление бежать. Таким образом, робот — или его хозяева на корабле — знал, кто имеет право/обязанность вести переговоры. Робот застыл перед Вуббеном, он в течение пяти-шести дуров словно разглядывал нашего старейшего мудреца, возможно, ощутив, с каким почтением мы все относимся к старейшему г'кеку. Потом попятился, чтобы охватить нас всех.

Я/мы смотрел в зачарованном благоговении. В конце концов это ведь *вещь*, предмет, как речной корабль хунов или инструмент, оставленный исчезнувшими буйурами. Но наши орудия не умеют летать, да и инструменты буйуров не проявляют такой способности.

А эта вещь не только двигалась, но и говорила, повторяя первоначальное сообщение:

В изучении (местных, уникальных) форм жизни мы просим вашей (великодушной) помощи.

Знание (местной) биосферы, вы им (несомненно) обладаете.

Инструменты и (полезные) знания мы готовы предложить в обмен.

Можем ли мы — уверенно — приступить к (взаимному) обмену?

Наши реуки оказались бесполезны, они съежи-

лись от мощного потока нашего страдания. Тем не менее мы, мудрецы, выполняли намеченное. По всеобщему согласию Вуббен выкатился вперед, его колеса скрипели от старости. Демонстрируя дисциплину, он повернул все свои глазные стебельки к чуждому устройству, хотя ясно было, что он переполнен тревогой.

Мы несчастные потерпевшие крушение, произнес он в синкопических щелчках и свистах формального Галактического два. Хотя наши урские братья находят этот язык самым легким и даже используют в общении между собой, все признавали, что г'кек Вуббен безупречно владеет его грамматикой.

Особенно когда необходимо солгать.

Несчастные потерпевшие кораблекрушение, невежественные и застрявшие на этой планете.

Мы рады. Мы полны удивления перед случившимся. Вестник спасения!

Сара

На некотором расстоянии ниже деревни Доло река проходит через большие болота. Известно, что здесь даже моряки хуны теряют главное русло и натыкаются на корни или на подвижные

мели. В обычных условиях терпеливый экипаж мусорного судна *Хауф-воа* мог рассчитывать на ветер, ритмичный подъем и падение уровня реки, которые помогали пройти. Но сейчас условия необычные. Поэтому моряки сбросили зеленые плащи, обнажив пятна тревоги вдоль комковатого спинного хребта, и принялись толкать *Хауф-воа* шестами из древесины лессербу. Даже пассажирам пришлось помогать, чтобы не дать илистому дну зацепить киль и задержать корабль. Экипаж, состоявший из нуров, нервничал, нервно лаял, перемещаясь по мачтам, пропуская приказы и роняя снасти.

Наконец, перед самым наступлением темноты, капитан-лоцман провел нарядный нос *Хауф-воа* мимо последних зарослей водяной травы к Мысу Соединения, где многочисленные рукава реки снова соединялись, образуя еще более могучее русло. По обеим берегам снова показался лес тару, расстилая над головой свой гостеприимный полог. Казалось, после тяжелого дня воздух сразу выпустил экипаж и пассажиров из своих влажных объятий. Кожу, чешую и шкуру ласкал прохладный ветерок. Гладкошкурые хуны прыгали за борт и плавали вдоль борта, потом взбирались на мачты и рангоут и там сушились

и прихорашивались.

Сара поблагодарила Прити, когда помощница принесла ей ужин в деревянной чашке, шимп в стороне занялась собственным ужином, чтобы выплевывать за борт пряную зелень: повара хуны любят остроту и придают ее каждому блюду. Речные существа, питающиеся отбросами, пускали пузыри; они были не так привередливы. Сара не возражала против острого вкуса, хотя большинство землян вырвало бы от многих дней корабельной пищи.

Когда позже Прити принесла два одеяла, Сара выбрала самое теплое, чтобы укрыть Незнакомца, который спал у главного трюма, забитого аккуратными ящиками с мусором. На лбу у раненого выступила испарина, которую Сара вытирала сухой тканью. Со вчера Незнакомец не проявлял признаков сознания, как тогда, когда яркий болид расколол небо.

Сара испытывала дурные предчувствия, отправляясь с раненым в торопливую напряженную поездку. Но в городе Тарек есть хорошая больница. И там она может приглядывать за ним, в то же время выполняя обязанности, которые ей поручили на поспешном лихорадочном собрании у Дерева Встреч.

Рядом черной башней возвышался Пзора, неподвижный, но внимательно следящий за состоянием пациента. Аптекарь время от времени выдыхал острые испарения: его специальное кольцо осуществляло химические реакции, которые были недоступны пониманию лучших ученых Джиджо и даже самих треки.

Завернувшись в другое одеяло, мягкое, сплетенное г'кеками, Сара повернулась и стала наблюдать за пассажирами.

Поблизости лежал Джома, молодой сын Хенрика, взрывника; он сильно возбудился, впервые в жизни покидая дом, и теперь негромко похрапывал. Ближе к мачте сидел Джоп, заросший щетиной представитель фермеров Доло; в полутьме он всматривался в кожаный экземпляр какого-то Свитка. Еще дальше у правого борта Улгор, лудильщица, та самка — ур, что выступала на деревенском собрании, сидела лицом к резчику квуэну, по имени Блейд-Лезвие, одному из многочисленных сыновей матриарха Лог Байтер. Блейд много лет жил среди образованных серых квуэнов в городе Тарек, так что выбор его в качестве представителя улья Доло казался вполне естественным.

Из обитой мхом сумки Улгор извлекла дро-

жащего симбионта — реука, того типа, что специально приспособлен к узкой голове ура. Дрожащие мембраны прикрыли три ее глаза, создавая Маску Откровения. Тем временем реук Блейда обернулся вокруг зрительной полоски, разделяющей его дынеобразный купол. Ноги квуэна втянулись, оставив снаружи только клешни.

Эта пара беседовала на упрощенном диалекте Галактического два, наиболее трудного для людей. Больше того, ветер уносил дрожащие тона свиста, оставляя только более низкие синкопированные щелчки. Может быть, поэтому оба путника не опасались, что их подслушают.

Но, как часто бывает, они недооценили остроту человеческого слуха.

Или они рассчитывают на то, что называется общепринятой вежливостью, иронично подумала Сара. В последнее время она привыкла подслушивать — привычка, совершенно не свойственная обычно застенчивой, стремящейся к одиночеству женщине. Причина — недавнее увлечение языками. Но на этот раз усталость победила любопытство.

Оставь их в покое. У тебя будет достаточно возможностей изучать диалекты в городе Тарек.

Сара перенесла одеяло в другое место, между двумя корзинами с печатями Нело. От них исходил домашний запах бумажной мельницы. После лихорадочной общей встречи у нее было совсем мало времени для отдыха. Через несколько мидуров после встречи городские старейшины прислали вестника, который разбудил Сару и передал поручение — отправиться в составе делегации вниз по реке в поисках информации и указаний. Она была избрана за свое близкое знакомство с Библосом, а также как представитель ремесленников Доло — точно так же как Джоп будет говорить от лица фермеров, а Блейд — от живущих выше по течению квуэнов. В делегацию включили также Улгор, Пзору и Фекуна, г'кека, писца-танцора. И поскольку каждый и так собирался по своим делам отправляться в город Тарек на борту *Хауф-вуа,* никто не смог отказаться. Вместе с капитаном корабля были представлены по одному все изгнанные расы Джиджо. Хорошее предзнаменование, надеялись старейшины.

Сара все еще удивлялась, думая о Джоме. Почему Хенрик отправил в путешествие, явно связанное с опасностями даже в спокойные времена, такого мальчика?

Он будет знать, что нужно делать, объяснил

неразговорчивый взрывник, оставляя сына под номинальным присмотром Сары. *Когда доберетесь до города Тарика.*

Если бы я могла то же самое сказать о себе, тревожилась Сара. Как ей ни хотелось отказаться от поручения, это было невозможно.

Прошел год со смерти Джошу, когда стыд и горе сделали тебя отшельницей. Да и кто вспомнит о том, что ты вела себя, как дура, из-за мужчины, который никогда не мог бы стать твоим? Теперь, когда знакомый нам мир подходит к концу, все это кажется таким мелким.

Одна в темноте Сара тревожилась.

Не грозит ли опасность Ларку и Дверу? Или что-то ужасное произошло на Собрании?

Она чувствовала тепло Прити, свернувшейся рядом под своим одеялом. Рулевой — хун напевал печальную мелодию со словами на языке, которого Сара не знала, она только ощущала непонятное спокойствие и одновременно ощущение грядущей беды.

Все образуется, словно говорил хун.

И наконец сон охватил уставшее тело Сары. Последней ее мыслью было:

Надеюсь… на… это…

Позже, посреди ночи, кошмар заставил ее рыв-

ком сесть, сжимая край одеяла. Глаза ее смотрели на мирную реку, освещенную двумя лунами, но сердце Сары бешено билось.

Огонь.

Лунный свет отражался в воде, но для нее он был огнем, пожирающим Библос, покрывая его пеплом половины миллиона сгоревших книг.

Незнакомец

Он без сознания и не в состоянии контролировать темные образы, которые прокатываются по замкнутой вселенной его разума.

Это очень тесная вселенная — узкая и ограниченная, но кишащая звездами и смятением. Туманностями и болью.

И водой. Всегда водой — от черных плотных ледяных полей до космических облаков. Таких разреженных, что вы можете даже не заметить, что они кишат существами размером с планету. Живые существа, медлительные и редкие, как пар плывут по морю почти вакуума.

Иногда он думает, что вода никогда не оставит его в покое. Не позволит ему просто умереть.

Он слышит ее и сейчас, настойчивую музыку воды, проникающую в его бред. На этот раз

музыка доносится к нему мягким плеском — дерево скользит по мягкой жидкости, словно корабль несет его из места, которое он не может вспомнить, в другое место, названия которого он никогда не узнает. Эта мелодия успокаивает, этот звук отличается от сосущего сжатия ужасного болота, где ему казалось, он вот-вот утонет…

…как он почти утонул когда-то давно, когда Старейшие заключили его, кричащего, в хрустальный шар, который заполнили жидкостью, растворяющей все, к чему прикоснется…

или как он однажды боролся за дыхание на зеленой -зеленой -зеленой планете, чей густой воздух не проникал в легкие, когда он, спотыкаясь, брел к страшной, сверкающей джофурской башне…

или когда эти тело и душа неслись, стиснутые, не способные даже вздохнуть, пока он преодолевал узкий проход, который, казалось, пронизывает его до самого позвоночника… и неожиданно выбрасывает в царство ослепительного света, расстилающееся вокруг и…

Сознание его отшатывается от этих неконтролируемых образов. В лихорадке он не понимает, какие из этих образов он на самом деле помнит, какие преувеличены, а какие его мозг просто

извлек из мерзкого вещества кошмаров…

…как инверсионный (вода!) след космического корабля в небе напомнил ему о доме…

…или зрелище существ, подобных ему (снова вода!), живущих в мире, в котором им явно не место…

В хаос лихорадочных галлюцинаций проникает еще одно впечатление. Каким-то образом он знает, что это не иллюзия, что это впечатление реально. Ощущение прикосновения, мягкое успокаивающее поглаживание лба. Сопровождаемое успокаивающим негромким голосом. Он не понимает слов, но приветствует это ощущение, даже зная, что его не может быть. Не здесь. Не сейчас.

Это прикосновение позволяет ему чувствовать себя не таким одиноким.

Постепенно оно даже разгоняет ужасные образы, воспоминания и кошмары, и он засыпает спокойно, без бреда.

V . КНИГА МОРЯ

Когда придет день суда, вас спросят о мертвых.
Какие живые виды, прекрасные и уникальные, больше не существуют, потому что вы, скваттеры, избрали для себя запретный мир?
А как насчет ваших собственных мертвецов? Ваших трупов, ваших покойников, ваших останков? Ваших инструментов и вещей? Как вы избавитесь от них?
Будьте праведны, сунеры Джиджо. Покажите, как вы старались. Сделайте последствия вашего преступления менее значительными. (Оскорбление жизни.)
Преступление – и соответственно наказание – может быть сделано более легким, если оно принесет меньше зла.

Свиток Совета

Рассказ Олвина

Поезд на гору Гуэнн поднимается по крутому

склону от порта Вуфон до мастерской кузнеца Уриэль. Рельсовая дорога маленькая, ее трудно разглядеть, даже если приглядываешься. И тем не менее мудрецы разрешили ее сооружение только потому, что необходимо перевозить вниз орудия, изготовленные Уриэль. К тому же она не использует искусственные источники энергии. Вода из горячего источника высоко в горах наполняет бак ожидающего вверху вагона. А бак нижнего вагона тем временем опустошается, так что вагон, даже с пассажирами, становится гораздо легче. Когда убирают тормоз, более тяжелый вагон устремляется вниз, таща за собой трос, который в свою очередь тащит нижний вагон *вверх.*

Звучит неуклюже, но на самом деле вагоны движутся очень быстро, и посредине можно даже испугаться, когда второй вагон словно устремляется на тебя по тем же самым деревянным рельсам. И вот в долю секунды он проносится мимо. Как это возбуждает!

Расстояние свыше сорока полетов стрелы, но когда вагон достигает нижней точки, вода в баке все еще почти кипит — именно поэтому местные жители устраивают стирку в день, когда Уриэль спускает свои изделия в порт.

Ур– Ронн говорит, что эту дорогу делает воз-

можным только одно -единственный уцелевший кусок буйурского троса. Настоящее сокровище, возместить которое невозможно.

Гора Гуэнн в тот день вела себя хорошо, в воздухе было мало пепла, и мне даже не понадобился плащ. Гек все равно надела очки на каждый из своих глазных стебельков, Клешне приходилось все чаще опрыскивать купол, по мере того как воздух становился разреженней и Вуфон превращался в игрушечную деревушку под покровом маскирующей зелени. Густые заросли растущих на низинах бу сменились рядами многоствольных деревьев горреби, затем пошли перистые кусты, которые по мере подъема встречались все реже. Это не та местность, к которой привыкли красные квуэны. Тем не менее новости Ур-Ронн очень возбудили Клешню.

— Вы видели? Иллюминатор готов! Последнее, что нам нужно было для лодки. Еще немного работы, и все будет готово-тово!

Гек презрительно фыркнула. Проделала она это отлично: это один из человеческих жестов, о которых мы не только читаем, но и видим. Так всегда поступает местный учитель господин Хайнц, когда ответ ему не нравится.

— Здорово, — заметила Гек. — Тот, кто будет

внутри, сразу увидит того, кто его съест. Я невольно рассмеялся.

— Хрррм. Значит, ты признаешь, что морские чудовища могут существовать?

Гек удивленно повернула ко мне три глазных стебелька. Не часто ее можно так поймать.

– Я признаю, что хочу, чтобы меня отделяло от того, что ютится внизу, в двадцати тысячах лиг под поверхностью моря, что-нибудь более прочное, чем урское стекло!

Признаюсь, ее отношение меня удивило. Такая горечь совсем не похожа на Гек. И я постарался ослабить напряжение.

— Послушайте, меня всегда интересовало. Кто-нибудь точно знает, сколько это — лига?

— Я однажды заглянула в словарь, но не поняла, что там написано.

Клешня пожаловался:

— Послушайте, вы двое, если вы опять собираетесь начать…

Я прервал его:

— Если кто-нибудь знает ответ, я хотел бы его получить.

— Хе! — Гек загремела своими спицами. — Для этого нужно понимать, что там говорится.

— Хрррм. Не знаю даже, что такое фарлонг.

— О-хо-хо-хо-хо! — жаловался Клешня всеми своими пятью ртами.

Так мы проводили время, поднимаясь в пустыню, лишенную жизни, и, полагаю, это показывает, что мой отец прав, когда называет нас подражателями людям хьюмикерами. Но Галдва и Галшесть не приспособлены для игры словами. На них всего не выразишь! Можно на Галсемь, но по той же причине это не так забавно.

По мере приближения к вершине горный склон становился все мрачней; здесь вулканические испарения окутывают широкие плечи горы Гуэнн, маскируя дым печей Уриэль. Древние вулканические выбросы кристаллизовались таким образом, что отбрасывают многоцветные радуги, меняющиеся по мере движения. Совсем недалеко отсюда подобные же кристаллы тянутся насколько хватает глаз по ядовитой равнине, известной под названием Спектральный поток.

В этот день мое воображение разыгралось не по-хунски. Я не мог забыть о могучей силе, кипящей и пузырящейся глубоко под нами. Нигде на Джиджо внутренности планеты не бушуют так сильно, как в том районе, который мы называем Склоном. Нам говорят, что именно поэтому все корабли изгнанников бросили свое семя в одной

и той же части планеты. И нигде на Склоне народ не живет в таком ежедневном контакте со сдерживаемыми силами, как в моем родном городе. Неудивительно, что мы никогда не приглашали семью взрывников, чтобы подготовить наш поселок к уничтожению. Думаю, все полагали, что на протяжении ближайших ста лет Вуфон и так будет благословен вулканом. В крайнем случае за тысячу лет. И это может произойти в любой день. Так зачем беспокоиться?

Нам говорят, что после этого не останется ни следа от наших домов. Но что касается меня, я думаю, Джиджо могла бы и подождать.

Мне десятки раз приходилось ездить в поезде, но я все равно испытываю потрясение, когда вагон поднимается на самый верх и неожиданно, словно ниоткуда, раскрывается просторная пещера, в которую устремляются рельсы. Может, все дело в наших постоянных разговорах о чудовищах, но и на этот раз мой сердечный выступ начал вращаться, когда мы двинулись к тому, что ужасно напоминало голодную *пасть* на склоне гневной и порывистой горы.

Темнота внутри оказалась горячей и сухой, как пыль. Когда вагон рывком остановился, нас встретила Ур-Ронн. Она казалась оживленной,

весело приплясывала на всех четырех копытах, придерживая короткими рабочими руками дверь, пока я помогал Гек выкатиться из вагона. На панцире Клешни сидела маленькая Хуфу, сверкая глазами, словно готовая ко всему.

Может, *нур* и был готов, но то, что сказала наша урская подруга, совершенно вывело из равновесия Гек, Клешню и меня. Ур-Ронн говорила на Галшесть, потому что на этом языке урам легче избежать акцента.

Всей глубиной своих сумок я рада, друзья, что вы пришли так быстро. Теперь быстрей к обсерватории Уриэль, где уже несколько дней она следит за странным объектом в небе!

Признаюсь, я был ошеломлен. Как и все остальные, я несколько дуров просто молча смотрел на Ур-Ронн. Ожили мы одновременно:

— Хрррм, неужели…

— Какого…

— Неужели ты хочешь сказать… Ур-Ронн топнула передней левой ногой.

— Да, хочу! Уриэль и Гибц клянутся, что несколько дней назад обнаружили один или несколько космических кораблей! Больше того, когда корабль видели в последний раз, он приближался и готовился к посадке!

VI . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Кажется ироничным, что большинство ночных созвездий Джиджо названы людьми, самой молодой расой изгнанников. Никто из предыдущих шести рас не додумался до того, чтобы давать группам ничем не связанных звезд забавные названия, ассоциируя их с реальными и вымышленными животными.

Этот своеобразный обычай совершенно очевидно восходит к уникальному прошлому человечества как расы-сироты, или так называемых самостоятельно эволюционировавших волчат, которая вырвалась в космос без руководства со стороны патронов. У всех остальных разумных рас был свой ментор: хунов растили гутатсы, г'кеков — друли, — расы гораздо более древние и мудрые, готовые учить и оказывать помощь младшим.

Но к людям это не относится.

И отсутствие учителей придало огромное своеобразие гомо сапиенс.

Во время долгого одинокого подъема чело-

вечества в многообразных земных культурах возникали самые причудливые обычаи. Такие необычные идеи никогда не пришли бы в голову расе, прошедшей Восхождение, с самого начала познакомившейся с законами природы. Причудливые представления вроде привычки связывать точки на небе с вымышленными созданиями.

Когда земляне впервые проделали это на Джиджо, группы, прибывшие раньше, отнеслись к этому с удивлением и даже подозрением. Но со временем этот обычай словно лишил звезды части связанного с ними ужаса. Г'кеки, хуны и уры сами начали создавать свои небесные мифы, а квуэны и треки с удовольствием слушали легенды, в которых принимают участие.

С самого установления мира ученые расходятся в своих оценках этой практики. Некоторые утверждают, что примитивность этого обычая подталкивает Шесть на путь, пройденный глейверами. И эти утверждения с удовлетворением встречаются теми, кто полагает, что мы как можно быстрее должны спуститься по тропе Избавления.

Другие считают, что человеческий обычай подобен книжной сокровищнице Библоса, уходу от достижения простой чистоты и ясности

мыслей, которые помогут нам, изгнанникам, достичь своей цели.

Наконец, есть и такие, которым подобная практика нравится просто потому, что она приятна и способствует развитию искусства.

Ку– Фухаф Туо. Культурные обычаи
Склона. Гильдия издателей
города Овума. 1922 год изгнания

Аскс

Кто бы мог подумать, что робот способен проявлять удивление? Но разве кто-нибудь из нас мигнул или дернулся в ответ на ложь Вуббена? Импровизированная выдумка, в силу неожиданно возникшей необходимости сочиненная Ур-Джа и Лестером, чьим остроумием и сообразительностью гордятся их теплокровные племена.

Первые свитки — всего лишь десять килослов, выгравированных на полимерных стержнях пионерами г'кеками, — предупреждают о нескольких возможных способах прихода судьбы с неба. Поселенцы глейверы, хуны и квуэны добавили новые свитки. Вначале их ревниво хранили, но потом, во время медленного формирования Общины, постепенно объединили. Наконец появились лю-

ди с их даром бумажных книг. Но даже Великая Печать не смогла покрыть все возможности.

Наиболее вероятной перспективой казалось то, что когда-нибудь нас отыщут великие галактические Институты, в чьи обязанности входит поддержание карантина. Или титанические крейсеры великих кланов патронов обнаружат наше нарушение закона, когда сверкающий глаз, Измунути, перестанет порождать ветер из маскирующих игол.

Наряду с другими возможностями мы думали и о том, что делать, если большой шар дышащих водородом зангов спустится к одному из наших городов, распространяя замораживающие пары в гневе от нашего преступления. Мы обсуждали эти и многие другие возможности, не правда ли, мои кольца?

Но такая возможность никогда не приходила нам в голову — прилет *бандитов.*

Мы рассуждали: даже если преступники прилетят на Джиджо, зачем им показываться нам на глаза? Перед ними богатства обширной планеты, и они даже не заметят хижины примитивных дикарей, далеко ушедших назад от славы своих предков, теснящихся в одном уголке просторной Джиджо.

Но они явились прямо среди нас со смелостью, которая приводит в ужас.

Посол-робот обдумывал сообщение в течение десяти дуров, затем ответил одним кратким вопросом:

Ваше присутствие на этой планете — (странная) случайность?

Помните ли вы, мои кольца, мгновенное волнение, охватившее наши связующие мембраны? Хозяева робота недоумевают! И вопреки всякому разуму или пропорциям силы, инициатива на время принадлежит нам.

В жесте вежливого равнодушия Вуббен скрестил два глазных стебелька.

В вашем вопросе подразумевается сомнение. Больше чем сомнение, в нем серьезные предположения о сути нашей природы.

Эти предположения, накладывают ли они на шеи наших предков кандалы подозрения?

Подозрения в отвратительном преступлении?

Как гибко отвлечение Вуббена. Как похоже на паутину мульк-паука. Он ничего не отрицает и не лжет откровенно. Он только подразумевает!

Просим прощения за (ненамеренное) оскорбление, торопливо проскрежетала машина. *Мы приняли вас за потомков изгнанников. Наверно,*

единый корабль ваших предков потерпел крушение. Пропал, выполняя благородное поручение. Мы в этом не сомневаемся.

Теперь лгали они, и мы в этом не сомневались

Двер

Покинув скалистый хребет Риммер, Двер повел Рети и остальных по мягко спускающемуся к морю району невысоких холмов, который и называется Склоном. Здесь живут Шесть рас.

Двер пытался разговорить свою загадочную пленницу, заставить ее говорить о себе. Но на свои первые усилия услышал односложные ответы. Очевидно, Рети была недовольна тем, что он многое смог узнать о ней по ее внешности, по одежде из звериных шкур, по речи и манерам…

Ну и чего же ты ожидала? Что перейдешь через горы, зайдешь в наш поселок и никто тебя ни о чем не спросит?

Один только ожог на щеке сразу привлечет к ней внимание. Не в том дело, что уродства не встречаются на Склоне. Несчастные случаи происходят часто, и даже самые современные мази треки — примитивное лекарственное средство по галактическим стандартам. И тем не менее,

куда бы ни пошла Рети, ее сразу замечали бы.

За едой она алчно поглядывала на предметы, которые он извлекал из мешка. Чашка и тарелка, алюминиевый котелок, изготовленный ударами молота, спальный мешок, подбитый мехом херчина, — все это вещи, которые слегка облегчают существование тех, чьи предки отказались от образа жизни звездных богов. Двер видел простую красоту тканой одежды, которую носит, своей обуви на подошве из древесной смолы, даже элегантной, состоящей из трех отдельных частей урской зажигалки — все это образцы примитивной культуры, такой же, какая была у его предков-волчат, которые одиноко жили на старой Земле. На Склоне большинство жителей воспринимает такие предметы как нечто само собой разумеющееся.

Но для клана сунеров — нелегальных скваттеров, ведущих трудную жизнь за границей, — эти предметы могут казаться сокровищами, обладание которыми стоит любого риска.

Двер думал, первый ли это случай. Может, Рети просто первой поймали. Некоторые случаи воровства, в которых винили нуров, на самом деле могут быть виной других грабителей, приходящих через горы из какого-то далекого

отшельничьего племени.

Таков был твой замысел? Перебраться через горы, украсть первую приглянувшуюся вещь и героем вернуться домой?

Почему-то ему казалось, что здесь нечто большее. Рети продолжала оглядываться по сторонам, как будто искала нечто определенное. Нечто такое, что для нее важно.

Двер следил, как Рети ведет глейвера, привязанного веревкой к ее поясу. Вызывающая походка девушки словно бросала вызов ему или кому угодно, кто попытается осудить ее. Среди ее грязных волос он с приступом тошноты заметил следы укусов сверлящих пчел, паразитов, которых легко вывести при помощи мази треки. Но там, откуда она пришла, треки не живут.

Это вызывало неприятные мысли. Что, если бы его собственные предки сделали такой же выбор, как предки Рети? Решили бы по какой-то причине бежать от Общины и скрываться где-то далеко? Сегодня, когда войны и беженцы от войн остались в прошлом, сунеры встречаются редко. Старый Фаллон в своих многолетних странствиях по половине континента нашел только одно небольшое племя, а для Двера эта встреча была первой.

Что бы ты делал, если бы тебя так вырастили, если бы тебе пришлось сражаться за жизнь как животному, и в то же время ты бы знал, что к западу от гор лежит богатая и процветающая земля?

Раньше Двер никогда так о Склоне не думал, В большинстве свитков и легенд подчеркивалось, как низко пали изгнанные расы и как далеко еще предстоит им пасть.

Этой ночью Двер снова воспользовался семенами тобара, чтобы привлечь часового тита. Не потому, что хотел рано встать: ему хотелось, чтобы во время сна слышался устойчивый ритмичный стук. Когда Грязнолапый взвизгнул, уловив волну запаха от расколотого семени, и прикрыл нос лапами, Рети негромко рассмеялась. Впервые она улыбнулась.

Двер настоял на том, чтобы осмотреть перед сном ее ноги, и она спокойно позволила ему обработать два свежих волдыря, на которых уже появились признаки инфекции.

— Когда доберемся до Собрания, тебя осмотрят целители, — сказал он ей. Оба промолчали, когда он оставил у себя ее мокасины, засунув их под свой спальный мешок.

Когда они лежали под звездным пологом, раз-

деленные углями костра, Двер уговорил девушку назвать несколько созвездий, и ее короткие ответы позволили ему устранить одну из возможностей — что высадилась какая-то новая группа изгнанников-людей, уничтожила свой корабль и ведет примитивное существование вдали от Склона. Рети не могла оценить, насколько важны эти небесные названия, но Двер ощутил новый укол тревоги. Легенды те же самые.

На рассвете Двер проснулся, ощутив что-то в воздухе — знакомый запах, почти приятный, но одновременно тревожный. Это ощущение Ларк как-то загадочно объяснил как “отрицательные ионы и водяные пары”. Двер разбудил Рети и торопливо отвел глейвера под навес скалы. Грязнолапый шел за ними, хромая как пораженный артритом г'кек, и всем своим видом выражая ненависть к раннему подъему. Они едва успели добраться до убежища, как ударила водяная буря — сплошная полоса дождя, передвигающаяся по горам слева направо. Вода лилась плотной завесой, прибивая к земле все, насквозь промочив лес. Рети широко раскрытыми глазами смотрела на движущийся мимо расцвеченный радугами водяной поток, затопивший их лагерь и сорвавший с деревьев половину листвы. Очевидно,

раньше она ничего подобного не видела.

Пошли дальше. Может, сказался ночной отдых или поразительное начало дня, но теперь Рети не казалась такой угрюмой, она готова была радоваться зрелищу луга жужжащих цветов — желтые трубки, отороченные черным пухом, раскачивались под ветром на конце длинных гибких стеблей и непрерывно гудели. Девушка была очарована древним танцем обмана и опыления. Эти виды не существуют по ту сторону в тени Риммера, где до самых Серых холмов тянется обширная равнина ядовитой травы.

Простой приход сюда через все это — уже подвиг, подумал Двер, гадая, как ей это удалось.

Горная крутизна сменилась пологими подножиями. Рети перестала скрывать свое любопытство. Начала показывать и спрашивать:

— Эти деревянные палки поддерживают твой мешок? А он от этого не становится тяжелее? Наверно, они полые. Потом:

— Ты ведь охотник? А где остальные? Или ты всегда охотишься в одиночку?

Последовал поток новых стремительных вопросов.

— Кто сделал твой лук? Насколько далеко ты мог бы попасть в предмет размером с мою ла-

донь?

Ты маленьким всегда жил на одном и том же месте? В… *доме?* У тебя всегда были вещи, которые ты хотел, или тебе приходилось их бросать, когда вы перемещались?

Если ты жил у реки, приходилось ли тебе видеть *хунов?* На что они похожи? Я слышала, они ростом с дерево, с носом длинным, как твоя рука.

А треки действительно очень хитры? Они сделаны из древесной смолы?

А нуры когда-нибудь застывают? Интересно, зачем Буйур сделал их такими?

Если не считать того, что она превратила название народа в собственное имя некоего Буйура, сам Двер не мог бы сформулировать вопрос удачней. Грязнолапый постоянно мешал, совался под ноги, гонялся за обитателями кустов, залегал в засаде где-нибудь вдоль тропы и визжал от восторга, если Двер не мог разглядеть его в листве.

Я бы легко от тебя отделался, если бы не приходилось тащить за собой глевейра и девчонку, думал Двер, глядя на улыбающегося нура. Тем не менее настроение его улучшалось. Их появление произведет впечатление на Собрание, у всех будет о чем поговорить.

Во время обеда Рети с помощью кухонного ножа

Двера разделала кустарниковую куропатку, которую он подстрелил. Двер едва успевал следить за ее стремительными движениями: пригодные к употреблению части летели в котелок, ядовитые железы — в яму для отходов. Девушка закончила, вытерла нож и картинно протянула ему.

— Оставь у себя, — сказал Двер, и она ответила нерешительной улыбкой.

Отныне он перестал быть ее тюремщиком и стал проводником, сопровождающим блудную дочь назад, в объятия клана и Общины. Так он по крайней мере думал, пока позже она не сказала:

— На самом деле я таких видела раньше.

— Что видела?

Она показала на глейвера, который терпеливо жевал жвачку в тени небольшого дерева бу.

— Ты решил, что я никогда таких не видела, потому что я боялась, что она укусит. Но я их видела — издалека. Целое стадо. Пугливые дьяволы, их трудно поймать. Парням целый день пришлось их выслеживать, чтобы прикончить копьями. Вкус ужасный, но мальчишкам нравится.

Двер с трудом глотнул.

– Ты хочешь сказать, что твое племя *охотится на глейверов и ест их?*

Рети посмотрела на него невинным, полным

любопытства взглядом карих глаз.

— А вы по эту сторону так не делаете? Неудивительно. Здесь полно более легкой добычи.

Он покачал головой, новость вызвала у него приступ тошноты.

Появилась насмешливая мысль: *Ты сам готов был застрелить этого глейвера, если бы он пересек границу.*

Да, но только как последнее средство. И я не стал бы его есть!

Двер знал, как его называют, — Лесной Дикарь, живущий вне закона. Он даже поддерживал эту загадку: так его неловкую речь не принимают за проявление застенчивости. На самом деле убийства — это часть его профессии, и он проделывал это искусно и как можно быстрее и никогда не наслаждался этим. Но узнать, что люди за хребтом едят *глейверов?* Мудрецы придут в ужас!

Догадавшись, что Рети из племени сунеров, Двер знал, что его долгом будет провести отряд милиции и выследить заблудший клан. В идеале это будет простое, но решительное вылавливание всех, с тем чтобы вернуть утраченных братьев в лоно Общины. Но сейчас Рети, сама не подозревая этого, обвинила свое племя в новом страшном преступлении. Свитки говорят об этом

совершенно ясно. *То, что редко, не следует есть. То, что ценно, следует защищать.* Но превыше всего — *никогда не пожирать тех, кто когда-то летал меж звезд.*

Во рту Двер ощущал горечь. После того как всех этих сунеров отведут на суд, он должен будет выследить всех глейверов, живущих к востоку от Риммера, а тех, что не сумеет поймать, убить.

Да, но я от этого не стану плохим… потому что не стану их есть.

Рети, должно быть, почувствовала его реакцию. Она повернулась и посмотрела на рощицу больших бу. Молодые побеги толщиной в ее талию. Трубчатые зеленые веера раскачиваются волнами, как мех на брюхе ленивого нура, который спит у ее ног.

— Меня повесят? — негромко спросила девушка. Рубец на щеке, который становился незаметным, когда она улыбалась, теперь отчетливо выделялся. — Старый Клин говорит, что вы, живущие на Склоне, вешаете сунеров, если ловите их.

— Вздор. Каждая раса занимается своими…

— Старики говорят, таков закон Склона. Убить всякого, кто пытается жить свободно к востоку от Риммера.

Двер неожиданно почувствовал раздражение. Запинаясь, он ответил:

— Если… если ты так думаешь, зачем пришла сюда? Чтобы… чтобы сунуть шею в петлю?

Рети поджала губы. Отвела взгляд и негромко сказала:

— Ты мне все равно не поверишь.

Двер уже пожалел о своей гневной вспышке. Более мягко он спросил:

— Почему бы тебе не попробовать? Может… я смогу понять лучше, чем ты думаешь.

Но она снова окружила себя завесой мрачного молчания, непроницаемого, как камень.

И пока Двер торопливо собирал кухонную утварь, Рети привязала к себе глейвера, хотя он сказал, что она может идти свободно. Свой нож он нашел возле углей, куда она, должно быть, положила его после этих резких слов.

Этот жест отвержения рассердил его, и он мрачно сказал:

— Пошли отсюда.

Аскс

Мы решили изобразить небольшое различие между двумя преступлениями. Немного менее

тяжелое преступление — не запланированная, а *случайная* колонизация.

Никто не может отрицать очевидное: наши предки незаконно оставили свое семя на невозделанной планете. Но искусная формулировка Вуббена вызывала представление о преступной неосторожности, а не о преднамеренном злодействе.

Конечно, ложь долго не продержится. Когда проведут археологические раскопки, судебные следователи из Институтов поймут наше происхождение от нескольких самостоятельных высадок, а не от одного смешанного экипажа, потерпевшего крушение и заброшенного на эту планету. Больше того, среди нас есть молодая раса — люди. Судя по их собственным необычным рассказам, они *волчата,* которые стали известны галактической культуре только триста лет Джиджо назад.

Тогда зачем пытаться блефовать?

Отчаяние. Плюс хрупкая надежда на то, что у наших “гостей” нет специалистов и инструментов для археологических исследований. Должно быть, они просто нацелились на быстрый поиск скрытых сокровищ. А потом захотят побыстрее тайно скрыться с трюмом, полным контрабанды.

Для этих наемников наша заброшенная жалкая колония представляет одновременно возможность и угрозу.

Они понимают, что мы обладаем знаниями Джиджо, которые для них имеют первостепенное значение.

Увы, мои кольца. Не являемся ли мы также потенциальными свидетелями их злодейства?

Сара

Никто не ожидал засады.

Место для засады было превосходное. Тем не менее на борту *Хауф-вуа* никому не пришла в голову мысль об опасности.

Столетие мира стерло некогда тщательно охраняемые границы каждой расы. Поселенцы уры и г'кеки встречались редко, потому что первые не могли растить потомство вдали от воды, а последние предпочитали ровную местность. Тем не менее, когда подходил *Хауф-вуа*, на маленькой пристани в нетерпеливом ожидании новостей собрались представители всех шести рас.

Увы, с тех пор как огненный призрак пересек небо, с низовий реки не было никаких известий.

В большинстве своем жители реки действова-

ли конструктивно: укрепляли маскировочные экраны, очищали коптильни, укрывали лодки, но одно небольшое племя болотных треки зашло гораздо дальше. В приступе страха и преданности свиткам эти треки сожгли свой поселок на сваях. Верхний узел Пзоры дрожал, ощущая горестный запах пепла нижних колец. Капитан *Хауф-вуа* обещал рассказать об их несчастье. Может быть, другие треки пришлют новые базовые сегменты, чтобы пострадавшие смогли их использовать и лучше подготовиться к переселению на сушу. В худшем случае болотные треки могут собрать гниющую материю, поселиться на ней и прекратить свои высшие функции, пока мир не станет менее страшным местом.

То же самое нельзя было сказать о торговом караване уров, который они миновали позже, когда впавшие в панику жители деревни Бинг сожгли свой драгоценный мост, караван вместе с вьючными животными застрял на западном берегу.

Экипаж корабля хунов лихорадочно греб против течения, чтобы не застрять среди разбитых бревен и обрывков мульк-кабеля, жалких остатков прекрасного сооружения, которое служило главной транспортной артерией этого района. Чудо искусной маскировки, мост сам по себе

напоминал груду поломанных бревен. Но, очевидно, местным ортодоксальным поклонникам свитков этого показалось недостаточно. *Может, они его жгли, когда мне прошлой ночью снился кошмар,* думала Сара, глядя на обгоревшие бревна и вспоминая языки пламени в своем сне.

На восточном берегу собралась толпа, жестами подзывая *Хауф-вуа.*

Первым заговорил Блейд.

— Я не стал бы подходить, — просвистел синий квуэн из ножных щелей. Он вглядывался в собравшихся на берегу, и на его зрительном кольце был надет реук.

— А почему бы нет? — спросил Джоп. — Видите? Они указывают на проход между обломками. Может, у них есть новости.

Действительно, у берега как будто есть канал, не загроможденный остатками моста.

— Не знаю, — продолжал Блейд. — Но я чувствую… что что-то не так.

— Ты прав, — согласилась Улгор. — Хотела вы я знать, почему они ничего не сделали для застрявшего каравана. У жителей деревни должны быть лодки. Уров уже можно выло вы перевезти.

Сара сомневалась в этом. Вряд ли урам понравилось бы пребывание в утлой лодочке, когда на

расстоянии руки плещется ледяная вода.

— Уры могли отказаться, — предположила она. — Может, у них еще не такое отчаянное положение.

Капитан принял решение, и *Хауф-вуа* повернул к деревне. Приблизившись, Сара увидела, что нетронутым оставалась только маскировка деревни. Все остальное лежало в руинах. *Вероятно, они отослали семьи в лес,* подумала она. Люди могут жить на деревьях тару, а квуэны отправились к своим сородичам выше по течению. Тем не менее разрушенная деревня представляла собой угнетающее зрелище.

Сара думала, насколько хуже обстояли бы дела, если бы победило мнение Джопа. Если бы взорвали дамбу Доло, все пристани, запруды и дома на берегу были бы теперь сметены. Пострадала бы и местная фауна, хотя, может, не больше, чем при естественном наводнении. *Ларк говорит, что важны виды, а не индивиды. Уничтожение наших маленьких деревянных сооружений не угрожает никаким эконишам. Джиджо не пострадает.*

Тем не менее это уничтожение и сожжение кажется сомнительным. И все только для того, чтобы убедить каких-то галактических шишек, что мы дальше зашли по тропе Избавления, чем

на самом деле.

Подошел Блейд, от его синего панциря словно шел пар, это испарения щелей в панцире — явный признак тревоги. Он ритмично качался на своих пяти хитиновых ногах.

— Сара, у тебя есть реук? Надень и проверь, не ошибаюсь ли я.

— Прости. Я отдала свой. Все эти цвета и сильные эмоции мешают овладевать языками. — Она не добавила, что ей стало больно носить реук, после того как она допустила ошибку — явилась с ним на похороны Джошу. — А что? — спросила она. — Что тебя тревожит?

Купол Блейда задрожал, дернулся обернутый вокруг него реук.

— Те, что на берегу… они кажутся… каким-то странными.

Сара всмотрелась в утреннюю дымку. Жители деревни Бинг преимущественно люди, но видны также хуны, треки и квуэны. *Подобное привлекает подобное,* подумала она. Фанатизм стирает расовые различия.

Как и ересь. Сара вспомнила, что ее брат входит в движение, не менее радикальное, чем то, представители которого сожгли мост.

Из–под укрытия за деревьями вылетело

несколько лодок, стремясь перехватить корабль.

— Они хотят провести нас по проходу? — спросил молодой Джома.

Он получил ответ, когда первый крюк со свистом опустился на палубу *Хауф-вуа.*

За первым последовали другие.

— Мы не причиним вам вреда! — крикнул человек с мускулистыми толстыми руками с ближайшей лодки. — Выходите на берег, и мы о вас позаботимся. Нам нужен только ваш корабль.

Не следовало так говорить с гордым экипажем речных бродяг. Все хуны, кроме рулевого, бросились вытаскивать крючки и швырять их за борт. Но каждый убранный заменялся несколькими новыми.

Туг Джома показал вниз по течению.

— Смотрите!

Если раньше кто-нибудь сомневался в том, какую участь уготовили жители Бинга *Хауф-вуа,* то при виде обгоревших остовов, почерневших ребер, устремленных вверх, как огромные полусгоревшие скелеты, все сомнения исчезли. Экипаж испустил полный отчаяния крик, который дрожью пробежал по позвоночнику Сары и заставил всех нуров яростно залаять.

Хуны удвоили усилия, яростно вырывая крю-

чья.

Первым инстинктивным порывом Сары было защитить Незнакомца. Но раненый казался в безопасности, он по-прежнему без сознания лежал за прикрывающим корпусом Пзоры.

— Пошли, — сказала она Блейду. — Нужно помочь.

До наступления Великого мира пираты часто так нападали на корабли. Возможно, в злые старые дни предки нынешних нападающих пользовались этим способом. Крюки, сделанные из заостренного металла буйуров, впивались глубоко, когда натягивались канаты. Сара в отчаянии поняла, что эти канаты сделаны из мульк-ткани, обработанной треки таким образом, что их почти невозможно разрубить. Хуже того, канаты уходили не просто к лодкам, но еще дальше, на берег, где местные жители тащили их с помощью блоков. Силы хунов и могучих клешней Блейда едва хватало, чтобы вытащить крюк. Тем не менее Сара пыталась помочь, и даже пассажиры г'кеки наблюдали своим острым зрением и выкрикивали предупреждения, когда приближалась очередная лодка. Только Джоп стоял, прислонившись к мачте, и с интересом наблюдал за происходящим. Сара не сомневалась, на чьей

стороне фермер.

Берег приближался. Если бы удалось вывести *Хауф-вуа* на середину реки, его подхватило бы течение. Но даже его силы может не хватить, чтобы порвать крепкие канаты. А когда киль коснется дна, это будет означать конец.

В отчаянии экипаж применил новую тактику. Взяв топоры, моряки рубили доски и борта, куда впивался крюк, бросая за борт целые куски дерева, разрушая собственный корабль с яростью, которая казалась невообразимой, учитывая обычное спокойствие и выдержанность хунов.

Но вдруг палуба под ногами Сары дрогнула, качнулась, корабль накренился и повернулся, словно вокруг оси.

— Они зацепили руль! — крикнул кто-то. Сара заглянула за корму и увидела, что из большого бруса, которым рулевой направляет корабль, торчит массивное острие. Руль невозможно вытащить на борт или обрубить: при этом *Хауф-вуа* станет беспомощен и неуправляем.

Прити оскалила зубы и закричала. Хотя маленькая самка шимп дрожала от страха, она принялась карабкаться через борт. Сара решительно остановила ее.

— Это мое дело, — кратко сказала она и без

дальнейших разговоров сбросила платье и набедренную повязку. Моряк протянул ей топор с прочной петлей, продетой в рукоять.

Неужели никто не захочет отговорить меня? сардонически подумала она, зная, что никто этого не сделает.

Некоторые вещи кажутся очевидными.

Топор висел на одном плече. Неприятно было чувствовать его прикосновение к левой груди, хотя острое лезвие было закрыто кожаным чехлом.

Одежда мешала бы. В особенности Саре нужны были пальцы ног, чтобы опираться на выступы в корме *Хауф-воа.* Помогало то, что при строительстве корабля доски перекрывали друг друга. Тем не менее Сара дрожала — от утреннего холода и просто от ужаса. Потные ладони делали задачу вдвойне труднее, и даже во рту было сухо, как от дыхания ура.

Я годами никуда не карабкалась.

Не человеческим расам может показаться, что для карабкающихся на деревья землян это очень легко. Вроде распространенного представления, будто каждый ур — призовой бегун, а любой треки способен смешивать хороший мартини. На самом деле логичней всего было выполнять эту работу Джопу, но капитан ему не доверяет — и

не без причин.

Под одобрительные крики экипажа Сара спустилась по корме к рулю. А с лодок и с берега доносились презрительные вопли. *Замечательно. Такого внимания у меня никогда в жизни не было, а я совершенно голая.*

Мульк-трос стонал от напряжения: это жители деревни с помощью блоков пытались подтащить корабль ближе к берегу, где собралось с факелами несколько серых квуэнов. Они казались такими близкими, что Саре почудилось, будто она ощущает жар их огня. Наконец она добралась до места, где могла упираться обеими ногами и пустить в ход руки. Пришлось расставить ноги, забыв всякие представления о личной скромности. Сара зубами стащила чехол с топора, и во рту от красноватого металла появился электрический привкус. Она содрогнулась, потом напряглась, едва не выпустив топор. Волна, поднятая кораблем, казалась маслянистой и ужасно холодной.

Крики усилились, когда она принялась вырубать крюк из руля, проделывая вокруг него разрез в форме полумесяца Вскоре верхнюю часть она закончила и наклонилась, чтобы приняться за более трудную нижнюю, но тут что-то ударилось о ее левую руку, вызвав волну боли. У запястья

из руки торчала деревянная щепка, из-под нее шла кровь.

Поблизости в дерево наполовину погрузился снаряд из пращи.

Еще один такой снаряд ударился о руль, рикошетом отскочил к корме и упал в воду.

Кто– то *стреляет* в нее!

Вы, паразиты, слабоумные, регрессировавшие…

Сара, обнаруживая неведомую ей самой способность к ругательствам, произносила проклятия на пяти языках, продолжая яростно вырубать крюк. Теперь о корпус стучал непрерывный град снарядов, но она в приступе гнева и ярости не обращала ни них внимания.

Остзхарсия, перкией! Сиукаи дриисуна!

Она истощила запас неприличных выражений россика и собиралась перейти на Галдва, когда руль неожиданно с громким скрипом подался. Канат задрожал, натянулся… и изрубленная древесина не выдержала.

Крюк, высвободившись, потянул за собой топор, сверкнувший в солнечных лучах. Потеряв равновесие, Сара пыталась удержаться, хотя руки ее скользили от пота и крови. Она ахнула, упала в воду, река ударила ее, словно ледяным молотом, заставив выпустить последний воздух

из натруженных легких.

Сара билась, вначале стараясь подняться на поверхность, потом сделать несколько глубоких вдохов и наконец не запутаться в веревках, лежавших на воде. Блестящий крюк пугающе близко пролетел мимо ее лица. Потом ей пришлось нырнуть, чтобы уйти от путаницы веревок, которые могли бы захватить ее.

Теперь *Хауф-вуа* воспользовался возможностью уйти, и поднятая кораблем волна добавила Саре неприятностей.

К тому времени, как она снова поднялась на поверхность, грудь у нее болела. Вынырнув, она лицом к лицу столкнулась с долговязым молодым парнем, который перегибался через борт лодки, сжимая в одной руке пращу. Когда их взгляды встретились, он удивленно откинулся назад. Потом опустил взгляд, видя ее наготу.

Он *покраснел.* Торопливо отложив оружие, принялся снимать куртку. Несомненно, чтобы отдать ей.

— Спасибо… с трудом произнесла Сара. — Но мне… пора идти.

Последнее, что она видела, поворачивая, было выражение крайнего разочарования на лице молодого жителя деревни. *Все произошло слишком*

быстро, чтобы он стал зачерствевшим пиратом, подумала Сара. *Этот новый жестокий мир еще не унес следов вежливости и галантности.*

Но если дать ему время…

Теперь ее поддерживало течение, и вскоре Сара увидела корму *Хауф-вуа.* Оказавшись на безопасном удалении от деревни Бинг, экипаж развернул корабль и греб, удерживая его на месте. Но все равно было очень трудно преодолеть оставшееся расстояние и дотянуться до веревочной лестницы. Сара проплыла половину расстояния, когда ее мышцы свело судорогой, и морякам пришлось втаскивать ее на руках.

Если я собираюсь участвовать в приключениях, нужно стать сильнее, подумала она, когда кто-то набрасывал на нее одеяло.

И все же, когда Пзора обрабатывал ее раны, а повар готовил свой особый чай, Сара чувствовала себя удивительно хорошо. Голова болела, все тело ныло, но одновременно она чувствовала что-то похожее на тепло.

Я принимала решения, и они были верными. Год назад казалось, что любой мой выбор неверен. Может, действительно положение изменилось.

Закутавшись в одеяло, Сара смотрела, как *Хауф-вуа* с трудом идет против течения вдоль *за-*

падного берега к тому месту, где они смогут взять на борт застрявший караван и отвезти уров и их вьючных животных туда, где местные фанатики не смогут причинить им вред. Покойная совместная работа пассажиров и экипажа подбадривала, внушала надежду и в “больших проблемах”, как короткая схватка изменила что-то в ней.

Я верю в себя, думала Сара. *Мне казалось, что я с таким не справлюсь. Но, может, в конце концов, отец прав.*

Я слишком много времени провела в этом проклятом древесном доме.

Аскс

Вскоре после речи Вуббена портал вновь открылся и из корабля появилось еще несколько плывущих в воздухе машин. Все они смущенно рокотали. Каждая из них задерживалась перед линией зрителей, стоявших на краю долины. Несколько дуров народ Общины удерживал позицию, хотя ноги, колеса и кольца у всех дрожали. Затем роботы повернули и разлетелись во все стороны света, оставляя за собой полосы примятой травы.

Исследовательские зонды, они выполняют

свои задания, объяснил первый посланник на жужжащей и щелкающей формальной версии Галактического два.

(Предварительный) анализ, его предоставят эти суррогаты.

Тем временем вернемся к вопросу о взаимовыгоде и спасении — продолжим обсуждение лицом к лицу.

Все зашевелились. Правильно ли мы поняли? За время регресса наши диалекты могли измениться. Означает ли выражение “лицом к лицу” то, что означает?

В нижней части корабля снова начал открываться люк.

– Дурные новости, — ворчливо заметил Лестер Кембел. — Если они дают нам возможность увидеть себя, значит…

— …не тревожатся, что после их отлета останутся свидетели, — закончила Ум-Острый-Как-Нож.

Наш брат хун Фвхун-дау согласился с мрачным предположением. Его престарелый горловой мешок обвис от тревожных мыслей.

— Их уверенность вульгарна и криклива. *Хрррхрм.* Как и их поспешность.

Вуббен повернул глазной стебелек к моему/нашему сенсорному кольцу и подмигнул веками

— чисто человеческий жест, эффективно выражающий иронию. Среди всех Шести мы, треки и г'кеки чувствуем себя калеками на этой тяжелой планете, в то время как хуны движутся с грациозной силой. Но эти суровые светлокожие гиганты клянутся, что мы кажемся им неистовыми и дикими.

Что– то -вернее, два чего-то — показались внутри темного люка. Вперед вышли две двуногие фигуры — ходячие — стройные, с прочно закрепленными конечностями, высокие. Одеты в просторные одеяния, которые скрывают все, кроме обнаженных рук и голов. Они выступили в полуденный свет и уставились на нас.

Собравшиеся испустили единый вздох, полный удивления и узнавания.

Обнадеживающий ли это знак? Какая невероятная случайность, что из мириадов космических рас, населяющих Пять Галактик, посетителями оказались наши братья? Чтобы у экипажа корабля было то же происхождение, что у одной из Шести рас? Работа ли это капризной богини, которая любит все аномальное и необычное?

— Лю-у-у-уди-и-и, — протянула Ур-Джа, наш старейший мудрец на англике, родном языке этой младшей расы.

Лестер Кембел издал звук, который я никогда не слышал раньше и который мои/наши кольца не смогли расшифровать. Только позже мы поняли и узнали его смысл.

Это было отчаяние.

Двер

Рети шла в цепочке первой, поднимаясь по крутой скалистой тропе. Здесь почва не позволяет укорениться большим бу. Наклонный гранитный уступ разделял две рощи тростникового леса. Двер знал, что этот лес тянется в обоих направлениях на сотни полетов стрелы. И хотя тропа проходит по самому верху хребта, бу по обеим сторонам такие гигантские, что за раскачивающимся океаном зелени видны только самые высокие горные вершины.

Девушка продолжала смотреть направо и налево, словно искала что-то. Как будто ждет чего-то и не хочет пройти мимо по ошибке. Но когда Двер попытался ее расспросить, она ничего не ответила.

Тебе придется за ней последить, думал Двер. *Ее всю жизнь обижали, и теперь она пуглива как заяц.*

Люди не его специальность, но опытный житель леса пользуется эмпатией, чтобы понять простые потребности и свирепые мысли диких зверей.

Постепенно разделяющий хребет сузился, и вскоре тропа превратилась в проход между тесными рядами огромных взрослых бу. Каждый стебель был в несколько человек объемом и в высоту достигал двадцати метров. Гигантские зеленые тростники росли так близко друг к другу, что даже Грязнолапому трудно было бы углубиться в чащу, протискиваясь между могучими колоннами. Полоска неба над головой постепенно сужалась и наконец превратилась в голубую ленту. В некоторых местах Двер, расставив руки, мог одновременно коснуться мощных цилиндров по обе стороны.

Теснота отражалась на восприятии перспективы. Двер представлял себе две обширные стены, готовые в любое мгновение сомкнуться, раздавив путников, как молот размельчает ткань в мастерской Нело.

Странно. Два дня назад, когда он шел по этой же тропе *вверх,* она не была такой страшной. Тогда узкий проход казался просторной улицей, ведущей прямо к добыче. Теперь это тесная труба,

яма. Двер чувствовал, как все сильнее сжимается грудь. *А что, если что-то произойдет впереди? Оползень преградит дорогу. Или пожар? Какая получится ловушка!*

Он подозрительно принюхался, но уловил только смолистый запах зелени, издаваемый бу. Конечно, по ветру может происходить что угодно, и он не будет об этом знать, пока…

Перестань! Немедленно прекрати! Что с тобой происходит?

Это она, понял Двер. *Ты расстроен, потому что она считает тебя негодяем.*

Двер покачал головой.

Но разве это не так? Ты позволил Рети думать, что ее повесят, когда очень легко было бы сказать…

Что сказать? Солгать? Не могу пообещать, что этого не случится. Закон суров. Но он таким и должен быть. Мудрецы могут проявить милосердие. Это разрешено. Но кто я такой, чтобы обещать от их имени?

Он вспомнил рассказ своего прежнего учителя о том, как была открыта большая группа сунеров. Произошло это давно, когда Фелон сам был учеником. Нарушителей обнаружили на отдаленном архипелаге, далеко на севере. Одна из моряков

— хунов — ее обязанностью было патрулировать моря, как охотники люди охраняют леса, а жители равнин уры — свои степи, — наткнулась на племя своих родичей, живущее среди ледяных потоков. Эти хуны отыскивали пещеры впавших в спячку руолов и убивали откормленных животных во сне. Каждое лето преступное племя выходило на берег и разжигало в тундре костры. Стада длинношерстных длинноногих галлейтеров впадали в панику и сотнями бросались с обрывов, чтобы хуны могли подобрать мясо нескольких из них.

Гахен, моряк, заметила дым от одного такого массового убийства и принялась наказывать преступников в манере своего народа. Непостижимо терпеливая, настойчивая и мягкая — эта манера вызывала у Двера ночные кошмары, когда он об этом вспоминал, — она потратила целый год на то, чтобы по одному переловить всех членов племени, отнимая драгоценную кость жизни, пока не остался один престарелый хун. Его она поймала и привезла домой, чтобы он дал показания. И везла его в лодке, нагруженной доверху позвоночниками его соплеменников. После того как преступник — сунер дал показания — этот печальный рассказ длился четырнадцать дней,

хуны сами казнили его, искупая свою вину. А все конфискованные позвоночники размололи в порошок и разбросали по пустыне, далеко от воды.

И воспоминания об этом рассказе наполняли сердце Двера тяжестью и тревогой.

Прошу, избавь меня от того, чтобы меня просили сделать то же, что Гахен. Я не смогу. Даже если прикажут все мудрецы. Даже если Ларк скажет, что от этой единственной жизни зависит судьба всего Джиджо. Должен быть иной, лучший путь.

В том месте, где тропа, казалось, окончательно сужается, позволяя сойтись стволам бу, неожиданно обнаружилась поляна. Чашеобразное углубление, почти в тысячу метров в диаметре, с поросшим водорослями озером в центре и с узким выходом по другую сторону. По внешнему краю кратера шла полоса гигантских бу, стены тихой горной долины покрывали огромные камни, между которыми росла чахлая зелень. По краю озера шла полоска более густой растительности, на удалении казавшаяся пышным мхом, из которого тянулись бесчисленные переплетенные щупальца. На самом деле это были стволы. Даже с того места, где стоял Двер, видны были полупогрузившиеся в пыль обломки толщиной в ногу.

Мирной тишине противоречило странное ощущение *безжизненности.* Пыль не потревожена следами копыт, видно только действие дождя и ветра. По предыдущим посещениям Двер знал, что благоразумные животные избегают это место. И все же после удушающей тесноты туннеля-тропы было приятно снова увидеть небо. Двер никогда не разделял владевший всеми обитателями планеты страх перед открытым небом, даже если это означало короткий путь под палящим солнцем.

Когда проходили между первых камней, глейвер жалобно завизжал и старался идти ближе к Рети, чтобы держаться в ее тени. Глаза девушки сузились. Она словно не заметила, что тропа поворачивает, и двигалась дальше в прежнем направлении к озеру.

Двер догнал ее в несколько шагов.

— Не сюда, — сказал он, качая головой.

— Почему? Мы ведь идем туда, верно? — Она указала на единственный проход в противоположной стене кратера, где узкий пенный поток выливался из долины. — Ближе пройти берегом озера. Да и легче, кажется, кроме участка у самого берега.

Двер показал на остатки серых нитей, окуты-

вавших ближайшие камни.

— Это… — начал он.

— Я знаю, что это такое. — Она сделала гримасу. — Буйуры жили не только на Склоне, даже если вы, западные, считаете это место самым пригодным для жизни. У нас, за хребтом, тоже есть мульк-пауки в старых буйурских развалинах. Да и чего ты боишься? Ведь не думаешь, что этот жив? — Она пнула одну высохшую нить, и та рассыпалась в пыль.

Двер с трудом сдержался. *Это говорят ее шрамы. Должно быть, с ней ужасно обращались.* Сделав глубокий вдох, он спокойно ответил:

— Я не *думаю,* что он жив. Я это знаю. Больше того — этот паук сумасшедший.

Первая реакция Рети — удивленно поднятые брови. Она повернулась и в деланном ужасе спросила:

– Правда?

Потом засмеялась, и Двер понял, что она над ним издевается.

— А что он делает? Выставляет липкие приманки, полные ягодного сахара и сладкого тара, чтобы поймать плохих девочек?

Растерявшись, Двер наконец ответил:

— Я мог бы догадаться, что ты скажешь что-

нибудь такое. Теперь в глазах Рети появилось искреннее удивление.

— Я должна его увидеть!

Она неожиданно резко дернула веревку у себя на поясе. Узел, казавшийся таким тугим, распустился, и девушка метнулась в сторону, между несколькими замшевшими камнями. Нур с возбужденным лаем последовал за ней.

– Подожди! — тщетно кричал ей вслед Двер, зная, что гнаться за ней в этом каменном лабиринте бесполезно. Вскарабкавшись на ближайший крутой каменистый склон, он разглядел ее лохматую голову. Девушка бежала к нагромождению камней у самого озера.

— Рети! — крикнул он. — Не трогай…

И смолк, чтобы не тратить силы. Тот самый ветер, который приносит запах озера, уносит его слова, так что они до нее не доходят. Двер снова спустился на тропу и увидел, что даже *глейвер* исчез. Проклятие!

Глейвера он отыскал в полуполете стрелы на обратном пути. Самка повиновалась инстинкту, который заставляет глейверов упрямо идти на восток, подальше от защиты и удобств, часто навстречу верной смерти. Ворча про себя, Двер схватил веревку и принялся оглядываться в по-

исках чего-нибудь, чего угодно, чтобы привязать ее, но ближайшие узловатые бу слишком далеко. Сняв мешок, он достал оттуда другую веревку, перевернул самку, не обращая внимания на ее протесты, и связал задние ноги, до которых она не может добраться зубами.

Боль, раздражение — и то и другое скучно.

– Прости, скоро вернусь, — оптимистично ответил он и направился за девушкой сунером.

Держись выше и по ветру, думал Двер, сворачивая в ту сторону, где в последний раз ее видел. *Может, просто хитрость. Она обогнет озеро и направится домой.*

Немного погодя он заметил, что машинально достал лук, настроил его на короткое расстояние и открыл крышку колчана на бедре, полного коротких стрел.

Что хорошего дадут стрелы, если она рассердит паука?

Или еще хуже: если он заинтересуется ею?

У краев долины камни сохраняли еще признаки своей древней роли, это были части гордого сооружения буйуров, некогда стоявшего на берегу озера, но по мере приближения к самому озеру всякое сходство с каменной кладкой исчезло. Камни покрывали клубки нитей. Большинство

нитей казались мертвыми — серыми, высохшими, распадающимися. Однако вскоре зрение уловило зеленоватую полоску… и чуть подальше. Из щупалец на каменную поверхность стекала липкая слизь, помогая природе стереть все следы прежней искусственной гладкости.

Наконец, чувствуя, как по спине пробежал холодок, Двер уловил *движение.* Свернувшиеся нити просыпались, чем-то обеспокоенные.

Рети.

Он пробирался через все более запутанный лабиринт, перепрыгивая через одни веревочные преграды, проползая под другими, а потом с ругательством проползая вторично, когда достигал тупика. Нигде развалины буйуров не были такими обширными, как на северо-восток от Доло, где каждый местный житель занимался сбором сверкающих предметов, которые упустили пауки-разрушители. Двер часто ходил туда с Ларком или Сарой. Тот паук был более живым и активным, чем это причудливое древнее создание, но гораздо менее опасным.

Чаща светлых нитей вскоре стала такой густой, что взрослому было не пройти, хотя девушка и нур, должно быть, проскользнули. Двер раздраженно повернулся и ударил кулаком по камню.

— Клянусь Ифни! — Он помахал от боли рукой. — Из всех проклятых мошенников…

Повесив лук через плечо и освободив обе руки, он начал карабкаться по неровной поверхности камня втрое выше его. Если бы у него было время выработать лучший маршрут, он не стал бы этого делать, но бьющееся сердце заставляло Двера торопиться.

По его волосам и спине спускались мини-лавины раскрошившегося камня, распространяя запах разложившегося времени. Сухие хрупкие нити предлагали обманчивую опору, но он старался не обращать на них внимание. Камень прочнее, хотя и он не всегда так надежен, как выглядит.

Пальцами левой руки нащупывая следующую опору, он почувствовал, как камень под ногами начинает крошиться, и был вынужден довериться одной из ближайших нитей мульк-паутины.

Нить заскрипела и почти сразу оборвалась. Двер повис, держась только кончиками пальцев. Он ударился о камень, и весь воздух вырвался у него из легких.

За несколько мгновений до того, как разжать пальцы и упасть, он нащупал бьющимися ногами другую нить, тоньше первой. Но другого выхода не было. Оттолкнувшись от этой нити, Двер прыг-

нул влево и правой ногой приземлился на узком карнизе. Провел руками по почти гладкой каменной поверхности — и наконец нашел опору. Мигая, чтобы убрать с глаз пыль, он глубоко дышал, пока не почувствовал себя в безопасности.

Последние несколько метров были не такими крутыми; с тех пор как камень притащили сюда, а слабеющие нити его остановили, каменную поверхность изрыли бесчисленные бури. Наконец Двер смог встать на колени и посмотреть вперед на ближайший берег.

То, что издали казалось ровной оградой, окружающей озеро по периметру, вблизи превратилось в путаницу нитей — высотой от одного до нескольких человеческих ростов. У воды серый цвет уступал место зеленому, желтому и даже кроваво-красному. В путанице Двер уловил и другие цвета, сверкающие в лучах солнца.

За этим колючим барьером пенный пруд казался геометрически правильным, но подвижным и каким-то сморщенным. Некоторые его участки, казалось, пульсируют, подчиняясь загадочному ритму — или сдерживаемому гневу.

Один-в-своем-роде, подумал он, не желая вспоминать это имя, но не в силах сопротивляться. Он оторвал взгляд, принялся осматриваться в поис-

ках Рети. *Не причиняй ей вреда, Один-в-своем-роде. Она всего лишь ребенок.*

Он не хотел общаться с мульк-пауком. Надеялся, что тот спит, словно это озеро — просто безвредное углубление в заснеженном зимнем ландшафте. Или он наконец умер. Паук, безусловно, давно должен был умереть. Казалось, его привязывает к жизни только ужасное *хобби.*

Двер вздрогнул, когда в основании черепа возникло щекочущее ощущение.

/Охотник. Такой же искатель. Одинокий. Как мило с твоей стороны, что ты приветствуешь меня. Я чувствовал, как ты проходил мимо несколько дней назад, торопился, преследуя кого-то. Почему ты тогда не задержался, чтобы поздороваться?/

/Нашел ли ты то, что искал?/

/Это ее ты называешь ребенком?/

/Она чем-то отличается от других людей?/

/Она в каком-то отношении особенная?/

Вглядываясь в поисках следов Рети, Двер старался не обращать внимания на этот голос. Он понятия не имел, почему иногда разговаривает с этой особенно разъедающей горной лужей. Хотя пси-способности известны Шести, Свитки отзываются о них враждебно. К тому же эта способность

всегда распространяется на представителей своего вида — одна из причин, почему он никогда не рассказывал об этом своем необычном способе связи. Только представить себе, какие у него появятся прозвища, если людям станет известно!

Все равно я, наверно, все это просто воображаю. Какое-нибудь странное следствие моей одинокой жизни.

Необычное ползучее ощущение вернулось.

/Ты по-прежнему так себе меня представляешь? Как порождение твоего собственного сознания? Если так, то почему бы не проверить? Иди ко мне, мое никому не принадлежащее сокровище. Мое уникальное чудо! Приди в единственное место во вселенной, где тебя оценят по достоинству!/

Двер поморщился, сопротивляясь гипнотическому влиянию путаницы нитей, по-прежнему отыскивая среди камней и зарослей Рети. По крайней мере паук еще не схватил ее. Или он настолько жесток, что способен солгать?

Вот! Движение слева? Двер всмотрелся в западном направлении, прикрывая глаза от вечернего солнца. Что-то виднеется вблизи сплетенных нитей, всего на десять метров ближе к озеру; скрытое камнями, оно заставляет колебаться кусты. Прищурившись, Двер пожалел, что слишком

поспешно бросил свой мешок: там находился его бесценный бинокль ручной работы.

Возможно, это ловушка, подумал он.

/Кто может заманить тебя в ловушку, мой особенный? Ты подозреваешь меня? Скажи, что это не так!/

Ветер слегка стих. Двер сложил руки у рта и крикнул:

— Рети!

Причудливые эхо разбежались меж скал, насухо выпитые вездесущим мхом и пылью. Двер осмотрелся в поисках альтернативы. Он может соскользнуть вниз и с помощью мачете, привязанного к спине, прорубить себе дорогу. Но на это требуется бесконечно много времени, да и как будет реагировать Один-в-своем-роде, когда ему начнут отрубать пальцы?

Единственная реальная возможность — пробираться поверху.

Двер пятился до тех пор, пока ноги его не повисли в воздухе, потом набрал в легкие воздуха, разбежался… один, два, три шага… *прыгнул,* пролетел над джунглями переплетенных щупалец и с головокружительным толчком приземлился на вершине следующей плиты. Эта плита круто наклонена, так что времени на передышку не

было. Пришлось быстро карабкаться, чтобы подняться на ее длинную, острую, как нож, вершину. Встав на нее, Двер развел руки и, покачиваясь, проделал десять шагов, прежде чем добрался до камня с более плоским верхом.

Ноздри Двера заполнились кислым резким запахом озера. Здесь больше щупалец было полно жизнью; щупальца дрожали, испуская ядовитую жидкость. Жидкость собиралась в углублениях изъеденного камня, и Дверу приходилось осторожно обходить эти лужи. А когда задел сапогом одну из луж, сапог оставил след пепла и запах горящей кожи.

Разбежавшись в следующий раз, он жестко приземлился на четвереньки.

— Рети! — снова крикнул он, подползая к переднему краю.

Барьер на берегу представлял собой сплошную путаницу зеленых, красных и желтых нитей, сплетенных в полном беспорядке. Внутри этой контролируемой путаницы Двер видел предметы — каждый в своем собственном углублении. Каждый окружен собственным сплошным прозрачным коконом.

Золотые предметы, серебряные предметы. Вещи, сверкающие, как начищенная медь или

сталь. Трубы, сфероиды и какие-то прямоугольные формы. Вещи, покрытые пигментами или нанокрасками неестественных расцветок. Некоторые напоминают находки в развалинах буйуров; только находки обычно изуродованы, искажены прошедшими столетиями. *Эти* образцы прошлого великолепия кажутся почти новыми. Подобно насекомым, застрявшим в янтаре, эти предметы сохранились в своих коконах нетронутыми ни стихиями, ни временем. И каждый предмет, Двер это знал, единственный в своем роде.

Не все образцы — изделия буйуров. Некоторые когда-то были живыми. Небольшие животные. Насекомые. Все, что слишком приблизится и привлечет коллекционное внимание сумасшедшего паука. Казалось невероятным, что существо, преданное разрушению — специально *разработанное,* чтобы выпускать разъедающие жидкости, — может также выделять и сохраняющую жидкость. И еще более поразительно, что оно хочет сохранять.

Снова возобновился шорох, доносящийся слева. Двер пополз в ту сторону, опасаясь увидеть девушку, пойманную и страдающую. Или какое-то другое мелкое существо, которое придется избав-

лять от страданий с помощью лука.

Он продвинулся вперед… и ахнул. То, что он увидел в нескольких метрах от себя, запутавшееся в паутине, было для него полной неожиданностью.

На первый взгляд похоже на птицу — джиджоанскую птицу — с типичной когтистой лапой для приземления, с четырьмя кожистыми крыльями и хвостом-щупальцем. Но Двер сразу понял, что это совершенно неизвестный вид — на таблицах брата такого нет. Крылья, отчаянно бившиеся, пытаясь освободиться от окутывающего клубка липких нитей, прикреплены совершенно неестественным способом. И бьются с такой силой, какой не может быть у живого существа этого размера.

В нескольких местах перья обгорели или оторвались. И в разрывах Двер заметил блестящий металл.

Машина!

Шок заставил его ослабить мысленную защиту, и щекочущий голос вернулся.

/Да, машина. Такой разновидности у меня никогда не было. К тому же она еще действует. Она живет!/

– Это я и сам вижу, — пробормотал Двер.

/Ты и половины всего не знаешь. Это поистине мой день!/

Дверу не нравилось, как мульк-паук не только проникает в его мозг, но и использует найденное там, чтобы производить правильные предложения на англике. Он говорит лучше самого Двера, потому что не запинается и не ищет слов. Двер находил нелепым, что так говорит существо, даже не имеющее лица, чтобы можно было ему ответить.

Фальшивая птица билась в ловушке. Вдоль ее покрытой перьями спины собирались прозрачные золотые капли, которые она пыталась стряхнуть. Большинство отбрасывала, прежде чем они затвердевали, образуя несокрушимый кокон.

Что бы это, ради Джиджо, могло быть? недоумевал Двер.

/Я надеялся, что теперь у меня есть ты, чтобы давать ответы./

Двер не был уверен, нравится ли ему то, как выразился Один-в-своем-роде. Но все равно времени для игры словами нет. Двер постарался забыть о жалости к пойманному созданию. Теперь нужно помешать *Рети* стать еще одним уникальным образцом в коллекции мульк-паука.

/Как я и подозревал. Этот маленький человек особенный./

Двер заглушил этот голос лучшим известным ему оружием — гневом.

/Убирайся из моего сознания!/

Подействовало. Присутствие на время исчезло. Двер снова поднял голову и крикнул:

— Рети! Где ты?

Ответ пришел сразу и с неожиданно близкого расстояния.

— Я здесь, придурок. Тише, или ты ее спугнешь! Он поворачивался, пытаясь одновременно смотреть во всех направлениях.

— Где? Не вижу…

— Прямо под тобой, так что заткнись! Я преследую эту штуку уже несколько недель! Теперь нужно понять, как ее оттуда вытащить.

Двер прополз еще немного влево, всмотрелся в путаницу нитей внизу — и заглянул прямо в черные глаза-бусинки улыбающегося нура! Лежа на спящей нити, словно это удобный насест, Грязнолапый слегка наклонил голову и в свою очередь смотрел на Двера. И вдруг, без всякого предупреждения, громко чихнул.

Двер с проклятием откинулся назад, вытирая лицо, а Грязнолапый невинно и счастливо улы-

бался.

— Тише, вы оба! Мне кажется, я вижу, как подобраться чуть поближе…

— Нет, Рети! Не нужно! — Не обращая внимания на нура, Двер снова подполз к краю и наконец увидел девушку. Она была ближе к земле, держалась, расставив ноги по обе стороны толстой нити, и всматривалась в мрачную путаницу вокруг загадочной птицы.

— Тебе потребовалось много времени, чтобы догнать меня, — заметила Рети.

— Я… меня кое-что отвлекало, — ответил он. — Подожди секундочку. Ты должна кое-что знать… об этом… о мульк-пауке. — Он указал на окружающую паутину. — Она более… *опасна,* чем ты полагаешь.

— Эй, да я с детства знакома с паутиной, — ответила она. — Большинство мертво, но у нас в Холмах еще встречаются живые экземпляры, полные сока и яда. Я знаю, как с ними обходиться. — Она перебросила ногу через ветку и двинулась вперед.

В панике Двер выпалил:

— Разве ни один из этих пауков не пытался поймать тебя? Она остановилась, повернулась к нему лицом и усмехнулась.

— Это и значит быть сумасшедшим? О, охотник. Какое у тебя воображение!

Может, ты и права, подумал он. Может, поэтому он и не слышал ни о ком, кто разговаривает с кустами и озерами.

/Что, опять? Сколько раз еще мы должны разговаривать, чтобы ты убедился.../

Заткнись и дай мне подумать!

Присутствие паука снова отступило. Двер прикусил губу, пытаясь придумать что-нибудь, что угодно, чтобы удержать девушку, не дать ей еще больше углубиться в чащу.

— Послушай. Ты уже какое-то время следишь за этой птицей-машиной, верно? Поэтому ты так далеко прошла на запад? Она кивнула.

— Мальчишки увидели, как она поднялась с болота, дальше, у самой Трещины. Злой старый Джесс повредил ей крыло, но она улетела, оставив перо.

Она достала что-то из своей кожаной куртки. И прежде чем снова спрятала, Двер увидел блеск металла.

— Прежде чем идти за птицей, я стащила его у Джесса. Бедняжка, должно быть, ранена, потому что, когда я взяла след, она летала не так хорошо. Поднималась, пролетала немного, потом прыга-

ла. Мне только раз удалось хорошо ее разглядеть. Наверху, в Риммере, она полетела вперед. А я добралась до Склона, и тут мне пришло в голову, что с каждым дуром здесь я рискую быть повешенной.

Она вздрогнула при этом воспоминании.

— Я уже собиралась сдаться и отправиться назад, когда услышала ночью стук. Пошла на него, и на минуту мне показалось, что часовой тит и есть *моя* птица! — Она вздохнула. — Тогда я и увидела тебя. Ты спал, а рядом с тобой лежал твой необычный лук. И я решила, что Джесс и Бом будут счастливы, когда увидят его, и не станут выбивать мне зубы за то, что я убежала.

Двер никогда не слышал этих имен, но решил, что веревка слишком хороша для некоторых сунеров.

— Так вот почему ты сюда пришла? Гналась за птицей? Рети ответила пожатием плеч.

— Не думаю, чтобы ты понял.

Напротив, подумал он. Именно так поступил бы он сам, если бы ему попалось что-нибудь такое же незнакомое.

/Как и я, не будь я прикован к одному месту, сдерживаемый собственными ограничениями. Разве мы не похожи?/

Двер выгнал паука — и в следующее мгновение у него возникла мысль, дающая надежду на выход. Но в это мгновение Рети соскользнула с ветки и начала продвигаться вперед, держа в руках нож, который Двер не нашел, когда ее обыскивал накануне. Сверкнуло острое, как бритва, лезвие…

— Подожди. Я думаю, Рети… Разве не можем мы действовать вместе? Вдвоем нам легче будет выбраться.

Она остановилась и, казалось, обдумывала его предложение, вглядываясь в путаницу нитей.

— Слушаю.

Двер нахмурился, сосредоточенно подбирая слова.

— Послушай… никто на Склоне не видел такую действующую машину буйуров… задолго до того, как на Джиджо появились люди. Это важно. Я хочу извлечь эту штуку не меньше тебя.

Все это правда или было бы правдой, если бы главнейшей заботой Двера не было спасти жизнь девушки и собственную. *Выигрывай время,* думал Двер. *Остался только мидур светлого времени дня. Пусть отступится до завтра. И тогда ты сможешь утащить ее силой, если понадобится.*

– Продолжай, — сказала Рети. — Хочешь спу-

ститься и рубить своим большим ножом? Ты все забрызжешь, если будешь рубить живые нити. Это очень больно, и сок повсюду плещется. — Она казалась заинтересованной.

— На самом деле я знаю способ, как достать твою птицу, не задев ни одной ветви. Мы используем кое-что… из природных ресурсов, которые у нас под рукой.

— Да? — Она нахмурилась. — Тут только скалы, и земля, и… Глаза ее вспыхнули.

— Бу!

Он кивнул.

— Срежем несколько молодых побегов, вечером их свяжем, а завтра вернемся с мостиками и лестницами, чтобы перевалить через камни — и у нас будет достаточно палок-рычагов, чтобы проложить себе тропу по этому… — он взмахом указал на чащу, — не заливая себя соком или еще чем-нибудь. И вытащим твою птицу задолго до того, как она будет впечатана в хрустальное яйцо. Мы явимся к мудрецам с сюрпризом, от которого у хунов хребет встанет дыбом. Как тебе это нравится?

Двер видел недоверие в ее взгляде. Она очень подозрительна, а он никогда не умел хорошо лгать. Когда она оглянулась на пойманную ма-

шину, он понял, что она гадает, продержится ли та ночь.

— Она выглядит сильной, — сказал Двер. — Если продержалась эти несколько дней, одна ночь не составляет особой разницы.

Рети опустила голову и задумалась.

— Может, даже хорошо, если у нее крылья станут липкими. Не сможет улететь, когда мы ее освободим. — Она кивнула. — Ладно. Давай рубить бу.

Бросив еще один полный желания взгляд, Рети повернулась на толстой ветке и подняла руки, чтобы карабкаться вверх. Она внимательно разглядывала каждую опору, прежде чем довериться ей, отыскивала едкие ручейки, проверяла, выдержит ли ее очередная нить. Очевидно, она опытный путешественник.

Но с таким пауком Рети раньше никогда не встречалась. Пройдя примерно треть пути сквозь заросли, она неожиданно поморщилась, отдернула руку и посмотрела на единственную светло-золотистую каплю на обратной стороне запястья. Мгновение казалось, что она не испугалась, а просто очарована цветом.

— Быстрей, стряхни ее! — крикнул Двер.

Девушка послушалась. Капля полетела в лист-

ву. Но на ее месте с мягким шлепающим звуком возникли две новые. Капля появилась у нее на плече, еще одна — в волосах. Рети подняла голову, чтобы посмотреть, откуда они приходят, — и получила еще одну прямо посредине лба. С проклятием она попыталась смахнуть ее, но только размазала по щеке. Рети быстро попятилась.

— Не туда! — крикнул Двер. Он видел, как к ней устремились нити, из щелей которых выделялся золотистый сок. Рети в отчаянии зашипела, повернулась в другую сторону и получила еще несколько капель в волосы.

/Скажи, чтобы она не сопротивлялась. Боли не будет./ Рявканье Двера было бессловным, нечленораздельным, полным гнева; оно вышвырнуло мысленное прикосновение паука. Двер сбросил с плеча лук, оставил его на верху камня и начал спускаться к девушке. Краем глаза он заметил, что нур исчез, разумно почувствовав опасность. *В отличие от некоторых знакомых мне дураков,* подумал Двер, доставая мачете из ножен.

— Я иду, Рети, — сказал он, проверяя, выдержит ли его вес ветка. Двер видел, что Рети пытается подняться другим путем, легко уклоняясь от преследующих ее лиан.

— Не нужно! — отозвалась она. — У меня все в

порядке. Мне не нужна твоя по… ой!

Ветка, которую она держала и которая казалась совершенно мертвой, неожиданно выделила целую полоску золотистой жидкости. Рети с проклятием отскочила. Несколько капель прилипли к ее руке.

— Не три их! — крикнул Двер.

— Я не дура! — ответила она, отступая. К несчастью, тем самым она оказывалась в еще более сложном положении.

Сверкнул мачете Двера, искусно перекованный кусок буйурского металла. Разрубленная ветвь выглядела безжизненной, но Двер готов был отскочить, если только…

Но разлагающаяся, крошащаяся трубка разделилась, и из нее выделилась только липкая пыль. Хорошо, что он не стал использовать ее как опору. Это место ошибок не прощает.

Подвесив мачете за петлю, Двер опустился, отыскал подходящую ветку и осторожно доверил ей свою тяжесть; потом принялся проделывать горизонтальный разрез, чтобы опуститься еще ниже. Следующая опора тоньше и кажется менее надежной, но выбора у него нет. Но она по крайней мере не выделяет кислоту и не пытается обвиться вокруг его рук как змея. *Как ей уда-*

лось пробраться так далеко? думал он, радуясь тому, что большинство щупалец мертво. Будь мульк-паук в лучшей форме, преграда была бы непреодолима.

— Двер!

Он повернулся, раскачиваясь на натянутой нити. Вглядываясь в полутьму, увидел, что Рети поднимается по расщелине, похожей на каминную трубу, которая, казалось, предоставляет возможность выбраться. Но только на середине подъема она заметила, что вверху что-то начало изгибаться. Еще один пучок живых щупалец… движется, преграждая ей путь к спасению. А тем временем у основания трубы происходило то же самое. На лице девушки появилось паническое выражение. Покраснев, она держала перед собой свой тонкий нож, искала взглядом уязвимое место врага. Но могла задеть только ближайшие нити, надеясь, что из них не польется купорос или золотая смерть.

Двер видел, как совсем недалеко от нее бьется в ловушке птица-машина,

Отпусти ее, Один-в-своем-роде, подумал Двер, приседая и прыгая вперед, вытянув обе руки, чтобы ухватиться за другую ветвь. К счастью, она выдержала, когда он повис над темным отверсти-

ем и дотянулся до следующей ветви, толщиной в ствол молодого деревца. *Пусть идет, или я…*

Он пытался найти продолжение, не зная, чем можно испугать мульк-паука. Может ли он сделать что-то большее, чем просто раздражать его своим мачете? Может пригрозить, что уйдет и вернется с орудиями, которые уничтожат это древнее создание, с огнем и взрывчаткой, но Двер у это казалось слишком абстрактной угрозой. Паук не обладает сознанием перспективы, не осознает связи причин и следствий, он знает только настоящее и испытывает только *алчность*, соединенную с терпением, по сравнению с которым хун кажется суетливым нуром.

И к тому времени, как Двер сможет начать мстить, Рети будет заключена в золотой кокон, сохранена навечно… и мертва, как камень.

Давай поторгуемся, Один-в-своем-роде, проецировал он мысль, снова доставая мачете. *Что ты возьмешь в обмен на нее?*

Ответа не было. Либо Один-в-своем-роде слишком занят своими нитями и ядовитыми растворами, действуя с непривычной поспешностью, либо…

Молчание паука казалось странным и предательским. И еще самодовольным. Как будто паук

не испытывал потребности в разговорах, получив два сокровища и уверенный в получении третьего. Поморщившись, Двер еще глубже погрузился в трясину ветвей. Что еще он может сделать?

Он перерубил еще три нити. Последняя выпустила поток разъедающей жидкости, который образовал дугу между перекрещивающимися ветвями. С усеянной мусором поверхности внизу кольцами поднялся дым, усилив острый запах.

— Двер, помоги мне!

Теперь Рети была в западне, и чопорная гордость больше не могла сдержать нормальную панику испуганного ребенка. Сквозь путаницу нитей мульк-паука ее волосы блестели, как грива урской лудильщицы росистым утром, покрытые тонким покрывалом из золотистых капель. Под ударом ее ножа разлетелось щупальце — и его место тут же заняли два новых.

— Иду! — пообещал он, разрубая еще два троса, потом перебираясь на следующую ветвь, которая выглядела достаточно устойчивой. Но она провисла, и нога Двера, коснувшись прозрачной густой жидкости, выделившейся из этой ветви, скользнула. Он закричал, чувствуя, как уходит из-под ног опора.

Те же самые густые заросли, которые он недав-

но проклинал, уберегли его от сломанной шеи. Размахивая руками, он ухватился за ветку и повис в воздухе. Но вздох облегчения перешел в возглас боли. Прямо под подбородком в живых нитях пульсировала злая алая жидкость. На ветке образовались пузыри, которые эта жидкость прорывала. Глаза Двера жгли едкие испарения.

/Нет, нет. Не думай, что я причиню тебе такой вред! Ты для этого слишком ценен!/

Перед слезящимся взором Двера пузыри перестали образовываться, красноватая жидкость отхлынула, покинула бьющиеся сосуды.

/Этот нектар для обычного камня. Для тебя, мой уникальный, только чистое золото./

Двер поморщился.

/Большое спасибо!/

Всмотревшись в сторону, он увидел еще одну путаницу около ног. Рискуя свалиться, оттолкнулся от отвратительной ветки, прервавшей его полет.

/Не стоит./

Теперь Двер был почти на уровне Рети, достаточно близко, чтобы видеть, что в ее взгляде паника сменилась озлобленной решимостью. Она пополам разрезала еще одну нить. И была вознаграждена мелким дождем капель, позо-

лотившим руку, которой она закрыла лицо. Неожиданно Двер понял: *Она рубит не в том направлении!*

Вместо того чтобы самым коротким путем направляться к дневному свету, она углублялась в путаницу щупалец, к механической птице!

Клянусь Ифни, нашла время для своей одержимости!

Внезапно запястьем Двер ощутил прохладу. Среди темных волосков лежала сверкающая капля-мениск. Он быстро отодвинулся, прежде чем сверху из поры в ветви упала вторая капля. Двер быстро стряхнул каплю, но даже после этого ощущал какое-то онемение, приятную прохладу. Так бывает, когда деревенский дантист накладывает измельченные в порошок листья нурала на десны пациента, прежде чем пустить в ход свое ручное сверло.

Теперь мачете был покрыт собственным липким покровом, который в отдельных местах уже начал кристаллизоваться. Разумеется, такой артефакт достоин коллекции — полоска материала звездных богов, приспособленная племенем дикарей к новому использованию в сумрачном месте, между пыльной землей и прекрасным небом. Двер мрачно поднял оружие и принялся

рубить.

Необходима сосредоточенность, поэтому он с целенаправленностью охотника не обращал внимания на зловоние и скрипучую пыль. Лоб, лицо и шея покрылись потом, но он не решался его вытереть. Несомненно, он выглядит, как Рети, которая теперь блестит, словно волшебная сладость, украшенная каплями меда. Двер и не пытался крикнуть ей, чтобы она повернулась и направилась к нему. Учитывая ее упрямство, можно поберечь дыхание.

Оглянувшись, он заметил, что путь для отхода все еще кажется свободным — туннель в окружении срубленных ветвей и перерезанных нитей. Один-в-своем-роде может привлечь больше сил, но мульк-паук медлителен и стар. Приближаясь к клетке Рети, Двер был уверен, что способен помешать намерениям паука, если тот их осуществит. Теперь он хрипло позвал:

— Хорошо, Рети. Хватит глупостей. Давай убираться отсюда.

Девушка была в дальнем конце прорубленного ею прохода; мимо ветвей, преграждавших путь, она смотрела на птицу-машину.

— Эй, она меня заметила! Повернулась!

Дверу было все равно, даже если бы птица

встала на голову и на Галактическом три с буйурским акцентом произнесла приветственную речь. Он перерезал еще один трос и закашлялся от ядовитых испарений, которые испускали разрубленные концы.

— Рети, у нас нет времени!

Когда дым рассеялся, он приблизился и увидел, что птица-машина приподнялась в своей клетке, глядя в небо и не обращая внимания на мелкие капли, которые как туман оседали на ее покрытую перьями спину. Рети, по-видимому, тоже заметила, что внимание птицы сместилось. Она посмотрела вверх, и Двер услышал доносящееся оттуда резкое бормотание.

Это всего лишь проклятый нур.

За пересечением нитей он увидел Грязнолапого. Куда бы ни убегал нур, он вернулся. Только теперь он стоял на задних лапах, приподняв мускулистое тело, откинув усатую узкую морду, и рычал на что-то невидимое с южной стороны.

Взгляд Двера уловил еще какое-то движение. Как змея в приступе эпилепсии, в поле зрения появилась перерубленная нить, частично закрывая проделанное Двером отверстие. Ее порывистые движения казались трогательными, но вслед за первой появилась вторая, потом третья.

— Рети! — закричал он, собираясь рубить оставшуюся между ними преграду. Не дожидаясь ее ответа, он обеими уставшими руками поднял тяжелое мачете и тремя ударами перерубил толстый стебель, преграждавший дорогу. *Не трать силы зря, Рети,* про себя молил он, понимая, что бесполезно что-то говорить вслух.

С раздраженным возгласом Рети повернулась, отказываясь от своего сокровища, и набросилась на тонкие нити, разрубая их маленьким ножом, а потом гибко протиснулась между ними. Узкий проход покрывал ее золотыми каплями, так что теперь она напоминала пирожное с ореховым кремом. Двер безжалостно рубил и наконец оказался достаточно близко, чтобы просунуть руку в клетку.

Рети схватила его за запястье.

Двер расставил ноги и потянул, потащил ее сквозь темное зловонное отверстие. Их продвижение сопровождал низкий стон. Двер не мог бы сказать, кто стонет: она, он или они вместе.

Наконец она высвободилась и вцепилась в него с неожиданной силой, охватила руками и ногами. Двер понял, что под ее внешней бравадой кроется отчаянный ужас.

— Нам нужно торопиться, — сказал он и потя-

нул ее за руку.

Рети сопротивлялась лишь мгновение, затем согласилась.

— Хорошо, пошли, — выдохнула она. Он руками подтолкнул ее, и она начала карабкаться по узкому проходу-трубе, которую он вырубил в зарослях. */Так быстро уходите? Неужели я такой плохой хозяин?/*

– Высохни и сгори, Один-в-своем-роде, — пробормотал негромко Двер, поднимаясь вслед за Рети, доверившись ее инстинкту, который выведет их отсюда.

/Когда-нибудь, несомненно, так и будет. Но к тому времени я сохраню большое наследие./

/Только подумай! Когда Джиджо перестанет быть невозделанной планетой и новые жители получат этот мир в свое владение в сверкающем великолепии, они с восторгом будут смотреть на сохраненную мной коллекцию. В своих сверкающих гордых городских башнях они будут хранить мои образцы интервала, поставят на пьедесталы, чтобы все могли их увидеть. И самым главным среди этих образцов будешь ты, моя добыча, мое сокровище. Возможно, лучший сохранившийся экземпляр твоей давно исчезнувшей расы./

Двер удивился: паук глубоко проник в его сознание и извлек такие слова, которые он сам не всегда помнит: *интервал* или *экземпляр.* Наверно, Ларк пользовался ими в его присутствии, и они сохранились где-то в глубине памяти.

Это ты вымрешь, паук! Ты и все твое проклятое племя,

На этот раз гневный ответ не оттолкнул мысленное прикосновение паука.

/К тому времени — несомненно. Но нашу конструкцию всегда можно отыскать в Великой Галактической Библиотеке, и мы слишком полезны, чтобы о нас забыли. Всякий раз, как понадобится эвакуировать планету, очистить ее и дать возможность побыть невозделанной, везде, где потребуется уничтожить грандиозные творения прежних обитателей, превратить их в пыль, там снова возникнем мы./

/Может ли ваше племя невежественных обезьян претендовать на такую же полезность, моя драгоценность? Есть ли у вас вообще какая-то "цель"? Кроме цепкого стремления к выживанию?/

На этот раз Двер не стал отвечать. Ему необходимо было хранить силы. Если спуск был ужасен, подъем превратился в настоящий ад.

Рубить нити над головой, откинувшись назад, вдвое труднее, чем пробираться вниз. Вдобавок к опасности ядовитых выделений извивающихся нитей им с Рети приходилось пробираться сквозь дождь золотистых капель. Теперь было уже не до стряхивания отдельных капель. Лишь бы избежать настоящих потоков и не дать им залепить глаза, нос и уши. Сквозь мерцающие испарения Двер видел, как наверху собирается все больше ползущих ветвей — они собираются с невероятной быстротой. Очевидно, Один-в-своем-роде не собирался сдаваться.

/А чего ты ожидал? Что я покажу тебе все, на что способен…

/… что я покажу тебе все…/

/… что я покажу тебе…/

Когда голос в голове Двера стих, его первой реакцией было облегчение. У него хватает других забот: растянутые мышцы шеи, рука, которую словно окунули в чан ювелира и которую начинает сводить от непрерывных ударов, ударов, ударов. Если бы только заткнулся этот визгливый нур! Визг Грязнолапого только набирал силу, поднимаясь за пределы восприятия Двера, но по-прежнему вызывал ощущение, что под черепом побежали ручейки.

И сквозь все это пробивалась еще одна настойчивая тревога.

Я оставил глейвера привязанным. Если мы не вернемся, он умрет от жажды.

– Влево! — крикнула Рети. Он быстро повиновался, свернув как можно дальше, доверяя ее быстрым реакциям и увернувшись от желтых капель.

— Чисто! — снова крикнула она.

Мачете выскользнул. Двер трижды брался за петлю на запястье, прежде чем смог снова начать рубить тонкие нити, заполняющие проход над головой. Он рубил в быстро сгущающихся сумерках. Если они не выберутся до наступления темноты, все преимущества будут на стороне безумного мульк-паука.

Теперь шум, который он раньше старался не замечать, стал слишком громким, чтобы его игнорировать. Низкий гром перекрыл лай нура. Заросли вокруг Двера и Рети задрожали. Несколько хрупких ветвей рассыпались в пыль, другие разрывались, выделяя ядовитую жидкость: красную, оранжевую, молочную, добавляя ядовитые испарения к тем, что уже жгли глаза людей. Двер, мигая, посмотрел вверх и увидел Грязнолапого, который торопливо отступил, и в поле зрения по-

явилось что-то новое — что-то *висящее* в воздухе без видимой опоры.

Машина! Симметричная плоская фигура с блестящими боками, которые отражают солнечный свет, пролетела над зарослями.

Неожиданно из ее брюха вырвался ослепительный свет, проникший в глубину зарослей. Тонкий луч миновал Двера и Рети и углубился, словно в поисках чего-то.

— Оно охотится за птицей! — Рети скорчилась рядом с Двером, схватила его за руку и показала.

— Забудь проклятую птицу! — крикнул он. Заросли тряслись все сильней. Мимо промелькнула членистая труба, выбрасывая ядовитую жидкость. Двер, ощущая огненную боль в спине, успел заслонить девушку. Его поле зрения покрылось пурпурными пятнами, мачете выскользнуло из петли, упало и со звоном покатилось вниз.

Теперь казалось, что вся чащоба ожила, ее заполнили темные беглые тени: поисковый луч машины сузился, стал тонким, как игла, и сжигал все, к чему прикасался.

В этом свете Двер разглядел птицу-машину, пойманную в клетку из веревочной сети и покрытую золотой паутиной. Теперь птица вырвалась и прыгала взад и вперед, пытаясь увильнуться от

жгучего луча; ее перья уже местами обгорели.

Рети гневно крикнула, но люди больше ничего не могли сделать.

Наконец птица как будто сдалась. Она перестала уворачиваться, расправила все четыре крыла в жалкой попытке создать щит, который сразу задымился, когда ослепительный луч нашел цель и остановился. Только маленькая птичья голова торчала наружу, смотрела на агрессора одним открытым глазом.

Двер в зачарованном ужасе и оцепенении, смешанном с жалостью, видел, как глаз неожиданно *взорвался.*

Последнее, что он мог впоследствии вспомнить, была ослепительная вспышка.

VII . КНИГА МОРЯ

Не делайте яды, которые не сможете использовать. Используйте все сделанные вами яды. Если кто-то другой должен чистить за вами, не оскорбляйтесь, если от вас ожидают плату.

Свиток Совета

Рассказ Олвина

И вот не успели мы прибыть на верхнюю платформу поезда после долгого подъема от порта Вуфон, не успели Гек, Клешня и я выйти из вагона (маленькая Хуфу ехала на удачу на панцире Клешни), как галопом прискакала наша урская приятельница Ур-ронн, возбужденная и встревоженная. Даже не сотворив приветственную церемонию, она прыгала, махала взад и вперед своей узкой головой и шипела на ужасной версии Галдва, которую усвоила, должно быть, когда была еще размером с личинку и бродила по травам равнины Уор-рил. Вы знаете, о каком диалекте я говорю, — в нем опускаются все двойные щел-

канья, так что я смог вначале только разобрать басовый тон, передающий крайнее возбуждение.

Больше того, она начала *щипать* нас, словно мы стадо глупых ослов, которых нужно гнать вверх по холму.

— Хрррррм! Подожди немного! — сказал я. — Если будешь продолжать вести себя, как сумасшедшая, лучше не станет. В конце концов — *уйбауангуау!*

Да, это горловой крик хунов, выражающий боль. Гек переехала мне колесом левую ногу.

— Перестань, Олвин. Ты ведешь себя, как твой отец! *Мой отец!* подумал я. *Как нелепо!*

– Разве ты не слышал Ур-ронн? — продолжала Гек.

Несколько раз раздув горловой мешок, я пробежал последние несколько дуров, собрав воедино то, что прокричала Ур-ронн.

Все равно нелепые слова, мы и раньше рассказывали друг другу немало выдумок.

— Хр-р-р-р — *звездный корабль?* — Я смотрел на нашу урскую подругу. — Ты говоришь серьезно? Не комета, которой ты пыталась надуть нас в прошлом году?

Ур– ронн топнула передним копытом: я ее задел. Перейдя на англик, она поклялась:

— На этот раз все правда! Поверьте мне! Я слышала, как об этом говорили Уриэль и Гифц. Они поймали его на пластинки!

На пластинки, перевел я ее трудно различимые из-за раздвоенной губы согласные англика. На *фотографические пластинки.* Может, на этот раз в словах Ур-ронн что-то есть.

— А мы можем посмотреть? — спросил я. Урский стон раздражения.

— Вы глупцы в мехе и чешуе! А что я вам пытаюсь сказать с того момента, как поезд остановился?

— О! — Я поклонился, взмахнув одной рукой. — Тогда чего же мы ждем? Пошли!

Много лет назад кузнец Уриэль унаследовала мастерские на горе Гуэнн от Ур-танн, которая была наследницей-вассалом Уленнку, которая получала обширную подземную кузницу от своего собственного умирающего учителя, великой Ур-нуру, которая восстановила эти могучие залы после мощного землетрясения в год Яйца; тогда весь Склон дрожал как отряхивающийся нур. А еще до этого предание уходит в туманные времена до того, как люди принесли с собой бумагу, когда всякую мудрость приходилось запоминать или она утрачивалась. К тем дням, когда

урским поселенцам приходилось сражаться и доказывать, что они не дикари, населяющие травянистые равнины и оспаривающие у представителей более высокой касты квуэнов все, чем те обладают.

Во время наших походов в поисках приключений Ур-ронн часто пересказывала эти легенды. Даже если учесть неизбежные преувеличения, все же это были храбрые уры, которые поднимались на вершины вулканов, чтобы строить первые грубые кузницы у огненных озер лавы, пробираясь через пепел и постоянные опасности, чтобы научиться перерабатывать буйурский металл и навсегда уничтожить монополию Серых Королев на орудия.

По– своему мы даже радовались, что люди не появились раньше, потому что все ответы нашлись бы в их книгах: как делать ножи, и линзы, и окна, и все прочее, Конечно, это облегчило бы положение остальных рас и освободило бы от господства квуэнских резчиков по дереву. С другой стороны, достаточно было послушать неразборчивый рассказ Ур-ронн, чтобы понять, как гордится ее народ этими трудами и жертвами.

Понимаете, они сделали это сами — завоевали свободу и самоуважение. Спросите любого хуна,

как мы себя будем чувствовать без наших качающихся кораблей. Земляне внесли множество усовершенствований, но никто не давал нам море! Ни далекие патроны гутатса, ни Великая Галактическая Библиотека, ни наши эгоистичные предки, которые выбросили нас, наивных и неподготовленных, на Джиджо. Мы гордимся тем, что сделали это сами.

Гордость очень важна, когда у вас ничего другого нет.

Прежде чем заходить в ад-кузницу, Клешня набросил поверх своего мягкого красного панциря смоченный в воде плащ. Я плотнее запахнул свой плащ, а Гек проверила очки и защитные колпачки осей. Затем Ур-ронн провела нас через перекрывающие друг друга кожаные занавеси в глубину мастерской.

Мы прошли по подвесной дорожке из обработанных стволов бу, ведущей между булькающими бассейнами, раскаленными добела внутренним жаром Джиджо. Искусно направленные поднимающиеся потоки относили ядовитые испарения к каменным отражающим перегородкам, а оттуда — наружу, так что они ничем не отличались от паров, вздымающихся со склона горы Гуенн.

Над головой висели огромные корзины: одна

с буйурским металлоломом, другая — со смесью песка. Они ждали, пока их содержимое опрокинут в пылающий жар, а потом разольют по формам. Рабочие уры тянули блоки и ковши. Другие вертели большую каплю из жидкого стекла на конце трубы; вращаясь, она образовывала сверкающий диск, который, утончаясь, затвердевал и превращался в *окно* для дома где-то далеко отсюда.

Им помогали несколько серых квуэнов, которые, по иронии Джиджо, оказались второй расой, приспособленной для таких условий. Серые могли быть более счастливы, когда их королевы правили Общиной. Но я никогда не мог прочесть выражение их каменных куполов. И часто удивлялся, как наш порывистый эмоциональный Клешня может быть их родственником.

Подальше от жары с полдесятка г'кеков раскатывали по гладкому полу, дергая многочисленные рычаги, а специалист треки с дрожащими синтезирующими кольцами испытывал каждую смесь, чтобы удостовериться, что изделие мастерской проржавеет или распадется меньше чем за двести лет, как того и требуют мудрецы.

Некоторые ортодоксальные поклонники Свитков утверждают, что у нас вообще не должно быть кузниц, что это тщеславие, отвлекающее

нас от спасения через забывание. Но я считаю это место замечательным, хотя дым разъедает мне горловой мешок и от него у меня зудит спинная чешуя.

Ур– ронн еще через несколько занавесов провела нас в Лабораторный Грот, где Уриэль изучает тайны своего мастерства -и те, что тяжелым трудом добыты ее предками, и те, что извлечены из человеческих текстов. Здесь хитроумно проведенные ветерки освежают воздух, позволив нам ослабить защиту. Клешня облегченно сбросил тяжелый плащ, смочил свой красный панцирь в душе-алькове. Хуфу энергично плескалась, пока я протирал губкой свой мешок. Ур-ронн держалась на удалении от воды, недолго повалявшись в чистом сухом песке.

Гек проехалась по коридору, в который выходило множество дверей, заглядывала в лабораторные помещения.

— Хссс! Олвин! — настойчиво прошептала она, маня меня одной рукой и двумя глазными стебельками. — Иди посмотри. Хочешь угадать, кто здесь?

– А кто? — просвистел Клешня, оставляя за собой пять рядов влажных отпечатков. Ур-ронн искусно избегала наступать на влагу своими

цокающими копытами.

Я уже догадался, о ком говорит Гек, поскольку ни один пассажирский корабль не может зайти в Вуфон, чтобы об этом не знал хозяин гавани — моя мать. Она ничего не говорила, но я из подслушанных обрывков разговоров знал, что последний корабль с мусором привез важного пассажира-человека. Он высадился ночью и сразу направился к поезду на гору Гуенн.

— Хрррм. Готов спорить на сладкую сердцевину бу, что это еще один мудрец, — сказал я еще до того, как подошел к двери. — Мудрец из Библоса.

В заднем глазе Гек отразилось разочарование, и она, уступая нам место, проворчала:

— Удачная догадка.

Я знал эту комнату. Много раз во время прошлых посещений я стоял у входа и смотрел, что происходит внутри. В огромном помещении находилась таинственная машина Уриэль — путаница приводных ремней, кабелей и вращающегося стекла, которая наполняла сводчатый зал гулом, подобно тем викторианским фабрикам, о которых мы читали в романах Диккенса. Только эта машина, насколько можно судить, вообще ничего не производила. Только бесчисленные отблески света от вращающихся хрустальных

дисков, которые мчались, подобно сотням призрачных маленьких г'кеков, бешено и тщетно двигались, никуда не приходя.

Я увидел гостя-человека, который сидел у тростникового стола с раскрытым перед ним бесценным фолиантом и указывал на диаграмму, а Уриель раскачивалась в круге, время от времени поднимая одно копыто или несогласно тряся своей гривастой головой. Отороченные серым ноздри кузнеца раздраженно раздувались.

— Со всем уважением, мудрец Фуровский, вы могли вы отправиться на Собрание, вместо того чтобы являться сюда. Не вижу, каким образом ваше присутствие поможет решить нашу проблему…

Человек был в черном плаще младшего мудреца, из числа тех, что живут в священных залах Библоса в обществе полумиллиона печатных томов, изучая мудрость, постигнутую более чем за триста лет. Он красив, с точки зрения хуна, что происходит тогда, когда у человеческих самцов на голове вырастает седой мех и они позволяют волосам на лицах отрастать, причем впечатление еще усиливается благородным длинным носом. Этот достойный мудрец так сильно стучал пальцем по древней странице, что я побоялся: он

может повредить бесценный текст.

— Но я вам говорю, что этот алгоритм — именно то, что вам нужно! Его можно осуществить в десять раз быстрее, с гораздо меньшим количеством частей, если только вы обдумаете…

Не могу описать, что последовало, потому что разговор шел на диалекте англика, который называется инженерией, и даже моя хунская память не позволяет записывать слова, которых я не понимаю и не могу произнести. Мудрец, должно быть, прибыл, чтобы помочь Уриэль в ее проекте. Всякий, кто ее знает, мог бы предсказать, что Уриэль будет сопротивляться.

За этими двумя я увидел Урдоннел, молодого урского техника, которой мастер доверила общее обслуживание машины, уходящей в полутьму: свет в помещение проникал через единственное окно вверху. Урдоннел всматривалась в дрожащее, скрипящее собрание частей, то подтягивая эластичную передачу, то смазывая подшипник. Как старший ученик, она была всего в двух копытах от того, чтобы стать наследницей Уриэль.

Единственным другим кандидатом в наследники была Ур-ронн, отчасти из-за школьных успехов нашей приятельницы, а также потому, что она ближайшая родственница Уриэль, кото-

рой удалось вырасти из степной личинки и стать взрослой. Конечно, Урдоннел здесь работает, присматривает за личным проектом мастера, и это увеличивает ее шансы, хотя огромная машина ей явно не нравится.

Среди вертящихся дисков, проводя тонкую регулировку, мелькали миниатюрные кентавры, уры — самцы, которых обычно трудно увидеть за пределами сумок их жен. По строгим приказам Урдоннел они натягивали линии передач и пояса. Вероятно, проявляют стремление к равенству, подумал я. Наклонившись, я прошептал Гек:

— Вот и все разговоры о — хр-хрррм — о *звездных кораблях. Если* бы они действительно видели такой корабль, сейчас не занимались бы глупыми механизмами.

Ур– ронн, должно быть, услышала. Она повернула свою длинную морду с обиженным выражением. Два из трех ее глаз сузились.

— Я слышала Уриэль и Гифца, — просвистела она. — Да и что можете вы знать?

— Достаточно, чтобы понять, что все это вертящееся стекло никакого отношения к космическим кораблям не имеет!

Даже если бы мы не кричали друг на друга, нам нелегко было бы *незаметно подглядывать,*

как приходится об этом читать в человеческих детективных рассказах. И все же находившиеся в комнате могли нас не заметить, если бы нур Хуфу не выбрала именно этот момент, чтобы изо всех сил залаять на вертящиеся шкивы и диски. Прежде чем мы что-то успели сделать, она вспрыгнула на кожаный пояс и как сумасшедшая побежала на месте, рыча на двух отшатнувшихся урских мужей.

Урдоннел заметила это, замахала руками, демонстрируя яркие железы под обеими сумками для вынашивания потомства.

— Это событие означает? Оно означает? — требовательно спросила она с вопросительной дрожью. Волнение ее усилилось, когда мастер повернула поседевшую морду и посмотрела в сторону шума.

Вопреки сложившемуся стереотипному представлению, хун может действовать быстро, если видит необходимость этого. Я схватил Хуфу, бормоча свои лучшие извинения, и присоединился к остальным, подготовившись к выговору.

– *Поведение (поразительно, ужасающе) неприемлемое,* — заявила Урдоннел на Галдва. — *Помеха важнейшему совещанию, причиненная (мошенническими, микроцефальными, невоспи-*

танными)…

Вмешалась Уриэль, прервав поток оскорблений Урдоннел, прежде чем та спровоцировала разгневанную, топающую Ур-ронн на ответ в том же роде.

— Достаточно, Урдоннел, — приказала мастер на Гал-семь. — Пожалуйста, отведи молодежь к Гифцу, у которого есть к ним дело, и побыстрей возвращайся. Сегодня нам нужно запустить еще несколько моделей.

— Слушаюсь, — ответила Урдоннел на том же языке. Повернувшись к нам с агрессивным вытягиванием шеи, старшая ученица сказала:

— Идемте, вы, шайка джики *авантюристов.* Она вложила в эти слова свое презрение, что возможно на Галсемь, хотя не так выразительно, как на англике.

— Пошли быстрей. Было решено принять ваше предложение.

Ваш великий план.

Вашу экспедицию в ад — в один конец.

VIII . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Говорят, что глейверы — пример для нас всех. Из всех семи рас, ставших изгнанниками на Джиджо, они одни избежали тюрьмы, созданной для нас предками. Они сделали это, найдя тропу Избавления и пройдя по ней.

Теперь они невинны, они больше не преступники, они стали едины с Джиджо. Со временем они даже могут быть обновлены, заслужив благословенный редчайший шанс — второй шанс подняться к звездам.

Людей, младшую разумную расу, появившуюся на Джиджо, раздражает то, что они не встречались с глейверами как с мыслящими, говорящими существами. Даже хуны и уры появились здесь слишком поздно, чтобы знать их в лучшей форме, когда, как говорят, глейверы обладали могучим интеллектом и способностью к глубокой расовой памяти. Глядя, как их потомки роются в наших помойках, трудно представить себе расу межзвездных путешественников, патронов трех благородных кланов клиентов.

Какое отчаяние привело их сюда и заставило искать спасение в забвении?

Устные легенды г'кеков утверждают, что это результат финансовых неприятностей.

Некогда (утверждают предания г'кеков) глейверы принадлежали к тем редким племенам, которые обладали способностями к общению с зангами — водорододышащей цивилизацией, существующей отчужденно от общества рас, которые дышат кислородом. Эта способность позволила глейверам выступать в качестве посредников и принесла им огромное богатство и престиж. Но одна-единственная ошибка в контракте лишила их удачи и вызвала огромный долг.

Говорят, великие занги терпеливы. Долг следовало выплачивать в течение семисот тысяч лет. Но проценты были так велики, что глейверы и их любимые клиенты были безнадежно обречены.

Глейверы могли продать только одно, самое драгоценное, что у них оставалось.

Это были они сами.

Собрание легенд Семи на Джиджо. Третье издание.

Департамент фольклора и языков.

Библос. 1867 год изгнания

Аскс

Корабль вскоре улетел, подняв, как и во время посадки, тучу обломков нашего бедного разорванного леса. За ним следовал торнадо, как будто призрачная рука самой Джиджо пыталась схватить и удержать его.

Увы, этот отлет не послужил причиной для радости, потому что экипаж обещал вскоре вернуться. И подтверждение этого обещания находилось рядом с оставленным им при посадке шрамом — черный куб размером с половину полета стрелы, без всяких внешних черт, кроме рампы, ведущей к зияющему люку.

Поблизости располагались два хрупких матерчатых павильона, перенесенных с Собрания по просьбе звездных богов, оставшихся после отлета корабля. Один павильон служил местом переговоров, а второй, больший по размерам, для “осмотра образцов”. В этом павильоне уже работала небольшая группа людей-пришельцев, скармливая черным загадочным машинам образцы жизни Джиджо.

Все собравшиеся испытали шок. Несмотря на призывы мудрецов к единству, многие расы и

кланы раскололись, все искали убежища у своего племени. От одной группы к другой переходили посланники, переговоры велись в глубокой тайне. И лишь посыльных самой младшей расы — людей — все отвергали.

В этот момент никто, даже треки, не желали разговаривать с людьми.

Сара

В середине дня река углубилась в страну каньонов. Словно вспомнив о каком-то срочном поручении, вода торопливо понеслась меж берегов, заросших колючими кустарниками, прижимаясь к изъеденным склонам. Сара помнила эти пустыни по детским походам за окаменелостями вместе с Ларком и Двером. Хорошие были времена, несмотря на жару, несвежую еду и вездесущую пыль. Особенно когда с детьми была Мелина, до того, как продолжительная болезнь не погубила ее, превратив Нело в старика.

Мягкий акцент их матери, вспомнила Сара, по мере продвижения на юг становился все заметней. И открытое небо никогда не вызывало у нее страха.

Экипаж *Хауф-вуа*, напротив, с каждой лигой

продвижения на юг все больше тревожился, особенно после утреннего эпизода бессмысленного пиратства у разрушенного моста. Моряки — хуны явно предпочли бы переждать день под каким-нибудь скальным навесом. Но капитан, с громким выделением газов из своего фиолетового мешка, напомнил им, что это не прогулочный рейс с мусором, а срочное дело для всей Общины.

Преобладающий западный ветер обычно наполняет паруса корабля, идущего вверх по течению. Там, где течение становится сильнее, расположены тщательно замаскированные ветряные мельницы, и их операторы помогают кораблю подниматься: мельницы улавливают ветер с высоких холмов и направляют его в нужную сторону. Но первая такая мельница пролетела мимо, никто не вышел из стоящей по соседству хижины, никто не ответил на призывы, а полмидура спустя оператор следующей мельницы не успел закончить приветственную церемонию, как река унесла *Хауф-вуа* за пределы досягаемости.

Как тяготение времени, подумала Сара. *Тащит тебя в будущее до того, как ты готова, и оставляет позади след сожалений.*

Если бы только жизнь позволила ухватиться за

дружеский буксирный трос, вернуться в прошлое, получить шанс изменить свой поток жизни.

Что бы она сделала, если бы получила возможность прожить заново последние год-два? Помогло бы знание будущего отвратить сладкую боль, когда отдаешь свое сердце туда, где ему не место? Даже зная характер Джошу, могла бы она отказаться от этих месяцев бурного счастья, когда она делала вид, что он может принадлежать только ей?

Могло ли такое знание помочь спасти его, сохранить ему жизнь?

Незваный и нежеланный, из памяти возник образ. Воспоминание о том дне, когда она бежала из крепости Библоса, сжимая свои книги и таблицы, убежала домой, в древесный дом над дамбой Доло, чтобы погрузиться в науку.

— черные знамена, плещущиеся на ветерке, который пролетает над тяжелыми каменными крышами замка…

— жужжащие воздушные змеи натягивают привязь, бормочут свои жалобы во время церемонии размельчения Джошу и других жертв чумы…

— высокая светловолосая женщина, только что прибывшая на корабле из далекого города Овум,

стоит у носилок Джошу, исполняя долг жены, накладывает на лоб извивающийся тор, который превратит смертную плоть в сверкающий кристаллический порошок…

— спокойное холодное лицо мудреца Теина, обрамленное гривой волос, похожих на буйурскую сталь; мудрец прощает Саре ее неблагоразумное поведение, ее “увлечение” простым переплетчиком… и возобновляет предложение о более подходящем союзе…

— ее последний взгляд на Библос, на высокие стены, блестящие библиотеки, поросшие лесом склоны над городом. Часть ее жизни, пришедшая к концу так же бесповоротно, как если бы *она* умерла.

Прошлое полно горечи, говорят Свитки. — *Только тропа забвения ведет к окончательному Избавлению.*

За резким, полным ужаса криком последовал грохот разбивающейся посуды.

— Мисс Сара! — послышался голос с придыханием. — Идите быстрей! Все идите!

Она торопливо отошла от правого борта и увидела возбужденно пыхтящего Пзору, он умоляюще размахивал тонкими руками-манипуляторами. Сердце у Сары забилось, когда она

увидела пустой матрац Незнакомца и отброшенные в беспорядке одеяла.

Его она увидела в углублении между тремя бочками с человеческим мусором, он сжимал в руках острый осколок глиняной посуды. Глаза раненого были широко раскрыты и дико уставились на аптекаря — треки.

Пзора привел его в ужас, поняла Сара. *Но почему?*

– Не бойся, — успокаивающе сказала она на Галсемь, медленно выходя вперед. — Страх в наше время неуместен.

Сверкая белками над зрачками, он перевел взгляд с нее на Пзору, словно не в силах представить себе их в одном окружении, в одной мысли.

Сара перешла на англик, поскольку некоторые жители далеких береговых поселков пользуются почти исключительно этим языком.

— Все в порядке. Правда. Ты в безопасности. Ты был ранен. Тяжело ранен. Но теперь ты поправляешься. На самом деле. Ты в безопасности.

Некоторые слова вызывают более быструю реакцию, чем другие. Казалось, “в безопасности” ему понравилось, поэтому она повторила это дважды, протягивая руки. Незнакомец тревожно оглянулся на Пзору, но Сара передвинулась, что-

бы закрыть собой треки, и напряжение слегка спало. Глаза его сузились, сосредоточились на ее лице.

Наконец он со вздохом сожаления выпустил из дрожащих пальцев обломок.

— Хорошо, — похвалила его Сара. — Никто не причинит тебе вреда.

Хотя первоначальный приступ паники прошел, Незнакомец продолжал оглядываться на аптекаря деревни Доло, качая головой в удивлении и явном отвращении.

— Проклят… проклят… проклят…

— Будь вежлив, — уговаривала она, подкладывая ему под голову сложенное одеяло. — Без мазей Пзоры ты бы не смог так приятно путешествовать на корабле в город Тарек. И зачем тебе бояться треки? Кто когда-нибудь слышал о таком?

Он помолчал, помигал, потом возобновил жалкие попытки заговорить:

— А-джо… а-джоф… джоф…

Неожиданно Незнакомец в раздражении закрыл рот, плотно поджал губы. Поднял левую руку к голове, к бинтам, покрывающим ужасную рану, но остановился на полпути, словно прикосновение превратит его худшие страхи в реальность. Опустив руку, он вздохнул — низким

дрожащим звуком.

Что ж, по крайней мере он пришел в себя, подумала Сара об этом чуде. *Он в себе, и у него нет лихорадки.*

Шум привлек зевак. Сара попросила всех отойти. Если треки может вызвать у раненого приступ паники, что подумает он, увидев самца квуэна, с его поднятыми острыми шипами для карабканья вдоль каждой ноги? Даже в наши дни некоторые люди не хотят, чтобы кто-нибудь из Шести находился поблизости.

Так что следующий звук Сара меньше всего ожидала услышать…

Смех.

Незнакомец сел, разглядывая собравшихся пассажиров и экипаж. Смотрел на Джому, сына взрывника, который забрался на широкую спину Блейда и держался за голову-купол, торчащую из-под голубого панциря квуэна. Блейд всегда ласково обращался с детьми, и дети Доло его любили, но Саре это не казалось чем-то необычным. Однако Незнакомец показывал на них пальцем и смеялся.

Повернувшись, он увидел моряка, который бросал кусочки своему любимому нуру, в то время как другой хун терпеливо позволил Прити,

шимпанзе, вскарабкаться на свое широкое плечо, чтобы лучше видеть. Незнакомец сухо недоверчиво рассмеялся.

Он удивленно смотрел на танцора-писца г'кека Фейкуна, который перевернулся, давая отдых колесам, и располагался между Пзорой и урской лудилыцицей Ульгор. Фейкун разглядывал человека парой качающихся глазных стебельков, а остальными двумя словно спрашивал у соседей: *Что происходит?*

Незнакомец захлопал в ладоши, как обрадованный ребенок, и расхохотался так, что слезы побежали по его темным тощим щекам.

Аскс

Столетие просвещения, вызванного Святым Яйцом, и вся предыдущая тяжелая работа по установлению Общины — все это словно забылось в один день. Теперь редко можно увидеть реук: яд подозрительности стащил их со лбов и переместил в наши выложенные мхом сумки; и нам оставалось рассчитывать только на слова, как мы делали в прошлые века, когда слова часто вели к войнам.

Мои/наши соплеменники приносили последние тревожные слухи, и я пропускал злобу через мой/наш сегмент основания, чтобы пары

поднимались по центру, принося с собой отвратительное понимание таких гнусных мыслей:

– нашим соседям-людям больше нельзя доверять, если вообще можно было когда-нибудь.

— они продадут нас своим братьям по генам и клану из отряда грабителей.

— они солгали, когда называли себя бедными, лишенными патронов волчатами, которых презирают во всех Пяти Галактиках.

— они только делали вид, что изгнаны, а на самом деле шпионили за нами и нашим миром.

Еще более горькой была такая лживая сплетня:

– они скоро улетят со своими братьями, возобновят богоподобную жизнь, от которой отказались наши предки. Оставят нас гнить в этом несчастном, забытом, проклятом месте, а сами будут летать по галактикам.

Это была такая грязная сплетня, такая отвратительная, что я/мы выпустил зловонный меланхоличный пар.

Люди… неужели они так поступят? Неужели покинут нас?

Если/когда это случится, ночь будет сверкать так же отвратительно, как день. Потому что нам придется всегда смотреть из нашей тьмы и ви-

деть то, что они вернули себе.

Звезды.

Парк

Женщина-биолог заставляла его нервничать. У нее была привычка смотреть на него опьяняющим взглядом, и он чувствовал себя дикарем или ребенком.

Чем он и был — по сравнению с ней, хотя биологически прожил дольше. Прежде всего все то, что он изучал всю жизнь, не заполнит даже одной кристаллической ячейки памяти, которые она беспечно держит в переносном корпусе, висящем на плече комбинезона.

У этой женщины смуглое экзотическое лицо с большими глазами поразительного кремово-карего цвета.

– Ты готов, Ларк? — спросила она.

В его мешке запасы еды на четыре дня, так что необходимости в охоте не будет, но свой бесценный микроскоп на этот раз он вынужден оставить. Это доказательство мастерства уров кажется детской игрушкой по сравнению с приборами, которые используют Линг и ее коллеги для осмотра организмов — вплоть до молекуляр-

ного уровня. *Что такого можем мы им сказать, чего они еще не знают?* думал Ларк. *Что им от нас нужно?*

Распространенный вопрос, который обсуждают те его друзья, кто еще согласен с ним разговаривать, и те, кто поворачивается спиной к любому человеку, потому что он соплеменник пришельцев.

Но мудрецы поручили человеку — к тому же еретику — быть проводником этих пришельцев в полном сокровищами лесу. Начать танец переговоров, в которых речь идет о нашей жизни.

Шесть могут предложить только одно. Нечто такое, чего нет в официальной статье о Джиджо в Великой Галактической Библиотеке, статье, составленной буйурами перед отлетом. Это нечто — данные последнего времени о том, как изменилась планета после миллионолетнего пребывания в невозделанном состоянии. В этом вопросе Ларк такой же “эксперт”, как и любой местный дикарь.

— Да, я готов, — ответил он женщине со звездного корабля.

— Хорошо. Тогда пошли! — И она знаком попросила его идти впереди.

Ларк повесил на плечо мешок и повернулся,

чтобы показать выход из долины поваленных деревьев. Маршрут пройдет далеко от Яйца. Конечно, никто не надеялся сохранить его существование в тайне. Разведочные роботы летают уже много дней, они видели все поляны, ручьи и фумаролы. Но все же есть вероятность, что они примут Яйцо за еще одну естественную скальную формацию — до следующего периода, когда оно начнет петь.

Маршрут Ларка пролегает также в стороне от долины, куда отослали невинных: детей, шимпанзе, лорников, зукиров и глейверов. Может, все-таки грабители не всевидящи. Может, самое дорогое удастся спрятать.

Ларк согласился с планом мудрецов. До определенного момента.

Обычно по краям долины собираются толпы зрителей, наблюдающих, как темный куб поглощает солнечные лучи, ничего не отражая. Когда два человека добрались до такого края, группа зрителей — уров нервно попятилась, их копыта стучали по твердому камню как булыжники. Это все молодые незамужние самки с пустыми сумками для мужей. Именно такие способны причинить неприятности.

Конические головы раскачивались и свистели,

наклоняясь в сторону людей, обнажая треугольники пилообразных зубов. У Ларка напряглись плечи. Реук в кармане пояса запищал, чувствуя разлитую в воздухе злобу.

— Перестань! — предупредил он, когда Линг направила свои инструменты на топчущихся уров. — Продолжай идти.

— А почему? Я хочу только сделать…

— Я в этом уверен. Но сейчас неподходящее время.

Ларк взял ее за локоть, заставляя двигаться дальше. По первым контактам он понял, что она очень сильна.

Сзади мимо них пролетел камень и ударился впереди о землю. За ним последовал крик с придыханием.

Скирлсссс!

Линг начала с любопытством поворачиваться, но Ларк заставлял ее идти. Несколько голосов подхватили:

Скирлс!

Джикии скирлссс!

Вокруг застучали камни. Глаза Линг тревожно сузились. Поэтому Ларк сухо заверил ее:

— Уры бросают не очень хорошо. Не умеют целиться, даже когда узнали о луках и стрелах.

— Они ваши враги, — заметила женщина, по собственному желанию ускоряя шаг.

— Слишком сильно сказано. Скажем так: в прошлом людям приходилось немало сражаться за свое место на Джиджо.

Толпа уров следовала за ними, легко догоняя и продолжая кричать, отчего у людей напрягались нервы, пока с востока не прискакала еще одна самка и на остановилась перед толпой. У нее была нарукавная повязка проктора Собрания, она широко развела руки, обнажив полные брачные сумки и активные железы запахов. Толпа попятилась перед самкой, которая делала смелые агрессивные круги головой, отгоняя уров от двух людей.

Закон и порядок пока еще функционируют, думал Ларк с облегчением. *Хотя сколько они еще продержатся?*

– А что они нам кричали? — спросила Линг после того, как они углубились под полог деревьев вор с их тонкими иглами. — Это было не на Галшесть или Галдва.

— Местный диалект, — усмехнулся Ларк. — Джикии — по происхождению ругательство хунов, теперь его используют повсеместно. Оно означает “вонючий” — ничего лучше эти грубые

незамужние уры не могут сказать!

— А второе слово? Ларк оглянулся на нее.

— Уры придают очень большое значение оскорблениям. В прошлом, в дни пионеров, им нужно было как-то называть нас. Назвать словом, которые люди сочли бы одновременно оскорбительным и подходящим. Поэтому во время одного из перемирий они очень любезно попросили наших основателей сказать, как называется знакомое нам лесное животное, которое живет на деревьях и считается глупым.

Глаза ее, устремленные прямо на него, огромные и изящные. Вряд ли можно ожидать такие глаза у пирата.

— Не понимаю, — сказала Линг.

— Для них мы те, кто карабкается на деревья. Точно так же, как нашим предкам они сами должны были напоминать лошадей, лошаков, тех, кто пасется в траве.

— Ну и что? Я по-прежнему…

— Поэтому мы решили выглядеть поистине оскорбленными, когда разгневанный ур называет нас белкой — *сквиррел,* на англике. Это делает их такими счастливыми.

Она выглядела удивленно, словно его объяснение по-прежнему изумляло ее.

— Вы хотели доставить удовольствие своим врагам? — спросила она.

Ларк вздохнул.

— На Склоне больше ни у кого нет врагов. Не в таких масштабах.

Точнее — не было до недавнего времени, добавил он про себя.

— А что? — продолжал он, пытаясь сменить тему допроса. — Там, откуда вы, у вас много врагов? Настала ее очередь вздохнуть.

— Галактики полны опасностей. Очень многие недолюбливают людей.

— Так говорили и наши предки. Это потому, что люди волчата, верно? Потому что мы возвысились сами, без помощи патронов?

Линг рассмеялась.

— О, этот старый миф!

Ларк удивленно посмотрел на нее.

— Ты… Ты хочешь сказать?…

— Что мы знаем правду? Знаем свое происхождение и назначение? — Она улыбнулась с выражением спокойной уверенности. — Боже, потерянное дитя прошлого, ваш народ отсутствовал действительно очень долго. Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о наших великодушных повелителях ротенах? Любимых

патронах человечества?

Он споткнулся о камень, и Линг подхватила его за руку, чтобы удержать.

— Но это можно обсудить позже. Вначале я хочу поговорить об этих — как ты их назвал — скирил?

Она подняла палец, украшенный толстым кольцом. Ларк догадывался, что это прибор для записи. Потребовалось большое усилие, чтобы сдержать свое любопытство относительно галактических проблем и говорить о чем-то другом.

— Что? А, *сквиррел.*

– Ты подразумеваешь, что они живут на деревьях и подобны людям. Увидим ли мы такое животное в пути?

Он, не понимая, посмотрел на нее, потом покачал головой.

— Гм, не думаю. Не в этом походе.

– А что ты можешь мне о них рассказать? Например, есть ли у них склонность к использованию орудий труда?

Ларку не требовалось ни пси-способностей, ни реука, чтобы прочесть мысли своей привлекательной гостьи. Он правильно истолковал ее вопрос.

Есть ли у них склонности к машинной циви-

лизации? К войнам и торговле? К философии и искусству?

Есть ли у них Потенциал? Это волшебное свойство, которое делает помощь им выгодной?

Обладают ли они качествами, позволяющими воспользоваться толчком со стороны патронов. Перспективой когда-нибудь самим летать меж звезд?

Подходят ли они для Возвышения?

Ларк скрыл свое удивление ее невежеством.

— Нет, насколько мне известно, — честно ответил он, поскольку единственные белки, которых он видел, были изображены на древней выцветшей картине со старой Земли. — Если пройдем поблизости, сможешь увидеть сама.

Грабители со звезд явно ищут здесь биологические сокровища. Что еще может бедная Джиджо предложить такого, ради чего стоило бы пробираться мимо часовых Института Миграции, лететь звездными маршрутами, давно уступленными странной и грозной цивилизации зангов, а потом рисковать смертоносным карбоновым ветром Измунути?

А что еще? размышлял Ларк. *Помимо убежища? Спроси у собственных предков, парень.*

Пришельцы не делали вид, как вначале по-

думал Ларк, что они представляют какую-то галактическую организацию или имеют законное право исследовать биосферу Джиджо. Неужели они считают, что изгнанники ничего об этом не помнят? Или им просто все равно? Их цель — данные об изменениях, происшедших со времени ухода буйуров — делает работу всей жизни Ларка более ценной, чем он себе представлял. Настолько ценной, что сам Лестер Кембел приказал ему оставить записи, чтобы они не попали в чужие руки.

Мудрецы хотят, чтобы я играл с ними. Узнал от них не меньше, чем они узнают от меня.

Конечно, план, заранее обреченный на неудачу. Шесть подобны младенцам, не знающим правил смертоносной игры. Тем не менее Ларк постарается сделать все, что в его силах, пока его намерения и намерения мудрецов совпадают. Но так может быть не всегда.

Они это знают. Они не могли забыть, что я еретик.

К счастью, пришельцы назначили сопровождать его своего наименее устрашающего члена. Это вполне мог быть *Ранн,* огромного роста мужчина, с коротко остриженными седыми волосами, громким голосом и клинообразным

торсом, который словно выпирал из тесного мундира. Из остальных двоих, вышедших из черного куба, *Кунн* производил почти такое же грозное впечатление, как Ранн, с плечами, как у молодого хуна, в то время как светловолосая *Беш* была настолько женственна, что Ларк удивлялся, как ей удается грациозно передвигаться с телом из одних изгибов. Линг казалась почти нормальной, хотя и она в любом городе на Джиджо вызвала бы нарастающее волнение, несомненно, провоцируя множество дуэлей среди горячих поклонников…

Не забудь свою клятву, напомнил себе Ларк, отдуваясь от усилий во время подъема по крутому участку тропы. Блузка Линг промокла спереди от пота и соблазнительно липла к ее телу. Ларк заставил себя отвернуться. *Ты сделал выбор — жить с целью большей, чем ты сам. Если ты не отказался от этой цели ради честных женщин Джиджо, даже не думай сдаваться перед этой женщиной, чужаком, грабителем, врагом этого мира.*

Ларк нашел новое направление для жара в своих жилах. Похоть можно заблокировать другими сильными эмоциями. Поэтому он обратился к гневу.

Ты собираешься использовать нас, молча рас-

суждал он. *Но дела могут обернуться совсем не так, как ты планируешь.*

Такое отношение, в свою очередь, породило упрямство, победившее естественное любопытство. Чуть раньше Линг что-то сказала о том, что люди больше не считаются *волчатами* среди звезд. Они больше не сироты, не имеющие патронов, которые руководили бы ими. Судя по ее взгляду, она явно ожидала, что эта новость взволнует его. Несомненно, хотела, чтобы он упрашивал ее о дальнейшей информации.

Я буду упрашивать, если потребуется — но скорее куплю, займу или украду. Посмотрим. Игра еще только началась.

Вскоре они миновали заросли малого бу. Линг брала образцы сегментов стеблей — каждый не больше десяти сантиметров в диаметре — и ловко просовывала почти прозрачные срезы в свой анализатор.

— Возможно, я тупой туземный проводник, — заметил Ларк. — Но готов поклясться, что бу не проявляет никаких признаков предразума.

Когда он произнес последнее слово, голова ее дернулась. Так Ларк покончил с притворством.

Мы знаем, зачем вы здесь.

Смуглая кожа Линг не скрывала краски.

— Я что-нибудь подобное предполагала? Просто хочу сделать генетический срез, поскольку это растение завезено буйурами. Нам необходима отметка, чтобы сопоставлять с тенденциями животных. Это все.

Итак, мы начинаем откровенно лгать, подумал он. По окаменелостям Ларк знал, что бу процветало на Джиджо задолго до того, как буйуры двадцать миллионов лет назад получили разрешение на эту планету. Возможно, оно было завезено предыдущими обитателями. Вся экосистема сосредоточилась вокруг этого преуспевающего растения, и теперь от него зависят бесчисленные животные. Но первое время, когда бу вытесняло туземную флору, положение должно было быть тяжелым.

Ларк мало что знал о биохимическом уровне, но, судя по окаменелостям, вид почти не изменился за сотни миллионов лет.

Почему она лжет о чем-то настолько неважном? Свитки учат, что обман не только неправилен — он ненадежный, опасный союзник. И к тому же к нему привыкаешь. Если начнешь лгать, остановиться трудно. И со временем именно на мелкой бесполезной лжи тебя поймают.

– Говоря о предразуме, — сказала Линг, закры-

вая свой ящик для образцов, — не могу понять, куда вы спрятали своих шимпанзе. Я уверена, что у них произошли очень интересные изменения.

Теперь настала очередь Ларка выдать себя невольным вздрагиванием. Отрицать бесполезно. *Людям не нужны реуки, чтобы играть друг с другом в эту игру — ловить намеки на лицах. Лестер должен понимать, что я выдам не меньше, чем узнаю.*

– Шимпы подобны детям. Естественно, мы отослали их подальше от возможной опасности. Линг посмотрела направо и налево.

— Ты видишь какую-нибудь опасность?

Ларк едва сардонически не рассмеялся. В глазах Линг плясали огоньки, о смысле которых он мог только догадываться. Но некоторые мысли ясны и без того, чтобы их произносили вслух.

Ты знаешь, что я знаю. Я знаю, что ты знаешь, что я знаю. А ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь, что я знаю…

Есть еще одна эмоция, которая способна победить гормональную похоть или ярость гнева.

Уважение.

Он кивнул сопернице, прямо посмотрев ей в глаза.

— Я дам тебе знать, если мы будем проходить

вблизи шимпов, так что сможешь посмотреть сама.

У Линг оказалось исключительно острое зрение, и она это часто демонстрировала, замечая движения, которые Ларк пропустил бы: лесные создания нападали, ползали, охотились, заботились о детях. Этим свойством она напомнила Ларку Двера. Но у Линг было также множество инструментов, которые она сразу применяла ко всем ползающим, бегающим или летающим существам, которые привлекали ее внимание.

Должно быть, она действительно изучала древние записи буйуров, потому что часто и многое узнавала, классифицируя образцы кустов, деревьев, четырехкрылых птиц. Она также спрашивала Ларка, каково местное название этих видов. Ларк давал осторожные ответы, достаточные для того, чтобы подтвердить свою ценность в качестве туземного проводника.

Иногда Линг останавливалась и начинала негромко говорить в свое кольцо, словно подводя итоги того, что узнала. Ларк с дрожью понял, что она находится в постоянном контакте со своей базой. Это была речь на расстоянии, не сигналы семафора и даже не редкий дар телепатии, но настоящая высокотехнологическая связь, надежная

связь, о которой упоминают книги. Голос того, кто был на другом конце, был едва различим, как тихий шепот. Ларк догадывался, что звук каким-то образом проецируется компактно, так что слышно его только в районе уха.

В одном случае Линг заговорила на диалектной разновидности англика, которая Ларку была понятна с трудом.

— Да, да… Ладно. Постараюсь побыстрее… Но вы… расстояние и подробности…

Должно быть, человек на том конце говорил убедительно, потому что после разговора Линг пошла быстрей — до следующего волнующего открытия, которое заставило ее забыть о своем обещании, остановиться и терять время из-за какой-то загадочной подробности. Эта ее особенность — вид живых существ чрезвычайно ее занимал — первой искренне понравилась Ларку.

Но Линг все испортила, относясь к нему покровительственно, описывая — медленно и в простых словах, — что значит “ночной образ жизни”. Ларк подавил свое негодование. Он прочитал достаточно приключенческих романов, чтобы знать, как должен себя вести туземный проводник. Поэтому он с уважением поблагодарил ее. Сохранение стереотипного представления может

принести ему определенную выгоду в будущем.

Несмотря на весь свой энтузиазм и острое зрение, Линг не охотник, как Двер. Даже для Ларка окружающая местность кишела приметами: следами, сломанными стеблями, пометом, территориальными пометами, клочьями шерсти, чешуйками, перьями и торгами. Любой ребенок Шести мог прочесть эти приметы, которые раскиданы вдоль тропы. Но Линг, казалось, интересует только живое.

Мысли о Двере заставили Ларка улыбнуться. *Когда он вернется после своей погони за глейвером, я буду рассказывать дикие истории — для разнообразия.*

Через промежутки Линг раскрывала инструмент с двумя “голографическими экранами”. Ларк смотрел через ее плечо. Один экран показывал движущуюся лесную картину где-то поблизости, судя по характеру растительности. На втором экране были цифры и схемы, которых Ларк не понимал, и это было унизительно. Он прочел едва ли не все биологические тексты в Библосе и считал, что может по крайней мере понять лексикон.

Может, поведение типа “Да, бвана” — вовсе не игра. Получается, я действительно неграмотен.

Линг объяснила, что это данные одного из роботов-зондов, который поднимается впереди на некотором удалении от них.

— Можем мы теперь идти быстрее? — нетерпеливо спросила она. — Робот отловил несколько интересных образцов. Хочу осмотреть их, прежде чем они распадутся.

Но медлила-то она. Тем не менее Ларк кивнул.

— Как скажешь.

Первым образцом оказался злополучный вуанк-червь, чья норка была разрезана хирургически ровно. Червь тщетно пытался спастись, но плотная волокнистая сетка легко выдерживала удары его костлявой головы.

Линг заговорила в свое кольцо.

— Хищная форма, по-видимому, происходит от оров — собирателей, которых буйуры заимствовали у дезни три геологических эпохи назад. Организмы такого происхождения должны впадать в летнюю спячку после инъекции клатрата метана. Сейчас попробую большую дозу.

Она нацелила прибор, из которого, как голодный хищник, устремилась тонкая трубка, пронзив тело червя между двумя пластинками брони. Червь задергался, затем поник и застыл.

– Хорошо. Теперь проверим, изменилась ли его

энцефализация за прошедший мегагод. — Линг повернулась к Ларку и объяснила: — Это нужно, чтобы проверить, больше ли у них стало материи мозга.

Это– то я знаю, подумал Ларк, но не сдержался и ответил:

— Как удивительно.

Ларк учился подавать инструменты, брать кровь и помогать исследовательнице во всем, о чем она ни попросит. Однажды шершавый язык рассерженного длинноморда выскользнул между решетками клетки и сорвал бы с руки Линг полоски плоти, если бы Ларк вовремя не отдернул ее. После этого случая Линг как будто поняла, что "туземный проводник" способен не только на то, чтобы носить, подавать и поражаться каждому сказанному ею слову.

Хотя все собранные роботом образцы относились к существам с мозгом, это охотники или всеядные собиратели, тем не менее Ларк считал, что ни одно из них не подходит для Возвышения. *Может, через десять миллионов лет, когда эту галактику снова откроют для законного заселения, тогда длинноморд или прыгун могут быть готовы, закаленные эволюцией и удачей Ифни, и тогда какая-нибудь старшая добрая раса их*

примет.

Но, наблюдая за тем, как она с помощью волшебных лучей и инструментов оценивает грязного поедателя падали, Ларк не мог избавиться от картины: этот самый поедатель отвечает тем, что встает на задние лапы и произносит оду дружбе всех живых существ. Группа Линг явно считает, что они могут найти что-нибудь очень ценное, появившись на Джиджо раньше намеченного времени. *И если Потенциал есть, нужна только помощь патронов, чтобы пустить новую расу по Тропе Возвышения.*

Несколько текстов в Библосе с этим не соглашались. В них утверждалось, что роды далеко не всегда нуждаются в повитухе.

Следующую часть пути Ларк думал об этом.

— Ты упомянула, что землян больше не считают волчатами.

Линг загадочно улыбнулась.

— Кое-кто по-прежнему верит в старый миф. Но уже довольно давно правда стала известна.

— Правда?

— Правда о нашем происхождении. Кто наделил человечество даром мысли и разума. Наши истинные патроны. Всем, чем мы стали и чем станем в будущем, мы обязаны нашим учителям

и проводникам ротенам.

Сердце Ларка забилось быстрей. Несколько томов на эту тему пережили пожар, опустошивший полки Библоса, на которых располагалась литература по ксенологии, поэтому он знал, кто когда триста лет назад крадущийся корабль “Обитель” направился на Джиджо, по-прежнему шли ожесточенные споры. В те дни некоторые рассуждали, что задолго до начала исторической эры какие-то тайные доброжелатели помогли человечеству. Другие поддерживали модель Дарвина — что разум мог эволюционировать сам по себе, без посторонней помощи, вопреки скептицизму галактической науки. И вот Линг утверждает, что спор окончен.

— А кто они? — приглушив голос, спросил Ларк. — Ротены прилетели с вами на Джиджо?

На лице ее снова появилась улыбка, понимающее выражение.

— Правда за правду. Сначала ты мне расскажешь то, что есть на самом деле. Что делает группа людей на этой ужасной маленькой планете?

— Ммм… О какой группе ты говоришь: о своей или о моей?

Единственным ее ответом была молчаливая

улыбка. Она словно говорила: *“Давай продолжай молчать. Я могу и подождать”.*

Линг шла по следам, оставленным безжалостным роботом, переходя от одного уснувшего существа к другому. К вечеру она ускорила шаг, пока они не поднялись на вершину низкого хребта. Отсюда Ларк увидел к северу еще несколько плато, уходящих вверх, к вершинам Риммера. Вместо обычных местных деревьев ближайшую мезу покрывала гораздо более темная зелень, густая заросль гигантского бу. Отдельные растения были такими огромными, что их можно различить даже с того места, где он стоит. Пространство гигантских раскачивающихся стеблей прерывало несколько полосок камня и одна водная.

Последним образцом оказался неудачливый горный зверек, который свернулся в колючий шар, когда они срезали паутину, которой робот удерживал свои жертвы. Линг потрогала зверька инструментом, с которого сорвалась короткая резкая искра, но никакой реакции не получила. Повторила процедуру с большим зарядом. Ларка начало мутить, когда он уловил запах поднимающегося дыма.

— Он мертв, — диагностировал Ларк. — Все-таки ваш робот не совершенен.

Ларк выкопал яму для туалета и подготовил костер. У него был с собой завернутый в листья хлеб с сыром. Линг вскрыла коробочку, покрытую фольгой; в коробочке еда сразу закипела, и Ларк ощутил незнакомый соблазнительный запах. Когда он собрал ее опустевшие пакеты, чтобы унести с собой и запечатать как мусор, было уже совсем темно.

Линг как будто склонна была возобновить разговор.

— Ваш мудрец Кембел говорит, что никто не помнит точно, по какой причине прилетели ваши предки. Иногда сунеры проникают на невозделанные планеты незаконно размножающимися группами. Другие спасаются от войн и преследования. Мне хотелось бы знать, что ваши предки рассказали тем расам, которые здесь уже были до них.

Сунерами Шесть называют небольшие группы, которые тайком уходят со Склона и вторгаются на территорию, запретную по заветам священных Свитков. *Но, вероятно, в этом смысле мы все здесь "сунеры". Даже те, кто живет на Склоне.* В глубине души Ларк всегда это знал.

Тем не менее ему приказывали солгать.

— Ты ошибаешься, — сказал он. Обманывать

не хотелось, — Мы потерпели крушение. Наш объединенный экипаж…

Женщина рассмеялась.

— Прошу тебя. Эта хитрость продержалась день или два. Но мы знали еще до отлета нашего корабля: то, что ты говоришь, невозможно.

Ларк поджал губы. Никто и не ожидал, что их блеф долго продержится.

— Как вы узнали?

— Это просто. Люди вышли в галактическое пространство около четырехсот лет назад — триста пятьдесят циклов Джиджо. Земляне не могли находиться на борту корабля, который принес сюда, на эту планету, г'кеков.

— Почему?

— Потому, мой добрый отсталый братец, что к тому времени как люди появились на галактической сцене, г'кеков там уже не было.

Ларк мигнул, а она продолжила:

— Увидев вас здесь, на склонах долины, мы узнали большинство типов. Но нам пришлось порыться, чтобы узнать г'кеков. И представьте себе наше удивление, когда на экране появилось слово.

Это слово — *вымерли.*

Ларк мог только молча смотреть на нее.

— Ваши друзья на колесиках — большая редкость, — заключила Линг. — Те, что здесь, на Джиджо, несомненно, последние представители своего вида.

И именно тогда, когда ты начала мне нравиться… Ларк готов был поклясться, что в глазах Линг появилось довольное выражение: она видела, как он поражен новостью.

— Как видишь, — добавила Линг, — у каждого из нас есть чем поделиться. Я тебе только что открыла правду. Надеюсь, ты ответишь мне тем же.

Он старался говорить спокойно.

— Разве я до сих пор тебе не помогал?

— Не пойми меня неверно! Ваши мудрецы так старались скрыть от нас кое-что. Они, возможно, даже не поняли наших вопросов. У нас есть возможность говорить дольше, и многое может проясниться.

Ларк видел, что происходит. *Разделяй и расспрашивай.* Он не присутствовал на встрече людей с неба и мудрецов. И она, конечно, легко поймает его на расхождениях, если он не будет предельно осторожен.

— Например, когда Кунн спросил о том, видели ли вы другие корабли с тех пор как первые

сунеры появились на Джиджо, ему рассказали о посещении шаров зангов, которые ныряли глубоко в море, и о нескольких далеких огоньках, которые могли быть исследовательскими кораблями институтов. Но нас интересует то, что происходило гораздо…

Ее прервал резкий звонок. Линг подняла руку с голубым кольцом на пальце.

— Да?

Наклонив голову, она слушала шепот, проецируемый возле уха

— Точно? — спросила она удивленным голосом. Линг, не глядя, достала из кармана на поясе портативный приемник, на двух экранах которого показались лесные сцены, движущиеся в вечернем полусвете. *Машины не спят,* заметил Ларк.

— Переключите изображение с четвертого зонда на пятый, — попросила Линг. Картина на экране исчезла, сменившись статическими разрядами. На правом экране вместо схем и графиков появились плоские росчерки, которые на Галактическом Шесть означают “ноль”.

— Когда это случилось? — спросила женщина у невидимого коллеги. Ларк следил за ее лицом, жалея, что не слышит голоса на том конце: до него доносился только неразборчивый шепот.

— Повторите последние десять минут записи перед отказом зонда.

На левом экране появилось изображение. На нем виден был узкий зеленый коридор с лентой неба вверху и потоком пенной воды внизу. Стены коридора из тесно растущих стеблей гигантского бу.

— Пропустите на двойной скорости, — нетерпеливо попросила Линг. Огромные колонны стремительно понеслись мимо. Ларк наклонился поближе: сцена показалась ему знакомой.

Неожиданно узкий проход расширился, превратился в мелкий кратер, чашу, усеянную камнями, с маленьким озерком в центре, окруженным плотными зарослями переплетенных растений.

Минутку. Я знаю это место…

На экране появилось перекрестие тонких линий, они сошлись вблизи пенного берега озера, а на правом экране появились красные символы на техническом Галшесть. Ларк пытался прочесть, но разобрал только несколько слов:

…аномалия… неизвестный источник… сильная цифровая деятельность…

У него перехватило дыхание, когда глаз камеры стремительно понесся к источнику неожиданности, пролетев над плитами древней буйурской

постройки. Красные символы сосредоточились в центре правого экрана. В центре все стало гораздо более отчетливым, а на периферии расплывалось. Появились записи о подготовке — Ларк читал с отчаянием — о подготовке *оружия*, о готовности к его использованию.

Двер всегда говорил, что этот мульк-паук гораздо опаснее всех других, и предупреждал, чтобы держались от него подальше. Но, во имя Джиджо, что могло так встревожить робота?

Ему пришла в голову еще одна мысль.

Боже, да ведь Двер, преследуя глейвера, ушел именно в этом направлении!

Машина замедлила приближение. Ларк узнал густые заросли древнего мульк-паука, его паутину, раскинутую на остатках какого-то буйурского сооружения.

Взгляд робота упал на светлую фигуру, прижавшуюся к земле, и Ларк мигнул.

Неужели это глейвер *на открытом месте? Ифни, мы так старались их спрятать, а машина пролетает мимо одного из них и даже не замечает!*

Еще один сюрприз поджидал его на периферии замедлявшей свое движение камеры. Худое животное, четвероногое, напряженное, его черная

шерсть почти сливается с темными зарослями. Сверкнули белые зубы *нура,* удивленно и вызывающе щелкая навстречу приближающейся машине, затем нур исчез, а робот целеустремленно двинулся дальше.

Нур? Так высоко в горах? Не понимая почему, Ларк ощутил во рту горечь.

Теперь машина чуть ползла. Красное перекрестие сместилось в сторону, к точке, которая светилась ритмами алой угрозы.

...цифровое сознание... уровень девять или выше... дрожали галактические символы. Внизу, в полутьме, почти ничего нельзя было рассмотреть, кроме какого-то неясного передвижения в самом центре пересечения линий. Должно быть, робот использовал и другие чувства, не только зрение.

...автономное принятие решения... немедленное уничтожение угрозы...

Неожиданно тусклая сцена ярко осветилась. Ослепительные молнии устремились в заросли, центр картины вспыхнул белым, молнии разрезали медузообразные конечности мульк-паука. Из разрезанных извивающихся нитей били столбы кипящей жидкости, а красные кружки прицеливания плясали, передвигались взад и

вперед, отыскивая что-то упрямо уклонявшееся в ограниченном пространстве.

Линг читала данные на правом экране, проклиная неспособность робота быстро покончить с противником. И Ларк был уверен, что только он заметил фигуру, мелькнувшую на краю панели. Она видна была лишь мгновение, но словно обожгла его оптический нерв.

Одна… нет, *две* путаницы рук и ног, переплетенные нитями, укрывающиеся от горящей ярости сверху.

Оба экрана заполнили статические разряды.

— Нет, я не могу направиться туда немедленно. Туда не меньше половины миктаара. Мы с проводником заблудимся в темноте. Придется ждать, пока…

Снова вслушавшись, Линг вздохнула.

— Хорошо. Я его спрошу.

Она опустила кольцо и повернулась.

— Ларк, ты знаешь эту местность. Есть ли тропа… Она замолчала, вскочила и посмотрела налево, направо.

– Ларк?

Она звала в ночи, в бархатной тьме, в которой подмигивал роскошный и самый яркий спиральный третий галактический рукав.

— Ларк! Где ты?

Ветер шелестел в ветвях над головой, нарушая лесную тишину. Невозможно установить, как давно он исчез и в каком направлении ушел.

Линг со вздохом подняла руку и сообщила о происшествии.

— Откуда я знаю? — ответила она на короткий вопрос. — Не могу винить нервную обезьяну: она просто испугалась. Он ведь никогда не видел в работе лучи робота. Сейчас, наверно, на полпути домой и вряд ли остановится до берега…

Да, да. Я знаю, что мы еще не приняли решение, но сейчас уже слишком поздно. И в любом случае это не имеет значения. Он услышал только несколько намеков. У нас есть еще многое, чем можно подкупить туземцев. И еще многое там, откуда он явился.

Аскс

Разногласия нарастали.

Община извивалась, как треки, кольца которого грубо сбросили в кучу, без питательного контакта с брачными торами.

Прискакал курьер ур и принес известия из поселений ниже по Склону: там воцарились

смятение и хаос и правили подобно древним деспотическим квуэнским императрицам. Некоторые деревни перевернули свои баки для воды, разрушили огромные силосные башни, солнечные нагреватели и ветряные мельницы, опираясь на указания священных Свитков и не выполнив решение совета мудрецов, торопливо разосланное в день появления корабля: всем предлагалось придерживаться политики — подождем и увидим.

Но другие защищали свои амбары, и пристани, и плотины, набрасывали на них маскирующую растительность — и яростно отражали нападения соседей, которые пытались подобраться к их драгоценной собственности с факелами и ломами.

Разве здесь, на Собрании, не должно было быть лучше? Разве не собрались здесь самые мудрые представители всех Шести для ежегодной церемонии единения? Но и сюда проник яд.

Первое разногласие — грязные подозрения относительно самой молодой расы. Может быть, наши соседи люди заключили союз с пришельцами? С грабителями? Если пока еще не заключили, то не поддадутся ли со временем искушению?

О, какая страшная мысль! Они из всех Шести обладают самыми большими познаниями в нау-

ках. Как можем мы без их помощи проникнуть в ложь богоподобных преступников?

Некоторое подобие доверия восстановили Лестер и его помощники: они поклялись в преданности Джиджо и Святому Яйцу. Но разве слухи и сомнения не летают по-прежнему, как легкая сажа, между этими мягкими полянами?

Разногласия *усиливаются.* Вернулась из глубокой пещеры команда сборщиков урожая — в этой пещере живут дикие реуки. Но пещера оказалось пустой, ни одного реука не нашли. А те, что лежат в наших сумках, бездействуют. Не пьют наши жизненные жидкости, не помогают делиться тайнами наших душ.

Дальнейшие разногласия — многих искушают песни сирен. Сладкие посулы нежеланных гостей. Елейные обещания, слова дружбы.

И не только слова.

Помните ли вы, мои кольца, как звездные люди распространили весть, что будут *лечить?*

Под навесом, принесенным с территории праздника, вблизи от их темного кубического укрепления, они принимали калек, больных и раненых. Мы, мудрецы, беспомощные и пораженные, могли только наблюдать, как вереницы наших больных братьев входили внутрь, а потом

выходили, преобразившиеся, оживленные, часто излеченные.

На самом деле, у многих только смягчилась боль. Но с другими — с ними произошла чудесная перемена! Двери смерти трансформировались и превратились в врата молодости, энергии, силы.

Что мы могли сделать? Запретить? Невозможно. Но какие бесценные образцы получили эти целители. Флаконы, полные образцами нашей разнообразной биологии. Какими бы ни были белые пятна в их досье, теперь они знают все о нашей силе и слабости, о наших генах и о том, что скрыто в нашей природе.

А как встречали излечившихся? Некоторые называли их предателями. Другие обвиняли в святотатстве и с ненавистью отшатывались.

Так мы разделились. А по мере роста враждебности продолжали делиться все больше.

Едины ли мы по-прежнему? Существует ли еще наша Община?

Разве не ты, мое/наше собственное третье базовое кольцо, много лет страдающее от болезни, известной как чума торов, разве ты не попыталось увести эту престарелую груду колец к зеленому павильону, где предлагаются и творятся чудеса? Если разногласия поразили это собрание,

которое окружающие называют Аскс, как может держаться общество индивидов?

Мы всегда боялись неба над головой. Но теперь разногласия заполняют наши луга, ими исполнены наши дни и ночи, и теперь сама почва Джиджо кажется такой же пугающей, как небо.

Можем ли мы надеяться, мои кольца?

Сегодня вечером мы отправляемся в паломничество. Большинство мудрецов всех Шести пойдут во тьме, с трудом пробираясь между огненными пропастями, между дымящимися фумаролами и туманными утесами, чтобы достичь Святого Яйца.

Ответит ли оно нам на этот раз? Или ужасное молчание последних недель продолжится?

Есть ли у нас еще надежда?

Существует ощущение, которое мы, треки, научились описывать, только познакомившись на Джиджо с людьми. Однако никогда это странное ощущение не осознавалось так остро. В языках галактик для него нет точного обозначения — ведь эти языки подчеркивают традиции и тесные отношения, они включают в мысль о себе мысль о всем клане и расе. Но в англике это ощущение хорошо известно и является одним из центральных.

Называется оно — *одиночество.*

Двер

По очереди они освобождали друг друга.

Это было нелегко. Боль многих ран и порезов грозила поглотить сознание. И что еще хуже, Двер подозревал, что оглох.

Рети старалась, но ни на что не была способна, только крепко прижимала к груди свое сокровище.

Это сокровище недавно чуть не покончило с ними, когда Рети с криком устремилась в водоворот огня и ядовитого пара, отчаянно пытаясь отыскать остатки своей драгоценной "птицы" среди дымящихся пней и тлеющих обломков ужасной машины, которая рухнула с пылающего неба.

Двер едва успел вторично вытащить ее.

Пойдешь туда снова и можешь оставаться навсегда. Мне все равно.

Он нес ее на расстояние двух полетов стрелы, у него болели легкие и жгло кожу, но он бежал от горящего мульк-паука, пока вонь, жара и удушающие пары не остались позади. Наконец он положил ее на берегу мутного ручья, вытекающего из озера, и погрузил лицо и руки в прохладную

воду. Боль наполовину стихла, и это оказалось шоком, который он едва смог выдержать. Вобрав в легкие воду, он откинулся, кашляя и давясь. Руки скользнули, и он упал в грязь и слабо забился. Если бы Рети не схватила его за волосы и не вытащила бы, он мог утонуть прямо на берегу.

К кашлю присоединилась икота иронического смеха.

После всего… такой конец…

Некоторое время они лежали рядом, измученные и дрожащие, время от времени набирая грязь и натирая ею обнаженные тела друг друга. Грязь успокаивала нервы и, застывая, давала небольшую защиту от ночного холода. Двер думал о теплой одежде в мешке, который лежит где-то среди камней там, у огня.

И мой лук, оставшийся на камне. Он неслышным проклятием старался унять тревогу. Забудь об этом проклятом луке! За ним можно вернуться позже. Сейчас надо отсюда убираться.

Он попытался набраться сил, чтобы встать. Рети пыталась сделать то же самое, но после каждой попытки со стоном опускалась. Наконец Дверу удалось сесть. Звезды дрожали, когда он качался под ударами зимнего ветра.

Двигайся или замерзнешь.

Недостаточный повод. Его не хватает, чтобы преодолеть шок и усталость.

Тогда девушка. Заставь ее двигаться, или…

Или что? Двер сомневался в том, что даже вдвое более сильные страдания способны убить Рети. Но он еще не избавлен от заботы о ней. Она может оказаться полезным союзником и другом…

Он на правильном пути, Двер был в этом уверен. Есть что-то еще. Еще какая-то обязанность. Кто-то ждет его возвращения…

Глейвер. Двер раскрыл залепленные грязью глаза. *Я оставил его привязанным. Он умрет с голоду. Или его прикончит лиггер.*

Дрожа всем телом, Двер встал на колени — и обнаружил, что дальше подниматься не может.

Рети тоже попыталась и обвисла рядом с ним. Они отдыхали, держась друг за друга. *Когда нас найдут замерзшими в таком положении, подумают, что мы любили друг друга.*

Это само по себе было достаточным поводом, чтобы двигаться. Но руки и ноги не слушались.

Мягкая влага коснулась щеки…

Перестань, Рети.

Прикосновение повторилось. Влажное и щекочущее.

Что делает девчонка — лижет меня? Из всех

сумасшедших…

Опять влажный язык — слишком длинный и шершавый для девушки сунера. Двер умудрился повернуть голову… и замигал, увидев два больших выпученных глаза, вращающихся независимо друг от друга на широкой круглой голове. Глейвер опять открыл пасть. На этот раз язык провел широкую влажную полоску прямо по губам и ноздрям Двера. Двер отшатнулся и чихнул…

— К… как… как… к?…

Он смутно расслышал свои слова. Все-таки он не окончательно оглох.

Увидев лучшую опору, Рети переместила одну руку с шеи Двера на глейвера. Второй рукой она сжимала добычу — какие-то куски, ручки, металлические обгоревшие перья.

Двер решил не упускать везение. Он повис по другую сторону глейвера, вбирая тепло его пушистого тела. Терпеливо — или жалостливо — глейвер позволил людям висеть на себе, пока наконец Двер не собрался с силами и не встал.

На одной из задних ног глейвера видны остатки веревки, перегрызенной в районе узла. А за глейвером улыбался источник этого чуда, держа в пасти другой конец веревки. Грязнолапый смотрел на Двера и улыбался блестящими глазами.

Всегда стараешься, чтобы твои заслуги заметили, верно? подумал Двер, зная, что проявляет неблагодарность, но не в силах сдержаться.

На берегу озера раздался еще один взрыв, яркие лучи разогнали там тьму. За ним на протяжении нескольких дуров последовали еще два, сделав невозможными мысли о возвращении за припасами. Пламя разгоралось.

Двер, держась за глейвера, помог встать Рети. — Пошли, — сказал он, слегка наклонив голову. — Лучше умереть на ходу, чем просто лежа здесь.

Спотыкаясь в темноте, оцепеневший от холода, боли и усталости, Двер не мог не думать, что же он видел.

Одна маленькая птица-машина могла быть редкостью, но все же объяснимой редкостью — выживший реликт дней буйуров, каким-то образом сохранившийся в этой местности, бродивший по континенту, забытый хозяевами. Но *вторая* машина — эта грозная летающая опасность — не может быть остатком цивилизации ушедших буйуров. Машина была удивительно мощной и действовала решительно.

Новая машина в этом мире.

Вдвоем они тяжело тащились по еще одному

узкому проходу между гигантскими стволами бу. Туннель спасал от ледяного ветра и избавлял от необходимости принимать решения. Каждый шаг уносил все дальше от пожара на берегу озера, и это вполне устраивало Двера.

Там, где одна смертоносная машина, могут быть и другие.

Не явится ли другая летающая мини-крепость отомстить за брата? При этой мысли узкий проход под звездным пологом перестал казаться убежищем. Теперь он скорее походил на страшную ловушку.

Наконец коридор бу кончился, и все четверо оказались на травянистом лугу. Трава по колено высотой раскачивалась на жестком ледяном ветру, который сразу лишал тело сил. Шел снег. Двер знал, что теперь их падение — только вопрос времени.

На некотором удалении от тропы у небольшого ручья видна была рощица невысоких деревьев. Дрожа, Двер повернул глей-вера в том направлении, и все двинулись по хрустящей, ломающейся траве. *Мы оставляем следы,* ожил в нем охотник. Вспомнились уроки, которые он усвоил у Фаллона. *Держись голого камня или воды… Если тебя преследуют, иди по ветру.*

Все это теперь бесполезно. Инстинкт привел Двера к скальному образованию, к каменному выступу, закрытому низкими кустами. Без зажигалки, даже без ножа и огнива они могут надеяться только на то, что смогут найти убежище. Двер оторвал Рети от шеи глейвера, толкал ее, пока она не поняла — согнулась и заползла под навес. Глейвер на четвереньках прополз за ней. Грязнолапый проехался на сморщенной спине. Двер притащил несколько упавших веток, ветер набросает на них листву. Потом тоже опустился на колени и присоединился к межвидовой путанице конечностей, меха, кожи и ужасного зловония недалеко от лица.

В замкнутом пространстве становилось теплее, снежинки на теле таяли. *Нам не повезло: снежная буря такой поздней весной,* думал Двер. Старый Фаллон говорил, что в горах бывает только два времени года. Одно называется зима. Второе *тоже* зима, но при этом бывает немного зелени, чтобы обмануть неосторожных.

Двер говорил себе, что в сущности погода не такая уж плохая — вернее, была бы такой, если бы их одежда не сгорела, или если бы не испытанный шок, или если бы у них сохранились припасы.

Немного погодя Двер понял, что глухота его проходит. Он слышал, как у кого-то стучат зубы, потом услышал доносящийся сзади какой-то негромкий звук. За ним последовал резкий удар в плечо.

— Я сказала, не можешь ли ты немного подвинуться, — крикнула Рети совсем недалеко от его уха, — ты лежишь на моей…

Он передвинулся. Из-под ребер выскользнуло что-то костлявое. А когда лег снова, боком прижался к ледяной земле. Двер вздохнул.

— Как ты?

Она еще немного отодвинулась.

— Что ты говоришь?

Он повернулся и увидел ее расплывчатые очертания.

— Ты в порядке? — крикнул Двер.

— Конечно. Никогда лучше себя не чувствовала, придурок. Отличный вопрос.

Двер пожал плечами. Если у нее есть энергия на то, чтобы быть вредной, она, вероятно, далеко от двери смерти.

– Поесть ничего нет? — спросила Рети. Двер покачал головой.

— Утром найдем что-нибудь. А до тех пор не говори без особой необходимости.

— Почему?

Потому что у роботов, вероятно, есть уши, едва не сказал он. Но к чему волновать девчонку?

— Береги силы. А теперь будь хорошей и постарайся поспать.

Легкая дрожь — девушка негромко саркастически повторяла его слова. Но он не был в этом уверен — благословенное следствие ударов по ушам, которые он пережил.

Резкими толчками Грязнолапый втиснулся между Двером и Рети. Дверу пришлось переместиться так, что его голову почти не защищал теплый бок глейвера. Он повернул голову и посмотрел на тропу, которую они только что оставили, — узкий проход между двумя рядами бу. Резкий ветер приветствовал его ударом в лицо. Как импровизированная охотничья маскировка не так уж плохо — если только снег прикроет след, который они проложили по траве.

Мы ушли от тебя, Один-в-своем-роде, подумал Двер, наслаждаясь победой, которую не одержал. Многие участки кожи все еще казались слишком оцепеневшими, чтобы их оживило тепло глейвера, особенно в тех местах, где прилипли капли золотистой консервирующей жидкости паука. Сейчас их убрать невозможно — если вообще

когда-нибудь удастся.

И тем не менее мы ушли, верно?

Мысленно он ощутил легкое прикосновение к сознанию. Ничего такого, что можно было бы точно определить, но тем не менее Двер встревожился. Неужели этот старый паук-разрушитель выжил в аду у озера?

Это всего лишь мое воображение. Забудь об этом!

К несчастью, воображение уже снабдило ответом, который мог бы дать Один-в-своем-роде:

Ах, моя драгоценность. Разве ты не всегда говоришь так?

Дрожа не только от холода, Двер приготовился к долгому ожиданию, глядя на туннель в лесу бу: через хребет Риммер могут попытаться проскользнуть другие необычные предметы.

Какой-то шум вырвал Двера из сна, полного ощущения тщетности и паралича. Глаза дернулись от боли, когда он открыл их на холодном ветру. Он бессильно пытался сосредоточиться на том, что его разбудило. Но в голову приходила только нелепая мысль, что кто-то позвал его *по имени.*

Дельфин почти в зените, его бока из бело-голубых звезд словно ныряют меж молочными

волнами.

Облака. И снег идет сильней.

Двер помигал, пытаясь вглядеться. Что-то там движется.

Он поднял руку, чтобы протереть глаза, но пальцы не сгибались. Когда они коснулись лица, то показались окаменевшими — признак шока, усиленного морозом.

Бон там. Что это?

Что– то действительно движется. Не другой робот, самодовольно летящий на силовых столбах, но спотыкающаяся двуногая фигура, торопливо идущая вверх по склону. Двер решил, что походка непрофессиональная. В таком темпе он устанет гораздо быстрей. И никакое дело не стоит риска в такую погоду.

Из всех Шести только хуны и люди способны передвигаться в такой снегопад, но никакой хун не стал бы так торопиться.

Эй, ты! Не ходи в лес бу. Там опасно!

Но Двер лишь захрипел, звук его голоса смог только разбудить Грязнолапого, который поднял голову.

Эй, глупец! Неужели не видишь наш след в траве и на снегу? Да он словно буйурское шоссе! Ты слеп?

Фигура прошла мимо и исчезла в туннеле между стволами бу, похожем на проход в кафедральном соборе. Двер осел, ненавидя себя за собственную слабость. *Мне нужно было только крикнуть. И все. Всего лишь один крик.*

Он остекленевшим взглядом смотрел, как снежные хлопья падают на примятую траву, медленно стирая след, ведущий к убежищу в скалах. *Что ж, ты ведь сам хотел спрятаться, разве не так?*

Может быть, их четверых так никогда и не найдут. Двер не хватало сил, чтобы почувствовать иронию. Такой охотник. Такой великий охотник…

Незнакомец

Потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к этому невероятному путешествию в деревянном корабле, который плывет по скалистым каньонам, проносится мимо высоких каменных стен, создавая впечатление невероятной скорости. Но каким-то странным образом он знает, что привык лететь с большей, гораздо большей скоростью… хотя сейчас ему трудно об этом вспоминать.

Затем пассажиры этого корабля — смесь пора-

зительных типов.

Вначале несколько из них приводили его в ужас — особенно хлюпающее существо, похожее на груду флегматичных пончиков, нагроможденных друг на друга и испускающих сложные зловонные запахи, от которых скребло в носу и горле. Один вид этого гофрированного конуса вызывал ощущение слепого ужаса, пока он не понял, что есть нечто совершенно особенное в этом джоф…

Мозг отказывается вспоминать это слово, это название, хотя он пытается его извлечь.

Слова не хотят приходить легко. Большую часть времени они вообще не приходят.

Хуже того, он не может говорить, не может формулировать мысли или понимать то, что говорят другие, адресуя ему звуки. Даже имена, простейшие ярлычки, не даются ему, ускользают, как извивающиеся твари, слишком рассерженные или изменчивые, чтобы перенести его прикосновение…

Не важно.

Он решает ждать, поскольку другого выхода нет. Он даже умудряется сдержать отвращение, когда его касается коническое существо, поскольку, кажется, существо стремится его исцелить и боль всегда немного отступает после

прикосновения его щупалец к голове.

Со временем эти прикосновения становятся странно приятными.

Во всяком случае, она *всегда рядом, мягко разговаривает с ним, нацеливает своей улыбкой его ограниченное туннельное зрение, дает основания для робкого оптимизма.*

Он мало что помнит о своем прошлом, но смутно вспоминает свой прежний образ жизни — не философию его, а скорее отношение…

Если вселенная старается уничтожить вас, лучше всего сопротивляться ей с надеждой.

IX . КНИГА МОРЯ

Забвение, способное принести благословение и избавление, не может быть случайным.
Аспекты забвения должны приходить в нужной последовательности.
Вначале отчужденность от необходимости овладевать материальным миром. Или формировать другие живые существа по твоим потребностям.
Твоя цель – быть сформированным.
Вначале природой, а потом руками и сознанием, более мудрым, чем твое.

Свиток Обещания

Рассказ Олвина

И вот мы на вершине горы Гуэнн, в разреженном сухом воздухе, окруженные жарой, пылью и серными запахами их кузницы Уриэль. И о чем же хочет поговорить с нами Гибц, алхимик?

Треки учат, что все мы попадем в разные виды ада.

Но подожди, Олвин. Рассказывай так, как поступил бы старинный земной повествователь. Опиши вначале сцену действия, потом само действие.

Гибц составляет свои рецепты для металла и стекла в мрачной мастерской, так непохожей на безупречно чистый и сверкающий зал Уриэль с вращающимися дисками. На покрытых пятнами деревянных полках груды минеральных порошков, в глиняных кувшинах плещутся ядовитые жидкости. Из узкого окна открывается вид на север, склон уходит вниз до самого пятна болезненно резких цветов, которое может быть только Спектральным Потоком. А это означает, что помещение настолько высоко, насколько можно подняться, не попав в мерцающую кальдеру горы Гуэнн.

Под окном над грудой хорошо устоявшейся кухонной мульчи жужжат мухи. Надеюсь, мы не прервали обед Гибца. Мы вчетвером: Гек, Клешня, Ур-ронн и я — пришли в алхимическую лабораторию по приказу Уриэль, великого кузнеца, правителя крепости индустрии, сидящей на дрожащем колене Джиджо. Вначале я решил, что она отослала нас, просто чтобы избавиться от надоедливой молодежи, пока она обсуждает

с мудрецом-человеком, как усовершенствовать свои любимые передачи, рычаги и вращающиеся стеклянные диски. Главный помощник Урдоннел неодобрительно ворчала, ведя нас по длинной рампе туда, где помещается лаборатория для смешения. Только наша приятельница Ур-ронн казалась оживленной, почти ликующей. Мы с Гек обменивались взглядами, не понимая, в чем причина этого веселья.

Мы узнали это, когда Гибц выбрался своим пестрым коническим корпусом из-за рабочего стола. Слова доносились из говорящей трубы на его сморщенном, третьем с верха кольце.

Умная молодежь четырех рас, добро пожаловать! Сообщать вам новость — большая честь. Одобрить вашу намечаемую экспедицию принято решение. Вашу попытку достичь, посетить, исследовать ближайшие районы Верхней Помойки вы можете осуществить.

Гибц замолчал, выпуская пары из синтезирующего кольца. А когда треки заговорил снова, то на ломаном неправильном англике, и голос его казался напряженным.

— Попытка будет пользоваться… полной поддержкой Кузницы горы Гуэнн. И в качестве доказательства этой поддержки — смотрите:

ваше полностью готовое окно!

Мастер смесей указал щупальцем в сторону деревянного ящика у стены, с которого была снята крышка. И в грудах тонких опилок блестело изогнутое толстое стекло, безупречное на взгляд.

Клешня возбужденно заплясал, его ноги с красными когтями громко застучали по каменному полу.

— Прекрасно-красно!

Гибц согласился.

— Его покрыли специальным веществом — чтобы яснее видеть окружающее.

Ур– ронн повернула длинную шею, чтобы лучше разглядеть стекло-пузырь.

— Последняя фаза была очень трудной. Спасибо, Гибц, за прекрасное покрытие!

Ур– ронн повернулась, чтобы объяснить Гек и мне.

— После нескольких месяцев затяжек Уриэль неожиданно, всего три дня назад, разрешила отливку. И поскольку результат получился удачным с первой же попытки, она велела считать это *кун-уру!*

Это урское обозначение искусной работы. Такой, которая позволяет присвоить квалификацию мастера. Это позволит Ур-ронн далеко

пройти по пути к достижению своей цели.

Никто из нас остальных еще не начал учиться профессии, даже еще не решил, чем будет заниматься, подумал я слегка ревниво. С *другой стороны, урам приходится торопиться. У них не так много времени.*

Я посмотрел на Урдоннел, главную соперницу Ур-ронн в роли наследника Уриэль. И мне не нужен был реук, чтобы понять ее раздраженность тем, что она называла “детским хобби”, — экспериментальным погружением в глубокую впадину.

Должна была бы знать кое-что еще, подумал я, испытывая жалость к Урдоннел. *У Уриэль тоже есть бесполезное хобби — это помещение со сверкающими дисками. И проект Ур-ронн относится к тому же типу — просто-из-любопытства. Сходство между ними гораздо больше родственного запаха.*

Значит, для Ур-ронн это продвижение в карьере. Я был рад за нашего друга.

— Стекло выло испытано на гидростатическое давление свыше пятидесяти кордов глубины, — с явным удовлетворением продолжала Ур-ронн. — И когда мы установим фонари и другое оборудование, которое нам дает Уриэль…

— Нам? — прервала ее Гек. Она повернулась и посмотрела на Ур-ронн тремя выступающими глазами. — Что значит “нам”, хрюшка? Значит, ты идешь с нами?

Узкая голова Ур-ронн откинулась назад. Шея прогнулась в виде буквы S.

— Пойду… если смогу.

— Гек! — укоряюще позвал я. Нужно было, чтобы ноздри Ур-ронн вернулись к прежним размерам. Я чувствовал, как спицы Гек задрожали от напряжения.

Гибц вмешался еще одним выхлопом, на этот раз с острым запахом ржавого металла.

— Если возможно, урское присутствие желательно. — Треки, казалось, не хватает дыхания. — Но даже если это окажется невозможным, не расстраивайтесь. Работник горы Гуэнн… будет сопровождать в этом смелом предприятии… до самых больших глубин.

Я с трудом разбирал запинающийся, с сильным акцентом англик Гибца. Мы с Гек обменялись непонимающим взглядом.

— Я/мы… частично… буду сопровождать… замечательную группу, — объяснил Гибц, выпуская пар из самого верхнего кольца. И затем треки продемонстрировал нам нечто такое, что ни-

кто из нас не ожидал. Он повернулся, показав сочащийся бугор с другой стороны примерно посредине груды мясистых колец. Это не обычное вздутие, когда треки отращивает новое щупальце или готовит химикалии для реакций. Вздутие расколола трещина, обнажив нечто скользкое и извивающееся.

Я понял: треки влен-почкуется прямо у нас на глазах.

Щель стала шире, и мастер смесей задрожал. Сложная смесь болезненных звуков сопровождала появление из отверстия чего-то, это что-то скользнуло по наклонному боку треки, оставляя за собой чешуйки кожи.

— Вот это да… да… да… да… да! — повторял Клешня по очереди из каждой ножной щели, его сенсорная полоска отчаянно вращалась. Урдоннел нервно отпрянула, а Гек каталась взад и вперед, разрываясь между любопытством и отвращением. Я почувствовал укус: это маленькая Хуфу, наш нур-талисман, вскарабкалась по моей спине на плечо, встревоженно рыча. Машинально я погладил ее мягкую шерсть, успокаивая, хотя сам особой уверенности не испытывал.

Блестя слизью, существо с хлюпающим звуком приземлилось на пол и лежало почти неподвиж-

но, миниатюрный, разделенный на четыре части тор из многочисленных колец непрерывно дрожал. А тем временем под отвисшей кожей треки — родителя шла перегруппировка.

— Не… волнуйтесь… — произнес слегка изменившийся голос из разговорного выступа старой груды колец. — Я/мы приспособлюсь… перестроюсь…

Успокаивающие слова, но все знают, что влен — опасное время для треки, когда предыдущее единство колец оказывается под угрозой и часто распадается. По этой причине большинство из них размножаются внешне, выращивают новые кольца по одному в загонах, или покупают у опытных производителей, меняются ими, пока не получают нужный набор свойств для отпрыска. Но я слышал, у влена есть свои преимущества. Мистер Хайнц утверждает, что видел несколько вленов, но я уверен, что он никогда не был свидетелем появления такого четырехъярусного потомка, полностью снабженного всем необходимым и самостоятельно движущегося!

— К этому вновь отделившемуся существу можно обращаться — временно, — называя его *Зиз.* Оно будет отзываться на это слово-образ, если сохранятся унаследованные словесные образцы.

После выполнения своих функций оно может стать кандидатом на приращение и на обладание полной жизнью. А пока оно подготовлено… чтобы участвовать в вашем поиске и наделено способностями, которые могут понадобиться…

— Не знаю. — Голова Ур-ронн описывала смущенный овал. — Вы хотите сказать… Гек спросила:

— Гибц. А что мы должны… Треки прервал ее.

— Я/мы больше не отзываюсь на это имя. Сейчас идет голосование колец. Прошу не разговаривать и не вмешиваться.

Мы замолчали, благоговейно глядя, как это создание буквально борется — борется само с собой, внутри себя. От базового сегмента поднималась до самого верха дрожь, заканчиваясь выпуском желтого пара. По всему телу прокатывались волны — поперечные и продольные. Так продолжалось много дуров, и мы все это время опасались, что Гибц разорвет себя на части.

Наконец дрожь ослабла, потом совсем прекратилась. Сенсорные органы треки снова сфокусировались. Из сморщенного речевого рта полились слова измененным голосом.

— Решение принято. Временно вы можете называть меня/ нас Тиуг. И очень вероятно, что эта

груда отзовется. Еще одна волна дрожи,

— Что я отвечу. Пожалуйста, сообщите Уриэль, что дело завершено. Скажите ей также, что мое/наше мастерство сохранилось.

И только тогда я понял, каким рискованным был этот влен. Мастер смесей — очень важный член команды Уриэль. Если бы Гибц — если ты *Тиуг* — не смог припомнить все тонкости своего дела, сплавы горы Гуэнн не сверкали бы, не резали, как сейчас, и не разлагались бы с течением времени.

Как глупо с моей стороны. Все это время я тревожился только о *жизни* бедного треки.

Хуфу спустилась по моей спине и приблизилась к вновь образованному полусуществу треки, которое уже встало на множество плавниковоподобных ножек под нижним сегментом и неловко размахивало щупальцами с верхнего кольца. Нур подозрительно принюхался и с удовлетворенной трелью отступил.

Таким образом, первым признала Зиза, нового члена нашей группы, Хуфу.

Теперь, если бы у нас был еще человеческий подросток, мы были бы полной шестеркой.

Как известно каждому моряку, предзнаменования бывают хорошими. Удача — это здорово.

Конечно, она непостоянна, но все же гораздо лучше своей противоположности.

У меня появилось предчувствие, что нам потребуется вся удача, какую только может послать Ифни.

X . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Квуэны рассказывают, что их бегство на Джиджо было вопросом не выживания, а культуры.

Бронированные, высадившиеся на Джиджо свыше тысячи лет назад, оставили противоречивые легенды. Серые, синие и красные рассказывают свои версии событий, предшествовавших прилету их крадущегося корабля и последовавших за ним.

Но все они соглашаются, что все началось в Первой галактике, где у расы были неприятности с собственными союзниками.

В соответствии с нашим уцелевшим экземпляром "Основ галактической социополитики" Смелта, большинство звездных рас являются членами кланов — эти взаимоотношения основаны на грандиозной цепи Возвышения. Например, земляне входят в самый маленький и простой клан, который состоит из них самих и их двух клиентов: неошимпов и неодельфинов. Если патроны, когда-то предположительно возвысившие Homo sapiens, будут найдены, земляне войдут в обширное "семейство", уходящее в прошлое на

многие века, возможно, даже к легендарным Прародителям, которые миллиард лет назад начали цикл Возвышения. Став членами такого клана, земляне будут гораздо сильней. Но получат также многочисленные древние долги и обязательства.

Другая, совершенно отличная система союзов, основывается на философии. Многие случаи вражды и бесчисленные войны чести, разрывающие галактическую культуру, возникли из-за споров, которые ни один член Шести сейчас не может ни припомнить, ни осознать. Мощные союзы сражались из-за неясных вопросов теологии, таких, например, как природа давно исчезнувших Прародителей.

Говорят, что когда квуэны жили меж звезд, они были членами союза эвейтеров — это членство они унаследовали от своих патронов зошей, которые отыскали примитивных квуэнов в их ульях на морских утесах, где ими правили свирепые серые королевы. Отыскали и возвысили.

Дела обстояли бы проще, если бы зоши возвысили только серых, но они дали тот же толчок к разуму синим и красным квуэнам. И это не было концом, потому что, согласно преданиям, философия эвейтеров была эгалитарианской

и прагматичной. Союз подметил ценные способности в красных и синих квуэнах. И были разработаны правила, согласно которым узы повиновения серым ослабли.

Некоторые квуэны ушли от этого вмешательства, они хотели найти место, где можно было бы сохранить свой "естественный порядок".

Вот почему — вкратце — они явились сюда.

На Джиджо и сегодня эти три типа не соглашаются, кто же кого предал. Серые утверждают, что их колония начиналась в духе гармонии, дисциплины и любви. И все шло хорошо, пока уры, а затем и люди не стали провоцировать недовольство синих. Но другие историки, такие как Речной Нож или Срезанный Коралл, с этим не согласны.

Какова бы ни была причина, все согласны с тем, что сегодня культура квуэнов еще более нетрадиционна, чем та, от которой бежали их предки.

Такова ирония: дети игнорируют желания родителей и начинают сами думать за себя…

Седьмое собрание легенд Джиджо.

Третье издание. Департамент фольклора и языков, Библос.

1867 год изгнания

Аскс

Неожиданно их вопросы приняли новое направление. Какое-то напряжение — не совсем страх, но брат этой универсальной эмоции — чувствовалось в речи пришельцев.

И однажды ночью их опасения облеклись в торопливую физическую форму.

Они сожгли свою черную станцию!

Помните вы наше удивление, мои кольца? В сумерках она была здесь, спокойная, высокомерно не обращающая внимания на открытое небо. Кубическая и бросающаяся в глаза своим искусственным происхождением.

А когда мы вернулись на рассвете, на ее месте была только огромная груда земли. Судя по размерам этой груды, Лестер предположил, что чужаки выкопали яму, опустили в нее станцию и закопали, как жук — борер, спасающийся от норковой мыши.

Догадка Лестера подтвердилась, когда из-под земли появились Ранн, Кунн и Беш, они поднялись по темному гладкому туннелю, чтобы возобновить обсуждение в шатре переговоров. На этот раз они сосредоточились на *машинах.* В

особенности — какие приспособления остались со времен буйуров? Они хотели знать, сохранилась ли в этих древних устройствах сила жизни.

Они сказали, что так бывает на некоторых невозделанных мирах. Ленивые расы, улетая и предоставляя планете эпоху отдыха, оставляют бесчисленное количество служебных роботов. Почти совершенные, самовосстанавливающиеся, покинутые машины могут продержаться очень долго. Лишившись хозяев, они бродят по местности, где не слышно ни одного живого голоса.

Они спрашивают — видели ли мы таких механических сирот?

Мы попытались объяснить, что буйуры были чрезвычайно педантичны и аккуратны. Что их города были демонтированы или разбиты и засеяны пауками-разрушителями. Что их механические слуги были запрограммированы таким образом, чтобы, оставаясь подвижными, искать покоя в глубинах впадины, которую мы называем Помойкой. Мы верим в это, но люди с неба, казалось, сомневаются в каждом нашем слове.

Они спрашивают (опять) о *посещениях.* Видели ли мы другие корабли, которые украдкой прилетали сюда? О своих целях они намекают, но никогда не говорят вслух.

Как и планировалось, мы сделали вид, что не понимаем их вопроса. В старых человеческих сказаниях и книгах подобная техника часто используется слабыми в делах с сильными.

Действуй глупо, предлагают сказания. *А тем временем внимательно наблюдай и слушай.*

Но сколько еще нам удастся так продержаться? Беш уже расспрашивает тех, кто приходит на лечение. И в своей благодарности некоторые способны забыть наши указания.

Четвертый член группы людей-чужаков — Линг — вернулась из исследовательской экспедиции. Но разве она ушла не с молодым еретиком Ларком? Однако вернулась она одна.

Нет, сказали мы ей. *Мы его не видели. Он сюда не возвращался. Вы можете сказать нам, почему он вас покинул? Почему оставил в лесу. Не выполнив свое задание?*

Мы пообещали дать ей другого проводника. Утена, натуралиста — квуэна. А тем временем попытались успокоить пришельцев.

Если бы только нас не бросили наши реуки! Когда я/мы спросил Лестера о настроении женщины — что он понял по ее поведению, — он только пожал плечами и ответил, что ничего не может сказать.

Сара

Группа пассажиров и членов экипажа экспромтом организовала на корме *Хауф-вуа* концерт в честь возвращения Незнакомца к жизни.

Ульгор будет играть на виоле, струнном инструменте, основанном на земной скрипке, но видоизмененном, чтобы подходить для искусных пальцев ура. Ульгор настраивала свою виолу, а Блейд тем временем накрыл своим сине-зеленым панцирем барабан-мирлитон, поглаживая его туго натянутую мембрану своим массивным, сложно устроенным языком и заставляя барабан рычать и греметь. В то же время в своих пяти ногах он держал кувшины, наполненные до разных уровней водой. Из каждого отверстия его речевых щелей слышались пробные ноты.

Пзора, аптекарь-треки, скромно отказывался от наличия музыкального таланта, но согласился сыграть на нескольких металлических и керамических колокольчиках. Рулевой хун будет петь, а профессиональный скрайвен-танцор почтила импровизированную группу согласием аккомпанировать в манере г'кеков грациозными движениями глазных стебельков и знаменитых

танцующих рук, которые напоминают раскачивающиеся деревья, или дождь, подгоняемый ветром, или птиц в полете.

Сару попросили завершить шестерку, но она отказалась. Единственный инструмент, на котором она играет, отцовское пианино в доме Нело у большой плотины, но даже и на нем играет она не очень хорошо. *Бот тебе и предполагаемая связь между музыкальными и математическими способностями,* иронически думала она. Все равно ей нужно приглядывать за Незнакомцем, если вдруг у того начнется новый истерический припадок. Пока он кажется спокойным и смотрит на окружающий мир темными глазами, которые, похоже, приятно удивлены всем увиденным.

Можно ли считать это симптомом? Травмы головы иногда вызывают потерю памяти — или даже способности запоминать, так что все кажется вечно новым.

По крайней мере он способен испытывать радость, думала она. Каждый раз, когда она подходит, он улыбается. Необычно и приятно ощущать, что кто-то так искренне радуется, видя тебя. Если бы она была красивой, это не сбивало бы так с толку. Но тут же вспомнила, что привлекательный смуглый Незнакомец болен. Он не в

своем уме.

И все же, продолжала рассуждать она, *что такое прошлое, как не фикция, изобретенная сознанием, чтобы оно имело возможность функционировать!* Целый год она убегала от воспоминаний по причинам, которые сейчас кажутся совершенно неважными.

Теперь это не имеет значения.

Ее тревожило то, что происходит в Риммере. И из памяти не выходили братья.

Если бы ты приняла первоначальное предложение Теина о браке, у тебя сейчас были бы дети и пришлось бы беспокоиться и об их будущем.

Отказ величественному седовласому мудрецу вызвал немалое волнение. Сколько еще последовало бы предложений этой застенчивой дочери бумажника, которая больше интересуется математическими символами, чем танцами и другими развлечениями? Вскоре после отказа Теину внимание Джошу как будто показало правильность ее решения, пока Сара не поняла, что для молодого переплетчика она всего лишь развлечение, возможность веселей провести год ученичества в Библосе и ничего больше.

Иронично, не правда ли? Ларк мог выбрать любую молодую женщину со Склона, но философия

заставила его предпочесть безбрачие. Мои заключения относительно Джиджо и Шести прямо противоположны его. Но я тоже одинока.

Разные пути привели к одному и тому же одинокому тупику.

А теперь явились боги из космоса и направили нас по дороге, указательные знаки на которой нам не видны.

По-прежнему не хватало шестого для концерта. Хотя люди ввели на Джиджо струнные инструменты, в смешанных секстетах они традиционно играли на флейте. Джоп искусно владеет этим инструментом, но фермер отказался, предпочтя вчитываться в книги свитков. Наконец согласился попытать счастья юный Джома, вооружившись парой ложек.

Вот и хваленый вклад землян в музыкальную жизнь Джиджо.

Скрытый под тяжелым щитом Блейда, мирлитон издал низкий рокочущий звук, к которому присоединился печальный вздох из одного кувшина под передней левой ногой Блейда. Зрительная лента квуэна подмигнула Ульгор, самка ур подняла виолу, наложила двойной смычок на струны и извлекла двойную дрожащую ноту, раскрасив басовый стон мирлитона. Послышался

многоуровневый звук. Он продлился…

Мгновение гармонии дуэта, казалось, все длится и длится. Сара сдержала дыхание, чтобы ни один посторонний звук не нарушал эту удивительную гармонию. Даже Фалькун выкатилась вперед, явно тронутая.

Если остальное будет таким же…

В следующее мгновение вступил Пзора, нарушив сладкие до боли звуки звоном колокольчиков и цимбал. Аптекарь из Доло, казалось, в своем усердии не понимает, что он разрушил; он энергично звонил, останавливался и начинал снова. После недолгого ошеломленного молчания экипаж хунов разразился хохотом. Зашумели нуры на мачтах, а Ульгор и Блейд обменялись взглядами, для понимания которых не нужен реук, — это были эквиваленты пожатия плечами и подмигивания. Они возобновили игру, включая энтузиазм Пзоры в свой привязчивый четырехчастный ритм.

Сара вспомнила, как мать учила ее играть на пианино по нотам — по музыке, *записанной на бумаге.* Теперь это искусство почти совершенно забыто. Джоджианские секстеты импровизируют, они создают гармонию из отдельных линий, сливая и разделяя их, пользуясь одним

совпадением за другим. Человеческая музыка в большинстве культур до Контакта была именно такой — перед тем, как европейцы додумались до симфоний и других сложных музыкальных форм. По крайней мере так читала Сара.

Преодолев застенчивость, застучал своими ложками Джома, а Блейд извлек несколько дрожащих нот из каллиопы. Рулевой хун раздул свой горловой мешок и, отвечая ритму мирлиона, начал импровизацию без слов.

Тут вперед выкатилась Фалькун, грациозно размахивая руками и напомнив Саре о мягко клубящемся дыме.

То, что вначале было изысканным, потом полным юмора, приобрело еще более ценимое свойство.

Единство.

Сара посмотрела на Незнакомца. Лицо его было взволнованно, он завороженно смотрел на изысканные движения Фалькун. Левой рукой довольно отбивал ритм на одеяле.

Можно представить себе, каким был этот человек, подумала Сара. Даже *искалеченный, испытывающий страшную боль, он проводит время в очаровании хорошим.*

От этой мысли у нее перехватило горло. За-

хваченная врасплох, Сара отвернулась, скрывая волну печали, от которой внезапно помутилось зрение.

Вскоре показался город Тарек, расположенный у слияния рек Рони и Бибура.

Издали город казался зеленым холмом, не отличающимся от других возвышенностей. По склонам холма были разбросаны какие-то серые фигуры, похожие на камни. Но когда *Хауф-воа* сделал последний поворот, то, что издалека казалось сплошным целым, вдруг раскрылось — огромная полая *паутина,* увитая растительностью. “Камни” — это выступающие вершины массивных башен, погруженные в путаницу кабелей, соединений, веревочных мостов, сетей, рамп и наклонных лестниц. И все это покрыто роскошной цветущей растительностью.

Воздух заполнен влажным ароматом, запахом бесчисленных цветов.

Саре иногда нравилось зажмуриться и представить себе, каким был этот город при могучих буйурах — всего лишь небольшой поселок. Но место подлинной цивилизации, полное деловито гудящих машин, истоптанное следами пришельцев с далеких звезд, с звездными кораблями, грациозно опускающимися на посадочные пло-

щадки. Город, полный стремлений, которые она, примитивная жительница леса, никогда не будет в состоянии понять.

Но когда экипаж из хунов шестами подвел *Хауф-воа* к скрытому причалу, никакое прищуривание не могло скрыть упадка Тарека. Из мириадов окон только немногие блестели застеклением возрастом в миллион лет. Из других окон торчали грубые трубы, покрывшие когда-то безупречно гладкие стены толстым слоем сажи от кухонных костров. Широкие карнизы, на которые некогда садились летающие корабли, теперь были заняты миниатюрными садиками или уставлены клетками для шумливых стадных птиц. Вместо самодвижущихся машин улицы кишели торговцами и грузчиками, переносившими товары на спине, или небольшими повозками с запряженными в них животными.

Высоко вверху, на ближайшей башне, молодые г'кеки бесстрашно носились по рампам без ограждений, не обращая внимания на пропасть. Их спицы сливались от скорости. Городская жизнь больше всего подходит колесной расе. Редкие в остальных местах, в городе г'кеки составляли самую большую часть населения.

К северу, на перешейке, соединяющем Тарек

с материком, лежат “недавние” развалины из каменных плит — тысячелетней давности городские стены, воздвигнутые серыми королевами, которые правили здесь, пока длительная осада не покончила с их правлением — еще тогда, когда бумажная фабрика в Доло была совсем новой. Разрушенные укрепления покрывали следы пожара — свидетельство насильственного рождения Общины Шести.

Но сколько бы раз Сара ни бывала в Тареке, город всегда казался ей чудом. На Джиджо это самое космополитичное место, где смешиваются все расы.

Наряду с кораблями хунов бесчисленные меньшие корабли и лодки проплывают под изогнутыми кружевными мостами. Гребут в этих лодках люди торговцы-трапперы, они везут на рынок шкуры и другие товары. Речные треки, у которых базовое кольцо обладает свойствами амфибии, скользят по узким каналам гораздо быстрей, чем движутся на берегу их привязанные к суше сородичи.

Вблизи слияния рек у специального причала стоят в укрытии два паровых парома, которые соединяют лесные поселки севера с травяными степями юга, где скачут стада уров. На пологом

ближайшем берегу Сара видела, как из воды выходит несколько синих квуэнов. Пренебрегая паромами, они перешли реку по дну — эта способность очень пригодилась им много лет назад, когда синие мятежники сбросили тиранию серых королев, они помогли армии людей, треки и хунов.

Во всех сказаниях об этой битве нигде не говорится об оружии повстанцев, которое я считаю самым главным, — о языке.

Хауф-воа потребовалось немало времени, чтобы пробраться сквозь толчею лодок и причалить к тесной пристани. Забитая кораблями гавань объясняла отсутствие движения выше по течению.

Как только корабль был привязан, нуры с *Хауф-воа* с воплями перегородили трапы, требуя платы. Довольно напевая благодарственную песню, корабельный кок спустился к существам с черным мехом и наделял каждое кусками твердых сладостей. Каждый нур затолкал один кусок в пасть, а остальные спрятал в водонепроницаемую сумку; потом все они перепрыгнули через борт и исчезли среди прыгающих, раскачивающихся корпусов, едва избегая смерти.

Как обычно, Незнакомец наблюдал за происхо-

дящим со смесью удивления, радости и печали в глазах. Он отказался от носилок и спустился по трапу, опираясь на трость, а Пзора пыхтел от гордости: ему удалось оторвать пациента от смертного входа и привезти к опытным целителям города Тарек. Пока Прити отправилась на поиски рикши, они наблюдали, как экипаж хунов с помощью блоков и лебедок извлекает из трюма ящики. Во многих их них — продукция фабрики Нело, которая направляется к разнообразным печатникам, писцам и ученым. На их место грузчики укладывали ребристые пакеты, в которых отправляют из Тарека с одной и той же целью

осколки глиняной посуды и шлак из кузниц уров;

использованные керамические пилы из квуэнских лесоперерабатывающих мастерских;

изношенный типографский шрифт и порванные струны виолы;

те части покойников, которые не могут сгнить, например, кости кремированных людей и уров, позвоночники хунов, оси г'кеков и восковые кристаллы треки;

а также сверкающую пыль от размолотых панцирей квуэнов и множество буйурских остатков. Все это погружают в мусорные корабли и отправ-

ляют в большую Помойку, чтобы очиститься огнем, водой и временем.

Рикша ур помогла им погрузить в низкую четырехколесную тележку раненого, а Пзора стоял рядом и двумя щупальцами-руками держал Незнакомца за плечи.

— Вы уверены, что я вам не понадоблюсь? — спросила Сара, у которой были свои соображения. Пзора вежливо отстранил ее.

— До больницы совсем близко. Разве у тебя нет срочных дел? Разве не должна ты выполнить поручения? Все-вы скоро встретитесь со всеми-нами, сегодня вечером. А наш везучий пациент увидит ваши прекрасные личности завтра утром.

Незнакомец посмотрел на нее своими темными глазами, улыбнулся и потрепал по руке. Ни следа его прежнего ужаса перед треки не осталось.

Вероятно, я ошибалась насчет его раны. Он способен помнить.

Может, в Тареке мы узнаем, кто он. Если удастся привезти членов семьи или друзей, они помогут ему больше меня. Эта мысль причинила боль, но Сара напомнила себе, что она больше не ребенок, который ухаживает за больным птенцом. *Главное сейчас, что о нем будут хорошо заботиться.*

Пзора прав. У меня много своих дел.

Анархический стиль города Тарека означал, что на пристани корабль не встречало ни одно официальное лицо. Но в гавань устремлялись торговцы, торопясь получить свои товары. Другие приходили в поисках новостей. Ходили слухи об ужасных происшествиях на севере и востоке. О приземлении покрытых льдом кораблей зенгов или о целых городах, сожженных титаническими лучами. Рассказывали о жителях, которых толпами гнали на суд, совершаемый судьями — инсектоидами из галактического Института Миграции. Один легковерный человек даже поспорил с Джопом; он настаивал, что фермер ошибается, так как всем известно, что деревня Доло уничтожена.

Это объясняет, почему мы не встретили ни одного корабля, идущего вверх по течению, думала Сара. Из Тарека должно было показаться, что корабль пришельцев проложил огненную полосу как раз над родным поселком Сары.

Во всех гаванях главный товар — слухи и новости, но разве повсюду не преобладают более холодные головы?

Прити сделала знак, что все ящики Нело получены, кроме одного. Этот ящик Сара погрузила

на колесную тележку, чтобы самой доставить Энгрил, переписчице. Потом попрощалась с остальными посыльными из Доло, договорившись встретиться сегодня вечером и сопоставить наблюдения.

— Пошли, Джома, — сказала она сыну Хенрика, который удивленно смотрел на шум и толчею городской жизни. — Сначала отведем тебя к твоему дяде.

На пригаванном рынке голоса звучали приглушенно, торговались неохотно и небрежно. Торгуясь с членами других рас, большинство покупателей и продавцов даже не надевали реуки — явный признак того, что сама процедура торговли для них не очень важна.

Одна владелица магазина, элегантная серая самка-квуэн со сложной золотой росписью панциря, подняла две руки-клешни и посчитала девять неровных пальцев-подушечек, показывая одновременно легким наклоном купола, что это ее окончательное предложение. Продавец, деревенского вида красная самка квуэн, в отчаянии зашипела и показала на прекрасные соляные кристаллы, которые привезла с далекого моря. Сара расслышала ответ городской жительницы:

Качество или количество — какая теперь

разница? И почему меня должна интересовать цена?

Этот ответ поразил Сару. Представить себе городского серого, равнодушного к коммерческой сделке? Да, местные жители явно не в себе.

А разве мы в Доло в лучшем состоянии?

Горожане собирались небольшими группами, сплетничали на своих диалектах. Многие хуны держали обитые железом трости — обычная прерогатива капитанов, в то время как урские лудильщики, скотоводы и торговцы держались поближе к своим драгоценным вьючным животным. У каждого ура на холке в ножнах топор или мачете — полезные орудия в сухих лесах и степях, где они живут.

Почему же эта картина заставила Сару нервничать?

Если подумать, то многие люди ведут себя так же, ходят только группами, вооружены орудиями, предназначенными для рубки, копания, охоты — или для таких целей, о которых Сара и думать не хотела. Жители г'кеки держались своих квартир и студий.

Мне нужно узнать, что здесь происходит, и поскорее, подумала Сара.

Она испытала облегчение, когда кончился пол-

ный напряжения рынок и началась сверкающая яркость Мешанины.

До сих пор они шли в тени, но вот перед ними отверстие в густом растительном навесе. Возвышавшиеся когда-то сооружения лежат в развалинах, их аккуратные геометрические корпуса расколоты, разбиты и собраны в одну груду, по которой и названо это место. Между обломками камней текут мутные потоки, возникают и лопаются пузыри, остатки того времени, когда это место было ядовитым и подвергалось восстановлению.

Джома заслонил глаза.

— Я его не вижу, — пожаловался он.

Сара сдержала порыв утащить его назад в тень.

— Чего не видишь?

– *Паука.* Он ведь должен быть здесь, в этой груде?

— Паук мертв, Джома. Он погиб до того, как мог все уничтожить. Он только начал. Поэтому город Тарек не стал еще одним болотом, полным изжеванных камней, как у нас, к востоку от Доло.

— Это я знаю. Но отец говорит, что он все еще здесь.

— Это верно, — согласилась она. — С самого

причала мы проходим под ним. Видишь эти кабели над головой? Даже рампы и лестницы обвиты старыми нитями мульк-паука, и многие из этих нитей все еще живы — по-своему.

— Но где сам *паук?*

– Он был в своей паутине, Джома. — Сара показала на густую перекрещивающуюся сеть, натянутую между башнями. — В целом виде эта паутина и представляла собой особую форму жизни, задача которой — уничтожение древнего города буйуров. Но однажды, еще до того, как на Джиджо высадились г'кеки, именно этот паук заболел. Его нити разучились действовать вместе. И когда это произошло, паука не стало.

— Ага. — Мальчик немного подумал, потом осмотрелся. — Ладно. Я *знаю,* что здесь есть кое-что еще…

— Джома, — начала Сара. Ей не хотелось обрывать мальчика, который так похож на Двера в таком возрасте. — Мы должны идти…

— Я слышал, что она здесь, возле Мешанины. Я хочу увидеть лошадь.

— Ло… — Сара мигнула, потом вздохнула. — О! Ну хорошо, почему бы и нет? Если пообещаешь, что оттуда мы пойдем прямо к твоему дяде. Договорились?

Мальчик энергично кивнул, снова повесив на плечо сумку. Сара взяла собственный мешок, полный записями о ее исследованиях. Прити катила сзади тележку.

Сара показала:

— Она здесь, у входа в Земной город.

С тех пор как были сожжены грозные катапульты серых королев, город Тарек был открыт для всех рас. Тем не менее каждая из Шести предпочитала свой район города, причем люди занимали фешенебельный южный квартал — благодаря богатству и престижу, достигнутыми книжной торговлей. Трое шли в этот район под затененной лоджией, окружающей Мешанину. Изогнутые арками подпорки-были покрыты ароматными цветами, но даже этот сильный аромат был поглощен, когда они проходили место, где уры держат свои стада. Несколько незамужних самок-уров слонялись у входа. Одна из них опустила голову и пренебрежительно оскалилась на Сару.

Неожиданно все уры подняли длинные шеи и повернули головы в одном направлении. Их мохнатые уши ловили звуки отдаленного грохота, доносившегося с юга. Вначале Сара подумала, что это *гром.* Но потом по спине пробежал холодок тревоги, она подняла голову и посмотрела

в небо.

Неужели это происходит снова?

Джома взял ее за руку и покачал головой. Мальчик с профессиональным интересом вслушивался в далекий рокот.

— Это испытание. Я точно могу сказать. Нет призвука тесного окружения или большого количества. Какой-то взрывник проверяет свои заряды.

Сара проворчала:

— Как утешительно… — Но только сравнительно с краткой ужасной мыслью о новом корабле богов, разрывающем небо.

Молодые уры снова смотрели на них. И Саре не нравилось выражение их глаз.

— Хорошо, Джома. Пойдем посмотрим лошадь.

Сад Статуй расположен в южном конце Мешанины. Большинство “произведений искусства” представляли собой неглубоко выжженные граффити или грубые карикатуры, нацарапанные на каменных плитах за те долгие столетия, когда грамотность была на Склоне большой редкостью. Но в некоторых местах резьба по камню поражала своей абстрактной сложностью — группы каменных шаров, напоминающие гроздь винограда, или неровная связка похожих на ножи копий,

торчащих в разные стороны. Все это вырезано крепкими зубами древних матриархов, которые проиграли в династической борьбе квуэнов и были прикованы здесь своими торжествующими победительницами, проводя свои последние дни под ослепительным солнцем.

На ближайшем столбе пронзительно реалистический барельеф одной из ранних эр. Медленное погружение в разъедающую грязь уничтожило большую часть фриза. И все же в нескольких местах еще можно было разглядеть *лица.* Огромные проницательные глаза внимательно смотрят с круглых голов, посаженных на тела, стоящие на задних ногах с поднятыми передними, словно протестуя против приговора судьбы. Даже спустя столько времени глаза словно светятся гигантским интеллектом. Уже очень давно никто на Джиджо не видел такое проницательное или ядовитое выражение на лице глейвера.

В последние годы растительную маскировку Тарека расширили, поместив большую часть резных изображений в тень. Но и после этого самые упрямые ортодоксы призывали к уничтожению скульптур. Однако большинство горожан разумно считало, что этой работой по-прежнему должна заниматься Джиджо. Древние озера

мульк-пауков все еще растворяют камень, хотя и медленно. И эта работа переживет и всех Шестерых.

Так мы считали. Нам всегда казалось, что впереди много времени.

— Вот она! — возбужденно показал Джома. Мальчик побежал к массивному памятнику, на гладких боках которого плясали пятна света и тени. *Жертва человечества* — так называлась эта скульптура, в память того, что принесли с собой мужчины и женщины с земли и что они ценили выше своих драгоценных книг.

Нечто такое, от чего ради мира они навсегда отказались.

Животное застыло в прыжке, подняв благородную голову; ветер развевал его гриву. Нужно было только прищуриться и представить себе его в движении, в мощном и грациозном галопе. С любовью упоминаемое в бесчисленных земных преданиях, это было одно из великих легендарных чудес старой Земли. Памятник всегда глубоко трогал Сару.

— Совсем не похоже на осла! — выпалил Джома. — Неужели лошади действительно были такими большими? Сара вначале сама не верила.

— Да, иногда они были и такие большие. И не преувеличивай, Джома. Конечно, она похожа на осла. В конце концов, они ведь родственники.

Да, как дерево гару родственно кусту грикла.

Потрясенным голосом Джома спросил:

— А можно мне залезть на нее?

— Даже не говори об этом! — Сара торопливо оглянулась. Ни одного ура не видно, поэтому она слегка успокоилась и покачала головой. — Спроси своего дядю. Может, он вечером отведет тебя сюда.

Джома был разочарован.

— Ты ведь сама садилась на нее, верно?

Сара едва не улыбнулась. Действительно, они с Двером совершили этот ритуал, будучи еще подростками, в конце одной холодной зимы, когда большинство уров довольно спят со своими ленивыми мужьями. Поэтому ни одна тройка глаз не покраснеет от гнева при виде зрелища, которое так сердило уров в первые столетия после появления землян — симбиоз человека с огромным животным, способным перегнать любого ура. Два существа, вместе достигающие величия, которого нет у них порознь.

После второй войны они решили, что нас ослабит, если они потребуют уничтожения всех

лошадей и потом смогут нас совсем истребить.

Думаю, впоследствии они поняли свою ошибку.

Сара отмахнулась от недостойных горьких мыслей. Все это произошло так давно, еще до заключения Великого Мира и появления Яйца. Она мимо памятника лошади посмотрела на облачное небо над укутанным цветами скелетом древнего буйурского города. *Сказано, что когда с неба упадет яд, его самой смертоносной формой станет сомнение.*

Гильдия взрывников занимала здание, ранее называвшееся Башней химии, но большинство жителей Тарека именовали его Дворцом Вони. По бокам шпиля, подобно лианам-паразитам, поднимались трубы из обработанных стволов бу, из труб вился пар или дым, так что все это напоминало Пзору после тяжелого дня в аптеке. Действительно, после людей треки были самыми многочисленными посетителями, проходившими через передний вход или поднимающимися на лифте с противовесом на верхние этажи, где изготовляются вещи, необходимые всюду на Склоне: спички, чтобы зажигать кухонные печи; масло, которым натирают свои панцири квуэны, чтобы предотвратить чесотку и отслоение; мыло для стирки одежды людей и хунов; смазку, кото-

рая позволяет вращаться колесам престарелых г'кеков, когда высыхают их оси; чернила для письма и много других продуктов. Все они получают сертификат, что не оставят ни одного следа в почве Джиджо. Ничто не должно усугубить наказание, когда неизбежно придет День из Дней.

Несмотря на запахи, от которых Прити в отвращении запыхтела, Сара почувствовала, что в башне ее настроение улучшилось. В прихожей смешались все расы, и не было той замкнутости, которую она ощущала в городе. Шум торговли с вмешательством языка науки свидетельствовал, что некоторые не позволяют кризису довести себя до враждебности. Слишком многое нужно сделать.

Тремя этажами выше Зал Взрывников был полон шума и суеты. Мимо с выкриками пробегали мужчины и мальчики, а женщины гильдии с пюпитрами для записей в руках показывали помощникам-хунам, куда поместить бочонки с ингредиентами. В углу седовласые старейшины-люди сгибались над длинными столами, совещаясь с коллегами-треки, чьи напряженно работающие кольца секреции были украшены мензурками, куда собираются летучие выделения. То, что на первый взгляд казалось хаосом, на

самом деле было упорядоченной рабочей обстановкой, и Сара это поняла.

Кризис мог вывести из равновесия других, но взрывники всю жизнь готовятся к нему. В этом месте царила яростная одержимость. Первое увиденное Сарой основание для оптимизма.

Джома быстро обнял Сару и направился к мужчине с поседевшей бородой, который всматривался в схемы. Сара узнала особую бумагу, которую раз в год Нело готовил для художников и взрывников.

Семейное сходство распространялось не только на черты лица и фигуру, оно было и в мимике мужчины. Увидев Джому, Курт-взрывник только слегка приподнял бровь, когда Джома вложил ему в руку длинный кожаный чехол.

И это все? Я могла бы сама доставить послание Хенрика. Не нужно было посылать мальчика в путешествие. Ведь оно могло оказаться опасным.

Если кто-то и знает о том, что происходит в Риммере, так те, что находятся в этой комнате. Но Сара сдержалась. Взрывники кажутся очень занятыми. К тому же у нее поблизости есть собственный источник информации. И пора туда отправляться.

Пока Сара читала тонкую стопку страниц

— хронология событий и предположения, — доставленную сегодня утром с Поляны Собрания курьером-уром, переписчица Энгрил снова наполнила чашки чаем. Первым чувством Сары было огромное облегчение. До сих пор она не знала, каким угрожающим слухам верить. Теперь ей известно, что приземление в горах прошло без жертв. Все на Собрании в безопасности, включая ее братьев. По крайней мере на время.

В соседней комнате помощницы Энгрил делали фотостаты чернильных иллюстраций сообщения, а офсетный пресс готовил печатную версию текста. Вскоре экземпляры сообщения появятся в Тареке на досках для объявлений, потом будут развешаны и в окружающих ульях, деревнях и стадах.

— Преступники! — Сара вздохнула, откладывая последнюю страницу. Она не могла в это поверить. — Преступники из космоса. Из всех возможностей…

— Эта всегда казалась самой маловероятной, — согласилась Энгрил. Это была полная рыжеволосая женщина, обычно очень оживленная и заботливая, но сегодня такая серьезная и мрачная, какой ее Сара никогда не видела. — Возможно, мы не обсуждали ее, потому что боялись

последствий.

— Но если они явились нелегально, разве это не лучше полиции, которая нас всех арестовала бы? Преступники не могут доложить о нас, не раскрыв собственное преступление.

Энгрил кивнула.

— К несчастью, эта логика может быть вывернута наизнанку. Преступники не могут позволить, чтобы мы сообщили о них.

— Но насколько разумен этот страх? Прошло уже несколько тысяч лет после появления г'кеков, и за все это время был только один прямой контакт с галактической культурой. Древние рассчитали, что пройдет не менее полумиллиона лет до появления очередного робота-зонда и два миллиона до тщательного обследования.

— Это не так уж долго. Сара мигнула.

— Не понимаю.

Старшая женщина подняла чашку, из которой поднимался пар.

— Еще чая? Дело вот в чем. Вуббен подозревает, что это грабители генов. Если это так, преступление не знает… как же древние это называли? — *сроков давности.* Сколько бы ни прошло времени, это не избавляет преступников от наказания. Индивиды, участвовавшие в

набеге, могут быть давно мертвы, но остается их раса или представляемый ими галактический клан, и могут быть наказаны все — от старейших патронов до самых молодых клиентов. В представлении Великой Библиотеки даже миллион лет — незначительный срок. Ведь память этой библиотеки в тысячу раз длительней.

— Но мудрецы считают, что через миллион лет нас здесь не будет! План предков… Свитки…

— Грабители генов не могут на это рассчитывать, Сара. Это слишком серьезное преступление. Сара покачала головой.

— Ну, хорошо, допустим, какие-то отдаленные потомки Шести все еще будут здесь, рассказывая туманные легенды о том, что произошло давным-давно. Кто поверит их рассказам?

Энгрил подняла плечи.

— Не знаю. Записи свидетельствуют, что среди кислорододышащих кланов пяти галактик есть много ревнивых и враждующих. Может быть, достаточно намека, какой-то детали, чтобы пустить врагов по следу. Получив такой намек, они могут просеять всю биосферу Джиджо в поисках более определенных свидетельств. И раскроют все преступление.

Сара задумалась. Наступило молчание. В галак-

тическом сообществе величайшие сокровища — биологические, особенно редкие виды, которые иногда обнаруживаются на невозделанных планетах. Виды с искрой, которая называется Потенциалом. Возможностью к *Возвышению.* Возможностью быть принятыми патронами и получить толчок — путем обучения и генной инженерии, толчок, который необходим для превращения животных в граждан звездной галактики. Этот толчок совершенно необходим, если не верить в легенду землян об одиноком возвышении. Но кто в Пяти Галактиках верит в подобный вздор?

И дикость, и цивилизация играют свою роль в процессе обновления разумной жизни. Никто не может проделать это в одиночку. Сложные драконовские законы миграции, включая насильственное оставление планет, систем, даже целых галактик, должны дать биосферам время для отдыха и культивирования дикого потенциала. Затем новые расы оцениваются с точки зрения возможности приема согласно законам, которые действуют бесчисленные эпохи.

Грабители надеялись обойти эти законы. Найти здесь на Джиджо что-нибудь бесценное, причем найти вне законных ограничений и раньше

намеченного срока. Но если им повезет, что они могут сделать с найденным сокровищем?

Увезут брачную пару отсюда, поселят на планете, которую воры контролируют, и будут наблюдать за потомством, подталкивая его с помощью манипуляций с генами, чтобы эти животные заполнили кажущуюся естественной нишу. Потом терпеливо ждать тысячу лет или гораздо дольше, пока не наступит время "найти" сокровища прямо у себя под носом. Эврика!

– Значит, ты говоришь, — продолжила Сара, — что грабители не захотят оставить свидетелей. Но тогда почему они приземлились здесь, на Склоне? Почему не за пустыней Солнечного Восхода или даже на малом континенте на противоположной стороне Джиджо? Зачем появились прямо посреди нас?

Энгрил покачала головой.

— Кто может сказать? Грабители говорят, что им нужен наш опыт и что они готовы за него заплатить. Но в конечном счете платить придется нам.

Сара почувствовала, как у нее сжимается сердце.

— Они… они могут убить нас всех.

— Возможно, ответ не так драматичен. Но этот

вариант кажется мудрецам самым практичным.

— Практичным!

— С точки зрения грабителей, конечно.

Сара приняла это спокойно. *И подумать только, я мечтала о встрече с галактами, хотела заглянуть в их передвижные библиотеки.*

За дверью в мастерской Энгрил видны были ее работающие помощницы. Одна девушка управляла *коэлостатом,* большим зеркалом на длинной ручке, которое следует за солнцем, отбрасывая его лучи на копируемый документ. Движущаяся щель направляет этот отраженный свет на вращающийся барабан из драгоценного металла. Барабан вращают двое сильных мужчин. Прихватывая порошок с подноса, барабан делает фотостатические свежие отпечатки рисунков, произведений искусства, чертежей и схем — всего, кроме печатного текста, который дешевле воспроизводить на печатном станке.

Со времени появления этой технологии на Джиджо ничего более страшного она не печатала.

— Ужасная новость, — сказала Сара. Энгрил согласилась.

— Увы, дитя, это еще не самое плохое. Далеко не самое. — Женщина показала на отчет. — Прочти это.

Дрожащими руками Сара переворачивала страницы. Сама она звездный корабль помнила как расплывчатое пятно, летящее над головой и разрывающее мирную жизнь деревни Доло. На рисунках ясно был виден цилиндр чужаков, еще более страшный в неподвижности, чем в движении. Трудно было поверить в приведенные рядом данные о размерах, полученные инженерами с помощью тайных методов триангуляции.

Сара перевернула страницу и увидела самих двух грабителей.

Она в отчаянии смотрела на рисунок.

— Боже! Энгрил кивнула.

— Поистине. Теперь ты понимаешь, почему мы задержали печатание нового номера “Новостей”. И так уже горячие головы среди квуэнов и уров и даже некоторые треки и хуны говорят о *тайном сговоре людей.* Говорят даже о необходимости нарушить Великий мир.

Конечно, до этого может никогда и не дойти. Если эти чужаки быстро найдут то, что ищут, война между Шестью не успеет разразиться. Но нам, людям-изгнанникам, придется доказать свою верность самым решительным образом — умереть рядом со всеми остальными.

Мрачное предсказание Энгрил вполне реально.

Но Сара посмотрела на женщину и покачала головой.

— Ты ошибаешься. Это еще не самое худшее. Голос ее звучал хрипло и встревоженно. Энгрил удивленно посмотрела на нее.

— Что может быть хуже гибели всех разумных существ на Склоне?

Сара подняла рисунок с изображением мужчины и женщины, несомненно, людей; не подозревая, что их зарисовывает неведомый художник, они высокомерно смотрят на дикарей Джиджо.

— Наши жизни ничего не значат, — сказала она, ощущая горечь своих слов. — Мы были осуждены с того момента, как наши предки высадили здесь свое незаконное семя. Но эти, — она с гневом потрясла листком, — эти глупцы затеяли древнюю игру, правила которой не знает хорошо ни один человек.

Они совершат свое преступление, потом убьют, чтобы уничтожить свидетелей, но их все равно поймают.

И когда это произойдет, истинной жертвой станет *Земля.*

Аскс

Они нашли долину невинных.

Мы очень старались спрятать их, не правда ли, мои кольца? Отослали их в далекую долину — глейверов, лорников, шимпанзе и зукиров. И тех детей Шести, что явились на Собрание с родителями до того, как этот корабль пронзил наши жизни.

Увы, все наши попытки оказались тщетными. Робот с черной станции прошел через лес по их теплому следу и нашел святилище, которое оказалось не таким укромным, как мы надеялись.

Среди наших мудрецов меньше всех удивился Лестер.

— Они, конечно, ожидали, что мы спрячем самое ценное. И искали глубоко-красный след наших беженцев до того, как он рассеется. — В его печальной улыбке отразилось сожаление, но и уважение. — На их месте я бы поступил именно так.

Англик — странный язык, в котором сослагательное наклонение позволяет высказывать то, чего не было, но могло бы быть. Мысля на этом языке, я (мое/наше второе кольцо созна-

ния) понял выраженное Лестером невольное восхищение, но мне было трудно перевести это остальным моим/нашим личностям.

Нет, мудрец-человек не задумал предательство.

Только путем глубокой эмпатии можем он/мы понять пришельцев.

Увы, наши враги учились понимать нас гораздо быстрее. Их роботы носились над некогда тайной поляной, записывали, анализировали — потом спускались, чтобы взять образцы клеток или телесных жидкостей у испуганных лорников или шимпов. Затем они пожелали, чтобы мы прислали индивидов каждой расы для изучения, и захотели также познакомиться с нашими устными преданиями. Те г'кеки, которые лучше всех знают зуриков, люди, работающие с шимпанзе, квуэны, чьи лорники выигрывали медальоны на праздниках, — все это "туземные эксперты" должны поделиться с ними своим деревенским опытом. Хотя чужаки говорили мягко и обещали хорошо заплатить (безделушками и бусами?), намекали они и на принуждение и угрозы.

Наши кольца удивленно вздрогнули, когда Лестер выразил удовлетворение.

— Они считают, что нашли наши самые цен-

ные секреты.

— А разве это не так? — пожаловалась Ум-Острый-Как-Нож, щелкая клешней. — Разве наше величайшее сокровище не те, кто зависит от нас?

Лестер кивнул.

– Верно. Но мы не могли бы долго скрывать их. Если высшие формы жизни — это то, что ищут пришельцы, они и ожидали, что мы их спрячем.

Но теперь, если они самодовольны и на какое-то время удовлетворены, мы может отвлечь их от других вещей и воспользоваться возможными преимуществами, которые дают нам — и тем, кто от нас зависит, — слабую надежду.

— Как это может быть? — спросила Ур-Джа, седая и изможденная, тряся своей полосатой гривой. — Как ты сказал — что мы можем скрыть? Им нужно только задать свои грязные вопросы, и эти нечестивые роботы понесутся, открывая любые тайны копыта и сердца.

— Совершенно верно, — согласился Лестер. — Поэтому сейчас самое важное — не дать им задать правильные вопросы.

Двер

Придя в себя, он прежде всего подумал, что его похоронили заживо. И теперь он лежит, дрожа то от холода, то от жара, в каком-то забытом, лишенном солнца склепе. В месте, отведенном умирающим или мертвым.

Но потом он смутно удивился. Разве в каменном склепе может быть так жарко? И откуда этот правильный гремящий ритм, от которого под ним дрожит обитый пол?

По– прежнему в полусознании, причем веки упрямо отказывались открываться, он вспомнил, как речные хуны поют о жизни после смерти, которая лениво проходит в узком душном месте, где слышен бесконечный рев прибоя, биение пульса вселенной. В прекращающемся бреде эта участь показалась Двери очень вероятной. Он попытался стряхнуть покровы сна. Казалось, какие-то озорные чертенята колют его своими разнообразными инструментами, причиняя особенную боль пальцам рук и ног.

Постепенно мышление прояснялось, и он понял, что влажное тепло — это не смрадное дыхание дьяволов. В нем гораздо более знакомый

запах.

Знакома и непрерывная дрожь, хотя эта кажется более сильной и неровной, чем та, которую он привык слышать каждую ночь мальчиком.

Это водяное колесо. Я внутри плотины!

Меловой запах заполнил пазухи носа и еще больше оживил память. *Плотина квуэнов.*

Просыпающееся сознание нарисовало картину улья с многочисленными помещениями и извивающимися коридорами, заполненного существами с острыми клешнями и зубами. Эти существа переползают через бронированные спины другу друга, и всех их от мутного озера отделяет только одна тонкая стена. Иными словами, он в самом безопасном, самом укромном месте, какое только может придумать.

Но… как? Последнее, что я помню: я лежу обнаженный под падающим снегом, почти умираю, и ни следа помощи!

Двер не удивился тому, что жив. *Мне всегда везло,* думал он, хотя думать так — значит бросать вызов судьбе. Во всяком случае, ясно, что Ифни еще не покончила с ним, у нее еще немало способов увлечь его вниз по тропе удивлений и судьбы.

Потребовалось несколько попыток, чтобы от-

крыть тяжелые, непослушные веки, и вначале перед глазами все расплывалось. Запоздалые слезы рассеивали и смывали единственный источник света — колеблющееся пламя слева.

— Ух! — Двер отпрянул от приблизившейся темной тени. Тень неожиданно превратилась в щетинистую морду со сверкающими черными глазами, с высунутым между белыми зубами языком. Стало видно и все существо: гибкая маленькая фигура, черная шерсть, проворные коричневые лапы.

— А… это ты, — выдохнул Двер, и собственный голос показался ему щекочущим и стылым. Неожиданное движение оживило ощущения, в основном неприятные от многочисленных царапин, ожогов и синяков, и каждый из них кричал о боли и обиде. Двер посмотрел на улыбающегося нура и поправил свою предыдущую мысль:

Мне всегда везло, пока я не встретил тебя.

Двер осторожно приподнялся и увидел, что лежит на груде мехов, брошенных на песчаный пол, на котором видны куски костей и раковин. Эти неопрятные остатки резко контрастируют с остальным небольшим помещением — балками, столбами, панелями, все это блестит в тусклом свете свечи, которая мерцает на богато

украшенном резьбой столе. Каждая деревянная поверхность носит на себе следы тонкой работы зубов квуэнов, вплоть до угловых кронштейнов, покрытых кружевной, обманчиво крепкой резьбой.

Двер поднял руки. Пальцы забинтованы, причем слишком хорошо для квуэнов. Досчитав до десяти и видя, что длина пальцев не изменилась, он испытал облегчение, хотя знал, что иногда при обморожении отмирают кончики пальцев, а все остальное остается нетронутым. С трудом сдержал порыв зубами сорвать повязки и узнать немедленно.

Терпение. Что бы ты сейчас ни сделал, происшедшего не изменить. Колющая — словно от булавок и иголок — боль говорила ему, что он жив и что его тело стремится выздороветь. И это сознание позволяло легче переносить боль.

Двер откинул меха, чтобы увидеть ноги. Они на месте, слава Яйцу, хотя пальцы ног тоже в бинтах. Если, конечно, они еще есть, эти пальцы. Старый Фаллон много лет ходил на охоту в специальной обуви, после того как едва не погиб на леднике. Тогда его ноги превратились в бесформенные обрубки. Тем не менее Двер прикусил губу и сосредоточился, посылая сигналы, встре-

чая сопротивление и приказывая пальцам ног двигаться. Колющая боль ответила на его усилия, заставив его замигать и зашипеть, но он продолжал пытаться, пока ноги не начали захватывать судороги. Наконец Двер удовлетворенно откинулся. Он смог пошевелить самыми важными пальцами — самым большим и самым маленьким на обеих ногах. Возможно, они повреждены, но он будет ходить и бегать нормально.

Облегчение подействовало на него, как порция крепкой выпивки. Он даже рассмеялся вслух — четыре коротких резких всхлипа, которые заставили Грязнолапого посмотреть на него.

— Значит, это тебе я обязан жизнью? Ты побежал на поляну с криком “На помощь?” — выговорил Двер.

Грязнолапый отшатнулся: нур словно понял, что над ним смеются.

Перестань, сказал сам себе Двер. *Насколько тебе известно, это вполне может оказаться правдой.*

Другие повреждения того типа, который он не раз переживал в прошлом. Несколько ран зашиты ниткой с иглой, нить наложена крест-накрест искусной аккуратной рукой. Двер посмотрел на эту работу и неожиданно узнал ее по прошлому

своему опыту. Он снова рассмеялся, узнав своего спасителя по следам, оставленным по всему телу.

Ларк. Но как он мог узнать?

Очевидно, брат сумел отыскать дрожащую группу в снегопад и притащить его в одну из квуэнских крепостей в холмах. *И если я это пережил, то Рети уж подавно. Она моложе и откусит смерти руку, если та когда-нибудь придет за ней.*

Двер некоторое время удивленно разглядывал бледные пятна на руках. Потом вспомнил. *Золотая жидкость мульк-паука — кто-то, должно быть, отлепил ее в тех местах, где она прилипла.*

Ощущение в этих местах было странное. Не вполне *оцепенение,* скорее *сохранение* — попытка одолеть время. У Двера появилось необычное впечатление: словно части его плоти *моложе,* чем были раньше. Возможно, эти участки даже переживут его тело, когда все остальное умрет.

Но пока я еще не умер, Один-в-своем-роде, подумал он.

Умер мульк-паук. Теперь он никогда не закончит свою коллекцию.

Он вспомнил пламя и взрывы. *Надо убедиться,*

что с Рети и глейевером все в порядке.

– Вероятно, ты не побежишь и не приведешь моего брата? — спросил он у нура, который в ответ только посмотрел на него.

Со вздохом Двер набросил меха на плечи, потом осторожно встал на колени, преодолевая волны боли. Ларку не понравится, если он порвет эти аккуратные стежки, поэтому он двигался осторожно и вставал, держась рукой за стену. Когда головокружение прошло, он подошел к резному столу и взял свечу в глиняном подсвечнике. Теперь к двери — низкому широкому отверстию, прикрытому занавесом из висячих деревянных пластинок. Пришлось наклониться, проходя через дверь, рассчитанную на квуэнов.

Налево и направо уходил совершенно темный туннель. Двер выбрал левое направление, потому что здесь туннель шел слегка вверх. Конечно, синие квуэны строят свои подводные крепости по собственной логике. Двер мог заблудиться даже в знакомых коридорах плотины Доло, когда играл в прятки с друзьями по яслям.

Было болезненно и неловко идти так, чтобы вся тяжесть приходилась на пятки. Вскоре он пожалел о своем упрямстве, которое послало его в странствие, стащило с постели выздоравливаю-

щего. Но несколько дуров спустя упрямство было вознаграждено звуками тревожного разговора откуда-то спереди. Двое говорящих явно люди — мужчина и женщина, а третий — квуэн. Не Ларк и не Рети, хотя слышимые урывками голоса кажутся знакомыми. И *напряженными.* Охотничья чувствительность Двера к сильным чувствам теперь приносила ощущения не менее острые, чем боль обмороженных пальцев рук и ног.

— ...наши народы — прирожденные союзники. Всегда ими были. Вспомните, как наши предки помогли вашим свергнуть тиранию серых..

— Как мой народ пришел на помощь вашему, когда табуны уров преследовали людей повсюду за пределами крепости Библос? Когда наши крепости укрывали ваших преследуемых фермеров и их семьи, пока их число не выросло настолько, что они смогли сражаться?

Этот голос, доносящийся из двух или большего количества ножных щелей, как понял Двер, принадлежит квуэнской матроне. Вероятно, главе этой горной плотины. Ему не понравилось то, что он услышал. Задув свечу, он направился в сторону неяркого света, который шел из двери впереди.

— Вы об этом меня просите? — продолжала

матриарх, говоря различными щелями. Тембр ее англика изменился. — Если вам нужно убежище от этой ужасной бури, я и мои сестры предлагаем его. Пять пятерок человеческих поселенцев, наших соседей и друзей, могут привести своих детей и шимпов и других мелких животных. Я уверена, что остальные матери озер в этих холмах поступят так же. Мы будем защищать их здесь, пока ваши преступные братья не улетят или пока не разнесут этот дом в клочья своими могущественными силами, заставив воду озера кипеть от жара.

Эти слова были настолько неожиданны, настолько не имели контекста в затуманенном сознании Двера, что он не смог их понять.

Мужчина хмыкнул.

— А если мы просим большего?

— Ты хочешь сказать, что вы просите наших сыновей? Их мужества и острых клешней? Их бронированных панцирей, таких прочных и в то же время мягких, как сыр, под ударами буйурской стали? — Свистящие слова матери квуэнов напоминали шипение закипающего котла. Двер насчитал пять перекрывающих друг друга нот: одновременно работали все ножные щели.

— Это и есть больше, — продолжила она после

паузы. — Действительно, намного больше. И ножи из буйурской стали подобны плетям из мягкого бу по сравнению с тем новым, чего мы все боимся.

Двер остановился за углом, откуда ему были видны освещенные несколькими свечами лица говорящих. Он заслонил глаза, гладя на двух людей: смуглого мужчину со строгим лицом лет сорока с небольшим и коренастую женщину лет на десять моложе, со светлыми волосами, убранными с широкого лба и плотно связанными сзади. Квуэнская матрона слегка покачивалась, подняв две ноги и демонстрируя блеск когтей.

— Чего нового вы боитесь, достойная мать? — хрипло спросил Двер. Повернувшись к людям, он продолжал: — Где Ларк и Рети? — Он мигнул. — И еще… был глейвер.

— С ними все в порядке. Они все ушли на Поляну с жизненно важной информацией, — ответила со свистом матриарх-квуэн. — А ты, пока выздоравливаешь, окажешь честь нашему озеру как гость. Меня зовут Зубы-Острые-Как-Нож. — Она наклонила панцирь, оцарапав пол.

— Двер Кулхан, — ответил он, неловко пытаясь поклониться со скрещенными на груди руками.

— Как ты, Двер? — спросил мужчина, протяги-

вая руку. — Тебе не следовало вставать и ходить.

— Я бы сказала, что решать это самому капитану Кулхану, — заметила женщина. — Нам нужно многое обсудить, если он готов.

Двер уставился на них.

Дэйнел Озава и… Лена Стронг.

Ее он знает. В сущности они должны были встретиться на Собрании. Что-то имеющее отношение к глупой мысли о *туризме.*

Двер покачал головой. Она использовала слово, необычное и пугающее.

Капитан.

— Поднята милиция, — сообразил он наконец, сердясь на то, что слишком медленно соображает.

Дэйнел Озава кивнул. Как главный лесничий Центрального Хребта, номинально он был начальником Двера, хотя Двер встречался с ним только на собраниях. Озава был человек с поразительным интеллектом, представитель мудрецов, имеющий право принимать решения в вопросах закона и традиций. А что касается Лены Стронг, то у этой блондинки очень подходящая фамилия. Она была женой фермера, пока дерево не упало — случайно, как она утверждает, — на ее неумелого мужа, после чего она оставила свой дом и

стала главой лесорубов и пильщиков на реке.

— Тревога высшего уровня, — подтвердил Озава. — Призваны все отряды.

— Что… *все?* Чтобы поймать маленькое племя сунеров? Лена покачала головой.

— Семью девушки за Риммером? Нет, дело в гораздо большем.

— Тогда…

И туг Двер вспомнил. Смутные очертания парящего чудовища, изрыгающего струи пламени.

— Летающая машина.

— Верно, — кивнул Дэйнел. — Та, которую ты встретил…

— Позвольте догадаться. Какие-то горячие головы раскопали сокровищницу.

Мечтатели и бездельники всегда гонялись за слухами о сказочных сокровищах. Не за мусором, а за специально законсервированными сокровищами улетевших буйуров. Дверу часто приходилось возвращать искателей, которые заходили слишком далеко. Неужели какие-нибудь рассерженные молодые уры действительно нашли древнее оружие богов? И вначале захотели испытать его на двух одиноких людях, захваченных в паутину мульк-паука, прежде чем решать с его помощью другие древние споры?

Лена Стронг вслух рассмеялась.

— О, он чудо, Дэйнел! Какая теория! Если бы она была правильной!

Двер поднес руку к голове. Дрожь водяного колеса казалась напряженной и неровной.

— Ну? Так в чем же правда? — раздраженно спросил он и уставился на лицо Озавы. Тот ответил, кратко подняв глаза к небу.

— Не может быть, — прошептал Двер.

Он почувствовал странную отчужденность, отвлеченность.

— Тогда все кончено, и я лишился работы — так?

Двое людей подхватили его под руки, когда Двер понял, что лишился того, что заставило его прийти сюда, удерживало в сознании, — долга.

Галакты. Здесь, на Склоне, подумал он, когда его несли по коридору. *Он наконец настал. Судный день.*

Больше ничего нельзя сделать. Что бы он ни делал, все это безразлично.

Очевидно, мудрецы с этим не согласны. Они считают, что судьбу еще можно отвратить или по крайней мере смягчить.

Лестер Кембел и его помощники готовят планы, понял Двер на следующее утро, когда снова

встретился с двумя людьми, на этот раз на берегу горного озера, окруженного лесом. Даже на плотине росли деревья, смягчая ее грациозные очертания и помогая прочнее связать структуру с местностью. Лежа на элегантной деревянной скамье, Двер отпивал прохладный напиток из кубка урского стекла, глядя на двух послов, которые были направлены специально для встречи с ним.

Очевидно, руководители землян ведут сложную, многоуровневую игру, уравновешивая интересы отдельных рас с пользой для всей Общины. Грубоватую, с открытым лицом Лену Стронг, по-видимому, эта двусмысленность не смущала, в отличие от Дэйнела Озавы, который объяснял Дверу различное отношение рас к тому факту, что вторгшиеся чужаки — люди.

Хотел бы я, чтобы Ларк задержался. Он помог бы разобраться во всем этом. Даже после ночного сна Двер соображал туго.

— Я все же не понимаю, что делают авантюристы люди здесь, во Второй галактике? Мне казалось, земляне — грубые невежественные дикари даже в своей собственной малой части Четвертой галактики!

— Почему *мы* здесь, Двер? — ответил Озава. — Наши предки прилетели на Джиджо спустя

несколько десятилетий после открытия звездных перелетов.

Двер пожал плечами:

— Они были эгоистичными ублюдками, готовыми поставить под удар всю расу, лишь бы найти место для размножения.

Лена фыркнула, но Двер с задранным подбородком продолжал:

— Ничто другое не имеет смысла.

Наши предки были эгоцентричными мошенниками, сказал однажды Ларк.

— Ты не веришь рассказам о преследовании и бегстве? — спросила Лена. — О необходимости спрятаться или умереть? Двер пожал плечами.

– А как же г'кеки? — спросил Озава. — Их предки говорили о преследованиях. И теперь мы узнаем, что вся их раса была уничтожена союзом Наследников. Разве это не делает правдоподобным обвинение в геноциде?

Двер отвел взгляд… Никто из знакомых ему г'кеков не был убит. Должен ли он оплакивать миллионы, уничтоженные давным-давно?

— Зачем спрашивать меня? — раздраженно сказал он. — Разве то, что я скажу, что-то изменит?

— Может, и изменит. — Дэйнел наклонился вперед. — Твой брат очень умен, но он еретик.

Ты разделяешь его веру? Ты тоже думаешь, что этой планете будет лучше без нас? Мы должны умереть, Двер?

Двер видел, что его проверяют. Как опытный охотник, он очень ценен для милиции — если ему можно доверять. Двер ощущал на себе их взгляды, испытующие, взвешивающие.

Вне всякого сомнения, Ларк глубже и умнее любого человека, знакомого Дверу. Его аргументы кажутся разумными, когда он страстно говорит о ценностях, больших, чем простое животное размножение, и уж, во всяком случае, гораздо более разумными, чем оптимизм Сары, основанный на математике и на “что если”. Двер по собственному опыту знал, что такое исчезновение вида — утрата прекрасного, которое никогда не будет восстановлено.

Может, действительно, было бы лучше, если бы Джиджо в соответствии с первоначальным планом оставалась нетронутой.

Но Двер знал и самого себя. Когда-нибудь он женится, если найдет подходящего партнера, и у него будет столько детей, сколько позволят жена и мудрецы; он будет пить горячее вино их любви, которое они дадут в ответ на его преданность.

— Я буду сражаться, если вы об этом спрашива-

ете, — сказал он негромко, может быть, стыдясь это признавать. — Если это потребуется для того, чтобы выжить.

Лена коротко удовлетворенно кивнула. Дэйнел негромко вздохнул.

– Сражаться, может, и не потребуется. Твои обязанности в милиции будут выполнять другие. Двер сел.

— Из-за этого? — Он показал на свои перевязанные ноги и левую руку. Бинты с правой уже сняли. Средний палец уже не самый длинный — неприятная, но не калечащая ампутация, и рана быстро заживает под мазью треки.

— Я скоро выздоровею и буду готов.

— Я подхожу к этому, — кивнул Озава. — Нам ты нужен для выполнения трудного задания. И прежде чем я объясню, ты должен поклясться, что ни слова не скажешь ни одной живой душе, *особенно* твоему брату.

Двер смотрел на этого мужчину. Будь на его месте кто-то другой, он бы презрительно рассмеялся. Но он верил Озаве. И как ни любит Двер своего брата, как ни восхищается им, Ларк, несомненно, еретик.

— Это ради добра? — спросил он.

— Я в это верю, — искренне ответил старший.

Двер тяжело вздохнул.

— Хорошо. Послушаем, что вы имеете в виду.

Аскс

Чужаки потребовали, чтобы им показали шимпанзе, потом удивлялись тем, что мы привели, как будто никогда таких не видели.

Ваши шимпы не говорят! Но почему?

Лестер ответил, что не знает. Конечно, шимпанзе способны выучить язык жестов. Но разве у них появились новые способности после того, как корабль “Обитель” улетел на Джиджо?

Возражение Лестера не произвело впечатления на чужаков. И на представителей других Шести тоже. Впервые я/мы ощутил что-то скрытое, обманчивое в манерах моего/нашего коллеги человека. Он знает больше, чем говорит. Но наш упрямый реук отказывается открывать больше.

И это не единственная такая тревога. Квуэны отказываются говорить о своих лорниках. Наши братья г'кеки откатываются от новости, что они последние в своем роде. И все мы приходим в ужас при виде того, как роботы чужаков возвращаются на базу, нагруженные усыпленными *глейверами.* Они похищают их в далеких стадах

для анализа, проводимого в тех некогда веселых павильонах, которые мы предоставили гостям.

— Это и есть возвращение невинности, обещанное свитками? — спросила Ур-Джа, и сомнение, как пар, исходило из ее опущенного рыла. — Как может из преступления вырасти благословение?

Если бы только мы могли расспросить глейверов. Этого ли они хотели, когда избрали тропу Избавления?

Ларк

— Вы только посмотрите, кто это! Я удивлена, что тебе хватает смелости показываться здесь!

Улыбка женщины казалась одновременно лукавой и насмешливой. Линг сняла пластиковые перчатки и отвернулась от глейвера, лежащего на лабораторном столе с датчиками на черепе. В помещении было несколько столов на подмостках, за которыми при свете ярких ламп работали люди, г'кеки и уры. Они выполняли простые механические задания, которым их научили, помогая своим нанимателям исследовать образцы разнообразной экосистемы Джиджо.

Ларк оставил свой рюкзак у входа. Но теперь снова поднял его.

— Я уйду, если хочешь.

— Нет, нет. Останься. — Линг пригласила его пройти в лабораторию, которая была перемещена в тенистый лес в ту самую ночь, когда Ларк последний раз видел прекрасную женщину из отряда чужаков. Тогда же черная станция погрузилась под землю, подняв фонтан земли и сломанной растительности. Причина обоих этих действий была по-прежнему неясна, но старейшины считали, что это имеет отношение к насильственному уничтожению одного из роботов пришельцев. Это событие его брат должен был непосредственно наблюдать.

Затем свидетельство Рети, девушки из-за гор, подкрепленное ее сокровищем — необычной металлической машиной в форме джиджоанской птицы. Осталась ли эта машина от буйуров, как полагают некоторые? Если так, то почему такое небольшое устройство так встревожило могущественных пришельцев? Или это как кончик красного панциря квуэна, безобидный на первый взгляд, торчащий из песка, часть гораздо большего, чем кажется? Теперь птица лежит в пещере, безголовая и немая, но Рети клянется, что видела, как она движется.

Ларку было приказано вернуться на Поляну до

того, как брат сможет подтвердить этот рассказ. Он знал, что можно не беспокоиться. Озава достаточно подготовлен, чтобы ухаживать за ранами Двера. Тем не менее полученный приказ вызвал у него негодование.

— Я вам понадоблюсь для еще одной экспедиции? — спросил он у Линг.

— После того как ты меня бросил в прошлый раз? Мы нашли следы людей, когда добрались до места, где вышел из строя наш робот. Туда ты бросился? Странно, как ты нашел дорогу.

Он надел мешок на плечо.

— Что ж, если я тебе не нужен… Она провела рукой перед его лицом.

— Не важно. Пошли. Есть много работы, если хочешь участвовать.

Ларк с сомнением посмотрел на лабораторные столы. Здесь действовали все три расы из Шести на Джиджо, которые обладают хорошей координацией движений рук и зрения. Снаружи работали нанятые пришельцами хуны и квуэны: ведь простейшие безделушки чужаков означают для примитивных туземцев неслыханные сокровища. Только треки не встречаются вблизи пятнистых палаток, так как кольцеобразные заставляют чужаков нервничать.

Работа сипаев. Именно это презрительное выражение использовала Лена Стронг, когда сообщала Ларку новости и передавала приказ в плотине, где правит Зубы-Острые-Как-Нож. Старинное земное выражение, означающее работу аборигенов на могущественных посетителей, которые расплачиваются бусами.

— Ну, не надо так хмуриться. — Линг рассмеялась. — Тебя стоило бы заставить раскрашивать нервные ткани или чистить клетки длинномордых… Нет, подожди. — Она схватила Ларка за руку. Все следы насмешливости исчезли. — Прости. Я действительно хочу кое-что обсудить с тобой.

— Вон там Утен. — Ларк показал на дальний конец палатки, где его коллега биолог, рослый самец-квуэн с серым панцирем, разговаривал с Ранном, одним из двух мужчин-чужаков, высоким массивным человеком в облегающем мундире.

— Утен знает невероятные подробности о том, как различные виды реагируют друг на друга, — согласилась Линг, кивнув. — А это нелегко на планете, на которую много эпох подряд примерно каждые двадцать миллионов лет вторгались из космоса. Учитывая ваши ограничения, вы

достигли поразительных результатов.

А знает ли она, насколько на самом деле глубоко уходят их знания? Мудрецы не разрешили продемонстрировать его подробные схемы, а Утену приходится придерживать все свои пять ног, чтобы сотрудничать, оставаясь необходимым и в то же время не говоря ничего лишнего. Однако и такие проявления проницательности местных жителей производили на пришельцев большое впечатление. Но это лишь показывает, как мало они ожидали от аборигенов.

— Спасибо, — ответил Ларк. — Большое спасибо. Линг вздохнула и на мгновение отвела взгляд своих темных глаз.

— Черт побери, могу я сегодня сказать что-нибудь правильно? Я не хотела тебя оскорбить. Просто… послушай, а что, если мы попробуем начать сначала, ладно? — Она протянула руку.

Ларк смотрел на нее. Что теперь ему полагается делать?

Линг левой рукой взяла его правую. Затем сжала ее своей правой рукой.

— Это называется рукопожатие. Мы его используем для выражения уважения, дружеского приветствия и согласия.

Ларк помигал. Ее рукопожатие теплое, крепкое,

слегка влажное.

— О да… Я чи… слышал об этом.

Он попытался ответить на рукопожатие, но ощущение такое странное и слегка эротическое, поэтому Ларк выпустил руку быстрее, чем она ожидала. Лицо его бросило в жар.

— Это распространенный жест?

— Я слышала, что очень. На старой Земле.

Ты слышала? Ларк ухватился за эту беглую фразу и понял, что все начинается сначала — игра намеков и откровений, взаимные попытки угадать недосказанное.

— Теперь я понимаю, почему мы отказались от него здесь, на Джиджо, — заметил он. — Уры возненавидят это: для них руки гораздо более личное дело, чем гениталии. Хуны и квуэны способны раздавить руки, а мы раздавим щупальца г'кека, если попытаемся их пожать. — Пальцы его по-прежнему слегка покалывало. Приходилось сдерживаться, чтобы не посмотреть на них. Определенно пора сменить тему.

— Итак, — сказал Ларк, пытаясь сохранить деловой тон равного собеседника, — ты никогда не была на Земле? Одна приподнятая бровь. Затем Линг рассмеялась.

— О, я знала, что тебя не нанять за несколько

устаревших биологических игрушек. Успокойся, Ларк: тебе будут платить ответами — некоторыми — в конце каждого дня. После того как ты их заработаешь.

Ларк вздохнул, хотя на самом деле условия показались ему удовлетворительными.

— Хорошо. А теперь скажи, что ты хочешь знать.

Аскс

Ежедневно мы стараемся смягчить трение между нашими фракциями, между теми, кто настаивает на сотрудничестве с непрошеными гостями, и теми, кто считает необходимым уничтожить их. Даже мои/наши субличности не приходят к единому мнению на этот счет.

Заключить мир с преступниками или сражаться с непобедимыми.

Проклятие или уничтожение.

А гости по-прежнему расспрашивают нас о других посещениях! Видели ли мы в последнее время, как с неба спускаются чужаки? Есть ли города буйуров, о которых мы еще не рассказали? Места, где могут сохраниться древние приборы, неподвижные, но готовые к действиям?

Почему такая настойчивость? Они, конечно, могут видеть, что мы не лжем — что знаем только

то, что говорим.

Но правда ли это, мои кольца? Все ли Шесть в равной мере поделились с пришельцами, или кто-то удерживает важную информацию, которая необходима всем?

То, что мне приходят в голову такие мысли, еще раз показывает, насколько низко мы пали, мы, недостойные, презренные сунеры. Мы, которым предстоит упасть еще ниже.

Рети

В маленькой потрепанной палатке в глубине леса, на удалении от исследовательской станции, Рети бросилась на тростниковый матрац, колотя его обоими кулаками.

— Вонючки! Проклятые куски прогнившего мяса! Гниль, гниль, *гниль!*

У нее было достаточно причин, чтобы биться в гневе и жалости к себе самой. Этот лжец Двер рассказывал ей, что мудрецы добрые и умные. Но они оказались ужасными!

О, не с самого начала. Вначале ее надежды устремились ввысь, как гейзеры дома, в парящих Серых холмах. Лестер Кембел и другие казались такими добрыми, они успокаивали ее, смягча-

ли страх наказания за грех предков, которые ускользнули на восток в запретные горы. И еще перед тем как начать ее расспрашивать, прислали врачей, чтобы позаботиться о ее ушибах и ожогах. Рети и в голову не приходило бояться незнакомых треки и г'кеков, которые растворили прилипшую мульк-жидкость, потом с помощью пены уничтожили в волосах на голове паразитов, с которыми она прожила всю жизнь. Она даже простила их, когда они рассеяли ее надежды на уничтожение шрамов на лице. Очевидно, даже у жителей Склона есть свои пределы.

С того момента как они с Ларком появились на Поляне Собраний, все казались чрезвычайно возбужденными и отвлеченными. Вначале Рети думала, что это из-за нее, но скоро ей стало ясно что истинная причина — пришельцы с неба!

Не важно. Все равно она чувствовала себя так, словно вернулась домой. Словно ее приветствует семья, большая и добрая, а не та маленькая грязная шайка, с которой она прожила четырнадцать ужасных лет.

Так она чувствовала какое-то время.

До предательства.

До тех пор, пока мудрецы снова не пригласили ее в свой павильон и не объявили о своем

решении.

— Это все Двер виноват, — говорила она позже с горячим негодованием. — Он и его проклятый брат. Если бы я только успела незаметно перебраться через горы. В этой сумятице никто бы не обратил на меня внимание. — Рети не представляла себе, что сделала бы после этого. Старшие дома были скрытны в своих устных преданиях о Склоне. Может, она могла бы стать полезной в какой-нибудь далекой деревне как траппер. Не ради еды — здесь ее полно, — но ради мягких мехов. При их виде горожане не очень расспрашивают, откуда она пришла.

Дома в Серых Холмах такие мечты позволяли ей пережить еще один тяжелый день. И все же у нее, наверно, никогда не хватило бы смелости бежать от своего грязного клана, если бы не прекрасная птица.

И вот мудрецы отобрали ее!

— Мы благодарны тебе за то, что ты принесла это загадочное чудо, — сказал Лестер Кембел меньше часа назад. Крылатое создание лежало перед ним на столе. — Однако происходят ужасные события. Надеюсь, ты поймешь, Рети, почему тебе необходимо вернуться назад.

Назад? Вначале она не могла понять. И все га-

дала, пока он продолжал говорить.

Назад?

Назад к Джессу и Бому с их напыщенным самодовольством? К непрерывной ругани этих *больших, сильных охотников?* Они всегда хвастают у лагерного костра о своих ничтожных победах, и с каждым разом их подвиги все увеличиваются. К этим тупым ослам, которые заостренными на огне палками наказывают всех, кто пытается им возразить?

Назад к матерям, которые видят, как увядают и умирают их дети? Где это не имеет значения, потому что рождаются новые и новые дети, пока ты не высохнешь и не умрешь от старости еще до сорока лет. Назад к голоду и грязи?

Мудрец-человек продолжал бормотать слова и фразы, которые должны прозвучать утешительно, благородно и логично. Но Рети уже не слушала его.

Они хотят отослать ее назад к племени!

О, конечно, неплохо бы посмотреть на лицо Джесса, когда она появится в лагере, одетая и вооруженная всеми чудесами, которые могут предложить ей Шесть. Но что потом? Она снова будет обречена на эту ужасную жизнь.

Я не вернусь! Ни за что!

Рети решительно перевернулась, вытерла слезы и задумалась, что ей делать.

Она может попытаться убежать и укрыться где-нибудь. Ходят слухи, что не все в порядке в отношениях между Шестью. До сих пор она выполняла просьбу Кембела не рассказывать о своем происхождении. Но Рети подумала: может, какая-нибудь фракция уров или квуэнов *заплатит ей за информацию?* Или пригласит пожить у себя?

Говорят, уры иногда позволяют избранным людям садиться к себе на спину, если человек не тяжел и достоин такой чести.

Рети попыталась представить себе жизнь в скачущих галопом кланах, свободно перемещающихся по широким равнинам, когда ветер раздувает волосы.

Или жизнь у морских хунов? Есть острова, на которые еще не ступала ничья нога, и летающие рыбы, и ледяные плавучие горы. Что это было бы за приключение! А ведь есть еще треки, живущие в болотах…

Неожиданно ей в голову пришла новая мысль. Кажется, есть еще одна возможность. Настолько поразительная, что Рети лежала и молча думала о ней несколько дуров. Кулаки ее наконец

разжались. Она села, с растущим возбуждением думая о возможности, которая превосходит все ее предыдущие мечты.

И чем дольше она думала, тем более вероятным казалось ее предположение.

XI . КНИГА МОРЯ

Животные не думают о расе, клане, философии. Не думают и о красоте, этике или о создании того, что намного переживет их. Для животных имеет значение только данный момент. Все, что для них важно, это только они сами.

Супруги, потомки, братья и сестры, супруги по улью – все это позволяет продолжить себя. Даже в любящем животном альтруизм пустил глубокие корни, основанные на собственных интересах. Разумные существа не животные. Верность привязывает даже внутренне эгоистичных к более благородному и абстрактному, чем простое продолжение себя. К расе, клану, философии. К красоте, этике, к вложению в плоды, которые мы с вами никогда не пожнем.

Если вы ищете тропу, ведущую вниз, долгую дорогу избавления, если ищете второго шанса, исповедавшись в своих грехах и тревогах, ищите тропу возвращения к почве, к забвению расы, клана или

философии. Но берегитесь! Иначе дорога заведет вас слишком далеко. Сохраняйте веру в нечто большее, чем вы сами. Берегитесь одержимости самим собой. Для тех, кто вдохнул пустоту и звездную пыль, на этом пути лежит проклятие.

Свиток Избавления

Рассказ Олвина

Остальные спят. Уже поздно, но я хочу записать все это, потому что потом мы будем заняты и не знаю, когда у меня появится еще возможность.

Завтра мы спускаемся с горы, нагруженные всевозможными вещами, которые дала нам кузнец Уриэль, — отличных вещей так много, что наши прежние планы кажутся нам чрезвычайно глупыми.

Только подумать: мы собирались доверить свою жизнь тому хламу, который собрали!

Уриэль уже отправила посыльных нашим родителям, письма на тяжелой плотной бумаге запечатаны ее печатью мудреца Общины. Так что родители Гек или мои ничего не смогут возразить.

Да мне и не хочется встречаться с ними. Что я им скажу? *Эй, папа! Все будет как в "Двадцати тысячах лье под водой"! Помнишь, ты читал мне, когда я был маленьким?*

Теперь я вспоминаю, чем кончился рассказ о капитане Немо и его экипаже, и понимаю сожаления Йоуг-уэйуо о том, что я так подражал людям. Если отец начнет со мной спорить, я должен буду говорить с ним не на англике, чтобы показать, что рассматривал разные возможности. Это путешествие — не просто детская одержимость, а нечто очень важное для нашей деревни и для всей расы. Я и остальные — мы собираемся делать историю. Важно, чтобы в этом участвовал хун, чтобы он присутствовал при всем: от замысла к исполнению и к воспоминаниям.

Приняв решение, Уриэль немедленно начала действовать. В тот же вечер, когда был пленен Зиз, Клешня отправился с только что отпочковавшимся треки в свой родной улей, чтобы тот адаптировался к воде в бассейнах для головастиков к югу от Вуфона. Клешня также должен был, опираясь на полномочия Уриэль, нанять несколько своих краснопанцирных соплеменников, чтобы привезти деревянный корпус нашей лодки к месту встречи вблизи Трещины. Осталь-

ные прибудут туда в фургонах с имуществом.

Погружение через пять дней!

Очень важно правильно выбрать место. Есть только один пункт, в котором глубоководная впадина Помойки, подобно лезвию серпа, приближается к берегу. Где глубокий подводный каньон с неровными краями проходит совсем рядом с Окончательной скалой. Развернув на нависающем карнизе стрелу крана, мы могли бы обойтись даже без корабля.

Какое облегчение — принять наконец решение! Даже Гек признала, что кости брошены, и приняла судьбу пожатием двух своих глазных стебельков.

— По крайней мере мы там, где я всегда хотела оказаться. Когда закончим, Уриэль будет у нас в долгу. Она должна будет выписать нам разрешение на посещение буйурских мест.

Есть слово на англике — *цепкость*, которое на Галшесть я перевожу как упрямство. Это еще одна причина того, что человеческая речь лучше описывает мою приятельницу Гек.

Все мы, даже Ур-ронн, немного удивлены тем, как неожиданно Уриэль предложила все свои ресурсы для нашего “маленького приключения”. В свой последний вечер на горе Гуэнн мы говорили

об этом внезапном великодушии кузнеца, после того как целый день упаковывали вещи в ящики, просматривали длинные списки и ждали, пока мастерская не затихнет на ночь.

— Наверно, это связано с пришельцами со звезд, — сказала Ур-ронн, поднимая голову со своего соломенного матраца.

Гек повернула к ней два стебелька, продолжая одним читать потрепанный экземпляр “Замка лорда Валентайна”.

— Опять? Какое отношение может иметь наше маленькое погружение к приходу на Джиджо галактического крейсера? Неужели у Уриэль нет более важных проблем?

— Но Гивц неделю назад сказал…

— Почему не признать, что ты неправильно поняла слова Гибца? Мы сегодня снова спрашивали, и треки не помнит, чтобы видел космический корабль.

– Не этот треки, — поправил я. — До влена у нас не было возможности расспросить Гибца. А сказал, что не помнит, *Тиуг.*

– Тиуг, Гибц. Разница не может быть такой уж большой. Даже после влена треки не может забыть подобное!

Я был в этом не так уверен. Я слышал, что вос-

ковые кристаллы памяти треки очень капризны.

Но, с другой стороны, когда речь идет о треки, я вообще ни в чем не уверен.

Конечно, была единственная личность, у которой можно было бы спросить об этом, но я подозреваю, что, если бы посреди всех этих приготовлений, распределения припасов, проверки планов мы задали этот вопрос Уриэль, свирепая старая хозяйка кузницы прогнала бы нас. Или лучше назвать ее устрашающей? Не очень уверен, потому что пишу при свете свечи и не могу воспользоваться своим словарем. Все предыдущие дни Уриэль отрывалась от своих обычных обязанностей, разговоров с почетным гостем-человеком, присмотра за своим драгоценным залом с вращающимися дисками, чтобы обрушить на нас поразительное количество деталей и подробностей, о которых мы и не думали, когда долгие месяцы планировали свою подводную экспедицию, — причем никто из нас не надеялся, что она осуществится в реальности. В этой спешке, казалось, нет времени ни на что другое. Или Уриэль ясно давала понять, что некоторые вещи совершенно не наше дело.

Однажды я попытался спросить ее обо всех изменениях, которые она внесла в наш план.

— Мы всегда считали, что начнем исследования с отмели у нашего дома. Потом все перестроим и укрепим, прежде чем начать более глубокие погружения с корабля. Может, опустимся на десять или двадцать кордов. А вы говорите о тридцати — причем с самого начала!

— Тридцать кордов — не так уж много, — с фырканьем ответила Уриэль. — О, я согласна, что ваши старые циркуляторы воздуха для этого не приспособлены. Поэтому я и заменила вашу систему на лучшую, какая только оказалась под рукой. И ваши прокладки протекли вы. А что касается вашего корпуса, то он выдержит.

Но я продолжал гадать, откуда все это оборудование. Например, мы не подумали о том, что понадобится регулятор давления газа. Хорошо, что Уриэль указала на нашу ошибку и у нее нашелся прекрасный регулятор ручной работы. Но *почему* он у нее оказался? Зачем руководительнице кузницы в вулкане подобный прибор?

Гек признавала, что поддержка Уриэль значительно увеличила наши шансы. Но я тревожился. Все предприятие окружала дымка какой-то тайны.

— Все станет ясно, когда вы доберетесь до Скалы и все будет готово. Я сама проверю все оборудо-

вание и тогда объясню, что вы можете сделать для меня.

Если не считать редких, на один день, поездок в Вуфон, Уриэль никогда не оставляла свой горн. Теперь она хочет уехать на *две недели*, чтобы принять участие в нашем приключении? Никогда в жизни ни одна новость не поражала меня так, как эта, одновременно внушив уверенность и испугав. Вероятно, мой тезка чувствовал то же самое, когда бродил по глубоким катакомбам под Диаспаром и нашел нечто невообразимое — загадочный туннель, ведущий к далекому Лису.

И вот мы: Гек, Ур-ронн и я — все собрали и готовы выступить утром, чтобы начать путешествие, которое либо прославит нас, либо убьет. Однако перед этим было еще одно дело, которым нам следовало заняться. Мы подождали, пока ночь не окутала гору Гуэнн, когда солнечные лучи не заполняли сотни искусно сооруженных окон в потолке и больше ничего не соперничало со свечением лавовых озер и горнов. Фабрики по переработке руды и плавильные печи стихли, рабочие сложили свои инструменты. Вскоре после ужина семь раз ударили в гонг, призывая рабочих-уров совершить ритуальную очистку перед сном.

Ур– ронн не хотелось идти в такой час -а какому уру это захочется? — но она знала, что другой возможности у нас не будет. И вот мы цепочкой двинулись из комнаты на складе, куда нас поместила Урдоннел, осторожно пробираясь между лампами. Впереди шла Гек; вытянув вперед два глазных стебелька, она быстро ехала по каменной рампе. Каждый раз когда она проходила под окнами в потолке, ее обращенные назад глаза сверкали, отражая звездный свет.

— Быстрей, засони! Вы джикии так медлительны! Ур-ронн проворчала:

— А кто нес ее три дня по скалам, когда мы исследовали Йотирские пещеры? У меня до сих пор на боках шрамы от ее осей.

Преувеличение. Я знаю, какая прочная у уров кожа. Тем не менее у Гек действительно есть привычка вспоминать только то, что ей удобно.

На перекрестках ей приходилось останавливаться и, раздраженно пыхтя, ждать, пока Ур-ронн не покажет направление. Вскоре мы миновали лабиринт подземных туннелей и двинулись тропой из утоптанной пемзы по скалистому плато, которое ночью казалось еще более чуждым, не джиджоанским, чем днем. В сущности, мы пересекали местность, очень похо-

жую на поверхность спутника Земли, которую я видел на фотографиях.

Кстати о спутниках. Знакомый красноватый полумесяц самого большого спутника Джиджо великого Лусена висел низко на западе; большая часть диска сейчас не видна, и солнечные лучи не отражаются от холодных мертвых городов, которые буйуры оставили нетронутыми, словно насмехаясь над нами.

Звезды сверкали над головой как… ну, написав это, я порылся в памяти в поисках какого-нибудь сравнения, которые вычитал в книгах, но земные авторы никогда не видели ничего похожего за скопление Одуванчика: огромный шар из сверкающих точек, занимающий почти четверть неба вплоть до южного горизонта. Я знаю, что они этого не видели, потому что если бы увидели, то попытались бы описать миллионами разных способов. Гости из густонаселенных северных районов склона всегда поражаются, когда видят это великолепие, и я думаю, что Одуванчик — одно из немногих преимуществ жизни в этой южной окраине.

И это одна из главных причин того, почему предшественницы Уриэль установили здесь телескоп и защитили его куполом от дождя и пепла

частых мини-извержений старой Гуэнн.

Ур–ронн говорит, что только в этом месте обсерватория попадает под ветер с моря и поэтому тепловые потоки не мешают смотреть. Вероятно, на Склоне есть места, гораздо лучше приспособленные для занятий астрономией. Но у этого места есть одно преимущество: здесь живет Уриэль. А у кого еще найдется столько времени, богатства и влияния, чтобы заниматься таким хобби? Ни у кого, кроме, разве что, ученых из Библоса.

Тяжелое сооружение из шлака словно вырастало на фоне ослепительного звездного скопления, напоминая мне морду глейвера, отхватившую большой кусок пирога. От этого зрелища у меня зачесались боковые пластинки. Конечно, на такой высоте, да еще под безоблачным небом, воздух очень холодный.

Свистнув в отчаянии, Ур-ронн неожиданно остановилась, подняв облако пыли, едва не заставив Гек натолкнуться на меня. Гек вращала стебельками, глядя одновременно во всех направлениях. Маленькая Хуфу отозвалась, вцепившись когтями мне в плечо, готовая спрыгнуть и покинуть нас при первых признаках опасности.

— В чем дело? — прошептал я.

Крыша открыта, объяснила Ур-ронн, переходя на Галдва и одновременно принюхиваясь. *Я чувствую запах ртутных паров: вероятно, кто-то работает на телескопе. Теперь мы должны (быстро) вернуться в свои постели, чтобы не вызвать подозрений.*

– Иди к дьяволу! — выругалась Гек. — Я не собираюсь возвращаться.

Они смотрели на меня, в ожидании решающего голоса. Я в человеческом стиле пожал плечами.

— Мы уже здесь. Можно попытаться взглянуть. Ур-ронн спиралью свернула шею. Фыркнула.

В таком случае держитесь за мной. И в тщетной надежде на удачу Ифни, не шумите!

И вот мы приблизились к куполу и увидели, что крыша действительно открыта и в щели на фоне сверкающего неба видны какие-то темные очертания. Тропа кончилась у двери на уровне земли. Дверь полуоткрыта, и за ней темно. Хуфу дрожала у меня на плече — от нетерпения или тревоги. Я уже пожалел, что взял ее с собой.

Были видны смутные очертания Ур-ронн, которая, прижавшись к стене, просунула внутрь голову.

— Из всех сверхджикии вещей ничто не превзойдет этот ее ночной поход, — ворчала Гек. —

Ур ночью видит не лучше, чем глейвер днем. Я должна была идти впереди.

Да, подумал я. *Как будто сама Гек создана для того, чтобы тайно подкрадываться.* Но я молчал, только негромким ворчанием не разрешал Хуфу спрыгнуть.

Нервно помахивая заплетенным хвостом, Ур-ронн глубже просунула голову — за нею последовало ее длинное тело, легко протиснувшись в дверь. Сразу за ней шла Гек, все ее глазные стебельки были подняты и дрожали. Я шел последним и все время поворачивался, чтобы проверить, не идет ли кто за нами, хотя, конечно, трудно себе представить, что кому-то это захочется делать.

Главный зал обсерватории казался пустым. Слабо блестел в звездном свете большой телескоп. На столе затененная лампа бросала красный, через фильтр, свет на звездную карту, прикрепленную к пюпитру, и на блокнот, исчерканный, должно быть, математическими символами: множество цифр и какие-то знаки, которые не входят ни в какой алфавит… хотя теперь, думая о них, я вспоминаю, что мистер Хайнц показывал нам некоторые из них, надеясь вызвать интерес класса.

Слушайте и смотрите, сказал Ур-ронн. *Мотор, предназначенный для слежения за объектами и компенсации вращения Джиджо, все еще работает.*

И действительно, от корпуса телескопа исходило низкое, похожее на хунское, ворчание, и я чувствовал запах испарений маленького клеточного мотора. Еще одна расточительность, почти неслыханная по всему Склону, но разрешенная здесь, потому что гора Гуэнн — святое место, способное очиститься от всех игрушек, обманов и необоснованного тщеславия. Если не завтра, то через несколько сотен лет — несомненно.

— Это значит, что телескоп все еще направлен туда, куда они смотрели перед уходом! — быстро среагировала Гек.

А кто говорит, что "они" ушли? собирался я спросить. Повернувшись, я заметил очертания закрытой двери. Сквозь щели пробивался слабый свет. Но Гек поторопила меня.

— Олвин, подсади, чтобы я смогла посмотреть.

— Хр-р-рм? Но…

— Олвин! — По моей ноге проехалось колесо, предупреждая, что нужно делать то, что сказано.

— Что? Подсадить? — Я не видел ни рампы, ни другой возможности для Гек приблизиться

к окуляру кроме стула рядом со столом. Тем не менее лучше все-таки послушаться, как можно быстрей и беззвучней, а не начинать спор.

— Хрррм… Ну, хорошо. Но тише, ладно?

Я встал за Гек, присел и просунул обе руки под ее осевую раму. Напрягся и поднял ее так, что один ее глазной стебелек оказался на уровне окуляра.

— Стой спокойно! — просвистела она.

— Я… хрр-ррм… пытаюсь…

Я позволил костям рук слегка переместиться, так что локтевые кости сомкнулись — мне говорили, что люди и уры завидуют этой нашей способности, потому что даже самые сильные люди, поднимая тяжесть, делают это исключительно с помощью мышц. Но даже и так Гек весит немало, и держать ее означало стоять согнувшись, полуприсев. Когда я хмыкнул, она повернула глазной стебелек, чтобы посмотреть вниз, и едва не задела мне лицо, как будто я нарочно раздражаю ее.

— Стой на месте, ты, необразованный хун!… Отлично, теперь я могу видеть… очень много звезд… и еще звезды… Эй, да здесь нет ничего, кроме звезд!

— Гек, — проворчал я, — разве я не просил тебя

не шуметь?

Ур– ронн со свистом вздохнула.

— Конечно, там только звезды, ты, пахнущая хуном г'кек! Неужели ты думала, что через этот маленький телескоп сможешь рассмотреть иллюминаторы космического корабля? На такой высоте корабль будет мерцать, как и все другие источники.

На меня это произвело впечатление. Мы знали, что Ур-ронн в нашей шайке лучший механик, но кто мог подумать, что она и в астрономии разбирается?

— Дай-ка мне взглянуть. Если возможно, я скажу, какая звезда не звезда. Ее позиция будет меняться относительно других звезд.

Гек гневно вертела колесами в воздухе, но не могла не признать разумности просьбы Ур-ронн. Я с облегчением и хрустом хрящей распрямился, когда она с недовольным ворчанием скатилась с меня. Ур-ронн пришлось встать передними копытами на стул, чтобы приподняться и приникнуть к окуляру.

Несколько мгновений наша урская приятельница молчала, потом раздраженно сказала:

— Это действительно только звезды, насколько я могу судить. Но я завыла: звездный корабль

за несколько дуров все равно выйдет из поля зрения, даже если включен следящий механизм.

— Что, тогда все, — сказал я, испытывая лишь легкое разочарование. — Нам лучше вернуться побыстрей…

И тут я заметил, что Гек исчезла. Повернувшись, я наконец увидел ее. Она двигалась прямо к двери, которую я заметил раньше!

— Помните, о чем мы говорили? — крикнула она нам, приближаясь к полуосвещенному треугольнику. — Настоящие доказательства должны быть на фотографических пластинках, о которых говорил Гивц. Ведь мы пришли посмотреть на них! Идемте!

Признаюсь: я смотрел, как выброшенная на берег рыба, мой горловой мешок бесполезно раздувался, а Хуфу впилась когтями мне в череп, готовясь спрыгнуть. Ур-ронн бросилась вслед за Гек, отчаянно попытавшись схватить ее за спицы, прежде чем она доберется до двери…

…которая в то же мгновение распахнулась, и на фоне ослепительного света показался человеческий силуэт. Низкорослый узкоплечий мужчина с волосами дыбом; эти волосы словно светились в блеске нескольких ламп, горевших за ним. Мигая и заслоняя глаза рукой, я смутно

различил в комнате за дверью несколько пюпитров с картами, математическими таблицами и стеклянными пластинками. На многочисленных полках, покрывающих все стены небольшой комнаты, лежало еще много таких пластинок.

Гек затормозила так стремительно, что ее оси нагрелись. Ур-ронн едва не столкнулась с нею, торопливо остановившись. Мы все застыли, пойманные на месте преступления.

Нетрудно было догадаться, кто этот человек, поскольку только один представитель этой расы постоянно живет на горе. Единственный и широко известный мудрец, чей интеллект кажется мощным даже для землянина и постигает тайны, ведомые только нашим предкам. По уму он превосходит даже Уриэль, которая преклоняется перед ним.

Кузнецу с горы Гуэнн не понравится, что мы мешаем ее почетному гостю.

Мудрец Пурофски долго всматривался в темноту за дверью, потом указал на нас рукой.

— Это вы! — странно отвлеченным голосом произнес он. — Вы меня удивили.

Первой пришла в себя Гек.

— Простите., ммм… мастер. Мы только…

Прервав ее без следа раздражения, человек

продолжал:

— Это даже хорошо. Я собирался позвать кого-нибудь. Не отнесете ли Уриэль эти мои заметки?

Он протянул стопку листов, которые Гек взяла дрожащей рукой-щупальцем. Ее полувтянутые глаза удивленно мигали.

— Хорошие ребята, — с отсутствующим видом сказал ученый и повернулся, собираясь снова скрыться в комнате. Но неожиданно мудрец Пурофски остановился и опять повернулся к нам.

— О, и скажите, пожалуйста, Уриэль, что теперь я в этом уверен. Оба корабля исчезли. Не знаю, что случилось с большим, первым, поскольку его обнаружили лишь благодаря случаю на пластинках, снятых раньше. Тогда никто не догадался посмотреть. Орбиту рассчитать невозможно. Могу только высказать предположение, что он приземлился. Но даже самые приблизительные расчеты, основанные на последних наблюдениях, свидетельствуют, что второй корабль сходил с орбиты, сбрасывал скорость и по спирали снижался к Джиджо. Если не было дополнительных отклонений и поправок, он приземлился несколько дней назад к северу отсюда, прямо в Риммере.

Улыбка его была печальной и ироничной.

— Иными словами, предупреждение, которое

мы отправили на Поляну, запоздало. — Пурофски устало потер глаза и вздохнул. — Наши коллеги на собрании, вероятно, больше нас знают о происходящем.

Клянусь, в голосе его звучала не тревога, а разочарование из-за прибытия на Джиджо того, чего изгнанники боялись все две тысячи лет.

Мы все, даже Хуфу, долго смотрели на него, даже после того, как он еще раз поблагодарил нас, повернулся и закрыл за собой дверь, оставив нас в обществе миллионов звезд, которые, словно зерна пыльцы, рассыпанные по поверхности океана, светили у нас над головой. Море тьмы неожиданно показалось пугающе близким.

XII. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Есть слово, которое нас просят не употреблять слишком часто. И когда мы его произносим, говорить шепотом.

Просят нас об этом треки — просят сделать это из вежливости, уважения и суеверия.

Это слово – название — состоит оно из двух слогов, и треки боятся снова его услышать.

Так они когда-то называли себя.

Предположительно, это название по-прежнему используется их сородичами на звездных маршрутах Пяти Галактик.

Сородичами могучими, приводящими в ужас, решительными, безжалостными и целеустремленными.

Как не похожа наша раса кольчатых на описание тех, кто по-прежнему, подобно богам, правит космосом. На джофуров.

Некоторые расы, прилетевшие на Джиджо в крадущихся кораблях, были, подобно квуэнам и людям, почти неизвестны в Пяти Галактиках. Другие, как г'кеки и глейверы, обладали некоторой

известностью благодаря своим особым способностям. Хуны и уры были известны всем, так что даже земляне узнали их перед приземлением и встревожились.

Но говорят, все дышащие кислородом звездные кланы узнают груды колец, нагроможденные друг на друга, зловещие и могущественные.

Когда прилетел крадущийся корабль треки, г'кеки бросили на него один взгляд и на несколько поколений ушли в укрытие, прячась в ужасе, пока наконец не поняли, что это другие кольца.

Когда их увидели поселенцы-квуэны, они едва не улетели снова, не разгружаясь и даже не приземляясь.

Как могли наши любимые друзья пережить такую репутацию? Почему они так отличаются от тех, кто по-прежнему летает в космосе под этим страшным названием?

Размышления о Шести. Овум Пресс, 1915 год изгнания

Аскс

Либо чужаки стараются сбить нас с толку, либо в них есть что-то необычное.

Вначале их сила и знания казались нам такими,

какими и должны быть: настолько превосходящими наши, что мы по сравнению с ними невежественные животные. Неужели мы решимся сопоставлять нашу ничтожную мудрость, нашу простую жизнь с их величественными, сложнейшими машинами, их лечебным искусством и особенно с их поразительно проницательными вопросами об особенностях жизни на Джиджо? Их эрудиция свидетельствовала, что в их распоряжении огромные знания, несомненно, почерпнутые из последнего исследования этого мира, проделанного миллион лет назад. И все же…

Они как будто ничего не знают о лорниках и зукирах.

Они не могут скрыть своего возбуждения, когда работают с глейверами, как будто совершили великое открытие.

Они отпускают удивленные и нелепые замечания относительно шимпанзе.

А теперь они хотят все знать о мульк-пауках, задают наивные вопросы, на которые может ответить даже такой неспециалист, как эта груда колец. Даже если бы все мои разумные кольца подверглись плену и ушли, оставив только инстинкт, память и движения.

На носу большого корабля, который оставил здесь станцию, не было знака Великой Библиотеки. Мы посчитали его отсутствие простым свидетельством преступности. Отрицательным символом, обозначающим нечто вроде стыда украдкой.

Но, может быть, это нечто большее? Гораздо большее?

Сара

От мастерской Энгрил на канале Пиммин очень близко до больницы, куда вчера Пзора поместил Незнакомца. Энгрил согласилась встретиться там с Сарой и портретистом Блумом. Времени оставалось мало. Может, идея Сары глупа или непрактична, но лучшей возможности изложить ее не будет и не будет лучшего слушателя, чем Ариана Фу.

Нужно принимать решение. И пока предзнаменования нехорошие.

Посланники деревни Доло собрались накануне вечером в таверне вблизи урского квартала, чтобы обсудить, что каждый из них узнал с тех пор, как причалил *Хауф-вуа.* Сара показала экземпляр доклада мудрецов, только что напечатанный в

мастерской Энгрил, думая поразить остальных. Но к вечеру Пзора уже почти все знал.

– Я вижу три возможности, — сказал мрачный фермер Джоп, держа в руках кружку кислой пахты. — Первая: вся эта история — проклятая Яйцом ложь. На самом деле корабль из больших Институтов, и нас будут судить, как и предсказано в Свитках, но мудрецы распространяют сказки о бандитах, чтобы, оправдать созыв милиции и подготовку к сопротивлению.

— Но это нелепо! — возразила Сара.

— Правда? Тогда почему собраны все отряды? В каждой деревне тренируются люди. Во всех направлениях скачут кавалеристы-уры, а хуны смазывают свои старые катапульты, как будто можно камнями подбить звездный корабль. — Он покачал головой. — Что, если мудрецам пришла в голову мысль сопротивляться? Не в первый раз лидеры сходят с ума при приближении конца своей ничтожной власти.

— Но как же эти рисунки? спросила скрайвен-танцовщица Фалькун. Г'кек коснулась одной из репродукций, на которой изображены два человека в цельных костюмах, высокомерно глядящие на зрелище, новое и одновременно такое жалкое для них.

Джоп пожал плечами:

— Самый нелепый рисунок. Что могут здесь делать люди? Когда наши предки покидали Землю в устаревшем третьесортном корыте, ни один человек не понимал принципа его работы. Те, что остались дома, и за десять тысяч лет не могли бы догнать галактические стандарты.

Сара видела, как Блейд и капитан-хун удивленно переглянулись. То, что сказал Джоп о человеческой технологии времен изгнания, не тайна, но им трудно себе это представить. На Джиджо земляне — это инженеры, которые обычно знают ответы на вопросы.

— И кому понадобилось разыгрывать такой обман? — спросила Ульгор, опуская коническую голову. В позе тела ура Сара видела напряжение. *Ого,* подумала она.

Джоп улыбнулся.

— Какой-нибудь группе, которая увидела среди этого смятения возможность опозорить нашу честь и отомстить перед Судным днем.

Человек и ур смотрели друг на друга, оскалив зубы — что можно было принять и за улыбку, и за вызов. И Сара на этот раз благословила болезнь, которая заставила почти все реуки свернуться и впасть в спячку. Симбионты не допустили бы

никакой двусмысленности при переводе того, что испытывали Джоп и Ульгор.

И в этот момент между двумя протянулась струйка желтоватого пара — и запахло липкой сладостью. Джоп и Ульгор одновременно отпрянули от этого запаха в противоположных направлениях, прикрывая носы.

— Уууупс, выражаю сожаление от моего/нашего имени. Пищеварительный тор этой груды все еще обрабатывает богатую пищу, которую нам предлагали на борту хунского корабля.

Капитан *Хауф-вуа* невозмутимо сказал:

— Очень любезно с твоей стороны, Пзора. А что касается обсуждаемого вопроса, мы должны решить, какой совет отправить в Доло и в поселения в верховьях Рони. Поэтому позвольте мне спросить Джопа… *Хрррм* — что если мы рассмотрим более простую теорию: что это не обман со стороны достопочтенных мудрецов, *хрр?*

Джоп с кашлем продолжал махать рукой перед носом.

— Это приводит нас к возможности номер два — что мы подвергаемся испытанию. День наконец пришел, но благородные галакты еще не решили, что с нами делать. Может быть, великие Институты наняли людей-актеров, чтобы они

сыграли свои роли, предоставив нам шанс склонить чашу весов в одну сторону — с помощью правильных действий, или в другую, если мы выберем неверно. А что касается совета, который мы пошлем вверх по реке, я предлагаю сообщить, что следует заняться уничтожением в соответствии в древним планом.

Блейд, молодой делегат-квуэн, откинулся назад на трех ногах, приподнял свой синий панцирь, запинаясь и свистя, так что его попытка говорить на англике закончилась неудачей. Он переключился на Галактический Два.

Безумие ты демонстрируешь! Это сумасшествие, то, что ты говоришь! Наша могучая плотина (великолепная на взгляд и на запах) должна исчезнуть? Зачем, если наше (незаконное) пребывание на Джиджо уже известно? Джоп объяснил:

— Действительно, мы не можем скрыть свою преступную колонизацию. Но мы можем начать процесс уничтожения следов своей деятельности с этого изуродованного мира. Показав свои добрые намерения, мы можем заслужить снисхождение.

Чего мы не должны делать — и боюсь, что в этом отношении наши мудрецы обмануты, —

это предлагать любое сотрудничество людям, которые делают вид, что они генные грабители. Никаких подачек или услуг, поскольку это — тоже часть испытания.

Ульгор с сомнением фыркнула.

— А третья возможность? Что, если они на самом деле преступники?

Джоп пожал плечами:

— Остается справедливым тот же ответ. Пассивное сопротивление. Слиться с местностью. Снести наши города…

— Сжечь библиотеки, — вмешалась Сара, и Джоп, посмотрев в ее сторону, коротко кивнул.

— Это прежде всего. В них корень обмана. Наши нелепые претензии на цивилизованный статус. — Он повел рукой, указывая на старое буйурское помещение, преобразованное в таверну, на закопченные стены, украшенные копьями, щитами и другими сувенирами кровавой осады города Тарек. — Цивилизованный! — Джоп снова рассмеялся. — Мы подобны попугаям-тикам, повторяем стихи, которых не понимаем, жалко подражаем обычаям могучих. Если действительно прилетели пираты, такое тщеславие лишь уменьшит нашу возможность закопаться. Наш единственный шанс на выживание — слиться с

животным миром Джиджо. Стать невинными, как глейверы в их блаженном спасении. Мы бы уже достигли такого блаженного состояния, если бы люди не испортили природу своей так называемой Великой Печатью.

Так что, как видите, это не имеет значения, — закончил он, снова пожимая плечами. — Пришельцы могут оказаться благородными советниками Великого Института Миграции или самыми грязными преступниками космоса. В любом случае для нас наступил день суда. Наше единственное возможное решение одно и то же.

Удивленно качая головой, Сара заметила:

— Ты начинаешь говорить как Ларк.

Но Джоп не видел в этом ничего ироничного. С тех пор как оглушительный, ужасающий призрак потряс древесные фермы, оставляя в обожженном небе шумный горячий след, фермер с каждым днем становился все большим радикалом.

— Плохо дело, — сказал Блейд Саре позже в тот же вечер, когда Джоп отправился на встречу со своими друзьями и единоверцами. — Он кажется уверенным в своих рассуждениях и добродетели — как серая королева, убежденная в своей праведности.

— Самодовольство и лицемерие — чума, кото-

рая поражает все расы, кроме треки, — ответила Фалькун, наклоняя два стебелька в сторону Пзоры. — Ваш народ счастлив, потому что избавлен от проклятия эгоизма.

Аптекарь из деревни Доло испустил негромкий вздох.

— Я/мы советую не делать поспешных заключений, дорогой друг. Сказано, что некогда мы тоже обладали такой способностью, партнером которой является дар/проклятие тщеславия. Исключить эту способность из нашей природы означало отказаться от величайшего сокровища, от наших лучших колец. Сделать это было нелегко.

То, чего мы/я больше всего боимся при восстановлении контакта с галактами, вам, народам и существам, не понять: мы боимся поддаться искушению.

Мы боимся предложения снова стать цельными.

Клиника — это царство колес. Повсюду врачи-г'кеки и пациенты в креслах на колесах. Многие аптекари-треки пользуются фургонами-скутерами и передвигаются в них быстрее, чем если бы просто шли. Неудивительно, что ровная городская планировка больше всего подходит этим

двум из Шести.

Палата Незнакомца на пятом этаже и выходит на слияние рек Руни и Бибур. В окно видны оба паровых парома, причаленных в гавани под маскировочным навесом. Теперь они действуют только по ночам, потому что особо бдительные угрожали сжечь их, если они покажутся днем. А сегодня утром пришло подтверждение с Поляны. Высокие мудрецы также хотят, чтобы признаки высокой технологии без необходимости не обнаруживались Шестью. *Ничего не уничтожайте. Все прячьте.*

Это лишь усилило смятение среди простого народа. Пришел Судный день или нет? Во всех частях города слышны были шумные споры. *Нам нужно, чтобы нас объединила какая-нибудь цель,* думала Сара, *иначе мы начнем распадаться: отдельно кожа и шкура, панцирь и спицы.*

Служитель-треки провел Сару к отдельной палате, отведенной для Незнакомца. Смуглый мужчина посмотрел на вошедшую Сару и улыбнулся: он явно радовался ее появлению. Отложил карандаш и блокнот, в котором Сара увидела изображение того, что находится за окном: один из паромов под маскировочной сеткой. К стене был прикреплен другой рисунок. На нем был

изображен концерт на корме *Хауф-вуа* — приятная интерлюдия в мире, охваченном кризисом.

— Спасибо, что пришла, — сказала пожилая, болезненного вида женщина, сидевшая рядом с постелью Незнакомца и поразительно напоминавшая г'кека: цветом одежды, поразительно голубыми глазами и тем, как кресло на колесиках вмещает ее прикрытое одеялом тело. — Мы прогрессируем, но кое-что я хотела проверить только после твоего появления.

Сара по-прежнему удивлялась, почему именно Ариана Фу заинтересовалась раненым. Теперь, когда Лестер Кембел и другие мудрецы далеко, она — самый высокопоставленный человек-ученый в Библосе. Можно было подумать, что у нее сейчас окажется немало более важных дел, чем интересоваться происхождением Незнакомца.

Вкатился врач-г'кек, говорил он мягко, с культурным акцентом.

— Пожалуйста, Сара, прежде всего расскажи нам все, что помнишь о внешности Незнакомца в тот день, когда ты вытащила его, обгоревшего и оборванного, из болота.

Сара молча покачала головой.

— Из его одежды ничего не сохранилось?

— Было несколько обрывков, в основном обго-

ревших. Мы выбросили их, когда обрабатывали ожоги.

— Обрывки отправились в бочку для мусора? — оживленно спросил врач. — Одну из тех бочек, что привез *Хауф-воа?*

– Никаких украшений или значков не было, если вас это интересует. Обрывки отправились на переработку, как всякие тряпки. Прямиком в измельчающую машину в мастерской отца. А они помогли бы?

— Может быть, — ответила пожилая женщина. Она была явно разочарована. — Мы стараемся рассмотреть все возможности.

Незнакомец сложил руки на колени, он переводил взгляд с одного на другого, словно очарованный не смыслом слов, а их звучанием.

— Вы можете… — Сара глотнула, — можете что-нибудь для него сделать?

— Это зависит от многого, — ответил врач. — Ожоги и контузии хорошо заживают. Но наши лучшие мази бессильны против структурных повреждений. Наш загадочный гость утратил часть лобной доли головного мозга — в левом полушарии. Ее словно вырвал какой-то свирепый хищник. Я уверен, ты знаешь, что именно в этой части у вас, людей, расположен центр речи.

— А есть ли возможность?…

— Восстановления утраченного? — Жест сомнения г'ке-ков — переплетение двух глазных стебельков — никогда не становился модным у других рас. — У очень молодого человека или женщины возможен перенос речевых способностей в правую долю. Так иногда бывает у тех, кто получил сильный удар по голове. Но у взрослых мужчин такое случается редко. Увы, их структура мозга гораздо более жестко закреплена.

Свет в темных глазах Незнакомца обманчив. Незнакомец дружелюбно улыбнулся, словно разговор идет о погоде. Его радостный взгляд разрывал Саре сердце.

— Ничего нельзя сделать?

– В Галактике — может быть.

Древнее выражение, почти поговорка — когда речь идет о том, что выходит за пределы примитивных возможностей Склона.

— Но мы ничего больше сделать не можем. Здесь не можем.

Было что-то загадочное в тоне врача. Все его четыре глаза были устремлены внутрь. Он походил на человека, разглядывающего собственные ногти в ожидании, пока будет произнесено невысказанное. Сара посмотрела на Ариану Фу: у той

было непроницаемое, собранное лицо.

Слишком собранное. Сара догадалась, на что намекает врач.

— Вы серьезно?

Женщина-мудрец на мгновение закрыла глаза. А когда открыла, в них был дерзкий блеск.

— Нам сообщают, что пришельцы стараются склонить на свою сторону общественное мнение, переманивают на свою сторону с помощью лекарств и чудес исцеления. Из Тарека и других мест уже двинулись без всякого разрешения караваны больных и калек. Они преодолевают трудный путь в надежде на чудесное исцеление. Признаюсь: такая мысль пришла мне на ум. — Она подняла свои тонкие, как палка, руки. — Многие могут умереть в пути, но что значит такой риск по сравнению с искрой надежды?

Сара помолчала.

— Вы думаете, чужаки могут ему помочь?

Ариана пожала плечами по-хунски — то есть надула щеки.

— Кто может сказать? Откровенно говоря, я сомневаюсь, чтобы даже галакты сумели излечит такое повреждение. Но у них есть паллиативные средства, способные намного улучшить положение. Во всяком случае, очень велика вероятность,

что мое предположение справедливо.

— Ваше предположение?

— Что наш Незнакомец совсем не бедный дикарь. Сара посмотрела на нее и замигала.

– *Ифни!* — выдохнула она.

– Поистине, — кивнула Ариана Фу. — Можем ли мы проверить, послан ли наш гость действительно богиней удачи и перемен?

Сара едва могла кивнуть. И пока пожилая женщина рылась в своей сумке, девушка размышляла. *Наверно, именно поэтому все преклонялись перед ней, когда она была главным мудрецом до Кембела. Говорят, гениальность — это способность увидеть очевидное. Теперь я знаю, что это правда.*

Как я могла быть так слепа!

Ариана извлекла несколько страниц, только что напечатанных на машине Энгрил.

— Я хотела попросить присутствовать чувствительного, но если я права, нужно все это держать в тайне. Так что придется нам самим наблюдать за его реакцией. Заметьте, что он, пожалуй, единственный во всем Тареке, кто еще не видел этого. Прошу всех внимательно наблюдать.

Она подкатилась поближе к пациенту, который внимательно смотрел, как она выкладывает

листки на одеяло. Улыбка постепенно исчезала с его лица: он брал листок и осторожно прикасался к тонким линиям. Горы окружали долину, похожую по форме на лук и усеянную поваленными деревьями. Это гнездо, а в нем толстое копье с выступающими ребрами. Очертания этого копья Сара впервые увидела в небе над своим сотрясаемым домом. Кончики пальцев, дрожа, касались пологих изгибов корпуса. Улыбка исчезла, сменившись выражением болезненной сосредоточенности. Сара чувствовала, что Незнакомец пытается что-то вспомнить. Очевидно, есть здесь узнавание знакомого и что-то гораздо-гораздо большее.

Незнакомец посмотрел на Ариану Фу. Глаза его были полны болью и вопросами, которые он не мог сформулировать.

— Но что это доказывает? — спросила Сара, мысленно корчась.

— Рисунок корабля его встревожил, — ответила Ариана.

— Как встревожил бы любого умного члена Шести, — заметила Сара.

Пожилая женщина кивнула.

— Я ожидала более радостной реакции.

— Вы думаете, он один из них? — спросила Са-

ра. — Думаете, он потерпел крушение в болотах к востоку от Доло на борту какой-то летающей машины. Он галакт. Преступник.

— Учитывая совпадение во времени, это самая вероятная и простая гипотеза — абсолютно незнакомый человек, обгоревший во влажных болотах, появляется с ранами, которые не в состоянии излечить наши врачи. Но попробуем другой рисунок.

На следующем рисунке та же долина, но вместо корабля то, что мудрецы называют “исследовательской станцией”, которая должна анализировать джиджоанскую жизнь. Незнакомец смотрел на черный куб заинтересованно и, может быть, слегка испуганно.

Наконец Ариана показала рисунок, на котором были изображены две фигуры с сильными уверенными лицами. Пара, пролетевшая ради грабежа сотни световых лет.

На этот раз Незнакомец ахнул. Он смотрел на изображение людей, притрагивался к символам на их цельных костюмах. Не требовалось обостренной чувствительности, чтобы заметить отчаяние в его взгляде. С нечленораздельным возгласом он скомкал листок, бросил в угол палаты и закрыл глаза рукой.

— Интересно. *Очень* интересно, — прошептала Ариана.

— Не понимаю, — вздохнул врач. — Означает ли это, что он не с Джиджо, или нет?

— Боюсь, делать выводы слишком рано. — Ариана покачала головой. — Скажем так: возможно, он из Пяти Галактик. Если преступники ищут сбежавшего соучастника, а он оказывается в наших руках, это может стать нашим преимуществом.

— Какого… — начала Сара, но старшая женщина продолжала, словно рассуждая вслух:

— Увы, его реакцию я бы не назвала желанием вернуться к потерянным товарищам. Может, он сбежавший от них враг? Каким-то образом ему удалось сбежать из заключения, может, даже совершив убийство, за день-два до посадки корабля грабителей? Какая ирония, что именно эта рана не дает ему возможности все нам рассказать! Интересно, не они ли причинили ее… как варварские короли на древней Земле вырезали языки своим врагам. Как ужасно, если это правда!

Все эти возможности, изложенные женщиной-мудрецом, ошеломили Сару. Наступило долгое молчание. Наконец снова заговорил врач.

— Ваши размышления интригуют меня и приводят в ужас, старый друг. Но сейчас я должен

попросить не волновать больше пациента.

Однако Ариана только покачала головой, продолжая размышлять вслух.

— Я думала немедленно отправить его на Полян. Пусть Вуббен и остальные решают, что делать дальше.

— Правда? Я никогда не разрешил бы вам перемещать так серьезно…

— Разумеется, возможность воспользоваться галактическим уровнем лечения ран прекрасно объединяет прагматизм и доброту.

Оральный клапан врача-г'кека открылся и закрылся. Врач молча обдумывал слова Арианы. Наконец его стебельки втянулись.

Женщина-мудрец в отставке вздохнула.

— Увы, вопрос, кажется, приобрел чисто академический интерес. Судя по тому, что мы видели, сильно сомневаюсь, чтобы наш гость хотел туда отправиться.

Сара уже собиралась сказать женщине, куда та может отправляться со своими попытками вмешаться в жизнь человека. Но в этот момент предмет их разговора отнял руки от лица. Он посмотрел на Ариану и Сару. Потом взял один из рисунков.

— И… — Глотнул, и лоб его сморщился в край-

ней сосредоточенности.

Все смотрели на него. Человек поднял рисунок с изображением звездного корабля среди поваленных деревьев. Указательным пальцем постучал по нему.

— И…и…

Потом жалобно посмотрел Саре в глаза. И перешел на шепот.

– *Идти.*

После этого обсуждение дальнейших планов Сары словно потеряло свою актуальность. *Значит, я все-таки не вернусь в Дало на следующем корабле. Напротив, отправлюсь на встречу с чужаками.*

Бедный отец. Он всегда хотел в безопасности растить множество маленьких мастеров бумажных дел. Но все его наследники разбежались по разным опасным делам так быстро, как могут нести ноги.

Пришли Энгрил и Блур, портретист, с орудиями своего ремесла.

Блур, невысокий светлокожий мужчина с завитками рыжих волос, падающих на плечи. Руки его в пятнах, появившихся за годы занятий своим тонким мастерством. Он держал металлическую пластину размером с ладонь; на пластине

виднелись тонкие линии и углубления. И под некоторым углом в игре света и тени из них возникали четкие изображения.

— Это называется процесс *Дагерра,* — объяснил он. — На самом деле это очень примитивная техника сохранения изображений. Один из первых способов фотографии, изобретенный волчатами-людьми на старой Земле. Так говорится в наших справочниках. Сегодня мы не используем эту процедуру для изготовления портретов: бумага дешевле и безопасней.

— И к тому же бумага разлагается, — добавила Ариана Фу, поворачивая в руках пластину. На рифленом металле была изображена урская воительница высокого ранга, с обоими мужьями на спине в формальной позе. Длинная гибкая шея самки была раскрашена яркими зигзагообразными полосами. В руках она ласково, словно возлюбленную дочь по запаху, держала большой лук.

— Действительно, — согласился портретист. — Отличная бумага, производимая отцом Сары, гарантированно распадается меньше чем через сто лет, не оставляя никаких следов, способных выдать наших потомков. Этот образец дагерротипа один из немногих сохранившихся; все

остальные с того времени, как укрепившаяся Община привела к уважению Закона, отправлены в мусорную Помойку. У меня есть специальное разрешение на этот прекрасный экземпляр Видите эти тонкие детали? Он создан до начала третьей войны людей с урами. Мне кажется, здесь изображен вождь племени Сул. Обратите внимание на шрамы татуировки. Замечательно! Так же четко и ясно, как в тот день, когда было снято.

Сара наклонилась, и Ариана передала ей пластинку.

— А кто-нибудь с тех пор пользовался этим процессом на Джиджо?

Блур кивнул.

— Каждый член моей гильдии делает один дагерротип, доказывая свое право стать мастером. Результаты отправляются в Помойку или к кузнецам на переплавку, но мастерство сохраняется. — Он поднял свою сумку, слегка звякнув бутылочками. — Здесь достаточно кислоты и закрепителя, чтобы обработать несколько десятков пластин, но самих пластин у меня всего двадцать. Если потребуется больше, нужно будет заказать в городе Овум или в одной из вулканических кузниц.

Сара почувствовала легкое прикосновение к

плечу, повернулась и увидела протянувшего руку Незнакомца Она отдала ему маленькую фотографию, и он осторожно провел кончиками пальцев по бороздкам.

Теперь, выслушав теорию Арианы, Сара по-иному воспринимала все, что делает раненый. Смеется ли он над примитивностью технологии, или выражает восхищение мастерством? Или радость в его глазах — реакция на изображение свирепой воительницы, которая была настоящим бичом во время героической борьбы десять поколений назад?

Ариана Фу потерла подбородок.

— Двадцать пластин. Допустим, хорошие изображения получатся на половине…

— Щедрая оценка, мой мудрец, поскольку техника требует длительной экспозиции. Ариана хмыкнула.

–

— Тогда полдюжины удачных. И несколько следует передать чужакам, чтобы они поверили в реальность угрозы.

— Можно сделать копии, — вмешалась Энгрил.

— Копий не должно быть, — сказала Сара. — Они должны предположить, что у нас есть много других. Главное в том, способна ли такая пла-

стинка выдержать миллион лет.

Художник сдул прядь рыжих волос. Из его горла вырвался странный сдавленный звук, похожий на вздох квуэна.

— В правильно подобранных условиях металл покрывается защитной окисленной пленкой… — Он нервно рассмеялся, переводя взгляд с Сары на Ариану. — Неужели вы серьезно? Блеф — одно дело. Мы в таком отчаянном положении, что способны ухватиться за соломинку. Но неужели вы считаете, что мы действительно сможем сохранить свидетельства до следующего галактического обследования?

Врач г'кек сплел два глазных стебелька таким образом, что они смотрели в противоположных направлениях

— Похоже, у нас рождается совершенно новая ересь.

Аскс

Возможно, это была ошибка — так усиленно стараться подавить пси-способности среди Шести.

Большую часть долгого тысячелетия нашего изгнания это казалось разумным шагом. Разве

не наша великая цель — оставаться незамеченными? Мы должны только строить скромно, в гармонии с природой, и пусть остальное сделают справедливые законы вселенной.

Но канал пси-связи непрямолинеен и ненадежен. Во всяком случае, так говорится в книгах, напечатанных людьми. Однако сами люди признают, что во времена бегства их предков об этом мало было известно.

Когда Святое Яйцо дало нам реуков, некоторые из Шести опасались, что симбионты действуют на уровне пси и это может сделать наш анклав беглецов более заметным. И вопреки несомненным доказательствам противоположного, старая клевета ожила и снова вызывает между нами трения.

Некоторые даже утверждают, что само Святое Яйцо приближает наше уничтожение! Действительно, почему пираты явились именно сейчас, всего сто лет спустя после благословенного дня появления Яйца? Другие указывают, что мы сейчас гораздо больше знали бы о пришельцах, если бы выращивали собственных посвященных, а не немногих определителей правды, которые есть у нас сегодня.

Сожаление глупо и бесполезно, с таким же

успехом я мог бы сожалеть о кольцах, которые, как говорят, покинули наши предки — просто потому, что эти тороиды были запятнаны грехом.

Какие невероятные способности придавали нам эти кольца, как говорится в легендах! Бежать быстрей ветра, легко как уры. Плавать как квуэны, и ходить по дну моря. Касаться мира на всех уровнях его структуры и управлять им. И прежде всего — смотреть в лицо вселенной с уверенностью, совершенно, биологически спокойной. Никакая неуверенность не заражала бы наше сложное сообщество личностей. Только могучий эгоизм центрального, уверенного “Я”.

Двер

У синих горных квуэнов другие традиции, чем у тех их родичей, что живут за могучей плотиной Доло. Дома ритуалы линьки всегда казались неформальными. Человеческие дети из ближайших деревень бегали со своими хитиновыми друзьями, а взрослые в это время пили нектар-пиво и праздновали появление нового поколения.

В этом горном святилище песни и ритуальное шипение принимали более торжественные формы. В числе гостей были местный врач-г'кек,

несколько сборщиков-треки и с десяток соседей-людей, которые по очереди заглядывали в изогнутое окно, чтобы увидеть, что происходит в колыбели личинок в соседнем помещении. Хуны, которые рыбачат в озере за плотиной, как обычно, прислали свои извинения. У большинства хунов непреодолимое отвращение к квуэнскому способу воспроизводства.

Двер пришел сюда из благодарности. Если бы не этот гостеприимный улей, у него, вероятно, были бы обрубки рук и ног, а не почти полные наборы пальцев, все еще ноющих, но выздоравливающих. К тому же появилась возможность сделать перерыв в напряженных приготовлениях, которые они проделывают с Дэйнелом Озавой. Когда местный матриарх Режущий Язык позвала их к этому окну, они с Дэйнелом поклонились ей и учителю-человеку мистеру Шеду.

— Поздравляю вас обоих, — сказал Озава. — Пусть у вас будут отличные выпускники.

— Спасибо, достопочтенный мудрец. — Дыхание Режущего Языка выдавало ее взволнованность. Как главная самка, она отложила свыше половины всех яиц. Многие из корчащихся фигур за окном будут ее отпрысками, готовыми наконец появиться на свет. И после двадцати лет

ожидания можно думать, что она будет слегка нервничать.

Мистер Шед не внес свой вклад в генетический аппарат квуэнов, формировавшихся за дверью, но и на его худом лице заметно было волнение.

— Да, отличный выводок. Когда их панцири затвердеют и они получат имя, из некоторых получатся прекрасные старшие ученики.

Режущий Язык добавила:

— Двое уже прекрасно режут дерево, хотя, мне кажется, наш учитель имеет в виду другие способности. Мистер Шед кивнул.

— У нас тут поблизости, ниже по склону, школа, куда местные племена посылают самых умных детей. Елмира вполне подойдет, если пройдет через…

Матриарх предупреждающе зашипела.

– Учитель! Держи свои личные прозвища при себе. Не сглазь личинок в этот священный день! Мистер Шел нервно глотнул.

– Простите, матрона. — И покачнулся с боку на бок, как делают молодые квуэны, когда их застанут за ловлей раков в инкубатории.

К счастью, как раз в этот момент появился поставщик провизии треки с котлом, полным вел-нектара. Люди и квуэны столпились у стола.

Но Двер видел, что Озава испытывает то же, что и он. У них нет времени на эйфорию. Ведь они готовят чрезвычайно серьезное дело.

Жаль, однако, подумал Двер, заметив, что треки приправляет каждый кубок специальным спреем из своего химически — синтезирующего кольца. Вскоре под опьяняющим действием напитка настроение в помещении поднялось. Режущий Язык присоединилась к остальным у стола, оставив троих людей у окна в одиночестве.

— Вот так, мои красавицы. Делайте это осторожней, — прошептал учитель, который по контракту учил детей квуэнов чтению и письму — долгая работа, требующая большого терпения, ведь личинки долгие десятилетия проводят в одном тинистом помещении, питаясь мелкими извивающимися существами и постепенно усваивая мыслительные привычки разумных существ. К удивлению Двера, мистер Шед надел на лицо функционирующего реука. В последнее время большинство симбионтов впали в спячку или даже умерли.

Двер всмотрелся в окно — набор из множества мелких линз со сломанным стеблем посредине. В центре соседнего помещения располагался бассейн, полный тины, и в нем барахтались ка-

кие-то фигуры, словно в поисках выхода. Должно быть, это и есть любимые ученики мистера Шеда, а некоторые снова будут его учениками, когда сбросят кокон и станут взрослыми квуэнами. Игра личинок уходит на миллионы лет в прошлое, задолго до того, как патроны вмешались в развитие расы квуэнов и превратили их в обитателей звезд. И в этой игре была собственная логика.

— Правильно, дети, не торопитесь… — Полный надежды вздох Шеда прервался, когда из бассейна вырвался столб пены. Из воды клубком вылетели переплетенные фигуры. Двер разглядел одну из них, уже почти пятистороннюю, с тремя бьющимися под аквамариновым панцирем ногами. На молодом панцире были видны следы недавних расчесов. И висели обрывки беловатой плоти — это тело личинки, которое должно быть сброшено.

Легенды утверждают, что у квуэнов, которые по-прежнему летают меж звездами, есть гораздо более легкие способы перехода — с помощью машин и в искусственном окружении, но на Джиджо линька происходила так же, как тогда, когда квуэны были животными и охотились на отмелях своей родной планеты.

Двер вспомнил, как, в первый раз увидев линь-

ку, в слезах прибежал домой и искал утешения и понимания у старшего брата. Уже тогда Ларк был серьезным, много знающим и слегка педантичным.

У разумных рас много способов воспроизводства. Некоторые сосредоточивают все усилия не немногих отпрысках, о которых заботятся с самого начала. Хороший родитель умрет, чтобы спасти свое дитя. В этом отношении — оно называется высоким-К — куны и г'кеки подобны людям.

Уры размножаются как рыбы в море — это низкий-К способ, предоставляя табунам своих потомков вести дикий образ жизни в степи, пока выжившие не найдут способ вернуться к своим кровным родичам. Ранние человеческие поселенцы считали этот урский способ бессердечным, а уры к нашему относились как к параноидальному и сентиментальному.

Квуэны располагаются посредине. Они заботятся о своем потомстве, но понимают, что многие из каждого выводка должны умереть, чтобы остальные могли жить. И поэтому печаль пронизывает всю квуэнскую поэзию. Мне кажется, что самые мудрые из квуэнов лучше понимают жизнь и смерть, чем люди.

Иногда Ларка заносит. Тем не менее Двер понимал справедливость слов брата. Вскоре из влажной детской появится новое поколение, мир высушит его панцири и сделает из него граждан. Иначе не было бы ни одного выжившего. Но все равно. Смесь горечи и сладости при этом такая, что всякий, кто при этом, подобно мистеру Шеду, надевает реук, либо сумасшедший, либо мазохист.

Двер почувствовал прикосновение к руке Это Дэйнел. Пора вежливо уходить — прежде чем ритуалы возобновятся.

У них много работы. Нужно готовить продовольствие, оружие. И “Наследие”, которое перенесет их через горы.

Сегодня утром Лена Стронг вернулась с поляны. С ней была еще одна молодая женщина, которую с удивлением узнал Двер. Это Джанин, одна из рослых сестер Уолли. Они привели пять ослов, нагруженных книгами, семенами и зловещими запечатанными трубками. Двер ждал также Рети, но Лена сказала, что мудрецы хотят еще поговорить с девушкой-сунером.

Но это не важно. С проводником или без него — отвечает за достижение маленькой экспедицией цели именно Двер.

А что потом? Будет ли насилие? Смерть? Или новое смелое начало?

Двер со вздохом последовал за Озавой.

Теперь мы никогда не узнаем, кто был прав: Сара или Ларк. Идут ли Шесть по Высокой дороге или по Низкой,

Отныне наша единственная забота — выживание.

Сзади мистер Шед прижал обе ладони к искривленному стеклу. В голосе его слышна была боль за маленькие жизни, которые он не имеет права оплакивать.

Незнакомец

Он удивляется, но знает то, что знает.

Когда мудрость приходила в компактной упаковке слов, все было так легко и просто. Каждое слово несло в себе значение, сложное и слегка затененное. Соединенные, слова передавали огромное количество концепций, планов, эмоций…

И обманов.

Он мигает, когда одно это единственное слово плавно входит в сознание, как делало когда-то. Он трогает его языком, узнает одновременно звучание и значение, и это приносит волну ра-

дости, смешанной со страхом и благоговением. Только подумать: когда-то он проделывал то же самое бесчисленное количество раз за один вздох, знал и использовал огромное количество слов.

Он наслаждается этим одним словом, снова и снова его повторяя.

Обман… обман… обман…

Чудо удваивается, когда возникает другое, родственное слово.

Лжецы… лжецы…

У себя на коленях он видит скомканный, но снова разглаженный, почти ровный рисунок, тщательное и подробное изображение двух человек с выразительными лицами, которые презрительно смотрят на толпу примитивных существ. На пришельцах мундиры с яркими эмблемами, которые кажутся ему чем-то знакомыми.

Он знал, как называются такие люди. Знал их имя — и знал причины, по которым их следует избегать.

Так почему он только что так захотел их увидеть? Тогда, казалось, что-то поднялось у него из глубины. Необходимость. Срочная потребность любой ценой добраться до далекой горной долины, изображенной на рисунке. Противостоять этим людям, нарисованным на смятом листе

белой бумаги. Это путешествие казалось невероятно важным, хотя сейчас он даже не может вспомнить почему.

Большая часть его памяти покрыта туманной дымкой. То, что он так отчетливо видел в бреду, сейчас едва уловимо…

— звезда, которая кажется маленькой рядом с окружающим сооружением, искусственным и состоящим из бесконечного числа углов, уровней, это сооружение окружает красное солнце лабиринтом поверхностей;

— или водяной мир, где из ядовитого моря вырастают, подобно грибам, металлические острова;

— или одно особенно затененное место в пространстве, далеко от оазисов, где есть нормальные условия для жизни. Здесь, далеко за сверкающим спиральным рукавом, ничего не живет. Однако и здесь среди этой странной плоскости есть обширные формации шарообразных фигур, необычно ярких, вечно плывущих, напоминая флот, лун…

Его сознание отшатывается от последнего впечатления, снова прячет его под другими полуреальными воспоминаниями. Теряет его вместе с прошлым и, почти определенно, — вместе с

будущим.

XIII. КНИГА МОРЯ

Разумных существ редко искушает вера в цель. Что они существуют во вселенной ради какой-то цели.
Чтобы служить чему-то большему – расе или клану, патронам или богам, или какой-то эстетической цели.
Или чтобы искать осуществления индивидуальных целей – богатства и власти, воспроизводства или очарования индивидуальной души.
Мудрые философы называют поиски цели тщеславием, лихорадочной потребностью оправдать унаследованное стремление к существованию.
Но зачем наши предки привели нас сюда, так далеко от расы, клана, патронов, богов или богатства и власти, как не для достижения цели, более высокой, чем все это?

Свиток Размышлений

Рассказ Олвина

Я всегда считал себя городским мальчиком. Ведь все-таки Вуфон, с его почти тысячью жителей — если включить соседних фермеров и сборщиков, самый большой порт на юге. Я вырос среди доков, складов и грузоподъемников.

Тем не менее наш Развернутый Кран — это нечто! Длинная изящная стрела, сделанная из сотен трубок укрепленного и обработанного бу, она была за несколько дней собрана командой плотников-квуэнов, которые вежливо слушали каждый раз, как Урдоннел начинала ругать их за отступления от иллюстрации на странице 512 ее драгоценной книги *“Краткое описание земных механизмов. Часть VIII. Грузоподъемные механизмы”*. Выслушав, квуэны с уважительным наклоном куполов возвращались к работе по-своему, используя уроки реальной жизни.

Урдоннел должна проявлять большую гибкость, думал я, глядя, как лишенная чувства юмора помощница Уриэль все больше и больше раздражается. *Конечно, в книгах большая мудрость. Но ведь эти ребята работают не с титаном. Мы живем в примитивном мире и*

должны к нему приспосабливаться.

Мне радостно было видеть, что наша подруга Ур-ронн кажется удовлетворенной работой, после того как она всмотрелась и принюхалась к каждой скобке, распорке и блоку. Тем не менее я предпочел бы, чтобы здесь была Уриэль, как первые два дня, когда наша группа разбила лагерь в тени Окончательной скалы. Мастер-кузнец требовательна и придирчива, она часто приказывала сделать работу снова и снова, пока не добивалась совершенства.

Наверно, нам нужно было бы негодовать из-за того, как она распоряжается в деле, которое было нашим личным проектом. Но мы этого не делали. Вернее, не очень делали. Ее внимание к деталям действовало на нервы, но каждый раз как Уриэль признавала, что что-то сделано действительно хорошо, я все больше верил, что мы вернемся живыми. И когда она уехала, для нас это было ударом.

В лагерь прискакал курьер ур — задыхаясь, измученный, даже *жаждущий* — ради Ифни! — держа конверт, который Уриэль тут же распечатала и прочла. Прочитав письмо, она отвела в сторону треки Тиуга и о чем-то поговорила с ним. А потом ускакала, торопясь к своему бесценному горну.

С тех пор, конечно, все пошло не так. План шаг за шагом продолжал выполняться. Но могу сказать, что наше настроение изменилось. Особенно когда при первом пробном погружении пассажир едва не утонул.

К этому времени на берегу стоял прекрасный кран, с такой изящной стрелой, что вы никогда бы не догадались, что к берегу ее крепят шестнадцать стальных болтов толщиной в мое запястье. Стрела нависала над глубокими синими водами Трещины. В большом барабане лучший трос Уриэль, свыше тридцати кабельтовых, прикрепленных к серо-коричневому кораблю, который мы назвали “Мечта Вуфона” — в надежде польстить родителям и тем жителям нашей общины, которые считают нас святотатцами.

Рядом с первым краном стоит второй, связанный с еще большим барабаном. Этому крану не придется выдерживать вес лодки, но у него не менее важная задача — держать двойной шланг, прикрепленный к нашему маленькому кораблю, так чтобы свежий воздух мог поступать, а отработанный — выходить. У меня не было возможности спросить, из чего сделаны эти шланги, но они гораздо прочнее сшитых мочевых пузырей сцинка, которые мы планировали использовать,

когда задумывали все это приключение.

Уриэль внесла и кое-какие другие изменения: большой регулятор давления, сальники, способные выдержать высокое давление, и пару огней эйк, которые способны бросить яркие лучи туда, куда никогда не достигает солнечный свет.

И снова я гадал — откуда берется все это оборудование?

Нас удивляло, что Уриэль никогда не вмешивалась в подготовку самой лодки, вырезанной из одного толстого ствола дерева тару, с замечательным окном Ур-ронн, прикрепленным с одного конца. Впереди мы установили также две руки для хватания, которые Ур-ронн скопировала из книги. Наш маленький корабль был также снабжен колесами, прикрепленными таким образом, что “Мечта Вуфона” могла передвигаться по илистому дну.

Даже после того как на колеса надели сверхширокие шины, они казались знакомыми. Особенно Гек, сохранившей их как воспоминание о катастрофе, когда в ужасной лавине погибли ее настоящие родители г'кеки. С типичным для г'кеков мрачноватым юмором она назвала их тетя Рубен, дядя Джовун Левый и дядя Джовун Правый. Четвертое колесо называлось просто

Папа — до тех пока я не прекратил эту мрачную шутку и не потребовал называть колеса по номерам — от Первого до Четвертого.

В обычных условиях без использования галактических технологий колеса были бы бесполезны. Вращающиеся оси разорвали бы любой корпус. Но ужасный сувенир Гек предлагал решение. Удивительные магнитные ступицы и движущиеся шпульки г'кеков помещались по обе стороны корпуса, так что не нужно было резать дерево. Гек будет приводить в движение переднюю пару колес, а я с помощью вращающегося кривошипа — заднюю.

Этим мы и будем заниматься — все, за исключением “капитана” Клешни, чей мир прозрачной голубой воды мы минуем по пути в глубины, которых не видал ни один квуэн с тех пор, как тысячу лет назад затонул их крадущийся корабль. Место Клешни — на носу, он будет управлять огнями и выкрикивать указания остальным — толкать, поворачивать или брать образцы.

Почему именно он главный? Клешня никогда не считался самым умным членом нашей группы.

Во– первых, с самого начала все это была его идея. Он своей рукой -точнее ртом — вырезал

большую часть корпуса “Мечты” в свободные промежутки между уроками в школе и ежедневной работой в загонах ракообразных.

Но что гораздо важнее, если прекрасное окно — или любое другое приспособление — не выдержит, он меньше всего способен впасть в панику, когда внутрь хлынет соленая вода. Если это случится, Клешне придется вытаскивать нас оттуда. Мы достаточно читали о морских и космических приключениях, чтобы дать очень хорошее определение капитана — это тот, которого нужно слушаться, когда секунды означают разницу между жизнью и смертью.

Однако ему придется немного подождать, прежде чем принять командование. Первое пробное погружение произойдет с одним пассажиром, который буквально “рожден” для этого.

В то утро треки Тиуг проложил след феромонов, чтобы выманить маленькую отделившуюся груду колец, Зиза, из его загона туда, где, блестя на солнце, ждала “Мечта Вуфона”. Корпус нашего корабля из полированной древесины тару казался таким сверкающим и красивым — жаль, что открытое голубое небо обычно считается дурным предзнаменованием.

Так по крайней мере казалось зрителям, со-

бравшимся на соседних утесах Это были хуны из порта Вуфон плюс некоторые местные красные и караван уров с пылью на боках, а также три человека, которые, должно быть, прошли трехдневный путь из Долины — и все только и обменивались слухами о звездном корабле или кораблях, приземлившихся на севере. Одни говорили, что все на Поляне уже мертвы, казнены на месте мстительными галактическими судьями. Другие утверждали, что Святое Яйцо наконец полностью проснулось и огни, которые кое-кто заметил в небе, это души тех счастливцев, что находились на Собрании, когда праведные из Шести были преобразованы и отосланы в виде духов в свой древний дом среди звезд.

Пусть мне побреют ноги, если некоторые из этих слухов не были так прекрасны, что я пожалел, что сам их не выдумал.

Не все зрители протестовали. Некоторые пришли просто из любопытства. Мы с Гек позабавились с Ховерр-фуо, вторым приемным племянником младшей полуматери мэра, который сбежал из школы на том основании, что ему не нравится, как пахнет мистер Хайнц. Но все знают, что Ховерр-фуо ужасно ленив, да и говорить о гигиенических обычаях других уж

ему-то не стоило.

Ховерр расспрашивал нас о “Мечте” и ее задачах, но, казалось, почти не слушает наши ответы.

Потом принялся спрашивать о треки, показывая на Тиу-га, который кормил в загоне Зиза.

Конечно, у нас в Вуфоне есть свой аптекарь, но все равно в этих кольцеобразных существах есть какая-то загадка. Мы с Гек скоро поняли, чего добивается Ховерр-фуо. Он со своими тупыми приятелями заключил пари насчет *сексуальной жизни треки,* и ему поручили выяснить все у нас как у местных специалистов.

Подмигнув друг другу, мы с Гек быстро освободили его голову от всей ерунды, которой она была забита, а потом стали заполнять своими вымышленными версиями. Скоро Ховерр выглядел как моряк, которого ударила по голове свободная снасть. Украдкой поглядывая на свои ноги, он торопливо ушел — несомненно, чтобы проверить, нет ли на нем “спор колец”, из которых вырастают маленькие треки в тех местах, которые регулярно не моются.

Я не испытывал чувства вины. Отныне всякий, кто станет по ветру от Ховерр-фуо, должен благодарить меня.

Я собирался спросить Гек, неужели мы тоже так тупы, — и вспомнил. Разве однажды она не убедила меня в том, что г'кек может одновременно быть и своим собственным отцом, и матерью? Клянусь, в то время это казалось вполне правдоподобным, хотя теперь ни за что не могу простить себе, что поверил.

Первые несколько дней зрители держались в стороне, за песчаной линией, опасаясь дубинки мудреца, которой обладала Уриэль. И пока мастер-кузнец находилась поблизости, никто ничего не говорил. Но после ее ухода некоторые стали выкрикивать лозунги, в основном о том, что Помойка священна и это не место для туризма. После прихода людей из Долины протесты стали лучше организованы, появились плакаты, а лозунги выкрикивались хором.

Меня все это возбуждало. Похоже на сцену из “Лета любви” или “Будущего”. Для такого любителя подражать людям, как я, ничего не может быть лучше, чем идти против общего мнения. Вспоминались все прочитанные истории о неустрашимых героях, которые настаивали на своем, вопреки сомнениям косных родителей, соседей или представителей власти. Я вспомнил книгу, из которой взято мое прозвище — то место,

где жители Диаспара стараются отговорить Олвина от установления контактов с сородичами из далекого Лиса. Или когда жители Лиса не хотели его возвращения домой с новостями об их вновь открытом мире.

Да, я знаю, что все это выдумки, но сходство помогало мне сохранять решимость. Гек, Клешня и Ур-ронн говорят, что они чувствуют то же самое.

А что касается толпы, что ж, я знаю, что испуганная толпа может потерять разум. Я даже пытался раз или два посмотреть на дело с ее стороны. Правда.

Клянусь Ифни, какой набор раздутых джикии торов, полных крика! Надеюсь, все они будут сидеть на груде прокисшей мульчи и вдыхать ее запахи.

XIV. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Говорят, на Земле люди бесчисленные поколения верили в самые разные вещи, причем такие, в какие никакое разумное существо не поверит. И уж тем более то, которому разум преподнесли на серебряной тарелочке — как он был дан почти всем разумным существам в Пяти Галактиках.

Землянам во всем этом приходилось разбираться самим. Медленно, болезненно узнавали земляне, как работает вселенная, отказываясь от большинства нелепых верований, которые пронесли через свое долгое темное одиночество. И среди прочих, такие верования, как:

— божественное право эгоистических королей;

— умственное несовершенство женщин;

— идея о том, что мудрое государство знает все;

– идея о том, что индивид всегда прав;

— болезненно-сладостное пристрастие к преобразованию мира по новой модели в нечто священное, ради чего стоит умереть.

Эти и многие другие дикие концепции со време-

нем присоединились к эльфам и НЛО в старом чемодане, куда люди стали складывать подобные детские вещи.

Это очень большой чемодан.

И тем не менее галакты, с которыми земляне вступили в контакт, видели в них суеверных дикарей, волчат, склонных к непонятному энтузиазму и своеобразным недоказуемым убеждениям.

Какая ирония, что здесь на Джиджо роли поменялись и земляне застали остальные пять рас далеко зашедшими назад по дороге, по которой так долго шли сами, барахтаясь в мириадах сказок, фантазий, обид и удивительно нелепых представлений. В этот водоворот суеверий поселенцы на "Обители" привнесли не только бумажные книги. Они также привнесли инструменты логики и доказательств – именно то, что труднее всего давалось им дома.

Больше того, помня свою историю, земляне превратились в ненасытных собирателей фольклора, выведывая у остальных пяти рас каждую сказку, каждое предание, даже такие, неправдоподобность которых они видели.

Из их прошлого волчат пришла эта странная смесь — разумный скептицизм плюс пристрастие к странному, необычному и необыкновенно

яркому.

Люди знали, что в темноте легко сбиться с пути, если забудешь, что есть истина.

Но столь же важно никогда не отказываться от способности мечтать. Создавать иллюзии, которые могут помочь нам пройти через темную-темную ночь.

Из “Искусства изгнания” Ауф-ху-Фубху

Аскс

Крошечный робот — настоящее чудо, не больше глазного яблока г'кека — лежал, придавленный к земле тучей нападающих ос тайны, которые совершенно закрыли его своими бьющимися крыльями.

Первым пришел в себя от удивления Лестер.

— Что ж, теперь мы знаем, почему они называются *осами тайны.* Смотрите, как они вьются над этой штукой. Без них мы бы ее никогда не обнаружили.

— Шпионское приспособление, — сказала Ум-Острый-Как-Нож, наклоняя панцирь, чтобы лучше рассмотреть машину. — Крошечное и подвижное, посланное, чтобы подслушивать наши совещания. Если бы не осы, наши планы были бы

раскрыты и мы оказались бы беспомощны.

Фвхун-дау глубоким ворчанием выразил свое согласие.

— Хр-рм… Мы привыкли видеть в этих насекомых легкий раздражитель, чье присутствие согласно традициям необходимо во время некоторых церемоний. Но буйуры, должно быть, создали их именно с такой целью. Охранять города и дома, чтобы помешать возможным шпионам.

— Используя (специально) созданную форму жизни, чтобы справиться с (раздражающей) угрозой, — да, это истинно буйурский способ, — добавила Ур-Джа.

Лестер склонился к осам, разглядывая их бьющиеся перед крошечными глазами робота крылья, которые создавали смесь цветов, напомнившие мне о реуке.

— Интересно, что ему показывают осы, — произнес наш мудрец-человек.

Впервые с нападения ос на чужака заговорил Вуббен.

— Вероятно, именно то, что он хочет увидеть, — уверенно предположил он.

Помните ли вы, мои кольца, как мы все кивками, вздохами и ворчанием выразили свое уважительное согласие? Вуббен говорил так

хорошо, мудро и справедливо. И только позже пришло мне/нам в голову спросить у себя:

Что?

Что бы это могло значить?

Ларк

За две тысячи лет незаконного поселения Ларк был не первым представителем Шести, который полетел. И даже не первым человеком.

После того, как крадущийся корабль “Обитель” навсегда ушел в алчные объятия Помойки, мужчины и женщины часто парили, подобно воздушным змеям, пользовались устойчивыми ветрами с голубого океана, чтобы добираться до белых вершин хребта Риммер. В те дни, для того чтобы поймать восходящие потоки, использовались тонкие кружевные крылья. Они позволяли смелым пилотам осмотреть сверху их прекрасный новый мир.

Теперь последний шелковый глайдер лежит под стеклом в музее в Библосе — самое настоящее чудо, сделанное из удивительных материалов: мономолекулярного углерода и переплетенных полимеров. Даже если бы позволили мудрецы, ни один колдун из гильдии химиков не смог бы

их воспроизвести. Время и аварии постепенно погубили все остальные, и последующим поколениям людей пришлось, подобно всем остальным, ходить по поверхности и устранить еще одну причину зависти среди Шести. Впрочем, позже, после наступления Великого Мира, честолюбивая молодежь попыталась оживить это времяпрепровождение, рискуя жизнью на хрупких рамах из полых стволов бу, покрытых сплетенными вручную простынями из вик-хлопка. Иногда успех превращался в местную сенсацию, но ни одна из этих попыток не имела долговременных последствий. Доступные материалы были слишком тяжелыми, непрочными или пористыми. А ветер слишком силен.

Некоторые особенно набожные утверждали, что это даже хорошо. Избавление будет найдено не в небе. И не в пристрастии к тщеславию прошлого. Обычно Ларк соглашался с взглядами оротодоксов, но в данном случае, думал он…

Такая скромная мечта. Пролететь несколько лиг над самой землей. Неужели это так много, если раньше летал меж звезд?

Впрочем, он никогда не тратил времени на пустые мечты. И, конечно, и не думал, что ему лично придется взглянуть с большой высоты на

горы Джиджо.

И только взгляните на меня сейчас!

Линг с явным удовольствием наблюдала за выражением его лица, рассказывая о своем плане.

— Мы улетим почти на весь день, чтобы подобрать образцы, пойманные роботом. Позже, когда наши роботы уйдут далеко, у нас будут полеты на несколько дней.

Ларк смотрел на летательную машину чужаков, стройную стрелу с короткими крыльями, которые развернутся после того, как машина пройдет узкий туннель, ведущий к погребенной исследовательской станции. Люк казался ему голодными разинутыми челюстями.

Как похоже на Линг — обрушить это на него без всякого предупреждения!

Беш загружала припасы. А рослый светловолосый мужчина Кунн крикнул:

— Давай, Линг! Мы опаздываем. Заманивай своего любимца дикаря на борт или возьмем другого.

Ларк стиснул зубы, чтобы не проявить своих эмоций. И поднялся по трапу. Он ожидал увидеть темное, похожее на пещеру помещение, но оно оказалось освещенным ярче, чем любое другое замкнутое пространство, какое ему приходилось

видеть. Зрению нет необходимости приспосабливаться.

Не желая выглядеть деревенщиной, он направился к обитому сиденью у окна и положил поблизости свой мешок. Потом осторожно сел, найдя чувственную мягкость под собой не удобной и не успокаивающей. Как будто сидишь на мясистых коленях какого-то существа. Ощущение слегка сексуальное. Несколько мгновений спустя Линг усилила его тревожные ощущения, застегнув на нем пояс. Дезориентация еще усилилась, когда зашипел, закрываясь, металлический люк. И когда машина начала подниматься, Ларк ощутил легкое покалывание у основания черепа, как будто там среди волос дышит какое-то маленькое животное. Он не мог сдержаться и поднял руку, чтобы отогнать воображаемое существо.

Подъем оказался удивительно мягким, своеобразное ощущение поворота, и небо полетело так стремительно, что Ларк не успел бросить взгляд на Поляну и окружающую местность или на тайную долину Яйца. К тому времени когда он повернулся и прижался к окну, континент уже поворачивался под ними. Они летели на юг во много раз быстрее выпущенного из катапульты камня. Несколько минут спустя кончились

холмы, и они понеслись над широкими травянистыми степями. Трава внизу качалась и рябила, как вечно меняющаяся поверхность фосфоресцирующего моря. В одном месте Ларк заметил стадо бегущих пожирателей стеблей — вид местных джиджоанских копытных, которые в страхе старались уйти от летящей тени машины. Несколько урских пастухов в смеси удивления и страха вытянули свои мускулистые шеи. Возле взрослых группа подростков скакала и прыгала в игре-битве, не обращая внимания на неожиданный страх старших перед небом.

— Ваши враги — очень грациозные создания, — заметила Линг.

Ларк повернулся и удивленно уставился на нее. *О чем это она?*

Линг, должно быть, неверно истолковала его взгляд и поспешила успокоить:

— Конечно, я говорю в строго ограниченном смысле, ну, как может быть грациозной лошадь или другое животное. Ларк подумал, прежде чем ответить.

— Хрм. Жаль, что ваш прилет помешал нормальному ходу Собрания. Сейчас там должны были бы быть игры. Вот тогда вы бы увидели настоящую грацию в действии.

— Игры? А, да. Ваша версия знаменитых Олимпиад. Вероятно, много бегания и прыгания? Он осторожно кивнул.

— Да, испытание скорости и ловкости. Мы позволяем самым умелым и храбрым соревноваться в выносливости, смелости и приспособленности.

— Все эти черты высоко ценились теми, кто вырастил человечество, — сказала Линг. Улыбка ее была снисходительной и слегка надменной. — Вероятно, никто из шести непосредственно с другими расами не соревнуется? Я хочу сказать, что трудно представить себе г'кека, перегоняющего ура, или квуэна, прыгающего с шестом! — Она рассмеялась.

Ларк пожал плечами. Несмотря на красноречивый намек Линг на происхождение человечества, он обнаружил, что теряет интерес к разговору.

— Да, вероятно. Так и есть. Трудно. Представить себе. И, повернувшись, стал смотреть в окно на летящую внизу обширную равнину — волна за волной колышущейся травы, кое-где рощи темного бу или оазисы мягко раскачивающихся деревьев. Расстояние, которое караван преодолевает в несколько лет, промелькнуло за несколько дуров блаженного полета. И вот уже на горизонте темные хребты южных гор.

Пилот Беш сбросила скорость, чтобы лучше разглядеть Сверкающую гору, повернув под таким углом, что окно Ларка головокружительно уставилось на широкий лавовый поток: многочисленные прошлые извержения покрывали эту неровную и безжизненную местность. На мгновение показались плавильни на полпути к могучей вершине. Построенные так, чтобы напоминать природные потоки и трубки магмы, они выпускали столбы дыма, такие же как и из естественных отверстий. Конечно, маскировка не была рассчитана на наблюдение с такого близкого расстояния.

Ларк видел, как Беш обменялась понимающим взглядом с Кунном, который постучал пальцем по одному из волшебных экранов. На экране очертания горы были обозначены светящимися линиями, и одно место окружено символами и стрелками. Пунктирные линии обозначали подземные туннели и мастерские, в которых прославленные урские кузнецы изготовляли инструменты из специальных сплавов, одобренных мудрецами. Эти инструменты уступают только тем, которые делаются еще южнее, вблизи вершины горы Гуэнн.

Невероятно, думал Ларк, стараясь запомнить

все подробности на экране для последующего отчета мудрецам. Конечно, этот монитор не имеет ничего общего с объявленной причиной экспедиции — поисками развитых “кандидатов” среди форм жизни. Судя по некоторым кратким замечаниям, Ларк понял, что Кунн не биолог. В его осанке, в том, как он передвигается, что-то напоминало Ларку Двера, крадущегося по лесу, только это что-то еще более смертоносно. Даже после нескольких поколений относительного спокойствия немногие мужчины и женщины на Склоне держались так. Это специалисты, которые должны каждое лето обходить деревни, обучая местную милицию.

На всякий случай.

И в остальных пяти расах имелись такие же специалисты. Благоразумная политика, поскольку даже сейчас время от времени случаются небольшие кризисы — преступление, прорыв банды сунеров, проявления вражды между поселками. Достаточно, чтобы сделать непротиворечивым выражение “воин мирного времени”.

То же самое может быть справедливо относительно Кунна. Он выглядел исключительно опасным, свернувшимся и в любую минуту готовым к убийству.

Какова твоя истинная цель, Кунн? думал Ларк, глядя, как мелькают на экране символы, отражаясь на лице чужака. *Что ты на самом деле ищешь?*

Маленький корабль устремился в новом направлении, Сверкающая гора осталась позади, внизу расстилалась сверкающая белизна, известная как Равнина Режущего Песка. Долго внизу проносились низкие дюны, разворачиваясь в созданном ветром совершенстве. Ларк не видел караванов, бредущих по сверкающей пустыне, доставляя почту или товары в изолированные поселки в Долине. Но никто и не посмеет преодолевать эту жгучую пустыню днем. Внизу есть скрытые убежища, где путники ожидают наступления ночи. И эти убежища даже лучи Кунна не могут отыскать в блестящих просторах.

Но бледное сияние померкло перед очередным внезапным превращением, когда машина миновала пески и оказалась над Спектральным потоком — расплывающейся мешаниной таких ярких цветов, что у Ларка заболели глаза. Линг и Беш пытались всматриваться, заслоняя глаза руками, но наконец сдались, а Кунн мрачно бормотал, глядя на вспышки статики на экране. Ларк боролся с естественным стремлением сощу-

риться, стараясь напротив сфокусировать зрение. Двер как-то объяснил ему, что это единственный способ увидеть что-то в царстве экзотических кристаллов, которые отбрасывают прозрачные сверкающие тени.

Это было вскоре после того, как Двер получил звание мастера охотника и вернулся домой, присоединившись к Ларку и Саре у постели больной матери. Он рассказал об этом Ларку во время ее болезни, которая унесла ее и буквально за одну ночь превратила Нело в старика. Последнюю неделю Медина ничего не ела и почти ничего не пила. От двух старших детей, в которых она души не чаяла, став в Доло женой бумажника, она как будто ничего не ждала. Но зато поглощала рассказы младшего о его странствиях, о том, что он видел, слышал и ощущал в далеких уголках Склона, где мало кто бывал. Ларк помнил ревнивое и болезненное чувство, когда видел, какое утешение приносят матери рассказы Двера в ее последние часы. Потом он бранил себя за такие недостойные мысли.

Воспоминание возникло внезапно, очевидно, вызванное яркими цветами внизу.

Некоторые легковерные среди Шести говорят, что слои ядовитого камня обладают волшебными

свойствами, полученными за эпохи воздействия вулканических выделений. Эти выделения они называют “кровью матери Джиджо”. В этот момент Ларк готов был согласиться с таким суеверием, настолько поразило его сверхъестественное ощущение *знакомости.* Словно он уже был здесь много лет назад.

При этой мысли глаза его как будто приспособились, раскрылись, и он увидел, как крутящиеся цвета превратились в воображаемые каньоны, вымышленные долины, призрачные города и даже целые фантомные цивилизации, огромней забытых городов буйуров…

Но не успел он опомниться, как иллюзии неожиданно кончились: Спектральный поток устремился в море. Беш снова затормозила машину, и вскоре царство цветов исчезло как сон, сменившись нормальной пустыней обветренного вулканического камня.

Полоска прибоя напоминала сказочное шоссе, ведущее в неведомые земли. Ларк расстегнул пояс и пересел через проход, чтобы видеть великий океан. *Какой огромный,* подумал он. Однако это ничто по сравнению с просторами, которые, не задумываясь, преодолевали Линг и ее спутники. Ларк всматривался в надежде увидеть замаски-

рованный мусорный корабль, с его ловящими ветер наклонными парусами и грузом священных контейнеров, которые он везет к месту их окончательного упокоения. С этой высоты он может увидеть даже Помойку, темно-синие воды забвения, заполняющие такую глубокую впадину, что она способна принять отходы десятка могучих цивилизаций и подарить им блаженство забвения.

Ни в одном путешествии в поисках данных для своих вечно голодных схем Ларк не заходил так далеко. Даже привычным взглядом он отыскивал мало следов обитания разумных существ — рыбачья деревушка хунов, гнездовье красных квуэнов под навесом скал. Конечно, при такой скорости за то время, что пересаживаешься от окна к окну, внизу может промелькнуть что-то важное. А Ларк постоянно пересаживался, когда Беш поворачивала корабль, нацеливая инструменты на сушу и море.

Даже эти немногие признаки обитания исчезли, когда они добрались до Трещины, пролетев несколько сотен полетов стрелы к западу от далекой, в форме ножа, Окончательной скалы.

Здесь сушу делили могучие утесы и глубокие подводные каньоны. Извилистые мысы чередо-

вались с кажущимися бездонными пальцами темного моря, словно какие-то гигантские когти провели параллельные борозды почти точно в направлении на восток, образуя непреодолимый природный барьер. Жизнь за этой границей превращала вас в преступника, проклятого мудрецами и Святым Яйцом. Но флаер чужаков стремительно миновал царство зубчатых утесов и пропастей между ними, словно это рытвины на хорошо изъезженной дороге.

Вскоре внизу лига за лигой проносились песчаные земли, поросшие редким кустарником, прерываемые через длительные промежутки развалинами древних городов, почти исчезнувших под действием ветра, солнца и дождя. Взрывы и распыляющие лучи когда-то уничтожили здесь могучие башни, когда последний горожанин буйур выключил свет. Со временем вечно жующая Помойка и более молодые вулканы не оставят ни следа даже от этих торчащих остатков.

Вскоре небесная лодка оставила континент и пролетела над цепью окутанных туманом островов.

Даже Двер и не мечтал забраться так далеко.

Ларк решил не рассказывать об этом путешествии брату, не обсудив его предварительно с

Сарой, которая лучше старшего брата разбирается в такте и обидах.

И тут он снова вернулся к реальности. Сара в Доло. *Двер может быть отправлен на восток, в погоню за глейверами и сунерами. А когда чужаки закончат свои исследования, мы* все *можем встретить свой конец — вдали от тех, кого любим.*

Ларк со вздохом опустился на свое место. Какое-то время он наслаждался полетом. *Будь проклята* память: теперь он вспомнил, как на самом деле обстоят дела!

Остальную часть пути он старался оставаться незаметным и сохранял деловитый вид, даже когда они наконец приземлились на опушке леса, странно не похожего на знакомые ему леса, или когда помогал Линг помешать в клетки необычные, замечательно интересные существа. Профессионализм — единственное удовольствие, которое позволял себе Ларк, изучая природу. Но при мысли о полете наслаждение и удивление исчезали.

Уже в темноте Ларк вернулся в свою палатку возле Поляны — и обнаружил, что его ждет с новостями Харуллен.

Низкая массивная фигура занимала почти по-

ловину палатки. Вначале, стоя у входа так, что только лунный свет падал сзади, Ларк решил, что это Утен, его друг и коллега-натуралист. Но пепельного цвета панцирь квуэна не тронут шрамами от длительного погружения в прошлое Джиджо. Харуллен — книжный червь, мистик, который говорит высокомерным тоном, напоминающим древних Серых Королев.

— Фанатики прислали послание, — зловеще произнес лидер еретиков, даже не спросив у Ларка, как прошел его день.

— Да? Наконец-то! И что в нем говорится? — Ларк сбросил у входа мешок и тяжело опустился на койку.

— Как ты и предсказывал, они хотят встретиться. Договорились на сегодня в полночь.

Эхо– шепоты последних слов донеслись из задних говорящих щелей, потому что квуэн переместил свой вес. Ларк сдержал стон. Ему еще нужно подготовить отчет для мудрецов, изложив все, что он узнал сегодня. Больше того, рано утром его ждет Линг, чтобы он помог оценить новые образцы.

И теперь еще это?

Что ж, чего еще ожидать, если играешь игры со многими уровнями верности? Старинные ро-

маны предупреждают, что приходится тяжело, когда служишь нескольким хозяевам.

События ускоряются. Теперь тайная, известная только по слухам организация повстанцев наконец предложила поговорить. Какой у него выбор? Только идти на встречу.

— Хорошо, — сказал он Харуллену. — Зайди за мной, когда нужно будет идти. А тем временем у меня есть работа.

Серый квуэн молча удалился, слышалось только царапанье когтей по скалистой тропе. Ларк чиркнул спичкой, которая выпустила облако остро пахнущего дыма, прежде чем вспыхнуть и зажечь его маленькую масляную лампу. Развернул складной письменный стол, который подарила Сара, когда он закончил школу Рони, — казалось, это произошло геологическую эпоху назад. Достав пачку лучшей писчей бумаги отца, Ларк настриг черного порошка из полуиспользованной чернильницы, порошок стряхнул в глиняную ступку, смешал с жидкостью из маленькой бутылочки и толок пестиком, пока не растерлись все комки. С помощью своего карманного ножа подточил перо. Наконец окунул его,в чернила, немного подумал и начал писать свой отчет.

Это правда, осознал Ларк чуть позже, во время напряженных переговоров в тусклом опаловом свете Торгена, второй луны. Подозрительно, осторожно, но фанатики действительно предлагают заключить союз с вольным сообществом еретиков Харуллена.

Почему? У этих двух групп совершенно разные цели. Мы стараемся уменьшить, а потом и совсем прекратить наше нелегальное присутствие на этой хрупкой планете. Фанатики хотят только вернуть статус кво, восстановить наше скрытое общество — каким оно было до прилета корабля чужаков, а может, попутно свести кое-какие старые счеты.

Тем не менее представители двух групп встретились глухой ночью у парящей фумаролы на извилистой тропе, которая ведет к тихому гнезду Яйца. Большинство заговорщиков было в длинных плащах, скрывающих внешность. Харуллена, который одним из немногих сохранил действующего реука, попросили снять симбионта с сенсорного купола, чтобы тонко организованное существо не сгорело в атмосфере напряженной интриги. Создания Великого Мира, реуки не приспособлены к временам войны.

Или просто фанатики не хотят, чтобы слиш-

ком много о них узнали, размышлял Ларк. Не зря реук называют “маской, которая открывает”. И их повсеместная спячка тревожила почти так же, как тяжелое молчание самого Яйца.

Перед началом фанатики распечатали несколько кувшинов, выпустив по периферии рой ос тайн — древний обычай, происхождение которого забыто, но после открытий последних нескольких дней этот обычай приобретал зловещий смысл. После этого вперед выступила урская представительница заговорщиков и заговорила на Галактическом Два.

Ваш союз видит возможность в (печально оплакиваемом) появлении этих преступников, обвинила она. Свисты и щелканья приглушал капюшон ее плаща, из-под которого виднелся только кончик морды. Но все же Ларк мог сказать, что она не на много сезонов выросла из средних, и под рукой у нее в сумке был только один муж. Ее дикция свидетельствовала об образовании; возможно, она окончила одну из степных академий, где молодые уры, только что из стада, собираются у какого-нибудь парящего вулкана, чтобы стать учениками в своих наиболее распространенных видах мастерства. *Значит, интеллектуал. Полный книжного обучения и сознания важности*

своих идей.

Да, честно ответил он сам себе. *Иными словами, мало чем отличается от тебя самого.*

Харуллен ответил на вызов мятежницы, политически корректно заговорив на англике.

— Что означает ваше странное предложение?

Мы считаем, что вы увидели в этом (отвратительном, нежеланном) появлении чужаков возможность достичь своих целей!

Ур топнула передней ногой. Ее обвинения вызвали гневные восклицания членов делегации еретиков. Однако Ларк это предвидел.

Серый панцирь Харуллена раскачивался расширяющимися кругами. Жест треки, который кольчатые называют Возражение против несправедливого обвинения.

— Вы обвиняете нас в том, что мы прощаем убийство нас самих и всех живых существ на Джиджо.

Урская заговорщица повторила жест, но с поворотами в противоположном направлении — Повторение обвинения.

Я (подчеркнуто) настаиваю на этом. И делаю это в (грубой) откровенности. Все знают, что вы, еретики, (ошибочно) хотите именно этого.

Ларк выступил вперед. Если в возгласах фана-

тиков и слышались обвинения против людей, он не обращал на это внимания.

Это не то (усиленное отрицание), чего мы хотим, заявил Ларк, в спешке слегка искажая фразу-трель.

У *этого есть две причины,* продолжал он, по-прежнему сражаясь с Галактическим Два.

Первая причина (для опровержения) в том, что чужаки (алчные в высшей степени) должны не только уничтожить всех разумных свидетелей (преступления/воровства), которые могут дать показания в Галактическом суде. Они также должны стереть с лица земли всех остающихся представителей тех (несчастных) видов, которых украдут на Джиджо. Иначе как неприятно будет когда-нибудь, когда (неразумные) воры объявят о принятии расы новых клиентов, а им представят доказательства, что эта раса украдена с нашей планеты. По этой причине они должны истребить все местное население, а только потом улетать.

Это мы (поистине) не можем допустить! Геноцид невинной жизни — именно то преступление, ради борьбы с которым сформировалась наша группа!

Послышались одобрительные выкрики Ха-

руллена и других еретиков. Ларк обнаружил, что у него слишком пересохло в горле, чтобы продолжать на Галактическом Два. Он сделал необходимый жест. И теперь перешел на англик.

— Но есть еще одна причина для сопротивления чужакам. Нет чести в том, чтобы быть просто убитым. Цель нашей группы — поиски договоренности, консенсуса, так, чтобы Шесть действовали медленно, безболезненно, *добровольно,* путем контроля над рождаемостью, как акт благородства и преданности этой планете, которую мы любим.

— В конце концов последствия будут идентичными, — ответила самка ур, переходя на тот же язык, которым пользовался Ларк.

— Нет, если когда-нибудь будет установлена истина! А она будет установлена, когда на этой планете появятся законные обитатели, которые заинтересуются археологией.

После этого заявления наступило смущенное молчание. Даже Харуллен повернул свой купол и уставился на Ларка.

— Прошу объяснить. — Урская мятежница согнула передние ноги, прося его продолжать. — Что нам дадут археологические открытия, если мы и наши потомки давно исчезнем и наши

кости усеют дно океана?

Ларк собрался, преодолевая усталость.

— Со временем, вопреки всем нашим усилиям жить в соответствии со Списками и не оставлять следов, это история когда-нибудь прояснится. Через миллион или через десять миллионов лет станет известно, что здесь когда-то жила колония сунеров, потомков эгоистичных глупцов, которые по давно забытым причинам вторглись на Джиджо. Существ, которые тем не менее преодолели глупость своих предков и поняли, в чем подлинное величие.

В этом разница между поисками достойного ухода и позволением грязно убить себя. Ради чести и по всем благословениям Яйца выбор должен принадлежать нам, каждому индивиду, а не быть навязанным нам бандой преступников.

Харуллен и остальные друзья Ларка были явно тронуты. Они кричали, свистели и громыхали, выражая горячую поддержку. Ларк слышал даже одобрительные возгласы со стороны фанатиков. Без помощи реука он не мог судить, насколько убедил слушателей — хотя в глубине души он сам не верил в свои слова.

Банда Линг как будто не боится археологических открытий в далеком будущем.

Да и самому Ларку все равно, появится ли в отдаленном будущем в книге какое-нибудь примечание, в котором будет сказано что-то хорошее о Шести.

Хорошие законы не нуждаются в признании или вознаграждении, чтобы их признали хорошими. Они хороши и справедливы за свой счет и будут исполняться, даже если ты знаешь, что никто за тобой не следит. Даже если никто никогда не узнает.

Несмотря на хорошо известные недостатки галактических цивилизаций, Ларк знал, что законы, охраняющие невозделанные миры, справедливы. И хотя он самим фактом рождения нарушает их, его долг постараться, чтобы они соблюдались.

Вопреки собственным словам, в принципе у него нет возражений против устранения бандой Линг местных свидетелей, если при этом будут использоваться мягкие средства. *Например, генетическая болезнь, которая оставляет всех здоровыми, но стерильными. Это устранило бы свидетелей и заодно решило все проблемы Джиджо.*

Да, но Ларк должен противостоять и схеме грабителей генов. Это тоже насилие над Джиджо. И

поскольку мудрецы продолжают только болтать, лишь заговор фанатиков способен сражаться с угрозой чужаков.

Отсюда страстная ложь Ларка, направленная на достижение доверия между двумя разными группами радикалов. Ему нужен союз с фанатиками по одной простой причине. Если существуют планы борьбы, Ларк должен участвовать в их составлении и осуществлении.

Пока сотрудничай, говорил он себе, продолжая использовать лучшие ораторские приемы, чтобы устранить подозрения, усиленно агитируя в пользу союза.

Сотрудничай, но держи глаза открытыми.

Кто знает? Возможно, одним ударом удастся осуществить обе цели.

Аскс

Вселенная требует от нас чувства иронии. Например, все усилия и вся добрая воля, которые создали Великий Мир, стоили того. Благодаря им мы, народы Общины, стали лучше. Мы также предполагали, что это будет действовать в нашу пользу, если/когда галактические инспекторы явятся судить нас. Воюющие народы приносят

больше вреда планете, чем те, которые спокойно обсуждают, как лучше ухаживать за общим садом. Если мы будем вежливыми и мягкими, а не ненасытными преступниками, это подействует в нашу пользу.

Так мы рассуждали. Не правда ли, мои кольца?

Увы, с неба пришли не судьи, но воры и лжецы. И неожиданно нам пришлось играть смертоносные игры интриг, а в них наше мастерство далеко не такое, каким было до дней Общины и Яйца.

Насколько мы были бы способней к таким играм, если бы не мир!

Мы с острым сожалением открыли эту истину, когда усталый курьер принес нам сообщение Уриэль, кузнеца, из ее мастерской-кузницы. Слова-предупреждения. Страшные предостережения. Рассказ о небесных предзнаменованиях, совет готовиться к прилету космического корабля!

О, запоздавшее предупреждение! Призыв к осторожности, услышанный слишком поздно. Когда-то на холодных вершинах гор от северного Библоса до тропических поселений в долине находились каменные крепости. С помощью хитроумно устроенных зеркал они передавали сообщения, которые обгоняли скачущих уров и

даже летящих птиц. С помощью таких семафоров люди и их союзники быстро мобилизовывались для битв, компенсируя свою недостаточную численность. Со временем уры и хуны выработали собственные системы передачи информации, по-своему очень остроумные. Даже мы, треки, разработали сеть слежения за запахами, чтобы иметь возможность предупредить об опасности.

Ни одна из этих систем не пережила мир. Семафоры были брошены, сигнальные ракеты, разрешенные мудрецами, исчезли. До последнего времени торговля не оправдывала дорогостоящие средства связи — хотя очень иронично то, что год назад изобретатели заговорили о необходимости снова занять старинные каменные гнезда и возобновить посылку световых сигналов.

Если бы они действовали быстрей, получили ли бы мы предупреждение Уриэль вовремя?

И как отразилось бы это своевременное предупреждение на нашей судьбе?

Увы, мои кольца! Тщетно думать о том, что могло бы быть. Если не считать солипсизма, это самое безумное занятие, какому способны предаться унитарные существа.

Рети

— У тебя есть что-нибудь для меня?

Ранн, высокий, со строгим лицом, предводитель небесных людей протянул к ней руку. В сумерках, под звуки ветра, свистящего в роще светлых бу, Рети показалось, что каждый его мозолистый палец толщиной с ее запястье. Лунный свет бросал тени на угловатые черты лица Ранна и его клинообразный торс. Рети пыталась не показать этого, но чувствовала себя в его присутствии такой ничтожной.

Неужели там, среди звезд, все мужчины такие?

Эта мысль заставила ее почувствовать себя странно, как в тот раз, немного раньше, когда Беш сказала ей, что можно уничтожить шрамы на лице.

Вначале пришли дурные новости.

— Здесь, в нашей маленькой клинике, мы ничего не можем сделать, — сказала ей женщина с корабля пришельцев, когда Рети впервые пришла в больницу возле погребенной станции.

Пол–утра она простояла в очереди. Ужасное время, которое она провела между г'кеком со

скрипящим перекосившимся колесом и престарелой самкой ур, из ноздрей которой капала какая-то отвратительная серая жидкость. Каждый раз как очередь продвигалась, Рети старался ни на кого не наткнуться. Когда наконец ее начали осматривать при свете ярких ламп, надежды ее вначале взлетели к небу, потом рухнули.

— Такие повреждения кожного покрова легко устранить дома, — говорила Беш, подталкивая Рети к клапану палатки. -

Биоскульптура — тонкое искусство. Эксперты способны создать прекрасные формы даже из примитивного материала.

Рети не обиделась. *Примитивный материал. Это я и есть.* В то время у нее голова кружилась от воображаемых возможностей: что если галактическое колдовство может дать ей лицо и тело, как у Беш или Линг?

Она отказывалась пошевелиться, прежде чем Беш не разрешит ей говорить.

— Говорят… говорят, вы возьмете с собой кое-кого из людей, когда улетите.

Беш смотрела на нее глазами цвета золотисто-коричневого драгоценного камня.

— Кто говорит?

— Я… слышала. Наверно, слухи.

— Не стоит верить всем слухам.

Действительно ли она подчеркнула слово “все”? Рети готова была ухватиться за всякую причину для надежды.

— Я слышала также, что вы хорошо платите тем, кто приносит вам нужное… или новости.

— Это верно. — Теперь глаза слегка заблестели. Женщина забавляется? Или это жадность?

— А если эти новости действительно, *действительно* ценные? Какая тогда награда?

Звездная женщина улыбнулась, в ее улыбке было дружелюбие и обещание.

— Зависит от ценности или полезности информации, а предел — небо.

Рети почувствовала возбуждение. Она сунула руку в свою сумку на поясе.

— Не сейчас, — негромко сказала женщина. — Тут нельзя соблюдать тайну.

Посмотрев направо и налево, Рети увидела других пациентов и тех, кого наняли пришельцы. Представители Шести помогают чужакам во многих делах. И каждый из них может шпионить в пользу мудрецов.

— Сегодня вечером, — негромко сказала ей Беш. — Ранн каждый вечер выходит к ручью. Подожди его у желтого бу.

Того, что еще только расцветает. Приходи одна и не говори ни с кем, кого встретишь в пути.

Здорово/радостно думала Рети, выходя из палатки. *Они заинтересовались! Именно на это я надеялась. И как раз вовремя.*

Если бы она ждала еще дольше и не устанавливала контакт, все могло бы быть потеряно. Главный мудрец-человек приказал ей уходить завтра утром, сопровождая пересекающий горы небольшой караван ослов. С нею должны идти два молчаливых мужчины и три рослые женщины, которых она никогда раньше не видела. Ничего не было сказано, но она знала, что их цель — найти Двера, а потом направиться прямо в ту дикую местность, из которой она пришла.

Ничего подобного! думала она, радостно вспоминая о сегодняшнем вечернем свидании. *Двер может продолжать играть в свои охотничьи игры в лесу. Он будет едва зарабатывать на еду в Серых холмах, а я буду жить высоко и богато вверху, в Хвосте Дельфина.*

Это созвездие, откуда, как говорят, прилетели чужаки, хотя похожий на краба мудрец Ум-Острый-Как-Нож однажды попыталась объяснить Рети что-то о галактиках и “пунктах перехода” и что возвращение к цивилизации извилисто, как

нити паутины мульк-паука. Но ее слова не имели смысла, и Рети решила, что старая самка-квуэн, вероятно, лжет. Она предпочитала думать, что отправится к звездам, которые хорошо видит, а это значит, что когда-нибудь она сможет посмотреть на Джиджо из прекрасного галактического города, где ей предстоит жить, и каждую ночь будет показывать язык Джессу, Бому и всему их вонючему племени. А также Дверу и всем мудрецам, вообще всем остальным на этой нищей планете, всем, кто плохо с ней обращался.

Весь день после встречи с Беш она избегала мудрецов и их слуг, искала поляны в нескольких полетах стрелы к западу, где пилигримы пытались восстановить праздничные развлечения Собраний. Павильоны, снесенные в панике, снова поставлены, и многие вышли из укрытий. Конечно, по-прежнему чувствовалось большое напряжение. Но некоторые упорно пытались вести прежнюю жизнь, даже хотя бы ненадолго.

Рети зашла под навес, где ремесленники демонстрировали свои товары, привезенные со всего Склона. Вчера все это поразило бы Рети. Но сейчас она только презрительно улыбалась — после того как видела блестящие машины небесных людей. В одном месте она побывала

на дискуссии: эксперты хун, г'кек и человек обсуждали усовершенствование техники плетения веревок. Слушатели молчали, и никто не задавал вопросов.

Поблизости треки, выращивающий кольца, демонстрировал несколько вялых существ в форме пончика, с тонкими руками и ногами. Возле загона стояли трое взрослых треки, может быть, думая о прибавлении к новым грудам, которые они создают дома. А может, просто бездельничали.

Еще дальше на поляне в пятнах солнечных лучей акробаты-шимпы демонстрировали свое мастерство детям, а у горячего парящего ручья играл полный секстет из представителей всех шести рас. Все могло бы показаться очень веселым, если бы Рети не ощущала какое-то напряжение, которое портило веселье. И если бы ее сердце не ожесточилось против всего джиджоанского.

Эти слопи думают, что они чем-то лучше шайки грязных сунеров. Может, и так. Но ведь на Джиджо все сунеры, верно?

Я улетаю далеко, так что мне все равно.

На большой неровной поляне она увидела множество детей людей и средних уров, соперничающих в игре Вызов Дрейка.

Игровое поле представляло собой песчаную полоску, ограниченную с одной стороны ручьем. Другая граница — длинная яма, заполненная угольями, тлеющими под серым покровом пепла. В лицо Рети ударили струи горячего дыма, вызвав болезненные воспоминания о Джессе и Боме. Шрамы ее напряглись. Она прошла выше по холму и села в тени карликового тару.

Появились два соперника: мальчик-человек на северном конце поля и плотный урский средний на южном. Двигаясь неторопливо и обмениваясь оскорблениями, они приближались к центру, где ждали два судьи.

– Эй, лошак! Тебе пора принять ванну! — насмехался юноша, пытаясь идти важно и спокойно. Но ему мешала левая рука, привязанная за спиной полотняной полоской. Одет он в кожаный костюм — от колен до подбородка, но руки и ноги обнажены.

У молодой самки ура своя защита и своя помеха. Ее хрупкие сумки и железы запахов закрыты прочными прозрачными пленками. Подойдя ближе, средний попытался угрожающе вскинуться — и едва не упал, к развлечению зрителей. Рети увидела причину: задние ноги были стреножены.

— Глупый крикун! — кричала самка сопернику, восстанавливая равновесие. — Пора тебе поджариться!

За обеими границами: за ямой с углями и за ручьем — собрались толпы молодых зрителей. У многих защитное оборудование из кожи или прозрачной пленки. Они с беспечно расстегнутой защитой ждут своей очереди выйти на арену. Некоторые юноши и девушки натирают мазями свежие ожоги на икрах и бедрах, отчего Рети поморщилась. Конечно, ни один из этих ожогов не кажется таким уродливым или болезненным, как ее собственные. Ни волдырей, ни ужасных обожженных полос. И все же как они могут сознательно подвергаться такому риску?

Мысль об этом казалась Рети одновременно отвратительной и странно привлекательной.

В конце концов, многим ли это отличается от ее собственной истории? Она знала, что непослушание Джессу будет иметь последствия, но все же пошла на него.

Иногда приходится сражаться, вот и все. Рети подняла руку и слегка коснулась лица. Она ни о чем не жалеет. Ни о чем.

У некоторых зрителей уров тоже следы недавних схваток, особенно на ногах, где свалялись

или сошли полоски шерсти. Странно, но никакого разделения между расами не было. Напротив, большинство групп зрителей смешанные, они по-дружески обмениваются замечаниями и сравнивают технику соперников. Рети видела, как юноша-человек шутит с уром средним, положив руку на гладкую гриву самки.

Возбужденно кричали зукиры и шимпы, они заключали пари и колотили по земле руками.

На некотором расстоянии за углями Рети видела еще одну импровизированную арену, на которой соревновались молодые треки с недавно отделившимися кольцами и молодые г'кеки, такие легкие и проворные, что могли даже на короткое время поднимать колеса и идти на задних толчковых ногах. Этот турнир напоминал какой-то вертящийся танец. Подробностей Рети не могла разобрать, но соперничество было гораздо менее жесткое, чем Вызов Дрейка.

Два судьи квуэна: один серый, другой синий — ждали соперников посредине песчаной арены. Они в поисках оружия тщательно осмотрели рукава человека, потом проверили наличие колпачков на серпоподобных зубах среднего. Затем синий квуэн попятился в ручей, а серый вытянул бронированные ноги и, к великому изумлению

Рети, смело ступил на горячие угли! И продолжал там стоять, поднимая две когтистые ноги высоко над дымящейся поверхностью, потом переходя на другую пару и так все время.

После ритуального — и настороженного — поклона друг другу парень и средний начали кружить в ожидании ошибки соперника.

Неожиданно они бросились друг на друга, схватились, причем каждый толкал соперника в том направлении, куда тот не хотел идти. Теперь Рети поняла, почему у них связаны конечности. Со стреноженными задними ногами ур не может растоптать противника или использовать всю силу, чтобы победить. Аналогично сильные руки юноши могли просто задушить среднего, если бы одна не была привязана за спиной.

Вызов дрека/ Вызов дрека! Йиппиии йуйее!

Рети вздрогнула, услышав этот писклявый голос — гораздо ближе, чем толпа кричащих зрителей. Она поискала его источник, но никого не увидела, пока кто-то не потянул ее за платье. Она посмотрела вниз.

Безопасность сумки? Йии будет говорить! Ты безопасность сумки, и йии будет говорить с тобой!

Рети удивленно смотрела. Это крошечный ур!

Не больше ее ступни, он грациозно приплясывал на четырех миниатюрных копытах, по-прежнему дергая ее за одежду. Крошечное существо трясло гривой, поворачивая гибкую шею, и нервно продолжало:

Иши нужна сумка! Нужна сумка!

Рети повернулась и увидела, что его так испугало. В кустах, слегка отдуваясь, сидел гладкий черный зверь, свесив язык между двух рядов острых белых зубов. Вначале Рети показалось, что она его узнала. Она подумала, что это Грязнолапый, брюзгливый спутник Двера в горах. Потом увидела, что у этого нет коричневых пятен на лапах. Значит, другой нур.

Хищник поднял голову и, глядя на маленького ура, сделал один шаг, другой.

Рети импульсивно подхватила дрожащую добычу и сунула в свою кожаную сумку.

Нур разочарованно посмотрел на нее, повернулся и исчез в кустах.

Крики, возгласы и возбужденное фырканье заставили ее взглянуть на арену, и она увидела, что борец человек падает в туче поднявшегося пепла. К ее изумлению, юноша не вспыхнул мгновенно, но гибко перевернулся и встал, подплясывая, переступая с одной голой ноги на другую и хлад-

нокровно стряхивая горящие уголья с одежды. К нему бросился серый квуэн, но мальчик знаком попросил его не вмешиваться. Еще раз провел рукой по воротнику и по углям направился обратно на арену.

На Рети это произвело впечатление. Слопи кажутся более крепкими, чем она считала.

Горяч, горяч, но не побит, послышался тонкий голос из сумки, как будто довольный ее удивлением. Страх перед нуром словно совершенно забылся. *Парень сделал бу-бу, поскользнулся и упал, но больше не сделает. Не этот парень! Он победит. Увидишь, это глупый лошак обмочится!*

Рети не могла прийти в себя от изумления. Ей трудно было решить, что удивляет ее больше: соревнование на арене или это крошечное существо в сумке с его беглыми комментариями.

Арена привлекла ее внимание: юноша-человек снова приблизился к противнику. Какой бы ни была его ошибка в первый раз, парень решительно не собирался ее повторять, он уклонялся и отпрыгивал, а потом сумел схватить среднего за гриву. Самка фыркнула, щелкнула зубами и тщетно пыталась тонкими слабыми руками разорвать его хватку. Попробовала поднять переднюю ногу, чтобы схватить пасть, но от этого только опасно

потеряла равновесие.

Вызов дрека! радостно кричал маленький ур, *дрек сказал Ур-чун, будем бороться, бороться, а не убивать!*

Рети затаила дыхание.

О, теперь я вспомнила.

Она совсем маленькой слышала эту легенду, ее рассказывал у лагерного костра один из стариков. Легенда умерла вместе с ним, потому что рассказам о жизни за горами Джесс и молодые охотники предпочитали преувеличенные описания собственных подвигов.

Насколько могла вспомнить Рети, жил некогда человек по имени Дрек — или Дрейк, — герой, силой и смелостью превосходивший всех до и после него. Однажды, когда земляне пробыли на Джиджо еще не долго, вождь уров, огромная самка, сошлась с Дрейком в схватке. Три дня и три ночи они боролись, наступали, выкрикивали угрозы. Земля дрожала, реки высыхали, вся местность между горами и морем была опустошена, и вулканы, и океан исчезли в дыму. И когда туман рассеялся, вся местность от горизонта до горизонта сверкала яркими красками, какие получаются при смешении человеческой и урской крови.

И из облака дыма и пыли вышли два героя — у

него не было руки, у нее ноги, они опирались друг о друга и с этого дня стали неразлучны.

И хотя после этого дня были и еще войны между племенами людей и уров, велись они благородно в память о Дрейке и Ур-чун.

Смотри! крикнул маленький ур.

Мальчик сделал ложный выпад налево, потом подставил правую ногу и надавил. В отчаянии фыркая, самка не смогла избежать переворота через его бедро и с криком тяжело шлепнулась в воду головой вперед. И забилась в тине, начиная тонуть. Из-за нее вынырнул синий квуэн и ногой подтолкнул к берегу. С благодарным криком средний выбрался на песок, поднимая облака пыли.

Хии! Иди поваляйся в горячем пепле, глупый лошак! Песок слишком медленный! У тебя сгниют волосы!

Рети посмотрела на маленького ура. Это не ребенок, как она вначале подумала. Она вспомнила, что от кого-то слышала: новорожденные уры остаются в материнской сумке в течение нескольких месяцев, потом их десятками выбрасывают в высокую траву, чтобы они сами заботились о себе. И во всяком случае, урский ребенок не умеет говорить.

Это, должно быть, самец! Теперь Рети заме-

тила, что горло и морда выглядят не так, как у самок, нет многоцветных красок и раздвоенной верхней губы. Это объясняет, почему ур-самец может произносить все звуки англика, а самка не может.

А на арене парень готовился к третьему раунду, но молодая самка опустила голову, признавая свое поражение. Юноша победно вскинул руку в кровавых полосках и помог судье вывести хромающую побежденную с поля. Тем временем два новых бойца разминались, а помощники привязывали им конечности.

Рети печально смотрела, как молодые люди шутят со сверстниками из других рас. Она гадала, как мальчику удалось так незначительно обжечься на углях, но не могла заставить себя задать этот вопрос. Они только посмеются над ее нерасчесанными волосами, над неловкой речью и над ее шрамами.

Забудь о них, с горечью думала она. От сухого жара и дыма зудело лицо. У нее есть гораздо более важные дела. Надо кое-что вынести из своей палатки до темноты. Что-то такое, что послужит платой за билет отсюда. Такое, чего никогда не видел ни один из этих рослых красивых молодых людей и никогда не увидит, несмотря на всю свою

гордость, мастерство и важное расхаживание. Билет в такое место, где прошлое больше не будет ее тревожить. Это гораздо важнее, чем наблюдать за тем, как дикари играют в свои яростные игры огня и воды.

— Послушай, я должна идти, — сказала она урску-самцу, вставая и осматриваясь. — Кажется, этот отвратительный нур ушел, так что ты тоже можешь уйти.

Крошечное создание смотрело на нее, повесив хвост и морду. Рети прочистила горло.

— Может, отнести тебя куда-нибудь? Твоя… гм… *жена,* наверно, волнуется за тебя.

Темные глаза печально блеснули. *Уф-рохо больше не нужен йии. домашняя сумка полна скользких новорожденных. Вытолкнула йии, в правой сумке другой муж. Йии должен найти новую сумку или нору в траве, чтобы жить/умереть. Но в горах нет сладкой травы, только жесткий камень!*

Последние слова прозвучали очень печально. Ужасно поступили с беспомощным маленьким созданием, и Рети рассердилась, думая об этом.

Хорошая сумка эта. Он издавал странную дрожащую мелодию, удивительно низкую для такого маленького существа. Там, где он прикасался к

Рети, у нее покалывало кожу.

Йии хорошо служит новой жене. Делает то, что она захочет.

Рети смотрела на него, ошеломленная его предложением, Затем расхохоталась, прислонившись к дереву, и смеялась до тех пор, пока не закололо в боку. Сквозь полузакрытые глаза она видела, что *йии* тоже как будто смеется — по-своему. Наконец она вытерла слезы и улыбнулась.

— Ну, кое-что ты для меня уже сделал. Давно я так не смеялась.

И знаешь, что еще? Если подумать, то можно найти кое-что, что ты смог бы сделать. Такое, что сделает меня еще более счастливой.

Йии все сделает! Новая жена кормит йии, Йии делает жену счастливой.

Рети покачала головой, снова поражаясь неожиданным поворотам, которые могут делать жизнь ничего не подозревающего человека. Если ее новая идея сработает, возможно, этот поворот действительно счастливый.

— У тебя есть что-нибудь для меня?

Ранн протянул огромную руку. В полутьме, рядом с желтым бу, Рети смотрела на мозолистые пальцы мужчины, каждый толщиной с ее запястье. Его угловатые черты лица и массивный

торс — намного больше, чем у самого крупного парня, игравшего сегодня в Вызов Дрейка, — делали ее маленькой и незначительной.

Рети подумала: *Неужели все мужчины такие — там, среди звезд?*

Могу ли я верить человеку с такими руками, дать ему власть мужа над собой?

Она всегда думала, что скорее умрет, чем выйдет замуж.

Однако теперь у нее есть муж, который урчит где-то возле ее живота. Рети чувствовала прикосновение теплого языка йии к коже, когда гладила шелковистую шею.

Ранн, казалось, заметил ее ироническую улыбку. Кажется ли она от нее более уверенной в себе?

Она сунула руку мимо йии и вытащила тонкий длинный предмет, пушистый с одного конца, твердый и острый с другого и положила перо на раскрытую ладонь Ранна. Он удивленно посветил на перо своим инструментом в разных сторон, а она в это время продолжала вспоминать события, которые привели к этому моменту, когда решается ее будущее.

По пути сюда Рети миновала несколько представителей разных рас из числа Шести, все они

ожидали у какого-нибудь ориентира по маршруту ежевечерней прогулки Ранна. Как им и приказывали, никто не разговаривал и даже не пытался встретиться взглядом, хотя Рети заметила и подглядывающих шпионов: г'кека, двух хунов и человека. Они, держась на удалении, делали записи.

Рети все равно, что они расскажут Лестеру Кембелу о ее "предательстве". После сегодняшнего вечера мудрецы не смогут распоряжаться ею.

Придя к желтому бу, она нервно ждала, поглаживая йии и кусая ногти. За несколько дуров до появления Ранна негромкий свист возвестил о приближении мощного робота, восьмиугольного, устрашающего. Девушка в ужасе вспомнила другое летающее чудовище, которое посылало огненные лучи в гнездо мульк-паука… вспомнила, как сильные руки Двера оттащили ее от обжигающего луча, удержали от падения, как он закрыл ее своим телом.

Рети прикусила губу, подавляя всякую мысль, всякое воспоминание, которые могут ослабить ее решимость. Не время размягчаться. Именно этого хотят мудрецы.

И как бесчисленное количество раз дома — когда она заставляла себя противостоять Джессу,

несмотря на жестокое наказание, — она не стала скрываться от ужасного робота, стояла прямо, задрав подбородок.

Ты не можешь причинить мне вред, вызывающе думала она. *Не посмеешь!*

Но незваная мысль все же пробилась в сознание.

Один такой робот убил птицу.

Птица сопротивлялась и погибла.

Чувство вины едва не заставило ее повернуть и бежать. Но тут робот сам свернул в сторону, исчез в ночи, и его место занял Ранн, протягивая массивную руку.

Есть у тебя что-нибудь для меня? спросил он, улыбаясь, и Рети протянула ему перо.

Он продолжал нацеливать инструмент на перо — ее бесценное сокровище, и Рети видела, что его возбуждение растет. Стиснув губы, она пыталась укрепить свою решимость.

Дьявольщина, да, у меня есть кое-что для вас, мистер Звездный Человек. Что-то такое, что вам очень нужно.

Но дело в том, что у вас должно быть кое-что и для меня!

XV. КНИГА МОРЯ

Тропа требует времени, поэтому время нужно покупать по дорогой цене.
Когда послушные закону ищут тебя – прячься. Когда они найдут тебя – молчи.
Когда тебя судят – не дрожи.
То, что ты пытался сделать, запрещено по справедливости.
Но, если сделано хорошо, в нем есть красота.
С этим согласно большинство.

Свиток Избавления

Рассказ Олвина

У меня с собой словарь англика и разговорник, и я собираюсь провести эксперимент. Чтобы передать драматические события, которые произойдут дальше, я попытаюсь применить свое повествовательное мастерство в *настоящем времени.* Я знаю, что во многих рассказах со Старой Земли, которые я прочел, так не делается, но если это сделано правильно, то, мне кажется, придает

рассказу ощущение *непосредственного присутствия.* Вот что у меня получилось.

Я следую за маленьким Зизом, тем самым новым треки, влен которого мы все видели в тот день, когда Гибц превратился в Тиуга и забыл все о звездных кораблях; Зиз скользит от своего загона к крану, где мы впервые собирались проверить нашу лодку. Предыдущую неделю Зиз провел в своем загоне, поедая сытную пищевую смесь, и заметно вырос. Тем не менее он еще совсем маленький. Никто не ждет чудес силы и ума от треки, который мне едва до задних колен.

Зиз движется по проложенному Тиугом следу-запаху почти до края утеса, откуда можно заглянуть в Большую Помойку, потому что здесь она резко поворачивает, разрезая материк такой глубокой и широкой раной, что наши предки выбрали ее естественной границей для поселенцев на Джиджо.

Огромная масса Окончательной скалы бросает длинную траурную тень, но “Мечта Вуфона”, наша гордость и радость, висит за пределами тени, сверкая на солнце. Вместо того чтобы ползти по рампе к закрытому люку лодки, Зиз спускается в маленькой клетке, смонтированной под выпуклым окном, перед восемнадцатью тяжелыми

камнями балласта. Когда он минует Тиуга, Зиз и треки полного размера обмениваются облачками запахов на языке, для понимания которого ни у кого из остальных шести нет нужных органов.

Клетка закрывается, Урдоннел испускает свист, и группа хунов и квуэнов принимается за работу, сначала осторожно отводит лодку в сторону, потом опускает к морю, разматывая с барабанов трос-буксир и двойной шланг. Барабаны вращаются медленно, под четкий ритм, который повторяется снова и снова:

рамбл-дам-дамбл-ам-рамбл-дам-дамбл-ам…

Этот ритм захватывает. Хуны по всей скале, даже протестующие, подхватывают пульсообразный ритм веселой работы. Ритм команды, пота и радости.

Будучи единственным присутствующим нуром, Хуфу, кажется, считает своим долгом дико носиться по крану, словно по корабельным мачтам, изгибая спину и потягиваясь, как будто поют только для нее, чья-то рука гладит ее, поглаживает щетину на голове. Глаза нура сверкают, он смотрит, как все ниже и ниже спускается наша лодка. Видно только одно щупальце Зиза, высовывающееся из клетки.

Мне приходит в голову, что, может, Хуфу ка-

жется, что маленького треки используют как *приманку* на конце поистине грандиозной рыболовной лески! Может, Хуфу любопытно, кого мы пытаемся поймать.

Это, в свою очередь, заставляет вспомнить дикие россказни Клешни о “чудовищах” в глубине. С самого прибытия сюда ни он, ни Гек ни разу об этом не упоминали, каждый по своим собственным причинам, мне кажется. Или я один не забыл об этом среди всеобщего возбуждения?

“Гордость Вуфона” опускается ниже края утеса, и мы бросаемся к краю, чтобы не потерять его из виду. Квуэны не любят высоту и реагируют на нее, прижимаясь к поверхности, царапая животом, цепляясь за землю. И я так поступил, лежа и набираясь мужества, чтобы поползти вперед. С другой стороны, Гек подкатилась к самому каменному краю и остановилась, отставив назад для равновесия толчковые ноги и как можно дальше высунув два глазных стебелька.

Ну что за девчонка! Вот тебе и г'кеки, осторожные существа высшего уровня. Глядя на нее, я понял, что не могу сделать меньше, поэтому высунул голову через край и заставил себя открыть глаза.

На западе океан обширным ковром уходит до

самого горизонта. Там, где глубина континентального шельфа всего несколько кабельтовых, преобладают светлые тона. Но темная сине-серая полоса говорит о каньоне, отходящем от гигантской планетарной царапины, которая называется Помойкой. Эта глубокая-глубокая впадина проходит почти непосредственно под нами, потом поворачивает на восток, рассекая континент, как щель клинкерной обшивки обреченного корабля. Дальний берег всего в ста с небольшим полетах стрелы, но ряды острых, как лезвие, утесов и почти бездонные пропасти, идущие параллельно Трещине, образуют устрашающую преграду на пути всех, кто хочет нарушить Закон.

Я не ученый — к сожалению, у меня нет таких склонностей. Но даже я вижу, что эти рваные утесы должны быть новыми, иначе к этому времени ветер, прибой и дождь сгладили бы их. Подобно горе Гуэнн, в этом месте Джиджо активно обновляется. (С того времени, как мы здесь разбили лагерь, произошло два небольших землетрясения.) Неудивительно, что некоторые считают Окончательную скалу святым местом.

В других местах везде очень сильный прибой, покрывающий все пеной, но здесь море удивительно спокойно — гладкая поверхность.

Небольшое противотечение уходит от берега. Идеальные условия для нашей экспедиции — если они постоянны. Но здесь никто не проводил наблюдений за погодой, поскольку ни один мусорный корабль сюда не заходит. “Мечта Вуфона” опускается все ниже, как муха-паук, которая выпускает за собой двойную тонкую нить. Трудно точно определить, сколько осталось до воды. Гек как можно шире расставила глазные стебельки, пытаясь определить надежнее. Она говорит:

— Ну, сейчас окунаемся… *готово!*

Я затаиваю дыхание, но ничего не происходит. Большие барабаны продолжают разматывать кабель и шланги. Лодка становится все меньше.

— Готово! — повторяет Гек.

Проходит еще один дур, а “Мечта Вуфона” остается сухой.

— Да, вниз далеко-леко-леко, — запинается Клешня.

— Можешь сказать еще раз, — добавляет Урронн, нервно топая.

— Но не нужно, пожалуйста, — рявкает Гек, выдавая свое раздражение. Потом переходит на Галшесть: — *Реальность вмешивается в ожидания, когда…*

Так ей и надо: ее глубокомысленное рассуж-

дение прерывает всплеск. Вращение больших барабанов замедляется, а я смотрю на обширную неподвижную водную поверхность, в которой исчезла “Мечта”.

рамбл-дум-бамлб-ум-рамбл-дум-дамбл…

Похоже на самого большого в мире нура, который не замолкает, не прерывает ворчание, чтобы перевести дыхание. И если бы дело дошло до голосования, на этом основании большой кран мог бы завоевать титул Почетного Капитана Юга.

Хуфу, изогнув от удовольствия спину, пробирается на самый конец стрелы. Тем временем кто-то ведет счет.

— Один кабельтов, *сорок…* Один кабельтов, *шестьдесят…* Один кабельтов, *восемьдесят… Два кабельтова!* Два кабельтова, *двадцать…*

Эти возгласы напоминают мне, рассказы Марка Твена о речных лоцманах на романтической Миссисипи, особенно сцену, в которой рослый черный человек стоит на носу “Принцессы дельты” и измеряет глубину, находя отмели в предательском тумане и спасая жизнь всех на борту.

Я океанский хун. Мои родители водят морские корабли, а не какие-то речные посудины. Тем не менее это любимые рассказы моего отца.

И отца Гек тоже: когда она осталась сиротой и только еще начинала ходить на толчковых ногах, все ее четыре стебелька топорщились в удивлении, когда отец читал ей рассказы мира волчат, никогда не знавшего удушающей мудрости галактического образа жизни. Мира, чье невежество определенно не было благородным, но имело одно преимущество: оно давало шанс видеть, узнавать и делать то, чего никто раньше никогда не видел, не узнавал и не делал.

Так поступали люди на Земле.

А теперь так поступаем мы здесь!

И почти не сознавая, что делаю, я сажусь на свои сложенные вдвое задние ноги, откидываю назад голову и издаю радостный вопль. Могучий, громогласный крик. Он отдается по всей скале, отражается от оборудования и плывет над зубчатыми утесами Великой Трещины.

Насколько мне известно, он все еще плывет там.

Солнце проникает в спокойные воды по крайней мере на двадцать кабельтовых. Мы представляем себе, как “Мечта Вуфона” опускается все ниже, вначале сквозь облако пузырьков, потом сквозь обширную волну молчания, а свет сверху постепенно тускнеет и наконец совсем исчезает.

— Шесть кабельтовых, *шестьдесят…*

Шесть кабельтовых, *восемьдесят…*

Семь кабельтовых!

Когда мы будем опускаться, на этой глубине мы включим огни эйк и с помощью кислотной батареи пошлем искры по тросу, чтобы сообщить, что у нас все в порядке. Но у Зиза света нет и нет способа что-нибудь сообщить нам. Маленькая груда колец там, внизу, одна, хотя, мне кажется, треки никогда не бывают одиноки. Ведь их кольца могут бесконечно спорить друг с другом.

– *Восемь кабельтовых!*

Кто– то приносит кувшин вина мне и немного теплой крови симлы Ур-ронн. Гек через длинную изогнутую соломинку пьет ароматный галюк-эйд, а Клешня опрыскивает спину соленой водой.

– *Девять кабельтовых!*

Пробное погружение предполагалось только до десяти кабельтовых, так что постепенно начинают вводить в действие тормоз. Скоро барабан начнет вращаться в обратном направлении, чтобы вернуть “Мечту Вуфона” в мир воздуха и света.

И тут это происходит — громкий щелчок, словно дернули за натянутую струну виолы, громкий, как гром.

Руководитель крановой команды кричит:

– *Отпустите тормоз!*

Оператор устремляется к рукояти… слишком поздно: распространяющийся по шлангу толчок достигает крана, словно большая рыба внизу дернула за леску в стремлении уйти. Только этот толчок чрезвычайно силен, его не остановить.

Мы ахаем, видя маленькую фигуру Хуфу, вцепившуюся в самый конец раскачивающейся стрелы.

Одна лапа разжимается, затем другая. Хуфу кричит.

Наш маленький нур, вращаясь в воздухе, едва минует водоворот вокруг толстого троса и исчезает в воде. Мы в отчаянии беспомощно смотрим, как поглощает наш талисман пропасть, уже поглотившая Зиза, “Мечту Вуфона” и все наши надежды и результаты тяжелой работы за два года.

XVI. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Уры рассказывают о кризисе размножения.

Говорят, среди звезд продолжительность жизни у них была гораздо дольше, чем на Джиджо: они намного увеличили ее искусственными методами. Больше того, ур никогда не перестает стремиться к полным сумкам — либо с мужьями, либо с только что родившимися малышами. Существовали технические способы воспроизвести эти чувства, но большинство предпочитало естественный порядок.

Галактическое сообщество не одобряет тех, у кого слишком большое потомство: это нарушает миллиарднолетнее равновесие. Сохраняется постоянный ужас перед "диким пожаром" — кризисом перенаселения, подобным тому, который выжег половину Третьей Галактики сто с лишним миллионов лет назад.

Те расы, которые, подобно хунам, воспроизводятся медленно, особенно опасаются имеющих многочисленное потомство, таких, как уры.

Легенды рассказывают о конфликте из-за

этого. Читая меж строк приукрашенной устной истории уров, можно понять, что барды повествуют о судебном процессе — причем разбирательство велось на высочайшем уровне галактического общества.

Уры проиграли процесс, и за ним последовали строжайшие меры по сокращению рождаемости.

Но некоторые проигравшие даже тогда не захотели сдаваться. Они направили один корабль в запретное пространство, чтобы поискать дикую планету, которую могли бы назвать своим домом.

Место, где они могли бы услышать топот мириадов крошечных урских ног.

Аскс

Странное сообщение пришло из города Тарек. Оно было послано Арианой Фу, почетным мудрецом-человеком в отставке.

Уставший гонец — самка урупала, спешно поднявшись с равнины Уоррил. Она так утомилась, что жаждала просто воды, сырой и неразбавленной.

А теперь сосредоточьтесь, мои кольца. На-

правьте свое вечно рассеивающееся внимание к сообщению Арианы Фу, которое вслух читает Лестер Кембел, ее преемник. Посылает ли эта новость парообразное удивление в мой/наш центр — о том, что загадочный раненый чужак появился однажды в верховьях Рони? Незнакомец, который может оказаться *потерянным товарищем* посетителей со звезд, нарушивших наше общее изгнание! Или, размышляет Ариана, он может оказаться беглецом от этих самых далеко забравшихся авантюристов? Могут его раны свидетельствовать о подобной вражде?

Ариана рекомендует, чтобы мы, члены совета, осторожно расследовали это дело с нашей стороны, может, используя постигающих истину, а она проведет свой эксперимент в Библосе.

У чужаков как будто есть и другие интересы, помимо поиска предразумных существ, чтобы украсть их с невозделанной Джиджо. Они изображают незаинтересованность, однако продолжают усиленно расспрашивать наши народы, предлагая вознаграждение и похвалы за сообщения о “чем-нибудь необычном”.

Как иронично слышать от *них* эти слова.

Затем есть еще птица.

Вы ведь помните металлическую птицу, мои

кольца? Мы бы приняли ее за еще один буйурский реликт, добытый из паутины мертвого мульк-паука. Однако девушка-сунер клянется, что видела, как птица летела. Она пролетела большое расстояние, потом сражалась и была убита машиной ротенов!

Разве не в тот же вечер чужаки погребли свою станцию, словно они тоже боятся страшного неба?

Наши лучшие техники осмотрели птицу-машину, но у них нет инструментов, и поэтому они узнали мало. Установили только, что в металлической груди по-прежнему есть энергия. Может, группа, которую послал Лестер на восток, чтобы в соответствии с нашим законом собрать племя сунеров, узнает больше.

Так много вопросов. Но даже если мы получим ответы, изменится ли хоть немного в лучшую сторону наше ужасное положение?

Будь у нас время, я нацелил бы мои/наши разнообразные кольца на обсуждение этих загадок, и каждый вопрос заливал бы новым запахом наш влажный центр, словно воском, капая силлогизмами, пока сквозь блестящий покров не стала бы видна истина. Но для свойственного треки подхода к решению проблемы нет времени. И

поэтому мы, мудрецы, спорим в сухом воздухе, и у нас нет даже реуков, чтобы компенсировать различия языков. И каждый потраченный день лишь немного отдаляет нашу судьбу.

Что касается других предложений Арианы, то мы использовали постигающих истину в своих разговорах с небесными людьми. Согласно нашим книгам и преданиям, эта пассивная форма пси-способностей не так заметна, как другие способы.

Вы ищете что-то определенное? — спросили мы только вчера. — *Есть ли личность, существо или группа, которых нам следовало бы поискать для вас?*

Их предводитель — тот, что отзывается на имя-ярлычок Ранн, — казалось, напрягся, но потом быстро пришел в себя и уверенно улыбнулся, как они это часто делают.

Мы всегда ищем чего-нибудь необычного. А вы что-то такое заметили?

И в этот момент напряжения один из наших постигающих что-то засек — короткую вспышку *цвета.* Темно-серого цвета, похожего на цвет панциря Серой Королевы. Но эта поверхность казалась тоньше, с гибкой податливостью, свободной от украшений волос, чешуек, перьев или

торгов.

Вспышка сразу прекратилась. Но постигающий уловил ассоциацию — с *водой.*

Что еще ощутил он, мои кольца, во время этого краткого момента?

А, да. Вихрь пузырей.

Разбросанных и бесчисленных как звезды.

Пузырей, растущих в размерах, достигающих величины спутников Джиджо. Сверкающих. Древних. Лишенных возраста.

Пузырей, полных дистиллированными чудесами… запечатанных временем.

И больше ничего.

Увы, что еще можно спросить? Кто мы, как не любители — одна из сторон игры? Фвхун-дау и Ум-Острый-Как-Нож указывают, что даже этот “ключ” мог быть искусно вложен в сознание постигающего, чтобы отвлечь нас парадоксом.

Но в такие времена, когда реуки и Святое Яйцо нас как будто покинули, утопающий хватается даже за такой тонкий стебелек.

В своем послании Ариана обещает послать помощь другого рода. Специалиста, чье мастерство может поставить нас вровень с нашими врагами и, может быть, даже заставит их торговаться.

О, Ариана, как мне/нам не хватает твоего лу-

кавого оптимизма! Если бы с неба упал огонь, ты увидела бы в этом возможность обжигать горшки. Если бы весь Склон задрожал, а затем погрузился в страшные глубины Помойки, ты нашла бы и это событие полным *возможностей!*

Сара

Вопреки строжайшим приказам днем укрываться, пароход “Гофер” побил все свои прежние рекорды, идя вверх по течению от города Тарек, преодолевая весенний разлив Бибура; котлы его стонали, поршни бились о корпуса — могучая сила, с которой на Джиджо мог сравниться только другой пароход “Крот”. Символ великой человеческой технологии, эти пароходы оставались непревзойденными даже искусными урскими кузнецами, которые трудятся в высокогорных вулканах.

Сара вспомнила свое первое плавание, когда в возрасте пятнадцати лет была направлена на обучение в Библос. Как она гордилась своими новыми познаниями, особенно способностью каждый лязг и пыхтение парового двигателя рассматривать в терминах температуры, давления и единиц силы. Уравнения словно укрощали

шипящее чудовище, превращая его отчаянный рев в некое подобие музыки.

А теперь все это испорчено. Клепаные корпуса и пульсирующие балансиры кажутся теперь примитивными приспособлениями, чуть более передовыми, чем каменный топор.

Даже если звездные боги улетят, не сделав ничего из тех ужасных вещей, которые предсказывает Ариана Фу, они уже причинили вред, развеяв наши иллюзии.

Только одному человеку, казалось, все равно. Незнакомец держался возле пышущей, напрягающейся машины, всматривался в балансиры, жестами просил, чтобы инженерная команда открыла большой корпус и позволила ему заглянуть внутрь. Вначале люди из команды опасались его странного поведения, но вскоре, вопреки его неспособности говорить, ощутили родственную душу.

Сара заметила, что жестами можно объяснить очень многое. Еще один случай приспособления языка к потребностям момента — почти так же колонисты на Джиджо приспосабливали известные им формальные галактические языки, когда люди представили им полмиллиона текстов, напечатанных преимущественно на англике,

языке, созданном словно из сленга, жаргонов, каламбуров и двусмысленностей.

Это искаженное зеркальное отражение того, что происходило на Земле, где миллиардолетняя грамматика толкала людей к порядку. В обоих случаях движущей силой служила почти полная монополия на знания.

В этом есть очевидная ирония. Но Сара знала и другую, ее собственную теорию относительно языка и Шести, настолько еретическую, что взгляды Ларка по сравнению с ней казались абсолютно ортодоксальными.

Может, прошло время моего возвращения в Библос, доклада о работе… и подтверждения всего, чего я боюсь.

Незнакомец казался счастливым. Он был погружен в общение в инженерами, а Ариана Фу внимательно наблюдала за ним из своего инвалидного кресла. Поэтому Сара покинула шумное машинное помещение и направилась на нос корабля, где густой туман раздвигался стремительным движением “Гофера”. Из-за клочьев тумана на юге и востоке виднелись сверкающие вершины Риммера — там решается судьба Шести.

Как удивятся Ларк и Двер, увидев меня!

О, они, наверно, закричат, что я должна была оставаться дома в безопасности. А я отвечу, что у меня есть работа, не менее важная, чем их, и они не должны гордиться своим мужским полом. И мы все постараемся изо всех сил не показать, как мы рады встрече.

Но прежде всего мудрец Фу организовала эту поездку, чтобы проверить свои предположения относительно Незнакомца, вопреки инстинкту Сары, который не позволял вредить раненому.

Этот инстинкт причинил мне немало неприятностей. Не пора ли умерить его разумом?

В одном древнем тексте это называется “манией вскармливания” и было вполне применимо, когда ребенком Сара лечила раненых животных и птиц в лесу. Возможно, это не представляло бы никакой проблемы, если бы она последовала обычному для женщин Джиджо жизненному образцу, у нее появились бы дети и уставший муж-фермер, и все они требовали бы ее внимания. Зачем, в таком случае, стимулировать материнский инстинкт? И никакого времени для других интересов — особенно без сберегающих силы и время приспособлений, описанных в земных сказаниях. Сара, хоть и не очень красивая, знала, что преуспела бы в такой скромной жизни

и сделала бы счастливым какого-нибудь простого честного мужчину.

Если бы простая жизнь была тем, чего я хочу.

Сара попыталась отбросить волну интроспекции. Причина ее испуга очевидна.

Библос. Центр человеческих надежд и страхов, фокус силы, гордости и стыда, место, где она нашла любовь — или ее иллюзию и потеряла ее. Откуда перспектива "второго шанса" обратила ее в паническое бегство. Ни в каком другом месте не испытывала она подобной смеси подъема и клаустрофобии, надежд и страха.

Увидим ли мы его, миновав последний поворот?

Если каменные крыши уже обрушились…

Сознание ее отшатывалось от невыносимого. Чтобы отвлечься, она достала черновик своей второй работы о языках Джиджо. Пора подумать, что сказать мудрецу Боннеру и другим, если они возразят ей.

Что я делаю? Демонстрирую на бумаге, что хаос может быть формой прогресса. Что шум может быть информативным.

С таким же успехом могу сказать им, что черное это белое, а верх это низ!

Имеются доказательства того, что очень давно,

когда племена людей были скотоводческими и досельскохозяйственными, большинство языковых групп было структурировано гораздо строже, чем последующие языки. Например, земные ученые старались восстановить протоиндоевропейский язык на основе сопоставления латинского, древнегреческого, санскрита и германского языков. Получился праязык, строго организованный, со множеством падежей и склонений. Структура, подчиняющаяся правилам, которыми гордилась бы любая галактическая грамматика.

На полях Сара отметила свою недавнюю находку. Язык североамериканских индейцев чероки содержал семьдесят местоимений — способов сказать “я”, “мы” и “вы”, в зависимости от контекста и личных взаимоотношений, — черта, общая с галактическими языками.

Для некоторых это означает, что у людей когда-то были патроны, которые возвысили земных человекообразных обезьян. Учителя, которые изменили наш мозг и тело и научили строгой логике, приспособив язык к нашим нуждам.

Потом мы потеряли своих проводников. По собственной вине? Или нас покинули? Никто не знает.

После этого, утверждает теория, все земные

языки регрессировали, вернулись к обезьяньим выкрикам, которыми пользовались просто люди до возвышения. К тому времени, когда наши предки покинули Землю ради Джиджо, галактические советники рекомендовали оставить англик и другие языки “волчат”, заменив их кодами, специально созданными для разумных существ.

Их аргументы можно проиллюстрировать игрой в испорченный телефон.

Возьмем дюжину игроков и посадим их кружком. Прошепчем первому сложное предложение, он должен его тоже шепотом передать следующему, и так далее. Вопрос: насколько скоро первоначальное сообщение потеряется среди искажений и языковых ошибок? После нескольких повторений предложение может стать совершенно неузнаваемым.

Но тот же эксперимент, проведенный на росском или ниханском языках, даст другие результаты. В этих языках глаголы, существительные и прилагательные сохраняют родовые окончания, признаки принадлежности и другие факторы. Если в переданное по испорченному телефону на росском языке предложение вкралась ошибка, искаженное слово часто заметно выделяется. И

внимательный слушатель автоматически исправляет его.

На чисто галактических языках можно сутками играть в испорченный телефон без единой ошибки. Неудивительно, что до появления людей эта игра была неизвестна в Пяти Галактиках.

Сара быстро распознала версию *кодирования Шеннона,* названного в честь земного пионера информатики, который показал, как специально закодированная информация может быть восстановлена даже из шума статики. Это открытие в человеческой цивилизации до контакта оказалось критически важным для цифровой речи и передачи данных.

Индоевропейский был логичным, сопротивляющимся ошибкам языком, который лучше подходит для компьютеров, чем хаотический англик.

Для многих это означает, что у землян в туманном прошлом были патроны. Но Сара, наблюдая за тем, как счастливо общается Незнакомец с инженерами на импровизированном языке хмыканий и жестов, вспомнила:

Компьютер изобрели не те, кто говорил на индоевропейском. И не пользователи любого строгого галактического языка. Звездные боги

унаследовали свою могучую силу.

За всю недавнюю историю Пяти Галактик только один народ независимо изобрел компьютеры — и почти все остальное необходимое для межзвездных полетов — изобрел с самого начала.

Эти люди говорили на россике, ниханском, французском и особенно на предшественнике англика, диком, недисциплинированном английском.

Сделали ли они это вопреки своему хаотическому языку?

Или благодаря ему?

Мастера ее гильдии считают, что она гоняется за фантомами, что это просто отвлечение от других обязательств.

Но у Сары было предчувствие. В прошлом и настоящем содержится ключ к будущему Шести.

Если, конечно, это будущее уже не обречено.

Рассвет стремительно спускался вниз по склонам от Рим-мера. Явное нарушение срочных приказов: "Гофер" продолжал двигаться, но никто ничего не посмел сказать капитану, у которого в глазах появилось безумное выражение.

Наверно, это потому, что он много времени проводит с людьми, подумала Сара. На пароходах в экипаже столько же людей, мужчин и

женщин, для ухода за двигателем, — сколько и хунов. Грайф-фу, лоцман и капитан, знал реку от рождения, это знание инстинктивно и унаследовано им от предков. К тому же он перенял немало человеческих привычек и обычаев, например, натягивал на свою мохнатую макушку вязаную шапочку и курил трубку, от которой шел дым, как от трубы парохода. Угловатое лицо капитана, когда он всматривался в предутренний туман, могло бы сойти с форзаца какого-нибудь морского приключенческого романа, снятого с полки библиотеки в Библосе. Подобно практичному моряку древних времен, капитан распространял вокруг себя ощущение уверенности и близкого знакомства с опасностью.

Грауф-фу повернул голову, заметил взгляд Сары и слегка прикрыл один глаз — хитро подмигнул.

Боже избави, вздохнула Сара, почти ожидая, что сейчас хун сплюнет за борт и произнесет: *— Эй, помощник! Отличный день для плавания: полный вперед!*

Но вместо этого капитан “Гофера” извлек трубку изо рта и показал ею.

— Библос, — заметил он низким хунским голосом с гнусавым акцентом, — сразу за следующим поворотом. Хрррм… На день раньше, чем вы

ожидали.

Сара снова посмотрела вперед.

Я должна бы радоваться, подумала она. *Время не ждет.*

Вначале она могла различить только Вечное Болото на левом берегу, непроходимое пространство вплоть до Рони, обширную площадь зыбучих песков, которая заставляет у города Тарек делать долгий обход. Справа начиналась широкая равнина Уоррил. Здесь сошло несколько пассажиров, чтобы дальше передвигаться по суше. Здесь уходят быстрые караваны, и с ними Блур, художник, и маленький взрывник с распоряжениями для своей гильдии. Оба они весят немного, могут ехать на ослах и, если повезет, за три дня доберутся до Поляны. Прити и Пзора также высадились на пристани Канду, чтобы нанять повозки на случай, если понадобится доставить к высоким мудрецам Незнакомца. Это будет решено в Библосе.

Когда туман рассеялся, справа показалась каменная стена. Она поднимается прямо от воды и с каждым дуром становится все выше. Утес, гладкий и блестящий, как стекло, не подчиняется эрозии или времени. И до сих пор ведутся споры, естественное это образование или буйурский

реликт.

Ульгор рассказывала, что в зеркальном отражении этого утеса жители Доло видели зарево книжного пожара. Двести лет назад поселенцы были свидетелями такого зрелища, ужасного даже на расстоянии. С тех пор ни одна катастрофа: ни массовое убийство в Толоне, ни засада, в которой Ук-ранн подстерегла Дрейка Старшего у Кровавого брода, — не могли сравниться в этим ужасом.

Но мы никакого огня не видели.

Тем не менее, когда пароход делал последний поворот, всех охватило напряжение.

Сара облегченно передохнула.

Архив… он на месте.

Охваченная эмоциями, она долго смотрела, потом заторопилась на корму, чтобы привести Незнакомца и Ариану Фу. Они оба захотят увидеть это.

Замок, грозный, неприступный, вырубленный более не существующими инструментами. Богоподобными инструментами, отправленными в глубину, как только они закончили сооружение крепости. Цитадели знаний.

Гранитный утес по-прежнему, словно палец, выступает из реки, прижимаясь спиной к свер-

кающе-гладкой поверхности стены. Сверху, вероятно, все выглядит так же, как выглядело всегда; леса скрывают отверстия, через которые дневной свет проходит во дворы и помещения для читателей внутри. Но снизу, с того места, где причалил “Гофер”, можно было разглядеть внушительные защитные укрепления, а дальше ряд за рядом массивные резные столбы, которые поддерживают естественное плато, несут на себе огромную тяжесть над искусственно созданной внутренней полостью.

Внутри гигантской пещеры деревянные сооружения защищают бесценное содержимое от дождя, ветра и снега — от всего, кроме ада, который однажды охватил южный конец, оставив после себя развалины и опустошение. За одну ночь треть той мудрости, которую дала Великая Печать, исчезла в дыму и отчаянии.

Отделы, которые сегодня нам больше всего нужны. Посвященные галактической истории и многочисленным расам и кланам Оставшееся дает только неясные очертания сложнейших биосоциополитических отношений, распространенных в Пяти Галактиках.

Несмотря на кризис, на рассвете из гостиниц в соседней деревне появилось множество ученых,

которые, присоединившись к пассажирам “Гофера”, поднимались по рампе, зигзагом ведущей к главному входу. Студенты треки и г'кеки переводили дыхание в специально отведенных для отдыха местах. Красные квуэны из далекого моря время от времени поливали свои купола соленой водой. Ульгор и Блейд сторонились их.

Мимо посетителей прошел караван ослов, направляясь вниз. В ящиках под восковыми печатями бесценное содержимое. *Книги по-прежнему эвакуируют*, поняла Сара. *Пользуются тактикой оттягивания, которую избрали мудрецы.*

Неужели она застанет пустые полки?

Невозможно! Даже если бы они смогли увезти столько томов, где бы они их разместили?

Незнакомец настоял на том, что сам будет толкать инвалидное кресло Арианы — может, из уважения или чтобы показать, насколько улучшилось его физическое состояние. Действительно, его смуглая кожа сияла здоровьем, а смеялся он глубоко и от всей души. Удивленно смотрел на могучие каменные стены, на подъемный мост, портики и посты милиции. Сара увидела, что вместо символической стражи теперь парапет охраняет большой отряд. Стражники вооружены копьями, луками и арбалетами.

Ариана была довольна реакцией Незнакомца. С удовлетворенным выражением пожилая женщина посмотрела на Сару.

Он никогда здесь не был. Даже причиненный ущерб не смог бы стереть яркие воспоминания о Библосе. Либо он из какой-то далекой отсталой деревни, либо…

Они миновали последнее укрепление, и Незнакомец удивленно уставился на сами здания Архива. Деревянные сооружения были построены как копии знаменитых памятников земного прошлого. Здесь были Парфенон, замок Эдо и даже Тадж-Махал, чьи минареты переходили в четыре мощных столба, поддерживающих каменную крышу. Очевидно, у основателей было чувство драматической иронии, потому что все оригиналы были созданы, чтобы стоять вечно, тщетно противиться времени, тогда как эти здания имели противоположную цель — они должны выполнить свою функцию и исчезнуть, словно никогда и не существовали.

И даже это для некоторых было слишком много.

— Какое высокомерие! — произнес Джоп, древесный фермер, который, узнав об экспедиции, решил отправиться с ней. — Если мы хотим быть

благословенны, все это должно исчезнуть.

— Да, со временем, — кивнула Ариана Фу, предоставляя гадать, имеет ли она в виду следующую неделю или тысячу лет.

Сара видела у оснований нескольких гигантских столбов свежезамазанные глиной отверстия. *Точно как дома,* поняла она. *Взрывники проверяют, все ли готово.*

Она не могла удержаться и оглянулась. Последними из пассажиров “Гофера” шли молодой Джома, сын Хенрика, и его дядя Курт. Старший взрывник показывал какие-то особенности сооружения мальчику, его жесты напомнили Саре куски древнего гранита. Она подумала, понимает ли Незнакомец, радостно разглядывающий все вокруг себя, как немного нужно, чтобы превратить все это в развалины, неотличимые от городов, которые уничтожили буйуры, когда улетели и предоставили планете возвращаться к природе.

Сара чувствовала, как привычно напрягаются ее плечи. Быть учеником в таком месте нелегко, особенно вначале. Даже когда она уносила книги наверх, чтобы читать их в тени напоминающего о доме дерева тару, никак не могла избавиться от мысли о том, что все плато может вздрогнуть

и обрушиться под ней. Какое-то время страшные фантазии мешали ее занятиям — пока не появился Джошу.

Сара поморщилась. Она знала, что, когда вернется в это место, снова все испытает. Воспоминания.

— Нет ничего вечного, — добавил Джоп, когда они приблизились к афинскому портику Центрального зала. Он не подозревал, насколько совпадают его слова с тайными мыслями Сары.

Ариана согласилась.

— Так желает Ифни. Ничто не может противиться богине перемен.

Если женщина-мудрец хотела, чтобы ее замечание прозвучало сардонически, ей это не удалось. Но она слишком глубоко погрузилась в размышления, чтобы заметить это. Они подходили к гигантской двойной двери. Дверь — дар квуэнов. Она вырезана из древесины лучшей породы. Затем уры покрыли ее своей бронзой, треки отлакировали своими выделениями, и художники г'кеки раскрасили. Дверь высотой в десять метров покрыта символическим изображением того, что наиболее ценят все расы, самым последним, лучшим и с таким трудом завоеванным достижением джиджоанской Общины в изгнании.

Великий Мир.

Но на этот раз Сара едва обратила внимание на восхищение Незнакомца. Она не могла разделить с ним его наслаждение. Для нее все это место погрузилось в печаль.

Аскс

Портретист даже не стал просить отдыха после тяжелого пути от пристани Канду. Он немедленно принялся за работу, начал готовить материалы — кислоты и твердые металлические пластинки, настолько неподвластные ходу времени, что они становились недопустимыми по законам Общины. Однако для шантажа они прекрасно подходят.

Здесь уже находились и другие представители его гильдии, которые явились на собрание, чтобы продавать бумажные изображения посетителей, мастеров гильдий, победителей игр — всякого, кто пожелает тщеславно сохранить свой портрет на всю жизнь или в течение двух поколений. Некоторые из этих ловцов сходства предлагали и изображения чужаков, но с какой целью? Бумажные портреты созданы так, что блекнут и разлагаются, они не продержатся целые эпохи.

Лучше не рисковать: чужаки могут их увидеть и тем самым откроют некоторые наши тайные умения.

Но Ариана, Блум и молодая Сара Кулан, кажется, явились с чем-то совершенно иным, не правда ли, мои кольца? Несмотря на усталость после дороги, Блум сразу выступил перед нами, демонстрируя *дагерротип.* Неправдоподобно точное изображение на металлической пластинке с бороздками, возрастом в несколько столетий. Уд-Джа с дрожью разглядывала точное изображение великой татуированной воительницы древности.

— Если мы попробуем, необходимо соблюдение тайны. Наши враги не должны знать, как мало у нас таких изображений, — заметил Фвхун-дау, когда осы тайны заполнили нашу маленькую палатку для секретных совещаний. Их дрожащие крылья ярко блестели. — Небесные боги должны решить, что у нас надежно спрятаны сотни таких пластинок — спрятаны далеко отсюда, там, где они никогда не смогут их найти.

— Верно, — добавил Вуббен. Его глазные стебельки исполняли танец осторожности. — Но нужно кое-что еще. Чтобы это сработало, нужно не просто изображение лиц людей-чужаков. Ка-

кой толк нам в этом свидетельстве миллион лет спустя? На пластинках должны быть машины чужаков, заметные черты джиджоанской поверхности, а также местные животные, которых они осматривают как кандидатов на похищение.

— И их костюмы, их кричащие одеяния, — настойчиво заговорил Лестер Кембел. — Все, что может показать, что они люди– *изменники.* А не представители нашей расы на Джиджо или на Земле.

Мы все согласились с этим последним замечанием, хотя осуществить его почти невозможно. Как несколько бороздчатых пластинок могут показать столь тонкие различия, когда нас уже давно не. будет?

Мы попросили Блума расспросить наших агентов, не забывая эти критерии. И если из этого что-нибудь получится, это будет подлинное чудо.

Мы верим в чудеса, не правда ли, мои кольца? Сегодня мой/наш реук очнулся от состояния забытья. То же самое произошло с реуком Вуббена, нашего Председателя Загорания. Остальные мудрецы отметили, что их реуки шевелятся.

Можно ли это считать основанием для надежды? Или они пробуждают, как это иногда бывает с

заболевшими реуками, чтобы вскоре свернуться и умереть?

Двер

Тропа через Риммер крутая и неровная.

Во время предыдущих походов Двера на дикий восток это не имело никакого значения. В этих разрешенных мудрецами путешествиях он нес с собой только лук, карту и самое необходимое. В первый раз, сразу после того как ушел в отставку старый Фаллон, Двер был так возбужден, что буквально бежал вниз, к туманным равнинам, позволяя нести себя тяготению, с криком перепрыгивая с одной ненадежной опоры на другую.

Ничего подобного сейчас нет. Никакого оживления. Ни испытания молодости и мастерства, соревнования с дикой природой Джиджо. Это серьезное дело. Приходится вести дюжину тяжело нагруженных ослов по трудным дорогам, решительно и твердо преодолевая приступы упрямства этих животных. Двер дивился тому, как легко это проделывают торговцы-уры, когда резкими короткими свистами направляют свои вьючные караваны.

И говорят, эти твари происходят с Земли?

удивлялся он, одного за другим вытаскивая ослов из беды. Двер у совсем не нравилась мысль о своем близком генетическом родстве с такими существами.

К тому же у него есть и подопечные-люди, о которых тоже нужно заботиться в этой дикой местности.

Честно говоря, могло бы быть и хуже. Дэйнел Озава — опытный путешественник, а две женщины сильны и обладают каждая своим особенным мастерством. Тем не менее ничто на покоренном Склоне не может сравниться с таким походом. Двер у все время приходилось идти вперед или назад вдоль каравана, чтобы помочь спутникам.

Он не знал, что раздражает его больше: спокойное равнодушие Лены Стронг или неловкое дружелюбие Дженин Уорли, которая часто ему улыбалась. Они были самыми очевидными кандидатами, поскольку Дженин и Лена уже были на Собрании, где добивались одобрения своей идеи "туризма". Они надеялись заручиться помощью Двера и получить поддержку мудрецов, чтобы начать переводить группы туристов через Риммер.

Иными словами, людей, у которых слишком много свободного времени и на которых подействовало чтение старинных земных книг.

Я должен был противиться этому. Даже группы, состоящие из лиц одного пола, нарушают закон о сунерах.

А теперь — я принимаю участие в плане, нарушающем закон, который я клялся защищать.

Он не мог сдержаться и все время оглядывался на двух женщин, как и они посматривали на него.

Они выглядят такими… здоровыми.

Ты теперь поистине дикарь. Научился ценить достоинства диких женщин.

В Серых холмах тоже есть женщины, но Рети говорила, что они начинают рожать в четырнадцать лет. А к тридцати у них нет больше половины зубов.

Предполагалось, что за первой группой пройдет вторая — добровольцы-изгнанники. Ради нее примерно через каждые полмидура Двер делал на заметных местах мазки пасты порла, оставляя след, по которому сможет пройти любой умеренно подготовленный житель Джиджо. В то же время галактические грабители или их всевидящие машины этот след не заметят.

Двер предпочел бы остаться дома и вместе с другими солдатами милиции Шести готовиться к безнадежному сражению с чужаками. Но он

лучше всех подготовлен для того, чтобы вести эту экспедицию в Серые холмы, и он дал Дэйнелу слово.

И вот в конце концов я все-таки стал гидом, думал он.

Если бы только он чувствовал, что поступает правильно.

Что мы делаем? Бежим туда, где нам не место, точно как наши грешные предки? У Двера от таких мыслей болела голова. *Только бы Ларк не узнал, что я делаю. Это разобьет ему сердце.*

Когда они из гор вышли в высокогорную степь, идти стало немного легче. Но, в отличие от других своих походов, на этот раз Двер повернул на юг, к обширным просторам горькой желтой травы. И вскоре они шли по прерии, где трава доходила до колен, а у ее мелких цветов такие острые края, что люди и даже ослы должны были передвигаться в защитных кожаных покровах на ногах.

Никто не жаловался и даже не говорил о неудобствах. Дэйнел и остальные без вопросов приняли его руководство, шли рядом с ослами, временами вытирая пот с краев шляп и воротников. К счастью, разбросанные островки настоящего леса помогали Дверу переводить караван от одного источника воды к другому, оставляя знаки для

следующей группы.

Рети должна была проявить немалое упрямство, чтобы преодолеть все это, гонясь за проклятой птицей.

Двер предложил подождать девушку.

— Она будет вашим настоящим проводником, — сказал он Дэйнелу.

— Нет, — возразил Дэйнел. — А ты бы ей доверился? Она может увести нас в сторону, чтобы защитить своих близких.

Или чтобы никогда не видеть их снова. Тем не менее Двер очень хотел, чтобы Рети вернулась вовремя, до выхода группы. Ему не хватало ее мрачноватого сарказма и всего остального.

За час до заката он сделал знак остановиться в большом оазисе.

— Горы рано отрезают дневной свет, — сказал он спутникам. На западе вершины уже окружал желто-оранжевый ореол. — Вы втроем очистите источник, накормите животных и разбейте лагерь.

– А ты куда идешь? — резко спросила Лена Стронг, вытирая лоб.

Двер отстегнул свой колчан.

— Поищу чего-нибудь на ужин.

Она показала на кажущуюся безжизненной

степь.

— Что, здесь?

— Стоит попробовать, Лена, — сказал Дэйнел, срубая палкой стебли желтой травы. — Ослы не могут это есть, и нам зерна должно хватить до холмов, где они смогут пастись. Немного мяса для нас четверых может очень помочь.

Двер не стал ничего добавлять к этому. Он пошел вниз по узкой звериной тропе, обходя заросли высокой травы. Пришлось пройти довольно далеко, чтобы избавиться от запаха ослов и не слышать голосов спутников.

Опасно шуметь, когда вселенная полна существ сильнее тебя. Но людей это никогда не останавливало, верно?

Он принюхивался и следил за раскачиваниями высокой травы. В такой прерии еще важнее охотиться против ветра — не только из-за запаха, но и потому, что ветер уносит шум продвижения — в данном случае от выводка перепелов. Он слышал впереди, всего в десятке с небольшим метров, как эти птицы перекликаются и царапают землю.

Двер наложил стрелу и старался ступать как можно тише, задерживая дыхание, пока не стали слышны и другие звуки: скрежет когтей о землю… резкие удары клювом по семенам… мягкое

материнское квохтанье… ответный писк птенцов, ищущих пернатую грудь… легкое дыхание молодых птиц-часовых, сообщающих, что вокруг все спокойно. Все хорошо.

Вдруг один из часовых изменил свой отчет. Пробный сигнал тревоги. Двер прижался к земле и застыл. К счастью, сумерки сгущаются у него за спиной. Если он хоть еще немного не спугнет их…

Неожиданный шум поднял птиц, они взметнулись в воздух. *Другой хищник,* понял Двер, поднимая лук. Большая часть выводка рассыпалась в траве и исчезла, но несколько птиц по спирали поднимались в воздух, отвлекая врага, спасая мать с птенцами. Двер быстро выпустил несколько стрел, сбив одного, потом другого часового.

Шум стих так же быстро, как начался. Степь снова выглядела так, словно ничего не случилось.

Двер повесил лук на плечо и достал мачете. Теоретически в такой траве не может спрятаться хищник, который стал бы для него серьезной угрозой, кроме, разве, корневого скорпиона. Но существуют легенды о необычных и страшных существах, которые водятся к юго-востоку от

Склона. Да и изголодавшийся лиггер может быть опасен.

Двер отыскал место, где упала птица.

Лена на какое-то время будет довольна, думал он, понимая, что, возможно, отныне ему всю жизнь придется этим заниматься.

Возле того места, где он подстрелил вторую птицу, снова закачалась трава. Двер бросился вперед, держа мачете наготове.

— О нет, ты, вор!

Он резко затормозил, увидев гладкое существо с черным мехом, которое сжимало в челюстях второго перепела. Окровавленная стрела свисала в траву.

— Это ты, — вздохнул Двер, опуская нож. — Я мог бы и догадаться.

Темные глаза Грязнолапого блестели так красноречиво, что Двер вообразил себе его ответ:

Верно, босс. Рад меня видеть? Не благодари меня за то, что я поднял птиц. Просто в награду я возьму себе самую сочную.

Он покорно пожал плечами.

— Ну, ладно. Но стрела мне нужна, слышишь?

Нур улыбнулся, как всегда, не показывая, насколько он понял.

Когда они направлялись к оазису, уже спусти-

лась ночь. Под защитой дерева блестел костер. Ветерок доносил запахи ослов, людей и кипящей овсянки.

Нужно держать костер небольшим, чтобы он напоминал естественный, напомнил себе Двер.

Но тут ему пришла в голову другая мысль.

Реши говорила, что нуры никогда не переходят горы. Но что этот здесь делает?

Рети не обманывала, когда говорила, что к юго-востоку от Риммера водятся целые стаи глейверов. После двух дней быстрого перехода, когда приходилось почти бежать рядом *с* ослами, Двер и его спутники увидели отчетливые следы — украшенные фигурками груды, в которых глейверы обычно прятали свои испражнения.

— Черт возьми… ты прав, — согласился Дэйнел, отдуваясь и опираясь руками о колени. С другой стороны, обе женщины совершенно не запыхались.

— Кажется… положение… еще более усложняется.

Еще бы, подумал Двер. Долгие годы работы таких охотников, как он сам, оказались напрасными. *Мы всегда считали, что заросли желтой травы могут преодолеть только хорошо экипированные путники, но не глейверы. И поэтому все*

поиски вели дальше к северу.

На следующий день Двер сделал знак остановиться, увидев на расстоянии стадо глейверов, кормящихся в конце заросшего кустарником вади — высохшего русла реки. Все четверо людей с помощью бинокля урской работы, принадлежавшего Дэйнелу, рассматривали стадо. Светлокожие, с выпуклыми глазами существа как будто пожирали мясо степного галлеитора, крупного длиннорогого животного, типичного для этой местности. Туша животного лежала на участке вытоптанной травы. Это зрелище поразило всех, кроме Дженин Уорли.

— Разве ты сам не сказал, что здесь можно выжить только так? Поедая мясо животных, которые могут есть это. — Она показала на степь, поросшую жесткой желтой травой. — Глейверы просто адаптировались к новому образу жизни. Разве и нам не это же придется делать?

В отличие от Дэйнела Озавы, который с печалью покорялся необходимости, участвуя в экспедиции, Дженин почти наслаждалась ею, особенно потому, что знала: эта экспедиция может способствовать сохранению человеческой расы на Джиджо. Видя фанатичный блеск в ее глазах, Двер чувствовал, что крепкая, с квадратной

челюстью Лена Стронг ему ближе. По крайней мере Лена смотрит на все это так же, как он сам: еще одно дело, которое необходимо выполнить в мире, равнодушном к любым их желаниям.

— Это… удивительно, — ответил Дэйнел, опуская бинокль. Выглядел он расстроенным. — Мне казалось, глейверы не могут есть красное мясо.

— Приспособляемость, — резко заметила Лена. — Один из показателей предразума. Может, это означает, что они на обратном пути, снова начали долгий подъем.

Дэйнел, казалось, серьезно отнесся к такой возможности.

— Так быстро? Но в таком случае я думаю… Может ли это значить…

Двер прервал его, прежде чем мудрец смог закончить свое философское рассуждение.

— Дайте мне. — Он взял увеличивающий прибор из стекла и стволов бу. — Скоро вернусь.

Пригибаясь, он двинулся вперед. Естественно, Грязнолапый увязался за ним, сначала пробежал вперед, потом стал кружить, изображая засады. Двер стиснул зубы, но решил не показывать зверю, что реагирует на его действия. *Не обращай внимания. Может, он уйдет.*

До сих пор не выходило. Дженин как будто

очень нравилось считать Грязнолапого талисманом экспедиции. Дэйнела заинтересовала его настойчивость. А Лена Стронг тоже проголосовала против, когда Двер хотел прогнать зверя. *Он почти ничего не весит*, сказала она. *Пусть едет на осле, пока сам добывает себе пищу и не попадается мне на пути.*

Нур так и делал: старательно избегал Лену, разрешал Дэйнелу разглядывать себя и довольно урчал, когда по вечерам Дженин гладила его у лагерного костра.

А по отношению ко мне он ведет себя так, словно мои желания его раздражают.

Пробираясь к вади, Двер мысленно отмечал характерные особенности местности, состояние хрусткой травы, непостоянство ветерка. Делал он это в силу профессиональной привычки, а также на случай, если когда-нибудь эти сведения пригодятся, если понадобится преследовать глейверов с наложенными на тетиву стрелами. Иронично, что это произойдет только в случае *хороших* новостей. Если придет сообщение, что на Склоне все в порядке, что чужаки улетели и предполагаемого геноцида не было, тогда эта экспедиция превратится в традиционную миссию сбора: милиция должна будет очистить весь этот

район от всех глейверов и *людей*, предпочтительно путем пленения, но, если понадобится, то и другими способами.

С другой стороны, если случится самое худшее и все Шесть рас будут уничтожены, их маленькая группа присоединится к семье Рети, к группе изменников, ушедших в дикую местность. Под руководством Дэйнела они смирят родичей Рети и создадут мудрые спокойные традиции, чтобы жить в гармонии со своим новым домом.

И одной из таких традиций станет запрет охотиться на глейверов ради пищи.

Именно эту ужасающую несовместимость Дверу принять было трудней всего. Впрочем, у него не было выбора. *Хорошие* новости сделают его массовым убийцей. Напротив, ужасные известия превратят его в доброго соседа глейверов и людей.

Долг и смерть с одной стороны. Смерть и долг — с другой, думал Двер. *Стоит ли этого выживание?*

На небольшом возвышении он поднес к глазам бинокль. Два семейства глейверов кормятся галлейтером, а остальные как будто наблюдают. Обычно такую аппетитную тушу быстро очистили бы до скелета — вначале лиггеры или другие

крупные хищники, затем хикулы, мощные челюсти которых позволяют перемалывать кости, и наконец птицы, известные просто как стервятники, хотя они совсем не похожи на рисунки таких птиц со Старой Земли.

И сейчас на периферии видно несколько хикулов. Один из глейверов бросил камень, и звери, питающиеся падалью, отступили.

Ага. Теперь понятно, как они это делают.

Глейверы нашли уникальную возможность выжить в этой степи. Не в состоянии переварить жесткую траву или бу, есть красное мясо, они используют туши мертвых животных, чтобы привлекать тучи *насекомых со* всей окружающей местности. Одни поедают этих насекомых, а другие в это время отгоняют конкурентов.

Глейверы наслаждались, поднося извивающихся насекомых к выпуклым глазам, потом сжимая их челюстями. Двер никогда не видел, чтобы глейверы действовали с таким… *энтузиазмом.* Они не бывают такими там, где их считают святыми придурками и позволяют рыться в помойках Шести.

Грязнолапый посмотрел в глаза Дверу, в его взгляде было отвращение.

Ифни, какие свиньи! Не напасть ли на них прямо

сейчас? Прогнать их, босс. И вернуть к цивилизации, хотят они того или не хотят.

Двер сдержал свое воображение. Вероятно, нуру просто не понравился запах.

Но он все же негромко отругал Грязнолапого.

— Кто ты такой, чтобы находить других отвратительными, мистер-оближи-себя-с-ног-до-головы? Пошли. Расскажем остальным, что глейверы все же не стали хищниками. И нам нужно идти, если хотим оставить к вечеру эту траву за собой.

Аскс

Новое сообщение пришло с юга, от кузнеца из мастерской на горе Гуэнн.

Сообщение краткое и дошло с искажениями, потому что частично передавалось с горы на гору неопытными сигнальщиками, которые начали восстанавливать систему семафоров.

Очевидно, чужаки посещают рыбачьи деревушки и гнездовья красных квуэнов, всюду целенаправленно расспрашивая. Они даже опустились на воду далеко от берега и расспрашивали экипаж мусорного корабля, который возвращался домой после выполнения святой работы в Помойке. Очевидно, грабители считают

себя вправе садиться повсюду и задавать нашим гражданам вопросы о “необычных зрелищах, странных существах или огнях в море”.

Нужно ли нам сочинить историю, мои кольца? Выдумать каких-нибудь страшных морских чудовищ, чтобы заинтересовать наших непрошеных гостей и, возможно, на какое-то время отсрочить свою судьбу?

И если мы это сделаем, как поступят они, когда узнают правду?

Ларк

Все утро Ларк работал с Линг. Он нервничал, и напряжение усиливалось из-за того, что он не должен был его показывать. Если повезет, скоро у него будет возможность все сделать. Но задача трудная. Необходимо шпионить по просьбе мудрецов и одновременно добывать информацию для собственных целей.

Расчет времени необыкновенно важен.

Палатка оценки кипит деятельностью. Половина павильона занята клетками, изготовленными ремесленниками-квуэнами из местного бу. В клетках образцы, привезенные со всей этой части Джиджо. Большой штат людей, уров и хунов

постоянно следит за тем, чтобы животные были сыты, напоены и здоровы; несколько г'кеков проявляют необычные способности, заставляя животных проходить многочисленные лабиринты и выполнять другие тесты. Работают они под присмотром роботов, которые дают точные инструкции на "четком безупречном Галактическом два. Ларку ясно дали понять, что большое отличие — предложение работать *непосредственно* с одним из звездных людей.

Его вторая воздушная экспедиция оказалась еще более утомительна. Трехдневное путешествие началось с полета в море, совсем низко над синими глубинами Помойки, потом перелеты с острова на остров длинного, вытянутого вдоль берега архипелага. Там отловили множество разнообразных форм жизни, каких Ларк никогда раньше не видел. К его удивлению, полет оказался и гораздо более приятным, чем первый.

Прежде всего, Линг вела себя менее снисходительно: они уже какое-то время работали вместе и научились ценить мастерство друг друга. Больше того, Ларку было невероятно интересно наблюдать, как много достигла эволюция всего за миллион невозделанных лет. Каждый остров превратился в миниатюрный биологический

реактор, порождающий замечательные вариации. Там водились нелетающие птицы, которые отказались от воздуха, и ползучие рептилоиды, которые, казалось, вот-вот отрастят крылья. Млекопитающие, волосы которых превратились в защитные роговые выросты, и зиллы, чья шкура из пушистого торга блестела такими цветами, которых никогда не увидишь у их невзрачных континентальных родичей. Только позже Двер догадался, что это разнообразие было заложено с самого начала последними законными обитателями Джиджо. Наверно, буйуры засеяли каждый остров различным генетическим материалом, поставив очень длительный эксперимент.

Линг и Беш часто приходилось оттаскивать его, когда приходило время покидать район образцов, а Кунн в это время раздраженно бормотал у своей консоли: очевидно, он бывал доволен только в воздухе. При приземлении Ларк всегда первым бросался к люку. И на какое-то время дурные сны и предчувствия забылись за радостью открытий.

И все же, когда они возвращались домой — это был еще один неожиданный крюк над морем, — Ларк задумался. *Путешествие было замечательным, но зачем мы его проделали? Чего они надеются достичь? Еще* до того как люди

покинули Землю, биологи знали: для развития высших форм жизни нужны большие пространства, предпочтительно континенты. Несмотря на обнаруженное на островах архипелага огромное разнообразие, здесь нет ни одного животного, которое звездные люди могли бы рассматривать как кандидата на возвышение.

Когда на следующее утро он присоединился к Линг, та объявила, что они снова будут анализировать горных животных — сразу после ланча. Беш уже занялась интенсивным исследованием глейверов. Она явно радовалась возвращению к работе над своим лучшим проектом.

Глейверы. Парка поразила ирония происходящего. Но он не стал задавать вопросы, выигрывая время.

Наконец Линг отложила схему, над которой они работали — схема повторяла многие подобные, висящие на стенах его кабинета в деревне Доло, — и отвела Ларка к столу, где машины предлагали еду звездных людей. Здесь было очень светло, поэтому Ларк украдкой кивнул невысокому человеку, который чистил клетки животных. Светловолосый человек отошел к груде деревянных ящиков, в которых переносили корм для шумного зоопарка пойманных созданий.

Ларк сел с южного конца стола, так чтобы не закрывать от человека Линг, Беш и все, что за ними. Особенно Линг. Чтобы сработало, он должен как можно дольше удерживать ее на месте.

— Беш, кажется, считает, что вы нашли первоклассного кандидата.

— Ммм? — Темноглазая женщина подняла голову от сложной машины, предназначенной исключительно для производства одного напитка. Ларк попробовал этот горький напиток и решил, что он назван подходяще — *кха-фе.*

– Что нашли? — Линг помешивала ложечкой горячий напиток, опираясь на край стола.

Ларк показал на предмет изучения Беш, довольно жующий жвачку. На его голове сложное устройство просеивало нейроны. Было большое возбуждение, когда Беш поклялась, что слышала, как глейвер “повторил” два слова. Сейчас Беш внимательно вглядывалась в микроскоп, легкими точными движениями рук направляя мозговой зонд. Сидела она совершенно неподвижно.

— Я думаю, глейверы — это то, что вы ищете, — продолжал Ларк.

Линг улыбнулась.

– Будем знать точнее, когда вернется наш ко-

рабль и мы сможем провести более глубокий анализ.

Краем глаза Ларк видел, как маленький человек открыл отверстие в одном из ящиков. Слегка блеснуло стекло.

— А когда вернется корабль? — спросил он, продолжая удерживать внимание Линг. Ее улыбка стала шире.

— Я бы хотела, чтобы меня перестали об этом спрашивать. Можно подумать, что у вас есть причина этого опасаться. Какое вам дело до того, когда вернется корабль?

Ларк по-хунски надул щеки, но потом вспомнил, что для нее этот жест ничего не значит.

— Небольшое предупреждение было бы полезно, только и всего. Чтобы приготовить по-настоящему большой торт, нужно время.

Она усмехнулась — охотней, чем того заслуживает шутка. Ларк научился не сердиться каждый раз, как чувствовал, что к нему относятся покровительственно. И во всяком случае, Линг не будет смеяться, когда архивы вернувшегося корабля покажут, что глейверы, их главный кандидат на возвышение, когда-то уже были галактическими гражданами и, возможно, все еще летают где-то в захолустье космоса во второсортных кораблях.

Но найдутся ли эти сведения в записях на борту звездного крейсера? Согласно древнейшим свиткам, глейверы происходят от малоизвестной расы среди мириадов разумных кланов Пяти Галактик. Может быть, подобно г'кекам, они уже вымерли и их никто не помнит. И сведения можно найти только в холодных пространствах крупнейших секторных отделений Библиотеки.

Возможно, это и есть момент, предсказанный давным-давно сагой глейверов, задолго до появления людей на Джиджо. Время, когда возвращенная невинность очистит их расу, искупит грехи и даст им драгоценный второй шанс. Новое начало.

Если так, то они заслуживают лучшей участи, чем быть принятыми шайкой воров.

– Предположим, они окажутся во всех отношениях подходящими. Вы заберете их с собой, когда улетите?

– Вероятно. Группу примерно в сто особей, способных размножаться.

Периферическим зрением он видел, как маленький человек закрывает объектив камеры. С довольной улыбкой Блур, портретист, небрежно поднял ящик и вынес наружу через задний клапан палатки. Ларк чувствовал, как спадает

напряжение. На фото лицо Линг может быть слегка размытым, но одежда и тело получатся хорошо, несмотря на длительную выдержку. А если повезло, Беш, глейвер, робот и спящий горный житель все это время оставались неподвижными. Горный хребет, видный через входное отверстие, укажет место съемки и время года.

— А что с остальными? — спросил он, чувствуя облегчение оттого, что теперь можно думать лишь об одном.

— Что ты имеешь в виду?

— Что случится со всеми оставшимися глейверами? Ее темные глаза сузились.

— А что с ними может случиться?

— Действительно, что? — Ларк неловко поерзал. Мудрецы предупреждали, что нужно сохранять атмосферу напряженной двусмысленности, но не противиться откровенно планам чужаков. Но он уже выполнил просьбу мудрецов и помог Блуру. А Харуллен и остальные еретики тем временем вынуждают Л арка получать ответы. Они должны принять решение, помогать ли фанатикам в осуществлении их тайного плана.

— Тогда… остается вопрос о всех нас.

— О вас? — Линг подняла брови.

— О нас, Шести. Когда вы найдете то, что ищете,

и улетите, — что будет с нами? Она застонала.

— Не могу сосчитать, сколько раз меня уже спрашивали об этом!

Ларк удивился.

— Кто?…

— А кто не спрашивал? — Она раздраженно перевела дыхание. — По крайней мере каждый пациент из тех, кого мы лечим в клинике, старается выведать, как мы *сделаем это.*

Что означает: мы собираемся убить все разумные существа, когда улетим с планеты! Будем ли мы мягкими? Или смерть придет в виде огненных шаров с неба в день нашего отлета? Это повторяется так часто, что иногда мне хочется… Ах! — Она сжала кулак, и на ее обычно сдержанном спокойном лице отразилось раздражение.

Ларк помигал. Он собирался задать именно такие вопросы.

— Народ испуган, — начал он. — Логика ситуации…

— Да, да, знаю, — нетерпеливо прервала его Линг. — Если мы явились, чтобы украсть на Джиджо предразумные формы жизни, мы не можем оставлять свидетелей. И в особенности нельзя оставлять туземных представителей того вида, который мы крадем! Не понимаю, кто вам вбил в

голову такие мысли?

Мы их получили из книг, едва не ответил Ларк. *И нас предупреждали предки.*

Но, действительно, можно ли доверять этим сведениям? Самые подробные указания погибли в огне вскоре после прилета людей. И разве не были люди в те дни новичками в галактике, испуганными почти до паранойи? И разве не самые параноидальные погрузились в “Обитель”, чтобы контрабандой проникнуть на запрещенную планету и спрятаться на ней?

Может быть, опасность преувеличена?

— Серьезно, Ларк, почему мы должны бояться того, что скажет о нас кучка сунеров? Вероятность того, что в следующие сто тысяч лет на Джиджо явятся инспекторы Институтов, очень мала. А к тому времени, когда они явятся, если вы все еще будете здесь, наше посещение растворится в туманных легендах. Нам нет необходимости совершать геноцид — даже если бы мы смогли заставить себя совершить такой ужасный поступок.

Впервые Ларк заглянул за обычную маску сухой насмешливости Линг. Либо она искренне верит в свои слова, либо она очень искусная актриса.

— Как же вы надеетесь принять предразумные

виды, найденные здесь? Вы ведь не сможете объявить, что взяли их на запретной планете?

– Наконец разумный вопрос. — Казалось, Линг испытывает облегчение. — Признаю, это будет нелегко. Их нужно для начала поместить в экосистему со всеми необходимыми симбионтами и другими свидетельствами того, что они здесь находятся давно. Потом придется немного подождать…

— Миллион лет?

Линг снова слегка улыбнулась.

— Не так долго. У нас есть ряд преимуществ. Одно из них — на большинстве планет биоархивы представляют собой мешанину филогенетических аномалий. Несмотря на правила, запрещающие вредные скрещивания, каждый раз как новый звездный клан выигрывает право на планету, он неизбежно завозит свои любимые растения и животных вместе с многочисленными паразитами и прочими нахлебниками. Возьмем, например, глейверов. — Она кивнула. — Я уверена, мы найдем место, где в прошлом были аналогичные гены.

Теперь настала очередь Ларка бегло улыбнуться. *Вы и половины всего не знаете.*

– Так что видишь, — продолжала Линг, — не

важно, останется ли местное население на Джиджо, если у нас будет время модифицировать найденное поголовье, искусно увеличив очевидный уровень генетических расхождений. И это все равно произойдет, когда мы начнем процесс возвышения.

Итак, понял Ларк, *даже если грабители найдут глейверов неподходящими, у них будет несколько других перспективных видов и они все равно останутся с прибылью.*

Больше того, они совершенно в себе уверены и не видят в своем поведении ничего преступного.

— А другие преимущества? — спросил он.

— А вот это уже настоящая тайна. — Глаза женщины блеснули. — Видишь ли, все дело в *мастерстве.*

– В мастерстве?

— Со стороны наших благословенных патронов. — Теперь в ее голове звучали почтительные нотки. — Понимаешь, ротены большие мастера в таких делах. И доказательством их величайшего успеха является человеческая раса.

Вот оно опять, упоминание о таинственном клане, к которому с такой преданностью относятся Линг, Ранн и все остальные. В этом пункте звездные люди становились скрытными. Линг да-

же ясно дала понять, что ротены — не настоящее имя. Но со временем она и остальные становились разговорчивей, словно не могли сдержать свою гордость.

Или не боятся, что их рассказ распространится.

— Представь себе, они сумели возвысить человечество в полной тайне, тонко изменив все записи в Институте Миграции, так что наша родина, Земля, оставалась нетронутой в своем статусе невозделанной планеты невероятно долго — *полмиллиарда* лет! Их мягкое руководство оставалось незамеченным даже нашими предками, которые верили в фантастическую, но полезную иллюзию, будто возвысились самостоятельно!

— Поразительно, — согласился Ларк. Он никогда не видел Линг такой оживленной. Ему хотелось спросить: *Но как это стало возможно!* Но это значило бы, что он сомневается, а Ларк хотел, чтобы ее открытость сохранилась. — Конечно, самовозвышение невозможно, — подтолкнул он.

— Абсолютно. Это известно с легендарных дней прародителей. Эволюция может подвести вид к предразуму, но для последнего прыжка нужна помощь другой расы, которая его уже совершила. Такой принцип обязателен для всех кислородо-

дышащих рас Пяти Галактик.

— А почему наши предки верили в то, что возвысились

сами?

— О, наиболее проницательные всегда подозревали, что нам помогли извне. Это объясняет основы всех религий. Но истинный источник нашего дара разумности оставался неизвестным, пока нас вели невидимые руки. Только даникиты — ранние предшественники нашей группы — знали эту тайну.

— Но Тергенский совет.

— Террагентский совет. — Ее голос был полон презрения. — Эти идиоты, которые правили Землей и ее колониями все опасные годы? Их упрямство не имеет значения. Даже безумный полет “Стремительного”, попытка отправить половину фанатиков во вселенную, жаждущую крови землян, даже это кончилось благополучно, вопреки террагентским придуркам. Об этом позаботились ротены. Так что не волнуйся.

Ларк не волновался. Не в таком масштабе, в котором она мыслила. И не до этого момента. Но теперь ее слова не показались ему обнадеживающими.

Из других разговоров с небесными людьми,

даникитами, мудрецы уже уловили намеки на какой-то серьезный кризис, разразившийся в Пяти Галактиках. Возможно, это даже объясняет, почему генные грабители оказались здесь именно сейчас: они воспользовались сумятицей, чтобы заняться своим делом.

Но как слабый клан землян мог вызвать такое волнение? удивлялся Ларк.

С некоторым усилием он отодвинул эту мысль в сторону: сейчас есть более настоятельные проблемы.

— А когда ротены открыли правду вам… даникитам?

— Гораздо раньше, чем ты мог бы подумать, Ларк. Еще до того, как твои предки вылетели в разваливающемся корабле в безумной попытке поселиться на этой планете. Вскоре после того как человечество вышло в космос, ротены избрали несколько мужчин и женщин, чтобы сообщить им слово. Это были те, кто уже верил и бодрствовал. Некоторые из них остались на Земле, чтобы тайно руководить расой, другие получили право жить с ротенами в славе, помогая им в их работе.

— А что это за работа?

У Линг было такое выражение, которое Ларк

видел иногда на лицах тех, кто возвращается из паломничества к Яйцу в тех благословенных случаях, когда Яйцо издает святую музыку. Выражение человека, испытавшего нечто величественное.

— Конечно, спасать других. И заботиться о будущем. Ларк решил, что она совершенно погружается в мистику.

— А мы встретимся с ротенами?

Пока она размышляла о просторах пространства и времени, взгляд ее был рассеянным. Теперь он снова стал сосредоточенным, глаза женщины жестко блеснули.

– Если повезет, возможно. Вообще некоторым из вас повезет так, как вы и не мечтали.

Or намека, который он уловил в ее последних словах, у Ларка закружилась голова. Неужели то, что он заподозрил, правда?

Этим же вечером при свете свечи он еще раз проделал свои вычисления.

По самым точным нашим измерениям объем звездного корабля примерно полмиллиона кубических метров. Если сложить всех людей, как замороженную древесину, мы можем войти — при этом ни для чего другого места не останется.

Когда он в первый раз занялся такими вычислениями, у него была очень простая цель: он хотел прекратить слухи, ходившие среди молодых поселенцев уров и квуэнов, что люди скоро покинут Джиджо. Он показал, что самой молодой расе поселенцев физически невозможно бросить Общину, получив билет в небо. По крайней мере на этом одном корабле.

Но она сказала “некоторые из вас”…

Даже погрузив на борт сотни червей-уонк, долгокрылых или глейверов, они все еще найдут место для нескольких родичей. Тех, кто оказался полезен.

Когда ему предлагают подкуп, Ларк понимает, что это такое.

Как ни осуждал он предков за то, что они решили сюда прилететь, Ларк любил эту планету. И если покинет ее, всегда будет скучать.

Но если бы дела обстояли по-другому, я бы, конечно, улетел. Да и кто не согласился бы?

Фанатики правы. В наши дни ни одному человеку нельзя полностью доверять. Каждый из нас может быть подкуплен предложением, которое даст ему возможность стать богом.

На самом деле он не знает, что собираются делать фанатики. Знает только, что они счи-

тают возможным действовать без совета или одобрения пришедших в смятение мудрецов. Конечно, среди заговорщиков есть и люди. Чего можно достичь без умений и знаний землян? Но во внутренний круг мужчины и женщины не допускаются.

Так что же я узнал?

Он посмотрел на чистый листок бумаги. Разумеется, у мудрецов и фанатиков есть и другие шпионы. Даже Харуллен должен подстраховаться. Тем не менее Ларк знал, что к его словам прислушиваются.

Если Линг говорит правду и фанатики ей поверят, они могут остановить подготовку своих планов. Какое им дело до нескольких глейверов или скальных жителей, которых увезут с планеты, если чужаки оставят нас в мире и мы будем жить как прежде?

Но что если Линг лжет? Фанатики упустят лучшую возможность для удара?

С другой стороны, никто не поверит Линг, а она говорит правду. Фанатики нападут, потерпят поражение и вызовут именно ту реакцию, которой опасались.

И противоположная крайность: некоторые из самых рьяных еретиков приветствуют соб-

ственное уничтожение вместе с гибелью всех Шести. Многие хуны и уры из общества Харуллена мечтают о таком великолепном конце: урские отступники — из-за своей горячей крови, хуны — именно потому, что они медлительны, но когда принимают решение, их ничто не остановит.

Если наши экстремисты поверят, что у группы Линг хватит решимости так поступить, они могут специально спровоцировать геноцид! Вопреки его призывам к Шести уступить право на Джиджо с помощью консенсуса и контроля за рождаемостью.

А еще этот план шантажа чужаков. Ларк помог Блуру провести съемку скрытой камерой, но понимают ли мудрецы, как этот план может ударить по ним самим?

Неужели они считают, что им нечего терять?

Ларк потер щетинистый подбородок, чувствуя себя уставшим и старым. *Какую запутанную паутину мы плетем,* думал он. Облизнул кончик пера, окунул в чернильницу и принялся писать.

Незнакомец

В этом месте ему хочется смеяться. И плакать.

Так много книг — он даже вспомнил, каким словом они называются, — громоздятся вокруг, ряд за рядом, исчезая за углом или на извилистых рампах. Книг, переплетенных в кожу неведомых животных, заполняющих воздух странными запахами, особенно когда она перелистывает какой-нибудь том, наобум снятый с полки, и вдыхает запах бумаги и чернил.

Это зрелище что-то затрагивает в нем, вызывает воспоминания более эффективно, чем все остальное с *того момента, как он пришел в сознание.*

Неожиданно он вспоминает похожий книжный шкаф в его комнате, когда он был совсем молодым... и тут же вспоминается шорох переворачиваемых бумажных страниц, покрытых яркими картинками. Он вспоминает, что взрослые нечасто пользовались книгами. Взрослым нужны машины. Машины, которые разговаривают с вами быстрее, чем способен услышать ребенок, или направляют мерцающие лучи прямо в зрачок, мгновенно наполняя сознание сведениями. Это одна из причин, почему он предпочитал прочные обещания бумаге: здесь любимый рассказ не рассеется как дым и не исчезнет, когда потемнеет информэкран.

Всплывает еще одно детское воспоминание — он держит мамину руку, и они идут по месту, полному важными занятыми людьми. Стены покрыты переплетенными томами, очень похожими на книги, которые окружают его сейчас. Большие книги без картинок, полные черных неподвижных точек. В этих книгах только слова, и больше ничего. Мать объясняет, что этими книгами больше никто не пользуется. Но они сохраняются как украшение многих самых священных и важных для людей мест.

Они напоминают… напоминают о чем-то, что он не может вспомнить. О чем-то очень важном. Это он помнит.

Он терпеливо ждет, пока две женщины: Сара и Ариана Фу — закончат свои дела и вернутся. А тем временем рисует на листкахзамечательной, почти светящейся бумаги, вначале подправляет рисунки, сделанные на борту парохода, потом пытается передать причудливую перспективу каменной пещеры, защищающей деревянные строения от неба. Крыша этой пещеры опирается на невероятные, массивные каменные столбы.

Теперь ему легче вспомнить некоторые имена, и он знает, что Прити приносит ему чашку воды, а потом проверяет, хорошо ли застегнута

одежда. Ее руки словно пляшут перед ним, и он пытается сделать то же самое. И зачарованно смотрит, как пальцы движутся независимо от его воли или приказа. Смотреть на это было бы страшно… если бы Прити неожиданно не улыбнулась широко и не хлопнула его по колену, разразившись хриплым восторженным хохотом шимпанзе.

Он чувствует прилив радости: его шутка ей понравилась. Хотя в то же время испытывает легкое замешательство оттого, что руки не собираются и ему объяснять смысл этой шутки.

Ну, ну. Руки как будто знают, что делают, и он испытывает удовлетворение их работой. Теперь они снова берут карандаш, и он теряет ощущение времени, сосредоточившись на движениях карандаша, на переплетении линий и теней. Когда вернется Сара, он будет готов к тому, что будет дальше.

Может быть, ему даже удастся найти способ спасти ее и ее народ.

Может быть, именно это его руки сказали Прити совсем недавно.

Если это так, неудивительно, что маленький шимпанзе разразился сухим смехом, полным сомнения.

XVII. КНИГА МОРЯ

Если вам удастся пройти по тропе Избавления – быть принятыми снова и заново возвышенными, получить второй шанс, – это не будет означать конца ваших усилий.

Вначале вы должны будете проявить себя как благородные клиенты, послушные и преданные своим новым патронам, которые избавили вас.

Позже вы получите более высокий статус, увидите на горизонте проблески жизни, будете искать в других царствах, звать уставших и достойных.

Это и есть столбовой знак. Некоторые называют его – Соблазном, другие – Искушением.

Эпоха за эпохой старшие уходят в поисках троп, которых более молодые не могут увидеть.

И те, кто находит эти тропы, исчезают.

Одни называют это переходом. Другие – смертью.

Свиток Судьбы

Рассказ Олвина

Меня всегда удивляла одна особенность рассказов на англике или любом другом земном языке, которые я изучал. Как рассказчик удерживает напряженное внимание читателя.

О, некоторые авторы двадцатого и двадцать первого века отлично умели это делать. Бывало, что я не спал по три ночи подряд, читая какую-нибудь книгу Конрада или Кунина. И с тех пор как решил сам стать писателем, все думаю, как это им удавалось.

Возьмем, например, рассказ, который я пишу все последнее время, когда есть возможность полежать на жесткой палубе с блокнотом. Блокнот в уголках уже весь потрепался, я пишу в нем хунского размера буквы изжеванным карандашом, который сжимаю в кулаке. С самого начала я пишу “от первого лица” — как дневник — и пытаюсь использовать все хитроумные трюки, которые усвоил во время чтения за эти годы.

Почему от первого лица? Согласно “Правилам

сочинения" Андерсона, такой способ позволяет легче представить читателю единую, цельную точку зрения, хотя, если мою книгу переведут на язык треки, все придется поменять, чтобы они что-нибудь поняли.

Но проблема с первым лицом в рассказе вот в чем: идет ли дело о реальном случае или о вымысле, *вы знаете, что герой уцелел!*

И вот на протяжении всех событий, о которых я собираюсь вам рассказать, вы, те, кто читает мои воспоминания (если я сумею их переписать, попросить специалиста в человеческих языках исправить грамматику и заплатить за перепечатку), вы уже знаете, что я, Олвин Хф-уэйуо, сын Му-фаувка и Йофг-уэйуо, из порта Вуфон, бесстрашный исследователь, просто обязан выжить в том происшествии, которое начинаю описывать, сохранив по крайней мере один мозг, один глаз и одну руку, чтобы все это записать.

Несколько ночей я лежал без сна, пытаясь обойти эту проблему при помощи другого языка. Есть, например, Галсемь, но на нем не передашь события в прошедшем времени. А неопределенные склонения в буйурском диалекте Галтри такие необычные. Да и для кого я это пишу? Только Гек умеет читать на Галтри, а получить похвалу

от Гек — все равно что поцеловать собственную сестру.

Итак, в тот момент, когда я прервал свой рассказ, воды Трещины покрыты пеной. Острая тень Окончательной скалы разрезает океан в том месте, где по-прежнему извиваются трос и шланги, взбивая обычно спокойную поверхность. Они бьются с энергией, высвобожденной несколько мгновений назад в момент катастрофы.

Слишком легко представить себе, что происходит с “Мечтой Вуфона”, нашим маленьким кораблем, созданным для исследования огромных глубин внизу. Сам не желая этого, я представляю себе полую деревянную трубу, колеса ее бесцельно вращаются, выпуклый стеклянный нос лопнул, лодка погружается в бездонную пропасть, таща за собой обрывок троса, унося Зиза, маленькую неполную груду колец треки, к гибели вместе с собой.

И как будто этого недостаточно, мы не можем забыть вид Хуфу, нашего талисмана-нура, отброшенного раскачивающейся стрелой крана, кричащего и вращающегося в воздухе, пока крошечное животное не исчезает в голубых водах Трещины. Как мог бы сказать земной тезка Гек: “Зрелище было невеселое. Неудачная ставка”.

Долгое время все просто смотрели. Я хочу сказать, что еще мы могли сделать? Молчали даже протестанты из порта Вуфон и из Долины. Если кто-то и радовался неудаче еретиков, то был достаточно благоразумен, чтобы не демонстрировать эту радость.

Мы все попятились от края обрыва. Какой смысл вглядываться в бархатно-гладкую могилу?

— Вытащить трос и шланг, — приказала Ур-доннел. Вскоре барабаны начинают вращаться в противоположную сторону, сматывая то, что с такой надеждой разматывалось всего несколько дуров назад. Тот же хунский голос выкрикивает глубины, но на этот раз числа становятся все меньше и в горловом баритоне не слышно радостного энтузиазма. Наконец, при счете два с половиной кабельтовых, из воды показывается измочаленный конец троса. С него стекает вода, как жидкая лимфа из перерезанного щупальца треки. Те, кто вращает барабан, ускоряют свои движения: всем не терпится посмотреть, что случилось.

— Кислотный ожог! — пораженно восклицает Ур-ронн, когда перерезанный конец показывается на верху утеса. Ур-ронн в гневе кричит: — Саботаж!

Урдоннел не торопится с заключением, но продолжает поворачивать узкую голову как змея, от перегоревшего кабеля к толпе протестующих на утесе, которые смотрят на нашу трагедию. Ясно, что у помощницы кузнеца те же страшные подозрения.

– Убирайтесь отсюда! — гневно кричит Гек, катясь к диссидентам и разбрасывая колесами гравий. Она едва не наезжает на ноги нескольких людей и хунов, которые нервно пятятся. Даже пара красных убирает бронированные ноги, отступая на один-два шага, хотя хрупкий г'кек не может быть угрозой для квуэна. Потом они снова движутся вперед с шипением и щелканьем.

Мы с Клешней бросаемся к Гек. Все могло бы кончиться плохо, но тут нам на помощь приходят могучие урские кузнецы с горы Гуэнн, размахивающие дубинками, готовые силой отстоять Гек. Толпа рассеивается, покидает рабочую площадку, направляясь к своему импровизированному лагерю.

— Ублюдки! — кричит им вслед Гек. — Джикии убийцы!

Не по закону, думаю я, все еще не оправившись от шока. Ни Хуфу, ни маленький Зиз, строго говоря, не являются гражданами Общины. Даже

почетными, подобно глейверам или представителям видов, которым угрожает вымирание. Так что это не убийство.

Но, по моему представлению, достаточно близко к убийству. Я сжимаю кулаки, чувствуя, как наполняется тело боевыми гормонами. Гнев в хуне разгорается медленно, но, когда он вспыхнул, погасить его трудно. Мне неприятно вспоминать, что я тогда чувствовал, хотя мудрецы говорят: важно не то, что ты чувствуешь, а то, как ведешь себя в результате твоих чувств.

Никто не произнес ни слова. Какое-то время мы все пребываем в подавленном состоянии. Урдоннел и Ур-ронн спорят о том, какое послание нужно отправить Уриэль.

И тут от горя нас отрывает резкий пронзительный свист сзади, со стороны моря. Повернувшись, мы видим Клешню, который смело стоит на самом краю, выдувает воздух из щелей на трех ногах, в то же время подзывая нас двумя когтями.

— Смотрите-трите-трите! — запинается он. — Гек, Ол-вин, быстрей!

Позже Гек утверждала, что сразу поняла, что имеет в виду Клешня. Ретроспективно я понимаю, что это очевидно, но в то время я понятия

не имел, что привело его в такое возбуждение. Добравшись до края, я мог только изумленно глядеть на то, что вырвалось из чрева Трещины.

Это наша лодка! Наша прекрасная "Мечта Вуфона" всплывает наверх и кажется такой мирной и спокойной в солнечных лучах. И на ее изогнутом верху видная черная маленькая фигура, мокрая и взъерошенная с носа до хвоста. И не нужно иметь зрение г'кека, чтобы понять, что наш нур не менее нас потрясен тем, что еще жив. До нас доносятся его слабые жалобы.

— Но как… — начала Урдоннел.

— Конечно! — прервала ее Ур-ронн. — Сброшен балласт! Я несколько раз мигнул.

— О, *балласт!* Хр-рм. Да, "Мечта" без него всплывает. Но на борту нет экипажа, некому дернуть рычаг. Разве что…

— Разве что это сделал Зиз! — кончила за меня Гек.

– *Неудовлетворительное объяснение,* — вставила на Галдва Урдоннел. — *Восемь кабельтовых (тяжелого, тянущего вниз) металлического троса отягощают наше приспособление для спуска под воду, и воздушного кармана внутри корабля было бы недостаточно.*

– Хр-рм, я понимаю, в чем разница, — сказал я,

закрывая глаза руками. — Гек, а что это… что это за штука, окружающая лодку?

Снова наша подруга на колесах застыла на краю обрыва, развела два глазных стебелька и для лучшей видимости выставила третий.

— Похоже на какой-то воздушный шар, Олвин. Вся “Мечта” окутана какой-то трубкой. Она круглая — Зиз!

Это совпадало с моей догадкой. Кольцо треки, раздутое до таких размеров, какие мы себе и представить не могли.

Все посмотрели на Тиуга, мастера смесей с горы Гуэнн. Треки полного размера вздрогнул и выпустил цветное облачко, от которого пахло разрядкой напряжения.

— Предосторожность. Я/мы предприняли ее, посоветовавшись с нашей госпожой Уриэль. Предохранитель на случай непредвиденного, оказавшийся очень эффективным.

Рад, что я/мы смогли вленировать успешно. Эти кольца и те, что внизу, предвидят предстоящее празднование. Скоро. Ретроспективно.

— Иными словами-вами, — прервал его Клешня, — перестаньте вести себя как стая слепых при дневном свете глейверов. Пошли, вытащим их назад-ад-ад!

XVIII. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Говорят, прошлые поколения интерпретировали Свитки совсем не так, как делаем сегодня мы в современной Общине.

Несомненно, каждая волна переселенцев вызывала на Склоне новый кризис веры, из которого наша вера выходила перестроенной, изменившейся.

Вначале вновь прибывшие короткое время обладали преимуществами, принеся с собой богоподобные орудия Пяти Галактик. Это преимущество сохранялось от нескольких месяцев до восьми лет. И помогало каждой расе заложить безопасный фундамент для потомков, как люди сделали в Библосе, хуны на острове Хауф, а г'кеки на горе Дуден.

Но каждый знал и свои недостатки: недостаточное для нормального развития население, неумение вести примитивное существование на неведомой планете. Даже высокомерные серые квуэны признали, что должны быть какие-то принципы или всегда будет угроза вендетты со

стороны всего остального населения. Договор Изгнания установил правила контроля над рождаемостью, укрытия и сохранения дикой природы Джиджо, а также способы уничтожения отходов. Эти основные правила действуют и сегодня.

Легко забыть, что другие проблемы были решены только после упорной борьбы.

Например, жестокое сопротивление восстановлению металлургии урскими кузнецами лишь частично основывалось на стремлении квуэнов сохранить свою монополию на инструменты. Многие куны и треки искренне верили, что эти новшества святотатственны. И до сегодняшнего дня некоторые жители Склона не притрагиваются к орудиям изпереплавленной буйурской стали и не допускают их в свои дома и деревни, сколько бы раз мудрецы не провозглашали их безопасным.

Другой пережиток этих верований можно видеть в убеждениях пуритан, которые отвергают книги. Бумагу саму по себе вряд ли можно в чем-то обвинить: она хорошо разлагается и ее можно использовать для переписки Свитков. Тем не менее есть несогласное меньшинство, которое называет сокровища Библоса в лучшем случае данью тщеславию и препятствием для тех, кто

пытается достичь блаженного невежества. В первые годы жизни людей на Джиджо эту веру эксплуатировали уры и квуэны, враги людей, пока урские кузнецы не обнаружили, что изготовление шрифтов очень выгодно. После чего увлечение книгами беспрепятственно распространилось по всему Склону.

Любопытно, что и самый последний кризис веры почти не оставил никаких последствий. Если бы не письменные отчеты, трудно было бы поверить, что на Склоне многие со страхом и ненавистью встретили появление Святого Яйца. Однако в то время серьезно призывали гильдию взрывников уничтожить его! Разрушить камень-который-поет, чтобы он не выдал наше укрытие или, еще хуже, не отвлек Шесть от следования по тропе, избранной глейверами.

“То, чего нет в Свитках, не может быть священным”.

Таким всегда было кредо ортодоксов, с самого начала времен. Но нужно признать: в Свитках нет ничего даже отдаленно напоминающего Яйцо.

Рети

Темно, жарко, душно.

Пещера Рети не понравилась.

Должно быть, сердце так колотится от затхлого, пыльного воздуха. Или от болезненных царапин на ногах, после того как она от бокового входа в закрытой зарослями бу стене утеса сползла по извилистому туннелю в подземный грот.

А может, ее заставляют нервничать *фигуры* со всех сторон. Каждый раз когда Рети поворачивалась с масляной лампой в руке, с холодных неровных каменных мертвых стен наползали тени. А неслышный голос словно произносил: *Пока... ничего! Но настоящее чудовище ждет за следующим поворотом.*

Она стиснула зубы, отказываясь слушать. Всякий, кто скажет, что она струсила, солжет!

Разве трус пробирается ночью в такое темное место? Или делает то, что ему велят не делать все эти жирные большие вожди Шести?

Карман на поясе оттягивает тяжесть. Рети просунула в него руку, чтобы погладить скорчившееся существо.

— Молчи, йии. Это всего лишь большая яма

в земле.

К ней протянулась узкая голова на извилистой шее, в неярком свете лампы блеснули три глаза. Писклявый голос возразил:

– Йии молчит! темнота хорошо! на равнинах уры-мужчины любят прятаться в дырах, пока не найдут теплую жену!

– Ладно, ладно! Я не хотела…

– Йии поможет нервничающей жене!

– Это кого ты называешь неврничающей, ты, маленький…

Рети замолчала. Может, нужно дать йии почувствовать себя нужным, если это поможет ему контролировать его собственный страх.

– Оу! не так крепко! — крикнул самец, и от стен разлетелось эхо. Рети быстро отпустила его и погладила взъерошенную гриву.

— Прости. Послушай, мы уже близко, так что больше не разговаривай, ладно?

— Хорошо! Йии замолчит, жена тоже.

Рети поджала губы. Потом гнев перешел в неудержимый приступ смеха. Те, кто говорит, что урские самцы не умны, никогда не встречался с ее “мужем”. Йии в последние дни даже сменил акцент, подражая речевым привычкам Рети.

Она подняла лампу и продолжила пробираться

по извилистой пещере, окруженная необычными минеральными формациями, отражающими свет лампы бесчисленными сверкающими фасетами. Должно быть, это красивое зрелище, если бы она не была поглощена только одним. Надо вернуть себе кое-что. То, чем она уже владела — пусть недолго.

Мой билет с этого комка грязи.

Казалось, следы Рети — первые, которые появляются на этой пыли, что неудивительно: лишь у квуэнов да у немногих людей и уров есть склонность к путешествиям под землей, а она к этому меньшинству не принадлежит. Если повезет, этот туннель приведет в большую пещеру: она несколько раз видела, как в нее заходил Лестер Кембел. Ее основным занятием было следить за главным мудрецом-человеком и одновременно избегать группу раздраженных мужчин и женщин, которые хотели, чтобы она была их проводником в горах. Точно установив, где проводит Кембел вечера, она послала маленького йии на поиски в кустах, и он нашел это боковое отверстие, которое позволяло обойти главный охраняемый вход.

Малыш уже доказал свою полезность. К удивлению Рети, замужняя жизнь совсем не так уж

плоха, когда к ней привыкнешь.

Еще долго пришлось ползти и извиваться. Временами приходилось протискиваться или съезжать по узким трубам; йии начинал жаловаться, если она его сжимала. За пределами неяркого желтого пятна от лампы слышались негромкие звуки: это вода капает в подземные бассейны, медленно вырезая из внутренностей Джиджо скульптуры. На каждом шагу Рети приходилось преодолевать сжатие в груди, подавлять воображение, которое рисовало ее во внутренностях какого-то гигантского спящего хищника. Каменная матка угрожала зажать ее со всех сторон, закрыть выходы, а потом размолоть ее в пыль.

Скоро путь превратился в узкий горизонтальный зигзаг, тесный даже для нее. Рети послала йии разведывать коридор впереди, а сама поползла, толкая лампу перед собой.

Крошечные копыта йии стучали по песчаному известняку. Вскоре она услышала знакомый хриплый шепот.

– Хорошо! Впереди отверстие, немного еще, пошли, жена, быстрей!

Его выговор заставил ее гневно фыркнуть: не самая лучшая мысль, когда щека, нос и рот каса-

ются влажной пыли. Собираясь для следующего поворота, Рети неожиданно ощутила, что стены движутся!

Она вспомнила, что говорил Двер, когда вел ее к Поляне мимо парящих серных отверстий. Ларк назвал это страной землетрясений, и казалось, он считает правильными эти движения поверхности.

С трудом поворачиваясь, она почувствовала, что ее зажало в узком проходе.

Я застряла!

Рети забилась, болезненно ушибла колено, застонала. Мир смыкается вокруг нее!

Она ударилась головой о камень, и от боли у нее помутилось в глазах. Лампа выпала из руки и едва не опрокинулась.

– Спокойно, жена, стой! Оставайся на месте!

Слова отскочили от искаженного зеркала ее паники. Рети продолжала упрямо дергаться, она стонала, отталкиваясь от холодного камня, пока…

Неожиданно что-то внутри нее щелкнуло. Она обвисла, сдаваясь, позволяя горе делать с ней все, что вздумается.

И как только она отказалась от борьбы, стены чудесным образом перестали двигаться. Или это

она все время двигалась?

– Теперь лучше? Хорошо-хорошо. Теперь передвинь левую ногу… левую! Хорошо, теперь остановись. Ладно, повернись в другую сторону, хо-о-орошая жена!

Этот тоненький голосок был словно линией жизни, за который она цеплялась несколько дуров — целую вечность, — сколько потребовалось, чтобы высвободиться. Но вот наконец коридор расширился, и она съехала на груду песка. Чувство было такое, словно она родилась заново.

А когда подняла голову, перед ней йии в обеих руках держал лампу, сгибая передние ноги.

– Хорошая смелая жена! Нет такой жены, как удивительная жена йии!

На этот раз Рети не смогла сдержаться. Она обеими руками прикрыла рот, но смех все равно полетел к извилистым стенам. И, отразившись от сталактитов, вернулся к ней сотнями эхо, полных радости жизни.

Мудрец разглядывал *ее* птицу.

Он смотрел на нее, что-то записывал в блокноте, потом ковырялся каким-то блестящим инструментом.

Рети кипела от гнева. Эта золотисто-зеленая машина принадлежит ей. Ей! Она гналась за ней

с южных болот до самого Риммера, спасла из паутины алчного мульк-паука, завоевала своим потом, страданиями и мечтами. Она должна выбирать, кто будет ее изучать! Если вообще позволит кому-нибудь это.

И чего пытается добиться этот дикарский шаман со своими грубыми стеклянными линзами и всем прочим? Инструменты, лежащие рядом с птицей, произвели бы впечатление на прежнюю Рети, которая считала таким замечательным оружием охотничий лук Двера. Но все изменилось после встречи с Беш, Ранном и другими звездными людьми. Теперь она знает: несмотря на всю свою напыщенность, Лестер Кембел все равно что Джесс, или Бом, или любой другой идиот из Серых холмов. Все они глупые хвастуны. Грабители. Отнимают то, что им не принадлежит.

А Кембел в ярком свете масляной лампы с зеркалами листал книгу. Ее страницы хрустели, словно их давно никто не переворачивал. Со своего места, высоко на неровной стене пещеры, Рети не могла многого разглядеть. Да она все равно не умеет читать. Большинство страниц как будто покрыто рисунками со множеством пересекающихся линий. Ничего похожего на птицу.

Давай, йии, тревожно думала она. *Я на тебя*

рассчитываю.

Она очень рискует. Малыш-самец заверил ее, что справится, но что, если он заблудится, пробираясь с другой стороны? Или забудет свои слова? Рети будет вне себя от ярости, если малышу причинят вред.

Помощник Кембела встал и вышел из помещения, вероятно, получив какое-то задание, или вообще пошел спать. Сейчас самое подходящее время. *Давай, йии!*

После долгого пути по темным извилистым коридорам в постоянном страхе погасить лампу Рети показалось, что здесь слишком светло. Глаза ее не выдерживали. Проползая последние метры, она неохотно задула свою лампу, чтобы не привлекать внимание. И теперь пожалела об этом. *Что, если придется возвращаться тем же путем?* Добровольно она ни за что не пойдет назад. Но если не будет другого выхода, если за ней погонятся…

Плохо, что нельзя снова зажечь лампу. *Наверно, следовало научиться пользоваться этими “спичками”, которыми так гордятся* слоям. Она слишком полна была страхом, чтобы слушать, когда вначале Двер, а потом Ур-джа пытались показать ей, как обращаться со спичками. Конеч-

но, виноваты Джесс и Бом: они не терпели, когда женщины самостоятельно разжигали костер.

Но огонь очень хорош, чтобы пугать или уродовать женщин, верно? гневно думала она, притрагиваясь к лицу. *Когда-нибудь я вернусь, Джесс. И, может, у меня будет совсем другой огонь.*

Рети погрузилась в свою любимую фантазию. Она улетает со звездными людьми на их родную звезду. О, вначале она будет чем-то вроде домашнего животного или талисмана. Но дайте ей только время! Она будет учиться, а потом станет такой важной…

Такой важной, что какой-нибудь великий принц ротенов даст ей корабль — целый *флот,* — чтобы вернуться на Джиджо.

Интересно будет посмотреть на наглое красивое лицо Джесса, когда небо над Серыми холмами среди дня потемнеет и сверху прогремят ее слова…

– *Ты мудрый мистер человек сэр?*

Тонкий голос вернул ее к настоящему. Она посмотрела вниз — и увидела йии, который нервно притопывал у ножки стула Кембела.

– Хм? Кто это? — спросил Кембел. Йии отскочил: мудрец, удивленно оглядываясь, отодвинул стул.

— послание для мудрого человека! послание от мудрой бабушки уров Ур-Джа!

Теперь Кембел посмотрел вниз, вначале удивленно, потом заинтересованно.

— Да, малыш? А как тебе удалось миновать стражника?

— стражник ждет опасности, он смотрит мимо йии. разве йии опасен?

Маленький ур рассмеялся, подражая нервному смеху Рети. Она надеялась, что Кембел не заметит сходства.

Мудрец серьезно кивнул.

— Да, конечно. Если только кто-нибудь тебя не рассердит, друг мой, чего я постараюсь не делать. Так что же это за послание в такое время?

Копыта йии плясали, он драматично поднял руки.

— срочный разговор-разговор, посмотришь на мертвую птицу позже! иди к Ур-Джа! сейчас-сейчас!

Рети опасалась, что его настойчивость вызовет подозрения. Но лысеющий человек сразу отложил свои инструменты и встал.

— Ладно, тогда пошли.

Надежды Рети взвились к небу и снова упали, когда Кембел взял в обе руки птицу.

Нет! Положи ее на место!

Словно услышав ее напряженный мысленный призыв, мудрец остановился, покачал головой и снова положил машину, взяв вместо нее блокнот.

— Веди, Макдуф! — обратился он к йии, взмахнув рукой.

— что сказал великий мудрец? Маленький ур наклонил голову.

— Я сказал… не важно. Не очень ясная аллюзия. Наверно, я просто устал. Понести тебя, сэр?

– *Нет! Йии поведет мудрого человека. Сюда! Сюда!* — И он поскакал вперед, нетерпеливо оглядываясь на медлительного мудреца.

Когда оба исчезли в туннеле, ведущем к главному входу, Рети не стала тратить времени, она просто соскользнула по

неровной стене на пол пещеры-лаборатории. Вскочила и поспешила к столу, на котором лежала ее птица — безголовая с той самой схватки с роботом чужаков.

Грудь раскрыта, как у тушки на пиру, видны сверкающие, как драгоценности, внутренности. Ничего подобного Рети никогда не видела. *Что эта вонючка с ним сделал? Выпотрошил, как цыпленка!* Она пыталась сдержать приступ гнева.

Ранн не заплатит, если эти придурки испортили ее, порывшись внутри.

Она присмотрелась внимательней. Отверстие слишком ровное, чтобы быть вырезанным ножом. Когда она осторожно притронулась к грудной клетке птицы, та гладко повернулась вокруг места соединения — как дверца большого шкафа на петлях, который она однажды видела в медицинской палатке пришельцев.

Понятно. Она просто закрывается… вот так.

Она приподняла секцию, повернула, и та со щелчком захлопнулась.

Теперь Рети пожалела о своей торопливости. У нее может больше не быть возможностей заглянуть внутрь птицы. *Ну и ладно. Все равно это не мое дело,* подумала она, подбирая свою добычу. *Я и не делаю вид, что я нечто большее, чем сунер и дикарь.*

Но не навсегда. Как только улечу с Джиджо, я буду учиться. Я всему научусь!

Птица тяжелей, чем она помнит. На мгновение сердце ее встрепенулось. Она вернула себе сокровище! Рети затолкала птицу в сумку, не обращая внимания на разбросанные на столе книги, и заторопилось по тому же пути, по которому ушел Лестер Кембел, — широкому коридору, ведущему

во внешний мир.

Коридор был ярко освещен лампами, которые скобками были прикреплены к тонким трубкам бу. Языки пламени создавали бассейны странного голубого свечения, оставляя в промежутках тени. Тусклый свет приходил также из нескольких боковых помещений, по большей части пустых, потому что рабочие ушли на ночь. Но одна комната была ярко освещена. Прежде чем миновать ее, Рети осторожно осмотрела двух ее обитателей-людей, которые, к счастью, стояли спиной к ней и негромко разговаривали. На множестве мольбертов были рисунки звездных богов, их воздушной машины и других инструментов. На одном рисунке кубическая станция, которую Рети никогда не видела непогребенной, изображена во всех подробностях, более величественная, чем оставленные буйурами развалины. Но она казалась миниатюрной рядом с гигантской трубой, нарисованной на следующем листе. Труба плывет над лесом.

Мой звездный корабль, подумала девушка, хотя ее пугала мысль о необходимости подняться на борт этого корабля, когда он вернется за грабителями. Нужно не забыть в тот день держать подбородок высоко поднятым и не проявлять

страха.

Художники сумели передать отчужденный, с легкой улыбкой, взгляд Ранна, острый охотничий взгляд Кунна, когда он приспосабливал хватательный коготь к парящему роботу. Сосредоточенность бледной Беш уравновешивала полуциничную улыбку смуглой Линг. Рети знала, что это всего лишь рисунки, как те, которые выцарапывают старики на стенах зимней пещеры в Серых холмах. Тем не менее жизнеподобное сходство казалось пугающим и волшебным. *Слопи изучают звездных людей. Что бы это значило?*

Торопясь побыстрей уйти, Рети едва не споткнулась. *Что бы они ни планировали, ничего у них не выйдет.* Она решила думать только о необходимости уйти отсюда и вовремя явиться на свидание.

Стало менее затхло, резкие звуки эха смягчились. Скоро впереди послышались голоса… Лестер Кембел разговаривает с другим человеком. Рети на цыпочках подошла к следующему повороту и осторожно выглянула. Стал виден человек-мудрец, говорящий со стражником, который с раздражением смотрел на маленького йии.

— Осы тайны могут остановить самого ма-

ленького робота, — говорил Кембел. — Но как же насчет такого маленького приятеля?

— Честно, сэр, не понимаю, как он мог пройти…

Кембел взмахом руки прервал его оправдания.

— Ничего плохого на этот раз не произошло, сынок. Нас защищает их презрение: они уверены, что у нас не за чем шпионить. Но на будущее надо быть внимательней, ладно?

Он потрепал молодого человека по руке и повернул назад в пещеру, а йии заторопился наружу. Местность была ярко освещена луной, лучи которой пробивались сквозь ветви леса. Все еще в замешательстве, стражник стиснул зубы и крепче взялся за оружие — длинную палку с острым концом. Широко расставив ноги, он стоял в середине выходного отверстия. Когда шаги Кембела стихли, Рети досчитала до двадцати и начала действовать. Она спокойно направилась к молодому стражнику, который повернулся к ней, когда она подошла близко.

Рети улыбнулась и небрежно помахала рукой.

— Ну, на сегодня я все кончила. — Она зевнула, проходя мимо воина и ощущая его удивленную нерешительность. — Да, скажу тебе, эта наука — трудное дело. Ну, спокойной ночи!

Теперь она была снаружи, с радостью вдыхая свежий разреженный горный воздух и стараясь не переходить на бег. *Особенно* когда он крикнул:

— Эй, остановись!

Повернув голову, но продолжая идти по тропе, Рети еще на несколько секунд задержала его, широко улыбнувшись:

— Да? Тебе что-нибудь нужно?

— Что… кто ты такая?…

— Принесла кое-что мудрецу, — ответила она с обманчивой искренностью, похлопав себя по сумке и продолжая уходить.

Стражник двинулся к ней.

С радостным возгласом Рети повернулась и побежала в лес, зная, что теперь преследовать ее бесполезно. Он упустил свою возможность, вонючка!

Но все же она была рада, что он постарался.

Йии встретил ее в условленном месте, у длинного моста, на полпути от того дерева, возле которого ее будет ждать Ранн.

Увидев ее, маленький ур радостно закричал и, казалось, взлетел к ней на руки.

Но ему не понравилось, что, когда он попытался забраться в сумку, то увидел, что она занята

каким-то жестким холодным предметом. Рети укутала его в свою куртку, и немного погодя он, по-видимому, счел это приемлемым.

– Йии говорит жене. Йии видит…

– Мы это сделали! — воскликнула Рети, не в силах сдержать радость от столь удачно закончившегося приключения. С отличным окончанием — бегством по лесу. Она бежала легко, весело, оставив этого рослого осла спотыкаться в темноте, обошла шумного стражника и миновала прямо у него под носом на пути к Поляне.

— Ты тоже был хорош, — сказала она йии, делясь с ним достижением. — Без тебя мне было бы труднее это сделать. — Она прижала к себе маленькое тело, и он стал жаловаться короткими вскриками. — А тебе трудно было уходить от Кембела?

– Мудрый человек не проблема, йии хорошо знает выход. Но потом…

– Ну, теперь все кончено. Пора идти. Если Ранну придется ждать, он может быть не в таком хорошем настроении, как…

– Но потом йии по пути к жене увидел кое-что! Целое стадо уров… квуэнов… хунов… людей… все украдкой шли в темноте и несли ящики!

Рети торопливо шла по тропе к месту встречи.

— Хм? Правда? Наверно, глупые пилигримы по пути к большому камню, который они считают богом. — Теперь она презирала сунеров, населяющих эту планету. Для нее все эти разговоры о знаменитом “Яйце”, которые она слышала от слопи, еще одна разновидность страшных историй на ночь, как сказки о призраках, огромных зверях и духах глейверов, которые рассказывают у костра в Серых холмах, особенно с тех пор, как главными стали Джесс и Бом. Когда наступали трудные времена, охотники весь вечер могли спорить, почему рассердились хищники и как их смягчить.

— Стадо шло не к святому камню, — возразил йии. — В другую сторону. И никаких белых одеяний, никаких песен! Они только крались, крались с ящиками к другой пещере!

Рети едва не заинтересовалась: йии кажется, что это важно.

Но туг тропа повернула к небольшой долине, в которой живут звездные люди. Луна осветила павильоны, которые в этой причудливой яркости кажутся менее замаскированными.

С запада донеслось негромкое гудение, что-то сверкающее привлекло внимание девушки, и она увидела, как с неба опускается капля, складывая

на лету два тонких крыла. Рети с дрожью узнала летающую лодку грабителей, возвращающуюся с еще одной загадочной экспедиции. Она, застыв, смотрела, как прекрасная машина изящно садится на дно долины. Открылось отверстие. Рети охватило возбуждение, сердце ее словно полетело.

— Тише, муж, — сказала она йии, который жаловался на то, что о нем забыли. — Нам предстоит немного поторговаться. Посмотрим, выполняют ли они свои обещания.

Аскс

Мои кольца, вам не нужна информация моего слабо сфокусированного разума. Вы и сами это чувствуете, глубоко в самой сердцевине каждого маслянистого тора.

Яйцо. Медленно, словно приходя в себя из глубокого беспамятства, оно просыпается!

Может, Община теперь снова исполнится дружелюбием, единством духа, той решимостью, которая когда-то объединяла нашу коллективную волю.

О, да будет так!

Мы так разделены, так далеки от готовности.

Так далеки от достоинства.

О, да будет так.

Сара

Стеллажи заражены полирующими жуками, а музыкальные залы полны голодными кусающимися попугайскими мухами, но шимпы из обслуживающего персонала слишком заняты, чтобы выкуривать этих паразитов.

Отдыхая в западном атриуме, Сара наблюдала, как несколько волосатых работников помогали человеку-библиотекарю упаковывать бесценные тома в выложенные шерстью ящики, затем запечатывать их каплями воска с большой красной свечи. Кусочки воска прилипали к спутанной шерсти шимпов, и они украдкой жаловались друг другу на языке жестов.

– *Это неправильно,* — перевела Сара жесты и хриплые покашливания одного из работников. — *В этой неподобающей спешке мы делаем достойные сожаления ошибки.*

Второй ответил:

– *Как это справедливо, мой сотоварищ! Этот том Одена не должен находиться среди греческой классики! Когда этот кризис кончится, что*

неизбежно, мы никогда не сумеем правильно расставить книги по полкам.

Что ж, возможно, она была слишком щедра в своем переводе. Однако шимпы, работающие в этих священных залах, особое племя. Они почти такие же особенные, как Прити.

Над головой простирался атриум литературы, пересеченный мостиками и рампами, соединяющими читальные залы и галереи, уставленные полками, которые стонут под тяжестью книг, поглощающих звуки и испускающих запахи чернил, бумаги, мудрости и пыльного времени. Недели лихорадочной эвакуации, многочисленные караваны ослов, ушедшие в тайные пещеры, — все это заметно не уменьшило количество книг, полки по-прежнему забиты текстами всех цветов и размеров.

Мудрец Пловов называет этот зал, отведенный *легендам, волшебству* и *вымыслам*, Домом Обманов. Однако Сара всегда считала его менее подверженным гнету времени, чем залы, посвященные науке. В конце концов, что дикари Джиджо могут добавить к горам фактов, оставленных здесь богоподобными предками. А ведь говорят, что эта гора — словно песчинка по сравнению с Великой Галактической Библиотекой.

Но то, что собрано в этом зале, не боится опровержения со стороны древней мудрости. Хороший или плохой, великий или достойный забвения, ни один литературный труд не является доказуемо "ложным".

Пловов говорил: *"Легко быть оригинальным, если тебе не нужно заботиться о том, чтобы говорить правду. Волшебство и искусство основаны на эгоманиакальной уверенности в том, что художник прав, а вселенная ошибается".*

Конечно, соглашалась Сара. С другой стороны, она считала, что Пловов просто ревнует.

Когда люди появились на Джиджо, их влияние на остальные пять разумных рас можно сравнить с тем, которое испытала Земля при первой встрече с галактической культурой. После столетий использования всего нескольких свитков уры, г'кеки и остальные встретили поток бумажных книг подозрительно и в то же время с ненасытным аппетитом. В промежутках между короткими жестокими стычками разумные нелюди поглощали земные сказки, пьесы и романы. А когда писали собственные, то подражали земным формам. Серые квуэны воспроизводили эрзац-елизаветинские любовные драмы, а урские племена по-своему пересказывали легенды ин-

дейцев Северной Америки.

Однако позже начался расцвет новых стилей, от героических приключений до эпических поэм, написанных в необычных размерах и ритмах, с использованием последних остатков порядка галактических диалектов Галсемь и даже Галдва. У печатников и переплетчиков заказов на новые произведения было не меньше, чем на переиздания. Ученые спорили о том, что все это значит. Начало ереси? Или освобождение духа?

Мало кто осмеливался воспользоваться термином “возрождение”.

И все это может закончиться в несколько дней или недель, мрачно рассуждала Сара. Новости с поляны, привезенные гребцом на каяке, который решился преодолеть пороги Бибура, свидетельствуют, что мрачные ожидания мудрецов, их оценки генных грабителей и их намерений не изменились.

Ну, Блур уже должен быть там. План Сары, возможно, не убедит небесных людей отказаться от геноцида, но в таком беспомощном положении, в котором оказались Шесть, хватаешься за все что угодно.

Включая безумный замысел Арианы. Даже если это жестоко.

Из помещения за Сарой послышался голос пожилой женщины-мудреца.

— Хорошо, дорогой. С этим ты достаточно поработал. Посмотрим, как тебе эта замечательная книга. Видел когда-нибудь такие символы и слова?

Сара со вздохом направилась в Детскую комнату.

Незнакомец сидел возле инвалидного кресла Арианы, окруженный множеством томов с яркими рисунками и простыми текстами, набранными крупным, легко различимым шрифтом. Хотя лицо его было изможденно, смуглый мужчина с готовностью взял еще одну книгу и провел пальцами по точкам, черточкам и кружкам учебника Галдва — букваря, предназначенного для самых молодых урских средних. Сара не удивилась, видя, как он поджал губы и прищелкнул языком, старательно изучая строчки. Он явно узнавал эти символы, но смысл фраз не понимал.

То же самое было с книгами на Галшесть, англике и Гал-семь. Сердце Сары разрывалось, когда она видела, как раздражение Незнакомца переходит в пытку. Наверно, только сейчас раненый начинал осознавать, что у него отнято. Что он навсегда утратил.

С другой стороны, Ариана Фу казалась очень довольной. Она улыбнулась Саре.

— Это не деревенщина из захолустья, — сказала пожилая женщина. — Образованный человек, знакомый со всеми языками, которые обычно используют Шесть. Если бы у нас было время, нужно было бы отвести его в Лингвистическое крыло и испробовать некоторые забытые диалекты! Решительным тестом был бы Галактический двенадцать. На Джиджо сегодня его знают только трое ученых.

— Но какой смысл? — спросила Сара. — Вы доказали свое предположение. Не оставить ли его в покое?

— Через минуту, дорогая. Одна-две книги, и закончим. Самое интересное я оставила напоследок.

Два библиотечных работника нервно наблюдали, как Ариана роется в груде книг рядом с креслом. Некоторые из этих книг бесценны. В их переплет вделаны кольца: обычно книги держат прикованными к полкам. Архивистам явно не нравилось, что эти сокровища отдают в руки бессловесному варвару.

Не желая смотреть, Сара отвернулась.

В Детском крыле было тихо, в нем всего

несколько детей. Сюда приходят ученые, учителя и путешествующие библиотекари шести рас, чтобы изучать, копировать или брать взаймы книги. Затем этот бесценный груз в повозках, лодках или на вьючных ослах расходится по всему Склону. Сара наблюдала, как самка красного квуэна старательно отбирает тяжелые, переплетенные в латунь альбомы, которые использует ее племя. Ей помогают два лорника, подготовленные как ее помощники и переворачиватели страниц. Один лорник смахнул полировочного жука, который полз по переплету, нервно натирая его брюшком, испуская тонкую пленку и при этом стирая часть названия. Никто не знает, какую функцию когда-то выполняли эти инсектоиды у улетевших буйуров, но сегодня они очень мешают.

Сара видела представителей всех рас. Это серьезные педагоги, которые не позволяют какому-то кризису вмешаться в выполнение ими главной задачи — обучения следующего поколения. За квуэном престарелый треки отбирал тома, специально обработанные, чтобы противиться жидкостям новых груд колец. Эта молодежь еще не умеет контролировать свои выделения.

Услышав низкий стон, Сара обернулась и увидела, что Незнакомец держит тонкую книгу, такую

древнюю, что цвета ее потускнели и посерели. Смуглое лицо человека отражало противоречивые чувства. У Сары не было времени прочесть название, она успела только заметить тощую черную кошачью фигуру на переплете в шляпе с красно-белыми полосами, похожей на дымовую трубу. И тут, к отчаянию библиотекарей, Незнакомец прижал книгу к груди и принялся раскачиваться с закрытыми глазами.

— Что-то из его детства, я уверена, — сказала Ариана, что-то записав в своем блокноте. — Согласно указателям, эта книга была очень популярна у детей на северо-западе земной цивилизации на протяжении целых трех столетий, так что мы можем предварительно локализовать его культурное происхождение…

— Как интересно. Ну, теперь вы закончили? — ядовито спросила Сара.

— Гм? О да. Вероятно. Пока. Пусть отдохнет, милая. Потом приведи его. Я буду в главном зале прослушивания. — С этими словами Ариана резко кивнула шимпу, который толкал ее кресло, и оставила Сару рядом с расстроенным Незнакомцем.

Он что-то бормотал про себя, как делал время от времени, повторял снова и снова какую-то

короткую фразу. Что-то пробивалось, несмотря на повреждение мозга. В данном случае это была явная бессмыслица, насыщенная глубокими эмоциями:

– *…амане у меня в кармане…* — снова и снова повторял он… *амане у меня в кармане…*

Сара мягко, но настойчиво взяла из его дрожащих рук древнюю книгу и вернула сокровище неодобрительно наблюдающим библиотекарям. Она терпеливо уговаривала раненого встать. Темные глаза были затуманены печалью, которую Сара могла понять. Она тоже потеряла нечто драгоценное для себя.

Только он оплакивал потерю самого себя.

У входа в помещение для прослушивания их встретили два ученых г'кека. Это врачи-исследователи, которые осматривали Незнакомца вскоре после его приезда в Библос. Один из них взял его за руку.

— Мудрец Фу хочет, чтобы ты наблюдала за обследованием из соседней комнаты. Это следующая дверь, — сказал второй. И указал одним глазным стебельком на дверь дальше по коридору. Незнакомец вопросительно взглянул на Сару, и она успокаивающе кивнула ему. От его доверчивой улыбки ей стало только хуже.

Комнату для наблюдений тускло освещал свет, пробивающийся через два круглых окна — две безупречные стеклянные пластины с характерными стебельками посредине, — которые выходили в соседнее помещение. В нем можно было увидеть двух врачей г'кеков, сидящих вместе с Незнакомцем перед большим ящиком с ручкой с одной стороны и трубообразным рогом с другой.

— Заходи, милая. И, пожалуйста, закрой дверь.

Глазам Сары потребовалось несколько дуров, чтобы привыкнуть к полутьме и увидеть, кто сидит рядом с Арианой. А когда она это увидела, было уже поздно.

Присутствовала вся группа из города Тарека и еще два человека в одежде ученых. Конечно, у Ульгор и Блейда есть причины тут находиться. Блейд помог спасти Незнакомца в болотах, а Ульгор — почетный делегат деревни Доло. Даже у Джопа есть официальное право. Но зачем здесь взрывники Джома и Курт? Какое бы тайное дело их гильдии ни привело дядю с племянником сюда из Тарека, оба они следили за происходящим с напряженным вниманием, характерным для их семьи и ремесла.

Ученые-люди повернулись к ней.

Боннер и Теин — те самые, встречи с которыми она надеялась избежать в этом посещении.

Оба они встали.

Сара поколебалась, потом поклонилось в пояс.

— Мастера.

— Дорогая Сара, — вздохнул Боннер. Он опирался на палку больше, чем она помнила, когда в последний раз видела лысого тополога. — Как нам не хватало тебя в этих пыльных залах.

— А мне не хватало вас, мастер, — ответила она. удивленно сознавая, что сказала правду. Возможно, после смерти Джошу она отказалась не только от плохих но и от слишком многих добрых воспоминаний. Тепло руки старого ученого напомнило ей многие прогулки, обсуждения таинственных и бесконечно увлекательных законов *формы,* таких, которые могут быть описаны символами, но которые никогда не видели глаза человека.

— Пожалуйста, не зови меня больше мастером, — попросил он. — Ты теперь сама посвященная или скоро ею станешь. Идем, садись с нами, как в добрые старые времена.

Слишком похоже на старые времена, подумала Сара, встретившись с взглядом другого мудреца — математика. Высокий сребровласый алгебраист, казалось, не изменился, по-прежнему

отчужденный, загадочный. Теин кивнул и назвал ее по имени, потом снова сел лицом к окнам. Как обычно, он постарался сесть как можно дальше от присутствующих в помещении нелюдей.

Беспокойство, которое испытывает мудрец Теин в присутствии других рас, — не редкость. В каждой расе есть такое меньшинство. Это реакция на глубокие древние представления. Но важно то, как ты с этим справляешься, а Теин был безупречно вежлив с учеными урами или г'кеками, которые консультировались с ним по поводу биноминальной теоремы. Учитывая его чувства, хорошо, что ученый способен вести замкнутый образ жизни… такой же, какой Сара хотела и для себя

— пока приезжий переплетчик не принялся ухаживать за нею, наполнив сердце Сары неведомыми возможностями;

— пока она отчаянно не объявила коллегам, что отныне нашла новый предмет для изучения — лингвистику, подумать только;

— пока Джошу не заболел перечной оспой, пронесшейся по долине Бибура, эпидемией, которая обрушивается на жертву внезапно, и ей пришлось наблюдать, как другая женщина исполняет погребальные обряды, зная, что все

смотрят на нее, ждут ее реакции;

— пока после похорон мудрец Теин не приблизился к ней со своим строго формальным видом и не повторил своего предложения о браке;

– пока она спешно не сбежала из этого места, полного пыли и воспоминаний, не сбежала домой, в древесный дом, выходящий на большую плотину, где она родилась.

И вот все снова вернулось. Когда она подростком впервые явилась в Библос, Теин казался таким сурово прекрасным, таким величественным, он поражал воображение. Но с тех пор Сара изменилась. *Все* изменилось.

Неожиданно аристократически спокойные черты лица Теина исказились, он хлопнул себя по шее, потом разочарованно нахмурился, глядя на ладонь. Сара оглянулась на Боннера, который прошептал:

— Попугайские мухи. Такая помеха. Если такая заберется в ухо, помоги тебе Ифни. Я целую неделю слышал все повторяющимся, пока Ворджин не вытащил проклятую тварь.

Ариана Фу выразительно кашлянула, привлекая их внимание.

— Я уже объяснила остальным, Сара, что, по моему мнению, Незнакомец — человек со звезд.

Дальнейшие исследования раскрывают природу его ранения.

Ее помощник шимп достал несколько листков бумаги со стилизованными рисунками человеческой головы в профиль, со стрелками и надписями в разных местах. Большинство слов были совершенно непонятны Саре, хотя Ларк, вероятно, нашел бы их знакомыми.

— Я вспомнила, что когда-то читала об этом, и сумела быстро найти ссылки. Похоже, что когда наши предки покидали Землю, там велись эксперименты по созданию прямого контакта между мозгом человека и компьютером.

Сара услышала откуда-то сзади удивленный возглас. Для большинства Шести слово “компьютер” таит в себе сверхъестественную силу. Экипажи всех крадущихся кораблей расплавили цифровые вычислительные машины вплоть до мельчайших деталей, прежде чем утопить звездные крейсеры в глубинах Помойки. Ничто иное не способно так выдать нелегальное присутствие разума на запретной планете.

Сара читала несколько ярких рассказов из земных дней, в которых автор в развитии сюжета использовать связь мозга с компьютером. Она всегда считала это метафорой, подобно легендам

о людях, летающих на крыльях с приклеенными перьями. Но Ариана говорит, что когда-то к такой возможности относились серьезно.

— На иллюстрации показано, какие участки мозга предполагалось снабдить нейроэлектронными контактами во времена отлета наших предков, — продолжала Ариана. — За три прошедших с тех пор столетия исследования, несомненно, продолжались. Я считаю, что Незнакомец располагал результатом этих исследований — отверстием, которое позволяло ему непосредственно связываться с компьютером и другими приборами. Это отверстие расположено у него над левым ухом.

Пришел черед Сары ахнуть.

— Значит, его… Ариана подняла руку.

— Можно предположить, что ожоги и меньшие повреждения возникли в результате аварийной посадки его корабля или летающей машины в Вечных болотах, недалеко от того места, где его нашла Сара с друзьями. Увы, это чудесное избавление от смерти отравлено неудачей: искусственный канал связи, прикрепленный к голове, был с силой вырван и унес с собой часть левого полушария мозга.

Мне нет надобности добавлять, что именно

этот участок мозга человека руководит речью.

Сара могла только мигнуть. Через стекло она видела, как человек, о котором говорит Ариана, с интересом наблюдает за тем, как врачи г'кеки готовят свои аппараты.

— Я бы решил, что такое повреждение убьет его, — сказал Боннер, выражая общее удивление.

— Действительно, его выздоровление кажется чудесным. Если бы он не был взрослым мужчиной, с жесткой синоптической структурой, возможно, он смог бы вернуть себе способность к речи с помощью полуспящего *правого* полушария, как иногда случается у женщин и детей после повреждения левой половины. Но в данном случае остается только возм… — Она замолчала, заметив помахивание глазного стебелька в соседнем помещении.

— Что ж, я вижу, наши добрые доктора готовы, так что давайте начнем.

Ариана открыла слуховое отверстие под ближайшим стеклом. В тот же момент Сара ощутила острый укол в бедро, а Теин снова хлопнул себя по шее.

— Проклятые паразиты! — пробормотал он и искоса взглянул на Сару. — Здесь не в одном только отношении все идет отвратительно!

Добрый старый жизнерадостный Теин, подумала она, сдерживаясь, чтобы самой не хлопнуть себя по шее. Попугайские мухи обычно безвредны — это еще одна загадка, оставшаяся от времен буйуров. Кому нужен “симбиоз” с существом, которое присасывается к твоим венам и отплачивает тем, что повторяет все, что ты слышишь? Поистине эти буйуры были странными созданиями!

В соседней комнате один из врачей г'кеков раскрыл большой альбом, в котором находилось несколько десятков тонких черных дисков. Врач осторожно достал один из них и положил на круглую площадку, которая начала вращаться.

— Элементарное звукозаписывающее устройство, — объяснила Ульгор. — Легко сооружается из обломков металла и обрезков ву.

— Примитивная, но эффективная аналоговая система сохранения и воспроизведения, — разъяснил Теин.

— Безопасно нецифровая, — добавил Боннер.

— Да, — просвистел подтверждающе синий квуэн Блейд. — И я слышал, она проигрывает *музыку.* Своего рода.

Врач г'кек осторожно опускал деревянную арматуру, пока тонкая игла не коснулась края

вертящегося диска. Почти немедленно из похожей на рог трубы послышалась негромкая музыка. Странная *тонкая* мелодия, сопровождаемая легким потрескиванием. У Сары защекотало в корнях волос.

— Это оригинальные диски, — сказала Ариана Фу. — Они изготовлены колонистами с “Обители” одновременно с Великой Печатью. Сегодня только немногие специалисты проигрывают их. Земные формы музыки непопулярны в современной Общине, но я готова поручиться, что наш Незнакомец с этим не согласится.

Сара слышала о приспособлении, проигрывающем пластинки. Странно было слушать музыку без живых исполнителей. Почти так же странно, как сама музыка: ничего подобного она никогда не слышала. Сара сразу узнала некоторые инструменты: скрипки, барабаны, рога, что вполне естественно, так как струнные и духовые инструменты принесены на Джиджо землянами. Но сочетание нот необычно, и Сара вскоре поняла: то, что кажется странным, на самом деле *упорядоченность.*

Современный джиджоанский секстет предполагает слияние шести сольных исполнителей, все они спонтанно сливаются друг с другом. И главное

волнение приносит ожидание непредсказуемого удачного слияния гармонии, возникающего и исчезающего, как сама жизнь. И исполнение никогда не повторяется.

Но это чисто человеческая музыка. Сложные аккорды чередуются и вращаются в точно и строго дисциплинированной последовательности. *Как в науке, задача в том, чтобы сделать нечто повторяющимся, поддающимся проверке.*

Сара посмотрела на остальных. Ульгор казалась зачарованной, ее левая рука, та, которой держат струны виолы, дергалась. Блейд изумленно качал своим тяжелым панцирем, а молодой Джома, сидящий рядом с застывшим дядей, казалось, скучает.

Хотя она никогда ничего подобного не слышала, упорядоченные приливы гармонии показались ей невыразимо знакомыми. Ноты подобны… чему-то целому, а фразы как геометрические фигуры.

Какое еще нужно доказательство того, что музыка похожа на математику?

Незнакомец тоже реагировал на нее. Лицо его покраснело, в полузакрытых глазах было явное узнавание. Сара встревожилась. Слишком сильные эмоции могут превзойти силы этого

человека.

— Ариана, к чему это все? — спросила она.

— Еще минуту, Сара. — Женщина-мудрец снова подняла руку. — Это была увертюра. А вот часть, которая нас интересует.

Откуда она знает? удивилась Сара. Очевидно, огромные эклектические познания Арианы включают даже старинные искусства.

И действительно, звуки музыки поднялись и смолкли. И вступил новый элемент — безошибочный звук человеческих голосов. Пропустив несколько первых строк, Сара наклонилась вперед, сосредоточившись на произносимых с необычным акцентом словах.

Сегодня у ученика пирата Кончается срок ученичества. Сильны его руки, остры его чувства, Он теперь поистине пират.

Услышанное произвело необыкновенное действие на Незнакомца. Он, дрожа, встал. Лицо исказилось: он не просто узнал строки, он был радостно изумлен.

И затем — к изумлению Сары и своему собственному — открыл рот и запел!

Наливайте, наливайте пирату шерри, Наполняйте, наполняйте его стакан. И чтоб все мы были веселы, Пустите стакан по кругу!

Сара тоже встала, изумленно глядя на него. Ариана Фу удовлетворенно вскрикнула.

— Ага! Удача с первой же попытки! Даже определив основы культуры, я думала, что придется сделать несколько попыток, прежде чем найдем то, что он узнает.

— Но его рана! — возразил Теин. — Я думал, вы говорили…

— Совершенно верно, — вмешался Боннер. — Если он не может говорить, как же он может петь?

— А, это. — Ариана небрежно отмахнулась от чуда. — Разные функции. Разные участки мозга. В медицинских архивах есть прецеденты. Мне говорили, что раз или два подобное наблюдалось даже на Джиджо.

Меня больше поражает устойчивость культуры, которую демонстрирует этот эксперимент. Прошло триста лет. Мне казалось, к этому времени галактические влияния подавят природные земные… — Пожилая женщина замолчала, словно поняв, что ушла в сторону. — Ну, не важно. Сейчас главное то, что наш инопланетный гость, кажется, в конце концов обрел способ общения.

Даже в полутьме было видно, что Ариана улыбается широко и очень довольно.

Сара прикоснулась рукой к стеклу, ощутила, как оно дрожит от музыки в соседнем помещении. Там началась новая песня. Темп замедлился, мелодия изменилась, хотя тема, очевидно, осталась прежней.

Она закрыла глаза и слушала, как радостно поет Незнакомец, перекрикивая запись в восторге от того, что его наконец слышат.

Вы уходите в мир обмана,
Где все пираты живут хорошо,
Но я буду верен своей песне,
Я буду жить и умру как король пиратов!

XIX. КНИГА МОРЯ

Говорят, некогда было семнадцать галактик, тесно связанных друг с другом туннелями сфокусированного времени. Один за другим эти хрупкие туннели прерывались; вселенная старела, щели ее расширялись, связь слабела. И Прародители знали только одиннадцать галактик. В последующие века отделились еще шесть, покинули своих далеких родичей, ушли, и судьба их неизвестна. Наши более близкие предки знали только пять галактик.

Что, если это произойдет снова, пока мы ищем избавления в этой невозделанной спирали? И придет ли за нами кто-нибудь, когда мы вернем себе невинность?

На нашем небе мы видим только одну галактику.

Свиток возможностей

Рассказ Олвина

Не хочу слишком подробно останавливаться на своей роли в последующем. Достаточно сказать, что как молодой хун-самец я казался наиболее подходящим, для того чтобы свисать с конца соединенного троса, сидя в импровизированной петле, пока команда опускает меня к темно-синим водам Трещины.

Когда меня опустили ниже края, я мог видеть над собой только несколько хунских и урских лиц и пару устремленных на меня г'кекских глазных стебельков. Но потом и они слились со скалами, и я остался один, вися, как приманка на длинной леске. Я пытался не смотреть в пропасть под собой, но вскоре порывы ветра начали раскачивать трос, напомнив о том, на какой тонкой нити я повис.

Во время одинокого спуска у меня было достаточно времени, чтобы спросить у самого себя: *“И что только я здесь делаю?”*

Это что-то вроде *мантры* (если я правильно припоминаю слово, потому что в этом холодном страшном спуске со мной не было словаря). Повторяемая часто, фраза вскоре утратила свой

смысл и приобрела приятную мелодичность. И на полпути вниз я напевал:

— И что только. Я здесь. Делаю!

Иными словами, дело делается, и делаю его я. Так почему бы не сделать его хорошо? Вполне хунская мысль, выраженная на англике.

Думаю, я неплохо поработал, успокаивая себя, потому что не запаниковал, когда меня опустили слишком низко. Мои волосатые ноги опустились в воду, прежде чем наверху нажали на тормоз и трос перестал опускаться. Переведя дыхание, я стал звать Хуфу, уговаривая ее плыть ко мне с “Мечты Вуфона”, которая была почти на расстоянии полета стрелы. Нужно было торопиться, потому что лодка медленно уплывала из спокойных вод под Окончательной скалой. Если она попадет в течение Трещины, мы ее больше никогда не увидим.

На этот раз Хуфу не заставила меня ждать. Нырнула и поплыла ко мне, как маленькая стремительная рыба. Очевидно, падение с утеса не причинило ей вреда.

Как это шутят насчет нуров? Если понадобится убить нура, потребуется кварта яда треки, когти квуэна, человеческая стрела и множество урских оскорблений. Предполагается при этом, что хун

вначале отвлечет нура первоклассным рычанием. И даже в этом случае не помешает г'кеку несколько раз проехаться по туловищу — для уверенности.

Ладно, это детская шутка, но в ней чувствуется уважение. И я не мог не посмеяться над ней, поджидая несокрушимую Хуфу. Наконец она вцепилась мне в ногу, вскарабкалась на руки, купаясь в моем счастливом ворчании. Я чувствовал, что она все еще испугана, потому что не пыталась изобразить равнодушие и скрыть, что рада встрече со мной.

Но времени не было. Как можно быстрее я закрепил на Хуфу прочную веревку и отправил назад в море.

План Урдоннел казался мне хорошим… конечно, *если* Хуфу поймет мои инструкции… *если* "Мечта Вуфона" уже не уплыла слишком далеко… если Хуфу сумеет прикрепить конец троса к специальному креплению лодки… *если* маленький треки Зиз сумеет еще немного продержаться в своей раздувшейся форме, выдерживая тяжесть… *если* соединенный трос выдержит тяжесть, когда все это будут вытаскивать наверх…

Слишком много если. Поэтому люди называют богиню удачи и перемен Ифни? Ее капризы

действительно подобны раскачиванию троса. Как с нами, когда в первый же день она обрушила на нас несчастья, а потом ее кость упала на противоположную сторону. На протяжении последующего напряженного мидура мы все волновались и гадали, как выпадет кость в следующий раз, пока наконец мы с Хуфу не оказались на верху холма, рядом с нашей прекрасной “Мечтой Вуфона”. С нас капала вода, и мы изумленно наблюдали, как Тиуг осторожно выпускает воздух из Зиза. Клешня и Гек бегали вокруг лодки, нервно осматривали ее в поисках повреждений, а Ур-ронн присматривала за тем, как вытягивают остатки троса.

Наконец оба разрезанных конца лежали рядом на камне, истрепанные и порванные.

— Этого больше не случится! — услышал я слова нашей урской подруги. Таким тоном ур делает предсказания, дает клятвы и обещает свернуть шею всякому, кто попытается сделать из него лжеца.

На следующий день вернулась Уриэль. Она прискакала в наш лагерь в сопровождении множества вооруженных помощников и целого каравана вьючных ослов. Она принесла с собой известие, которое пришло с севера по системе

семафоров и курьеров. Все это происходило на фоне сверкающего на небе над водами Трещины скопления Одуванчика. Ур-кузнец в одежде младшего мудреца кратко изложила все, что произошло на Собрании — появление не просто звездного корабля, но преступников со звезд, что в состоянии покончить с великим Миром, Общиной и, может быть, самим существованием всех членов Шести.

Я не видел, как реагировала Гек, когда Уриэль рассказывала, что г'кеки больше не существуют меж звезд, что последние уцелевшие их представители теперь дикари, прокладывающие примитивные тропы здесь, на Джиджо. Все мое внимание было привлечено к другим поразительным новостям.

Грабители оказались людьми!

Все знают, что земляне всего триста лет назад в глазах галактических кланов были немногим выше животных. Так почему именно земляне пытаются совершить подобное воровство на таком расстоянии?

Уриэль обратилась к нам на формальном Галдва, и я понял, что мыслю на этом же языке и смотрю на события так, как их видят галакты. Но когда я повторил этот вопрос на англике, все

выглядело совершенно по-иному.

Триста лет? Да это целая вечность! За это время люди от парусных кораблей перешли к первым звездным. А теперь — кто знает? Может, им теперь принадлежит половина вселенной!

Наверно, я все-таки начитался книг Дока Смита и “сокрушителя звезд” Фенга. Но если в тот вечер все на утесе сокрушались, что культурные и мудрые люди способны на такое, я в глубине души знал правду. Ту, что пронизывает всю земную литературу.

Пока существует их раса, в ней всегда встречаются волки.

Нас всех поразили слова Уриэль о том, что наш проект будет продолжен.

Слыша все эти разговоры о призыве милиции, восстановлении маскировки и необходимости сражаться с превосходящим противником, я ожидал, что кузнец прикажет немедленно возвращаться в Вуфон и на гору Гуэнн и работать на общее благо. Поэтому мы вздрогнули, услышав, что наш проект — эта наша глупая подводная экспедиция — очень важен.

Я даже так и сказал ей прямо.

— Зачем вы все это делаете? — спросил я на следующий день, когда Уриэль наблюдала за тем,

как команда меняет трос и шланги. — Разве у вас нет более важных забот?

Она вытянула вверх шею, и ее глаза без зрачков оказались почти на одном уровне с моими.

– А что, по-твоему, мы должны делать? Изготовлять оружие? Превратить наши горны в фабрику смерти? — Ее единственная ноздря раздулась, обнажив дрожащие мембраны, которые удерживают жидкость. Поэтому дыхание ура сухое, как ветер с равнины Острых Песков.

— Мы, уры, хорошо знакомы со смертью, молодой Хф-уэйуо. Слишком быстро она обжигает нам ноги и высушивает сумки с мужьями. Мы торопились к ней в схватках и войнах, словно это оправдывало наше поспешное стремление к смерти. Многие уры и сегодня с тоской вспоминают дни, когда люди выли нашими благородными врагами, когда герои скакали по прериям, безжалостно нападая на врагов.

— Я тоже слышу этот зов. И, подобно остальным, я ему противлюсь. Это век для героев иного типа, мой юный друг. Время воинов, которые *думают.*

Она снова занялась работой, обращая внимание на самые мелкие подробности. Ответ ее меня смутил и не удовлетворил… но в то же время, хо-

тя я сам не понимал почему, заставил гордиться чуть больше, чем раньше.

Потребовалось три дня на восстановление и тройную проверку всей системы. К этому времени состав зрителей изменился. Многие из тех, кто пришел первым, услышав слова Уриэль, заторопились домой. Одни должны были явиться по призыву в милицию, другие хотели совершить таинства, предписанные на такой случай древнейшими свитками. Многие, напротив, хотели уберечь свою собственность от преждевременного уничтожения фанатиками или просто в ожидании последних дней побыть с близкими.

Но их сменили другие, более рассерженные или испуганные тем, что видели. Только вчера на всем протяжении от порта Вуфон до залива Последнего Города видели узкое крылатое привидение — светлую летающую машину. Этот корабль повисал над бесполезными маскировочными решетками, словно говоря: *“Я вас вижу”*, — а потом возобновлял свой извилистый маршрут вначале над берегом, а потом в море.

Никому не надо было говорить: чего бы ни хотела от нас здесь Уриэль, времени на это почти не оставалось.

XX. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Первые расы сунеров явились на Джиджо, вооруженные разнообразными знаниями, но у них не было способов сохранить эти знания. Нам были известны названия многочисленных способов сохранения архивов в виде баз данных, запоминающих устройств и инфопыли, но все это должно было быть утопленным в пропасти.

Земляне обладали безопасным и совершенно оригинальным способом хранения информации. Бумага — размолотые древесные ткани с добавлением глины и животных продуктов — оказалась исключительно изобретением волчат. Но экипаж "Обители" покинул Землю так скоро после Контакта, что данные по галактологии, отраженные в Великой Печати, оказались разрозненными, особенно относительно других "сунерских инфекций" в различных районах Пяти галактик.

Поэтому трудно поместить нашу джиджоанскую Общину в перспективу. Насколько отличаемся мы от других случаев незаконного заселения

невозделанных планет? Лучше ли проявили мы себя в минимизации причиненного ущерба? Каковы наши шансы оставаться незамеченными? Какое наказание получали другие скваттеры, будучи пойманными? Насколько далеко по Тропе Избавления должна пройти раса, чтобы перестать быть преступной и стать благословенной?

Свитки предлагают руководство в этих вопросах. Но они не проливают свет на одну из величайших загадок.

Почему так много рас явилось на эту маленькую планету за такое короткое время?

По сравнению с полумиллионом лет, прошедших с отлета буйуров, две тысячи — незначительный промежуток. Больше того, существует множество невозделанных планет — почему именно Джиджо? На Джиджо множество мест — почему именно Склон?

На каждый вопрос есть ответ. Огромная испускающая углерод звезда Измунути начала засеивать окружающее пространство лишь несколько тысяч лет назад. Нам говорят, что это каким-то образом вывело из строя роботов-часовых, патрулирующих маршруты этой системы, и тем самым дало возможность пройти крадущимся кораблям. Есть также неясные намеки

на то, что вскоре “время бедствий” охватит все Пять галактик. Что касается Склона, то здесь богатая биосфера сочетается с активной вулканической деятельностью, и это обеспечивает уничтожение следов нашего пребывания без следа, словно мы никогда и не существовали.

Некоторых эти объяснения удовлетворяют. Но есть и такие, которые продолжают сомневаться.

Насколько мы уникальны?

На некоторых галактических языках такой вопрос невозможно даже сформулировать. В архивах за миллиард лет у всего можно отыскать прецедент. Оригинальность — это иллюзия. Все, что есть сейчас, когда-то уже было.

Возможно, это признак нашего низменного состояния сравнительно с нашими богоподобными предками, но мы не перестаем задавать себе вопрос.

Возможно, здесь происходит нечто необычное?

Спенсер Джонс. Проповедь Дня Высадки

Аскс

Самонадеянность глупа, учим мы, мудрецы. И во время этого величайшего нашего кризиса чужаки часто проявляют знания того, что мы считали надежно скрытым.

Должно ли это удивлять нас, мои кольца? Разве они не звездные боги из Пяти галактик?

Хуже того, разве мы оказались едины? Разве многие из Шести не поспешили торопливо воспользоваться своим правом на несогласие, вопреки нашим советам принимая подарки звездных людей? Некоторые просто исчезли, включая девушку-сунера, которая так рассердила Лестера своей неблагодарностью, осмелившись украдкой вернуть себе сокровище, которое принесла. Это сокровище чрезвычайно заинтересовало нашего мудреца-человека. Живет ли она сейчас в погребенной станции, и с ней обращаются, как г'кек со своим любимым зукиром? Или небесные преступники просто уничтожили ее, как треки избавляется от истраченной мульчи или как английские тираны избавлялись от предателей, которые сослужили свою службу?

Несмотря на множество известных им тайн,

грабители кажутся поразительно невежественными для небесных богов.

Это удивительно — и слегка утешительно. С такими мыслями рассматривали мы гордых, внушающих страх гостей, которые сегодня утром явились на совет мудрецов.

Мои кольца, сохранилось ли еще воспоминание об этом событии в ваших восковых сердечниках? Помните ли вы, как звездный человек Ранн высказал свою просьбу? Попросил, чтобы несколько членов их группы участвовало в нашем следующем соединении со Святым Яйцом?

Просьба была вежливой, но прозвучала как приказ.

Нам не следовало удивляться. Как могли чужаки не заметить происходящего?

Вначале заметная только для наиболее чувствительных дрожь усилилась и теперь заполняет весь этот уголок нашего мира:

— свивает туман и пар, поднимающийся от гейзеров и горячих источников;

— направляет пролетающие стада птиц;

— будит дремлющих реуков и в пещерах, и в наших сумках;

— и даже пронизывает мириадом синих оттенков небо.

— Мы много слышали о вашем священном камне, — сказал Ранн. — Его активность отразилась на наших чувствительных инструментах. Мы хотим своими глазами увидеть это чудо.

— Хорошо, — от лица всех Шести ответил Вуббен, свертывая все три глазных стебелька в знак согласия. А как мы могли отказать?

— Прошу сказать — сколько будет в вашей группе? Ранн, внушительный для человека, ростом с треки и широкоплечий, как молодой хун, снова поклонился.

— Нас будет трое. Я сам и Линг, которую вы знаете. А что касается третьего, то его досточтимое имя Роценн и вы должны понять, какую высокую честь вам оказывают. Наш господин должен встретить все подобающие проявления вежливости и уважения.

Мы, мудрецы, изумленно замигали и задергались глазами, визорами и зрительными пятнами. Все, кроме Лестера Кембела, который, стоя радом с нашей грудой колец, негромко произнес:

– Значит, под землей все-таки с ними есть проклятый даникит.

Люди удивительные существа, но нарушение Лестером правил вежливости так поразило наши кольца, что “я” был потрясен. Неужели он не

боится, что его услышат?

Очевидно, нет. Через наш реук я читал неприязненное отношение Лестера к человеку напротив него и к его словам.

А что касается остальных членов совета, то не нужен даже реук, чтобы уловить их *любопытство.*

Наконец мы встретимся с ротенами.

Ларк

Дорогая Сара.

Караван с твоим письмом добирался сюда долго из-за неприятностей на равнине. Но как приятно снова увидеть твои знакомые каракули и узнать, что у тебя все хорошо! И у отца тоже, когда ты виделась с ним в последний раз. В наши дни мало находится поводов для улыбки.

Я пишу торопливо в надежде успеть передать письмо с очередным смелым курьером на каяке, который направится вниз по Бибуру. Если письмо дойдет до Библоса до того, как ты оттуда уедешь, надеюсь, я смогу убедить тебя не приезжать сюда. Здесь положение очень напряженное. Помнишь истории, которые мы дома рассказывали друг другу о плотине? Так вот, я не спал бы

сейчас в своем помещении на чердаке, если бы ты не учуяла запах дыма. Пожалуйста, оставайся в безопасном месте, пока мы не поймем, что происходит.

Как ты просила, я постарался расспросить о твоем загадочном Незнакомце. Очевидно, чужаки ищут кого-то или что-то и это не связано с их целью незаконного присвоения местного перспективного вида для его возвышения. Не могу доказать, что твой загадочный раненый и есть цель их поисков, но готов поручиться, что он составляет важную часть общей картины.

Я могу ошибаться. Иногда я чувствую себя котенком, глядящим вверх и старающимся понять причину ссоры людей по тому, как вверху движутся тени.

О, могу себе представить, как ты сейчас выглядишь! Не волнуйся, я не сдаюсь! В сущности у меня есть другой ответ на вопрос, который ты всегда мне задаешь… Да, я встретил девушку. И нет, не думаю, чтобы ты ее одобрила. Не уверен, что ее одобряет и этот парень.

Иронически улыбаясь, Ларк закончил первую страницу письма и отложил перо. Подул на бумагу, достал переносной пресс и провел войлоком по все еще влажным чернильным строкам. Потом

взял из кожаной папки новый лист, обмакнул перо в чашку с чернилами и продолжил.

Вместе с этим письмом посылаю оттиснутый вручную экземпляр последнего отчета мудрецов, который рассылают по всей Общине, плюс конфиденциальное приложение для Арианы Фу. Мы узнали кое-что новое, однако ничто не убеждает нас в безопасности выживания при возвращении корабля ротенов. Здесь Блур, и я помог ему осуществить твой замысел, хотя вижу потенциальные угрозы в предложенном тобой обращении с чужаками.

Ларк в нерешительности остановился. Даже такой завуалированный намек может оказаться слишком рискованным. В обычное время немыслимо, чтобы кто-нибудь заглядывал в чужую почту. Но во времена древних земных кризисов такое случалось, согласно историческим сведениям. Да и к чему волновать Сару? Чувствуя себя ни к чему не пригодным, Ларк смял второй листок и начал заново.

Пожалуйста, передай мудрецу Фу, что дочь Курта Шерл прибыла благополучно вместе с Б-ром, чья работа осуществляется так, как можно было пожелать.

Тем временем я занимался другими твоими

просьбами. Трудно расспрашивать этих небесных людей: они всегда требуют расплачиваться информацией, полезной для их целей. К тому же мне нельзя вызывать подозрений, почему меня интересует именно это. Тем не менее я постарался получить несколько ответов.

Один достался легко. Звездные люди обычно не используют англик, россик или любой другой "варварский язык волчат". Так выразилась вчера Линг — словно эти языки слишком вульгарные и неточные для того, чтобы ими пользовались настоящие ученые. О, и она, и другие достаточно владеют англиком, чтобы вести разговор. Но между собой они предпочитают общаться на Галсемь.

Он окунул ручку в чернила.

Это соответствует нашему предположению, что эти люди не представляют собой основную ветвь человечества. Иными словами, они не представители Земли, а часть группы, которая верна ротенам — той самой расе, которая утверждает, что является давно потерянным патроном человечества.

Помнишь, как мама побуждала нас обсуждать вопрос о происхождении? Один из нас выступал на стороне даникитов, а другой защищал взгляды

дарвинистов? Все это тогда казалось интересным, но бесцельным, поскольку все факты, которыми мы могли оперировать, были трехсотлетней давности. Кто бы мог подумать, что мы доживем до того, что ответ появится на Джиджо прямо у нас перед глазами?

Что касается истинности утверждения ротенов, ничего не могу сейчас добавить кроме того, что Линг и остальные безусловно в это верят.

Ларк сделал глоток свежей воды из глиняной чашки. Потом снова окунул перо.

Теперь о большой новости, возбудившей всех. Кажется, мы получим возможность взглянуть на эти загадочные существа! Через несколько часов один или несколько ротенов должны появиться из погребенной станции и присоединиться к паломникам, идущим к проснувшемуся Яйцу! Мы все это время не догадывались, что звездный корабль улетел, оставив не только Ранна и остальных людей.

Община напряжена, как виола со слишком туго натянутыми струнами. Эта банальная метафора не передает всего масштаба тревоги.

Пора заканчивать, если я хочу успеть поместить письмо в мешок для почты.

Посмотрим. Ты спрашивала также о “невралъ-

ных контактах". Используют ли чужаки такие приспособления для непосредственной связи с компьютерами и другими устройствами?

Я собирался ответить утвердительно. Линг и остальные носят с собой крошечные приборы, которые позволяют им услышать голос и получить сведения, и все это, словно по волшебству, приходит издалека.

Но потом я вспомнил твое описание раны Незнакомца и передумал. Грабители управляют своими машинными голосами и жестами. Ничего похожего на вживленные в мозг контакты или на "мгновенное соединение человека с машиной", о котором говорит Ариана, я не видел.

Теперь, подумав об этом…

Ларк снова окунул перо в чернила, собираясь продолжить, но остановился.

На дорожке из гравия у его палатки прозвучали шаги. Он узнал тяжелые движения серого квуэна. И это не небрежный, лишенный значительности шаг Утена. Равномерная, полная достоинства последовательность, состоящая из сложного чередования ног, — трудная для усвоения аристократическая походка, которой обучали хитиновых матриархов, именовавшихся иногда серыми королевами.

Ларк отложил ручку и закрыл папку. В клапане палатки появилась широкая низкая фигура. Голос Харрулана сопровождался вздохами из трех речевых щелей, причем каждая издавала разные ноты на высоком квуэнском диалекте Галактического шесть.

— Друг Ларк, ты внутри? Пожалуйста, Приветствуй меня. Я пришел с бесценным даром.

Ларк отбросил клапан, заслоняя глаза от заходящего солнца, которое посылало наклонные лучи между лесными гигантами.

— Приветствую тебя, Харрулан, товарищ по вере, — ответил он на том же языке.

Пятиугольный панцирь Харрулана покрыт одеянием пилигрима, оставляя неприкрытым центральный купол. В лучах солнца сверкала вышивка на одежде, изготовленной г'кеками. Ларку потребовалось еще несколько мгновений, чтобы заметить и другое отличие: вокруг пепельного цвета купола квуэна что-то обернуто.

— Ага, — сказал Ларк, переходя на более простой седьмой диалект. — Значит, это правда. Маска возобновила свое предложение.

– Получать корм из наших тел в обмен на раскрытие наших душ. Действительно. Маска вернулась к нам. Пещеры, казавшиеся пустыми,

теперь, когда Яйцо возобновило пение, кишат молодыми неустоявшимися реуками. Разве это не доброе предзнаменование? Радоваться ли нам?

Щелчком когтя Харрулен подозвал лорника, который скрывался за корпусом хозяина. Маленький слуга выкатился из-за массивного квуэна, подражая его величественной походке. В миниатюрных руках с тремя пальцами была коробка полированного дерева со следами-бороздками личной резьбы зубами.

— В последней партии молодых реуков из пещеры было немало и предназначенных для благородных человеческих лбов, — продолжал Харрулен. — Пожалуйста, выбери себе сам этот знак моего глубокого уважения.

Ларк взял у лорника коробку, зная, что нельзя ни благодарить, ни пытаться поймать взгляд маленького застенчивого существа. В отличие от шимпов и зукиров, лорники в состоянии контактировать только с той расой, которая привезла их на Джиджо почти тысячу лет назад.

Ларк осторожно снял с подарочной коробки крышку в тонких бороздках. По традиции квуэнов, коробка вырезана лично дарителем и не может быть снова использована ни для какой другой цели. Внутри на подстилке из тонких опи-

лок тару дрожало несколько клубков щупалец в коричневых пятнах, накрытых разноцветными прозрачными пленками.

Так мало времени прошло. И так много еще нужно сделать. На самом деле это большое преимущество…

Ларк, конечно, предпочел бы сам пойти в пещеру и выбрать для себя нового реука, как поступал уже трижды с достижения зрелости. Казалось необычным выбирать из коробки. А что ему делать с остальными?

Несколько щупалец осторожно поднялись, вытянулись к свету. Но лишь одна пара не проявляла нерешительности, устремившись к Ларку, натягивая между щупальцами тонкую паутину.

Да, это реук, предназначенный для человека, подумал Ларк. *И кажется он новым и полным сил.*

Первоначальная неуверенность вполне естественна. Обычно личный реук действует много лет. Так трудно было смотреть на последнего реука, который бессильно лежал в выложенной мхом сумке все время, когда молчало Яйцо. И невозможно воспользоваться симбионтом, принадлежащим другому. Человек скорее поделится своей зубной щеткой, чем реуком.

— Велика моя благодарность за этот неожидан-

ный дар, — сказал Ларк. И по-прежнему не очень охотно поднес дрожащее создание ко лбу.

Прежний реук напоминал пару старых туфель — или любимые очки от солнца урской работы — удобно, привычно и легко использовать. Этот дергался и извивался в возбужденной готовности, жадно искал вены на висках, к которым мог бы припасть. Прозрачная пленка плотно закрыла глаза Ларка, ей передалась дрожь возбуждения реука, и от этого у Ларка только закружилась голова. Потребуется время, чтобы достичь понимания с новым существом. В идеале полагается, чтобы старый реук обучил нового, прежде чем умрет.

Чудеса Ифни часто иронически рассчитаны во времени. Нам так долго приходилось общаться с чужаками без помощи реуков. И теперь, в самый критический момент, они возвращаются так неожиданно, что оказываются только помехой.

Тем не менее он вежливо сделал вид, что испытывает удовольствие и поблагодарил Харрулена за замечательный подарок. К счастью, собственный реук Харрулена тоже вел себя беспокойно и не передал противоречивые чувства Ларка.

Дробный танец ног и когтей предводителя еретиков свидетельствовал о его удовольствии.

Пленка на глазах Ларка добавила поток искр, которые *могли* переводить эмоции квуэна. А может, это просто бессмысленные разряды возбужденного необученного реука.

Но вот Харрулен неожиданно сменил тему и перешел на англик.

— Ты знаешь, что время паломничества совсем близко?

— Я как раз писал письмо. Сейчас наброшу одеяние и через мидур присоединюсь к группе у камня-Колеса.

Отчасти потому что о присутствии Ларка попросила Линг, мудрецы предоставили фракции еретиков две шестерки из ста сорока четырех избранных, которые совершат первое восхождение и будут приветствовать проснувшееся Яйцо. Услышав новость, Ларк ощутил привычное тепло, исходящее от камня, который он всегда носит на шее. Его напоминание и одновременно наказание. Паломничество с таким амулетом дается нелегко.

— Хорошо, — ответил Харрулен. — У камня-Колеса, прежде чем присоединиться к остальным, мы обсудим последнее предложение фанатиков…

Голос еретика стих, квуэн подобрал все пять ног

под панцирь, присел и начал чувствительным языком ощупывать землю. На этот раз реук Ларка передал целый клубок ярких эмоций — ореол из смеси отвращения с неодобрением.

Харрулен продолжил:

— Кто-то еще на тропе. Тот, чье благородное происхождение противоречит недостойной спешке.

Что нему? Ларк удивился. Иногда англик, когда им пользовались другие расы, вызывал у него затруднения. Может, не так уж и хорошо, что хаотичный человеческий язык приобрел такую популярность на Джиджо.

Вскоре он подошвами ног тоже ощутил дрожь земли. Пятичленный ритм, даже более знакомый, чем походка Харрулена. Похожий, но более простой, менее аристократический, походка того, кто слишком торопится и жаждет действий, чтобы заботиться об этикете или внешности.

Подняв вихрь ветвей и листьев, показалась еще одна бронированная фигура.

Подобно Харрулену, таксономист Утен одет для паломничества — в небрежно наброшенное, цельное белое одеяние, которое *с* него свисает, как чья-нибудь старая простыня. Панцирь его чуть темнее, чем у его полного неодобрения ро-

дича. Как и у Харрулена, у Утена новый реук, что объясняет его неуверенную походку и то, что он дважды сворачивал с тропы, отвлеченный роями жужжащих насекомых. Ларк стащил своего собственного симбионта с глаз. Ему не нужна помощь, чтобы увидеть возбуждение коллеги.

— Ларк-арк, Харрулен-лен, — запинаясь, сразу из нескольких щелей несогласованно заговорил Утен. Харрулен презрительно повернул к нему купол, дожидаясь, пока вновь прибывший переведет дыхание.

— Идемте быстрей, вы оба. Они выходят!

– *Кто* выходит?… — начал Ларк, и тут же понял, что Утен может говорить только об одном. Он кивнул.

— Дайте мне дур.

Ларк исчез в палатке, поискал свое одеяние пилигрима и остановился у письменного стола. Выхватил из папки незаконченное письмо и сунул в рукав вместе с подточенным карандашом. Чернила элегантней и не сотрутся. Но Саре все равно, если письмо дойдет до нее и сообщит самые последние новости.

— Пошли! — нетерпеливо торопил Утен вышедшего Ларка. — Садись на меня и поскакали! — Серый квуэн-ученый опустил один конец панциря

к земле. На этот раз Харрулен даже застонал от раздражения. Конечно, дети так часто делают, но для взрослого серого, особенно с такой родословной, как у Утена, совершенно недостойно нести на своей спине человека. Однако так они быстрей доберутся до Луга Скрывшихся Чужаков и увидят поднявшееся чудо.

Называя их прекрасными, Линг допускала преуменьшение.

Ничего подобного Ларк никогда не видел. Даже когда листал древние книги с картинками или читал написанные до Контакта фантастические книги. Не было такого даже в снах.

На просторечии джиджоанских изгнанников всех галактов принято называть “звездными богами”. Но вот на лесной поляне существа, которые буквально достойны такого названия, настолько изысканны они внешне. Ларк мог лишь несколько мгновений смотреть на них, потом ему пришлось отвести полные слез глаза. В груди заболело.

Линг и остальные чужаки-люди образовали почетную стражу вокруг своих благородных патронов, а сверху летали бдительные роботы. Иногда один из рослых ротенов пальцем подзывал Ранна или Беш, показывая на соседнее

дерево, павильон, стадо животных или застенчивого ребенка г'кека, и те, как послушные дети, усвоившие урок, начинали объяснять.

Собралась толпа. Прокторы Собрания, вооруженные красными палками, удерживали собравшихся, но никакой сумятицы не было. Атмосфера благоговения была такой напряженной, что не слышно было даже шепота.

Сильнее всего зрелище подействовало на людей, которые смотрели пораженно, видя почти *знакомое.* Ротены невероятно гуманоидны, у них высокие благородные лбы, широко расставленные привлекательные глаза, красноречивые благородные носы и мягкие изогнутые брови. Казалось, они с искренним интересом разглядывают все окружающее. Ларк решил, что это сходство не случайно. Физическое и эмоциональное сходство могло быть вызвано искусственно за время долгого процесса возвышения, десятки тысяч лет назад, когда специалисты ротенов видоизменяли племя неуклюжих, но перспективных человекообразных обезьян во времена плиоцена. Готовили из них существа, достойные звезд.

Очевидно, ротены действительно давно потерянные патроны человечества, как и утверждала

Линг. Ларк пытался сохранить отношение настороженного нейтралитета, но обнаружил, что перед такими очевидными фактами сделать это трудно. Кем еще может быть эта раса, как не утраченными патронами людей?

Когда два божественных гостя были представлены собранию высоких мудрецов, Ларк слегка успокоился, видя невозмутимое выражение Вуббена, Фвхун-дау и других. Ни у кого по такому случаю не было реука. Даже Лестер Кембел сохранил спокойствие, по крайней мере внешнее, когда его представляли Ро-кенну и Ро-полу. Ранн громко, чтобы все услышали, произнес их имена.

По человеческим стандартам, Ро-кенн казался мужчиной. И хотя Ларк старался не поддаваться аналогиям, ему показалось, что Ро-пол, с более тонкими чертами лица, возможно, женщина. Когда эти двое улыбнулись, обнажив маленькие белые зубы и демонстрируя радость встречи, толпа возбужденно зашумела. Улыбку Ро-пол можно даже назвать улыбкой с ямочками. Ларку хотелось воспользоваться словом *“веселая”,* чтобы описать жизнерадостную наружность меньшего по размерам ротена. Легко полюбить такое лицо, теплое, открытое, понимающее.

Это имеет смысл, подумал Ларк. *Если ротены*

действительно наши патроны, они должны были вложить в нас врожденный образец для оценки.

Не на одних землян они произвели впечатление. В конце концов у Шести богатый опыт общения друг с другом. Не нужно быть квуэном, чтобы ощутить харизму величественного квуэна, так что почему бы урам, хунам или г'кекам не ощущать мощного магнетизма гуманоидов? Даже без реуков большинство присутствующих негуманоидов удвоило преобладающее настроение — *надежды.*

Ларк вспомнил уверенность Линг в том, что предприятие грабителей завершится удачно и что Общине Джиджо ни в чем не придется меняться. *“Все образуется”,* — сказала она.

Линг также рассказывала ему, что даже среди могучих галактических кланов ротены занимают особое положение. Сознательно действуя незаметно, они добились того, что Землю вычеркнули из списка планет, подлежащих колонизации, и на полмиллиарда лет оставили невозделанной. Ларку трудно было представить себе, с какими возможностями это связано. Не нуждаясь во флотах и оружии, ротены были влиятельными, таинственными, загадочными — во многих отношениях богоподобными даже по сравнению

с могучими существами, чьи бронированные армады громыхают повсюду в Пяти галактиках. Неудивительно, что Линг и ее спутники считали себя выше так называемых “законов” миграции и возвышения, когда просеивали биосферу Джиджо в поисках видов, достойных принятия. Неудивительно, что они не опасались быть пойманными.

С того момента как эта пара появилась из погребенной станции, реуки, только что из пещеры, тоже казались ошеломленными. Тот, что сидел на лбу Ларка, дрожал, окружая фигуры ротенов плещущим ореолом, и Ларку пришлось его снять.

Он попытался взять свои мысли под контроль, восстановить скептическое отношение.

Возможно, все продвинутые расы умеют делать то же, что ротены делают сейчас, — производить впечатление на тех, кто стоит ниже на лестнице по статусу. Возможно, мы все, будучи примитивными, излишне впечатлительны. Ведь у нас нет иного опыта встреч с галактами.

Но скептицизм трудно сохранить, слушая, как ротены разговаривают с мудрецами теплыми, полными сочувствия голосами. Робот усиливал звуки разговора, чтобы могли слышать все присутствующие.

Мы двое выражаем благодарность за ваше гостеприимство и свидетельствуем свое уважение, сказал Ро-кенн на четком, грамматически идеально правильном Галшесть.

Далее мы выражаем сожаление по поводу тревоги, которую наше присутствие могло вызвать в вашей благородной Общине, добавила Ро-пол. *Только недавно осознали мы всю глубину вашего беспокойства. Мы преодолели свою естественную сдержанность — застенчивость, если хотите, — и вышли, чтобы успокоить ваши совершенно необоснованные страхи.*

Снова шепот надежды в толпе — необычное чувство для джиджоанских изгнанников.

Снова заговорил Ро-кенн.

Мы выражаем радость и благодарность за приглашение участвовать в ваших священных обрядах. Один из нас будет сопровождать вас сегодня вечером, чтобы созерцать чудо, воплощенное и демонстрируемое вашим прославленным Святым Яйцом.

Тем временем, продолжила Ро-пол, *второй удалится, чтобы обдумать, как наилучшим образом вознаградить вашу Общину за старания, тревоги и жестко ограниченный образ жизни.*

Ро– пол как будто ненадолго задумалась над

этой проблемой, подбирая слова.

Мы собираемся сделать подарок. Нечто такое, что поможет вам в предстоящих веках, когда ваши соединившиеся расы будут искать спасения на долгом и трудном пути, известном как Возврат-к-Невинности.

По рядам зрителей пронесся гул — радость от неожиданной новости.

Теперь мудрецы по очереди произносили приветственные речи, начиная с Вуббена, чьи престарелые колеса скрипели, когда он выкатился вперед, цитируя один из древнейших свитков. Нечто уместное относительно священной природы милосердия, которое проявляется тогда, когда меньше всего ожидаешь, блага, которое невозможно заслужить или даже измерить, только радостно принять, когда оно придет.

Ларк снова надел на глаза новый реук. Пара ротенов по-прежнему окружена многоцветным нимбом, так что, пока Вуббен продолжал говорить, Ларк повернулся и стал разглядывать присутствующих.

Конечно, реук не открывает волшебное окно, в которое видно душу. Главным образом реуки помогают компенсировать тот факт, что у каждой расы мозг приспособлен для понимания

эмоционального состояния только представителей своей расы. Реук особенно эффективен, когда представитель другой расы тоже снабжен реуком, особенно если симбионты и раньше обменивались гормонами эмпатии.

Поэтому мудрецы сейчас обходятся без реуков? Чтобы скрыть свои тайные мысли?

Он улавливал в толпе рябь хрупкого оптимизма и мистического удивления, тут и там вздымались пенные волны почти религиозного восторга. Однако были и другие цвета. От нескольких десятков квуэнов, хунов, уров и людей: прокторов и милиционеров — исходили более холодные цвета долга. Цвета отказа отвлекаться на что угодно, кроме разве сильного землетрясения.

Еще одну цветную рябь Ларк тоже узнал: это долг другого рода, более сложный, сосредоточенный и тщетный. Его сопровождало мгновенное отражение стеклянных линз. *Блур и его помощники работают,* догадался Ларк. *Сосредоточенно фиксируют происходящее.*

Теперь симбионт Ларка работал лучше. Больше того, вопреки отсутствию подготовки, он, возможно, никогда больше не будет таким чувствительным. В этот момент почти все ре-уки в долине одного возраста, они только что по-

явились из пещер, где переплетались грудами, обмениваясь энзимами единства. Каждый из них обостренно чувствует присутствие остальных на гораздо большем, чем обычно, расстоянии.

Нужно предупредить Блура. Его люди не должны надевать реуки. Если я смог их заметить, роботы тоже смогут.

Его внимание привлекла еще одна вспышка, краткая вспышка на самом краю поляны, выделяющаяся на фоне общего настроения, как огонь на ледяном поле. Невозможно было не узнать ядовитую *ненависть*.

Ларк разглядел косматую змееподобную шею под профилем небольшого кентавра. Сама голова скрыта ореолом цветов реука.

Носитель далекого мощного симбионта неожиданно заметил сосредоточенный взгляд Ларка. Самка ура перенесла свое внимание с чужаков и мудрецов и прямо посмотрела на Ларка. Они смотрели друг на друга через толпу теснящихся, вздыхающих граждан. Затем одновременно сняли реуки.

В ясном свете Ларк встретил ее немигающий взгляд: это была урская предводительница фанатиков. Мятежница, чья ненависть к чужакам гораздо сильней, чем предполагал Ларк. И когда

все ее три яростных глаза устремились к нему, Ларку не нужна была помощь реука, чтобы перевести, что испытывает предводительница фанатиков к *нему*.

В лучах заходящего солнца она изогнула шею и раскрыла пасть в выражении чистого и открытого презрения.

Паломничество началось в сумерках, когда длинные тени леса указывали на тайную горную тропу. Общину представляли двенадцать дюжин граждан, участвовали также два звездных человека, четыре робота и одно высокое древнее существо, чья неловкая походка выдавала огромную силу под сверкающими белыми одеждами.

Судя по такой человеческой улыбке, очень многое доставляло Ро-кенну удовольствие, особенно ритмичное пение, когда паломники проходили мимо горячих источников и крутых утесов, извилистой цепочкой приближаясь к скрытой овальной Долине Яйца. Ладонями с длинными пальцами ротен поглаживал стройные стволы деревьев велпал, которые раскачивались в такт излучениям тайной долины. Большинство людей услышат это, только подойдя гораздо ближе.

В душе Ларка кипели темные чувства. И в этом он был не одинок. Многие, особенно те, кто далек

от жизнерадостной харизмы Ро-кенна, испытывали тревогу из-за того, что чужаки приближаются к святому месту.

Процессия медленно шла, катилась, скользила — поднималась в горы. Вскоре на небе появились сверкающие фигуры из множества огненных точек — яркие скопления, разделенные темной полосой Галактического Диска. Это зрелище больше всего подчеркивало неравенство образа жизни, потому что сегодняшние гости вскоре вернутся в эти звездные просторы, которые покинули в мире или предательстве. Для них Джиджо станет еще одним необычным, примитивным, возможно, слегка любопытным местом — одним из многих таких мест, в которых они побывали за свою долгую божественную жизнь.

Когда Ларк в прошлый раз шел этим путем, полный мыслями о своей миссии избавить Джиджо от чужаков, таких, как он сам, никому и в голову не приходила мысль о звездных кораблях в небе Джиджо.

Однако они уже были там и готовились к посадке.

Что может быть более пугающим? Опасность, которую ты уже испытал, или то, что еще готовит тебе вселенная? Нечто такое, что сделает

все предыдущие тревоги ничтожными?

Ларк надеялся, что его мрачное настроение не отразилось в письме к Саре, которое он торопливо закончил карандашом в верховьях Бибура вскоре после появления ротенов. Гребец на каяке добавил письмо Ларка к тяжелому грузу, переданному Блуром, и отплыл, работая веслами, устремился к первой гряде порогов. Он плывет в Библос, который находится в двух днях напряженной гребли.

На обратном пути, направляясь на встречу с другими еретиками, Ларк задержался, чтобы посмотреть как выплывает из темного туннеля воздушный корабль чужаков. Подобно призраку, он поднимался под негромкий рокот двигателей. Ларк разглядел маленький человеческий силуэт, с руками и лицом, прижатым к овальному стеклу. Человек упивался увиденным. Фигура показалась Ларку знакомой… но прежде чем он успел достать свой карманный бинокль, корабль улетел на восток, к утесу, где над Риммером всходила самая крупная луна.

Теперь, когда процессия углубилась в последний извилистый каньон на пути к Яйцу, Ларк постарался забыть все временные тревоги и заботы и подготовиться к единству. *Возможно,*

это мой последний шанс, думал он, надеясь на этот раз полностью разделить слияние, которое испытывают другие, когда Яйцо распространяет свою любовь в полной мере.

Просунув правую руку в рукав, он, несмотря на растущую температуру, схватил кусок камня. На память пришел отрывок из Свитка — версия на англике, переведенная для землян одним из первых человеческих мудрецов.

Мы плывем без руля по потоку времени, преданные своими предками, которые оставили нас здесь, мы не видим того, что с таким трудом завоевывалось веками,

мы боимся света и закона,
но больше всего в глубине души
мы боимся, что никакого Бога нет,
нет Отца,
нет нашего небесного Защитника
или что он забыл о нас, предоставил нас
судьбе,
року.

Куда нам повернуть в своей боли изгнания, когда наша обитель потеряна, а вера погублена вероломством?

Какое утешение доступно существам, затерянным во времени?

Один источник обновления
никогда не изменит.
Действует он долго,
И средства его — огонь и дождь,
лед и время.
Для бедных изгнанников это дом.
Джиджо.

* * *

Отрывок заканчивался странным смешением покорности и вызова.

Если мы все еще нужны Богу, пусть найдет нас здесь.

А до этого времени мы станем частью

Нашего нового мира.

Но чтобы не мешать, а служить Его циклу жизни.

Чтобы вырастить скромную доброту из грязных семян преступления.

Вскоре после того как этот свиток получил распространение среди людей, одним зимним днем земная дрожь потрясла весь Склон. Деревья падали, плотины прорывались, подул сильный ветер. Паника охватила всех от гор до моря. Все решили, что наступил Судный день.

Но вместо этого в облаке сверкающей пыли

явилось Яйцо. Дар от самого сердца Джиджо.

Дар, который можно будет разделить сегодня — разделить с чужаками.

Что, если они достигнут того, что никогда не давалось ему? Или еще хуже — если они ответят презрительным смехом? Скажут, что Яйцо — это пустяк и только деревенщины способны воспринять его серьезно, как легендарные земные туземцы обожествляли музыкальный ящик, найденный на берегу?

Ларк постарался отмахнуться от этих мелочных мыслей, настроиться на бас хунов, звуки каллиопы квуэнов, скрип колес г'кеков и вклад всех остальных в песнь единства. Он постарался дышать в такт размеренному шагу, а тепло камня меж тем словно разливалось по телу, поднялось по руке, охватило грудь, распространяя расслабленную отчужденность.

Уже близко, подумал он. В сознании начал возникать неясный рисунок. Похожая на паутина путаница смутных спиралей, состоящих частично из звуков, частично из видимых образов.

Как будто кто-то старается…

— Ну разве это не замечательно? — послышался голос справа, в клочки разрывая сосредоточенность. — Мне кажется, я что-то уже чувствую!

Не похоже на другие пси-феномены, которые я испытывала. Мотив весьма необычный.

Не обращай на нее внимания, думал Ларк, цепляясь за рисунок в сознании. *Может, она замолчит.*

Но Линг продолжала говорить, слова ее сыпались непрерывно, и не слышать их было невозможно. Чем больше он старался замкнуться, тем быстрей исчезала сосредоточенность. Теперь Ларк потной рукой сжимал всего лишь каменный обломок, нагревшийся от тепла его тела. Он в отвращении выпустил его.

— Несколько дней назад наши приборы зарегистрировали дрожь. И какое-то время циклы дрожи набирали силу и сложность.

Линг как будто блаженно не сознает, что совершила нечто дурное. И это, в свою очередь, делало негодование Ларка мелочным и тщетным. И красота ее при лунном свете заставляла его нервничать больше, чем всегда, прорываясь сквозь гнев к внутреннему сознанию глубокого одиночества.

Ларк вздохнул:

— Разве вы не должны охранять своего босса?

— По-настоящему его охраняют роботы — как будто нам нужно чего-то опасаться. Ро-кенн

разрешил мне и Ранну осмотреться, пока он разговаривает с вашими мудрецами, готовя их к тому, что случится.

Ларк остановился так внезапно, что следующему пилигриму в цепочке пришлось свернуть, чтобы не наткнуться на него. Он взял Линг за локоть.

— О чем ты говоришь? Что должно случиться? В улыбке Линг были следы прежнего сарказма.

— Ты хочешь сказать, что еще не догадался? О, Ларк. Подумай о *совпадениях.*

Две тысячи лет сунеры разных рас живут на этой планете, ссорясь друг с другом и медленно регрессируя. Потом приходят люди, и все меняется. Хотя, когда вы начинали, вас было мало и вы были беспомощны, скоро ваша культура стала самой влиятельной на планете.

Затем, спустя несколько поколений после вашего появления, неожиданно из земли поднимается чудо, этот руководящий дух, который вы все почитаете.

— Ты имеешь в виду Яйцо, — сказал он, наморщив лоб.

— Совершенно верно. Неужели ты считаешь все это *случайным?* Или что патроны могли забыть вас?

— Наши патроны. — Ларк нахмурился. — Ты хочешь сказать… ты намекаешь на то, что ротены все время знали…

— О полете “Обители”? Да! Ро-кенн объяснил нам это сегодня утром, и теперь все приобретает смысл! Даже наше прибытие на Джиджо не случайно, дорогой Ларк. О, часть нашей миссии — поиск достойных предразумных, которые могли бы присоединиться к нашему клану. Но прежде всего мы явились за вами. Потому что эксперимент завершен!

— Эксперимент? — Ларк испытал мгновенную потерю ориентации.

— Тяжелое испытание для вашей маленькой ветви человечества, заброшенной и забытой — так вы считали — на этой варварской планете. Звучит жестоко, но дорога возвышения нелегка, когда раса должна достичь высот, запланированных патронами.

У Ларка в голове все смешалось.

— Ты хочешь сказать, что наши предки должны были оказаться на Джиджо? Как часть испытания, которое… должно было как-то нас преобразовать? И Яйцо тоже — часть заговора ротенов…

— Часть замысла, — поправила Линг. Голос ее звучал возбужденно и приподнято. — Великого

замысла, Ларк. *Теста,* который вы выдержали великолепно, как мне сказали. Это ужасное место старалось перемолоть вас, пригнуть, а вы становились все сильнее, умнее и благороднее.

А теперь пора вернуть преуспевший отросток на главный ствол, чтобы он помог человечеству расти, процветать и успешней отвечать на вызовы опасной вселенной.

Улыбка ее была полна веселья и радости.

— О, Ларк, когда я разговаривала с тобой в последний раз, я думала, что, может быть, мы возьмем с собой несколько человек, когда улетим.

Но новость гораздо более значительная и радостная, Ларк. Летят корабли. Множество кораблей! Пора *всем* вам вернуться домой.

Аскс

Изумление!

Новость пронеслась по нашим восковым полостям, острыми парами удивления отогнав торжественный рисунок/резонанс Яйца.

Мы/я/мы/я/мы/я… не могу коалесцировать как Аскс. Не могу думать о новостях без сознания единства.

Худшие слухи прошлого месяца, распространявшиеся недовольными урскими вождями и

раздражительными серыми королевами, утверждали, что люди могут покинуть Джиджо, улететь со своими небесными родичами и оставить остальные пять загнивать и быть проклятыми.

Но даже эта темная угроза оставляла нам одно утешение.

Единственную надежду.

Яйцо.

Теперь нам говорят

(не верьте этому!)

(но как?),

что святой овоид никогда не принадлежал нам! Он всегда принадлежал только людям! И у него была двоякая цель: вести землян к величию и одновременно смягчать, *приручать* остальных пять!

Укрощать остальные расы, чтобы люди были в безопасности во время своего краткого пребывания на Джиджо.

Но все превосходит оскорбительная “доброта”: ротены говорят, что яйцо будет оставлено нам в качестве прощального дара.

Оставлено как игрушка,

как безделушка,

как благодарность за наши старания.

Оставлено, чтобы позорить всех нас!

Помолчите, мои кольца. Помолчите. Проявите справедливость. Погладьте испарениями капли воска. Вспомните.

Разве Лестер Кембел не казался в таком же отчаянии, как и все остальные?

Разве все мудрецы не договорились скрыть новость? Уменьшить вред, который причинят слухи?

Бесполезно. Сейчас подслушивавшие граждане убегают, передавая преувеличенные версии того, что услышали, распространяя яд по цепочке паломников, разбивая объединявший нас ритм.

Однако мы чувствуем в могущественных ротенах блаженное неведение того, что что-то неправильно!

Неужели это и значит быть богом? Не сознавать вреда, который ты причинил?

Инфекция распространяется по извилистой тропе. Песня поклонения прерывается, распадается на множество дюжин встревоженных индивидов.

Теперь с моего/нашего самого высокого кольца мы видим впереди новое беспокойство, оно распространяется с переднего края процессии. Эти две волны тревоги сталкиваются, как волны на бурном озере, перекатываются друг через друга

в пене шума.

— Путь перекрыт, — кричит запыхавшийся посыльный, торопясь передать известие по всей цепочке. — Дорогу преграждает веревочный барьер с лозунгами!

НЕТ ПРЕСТУПНОМУ СВЯТОТАТСТВУ

НЕ ПОДПУСКАЙТЕ НЕБЕСНУЮ ГРЯЗЬ

МЫ НЕ ПОЗВОЛИМ НАСМЕХАТЬСЯ НАД ДЖИДЖО!

Это может быть только делом рук фанатиков.

Наш сердечник охвачен раздражением. Какое подходящее время выбрали фанатики для своего выступления!

Мы, мудрецы, должны сами увидеть. Даже Вуббен торопится. И мои нижние сегменты с трудом поспевают за ним. Ро-кенн вдет со спокойным изяществом и кажется невозмутимым.

Но все же, мои кольца, неужели мы видим *перемены* в ауре Ро-кенна? Через свой реук мы замечаем несоответствия частей его лица, словно внешнее спокойствие ротена маскирует внутреннюю сумятицу.

Неужели реук способен столько прочесть в чужаке, с которым мы познакомились только сегодня? Или это потому, что у меня один из немногих старых реуков, уцелевших от прежних

дней? Или мы увидели это потому, что треки настроены на сохранение внутреннего единства?

Впереди — вызывающие лозунги.

Наверху — на вершинах утесов храбрая (но глупая) молодежь размахивает оружием.

Внизу — Фвхун-дау гулким голосом просит изложить их требования.

Их ответ? Гулко разносится по каньонам и парящим фумаролам требование — чужаки должны улететь! Или испытают на себе месть величайшей силы Джиджо.

?!!

Фанатики угрожают ротенам Яйцом?

Но разве ротены не утверждают, что великий овоид явился по их приказу?

На лице ротена появляется выражение, которое можно истолковать как холодный интерес. Он считает угрозы фанатиков блефом.

– Увидим ли мы, что имеет силу, чтобы подкрепить их требования? — спрашивает звездный бог. — *Сегодня вечером Яйцо и Джиджо будут свидетельствовать о нашей силе.*

Лестер и Вуббен просят сдерживаться. Но Рокенн не обращает на них внимания. По-прежнему улыбаясь, он приказывает роботам по обе стороны барьера схватить удерживающие лозунги

столбы. Наверху предводительница мятежников вытягивает свою длинную шею, выкрикивая угрозы на просторечном диалекте, призывая проснуться тайные силы Джиджо. Очистить наглый мусор пламенем.

Молодая предводительница — прекрасная актриса. Она топает копытами и предсказывает ужасные наказания. Наши самые доверчивые кольца на мгновение даже начинают верить ей…

верить…
верить…
Что происходит?
Что… происходит?
Какие впечатления
проникают
теперь
внутрь
быстрей, чем тает воск?
Какое
возникает
сознание,
которое охватывает
кольцо
за кольцом
так что все события

становятся равными
во времени
и в значении?
Что происходит?
…двойная молния очерчивает множество дюжин паломников, их тени бегут от белого пламени…
…жалуется разорванный металл… разлетается… рушатся пылающие обломки…
…образы уничтожения… две дымящиеся груды… еще мусор, который предстоит собрать и утопить в море…
Другими пятнами-глазами я/мы вижу удивление и ужас на лице Ранна, небесного человека.
…аура Ро-кенна разрывается противоречиями… словно одно кольцо треки охвачено радостью, а другое корчится от гнева…

* * *

А теперь и нечто новое разрывает прежние впечатления.
…зрительными пятнами на противоположной стороне мы первым замечаем огненное копье…
…обжигающая яркость поднимается по западной стороне неба… прямо от Поляны Собраний…
…земля под нами дрожит…

…истинный звук появляется чуть позже, разносится в разреженном воздухе, приносит нам низкий стон, подобный грому!

Наконец события замедляются настолько, что наши вращающиеся испарения могут с ними сравняться. Окружающее воспринимается цельно и последовательно. А не разорванно и параллельно.

Успокойтесь, мои кольца.

Неужели мы видим двух уничтоженных роботов, которые пытались разрушить барьер фанатиков?

Неужели мы были оглушены страшным взрывом за нами? На Поляне Собраний?

То, что было упорядоченным паломничеством, превращается в толпу. Небольшие группы бегут вниз, к пыльной, освещенной луной завесе, оставленной краткой вспышкой. Люди для безопасности держатся вместе, цепляясь за своих оставшихся хунских и квуэнских друзей, в то время как другие квуэны и множество уров презрительно кричат сверху, выкрикивают угрозы.

Ро– кенн не идет, а едет на платформе между двумя оставшимися роботами. Он спешно говорит что-то в небольшой прибор и с каждым мгновением приходит все в большее возбужде-

ние. Его человеческие слуги находятся в шоке.

Женщина — Линг — держит за руку Ларка, нашего молодого человека-биолога. Утен предлагает подвезти их, и они взбираются на его широкую серую спину. Все трое исчезают на тропе вслед за Ро-кенном.

Ум– Острый-Как-Нож сжато предлагает везти эту груду колец, этого Аскса!

Могу ли я/мы отказаться? Фвхун-дау уже несет Вуббена на своих сильных чешуйчатых руках. Человек-мудрец тянет г'кека, чтобы оба могли быстрей спуститься и посмотреть, что случилось.

Мы голосуем и большинством колец принимаем предложение. Но после нескольких дуров торопливой квуэнской скачки раздаются требования пересмотра результатов голосования! Но мы продолжаем висеть, цепляясь за панцирь и жалея, что не пошли пешком.

Проходит время в напряжении, издеваясь над нашими бесполезными догадками. Тьма поглощает мудрость. Блестящие звезды словно смеются над нами.

Наконец на вершине утеса мы расталкиваем окружающих, чтобы бросить взгляд.

Способны ли вы почувствовать это, мои коль-

ца?

Объединившись в шоке, я вижу дымящийся кратер, полный искореженного металла. Святилище, в котором Ро-кенн и небесные люди жили среди нас много недель. Их погребенная крепость — теперь огненные развалины.

Действуя с хладнокровной решительностью, Ур-Джа и Лестер Кембел призывают добровольцев, которые могли бы спуститься в дымную яму и, рискуя собственной жизнью, предпринять героическую попытку спасения. Но кто может выжить в таких разрушениях? Можно ли найти кого-нибудь живым?

У нас у всех возникает одна и та же мысль. У всех членов Шести. У всех моих колец.

Кто усомнится теперь в силе Яйца? Или в ярости оскорбленной планеты?

Незнакомец

С каждой новой найденной песней словно раскрываются двери, как будто старинные мелодии способны разворачивать целые пласты времени. Самые ранние воспоминания, те, что крепчевсего привязаны к музыкальной фразе или стихотворной строчке. Особенно быстро уносят его в

детство колыбельные.

Теперь он помнит свою мать, как она поет ему в безопасности теплой комнаты, поет баллады о мире, полном справедливости и любви, — сладкую ложь, которая помогает укрепить характер, хотя позже он и узнает правду о горькой, смертельно опасной вселенной.

Несколько причудливых песенок позволяют вспомнить бородатых близнецов, двух братьев, которые много лет выполняли роль отца в его семейной паутине, пару неизлечимых шутников, которые постоянно заставляли всех шестерых детей хохотать над их шутками и добродушными проделками. Снова и снова повторяя самые простые стихи, он обнаруживает, что почти понимает игру слов — настоящий прорыв. Он знает, что это детский, инфантильный юмор, но смеется и смеется над старинной отсебятиной, пока слезы не начинают течь по щекам.

Ариана Фу проигрывает для него новые записи, и некоторые вызывают поток новых воспоминаний: он заново переживает возбуждение от оперетт и мюзиклов, которые любил в юности. Чисто человеческая форма искусства, которая позволяет смягчить напряжение, когда человек вместе с миллионами других молодых мужчин

и женщин пытается овладеть высокомерной наукой цивилизаций, более древних, чем самые яркие звезды.

Он испытывает острую боль, вспоминая то, что когда-то принадлежало ему. Большинство слов и фактов остаются чуждыми, непостижимыми, даже имя его матери, да и его собственное тоже, но он по крайней мере начинает ощущать себя живым существом, личностью с прошлым. Человеком, чьи действия когда-то имели значение для остальных. Кем-то, кого любили.

И музыка — не единственный ключ! Другой предлагает бумага. Когда приходит настроение, он хватает карандаш и увлеченно рисует, покрывая страницу за страницей, подчиняясь стремлению рисовать, хотя и знает, что для этого нищего народа каждый листок — сокровище.

Когда замечает, что Прити украдкой пишет простое линейное уравнение, с радостью обнаруживает, что понимает!

Математика никогда не была его любимым языком, но теперь он обнаруживает ее привлекательность. Очевидно, цифры не покинули его, как это сделали буквы.

Он испытывает новое чувство, когда его лечит Пзора, эта груда похожих на пончики колец, кото-

рой он вначале так боялся. Странное единство, которое так же отличается от слов, как день от ночи. Лишенный речи, он словно лучше способен понимать оттенки запахов и прикосновений Пзоры. Щекотливое мерцание, вызванное постоянно меняющимися испарениями целителя, пронизывает тело. И снова его руки движутся словно по своей воле, отвечая на вопросы-запахи Пзоры на уровне, который он способен только смутно постичь.

Слова не нужны, чтобы понять иронию. Существа точно такого вида когда-то были его смертельными врагами — он знает это, ему не нужно это вспоминать. Они враги всего его рода. Как странно, что он столь многим обязан этой груде испускающих запахи колец.

Все эти трюки и сюрпризы позволяют проникнуть в его опустошение слабым лучам надежды, но лучшим способом возврата к тому, кем он был когда-то, все же остается музыка. Когда Ариана Фу предлагает ему инструменты на выбор — они выложены в стеклянной витрине, — он берет самый простой, с которым можно экспериментировать, выуживать новые мелодии; находить новые ключи к запертым дверям.

Первые неуклюжие попытки посылать несогла-

сованные звуки по извилистым проходам этого странного храма книг, спрятанного под каменной крышей. Он продолжает упорные старания и высвобождает новые детские воспоминания, но вскоре обнаруживает, что более поздние мелодии высвободить труднее. Возможно, в последующие годы у него было меньше времени на музыку, так что она слабее ассоциируется с событиями.

С событиями, которые привели к огненной катастрофе в этом ужасном болоте.

Воспоминания есть, он знает это. Они по-прежнему приходят к нему во сне, как приходили в бреду, впечатления от обширных пустых пространств. Невыполненные жизненно важные задания. Товарищи, которых он забыл и стыдится этого.

Склонившись над инструментом с сорока шестью струнами, он извлекает одну-две ноты, стремясь найти ключ, какую-то мелодию или фразу, которые могли бы прорваться сквозь нагромождения в мозгу. Чем больше этот ключ уклоняется, тем уверенней он знает, что ключ существует.

Он начинает подозревать, что ему нужно искать не человеческие песни, а что-то совершенно иное. Что-то одновременно знакомое и вечно

чуждое.

Этой ночью ему несколько раз снится вода. Это кажется вполне естественным, так как Сара дала ему понять, что завтра они уплывают на пароходе, оставляют эти полные книг залы и направляются в горы, где приземлился звездный корабль.

Новое плавание на корабле может объяснить эти смутные образы воды.

Позже он узнает правду.

XXI. КНИГА МОРЯ

Идя по тропе, ведущей вниз, по тропе избавления, знайте, что вы ищете.
Вы хотите отъединиться от предназначения своего клана, уйти от своих союзников, от патронов, которые дали вашей расе речь, разум и звездные полеты.
Вы говорите, что в первый раз они потерпели неудачу. Кто-то другой должен получить новый шанс принять вас и попытаться снова.
В этой игре есть благородство. Благородство и смелость.
Но не ждите благодарности от тех, кого вы отвергли.

Свиток Изгнания

Рассказ Олвина

День настал. После всех наших фантазий, подготовки и бесконечных деталей вот наконец мы вчетвером стоим перед открытым люком “Мечты

Вуфона”.

— Лучше бы построили плот, — нервно говорит Гек, и статическое электричество ее ближайшего колеса заставляет волосы на моей ноге встать дыбом. — Могли бы все лето плавать по рекам — без посторонних. И рыбачили бы.

Я гипервентилировал свой горловой мешок, как будто насыщение его тканей кислородом способно помочь там, куда мы направляемся! К счастью, Тиуг дал каждому из нас легкое успокоительное, что объясняет спокойствие Ур-ронн.

— Я не смогла бы плыть на плоту, — ответила Ур-ронн ровным невыразительным голосом. — Я бы промокла.

Мы все повернулись, посмотрели на нее и все — каждый по-своему — расхохотались. Клешня свистел, Гек гоготала, а я урчал, пока не стало больно. О Ур-ронн, что за характер!

– Ты права, — добавил Клешня. — Гораздо лучший план — воздушный шар с горячим воздухом. Давай уговорим Уриэль все переделать.

— Заткнитесь вы двое! — отругала нас Гек, и несправедливо: ведь начала-то она. Все мы повернулись к приближающейся Уриэль. За ней в двух шагах шел Тиуг. Маленький неполный треки Зиз, пришедший в себя от тяжелого испытания, уже

лежит в предназначенной для него клетке под выпуклым окном “Мечты”.

— Карты с вами? — Уриэль для надежности сама осмотрела сумку Клешни. Изготовленные по изобретенному людьми способу слоистые листы пластика слишком прочны, долговечны и потому не очень законны. Но мы ведь все равно направляемся в Помойку, так какая разница? Мы изучили курс, указанный Уриэль, и двинемся по нему, как только колеса “Мечты” коснутся илистого дна.

— Компас?

Компасы у Клешни и Ур-ронн. Намагниченные колеса Гек не должны помешать, если она не придет в слишком сильное возбуждение.

— Несмотря на спешку, мы рассмотрели тактику поведения в разных вариантах и провели репетиции. Надеюсь. — Уриэль покачала головой в человеческой манере — это выражение сожаления. — Осталось только одно. Там внизу вы должны отыскать один предмет. Вещь, которую вы должны найти для меня.

Гек помахала мне глазным стебельком.

Видишь? Я говорила! сообщила она на языке жестов Галдва. Гек много дней говорила, что должно быть что-то, в чем Уриэль отчаянно нуждается.

Какой-то скрытый мотив у всей этой поддержки. Что-то такое, что можем найти только мы одни, с нашей любительской лодкой. Я не обратил внимания на ее хвастовство. Гек слишком часто оказывается права, и нельзя потакать ей, иначе она решит, что это закон природы.

— Вот что вы должны искать, — сказала Уриэль, показывая нам рисунок так, чтобы никто, кроме нас, не смог увидеть. Колючий предмет с шестью концами, как фигура в детской игре. От двух концов в противоположных направлениях до самых краев листка отходят два длинных щупальца или кабеля. Мне показалось, что это какое-то живое существо.

– Это артефакт, который нам чрезвычайно нужен, — продолжала Уриэль. — Но еще важнее самого артефакта отходящие от него провода. Вы должны отыскать их и прикрепить к тросу, чтобы мы могли поднять,

Вот это да! подумал я. Мы четверо придерживаемся современных взглядов и с радостью прочесали бы Помойку в поисках сокровищ, даже вопреки указаниям Свитков. Но чтобы нам приказал сделать это мудрец? Неудивительно, что Уриэль не хочет, чтобы кто-то из стоящих поблизости граждан услышал об этой ереси!

— Сделаем! — воскликнул Клешня, на мгновение встав на две ноги, чтобы остальными тремя отдать салют. Все остальные уже стояли на рампе. Что нам делать? Воспользоваться этим как предлогом для отказа?

Ладно, подумал я. *Пусть меня привяжут к Яйцу и поют, пока я не сознаюсь.*

Я последним поднялся на борт — если не считать Хуфу, которая проскользнула у меня мимо ног, когда я уже собирался закрыть люк. Я закрутил колесо, и пузырь скинка натянулся, плотно закрыв щели, как замазка между кольцами трека. Закрытая дверь обрезала почти все звуки, слышались только свисты, шепоты, урчания и ворчания четырех испуганных детей, которые начинали понимать, куда их завело стремление подражать людям.

Потребовался мидур, чтобы убедиться в том, что действуют системы подачи воздуха и устранения влаги. Клешня и Ур-ронн впереди проверяли по списку, Гек испытывала рулевое устройство, а я сидел сзади, и мне делать было совершенно нечего — только поглаживать ручку, которую я пущу в ход, когда “Мечте” понадобится “двигатель”. Чтобы провести время, я гладил Хуфу, а ее острые когти давали необходимое отвлечение,

смягчали нервную чесотку внешней поверхности моего сердечника.

Если мы умрем, пусть Уриэль отправит наши тела домой, подумал я. Может, это была молитва, как те, которые возносят в трудном положении люди. Я читал об этом в книгах. *Пусть родители получат мою жизненную кость для вуфинования. Это поможет им в их горе и разочаровании: ведь я неправильно распорядился их любовью.*

XXII. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Всякий, кто плавал в речном корабле и слушал бас рулевого-хуна, знает кое-что о процессе, который привел хунов к звездам.

Во– первых, этот звук показывает, каково происхождение названия расы. Согласно легенде, патроны гутатса, которые приняли и возвысили предразумных хунов, были очарованы их музыкальными способностями. Наделяя хунов речью, разумом и другими отличными качествами, гутатса также поработали над их горловым мешком, усиливая исходящий из него глубокий низкий звук, чтобы обогатить взрослую жизнь своих клиентов, когда те примут на себя ответственность в галактическом сообществе.

Гутатса предсказали, что эта способность позволит хунам стать лучшими патронами, когда они в свою очередь будут наделять даром мудрости, продолжая миллиарднолетний цикл разума в Пяти галактиках.

Сегодня мы знаем своих хунских соседей как терпеливых и достойных существ, которые не

склонны к быстрым вспышкам гнева, но доблестно ведут себя в трудном положении. Трудно сопоставить этот образ с первоначальной реакцией вначале уров, а потом людей, когда они узнали, что высокие живут на Джиджо. Реакция была враждебной и полной страха.

Каковы бы ни были первоначальные причины такого отношения, оно скоро ослабло, а потом совсем исчезло на протяжении одного поколения. Какие бы розни ни разделяли наших богоподобных предков, мы на Джиджо их неподдерживаем. В наши дни среди Шести трудно найти того, кто не любит хунов.

Но остается загадка — почему они вообще живут на Джиджо? В отличие от других рас Шести, они ничего не говорят о преследовании или даже о поисках места для размножения. Когда их спрашивают, зачем их крадущийся корабль, чрезвычайно рискуя, прилетел в это тайное убежище, они пожимают плечами и не могут ответить.

Единственный намек можно найти в Свитке Избавления, где мы читаем о вопросе последнего мудреца-глейвера. Этот мудрец опрашивал хунских поселенцев первого поколения, зачем они прилетели, и получил такой ответ:

“В это (тайное) убежище мы пришли (в надеж-

де) отыскать.

Отыскать (оплакиваемые) острия (утраченной) молодости.

Сюда нас послали советы (мудрого, тайного) оракула.

И это (полное опасностей) путешествие не было напрасным.

Ибо смотри с (радостным) удивлением, что мы нашли!"

В этот момент, как говорится в Свитке, хунский колонист указал на грубый плот, сооруженный из стволов бу, склеенных древесной смолой, — родоначальник всех последующих кораблей, которые плавают по рекам и морям Джиджо.

В наше время, спустя тысячу лет, трудно интерпретировать значение этого текста. Можно ли представить себе наших мохнатых друзей без кораблей? И когда мы представляем себе, их летящих в космических кораблях, разве не видим, как они преодолевают межзвездный прибой, пролагая путь меж планетами с помощью киля, руля и парусов?

Но разве не значит это, что когда-то уры "скакали" по галактическим прериям, и звездные ветры раздували их машущие хвосты? Или что

любой звездный корабль, построенный людьми, должен напоминать дерево?

Из “Нового обзора джиджоанского фольклора”

Ур– Кинтун и Германа Чанг-Джонса.

Издатели Тарек-города. 1901 год изгнания

Двер

Прошел мидур с наступления ночи, когда горящий уголь пересек небо, промелькнул длинной чертой, пересек небосвод и исчез на юге. Двер знал, что это не метеор, потому что искра пролетела под облаками.

И только когда он исчез, ушел за кроны соседнего леска, Двер услышал низкий гул, едва различимый за шелестом деревьев.

Двер никогда бы не заметил этого, если бы ужин с ним не поссорился. Но с тех пор как четверо людей стали добавлять к еде продукты, добытые на охоте, внутренности не раз подводили Двера. И вот он сидел в импровизированном туалете между двумя камнями и ожидал, пока внутренности не примут решение, усвоить или выбросить с таким трудом завоеванную еду.

Остальные чувствовали себя не лучше. Дэйнел и Дженин никогда не жаловались, но Лена всякий

раз, когда у нее урчало в животе, винила Двера.

— Такой знаменитый охотник. Ты десятки раз бывал здесь и не можешь отличить ядовитую добычу от хорошей?

— Пожалуйста, Лена, — просила Дженин. — Ты знаешь, что Двер никогда не пересекал Ядовитую равнину. Он может только искать животных, похожих на тех, что ему знакомы.

Дэйнел тоже пытался установить мир.

— Мы бы могли съесть ослов, когда у них станет меньше груза. Но после перехода через реку они слабы, и мы не можем пожертвовать ничем из лишнего груза.

Он имел в виду книги, инструменты и другие предметы, которые сделают человеческую жизнь за Риммером чуть менее варварской. *Если* будет окончательно решено оставаться здесь. Двер все еще надеялся, что до этого не дойдет.

— Но одно мы знаем, — продолжал Дэйнел. — Люди могут выжить здесь, в Серых холмах, и без всех этих чанов, которые мы используем дома. Я уверен, что мы уже начинаем приспосабливаться к местным микробам. Если к ним адаптировалось племя сунеров, то и мы сможем.

Да, думал Двер, *но выживание вовсе не означает удобств. Судя по рассказам Рети, это сунеры*

— жестокий народ. Может, мы как раз начинаем понимать, почему они стали такими.

Положение может улучшиться, когда Дэйнел установит собственные чаны. В них выращивают культуры дрожжей, которые делают джиджоанскую пищу съедобной для людей, но не будет замены энзимов треки, превращающих горькие плоды пинга и блай-йогурт в настоящее лакомство. Но прежде всего Двер и все остальные рассчитывают, что сунеры подскажут, какой местной пищи следует избегать.

Если они согласятся сотрудничать. Родственники Рети могут не оценить навязываемый им новый порядок жизни. *Я бы тоже на их месте.* Дэйнел искусен в переговорах и убеждении, а роль Двера — подкреплять слова мудреца, придавая им силу закона.

По словам Рети, в племени вряд ли больше сорока взрослых. Социальная структура похожа на типичную мачо-ориентированную охотничью группу. Старый Фаллон давно учил Двера различать этот стандартный образец человеческого регресса, с гибким мужским ранжированием, навязываемым угрозами, унижениями и силой.

Предшественники Двера выработали предпочтительный подход к подобным группам. Он

заключается в том, чтобы быстро установить контакт и ослепить сунеров дарами, прежде чем они враждебно настроятся. Тем самым выигрывается время для того, чтобы разобраться в паутине союзов и вражды внутри племени. После этого процедура заключается в выборе каких-нибудь перспективных самцов среднего ранга и помощи этим кандидатам в осуществлении переворота. Переворот свергает прежних вождей, которые заинтересованы в сохранении существующего положения. Новых лидеров гораздо легче убедить "вернуться домой".

Испытанная временем техника, которую успешно применяли те, кто получил задание вернуть заблудшие человеческие кланы. В идеале она позволяла вообще обойтись без убийств.

В идеале.

По правде говоря, Двер ненавидел эту часть своей работы.

Ты знал, что может дойти до этого. Теперь плати за свободу, которой пользовался.

Если мягкое убеждение не подействует, следующий шаг — вызов милиции и охота на всех заблудших. Та же жестокая цена платится всеми расами Шести как альтернатива войне и проклятию.

Но на этот раз положение иное.

На этот раз закон не на нашей стороне — только закон выживания.

Вместо того чтобы вернуть нелегальных поселенцев на Склон, Озава собирается возглавить племя Рети. Повести его по другому жизненному пути, но оставаясь при этом скрытым от постороннего взгляда.

Только если случится худшее, если мы окажемся последними выжившими людьми на Джиджо.

Сознание Двера отказывалось от такой ужасной перспективы, как внутренности отказываются воспринимать еду. *Если это будет продолжаться, я так ослабну, что не смогу выиграть схватку, когда Джесс и Бом будут решать вопрос о ранге новых членов. В конце концов дело может дойти до Лены и ее оружия.*

На протяжении всего пути крепкая светловолосая женщина особенно заботилась о грузе, который нес один осел. Это ее личное “хобби”: оружие, оставленное предками, высадившимися на Джиджо, такое мощное и жестокое, что редко использовалось даже в войнах с урами. “Мои уравнители” называла Лена запечатанные воском ящики, чье содержание делает возможным подкрепить решения Дэйнела так же уверенно,

как мышцы и физическое мастерство Двера.

До этого не дойдет! поклялся Двер, приказывая своему телу сохранять форму. Он осторожно коснулся обмороженных мест. Ущерб мог бы быть значительно большим. *Мне всегда везло больше, чем я заслуживаю.*

Согласно Саре, которая очень много читала о земном прошлом, то же самое можно сказать о всей проклятой человеческой расе.

Вот о чем думал Двер, сидя в импровизированном туалете, когда по небу пронесся огненный уголь. Двер вообще не заметил бы его, если бы смотрел в другую сторону или был занят деятельностью, требующей большего внимания. А так он мрачно смотрел вслед падающей звезде, и раскатистый гром ее полета проносился по соседним каньонам, порождая многочисленное эхо.

На следующий день предстояло пересечь еще одну реку.

Труднопроходимая местность во многом определила выбор сунеров, когда они решали, куда уходить. Ограждаемые вначале Ядовитой равниной, потом глубокими ущельями с пенными потоками, Серые холмы были так труднодостижимы, что землемеры навещали их лишь раз в поколение. Легко представить себе, что Фаллон и

остальные просмотрели небольшое племя в этой пустыне, через которую Двер ведет группу, — царство горячих серных 'гейзеров и низкорослых деревьев, которые чем дальше, тем все искривленней. Низкие облака мрачно нависают над землей, лишь изредка и ненадолго пропуская солнечный свет. Животные благоразумно держатся на расстоянии, оставляя лишь еле заметные следы, чтобы Ларк мог принюхаться и подумать, кому они принадлежат.

При переходе через предыдущую реку они потеряли нескольких ослов. И хоть натянули веревку с одного берега до другого, а Лена и Двер стояли по пояс в воде, помогая животным перебраться, все равно три осла поскользнулись на скользких камнях. Один запутался в веревках, забился и задохнулся раньше, чем они смогли его освободить. Двоих унесло течением. Несколько часов потом, бродя по отмелям, они отыскивали груз. И теперь пальцы рук и ног у Двера горят и ощущают странную холодно-жгучую онемелость.

Наконец, высыхая у костра, они определили ущерб.

— Не хватает четырех книг, молотка и тринадцати пакетов с порохом, — сказал Дэйнел, качая головой. — И, наверно, повреждены другие, если

порвана их водонепроницаемая упаковка.

— Не говоря уже о погибшем зерне для животных, — добавила Дженин. — Отныне, хотят они этого или нет, переходят на подножный корм.

– Ну, мы ведь почти на месте, — жизнерадостно сказала Лена Стронг, которая свежевала погибшего осла. — Есть и хорошая новость: теперь мы будем лучше питаться.

С переменой диеты все ночью чувствовали себя лучше, хотя и испытывали легкую вину. На следующее утро прошли всего один полет стрелы и увидели глубокое ущелье с крутыми стенами и быстрым потоком на дне.

Двер пошел вверх по течению, а Лена — вниз. Дженин и Дэйнел остались ждать с утомленными ослами. Договорились о сроках: два дня пути вперед и два на возвращение. Если к этому времени ни один разведчик не найдет пути, можно будет сколотить плот и попытаться преодолеть пороги. Но Дверу такая перспектива не нравилась.

Разве я не говорил Дэйнелу, что лучше подождать возвращения Реши? Я, может быть, следопыт, но она прошла через эту пустыню совершенно самостоятельно.

Больше чем когда-либо поражало его несокрушимое упрямство девушки.

Если организовали вторую группу и она с ней, Рети, наверно, смеется над тем, что я попал в эту ловушку. Если она знает какой-то тайный обходной путь, они могут добраться до племени раньше нас. Разве это не спутает планы Дэйнела?

Даже двигаться параллельно реке было нелегко и опасно, приходилось преодолевать крутые утесы, потом спускаться на скользкий берег одного ледяного притока за другим. Грязнолапый увязался за ним, отказавшись от костра Дэйнела и балующего внимания Дженин. Для обычных проделок нура дорога слишком трудна, и поэтому Грязнолапый не пытался организовать на Двера засаду или сбить с пути. Немного погодя они даже начали помогать друг другу. Двер переносил нура через опасные пенистые ручьи. А в других случаях Грязнолапый убегал вперед и писком и вилянием показывал, какая из двух троп лучше.

Тем не менее река и каньоны продолжали их мучить, иногда почти открывались, потом неожиданно снова закрывались, становились уже и круче, чем раньше. В середине второго дня Двер мрачно жаловался на упрямую непроходимость местности. *Фаллон предупреждал меня о Серых холмах. Но я всегда считал, что я могу*

использовать не только карты и заметки старика. Найду тропу, проложенную какими-нибудь другими охотниками.

Но никто из них никогда не обнаруживал следов племени Рети, так что, возможно, они слишком полагались на советы друг друга и всегда проходили через эти пустыни одним и тем же маршрутом. А сунеры знали, какого маршрута нужно избегать. Может, как раз эта ужасная неприступность означает, что группа Дэйнела приближается к стоянке племени.

Правильно, парень. Продолжай так думать, если от этого чувствуешь себя увереннее.

Разве не здорово будет проделать весь этот путь вперед и обратно и узнать, что Лена совсем близко вниз по течению нашла хороший брод? Когда Двер делился пищей с Грязнолапым, его мучила эта мысль. Движение вперед кажется тщетным, да и все равно несколько часов спустя придется признать, что попытка не удалась, и возвращаться. Пальцы рук и ног болели, болели перенапряженные сухожилия ног и спины. Но больше всего его измучил рев падающей воды, словно много дней в голове работает часовой тит.

— Думаешь, нам нужно вернуться? — спросил

он нура.

Грязнолапый наклонил гладкую голову, глядя на Двера с тем обманчиво разумным выражением, которое всегда напоминало ему легенды. В легендах о нурах говорится, что эти животные способны выполнять желания — если вы так сильно чего-нибудь хотите, что готовы заплатить любую цену. Рабочие часто используют выражение “посоветуемся с нуром”. Это значит, что проблему решить невозможно и пора снять напряжение выпивкой.

— Ну что ж, — вздохнул Двер, надевая на плечи мешок и лук. — Не повредит, если пройдем еще немного. Глупо будет отступить, если переход за соседним поворотом.

Тридцать дуров спустя Двер выбрался на берег, поросший колючим кустарником, проклиная шипы и скользкую влажную почву, отчего он сам весь промок. Ему хотелось уже быть на пути назад, к горячей еде и сухому одеялу. Наконец он добрался до места, где можно распрямиться, и стоял, высасывая царапины на обратной стороне ладони.

Повернулся — и уставился на то, что в тумане открылось впереди.

Гремящий водопад, чей рев до сих пор скрыва-

ла бурная река, низкий и широкий, тянулся от левого берега до отдаленного правого. Широкий занавес пены и водяной пыли.

Но не это привлекло внимание Двера.

Непосредственно перед падающей с громом водой всю реку пересекала широкая каменистая отмель, и вода везде как будто не доходит и до колен.

— Вероятно, это решает вопрос, идти ли дальше, — вздохнул Двер.

Вскоре они с Грязнолапым стояли наконец на противоположном берегу, легко перейдя реку, чтобы проверить, можно ли пользоваться бродом. От этого места отчетливая звериная тропа зигзагами вела через лес в направлении каньона на востоке.

На обратном пути поищу более легкий подход сюда для Дэйнела и остальных. Успех заставил почти забыть о боли от царапин и усталости. *Возможно, Лена тоже нашла переход. Но я все-таки нашел это место и, возможно, нашел первым! Если вся эта глупая история с чужаками закончится и нам нужно будет возвращаться домой, я сверюсь с картами Фаллона: не назвал ли кто как-нибудь это место после ухода буйуров.*

Широкий водопад напомнил ему о водосливе

в деревне Доло. Мысль приятная, но с горьким привкусом. Она напомнила, почему он здесь, так далеко от Сары и всех остальных, кого любит.

Я здесь, чтобы выжить. Моя работа — иметь детей от женщин, которых я почти не знаю, в то время как все остальные на Склоне умрут в страданиях.

Радость открытия рассеялась. *Стыд* он заменил ожесточенной решимостью выполнить работу, которую ему приказали сделать. Двер направился назад по отмели… потом остановился, почувствовав щекотливое ощущение на затылке.

Что– то неправильно.

Нахмурившись, он достал лук и спустил рычаг, натягивающий тетиву. Наложил стрелу и вдохнул полную грудь влажного воздуха. Трудно разглядеть что-нибудь в туманной полутьме. Но, судя по изогнутой спине Грязнолапого, нур тоже это чувствует.

Кто– то здесь есть, подумал Двер, быстро возвращаясь под укрытие деревьев. *Или был совсем недавно.*

У берега смешалось множество запахов. Это нормально, учитывая, что переход через реку — единственный на много лиг. Приходят на водопой животные, оставляют свои территориальные

пометы. Но Двер ощущал что-то еще, какой-то запах вызывал у него смутную тревогу.

Остро сознавая, что за его спиной открытое пространство, он быстрей углубился в лес.

– Пахнет… горелым деревом… кто-то разводил костер, совсем недавно.

Он всмотрелся. Принюхался.

Там…

На расстоянии половины полета камня в тени на поляне он разглядел остатки костра. Большое углубление, полное пепла.

Кто– то из племени Рети? Двер встревожился. Может, Джесс и Бом прямо сейчас следят за ним, получше прицеливаясь в чужака с ужасного запада?

Отгадка в шелесте ветра в ветвях, в быстрых и скрытных движениях насекомых и птиц. Но местность и дикая жизнь здесь ему незнакомы, а шум водопада скроет даже приближение целого отряда милиции.

Грязнолапый негромко заворчал и принюхался к земле, а Двер продолжал всматриваться в туман за деревьями.

— Что это? — спросил он, наклоняясь к тому месту, где Грязнолапый раскопал слой недавно опавшей листвы. В нос ударил знакомый запах.

Ослиный помет?

Он бросил быстрый взгляд — второго не понадобилось. *Ослы? Но Рети говорила, что у сунеров их нет!*

Теперь, когда зрение адаптировалось к полутьме, он видел по всей поляне следы вьючных животных. Отпечатки копыт и помет по крайней мере дюжины ослов. Ствол, к которому их привязывали. Примятые места, куда складывали снятый груз.

Двер опустил лук. Значит, вторая экспедиция все-таки прошла, обогнала первую по более легкому маршруту. Несомненно, ее вела Рети.

Ну, по крайней мере у сунёров не будет такого численного превосходства, даже если события будут разворачиваться не в том порядке, в каком планировал Дэйнел.

И облегчение более личное, хотя и не вполне галантное. *Кажется, мой выбор будущей подруги расширился: не только Дженин или какая-нибудь из родственниц Рети.*

Однако что-то по-прежнему тревожило Двера, не позволяя совсем откладывать лук. Он считал углубления, которые оставляют лежащие ослы. Их слишком много. Вернее, два типа примятых мест. Возле огня они меньше…

Нет. Не может быть.

В любом другом месте он давно почуял бы. И теперь обоняние его ощутило — знакомый и острый запах. Двер подобрал обрывок упругой шерсти, оставшийся после того, как его обладатель катался по траве, перейдя вброд реку.

Волосы из гривы ура.

С последней войны прошло несколько поколений. Тем не менее грудь Двера сжал инстинктивный страх, накатилась волна тревоги.

Караван уров в этой местности не может означать ничего хорошего.

Здесь, в дикой местности, вдали от влияния мудрецов и Общины, когда Шесть дома, возможно, уже уничтожены, все старые правила оказываются бесполезными. Как во времена до Великого Мира. Двер знал, какими опасными становятся уры, если они враги.

Неслышно, как привидение, он начал отходить, зигзагом пересек реку и держался ближе к противоположному берегу. Грязнолапый шел за ним, он тоже явно хотел как можно быстрей убраться отсюда.

Целый мидур Двер оставался настороже, хотя тревожное биение пульса успокоилось.

Наконец, решив, что теперь безопасно, он по-

весил лук через плечо и направился вниз по течению. Там, где позволяла местность, бежал, торопясь с новостями на юг.

Аскс

Вы видите дым, мои кольца? Дым, спиралью поднимающийся от свежего углубления в разорванной почве Джиджо? Две луны прорезают полный сажи воздух, освещая кратер, в котором горят какие-то металлические обломки.

Наш второй мыслительный тор посылает отвлекающие мысли.

Что скажете, мои кольца? Что это очень большое количество мусора? Мусора, который сам по себе не разложится?

Да, это так. Можно ли надеяться, что чужаки сами все здесь расчистят? Чтобы отвезти такое количество к морю, потребуются сотни караванов ослов.

Другое кольцо предлагает отвести ручей, чтобы здесь образовалось озеро. За столетия перемещенный мульк-паук мог бы растворить все грешные обломки.

Путем голосования мы решаем отослать эти мысли в восковой сердечник — для позднейшего

обдумывания.

Толпа зрителей окружает склоны холмов вокруг этой изуродованной долины. Их удерживают на месте ошеломленные измученные прокторы. Еще выше на поросших лесом холмах видны ряды силуэтов, катящихся и маневрирующих, — это занимают позиции отряды милиции. Отсюда нам не видно, что они собираются делать? Защищать Общину от все сокрушительного мщения? Или просто прекращать раздоры, которые убивают Великий Мир: мы ускоряем гибель, разрывая другу друга окровавленными руками?

Наверно, даже командиры этих отрядов не знают точно.

Тем временем, ближе к источнику жара Ур-Джа и Лестер Кембел распоряжаются группами уров, людей, хунов и серых квуэнов, которые спускаются в яму, вооруженные веревками и инструментами из буйурского металла.

Вначале Ро-кенн возражает, не правда ли, мои кольца? На торопливом Галсемь посол ротенов прогоняет тех, кого он называет “бесчувственными грабителями”. Поднимается один из уцелевших роботов, расправляя множество орудий наказания.

Вуббен уговаривает Ро-кенна посмотреть снова.

Разве он не видит искреннего стремления *спасать?* Два напряженных ура мы балансируем на грани пропасти. Затем ротен неохотно отзывает машину смерти — на время.

На харизматическом, по-человечески прекрасном лице Ро-кенна наш реук читает тона горя и гнева. Конечно, это новая для нас раса и реук может обмануться. Но чего еще ожидать от того, чей дом/лагерь лежит в руинах? Чьи товарищи томятся внутри, мертвые или умирающие, под измятыми обломками собственной станции?

На лице мужчины — звездного человека, Ранна, выражение открытого горя. Он едет на роботе, выкрикивает команды тем, кто работает среди обломков, направляет их усилия. Напряженный, но подбадривающий знак сотрудничества.

Линг, другой звездный человек, все еще кажется в шоке, она прислоняется к молодому Ларку, который роется в обломках на краю кратера. Наклоняется к дымящейся планке, подозрительно принюхивается. Мы видим, как в удивлении откидывается его голова.

Линг отстраняется, требует у него объяснения. Наш реук показывает, что Ларк делает это неохотно. Он показывает ей дымящуюся планку — кусок сгоревшего дерева от джиджоанского ящика или

корзины.

Линг отпускает его руку. Поворачивается и торопливо идет к Ранну, который парит на своем механическом скакуне.

Гораздо ближе к этой груде колец Ро-кенн ведет спор. Ротенского посла окружает делегация, требующая ответа.

Почему он утверждал, что имеет право и возможность приказывать Святому Яйцу? Ведь теперь совершенно ясно, что святыня отвергает его и весь его род.

Далее, почему он стремится расколоть Шесть своими клеветническими утверждениями относительно человеческой расы? Он беспочвенно лжет, утверждая, что наши братья-земляне не происходят от грешников, как все остальные Пять.

— Вы, ротены, можете быть высокими патронами землян, а можете и не быть ими, — признает глава делегации. — Но это ничто не отнимает у наших предков, прилетевших сюда на “Обители”. Ни их преступление, ни их надежды, когда они вступили на тропу Избавления.

В голосе заступника за людей звучит гнев. Но мы/я также ощущаем подтекст *театральности.* Стремление усилить пламя дисгармонии,

которую разжег Ро-кенн своим рассказом. И окружающие уры одобрительно подхватывают слова своей предводительницы.

Второе мыслительное кольцо посылает новую мысль-гипотезу.

В чем дело, мое кольцо? Ты полагаешь, что дисгармония входила в замысел Ро-кенна? Сознательный план, направленный на создание напряженности между Шестью?

Наше четвертое кольцо возражает — какой цели может служить такой странный план? Настроить Пять против Одного? Вызвать вендетту именно против той группы, которую ротены называют своими возлюбленными клиентами?

Запомните этот странный постулат, мои кольца. Подумаем над ним позже. Потому что сейчас ротен готовится отвечать. Выпрямившись, он разглядывает толпу с выражением, которое вызывает благоговение и у людей, и у тех, кто их знает, — и у носителей реуков, и у тех, кто без них.

В его взгляде доброта. Напряженное терпение и любовь.

Дорогие обманутые дети. Этот взрыв не проявление гнева Джиджо или Яйца. Вероятно, какие-то технические неполадки высвободили

могучие силы, заключенные в нашей станции.

Неожиданно он смолкает, видя, как на роботах приближаются Ранн и Линг. У людей выражение мрачного гнева. Они что-то говорят в свои приборы, а ротен слушает, глядя на них. И снова мой реук видит смену выражений на его лице, последнее из которых — кипящая ярость.

Ро– кенн начинает говорить.

Итак, (страшная) правда известна. Установлена. Подтверждена!

Не несчастный случай этот (убийственный) взрыв.

Не (маловероятная) неполадка — не отвержение со стороны вашего (хваленого) Яйца.

Теперь правда известна, подтверждена. Это (грязное, неспровоцированное) убийство!

Убийство обманом исподтишка.

С помощью взрывчатки. Нападением из укрытия.

И напали вы!

Он указывает своим длинным изящным пальцем. Толпа отшатывается от ярости Ро-кенна и этой новости.

Сразу становится ясно, что сделали фанатики. Тайно, скрываясь в природных пещерах, пронизывающих эти холмы, они закопали глубоко под

станцией взрывчатый порошок, примитивный, но эффективный, и ждали сигнала, подходящего символического момента, чтобы вызвать пламя и разрушения.

Сканеры, настроенные на химические следы, показывают нам теперь глубину вашего общего преступления. Какими незаслуженными стали награды, которыми мы собирались наделить полуживотных-убийц!

Он мог бы говорить еще что-то, добавлять ужасные угрозы. Но в этот момент новое обстоятельство привлекает внимание к дымящейся яме. Толпа расступается, пропуская группу вымазанных сажей спасателей, которые, кашляя и отплевываясь, несут свой печальный груз.

Ранн с криком соскакивает со своего робота, чтобы осмотреть фигуру на носилках. Это Беш, вторая небесная женщина. Наш реук не видит признаков жизни в ее изуродованной фигуре.

Толпа снова расступается. На этот раз Ро-кенн испускает отчетливо нечеловеческий вопль. На носилках, опущенных перед ним, другой представитель его расы, Ро-пул. Мы считали ее женщиной (его подруга?).

На этот раз с вымазанного сажей, но по-прежнему прекрасного лица жертвы в инфракрасном

излучении поднимается тонкая ниточка *дыхания.* Ро-кенн наклоняется ближе, как будто хочет о чем-то поговорить.

Эта напряженная сцена длится всего несколько мгновений. Живой нити больше не видно. Под яркими-яркими звездами на носилках второй труп.

Оставшийся в живых ротен распрямляется. Ужасное зрелище, свидетельство страшного гнева.

Время награды, которой заслуживает (грязное) предательство! — восклицает Ро-кенн, поднимая руку к небу; в голосе его такой гнев, что все реуки в долине дрожат. Некоторые люди падают на колени. Разве даже серые квуэны не свистят в отчаянии и страхе?

Вы боялись (праведного) суда свыше. Узрите его воплощенную форму!

Вместе со всеми мы поднимаем взгляд, следуя за вытянутой рукой Ро-кенна.

Мы видим пересекающую небо огненную искру. Безжалостный свет громоздко движется от Паутины к созвездию, которое люди называют Мечом.

Огромный корабль еще далеко, но он не мерцает и не гаснет. Он словно напряженно дрожит, и,

если долго смотреть на него, становится больно.

Трудно отказать фанатикам в правильности расчета времени, посылает мысль наше второе кольцо сознания. *Если их целью было принести конец нашему присутствию, они лучше не могли выбрать.*

Сара

Мудрец Теин хотел поговорить с ней до ее отъезда к пристани Канду. Ариана Фу тоже. Оба хотели бы, чтобы она отложила свой отъезд, но Саре хотелось уехать как можно скорее.

Но всего за мидур до того, как садиться на борт “Гофера”, она неожиданно решила навестить свой старый кабинет, помещавшийся высоко в башне Библиотеки Материальных наук.

Минуя Большую Лестницу, она вначале поднималась мимо обширных стеллажей по физике и химии, где заметны следы недавней эвакуации. В путанице полок видны пробелы. На месте отсутствующих томов лежат листки бумаги, чтобы помочь сотрудникам поставить книги на место, когда минует кризис. Местами деревянная поверхность полок кажется почти новой: эти книги сняли с места впервые со времени Великой

Печати.

Посмотрев в глубину одного из проходов, Сара увидела молодого Джому, качающегося под грузом тяжелых томов. Вслед за дядей мальчик начинал сложный ритуал одалживания книг. Им стоит поторопиться, если они хотят вовремя попасть на корабль. Взрывники и кое-кто еще направлялись туда же, куда и Сара, вначале кораблем, потом с караваном ослов — на Поляну Собраний.

Извилистый лабиринт вызывал противоречивые сложные чувства. Она часто терялась здесь в прошлом, но ей было все равно: она была так счастлива жить в этом великолепном месте. В этом храме мудрости.

За долгий прошедший год ее маленький кабинет с узкими окнами, выходящими на обрамленный зеленью Бибур, почти не изменился. Все казалось таким же, каким она его оставила, за исключением пыли. *Что ж, я всегда считала, что вернусь сюда.* Многие из людей соревновались за право быть отобранными для такой жизни, субсидируемой расой фермеров и ремесленников, главной греховной гордостью которых были книги.

В углу лежала свернутая таблица, иллюстри-

рующая “деволюцию” различных диалектов Склона. Как ветви от родительских корней, от каждого современного галактического языка отходили многочисленные отростки. Эта старая схема показывала ошибочность утверждений ученых-лингвистов и подкреплялась неопровержимым фактом: миллиарднолетние галактические языки когда-то были совершенными, эффективными коммуникационными кодами. Отклонения от совершенства проявлялись в виде части предсказанной спирали к невинности и крикам животных — Тропы Избавления, по которой уже так далеко прошли глейверы, участи, которой боятся или которую приветствуют все на Склоне — в зависимости от степени своего религиозного рвения.

Человеческие языки тоже прослежены в прошлое — не на миллиард, но на десять тысяч лет. Земные ученые типа Чайлда, Шредера и Ренфью тщательно воссоздавали языки-предки, и выяснялось, что их грамматика гораздо более структурирована, лучше предотвращает и исправляет ошибки в передаче информации, чем последующие “ублюдочные” жаргоны. Какое еще нужно доказательство того, что человеческая деволюция началась задолго до высадки на Джи-

джо? Разве нет во всех человеческих культурах легенды о Золотом веке?

Еще один вывод: отсутствующим патронам землян, должно быть, помешали продолжить работу, их вынудили оставить землян полузавершенными. Правда, последующий упадок был замаскирован некоторыми вспышками преждевременной технологии. Тем не менее многие ученые считают, что земляне много выиграют, идя по тропе, ведущей к новому принятию и второму шансу, особенно если учесть, что они все равно идут по этому пути.

Это ортодоксальная точка зрения. Моя модель учитывает те же данные, но позволяет сделать другие выводы.

Ее самая последняя схема напоминает эту — но только перевернутую. Безжизненные отростки преобразуются в деревья, показывающие, что Шесть движутся в новом направлении.

Во многих *направлениях.*

Если никто не вмешается.

Вчера она показала свою последнюю работу мудрецу Боннеру, чей энтузиазм усилил удовольствие от оценки коллеги.

— Ну, моя дорогая, — сказал старейший математик Джиджо, поглаживая свою лысину, — похоже,

у тебя интересная теория. Давай назначим время семинара! Разумеется, междисциплинарного.

И он подчеркнул свой энтузиазм эмоциональной трелью на ломаном Галдва.

— Мы пригласим этих скучных педантов из лингвистики. Посмотрим, могут ли они для разнообразия воспринять оригинальную новую идею. Хех! Хех в кубе!

Вероятно, Боннер не очень внимательно слушал ее рассуждения об “избыточном кодировании” и о хаосе в теории информации. Престарелый тополог просто радуется возможности организовать оживленное обсуждение, в котором можно опровергнуть некоторые закостенелые взгляды.

Если бы только ты знал, каким хорошим примером моего утверждения являешься, с любовью думала Сара. Ей очень не хотелось его разочаровывать.

— Если повезет, сможем организовать семинар, когда я вернусь с Собрания.

Увы, из предстоящего путешествия возвращения может и не быть. Или, вернувшись, она обнаружит, что взрывники выполнили-таки свой долг и обрушили каменную крышу, а вместе с этим принесли предсказанный век невежества

и чистоты. Сара уже повернулась, собираясь уходить, когда негромкий звонок возвестил о появлении на ее столе шара-сообщения. Над приемным ящиком втягивалась труба, которая только что выплюнула шар. Целый лабиринт таких труб пронизывает весь Библос.

О нет. Сара попятилась, надеясь уйти, прежде чем меховой комок развернется. Если посыльный обнаружит, что дома никого нет, он просто вернется в трубу и сообщит об этом пославшему.

Но шар развернулся стремительно, из ящика выбралось крошечное, похожее на мышь существо и радостно запищало, поняв, что достигло цели. Именно с этой целью его вывели древние буйуры — доставлять послания по сложнейшей системе туннелей и труб. Сара со вздохом протянула руку, и курьер выплюнул в нее теплый шарик. Шарик извивался.

Преодолевая отвращение, она подняла симбионта — большего по размерам родственника попугайской мухи — и позволила ему вползти в свое ухо.

Как она и опасалась, послышался голос мудреца Теина.

Сара, если получишь это, я хотел бы поговорить с тобой до отъезда… Очень важно разъяснить

наше взаимное недоразумение.

Наступила долгая пауза, затем голос продолжил.

– Я думал об этом и в последнее время пришел к заключению, что это в основном моя вина…

Послание прервалось. Записывающий жучок занял весь объем своей памяти. И начал повторять сообщение снова, с самого начала.

Вина? Ты произнес слово “вина”?

Сара приложила руку к уху. Жучок понял, что в нем больше не нуждаются, и выполз. Сара бросила его в ящик — голос Тэйна продолжал при этом звучать, но стал далеким и жалобным, труба схватила маленького пушистого посланца, зажала острыми челюстями и ждала ответного сообщения Сары.

Прости, едва не сказала Сара вслух.

Мне следовало бы учесть смягчающие обстоятельства. Ты был бестактен, но в своем высокомерном стиле хотел лучшего.

Мне следовало бы гордиться твоим предложением, даже если вначале ты сделал его из чувства долга.

Я неправильно реагировала, когда ты повторил свое предложение после смерти Джошу.

Месяц назад я подумывала о том, чтобы отве-

тить да. Ты предлагаешь не самую плохую жизнь на Склоне.

Но теперь все изменилось. Об этом позаботились чужаки. Теперь наступление новой эры зависит от Двера. Он преуспеет, станет отцом нового поколения охотников-собирателей, если век невинности действительно на подходе.

А что, если чужаки принесут нам всем смерть? Ну, Двер все равно обманет их и выживет.

Эта мысль принесла Саре злую радость.

В любом случае, зачем Джиджо интеллектуалы, подобные нам, Теин?

Перед концом они сравняются в своей бесполезности.

Но вслух Сара ничего не сказала. Посланник печально пискнул. Взял жука в пасть и исчез в переплетении соединений, которые пронизывают Библос, как система артерий и вен.

Ты не один, подумала Сара после исчезновения разочарованного животного. *Теперь многие испытают разочарование.*

“Гофер” уже пускал пары, когда Сара поднималась на палубу. Поблизости ждала Ариана Фу, сумерки окутали ее инвалидное кресло, так что она напоминала гибрид человека с г'кеком.

— Я бы хотела провести с ним еще несколько

дней, — сказала она, беря Сару за руку.

— Вы сотворили чудо, но больше нельзя терять времени.

— Следующий каяк может привезти важные новости…

– Знаю. И я все отдала бы, чтобы получить письмо от Ларка. Но такие рассуждения только пустят нас по кругу. Если произойдет что-то важное, можно послать за нами курьера-скакуна. У меня ощущение… что нам лучше поторопиться.

— Новые сны?

Сара кивнула. Несколько ночей подряд она во сне видела огонь в горах, а потом наводнение. Возможно, это возвращение клаустрофобии, которую она испытывала несколько лет назад, когда впервые оказалась под каменной крышей. Но возможно, в этих кошмарах отражается что-то реальное. Приближающаяся кульминация.

Мама верила в сны, вспомнила Сара. *И хоть учила нас с Ларком любить книги и науку, больше всего проводила времени с Двером, когда он маленьким просыпался, увидев сон, — и еще в последнюю неделю перед смертью.*

Пароход засвистел, его котлы заработали. Два десятка шимпов на корме меж запечатанных ящиков с книгами затопали и заскулили.

С носа послышался иной, странно контрастирующий звук. Тонкая мелодичная музыка, состоящая из двух параллельных рядов неуверенных, чуть гнусавых нот. Сара наклонила голову.

— Он совершенствуется.

— У него есть мотивация, — ответила женщина-мудрец. — Я думала, он выберет инструмент попроще, типа флейты или виолы. Но он достал из музейной витрины дульцимер и, кажется, получает глубокое удовлетворение, дергая его за струны. Им проще овладеть, и он может петь, когда мелодия оживляет его память. Ну, к путешествию он готов, поэтому, — она глубоко вздохнула, выглядя уставшей и очень старой, — передай Лестеру и остальным их премудростям мой привет. Скажи, чтобы вели себя достойно.

Сара наклонилась и поцеловала Ариану в щеку.

— Обязательно.

Отставной мудрец с неожиданной силой сжала ее руку.

— Благополучного пути, дитя. Пусть Ифни выбрасывает тебе только шестерки.

— Благополучного дома, — тоже благословением ответила Сара. — Пусть Ифни выбросит вам долгую жизнь.

Шимп спустил кресло Арианы с трапа и повез к удобствам вечернего огня. А у Сары уже вошло в привычку сомневаться, увидит ли она когда-нибудь снова того, с кем расстается.

Капитан приказал отдать концы и начал осторожно выводить корабль из-под маскировки. У перил к Саре присоединились Джоп и Ульгор, а также несколько мрачных библиотекарей, которые должны были везти драгоценный груз в опасности дикой местности. Вскоре колеса с лопатками заработали в спокойном ритме, преодолевая течение Бибура.

Незнакомец продолжал сосредоточенно играть. Склонившись к маленькому клинообразному инструменту, он бил по его струнам двумя деревянными молоточками, часто сбиваясь и фальшивя, но излучая оживление и страсть. Музыка сопровождала горькие и сладкие воспоминания: Сара смотрела, как мимо проплывает могучая крепость с ее многооконными залами. Каменная крыша над ней казалась нависшим кулаком бога.

Вернусь ли я сюда?

Вскоре они миновали западный край вырезанного лазером камня — территорию мульчи. Сегодня здесь нет похорон, маленькие субтреки

деловито не пожирают плоть, готовя белые кости к отправке в море. Но в полутьме Сара разглядела на берегу одинокую фигуру. Человек, высокий, прямой, с гривой серебристо-белых волос, слегка опирался на трость, хотя казался совсем не слабым. У Сары перехватило дыхание.

Мудрец Теин кивнул — дружественный, даже горячий жест для такого сдержанного человека. Потом, к удивлению Сары, поднял руку в прощальном пожелании добра.

В последний момент она сдалась и тоже подняла руку. *Мир,* подумала она.

Вскоре Библос остался за кормой, поглощенный сгущающейся ночью. Незнакомец поблизости запел песню о путешествии, из которого не возвращаются. И хотя Сара знала, что песня выражает его собственное чувство потери и одиночества, она сладко и болезненно соответствовала противоречиям в сердце девушки.

Ибо я ухожу за темный горизонт И никогда не узнаю твоего имени…

XXIII. КНИГА МОРЯ

Катящийся г'кек, ты можешь скакать по пересеченной местности? Груда треки, можешь ли ты сплести ковер или овладеть искусством огня? Королевский квуэн, будешь ли ты возделывать лесистые плоскогорья? Можешь лечить прикосновением? Моряк хун, можешь ли ты жить на равнинах или катиться по высоко натянутому проводу? Ур, живущий на равнине, готов ли ты плыть в море или делать бумагу из размочаленного тряпья? Вновь прибывший человек, знаешь ли ты этот мир? Можешь ли ты соткать, сложить песню Джиджо? Согласны ли вы все следовать по тропе, проложенной блаженными глейверами? По тропе прощения, ведущей к забвению? Если согласны, запомните: вы часть союза, большего, чем сумма его частей.

Свиток Яйца (неофициальный)

Рассказ Олвина

Я не жаловался на свою позицию — в тесноте сзади, далеко от окна. Во всяком случае, не во время долгого спуска вдоль стены утеса, когда море становилось все ближе и ближе. В конце концов эту часть пути я уже видел, а остальные нет. Но как только мы коснулись воды и мои друзья начали охать и ахать над тем, что видели в окно, я понемногу приходил в негодование. К тому же это мешало мне как *писателю:* ведь мне потом придется все это описывать для своих читателей. В лучшем случае я мог разглядеть только узкую синюю полоску над головами своих сверстников.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что мог бы решить эту проблему несколькими способами.

Во– первых, я мог бы солгать. Я хочу сказать, что еще не решил, буду ли писать роман, а, по словам мистера Хайнца, всякая художественная литература -это разновидность лжи. В своем варианте я просто могу придумать окно и на корме. И мой герой сможет описать все, что я знаю только по возгласам остальных. Или я могу написать, что вместе со всеми находился впереди у окна. В литературе ты можешь стать капитаном, если

захочешь.

Или я мог бы написать все от лица Клешни. Ведь это в большей степени его лодка, чем наша. И он лучше всех видит, что впереди. Это означало бы описывать все глазами квуэна. Вероятно, не так чуждо, как треки. Но, возможно, я еще не готов к таким вызовам.

Конечно, если выживу я или кто-нибудь другой, кто мог бы прочесть мой рассказ.

А пока придется обойтись полуправдивым дневниковым стилем, а это значит, что нужно рассказывать, что я действительно видел, слышал и чувствовал.

Вращающиеся барабаны через трос передавали устойчивую дрожь. Слева у моего уха урчал и гудел шланг, подающий свежий воздух, так что вряд ли я бы назвал наш спуск неслышным погружением в молчаливую глубину. Время от времени Ур-ронн ахала: “Что это?” В таком случае Клешня называл какую-нибудь рыбу или другое морское животное — хуны обычно видят их мертвыми в своих сетях, а уры, вероятно, вообще никогда не видят. Но никаких фантастических чудовищ. И никаких сказочных минаретов подземных городов. Пока.

По мере спуска быстро темнело. Вскоре я смог

различать светящиеся пятна по всей кабине: это Тиуг намазал фосфором разные приборы: мою моторную ручку, глубокомер и ручку сброса балласта. От нечего делать я каталогизировал испускаемые друзьями запахи. Знакомые запахи, но они никогда не были такими острыми. И ведь это только начало.

Повод радоваться, что с нами нет человека, подумал я. Одной из многих проблем, объяснявших сложности взаимоотношений людей с урами, было то, что они по-разному пахнут. До сих пор, несмотря на Великий Мир, вряд ли представитель одной расы согласится надолго быть запертым с представителем другой в огромном гробу.

Ур–ронн начала читать данные о глубине с прибора, измеряющего давление. На глубине в семь кабельтовых она повернула ручку и зажглись огни эйка, посылая вперед в холодную темную воду два одинаковых луча. Я ожидал, что сидящие впереди возобновят свои взволнованные восклицания, но, очевидно, на этой глубине не на что смотреть. Каждые несколько Дуров Клешня разочарованным голосом называл вид рыбы.

На девяти кабельтовых мы все напряглись: именно здесь при первом испытании начались

неприятности. Но критическая глубина была пройдена без происшествий. Еще бы: сама Уриэль лично осмотрела каждое копыто троса.

На одиннадцати с половиной кабельтовых в кабине неожиданно стало холодно, на короткое время образовался туман. Все твердые поверхности увлажнились, и Гек включила поглотитель влаги. Я коснулся корпуса из древесины тару: он казался заметно холодней. “Мечта Вуфона” начала слегка покачиваться, корабль потянуло в сторону, больше не было мягкого движения только вниз. Мы заранее знали, что попадем в глубокое холодное течение. Все равно было страшновато.

— 'Приспосабливаю балласт к крену, -объявила Гек. Она воспользовалась хитроумными насосами Уриэль, заполняя три бака водой, пока спиртовой уровень не показал ровный киль. Особенно важно это при достижении дна, иначе мы перевернемся в тот момент, когда входим в историю.

Я думал о том, что мы делаем. В галактических терминах все это, конечно, предельно примитивно. Но земная история позволяла воспользоваться гораздо более лестными сравнениями — может, именно поэтому мы находили приключение

привлекательным. Например, когда Жюль Верн писал “Двадцать тысяч лье под водой”, никто из людей не опускался в океане Терры так глубоко, как мы сегодня. Мы, дикари с Джиджо.

Гек крикнула:

— Смотрите? Там что-то есть внизу!

Эти ее глаза. Даже глядя из-за Клешни и Ур-ронн, она увидела первой. Ур-ронн повернула лучи эйк, и вскоре они снова принялись сводить меня с ума своими охами, ахами и удивленными щелчками. В раздражении я принялся вертеть ручку, заставив задние колеса вращаться, пока эти трое не крикнули, чтобы я прекратил, и согласились поделиться со мной увиденным.

— Тут какие-то волнистые растения, — сказал Клешня. Больше он не заикался. — И еще другие, тонкие и кожистые. Не знаю, как они живут, потому что свет сюда не достигает. Их много, повсюду волнуются. И в грязи извилистый след, как будто какие-то странные рыбы вплывают и выплывают из этих зарослей…

После какого-то времени подобных рассказов я бы с радостью вернулся к щелчкам удивления. Но молчал.

— …И тут какие-то крабы, ярко-красные и большие, я таких больших никогда не видел. А это

что, Ур-ронн, земляной червь? Ты так считаешь? Какой червь!... Эй, а это что? Это?...

Ур– ронн прервала:

— Полкабельтова до дна! Передаю наверх, чтобы замедлили спуск.

Яркие электрические искры разорвали темноту кабины: Ур-ронн контактным ключом посылала кодированные импульсы от нашей батареи по изолированному проводу, вплетенному в трос. Прошло еще несколько дуров, и рокот разматывающихся барабанов изменился. Наверху нажали на тормоз, “Мечта Вуфона” дернулась, заставив всех нас вздрогнуть. Хуфу впилась когтями мне в плечо.

Спуск замедлился. Мне это было особенно мучительно, потому что я не знал, насколько далеко до дна, когда мы его коснемся и с какой силой. Естественно, никто и не думал рассказывать об этом доброму старине Олвину!

— Эй, ребята, — снова начал Клешня. — Кажется, я только что увидел...

— Приспосабливаюсь к крену! — провозгласила Гек, вглядываясь каждым глазом в разные уровни.

– Перенаправляю свет, — добавила Ур-ронн. — Зиз показывает с правого борта одно желтое

щупальце. Течение в этом направлении, скорость пять узлов.

Клешня повторил:

— Ребята! Мне кажется, я видел… ну, не важно. Дно, кажется, с наклоном влево, может, градусов на двадцать.

— Компенсирую поворотом передних колес, — отозвалась Гек. — Олвин, нам могут понадобиться медленные повороты ведущих колес.

Это заставило меня забыть о негодовании.

— Слушаюсь, — ответил я, поворачивая зигзагообразный стержень перед собой и тем самым заставляя поворачиваться задние колеса. Ну, я надеялся, что они поворачиваются. Точно не будем знать, пока не коснемся дна.

— Сейчас, — сказала Гек. Потом, очевидно, вспомнив свою фатальную ошибку во время пробного погружения, добавила: — На этот раз точно. Держитесь крепче.

Когда впоследствии буду писать, пользуясь этими заметками, я, возможно, опишу неожиданные облака грязи, окружившие нас, когда мы коснулись дна океана, вырыв длинную борозду, заставив качаться водоросли и отправив морские создания в паническое бегство. Может, прибавлю несколько струек холодной соленой воды из

одного-двух разошедшихся швов, которые тут же были закрыты героическим экипажем — в самый последний момент.

Но чего я точно не напишу для печати, так это того, что не смог определить момент, когда колеса коснулись дна. Дело в том, что все вокруг было… ну… как-то туманно. Словно осторожно погружаешь вилку в плод шуро и точно не знаешь, подцепил ли сердцевину.

“Туманно” описывает и сцену вокруг нас, когда спиральные завитки грязи медленно начали опускаться, открывая мертво-черный мир, в котором только два ослепительных коридора оставляли огни эйка. В этих коридорах я мог разглядеть наклонную плоскость грязи, тут и там прерываемую бледными “растениями” с тонкими стеблями. Этим растениям не нужен свет, хотя не представляю, за счет чего они живут. Листья их и ветви покачиваются, словно на ветру. В лучах не видно никаких животных, что неудивительно. А разве мы, живи мы на дне, не бросились бы прятаться, если бы сверху прямо к нам не бухнулся странный корабль, испуская гул и жгучий свет?

Продолжая сравнение, я подумал, не решили ли местные жители, что настал судный день.

Ур– ронн телеграфным ключом передала на-

верх всем желающим услышать: *“Мы на дне. Все в порядке”.*

Конечно, недостает поэтического воображения, развернутых флагов и приземлившихся орлов. Но я не стал бы жаловаться. Не все уры способны в нужную минуту цитировать героические саги. Но все же, думаю, я это изменю, когда буду перерабатывать — конечно, если у меня будет такая возможность. Сейчас она кажется маловероятной.

Снова искры осветили нашу кабину, на этот раз Ур-ронн не притрагивалась к ключу. Ответ сверху.

Хорошая новость. Продолжайте.

– Готов, Олвин? — спросил Клешня. — Вперед на одной четверти. Я ответил:

— Вперед на одной четверти, капитан.

Мышцы спины и рук напряглись. Ручка вначале не хотела поддаваться. Но потом я услышал щелчок магнитных зажимов — странное ощущение соединения с частями некогда живых г'кеков. Но я об этом старался не думать. Специальные гусеничные звенья для грязи шевельнулись, и я ощутил сопротивление. “Мечта Вуфона” двинулась вперед.

Я сосредоточился на сохранении устойчиво-

го ровного хода. Клешня выкрикивал приказы Гек, глядя на карту Уриэль. Ур-ронн по компасу определяла наше положение. Трос и шланги снова начали передавать звуки разматывающих барабанов. Они добавляли длины, чтобы мы могли еще дальше уйти от безопасности. Тесное помещение резонировало от моего гулкого рабочего ворчания, но никто не жаловался. Звуки окружали меня, и я почувствовал, что вокруг моряки-хуны. Мне стало легче. Как корабль в далеком море, мы одни и можем полагаться только на удачу Ифни и на нашу собственную изобретательность, если хотим вернуться домой.

Шло время. Мы привыкали к ритмической рутине. Я приводил в движение колеса, Гек рулила, Ур-ронн направляла свет, а Клешня был капитаном. Скоро нам стало казаться, что мы давно занимаемся этой работой.

Гек спросила:

— Что ты сказал, Клешня. Перед самым приземлением? Ты что-то увидел?

— Что-то со множеством *зубов,* — поддразнивала Ур-ронн. — Разве нам не пора увидеть чудовища? *Чудовища,* подумал я. Ворчание помешало смеху. Клешня достойно перенес насмешки.

— Подождите, приятели. Никогда нельзя ска-

зать… вот! Налево. Вот что я видел!

Гек и Ур-ронн бросились вперед, “Мечта” слегка наклонилась, и задние колеса наполовину утратили сцепление.

— Эй! — пожаловался я.

— Чтоб меня лишили осей! — сказала Гек.

— Чтоб я вымокла! — подхватила Ур-ронн. Пришлось мне взвыть:

— Послушайте, вы, питающиеся травой и кислой мульчей…

Тут дно еще больше наклонилось, и в мое узкое поле зрения наконец попало то, на что они смотрели.

— Хр-рм-рм! — воскликнул я. — Так вот что вас испугало! *Гробы с мусором?*

Они были разбросаны по дну океана, многие наполовину погрузились в грязь. Десятки. В основном продолговатые и прямоугольные, но было и несколько в форме бочек. Естественно, никаких следов лент, когда-то украшавших их, оказывая почести костям, или осям, или поломанным инструментам, выброшенным предыдущими поколениями сунеров.

— Но корабли с мусором сюда никогда не приходили, — сказала Гек, нацеливая мне в лицо два глазных стебелька. — Верно, Олвин?

Я повернулся, чтобы смотреть мимо ее проклятых плавающих глаз.

— Не приходили. Тем не менее Трещина официально часть Помойки. Часть того, что всасывает внутрь.

— Зона тектонического разлома, — вставила Ур-ронн.

— Да, спасибо. Так что здесь вполне законно можно бросать мусор.

— Но если корабли не приходили, как он сюда попал?

Я пытался определить, какие разновидности гробов здесь есть и какие отсутствуют. Это помогло бы установить время сброса. Нет ни ящиков в человеческом стиле, ни урских тростниковых корзин, что совсем неудивительно. До сих пор я видел только работу г'кеков и квуэнов. Следовательно, место это очень древнее.

— Коробки попали сюда так же, как мы, — объяснил я. — Кто-то сбросил их с края Окончательной скалы.

Гек ахнула. Она попыталась заговорить, смолкла, и я почти услышал, как вращаются колеса в ее голове. Гробы с суши просто не сбрасывают. Но она, должно быть, уже поняла, что это место — вполне пригодное исключение. Если часть

Помойки действительно проходит непосредственно под Окончательной скалой и поблизости был когда-то поселок, гораздо дешевле хоронить дедушку здесь, чем везти его гроб на корабле в море.

— Но почему все эти ящики так далеко от суши? Мы прошли много кабельтовых.

— Приливы, оползни, — ответил Клешня. Но я отрицательно проворчал.

— Вы забываете, как работает Помойка. Она всасывает мусор в себя, верно, Ур-ронн?

Ур– ронн в отчаянии от моего сверхупрощенного объяснения свистнула. Сделала жест обеими руками.

— Один тектонический пласт скользит под другим, создавая трещину и увлекая за собой прежнее морское дно.

— Все втягивается под землю, расплавляется, обновляется, проталкивается под Склон и создает вулканы. Да, поняла. — Гек задумчиво вытянула вперед все четыре стебелька. — Мусор сброшен сотни лет назад и прошел так недалеко?

Несколько секунд назад ее поразило, как далеко находятся ящики от утеса! Мне кажется, это может показать, как по-разному воспринимается время, когда меняешь перспективу — от продол-

жительности своей жизни до жизненного цикла всей планеты. Поэтому я считаю, что людям нечего хвастать тем, что они живут вдвое дольше уров. Все мы вскоре подвергнемся медленному пищеварению Джиджо, даже если чужаки оставят нас в покое.

Клешня и Ур-ронн справились с картами, и вскоре мы снова пустились в путь, оставив кладбище прежних поколений сунеров совершать свой медлительный поход к вечному прощению в расплавленном камне.

Спустя примерно половину мидура мы с огромным облегчением отыскали “игрушку” Уриэль.

К этому времени мои руки и ноги ныли от гребли. Мне пришлось уже несколько тысяч раз повернуть рукоятку, реагируя на настойчивые приказы Клешни: “быстрей!”, или “медленней!”, или “не можешь еще быстрей?” Из нас четверых только он один, кажется, наслаждался, не испытывая никаких душевных или физических затруднений.

Мы, хуны, выбираем капитана, а потом в чрезвычайном положении подчиняемся ему, не задавая вопросов, — а все наше путешествие в моем сознании было сплошным чрезвычайным положением, — поэтому я отложил негодование

и недовольство на будущее, собираясь продемонстрировать его Клешне самыми разнообразными способами. Может быть, следующим нашим замыслом станет воздушный шар с горячим воздухом. И он станет первым квуэном, поднявшимся в небо после того, как раса отказалась от космических кораблей. Так ему и надо.

К тому времени как Гек закричала “Эврика!”, мои бедные мышцы и суставы чувствовали себя так, словно мы прошли половину Трещины и еще немного. Первой моей облегченной мыслью было: *Неудивительно, что Уриэль предоставила такие длинные тросы и кабели!*

Но потом пришла вторая мысль: *Откуда она знала, где нам искать эту джикии штуку?*

“Штука” была наполовину погружена в ил примерно в двенадцати кабельтовых к югу от того места, где мы впервые коснулись грунта. Судя по тому, что я смог увидеть со своего “наблюдательного пункта” за всеми, она состоит из длинных острых концов, направленных в разные стороны, словно нацелившись на шесть поверхностей куба. У каждого острия на конце большое полое расширение, вероятно, для того, подумал я, чтобы предотвратить погружение в грязь. Раскрашенная в яркие красные и синие

цвета: по-видимому, предусматривалось, что она должна быть найдена. Красное легче разглядеть на близком расстоянии, так как под водой этот цвет почти не встречается, а синее видно издалека, если ваш луч наткнется на него во тьме. Тем не менее нужно подойти ближе кабельтова, чтобы разглядеть эту штуку, так что без указаний Уриэль мы бы ее никогда не нашли. Тем не менее нам потребовалось сделать две поисковые спирали, чтобы наткнуться на нее.

Ничего более удивительного никто из нас в жизни не видел. И не забудьте, что я слышал ворчание г'кека и видел влен треки.

— Оно буйурское-юрское? — спросил Клешня. Он не только снова начал заикаться — в голосе, доносившемся из ножных щелей, звучал страх.

— Ручаюсь, этот кусок ослиной мульчи никакого отношения к буйурам не имеет, — сказала Гек. — А ты как думаешь, Ур-ронн?

Наша урская подруга вытянула шею мимо Клешни, и ее морда высушила полосу на выпуклом стекле.

— Буйуры никогда не сделали вы что-нибудь такое ужасно яркое, — согласилась она. — Это не их стиль.

— Конечно, это не их стиль, — продолжала

Гек. — Но я знаю, чей он.

Мы все уставились на нее. Естественно, она выжала все из этого момента, молчала, пока мы были не готовы поколотить ее.

— Штука урская, — самодовольно и убежденно сказала наконец Гек.

– Урская! — просвистел Клешня. — Как ты можешь быть так…

— Объясни! — потребовала Ур-ронн, тряся головой и глядя на Гек. — Это сложный объект. Уриэль такой выковать не может. И земляне на это не способны.

— Совершенно верно! Она не буйурская, и никто из тех, кто сейчас живет на Склоне, ее сделать не может. Остается только одна возможность. Ее оставили первые сунеры со звездного корабля, когда одна из Шести рас — семи, если включить сюда и глейверов, — впервые прибыла на Джиджо, еще до того как поселенцы уничтожили свой корабль и присоединились к остальным примитивным жителям. Но кто ее оставил? Нас, г'кеков, я исключаю: мы на планете так давно, что “игрушка” к этому времени передвинулась бы в Трещину гораздо дальше. То же самое, вероятно, справедливо относительно глейверов, квуэнов и треки.

Но самое главное — Уриэль точно знала, где ее искать!

Шерсть вокруг ноздрей Ур-ронн встала дыбом. Голос ее звучал холодней окружающего нас океана.

— Ты предполагаешь существование заговора. Стебельки сплелись — у г'кеков это соответствует пожатию плечами.

— Ничего дурного, — заверила Гек. — Может быть, просто разумная предосторожность.

Подумайте, друзья. Допустим, вы явились на запретную планету, чтобы основать колонию сунеров. Вы должны избавиться от всего, что может быть обнаружено при стандартном сканировании какой-нибудь экспедицией Институтов, поэтому ваш корабль и сложное оборудование — все должно исчезнуть. Ближайший космос не подходит. Копы в первую очередь будут искать там. Поэтому вы бросаете все туда же, куда сбрасывали уходящие с Джиджо буйуры. Пока все звучит разумно.

Но потом вы спрашиваете себя: а что, если возникнут непредвиденные обстоятельства? Если когда-нибудь нашим потомкам понадобятся для выживания высокие технологии?

Ур– ронн опустила коническую голову. В по-

лутьме я не видел, означает ли это тревогу или растущий гнев. И поторопился вмешаться.

– Хр-рм. Ты предполагаешь долговременный взгляд. Тайну, которую хранило множество поколений.

— Много столетий, — согласилась Гек. — Уриэль все, несомненно, рассказал ее мастер, и так далее до самых первых урских предков. И прежде чем Ур-ронн откусит мне одну из головок, позвольте торопливо прибавить, что мудрецы уры все эти годы хранили тайну и не искали сокровищницу даже во время войн с квуэнами, а потом с людьми. Даже когда их хлестали по хвостам.

И этим она хотела умиротворить Ур-ронн? Я постарался спасти Гек от инвалидности.

— Может, у людей и квуэнов есть собственные тайники, поэтому положение было равное. — И только тут понял значение собственных слов. — Может, сейчас уже отыскиваются эти тайники, пока мы служим для Уриэль цепляющим когтем.

Наступило долгое молчание.

Потом заговорил Клешня.

— Шиииш-иш-иш! Чужаки на поляне действительно до смерти перепугали взрослых. Снова пауза, потом голос Гек.

— Надеюсь, все это из-за них. Из-за *чужаков.*

Совместные усилия Шести, объединяющих средства, а не что-то иное. Ур-ронн нервно дернула шеей.

— О чем ты?

— Я хочу сказать, что рада была бы получить честное слово Уриэль, что здесь ищутся средства для защиты всей Общины.

Не просто для вооружения урской милиции, если возникнут новые распри, слухи о которых до нас доходили, подумал я, завершая про себя рассуждения Гек. Последовало несколько напряженных мгновений, когда я не мог предсказать, что будет дальше. Может быть, напряжение, тревога и лекарства Тиуга так подействовали на нашу урскую подругу, что слова Гек заставят ее сорваться?

Ур– ронн медленно распрямила шею. При слабом фосфоресцирующем свете я видел, каких усилий ей это стоило.

— Даю… — тяжело дыша, начала она, — даю тебе слово ура, что это именно так.

И она повторила клятву на Галактическом два, а потом постаралась плюнуть на пол — для уров это непросто. Знак искренности.

— Хр-рм, здорово, — сказал я, ворчанием призывая к миру. — Никто из нас и не думает иначе.

Верно, Гек? Клешня?

Оба поторопились согласиться, и напряжение немного спало. Однако семена тревоги были брошены. *Гек,* подумал я, *ты принесешь на борт кувшин, полный скорпионов, и разобьешь его, просто чтобы посмотреть, кто лучше плавает.*

Мы снова двинулись и вскоре оказались достаточно близко, чтобы увидеть, насколько велика "игрушка". Каждое полое расширение на конце острия больше "Мечты Вуфона".

— Вот один из кабелей, о которых говорила Уриэль, — сказал Клешня, показывая клешней на одно острие, с которого относительно прямо отходила блестящая черная нить. Местами погруженная в грязь, она уходила на север, в том направлении, откуда мы пришли.

— Ручаюсь, где-то между нами и утесом эта линия разорвана, — сказала Гек. — Вероятно, раньше она вела в какую-нибудь тайную расщелину или пещеру вблизи Окончательной скалы. Оттуда можно было вытянуть эту штуку, и ни одному уру даже не пришлось бы замочить копыта. Но кабель порвали лавина или землетрясение, как то, что убило моих родителей. Эта "игрушка" с двумя тросами. Если один порвется, можно вытащить за второй.

— Хорошее рассуждение. Но оно не объясняет одного обстоятельства, которое меня давно удивляет: откуда у Уриэль под рукой так много оборудования? Всего, что необходимо для погружения. Я удивляюсь, зачем мы вообще ей понадобились? Почему у нее прежде всего не нашлось собственной спрятанной лодки?

Ур– ронн приходила в себя.

— Бухгалтер г'кек регулярно проводит инвентаризацию складов кузницы. Он сразу заметил бы что-то такое неурское, как *подводная лодка,* готовая к использованию.

Голос ее звучал саркастически. Однако Гек согласилась.

— Самое сложное было готово: насосы, клапаны, приборы. Я уверена, Уриэль и ее предшественницы полагали, что корпус и все остальное можно соорудить за несколько месяцев. Кто же ожидал, что все произойдет так быстро? К тому же кучка сумасшедших детей — отличное прикрытие. Никто не свяжет нас с сокровищницей богов из галактического прошлого.

— Я предпочитаю думать, — обиженно заявил драматичным голосом Клешня, — что истинная причина просьбы Уриэль присоединиться к нашей команде, это превосходная конструкция и

мастерское изготовление нашего корабля-рабля.

Мы перестали переругиваться и уставились на него — потом всю маленькую кабину заполнил хохот, от него задрожал корпус и проснулась Хуфу, дремавшая у меня на коленях.

Теперь мы почувствовали себя лучше и были готовы к дальнейшему выполнению миссии. Казалось, самое трудное позади. Теперь остается только приказать Зизу прикрепить зажим с другой стороны “игрушки” и дать сигнал Уриэль, чтобы нас вытягивали. Конечно, придется долго ждать, пока нас будут поднимать на поверхность, поскольку г'кеки и уры еще больше людей подвержены кессонной болезни, если давление воздуха изменится слишком быстро. Из книг мы знали, что это ужасная смерть, поэтому скучный медленный подъем — приемлемая необходимость. У нас была с собой еда и различные личные вещи, помогающие провести время.

Тем не менее мне не терпелось покончить с этим. Клаустрофобия — ничто по сравнению с тем, что мы испытывали, когда все на борту — каждый по-своему — захотел, как деликатно выражаются в некоторых книгах, “в туалет”.

Но оказалось, возникло одно небольшое препятствие на пути к прикреплению зажима.

Мы сразу поняли проблему, когда увидели противоположный конец “игрушки”.

Второго кабеля не было.

Вернее, он был перерезан. В подводном течении мягко покачивались свежие металлические нити, свисая с конца одного острия, как непричесанный урский хвост.

И это еще не все. Когда Ур-ронн направила свет на дно океана, мы увидели извилистый след в грязи, уходящий на юг, в том направлении, куда, очевидно, утащили кабель. Никто из нас не мог сказать, сделано ли это дни, джадуры или годы назад. Но на ум приходило слово *“недавно”*. Никому не нужно было произносить его вслух.

Полетели электрические искры: это Ур-ронн рассказывала о ситуации тем, кто ждал в мире света и воздуха. Долгая задержка ответа свидетельствовала об удивлении. Наконец с искрами, трещащими в нашем тесном помещении, пришел ответ.

Если состояние позволяет, пройдите по следу троса два кабельтовых, затем доложите.

Гек пробормотала:

— Словно у нас есть выбор. Ведь лебедку контролирует Уриэль. Разве легкое опьянение или кессонная болезнь для нее что-то значат?

На этот раз Ур-ронн не повернулась, но обоими хвостами хлестнула Гек под линией шеи.

— Вперед на половине, Олвин, — скомандовал Клешня. Со вздохом я согнулся и снова начал. И вот мы двинулись вперед, направляя один луч на извилистый след в грязи, а другим Ур-ронн светила направо и налево, вверх и вниз. Впрочем, вряд ли это могло предупредить нас об опасности. Не бывало корабля, менее вооруженного и более медлительного и беспомощного, чем наша "Мечта Вуфона". Этот разрезанный кабель — он был изготовлен с помощью галактических технологий и должен был выдержать под водой многие тысячелетия, сохраняясь целым и невредимым. И я совсем не хотел рассердить того, кто его разрезал.

Мы ползли вперед. В кабине царила тишина. Все были очень серьезны. Прошло больше мидура медленного продвижения по скользкой грязи, у меня в руках и спине закололо — вторая степень усталости. Я слишком устал, чтобы ворчать. За мной Хуфу выражала свою скуку, роясь в моем наспинном мешке. Она разорвала пакет с сэндвичами с рыбой, откусила кусочек, а остальное разбросала по полу. Всплеск и влага, которую я ощущал ножными подушечками, свидетель-

ствовали, что там накапливается жидкость. Я не собирался гадать, что это: излишняя влага, какая-то течь или наши собственные отвратительные отходы. Запах в кабине становился все более густым и спелым. Я боролся с очередным приступом боязни тесноты, когда Клешня резко крикнул:

– Олеин, стой! Назад! То есть машины — полный назад!

Хотел бы я сказать, что увидел, что вызвало этот взрыв, но видимость мне закрывали сидящие впереди. К тому же мне изо всех сил приходилось бороться с инерцией рукоятки, которая собиралась продолжать вращаться в прежнем направлении, посылая колеса вперед. Я изо всех сил сжимал деревянный стержень, чувствуя, как что-то трещит в спине. Наконец мне удалось замедлить вращение, а потом и совсем его прекратить. Но несмотря на все усилия, я никак не мог заставить колеса вращаться в противоположном направлении.

— У нас крен! — объявила Гек. — Наклон вперед и направо.

— Я ее не видел! — кричал Клешня. — Мы поднимались на небольшую возвышенность, и тут она появилась, словно ниоткуда, клянусь!

Теперь я тоже почувствовал наклон. “Мечта” явно наклонилась вперед, вопреки всем усилиям Гек, которая лихорадочно перемещала балласт. Лучи словно метались в темноте впереди, показывая зияющую пустоту на том месте, где только что была мягко поднимающаяся равнина.

Наконец мне удалось заставить ручку вращаться назад, но торжество победы оказалось кратким. Один из магнитных зажимов, — прикрепленных, мне кажется, к колесу покойной тетки Гек, — разжался. Колесо глубоко погрузилось в грязь, и нас повело в сторону.

Луч прошелся по краю пропасти, над которой мы раскачивались. Очевидно, то, что мы приняли за дно Трещины, было лишь шельфом на краю настоящей впадины. Теперь впереди зиял подлинный разрез, готовый поглотить нас, как поглотил множество другого, того, что больше никогда не станет участвовать в делах там, где ярко сверкают звезды.

Так много мертвого, и мы готовы к нему присоединиться.

— Сбросить балласт? — лихорадочно спросила Гек. — Я могу его отрезать. Потяните сигнальную веревку, чтобы Зиз раздулся. Я могу это сделать! Сделать?

Я протянул руку и мягко погладил два ее стебелька. Успокаивал, как научился делать за эти годы. То, что она предлагает, не имеет смысла. Тяжесть стального троса, который мы протащили за собой, гораздо больше нескольких кирпичей, подвешенных к днищу “Мечты Вуфона”. Если бы можно было перерезать и трос, мы, вероятно, всплыли бы. Но что помешает запутаться и порваться воздушному шлангу, когда мы будем вращаться? И даже если шланг чудесным образом уцелеет, нас вынесет наверх, как снаряд в “Первых людях на Луне” Жюль Верна. Даже Клешня, вероятно, умрет от кессонной болезни.

Ур– ронн, более практичная перед лицом смерти, посылала искры-разряды, призывая Уриэль немедленно вытащить нас. Хорошая мысль. Но сколько времени понадобится наверху, чтобы вытравить слабину? И как это можно сделать без риска затянуть воздушный шланг? Насколько далеко мы упадем, прежде чем испытаем резкий рывок от двух сил, направленных в противоположные стороны? Сейчас мы наконец узнаем, насколько прочно мы соорудили “Мечту”.

Я беспомощно чувствовал, как колеса теряют контакт с грязным шельфом, наша маленькая храбрая лодка скользнула через край и начала

долгое медленное падение в темноту.

Думаю, это отличное место для конца главы, когда герои падают в черные глубины. Очень хорошее, правдивое и захватывающее окончание.

Вернется ли экипаж домой?

Уцелеют ли герои?

Да, прекрасное место для остановки. Больше того, я устал и у меня болит все тело. Мне нужна помощь, так что, пожалуй, доберусь до ведра в углу и попробую облегчиться.

Но я здесь не остановлюсь. Я знаю место получше, немного дальше в потоке времени, когда “Мечта Вуфона” медленно опускалась, а мы смотрели, как луч освещает вертикальную стену утеса. Она поднимается, как стена бездонной могилы. Нашей могилы.

Мы сбросили половину балласта, что замедлило наше падение, но тут “Мечту” подхватило течение и потащило нас быстрей. Мы сбросили остаток балласта, но знали, что наш единственный шанс — правильная реакция Уриэль и еще сотня других обстоятельств, которые все сработают в нашу пользу — хотя на это нет никакой надежды.

Каждый из нас по-своему свыкался с мыслью о смерти, в одиночку ожидая конца своей личной

драмы.

Мне не хватало родителей. Я горевал вместе с ними, потому что для них моя гибель гораздо тяжелее, чем для меня самого. Мне не придется долгие годы делить их горе из-за моей глупой страсти к приключениям. Я гладил Хуфу, Ур-ронн распевала печальную песнь равнин, а Гек свела вместе все четыре глаза. Думаю, она смотрела внутрь, на свою жизнь.

Потом, словно ниоткуда, Клешня выкрикнул одно слово, которое еще усилило наш страх. Слово, которое мы слышали из его щелей множество раз, но так — никогда. С таким страхом и удивлением.

– *Чудовища-вища-ища!* — кричал он.

А потом, в ужасе и радости, снова:

Чудовища!

Никто не отзывается на мой призыв. Я лежу, спина моя не сгибается, и мне ужасно нужно к ведру. Карандаш исписался, бумага почти кончилась… так что в ожидании могу продолжить рассказ *о подлинно* драматичном моменте нашего падения.

Мы стремились навстречу своей судьбе, и внутри “Мечты Вуфона” все было в смятении. Нас метало направо и налево, мы ударялись изнутри

о корпус, о ручки, уровни, зажимы и друг о друга. Когда я мог бросить взгляд мимо дико жестикулирующих товарищей, мне видны были пойманные лучом эйка фосфоресцирующие точки и иногда — поднимающаяся стена утеса и какие-то проблески чего-то еще.

Чего– то -каких-то *существ* — светящихся и серых. Проворные, легкие движения. Что-то мягко поглаживало нашу лодку, затем следовали толчки и рывки со всех сторон нашего обреченного корабля.

Клешня продолжал бормотать о чудовищах. Я искренне подумал, что он спятил, но Ур-ронн и Гек перестали издавать жалобные возгласы, теперь они приклеились к окну, словно то, что они увидели, превратило их в камень. Было очень шумно, а Хуфу между приступами отчаянных воплей впивалась когтями в мою больную спину.

Я почти уверен, что Гек произнесла что-то вроде:

– *Что… или кто… это?*

Но тут извивающиеся существа отступили, исчезли, уступив место новому. Мы ахнули.

Огромное, во много раз больше нашей лодки, оно плыло с легким изяществом, издавая ворча-

ние. Со своего места сзади я мог разглядеть только два больших глаза, которые сверкали гораздо ярче наших лучей эйка.

И пасть. Я помню, что разглядел ее очень хорошо, эту раскрытую навстречу нам пасть.

Корпус лодки загремел, последовали частые удары. Ур-ронн закричала: внутрь ударила тонкая струя воды, отразилась и попала в меня.

Оцепенев от страха, я не мог остановить сумятицы в голове. Ни одной ясной мысли, только буря эмоций.

Я решил: это *призраки буйуров* явились, чтобы отомстить живым глупцам, которые осмелились вторгнуться в их царство.

Это *машины*, собранные из остатков того, что падало в Трещину задолго до буйуров, в такие древние эпохи, что даже галакты их не помнят.

Это местные морские чудовища, выращенные самой Джиджо. Порождение самого тайного места планеты.

Эти и другие фантазии проносились в моем помутившемся сознании, пока я не в силах был оторвать взгляд от этих приближающихся челюстей. “Мечта” ударилась и отскочила — вероятно, морское течение, но в тот момент мне показалось, что она пытается уйти.

И тут челюсти ухватили нас. Неожиданный толчок отбросил нас к одному борту. Мы с такой силой ударились о внутренность огромной пасти, что наше прекрасное выпуклое стекло *треснуло.* От места удара побежали тонкие нити. Ур-ронн завыла, и Гек плотно свернула глазные стебельки, как носки в ящике шкафа.

Я схватил Хуфу, не обращая внимания на ее острые когти, и глубоко вдохнул тяжелый воздух. Пахло ужасно, но я решил, что это моя последняя возможность.

Окно подалось, и в тот же момент лопнул воздушный шланг.

Темные воды Трещины нашли быстрый вход в наш разбитый корабль.

XXIV. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Потребовалось двадцать лет, чтобы вернуть первую группу людей-сунеров — группу значительного размера, бежавшую в поросшую кустарниками местность к югу от долины, отвергнув Договор Изгнания, подписанный их лидерами. Произошло это как раз перед тем, как "Обитель" погрузилась в глубины. Эти люди шли на одиночество и нарушение закона, и их пришлось, дрожащих от ужаса, возвращать назад. И все это только потому, что они не могли поверить хунам или треки.

Ретроспективно это кажется чрезвычайно ироничным, ибо за два последующих столетия войн наибольшие беды человеческим поселенцам принесли уры и квуэны. Но почему тогда люди приходили в такой ужас от мирных груд колец или от наших добродушных друзей с широкими плечами и гулкими голосами? Звездные родичи треки и хунов, должно быть, были совсем иными, когда первые корабли наших предков появились на звездных линиях Четвертой Галактики.

К несчастью, большинство работ по галактологии погибло в Большом Огне. Но сохранились рассказы о жестокой, безжалостной враждебности могучих и загадочных звездных повелителей, называвших себя джофурами, которые сыграли главную роль в Конфискации Мадауна. Невероятные зверства непосредственно привели к исходу "Обители" – грубейшему нарушению закона, совершенному целеустремленно и решительно. Такие черты не увидишь у треки здесь, на Склоне.

Известно также, что при Мадауне присутствовали и хуны. Их изображают как мрачных, официальных и несчастных существ. Это раса бухгалтеров, преданных строгому контролю за населением, определяющих темпы размножения других рас, неподвластных ни милосердию, ни снисходительности.

Можно ли в этих описаниях узнать двух самых уживчивых и добродушных членов Шести?

Неудивительно, что треки и хуны не испытывают ностальгии по "добрым старым дням", когда они, как боги космоса, летали меж звездами.

Анналы Джиджоанской Общины

Сара

Когда рассвет окрасил восточный горизонт, усталые путники после долгого ночного перехода по равнине Уоррил пришли в оазис Уриутта — караван из множества жаждущих ослов и шимп, людей и хунов. Даже урские пилигримы осторожно подошли к грязному берегу и окунули узкие головы, морщась от горького неприкрашенного вкуса чистой воды.

В высокогорной степи лето — время, когда жаркие ветры поджигают траву, обращая толпы животных в паническое бегство в тучах пыли. Даже до нынешнего кризиса путники избегали летнего солнца, предпочитая для передвижения холодный лунный свет. Урские проводники хвастали, что пройдут по степи с завязанными глазами.

Им хорошо, думала Сара, опуская ноющие ноги в ручей оазиса. *Ур не падает ниц, когда под ногой подвернется камень. А я предпочитаю видеть, куда ступаю.*

В предрассветном мареве на востоке виднелись могучие очертания. *Риммер,* подумала Сара. Экспедиция из представителей разных рас про-

двигалась успешно, торопясь достичь Поляны до того, как события достигнут кульминации. Саре хотелось увидеть братьев и узнать, как Блур осуществляет ее идею. Возможно, удастся получить также медицинскую помощь для ее подопечного, Незнакомца, если его неопасно показывать чужакам. Большое “если”. К тому же она не отказалась от мечты увидеть легендарные библиотечные консоли великих галактов.

Но было и чего опасаться. Если звездные боги планируют избавиться от всех свидетелей, начнется это, конечно, с Поляны. Однако больше всего Сару тревожило то, что она, возможно, отдает Незнакомца в руки врагов. Смуглый, постоянно оживленный человек идет охотно, но понимает ли он, во что ввязывается?

Со стороны сморщенной груды колец доносился свистящий вздох. Это пил воду из пруда Пзора, измученный, несмотря на то что весь путь провел в повозке, запряженной ослами. Сенсорное кольцо Пзоры покрывал новый реук — один из двух, купленных Сарой из свежего поступления на пристани Канду. Сама она не очень любит симбионтов, но реук может помочь Пзоре лечить Незнакомца.

На поверхности воды у ног Сары показались

пузыри. В серебристом свете Лусена она разглядела Блейда из деревни Доло, отдыхавшего под водой. Быстрый переход тяжел для серых и синих, как Блейд, квуэнов, а также для людей, слишком тяжелых, чтобы ехать на осле. Саре разрешалось ехать верхом каждый четный мидур. Но все равно у нее болело все тело. *Так мне и надо за то, что вела уединенную книжную жизнь,* подумала она.

Хриплые радостные крики послышались с той стороны, где погонщики-уры укладывали грудами траву и помет, готовя лагерный костер. В большой супник налили крови симлы, нарезали мяса, и вскоре уры жадно поедали тепловатую кровавую еду, поднимали длинные шеи, чтобы проглотить, и снова опускали — эти движения мускулистых гибких тел сопровождались игрой Незнакомца на дульцимере. Тем временем хун-повариха, гордясь своим умением готовить блюда разных рас, гремела котлами. Вскоре запахи пищи перекрыли вонь симлы, пробудив аппетит даже у Сары.

Еще немного спустя совсем рассвело и открылся поразительный вид на коричнево-зеленые могучие горы на востоке.

Незнакомец смеялся. Он был обнажен по пояс и помогал Саре и другим людям разбить типичный

лагерь землян. Ставились убежища из пятнистой г'кекской ткани, которые помогут путникам и животным выдержать жаркий день. Казалось, немота звездного человека не мешает ему работать с другими. Его радость жизни заражала окружающих, когда он учил их бессловной песне, чтобы легче провести время.

Еще два дня, подумала Сара, глядя на горный перевал. *Мы почти на месте.*

Оазис был назван именем воительницы-кочевницы, которая жила вскоре после высадки уров на Джиджо, когда их было совсем мало и они плохо знали планету. В те древние времена Уриутта бежала на восток с тучных пастбищ Знинура, где вожди ее племени поклялись в вассальной верности могучим серым королевам. Уриутта привела мятежников к этой вади в сухой пустыне, и здесь они залечивали раны и готовились к борьбе за свободу от владычества квуэнов.

Так говорилось в легенде, которую Сара услышала в этот день, после того как проспала его самую жаркую часть. Во сне она видела воду. Холодную и чистую, утоляющую страшную жажду. Проснувшись, она окунулась в ручей и присоединилась к другим путникам. В большой палатке готовилась новая еда.

До сумерек оставалось еще несколько часов, снаружи по-прежнему давила свинцовая жара, поэтому лудильщики и караванщики собрались вокруг сказительницы, сопровождая ее пение топаньем и взмахами заплетенных хвостов. Даже после получения книг и печати уры по-прежнему любили устную традицию, с ее преувеличениями и импровизированными вариантами. Когда песня дошла до битвы при торговом посту Зинур, все продолговатые головы начали в такт раскачиваться. Тройки глаз смотрели мимо сказительницы в далекое прошлое.

Так была разбросана кавалерия предателей Добровольные рабы, трусы были рассеяны И попали в западню, подготовленную Уриуттой

С криками падали они в глубокую Зловонную Пропасть, Чтобы смешать со смертоносными серными парами Свои собственные запахи сухих сумок и страха смерти.

Слушатели шипением выражали презрение к трусливым предателям. Сара достала блокнот и начала делать записи о древнем диалекте сказительницы, развившемся на основе Гал-два задолго до появления людей.

И тут появилась Уриутта, готовая к встрече

Со страшными пехотинцами матрон серых

королев,

С самцами в броне, с самцами с оружием

Из остро заточенного твердого дерева, ярко блестевшего

С гремящими когтями, готовыми рвать шкуру,

Стремящимися ради своих матерей разорвать нас на куски.

На этот раз слушатели уры принялись испускать низкие звуки, выражая уважение к храбрым врагам. Эти звуки люди впервые услышали в третьем поколении после прибытия, когда отвоевывали себе место в предобщинном хаосе.

Пора! Наш вождь дает сигнал. Готовьте оружие, недавно придуманное. Приносите длинные палки, выходите вперед,

вы, с крепкими спинами. Бейте не прямо, а крепко ударяйте вниз! Переносите тяжесть. Переносите ее, вы, с крепкими спинами! Напрягайтесь! И, сверкая когтями, они падают!

Вначале Сара с трудом следила за развитием действия. Потом поняла военное новшество Уриутты: та использовала “длинные палки” — заостренные стволы бу, чтобы опрокинуть неуязвимых квуэнских пехотинцев. Добровольцы уры служили живыми точками опоры, они выдерживали когти противника и страшную

тяжесть, а их товарищи налегали, опрокидывая пехотинцев одного за другим.

Несмотря на экстаз торжественной песни о мщении и убийстве, Сара знала, что победа исторической Уриутты оказалась кратковременной. Квуэны сумели изменить свою тактику. Потребовалось новое поколение героев, воинов-кузнецов Сверкающей горы, чтобы окончательно изгнать серых тиранов с высокогорных равнин. Но королевы долго еще препятствовали образованию Общины, пока не появились люди со своим новым-старым искусством ведения войны.

Не все уры праздновали победы прошлого. Вожак каравана со своими помощницами склонились над шкурой пеко, планируя следующий переход. Судя по их жестам над картой, они явно намеревались обойти следующий оазис и постараться дойти к восходу до подножий холмов.

О, мои больные ноги, подумала Сара.

Вожак подняла коническую голову и засвистела, услышав, что к палатке подошел один из пилигримов-людей.

— Мне нужно отойти, — объяснил Джоп, древесный фермер из Доло.

— Что, опять протекаешь? Ты болен?

Большую часть пути Джоп был погружен в

экземпляр Свитка Изгнания, но сейчас казался приветливым и любезным. Он рассмеялся.

— О нет. Я выпил слишком много воды из этого прекрасного ручья. Пора вернуть ее Джиджо. Вот и все.

На короткое время был поднят клапан палатки, и в этом свете Сара снова увидела пузыри в пруду. Блейд опять под водой, вымокает, готовясь к следующему переходу. Он тоже пренебрег песней сказительницы о победе над королевами?

Клапан опустился, и Сара огляделась по сторонам.

Курт– взрывник с помощью компаса чертил волнистые линии на листке бумаги для рисования. Дочь бумажника поморщилась, видя, как он раздраженно комкает один листок за другим. Рядом с Сарой Прити тоже чертила абстрактные фигуры, но более экономно -на песке. Дергая себя за волосатый подбородок, она изучала текст по топологии, который Сара прихватила в Библосе.

Какой интеллектуальный караван, сардонически подумала Сара. *Фанатичный пурист, создатель того, что взорвется, шимпанзе-геометр и бывший математик — все устремились к своей возможной гибели. И это только начало нашего перечня странностей.*

Слева Незнакомец отложил свой дульцимер и смотрел, как племянник Курта молодой Джома играет в “Башню Хайфона” с красным квуэном, торговцем солью, двумя библиотекарями из Библоса и тремя хунскими пилигримами. Игра состояла в перемещении разноцветных колец по воткнутым в песок и расположенным по углам шестиугольника палкам. Цель — надеть кольца на ваш Домашний Пост в правильном порядке, самое большое на дне, самое маленькое — вверху. Сложная игра, где цвета и рисунки колец означают различные свойства треки. Необходимо правильно сочетать их, чтобы получить идеального треки.

Пзора, казалось, больше интересуется сказанием, чем игрой. Сара никогда не слышала, чтобы треки оскорбился из-за игры в “Башню Хайфона”, хотя игра подражает их уникальному способу размножения.

— Видишь? — объяснял мальчик игру Незнакомцу. — Я получаю болотные плавники, сердечник для мульчи, два кольца памяти, нюхателя, мыслителя и глядящего.

Быстрая речь Джомы не вызывала у звездного человека ни малейшего раздражения. Он с интересом и пониманием следил за объяснениями

ученика взрывника — возможно, высокий голос Джомы напоминал ему ноты музыки.

— Я надеялся раздобыть лучшее основание, чтобы мой треки мог передвигаться по земле. Но Хормтувоа перехватил тор для хождения, так что, похоже, придется обойтись плавниками.

Хун слева от мальчика благодарно проворчал. Нужно быстро соображать, когда играешь в "Башню Хайфона".

Построй мне дом мечты, о мой дорогой, в четырнадцать этажей.

Фундамент, кухня, спальная, ванная, и я буду любить тебя до смерти.

Джома и все остальные прервали свои занятия и посмотрели на Незнакомца, а он раскачивался и хохотал.

У него получается все лучше, подумала Сара. Но все же она всегда удивлялась, когда Незнакомец произносил стихи или пел песни, соответствующие тому, что в это время происходит.

С блеском в глазах Незнакомец подождал, пока все игроки вновь погрузятся в раздумья над своими грудами. Тогда он толкнул Джому и незаметно указал на фигуру игры, которую можно переместить на запасное кольцо. Мальчик уставился на редкое кольцо, которое называется "бегун".

Он с таким трудом старался сдержать радостный вопль, что закашлялся, и смуглый чужак похлопал его по спине.

Но откуда он это знал? Неужели там, среди звезд, тоже играют в "Башню Хайфона"? Она считала, что звездные боги делают… ну достойные богов дела. Успокоительно думать, что они способны играть в игру с простыми фигурами — прочными, устойчивыми символами жизни.

Конечно, большинство игр основано на том, что есть победители… и проигравшие.

Аудитория одобрительно зашипела, когда сказительница окончила свою песню и покинула сцену, чтобы принять награду — чашу с парящей кровью. *Жаль, что я пропустила конец,* подумала Сара. Но если мир устоит хотя бы еще на год, она, вероятно, еще услышит ее.

Казалось, никто больше не собирается выступать, и несколько уров уже потянулись к выходу из палатки, чтобы проверить животных и подготовиться к ночному переходу. Но остановились, когда появился новый доброволец, вышел на сцену, стуча копытами по помосту. Это была Ульгор, лудильщица. Она сопровождает Сару с того вечера, когда чужаки пролетели над деревней Доле. Слушатели снова расселись, и Ульгор начала свое

сказание на диалекте еще более древнем, чем предыдущий.

Корабли заполняют ваши мысли сейчас,

Свирепые, стремительные неслышные.

Корабли заполняют ваши мечты сейчас,

Далеко от всех водяных морей.

Корабли затуманивают ваши мысли,

Бесчисленные их орды.

Корабли потрясают ваши мысли,

Эти горы быстрые и далекие.

Гул ужаса. Вожак каравана вытянула длинную шею. Редкая тема, считающаяся признаком дурного вкуса там, где присутствуют представители разных рас. Несколько хунов-пилигримов повернулись и тоже принялись слушать.

Корабли Урриш-ка,

Клан сильных и почитаемых.

Корабли урского войска.

Клан, стремящийся к мщению!

Но даже если это проявление дурного вкуса, песня священна и неприкосновенна, пока не

закончится. Вожак широко раздула ноздри, показывая, что она в этом нарушении приличий не участвует, а Ульгор продолжала воскрешать эру, кончившуюся задолго до того, как колонисты-уры впервые ступили на Джиджо. Время космических армад, когда флоты богов сражались за непостижимые доктрины, используя оружие немыслимой мощности.

Корабли заполняют ваши мысли сейчас.

Корабли размером с горные пики,

Они заставляют звезды дрожать

Своими молниями размером с планету.

Сара подумала: *зачем она это делает?* Ульгар для своего молодого возраста была всегда очень тактична. Теперь она словно сознательно провоцирует реакцию.

Хуны, раздувая воздушные мешки, придвинулись. Они по-прежнему скорее любопытны, чем рассержены. По-прежнему неясно, хочет ли Ульгор пробудить древнюю вендетту — древние распри, которые делают последующие стычки на Джиджо с людьми и квуэнами чем-то вроде перебранки за завтраком.

На Джиджо у уров и хунов нет общих территорий, и они не хотят их. Нет оснований для конфликта. Трудно представить себе, что их предки убивали друг друга в космосе.

Даже игра в “Башню Хайфона” была забыта. Незнакомец следил за движениями гибкой шеи Ульгор и отбивал такт правой рукой.

О вы, туземные слушатели

Высокомерно невежественные,

Умы, привязанные к планете, посмеете ли вы

Попытаться постичь?

Представить себе размером дыры в пространстве,

с планету

В которых живут существа,

Которые умы, привязанные подобно вам,

к планете

Не в состоянии постичь?

Несколько хунов облегченно заворчали. Может, все-таки речь идет не о древних схватках их предков с урами. В некоторых космических эпопеях рассказывается о невероятных просторах, о

зрелищах, ставящих в тупик современных слушателей. Это напоминание о том, что утратили Шесть, но что они когда-нибудь могут вернуть. Иронично, но вернуть это можно, только забыв.

Направьте свои полные ужаса мысли
К этим кораблям, застывшим,
Движущимся к вратам славы,
Не зная своей судьбы.

Если первая сказительница пела горячо, воспевая кровавую славу прошлого, Ульгор оставалась хладнокровна, она зачаровывала слушателей своей качающейся головой и мелодичным свистом, передавая суть цвета, мороза и ужаса. Сара опустила блокнот, захваченная зрелищем света и тени, огромными просторами пространства-времени и сверкающими кораблями, более многочисленными, чем звезды. Несомненно, легенда пересказывалась множество раз и описания становились все более преувеличенными. Но все равно сердце Сары заполнилось неожиданной ревностью.

Мы, люди, до своего падения никогда не поднимались так высоко. Даже во времена расцвета мы не обладали флотами могучих звездных кораблей. Мы были волчатами. Примитивными по

сравнению с другими.

Но Ульгор продолжала петь, рисуя картины бесконечности, и эта мысль ушла. Вырисовывалась картина великой армады, направлявшейся на войну с угрозой, таящейся в темном углу пространства. В нише, загадочной и смертоносной, словно страшное логово мульк-паука. Место, которого избегают все путники, но не адмирал этого флота. Убежденная в своей неуязвимости, она прокладывает курс прямо на врага, отбросив все мысли об отходе.

И вот из одного черного зерна
Исходит проклятие судьбы,
Набрасывая свою сеть
На толпы
тревожных звезд…

Неожиданно Сару вернул к реальности резкий рывок за правую руку. Она замигала. Прити сжимала ее локоть, сжимала до боли. Сара спросила:

— Что?

Выпустив ее руку, шимп просигналила:

Слушай! Вот!

Сара собиралась сказать: *“Я это и делаю. Слушаю”* — но потом поняла, что Прити имеет в виду не сказительницу. Постаралась отстраниться от

монотонного голоса Ульгор… и услышала низкий гул, доносящийся извне павильона.

Животные. Что-то их встревожило.

Симлы и ослы находились в собственном замаскированном убежище на небольшом расстоянии. Судя по усиливающемуся шуму, животные не испуганы, но все же что-то их беспокоит.

Незнакомец тоже это заметил вместе с библиотекарями и красным квуэном. Все они попятились, тревожно оглядываясь.

К этому времени вожак каравана присоединилась к слушателям, размеренно кивающим головами, унесенным в далекие времена и пространства. Сара продвинулась вперед, чтобы подтолкнуть предводителя экспедиции — осторожно, потому что от неожиданности ур может укусить. Но не успела: шея предводительницы застыла, тревожная дрожь пробежала по рыжевато-коричневой гриве. Свистом матрона привела в себя двух помощниц, третью вернула к действительности, лягнув в бок. Все четверо встали и двинулись в направлении входного клапана, но остановились, увидев, как вдоль восточного края убежища начали возникать призрачные фигуры, теневые очертания кентавров, приближающиеся украдкой, вооруженные копьями.

Одна из помощниц отчаянно крикнула, и тут же воцарился хаос.

Аудитория смешалась в смятении. Ошеломленные Пилигримы кричали и свистели: сверкающие лезвия в десятке мест распороли палатку. В разрезах показались фигуры в военной раскраске, с мечами, пиками и арбалетами, все с остриями из буйурского металла цвета бронзы. Испуганная толпа путников отступила к центру, к яме с пеплом.

Прити обняла Сару за талию, с другой стороны к ней жался испуганный Джома. Она обняла мальчика, пытаясь успокоить его.

Урская милиция? подумала Сара. Но воины не похожи на кавалерию в тусклых мундирах, которая выступает на показательных маневрах в праздник Приземления. Бока и холки воинов исчерканы полосками сажи. В кивающих вьющихся головах чувствуется безумная решимость.

Одна из помощниц вожака бросилась к стойке, где хранилось оружие — для защиты от лиггеров, кубрасов и редких групп воров. Предводительница каравана тщетно пыталась ее остановить; молодая самка дотянулась до арбалета, но продолжала двигаться дальше, брызжа кровью. И наконец упала У ног раскрашенного воина, уты-

канная стрелами.

Вожак проклинала нападавших, обвиняла в трусости, оскорбляла их предков, но особенно винила себя в самодовольстве. Хотя ходили слухи о том, что в отдаленных углах Склона начались беспорядки, привычки мирного времени трудно преодолеть, особенно на главном, многократно исхоженном пути. И теперь ее молодая смелая помощница заплатила за это.

Чего вы хотите? крикнула она на Галдва. *Есть ли у вас вожак? Пусть покажет свое (преступное) рыло, если посмеет говорить!*

Клапан палатки приоткрылся, и вошла крепкая урская воительница, раскрашенная ломаными линиями, так что трудно было рассмотреть ее очертания. Предводительница нападавших переступила через кровавый след, оставленный помощницей, и остановилась перед вожаком каравана. Как ни удивительно, но обе ее сумки были полны. В одной был муж, его маленькая головка выглядывала из-под руки воительницы. Вторая сумка посинела и покрылась разбухшими молочными венами; в ней теснилось еще не вышедшее потомство.

Матрона с детьми обычно не склонна к насилию, если ее к этому не побуждают долг или

необходимость.

Не тебе судить нашу (достойную похвалы) смелость, сказала предводительница разбойников на старомодном стилизованном диалекте. *Ты, которая служит (недостойным) клиентам/хозяевам, у которых слишком много или слишком мало ног, ты не можешь судить сестер. Единственный твой выход — подчиниться (раболепно), согласно (древнему почитаемому) Кодексу Равнин.*

Вожак каравана уставилась всеми тремя глазами.

Кодекс? Неужели ты говоришь о (варварском, несообразном) ритуале, который использовали в старину (дикие) племена, когда…

Кодекс войны и веры (благородных и верных своей природе) племен. Подтверждаю! Образ жизни наших (почитаемых) теток, уходящий к прошлым поколениям задолго до того, как нас поразило (презренное) разложение. Подтверждаю! И снова спрашиваю/требую: ты сдаешься?

В тревоге и смятении вожак каравана по-человечески покачала головой; воздух она выпускала неуверенно, как хун. И ответила на англике:

— Хр-р-р. Такая джикии глупость. Чтобы взрослый убил из-за…

Разбойница набросилась на вожака. Их шеи сплелись, и вожак с болезненным стоном упала. Любой земной позвоночник от такого удара сломался бы.

Разбойница повернулась к пилигримам. Она далеко вытянула голову, словно готовая вцепиться в любого. Испуганные пленники жались друг к другу. Сара крепче обняла Джому и закрыла мальчика собой.

Снова спрашиваю/требую — кто (без всяких условий) сдается во имя (жалкого оправдания) племени?

Прошел дур. Затем из толпы, пошатываясь, вышла уцелевшая помощница вожака. Возможно, ее подталкивали сзади. Она слегка сплела шею, ее единственная ноздря дрожала от страха. Самка подходила к раскрашенной предводительнице разбойников. Дрожа медленно опустила голову, так что коснулась земли между копытами противницы.

Правильный поступок, заметила предводительница разбойников. *Из тебя получится (почти приемлемая) воительница равнин.*

А что касается остального, меня зовут Ур-Качу. В недавние (презренные) времена я была известна как повелительница и высокая тетка

клана Соленого Копыта — бесполезный почетный титул, лишенный (реальной) власти и славы. Теперь, избавившись от этого (неблагодарного) племени, я одна из предводительниц новой армии сестер-подруг. Объединившись, мы восстановим (величайшее и горько оплакиваемое) военное сообщество — Урунтай!

Разбойники потрясали оружием, испуская пронзительные крики.

Сара удивленно мигнула. Мало кто из людей не знал это название, наводившее ужас в прежние дни.

Мы так поступили, потому что (так называемые) тетки и мудрецы предали нашу славную расу, завели ее в (подлую) человеческую западню. В схему уничтожения, разработанную преступными чужаками.

Какой-то отвлеченной частью сознания Сара заметила, что разбойница теряет контроль над своим приукрашенным старомодным способом выражения, характерным для Галдва, и вводит более современные обороты, даже отрывки ненавистного англика.

Остальные разбойники выкрикивали певучие одобрительные замечания, аккомпанируя речам предводительницы. Ур-Качу повернула голову

к пилигримам и остановилась перед высоким смуглым мужчиной — Незнакомцем.

Это он? Звездный демон?

Человек из космоса улыбнулся ей в ответ, словно даже кровавое убийство не могло испортить его отличное настроение. Это, в свою очередь, разъярило раскрашенную воительницу.

Это и есть (избранный, тот, кого давно искали)! продолжала Ур-Качу. *Небесный родич двуногих дьяволов, которые жили среди нас (долгие, мучительные) поколения?*

Словно пытаясь постичь новую для него форму жизни, искалеченный звездный человек натянул на глаза свой новый реук, потом снова снял, сравнивая увиденное. Возможно, лишенный способности понимать значение слов, он заменял это цветами эмоций.

Из толпы пилигримов послышался новый голос, спокойный и хладнокровно магнетический.

Это он, заверила Ульгор, выступая из охваченной паникой толпы и подходя к Ур-Качу. Как и Незнакомец, она не проявляла никаких признаков страха.

Это и есть (обещанная) награда, привезенная из далекого города Тарек. Недавно человеческий мудрец подтвердил, что это звездный демон, не

рожденный на Джиджо.

Пилигримы пришли в отчаяние от предательства Ульгор, а копыта Ур-Качу радостно зацокали.

Те из космоса (дорого) заплатят за его возвращение. Они могут дать нам самое ценное — выживание некоторых (хотя и не всех) уров на Джиджо.

Многие обстоятельства неожиданно приобрели смысл. Причина нападения, неожиданное выступление на сцене Ульгор — она должна была держать всех в палатке, пока Урунтай незаметно займет положение для нападения.

Между двумя предводительницами уров появилась новая, более тонкая тень. Послышался новый голос, говорящий на англике.

— Не забудьте друзей. Мы потребуем еще кое-чего.

В разорванном входе в палатку появился человек. Когда он вошел с вечернего жара, стало видно, что это Джоп, древесный фермер из деревни Доло.

— Есть целый список наших требований, если они хотят, чтобы мы вернули их парня целым и невредимым, — Джоп поглядел на голову Незнакомца со шрамом, — или, вернее, то, что от

бедняги сохранилось.

Сара поняла. *Он выходил, чтобы подать знак нападающим, пока Ульгор отвлекала внимание.*

Странный союз. Человек-пурист помогает урским фанатикам, назвавшим свою группу по древнему обществу Урун-тай, которое ненавидело людей.

Хрупкий союз, если Сара правильно расслышала то, что спросила Ур-Качу у Ульгор:

– *Разве без него было бы не проще?*

Раскрашенная воительница подмигнула и замолчала, потому что Ульгор незаметно лягнула ее.

Сара толкнула Прити и Джому в глубину толпы и выступила вперед.

— Вы не можете это сделать, — сказала она. Джоп мрачно улыбнулся.

— А почему нет, маленький книжный червь? Какая победа — не позволить голосу дрожать.

— Потому что он, возможно, совсем не генный грабитель.

У меня есть основания считать, что на самом деле он их враг.

Ульгор с головы до ног осмотрела Незнакомца и кивнула.

— Это не имеет значения. А имеет только одно:

у нас есть товар, и мы можем взять за него хорошую цену.

Сара могла себе представить эту цену. Для Ур-Качу возвращение славных дней, когда воины свободно бродили по равнинам. Это совместимо со стремлением Джопа уничтожить все дамбы, машины и книги и направить человечество по Тропе Избавления.

Они так презирают друг друга, что не боятся возобновления войны. И вообще в данный момент это не имеет значения.

Мы в руках маньяков, подумала Сара. *Глупцов, которые всех нас погубят.*

Аскс

А теперь возвращается корабль ротенов. Возвращается из таинственного полета в ближайшее пространство по какому-то неведомому божественному делу.

Чтобы забрать станцию и ее экипаж исследователей-биологов.

Чтобы взять добычу — сокровище похищенных генов.

Чтобы скрыть следы преступления.

Но теперь перед нами вместо погребенной

станции яма с ее обломками. Один ротен и один небесный человек лежат на импровизированных носилках, лишенные жизни, а уцелевшие гости-пришельцы кипят от гнева и желания отомстить. Если раньше кто-нибудь мог усомниться в их намерениях, мои кольца, то разве теперь осталось место для неясностей? Мы будем наказаны. Неясны только средства и размеры наказания.

Именно этого хотели мятежники-фанатики. Больше никаких неясностей. Никаких намеков и сладких лживых обещаний. Только чистота праведного сопротивления, какими бы неравными ни были силы. Пусть нас подвергнут суду, требовали фанатики, пусть судят не наши колебания, а нашу храбрость и веру.

Горячая немигающая звезда движется по предрассветному небу, медленно снижается на орбите — ангел — или демон — мщения. Знают ли на борту о случившемся? Может, уже сейчас планируют будущую бурю?

Фанатики настаивают: мы должны схватить уцелевших: Ро-кенна, Линг и Ранна — и держать в качестве заложников для защиты всей Общины. А также еще одного звездного человека — Кунна, когда вернется его летающая машина.

Наш высокий мудрец квуэн Ум-Острый-Как-

Нож в ужасе опровергает логику фанатиков.

— Вы хотите нагромоздить одно преступление на другое? Разве они причинили нам вред, эти чужаки? Нанесли первыми удар своей клиникой и высокооплачиваемой работой? Вы убили двоих из них только на основании догадок о дурных намерениях! И теперь хотите похитить остальных? Предположим, на корабле согласятся с вашими требованиями, пообещают не нападать на Шесть. Но что помешает им изменить намерения, когда мы освободим заложников?

Предводитель фанатиков отвечает:

А кто говорит, что мы их освободим? Пусть остаток жизни проведут среди нас — как живое средство, удерживающее чужаков от злой мести.

– А после этого? Глупо думать в терминах продолжительности одной жизни! У звездных богов долгие мысли. И долгие планы. Какая разница в грандиозном плане жизни, если нас убьют через пятьдесят лет?

Некоторые зрители одобрительно шумят. Другим, как всегда, кажется, что мудрец забавно пошутил. Они смеются разными способами и восклицают:

— Для тех, кто живет сейчас, большая разница!

Но в любом случае, продолжает урская предводительница фанатиков, *вы ошибаетесь, говоря, что они еще не напали на нас и не причинили (ужасный) вред. Напротив, наш (оправданный) взрыв вовремя остановил их подлый замысел!*

Уставший и выпачканный сажей Лестер Кембел сидит на ближайшем камне. Но вот он поднимает голову с рук и спрашивает:

— Что ты имеешь в виду?

Я имею в виду их (подлое) намерение начать программу нашего истребления путем развязывания (братоубийственной) войны между Шестью!

Зрители молча поглощают это.

Ум– Острый-Как-Нож спрашивает:

– Ты можешь это доказать?

Прочные (неопровержимые) доказательства уже в пути. Но вначале не выслушаете ли (подтверждающие) показания вашего собственного (высоко почитаемого) коллеги мудреца?

Воцаряется смятение, и тут вперед выходит Фвхун-дау. Наш коллега хун был необычно молчалив, не принимая участия в событиях, только перенес Вуббена с холма вниз после столь неудачного паломничества. Теперь он разгибает свою длинную чешуйчатую спину, словно радуясь возможности снять с нее тяжесть.

— У меня было слишком мало времени для размышлений над этой проблемой, — начинает он.

— Ты готов размышлять целую геологическую эпоху, мой дорогой друг, — мягко шутит Лестер Кембел. — Даже твои предварительные выводы несут в себе мудрости больше, чем у всех остальных, кроме Яйца. Пожалуйста, поделись ими с нами.

Из отвислого вибрирующего воздушного мешка Фвхун-дау доносится низкий раскатистый звук.

— Хр-р-рм… Почти два джадура я тщательно записывал все заявления наших гостей из космоса, особенно произнесенные официально. Они словно написаны кем-то, а звездные люди только их произносят. У меня есть несколько лингвистических справочников из Библоса, которыми я иногда пользуюсь, разбирая конфликты индивидов из разных рас, говорящих на разных языках. Несмотря на наши многочисленные диалектные отличия, в этих работах содержатся полезные таблицы, касающиеся синтаксиса и значения слов. Не могу утверждать, что обладаю большим опытом — всего лишь небольшая захолустная практика, — чтобы проанализировать заявления чужаков.

— Но ты сделал выводы?

— Хр-р. Не выводы. Возможно, некоторые сопоставления. Указывающие на возможный характер намерений,

— Намерений?

— Намерений…– р-р-рм… вызвать раскол.

Ур– Джа лежит в углублении, отдыхая от тщетных попыток спасти выживших среди дымящихся развалин станции чужаков. Она замечает:

— Подобное подозрение высказывается не впервые. Мы все слышали анекдоты о невинных замечаниях, которые на самом деле жалят глубоко, как муха-шедо. Она откладывает яйца, и рана заражается и никогда не залечивается. Ты говоришь, что уловил устойчивый образец? Что это часть тщательно разработанного плана? Но почему ты не сказал об этом раньше?

Фвхун-дау вздыхает.

— Настоящий ученый не публикует предварительные заключения. К тому же чужаки как будто не подозревают, что мы сохранили некоторые познания и умеем разглядеть скрытое значение фраз. Вернее, что мы восстановили его после Великой Печати. Я не видел причин поспешно разглашать этот факт.

Он пожимает плечами в манере треки, делая поворот слева направо.

— Окончательно я убедился в этом, когда во время паломничества с нами говорил Ро-кенн. Вам, наверно, тоже приходило в голову, что в его намерения входило посеять своими словами искры разногласий?

— Приходило! — подтверждает Лестер Кембел. Многие присутствующие люди подхватывают его утверждение, словно пытаясь убедить остальных в своей искренности. Уры неуверенно стучат копытами: длинная тревожная ночь заставляет их нервничать. До сих пор только с таким трудом завоеванные привычки Великого Мира позволяют сохранить спокойствие.

Фвхун-дау продолжает:

— Формальный диалект Галактического шесть, которым пользуются звездные боги ротены, оставляет очень мало места для двусмысленностей и неясностей. Приведшие меня в замешательство слова Ро-кенна могут иметь только две возможные интерпретации. Либо он бестактен до степени, которая превосходит всякую глупость, либо его целью было вызвать геноцид, направленный против людей.

— Против их собственных любимых клиентов? — недоверчиво спрашивает Ур-Джа.

— Не имеет отношения к ситуации. Если даже

утверждения ротенов о том, что они патроны, верны, какое им дело до маленькой изолированной группы диких людей, давно отрезанных от своей расы, подвергшихся генетическому инбридингу и отставших на насколько столетий? Возможно, эти люди даже ущербны, психологически запущены, испорчены…

— Ты высказал свою догадку, — напряженно прерывает его Лестер. — Но в таком случае почему выбраны именно мы?

Фвхун-дау поворачивается к своему коллеге-человеку и виновато ворчит:

— Потому что из всех Шести человеческая раса обладает наибольшими техническими знаниями, она несовершенно, но полезно восстанавливала галактический образ жизни и владеет военным искусством, которое мы все хорошо помним.

Некоторые слушатели квуэны и уры зашумели, но подлинного спора и несогласий не возникает. Все помнят рассказы о битве в Каньоне, о засаде у Таунсенда или об осаде города Тарек.

— Все эти факторы делают вас очевидной первой целью. Но есть и другая причина. Воздействие, которое вы оказали на нас всех. Вы были новичками и обладали самым низшим рангом и тем не менее раскрыли для всех ваше

величайшее сокровище — вашу библиотеку. После великих побед, когда ваш статус поднялся высоко, вы отказались от многих привилегий господства и согласились подчиниться мудрецам и ограничениям, наложенным Великим Миром.

Именно эта традиция *сдержанности* делает вас опасными для планов ротенов. Какой смысл поджигать войну, если намеченные жертвы не захотят воевать?

Да, мои кольца, мы наблюдаем/замечаем реакцию толпы. Все стихают, когда Фвхун-дау пробуждает воспоминания об объединении и мягко гасит все еще тлеющие искры негодования. Великолепный пример медитации.

— Когда человеческая раса исчезнет, — продолжает Фвхун-дау, — будет гораздо проще сеять неприязнь среди остальных, намекая на тайные союзы, предлагая помощь. Распространяя искусственные эпидемии, например. Сообщая каждой расе искусные способы распространения смертоносных бактерий. Менее чем за поколение все будет кончено. Немногие останки в почве Джиджо будут свидетельствовать только о гибели шести сунерских рас, так и не достигших избавления.

Тяжелое молчание встречает этот сценарий,

нарисованный нашим хунским мудрецом.

— Конечно, все это не доказано, — заключает Фвхун-дау, грозя пальцем предводительнице фанатиков. — И не оправдывает ужасы этой ночи, подготовленные поспешно, без консультаций с мудрецами Общины.

Урская мятежница высоко поднимает голову, чтобы заглянуть через толпу на восток. С радостным фырканьем она снова поворачивается к Фвхун-дау.

Прибывает и ваше доказательство! Она радостно свистит, помогая проделать проход в толпе зрителей. Рассвет позволяет увидеть пыльные фигуры, скачущие по тропе от Священной Поляны.

И это также наше оправдание!

Ларк

Харуллен крикнул с края кратера:

— Вам двоим лучше подойти сюда! Тут что-то происходит. К тому же, мне кажется, нас ждут неприятности.

Физическая и эмоциональная усталость отразилась на безупречном аристократическом акценте серого квуэна. Голос его звучал испуганно, словно

быть неохотным наблюдателем так же опасно, как рыться в смертоносных обломках.

– Что случилось? — крикнул в ответ Утен. Хоть и родич квуэна наверху, коллега биолог показался Ларку представителем совсем другого вида. Его исцарапанный панцирь покрыт липким пеплом. — Они посылают сюда робота?

В звуках ножных щелей Харуллена слышалась тревога.

— Нет, машины по-прежнему защитно висят над Ро-кенном, он, двое слуг-людей и трупы — все окружено толпой местных подхалимов. Я имею в виду суматоху там, где держат совет мудрецы. Кажется, подошло больше фанатиков. Зреют неприятности. Я уверен, что мы пропустили какие-то важные новости.

Харуллен может быть прав, подумал Ларк. Но ему не хотелось уходить. Несмотря на зловоние, жару и острые края металлических обломков — все это становится еще опасней из-за усталости, — рассвет позволяет легче рыться в развалинах погребенной станции и поиски нуждающихся в помощи приобретают хоть какой-то смысл.

Сколько раз видел он, как Линг исчезает в этих таинственных глубинах, и гадал, что же

находится там внутри? А теперь все это стало почерневшим адом.

Я помогал фанатикам, вспомнил Ларк. *Я отдавал им копии своих отчетов. Я знал, что они что-то задумали.*

Но о таком жестоком даже не догадывался.

Не догадывались и звездные боги, которые не думали, что примитивные туземцы умеют устраивать взрывы.

Они задавали неправильные вопросы.

– Говорю вам, что-то происходит! — снова крикнул Харуллен, не прилагая усилий к оригинальности. — Мудрецы движутся — они идут к чужакам!

Ларк посмотрел на Утена и вздохнул.

— Наверно, он имеет в виду сейчас, немедленно.

Его друг некоторое время молчал, разглядывая что-то под собой. А когда ответил, то тихим голосом, который даже не поднял пепел у него под ногами.

— Ларк, пожалуйста, подойди и взгляни на это. Ларк по прежним экспедициям, когда они изучали прошлое Джиджо, знал этот тон. И пошел к квуэну, осторожно пробираясь между рваными металлическими балками и плитами и стараясь

высоко поднимать ноги, чтобы не тревожить пепел и пыль.

— В чем дело? Ты что-то нашел?

— Не… знаю. — Утен перешел на Галшесть. *Кажется, я такое уже видел. Этот символ. Это обозначение. Может, ты подтвердишь!*

Ларк нагнулся рядом с другом, вглядываясь в щель, в которую еще не проникло восходящее солнце. И увидел переплетение ромбов, каждый шириной в его руку и вдвое длиннее. Утен уже убрал несколько обломков, чтобы лучше было видно. Один ромб оказался достаточно близко, чтобы рассмотреть выжженный на его темно-коричневой поверхности символ.

Двойная спираль, пронзенная стрелой. Где же я видел…

Ларк сумел просунуть руку дальше, чем Утен, погладил ромб, потом поднял его. Он оказался неправдоподобно легок, хотя в то же время мог оказаться самой тяжелой вещью в мире.

— Ты думаешь то же, что и я? — спросил Ларк, поворачивая ромб на свету.

Утен взял из его руки плиту, подержал в дрожащем когте.

— А как же иначе? — ответил ученый квуэн. — Даже полуживотные, впавшие в варварство,

узнают символ Великой Галактической Библиотеки.

“Улика” лежала на примятой траве. Ро-кенн проницательным взглядом рассматривал путаницу проводов и стеклянистых шаров, которую фанатики недавно принесли из Долины Яйца. Странный предмет был еще в комьях земли с того места, где лежал, закопанный, рядом с величайшей святыней Джиджо.

Две группы зрителей образовали полукруги — один из сторонников мудрецов, другой из почитателей звездных богов. Вторая группа состояла в основном из пациентов клиники грабителей и тех, кто поверил в их утверждения о своей праведности. Новый реук Ларка регистрировал сияние в виде напряженного красного огня, окружающего лица людей, поверивших в новонайденных патронов.

Выражение яростного гнева исчезло с лица Ро-кенна, его гуманоидная внешность отражала харизматическое спокойствие, даже некоторую уверенную снисходительность. Он целый дур разглядывал мешанину частей, потом заговорил на строгом Галактическом семь.

Ничего интересного я не вижу. Зачем вы мне это показываете?

Ларк ожидал, что ответит молодая предводительница фанатиков, попытается оправдать насилие, перенеся вину на чужаков. Но она держалась в глубине толпы людей и уров.

Вперед вышел мудрец хун Фвхун-дау и встал перед послом ротенов.

— Мы хотим выяснить, вам ли принадлежат эти хитроумные устройства. То, что нашли наши дети во время последнего поворота Джиджо. То, что кто-то тайком закопал рядом с нашим возлюбленным Яйцом.

Ларк следил за реакцией Линг. Поскольку он уже достаточно хорошо ее знал, ему не нужен был реук, чтобы понять, какой шок она испытала от этого открытия. И какое испытала замешательство, обдумывая случившееся. *Это все, что мне нужно было узнать,* подумал Ларк.

Ро– кенн оставался невозмутим.

— Могу лишь догадываться, что это поместил кто-то из вас — как ваши глупые мятежники поместили взрывчатку под нашей станцией.

Теперь Линг удивленно замигала. *Она не думала, что он солжет. Во всяком случае, не так откровенно. Но у него ведь не было времени подготовиться.*

Посмотрев в сторону, звездная женщина заме-

тила взгляд Ларка и быстро отвела свой. Ларк не чувствовал гордости за испытанное удовлетворение: ведь их положение поменялось на прямо противоположное. Теперь ее очередь стыдиться.

— Используйте ваши приборы, — настаивал Фвхун-дау. — Проанализируйте эти инструменты. Вы обнаружите технологию, не доступную никому из Шести.

Ро– кенн элегантно пожал пологими плечами. *Может, это оставили буйуры.*

— В таком месте? — В гулком голосе Фвхун-дау звучал смех, словно Ро-кенн удачно пошутил. — Всего лишь сто лет назад вся эта долина сверкала расплавленной белизной, когда Яйцо выходило в мир. Эти нити не уцелели бы.

Толпа загудела.

Ларка потянули за рукав. Оглянувшись, он увидел невысокого светловолосого человека. Портретист Блур подошел к нему сзади, неся камеру и треножник.

— Я хочу снимать из-под твоей руки, — настойчиво прошептал фотограф.

Ларк почувствовал приступ паники. Блур спятил? Пытается сделать это в открытую, перед бдительными роботами? Даже если с этой стороны его закроет своим телом Ларк, люди с обоих

боков увидят. Разве можно рассчитывать на всеобщую поддержку в этой встревоженной толпе — даже несмотря на замечательное выступление Фвхун-дау?

Беспомощно вздохнув, он приподнял левую руку настолько, чтобы Блур смог нацелиться на противостояние на Поляне.

Тогда у меня нет другого объяснения для этих вещей, ответил Ро-кенн, имея в виду массу перепутанных приборов. *Можете гадать сколько угодно, до прилета нашего корабля.*

Не обращая внимания на эту скрытую угрозу, мудрец хун продолжал со спокойной рассудительностью, по сравнению с которой ротен казался нервничающим.

— Нужно ли гадать? Несколько свидетелей в недавнюю туманную ночь видели, как ваши роботы закапывали эти приборы под нашим священным камнем…

Этого не может быть! воскликнул Ро-кенн, выдавая свое волнение. *Ни одна форма жизни не могла быть свидетелем в ту ночь! Тщательное предварительное сканирование не обнаружило разумных существ в пределах…*

Посол ротенов замолчал на середине предложения, а зрители ошеломленно смотрели на

него: как учтивый звездный бог мог попасться на такую очевидную уловку!

Должно быть, привык, что все всегда идет так, как он хочет, подумал Ларк. *И попался на простейшую хитрость.*

Но тут ему в голову пришла странная мысль. *Во многих земных культурах: от Древней Греции и Индии до Высокой Калифорнии — боги изображались как избалованные темпераментные подростки.*

Может, это расовая память? Может, эти парни действительно наши давно утраченные патроны.

– Спасибо за поправку, — с поклоном отозвался Фвхун-дау. — Я сказал только, что мы хотим установить принадлежность этих приборов. Я сделаю выговор тем, кто говорил о свидетелях. Поверим вам на слово, что в ту ночь, когда, как вы только что признались, ваши роботы закопали эти странные чуждые приборы рядом с нашим Яйцом, никаких свидетелей не было. Может, оставим этот аспект и прежде всего выясним, зачем они были помещены?

Ро– кенн, казалось, пережевывает свою ошибку: его челюсти двигались, как у человека, который оскаливает зубы. Реук Ларка показал мешани-

ну цветов на верхней части лица ротена. Тем временем Блур сделал еще один снимок, удовлетворенно хмыкнул и закрыл экспозировавшуюся пластинку. *Уходи,* молча попросил Ларк маленького человека, но напрасно.

— Не вижу причин для продолжения разговора, — сказал наконец чужак. Он повернулся и пошел, но остановился на краю зияющего кратера на месте станции, вспомнив, что идти ему некуда.

Конечно, Ро-кенн может взобраться на робота и просто улететь. Но пока не вернулись воздушная машина Кунна или звездный корабль, улететь можно только в дикую местность. За пределами поляны, на которой задают неприятные вопросы, нет никакого убежища.

Слева из толпы уров и людей послышались крики. Толпа расступилась, показался улыбающийся Лестер Кембел, несущий несколько томов большого формата.

— Думаю, я нашел! — воскликнул он, склонившись с несколькими помощниками к сферическому объекту в путанице проводов. И пока помощник открывал крышку объекта, Лестер объяснил.

— Естественно, ни у кого из нас не было ни

малейшего представления о том, как работает это устройство, но после миллиарда лет галактическая техника так усовершенствована и упрощена, что большинством машин пользоваться очень легко. Если люди смогли привести рассыпающийся, устаревший звездный корабль на Джиджо, этот прибор тоже должен быть снабжен защитой от дурака!

Его полный самоуничижения жест вызвал смех в толпе по обе стороны. Все теснились поближе, не давая Ро-кенну и его слугам возможности с достоинством удалиться.

— В этом случае, — продолжал Кембел, — мы предположили, что прибор должен был сработать, когда все пилигримы окажутся рядом с Яйцом и будут наиболее впечатлительны, может быть, по окончании молитвы. Логично предположить, что существует таймер или устройство дистанционного управления, например, радиосигнал.

Помощнику удалось наконец открыть крышку. Послышался громкий щелчок.

— Посмотрим, сумеем ли мы найти что-то типа стандартного переключателя, какие изображены на странице пятьсот двенадцатой, — сказал Лестер, пригибаясь и сверяясь с одним из томов.

Ро– кенн смотрел на книгу со множеством диаграмм так, словно что-то смертоносное заползло к нему в постель между простыней. Ларк заметил, что Линг снова смотрит на него. На этот раз на ее лице было написано: *Что еще ты от меня скрывал?*

И хотя реука у нее нет, Ларк решил, что его ответ может передать и улыбка.

Ты слишком многое принимала как должное, моя дорогая. Это тебя ослепило и помешало задавать нужные вопросы. К тому же это заставляло тебя относиться покровительственно. А ведь мы могли бы стать друзьями.

Ну, хорошо, может, это слишком сложное содержание, чтобы передать его улыбкой. Может, его усмешка просто говорила: как ты смеешь! Обвинять меня в утаивании!

— Протестую! — вмешался звездный мужчина Ранн, выступая вперед. Ростом он уступал только хунам и нескольким треки. — Вы не имеете права вмешиваться в собственность других!

Фвхун-дау негромко спросил:

— Значит, вы признаете, что это ваш прибор, помещенный в наше святое место без разрешения?

Ранн замигал. Ему явно очень не нравилась

слабость позиции чужаков, которые вынуждены разговаривать с варварами. В поисках указаний высокий звездный человек повернулся к Ро-кенну. Они начали разговаривать, сблизив головы, а Лестер Кембел продолжил:

— Нас на какое-то время поставила в тупик цель этого прибора. К счастью, я занимался исследованиями галактических технологий и текст показался мне знакомым. И в конечном счете я установил, что такой прибор значится как пси-*излучатель!*

– А вот и выключатель, сэр, — сказал помощник. — Можем включить, когда вы будете готовы. Лестер Кембел встал и поднял руки.

— Слушайте все! Это первое и последнее предупреждение. Мы не знаем, что собираемся включить. Думаю, что ничего смертоносного не будет, поскольку наши гости не убегают отсюда изо всех сил. Однако так как у нас не было времени для тщательных экспериментов, советую всем по крайней мере отступить. Самые осторожные могут отойти подальше, может, на двойной диаметр Яйца. Начинаю обратный отсчет с десяти.

Утен хотел остаться и наблюдать, подумал Ларк. *Но я заставил его прятать найденные нами диски библиотеки.*

Оказал ли я ему услугу?

Кембел набрал полную грудь воздуха.

— Десять!

— Девять!

— Восемь!

Ларку никогда не приходилось видеть, чтобы г'кек обогнал ура. Но когда толпа начала рассеиваться, некоторые из Шести проявили удивительную прыть. Другие остались, удерживаемые любопытством.

Всякий истинный союз основан на храбрости, с некоторой гордостью подумал Ларк.

— Семь!

— Шесть!

Теперь вперед вышел сам Ро-кенн. *Я признаю, что этот прибор принадлежит нам…*

– Пять!

— Четыре!

Ро– кенн заговорил торопливо и громко, чтобы его услышали в шуме и смятении: *Это всего лишь измерительные приборы, помещенные с целью…*

— Три!

— Два!

Еще быстрее, лихорадочным тоном: *…с целью изучения вашего почитаемого и священного…*

– Один!

— Давай!

Кое– кто из людей инстинктивно закрыл уши руками и присел, словно защищая глаза от ожидаемой вспышки. Уры закрыли руками свои сумки. Г'кеки втянули глаза, а квуэны и треки прижались к земле. Реуки сморщились, стараясь избежать напряженных эмоций хозяев. Чем бы ни был этот “пси-излучатель”, сейчас все узнают.

Ларк пытался подавить инстинкт, подражая Линг. Та реагировала со странной смесью гнева и любопытства. Стиснула руки и встретилась с Ларком взглядом в тот момент, когда помощник Кембела нажал скрытый переключатель.

Аскс

Смятение охватывает наш центральный сердечник, сочится сквозь швы-суставы, которые соединяют нас/мы/я/меня, течет изумлением по нашим наружным изгибам как сок из раненого дерева.

Голос, ритмичное произношение, может ли это быть тем, чего, мы знаем, не может быть?

Образы Яйца столько раз гладили нас. В этом смятении знакомые оттенки, словно опять поет Священный Овоид…

И однако — здесь есть еще какой-то металлический призвук, ему не хватает звучной гибкости, тембра и размаха Яйца.

Звучание влечет нас, щелкая, как торопливый квинтет когтей, привлекает наше внимание, словно свет в конце темной подземной трубы.

Неожиданно я/мы коалесцирую, сливаюсь в совершенно необычном состоянии *единого* существа. Существа, заключенного в жесткий панцирь.

Вскипает пятиугольное негодование. Это “я” охвачено гневом.

Как смеют они говорить мне, что я свободен!

Что за неестественный закон этот Кодекс Общины? Правила, которые “освобождают” меня от сладкой дисциплины, которую мы некогда знали? Дисциплины, установленной серыми королевами?

Мы синие, мы красные, мы стремимся всей глубиной своих дрожащих желчных узлов служить! Работать и сражаться, беззаветно поддерживая династические амбиции серых! Разве не такой была когда-то наша жизнь меж звезд?

Разве не таково естество всех квуэнов?

Кто посмел положить конец этим прекрасным дням, введя чуждые представления о свободе

в наши панцири, слишком жесткие для этого смертельного яда?

Люди посмели навязать нам эти мысли, это они разрушили единство наших замечательно упорядоченных ульев! Они виновны и обязаны дорого за это заплатить.

Они заплатят!

А потом нам нужно будет свести и другие счеты…

Я/мы корчусь, испытывая, каково это: прижиматься к земле и бежать на пяти сильных ногах. Ногах, предназначенных служить. Не простому гнезду, прижавшемуся за какой-нибудь крошечной плотиной, и не абстракции, как Община, но великим серым матронам, благородным, великолепным и могучим.

Но почему эта яркая картина пронизала наш ошеломленный сердечник?

Должно быть, это прибор ротенов, их пси-излучатель, часть их плана распространения влияния среди всех рас Шести. Попытка заставить нас подчиниться их воле.

Волны удивления снова сотрясают наши/мои кольца. Даже после стольких лет дружбы я/мы никогда не подозревал, какой странный у квуэнов взгляд на мир.

Но не более странный, чем следующее ощущение, которое врывается в наше единое сознание.

Ощущение скачущих копыт.

Горячее дыхание сухой степи.

Жгучее ощущение души, не менее эгоцентричной, чем у любого человека.

Яурриш-ка! Одинокая, гордая, как в тот день, когда вышла из травы, немногим выше животного. Нервничающая, но рассчитывающая только на себя.

Я могу присоединиться к племени или клану, которые примут меня на равнине.

Я могу повиноваться вожаку — потому что в жизни существует иерархия, которую следует признавать.

Но в глубине души я служу только одной госпоже. Мне!

Могут ли люди представить себе, как их запахи скребут мембраны моей ноздри? Они хорошие воины и кузнецы, это правда. Они принесли на Джиджо красивую музыку. Все это ценные вещи.

Но насколько лучше был бы мир без них.

Мы доблестно сражались за свой образ жизни до их прихода. От равнин до огненных гор мы вытягивали свои шеи над всеми остальными на Джиджо — пока эти двуногие не стащили нас, не

сделали одной из Шести рас.

И что еще хуже, их наука напомнила нам (мне!), — как много мы потеряли. Как много забыли.

Каждый день они заставляют меня вспоминать, как низко я пала и как коротка моя жизнь, здесь, на вращающемся комке грязи, окруженном горькими океанами…

Негодующее излияние уходит, уносится далеко за пределы нашей возможности следовать. Негодование рассеивается, но его место занимает другое, навязанное посторонней силой, заполнившей маленькую горную долину.

За этим следовать гораздо легче. Тяжелое, медлительное, его трудно рассердить, но когда рассердится, остановит только смерть.

Не следует торопиться. Тем не менее ритм влечет нас.

Манит задуматься над тем, как часто более быстрые расы издеваются над нами, бедными, терпеливыми хунами,

как они носятся вокруг нас,

как часто нарочно говорят быстро,

как поручают нам самые опасные дела,

заставляют в одиночку выходить в море, хотя каждый погибший корабль уносит сотни наших

любимых, разрывает наши маленькие семьи и приносит неутолимую боль.

Люди и их зловонные пароходы, они сохранили знания, они делают вид, что делятся ими с нами, но на самом деле не делятся. И когда-нибудь оставят нас гнить здесь, а сами улетят в корабле, сделанном из чистого белого света.

Можно ли допустить это? Разве нет способов заставить их заплатить?

Все охвачено смятением.

Если эти пагубные послания предназначались разным расам, должны были пробудить в нас агрессивность, почему я/ мы воспринимаю их все сразу? Разве ротены не нацелили бы на каждую расу только ей предназначенное излучение?

Может, их машина повреждена или слишком слаба.

Может, мы сильней, чем они думали.

Освободившись от хунского ритма, мы чувствуем, что остались еще два слоя горького пения. Один явно предназначен для землян. Его основная тема — почтение. Почтение и гордость.

Мы высшая раса. Остальные специализируются, но мы можем сделать все! Мы избраны и выращены могучими ротенами, и поэтому нам подобает быть самыми великими, даже когда

мы заброшены на этот склон к дикарям.

Если поставить их на место, они будут полезны в роли достойных слуг...

Мы/я вспоминаем выражение. *Прямая эмфатическая трансмиссия* — техника, используемая галактической наукой уже полмиллиарда лет.

И это знание делает многочленный голосовой поток более искусственным, металлическим, даже почти сатирическим. Конечно, это послание должно было каким-то образом быть усиленным нашим Святым Яйцом в тот момент, когда мы будем наиболее восприимчивы. Но даже и в этом случае трудно представить себе, чтобы подобная болтовня могла завоевать много последователей.

Неужели они на самом деле верили, что мы поддадимся на это?

Еще один факт привлекает наше внимание. *Нет слоя для колесных!* Почему? Почему г'кеки упущены? Из-за своей явной бесполезности в программе истребительной войны?

Или потому что они уничтожены, их нет среди звезд?

Остается один ритм. Барабанный бой, подобный биению молотов по грудам стволов бу. И эти раскаты кажутся нашему сложному единству странно знакомыми.

Но в то же время наиболее чуждыми из всех.

СВЯЩЕННАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ МНОГОСУЩНОСТИ, НЕПОСРЕДСТВЕННО
ОТ ГОВОРЯЩЕЙ ВЕРШИНЫ, ОСОЗНАЮЩЕЙ РАЗГНЕВАННУЮ ВРАЖДЕБНОСТЬ?

ОТВЕЧАЙТЕ КЛЯНИТЕСЬ ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ОСКОРБЛЕНИЯМ! ПРЕСТУПНИКИ (ЗЕМЛЯНЕ) ДОЛЖНЫ ВСТРЕТИТЬСЯ С УНИЧТОЖЕНИЕМ…?

* * *

Мы в отчаянии отшатываемся. Эта эгомания гораздо грандиозней всех предыдущих, даже тех посланий, которые направлены на уров и людей! И однако — нацелена она на треки!

Понимаете ли вы, что происходит, мои кольца? Это ли вкус гордого коварства, которое распространяли предназначенные для сознания деспотические торы? Эти тираны, которые некогда владели нашими грудами колец? Владыки, сознательно оставленные нашими предками-основателями, когда они бежали на Джиджо?

Таково негодование этих высокомерных джофуров? (Да, дрожите, услышав это имя!)

Могучих существ, которые по-прежнему бродят меж звезд в нашем образе. Родичей по кольцам, чьими восковыми сердечниками правят маниа-

кальные устремления.

Но если это так, почему эти напыщенные речи так мало значат для наших многоцветных сегментов? Почему они кажутся такими банальными теперь, когда мы знаем, кто они такие на самом деле? Такими слабыми?

Демонстрация заканчивается. Излучение прекращается: в приборе иссякла энергия. Не важно. Теперь мы знаем, каково назначение этой путаницы проводов и шаров. Отравить, распространить яд, усиленный и сделавшийся правдоподобным благодаря влиянию Яйца.

По всей поляне вскипает гнев из-за этого святотатства, такой легкомысленной попытки разбудить дремлющую в нас враждебность. Ведь эта враждебность устарела еще до появления Яйца.

Неужели вы о нас такого низкого мнения, звездные повелители? Вы считаете, что нас можно одурачить и заставить выполнять грязную работу?

Мы видим, как вновь собирается толпа, выкрикивая угрозы, презрительно не обращая внимания на качающихся свистящих роботов. Люди, уры и все остальные теперь смешиваются свободней, объединяются в каком-то подъеме,

словно мы, Шесть, выдержали трудное испытание. И вышли из него более сильными и едиными, чем когда-либо.

Это худшее, что они могли с нами сделать?

Много раз я слышу этот вопрос.

Да, мои кольца, нам кажется, что Поляна — лишь малая часть Склона, а мы, присутствующие здесь, только небольшой фрагмент Общины.

Это худшее, что они могли с нами сделать?

Увы, если бы так.

Сара

Урунтай предпочитает передвигаться быстро и легко, нагружая на ослов только самое необходимое. Урунтай также верит в Тропу Избавления — и не одобряет книги.

У библиотекарей не было ни одного шанса.

Тем не менее, увидев вечером костер, трое архивистов в серых одеяниях начали бурно протестовать. Два человека и их помощник шимп, связанные, отчаянно вырывались, молили, угрожали, пытались броситься на запечатанные воском ящики, которые должны были отвезти в безопасное место.

Веревки спасли им жизнь. Раскрашенные

воины Урунтая, дежурившие с нацеленными арбалетами, не дрогнув, расстреляли бы светлокожих книжных смотрителей.

— Вам нравится огонь? — насмешливо спросила одна воительница на англике с сильным акцентом. — Огонь очищает. Он сжигает мусор. И то же самое может сделать с плотью. Человеческая плоть горит так хорошо.

Библиотекари замолчали и со слезами смотрели, как пламя лижет восковые печати на деревянных ящиках, охватывает груды томов, которые трепетали, как птицы. Бумажные страницы вспыхивали краткими метеорами, расставаясь с накопленной столетиями мудростью.

Сара радовалась, что Ларк и Нело не видят этого.

Многие тексты были скопированы во время Великой Печати и позже. Утрата может быть не такой тяжелой, как кажется.

Но сколько выдержат эти копии в наступающем веке, полном фанатических сект и крестовых походов? Когда каждый уверен в собственной правоте?

Если даже звездные боги не уничтожат Библос или не заставят взрывников выполнить это дело за них, фанатики, такие, как Джоп и Ур-Качу,

будут становиться все многочисленней и смелей, по мере того как будет распадаться ткань общества.

И, словно иллюстрируя эту мысль, перед закатом в лагере появилась группа единомышленников Джопа — десяток жестко выглядящих мужчин, вооруженных луками и мечами. Эти люди напились из ручья, не поворачиваясь спиной к соплеменникам Ур-Качу, но с удовлетворением смотрели на костер умирающих книг.

У этих двух групп общая цель. Покончить с "тщеславием" грамотности. Сместить нынешних мудрецов. Придерживаться диктатуры Свитков.

Позже, когда мы твердо будем идти по Тропе, сможем вернуться к засадам и взаимному убийству, определяя, кто самый сильный хищник в зловонной пирамиде освобожденных животных.

Костер рухнул, выбросив тучу искр и обрывков горячей бумаги, которые словно подхватил ветер. Незнакомец, стоявший рядом с Сарой, поймал одну страницу и стал вглядываться в нее, как будто пытаясь прочесть, что на ней было напечатано. Возможно, он увидел в ней нечто похожее на себя. Когда-то красноречивая, теперь она утратила способность речи.

Не одни библиотекари смотрели на костер с ужасом на вымазанных сажей лицах. Молодая супружеская пара хунских пилигримов вцепилась друг в друга, произнося погребальную молитву, как будто среди грязных углей позвоночник близкого. В явном отчаянии смотрели квуэны, а также — *мы не* забудем *это* — несколько печальных торговцев-уров.

Запах дыма напомнил Саре о тьме. Той темноте, которая не кончается с рассветом.

— Ну хорошо! Слушайте все! Прошу внимания. Вот наш план.

Молчание нарушил Джоп. Он подошел в составе четверки, вместе с Ур-Качу, Ульгор и мрачным, загорелым человеком, жесткое лицо и кремневая твердость которого делали его почти представителем другой расы по сравнению с мягкими книжниками-библиотекарями. Даже Урунтай обращался с этим человеком с неохотным уважением. Раскрашенные воины уступали ему дорогу. Саре он показался *знакомым.*

— Мы уходим двумя группами, — продолжал Джоп. — Большая группа направляется в болото Соленого Копыта. Если какой-нибудь отряд милиции услышит о происшедшем и решит нас преследовать, прежде всего они будут искать

там. Так что кое-кого из вас могут и “освободить” через неделю-другую. Нам это подходит.

Меньшая группа будет идти быстрее. Люди поедут верхом, каждые полмидура пересаживаясь на свежих ослов. Не причиняйте беспокойства и даже не думайте ускользнуть в темноте. Урунтай — опытные следопыты, и далеко вы не уйдете. Вопросы есть?

Никто ничего не спросил, и Джоп пальцем поманил Незнакомца.

— Ты. Сюда.

Он показал в ту сторону, где у пруда оазиса цепочкой были привязаны самые крупные и сильные животные. Незнакомец посмотрел на Сару.

— Все в порядке. Она тоже может ехать. Мы не можем допустить, чтобы наш заложник заболел, верно? — Джоп повернулся к Саре. — Думаю, ты сможешь заботиться о нем еще какое-то время.

— Если смогу взять свой багаж. И Прити, конечно.

Четверо предводителей принялись совещаться. Ур-Качу возражала, но Ульгор встала на сторону людей, даже если это означало необходимость бросить часть добычи, отнятой у торговцев каравана. Пришлось сбросить на землю груз с еще

двух ослов.

Еще один спор возник, когда Незнакомец сел на осла; при этом ноги его с обеих сторон почти доставали до земли. Он отказался оставить свой дульцимер, держа инструмент рукой. Недовольная Ур-Качу с отвращением фыркнула, но сдалась.

Со своего места на спине другого осла Сара видела, как человек с жестким лицом показал на взрывника Курта, который сидел рядом с племянником и молча наблюдал за происходящим.

— И вы, господин взрывник, — с почтительным поклоном обратился к нему Джоп. — Боюсь, мои друзья хотят задать вам несколько вопросов, а это не подходящее место для того, чтобы убедить вас ответить.

Не обращая внимания на скрытую угрозу, седобородый человек из города Тарека перенес свою сумку к каравану ослов. Джома пошел за ним. Когда пара Урунтай попыталась отобрать у него сумку, Курт мягким и серьезным голосом сказал:

— Содержимое… требует осторожного обращения.

Воительницы попятились. Никто не мешал Курту сбрасывать груз еще с одного осла. Вместо груза он привязал свою сумку.

Остальную часть “быстрой группы” составляли воины Урунтай и люди — в одинаковых количествах. Люди на ослах выглядели почти так же неуклюже, как высокий Незнакомец. Все чувствовали себя неуверенно. Многие впервые садились верхом.

— Ты не идешь? — спросила Сара Джопа.

— Я слишком давно не был на своей ферме, — ответил тот. — К тому же у меня в Доло есть одно незаконченное дело. Чем быстрее там не станет плотины, тем лучше.

Голова Сары дернулась, но не из-за слов Джопа. Она кое-что заметила за его плечом: на поверхность пруда поднимается цепочка пузырей.

Блейд. Он все еще под водой. И все слышит!

– Не волнуйся, девочка, — заверил Джоп, неправильно истолковав на мгновение промелькнувшее в ее взгляде изумление. — Я присмотрю, чтобы твоего папы не было, когда эта проклятая штука взорвётся.

Прежде чем Сара смогла ответить, вмешалась Ур-Качу.

Пора покончить с задержками и действовать! Выходим!

Одним из своих хвостов она хлестнула по крупу осла, и караван двинулся вперед.

Неожиданно Сара соскочила с седла и уперлась ногами. Ее осел споткнулся, и по всей цепочке в обе стороны прокатилась волна остановок. Один из мрачных людей даже упал на землю, вызвав насмешливые возгласы уров.

— Нет, — с мрачной решимостью сказала Сара. — Вначале я должна узнать, куда мы направляемся. Джоп негромко принялся ее уговаривать:

— Мисс Сара, пожалуйста. Я даже сам не знаю… Он замолчал, тревожно глядя мимо нее на приближающегося человека с кремневыми глазами.

— В чем проблема? — Его глубокий низкий голос казался странно культурным, вопреки грубой внешности. Сара встретилась со взглядом его серых глаз.

— Не сяду, пока не скажете, куда мы направляемся. Охотник приподнял бровь.

— Мы вас привяжем. Сара рассмеялась:

— Этот маленький осел с трудом выдерживает добровольного седока. А тут я буду висеть на нем, да еще стараться сбить с хода. А если вы бросите меня как мешок картошки, я сломаю себе ребра.

— Возможно, мы рискнем и этим, — начал он и нахмурился, когда Незнакомец, Курт и Прити тоже слезли с ослов и встали, взявшись за руки.

Воин вздохнул.

— Какая в конце концов разница, если вы будете знать заранее?

Чем больше он говорил тем более знакомым казался. Теперь Сара была уверена, что встречалась с ним раньше.

— Мой подопечный нуждается в медицинском уходе. До сих пор мы не допускали инфекцию пользуясь специальными мазями, произведенными нашим аптекарем треки. И поскольку вы не берете с собой в “быструю группу” его колесницу, нам нужно попросить Пзору подготовить запас мазей в дорогу.

Человек кивнул.

— Это можно организовать. — Он знаком велел незнакомцу подойти к Пзоре.

Сняв реука, который в последнее время сменил повязку, астронавт обнажил зияющую рану в голове. Несколько пустынных людей зашипели и стали делать жесты, отвращающие неудачу. Симбионт Незнакомца и реук Пзоры соединились в единый клубок и принялись обмениваться энзимами, а сам Незнакомец тем временем обратился к треки с последовательностью быстрых жестов руками — Саре даже показалось, что она услышала обрывок песни, — прежде чем наклониться и

предоставить рану для очистки и лечения.

Сара заговорила снова.

— Лекарства, которые произведет Пзора, сохранятся на несколько дней, так что к тому времени вам лучше отвезти нас к другому аптекарю или у вас на руках будет совершенно бесполезный заложник. Звездные боги за мертвеца много не заплатят, друг он им или враг.

Предатель долго оценивающе смотрел на нее, потом отошел и заговорил с Ур-Качу и Ульгор. Вернулся он с легкой улыбкой.

— Это означает небольшой крюк, но недалеко от нашей цели есть поселок, а в нем аптекарь. Вы правильно сделали, что указали нам на это. В следующий раз, пожалуйста, просто расскажите о проблеме, не вызывая неприятностей.

Сара смотрела на него, потом разразилась смехом. Он присоединился к ней со своим гулким хохотом, и это словно слегка ослабило напряжение. Этот хохот вернул Сару в прошлое, в первые дни пребывания ученицей под каменной крышей.

— Дединджер. — Она произнесла это имя почти беззвучно. Улыбка по-прежнему легкая, с оттенком горечи.

— Я гадал, узнаете ли вы меня. Мы работали

в разных отделениях, хотя я следил за вашей работой с тех пор, как меня изгнали из этого рая.

— Рая, который вы пытались уничтожить, насколько я помню.

Он пожал плечами.

— Я начал действовать, не дожидаясь консенсуса. Но привычки коллегиальности трудно разорвать. К тому времени как я был готов, слишком многие узнали о моих намерениях. И до изгнания за мной следили днем и ночью.

— Жаль. А это ваш способ получить второй шанс. — Она показала на костер.

— Действительно. После годов, проведенных в дикости, где я проповедовал в группе падших — людей, которые дальше других прошли по Тропе Избавления, я узнал достаточно…

Резкий нетерпеливый свист Ур-Качу не слова на каком-нибудь известном языке, но он свидетельствовал, что она с трудом сдерживается. Дединджер снова приподнял бровь.

— Может, двинемся?

Сара подумала, стоит ли еще раз попытаться заставить Дединджера вслух произнести название места их назначения. Дединджер безумец, но не дурак. Ее настойчивость может вызвать у него подозрения и даже выдать Блейда.

Молча пожав плечами, она снова села на терпеливого осла. Суженными глазами наблюдая за ней, Незнакомец тоже сел верхом, за ним последовали Курт и Прити.

Остальные уцелевшие путники из злополучного каравана, казалось, одновременно жалеют о том, что они не так важны для Урунтая, и испытывают облегчение. Быстрая группа выехала из оазиса, направляясь на юг. Позади остались горькие запахи костра, пыли и животных.

Сара оглянулась на освещенный луной пруд.

Ты все слышал, Блейд? Или спал?

Но что может сделать синий квуэн в середине высохшей равнины? Ему лучше всего оставаться у воды, пока не придет помощь.

Сзади послышались голоса животных. Это выступила вторая группа — медленней, но по тому же пути.

Это имеет смысл. Большая группа сотрет следы меньшей. В каком-нибудь месте Ур-Качу свернет, а преследователи, если они будут, пойдут за большей группой.

Вскоре они остались одни в высокогорной степи. Воительницы Урунтая были оживлены, двигались легко и проворно и посмеивались над неуклюжими людьми, которые морщились и

при езде задевали ногами землю. Люди слезали с ослов и на протяжении нескольких полетов стрел бежали рядом с ними, потом снова садились верхом. Хороший способ избавиться от насмешек уров. Да и стертостей не будет.

Увы, Сара знала, что она не в такой физической форме, чтобы бежать. Бели выживу, обязательно займусь своей формой, не в первый раз подумала она.

Человек с серыми глазами несколько Дуров бежал рядом с Сарой, улыбаясь ей сухой красноречивой улыбкой. Он был так жилист и силен, что Сара поражалась, как вообще смогла узнать его. Когда она в последний раз видела ученого Дединджера, это был бледный интеллектуал с брюшком человека средних лет, специалист по самым древним свиткам и автор текста, который и сейчас у Сары в ее небольшом багаже. Человек, когда-то уважаемый, с высоким статусом, пока его ортодоксальный фанатизм не показался чрезмерным даже для терпимого Высшего Совета.

В те дни мудрецы придерживались особой двойной верности, распределенной поровну между Джиджо, с одной стороны, и беззаконным замыслом предков, с другой. Компромисс достигался с трудом. Некоторые избирали одну

сторону, настраиваясь против другой.

Брат Сары полностью встал на сторону планеты. Ларк считал миллиарднолетний галактический экологический кодекс разумным и справедливым. Для него даже знаменитая “тропа освобождения” не давала права на нарушение этих правил.

Дединджер разделял противоположную крайность. Его не заботили экология и сохранение видов, только освобождение, обещанное Свитками. Поиски невинности как средства достижения лучшего будущего. Возможно, он в этом кризисе увидел и путь к возвращению утраченных почестей.

Сара при лунном свете смотрела, как изгнанный мудрец движется с жилистым изяществом — настороженный, сосредоточенный, сильный: живое доказательство справедливости избранного им простого жизненного стиля.

Обманчиво простого, думала она. *У мира бесчисленное количество возможностей быть не таким, как кажется на первый взгляд.*

Немного погодя Урунтай замедлил движение, потом совсем остановился для еды и отдыха. Самки с мужьями и личинками в сумках каждый мидур должны были пить теплую кровь

симлы. Люди были недовольны урским обычаем быстрых, но коротких перебежек, и отдыху они предпочитали менее торопливое, но равномерное передвижение.

Вскоре после второго такого перерыва Ур-Качу повернула всю группу на каменистый карниз, который тянулся в общем направлении на юго-восток, как хребет окаменевшего гиганта. Неровная местность замедлила продвижение, и Сара воспользовалась этим, чтобы спешиться и дать отдохнуть ослу и собственному заду. У нее затекли руки и ноги, и она надеялась, что ходьба вернет им подвижность. Но держалась рукой за седло: вдруг споткнется в темноте на невидимом камне.

Взошла вторая луна, и идти стало немного легче. Освещенные серебристым Торгеном, горы казались выше, чем обычно. Ледники на северном склоне впитывали падавший под углом свет спутника и возвращали его своеобразным голубым сиянием.

Незнакомец запел. Сладкая негромкая мелодия заставила Сару подумать об одиночестве.

Я одинокий остров
В далеком море,
И ближайшая полоска земли -

Это мои тоскливые мысли о тебе.

О, если бы я был свободен Душой и телом, Ты села бы в лодку И приплыла ко мне?

Это англик, хотя такой диалект Сара никогда не слышала. Много незнакомых слов. Неизвестно, насколько сам звездный человек понимает то, что поет. Но стихи, несомненно, вызывали у него глубокое чувство.

Я лед, который утоляет твою жажду,

От которого звенят твои яркие кольца?

Ты ангельский образ,

Поцелуй которого придает планете крылья…

Пение кончилось, когда прискакала Ур-Качу, раздувая ноздри, и потребовала прекратить *невыносимый земной кошачий концерт.* Сара полагала, что это исключительно личное мнение, потому что остальные уры не возражали. Музыка входит в очень короткий перечень того, в чем согласны обе расы. Некоторые уры даже говорят, что согласны переносить запах людей, потому что те принесли на Джиджо виолу.

Для тетки Ур-Качу казалась необычно раздражительной.

Человек из космоса замолчал, и группа двигалась в тишине, подчеркиваемой цоканьем копыт на камне.

Следующая кровавая остановка — в укрытии от ветра между каменными плитами, которые могли быть естественными образованиями, но в полутьме казались руинами древней крепости, погибшей в какой-то катастрофе. Один из обветренных пустынных людей дал Саре кусок черствого хлеба и сыр из молока кустарниковой коровы, несвежий, но вкусный, тем более что Сара ужасно проголодалась. Но рацион воды разочаровал. Уры не видят смысла в том, чтобы брать с собой большие запасы воды.

Около полуночи группе пришлось перейти в брод широкий мелкий ручей на дне пустынной вади. Ульгор, всегда готовая ко всему, натянула прочную, без щелей, обувь и пересекла ручей, не замочив ног. Остальные урские мятежницы брели рядом с людьми и ослами, потом тряпками вытерли ноги друг у друга. После этого Урунтай какое-то время двигался очень быстро, пока не высохла влага на волокнистой шерсти ног.

Когда шаг снова замедлился, Сара слезла с осла и пошла пешком. Вскоре справа от нее послышался низкий голос.

— Я хотел вам сказать… я читал вашу работу о лингвистическом регрессе индоевропейских языков.

Это ученый, ставший охотником. Дединджер шел по другую сторону ее осла. Она долго смотрела на него, прежде чем ответить.

— Я удивлена. В ней пятьдесят страниц, я сумела сделать только пять копий, и одна у меня. Дединджер улыбнулся.

— У меня еще есть друзья в Библосе, которые время от времени присылают мне работы по интересующим меня темам. Что касается ваших положений, то хотя замечания о грамматическом совершенстве долитературных торговых кланов мне понравились, боюсь, я не могу разделить вашу общую теорию.

Сара не удивилась. Ее заключения противоречат всему, во что верит этот человек.

— Таков путь науки — циклы признаний и непризнаний. Никакой догматической истины. Никакого жесткого, заранее известного слова.

— В противоположность моей рабской привязанности к нескольким древним свиткам, в написании которых не участвовал ни один человек? — Кремневый человек рассмеялся. — Я так и думал, что все сведется к тому, в каком направлении, по-вашему, движутся люди. Даже среди консервативных галактов наука должна медленно совершенствовать модель мира. Она

ориентирована на будущее. Ваши дети будут знать больше вас, так что истина, которую вы постигаете, никогда не может быть названа “полной”.

Все хорошо, пока ваш путь направлен вверх, Сара. Но традиция и прочная вера предпочтительней, если вы спускаетесь по узкой священной дороге к рабству. В таком случае споры и неуверенность только смутят вашу паству.

— Ваша паства не кажется смущенной, — признала Сара. Он улыбнулся.

– Мне удалось повернуть этих жестких людей к истинной ортодоксальности. Большую часть года они проводят на равнине Режущего Песка, охотясь на диких пауков-ленивцев, которые живут в пещерах под дюнами. Большинство из них не умеет ни читать, ни писать, а немногие орудия они изготовляют сами. Они уже далеко прошли по Тропе. Другие группы убедить может оказаться труднее.

— Например, гильдию взрывников? Бывший ученый кивнул.

— Загадочный клан. Их колебания при выполнении своего долга в нынешнем кризисе тревожат.

Сара посмотрела на Курта и Джому. Старший

взрывник дремал на медленно идущем осле, а племянник продолжал односторонний разговор в Незнакомцем, который в ответ на болтовню Джомы кивал и улыбался. Звездный человек — идеальный, никогда не критикующий слушатель для застенчивого мальчика, который только начинает выражать себя.

— Может, они сообразили, что могут взорвать только раз, — заметила Сара. — А потом им придется зарабатывать на жизнь, как всем остальным.

Дединджер хмыкнул.

— Если это так, кому-то пора уважительно напомнить им об их обязанностях.

Сара вспомнила слова Джопа о том, что необходимо "убедить" Курта. В более напряженные времена у этого выражения может быть зловещий смысл.

Возможно, мы возвращаемся к таким временам.

Кремневый мятежник покачал головой.

— Но забудем об этом. Я действительно хочу поговорить о вашей захватывающей работе. Не возражаете?

И когда Сара пожала плечами, Дединджер дружелюбным тоном продолжил так, словно они

сидят в факультетском фойе в Библосе:

— Вы признаете, что праиндоевропейский и многие другие древние праязыки обладали более строгой и рациональной структурой, чем последующие диалекты, развившиеся из них. Пока все верно?

– Согласно книгам, привезенным на “Обители”. Мы располагаем только полученными в наследство данными.

— И однако вы не считаете эту тенденцию очевидным признаком отхода от совершенства? От оригинальной грамматики, созданной для нашего использования расой патронов?

Сара вздохнула. Возможно, во вселенной бывают более странные вещи, чем разговор на абстрактные темы с похитителем под пустынным небом, но ей ничего такого не приходило в голову.

— Структура этих ранних языков могла возникнуть за многие поколения в результате отбора под давлением обстоятельств. Примитивным людям нужна строгая грамматика, потому что у них нет письма или других способов исправления ошибок и лингвистических отклонений.

— А, да. Ваша аналогия с игрой в телефон, в которой язык с самым высоким уровнем кодиро-

вания шамана…

— Кодировки Шеннона. Клод Шеннон показал, что любое сообщение может нести в себе средства исправления ошибок, вкравшихся во время передачи. В бесписьменных языках такая избыточность часто бывает заключена в грамматических правилах — падежах, склонениях, определениях и тому подобном. Это все элементарные основы теории информации.

— Гм, может быть, для вас. Признаюсь, что не сумел разобраться в вашей математике. — Дединджер сухо усмехнулся. — Но допустим, в этом вы правы. Но разве такая умная самокорректирующаяся структура не доказывает, что ранние человеческие языки были искусно сконструированы?

— Вовсе нет. Те же аргументы выдвигались против биологической эволюции, а позже против представления о самостоятельно развившемся разуме. Некоторым очень трудно представить себе, что из дарвиновского отбора может возникнуть что-нибудь сложное, но так оно и есть.

— Значит, вы считаете…

— Что то же самое произошло с долитературными языками на Земле. Культуры с более строгой грамматикой удерживаются на больших расстo-

яниях и более долго. Согласно мнению многих лингвистов прежних времен, индоевропейцы расселились по огромной территории — от Европы до Центральной Азии. Жесткое совершенство их языка позволяло поддерживать связи и вести торговлю на расстояниях, которые тогда невозможно было преодолеть за одну жизнь. Новости, сплетни, рассказы могли медленно устно передаваться по всему континенту и доходить столетия спустя, почти не изменившись.

— Как в игре в телефон.

— Такова общая идея.

Сара опиралась на осла, у нее устали ноги. Но неясно, что лучше: терпеть усталость или дать ногам отдохнуть и страдать от боли в копчике, если она сядет верхом. Ради маленького осла она решила идти и дальше пешком.

Дединджер продолжал спор.

— Если все, что вы говорите, правда, как вы можете отрицать превосходство ранней грамматики перед путаными, дезорганизованными последующими диалектами?

— Что значит “превосходство”? Говорите ли вы о праиндоевропейском, прабанту или прасемитском языке, все они в течение сотен и даже тысяч лет обслуживали потребности консервативной,

почти не подверженной изменениям культуры кочевников и скотоводов. Но потребности изменились, когда наши предки перешли к земледелию, обработке металлов и письму. Прогресс изменил само представление о том, чему должен служить язык.

Выражение искренности на мгновение смягчило жесткое лицо собеседника.

— Но скажите, для чего нужен язык, если не для сохранения преемственности культуры и облегчения связи?

Этот же вопрос задали и прежние коллеги Дединджера из его отделения, отвергшие теорию Сары при первом ее докладе и высмеявшие ее в присутствии мудрецов Боннера, Теина и Пурофски. Разве величественная цивилизация Пяти Галактик не усовершенствовала свои двадцать с лишним стандартных кодов с дней легендарных Прародителей с одной-единственной целью — облегчить обмен мнениями между мириадами рас?

— Есть еще одно желательное обстоятельство, — возразила Сара. — Еще один продукт языка, в конечном счете не менее важный, чем преемственность.

— И что же это?

– *Творчество.* Если я права, для творчества нужен совсем иной тип грамматики. Абсолютно иной взгляд на ошибки.

— Подход, который приветствует ошибки. Включает их. — Дединджер кивнул. — Мне трудно было разобраться в этой части вашей работы. Вы говорите, что англик лучше, потому что в нем нет избыточного кодирования. Потому что в каждой фразе, в каждом абзаце есть ошибки и двусмысленности. Но как хаос может способствовать изобретательности?

— Он позволяет расстаться с предрассудками. Разбирать самые нелогичные, нелепые и явно ошибочные предположения и делать это в разумно звучащих предложениях. Таких, например, как парадокс: “Это предложение — ложь”. Ни на одном из галактических языков это предложение не может быть построено грамматически правильно. Нас мучит и смущает наличие противоречий в самых давних и широко распространенных положениях. Наши мысли при этом выбиваются из колеи.

— И это хорошо?

— Но так рождается творчество, особенно у людей. Для того чтобы родилась одна хорошая идея, нужно предварительно высказать, просеять,

испытать и отвергнуть десять тысяч идиотских мыслей. Мозг, который боится нелепостей, никогда не создаст ничего оригинального: некоторые абсурдные концепции будущие поколения будут считать “совершенно очевидными”.

Один из результатов этих перемен — появление большого количества новых слов. Образовался словарь, гораздо более обширный, чем в древних языках. Слова — названия новых вещей, новых идей, новых способов сравнения и рассуждения.

Дединджер добавил:

— И новых катастроф. Новых недоразумений. Сара, уступая, кивнула.

– Это опасный процесс. Кровавое прошлое Земли показывает, как воображение и вера превращаются в проклятия, если их не сопровождает способность к критическому мышлению. Письмо, логика и эксперименты позволяют до некоторой степени компенсировать способность избегать ошибок, заложенную в грамматику. Но прежде всего зрелый человек всегда в первую очередь должен рассматривать самую неприятную возможность — то, что его любимые доктрины могут оказаться ошибочными.

Она взглянула на Дединджера. Поймет ли он, что "этот камешек в его огород?

Изгнанный педагог сухо улыбнулся Саре.

— А приходило ли вам в голову, мисс Сара, что последнее утверждение может быть адресовано и вам и вашей любимой гипотезе?

Пришла очередь Саре вначале внутренне поморщиться, потом вслух рассмеяться.

— Человеческая природа. Каждый из нас полагает, что знает, о чем говорит, а все, кто с ним не согласен, придурки. Люди творчества видят в зеркале Прометея, а не Пандору.

Дединджер иронически заметил:

— Иногда факел, который я несу, обжигает мне пальцы.

Сара не могла понять, насколько серьезно это замечание. Ей часто бывало легче понять чувства хуна или г'кека, чем представителя собственной загадочной расы. Тем не менее она обнаружила, что наслаждается разговором, первым таким разговором за очень долгое время.

— А что касается тенденций развития здесь, на Джиджо, только посмотрите на некоторые стихотворные романы, в последнее время опубликованные в северных урских племенах. Или недавний взлет хунской романтической поэзии. Или хайку на Галдва, которые приходят из Долины…

Ее оборвал резкий свист — гортанный приказ, вылетевший из вытянутой шеи Ур-Качу. Караван усталых животных остановился, а предводительница Урунтая указала на север, на одинокую вершину. В ее тени нужно разбить замаскированное убежище.

В ее тени…

Мигая, Сара осмотрелась и увидела, что ночь почти кончилась. Над вершинами вставал рассвет, преодолевая ранний утренний туман. Они поднялись в горы или, вернее, в скалистые предгорья, оставив позади выжженную равнину Уоррил. Увы, теперь они далеко к югу от торной дороги, ведущей на Поляну Собраний.

Вежливость Дединджера контрастировала с его грубой.внешностью: извинившись, он отправился организовывать своих людей.

— Мне нравится соревноваться в уме, — с поклоном сказал он. — Может, мы еще возобновим этот разговор.

— Может быть.

Хотя разговор был приятным отвлечением, Сара не сомневалась в том, что этот человек принесет ее вместе со всеми ее идеями на алтарь своей веры. И поклялась быть готовой при первой же возможности увести друзей от этих

фанатиков.

Отлично. Старик, мальчишка, шимпанзе, раненый чужак и интеллектуалка не в форме – даже если у нас будет несколько часов форы, эти уры и люди пустыни поймают нас быстрее, чем ты построишь график синуса.

И все же она посмотрела на север, на высокие горы, где в скрытых долинах происходят знаменательные события, и подумала: *Нам нужно двигаться быстрее, иначе Ифни, бог или вселенная обойдутся без нас.*

Аскс

Настала наша очередь угрожать.

Прокторы сдерживают разъяренную толпу; наши прежние гости окружены гневным кольцом. Оставшиеся сторонники чужаков, в основном люди, образуют вокруг пришельцев со звезд другое кольцо, защитное, а два робота носятся в воздухе, огненными молниями создавая буферную зону.

Лестер Кембел выступает вперед и поднимает обе руки, призывая к тишине. Шум стихает, толпа уменьшает давление на измученных прокторов. Вскоре воцаряется тишина. Никто не хочет пропустить следующий шаг в игре, в которой все мы

лишь символы Джиджо. Игра будет выиграна или проиграна в зависимости от нашего мастерства и удачи.

Лестер кланяется послу ротенов. В одной руке он держит стопку металлических пластинок.

— Давайте оставим притворство, — говорит Лестер звездному богу. — Мы знаем, кто вы такие. И вы не сможете своей грязной работой подтолкнуть нас к взаимному геноциду.

Далее, если вы попробуете сами выполнить эту работу и уничтожить всех свидетелей вашего незаконного посещения, вам это не удастся. Вы только удлините перечень своих преступлений.

Мы рекомендуем вам удовлетвориться. Берите все, что вам нужно от этого мира, и уходите.

Звездный человек самец в гневе выступает вперед.

— Как ты смеешь так говорить с патроном твоей расы! — кричит Ранн с побагровевшим лицом. — Извинись за свою наглость!

Но Лестер не обращает внимания на Ранна, чей статус в глазах Шести резко понизился. Прихлебатель/слуга не может распоряжаться мудрецом, какими бы богоподобными силами он ни владел.

Наш посол-человек протягивает Ро-кенну одну

из металлических пластинок.

— Мы не гордимся этим видом искусства. Оно использует материалы, которые не стареют со временем и не растворяются в почве матери Джиджо. Напротив, они неистребимы. Не подвержены времени. Правильно сбереженные, они сохранят изображения до тех пор, пока эта планета снова не будет полна законной разумной жизнью.

Обычно мы посылаем такой мусор туда, где Джиджо может переработать его в огне. Но в данном случае мы сделаем исключение.

Посол ротенов поворачивает пластинку в утреннем свете. В отличие от фотографий на бумаге, эти изображения лучше всего видны под определенными углами. Мы/я знаем, что там изображено, не правда ли, мои кольца? На пластинке Ро-кенн и его товарищи перед самым началом злополучного паломничества — путешествия, чьи ужасы все еще стекают с нашего воскового сердечника. Портретист Блур изготовил эту пластинку как средство шантажа.

— На других пластинках ваша группа изображена в различных положениях, в экспедициях, при обследовании кандидатов, часто на фоне, который определенно свидетельствует об этом

месте и этой планете. Форма ледников и выветренных холмов позволит определить дату в пределах до ста лет. Может, и точнее.

Реук, покрывающий мое зрительное кольцо, снова передает противоречивые эмоции Ро-кенна, столкновение противоположностей. Но каких именно? Лучше ли мы теперь понимаем эти чуждые формы жизни? Наше второе кольцо разума кажется глубоко заинтересованным сталкивающимися цветами.

Ротен протягивает элегантную руку.

— Могу я посмотреть остальные? Лестер передает их.

— Это лишь примеры. Естественно, подробный отчет о знакомстве с вашим кораблем и экипажем также запечатлен на прочном металле и спрятан вместе с пластинками.

— Естественно, — спокойно отвечает Ро-кенн, внимательно разглядывая одну пластинку за другой, переворачивая их, подставляя лучам солнца. — Для сунеров, которые сами себя подвергли проклятию, вы сохранили необычные искусства. Ничего подобного я не видел, даже в цивилизованном космосе.

Эта лесть вызывает одобрительный ропот в толпе. Ро-кенн снова очарователен.

Лестер продолжает:

— Любой акт мести или геноцида против Шести будет точно так же сохранен. Сомнительно, чтобы вы смогли уничтожить нас всех, прежде чем наши спрятанные писцы завершат эту работу.

— Действительно сомнительно. — Ро-кенн замолкает, словно обдумывая дальнейшие действия. Учитывая его прежнее высокомерие, мы ожидали, что шантаж и очевидные проявления неуважения приведут его в негодование. Мы бы не удивились, если бы встретили откровенно презрительное отношение к попыткам полуживотных угрожать божеству.

Но разве не видим мы вместо этого нечто похожее на *осторожную расчетливость? Неужели* он понял, что мы загнали его в угол? Ро-кенн пожимает плечами — очень похоже на человеческий жест.

— Что же нам в таком случае делать? Если мы согласимся на ваши требования, как мы можем быть уверены, что это не появится когда-нибудь, чтобы преследовать наших потомков? Отдадите ли вы нам сейчас эти пластинки в обмен на наше обещание улететь в мире?

Теперь смеется Лестер. Полуобернувшись к толпе, он делает жест одной рукой.

— Если бы вы явились, когда Община еще одно-два столетия прожила в мире, мы, может быть, и поверили бы вам. Но кто из нас не слышал рассказов стариков, которые были свидетелями того, как Сломанный-Зуб обманул Ур-ксоун возле Ложного Моста в самом конце старых войн? Какой человек не читал трогательные рассказы о каком-то своем прапрапра-деде, который избежал смерти в ущелье Мира в Годы Лжи?

Он поворачивается к Ро-кенну.

— Наши знания обманов получены на собственном горьком опыте. Мы с большим трудом завоевали мир — и эти уроки не забыты.

Нет, могучий ротен. Мы с извинениями отказываемся просто верить вам на слово.

Легкое движение грациозной руки удерживает новый гневный взрыв Ранна. Сам Ро-кенн словно забавляется, хотя на его лице мы снова видим это странное столкновение противоречивых красок.

– В таком случае какая же у нас гарантия, что вы уничтожите эти объекты, когда мы улетим, а не оставите их в таком месте, где их смогут найти будущие обитатели этой планеты? Или, что еще хуже, представители Великих Институтов через какую-нибудь тысячу лет?

У Лестера готов ответ.

— В этом и заключена ирония, о могучий ротен. Если мы, как разумные существа, помним вас, значит, мы по-прежнему свидетели, способные давать показания о вашем преступлении. Таким образом, если мы сохраним память, у вас есть основания действовать против нас.

Но если, с другой стороны, мы успешно пройдем тропой избавления и забвения, через тысячу лет мы станем подобны глейверам и будем для вас совершенно неопасны. Не будем больше способны свидетельствовать. В таком случае у вас не будет причин вредить нам. Поступать так было бы неразумно и даже рискованно.

— Верно, но если к этому времени вы забудете о нашем посещении, разве не забудете вы также места, где спрячете эти изображения? — Ро-кенн протягивает пластинку. — Они будут лежать в засаде, как затаившиеся снаряды, и терпеливо ждать времени, когда смогут попасть в нашу расу.

Лестер кивает.

— В этом и заключена ирония. Возможно, вас удовлетворит наша клятва обучить последующие поколения песне-загадке, если хотите, — чего-нибудь очень простого, которое сохранится даже в примитивном сознании наших потомков.

— И какова цель этой загадки?

— Мы сообщим нашим детям, что, когда с неба явятся существа, знающие ответ на загадку, им следует передать эти предметы из тайных святилищ. Отдать звездным повелителям, вашим преемникам, о могучий ротен. Естественно, если мы, Шесть, сохраним *подробные* воспоминания о вашем преступлении, мы, мудрецы, *предотвратим* передачу, потому что это произойдет слишком быстро. Но эта память не будет передаваться детям или сохраняться с такой же тщательностью, как загадка. Ибо воспоминания о вашем преступлении — это смертельный яд.

Мы предпочитаем забыть, как и зачем вы приходили. Только в таком случае мы будем в безопасности от вашего гнева.

Лестер предлагает хитроумную и тщательно продуманную сделку. На совете ему трижды приходилось разъяснять свой план. Теперь толпа волнуется, поглощая идею элемент за элементом, делясь понятым, пока восхищенный шум не окружает, подобно расплавленному свету, тесно зажатые существа. Поистине, элегантная сделка.

— Откуда нам знать, что так мы получим все объекты? — спрашивает Ро-кенн.

— В определенных пределах вы должны по-

лагаться на удачу. Вы ведь и летели сюда как игроки, не правда ли, могучий ротен? Вот что я могу вам сказать. У нас нет никакого желания, чтобы эти изображения сохранялись долгие века и чтобы потом их могли обсуждать юристы Институтов, чтобы они искали поводы для наказания наших родичей — космические расы, которые по-прежнему населяют звезды. Своей прочностью и неистребимостью эти пластинки представляют собой осквернение цели нашего пребывания здесь. Ведь наша цель — вернуть себе невинность. Обрести второй шанс.

Ро– кенн задумывается.

— Похоже, мы явились на Джиджо на несколько тысяч лет преждевременно. Если вам удастся пройти по вашей Тропе, эта планета станет бесценной сокровищницей.

Вначале мы не совсем ясно понимаем смысл его слов, потом по толпе пробегает гул — от фырканий уров и свистов квуэнов до гулкого хохота хунов. Некоторых поражает ум Ро-кенна, на других действует скрытый комплимент — что ротены захотят принять предразумные расы, которыми можем стать мы Шесть. Но это не всеобщая реакция. Некоторые из присутствующих кипят гневом, отвергая всякую возможность

принятия ротенами.

Разве не кажется нам этот гнев глупым, мои кольца? Разве раса клиентов может контролировать, кто станет ее патроном? Нет, если верны сохранившиеся у нас сведения.

Но все эти книги истлеют задолго до того, как это произойдет.

— Обменяемся клятвами? — спрашивает Роканн. — На этот раз основанными на самых прагматических основаниях — на взаимном удержании?

По этому соглашению мы улетим на нашем корабле, подождав только возвращения из экспедиции нашей разведочной машины и подавив горечь, которую мы испытываем из-за подлого убийства наших товарищей. В обмен вы все поклянетесь забыть наше вторжение и нашу неудачную попытку говорить с вами через голос вашего Святого Яйца.

— Согласны, — отвечает Ум-Острый-Как-Нож, щелкая клешнями. — Сегодня вечером на совете мы подберем загадку, ответ на которую будет сообщен вам. Когда ваши соплеменники в следующий раз прилетят на Джиджо, они могут найти планету невинных. И наши потомки отведут их к месту укрытия. Тогда вы сможете забрать

изображения-мусор. Сделка будет завершена.

Толпу охватывает надежда, наш реук воспринимает ее как волну зеленой дрожи.

Можем ли мы поверить в такую возможность, мои кольца? Что Шесть все-таки доживут до счастливого конца? Фанатикам кажется, что они добились своего. Их юная предводительница возбужденно приплясывает. Никакого наказания за их насильственные действия не будет. Напротив, они прославятся как герои Общины.

Что скажете, мои кольца? Наше второе кольцо разума напоминает нам, что некоторые еретики могут предпочесть, чтобы гневный огонь и чума стерли с Джиджо инфекцию, которая называется Шесть. Да, есть еще одна, меньшая по размерам фракция еретиков. Эти эксцентрики считают, что наша судьба совсем в ином направлении, на которое в священных Свитках нет даже намека. Зачем ты вспоминаешь об этом, мое кольцо? Какое отношение имеет этот вздор к нашему времени и месту?

Писцы записывают подробности соглашения. Вскоре высокие мудрецы должны будут окончательно рассмотреть его и дать согласие. (Готовьтесь, мои кольца!) Тем временем мы размышляем над аномалией, о которой сообщает

нам реук; он по-прежнему передает противоречивые раздражающие цвета Ро-кенна. Может ли это быть тенью *обмана!* Обмана и *насмешливой забавы?* Радостного принятия соглашения, но только внешнего, выигрывающего время, пока…

Перестань, приказываем мы нашему второму кольцу, которое легко увлекается. Оно прочитало слишком много романов. Мы недостаточно знаем ротенов, чтобы прочесть в их внешности тонкие оттенки значения.

К тому же разве Ро-кенн не пойман в ловушку? Разве у него нет оснований бояться изображений на твердом металле? Логично рассуждая, он не должен идти на риск наказания всей своей расы, всего своего потомства.

Или он знает что-то такое, чего не знаем мы?

Какой глупый вопрос, когда речь идет о звездном боге!

Толпу охватывает надежда, а я/мы с каждым дуром нервничаю все больше. Что, если им безразличны эти фотографии? В таком случае Ро-кенн может согласиться на все, ибо, когда прибудет могучий корабль, все эти клятвы будут не важны. Тогда, обеспечив свою личную безопасность…

У нас не было возможности закончить это капающее рассуждение. Ибо неожиданно произошло

кое-что еще. Слишком быстро и неожиданно, чтобы успеть просочиться в наш воск.

Все началось с резкого человеческого крика…

Один из сикофантов, сторонник ротена, указывает мимо звездного бога на носилки, где лежат два его мертвых товарища…

На двоих погибших при взрыве набросили тонкий шелковый покров. Но мы видим, что этот покров откинут, обнажив покойного ротена и покойного звездного человека…

Неужели мы видим портретиста Блура, который своим записывающим устройством пытается сфотографировать лица мертвых?

Блур не обращает внимания на гневные крики сторонников патронов ротенов. Он неловко достает одну экспозировавшуюся пластинку и вставляет другую. Он кажется зачарованным, сосредоточенным только на своем искусстве, он не видит разгневанного Ранна, не слышит, как Роккенн что-то кричит на Галактическом шесть…

Блур замечает устремленного на него робота, и у него остается только время для последнего поступка истинного профессионала. Своим хрупким телом портретист закрывает свою драгоценную камеру и умирает.

Проявите терпение, вы, меньшие кольца, распо-

ложенные дальше от органов чувств. Вы должны подождать, чтобы погладить эти воспоминания нашим внутренним дыханием. Потому что для тех, кто расположен выше на нашем заостренном конусе, события происходят стремительно и накладываются друг на друга.

Узрите — неистовый гнев звездных богов, их апоплексическую оскорбленную ярость!

Наблюдайте — тщетные крики Лестера, Вуббена и Фвхун-дау, призывающих к сдержанности!

Будьте свидетелями — гибели Блура, превращения его в дымящуюся груду!

Заметьте — как пятится толпа от этого насилия, а с опушки леса бегут другие фигуры в черном!

Бойтесь — парящих роботов, готовых к удару, готовых убивать по приказу!

И прежде всего *смотрите* — на сцену прямо перед нами, на то, что фотографировал Блур перед смертью…

Эта картина сохранится в памяти, пока цела эта груда колец.

Два существа лежат рядом.

Одно — самка человека; она мертва, ее заново вымытое лицо спокойно и мирно.

Вторая фигура казалась столь же спокойной

и неподвижной, когда мы в последний раз видели ее перед рассветом. Лицо Ро-пул как идеализированное человеческое, выразительное, поражающее шириной лба, широкими скулами и чисто женским подбородком. На этом лице при жизни всегда была победительная улыбка.

Но сейчас мы этого не видим!

Мы видим, как из лица Ро-пул выбирается дрожащая *тварь*... забирая с собой большую часть лица! Тот же лоб, те же щеки и подбородок теперь образуют тело существа, которое сидело на ротене, как на нас сидят реуки, сидело так основательно, что не видно было ни одного шва или соединения.

Объясняет ли это диссонанс? Столкновение цветов, переданное нашим реуком-ветераном? То, что одна часть лица Ро-кенна выражает резкие эмоции, а вторая всегда остается холодной, невозмутимой и дружелюбной?

Тварь уползает, и зрители видят, что осталось: острое узкое лицо, без подбородка, заостренное, с очертаниями черепа, совсем не похожими на человеческий.

Исчез мираж небесной красоты в земном понимании. Основные черты остаются гуманоидными, но это обостренная, *хищная* карикатура

на нашу младшую расу.

— Хр-рм… Я видел это лицо раньше, — говорит Фвхун-дау, поглаживая свою белую бороду. — Читал в Библосе. Тайная раса с репутацией…

Ранн снова набрасывает покров на трупы, а Ро-кенн резко прерывает:

– *Это неслыханное оскорбление!*

Теперь наш реук ясно показывает Ро-кенна как *два* существа в одной живой маске. Исчезло терпеливое веселье, исчезла готовность сдаться перед шантажом. Сейчас нам нечем шантажировать.

Нечем.

Ротен отдает приказ Ранну:

– *Нарушь радиомолчание и вызови Кунна! Немедленно!*

– Добыча будет предупреждена, — отвечает явно потрясенный Ранн. — И охотники тоже. Смеем ли мы…

– *Придется рискнуть. Немедленно повинуйся! Вызови Кунна, потом расчисть здесь все.*

Ро– кенн указывает на толпу, на своих прихлебателей и на мудрецов.

– *Никто не должен остаться, чтобы рассказать об этом.*

Роботы поднимаются, потрескивая страшной

силой. Толпа в ужасе кричит.

И тут — словно в какой-нибудь земной сказке — открывается ад.

Незнакомец

Он медленно щиплет струны дулъцимера, вызывая за раз по одной низкой ноте, нервничая из-за того, что собирается сделать, но одновременно довольный тем, как много помнит.

Например, об урах. Еще только придя в себя на маленьком речном корабле, он пытался понять, почему испытывает такие дружеские чувства к четвероногим существам, вопреки их колючим темпераментным характерам. В пустынном оазисе, перед кровавым нападением, он слушал балладу, которую пела предательница Ульгор и понимал только отдельные слова-щелчки. Но ритм песни казался странно знакомым, вызывал какие-то ассоциации в поврежденном мозгу.

И вдруг он вспомнил, где раньше слышал это сказание. В баре, на далекой…

…на далекой…

Названия по-прежнему давались ему с трудом. Но теперь по крайней мере из плененной памяти возник образ. Сцена в таверне, которую посеща-

ют представители низших разумных рас, как и его собственная. Здесь бывают звездные путешественники с определенными вкусами в еде, музыке и развлечениях. Часто в таком месте платой служат песни. Можно купить себе выпивку за хорошую песню, и ему редко приходилось пускать в ход наличность, потому что уж очень хороши были мелодии его талантливых товарищей по экипажу…

…товарищей по экипажу…

Теперь он наталкивается на еще один барьер. Самую высокую и непроходимую стену в сознании. Пробует еще раз, но терпит неудачу, не может прорвать стену с помощью мелодии.

Тогда назад в бар. С этим воспоминанием пришло то, что он когда-то знал об урах. Особенно трюк, который он разыгрывал с урами, когда они задремывали после напряженного вечернего соревнования. Иногда он брал каштан, тщательно нацеливался и…

Цепочка мыслей прерывается: Незнакомец замечает, что за ним наблюдают. На него смотрит Ур-Качу, явно раздраженная все более громкими звуками дульцимера. Он старается смягчить предводительницу урских мятежников, делая звуки потише. Но совсем не останавливается. На

более тихом и спокойном уровне ритм становится странно гипнотическим, как и нужно.

Остальные грабители, и уры, и люди, ложатся, чтобы проспать самую жаркую часть дня. Сара тоже – вместе с Прити и другими пленниками. Незнакомец знает, что ему тоже следует отдохнуть, но он для этого слишком взвинчен.

Ему не хватает Пзоры, и в то же время ему странно, что он стремится к целительным прикосновениям джофура...

Нет, это неправильное слово. Пзора не один из тех страшных, жестоких существ, а треки — нечто совершенно иное. Когда сможет получше удерживать названия, нужно не забыть об этом.

Но у него есть дело. За оставшееся время он должен научиться пользоваться реуком, который купила для него Сара, — странное создание, чье пленчатое тело прикрывает оба его глаза, и в результате вокруг каждого ура и человека возникает мягкое свечение, превращая потрепанную палатку в павильон открытия истины. Он слегка нервничает из-за того, что реук дрожит на его плоти и с помощью присоски кормится из вены вблизи зияющей раны на голове. Но он не может отказаться от шанса исследовать еще один способ коммуникации. Иногда смущающие

цвета сливаются, напоминая последнее общение с Пзорой в оазисе. Там был момент странной ясности, когда соединившиеся реуки передавали именно то, что ему было нужно.

Ответный дар Пзоры внутри, в дыре в голове. Это единственное место, где грабителям не придет в голову искать.

Он сопротивляется искушению сунуть руку внутрь, проверить, на месте ли он. Все в свое время.

Пока он сидит и щиплет струны, угнетающая жара медленно усиливается. Уры и люди теснее прижимаются к земле, где еще слабо ощущается ночная прохлада. Он ждет и пытается вспомнить еще немного.

Самая большая слепая зона, помимо утраты языка, покрывает недавнее прошлое. Если вся продолжительность его жизни до настоящего момента равна десяти единицам, то последние две отсутствуют. И у него есть только обрывки, которые удерживаются от снов, когда он просыпается. Этого достаточно, чтобы знать, что когда-то он летал в соединенных галактиках и видел то, чего не видел никто из его племени. Замки, за которыми находятся эти воспоминания, до сих пор выдержали все его попытки: рисунки,

математические игры с Прити, погружение в собрание запахов Пзоры. Он уверен, что выход в музыке. Но в какой музыке?

Сара негромко сопит поблизости, и он чувствует, как в сердце вскипает благодарность… вместе с грызущим ощущением, что он должен подумать о чем-то другом. О ком-то другом, кому принадлежала его преданность до того, как палящий огонь сбросил его с неба. Возникает женское лицо, но исчезает стремительно, так что он не успевает вспомнить. Но это лицо пробуждает целый комплекс необычных чувств.

Ему не хватает ее… хотя он не может себе представить, что она чувствует то же самое — где бы она ни была.

Кем бы она ни была.

Больше всего хочет он выразить свои чувства в словах, чего никогда не делал в те опасные времена, что они провели вместе… когда она томилась по другому, гораздо лучше его самого.

Он осознает, что эта мысль приводит к чему-то, и испытывает возбуждение. Жадно следует за ней. Женщина из его снов… она тоскует по мужчине… по герою, который давно исчез… год или два назад… потерялся вместе с остальными товарищами по экипажу… и вместе…

…вместе с капитаном…

Да, конечно! Командир, которого им так не хватало с того самого отчаянного бегства на несчастный водяной мир. Мир катастрофы и торжества.

Он пытается представить себе образ капитана. Лицо. Но в голову приходит только серая плоть, цепочка пузырей и блеск белых острых зубов. Улыбка, ни на что не похожая. Мудрая и спокойная.

Нечеловеческая.

И тут, словно ниоткуда, возникает негромкий шепот. Звук, никогда ранее не слышанный на Склоне.

Мой добрый молчаливый друг… Затерявшийся в облаке зимней бури… Одинокий… совсем как я…

Из его рта льются свисты, щелканья, хлопки -раньше, чем он осознает, что говорит. Он раскачивается — в сознании словно прорвало плотину, высвободив поток воспоминаний.

Музыка, которую он искал, нечеловеческая, это современный язык третьей земной разумной расы. Язык, которым людям чрезвычайно трудно овладеть, но который щедро вознаграждает тех, кто попытается это сделать. Тринари *не*

похож на Галактический два или любой другой язык, кроме, может быть, печальных баллад больших китов, которые по-прежнему населяют безвременные глубины родной планеты.

Тринари.

Он удивленно мигает и даже утрачивает ритм дульцимера. Несколько уров поднимают головы, смотрят на него, пока он не возобновляет ритмичный звук, продолжает рефлекторно, обдумывая свое поразительное открытие. Знакомый/невероятный факт, который до сих пор не давался ему.

Его товарищи по экипажу — возможно, они все еще ждут его в том темном страшном месте, где он их оставил.

Его товарищи — дельфины.

XXV. КНИГА МОРЯ

Берегитесь вы, проклятые, те, что ищут избавления. Время – ваш друг, но и величайший враг.
Подобно огню Измунути, оно может кончиться до того, как вы будете готовы. И снова выпустить то, от чего вы бежали.

Свиток опасности

Рассказ Олвина

Однажды я попытался прочесть “Поминки по Финнегану”.

В прошлом году.

В прошлой жизни.

Говорят, ни один неземлянин не в состоянии прочесть эту книгу. На самом деле немногие земляне совершили подобный подвиг, значительную часть своей жизни отдав шедевру Джойса, читая одно непонятное слово за другим — с помощью комментариев, написанных другими одержимыми читателями — учеными. Мистер Хайнц

говорит, что на Склоне никто не может надеяться понять эту книгу.

Естественно, я воспринял это как вызов, и, когда в следующий раз наш учитель направился на собрание, я попросил его привезти экземпляр.

Нет, не собираюсь сказать, что добился успеха. Прочитав всего одну страницу, я понял, что это совсем не то, что “Улисс”. Хотя внешне кажется, что написано на английском докосмической эры, на самом деле в “Поминках” используется собственный язык Джойса, созданный для этого единственного произведения искусства. Хунское терпение тут не поможет. Чтобы только начать понимать, нужно иметь общий с автором *контекст.*

А на что мне было надеяться? Ирландско-английский для меня не родной язык. И я не живу в Дублине начала двадцатого века. Я не человек. Я никогда не был в “пабе” и никогда не видел ничего похожего на “кварк”, поэтому могу только догадываться, что происходит в каждом из них.

Помню, как подумал — может, слегка высокомерно: *Если я этого не прочту, никто на Джиджо не прочтет.*

Том выглядел так, словно никто с самой Великой печати и не пытался. Так зачем люди-осно-

ватели отвели в Библосе место этому странному интеллектуальному эксперименту их ушедшей эпохи?

Тогда я понял, что у меня есть намек на истинную причину прилета “Обители” на эту планету. Это не та причина, о которой говорят в святые дни, когда мудрецы и священники читают выдержки из священных Свитков. Не для того, чтобы найти темный уголок вселенной и заняться преступным размножением или уйти из космоса в поисках дороги к невинности. В том и в другом случае я мог бы представить себе публикацию практических руководств или простодушных сказаний, которые помогли бы осветить путь. Со временем эти книги истлеют и превратятся в пыль, когда люди и все остальные будут готовы отказаться от них. Когда станут чем-то вроде элоев из “Машины времени” Г. Дж. Уэллса.

Но ни в том, ни в другом случае печатание “Поминок по Финнегану” не имеет никакого смысла.

Поняв это я снова взялся за книгу. И хотя по-прежнему не понимал сюжета или связанных с ним иллюзий, я оказался в состоянии наслаждаться потоком слов, их ритмом и звучанием — ради их собственной экстравагантности. И не

важно, что я единственный, кто это делал.

И когда я переворачивал страницы, во мне каким-то образом рождалось новое теплое чувство: *когда-нибудь кто-нибудь получит от этого больше, чем я.*

На Джиджо запасали то, что казалось мертвым, но на самом деле лишь спало.

Я думал об этом, испытывая постоянную боль и стараясь стоически преодолевать ее, когда странные молчаливые существа неуклюже входили в мою клетку и подвергали меня жару, холоду или уколам. То есть я хочу сказать: мог ли я испытывать надежду, когда металлические пальцы ощупывали мои раны? Или горевать оттого, что мои молчаливые надсмотрщики отказывались отвечать на мои вопросы и вообще говорить? Нужно ли описывать мою ужасную тоску по дому? Или возбуждение оттого, что мы открыли что-то невероятно странное, о чем никто на Склоне даже не подозревал — с тех самых пор, как г'кеки первыми отправили свой крадущийся корабль в глубины?

Но прежде всего я гадал: пленник ли я, пациент или *образец?*

Наконец я понял: мне не от чего отталкиваться при решении. Подобно строкам книги Джойса,

эти странные существа казались одновременно странно знакомыми и совершенно непостижимыми.

Машины ли это?

Или представители какой-то древней подводной цивилизации?

Они захватчики? Или считают захватчиками нас?

Может, они буйуры?

Я избегал думать о том, что на самом деле меня мучило.

Давай, Олвин. Посмотри этому в лицо.

Я вспоминаю эти последние дуры, когда наша прекрасная “Мечта Вуфона” разлетелась на куски. Когда меня прижало к ее борту. Когда моих друзей втягивало в пасть металлического чудовища и они погрузились в холодную, холодную, холодную воду.

Тогда они были живы. Ранены, ошеломлены, но живы.

Были живы, и когда мощный воздушный поток вытеснил ужасное темное море, оставив нас, раненых и полумертвых, на жесткой палубе. И когда лучи, яркие, как солнце, ослепили нас, а паукообразные существа вползли в помещение и принялись разглядывать свой улов.

Но здесь память меня оставляет, очертания становятся неясными — и я прихожу в себя в одиночестве.

В одиночестве и в тревоге за друзей.

XXVI. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Мы знаем, что в Пяти Галактиках каждая звездная раса проходила вначале через процесс возвышения, получая дар разума от принявших ее патронов. А эти патроны в свое время тоже получили такой дар от предыдущих патронов, и так далее — цепь благотворительности уходит в туманные времена, когда было гораздо больше пяти соединенных галактик, к легендарным Прародителям, которые давным-давно начали эту цепь.

Но откуда взялись сами Прародители?

Для некоторых религиозных союзов, которые ожесточенно враждуют на космических линиях, сам этот вопрос недопустим и способен вызвать столкновение.

Другие отделываются от вопроса, отвечая, что древние разумные произошли “откуда-то” или что Прародители были трансцендентными, вечными существами, которые великодушно снизошли со своих высших сфер, чтобы помочь разуму родиться меж звездами.

Конечно, можно возразить, что подобные поверхностные ответы — совсем не ответы, но неразумно говорить это вслух. Многие могучие галакты не любят, когда им указывают на несоответствия.

Наконец существует культ — "Утверждающие", — который полагает, что Прародители самостоятельно эволюционировали на какой-то планете, сами по себе выработали разум — удивительный, почти невероятный подвиг. Можно было бы подумать, что "Утверждающие" станут дружелюбней относиться к землянам, чем большинство фанатичных союзов. В конце концов многие земляне до сих пор верят, что именно это проделала наша раса, возвысившись в изоляции, без помощи со стороны.

Увы, не ждите сочувствия от "Утверждающих", которые считают подобные утверждения со стороны волчат проявлением гордости и высокомерия. Они говорят, что самовозвышение — феномен высшего и наиболее священного порядка и не доступен существам, подобным нам.

Джекоб Демва. "Прагматическое введение в галактологию",

перепечатано с оригинала гильдией

печатников города Тарек,

год изгнания 1892

Двер

Бесполезно кричать на глейверов или бросать в них камнями. Пара только отступала и продолжала с удаления наблюдать пустыми выпуклыми глазами, а потом снова шла за людьми, когда они пускались в путь. Двер скоро понял, что избавиться от них не удастся. Нужно либо застрелить животных, либо не обращать на них внимания.

— У тебя есть и другие занятия, сынок, — решил Дэйнел Озава.

Какое преуменьшение!

Когда Двер настороженно провел группу Дэйнела по мелкому каменистому броду, поляна у водопада по-прежнему была полна запахами уров, ослов и симл. С этого момента он начал применять тактику старинных войн, с вечера разведуя предстоящий дневной маршрут. Двер рассчитывал на то, что дневной образ жизни уров убережет его от засады, хотя уры способны легко адаптироваться. Они могут быть смертельно опасны и по ночам, как на собственном тяжелом опыте убедились в прошлом бойцы-люди.

Двер надеялся, что после нескольких мирных

поколений уры стали ленивей.

Он вставал в полночь и шел при свете двух лун, осторожно принюхиваясь к следу копыт вблизи мест возможной засады. А на рассвете торопливо возвращался, чтобы помочь каравану ослов Дэйнела проделать дневной маршрут.

Озава считал необходимым догнать отряд уров и вступить в переговоры. Но Двер тревожился. *Как, по его мнению, они себя поведут? Обнимут нас как братьев? Они преступники. Как племя Рети. Как мы.*

След становился все более свежим. Теперь уры опережают их на неделю, может, на несколько дней.

Он начал замечать и другие следы. Оплывшие отпечатки на песке. Обломанные каменные пластинки. Обрывок шнурка от мокасина. Следы костра более чем месячной давности.

Племя Рети. Уры идут прямо в центр их территории.

Дэйнел спокойно воспринял эту новость.

— Они могут думать то же, что и мы. Люди-сунеры хорошо знают жизнь в этих холмах. Это ценный опыт, и его можно купить, взять взаймы…

— Или добыть пыткой, — закончила Лена

Стронг, натачивая у костра нож. — Некоторые урские кланы держали людей в рабстве, прежде чем мы покончили с этим обычаем.

— С обычаем, который они усвоили у квуэнов. В естественном поведении уров нет привычки к рабству. А вот на старой Земле, кстати…

— Да, очень хорошо, — прервал Двер. — Значит, у нас проблема. Что нам делать, когда мы их догоним?

— Правильно. — Лена разглядывала острие ножа. — Нападем на всех сразу или предпочтем хунский стиль — будем брать их по одному?

Дженин вздохнула с несчастным видом.

— О, Лена. Пожалуйста, перестань. — Все путешествие она была оживлена и весела, пока не услышала разговоры о нападении. Дженин присоединилась к отряду, чтобы стать матерью-основательницей новой расы, а не чтобы охотиться на тех, кто раньше был соседом.

Двер испытывал ту же боль, что Дженин, хотя прагматический рассудок вставал на сторону Лены.

– Если придется, я бы предпочел покончить побыстрее, — сказал он, глядя на осла, несущего их самое тайное “орудие”, о котором они никогда не говорили.

— До этого не должно дойти, — настаивал Дэйнел. — Давайте вначале установим, чего они хотят. Может, у них такие же намерения, как у нас.

Лена фыркнула:

— Отправить посла? Выдать наше присутствие? Ты слышал Двера. Их больше десяти!

— А не лучше ли в таком случае подождать вторую группу? — спросила Дженин. — Они ведь должны выступить сразу за нами.

Лена пожала плечами:

— Кто знает, сколько еще времени им понадобится? А если они заблудились? Уры могут обнаружить нас первыми. И нужно еще учитывать человеческое племя.

— Старое племя Рети.

— Верно. Хотите, чтобы они были убиты или обращены в рабство? Только потому, что мы боимся…

— Лена! — прервал Дэйнел. — Хватит. Посмотрим, что можно сделать, когда придет время. А тем временем бедному Дверу нужно немного поспать. Мы должны дать ему отдохнуть.

— Это далеко не все, что мы должны ему дать, — негромко сказала Лена. Двер посмотрел на нее, но в полутьме перед восходом лун разглядел

только тень.

— Всем спокойной ночи, — сказал он и ушел к своему спальному мешку.

Грязнолапый выглянул из-под одеяла и начал браниться, что ему приходится подвинуться. Конечно, он помогает по ночам согреться, и это заставляет Двера прощать, когда он вылизывает ему лицо во время сна, собирая пот со лба и с губ.

Двер лег, повернулся — и удивленно замигал, увидев две пары больших круглых глаз, глядящих на него с трех метров.

Джикии глейверы!

Обычно на мирные создания просто не обращают внимания. Но Двер никак не мог забыть стаю глейверов, жадно теснившихся вокруг мертвого галлейтера.

Он бросил в их сторону комок земли.

— Уходите! Прочь!

Пара повернулась и неторопливо удалилась. Двер посмотрел на Грязнолапого.

— Почему бы тебе не принести хоть какую-то пользу и не держать их на расстоянии?

Нур улыбнулся ему в ответ.

Двер натянул одеяло на подбородок, пытаясь устроиться поудобнее. Он устал, тело болело от напряжения и ушибов. Но сон приходил неторопливо

ливо, полный тревожных кошмаров.

Он проснулся от мягкого прикосновения. Кто-то гладил его по лицу. Двер раздраженно оттолкнул нура.

— Перестань, комок шерсти! Лижи ослиный помет, если нужна соль.

После удивленного молчания негромкий голос ответил:

— Меня никогда так ласково не приглашали в постель мужчины.

Двер приподнялся на локте, потер глаза и разглядел неопределенный силуэт. Женщина.

— Дженин?

— Ты предпочитаешь ее? Я выиграла жребий, но, если хочешь, позову ее.

— Лена! Что… что я могу для тебя сделать?

Двер разглядел белый блеск — одна из редких улыбок Лены.

— Ну, ты можешь пригласить меня погреться. — Голос ее звучал мягко, почти застенчиво.

Лена красива и удивительно женственна, однако Двер никогда бы не подумал применить к ней слова “мягкий” и “застенчивый”.

— Гм… конечно…

Это мне снится? думал он, когда она легла рядом и сильными руками принялась раздевать

его. Тело ее было горячим.

Наверно, все-таки сон. Лена, которую я знаю, никогда так хорошо не пахнет.

– Ты весь напряжен, — заметила она, разминая ему шею и спину сильно и точно. Вначале Двер ахал от покидавшего мышцы напряжения. Но каждое нажатие мозолистых пальцев Лены казалось таким женственным, эротическим.

Она не успела закончить массаж, как Двер потерял контроль над собой и мягко, но решительно повернулся, так что они поменялись позами. Она оказалась под ним и отвечала на его движения с желанием, накопленным за многие недели напряжения. Тревога и усталость словно взорвались в воздухе, в лесу, в ней, когда она сжимала его, привлекая к себе.

После того как она ушла, Двер лежал и лениво думал: *Лена считает, что я могу умереть, поэтому должен выполнить свой долг перед схваткой. Возможно, это последний… единственный шанс…*

Двер уснул спокойным, без сновидений, сном, таким расслабляющим и полным, что действительно почувствовал себя отдохнувшим, когда под одеяло к нему скользнуло другое теплое тело. На этот раз сработало его подсознание, приняв

женщину с полным прагматизмом.

Дэйнел, вероятно, придет позже, поэтому имеет смысл получить у меня то, что я могу дать, раньше, чем это исчезнет.

Не ему судить женщин. Здесь, в дикой местности, им приходится нелегко. У него задачи простые — охотиться, сражаться и, если понадобится, умереть. А им нужно продолжать жить, чего бы это ни стоило.

Дверу даже не нужно было просыпаться окончательно. И Дженин не казалась оскорбленной тем, что его тело принимало ее в полусне. У него множество дел в эти дни, и, если он хочет держаться, нужно пользоваться любой возможностью для отдыха.

Двер проснулся спустя мидур после полуночи. Хотя он чувствовал себя гораздо лучше, пришлось преодолевать ленивую летаргию, чтобы одеться и проверить имущество: лук и колчан, компас, наброски маршрута и фляжку с водой, потом пройти к костру, чтобы подобрать завернутый в листья пакет, который каждый вечер оставляла для него Дженин, — еда, которую он съест в пути.

Большую часть взрослой жизни он бродил один, наслаждаясь миром и одиночеством. Но

теперь пришлось признать, что принадлежность к группе, к команде обладает своей привлекательностью. Возможно, под руководством Озавы они почувствуют себя *семьей.*

Сможет ли он тогда с меньшей горечью вспоминать жизнь, которую он и его любимые оставили позади, в ласковых лесах Склона?

Двер уже собирался идти по оставленному урами следу, когда его внимание привлек негромкий звук. Кто-то не спит и разговаривает. Но он проходил мимо женщин, они негромко сопели и спали (ему хотелось думать: счастливо). Двер снял с плеча лук и двинулся в сторону негромких звуков речи. Он испытывал скорее любопытство, чем тревогу. И вскоре узнал знакомый голос.

Конечно, это Дэйнёл. Но с кем мудрец разговаривает?

Двер вгляделся из-за ствола большого дерева и увидел маленькую поляну, а посреди нее освещенную луной необычную пару. Дэйнёл склонился к небольшому черному существу, которое он, Двер, называет Грязнолапым. Слов он не мог разобрать, но, судя по тону и интонации, Озава задает вопросы на одном языке за другим.

Нур вылизывал себя, потом бросил взгляд на стоящего в тени Двера. Когда Озава перешел

на Галдва, Грязнолапый улыбнулся — потом повернулся, кусая себя за плечо. А когда снова повернулся к мудрецу, то ответил широким зевком.

Дэйнёл негромко вздохнул, как будто ожидал неудачи, но все же считал, что стоит попробовать приложить усилия.

Какие усилия? думал Двер. Ищет ли мудрец волшебной помощи, как иногда поступают невежественные захолустные крестьяне, которые воспринимают нуров как духов из волшебных сказок? Или Озава надеется приручить Грязнолапого, как делают хунские моряки, чтобы получить проворных помощников в плаваниях? Кроме хунов, такое почти никогда никому не удается. Но даже если получится, какой толк от одного нура? Или одной из задач Двера — после разбирательства с урскими сунерами и племенем Рети — теперь будет вернуться и собрать побольше нуров?

Это не имеет смысла. Если каким-то чудом Община выживет, им пришлют сообщение и отзовут домой. Если случится худшее, им нужно будет держаться как можно дальше от Склона.

Что ж, Дэйнел скажет мне, что хочет узнать. Надеюсь только, это не свидетельствует о том,

что он спятил.

Двер осторожно отошел и отыскал урский след. Шел быстро, ему хотелось побыстрей увидеть, что лежит за следующим затянутым туманом возвышением. Впервые за много дней Двер чувствовал себя цельным и сильным. Конечно, тревога не исчезла. Существование по-прежнему оставалось хрупким и опасным, жизнь потерять слишком легко. Но пока он шел вперед, чувствуя себя полным жизни.

Рети

Сон всегда заканчивался одинаково, перед тем как она просыпалась, прижимая к груди мягкое одеяло.

Она видела во сне птицу.

Не такой, какой видела ее в последний раз, без головы, распростертой на лабораторном столе Ранна в погребенной станции, но такой, какой впервые увидела эту странную вещь. Стремительно движущуюся, с ярким плюмажем, похожим на блестящие лесные листья, живую и сверкающую. Что-то в ней ласкало душу.

Ребенком она любила наблюдать за настоящими птицами, часами следила за тем, как они

устремляются к земле, завидовала их свободе в воздухе, их способности улететь, оставив все беды позади. Но однажды Джесс вернулся из далекого путешествия на юг и хвастался тем, каких зверей добыл. И один из этих зверей — огромное летающее создание, которое они захватили врасплох, когда оно появилось из приливных болот. Стрела порвала ему крыло, и оно с трудом улетело на северо-запад, оставив одно перо тверже камня.

Тем же вечером, рискуя ужасным наказанием, Рети выкрала металлический фрагмент из палатки, где храпели охотники, и с небольшим количеством украденной пищи сбежала на поиски этого удивительного чуда. Ей повезло, она угадала верно и пересекла маршрут птицы, заметила ее, когда она передвигалась короткими прыжками. И в мгновенном узнавании Рети поняла, что птица подобна ей самой — она ранена тем же мужским стремлением к бессмысленному насилию.

Глядя, как птица прыгает на запад, ни разу не остановившись для отдыха, Рети поняла, что у них есть еще одна общая черта. Настойчивость.

Ей хотелось поймать птицу, вылечить ее, поговорить с ней. Узнать источник ее силы. Помочь

ей достичь цели. Помочь найти дом. Но даже раненая, птица вскоре опередила ее. И какое-то время Рети с болью думала, что навсегда ее потеряла…

И в этот момент самых напряженных чувств без всякого перехода сон менялся, возникала новая сцена. Неожиданно птица оказывалась прямо перед ней, ближе, чем когда-либо, она билась в драгоценной клетке, уклонялась от золотых липких капель… потом укрывалась от жгучих языков пламени!

Рети задыхалась от гнева, неспособная ей помочь. Неспособная ее спасти.

Наконец, когда все казалось потерянным, птица поступала так, как много раз поступала сама Рети. Бросалась вперед с отчаянной силой, нападала на мучителя, того, кто пытал ее.

Несколько ночей подряд сон всегда заканчивался одинаково. Кто-то сильными руками удерживал ее, оттаскивал к постыдной безопасности, а птица головой вперед устремлялась к какой-то парящей неясной фигуре. Темному сопернику со свисающими смертоносными конечностями.

Похоже, месть, как и многое другое, в реальности получается совсем не так, как в воображении.

Прежде всего, в глубине души Рети не думала, что Джесс будет так стойко переносить боль.

Охотник лежал привязанный к скамье внутри разведывательной машины, грубые, но красивые черты его лица искажались, когда Кунн выполнял данное ей обещание. Рети с каждым разом, как Джесс, задыхаясь и стискивая зубы, издавал новый стон, все больше жалела об этом обещании.

Кто бы мог подумать, что он окажется таким смелым, думала Рети, вспоминая, как обычно Джесс хвастался, бранился и преследовал других членов племени. Ведь грубияны должны быть трусами. Так по крайней мере бормотал самый древний старик в племени, когда был уверен, что никто из молодых охотников его не слышит. Жаль, что старик так и не узнает, что ошибался. Он умер, пока Рети не было.

Она старалась сдержаться во время столкновения воли Джесса и Кунна — столкновения, которое Джесс должен проиграть. *Ты хочешь знать, откуда прилетела птица?* спрашивала себя Рети. *А разве Джесс не заслужил то, что получает? Разве не его собственное упрямство навлекло это на него?*

Ну, по правде говоря, Рети сыграла немалую

роль в том, что охотник так сопротивляется, и тем самым продлила его мучения. Терпеливые настойчивые вопросы Кунна перемежаются с упрямыми возгласами Джесса, потеющего и корчащегося под ударами партнера Кунна — робота.

Когда она уже не могла этого выносить, Рети незаметно выскользнула из люка. Если что-то изменится, пилот сможет вызвать ее по крошечному коммуникатору, который небесные люди вшили ей под кожу за правым ухом.

Рети направилась к лагерю, стараясь выглядеть невозмутимой: вдруг кто-то из сунеров наблюдает за ней из кустов.

Так она теперь про себя их называла. *Сунеры.* Дикари. Не очень отличающиеся от напыщенных варваров со Склона, которые считают себя такими цивилизованными со всеми этими книгами, но на самом деле они тоже почти полуживотные, запертые на своей маленькой грязной планете, которую никогда не покинут. Для небесных существ, таких, как она, они все одинаковы, по какую сторону бы от Риммера ни скреблись бы в грязи.

Запах лагеря она ощутила раньше, чем дошла до него. Знакомая грязная смесь древесного дыма, экскрементов и плохо выделанных шкур, и все

это соединяется с серным запахом горячих источников, которые всегда привлекают племя в это время года — именно это позволило ей так легко привести Кунна в тайный каньон высоко в Серых холмах. На полпути к лагерю Рети остановилась, пригладила гладкий костюм, который дала ей Линг вскоре после того, как она первой из жителей Джиджо побывала в подземной станции, этом волшебном мире роскоши и удивительных чудес. Линг также вымыла Рети, обработала ее череп и использовала мази и лучи, после чего Рети почувствовала себя чище, сильней, даже *выше*, чем раньше. Только шрам на лице портил преображенное отражение в зеркале, но и он будет залечен, заверили ее, когда они вернутся "домой".

Это и мой дом, думала Рети, и снова быстро пошла. Вскоре всякие следы мучений охотника остались позади. Рети выбросила из памяти воспоминания о муках Джесса, думая о тех чудесах, которые показывали ей четверо небесных людей, о великолепном, подобном драгоценности городе в долине с крутыми стенами. Городе волшебных башен и плавающих замков, где счастливая кучка людей живет со своими любимыми патронами, мудрыми, благосклонными ротенами.

Я всегда знала, что буду жить где-то далеко, думала Рети, огибая лесной выступ. *Не здесь. Не в таком месте.*

Перед ней расстилалась усеянная мусором и отбросами поляна с полудесятком грубых навесов — звериных шкур, наброшенных на пригнутые стволы. Все навесы теснятся к костру, где вымазанные сажей люди собрались вокруг туши. Вечерняя еда. Осел с отверстием, аккуратно прожженным в сердце. Дар умелого робота-убийцы Кунна.

Люди в одежде из плохо выделанной кожи занимались разными работами или просто ждали конца дня. Все они грязные. У большинства спутанные волосы, от всех несет. После встречи со слопи, а потом с Линг и Беш трудно поверить, что эти дикари принадлежат к той же расе, что и она сама, тем более что это ее племя.

Несколько мужчин слонялись у загона с новыми пленниками. Сами пленники почти не шевелились с тех пор, как их несколько ночей назад пригнали в лагерь. Мужчины тесали древесные стволы мачете, отобранными у пленников, удивляясь острым лезвиям из буйурского металла. Но все они держались подальше от груды ящиков, к которым им запретил прикасаться Кунн. Они

ждали его решения, что именно уничтожить.

На новой изгороди из бревен, расколотых лазером, сидела горстка мальчишек. Мальчишки проводили время, плюя на пленников, а потом смеясь над их гневными протестами.

Нельзя им позволять это, подумала Рети. *Даже если эти чужаки шумливые придурки, которым не следовало приходить сюда.*

Кунн поручил ей выведать, что привело пленников в эти места, заставив нарушить собственный священный закон. Но Рети не хотелось это делать, она даже испытывала отвращение.

Медля, она свернула и стала смотреть на жизнь, которой сама жила раньше и от которой, казалось, ей никогда не уйти.

Несмотря на перемены последних дней, жизнь племени продолжалась. Каллиш, старый хромой калека, по-прежнему работал у ручья, разбивал камни, делая наконечники стрел и другие инструменты. Он был убежден, что приток металлических инструментов — всего лишь преходящая причуда. Вероятно, он прав.

Выше по течению бродили по отмелям женщины в поисках сочных моллюсков с тройным панцирем; эти моллюски растут в теплых вулканических водах. Еще выше по склону, за

парящими прудами, девушки и женщины оббивали деревья иллос, собирая упавшие ягоды в деревянные корзины. Как обычно, женщины выполняли всю тяжелую работу. Нигде это не было так очевидно, как у костра, где брюзгливая старая Бинни с руками по локоть в крови руководила подготовкой осла к жарению. Волосы на голове главной женщины племени еще больше поседели. Ее последний ребенок умер, груди ее переполнены молоком и разбухли, и это делает ее еще более сварливой и раздражительной. Она бранит своих молодых помощниц, демонстрируя широкие провалы между желтыми зубами.

Несмотря на то что внешне все кажется обычным, большинство людей движется как во сне. И когда кто-нибудь бросает взгляд на Рети, он вздрагивает, словно меньше всего ожидал ее увидеть. Это более шокирующее зрелище, чем глейвер, вставший на задние лапы.

Рети, богиня.

Она высоко задрала голову. *Рассказывайте своим вонючим детям у костра до конца времен. Рассказывайте о девушке, которая не слушалась больших злых охотников, что бы они с ней ни делали. О девушке, которая не стала терпеть. Которая посмела сделать то, что вам никогда и*

в голову не придет. Которая нашла возможность покинуть этот вонючий ад и жить среди звезд.

Каждый раз как кто-то на мгновение встречался с ней взглядом и тут же его отводил, Рети испытывала волнение и торжество.

Я не одна из вас. И никогда не была. Теперь вы тоже это знаете.

Только Бинни не проявляла никакого волнения от того, что Рети стала богиней. В ее серых металлических глазах отражалось прежнее презрение и разочарование. В свои двадцать восемь лет Бинни моложе всех чужаков, даже Линг. Но казалось, ничто на Джиджо и даже в небе не способно ее удивить.

Уже несколько лет Рети не называла эту старуху “мамой”. И сейчас ей совсем не хотелось снова ее так называть.

Может, возвращаться сюда было не такой уж хорошей мыслью. Зачем смешиваться с этими призраками, когда она могла бы остаться в воздушном корабле и наслаждаться торжеством над своим давним врагом? Теперь, когда она далеко, наказание, которое получал Джесс, кажется справедливым и заслуженным. Это противоречие заставляло Рети нервничать, как будто она что-то упустила. Словно пытается надеть мокасины без

завязок.

— жена! вот где ты, жена! плохая жена, оставила йии надолго одного!

Несколько человек расступились, пропуская четвероногое создание, скачущее мимо их ног как какое-то неприкосновенное, всемогущее существо. В определенном смысле маленький самец-ур таким и был, потому что Рети вслух пообещала “ужасы” всякому, кто притронется к ее “мужу”.

Йии прыгнул к ней на руки, корчась от радости и продолжая ругать ее:

— жена надолго оставила йии одного с женами врагов! они предлагали йии мягкие теплые сумки, искусительницы! Рети ревниво вспыхнула:

— Кто предлагал тебе сумку? Если одна из этих сук…

И тут увидела, что он дразнит ее. Напряжение отчасти оставило ее, Рети рассмеялась. Маленькое существо определенно приносит ей пользу.

— успокойся, жена, — заверил он ее, — у йии только одна сумка? можно в нее?

— Можно, — ответила она, раскрывая мягкую сумку, которую дала ей Линг. Йии нырнул в нее, повозился, устраиваясь, потом высунул голову на длинной шее и посмотрел на Рети.

— пошли, жена, иди к Ул-Тани. мудрец готова поговорить с тобой.

— Правда? Как это мило с ее стороны!

Рети совсем не хотелось видеться с предводительницей плененных уров. Но Кунн поручил ей работу, и сейчас для этого вполне подходящее время.

— Хорошо, — сказала она. — Послушаем, что нам скажет этот лошак.

Двер

Похоже, уры оказали человеческой экспедиции большую услугу. Приняв на себя смерть и опустошение, они оставили предупреждение.

В утреннем свете легко читалась история безжалостного убийства: в сожженных расколотых деревьях, в почерневших кратерах, в разбросанных обломках, которыми шевелил порывистый сухой ветер. Здесь была сцена насилия, и происходила она всего несколько дней назад, по оценке Двера. Была быстрой, но ужасной.

Ступенчатая терраса все еще просматривалась, смягченная веками эрозии и растительностью. Это бывшее поселение буйуров, оно принадлежало последней расе, законно обитавшей на

Джиджо. Эти законные владельцы планеты жили в небесных башнях и не боялись открытого неба.

Двер рассматривал следы ужаса, недавно обрушившегося на это место. Слишком ярко представлял он себе панику урских поселенцев. Они встают на дыбы, кашляют от ужаса, извивают длинные шеи, пытаются маленькими руками закрыть свои драгоценные сумки, а земля у них под ногами взрывается. Он почти слышит, как они с криками бегут из своего сожженного лагеря, бегут вниз по крутой тропе, ведущей в узкое дефиле, где неожиданно с обеих сторон показывается множество человеческих отпечатков. Следы грубых мокасин хаотически перемешиваются с отпечатками урских копыт.

Двер подобрал обрывок кожаного ремня домашнего изготовления. По многочисленным следам он рисовал себе картину веревок и ремней, опутывающих уров. Уры попали в ловушку и взяты в плен.

Разве они не понимали, что их гонят? Воздушный корабль стрелял по сторонам и вокруг, гнал их в одном направлении. Почему же они не разбежались в разные стороны, почему столпились и позволили поймать себя?

Несколько пятен на липком песке дали ему от-

вет. Конечно, целью было пленение, но небесный стрелок не испытывал колебаний, подкрепляя это намерение двумя-тремя трупами.

Не суди уров слишком строго. А как ты реагировал бы, если бы со всех сторон падали огненные молнии? Война грязное дело, и мы все давно лишены практики. Даже Дрейк никогда ни с чем подобным не сталкивался.

– Итак, перед нами союз людей-сунеров и чужаков, — заключила Лена. — Это несколько меняет положение, не правда ли?

Дэйнел Озава был мрачен.

— Весь этот район в опасности. То, что случится на Склоне, обязательно произойдет и здесь. Эпидемия, огонь, охота на беглецов по одному с помощью машин — они выжгут здесь все так же, как дома.

Задача Дэйнела — сохранить наследие в дикой местности: и знания, и свежие гены, которые смешаются с генами живущих здесь людей. Это должно уберечь жизнь землян в ожидании, пока не минует худшее. Конечно, совсем не радостное предприятие, скорее похоже на задачу капитана спасательной шлюпки из какого-нибудь древнего рассказа о кораблекрушении. Но по крайней мере предприятие основывалось на хрупкой надежде.

Теперь ничего от этой надежды не осталось.

Дженин настаивала:

— Разве вы сами не сказали, что сунеры и чужаки объединились против уров? Звездные боги не обратятся против собственного племени.

Она замолчала, видя, что все смотрят на нее с выражением, которое говорило красноречивей слов.

Дженин побледнела.

— О!

Несколько мгновений спустя она снова подняла голову.

— Ну, они ведь не знают о нашем существовании. Почему бы нам просто не уйти? Немедленно? Нас четверо. Как насчет севера, Двер? Ты бывал там раньше. Пошли!

Дэйнел пнул следы бегства уров и последующего грабежа. Показал на узкую щель в скалах.

— Там можно разжечь погребальный костер.

— Что ты делаешь? — спросила Дженин, когда Двер отвел ослов на указанное мудрецом место и принялся развьючивать их.

— Я установлю гранаты, — сказала Лена, заглядывая в один контейнер. — Лучше добавить дров. Соберу эти разбитые ящики.

— Эй! Я вас спросила — что происходит? Дэйнел

взял Дженин за руку. Тем временем Двер собирал в кучу припасы: еду, одежду плюс несколько самых необходимых инструментов, не содержащих металл. Все остальное остается с книгами и сложными орудиями, принесенными со Склона.

Мудрец объяснил.

— Мы принесли с собой наследие, чтобы сохранить хотя бы видимость человеческой культуры в изгнании. Но четыре человека не могут основать цивилизацию, сколько бы книг у них ни было. Нужно подготовиться к тому, что возникнет необходимость все это уничтожить.

Эта перспектива явно угнетала Озаву. Лицо его, и так изможденное и осунувшееся, теперь исказилось, словно от боли. Двер отводил взгляд, сосредоточившись на работе, отделяя только те припасы, которые понадобятся небольшой группе беглецов.

Дженин обдумала услышанное и кивнула.

— Что ж, если понадобится жить и растить семьи без книг, это заставляет нас опережать график. Немного дальше по Тропе…

Она замолчала. Дэйнел качал головой.

— Нет, Дженин. Будет не так.

Мы вчетвером можем выжить. Но даже если мы доберемся до какой-нибудь далекой долины, куда

не достигнет смерть, принесенная чужаками, маловероятно, чтобы мы вовремя адаптировались к чуждой экосистеме. Рети рассказывала, что они потеряли половину первого поколения от несчастных случаев и аллергических реакций. Это типично для группы сунеров, пока они не узнают, что безопасно есть и чего можно касаться. Это смертоносный процесс проб и ошибок. Четверых просто недостаточно.

— Я думала…

— К тому же остается проблема инбридинга…

— Неужели ты хочешь сказать…

— Но даже если бы мы смогли решить все эти проблемы, все равно ничего не выйдет, потому что мы и не собирались сохранить группу павших дикарей, уходящих в невежество, даже если свитки называют эту участь множеством замечательных имен. Люди на Джиджо явились вовсе не ради Тропы Избавления.

Двер поднял голову от работы. Лена тоже остановилась, держа в руках трубку с фитилем с одной стороны. До сих пор Озава говорил то, что Двер и так знал. Теперь воцарилось молчание. Никто не собирался двигаться или говорить, пока мудрец не объяснит.

Озава вторично глубоко вздохнул.

— Тайна известна лишь нескольким в каждом поколении. Но не вижу смысла скрывать ее от вас троих, кого я считаю чем-то вроде своих родственников, семьи.

Остальные пять рас пришли в ужас, когда мы построили Библос. Великая Печать как будто означала, что мы не собираемся забывать. Нашим основателям пришлось много убеждать, чтобы оправдать появление книг. Они называли это *временной мерой.* Способом помочь всем расам жить в определенном комфорте и сосредоточиться на развитии души, пока мы все не будем духовно готовы к спуску по Тропе.

Официально такова долговременная цель каждой из Шести. Но основатели с “Обители” никогда и не думали, что их потомки должны регрессировать до стадии протолюдей, не владеющих речью, готовых к тому, что какая-нибудь раса звездных богов примет их и возвысит.

Мудрец замолчал, и Двер наконец не выдержал.

— Тогда зачем мы здесь? Дэйнел пожал плечами.

— Все знают, что у каждой расы есть скрытые мотивы. Те, кому запрещено размножаться дома, ищут места, где можно иметь столько потомков,

сколько захочется. Или возьмем, например, г'кеков, которые рассказывают о преследователях, охотившихся на них по всем звездным линиям.

— Значит, люди прилетели на Джиджо, потому что боялись, что не выживут на Земле? Озава кивнул:

— О, у нас появилось несколько друзей, которые помогли Земле получить доступ к местной ветви Библиотеки. И, возвысив две расы клиентов, мы приобрели статус патронов низшего уровня. Но галактическая история не оставляет больших надежд подобной нам расе волчат. У нас уже были враги. Террагентский совет знал, что Земля еще очень долго будет уязвима.

— Значит, экипаж “Обители” состоял совсем не из беглецов?

Дэйнел слегка улыбнулся.

— Легенда прикрытия — на случай, если колонистов поймают. В таком случае Совет мог бы отказаться от них как от изменников. На самом деле наши предки должны были отыскать тайное укрытие для человечества. — Мудрец поднял обе руки. — Но где? Вопреки слухам за пределами Пяти Галактик нет никаких маршрутов. А в самих галактиках каждая звезда занесена в каталог, и за каждой звездой наблюдают обладатели лицен-

зий. Поэтому Совет стал искать в Библиотеке, что делали на нашем месте другие расы.

И, несмотря на свои недостатки, феномен “сунеров” обещал некую надежду.

Лена покачала головой:

— Многое остается непонятным. Например, что мы должны были здесь делать, в укрытии, если не готовиться к Тропе Забвения.

— Если Лестер и другие это знают, мне ничего не говорили, — ответил Дэйнел. — Может, просто сидеть тихо и ждать, пока вселенная не изменится. Но в любом случае сейчас это вряд ли имеет значение. Если с нашей культурой будет покончено, я не собираюсь сохранять жалкие остатки и растить детей, которые станут дикарями.

Дженин начала говорить, потом поджала губы.

— Но мы знаем, что Земля прожила несколько столетий, — сказал Двер.

— Хотя грабители говорят, что там кризис, — кивнула Лена. — И Земля в самом его центре.

Дэйнел с напряженным лицом отвел взгляд.

— Эй, — сказал Двер, — разве небесные люди не то, чего хотел Земной Совет? Это группа людей, которая в безопасности от всего, что может произойти на Земле. Этих парней, которых мы встретили на Поляне, защищают могучие ро-

тены.

Дэйнел вздохнул.

— Может быть, хотя кто знает, остались ли они людьми под таким влиянием? Я не могу перенести такую иронию: быть убитым собственными братьями.

Мудрец встряхнулся, словно сбрасывая паутину.

— Давайте готовить погребальный костер. Если эти вещи не могут обеспечить цивилизованную жизнь группе землян-изгнанников, давайте по крайней мере выполним свой долг перед этой планетой и не оставим мусора. Лена, поставь таймер на день от этого часа, если мы не вернемся.

— Вернемся? — Лена оторвалась от своих приготовлений. — Я думала, мы отказались…

Мудрец повернулся, в глазах его сверкнул прежний огонь.

— Кто сказал, что мы отказываемся! Что с вами тремя? Одно небольшое препятствие может вас остановить?

Небольшое препятствие? Двер посмотрел на следы выстрелов, на поломанные деревья, окружающие урский лагерь.

— Не понимаю. Ты сказал, что наша миссия окончена.

— Ну и что? — спросил Озава. — Мы можем адаптироваться. Мы изменим свою миссию. Мы больше не колонисты — ну и что?

Но мы все еще можем быть воинами.

Рети

Пленники угнетенно лежали в грязных углублениях, опустив шеи. Прошло всего два дня заточения во влажном загоне, но от уров уже пахло. Тринадцать уров предпочли бы сухое плато, где они разбили свой поселок, но военный корабль без всякого предупреждения повис над их лагерем, испуская молнии, и погнал выживших туда, где с веревками ждали Джесс и остальные охотники.

Так Кунн выполнил свою часть договора, избавив холмы от недавнего ненавистного урского вторжения. В обмен Джесс должен был отвести Кунна туда, где они с Бомом впервые увидели летающую машину-птицу. Никто не понимал, почему договор не был выполнен, почему Джесс неожиданно передумал, предпочитая ласки робота тому, чтобы поделиться сведениями с пилотом.

Никто, кроме Рети.

Бинни говорила: зачем противиться мужчинам; ведь они могут побить тебя, если ты их рассердишь? Постарайся словами направлять этих грубиянов. Пусть думают, что идея принадлежит им.

Но я продолжала противиться, верно?

Что ж, теперь я попробовала действовать по-твоему, Бинни, и знаешь что? Ты была права. Я не могла бы причинить Джессу большую боль, чем он сам теперь причиняет себе.

Бом охранял вход в загон пленников. Рослый охотник торопливо выполнил ее приказ открыть ворота, ни разу не встретившись с Рети взглядом. Он знал, где теперь его приятель. Только два обстоятельства помешали Бому разделить его участь. Во-первых, он совершенно не умеет ориентироваться. В одиночку он ни за что не найдет место, где они с Джессом заметили металлическую птицу.

А во– вторых, таков каприз Рети. Униженные пресмыкательства Бома нравились ей больше криков. Этот грубиян так испуган, что готов выскочить из штанов.

Она посмотрела на мальчишек, плюющих на пленников, и те тут же соскочили с изгороди и убежали. Рети коротко рассмеялась им вслед.

Дети племени в прошлом тоже никогда не разговаривали с ней.

Она вошла в загон.

Ур– Танн, предводительница несчастных уров, встретила ее гибким наклоном длинной шеи. Она разразилась серией свистов и щелчков, пока Рети не прервала ее.

— Ничего подобного! — приказала она. — Я не понимаю это бормотание.

Поморщившись, Ур-Танн перешла на англик.

— Прошу прощения. Твой костюм обманывает зрение. Мне показалось, что я вижу существо галактического уровня. Рети задрала голову.

— Глаза тебя не обманули. Я такая и есть.

Надеюсь, про себя добавила она. Ранн и остальные могут передумать до возвращения корабля, особенно если она отдаст им все, что может предложить. Но если грабители сдержат слово, ей со временем придется изучить все эти проклятые языки, на которых они говорят меж звезд

— Еще раз прошу прощения. Я не хотела оскорбить. Значит, это правда? Ты из заброшенной пустыни Джиджо возвышена до клана звездных существ? Какая ты счастливица!

— Да, — согласилась Рети, гадая, не смеется ли над ней ур. — Йии сказал, что ты готова расска-

зать, зачем вы оказались здесь, за Риммером.

Последовал тяжелый вздох.

— Мы хотели основать колонию, чтобы сохранить свою расу в тайном святилище. Рети хмыкнула:

— Ну, это и так ясно. Но почему здесь? И почему именно сейчас?

— Мы знали, что этот район обитаем… что здесь живут земляне и, следовательно, смогут жить ослы, на которых мы рассчитывали. Ты сама подтвердила этот факт.

— Ага. — Должно быть, Ур-Танн принадлежит к младшим мудрецам, которые были в павильоне, когда Рети рассказывала Высокому Совету свою историю. — Продолжай.

— Что касается нашей торопливости — мы хотели избежать участи, ожидающей Склон. Уничтожения от рук звездных преступников.

Рети гневно возразила:

— Я и раньше слышала эту ложь. Они никогда ничего такого не сделают!

Ур– Танн наклонила голову.

— Прошу прощения, я ошиблась. Конечно, такие чистые существа не будут убивать тех, кто не причинил им никакого вреда, не будут без предупреждения посылать смерть с неба.

На этот раз ее сарказм был совершенно очевиден. Рети посмотрела на молодого урского среднего со страшным ожогом на боку от теплового луча робота.

— Ну, наверно, вам просто не повезло. У нас были причины задавать вопросы и опасаться, что вы нападете на мою прежнюю семью.

— Никакого нападения. Недоразумение. Не мы его начали. Естественно, твои родичи удивились, увидя нас. Мы хотели преодолеть их рефлективную враждебность решительными проявлениями дружелюбия. Довиться хорошего отношения дарами и предложением помощи.

— Ну, конечно. — Рети знала, как обращались в прошлом уры с первыми поселенцами-людьми. — И, конечно, вы рассчитывали на то, что у вас лучше оружие, чем у нас.

Снова вздох-фырканье.

— Как ваши союзники обрушились на нас с более мощным орудием, чем наше? Интересно, можно ли и дальше экстраполировать такую цепь происшествий?

Рети не понравилось насмешливое выражение в глазах ура.

— Что ты хочешь сказать?

— Предположение. Существуют ли силы, гораз-

до большие, чем те, что твои новые повелители применили против нас? Может ли кто-нибудь во всех великих галактиках выть уверен, что он выбрал правильную сторону?

У Рети по спине пробежал холодок, напомнив о недавних ночных кошмарах.

— Ты ничего не знаешь о галактиках и всем таком, так что нечего предполагать…

В этот момент ее прервал резкий крик: йии высунул голову из сумки, тревожно запищав. Все мужья пленниц заволновались, закричали и, высунув головы, смотрели на юг. Вскоре так же повели себя и самки, вставая на ноги.

Рети встревожилась. Это что, восстание? Но нет, очевидно, что-то их испугало.

— Что ты слышишь? — спросила она у йии.

— двигатель! — ответил маленький урс, изгибая шею.

Мгновение спустя Рети тоже ощутила это. Далекий гул. Она поднесла руку к правому уху и нажала.

— Эй, Кунн! Что случилось?

Последовала долгая пауза, во время которой доносились звуки из кабины: включались приборы, прогревались моторы. Наконец в черепе послышался голос пилота.

Джесс согласился сотрудничать, так что я отправляюсь на поиски источника этой твоей металлической птицы.

– Но я тоже хочу отправиться!

Последовал холодный ответ Кунна.

Джесс рассказал мне все, включая и причину, по которой так сопротивлялся. Кажется, ты убедила его, что я с ним покончу, как только он расскажет все, что знает. Что живет он только пока молчит. Почему ты так поступила с этим беднягой, Рети? Это вызвало неудобства и ненужную боль.

Рети подумала: *Для тебя ненужную, зато очень нужную мне!* Месть была лишь одним из поводов для манипулирования Джессом. Но и одного этого повода было бы вполне достаточно.

— Кунн, не бросай меня. Я теперь одна из вас. Так говорили Ранн и Беш и даже Ро-кенн!

Неожиданно она почувствовала себя маленькой и очень уязвимой — перед этими урами, со стоящим за воротами Бомом, со всеми остальными, которые лишь обрадуются ее падению. Она прикрыла рот и настойчиво зашептала в передатчик:

— Сунеры набросятся на меня, Кунн. Я знаю это!

– Может, тебе следовало подумать об этом раньше. Снова долгая пауза, затем: *Если бы Ранн не приказал соблюдать радиомолчание, я мог бы посоветоваться с остальными, прежде чем решать.*

– Что решать?

Брать ли тебя с собой или оставить здесь.

Услышав эти жестокие слова Кунна, Рети задрожала всем телом. Ее надежды — эта высокая яркая башня — теперь готовы рухнуть.

Вот что я тебе скажу. Оставлю для твоей защиты робота, Рети. Он будет выполнять твои приказы до моего возвращения. Цени эту привилегию.

Сердце ее радостно дрогнуло при словах “до моего возвращения”.

— Обещаю! — прошептала она.

Считай это вторым шансом. Расспрашивай уров. Уничтожь их оружие. Никому не позволяй покидать долину. Хорошо выполнишь эту работу, и, может быть, мы начнем все сначала, когда я вернусь. Конечно, если моя охота наконец принесет добычу.

Кунн закончил.

Послышался щелчок, звуки кабины смолкли. Рети подавила желание снова нажать передат-

чик и опять попросить взять ее с собой. Она стиснула зубы, забралась на ограду и оттуда смотрела, как серебряная стрела поднялась над узким каньоном, повернулась в утреннем свете и устремилась на юг, оставив девушку с сердцем холодным и пустым, как ледник.

Двер

Поселок сунеров мерцал на дне каньона, заполненного серным неподвижным воздухом.

Адское место, с урской точки зрения.

Высокий наблюдательный пункт Двера на самом краю каньона позволял заглянуть в тесный загон. Уры лежали, опустив длинные шеи, и, как вся местная атмосфера, почти не двигались.

— Я насчитала их двенадцать, не считая мертвых, как ты и сказал, — заметила Лена, вглядываясь в компактный телескоп. — Ты неплохой следопыт, приятель.

— Спасибо, о госпожа запретных приспособлений, — ответил Двер. Он начинал привыкать к манере обращения Лены. Она всегда немного покусывала, даже когда делала комплимент. Как нур, который мурлычет у вас на коленях, а за ласку платит тем, что впивается когтями вам в ногу.

Забавно, что он привыкал и к мысли о жизни с этой женщиной — а также с Дженин. И Дейнелом и племенем землян-изгнанников. Даже открытие вторжения уров не сделало эту мысль нелепой. Дэйнел был прав. У них есть основания действовать вместе. Но сейчас все эти мысли кажутся устаревшими.

И слева видна причина этого — серебристо-серая машина в форме хунской сигары, с короткими крыльями. Это первый предмет чужаков, который видит Двер с того времени, как его и Рети едва не убил в тот вечер в логове мульк-паука летающий робот.

Небесная машина не должна находиться здесь в пустыне.

Она означает срыв всех их планов.

К тому же она не имеет права быть такой прекрасной.

Двер гордился найденным наблюдательным пунктом высоко над каньоном. Отсюда виден весь поселок, все пространство парящих прудов вплоть до летающей машины, сидящей на примятой растительности.

— Я бы хотела, чтобы эти деревенщины перестали расхаживать. Трудно сосчитать, — пожаловалась Лена. — Девчонка говорила, что местные

главари не разрешают женщинам пользоваться оружием, так что они не бойцы и о них можно не беспокоиться.

Она презрительно фыркнула от такой глупой растраты ресурсов.

Двер предпочел бы не сражаться с людьми с Джиджо, да и с чужаками тоже. В любом случае их единственный шанс — внезапность.

Лежа на узком тесном карнизе, Двер чувствовал под рукой грудь Лены, но это не возбуждало его. Их тела словно осознали происшедшую перемену. Больше не будет страстных эпизодов. Никаких жизнеутверждающих жестов. Секс и пол важны для колонистов, которые собираются растить семейства, а не для боевого отряда, нацеленного на уничтожение. Теперь важно только мастерство. И способность рассчитывать друг на друга.

— Похоже на стандартный атмосферный разведчик, — сказал Дэйнел Озава. — Определенно боевая машина. Хотелось бы, чтобы мы захватили с собой книгу по галактической технологии. Дай-ка мне бинокль.

Как и у Двера и Лены, у Дейнела теперь лицо было неровными черными полосами вымазано сажей. Предполагалось, что это не даст возможности оптическим приборам машины-убийцы

разглядеть их. Двер предпочитал думать об этом как о военной раскраске.

— Да будь я… — сказал Дэйнел. — Посмотрите. Кажется, теперь мы знаем, как звездные боги нашли это место.

Когда Двер взял в руки бинокль, он сразу увидел, что теперь вход в машину открыт, видна часть внутреннего помещения, включая контрольную панель. *Если бы мы сейчас были близко,* подумал *он. Дверь открыта, а робота поблизости нет…*

– Смотри вправо, немного выше по тропе, — сказал Дэйнел.

Двер передвинул прибор и увидел маленькую фигуру, одетую в цельный костюм чужаков, движущуюся к поселку сунеров.

— Великое Яйцо Ифни! — воскликнул он.

— Что там? — спросила Лена и схватила бинокль, когда Двер отнял его от глаз и посмотрел через переплетенные ветки на туманное небо.

— Ну, ну, — сказала она немного погодя. — Похоже, она все-таки нас догнала.

— Надо было задушить ее тетивой лука, который она у меня украла. Оставить этому проклятому пауку.

— Ты несерьезно, сынок, — посмеивался Дэй-

нел. Двер знал, что мудрец прав. Но продолжал ворчать:

— Неужели? Она с самого начала была невыносима. А теперь все погубила.

— Может, Рети заставили. — Но голос мудреца звучал неуверенно, когда он снова взял бинокль. Каждый из них разглядел одежду девушки, ее тщательно причесанные волосы и уверенную походку. Она шла так, словно весь лагерь принадлежит ей.

— Она пошла к пленникам, — немного погодя сообщила Лена. — Сейчас разговаривает с одним из них… Эти уры выглядят измученными, бедняги. — Лена поцокала языком, сочувственно, а не саркастически. — Хотела бы я разобрать…

Она смолкла: Двер неожиданно схватил ее за руку, среагировав на слабый высокий звук, который словно царапался внутри черепа. Нур раздраженно заверещал, тряся головой и чихая. Скоро звук стал громче, и его услышали все остальные. Даже Дженин, которая караулила ниже по склону, встревоженно спросила, в чем дело.

Звук доносился от воздушной машины. У Двера от него заныли зубы, словно готовые сорваться с корней.

— Что-то выходит! — воскликнула Лена, поворачивая бинокль. — Это робот!

Двер видел, как черная точка со свисающими щупальцами отделилась от корабля, после чего люк закрылся. Воздух затуманился от поднятой пыли, когда гудящие моторы подняли разведчик над землей. Серая стрела была больше дома, в котором вырос Двер, но легко поднялась и повернулась, нацелив нос точно на юг. Затем в небе эхом отозвался могучий рев, и машина стремительно улетела. Никогда Двер не видел такой скорости.

— Черт побери, — сказал Дэйнел. — Мы упустили свою лучшую возможность.

Лена не смотрела на улетающий разведчик. Она следила за черным роботом, который двигался к поселку племени.

— Не волнуйтесь, — заверила она. — Думаю, у нас будет еще один шанс.

Глейверы вернулись. Глупые звери, нашли время тащиться за людьми!

Должно быть, своим неторопливым шагом шли по следу с самой последней ночевки. Теперь они недовольно мяукали от вида и запахов зловонной лощины, но не оставляли Двера, когда тот вышел из леса и направился к грубым хижинам.

Двер оглянулся на Лену Стронг, которая оставалась в укрытии под последними деревьями. Приподнятыми бровями она спросила, хочет ли он, чтобы она застрелила этих идиотских животных. Напряженным взмахом руки он ответил отрицательно. Они опасны только для того, кто старается спрятаться. А он совсем не стремился к тому, чтобы оставаться незаметным. Напротив, идея заключалась в том, чтобы его увидели.

Тем не менее, минуя гнилой ствол, он несколько раз быстро пнул его, обнажив сердцевину с многочисленными личинками. Глейверы радостно занялись ими.

Оставался только один источник раздражения — нур быстро бежал за ним, мелькал в густой траве, пробегал между ног.

Стараясь не обращать внимания на Грязнолапого и неся лук через плечо, Двер с деланной небрежностью миновал пни срубленных деревьев и направился прямо к племени. Загон пленников на расстоянии в четверть полета стрелы слева от него, хижины справа. Прямо впереди над костром лениво, словно подниматься ему не хочется, вздымается дым.

Давайте, приятели, уговаривал молча Двер. Он уже достиг середины луга, а его все еще не

заметили. *Неужели у вас нет никаких часовых?*

Он поджал губы и засвистел “Янки дудль” — первое, что пришло в голову.

Наконец один из мальчишек, окружавших загон с пленниками, посмотрел в его сторону, раскрыл рот, снова удивленно посмотрел и закричал, указывая пальцем на Двера.

Наконец!

Неделю или две назад их реакция могла бы быть совершенно другой. Много поколений эти люди не видели ни одного чужака. Теперь, после вторжения уров, встречи с летающей машиной богов и наконец возвращения утерянной родственницы, которая преобразилась в богиню, они восприняли его появление достаточно спокойно. Только трое или четверо убежали в криками ужаса. Остальные — неуверенно, с широко раскрытыми глазами, так что сверкали белки, — оставались на месте, а потом стали медленно приближаться, видя, что он не проявляет агрессивности.

Двер поманил к себе одного мальчика.

— Да, верно, ты! Не бойся, я не кусаюсь.

Он сел, чтобы выглядеть не таким устрашающим. Мальчишка, грязный оборванец, выглядел так, словно для него не уронить себя в глазах

окружающих важней, чем выжить. Двер знал этот тип. На глазах у остальных парень скорее умрет, чем проявит страх. Раздувая грудь, он сделал несколько шагов по направлению к Двер-ру, потом оглянулся, проверяя, увидели ли это остальные.

— Смелый молодой человек, — заметил Двер. — И как же тебя зовут?

Мальчик как будто находился в затруднении. Можно подумать, что его никогда раньше не спрашивали об имени. Неужели можно вырасти, не зная, как зовут окружающих?

— Ну, не важно, — сказал Двер, замечая, что толпа растет: любопытство побеждало страх. — Хочу, чтобы ты выполнил мое поручение. Если выполнишь, я дам тебе что-то особенное, понял? Хорошо. Пожалуйста, иди к Рети. Скажи ей, что ее ждет один знакомый… — Двер повернулся и показал, откуда пришел, -…вон там. У деревьев. Запомнил?

Мальчик кивнул. Расчетливая алчность в нем сменила страх.

— А что я получу?

Двер достал из колчана одну стрелу. Она изготовлена лучшим мастером города Овум, совершенно прямая, со сверкающим на солнце

наконечником из буйурского металла. Мальчик протянул руку, но Двер убрал стрелу.

– *После* того как приведешь Рети.

На мгновение их понимающие взгляды встретились. Небрежно пожав плечами, мальчик повернулся и исчез, пробежал мимо толпы, крича изо всех сил. Двер посмотрел на глазеющих дикарей и пошел назад к лесу, тихонько насвистывая. Оглянувшись, он заметил, что почти весь клан на небольшом удалении идет за ним. Что ж, пока все хорошо.

Дьявольщина, выругался он, увидев глейверов. *Убирайтесь отсюда!*

Они закончили рыться в гнилом стволе и направлялись к нему. Двер встревожился: если они увидят жителей деревни, могут испугаться и побежать к загону пленников. Самка глей-вера повернула один выпуклый глаз в сторону приближающейся толпы. Потом повернула и второй глаз — явный признак тревоги. Фыркнула, и ее напарник в удивлении и страхе отпрянул. Они повернулись — и побежали как раз в том направлении, которого Двер и опасался!

Опытным глазом следопыта, умеющим различать тень и свет, он видел за деревом, в том месте, где лес ближе всего подходит к тюрьме-загону,

Дженин Уорли. Одна из целей Двера — отвлечь всех *оттуда.*

Он уже снял лук с плеча и наложил стрелу, когда неожиданно из высокой травы показался Грязнолапый и с шипением замахал лапами прямо перед бегущими глейверами. Те затормозили и с поразительной быстротой изменили направление своего движения, убежали прочь, а нур преследовал их, держась очень близко.

По какой-то причине местные нашли все это происшествие ужасно забавным. Казалось, им не важно, что они никогда раньше не видели нура. Они указывали пальцами, гоготали над отчаянием глейверов, хлопали, как будто Двер разыграл это специально для них. Он с улыбкой повернулся и снова повесил лук на плечо. Все что угодно, лишь бы удерживать их внимание.

Неожиданно толпа смолкла. Над Двером нависла тень. Низкий, уже знакомый гул двигателя вызвал мурашки на спине. Заслонив глаза от солнца, Двер посмотрел вверх и увидел парящую черную машину, угловатую, со свисающими щупальцами, как тот демон, что все еще приходит к нему во сне, — огнедышащее чудовище, которое прикончило в горах старого мульк-паука. Несмотря на окружающее машину темное мерцание,

Двер разглядел некую восьмиугольную симметрию. Но только на этой машине, на широком плече, какой-то негеометрический силуэт.

— Значит, ты все-таки добрался сюда, — заметил силуэт. — Неплохо для слопи. Ты не неженка, хотя путешествие тебя утомило. Ты плохо выглядишь. Раньше ты выглядел лучше, Двер.

— Спасибо, Рети, — ответил он, поворачиваясь так, чтобы не слепило солнце. К тому же ему хотелось быть поближе к лесу. — А ты, с другой стороны, никогда не выглядела так хорошо. Как поживаешь?

Она ответила коротким смешком. Он прозвучал хрипловато, как будто она давно не смеялась.

— Я отвергла предложение ваших мудрецов. Они хотели, чтобы я добиралась сюда по горам и вела с собой толпу стариков. Зачем ходить, подумала я, если можно лететь?

Теперь он отчетливо видел ее. Если не считать старого шрама, она кажется *сделанной заново,* как говорят в некоторых частях города Тарек. Однако в глазах ее все та же мрачная настороженность.

Это также его первая возможность получше разглядеть машину чужаков. Со всех сторон восемь одинаковых прямоугольников, совершенно черных и как будто даже не отражающих сол-

нечные лучи. Внизу по обе стороны механически свисают две руки-щупальца, они отходят от шара, покрытого стеклянными фасетами и металлическими трубками. Дэйнел предупредил Двера, чтобы он опасался этого шара. Сверху, там, где в прикрепленном седле сидит Рети, робот кажется плоским, только в центре поднимается острие. “Антенна”, как назвал это Дэйнел.

Двер кивком указал на парящую машину:

— Кажется, у тебя появились новые друзья, Рети. Девушка снова рассмеялась — словно резко залаяла.

— Друзья, которые увезут меня в места, каких ты никогда не видел.

Он пожал плечами.

— Я говорю не о звездных богах, Рети. Я имею в виду друга, который сейчас тебя подвез. Когда мы в последний раз видели такую штуку, она пыталась убить нас обоих…

Она оборвала его:

— С тех пор многое изменилось, Двер.

— …да, и она сожгла эту птицу, о которой ты так много говорила. Ну, наверно, выгодней присоединиться к тем, кто…

— Заткнись!

Робот среагировал на ее гневный выкрик,

устремившись к Дверу. Отступая, Двер заметил, как повернулся шар с линзами и трубками под угловатым торсом машины, повернулся, следя *за* ним. *Озава* считал, что это оружейный отсек, и охотничий инстинкт Двера подтверждал эту догадку.

За Рети собралась толпа. Почти все племя теперь следило за противостоянием оборванного человека и той, что оседлала летающего дьявола. Столкновение казалось очень неравным.

Кое– что точно такое, каким кажется.

Двер уловил движение у загона с пленниками. Дженин начала действовать.

— Ну? — спросила Рети, глядя на него сверху вниз.

— Что ну?

— Ты послал за мной, дурак! Неужели прошел пешком полмира, только чтобы заставить меня чувствовать себя виноватой? Почему не держался в стороне, когда увидел, что здесь происходит?

— Я мог бы задать тот же вопрос тебе, Рети. А ты что делаешь? Рисуешься перед этим народом? Рассчитываешься за прошлые обиды? У звездных богов есть особые причины на то, чтобы получить проводника в эту подмышку Джиджо?

На ее лице столкнулись противоречивые чув-

ства. Наконец победил смех.

– *Подмышка*? Эй! Этим все сказано. — Она снова рассмеялась, потом придвинулась. — Но я не могу сказать тебе, что ищет здесь Кунн. Это секрет.

Рети не умеет лгать. *Ты сама не имеешь ни малейшего представления,* подумал Двер, *и это тебя раздражает.*

– Так где же те слопи, которых ты должен был привести сюда? — спросила Рети.

— Прячутся. Я пошел вперед, чтобы убедиться, что здесь безопасно.

— А какая может быть опасность? Ничего опасного, кроме, может, моих грязных родичей… и табуна вонючих лошаков…

Из сумки на ее поясе донесся тонкий пронзительный смех, словно звук флейты-пикколо.

— И убийц из космоса? — добавил Двер. — Собирающихся убить все мыслящие существа на этой планете? Рети нахмурилась.

— Это наглая ложь! Они этого не сделают. Они обещали.

— А что, если я тебе покажу доказательства? Взгляд ее нервно метнулся.

— Это тоже ложь. Зачем им это делать?

— Затем же, зачем стрелять в бедную, ни о чем не подозревающую птицу. Или без предупре-

ждения нападать на уров. Слушая Двера, Рети покраснела.

— Пойдем. Я тебе покажу, о чем говорю. И прежде чем она смогла ответить, он повернулся, чтобы идти к лесу.

— Я оставил это там, за тем пнем.

Девушка что-то проворчала, но последовала за ним на своем коне-роботе. Двер опасался, что машина может оказаться более сложной, чем предполагал Озава. Справочник, который изучал мудрец, устарел на триста лет, и в нем было мало подробностей. Что, если робот понимает речь и может определить, когда лгут? Что, если он может читать мысли?

Древесный пень толще других. Сунерам, должно быть, трудно было своими примитивными орудиями свалить это дерево, когда они расчищали поляну. Двер наклонился и поднял два предмета, которые оставил с дальней стороны. Один предмет — тонкую трубку — он спрятал в рукав. Вторым оказалась книга в кожаном переплете.

— Что это? — спросила Рети, заставляя робота придвинуться ближе. На плоской верхней поверхности машины появились короткие щупальца с прозрачными концами. Три из них

нацелились на Двера, а четвертое наблюдало за опасностью сзади. Пока Дэйнел Озава оказывается прав в своих догадках о механических органах робота. Если это его “глаза”, то узкое острие, выступающее из центра робота…

— Покажи! — потребовала Рети, опускаясь еще ниже и глядя на том примерно с сотней бумажных страниц — сокровище из наследия Дэйнела.

— А, это книга. — презрительно сказала она. — Думаешь доказать что-нибудь *этим? У* ротенов есть картинки, которые движутся, говорят и рассказывают тебе все, что ты хочешь знать!

Совершенно верно, подумал Двер. *Они могут создавать образы, которые покажут точно то, что им нужно.* Но ответил он с дружеским кивком:

— О, прости, Рети. Я забыл, что ты не умеешь читать. Открой книгу, там есть картинки. Я объясню, если хочешь.

Это была идея Дэйнела. На Поляне младший мудрец заметил, как Рети зачарованно смотрела картинки в книгах — когда считала, что ее никто не видит. Двер старался смешать подбадривание с оскорблением, стыд с любопытством, так чтобы девушка обязательно захотела посмотреть книгу.

Рети с неуверенной гримасой опустилась еще ниже и взяла книгу. Сидела и, явно удивленная, листала страницы.

— Не понимаю. На какой странице посмотреть?

Подъемное поле робота коснулось ноги Двера, заставив волосы встать дыбом. Во рту у него пересохло, сердце заколотилось. Пришлось силой воли бороться с дурными предчувствиями.

— Разве я не раскрыл на нужной картинке? Позволь, я покажу.

И когда Рети повернулась к нему, робот опустился еще ниже. Двер поднял руки и протянул их к книге, но пошатнулся, ударившись о борт робота.

Если машина решит, что на нее напали, его ждет огненная смерть. Поймет ли она нормальную человеческую неуклюжесть и сделает ли на нее скидку?

Ничего не произошло. Робот не боится прикосновений.

— Эй, следи за ним, — пожаловался Двер. — Скажи своему приятелю, чтобы действовал полегче!

— Что? А, это не я. — Она пнула машину. — Оставь его в покое, глупая штука! Двер кивнул:

— Хорошо, попробуем еще раз.

Поднял обе руки. Ноги как пружины — жизнь Двера повисла в воздухе, как звук, готовый улететь с ветерком.

Он прыгнул.

Краткая нерешительность робота кончилась неожиданным воплем, за которым последовала серия резких взрывов в лесу по соседству. Ноги Двера обожгло жаром, он ухватился за две сенсорные головки, используя их в качестве опор, прижимаясь к боку машины и стараясь уйти от смертоносного шара. Острая боль обожгла одно бедро за мгновение до того, как он вскинул тело на верх вращающейся машины. Двер левой рукой держался за прыгающего робота, а в правой держал тонкую трубку.

Мир превратился в мелькающую мешанину деревьев, облаков и неба. Прогремело еще несколько взрывов в сопровождении ужасных шипящих звуков. Двер отчаянно толкнул трубку к центральному веретенообразному утолщению на верху робота и нажал.

Смешались энзимы треки и начали выделяться с острым запахом и шипением, исчезая в отверстии у основания веретена. Двер продолжал выпускать струю из трубки, несмотря на дикие скачки робота, пока Рети не оттащила его руку в

сторону. И только тут Двер расслышал посреди всеобщей сумятицы ее пронзительные крики. А когда она зубами впилась в его запястье, крик Двера смешался с общим шумом. Полупустая трубка выпала из его конвульсивно сжавшейся руки и упала.

Из центра робота поднимался пурпурный дым. Веретено начало оседать. Двер стряхнул с себя Рети и с отчаянным криком бросился к наклонившейся антенне, схватил обеими руками и потянул изо всех сил. И издал торжествующий крик, когда вся антенна оторвалась от основания, хотя при этом он покатился по поверхности, тщетно пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Но не ухватился, перевалил через край и начал падать на луг.

Двер во время своего краткого падения не тревожился из-за того, что может удариться о камень или древесный пень. Машина, вероятно, разрубит его на кусочки до того, как он коснется земли.

Но он не был разрублен. И не ударился о жесткий луг. Удивленно мигая, он увидел, что его подхватила пара рук.

Но облегчение тут же исчезло: он увидел, что руки принадлежат роботу.

Здорово! Из огня да в…

Послышалась новая серия взрывов, и парящая машина покачнулась, словно ее ударили с одной стороны. Вися под восьмиугольным корпусом, Двер видел, как часть стеклянного шара взорвалась, испустив поток стальных и стеклянных обломков. Оружейный отсек уже представлял из себя дымящуюся развалину. Не уцелела ни одна стеклянная линза или трубка.

Отличная работа, Лена, подумал Двер, гордясь тем, как хорошо она использовала свои смертоносные орудия. Ведь на всем Склоне только она и еще несколько человек умеют ими пользоваться. Огнестрельное оружие, в котором нет ни одной металлической части. Он вовремя повернул голову, чтобы увидеть новые вспышки: это Лена и Дэйнел стреляли с края леса. Новый взрыв, и машина снова покачнулась. На этот раз одно из щупалец, державших Двера, задрожало и безжизненно повисло.

Это определенно работа Лены. *Какая умная девушка,* подумал он, полуошеломленный болью. *Мудрецы выбрали правильно. Я был бы счастливчиком, если бы все развивалось по плану…*

Но у него не было возможности закончить мысль, потому что робот повернулся и зигзагами

полетел над лугом, используя тело Двера как щит между собой и опасностью. Двер видел, как Лена встала и прицелилась своим метательным снарядом, потом опустила его и покачала головой.

— Нет! Стреляй, черт побери! — закричал он. — Не думай обо мне!

Но поднявшийся от быстрого полета ветер отнес его слова. Лена опустила оружие и побежала к человеку, лежавшему на земле поблизости, возле еще одного метательного снаряда. Она перевернула Озаву и открыла бьющую потоком из груди кровь.

Следующий поворот робота скрыл от Двера эту страшную сцену. Зато теперь Двер увидел жителей поселка: они в ужасе жались к земле за невысокой кучей мусора возле загона пленников. И таков был их ужас от зрелища битвы, что они не видели группу, прижавшуюся к земле за ними. Это была Дженин Уорли и с ней двенадцать освобожденных уров. Бывшие пленники держали в руках веревки и арбалеты. Двер молился, чтобы эта часть плана Дэйнела осуществилась.

Все или ничего, сказал Озава. *Либо мы живем вместе как цивилизованные существа, либо покончим со всем этим. Покончим сейчас, принеся как можно больше ущерба врагу.*

Двер успел подумать об этом, как родичи Рети заметили перемену за своими спинами.

Учись быть мудрым…

Но тут летающая машина обогнула изгиб реки, поселок исчез, и теперь они оказались в узком проходе между лесистыми берегами и полетели прямо, все время увеличивая скорость.

Рети все еще кричала в своем седле, просила робота остановиться. Двер, который продолжал висеть под корпусом машины, казалось, что земля внизу сливается в одно сплошное пятно. Преодолевая ветер, он поднял руки и ухватился за основание удерживавшего его щупальца. Щупальце держало его горизонтально по отношению к несущейся земле. Если он вырвет щупальце, падение может убить его, но все лучше этой пытки.

Он тянул изо всех сил, но щупальце не поддавалось. Иногда оно сгибалось, вовремя отдергивая его от летящих навстречу камня или ветки. Вскоре они уже летели посредине каньона, где река прокладывает себе путь через пороги, все время неожиданно поворачиваясь и обдавая Двера потоками брызг. Он со стоном закрыл глаза.

И тут же возникли видения, угрожая привести к потере сознания.

Послушай! ругал он себя. *Сейчас не время сдаваться. Если не можешь бежать, проверь, каково твое состояние. Не истечешь ли ты кровью?*

Боль помогла ему сосредоточиться, не обращать внимания на головокружение. Болело все: от обожженного левого бедра до укусов, оставленных Рети на правой руке, — из них сочилась кровь. Было больно от жестко сжимавшего щупальца, больно от многочисленных царапин на груди и животе. Словно кто-то всаживает в него тонкие иглы, проводя ими по всему избитому телу.

Он открыл глаза — и закричал, увидев зияющую пасть, полную ужасных блестящих клыков!

— О Ифни! — застонал Двер. — О боже, о боже, о боже…

И даже когда узнал призрак перед своим лицом, это не очень ему помогло. В этот момент и еще какое-то время Двер был способен только на жалкий прерывистый стон.

Грязнолапый нур зевнул вторично, и устроился в узком промежутке между грудью Двера и твердым корпусом робота. Зверь наблюдал за человеком, достигшим предела выдержки. И со вздохом, полным страсти и презрения, забормотал — скорее для собственного удовольствия, а не для того, чтобы успокоить Двера. Вышло нечто

похожее на песню хунов, которые на корабле поют о радостях путешествия.

Аскс

Если Община выживет, если мы, Шесть, будем существовать и в последующем, происшедшее, несомненно, будет названо Битвой на Поляне.

Битва была короткой, кровавой и тактически решающей, не правда ли, мои кольца?

И стратегически напрасной. Короткий промежуток огня и ужаса, который заставил мои/наши многоцветные кольца радоваться/печалиться тому, что мы треки.

Печалиться, потому что эта груда колец казалась такой бесполезной, такой беспомощной по сравнению со стремительными действиями других существ, которых воинственная ярость так быстро вовлекает в кризис. Восковые образы не могут с такой скоростью создаваться в нашем сердечнике — они на целые дуры отстают от событий.

Печалиться, потому что мы не могли помочь, а могли только наблюдать и быть свидетелями того, что происходило.

И все же мы и *радовались,* не правда ли, мои

кольца? Радовались, потому что насилие не заполнило нашу центральную полость обжигающим ужасом. Не заполнило до тех пор, когда все уже было кончено, оставив мертвецов, как дымящиеся уголья, разбросанных по земле. Это благословение, верно, мои кольца? Для нас “ужас” редко бывает непосредственным опытом — только воспоминанием.

Но так было не всегда. Существа, которыми мы были когда-то, когда летали меж звездами, наводя ужас на Пять Галактик, совершенно иные. В те дни подобные нам существа носили еще яркие сверкающие кольца. Не только те, которые даны были нам нашими патронами поа, но *специальные* кольца, дарованные навязчивыми оайли.

Кольца силы. Кольца решительности и могучего эго. Если бы у нас несколько мгновений назад были эти кольца, они заставили бы нас двигаться так быстро, что мы смогли бы помочь друзьям в схватке.

Но тогда, если правдивы старинные сказания, эти кольца прежде всего помешали бы нам вообще иметь друзей.

Погладьте воск. Проследите образы, застывшие в его жирных каплях.

Картины жестокости и ужаса.

Вот лежит Блур, портретист, дымящаяся руина, прикрывающая его драгоценную камеру.

Видим ли мы поблизости скользкий след умирающего существа? Симбионта, выползшего из лица и лба мертвого ротена, которого звали Ро-пул? А в начале следа угловатое заостренное лицо, гуманоидное, но совсем не такое, каким мы его считали. Менее харизматическое. Менее обаятельное и женственное, чем нас заставляли верить.

Если Блур умер за то, что увидел это, не прокляты ли теперь все наши органы зрения?

Вот кричит Ро-кенн, приказывая Ранну, звездному человеку-слуге, вызвать свирепый небесный экипаж из его далекого полета, даже если это означает “нарушить” нечто, именуемое “радиомолчанием”.

Вот снова кричит Ро-кенн, приказывая своим слугам-демонам, своим роботам, все расчистить: “никто не должен оставаться, чтобы рассказать об этом”.

Он имеет в виду нас. Всех свидетелей этого внезапного откровения. Всех тех, кто знает тайну проклятия Блура.

Выше, выше поднимаются ужасные машины, готовя нам страшную участь. Из их брюха вы-

рываются языки холодного пламени, врезаются в ошеломленное множество, превращая его в бегущую, кричащую толпу. Четвероногие уры высоко подпрыгивают, крича в панике. Куэны прижимаются к земле, пытаясь зарыться, уйти от лучей, которые разрезают хитин легко как плоть. Люди и хуны бросаются на землю, а бедные г'кеки изо всех сил вертят колеса, пытаясь попятиться.

Мы, треки, те, что еще остались на Поляне после недель незаметного ухода, преимущественно стоим на месте, там, где нас это застало, испуская многосложные запахи горя, издавая влажное зловоние страха, когда лучи разрезают наши торы, выпуская богатую жидкость и воспламеняя груды.

Но смотрите! Погладьте еще раз слои образов, мои кольца. Видите одетых в темное? Тех, кто устремляется к ужасу, а не от него. Наши зрительные пятна мало что различают, даже при дневном свете, потому что одеяние этих вновь появившихся позволяет им сливаться, оставаться незамеченными. Тем не менее мы/я замечаем приземистые фигуры квуэнов. Квуэны мчатся, и на спинах у них сидят люди. А еще дальше — урское войско. Раздается гулкий звук, который редко кому приходилось слышать, — звук

смертоносного хунского гнева. Из середины этих неожиданных пришельцев поднимаются какие-то трубы, и, когда летающие демоны обращают на них свой убийственный гнев, эти трубы безжалостно разрезают их.

Есть место…

Оно здесь, в нашем сердечнике, где воск фиксирует только рев — вспышку — и перегрузку жгучих остаточных изображений, а потом…

Теперь перед нами то, что последовало.

Угли — там, куда на осквернённую почву Джиджо упали роботы, разбившиеся и превратившиеся в мусор.

Три небесных повелителя — ошеломленные тем, что превратились в пленников, лишенных своих богоподобных орудий.

Поле битвы — усеянное оплакиваемыми мертвыми. Так много мертвых.

Импровизированный госпиталь — где еще больше раненых корчатся и кричат от боли.

Вот по крайней мере что-то такое, что мы можем сделать в реальном времени. Наверно, помощь старого аптекаря в отставке здесь пригодится.

Согласны, мои кольца?

Удивительное единогласие. Оно делает более

легкой ту непривычную поспешность, с которой я бросаюсь на помощь.

Сара

Трудный маршрут не уменьшил напряжения между двумя группами повстанцев. Раскрашенные воины Ур-Качу и одетые в тусклое охотники Дединджера настороженно поглядывали друг на друга, ели отдельно под покровом выцветшей и заплатанной ткани и никогда не оставляли оружие. В каждой группе спали по очереди, не больше шести одновременно, а остальные в это время сторожили. Сара понимала, что этот союз не продержится и дура после того, как перестанут действовать общие интересы.

А что, если они столкнутся? На таком небольшом пространстве не будет ни маневров, ни стратегии — только сцепившиеся, рубящие друг друга фигуры.

Сара вспомнила иллюстрацию с фронтисписа книги Хауф-Хутау “История урско-землянских войн”. Эта книга — одна из самых популярных из тех, что вышли после Великой Печати. Мелким шрифтом великий историк поясняет, что скопировал эту сцену из книги по истории искусства

еще времен

“Обители”. В той книге воспроизводился скульптурный фриз, некогда окружавший Парфенон в Древней Греции. Знаменитый рельеф изображал длинный ряд могучих фигур, схватившихся в смертельной битве, — обнаженные люди сражаются с яростными чудовищами, полулюдьми-полулошадьми, которые встают на дыбы, лягаются и бьются насмерть. Согласно мифу, сражение началось во время праздника мира и привело к уничтожению всей расы кентавров.

Конечно, у уров нет почти ничего общего с кентаврами, за исключением четырех ног и двух рук. Но фриз производит такое жуткое впечатление, так действует на нервы, что он стал чрезвычайно популярен в эпоху войн и поддерживал мужество и решимость у обеих воюющих сторон. Саре совсем не хотелось, чтобы перед ней ожила эта кровавая сцена.

Из остальных пленников, захваченных в оазисе Уриутта, молодой Джома уже затих, как погасшая свеча, закутался в одеяло и крепко спал. Незнакомец в стороне неторопливо ел кукурузную кашу, часто откладывая ложку, чтобы извлечь из дульцимера несколько негромких нот или просто совершить ритуал пересчитывания струн.

Казалось, для него числа подобны музыке — окно к прошлому, к тому, кем он был когда-то. Числа и музыка сохранили ему верность, в отличие от утраченного владения речью.

Взрывник Курт сидел со своим блокнотом, иногда заглядывая в небольшие книги, с которыми никогда не расставался и никому не показывал — держал либо в сумке, либо во внутреннем кармане. Когда какой-нибудь ур или человек проходили рядом, Курт прикрывал свою работу, но как будто не возражал, если Прити, принеся ему еду, оставалась рядом. Приняв свое лучшее выражение типа “я-только-тупое-животное”, Прити какое-то время делала вид, что ищет в шерсти насекомых. Но вскоре маленькая самка шимпанзе уже заглядывала через плечо взрывника, потирая подбородок, обнажая зубы в улыбке молчаливого и радостного интереса.

Саре приходилось сдерживаться, чтобы не рассмеяться вслух. В то же самое время она беспокоилась.

Пока Урунтай и люди пустыни вежливо оставляют Курта в покое. Привычка почтительно относиться к взрывникам глубоко укоренилась, и нарушить ее трудно. Но они пообещали “убедить” его, когда достигнут места назначения. Неужели

Курт считает, что и тогда сумеет сохранить свою работу в тайне?

Ему лучше бы бросить свои записи в костер.

Сара сдерживала собственное любопытство. Взрывники — таинственная и пугающая секта. Откровенно говоря, она сомневалась в том, что Урунтай поступает разумно, связываясь с ними.

— Мы не будем ждать ночи, выступим раньше. — сказала Ульгор Саре, проходя мимо ее спальника. — На твоем месте я вы поспала.

Нераскрашенная кожа урской лудильщицы, хорошо расчесанная грива и проницательные искренние глаза делали ее непохожей на диких родичей. В тех чувствовался антагонизм, враждебность к людям. Но ведь Ульгор десятки раз бывала в деревне Доло, и всегда ее принимали по-дружески.

Сара покачала головой.

— Я могу понять, что движет остальными. Религия может стать сильным мотивом, если тебе кажется, что речь идет о спасении потомков. Но что ты получаешь от всего этого, Ульгор? Я знаю, что дело не в выгоде.

Узкую коническую голову расколола треугольная улыбка. Саре не нужен был реук, чтобы понять, что выражение сардоническое.

— А зачем исключать такие причины? Прибыль. Личная выгода.

Сара процитировала писание:

— Какая польза тебе в богатстве и вещах на две лиги ниже по Пути Избавления?

Ульгор негромко выдохнула-рассмеялась.

— Конечно, никакой. Но с другого копыта, статус героя может быть полезен в клане варваров. Я буду одним из великих вождей равнин, выше прославленной Ур-Чоун!

Но иронический насмешливый тон показывал, что Ульгор говорит несерьезно, и приободрившаяся Сара продолжала строить догадки.

Неожиданно она почувствовала усталость.

— Ты права, Ульгор.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Неплохо поспать бы, пока еще возможно. Лудилыцица смотрела на нее, спиралью изогнув шею.

— Мне казалось, ты хочешь узнать… Сара прикрыла рукой зевок.

— Поверь, Ульгор, я очень жалею, что спросила об этом.

С этими словами она повернулась и легла под одеяло. Прити тут же устроилась рядом, потом зашипела на Ульгор, побуждая ее уйти. Сара

слушала, как нервно стучат копыта городской изменницы. Ее словно отяготило презрение Сары.

Но Сара на самом деле чувствовала себя уставшей. Мышцы ныли от нескольких дней непривычного напряжения, болел и копчик от толчков жесткого кожаного седла. Был еще и эмоциональный элемент.

Мне поручили дело. Несколько дел. Но похоже, я не смогу выполнить даже одно.

Низкий повторяющийся гул, похожий на синхронное, пульсообразное сонное фырканье уров, заполнил павильон. Незнакомец дергал самые низкие струны дульцимера, но так осторожно и регулярно, что даже Ур-Качу не находила поводов для жалоб. Создавался усыпляющий ритм, напоминающий скорее не сердцебиение, и подъем и опускание грудных клеток спящих людей и уров.

Ариана считала, что у него выработаются новые способности, компенсирующие утраченное, думала Сара. *Наверно, чувствительность к музыке – одна из этих способностей.*

Перед рассветом, когда две группы повстанцев разбивали лагерь, Незнакомец играл для самцов-уров, которых на короткое время выпустили из тесных сумок жен, чтобы они могли размять ноги на свежем воздухе. Несколько сам-

цов приглядывали за взрослеющими личинками — шестиногими и совсем без рук. Личинки почти готовы отправиться в прерии и самостоятельно бороться за жизнь.

Незнакомец двумя молоточками ударял по струнам, аккомпанируя своему пению. Пел он детские песни, которые сохранились в его поврежденной памяти. Сара даже узнала некоторые из них. Особенно подходящей казалась одна:

У меня был маленький муж, не больше моего пальца,

Я посадила его в куртку, и там он барабанил;

Я купила маленький платок, чтобы вытирать ему маленький нос,

И пару крошечных подвязок, чтобы держались его маленькие штаны.

Он несколько раз повторил эту песню, и вскоре приободрившиеся самцы принялись отбивать ритм. Сара подумала, что если он застрянет на Джиджо и не сможет обучиться какой-нибудь профессии, то определенно найдет работу в одном из современных центров города Тарек, куда на день сдают детей.

Если, когда все закончится, у нас еще сохранятся такие роскошества.

Прити уселась перед Сарой. Негромко хихикая,

маленькая шимпанзе разгладила полоску песка и принялась палочкой чертить фигуры — в основном выпуклые, параболоидные формы, которые вздымались, поворачивались и снова устремлялись вниз. Прити смеялась и показывала на них, словно приглашая разделить ее шутку. Но Сара не могла сосредоточиться. Усталость победила боль в ноющем теле и погрузила девушку в беспомощный сон.

Ей снился Урчачка, мир травы; его равнины бесконечно волнуются под горячими ветрами, выжигаются частыми пожарами или уничтожаются жгучими облаками сверкающей вулканической пыли. После каждой такой катастрофы равнины кажутся покрытыми пеплом смерти, но яркими вспышками уже поднимаются стебли и тянутся к небу так быстро, что их движение можно заметить терпеливым глазом.

В Урчачке вода редко задерживается на поверхности. Жизнь всасывает ее, запасает в сети огромных подземных резервуаров, раскинувшихся по всем континентам, или в многоцветных пузырчатых стручках, или в самих травяных стеблях. Траву, в свою очередь, поедают стада пасущихся животных, нервных трехрогих существ, которые раньше защищались этими рогами от

опасностей, пока не оказались собранными в большие гурты. Теперь их защищают стражники, которые пострашней любого хищника.

Как обычно бывает во сне, Сара одновременно находится внутри сна и вне его. На одном уровне она испуганно всматривается сквозь лес раскачивающихся ветвей, постоянно настороженная и испуганная, готовая в любое мгновение увернуться, чтобы не быть растоптанной гигантскими животными или, что еще хуже, не попасть в их вечно жующие пасти.

Отверстия в плодородной почве ведут в подземные муравейники — тесный темный мир сладких корней и частых опасных встреч. Это царство в последнее время стало слишком скученным, ограниченным. Мир света вверху по сравнению с ним кажется раем — для тех, кто достаточно велик, чтобы высунуть голову за верхушки качающейся травы.

Крошечная отчужденная часть мозга, тот участок, который знает, что Сара спит, восхищается силой воображения Редкий дар позволил ей собрать все, что на Джиджо было известно об Урчачке: от кратких статей в энциклопедиях периода до высадки и сказаний урских бардов. Сказаний о временах до того, как их невозде-

ланное племя было обнаружено на их родной жаркой планете. Патроны спустились с неба и предъявили свои права на племя умных пастухов, повели их по Восходящему Пути. По тропе Возвышения, к звездам.

Отчужденная часть сознания может наблюдать, но не обладает никакой властью над такими фантазиями. Это цветной сон, мощный, убедительный и эмоциональный. Роковая фантазия, развивающаяся по собственным законам. Видение неживой затуманенной паранойи.

Протискиваясь между раздутыми стеблями, уклоняясь от больших тупых травоядных, она идет на запах дыма и приходит к вытоптанному кругу, который окружает полную углей яму. По краям этого круга толпа стройных четвероногих существ Она осторожно наблюдает за Большими. Только недавно она поняла, что это большая разновидность ее самой, ее старшие сестры и тетки, а не ужас с мелькающими копытами и взрывными характерами. Теперь она наблюдает за ними, подбирается все ближе, борясь с все усиливающимся искушением.

Искушением пройти вперед, выйти из травы и объявить о своем присутствии.

Она видела, как другие время от времени это

делают. Такие же маленькие, как она, выбираются из своих нор и вытягивают шеи. Смело идут, утверждая свое право занять место у огня. Примерно третью часть так поступивших вначале игнорируют, потом терпят, принимают, а потом и приветствуют, включая в тесную сеть перекрещивающихся привязанностей. У других конец бывает не таким счастливым. Кажется, очень важно правильно рассчитать время. И усвоить ритуал переплетения шей и пресмыкающегося самоунижения. А этот ритуал в разных группах разный.

И еще *запах*. Лучше подходить к группе с хорошим запахом. Таким, как у тебя самой.

Украдкой подбираясь все ближе, она наблюдает за группой взрослых. У некоторых в сумках счастливые самцы, которые нашли убежище от полного опасностей мира. Она смутно помнит, что сама когда-то жила в такой сумке. Но теперь она для этого слишком велика.

Взрослые лежат в тени высоких стеблей, которые защищают их от жгучего солнца; вытянув шеи, они положили головы на спины. Время от времени одна из них фыркает, когда ее дыхание выходит из общего ритма. Третий глаз — тот, что без век, — продолжает наблюдать.

Над головами парят крошечные летающие существа, в своей паразитической алчности они всегда готовы нырнуть и на мгновение присосаться к губе, клапану сумки или даже к богатому кровеносными сосудами глазу и тут же отлететь, увернуться от рук или щелкнувших челюстей. Сара видит, как одно невезучее насекомое попадается, еще не успев сесть. Гибким движением взрослая на лету хватает пастью зудящего кровососа и растирает челюстями, даже не проснувшись.

Не помню, чтобы встречала упоминания о кровососущих насекомых, когда читала о родине уров, удивляется отчужденная часть сознания спящей Сары. *Такого не было и в сказаниях об Урчачке.*

Постепенно она начинает понимать, что ничего не сочиняет. Скорее подсознание все заимствует из событий реального мира. Глаза Сары чуть приоткрыты, словно она на самом деле наблюдает, как уры делают то, что она воображает.

Как и раньше, половина Урунтая лежит в углублениях в песке; уры равномерно дышат в унисон под навесом из ткани. Кажется, ничего не изменилось с тех пор, как Сара в последний раз смотрела на своих похитителей. Но потом

произошло нечто такое, что странно совпало с ее сном: послышалось низкое жужжание, сопровождавшееся движением в воздухе. Слева направо, к одному из дремлющих уров, промелькнул маленький насекомоподобный предмет. Спящая мгновенно поймала летящий комок в воздухе своей зияющей треугольной пастью и принялась довольно жевать, не раскрывая двух главных глаз. Центральный глаз, лишенный век и фасеточный, сохранял тусклость глубокого сна, и воительница с громким храпом снова улеглась.

Никогда раньше такого не видела, удивилась Сара. *Может, здесь, в холмах, есть такие же насекомые, как на их родной планете?*

Прити, напряженная, с застывшей спиной, попятилась и локтем подтолкнула Сару. Девушка медленно подняла голову и осмотрела Урунтай. Те уры, что не спали, возились с арбалетами и нервно подергивали хвостами, словно начинали что-то подозревать. Их длинные шеи одновременно поворачивались налево, потом в сторону пустынных людей Дединджера, потом направо. И когда они отвернулись, снова послышалось жужжание, такое знакомое, что оставалось почти незамеченным. Снова маленький комок полетел к спящим урам. И опять одна из самок

поймала его в воздухе, не просыпаясь, и принялась жевать.

Сара проследила за направлением полета в обратную сторону, до самого Незнакомца, который по-прежнему сидел со своим дульцимером, трогал струны, создавая устойчивый гипнотический ритм. Реук на его голове лишь частично скрывал загадочную улыбку.

Сара поняла, что еще двое внимательно наблюдают за звездным человеком: Дединджер и взрывник Курт.

Фыркнув во влажном воздухе, Ур-Качу знаком велела Ульгор выйти с ней наружу. Четверо раскрашенных воинов вернулись к своему занятию арбалетами.

Незнакомец продолжал дергать за струны. Он сохранял медленный спокойный ритм, пока настороженные караульные Урунтая не улеглись. Потом левой рукой коснулся головы и просунул два пальца под пленку реука — прямо в отверстие в голове, с приступом тошноты поняла Сара. А когда пальцы снова появились, в них был небольшой предмет, пулька примерно размером в шар для посланий, какие используются в библиотеке Библоса. Трогая правой рукой струну, левой незнакомец держал шарик так, чтобы тот был

готов к следующему удару.

Он использует дульцимер как рогатку! поняла Сара, завороженно продолжая смотреть.

Она заметила легкое изменение тона, жужжащий диссонанс, когда крошечный шарик устремился в воздухе к другой спящей урской мятежнице. Но на этот раз не попал, упал, не долетев до цели на половину корпуса ура.

Дединджер зашевелился, он незаметно подталкивал товарищей, делал им знаки рукой, приказывал приготовиться. *Он не знает, что происходит, но хочет быть готовым.*

Клапан палатки открылся, и снова вошла Ур-Качу в сопровождении Ульгор. Предводительница подошла к одной из спящих и толкнула ее — обычно такого легкого толчка вполне достаточно, чтобы настороженный ур мгновенно вскочил на ноги. Но воительница продолжала негромко сопеть.

Встревоженная, Ур-Качу ударила, потом принялась лягать спящую. Другие пришли ей на помощь. И через мгновение стало ясно: из тех восьми, что легли спать, шесть были погружены в неестественный, наркотический сон.

Дульцимер снова звякнул, и тут одновременно произошло несколько событий.

Ур– Качу гневно повернулась и крикнула на англике:

— Прекрати этот адский шум, немедленно!

Тем временем маленький предмет пролетел над гаснущими углями костра к недоумевающим воительницам. Одна из них рефлекторно раскрыла пасть и поймала шарик. И почти немедленно у нее раздулись ноздри, шея вытянулась на всю длину и задрожала. Колени подогнулись.

Сара не думала, что в состоянии реагировать так быстро: толкнув Прити, она попятилась, подхватила закутанного в одеяло Джому и оттащила спящего мальчика в глубину палатки. Быстрые, как призраки, люди Дединджера уже выстроились полумесяцем, окружив Урунтай с натянутыми луками.

— Что происходит? — спросил Джома, протирая глаза. Колени у ура окончательно подогнулись, он прислонился к другим, потом упал и задышал медленно и тяжело.

— Сохраняйте спокойствие, — сказал Дединджер. — Советую вам сложить оружие. Вы не в состоянии сопротивляться.

Ур– Качу в отчаянии смотрела на то, как неожиданно изменилось соотношение сил. Ее отряд по численности превышал людей. Но теперь

ее оставшиеся последователи столпились, не готовые к бою. Они в руках землян. Предводительница Урунтая проворчала:

Итак, в этой (предательской) измене открылась вся суть человеческой (так называемой) дружбы!

– Да, — рассмеялся Дединджер, слегка самоуверенно. — Ты ведь тоже планировала что-нибудь такое, когда подвернется возможность. Но причин для паники нет. Мы выполним свою сторону договора, но как *старшие* партнеры и с несколькими изменениями, вроде места назначения нашего похода. А когда придем туда, разрешим вам отправить сообщение…

Возможно, он действительно хотел успокоить, но его слова только разъярили Ур-Качу, которая прервала его пронзительным воинским кличем и бросилась на Дединджера, извлекая из ножен сверкающие ножи.

— Нет! — в ужасе закричал Незнакомец, видя, что из груди предводительницы уров торчит несколько стрел. — Нет, черт побери, черт побери, черт побери!

Уцелевшие последовательницы Ур-Качу последовали ее примеру, наткнувшись на тучу стрел. Половина тут же упала. Остальные прыгали сре-

ди двуногих врагов, рубились, пустили кровь, но в конце концов тоже упали под превосходящим давлением людей.

Наконец, когда ни одного ура на ногах не было, люди пустыни, тяжело дыша, с остекленевшими глазами, обратили свои ножи против спящих, тех, кто спал тяжелым сном и не принимал участия в схватке.

Для Незнакомца это оказалось последней соломинкой. Выкрикивая проклятия, он набросился на ближайшего человека и стиснул ему горло. Охотник попытался сопротивляться, потом со стоном обвис. Звездный человек прыгнул к следующему, изрыгая поток оскорблений.

Сара подтолкнула Джому к выходу из палатки и крикнула:

— Прити, уведи его в скалы!

Она видела, как в следующее мгновение три охотника Дединджера повернулись и напали на Незнакомца. Один отлетел в сторону, отброшенный хитроумным рывком тела чужака, а у второго неожиданно появилась своя проблема: Сара сзади принялась колотить его по ребрам.

Если бы я слушала, когда Двер пытался научить меня драться!

Несколько мгновений все шло хорошо. Низ-

корослый плотный противник Сары застонал и повернулся, но тут же получил коленом в живот. Это не остановило мускулистого охотника, но замедлило его, позволив Саре нанести еще два удара. Тем временем Незнакомец отбросил последнего нападавшего в груду спящих и начал поворачиваться, чтобы помочь ей…

И тут на них обрушилась лавина. Поток мужских тел сбил их с ног с такой силой, что воздух вырвался из легких. Кто-то завел Саре руки за спину, от резкой боли она ахнула, подумав, что ей вот-вот вырвут руки.

— Не причиняйте им вреда, парни, — приказал Дединджер. — Эй, я сказал полегче!

В дымке, ошеломленная болью, Сара видела, как эксмудрец раздает удары и оттаскивает своих людей, которые стремятся к кровавой мести. Сара сумела повернуть голову и увидела прижатого к земле Незнакомца, с багровым лицом, с текущей из носа кровью, но все же способного испускать хриплый поток непристойностей. Этот способ выражения оказался чрезвычайно красноречив, хотя им Незнакомец владел не так бегло, как песнями. Сара боялась, что схватки и крики могут привести к тому, что у него снова откроются раны.

Предводитель людей-мятежников склонился к Незнакомцу и взял его лицо в обе руки.

— Жаль, что ты меня не понимаешь, приятель. Не знаю, что ты сделал с этими урами, но я тебе искренне благодарен. Ты упростил сложную ситуацию. По этой причине, а также потому, что живой ты по-прежнему представляешь для нас ценность, я сдержу своих ребят. Но если не будешь разумно вести себя, мне придется быть нелюбезным с твоими друзьями.

И он кивком указал на Сару.

Незнакомец тоже посмотрел на нее и, по-видимому, каким-то образом понял угрозу. Поток грязных эпитетов прервался, и звездный человек перестал сопротивляться тем, кто его сдерживал. Сара почувствовала облегчение, видя, что он больше не напрягается. И ее необычно тронуло, что именно она причина этого.

— Так-то лучше, — все тем же спокойным рассудительным тоном сказал Дединджер, каким говорил до фатального нападения Ур-Качу. — А теперь посмотрим, что ты прячешь в этой удобной дырке в голове.

И эксмудрец принялся стягивать реук, обнажив рану, из которой Незнакомец доставал загадочные шарики.

— Нет! — закричала Сара, не обращая внимания на резкую боль: двое мужчин потянули ее за руки. — Ты внесешь инфекцию!

— Которую его звездные друзья вылечат, если захотят, когда мы совершим обмен, — ответил Дединджер. — А стоит посмотреть, чем это он кормил уров. В предстоящие годы это может оказаться очень кстати.

Дединджер окончательно стащил реук и уже собирался засунуть руку, когда послышался новый голос — быстрый поток слов на Галактическом Два:

Сара, я (настоятельно) рекомендую (быстро) закрыть глаза!

Сара повернула голову и увидела Курта, взрывника из города Тарек, который держал в руке маленькую коричневую трубку. С одного конца трубки свисал горящий фитиль, испуская яростный поток искр. Взрывник отвел руку назад и бросил трубку по высокой дуге. И когда она достигла высшей точки, Курт бросился в укрытие.

Сара крепко закрыла глаза, а Дединджер закричал, предупреждая своих людей.

И тут все заполнила вспышка ярче тысячи молний, пробившись даже сквозь закрытые веки. Громовой звук потряс Сару, как птицу в

челюстях лиггера; мужчины выпустили ее руки и покатились по полу, так что волна облегчения столкнулась у девушки с болезненной сенсорной перегрузкой.

Все кончилось почти мгновенно, только раскаты еще отражались эхом от скал вокруг палатки… а может, это волны шока в ее голове. Сара поспешно высвободилась из груды кричащих мужчин, которые сжимали свои невидящие глаза. Мигая, глядя мимо пурпурных пятен, она разглядела единственного человека, который, как и она, сохранил способность видеть. Это был Дединджер, который понял предупреждение Курта. Пустынный пророк смотрел вперед, сжимая в руках лезвие из блестящего буйурского металла.

Его крик прорвался сквозь шум в ушах Сары. Дединджер набросился на Курта, сбил старика с ног, прежде чем тот смог воспользоваться своим новым оружием. Сара узнала пистолет по рисункам в старинных текстах.

— Вот вам и нейтралитет взрывников! — крикнул Дединджер, сжимая руку Курта, пока старик не застонал и не выронил оружие. — Следовало обыскать тебя, и будь проклята традиция!

Преодолевая боль, Сара попыталась прыгнуть на бывшего мудреца, но тот, не оборачиваясь,

отбросил ее жестоким ударом руки, сбил с ног, и у нее перед глазами завертелись звезды. Сара едва не потеряла сознание. Только упрямая решительность заставила ее подняться на колени и попробовать снова.

Но тут снова послышался рев, Дединджер выстрелил из пистолета мимо нее и неловко попытался снова взвести курок, но в разных сторон на него налетели две волосатые фигуры и сбили с ног. Сара каким-то образом вмешалась в схватку, присоединилась к Прити и Ульгор, которые удерживали бывшего ученого. Для своего возраста тот обладал удивительной силой.

Фанатизм имеет свои преимущества, подумала Сара, когда им наконец удалось связать Дединджера по рукам и ногам.

Подобрав свое оружие, Курт попятился и сел на камень, откуда мог наблюдать и за стонущими остатками пустынной банды, и за уцелевшими урами. Особенно за Ульгор. Неожиданное возвращение урской лудильщицы могло быть случайным, и Курт не собирался ей доверять.

Липкое ощущение заставило Сару посмотреть на руки. Она постаралась отделить красные пятна на руках от тех пятен, которые вызваны парализующей бомбой Курта. Пятна цвета и

запаха крови.

Это не моя кровь, а у Ульгор кровь не такого цвета…

Кровь текла из резаной раны на боку Прити. Сара взяла на руки дрожащую маленькую шимпанзе, сдерживая неожиданный приступ слез усталости.

Палатка представляла собой ужасную сцену: мертвые или бредящие Урунтай, ослепшие люди. Незнакомец казался в лучшей форме, чем большинство, когда наконец сумел встать. Он видел настолько хорошо, что смог помочь Ульгор связать остальных последователей Дединджера. Тем временем вернувшийся Джома связывал ноги спящих уров. Тем не менее было ясно, что раненый человек со звезд не слышит ни звука.

Вопреки всем своим инстинктам, призывавшим к основательности и тщательности, Сара торопливо приложила компресс к ране Прити. Рана не казалась опасной для жизни, а, может, быстрыми мерами удастся спасти еще кого-нибудь. И когда Прити одобрительно хмыкнула, Сара занялась стонущим четвероногим, молодым уром, который дышал тяжело, пускал кровавые пузыри…

…и умер, неожиданно вздрогнув, прежде чем

Сара смогла прийти ему на помощь.

Аскс

Эхо битвы пронеслось над землей всего несколько дуров назад.

С неба падали огненные молнии, сжигая Шесть, разрезая плоть, хитин и кость.

По долине текли потоки расплавленного воска треки, они вспыхивали, подожженные палящими лучами.

О, мои кольца, какие образы лежат в нашем дрожащем сердечнике?

Мертвые.

Умирающие.

Благоразумные, которые успели убежать.

Герои, стремительно явившиеся.

Их тусклая одежда теперь покрыта грязью и кровью, больше она не сливается с местностью. Молодые древесные фермеры и погонщики ослов. Простые смотрители садков омаров. Самые младшие работники рыболовных загонов. Добровольцы, которые никогда и не думали, что их еженедельные тренировки могут привести к такому.

Наша доблестная милиция, которая бросилась

в водоворот, в котел из смертоносных лучей. Любители, незакаленные, размягченные поколениями мирной жизни, теперь молча морщатся, сжимая конечности, пока им перевязывают ужасные раны, а жизнь постепенно уходит. Они переносят боль с мрачной решимостью ветеранов, и их страдания облегчает единственное, но мощное лекарство.

Победа.

Неужели только вчера, мои кольца, мы опасались за судьбу Общины? Боялись, что она распадется на соперничающие фракции под влиянием коварных звездных дьяволов?

Эта ужасная судьба может еще постигнуть нас наряду с тысячами других опасностей. Но не сегодня. Сегодня высокомерные чужаки пленены, они удивленно оглядываются, лишенные своих богоподобных орудий, их дьявольские роботы уничтожены примитивными огненными трубками нашей смелой милиции.

День расплаты может быть недалеко. Он может в любой момент обрушиться с непрощающего неба.

Но мы веселы. Мы испытываем облегчение. Время двусмысленностей миновало. Больше никаких тонких игр с догадками и намеками.

Больше никаких обманов и интриг. Ифни потрясла свои кости и бросила их. И сейчас они катятся по священной почве Джиджо. А когда остановятся, мы будем знать.

Да, мое второе кольцо. Ты право в своем возражении. Не все разделяют ощущение мрачного подъема. Некоторые видят в недавних событиях повод для нигилизма. Шанс свести старые счеты или распространить на нашей земле беззаконие.

Наше меньшинство — "друзья ротенов" — требует освободить Ро-кенна. Они советуют пасть ниц и молить о божьей милости.

Другие призывают немедленно разделаться со всеми заложниками.

У звездного корабля могут быть средства следить за своими потерянными членами, утверждают они, *может, по излучениям мозга или по имплантатам в теле. Единственный способ быть уверенными — это размолоть их кости и бросить порошок в лавовые бассейны.*

Эти, да и другие раздраженные группы думали бы по-иному, если бы открылась вся правда. Если бы мы, мудрецы, смогли раскрыть планы, которые уже приводятся в действие. Но тайны вообще по своей природе несправедливы. Мы стараемся сохранить мир.

Народам Шести мы говорим только:

Возвращайтесь по домам. Проверьте решетки маскировки и скрывающую паутину. Готовьтесь к борьбе, если можете. Прячьтесь, если не можете.

Будьте готовы умереть.

И прежде всего – верьте своим соседям, верьте в Свитки и в Джиджо.

И ждите.

Теперь выжившие торопливо убирают павильоны, пакуют все ценное, уносят на носилках раненых. Дети всех рас проводят священный мидур на Поляне, собирая весь мусор, какой могут найти. Увы, этот мидур — все, что мы можем отдать традиции. Не будет праздничной церемонии мульчи. Не будет пестрых караванов, которые понесут украшенные лентами корзины к морю и на корабли, а ведь это самая радостная часть Собрания.

Какая жалость!

Потребуются поколения, чтобы перенести остатки разрушенной станции чужаков — по одному ослиному каравану за раз. Но эта задача подождет окончания кризиса. Если кто-нибудь из нас останется в живых.

Заложников уводят. Караваны растекаются

на равнины, в леса и к морю, подобно потокам разумного воска, торопливо убегая от пожара.

Солнце тоже уходит. Теперь на обширных просторах, именуемых Вселенной, горят горькие холодные звезды. Шести отказано в этом царстве, но наши враги свободно летают там.

Нас остается в священной долине всего несколько. Мы ждем звездный корабль.

Все ли мы/я согласны, мои кольца? Задержаться у Святого Яйца, позволить нашему нижнему кольцу отдохнуть на твердом камне, чувствуя, как сложный рисунок колебаний возникает в нашем жирном сердечнике?

Да, гораздо лучше отдыхать здесь, чем спускаться по какой-нибудь крутой каменистой тропе, таща эту старую груду к иллюзии безопасности.

Мы останемся и будем говорить от лица Общины, когда приземлится большой корабль.

Вот он с ревом появился на западе, где только что село солнце.

Подходящая замена. Корабль гневно парит, испуская яркое свечение, которое затмевает день, осматривает долину лучами, способными сжечь. Вначале разглядывает разрушенную станцию, потом окружающую местность.

Ищет тех, кого оставил.

XXVII. КНИГА МОРЯ

Животные существуют в мире, полном борьбы, и в нем имеет значение только результат – продолжение себя и своей генетической линии.
Разумные существа живут в гнездах обязанностей – по отношению к коллегам, патронам, клиентам и идеалам. Они могут избрать верность причине, божеству, философии или цивилизации, которая позволила им избежать животного существования.
Все мы связаны узами обязательств, даже когда спускаемся по Тропе Избавления.
И все же, дети изгнания, помните: в конечном счете Вселенная ничего вам не должна.

Свиток надежды

Рассказ Олвина

Возможно, эти паукообразные существа счита-

ют меня таким же невероятным и причудливым, как я их. Может, они стараются помочь. Учитывая, как мало я знаю, лучше подождать и посмотреть, что получится.

Мы, хуны, умеем ждать. Но могу лишь вообразить, что чувствует бедная Гек, если ее поместили в такую же клетку. Стальная комната, где недостаточно места, чтобы раскрутить колеса: сразу уткнешься в стенку. И непрерывно гудит какой-то двигатель. Гек могла утратить терпение и вообще спятить.

Если она еще жива.

Она казалась живой, когда я видел ее в последний раз, после того как наше падение в ледяные глубины Помойки было остановлено и мы оказались в пасти морского чудовища. Помню, что видел Гек лежащей на металлической поверхности с вращающимися колесами; она слабо отпихивалась своими толчковыми ногами, а стены и пол тряслись от мощного ветра, который с невероятной силой давил мне на уши.

Это давление спасло нас, вытолкнув массу воды, прежде чем мы в ней утонули. Но в то время я мог только кричать, обхватив руками голову, а спину сотрясали конвульсии от удара, который я получил, когда выбирался из нашей разбитой

“Мечты Вуфона”.

Смутно я слышал еще чей-то вопль. Ур-ронн жалась в противоположном углу, изрезанная обломками своего драгоценного окна, в ужасе перед окутавшей ее влагой.

Оглядываясь назад, я думаю: вообще чудо, что она дышала после того как сломалась наша “Мечта” и со всех сторон хлынуло жестокое море. Сила удара отбросила меня к стене корпуса из дерева тару, а мои друзья полетели кувырком, головами через копыта и края панциря.

Никогда раньше не видел плывущего ура. Не самое приятное зрелище.

Помню, я подумал, что это последнее, что я вижу, пока взрывное облако пузырей не вырвалось из сотен щелей в металлических стенах, разорвав воду с пенным ревом. Пузыри сливались, превращались в мощный ветер, и мы, уцелевшие, упали на обломки нашей прекрасной лодки, отдуваясь. Нас рвало в темные маслянистые лужи.

Из нас четверых только Клешня, кажется, сохранил способность двигаться. Кажется, я помню, как он пытается помочь Ур-ронн: прижав ее к стене своим панцирем, двумя клешнями извлекает осколки стекла из ее шкуры. Ур-ронн не очень ему помогает. Кажется, она ничего не соображает.

Не могу винить ее.

Потом открылась дверь, противоположная пасти, через которую прошла наша “Мечта”. Она гораздо меньше и едва пропустила двух входящих *демонов* — по одному за раз.

Это ужасные шестиногие звери, с горизонтально расположенными телами длиннее вставшего во весь рост хуна, расширяющимися сзади, с горбом впереди и с большими выпуклыми глазами, черными и загадочными. Они громоздко вошли в помещение, растоптав по пути глубокомер Уриэль и компас Ур-ронн. Они походили на водяных жуков, от трубообразного тела которых отходят гибкие щупальца. А само тело блестит и изгибается. Маленькие свисающие передние конечности кажутся механическими приспособлениями.

Ну, хорошо, я описываю многое такое, что не мог увидеть в то время. До прихода этих паукообразных существ было темно, только два луча света вырывались из противоположных стен. К тому же я был почти без сознания и в шоке, поэтому то, что я описываю, не может служить надежными показаниями.

Особенно последующие мои впечатления.

Размахивая своими ослепляющими фонарями, две теневые фигуры принялись разглядывать

свой улов, вначале осветили и осмотрели Клешню и Ур-ронна, затем бедняжку Гек, которая лежала на боку и слабо вращала колесами, и наконец меня. Я попытался шевельнуться и едва не потерял сознание. А когда попробовал заговорить, обнаружил, что в горловом мешке нет воздуха.

Забавно, но я готов поклясться, что чудовища разговаривали друг с другом, когда осматривали нас. Этого они никогда не делают, когда теперь заходят в мою клетку, чтобы позаботиться обо мне. Странная, певучая, хриплая речь, абсолютно не похожая на Галдва или на любой другой известный мне галактический язык. Но что-то в нем показалось мне знакомым. И когда свет впервые падал на каждого из нас, готов поручиться, голос этих существ звучал удивленно.

Когда они потянулись ко мне, мой ужас частично был смягчен появлением Хуфу. Частью своего отупевшего сознания я тревожился о нашем амулете. Неожиданно он появился прямо передо мной, вызывающе крича на возвышающихся над ним существ.

Существа отшатнулись. Их изумление было так очевидно, как будто на мне был хорошо настроенный реук. Одно из них присело и торопливо,

возбужденно заговорило — то ли связывалось с кем-то, то ли обращалось к Хуфу. Не могу сказать, что именно.

Могу ли я доверять этим своим впечатлениям, подобным сну? В этот момент я, как говорят в некоторых земных книжках, быстро погружался в пустоту. И когда оглядываюсь назад, все виденное кажется иллюзией.

Но точно знаю, что одно я придумал. И сейчас оно приходит ко мне не как воспоминание, а как представление. Однако эта картина удерживается в сознании, мерцает, как бывает, когда вот-вот потеряешь чувства.

Без предупреждения появляется последняя фигура, выползает из-под обломков нашей бедной лодки. Полураспластанный, деформировавшийся, Зиз восстанавливает свою коническую форму, а существа торопливо пятятся, словно увидели что-то более смертоносное, чем ядовитый скенк. Одно из них направляет на избитого треки сверкающую трубку и пускает огненный луч, который вырывает дыру в среднем кольце бедного треки и отбрасывает к стене на Гек.

И тут мой перегруженный мозг окончательно отказывает. (Или он уже сделал это?) Но сохраняется еще одно смутное, подобное сну впе-

чатление. Оно и сейчас со мной, как тень фантома или призрак ошеломленного изумления.

Наш маленький треки истекает жидкостью на полу, а в это время кто-то говорит. Это не пронзительные свистки, какими пользовались ранее существа. И не Галсемь или любой другой цивилизованный язык — это англик.

– *Боже…* — слышу я недоверчивый голос, который мне кажется человеческим и женским, со странным акцентом, какого я никогда не слышал,

– *Боже, все эти, и еще джофур!*

XXVIII. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Говорят, что мы все потомки неудачливых рас.

Согласно многим сказаниям Шести, в пяти галактиках царят бесконечные войны, преследования, страдания и фанатизм. Но если бы это действительно было типично, цивилизация не продержалась бы и миллион лет, не говоря о более чем миллиарде.

Если бы это было типично, существовал бы не десяток мест, подобных Джиджо, а бесчисленные поселения сунеров.

Если бы это было типично, планеты, подобные Джиджо, были бы давно заняты.

Но другие источники утверждают, что большинство звездных рас относительно спокойны. Что они умудряются соблюдать свои интересы, растить клиентов и обрабатывать взятые в аренду планеты с хорошими манерами и с соблюдением древних кодексов. И при этом идут по тропе Возвышения к ожидающему их превосходству. А раздраженные выходки ревнивых,

фанатичных союзов они считают безвкусными и незрелыми, но зачем вмешиваться, если проще и безопасней опустить голову (головы) и заниматься своим делом?

Клиенты, которым повезло быть принятыми такими умеренными кланами, вырастают в мире и безопасности, и только в промежутках — в легендарные Времена Перемен — *перевороты захватывают даже осторожных и укрывающихся.*

Во вселенной процветают сильные. Те, кто закален стычками в темных переулках космоса.

Но эти переулки требуют и жертв. Говорят, что мы, Шесть, относимся к тем истекающим кровью беженцам, которые спасаются от проигранных войн и разбитых мечтаний, ищут места, где можно спрятаться. Залечить свои раны. И поискать другой тропы.

Поискать еще одной, последней возможности.

Сара

С какой стороны ни посмотри, невероятная путаница.

Парализующая бомба обратила вьючных животных в истерическое бегство, они сорвались с привязи и исчезли в лабиринте каменных шпи-

лей. Кому-то надо пойти на поиски их, но только после того как будет оказана помощь раненым со всем мастерством, на которое способна Сара.

Ослепших — возможно, временно — людей нужно успокоить, затем накормить с рук. Позже оттащить мертвых на ровное место, где будет разожжен погребальный костер. Он превратит тела в неизбежный мусор, и аккуратную, удобную для перевозки груду соберут и отправят к морю.

Было еще одно осложнение. У нескольких погибших воительниц Урунтая были в сумках мужья и личинки. Сара собрала самых сильных, тех, кто сумел выбраться из сумок, — у них есть шанс выжить — в импровизированной палатке, где миниатюрные самцы присматривали за своим потомством, разжевывая мясо и отрыгая его для одутловатых, похожих на гусениц, еще не достигших детского возраста уров.

В сказаниях уров, восхваляющих воинскую доблесть, никогда не говорится о тех трудностях, которые возникают после битвы. Может, никто бы не воевал, если бы знал заранее, что придется расчищать кровавое месиво.

Курту и Джоме пришлось наконец перед закатом присесть, чтобы немного поесть и отдохнуть. Но тут стало темнеть, и пламя костра освети-

ло две группы мрачных пленников: людей и уров, — которые угрюмо смотрели друг на друга, полуслепые и раздражительные. Никто не казался более печальным, чем бывший мудрец, ученый, ставший пророком, который так уверенно спорил с Сарой лишь полдня назад. Дединджер расчетливо посматривал на Курта, который не расставался с пистолетом и ни на мгновение не выпускал пленников из поля зрения.

Прежде чем сесть самой, Сара проверила раны Прити. Из разрезов все еще сочилась кровь, и это ее тревожило. Трудно было зашивать раны, потому что шимпанзе — вполне естественно — дергалась, а у Сары перед глазами все еще расплывалось от действия парализующей бомбы. Сделав для своей маленькой помощницы и друга все, что можно, Сара огляделась в поисках Незнакомца. Весь день он помогал, но уже с час она его не видела, а ему пора принимать лекарство.

Курт сказал:

— Он пошел туда, — он указал на скалы в южном направлении, — чтобы поймать ослов. Не волнуйся. Парень, кажется, умеет о себе позаботиться.

Сара сдержала первоначальную реакцию — выругать взрывника за то, что позволил звездному

человеку одному уйти в дикую местность. Ведь чужак все-таки калека и может заблудиться или пораниться.

Но потом вспомнила, что он необычно *компетентный* калека. Искусный и сообразительный там, где не нужны слова. И для человека с таким мирным характером сражается он поразительно умело.

Пожав плечами, Сара приняла то, что нельзя изменить, чтобы поесть немного сухого воинского хлеба и попить из кувшина теплой воды со вкусом кожи.

— У нас нет нужного кольца для правильной подготовки мульчи, — сказала она, жуя, — поэтому утром нужно будет собрать дров для погребального костра. — Говорила она громче, чем обычно, потому что у всех еще не восстановился нормальный слух. Нужно было кричать, чтобы пробиться сквозь постоянный гул в ушах. — И кого-нибудь придется послать за помощью.

– Я пойду, — вызвался Джома. — Только я не ранен в битве. Я силен, и у меня есть компас. Дядя Курт знает, что я не заблужусь. И я могу передвигаться очень быстро.

Старший взрывник выглядел встревоженным. Племянник еще слишком молод. Но после недол-

гих размышлений Курт кивнул.

— Это имеет смысл. Он может пойти…

— Конечно, посылать нужно меня! — прервала Ульгор, отворачиваясь от костра, за которым присматривала. — Я могу бежать быстрее и дальше, чем этот ребенок, и я хорошо знаю эти холмы.

Сара подавилась.

— Ни в коем случае! Не могу поверить, что мы не связали тебя с остальными! Отпустить тебя? Чтобы ты могла привести еще много своих фанатичных друзей?

Ульгор повернула узкую коническую голову и искоса посмотрела на Сару.

— Как будто эти друзья уже не направляются к нам, дорогая дочь Нело? Не забудь, что Ур-Качу выслала вперед посыльных. Предположим, племянник Курта сможет дорваться до Поляны, избежав встречи с люггером или стаей куврасов. Если он направится на север, ручаюсь, что вначале он встретит союзников Ур-Качу, торопящихся на соединение с ней.

Теперь настала очередь Курта прервать ее резким жестким смехом.

— А кто сказал, что он направится на север? Ульгор и Сара посмотрели на него.

— Как это? Очевидно, нам нужно…

Сара смолкла, увидев улыбку взрывника. *Если подумать, Курт никогда не говорил, что направляется на Собрание.* Она, вполне естественно, полагала, что его срочное дело именно там. *Но он мог оставить нашу группу на Перекрестке, где мы должны были повернуть вверх, к Яйцу.*

– Другие представители моей гильдии уже давно находятся там, чтобы помочь высоким мудрецам. Но мы с мальчиком направлялись в другое место. И поскольку уж речь зашла об этом, советую тебе, Сара, идти с нами. Прежде всего, это самое последнее направление, в котором будет искать Урунтай.

Это была самая длинная речь, какую Сара когда-либо слышала у Курта, и она начала размышлять над его словами. Например, почему он говорит об этом *в присутствии* Ульгор?

Потому что любой целеустремленный ур легко пройдет по свежему следу группы людей и ослов. Ульгор должна будет идти с нами, или ее придется уничтожить.

Но в таком случае разве та же логика не требует убийства всех остальных уцелевших? Курт, конечно, знает, что Сара никогда этого не позволит. И в любом случае проблема не в том, чтобы опередить преследователей на несколько дней.

Хороший следопыт, как Двер, сможет пройти и по более холодному следу.

Она уже собиралась заговорить об этом, но остановилась, поняв, что Курт все равно не ответит в присутствии разгневанных разбойников.

— Ты знаешь, что я не могу идти, — сказала она наконец, покачав головой. — Эти уры и люди умрут, если мы их оставим связанных, а освободить их мы не можем.

Если у нее были хоть какие-то сомнения в этом, достаточно было взглянуть в гневные глаза Дединджера. Эта холодная ярость представляет проблему, которую способны решить только расстояние и время. И чем больше и дальше, тем лучше.

— Я останусь и буду заботиться о них, пока не придут их друзья, — добавила она. — Урунтай, вероятно, защитит меня, потому что я помогла спасти жизнь нескольким воинам. Но, наверно, меня будут держать в плену. Может, мне даже удастся уговорить их не убивать разбойников Дединджера.

А вы с Джомой должны идти. Если отыщем нескольких ослов, с вами могут отправиться Прити и Незнакомец. И если очень повезет, вы где-нибудь встретите аптекаря и сильный отряд

милиции. Я пройду за вами несколько полетов стрелы и замету след, а потом возьму других ослов и проложу ложный след в другом направлении.

Ульгор негромко уважительно свистнула.

– Ты поистине сестра твоего брата. Сара повернулась и указала на элегантную урскую лудильщицу.

— Конечно, это означает, что ты использовала все время свободы, которое заработала, помогая нам в конце схватки. — Она наклонилась и подобрала веревку от палатки. — Тебе пора присоединиться к остальным у костра, соседка.

Ульгор попятилась.

А кто, кроме тебя, установил такое правило?– вызывающе спросила она на Галшесть.

Курт взвел курок пистолета.

— Я и моя волшебная палочка, Ульгор. Стой на месте. Ульгор, признавая поражение, согнула длинную шею.

— Ну хорошо, — безутешно сказала она. — Если вы настаиваете, я могу еще немного постоять.

Она продолжала произносить успокоительные слова, и только спустя дур или два Сара поняла, что *Ульгор продолжает пятиться.*

Курт, которого сбили с толку противоречивые сигналы, стоял в нерешительности, но тут закри-

чал Дединджер:

— Да она обманывает вас, придурки!

Ульгор мгновенно повернулась и понеслась в сумеречную полутьму. Курт выстрелил раз — промахнулся, и корпус ура исчез в скалах. Последним, что они видели, был взмах двух заплетенных хвостов. Пленные уры подняли голову и засмеялись. Рассмеялись и пленные люди.

— Тебе нужно больше практиковаться с этой штукой, дедушка, — заметил Дединджер. — Или отдать парню, который попадает с первого раза.

Прити оскалила зубы и зарычала на экс-мудреца, который насмешливо изобразил ужас, а потом снова рассмеялся.

Вот опять. Нет большего глупца, чем умный глупец.

– Что ж, это все меняет, — обратился Курт к Саре. — Это моя вина. Не следовало слушать тебя. Связать ее сразу, хотя она и спасла мне жизнь. Сейчас она может где-нибудь прятаться и наблюдать за нами. Или бежит, чтобы привести свою банду, прежде чем мы уйдем далеко.

Сара покачала головой. Далеко *для чего?* Побег Ульгор только приблизил неизбежное.

Взрывник знаком попросил ее подойти ближе. Когда она села рядом с ним, Курт поджал губы,

как будто не решался заговорить, а потом заговорил так тихо, что она едва слышала.

— В последнее время я все думаю, Сара… Это дар Яйца, что ты путешествуешь с нами. Благословение Ифни. Твое мастерство окажется очень полезным… для проекта, в осуществлении которого я принимаю участие. Я собирался попросить тебя на перекрестке…

— Попросить о чем?

— Чтобы ты отправилась с нами на юг, — он заговорил еще тише, — к горе Гуэнн.

– *К горе…* — начала Сара, вставая. Увидев паническое выражение на лице Курта, она снова села и заговорила тише.

— Ты ведь шутишь, верно? Ты знаешь, что у меня дело на Собрании. *Важное цело.* Если радикалы считают Незнакомца настолько важным, чтобы убивать его, разве наши мудрецы не должны с ним познакомиться и учесть его появление в своих решениях? К тому же, если чужаки его друзья, наш долг помочь ему получить современную медицинскую…

Курт помахал рукой.

— Все это правильно. Но если путь отсюда на Поляну блокирован, а нас ждет другое дело, может быть, гораздо более важное…

Сара смотрела на него. Он сошел с ума, как Дединджер? Что может быть более важным?

— …дело, над которым один их твоих коллег уже несколько недель работает в том месте, что я уже упомянул…

Один из моих коллег? Сара замигала. Боннера и Теина она видела несколько дней назад в Библосе. Пловов на Собрании. Тогда кто…

И тут в ее сознании всплыло имя.

Астроном Пурофски? На горе Гуэнн? Что он там делает, во имя Яйца?

– …дело, которое нуждается в твоем опыте, если могу взять на себя смелость сказать. Сара покачала головой.

— Это… место… оно за Великим Болотом, за пустыней и Спектральным Потоком! Нужно либо проделать долгий обходной путь по рекам, или плыть морем…

— Мы знаем короткий путь, — вставил Курт.

— …и ведь совсем недавно мы обдумывали безумный поход, только чтобы добраться до ближайшего поселка, и это такое же безнадежное путешествие, как на луну.

— Я не говорил, что будет легко, — вздохнул Курт. — Послушай, сейчас я хочу знать только одно. Если я смогу убедить тебя, что это возможно,

ты пойдешь с нами?

Сара сдержала ответ, который вертелся на языке. Курт уже проявил чудеса и вытащил из своей сумки божественные машины. Может, у него там есть и волшебный ковер-самолет? Или сказочные антигравитационные сани? Или глайдер на паутинных крыльях, чтобы поймать береговой ветер и отнести их в далекое царство огненных гор?

— Не могу тратить время на такие нелепые разговоры. — Сара встала. Ее тревожило отсутствие Незнакомца. Быстро темнело, и хотя Ульгор убежала на северо-запад, нет никакой гарантии, что она не повернет, чтобы отыскать и захватить врасплох человека из космоса. — Пойду искать…

Крик прервал ее, заставив подпрыгнуть. Резкий, полный гнева и удивления крик, мелодичный, словно отрывок лихорадочной песни. Крик столько раз отразился от окружающих скал, что невозможно было понять, откуда он доносится. От этого ужасного звука у Сары по спине побежали мурашки.

Прити схватила один из длинных урских ножей и подошла поближе к нервничающим пленникам. Джома наложил стрелу на маленький охотничий лук. Сара согнула руки, понимая, что в них должно быть оружие, но сама эта мысль

показалась ей непристойной. Она не могла заставить себя сделать это.

Недостаток характера, слегка ошеломленно подумала она. *Который не следует передавать детям. Особенно если мы погружаемся в век насилия и "героев".*

Крик становился громче, и напряжение росло. Невероятный вопль словно состоял на одну часть из боли, одну — из отчаяния и на восемь частей из унижения, как будто смерть предпочтительней того, что происходит. С каждым дуром он становился все громче и яростней, заставляя пленников тесниться друг к другу и тревожно вглядываться во тьму.

Но тут к первому звуку присоединился другой — басовый контрапункт. Быстрое неритмичное топанье, которое заставляло землю дрожать, как от приближающейся машины.

Курт взвел курок, держа пистолет перед собой.

Неожиданно на западе, на краю освещенного костром пространства, появилась фигура. Чудовищная фигура, наклонная и тяжелая, выступающая вперед под углом, с придатком вверху, который бился и метался, словно клубок рук и ног. Сара ахнула и сделала шаг назад.

Мгновение спустя фигура стала отчетливо

видна, и Сара с дрожащим вздохом узнала в этом выступающем придатке Ульгор, стонущую в отчаянии и стыде. Ее держали вверху две могучие, бронированные, вооруженные острыми клешнями хитиновые руки.

Руки *квуэна.* Остальные три руки из пяти были неловко выставлены вперед, удерживая равновесие, когда бьющийся ур пытался вырваться.

Сопротивление бесполезно, просвистел из ножных щелей хриплый, но знакомый голос. Голос, сухой от набившейся пыли, которая ввела вначале Сару в заблуждение: ей показалось, что броня у квуэна серая. И только у самого костра стал заметен истинный синий цвет панциря.

— Привет, друзья, — прохрипел Блейд, сын Грызущей Бревна, из деревни Доло. — Не найдется ли у кого-нибудь глоток воды?

Ночь была *ясная,* ветреная и очень холодная для этого времени года. Запас топлива приходилось беречь для костра, поэтому пленников закутали в полотно палатки, чтобы они могли греться теплом своих тел. Тьма склонила уров, в том числе и прочно связанную Ульгор, ко сну, но пленники-люди шептались в своем импровизированном убежище, и Сара мрачно гадала, что они замышляют. Конечно, они гораздо меньше

уцелевших членов банды Ур-Качу хотят утром или на следующий день увидеть появление на холмах новых воинов Урунтая. И если сумеют в темноте перегрызть свои веревки, что сможет сделать Курт со своим единственным пистолетом в случае внезапного нападения?

Конечно, многие из этих людей все еще слепы от вспышки. И успокаивает присутствие Блейда. Даже когда он стряхнул пыль и обнаружился синий цвет его панциря, он представляет из себя устрашающую фигуру. С его присутствием Сара и остальные могут даже рискнуть и по очереди немного поспать.

Если бы только мы знали, что случилось со звездным человеком, тревожилась Сара.

Его не было уже несколько мидуров. И хоть теперь Лусен тусклым сиянием освещал местность, легко было представить себе, что бедняга заблудился.

— Меня привел к вашему лагерю звук выстрела, — объяснил Блейд после того, как Сара и Джома влажной губкой промыли его речевые щели и глазные круги, использовав много драгоценной воды. — Я уже пришел в отчаяние, не видя ваш след в наступающей темноте, когда услышал раскат. А чуть позже увидел и отраже-

ние вашего костра вон там.

Сара подняла голову. На высокой каменной башне действительно плясало отражение. Может, оно приведет Незнакомца домой.

— Но представьте себе мое удивление, когда мне навстречу кто-то устремился! — Блейд усмехнулся сквозь три своих вентиляционных отверстия. — Конечно, мое удивление ничто по сравнению с шоком увидевшей меня Ульгор!

Рассказ квуэна был прост, но полон героизма. Он ждал под водой в оазисе Уриутта, пока не выступила быстрая группа Ур-Качу, а за ней более медленная экспедиция с пленными и добычей. Блейд провел это время, размышляя над тем, какие у него возможности. Направиться на Перекресток или к какому-нибудь поселку? Или попытаться пойти следом и помочь, когда будет возможность? Каждое из этих решений означало обезвоживание и мучения, не говоря уже об опасностях. Сара заметила, что Блейд ни разу не упомянул третью возможность — оставаться в оазисе, пока кто-нибудь не появится. Вероятно, она даже не приходила ему в голову.

— Но одного я никак не ожидал — что найду вас в господствующем положении Вы сумели самостоятельно одолеть обе группы! Кажется,

спасение вам и не понадобилось.

Сидя на панцире Блейда, где он промывал его обонятельные щели, Джома рассмеялся. Мальчик обнял синий купол.

— Ты нас всех спас! Сара кивнула.

— Ты величайший герой, мой дорогой друг.

После этого говорить было не о чем. Вернее, все так устали, что не могли говорить. Молча какое-то время смотрели на пламя. Сара посмотрела на Лусен, заметила яркие, отражающие солнечный свет покинутые буйурские города, эти вечные напоминания о могуществе и славе тех, кто некогда владел этой солнечной системой и когда-нибудь будет владеть снова.

Мы, сунеры, подобны снам Джиджо, подумала она. *Мы призраки, которые не оставят ни следа, когда уйдут. Мимолетные фантазии, пока тропа созидания отдыхает и готовится к новой фазе достижений какой-нибудь богоподобной расы.*

Не очень утешительная мысль. Сара не хотела быть сном. Она хотела того, что считала важным в жизни, хотела внести в это вклад своей работой, своими детьми, своей цивилизацией. Возможно, это желание объясняется неуместным и нестандартным воспитанием матери. Теперь ее дети — знаменитый еретик, легендарный охотник и

верующая в безумные теории иного пути избавления для всех Шести рас.

Сара думала о своем разговоре с Дединджером.

Мы, вероятно, никогда не узнаем, кто из нас оказался прав, если Общине позволят идти своим путем. Плохо. Каждый из нас верит в нечто прекрасное в своем роде. По крайней мере гораздо более прекрасное, чем уничтожение.

Риф яркости

Тишина позволила вернуться некоторым привычным звукам природы. Остаточный колокольный звон в ушах постепенно стихал.

Я должна сейчас радоваться, что не оглохла или не ослепла окончательно — не говоря уже о том, что не умерла. Если какой-то устойчивый ущерб причинен, я сумею с этим жить.

Хороший пример показывает Незнакомец, постоянно оживленный, несмотря на утрату многого из того, что делало его таким, каким он был. Сара решила, что в такие времена никакое другое отношение, кроме твердого стоицизма, просто не имеет смысла.

Некоторые из звуков, которые принесла с собой ночь, она узнавала. Плывущая последовательность вздохов — это ветер, гладящий близко расположенные прерии, а потом пролетающий

сквозь щели в скалах. Отдаленный низкий стон говорит о стаде галлейетров. Потом послышался рев лиггера, предупреждающего всех держаться подальше от его территории. Потом пение незнакомой птицы.

Сара слушала, и пение постепенно становилось громче. Девушка поняла: *Это не птица.*

Звук постепенно набирал силы, заполнил ночь, оттеснив всех соперников. Сара встала. Изорванная палатка задрожала: это вставали остальные. А звук тем временем превратился в оглушительный рев, заставляя зажимать руками уши. Блейд втянул купол, пленные уры тревожно заржали, раскачивая взад и вперед длинные шеи. С ближайших каменных шпилей полетели камни. Сара испугалась, что шпили рухнут под давлением воздуха.

Этот звук — я его уже слышала.

Небо осветилось, над головой пронеслось что-то яркое, оно замедляло скорость с серией титанических хлопков, показалась гигантская труба, от которой даже на таком удалении пахнуло жаром…

Сара только раз мельком видела звездный корабль, когда он пролетел мимо ее окна в древесном доме. Кроме этого, только рисунки, чертежи

и сухие, абстрактные данные — все это бесполезно для сравнения оцепеневшим сознанием.

Должно быть, корабль еще очень высоко в атмосфере, поняла она. Но он кажется таким огромным…

Корабль богов пролетел примерно в направлении с юго-запада на северо-восток, он явно снижается, замедляет полет, готовится к посадке. Не нужно большого ума, чтобы догадаться о его цели.

Несмотря на всю невероятную красоту, Сара на этот раз не испытала ничего кроме ужаса.

Ларк

С расстояния трудно было рассмотреть что-нибудь. Сияние, исходившее от Поляны, было таким ярким, отбрасывало такие длинные тени — даже на заросших лесом склонах гор за много лиг отсюда.

— Теперь ты видишь, что вам противостоит, — сказала стоящая рядом, в окружении нескольких настороженных милиционеров, Линг. — Это не то, что сбить несколько роботов-охранников.

— Я в этом не сомневался, — ответил Ларк, заслоняя глаза и всматриваясь в сияние: про-

жектора корабля освещали место, где лежали развалины станции чужаков. После двух бессонных ночей шум двигателей корабля напомнил Ларку рев самки лиггера, только что вернувшейся с охоты и увидевшей искалеченным своего детеныша. И теперь она ревет в убийственном гневе.

— Но ты ведь знаешь, еще не поздно, — продолжала Линг. — Если передашь нам мятежников-фанатиков — и ваших Высоких Мудрецов, ротены будут рассматривать не коллективную, а индивидуальную вину. Наказание не обязательно будет всеобщим.

Ларк знал, что должен рассердиться. Повернуться и разоблачить ее лицемерное предложение, напомнить доказательства, которые все видели: ее хозяева планировали всеобщий геноцид.

Его остановили два обстоятельства.

Во– первых, хотя теперь все знали, что ротены собирались развязать кровавую гражданскую войну, нацеленную прежде всего на человеческое население Джиджо, подробности оставались неясны.

А дьявол заключен в подробностях.

К тому же Ларк слишком устал, чтобы выдержать еще один спор с молодой женщиной-биологом. Он повернул голову и шею, подражая

урскому пожатию плечами, и ответил на Галдва:

Разве у нас нет (гораздо более важных) дел, чем обсуждать (напряженно) абсурдные предложения?

Охранники, которые сопровождают их в укрытие, одобрительно засмеялись. Другие группы сейчас сопровождают Ранна и Ро-кенна в различные убежища, разделяя заложников как можно дальше.

Да, но почему мне поручили именно Линг?

Может, решили, что она будет слишком занята спорами со мной, чтобы попытаться бежать?

Насколько ему известно, им, возможно, придется провести вместе немало времени.

Они молча продолжали смотреть, как могучий корабль летает взад и вперед, освещая все уголки Поляны, каждое место, где всего несколько мидуров назад стояли павильоны. С далекого горного склона зрелище казалось ошеломляющим, гипнотическим.

— Мудрец, пора идти, здесь все еще небезопасно.

Это произнесла сержант милиции, маленькая жилистая женщина, по имени Шен, с блестящими черными волосами, тонкими чертами лица и

смертоносным складным луком на плече.

Ларк замигал, вначале не поняв, к кому она обращается.

Мудрец – а, да.

Потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть. Ларк всегда считал, что ересь приведет к дисквалификации, вопреки его подготовке и достижениям.

Но только мудрец может принимать решения в делах жизни и смерти.

Группа снова двинулась, но Ларк не мог удержаться и не оглядываться на Линг. Хотя большую часть времени ему хотелось “удавить ее”, это, конечно, всего лишь оборот речи.

Ларк сомневался, что ему удастся выполнить свой долг, если до этого дойдет. Даже сейчас, грязная и уставшая, женщина удивительно красива. Приятно на нее посмотреть.

Около мидура спустя полный отчаяния крик послышался в горах, отразился от заснеженных вершин и вернулся со всех сторон, заставив задрожать деревья. Солдаты показывали назад, туда, откуда пришли, где только что сверкание звездного корабля стало невыносимо ярче. Все бросились назад, к последнему повороту, откуда открывался вид на юго-запад, и заслонили ру-

ками лица.

— Ифни! — ахнул Ларк. Солдаты сжимали свое примитивное оружие или тщетно делали знаки, отвращающие зло. У всех лица побелели от отраженного света.

— Не… может… быть… — тяжело выдохнула Линг, делая паузы после каждого слова.

Огромный ротенский корабль по-прежнему висел над Поляной как и раньше, укутанный в сияние.

Но только теперь свет бил не только вниз, но и сверху, и отбрасывал его новый пришелец.

Другой корабль.

Гораздо, гораздо больший корабль, словно взрослый ур рядом со своей личинкой.

Ларк тщетно пытался примериться к масштабам. Но в голову приходили только святотатственные мысли.

Новое чудовище настолько велико, что вполне могло отложить Святое Яйцо, и в нем еще оставалось место для многого другого.

Вися под этим гигантом, корабль ротенов издал скрежет и задрожал, словно пытаясь улететь или просто сдвинулся с места. Но свет, льющийся на него сверху, как будто приобрел характер физического вещества, чего-то прочного, прижи-

мающего к земле. Меньший корабль окрасился золотистым цветом и тяжело опустился на почву Джиджо. Густое свечение накрыло его, сгустилось и затвердело, остывая.

Как воск, тупо подумал Ларк. Потом вместе с остальными повернулся и побежал через лес в ночь, бежал так долго, как могло вынести тело.

Аскс

Что это, мои кольца? Что за дрожь проходит по всей нашей груде?

В ней есть что-то знакомое.

Какой-то знакомый ужас.

В ослепительном свете мы стоим на праздничной поляне, заключенные в кокон застывшего времени, и вместе с нами застыли в движении сорванные листья и ветки — вблизи закованного в золото корабля.

А сверху эта новая сила. Новый титан.

Обжигающие лучи тускнеют. Посреди оглушительного гудения чудовищный корабль опускается, раздавив все оставшиеся деревья на южном краю долины, изменив русло реки, заполнив небо подобно горе.

Чувствуете ли вы это, мои кольца?

Испытываете ли предчувствие, которое заполняет нашу сердцевину ядовитыми испарениями?

В огромном борту корабля раскрывается люк, достаточно большой, чтобы поглотить целую деревню.

И на внутреннем освещенном фоне показываются силуэты.

Заостренные кверху конусы. Груды колец.

Могущественные родичи, которых мы надеялись никогда больше не увидеть.

Сара

Вскоре после того, как над головами пролетел второй космический корабль, в лагерь прибежал Незнакомец. К этому времени Сара настолько пришла в себя, что была в состоянии думать о насущных делах.

Делах, которыми она должна заняться.

Звездный человек пришел с юга, ведя с полдюжины усталых ослов. Он казался возбужденным, испытывал лихорадочную потребность что-то сказать. Раскрывал и закрывал рот, что-то бессвязно бормотал, как будто силой воли пытался выдавить слова.

Сара потрогала его лоб и проверила глаза.

— Знаю, — сказала она, пытаясь успокоить его перенапряженные нервы. — Мы тоже это видели. Огромная проклятая штука, больше озера Доло. Хотела бы я, чтобы ты мог нам сказать, не твой ли это корабль. Или там тот, кто тебе не нравится.

Она не была уверена, что он ее слышит, тем более понимает, что она говорит. Он был ближе к световой фанате и не был предупрежден.

Тем не менее в его возбуждении что-то казалось странным. Он указывал не на небо, как она ожидала, и не на север, где один за другим снижались корабли. Напротив, он жестами показывал на *юг,* в том направлении, откуда пришел.

Незнакомец встретился с ней взглядом и задрожал. Лоб его сосредоточенно сморщился, он несколько раз глубоко вдохнул. И с неожиданным блеском в глазах запел:

Черные и гнедые, пятнистые и серые, Кучер и шестерка лошадей. Баюшки-баю, не плачь, Спи мой малыш.

Голос его звучал хрипло, и Сара видела в его глазах слезы. Но он продолжал петь строчки, которые сохранились в памяти и лежали наготове много десятилетий в неповрежденном отделе мозга.

Когда проснешься, Получишь торт И множество маленьких Красивых лошадок.

Сара кивнула, стараясь понять смысл этой колыбельной.

— Много маленьких краен… о, Ифни! Она повернулась к взрывникам.

– Он видел уров! Они повернули и идут с юга, чтобы захватить нас врасплох!

Курт несколько раз мигнул, потом открыл рот — но не успел ничего сказать: все заглушили радостные возгласы пленников.

Ульгор вытянула к ним шею.

— Я говорила, что наши союзники не задержатся. Теперь перережьте эти веревки, чтобы я могла вмешаться и убедить друзей из Урунтая не обращаться с вами слишком жестоко.

— Сара, — сказал Курт, беря ее за локоть. Но она отбросила его руку. Нет времени.

— Курт, бери Джому, Прити и Незнакомца и уходите в скалы. Урунтай не сможет вас преследовать в такой местности. Вы сможете добраться до гор, если мы с Блейдом задержим их. Попытайтесь найти пещеру или что-нибудь. Идите!

Она повернулась лицом к синему квуэну.

— Ты готов, Блейд?

— Готов, Сара! — Синий щелкнул двумя клеш-

нями и выступил вперед, словно приготовился снова сражаться в битве у торгового поста Зиннур.

Раскаты смеха заставили ее обернуться. На этот раз смеялся Дединджер. Бывший мудрец был весел.

— Прошу прошения, сестра. Твой план великолепен. Он спасает жизнь мне и моим людям. Так что, Курт, делай, что она говорит! Иди в скалы! Уходи!

Сара сразу поняла, что имеет в виду Дединджер. Если подкрепление Урунтай обнаружит, что не может преследовать беглецов по покрытой камнями местности, или в каком-нибудь узком гроте, или на стволе дерева тару, это может заставить возобновить союз с радикалами-людьми, забыв о мести — по крайней мере пока не будут пойманы Курт и остальные.

Она приуныла, поняв тщетность своего замысла.

Мы через столько прошли и вернулись к тому, с чего начинали.

– Сара… — снова сказал Курт. Но не сказал то, что собирался, а наклонил голову. — Слушайте.

На поляне все стихло. Несколько мгновений спустя Сара тоже это услышала — стук прибли-

жающихся копыт. Большого числа копыт. Земля у нее под ногами задрожала.

Слишком поздно вырабатывать другой план. Поздно для всего, кроме достоинства.

Она взяла Незнакомца за руку.

— Жаль, что я сразу не поняла твое предупреждение, — сказала она, стряхивая пыль с его одежды и расправляя воротник. Если он ценен, то должен выглядеть как ценный заложник, а не какой-нибудь оборванец. Незнакомец ответил ей улыбкой. Они вместе повернулись на юг — лицом к приближающейся кавалерии.

В темноте, из-за большого камня, показались вновь прибывающие. *Да, это уры,* подумала Сара. Мощные, сильные и хорошо вооруженные, они дисциплинированным походным строем, который позволяет избегать засад, выходили на поляну, занимая позиции со всех сторон, потрясая арбалетами, в постоянном ожидании опасности. Сара была поражена и даже несколько оскорблена, когда передний не обратил никакого внимания на стоящих людей и Блейда, словно и не заметил их.

Что еще удивительней, он не обратил никакого внимания и на связанных пленников, оставив их на месте.

Сара заметила, что боевая раскраска на прибывших не такая, как у отряда Ур-Качу, — более сдержанная, гладкая и тусклая, просто извилистые линии. Может, это все-таки не Урунтай?

Видя выражение отчаяния на лице Ульгор, Сара поняла, что это совсем не те “друзья”, которых поджидала лудильщица. И она позволила себе слабую надежду. Может, это все-таки милиция? Никаких знаков различия или мундиров, да и не так они действуют, как типичный отряд урской милиции — группы местных пастухов, которые для забавы тренируются каждый восьмой день, если погода хорошая.

Но кто эти ребята?

Передовые, разъехавшиеся по сторонам, свистками показали, что все чисто. Тут к костру направилась старшая матрона с поседевшей мордой. Она приблизилась к жителям деревни Доло и с уважением согнула шею.

— Мы сожалеем о нашей медлительности, друзья. Печально, что вам причинили большие неудобства, но мы рады видеть, что вы преодолели все трудности без помощи.

Сара удивленно вздрогнула, видя, как Курт трется носом с престарелой самкой.

— Вы совсем не опоздали. Ты явилась как раз

в нужное время, Улашту. Я знал, что ты учуешь наши беды и явишься к нам…

В этот момент Сара перестала следить за их разговором. Незнакомец крепко взял ее за руку. Он дрожал всем телом.

Из темноты появились новые фигуры.

Поразительное зрелище.

Вначале Сара решила, что это новая группа уров, вооруженных для войны. Очень рослых уров, с необычными прямыми шеями и очень странными движениями. На мгновение она вспомнила древнюю иллюстрацию — изображение фриза на Парфеноне, того самого, на котором изображены *кентавры*…

А мгновение спустя она ахнула.

Какая глупость. Это всего лишь люди верхом на ослах. Ифни! Темнота все самое обыкновенное может сделать удивительным, особенно после того, как мы побывали в…

Она мигнула и снова уставилась.

Уж слишком большие ослы. Ноги всадников не тащатся по земле, они высоко над нею, по обе стороны от крупных корпусов, которые словно пульсируют животной силой.

— Это они! — закричал Джома. — Они настоящие! Они вовсе не были все убиты!

Сара чувствовала себя так, словно сошли со страниц — или из кошмаров — и ожили драконы, динозавры или звездные грифоны. Пленницы Урунтай испустили крик, полный гнева и отчаяния, когда поняли, кто появился в свете костра. Это означало, что их великое достижение, претензия их союза на славу — на самом деле неудача. Фарс.

Всадники спешились, и Сара поняла, что это все женщины. Она увидела также, что еще несколько рослых животных идут позади, оседланные, но ничем не нагруженные.

Нет, подумала она, догадываясь, что ей предложат. *Они не могут серьезно ожидать, что я соглашусь сесть на одну из этих тварей!*

Ближайшее животное фыркнуло, и Незнакомец поднял руку и погладил его по гигантской голове. Это животное массивней четверых или пятерых уров, вместе взятых, с челюстью, способной проглотить руку целиком. Но человек из космоса прижался щекой к мощной шее.

Со слезами на глазах он снова запел:

Когда проснешься, Получишь торт И множество маленьких Красивых лошадок.

Эпилог

Какая странная вселенная.

Он думал об этом, не облекая мысли в слова. Так ему было легче.

В последнее время он нашел несколько способов выражать мысли без тех поспешных, гудящих, жужжащих, щелкающих звуков, с помощью которых раньше делал это.

Музыка и песня. Числа. Рисунки карандашом. Чувства. И странные цвета, которые создают забавные живые визоры, которые иногда носят жители этой планеты.

Реуки.

Он может вспомнить название этого существа и гордится этим достижением.

По мере того как его состояние медленно улучшается, он яснее вспоминает самые важные имена.

Сара, Джома, Прити…

И другие слова, по два-три за раз.

Память его тоже проясняется. Он вспоминает, например, свой разведочный корабль, как по нему стреляли, а он тщетно пытался увернуться, отвести охотника от добычи.

Но не сумел, получил серию сильнейших ударов, а потом последовал период, который он по-прежнему не может отчетливо вспомнить. Какое-то слабое впечатление быстрого движения и перемены… после чего он падает в огне и врезается…

Нет, нет. Думай о чем-нибудь другом.

Езда верхом. Вот о чем думать гораздо приятней. Езда на оседланном животном. На *горячей* лошади. Удивительная, вдохновляющая радость такой езды, когда ветер охлаждает лицо, принося с собой тысячи поразительных запахов.

Удивительно, как много нравится ему в этом новом мире! В жизни, лишенной одного из тех явлений, которые делают человека *человеком.* Способности распоряжаться словами.

Теперь он вспоминает. Что-то очень похожее на его рану произошло и раньше. С его другом.

С его капитаном.

И в его сознании возникает образ. Красивая гладко-серая фигура. Плавники бьют воду, заполняя ее массой крошечных пузырьков. Узкие, бутылочной формы челюсти, заполненные острыми улыбающимися зубами. Мозг, пораженный, но все еще поразительно мудрый.

Неслышно он произносит три слога:

Край… дей… ки…

И это мгновенно вызывает цепь воспоминаний. Еще многие друзья. Корабль. Миссия. Необходимость.

Картина водных глубин. Воды такие глубокие и черные, что свет не может туда проникнуть. Укрытие, но не убежище. Во всем обширном космосе для них нет убежища. Но теперь, когда он освобождается из тюрьмы своей болезни, что-то новое возникает в сознании, удивляя неожиданным узнаванием.

Имя.

Мое… имя.

Скользкое от накопившегося напряжения, оно вырывается оттуда, где хранилось так нестерпимо долго. Прыгая взад и вперед, наконец успокаивается и оседает в пределах досягаемости.

Оно не должно было никогда уходить. Это самое привычное слово в личной жизни, но сейчас оно возвращается, словно чтобы приветствовать возвращение.

Скача сквозь ночь в экзотическом лунном свете, окруженный невероятными существами и культурой, непохожей ни на что известное ему раньше, он громко смеется, в восторге от того, что может сделать очень простую вещь. Вот эту.

Меня… зовут… Эмерсон.

Берег бесконечности

Ариане Мэй, нашему великолепному посланцу, которая выскажется за нас на пороге фантастического двадцать второго века

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аскс — член Совета высоких мудрецов Джиджо, представляющий расу треки.

Баскин Джиллиан — агент Террагентского Совета и врач, исполняющая обязанности капитана космического корабля «Стремительный» с экипажем из дельфинов.

Блейд — синий квуэн, сын Грызущей Бревно; резчик по дереву и друг Сары Кулхан.

Брукида — дельфин, металлург, член экипажа «Стремительного».

Вуббен — высокий мудрец, представитель г'кеков.

Гек — г'кек, прозвище (подражание людям) сироты, выросшей в Вуфоне. Подруга Олвина.

Грязнолапый — дикий нур, прозванный так Двером Кулханом.

Двер — сын бумажника Нело Кулхана, главный следопыт Общины Шести Рас.

Дединджер — человек, фанатик, который хочет, чтобы все расы Джиджо регрессировали и когда-нибудь могли снова возвыситься из невинности.

Джесс — молодой охотник из племени Серых

Холмов. Прежний мучитель Рети.

Джими — «блаженный», дальше других продвинувшийся по Тропе Избавления.

Джома — молодой сын взрывника Хенрика.

Джоп — древесный фермер из деревни Доло, приверженец древних Священных Свитков.

Джошу — бывший поклонник Сары Кулхан, странствующий переплетчик, который умер во время эпидемии в Библосе.

Древние — общее название «ушедших на пенсию» рас из Фрактального скопления.

Заки — дельфин самец, астронавт третьего класса, член экипажа «Стремительного».

Йии — самец ур, изгнанный из домашней сумки прежней супругой. Позже «женился» на девушке сунере Рети.

Каа — дельфин, пилот «Стремительного». Прежде был известен как Счастливчик Каа.

Каркаеттт — инженер, помощник капитана «Стремительного».

Кембел Лестер — высокий мудрец, представляющий людей на Джиджо.

Кипиру — прежний главный пилот «Стремительного», пропавший на Китрупе.

Клешня — красный квуэн, друг Олвина, вырезавший батискаф «Мечта Вуфона» из древесного

ствола.

Крайдайки — дельфин, бывший капитан корабля «Стремительный» с экипажем из дельфинов. Пропал на Китрупе несколько лет назад.

Кунн — человек, пилот корабля ротенов-даников.

Курт — глава гильдии взрывников, дядя Джомы.

Ларк — натуралист, младший мудрец Общины и еретик.

Линг — женщина-даник, член экипажа корабля ротенов. Опытный биолог.

Макани — самка дельфин, старший врач корабля «Стремительный».

Мелина — покойная жена Нело Кулхана, мать Ларка, Сары и Двера.

Мопол — самец дельфин, астронавт второго класса со «Стремительного».

Нело — мастер-бумажник из деревни Доло, патриарх семейства Кулханов.

Нисс — разумный компьютер, предоставленный «Стремительному» агентами разведки тимбрими.

Один-В-Своем-Роде — древний мульк-паук, который должен был уничтожить руины на хребте Риммер.

Олвин — человеческое прозвище Хф-уэйуо, хуна-подростка из поселка Вуфон.

Озава Дэйнел — помощник мудреца, знающий тайны человеческой расы.

Орли Томас — агент Террагентского Совета, приписанный к «Стремительному», пропал на Китрупе. Муж Джиллиан Баскин.

Пипое — дельфин, самка; генетик и медицинская сестра со «Стремительного».

Прити — неошимпанзе; служанка Сары, увлекающаяся математикой.

Пурофски — мудрец из Библоса, специалист в области фундаментальных проблем физики.

Ранн — предводитель людей даников на борту корабля ротенов.

Рети — девушка сунер, бежала из варварского племени в Серых Холмах.

Ро— кенн — «повелитель» ротен; его последователями-людьми были Ранн, Линг, Беш и Кунн.

Ро— пул — возможно, подруга Ро-кенна, убитая перед Битвой на Поляне.

Стронг Лена — участница экспедиции Дэйнела Озавы в Серые Холмы.

Суэсси Ханнес — инженер со «Стремительного», превращенный в киборга Древними.

Теин — ученый из Библоса, ухаживавший за

Сарой Кулхан.

Тиуг — алхимик треки из кузницы на горе Гуэнн, активный помощник кузнеца Уриэль.

Тш'т — дельфин, самка, некогда пятая по старшинству в экипаже «Стремительного», сейчас вместе с Джиллиан Баскин выполняет обязанности капитана.

Ульгор — урская лудильщица и сторонница Урунтая.

Ум— Острый-Как-Нож — синий квуэн, высокий мудрец, представляющий квуэнов.

Уорли Дженни — участница экспедиции Дэйнела Озавы в Серые Холмы.

Ур— Джа — ур, высокий мудрец.

Урдоннел — ученица кузнеца, помощница Уриэль.

Уриэль — ур, мастер кузнец с горы Гуэнн.

Ур-ронн — урская подруга Олвина. Участница экспедиции на «Мечте Вуфона», племянница Уриэль.

Утен — натуралист, серый квуэн. Помогал Ларку написать путеводитель по джиджоанским видам.

Фаллон — следопыт в отставке, прежний учитель Двера.

Фвхун-дау — высокий мудрец, представитель

хунов.

Фу Ариана — заслуженный высокий мудрец, представитель людей (в отставке).

Харуллен — серый квуэн, интеллектуал. Предводитель секты еретиков, которые считали, что незаконные поселенцы должны добровольно прекратить размножаться и дать Джиджо возможность вернуться к невозделанному состоянию.

Хикахи — была третьей по старшинству на «Стремительном», утеряна на Китрупе.

Хуфу — любимый нур Олвина.

Хф— уэйуо — формальное хунское имя Олвина.

Шен Джени — сержант милиции, человек.

Эваскс — груда колец джофур, трансформировавшаяся из прежнего мудреца Аскса путем добавления мастер-кольца.

Эмерсон Д'Аните — человек, инженер, ранее был членом экипажа корабля Террагентского Совета «Стремительный», пока не разбился на Джиджо.

Те, кто стремится к мудрости, часто ищут ее в высочайших высотах или в глубочайших глубинах. Однако чудеса встречаются на отмелях, где зарождается, процветает и умирает жизнь.

Какой пик, какая гора способны преподать такие же суровые уроки, как текущая река, риф, о который разбиваются волны, или могила?

Из стенной надписи буйуров, найденной в болотах вблизи Далекого Влажного Убежища

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

(На пять джадуров раньше)

КАА

Какая странная судьба провела меня
Сквозь зимние ураганы
Мимо пяти галактик?
Только чтобы найти убежище
На заброшенной планете (обнаженным!)
В ламинарной роскоши!

Так думал он, ныряя или качаясь на волнах, сильными ударами хвоста бросая вперед свое гладкое серое тело, наслаждаясь ласковыми прикосновениями воды к обнаженной плоти.

Пятнистый солнечный свет отбрасывал сверкающие столбы на хрустально прозрачные отмели, проникал сквозь путаницу плавучих морских растений. Серебристые местные существа, похожие на рыб с плоскими челюстями, соблазнительные на взгляд, двигались в светлых

зонах. Каа подавил инстинктивный порыв к преследованию. Может быть, позже.

Вода вокруг не маслянистая, она не липнет к телу, как в жирных морях Оакки, зеленой-зеленой планеты, где словно мыльные пузыри каждый раз вырываются из дыхала, когда он поднимался на поверхность, чтобы подышать. Впрочем, и дышать-то на Оакке не стоило. На этой ужасной планете не хватит доброго воздуха, чтобы оживить впавшую в кому выдру.

И вкус у этого моря хороший, не такой резкий, как на Китрупе, где каждая вылазка за пределы корабля давала смертельную дозу тяжелых металлов.

По контрасту вода на планете Джиджо кажется чистой, со слабым соленым привкусом, который напоминает Каа о могучем течении, проходящем мимо Флоридской академии в его счастливые дни на далекой Земле.

Он попытался прищуриться и сделать вид, что он дома, гоняется за кефалью в Бискайском заливе, в безопасности от жестокой вселенной. Но попытка не удалась. Отличие первостепенной важности продолжало напоминать, что он в чужом мире.

Звуки.

…гул прибоя в континентальном шельфе — сложный ритм, определяемый притяжением не одной луны, а трех.

…эхо волн, ударяющихся о берег, жесткий песок которого обладает своеобразной острой текстурой.

…редкие далекие стоны, которые исходят словно от самого дна океана.

…возвратные колебания его собственных сонарных щелчков, отразившиеся от стай рыбообразных существ, которые необычным образом шевелят плавниками.

…и прежде всего гул двигателей — звучание механизмов, которое заполняет дни и ночи Каа уже пять долгих лет.

А теперь и другой щелкающий стонущий звук. Сжатая поэзия долга.

Смягчись, Каа, и расскажи нам
Исследовательской прозой,
Безопасно ли нам прийти.

Этот голос преследует Каа подобно трепещущей звуковой совести. Он неохотно поворачивает назад, к подводной лодке «Хикахи», собранной из частей древних кораблей, разбросанных по дну глубоководной впадины, — временному со-

оружению, вполне соответствующему экипажу из неудачливых беглецов. Двери-раковины громоздко раскроются, подобно челюстям огромного хищника, выпустив остальных вслед за ним, если он даст знать, что все чисто.

Каа послал ответ на тринари, усилив его с помощью специального устройства, вживленного в череп за левым глазом.

Если бы речь шла только о воде,

Мы бы сейчас были на небе.

Но подождите! Я проверю, что наверху!

Его легкие уже предъявляли требования, поэтому он подчинился инстинкту и по спирали понесся к сверкающей поверхности. Готова ты, Джиджо, или нет — я иду!

Ему нравится пронзать напряженную границу между небом и морем, на мгновение лететь в невесомости, а затем снова погружаться с всплеском и пеной. Тем не менее он не сразу решился вдохнуть. Приборы предсказывают земноподобную атмосферу, тем не менее он нервничал при первом вдохе.

Во всяком случае вкус у воздуха лучше, чем у воды. Каа развернулся, радостно молотя хвостом. Он доволен, что лейтенант Тш'т из всех

добровольцев выбрала его. Он первый дельфин, первый уроженец Земли, который поплыл в этом сладком чужом море.

И тут он увидел рваную серо-коричневую линию, очень близкую, пересекающую весь горизонт.

Берег.

Горы.

Он остановил вращение, чтобы разглядеть континент — населенный, как они уже знают. Но кем?

Никакой разумной жизни на Джиджо не должно быть.

Может, они просто прячутся здесь, как и мы, от враждебного космоса. Это одна из теорий.

По крайней мере мы выбрали приятную планету, добавил он, наслаждаясь воздухом, водой и великолепными рядами облаков над гигантскими горами. Интересно, вкусная ли здесь рыба.

Мы ждем тебя,

Нервничая в тесном шлюзе.

Может, нам поиграть в карты?

Каа поморщился, уловив сарказм лейтенанта. Он торопливо ответил пульсирующими волнами.

Судьба снова улыбнулась нам,

Усталой банде мошенников.

Добро пожаловать, друзья, на берег Ифни.

Может показаться самонадеянным, что он снова помянул богиню случая и судьбы, капризную Ифни, которая всегда готова преподнести экипажу «Стремительного» новый сюрприз. Еще одно неожиданное несчастье или чудесное спасение. Но Каа всегда чувствовал близость к этой неформальной богине космонавтов. В Террагентской исследовательской службе могут быть пилоты и получше его, но никто так не уважает случай. Разве не прозвали его Счастливчиком?

До последнего времени он им и был.

Он услышал снизу звук открывающихся дверей-раковин. Вскоре к нему присоединятся Тш'т и остальные — в этом первом осмотре поверхности Джиджо, планеты, которую они до сих пор видели недолго только с орбиты, а потом из глубочайшей и самой холодной морской впадины. Вскоре появятся его товарищи, но у него есть еще несколько мгновений одиночества — шелковистая вода, ритмы прилива, ароматный воздух, небо и облака.

Взмахнув хвостом, он приподнялся в воде и осмотрелся. Это не обычные облака, понял Каа, глядя на огромную гору, возвышающуюся на востоке, чья вершина окутана белыми завитками. Линзы, имплантированные в правый глаз, настроились на спектральный анализ, посылая сигналы в оптический нерв: пар, двуокись углерода, подземный жар.

Вулкан, понял Каа, и его возбуждение и радость чуть схлынули. В геологическом смысле очень неспокойная часть планеты. Те же силы, которые делают эту часть хорошим убежищем, одновременно могут и принести опасность.

Наверно, этим и объясняются стоны, подумал он. Сейсмическая активность. Взаимодействие мини-землетрясений и прорывов газа из коры с накрывающим их слоем моря.

Но тут его внимание привлекло еще что-то — примерно в том же направлении, но гораздо ближе, бледное пятно, которое тоже могло бы быть облаком, если бы не то, как оно движется: хлопает, подобно птичьему крылу, и раздувается под ветром.

Парус, решил Каа. Он следил, как корабль поворачивает через фордевинд — двухмачтовая шхуна, грациозная, такая знакомая по Карибско-

му морю дома.

Нос ее разрезает воду, оставляя след, в котором так любят играть дельфины.

Линзы снова приспособились, увеличили изображение, и Каа разглядел смутные двуногие фигуры, которые натягивают снасти и деловито работают на палубе, как обычный морской экипаж.

Только это не люди. Каа видел чешуйчатые спины, посредине которых выделяется острый хребет-позвоночник. Ноги поросли длинной белой шерстью, а под широкими подбородками раздуваются лягушачьи мембраны: экипаж поет, сопровождая ритмичными звуками работу. Пение Каа смутно слышит даже на расстоянии.

Он с холодком понял, что узнает эти существа.

Хуны! Что, ради Пяти Галактик, они здесь делают?

Каа услышал шелест хвостовых плавников — к нему поднимаются Тш'т и остальные. Он должен сообщить, что здесь живут враги Земли.

И мрачно осознал: эта новость еще не скоро позволит ему вернуть себе прежнее прозвище. Каа снова подумал о ней, капризной богине неопределенной судьбы. И вспомнил собственную фразу на тринари, которую произнес в окружающих

водах чужого мира.

Добро пожаловать.

Добро пожаловать.

Добро пожаловать на берег Ифни.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» НЕЗНАКОМЕЦ

Существование напоминает блуждания по обширному беспорядочному дому. Дому, разрушенному землетрясениями и огнем, а теперь заполненному горьким непонятным туманом. И каждый раз как он пытается приоткрыть какую-нибудь дверь, заглянуть в маленький уголок прошлого, каждое такое открытие сопровождается волнами острой боли.

Со временем он научается не обращать внимание на эту боль. Скорее каждый такой приступ для него верстовой столб, сигнал, знак, подтверждающий, что он на верном пути.

Его прибытие на эту планету — стремительное падение сквозь обжигающее небо — должно было бы закончиться милосердной тьмой. Но какая удача бросила его обожженное тело в зловонное болото?

Странная удача.

С тех пор он познакомился с самыми разными видами страданий — от сильнейшей боли до легких уколов. И, каталогизируя их, узнал, как

много видов боли существует.

Эта ранняя боль, сразу после падения, хриплая и громкая, исходила от ран и ожогов, боль такой силы, что он почти не заметил пестрый экипаж местных дикарей, который плыл к нему на самодельной лодке, словно грешники, вытягивающие падшего ангела из топкой трясины. Они не дали ему утонуть, но только предоставили другому, более страшному проклятию.

Эти существа настаивали, чтобы он боролся за жизнь, тогда как ему гораздо легче было бы не сопротивляться.

Позже, когда самые явные раны залечились или заросли, к симфонии боли присоединились новые голоса.

Боли сознания.

В его жизни зияют дыры, обширные слепые зоны, темные и пустые, где когда-то исчезнувшие воспоминания преодолевали мегапарсеки и световые года. Каждый провал вызывает немоту и ледяное оцепенение — это гораздо мучительней зуда, когда нельзя почесаться.

С тех пор как начал странствовать по этому удивительному миру, он постоянно всматривается в темноту внутри. И с оптимизмом цепляется за мелкие трофеи этой непрерывной битвы.

Один из таких трофеев — Джиджо.

Он мысленно ощупывает это слово, перекатывает его в сознании — название планеты, где в диком мире живут шесть рас изгнанников. Смешанная культура, подобной которой нет нигде среди мириадов звезд.

Второе слово после неоднократных повторов приходит легче — Сара. Она вырвала его из лап почти неминуемой смерти в своем древесном доме, выходящем на примитивную водяную мельницу, она успокаивала его, смягчала панику, когда он, очнувшись, видел клешни, когти и груды слизистых колец — хунов, треки, квуэнов и других, совместно ведущих здесь грубую примитивную жизнь.

Он знает и другие слова, такие, как Курт и Прити, — это друзья, которым теперь он доверяет почти так же, как Саре. Приятно вспоминать их имена: слова приходят почти так же легко и без усилий, как и в дни до того, как его искалечило.

Одним недавним достижением он особенно гордится.

Эмерсон. Это его собственное имя, которое он так долго не мог вспомнить. Сильнейший шок вырвал его, высвободил несколько дней назад — вскоре после того как он спровоцировал от-

ряд повстанцев-людей, заставил предать своих урских союзников. По сравнению с той схваткой бои в космосе кажутся стерильными. Кровавое безумие кончилось с неожиданным взрывом, который разорвал грязную палатку, проник сквозь закрытые веки Эмерсона, подавил стражников разума.

Вот тогда, сквозь ослепляющие лучи, он мельком увидел своего капитана.

Крайдайки.

Ослепительное сияние превратилось в светящуюся пену, поднятую ударами хвостового плавника. Из пены показалась длинная серая фигура, бутылкообразная голова заканчивается пастью, в которой сверкают зубы. Скользкая голова улыбнулась, несмотря на страшную рану за левым глазом, почти такую же, как та, что лишила Эмерсона дара речи.

Из многообразных пузырей сформировались слова — на языке, неведомом ни туземцам Джиджо, ни великим галактическим кланам.

В поворотах
циклоида
Приходит время
вырваться на поверхность.

Время
возобновить
дыхание.
Присоединиться
к снам
большого моря.
Пришло время
и для тебя, мой старый друг.
Время проснуться
и увидеть, что буйствует.

Поразительное узнавание сопровождалось волнами страшной боли, хуже любого физического страдания или раздражающей немоты.

Тогда его едва не одолел стыд. Ибо никакая рана, ничто, кроме смерти, не должно было заставить его забыть.

Крайдайки.

Землю.

Дельфинов.

Ханнеса.

Джиллиан.

Как могли они выскользнуть из его сознания на те месяцы, что он бродит по этому варварскому миру в лодке, на барже и в караване?

Сознание вины едва не поглотило его при этом узнавании, но новые друзья нуждались в нем, в его действиях, нужно было воспользоваться кратким временем преимущества сразу после взрыва, победить похитителей и сделать их пленниками. И в сумерках, опустившихся на разорванную палатку и разбросанные тела, он помогал Саре и Курту связывать уцелевших врагов: уров и людей — хотя Сара считала эту передышку временной.

Вскоре к фанатикам подойдут подкрепления.

Эмерсон знал, чего хотят эти мятежники. Им нужен он. Не секрет, что он пришел со звезд. Повстанцы хотят продать его небесным охотникам, надеясь променять его побитое тело на гарантированное выживание.

Как будто теперь, когда Пять Галактик их обнаружили, что-то может спасти расы изгнанников на Джиджо.

Теснясь к угасающему костру, лишенные убежища, кроме порванной палатки, Сара и остальные смотрели, как горько-холодные созвездия пересекают грозные предзнаменования.

Сначала могучий космический титан, устремившийся к ближайшим горам, стремящийся к ужасной мести.

А потом, по тому же пути, пролетел второй

гигант, такой огромный, что тяготение Джиджо словно слабело, когда он пролетал над головой, наполняя всех страшными предчувствиями. И вскоре среди горных вершин мелькнула золотая молния — ссора гигантов. Но Эмерсону все равно, кто победил. Он видел, что ни один из кораблей не его, не тот космический дом, к которому он стремится и молится, чтобы никогда больше его не увидеть.

Если ему повезло, «Стремительный» должен быть далеко от этого обреченного мира, и в трюме его сокровище древних загадок — быть может, ключ к новой галактической эре.

Разве все его жертвы и страдания не должны были облегчить бегство корабля?

После того как гиганты пролетели, остались только звезды и холодный ветер; он раскачивал сухую степную траву, когда Эмерсон ходил в поисках разбежавшихся вьючных животных. С ослами его друзья могут успеть уйти до появления новых фанатиков.

Но тут послышался гулкий звук, земля под ногами задрожала, ритмичная последовательность продолжалась -

таранта таранта

Это могут быть только копыта уров, те самые подкрепления мятежников, которые снова превратят их в пленников.

Но чудесным образом из темноты появились союзники — неожиданные спасители, уры и люди, которые привели с собой поразительных животных.

Лошадей.

Оседланных лошадей, которые для Сары были явно таким же сюрпризом, как и для него. Эмерсон считал, что на планете эти животные исчезли, однако вот они, появляются в ночи, словно сон.

Так начался следующий этап его одиссеи. Поездка на юг, бегство от тени мстительных кораблей, движение к неспокойному вулкану.

И вот теперь его искалеченное сознание не знало покоя — есть ли план? Цель?

Старик Курт, очевидно, верит этим поразительным спасителям, но в этом должно быть что-то еще.

Эмерсон устал от бегства.

Он скорее устремился бы навстречу опасности.

Его лошадь скачет вперед, а к фоновой музыке всей его жизни присоединяются новые боли

— натертые бедра, измученная спина, в которой при каждом толчке вспыхивает боль.

таната таната таната-тара

таната таната таната-тара

Он испытывает чувство вины, словно от сознания невыполненного долга, его печалит вероятная участь новых друзей на Джиджо — теперь, когда тайная колония обнаружена.

И однако.

Со временем Эмерсон приспособился к седлу. Когда восходящее солнце высушило росу на вееробразных деревьях на речном берегу, рои ярко окрашенных насекомых замелькали в косых лучах, опыляя поля пурпурных цветов. Сара с улыбкой оглядывалась со своей лошади, и Эмерсону становилось не так больно. Даже страх перед ужасными космическими кораблями, гневным высокомерным ревом двигателей расколовшими небо, не мог унять растущее возбуждение беглецов, приближавшихся к чему-то неведомому.

Эмерсон сам не мог сдержаться. В его характере было хвататься за любую, самую слабую надежду. И топот лошадиных копыт по древней почве Джиджо показался ему знакомым, напомнил ритмичную музыку, совсем не похожую на го-

рестную песнь.

тарантара, тарантара

тарантара, тарантара

И сквозь эти настойчивые звуки неожиданно что-то внутри щелкнуло. Тело невольно среагировало: с мозга словно сорвали какой-то покров, из-под него хлынули неожиданные слова в сопровождении мелодии, от которой замирает сердце. Потоком рефлекторно полились стихи, устремились сквозь легкие и горло прежде, чем он понял, что поет.

Хотя наше тело и сознание (таранта, таранта)

Скованы робостью (таранта)

И слепы (таранта, таранта)

К поджидающей нас опасности (таранта)

Друзья улыбались — такое случалось и раньше.

Но когда опасность близка (таранта, таранта),

Мы так же бесстрашны (таранта),

Как любой другой,

Как любой другой!

Сара смеется, подхватывая припев, и даже мрачные уры из эскорта вытягивают длинные шеи и подпевают.

Но когда опасность близка (таранта, таранта),

Мы так же бесстрашны (таранта),

Как любой другой,

Как любой другой!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Каждая из рас сунеров, составляющих Общину Джиджо, по-своему рассказывает историю своего появления здесь. Эта история передавалась из поколения в поколение и объясняла, почему предки расы отказались от богоподобных сил и рисковали страшными наказаниями, чтобы добраться до этого места, теснились на крадущихся кораблях, минуя институтские патрули, роботов-стражников и шары зангов. Семь волн грешников, и каждая засевала своим семенем этот мир, на котором поселяться запрещено. Мир, который должен был прийти в себя, отдохнуть от таких, как мы.

Первыми в эту местность между туманными горами и священным морем, которую мы называем Склоном, прилетели г'кеки — через полмиллиона лет после отлета с Джиджо последних законных обитателей планеты, буйуров.

Почему основатели г'кеки добровольно отказались от своей прежней жиз-

ни звездных богов? Почему решили жить примитивной жизнью, лишенной удобств технологии и моральных оправданий, кроме нескольких выгравированных на платине свитков?

Легенды говорят, что г'кеки спасались от грозившего им уничтожения, от страшного наказания за долги в азартных Играх. Но мы точно этого не знаем. Письмо, по крайней мере До появления людей, было забыто, поэтому любые рассказы могли исказиться с ходом времени. Но мы знаем, что не пустая мелкая угроза заставила их отказаться от жизни меж звездами, искать убежища на тяжелой Джиджо, где их колесам трудно приходилось на скалистой почве. Неужели своими четырьмя глазами, расположенными на концах грациозных стебельков и глядящими одновременно во все стороны, предки г'кеков разглядели, как темные ветры галактики несут к ним страшную судьбу? Неужели то первое поколение не видело другого выхода? Возможно, они обрекли своих потомков на эту суровую жизнь только в виде последнего, крайне-

го выхода.

Вскоре после г'кеков, примерно две тысячи лет назад, с неба торопливо спустилась группа треки, словно спасаясь от преследования ужасного врага. Не тратя времени, треки затопили свои корабли в глубочайшей морской впадине и поселились, превратившись в самое миролюбивое племя.

Какой рок изгнал их со спиральных линий?

Любой житель Джиджо, глядя на знакомые груды жирных колец, испускающие ароматные запахи и рассеивающие мирную мудрость в любой деревне на Склоне, и представить себе не может, что у треки есть враги.

Со временем они рассказали свою историю. Враг, от которого они бежали, не другая раса, не было и смертельной вендетты со стороны звездных богов Пяти Галактик. Нет, они бежали от самих себя, от особой своей сути. Некоторые кольца, компоненты их физического тела, были в последнее время модифицированы и превратились в ужасные существа, в

джофуров, могучих и ужасных, которых боялись все благородные галактические кланы.

Такую судьбу треки-основатели считали непереносимой. И поэтому предпочли участь незаконных беглецов — сунеров, на запретном мире, чтобы избежать ужасной судьбы.

Обязательства быть великими.

Говорят, глейверы прилетели на Джиджо не из страха, а в поисках пути Избавления — своего рода забвения невинности, которое все стирает с грифельной доски. В достижении этой цели они преуспели больше всех остальных, показав всем нам путь, если мы решимся пойти по нему.

Станет ли эта священная дорога нашей или нет, мы должны уважать их достижение: из проклятых беженцев они превратились в расу благословенных простодушных существ. Останься они бессмертными межзвездными богами, их можно было бы привлечь к ответственности за преступления, включая незаконное вторжение на Джиджо. Но

теперь они достигли убежища, чистоты невежества и могут начать все сначала.

Мы снисходительно позволяем глейверам рыться в помойках, искать под упавшими стволами деревьев насекомых. Некогда обладавшие могучим интеллектом, теперь они не числятся среди рас сунеров Джиджо. Больше грехи предков их не пятнают.

Квуэны первыми из прибывших испытывали осторожное тщеславие.

Ведомое фанатичными, похожими на крабов матронами, первое поколение колонистов-квуэнов решительным щелчком всех пяти клешней отказалось от самой мысли о союзе с другими обитателями Джиджо. Напротив, квуэны стремились к господству над остальными расами.

Со временем, когда синие и красные квуэны отказались от своей старинной роли слуг и пошли своим путем, план господства рухнул. Разгневанные серые императрицы оказались не в силах восстановить прежнюю феодальную верность вассалов.

Когда наших рослых братьев-хунов спрашивают: «Почему вы здесь?», они глубоко вдыхают. Из их удивительных горловых мешков доносится задумчивое ворчание. Раскатистым голосом хунские старейшины рассказывают, что их предки не бежали от большой опасности, угнетения или нежеланных обязательств.

Но тогда почему они прилетели, рискуя жестоким наказанием, если их потомков когда-нибудь застанут ведущими разумную жизнь на Джиджо? Старейшие хуны лишь раздраженно пожимают плечами, словно сами не знают причины и не хотят, чтобы их об этом спрашивали.

Впрочем, некоторые вспоминают легенду. Согласно этой туманной истории, некогда галактический оракул предложил звездному клану хунов уникальную возможность, если хуны посмеют ею воспользоваться. Возможность вернуть себе нечто отнятое у них, хотя сами они никогда не знали, что что-то утратили. Драгоценное достояние, которое может быть найдено на запретном мире.

Но чаще, когда один из высоких хунов

раздувает свой горловой мешок и начинает петь, поет он о грубых плотах, лодках и морских кораблях, которые хуны самостоятельно изобрели вскоре после высадки на Джиджо. Их не знающие чувства юмора звездные братья никогда не догадывались поискать упоминания обо всем этом к Галактической Библиотеке, а тем более пытаться их построить.

Легенды быстроногих уров намекают, что урские прабабки были преступницами и прилетели на Джиджо для размножения — избегая ограничений, наложенных на разумные расы Пяти Галактик. Короткоживущие, горячие, плодовитые, основательницы колонии уров могли заполнить своими потомками всю Джиджо или вымереть, как мифические кентавры, которых они так напоминают.

Но они избежали и того и другого. Напротив, после множества жестоких схваток — у горна и на поле битвы, они заняли почетное место в Общине Шести Рас. Со своими громоподобными стадами, с их владением сталью, они живут среди

нас горячей полнокровной жизнью, компенсируя ее кратковременность.

Наконец двести лет назад прилетели земляне, привезя с собой шимпанзе и другие сокровища. Но величайшим даром людей стала бумага. Создав сокровищницу печатных текстов Библос, они стали владыками знаний в нашем жалком сообществе изгнанников. Книгопечатание и образование изменили жизнь на Склоне, приведя к появлению новых традиций учености, и последующие поколения изгнанников посмели начать изучение своего мира, своей гибридной цивилизации и самих себя.

А что касается причины того, что люди прилетели, нарушив галактические законы и рискуя всем — только для того чтобы спрятаться от страшного неба среди других преступников, то это одна из самых необычных историй, какие рассказывают в кланах изгнанников на Джиджо.

«Этнография Склона»
Дорти Чанг-Джонса и Хуф-алх-Хуо

СУНЕРЫ
ОЛВИН

Ошеломленный и полупарализованный в своей металлической клетке, я не мог определить, сколько времени прошло. Я лишь вслушивался в гудение двигателей механического дракона, который тащил меня и моих друзей в неведомое.

Вероятно, с катастрофы нашей самодельной подводной лодки, нашей прекрасной «Мечты Вуфона», прошло несколько дней, прежде чем я нашел в себе силы задуматься: а что же дальше?

Смутно я помнил морду морского чудовища, какой мы ее впервые увидели в примитивном смотровом окне «Мечты», освещенную самодельными прожекторами. Лишь мгновение мы могли видеть его, пока огромное металлическое чудовище поднималось из черных ледяных глубин. Мы вчетвером: Гек, Клешня, Ур-ронн и я — уже приготовились к смерти и забвению на морском дне. Наша экспедиция потерпела неудачу, нам больше не хотелось морских приключений, мы, как испуганные дети, в ужасе опустошали желудки, ожидая, пока жестокая пропасть не превратит

деревянный корпус нашей лодки в щепки.

Неожиданно эта огромная фигура метнулась к нам и раскрыла огромную пасть, в которую целиком вошла наша «Мечта Вуфона».

Ну, почти вся. Проходя в челюсти, мы получили страшный удар.

И этот удар расколол нашу крошечную капсулу.

То, что последовало за этим, вспоминалось смутно и болезненно.

Вероятно, смерть все преодолевает, но с момента удара бывали мгновения, когда спина у меня так болела, что мне хотелось в последний раз раздуть свой поврежденный горловой мешок и попрощаться с молодым Олвином Хф-уэйуо, начинающим лингвистом, писателем, хьюмикером, смельчаком и невнимательным сыном Му-Фауфка и Йоуг-уэйуо из порта Вуфон, Склон, Джиджо, Четвертая Галактика, Вселенная.

Но я остался в живых.

Вероятно, сдаваться не по-хунски — после всего, через что прошли мы с моими друзьями. А что, если выжил только я? Я в долгу перед Гек и остальными и должен продолжать.

Моя клетка — тюремная камера? — больничная палата? — размером всего два метра на два и три.

Тесновато для хуна, хотя и не совсем взрослого. А когда внутрь втискиваются шестиногие демоны в металлических костюмах и пытаются лечить мою раненую спину, щупая ее с (надеюсь) неуклюжей осторожностью, становится еще теснее. Несмотря на все их усилия, боль накатывается волнами, и мне отчаянно хочется получить лекарства, которые готовит Старый Вонючка — наш домашний аптекарь-треки.

Мне приходит в голову, что я больше никогда не смогу ходить, не увижу свою семью, полет птиц над кораблями-мусорщиками, причаленными под куполом защитных деревьев Вуфона.

Я пытался разговаривать с гигантскими насекомыми, входящими в мою комнату и выходящими из нее. Хотя у каждого из них туловище длиннее тела моего отца, с вздутием на конце, с трубообразной раковиной крепче буйурской стали, я все равно представлял себе их как гигантских фувнтусов, этих шестилапых паразитов, которые грызут стены деревянных домов, издавая сладковатый запах.

Но пахнут эти твари перенапрягшимися машинами. Вопреки моим попыткам заговорить на дюжине земных и галактических языков, они еще менее разговорчивы, чем настоящие

фувнтусы, которых мы с Гек ловили, когда были поменьше, и пытались научить выступать в миниатюрном цирке.

Все это мрачное время мне не хватало Гек. Не хватало ее быстрого г'кекского ума и остроумного сарказма. Не хватало даже ее привычки дергать меня за мех на ногах, чтобы привлечь внимание, когда я в хунском моряцком трансе слишком долго смотрел на горизонт. Я помню, как беспомощно вращались ее колеса в пасти морского чудовища сразу после того, как гигантские челюсти стиснули нашу драгоценную «Мечту» и мы растянулись среди осколков любительской подводной лодки.

Почему я не бросился к подруге сразу после страшных мгновений крушения? Как мне ни хотелось этого, я не мог преодолеть кричащий ветер, который ворвался в помещение, вытесняя горькое море. Вначале мне приходилось бороться за каждый вдох. А потом, когда я попытался двинуться, спина не слушалась.

В эти смутные мгновения я видел также Ур-ронн, которая извивала свою длинную шею, кричала и била всеми четырьмя ногами и двумя тонкими руками в ужасе от подступающей страшной воды. Замшевая кожа Ур-ронн порезана осколками стеклянного иллюминатора,

который она гордо изготовила в вулканической мастерской кузнеца Уриэль; из ран течет кровь.

Острая Клешня тоже здесь, он лучше нас приспособлен для выживания под водой. Красный квуэн Клешня привык ползать на своих пяти хитиновых когтях по дну соленых отмелей, хотя даже он не выдержал бы погружения в бездонную пропасть. В этом смутном воспоминании, мне кажется, Клешня был жив, или я себя обманываю?

Последнее мое воспоминание перед тем, как погрузиться во тьму, — какие-то страшные образы-чудовища, и я пришел в себя, одинокий и бредящий, в этой камере.

Иногда фувнтусы каким-то образом облегчают боль в спине, и я готов выложить им все свои тайны. Разумеется, если бы они меня расспрашивали. Но они этого никогда не делают.

Поэтому я даже не намекал на поручение, данное нам кузнецом Уриэль — поискать запретное сокровище, которое много столетий назад наши предки оставили на морском дне. Тайник, оставленный первыми урскими поселенцами, прежде чем они отказались от своих кораблей и высоких технологий и стали еще одной падшей расой. Только какая-то крайняя необходимость могла заставить Уриэль нарушить Соглашение и пойти

на такую контрабанду.

Думаю, «крайняя необходимость» — это необходимость справиться с чужаками-грабителями, которые сорвали праздник собрания Шести Рас и угрожают всей Общине геноцидом.

Постепенно боль в спине настолько ослабла, что я смог порыться в рюкзаке и продолжить записи в измятом дневнике, чтобы довести рассказ о наших злополучных приключениях до самых последних событий. Это немного улучшило мое настроение. Если даже никто из нас не выживет, дневник может каким-нибудь образом попасть домой.

Я вырос в маленькой хунской деревушке на Склоне, поглощая приключенческие книги Кларка и Ростанда, Конрада и Кеу Ксанга, и мечтал о том, что когда-нибудь жители Склона скажут: «Эй, этот Олвин Хф-уэйуо был настоящим рассказчиком, не хуже старинных земных».

Возможно, это мой последний и единственный шанс.

И вот я целые мидуры проводил, сжимая в своем большом хунском кулаке короткий огрызок карандаша и исписывая страницы, ведущие к этой — рассказывал о том, как оказался в таком ужасном-ужасном состоянии:

— Как четверо друзей построили самодельную подводную лодку из шкуры скинка и ствола тару, собираясь поискать сокровища на дне Великой Помойки.

— Как кузнец Уриэль в своей горной кузнице поддержала наш проект, превратив его из незрелой мечты в настоящую экспедицию.

— Как мы вчетвером пробрались в обсерваторию Уриэль и услышали слова мудреца-человека о звездных кораблях в небе, которые, возможно, несут Шести Расам предсказанное наказание.

— И как «Мечта Вуфона» повисла на тросе у Окончательной скалы, где священная траншея Помойки проходит вблизи суши. И Уриэль, свистя раздвоенной верхней губой, рассказала, что действительно на севере приземлился корабль. Но этот крейсер принес не галактических чиновников. Напротив, к нам прилетели преступники, худшие даже, чем наши грешные предки.

И вот мы задраили люк, и большая лебедка начала поворачиваться. Но когда мы достигли указанного места, то обнаружили, что тайник Уриэль исчез! Хуже этого — когда мы отправились на поиски этой проклятой сокровищницы, «Мечта Вуфона» заблудилась и свалилась с края подводного утеса.

Перелистав назад несколько страниц, я вижу, что отчет о нашем путешествии написан тем, кто испытывает острую боль. Однако и сейчас я не могу передать всей драматичности происходившего. Особенно в той сцене, где дно под нашими колесами исчезает и мы обрушиваемся в подлинную Помойку.

К верной гибели.

Пока нас не подхватили фувнтусы.

И вот я проглочен металлическим китом, во власти загадочных молчаливых существ, не знаю, живы ли мои друзья или я остался один. Искалечены они или умирают.

Имеют ли отношение наши похитители к тому кораблю, который приземлился на севере? Или это еще одна загадка из древнего прошлого Джиджо? Может быть, последние уцелевшие буйуры? Или еще более древние призраки?

Ответов нет, и так как я кончил рассказ о падении и гибели «Мечты Вуфона», не решаюсь тратить драгоценную бумагу на бесполезные размышления. Нужно отложить карандаш, хотя это лишает меня последней защиты от одиночества.

Всю жизнь меня вдохновляли человеческие книги, и я представлял себя героем какого-то великого сказания. Но теперь я сохраню рассудок,

если научусь терпеть.

Научусь беззаботно позволять проходить времени.

Жить и думать, как подобает хуну.

АСКС

Можете называть меня Асксом.

Вы, мои многоцветные кольца, собранные в высокую коническую груду, испускающие ароматные запахи, сообща кормящиеся питательным соком, который течет по нашей сердцевине, или разделяющие воск памяти, стекающий с нашей сенсорной верхушки.

…вы, кольца, играющие разную роль в нашем общем теле, в толстом конусе ростом почти с хуна, тяжелом, как синий квуэн, и медленно движущемся по поверхности, как престарелый г'кек с треснувшей осью.

…вы, кольца, каждый день голосующие, возобновлять ли нашу коалицию.

От вас, кольца, я/мы требую теперь решения. Продолжать ли это существование? Этого Аскса?

Унитарные существа: люди, уры и остальные наши дорогие партнеры в изгнании — упрямо пользуются этим именем, Аскс, чтобы обозна-

чить эту свободно соединенную груду жирных торов, как будто у меня/нас действительно есть закрепленное имя, а не простой ярлычок ради удобства.

Конечно, все унитарные существа абсолютно безумны. Мы, треки, давно примирились с тем, что приходится жить во вселенной, заполненной эготизмом.

Но с чем мы не можем примириться — и именно в этом причина нашего изгнания на Джиджо, — так это с перспективой стать самыми эготическими из всех.

Некогда наша/моя груда раздутых колец играла роль скромного деревенского аптекаря вблизи морских болот у Далекого Влажного Убежища и нашими секрециями помогала другим. Постепенно наша/моя груда стала пользоваться все большим уважением, нас назвали Аскс, назначили главным мудрецом и членом Руководящего Совета Шести от треки.

И вот мы стоим на выжженной земле, которая раньше была прекрасной праздничной поляной. Наши сенсорные кольца и невральные щупальца отшатываются от видов и звуков, которых не могут перенести. И мы буквально ослепли, наши составляющие торы подавлены жесткими

полями двух близких космических кораблей, огромных, как горы.

Но вот ощущение присутствия эти кораблей рассеивается.

Мы остаемся во тьме.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Успокойтесь, мои кольца. Такое происходило и раньше. Слишком сильный шок может нарушить связь колец в груде, вызвать провалы в кратковременной оперативной памяти. Но есть другой, более надежный способ понять, что случилось. Невральная память непрочна. Насколько надежней рассчитывать на медленный и основательный воск.

Изучите свежий воск, который соскальзывает с нашего общего сердечника, еще горячий, несущий на себе отпечатки Недавних событий на этой самой злополучной поляне, где некогда стояли пестрые павильоны и счастливые ветры Джиджо раздували праздничные флажки. Типичный праздник, ежегодное собрание Шести Рас, отмечающих столетний мир. Пока.

Это воспоминание мы ищем?

Смотрите, звездный корабль опускается на Джиджо! Не крадется ночью, как корабли наших предков. Не остается далеким, как загадочные

шары зангов. Нет, это высокомерный крейсер из Пяти Галактик, и им руководят загадочные чужаки по имени ротены.

Проследите это воспоминание до самой первой встречи с повелителями ротенами, вышедшими наконец из своего подземного логова, такими прекрасными и благородными в своей снисходительности, излучающими мощную харизму, которая затмила даже их слуг, небесных людей. Как великолепно быть звездным богом! Даже богом, который по галактическим законам является преступником.

Разве они не ослепляют своим сиянием нас, жалких варваров? Как солнце затмевает восковую свечу?

Но мы, мудрецы, осознали ужасающую истину. Наняв нас как местных специалистов, которые помогли бы им ограбить этот мир, ротены не могут позволить себе оставлять свидетелей.

Они не оставят нас живыми.

Нет, это слишком далеко в прошлое. Попробуй еще раз.

Как насчет этих других сине-серых отпечатков, мои кольца? Столба красного пламени, вспыхнувшего в ночи? Взрыва, разнесшего на части наше священное паломничество? Помните ли вы

вид станции ротенов-даников, ее искореженные и дымящиеся балки? И еще более страшное зрелище — трупы одного ротена и одного небесного человека?

При дневном свете ротены и наши высокие мудрецы обмениваются грязными обвинениями. И угрозами.

Нет, это происходило день назад. Погладьте воск, который застыл позже.

* * *

По нашему маслянистому сердечнику пролегает широкая полоса ужаса. В ее цветах/текстуре смешиваются горячая кровь с холодным огнем, издавая дымный запах горящих деревьев и обожженных тел. Помните ли вы, как Ро-кенн, уцелевший повелитель ротен, клянется отомстить шести расам и напускает на нас своих убийц-роботов?

«Убить всех на месте! Смерть всем, кто увидел нашу тайну!»

Но тут произошло чудо! Взводы нашей собственной храброй милиции. Они высыпали из окружающего леса. Джиджоанские дикари, вооруженные только стрелами, пулевыми ружьями и храбростью. Помните ли вы, как они напали на

парящих демонов смерти и победили их!

Воск не лжет. Все произошло в считанные мгновения, а эти старые кольца треки могли только тупо смотреть на страшную битву, пораженные тем, что мы/ я еще не превратились в пылающую груду колец.

И хотя вокруг нас лежало множество мертвых и раненых, победа была полная. Победа всех Шести Рас! Ро-кенн и его богоподобные слуги были разоружены и широко раскрытыми от удивления глазами смотрели на этот поворот вечно вращающейся кости Ифни.

Да, мои кольца. Я знаю, что это не последнее воспоминание. Все это произошло много мидуров в прошлом. Очевидно, с тех пор что-то случилось. Что-то ужасное.

Возможно, вернулся из разведывательного полета корабль даников с разгневанным воином небесным человеком, который боготворит своих повелителей ротенов. Или мог вернуться главный корабль ротенов, ожидая богатую биодобычу, но обнаружив все образцы уничтоженными, станцию разрушенной, а товарищей взятыми в заложники.

Это может объяснить запах черного опустошения, который заполняет теперь нашу серд-

цевину.

Но дальнейшие воспоминания пока недоступны. Воск еще не застыл. Для треки это означает, что ничего такого не происходило.

Пока не происходило.

Возможно, дела не так плохи, как кажутся.

Этот дар мы, треки, получили на Джиджо. Способность, которая позволяет компенсировать многое из того, что мы оставили позади, когда покинули звезды.

Способность думать о желаемом.

РЕТИ

Яростный ветер полета срывал влагу с глаз и избавлял ее от стыда из-за текущих по щекам слез. Но Рети продолжала плакать от ярости, думая о всех своих утраченных надеждах. Лежа вытянувшись на жесткой металлической платформе, цепляясь за ее края руками и ногами, она боролась с ветром, а ветви деревьев хлестали ее по лицу, застревали в волосах и оставляли кровоточащие царапины.

Но в основном она цеплялась изо всех сил, сражаясь за жизнь.

Машина чужаков под ней должна быть ее вер-

ным слугой! Но эта проклятая штука не замедляет свое паническое отступление, хотя опасность осталась далеко позади. Если Рети сейчас упадет, в лучшем случае ей понадобится много дней, чтобы вернуться в родную деревню, где всего мидур назад произошла короткая жестокая стычка.

Мысли ее мешались. За несколько сердцебиений все ее планы рухнули, и все по вине Двера!

Она слышала стоны молодого охотника, которого под ней держали в плену металлические руки. Поврежденный робот продолжал лететь вперед, и Рети забыла о страданиях Двера, которые он сам на себя и навлек, пройдя весь путь к Серым Холмам из своего безопасного дома у моря — со Склона, — где живут шесть разумных рас на гораздо более высоком уровне невежественной бедности, чем клан дикарей, в котором она родилась. Зачем слопи пешком бредут за две тысячи лиг, чтобы добраться до проклятой пустыни?

Чего надеялись достичь Двер и его друзья? Завоевать диких родичей Рети?

Да хоть бы весь ее вонючий род забрал! И всех урских сунеров, которых Кунн покорил огнем из своей громогласной летающей лодки. Двер может забирать их всех. Но не мог ли он спокойно подождать в лесу, пока они с Кунном не

закончили бы свои дела и не улетели? Зачем ему потребовалось ускорять события и нападать на робота, на котором была она?

Он это сделал из зависти. Не мог вынести, что я единственная на всей Джиджо имела шанс улететь с этой проклятой планеты.

Но в глубине души Рети знала другое. Так поступать не в характере Двера.

Зато в моем характере.

И когда он снова застонал, Рети гневно пробормотала:

— Тебе будет еще хуже, Двер, если из-за тебя я не улечу с этого комка грязи!

Вот и конец ее торжественному возвращению.

Вначале казалось забавным вернуться. Спуститься с затянутого облаками неба в серебряной стреле Кунна, гордо появиться под изумленные оханья оборванных родичей, которые целых четырнадцать лет угнетали ее. Достойная кульминация ее отчаянного замысла, когда всего несколько месяцев назад она наконец набралась мужества и убежала от грязи и обид, отправилась на поиски сказочного Склона, который когда-то покинули ее предки, когда предпочли «свободную» жизнь диких сунеров.

Свободную от вездесущих законов мудрецов о

том, каких животных можно убивать. Свободную от раздражающих правил, сколько детей можно иметь. Свободную от жизни с соседями, четвероногими или пятиногими и даже катящимися на колесах.

Рети презрительно фыркнула, подумав об основателях своего племени.

Свободную от книг и медицины. Свободную для жизни Диких животных!

Сытая этой жизнью по горло, Рети отправилась на поиски чего-то лучшего.

Путешествие едва не погубило ее — ей пришлось пересекать ледяные потоки и выжженные пустыни. Но хуже всего досталось на высоком горном переходе, когда она вслед за загадочной металлической птицей попала в сеть мульк-паука. Эта сеть превратилась в смертельную ловушку, когда ее нити сомкнулись и из них закапали золотистые нити.

Пришло непрошеное воспоминание: Двер прорубается сквозь ужасную чащу со сверкающим мачете в руке, а потом защищает ее своим телом, когда паутину охватывает огонь.

Рети вспомнила яркую птицу, охваченную пламенем, предательски сбитую точно таким же роботом, как ее «слуга». Тем самым, который

сейчас несет ее Ифни знает куда.

Мысли Рети смешались: резкий поворот едва не сбросил ее за борт. Она гневно закричала на робота:

— Идиот! В тебя больше никто не стреляет! Это были всего лишь несколько слопи, и все они были пешими. Ничто на Джиджо не может больше поймать тебя!

Но взбесившаяся машина продолжала нестись вперед, скользить на подушке невероятной божественной силы.

Рети подумала, не чувствует ли робот ее презрение. Двери и двум-трем его друзьям, вооруженным грубыми огненными палками, потребовалось всего несколько дуров, чтобы обезоружить и прогнать так называемый боевой корабль, хотя при этом они и сами пострадали.

Ифни, какой удар. Она посмотрела на покрытую черной гарью дыру, оставшуюся на месте антенны после неожиданного нападения Двера. Как я объясню все это Кунну?

Статус Рети как почетного звездного бога и так был хрупок. Рассерженный пилот может просто бросить ее в этих холмах, где она выросла, среди дикарей, которых она презирает.

Я не вернусь в племя, поклялась она. Скорее

присоединюсь к диким глейеверам, буду поедать насекомых с туш животных на Отравленной равнине.

Конечно, во всем виноват Двер. Рети с ненавистью прислушалась к стонам молодого глупца.

Мы направляемся на юг, куда улетел Кунн. Робот, должно быть, должен доложить лично, теперь, когда он не может говорить на расстоянии.

Вспомнив, каким мастерством в пытках владеет Кунн, Рети начала надеяться, что рана Двера снова откроется. Умереть от потери крови для него гораздо лучше.

Летящая машина миновала Серые Холмы и теперь неслась над поросшей деревьями равниной. Ручьи сливались, превращаясь в реку, которая, медленно извиваясь, текла на юг.

Полет стал спокойней, и Рети рискнула сесть. Но робот не стал выбирать естественный кратчайший путь над водой; напротив, он следовал каждому изгибу и редко отходил от речных отмелей.

Местность казалась приятной. Пригодной для скота и земледелия, если вы знаете, как это делать, и не боитесь быть пойманными.

Рети вспомнила все чудеса, которые видела на Склоне, после того как едва спаслась из па-

утины мульк-паука. Там были всевозможные виды мастерства, которых не знает племя Рети. И все же, несмотря на свои хитроумные водяные мельницы и сады, несмотря на металлические инструменты и бумажные книги, слопи казались изумленными и испуганными, когда Рети добралась до знаменитой Поляны Праздников.

Шесть рас вывело из равновесия недавнее прибытие звездного корабля, с которым кончилась двухтысячелетняя изоляция.

Рети пришельцы из космоса казались чудесными. Хозяевами корабля были невидимые ротены, но управляли им люди, такие красивые и всезнающие, что Рети все отдала бы, лишь бы стать похожей на них. Чтобы не быть обреченной дикаркой с обожженным лицом, влачащей жалкую жизнь на запретной планете.

У нее появился смелый замысел и правдами и неправдами она его осуществила! Рети познакомилась с этими высокомерными людьми: Линг, Беш, Кунном и Ранном — сумела заслужить их расположение. И когда ее попросили, с радостью провела Кунна к лагерю своего племени, всего лишь за четверть дня повторив свой маршрут и жуя галактические лакомства, когда смотрела в окно лодки на пролетающие внизу пустыни.

Годы обид были вполне вознаграждены изумленными взглядами испуганных родичей: ведь грязная девчонка неожиданно превратилась в Рети, звездную богиню.

Если бы только этот триумф продолжался.

Она вернулась к действительности, услышав, что Двер зовет ее по имени.

Перегнувшись через край, Рети увидела его обветренное лицо и растрепанные черные волосы, слипшиеся от пота. Самодельная повязка на одной ноге окровавлена, хотя свежей крови Рети не видит. Захваченный безжалостными щупальцами робота, Двер одной рукой прижимает свой драгоценный, ручной работы лук, как будто это последнее, с чем он готов расстаться перед смертью. Рети не могла поверить, что когда-то ей хотелось украсть это примитивное оружие.

— Чего тебе? — спросила она.

Молодой охотник посмотрел ей в глаза. Голос его звучал хрипло.

— Можно мне немного воды?

— Если бы она у меня была, — ответила Рети, — назови хоть одну причину, по которой я должна с тобой поделиться!

Шорох у пояса. Из сумки показалась узкая голова и длинная шея. Сверкнули три темных глаза

— два с веками и один без, фасеточный, как драгоценный камень.

…жена, не лги ему! — у жены есть бутылка с водой! — йии чует ее горечь.

Рети со вздохом приняла это неожиданное вмешательство своего миниатюрного «мужа».

— Осталась всего половина. Никто не предупредил меня, что я отправляюсь в путешествие.

Маленький самец ур неодобрительно засвистел.

…жена, поделись с ним, иначе тебе не повезет! — ни одна нора не спасет наших личинок!

Рети едва не возразила, что ее брак с йии ненастоящий. У них никогда не будет «личинок». Но йии, кажется, хочет пробудить ее совесть, хотя ясно ведь, что каждый за себя.

Мне не следовало рассказывать ему, как Двер спас меня от мульк-паука. Говорят, самцы уры тупы. Неужели мне повезло выйти замуж за гения?

— Ну ладно!

Бутылка, чудо работы чужаков, весила меньше, чем жидкость в ней.

— Не урони ее, — предупредила она Двера, опуская красную ленту. Двер с радостью схватил бутылку.

— Нет, дурак! Крышка не вынимается, как

пробка. Поворачивай ее, пока она не снимется. Вот так. Ничего не знающий джики слопи!

Она не стала добавлять, что концепция отвинчивающейся крышки и ее поставила в тупик, когда Кунн и остальные впервые предоставили ей временный статус даника. Конечно, потом она освоилась.

Рети нервно смотрела, как он пьет.

— Не пролей! И не смей пить все! Слышишь? Хватит, Двер. Прекрати. Двер!

Но он продолжал жадно пить, не обращая внимания на ее гневные протесты. Когда бутылка опустела, Двер улыбнулся потрескавшимися губами.

Слишком пораженная, чтобы действовать, Рети знала: на его месте она поступила бы так же.

Да, подтвердил внутренний голос. Но от него ты этого не ожидала.

Ее гнев усилился, когда Двер изогнулся, наклонил тело в направлении стремительного полета робота. Прищурившись на ветру, он держал петлю от бутылки в руке и словно чего-то ждал. Летящая машина миновала невысокий холм, перескочив через колючие заросли, потом снова начала спускаться, едва уклоняясь от древесных стволов. Рети крепко держалась, закрыв

йии в сумке. Когда самая опасная часть спуска кончилась, она снова перегнулась через край и отскочила, встретив пару черных глаз-бусинок!

Опять этот проклятый нур. Тот самый, которого Двер называет Грязнолапым. Несколько раз темное гибкое существо пыталось выбраться из промежутка между торсом Двера и вмятиной в борту робота. Но Рети не нравилось, как нур смотрит на йии, пускает слюну, оскаливая острые зубы. Теперь Грязнолапый стоял на груди Двера, цепляясь передними лапами и готовясь к новой попытке.

— Убирайся! — Она замахнулась на узкую улыбающуюся морду. — Хочу посмотреть, что делает Двер.

Со вздохом нур вернулся в свое убежище на боку робота.

Показалась синяя вспышка, и Двер бросил бутылку. Она с всплеском ударилась о мелкую воду, оставляя за собой след. Молодому человеку пришлось сделать несколько попыток, прежде чем бутылка повисла открытым горлышком вперед, наполнилась и Двер потянул ее к себе.

Я тоже об этом думала. Если бы была близко, попробовала бы.

Двер потерял много крови, поэтому справед-

ливо дать ему напиться, прежде чем вернуть ей бутылку.

Да. Это справедливо. И он бы тоже поступил так. Вернул бы бутылку полной.

Рети посмотрела в лицо неприятной мысли.

Ты ему доверяешь.

Он враг. Он причинил тебе и даникам множество неприятностей. Но ты доверяешь Двери свою жизнь.

Когда придет время встать перед поклоняющимся ротенам звездным воином, подобной веры Кунну у Рети не будет.

Двер в последний раз наполнил бутылку и протянул ее Рети.

— Спасибо, Рети, я у тебя в долгу.

Щеки ее вспыхнули, и ей не понравилось это ощущение.

— Забудь об этом. Просто кинь петлю.

Он попытался. Рети чувствовала, как петля скользнула по ее пальцам, но после нескольких попыток поняла, что не может ее схватить. Что будет, если я не смогу вернуть ее?

Из своей узкой ниши появился нур и взял петлю в зубы. Вскарабкался на грудь Двера, потом использовал в качестве опоры разбитую трубу лазера и подобрался ближе к руке Рети. Что ж,

подумала она. Если он хочет быть полезным.

И когда она протянула руку, нур прыгнул, используя эту протянутую руку словно ветку дерева. Рети взвыла, но прежде чем она смогла что-то сделать, Грязнолапый уже сидел наверху и самодовольно улыбался.

Маленький йии завопил. Самец ур убрал голову в сумку и затянул изнутри молнию.

Рети увидела на рукаве пятна крови и попыталась сбросить сумасшедшего нура. Но Грязнолапый легко уклонился, подобрался поближе, виновато улыбнулся, низко заворчал и двумя проворными лапами протянул бутылку с водой.

Тяжело вздохнув, Рети приняла ее и позволила нуру сесть поблизости — но подальше от йии.

— Кажется, мне никак от вас не избавиться, приятели, — вслух сказала она.

Грязнолапый зачирикал. А снизу послышался короткий смешок Двера, иронический и усталый.

ОЛВИН

Мне было одиноко и больно в этой тесной металлической клетке. Отдаленный гул двигателей напоминал колыбельную, которую пел отец,

когда я болел ишиасом или чесоткой пальцев ног. Иногда звук повышался, и мои чешуйки начинали зудеть. Похоже на стон обреченного деревянного корабля.

Наконец я уснул.

...и проснулся в ужасе: два одетых в металл шестиногих чудовища пытались упрятать меня в сооружение из стальных трубок и петель. Вначале мне показалось, что это орудие пытки из эпохи до контакта. Я такое однажды видел на иллюстрации Доре к «Дон Кихоту». Сопротивление ни к чему не привело, только стало еще больнее.

Наконец в замешательстве я сообразил. Это не орудие пыток, а корсет, сделанный по форме моего тела: он должен принять на себя тяжесть, чтобы уберечь поврежденную спину. Когда меня поставили на ноги, я пытался подавить панику, ощутив прикосновение холодной стали. Удивленно и облегченно покачиваясь, я обнаружил, что могу немного ходить, хотя на каждом шагу морщился.

— Ну, спасибо, большие отвратительные жуки, — сказал я ближайшему фувнтусу. — Но могли бы меня и предупредить.

Я не ждал ответа, но один из них повернул свой бронированный корпус — с горбом на спине и

расширением в конце — и наклонился ко мне. Я решил, что это поклон вежливости, хотя, вероятно, для них значил совсем другое.

На этот раз выходя они оставили дверь открытой. И я впервые вышел из своего стального гроба и двинулся вслед за массивными созданиями по узкому коридору.

Я уже догадался, что нахожусь на какой-то подводной лодке, достаточно просторной, чтобы в ее трюме поместился весь хунский экипаж самого большого корабля с морей Джиджо.

Тем не менее мне она показалась какой-то мешаниной разнообразных частей. Я вспомнил Франкенштейна, сделанного из частей множества трупов. Таким же казался и этот гигантский корабль, который тащит меня неведомо куда. Всякий раз когда мы проходили мимо люка, мне казалось, что он ведет в другой корабль, сделанный совсем другими мастерами совсем иной цивилизации. В одной секции палуба и переборки были из клепаных листов стали. Другая зона сделана из какого-то волокнистого вещества, гибкого, но прочного. Размеры коридоров менялись, они становились то узкими, то широкими. Половину пути мне приходилось сгибаться под низким потолком: не очень приятно, учитывая

состояние моей спины.

Наконец со свистом отошла скользящая дверь. Фувнтус изогнутым щупальцем поманил меня вперед, и я вошел в тускло освещенное помещение, гораздо больше моей прежней клетки.

Сердце мое радостно забилось. Передо мной были мои друзья! Все — и все живые!

Они собрались у круглого иллюминатора и смотрели на черные океанские глубины. Я мог бы попытаться незаметно подобраться к ним, но у квуэнов и г'кеков глаза буквально на спине, так что застать врасплох Гек и Клешню очень непросто.

(Несколько раз мне это удавалось.)

Когда они выкрикнули мое имя, Ур-ронн повернула свою длинную шею и на четырех стучащих копытах всех перегнала. Мы обнялись.

Первой вернулась к норме Гек. Она крикнула Клешне:

— Следи за своими когтями, Крабья Морда! Сломаешь мне ось. Все отойдите. Разве не видите, что Олвин ранен? Освободите для него место.

— Смотри, кто говорит, — ответила Ур-ронн. — Твое левое колесо только что едва не лишило его пальцев ног, Осминожья Голова!

Сам я этого не заметил, так был счастлив, услы-

шав их ядовитые подростковые шутки.

— Хр-рм. Дайте-ка я на вас посмотрю. Ур-ронн, ты кажешься гораздо более сухой, чем в последний раз.

Наша урская подруга радостно заржала сквозь свою носовую перегородку. На ее шкуре виднелись большие голые пятна — туда попала вода при катастрофе.

— Нашим хозяевам потребовалось немало усилий, чтобы выработать правильный уровень влажности в моей гостевой комнате, — ответила она. Видно было, что во многих местах следы грубого шитья — это фувнтусы зашивали разрезы от осколков стекла «Мечты Вуфона». К счастью, у ее племени нет таких брачных игр, как у многих рас. Для уров важна не наружность, а статус. Несколько шрамов помогут Ур-ронн выделиться среди других кузнецов.

— Да. И теперь мы знаем, как пахнет ур, принявший ванну, — добавила Гек. — Им стоит это делать почаще.

— Не тебе говорить. Этот зеленый пот из глаз…

— Ладно, ладно! — рассмеялся я. — Помолчите и дайте мне взглянуть на вас.

Ур-ронн была права. Стебельки Гек нуждались в очистке, и у нее были какие-то неприятности со

спицами. Многие поломаны, хотя по краям уже отрастают новые волокна. Но какое-то время ей придется двигаться осторожно.

А что касается Клешни, то он выглядел вполне счастливым.

— Думаю, ты был прав: в глубинах действительно есть чудовища, — сказал я нашему краснопанцирному другу. — Хотя они и не похожи на тех, что ты опи…

Я завопил: спину словно пронзили острые иглы, поднимаясь к шейному хребту. Но я быстро узнал ворчание Хуфу, нашего маленького нура, нашего сувенира. Хуфу радовалась и требовала от меня немедленного ответа. Но прежде чем я смог установить, на что способен мой поврежденный горловой мешок, Ур-ронн присвистнула со стороны темного иллюминатора.

— Они снова включили прожекторы, — сообщила она благоговейным тоном. — Олвин, иди быстрей. Ты только посмотри!

Я неловко занял освобожденное для меня место. Гек погладила мне руку.

— Ты всегда хотел это увидеть, приятель, — сказала она. — Так что смотри и удивляйся.

— Добро пожаловать в Большую Помойку.

АСКС

Вот еще одно воспоминание, мои кольца. Событие, последовавшее за краткой Битвой на Поляне, такой быстролетной, что воинственные крики все еще оскверняют наши изуродованные лесистые ущелья.

Достаточно ли затвердел воск? Можете ли вы прикоснуться/ощутить ужасающую тревогу и пугающую красоту того вечера, когда мы смотрели на летящий над головой жесткий, немигающий огонь?

Проследите жирное воспоминание об этой искре, пересекающей небо, становящейся все ярче по мере приближения.

Никто не может усомниться в том, что это такое.

Крейсер ротенов возвращается за добычей, за биосокровищами, награбленными на уязвимой планете.

Возвращается за оставленными товарищами.

Но вместо генетической добычи экипаж увидит свою станцию разрушенной, а друзей убитыми или захваченными.

Хуже того, нам известна теперь их истинная

сущность! Мы, изгнанники, можем свидетельствовать против них в Галактическом суде. Если выживем.

Не нужно быть гением, чтобы понять, какая опасность нам грозит. Нам, шести падшим расам на заброшенной Джиджо.

Как мог бы написать земной автор, мы оказались в груде вонючей мульчи. Очень спелой и глубокой.

САРА

Путь из тревожной неясности привел к чему-то возбуждающему, почти прозрачному.

Но не сразу.

Когда ее неожиданно усадили верхом на скачущее существо прямо из мифа, первой реакцией Сары было удивление, смешанное с ужасом. Фыркающая, с огромной головой, с развевающейся гривой, лошадь была гораздо страшнее каменного памятника уничтоженному виду в городе Тарек. С каждым прыжком ее мускулистый торс изгибался, и у Сары стучали зубы, когда отряд при свете бледной луны пересекал холмы Центрального Склона.

После двух бессонных ночей и дней эскадрон

легендарных животных словно во сне вошел в разрушенный урский лагерь — в сопровождении урского эскорта. Сара и ее друзья спаслись от плена, их прежние похитители лежали мертвыми или связанными полосками кожи, но она ждала в любой момент нового рабства. И вот вместо свежих вражеских подкреплений появились эти удивительные спасители.

Удивительные для всех, кроме взрывника Курта, который встретил вновь прибывших как долгожданных друзей. Пока Джома и Незнакомец удивлялись виду настоящих лошадей, Сара не успела мигнуть, как оказалась в седле.

Блейд вызвался остаться у гаснущего костра и позаботиться о раненых, хотя каждый изгиб его синего панциря был полон завистью. Сара охотно поменялась бы местами со своим квуэнским другом, но хитиновая броня слишком тяжела для лошади. Не было времени даже подбодрить Блейда — отряд двинулся тем же путем, каким появился, унося ее в ночь.

От грохота копыт у Сары скоро разболелась голова.

Думаю, все же это лучше плена у шовинистов людей Дединджера и фанатичного Урунтая. Союз фанатиков, опасный, как смесь взрывника, был

создан, чтобы захватить Незнакомца и продать его ротенским захватчикам. Но они недооценили загадочного путника. Вопреки утрате речи, звездный человек сумел возбудить вражду между людьми и урами, и эта вражда закончилась кровавой схваткой.

И мы стали хозяевами своей судьбы, хотя и ненадолго.

Но вот иной союз людей и кентавроподобных уров! Более сердечная группа, но столь же решительно стремящаяся утащить ее Ифни знает куда.

Когда светлый Торген поднялся над холмами, Сара смогла разглядеть урских воинов, их бока в боевой раскраске, но не такой кричащей, как у Урунтая. Но в их взглядах то же мрачное пламя, которое обжигает души уров, когда пахнет схваткой. Уры двигались строем в постоянном ожидании засады, держали в стройных тонких руках арбалеты, извивали длинные шеи и все время были настороже. Хоть они и значительно меньше лошадей, это грозный противник.

Еще поразительней были спасители-люди. Шесть женщин, приехавших с севера с девятью оседланными лошадьми, словно ожидали на обратном пути прихватить с собой еще двух или

трех человек.

Но нас шестеро. Курт и Джома. Прити и я. Незнакомец и Дединджер.

Не важно. Суровые воины как будто не возражали, садясь по двое на одну лошадь.

Может, поэтому все они женщины? Чтобы тяжесть была поменьше.

Ловко сидя верхом, женщины казались встревоженными, пока ехали по холмистой равнине со множеством ущелий и скальных выступов. Сара догадывалась, что им не нравится передвигаться ночью по незнакомой местности, и вполне их понимала.

Ни одного знакомого лица. Месяц назад это могло бы удивить Сару, учитывая небольшое население Джиджо. Склон оказался гораздо больше, чем она думала.

Двер рассказывал о своих путешествиях по заданиям мудрецов. Он клялся, что побывал повсюду в округе тысячи лиг.

Но ее брат никогда не упоминал об амазонках-всадницах.

Сара даже подумала, не прилетели ли они с другой планеты: похоже, сейчас год космических кораблей. Но нет. Несмотря на несколько необычный сленг, их сжатая речь происходит от

джиджоанских диалектов, которые Сара знает по своим исследованиям. И хотя всадницы не были знакомы с местностью, они знали, что нужно сторониться дерева мигурв, когда тропа проходила вблизи его липких листьев. Незнакомца жестами предупредили, чтобы он не трогал их семенных стручков, все же тот от любопытства не удержался и на собственном горьком опыте понял, что поступил так зря.

Сара оглянулась на Курта. Его племянник счастливо и изумленно болтал, обмениваясь широкими улыбками с Незнакомцем.

Сара поправилась.

С Эмерсоном.

Она смотрела на смуглого мужчину, который несколько месяцев назад упал с неба и погрузил свои ожоги и раны в болото у деревни Доло. Это больше не полумертвец, которого она выхаживала в своем древесном доме. Звездный путник оказался изобретательным и предприимчивым авантюристом. По-прежнему лишенный речи, он несколько мидуров назад миновал поворотный пункт, когда принялся стучать себя в грудь, повторяя единственное слово: Эмерсон — снова и снова. Он гордился подвигом, который нормальные люди воспринимают как нечто само собой

разумеющееся. Произнес собственное имя.

Эмерсон верхом на лошади казался как у себя дома. Значит ли это, что лошадей все еще используют на божественных планетах Пяти Галактик? Если это так, то какой цели они могут служить там, где чудесные машины по кивку или подмигиванию выполняют любое желание?

Сара взглянула на свою помощницу шимпанзе: не открылись ли от толчков пулевые раны Прити. Ухватившись обеими руками за пояс всадницы, Прити все время держала глаза закрытыми. Несомненно, она была погружена в свою любимую вселенную абстрактных форм и фигур — лучший мир, чем этот, с его печальной и неупорядоченной нелинеарностью.

Остался Дединджер, предводитель мятежников, который ехал со связанными руками, и Сара не стала жалеть ученого, ставшего пророком. За многие годы обучения своих последователей, когда он направлял жителей пустыни по тропе Избавления, бывший мудрец должен был научиться терпению. Ястребиное лицо Дединжера оставалось совершенно бесстрастным, и Сару это тревожило.

Он на что-то рассчитывает.

Там, где скалистая тропа встречается с откры-

той равниной, она поворачивает. Вскоре отряд урских воинов Улашту отстал, не в силах поспевать за лошадьми.

Неудивительно, что, когда первые поселенцы люди высадились на Джиджо, уры возненавидели лошадей. Эти животные придают нам мобильность — особенность, которую особенно высоко ценят предводительницы уров.

Два столетия назад, нанеся поражение в битве людям, подлинный Урунтай заявил, что все любимые кони людей — его добыча, и всех их перебил.

Они решили, что если мы вынуждены будем сражаться пешком, то не причиним им неприятностей. Ошибка, оказавшаяся фатальной, когда Дрейк Старший создал коалицию, преследовавшую Урунтай и разбившую его в битве у водопада Мокрых Копыт.

Но, кажется, лошади все-таки не исчезли. Как клан всадников мог все это время оставаться незамеченным?

И самое удивительное: почему они появились сейчас, рискуя обнаружением, чтобы встретиться с Куртом?

Должно быть, виноват кризис звездных кораблей, покончивший с благословенной/проклятой

изоляцией Джиджо. Какой смысл хранить тайну, если Судный День наступает?

К тому времени как посветлело затянутое облаками небо, Сара страшно устала, у нее онемело тело. Впереди, вплоть до темно-зеленых болот, расстилалась холмистая местность.

Наконец у затененного ручья всадники спешились. Сару на руках отнесли к одеялу, и она с дрожащим вздохом упала на него.

Во сне она видела людей, которых оставила за собой.

Нело, ее отец, работает на своей любимой бумажной мельнице, не подозревая, что кто-то замышляет разрушить ее.

Мелина, ее мать, семь лет уже мертвая, которая всегда казалась чужаком, с тех пор, как давным-давно пришла в Доло с маленьким сыном на руках.

Хрупкий Джошу, возлюбленный Сары в Библосе, прикосновение которого заставило ее забыть даже о нависающем Каменном Кулаке. Привлекательный обманщик, чья смерть обратила ее в бегство.

Двер и Ларк, ее братья, отправляющиеся на праздник в горные поляны Риммера, туда, где сели звездные корабли.

Мысли Сары мешались, она металась и ворочалась.

Последним она увидела Блейда, чей квуэнский улей, занимавшийся разведением раков, расположен за плотиной Доло. Добрый старина Блейд, который спас Сару и Эмерсона от гибели в лагере Урунтая. «Кажется, я всегда задерживаюсь, — просвистел ее квуэнский друг сквозь свои ножные щели. — Но не волнуйтесь. Со мной все будет в порядке. Слишком многое происходит, чтобы я мог упустить».

Сара могла полагаться на Блейда как на каменную скалу. Во сне она ответила:

«Я остановлю вселенную, не позволю ей делать что-нибудь интересное, пока ты не покажешься».

Хоть и воображаемый, смех квуэна согрел Сару, и ее тревожный сон сменился более спокойным.

Солнце уже взошло, когда кто-то потряс Сару и вернул ее в мир — одна из молчаливых всадниц, используя архаическое слово «трапеза», объявила, что пора завтракать. Сара неохотно встала: у нее болело все тело.

Она выпила похлебку из зерен, приправленную незнакомыми пряностями треки, а всадницы тем временем седлали лошадей или смотрели, как

Эмерсон играет на своем любимом дульцимере, заполняя небольшую долину живой мелодией, вполне подходящей для путешествия. Вопреки своему утреннему раздражению, Сара понимала, что звездный человек старается укрепить свое положение. Песни и музыка помогают ему преодолеть препятствие немоты.

Сара увидела, что Курт связывает свой спальный мешок.

— Послушайте, — сказала она пожилому взрывнику. — Я благодарна вашим друзьям, ценю то, что они нас освободили и все такое. Но неужели вы надеетесь проделать весь путь верхом до горы Гуэнн? — Судя по тону ее голоса, это было все равно что до одного из спутников Джиджо.

На каменном лице Курта появилась редкая улыбка.

— Есть предложения получше? Конечно, ты собиралась отвезти Незнакомца к высоким мудрецам, но путь туда перегородили разгневанные воины Урунтая. И вспомни, прошлой ночью мы видели два звездных корабля, один за другим направлявшихся прямо на Поляну Собраний. Должно быть, у мудрецов руки и щупальца полны других забот.

— Как я могла это забыть? — ответила она. Эти

титаны, с ворчанием летевшие по небу, навсегда запечатлелись в ее памяти.

— Ты могла бы укрыться в одной из деревень, мимо которых мы скоро будем проезжать, но разве Эмерсону не понадобится помощь первоклассного аптекаря, когда у него кончатся снадобья Пзоры?

— Если повернем на юг, вскоре достигнем Гентта. Оттуда на корабле можно добраться до города Овун.

— Если корабли еще ходят, а Овун существует. И даже в таком случае нужно ли прятать твоего друга-чужака, когда происходят такие великие события? Что, если ему предстоит сыграть свою роль? Если он может как-то помочь мудрецам и Общине? Неужели ты лишишь его единственной возможности вернуться домой?

Сара понимала, на что намекает Курт: она удерживает Эмерсона, как ребенком не пускала излеченных животных в лес.

Рой сладкоголосых мух окружил Незнакомца, жужжа в ритм с его музыкой, с его странной мелодией. Где он ее услышал? На Земле? У какой-то чужой звезды?

— Во всяком случае, — продолжал Курт, — если ты еще немного выдержишь езду на этих

огромных животных, мы достигнем горы Гуэнн быстрее, чем Овуна.

— Это безумие! Если двигаться морем, то нужно по пути миновать Овун. А другой путь еще труднее — через каньоны и Долину.

Глаза Курта сверкнули.

— Мне говорили, что существует более короткий путь.

— Прямой? Прямо на юг? Но за Генттом Равнина Режущего Песка, и даже в хороших условиях пройти ее невозможно, а наши условия не лучшие. Вы не забыли, где у Дединджера есть последователи?

— Не забыл.

— Тогда, если даже мы минуем жителей пустыни и огненные дюны, встретимся со Спектральным Потоком, а по сравнению с ним любая пустыня кажется приятным лугом.

Курт только пожал плечами. Он явно хотел, чтобы она вместе с ним отправилась к далекой мерцающей горе, совсем в стороне от того места, куда Сара должна была доставить Эмерсона. Далеко от Ларка и Двера, от этих ужасных звездных кораблей. К тому священному месту, где Джиджо обновляется — с помощью огненного жара лавы.

ОЛВИН

Возможно, виноват сжатый воздух, которым мы дышим, или непрерывная вибрация двигателей. Или полная темнота снаружи, создающая впечатление бездонной глубины, даже большей, чем та, куда упала наша бедная маленькая «Мечта Вуфона», оказавшись в пасти гигантского металлического морского чудовища. Одинокий луч, намного более мощный, чем самодельные прожектора нашей старой мини-лодки, прорезал черные глубины, открыв зрелище, превосходящее мое самое дикое воображение. Даже яркое творческое воображение Верна, Пьюкино или Мелвилла не помогало подготовиться к тому, что появлялось в круге света, когда мы двигались над дном подводного каньона, усеянного древним мусором. В стремительной последовательности мелькали очертания такого количества титанических предметов, перемешанных друг с другом, что…

Должен признаться, что здесь я в тупике. Согласно учебникам литературы на английском языке, писатель может для описания незнакомых предметов воспользоваться одним из двух ос-

новных способов. Первый способ — перечислить зрелища и звуки, размеры, пропорции, цвета — говоря, что этот предмет состоит из собраний колоссальных кубов, связанных прозрачными трубами, а тот напоминает огромный шар с выемкой в одном боку, и из его внутренностей исходит сверкающий поток, жидкая полоска, которая каким-то образом не подчиняется законам тяготения и времени.

О, я могу сплетать слова и рисовать картины, но этот метод не подходил, потому что в то время я не мог бы сказать, как далеко от нас это все! Глаз тщетно искал точки отсчета. Некоторые объекты, наваленные грудами в панораме грязи, казались такими огромными, что наш гигантский корабль рядом с ними выглядел карликом, как пескарь в стае змей бемо, а что касается цветов, то даже в ярком луче прожектора вода поглощала все цвета, окрашивая предметы в глубоководную серую голубизну. Неплохой цвет для савана в этом месте ледяной смерти.

Другой способ описать неизвестное — это сравнить его с тем, что вы узнаете, только этот способ оказался еще хуже! Даже Гек, способная увидеть сходство вещей, которое никому не приходит в голову, просто растерянно смотрела всеми че-

тырьмя глазами на груды древних отбросов.

О, некоторые предметы казались нам неожиданно знакомыми — например, когда прожектор скользнул по рядам пустых черных окон, разбитых этажей и расколотых стен. Сброшенные грудой, многие затонувшие башни лежали вниз головой и даже друг на друге. Вместе они составляли город такого грандиозного размера, о котором я никогда не слышал, даже не читал в рассказах о прошлом. Но кто-то некогда сорвал огромный мегаполис с фундамента, перенес сюда и сбросил в воду, чтобы переделать единственным способом, возможным для таких гигантов, — в огненных недрах матери Джиджо.

Я припомнил некоторые прочитанные книги о времени Решения на Земле, когда земляне еще до контакта договорились, как спасти свою планету после того, как столетиями обращали в выгребную яму. В детективе Элис Хэммет «Дело полусъеденного клона» убийца избегает наказания за убийство, но получает десять лет заключения только за то, что избавился от улик, сбросив их в море. В те дни люди в целом не делали различий между ямами свалок и океанским дном. Загрязнение есть загрязнение.

Странно было смотреть на эту гигантскую

свалку с двух точек зрения. Согласно галактическим законам, это священная часть цикла сохранения Джиджо — сцена преданной заботы. Но, выросший на земных книгах, я мог сменить перспективу и увидеть загрязнение, место ужасного греха.

«Город» остался позади, а мы продолжали смотреть на странные фигуры, непонятные величественные предметы, машины звездной цивилизации, недоступные для осознания простыми смертными. Иногда я видел какие-то сверкания за пределами луча, вспышки молний среди руин, как будто там сохранились древние силы и испускают искры гаснущих воспоминаний.

Мы вполголоса переговаривались, каждый вспоминал то, что знал лучше. Ур-ронн рассуждала о природе материалов, из которых сделаны эти предметы, или какие функции они выполняли. Гек клялась, что видела надписи каждый раз, как луч проходил мимо полосы подозрительной тени. Клешня настаивал, что все это звездные корабли.

Помойка принимала наши предположения точно так же, как все остальное, с терпеливым смертоносным молчанием.

Некоторые огромные предметы уже глубоко

погрязли, и над трясиной виднелись только их верхушки. Я подумал: здесь океанская плита Джиджо опускается под Склон, таща с собой кору, грязь и все остальное, что лежит поверх нее, утаскивает в глубину, в бассейны магмы, которые питают вулканы. Со временем все эти могучие предметы станут лавой или драгоценными рудами, чтобы их смогли использовать будущие обитатели этой планеты.

Я вспомнил хрупкий корабль своего отца и его рискованные плавания, когда он вез корзины со священными отбросами. Их посылали все племена Шести, частично расплачиваясь за грехи предков. В ежегодном ритуале каждая деревня прочесывает свою территорию, избавляя от собственных отходов и остатков того, что не убрали буйуры.

Пять Галактик могут наказать нас за жизнь здесь. Но мы жили согласно кодексу и были верны Свиткам.

На хунских собраниях поют сказание о Фууфьявуо, капитане мусорного корабля, который однажды увидел приближающуюся бурю и выбросил груз, не добравшись до синих глубин Помойки. Корзины и барабаны полетели в воду далеко от священной траншеи обновления, усеяв

морское дно и осквернив ранее безупречно чистое место. В наказание Фу-уфьявуо был связан и отвезен на Равнину Режущего песка, чтобы провести остаток дней в тени дюны. У него хватало зеленой росы, чтобы выжить, но ее недостаточно, чтобы прокормить душу. Со временем его сердечный хребет был размолот в порошок и рассеян по пустыне, где вода не может омыть частицы и снова сделать их чистыми.

Но это Помойка, подумал я, пытаясь справиться с изумлением. И мы первыми видим ее.

Первыми, если не считать фувнтусов. И того, что живет здесь внизу.

Я почувствовал, что устал. Несмотря на корсет и костыли, спина сильно болела. Но мне трудно было оторваться от холодного, как лед, иллюминатора.

Следуя в океанской тьме за лучом прожектора, мы словно спускались в шахту, направляясь к груде драгоценностей — сверкающим предметам в форме игл, или приплюснутых шаров, или стеклянистых оладий, или шишковатых цилиндров. Вскоре перед нами показалась обширная сверкающая груда, больше залива Вуфон, грандиозней вулкана Гуэнн.

— Вот это действительно корабли! — провоз-

гласил Клешня, жестикулируя когтем. Снова прижавшись к стеклу, мы смотрели на гороподобные груды труб, сфер и цилиндров, из которых торчали выступы, похожие на рога или перья встревоженного горного столлера.

— Должно быть, это корабли с-как-ее-там-называют вероятностью, которые используются для полетов между галактиками, — установила Гек, которая много читала о времени «Обители».

— Гребни вероятности, — поправила Ур-ронн на галактическом шесть. В вопросах технологии она разбиралась лучше меня и Гек. — Думаю, ты прав.

Наш квуэнский друг счастливо засмеялся, а прожектор сосредоточился на одной гигантской заостренной кверху груде. Вскоре мы все узнавали общие очертания, знакомые по древним текстам — торговые и курьерские корабли, мелкие суда и крейсеры, все брошенные давным-давно.

Гул двигателей изменился, стал чуть тише. Мы устремились к груде брошенных космических кораблей. Самый маленький из них превосходил импровизированный корабль фувнтусов, как рослый треки возвышается над маленькой кучкой навоза.

— Интересно, есть ли в этой груде корабли на-

ших предков, — вслух размышляла Гек. — Знаете, те самые, что принесли наших отцов-основателей? «Ладду'кек» или «Обитель».

— Маловероятно, — ответила Ур-ронн, на этот раз на ломаном англике. — Не завудь, мы в Трещине. Это всего лишь вековое ответвление Помойки. Наши предки, вероятно, свросили свои коравли в главную траншею, туда же, где самые вольшие коравли вуйуров.

Я удивленно замигал и задумался.

Это — ответвление? Небольшая часть Помойки?

Конечно, она права! Но какая поразительная картина! И какие гигантские груды отходов в течение веков сбрасывались в главную впадину! Достаточно, чтобы подвергнуть испытанию даже очищающую силу перемалывающих плит Джиджо. Неудивительно, что благородные галакты на десять миллионов лет и больше оставляют планеты в покое. Требуется много времени, чтобы переварить все сделанные разумными существами вещи и вернуть их в природное состояние.

Я подумал о мусорном корабле отца, с его скрипучими мачтами, с трюмами, полными корзин, в которых лежит все то, что мы, изгнанники, не можем переработать. За две тысячи лет все отбро-

сы, которые мы, сунеры, отправили в Помойку, не будут даже заметны на фоне гигантских груд брошенных кораблей.

Какими богатыми должны были быть буйуры и другие боги, чтобы выбросить такие огромные богатства! Некоторые покинутые корабли выглядели такими просторными, что могли поглотить все дома, куты и хижины, построенные Шестью Расами. Мы видели темные порталы, башни и сотни других деталей и все более остро сознавали — эти сумрачные гиганты были отправлены сюда, вниз, чтобы покоиться в мире. И мы не должны были нарушать их сон.

Наше падение к рифу мертвых кораблей становилось угрожающим. Неужели никто не замечает, что мы сближаемся слишком быстро?

— Может, это их дом, — размышлял Клешня, когда мы устремились к овальной руине размером в половину порта Вуфон.

— Может, фувнтусы собраны из частей старых машин, которые выбросили сюда, — подхватила Гек. — И все остальное тоже. Вроде этой лодки, собранной из хлама.

— А может, они слуги вуйуров, — прервала Урронн. — Или расы, которая жила здесь раньше. Или мутанты, как в рассказе ов…

Я вмешался.

— А никому не пришла в голову простейшая мысль? Что, может, они такие же, как мы?

И когда друзья повернулись ко мне, я по-человечески пожал плечами.

— Может, эти фувнтусы тоже сунеры. Думали об этом?

Выражение их лиц ответило мне. С таким же успехом я мог бы предположить, что наши хозяева — нуры.

Что ж, я никогда не утверждал, что быстро соображаю, особенно когда разрываюсь от боли.

Нам не хватало ощущения перспективы, чтобы определить, насколько мы близко или как быстро движемся. Гек и Клешня нервно забормотали что-то, когда корабль повернул к ближайшей груде и двигатели заработали в обратном направлении.

Думаю, мы все подпрыгнули, когда изъеденная металлическая плита отодвинулась всего за несколько дуров до столкновения. Наш корабль скользнул в гигантское отверстие в груде мусора и двинулся по коридору из корпусов космических кораблей, пронизывая фантастическую гору межзвездного мусора.

АСКС

Читайте только что застывший воск, мои кольца.

Вы увидите, как разбегался народ Шести Рас, унося с собой остатки павильонов и раненых, убегая от ожидаемого прибытия корабля ротенов.

Наш старший мудрец от г'кеков Вуббен процитировал то место в свитке предзнаменований, где говорится о пагубности разъединения. Поистине Шесть Рас должны упорно бороться, чтобы преодолеть разницу в форме и раковине. А также в плоти, шкуре и торге.

— Идите по домам, — сказали племенам мы, мудрецы. — Проверьте свои маскировочные решетки. Ваши затмевающие паутины. Живите ближе к почве Джиджо в укромных местах. Если можете, готовьтесь к борьбе. И умрите, если будет нужно.

Фанатики, которые и вызвали кризис, предположили, что на корабле ротенов есть средства, которые могут отыскать Ро-кенна и его лакеев, может быть, с помощью имплантированных в тело устройств прослушивая волны их мозга.

— Ради безопасности нужно сбросить их кости

в лавовые бассейны.

Противоположная фракция, назвавшаяся «Друзья ротенов», требует освобождения Ро-кенна и повиновения его божественной воле. В этой фракции не только люди, но и некоторые квуэны, г'кеки, хуны и даже несколько уров, благодарных за лечение, полученное в клинике чужаков. Некоторые считают, что избавление может быть получено немедленно, при нашей жизни, и не придется вначале пройти долгой дорогой, освященной глейверами.

Наконец, есть и такие, кто увидел в хаосе возможность сведения старых счетов. Ходят слухи об анархии повсюду на Склоне. О том, что многое затоплено или сожжено.

Какие расхождения! Та самая свобода, которая порождает яркие индивидуальности, делает таким трудным сохранение единства. Не лучше ли было бы, если бы мы сохраняли строгую дисциплину и порядок, как в феодальном государстве, которое пытались в старину создать серые королевы?

Слишком поздно сожалеть. Время требует только импровизации — умения, которое, как нам говорили, не одобряется в Пяти Галактиках.

Возможно, это единственная надежда бедных

дикарей.

Да, мои кольца. Теперь мы можем вспомнить все.

Погладьте этот воск и смотрите, как караваны уходят на равнины, в леса и к морям. Наших заложников уводят в такие места, где даже приборы космических кораблей не смогут их отыскать. Солнце садится, и звезды усеивают обширное пространство, именуемое Вселенной. Царство, в которое нам нет доступа, в котором обитают наши враги.

Некоторые из нас остаются, ожидая корабль.

Мы проголосовали, не правда ли? Мы, кольца, которые и составляют Аскс? Мы вызвались остаться. Наш единый голос от лица всей Общины обратится к разгневанным чужакам. Установив наш базовый тор на твердом камне, мы проводим время, вслушиваясь в сложное звучание Святого Яйца, наш жирный сердечник вибрирует в такт дрожащим мелодиям.

Увы, мои кольца, ни одно из этих вызванных воспоминаний не объясняет наше теперешнее положение. Неужели произошло нечто ужасное?

А как насчет этих, только что застывших слоев воска?

Видите ли вы в них сверкающие очертания

большого космического корабля? Появившегося в той же части неба, которую только что покинуло солнце?

Или это само солнце вернулось и в гневе повисло над дном долины?

Огромный корабль сканирующими лучами разглядывает нашу долину в поисках следов того, что оставил здесь.

Да, мои кольца. Следите за этой восковой памятью.

Неужели нам сейчас предстоит выяснить истинную причину ужаса?

ЛАРК

Лето тяжело давило на хребет Риммер, пожирая незатененные края ледников, гораздо более древних, чем шесть рас изгнанников. Временами трещащий статический разряд нарушал тишину альпийских склонов, и бесчисленные стебли травы устремлялись к небу, словно отчаянные щупальца. Жаркое сияние солнца подчеркивалось короткими завесами дождя, эти завесы разворачивались на склонах, поднимались по ним до самых горных вершин, увенчанных радугами и усеянных вспышками сжатых молний.

С высот доносился гул раскатов, он доходил до самых берегов ядовитого озера, где сорокагектарная роща растрескавшихся нитей поросла грибами. Некогда могучий форпост галактической культуры, теперь это было нагромождение каменных плит, за бесчисленные века лишившихся всяких особенностей. Долина заполнялась едкими запахами, от озера поднимался пар, яд капал из бесчисленных пор.

Самый молодой мудрец Общины Джиджо сорвал желтый мох с разлагающейся нити, одной из мириадов, некогда составлявших тело мульк-паука. Это существо возрастом в полмиллиона лет должно было уничтожить древний буйурский поселок, постепенно вернув его природе. Прошлой зимой Ларк уже видел это место, когда осматривал снег в поисках следов Двера и Рети, бежавших из этого логова слепой ярости. С того лихорадочного бегства многое изменилось. Большие участки мульк-кабелей просто исчезли, уничтоженные недавними усилиями, и причину этого никто не позаботился объяснить Ларку, когда его направили сюда. А то, что осталось, заросло цепким мхом.

— Спиролегита кариола. — Он прошептал название вида, растирая образец двумя пальцами.

Очень искаженная, изменившаяся разновидность кариолы. Мутации кажутся специальностью этого дикого сурового места.

Интересно, что это место сделает со мной, со всеми нами, если мы здесь задержимся.

Он не просил для себя этой работы. Быть тюремщиком. Само это слово вызывало ощущение грязи.

Цепочка бессмысленных звуков заставила его повернуться к блеклому полотну, натянутому между двумя камнями.

— Это кленсонирующий сивилейтор, рефандулирующий излишний торг.

Из тени доносился голос — сильный женский альт, хотя сейчас он звучит невесело и покорно. Последовал мягкий звон, словно один объект бросили в груду, а другой подняли, чтобы рассмотреть.

— В качестве предположения скажу, что это гланнис трункатор, вероятно, использовавшийся в ритуалах чиханической секты, если, конечно, это не еще одна буйурская шутка-новинка.

Ларк заслонил глаза, разглядывая Линг, молодого ученого с неба и слугу звездных богов ротенов, с которой он как «туземный проводник» работал много недель, пока в несколько биений сердца

Битва на Поляне не поменяла их местами. После этой неожиданной победы высокие мудрецы поручили ему заботу о небесной женщине и охрану ее. Он не напрашивался на эту работу, хотя она и означала для него необычайное повышение.

Теперь я высокопоставленный знахарь в племени дикарей, ядовито думал он. Лорд Высокий Хранитель Пленных Чужаков.

А может, их палач. Мысли отшатывались от такой возможности. Гораздо вероятнее Линг передадут ее даник-ротенским товарищам в какой-нибудь сделке, разработанной мудрецами. Или ее в любой момент могут освободить орды неудержимых роботов, которые, словно стая медведей санти, просто отмахиваются от беспомощных защитников медового дерева зил.

В любом случае она будет свободна. Линг может прожить еще триста лет на своей родной планете, в Пяти Галактиках, рассказывая приукрашенные истории о своих приключениях среди свирепых варваров в этой грязной незаконной колонии. В то же время мы, падшие, можем надеяться только на простое выживание. Продолжать жить на бедной уставшей Джиджо, называя счастливчиками те из Шести Рас, кто сумеет присоединиться к глейверам на Тропе Избавления. Тропе благосло-

венного забытья.

Ларк предпочел бы покончить со всем каким-нибудь благородным и героическим способом. Пусть Шесть Рас Джиджо погибнут, защищая этот хрупкий мир, чтобы он мог продолжить свой прерванный отдых.

Конечно, это его личная ересь. Ортодоксы думают, что Шесть Рас — грешники, но могут смягчить свой грех, живя в мире на Джиджо. Но Ларк считал это лицемерием. Поселенцы должны покончить со своим преступлением, мягко и добровольно, и как можно скорее.

Он не делал тайны из своего радикализма, и это сделало положение еще более запутанным, когда высокие мудрецы наделили его большой властью.

На звездной женщине больше нет мерцающего одеяния ее звездного клана даников — таинственной группы людей, которые поклоняются повелителям ротенам. На ней плохо сидящие блуза и юбка из джиджоанской шерсти. Тем не менее Ларку было трудно смотреть на эту неловкую красоту. Говорят, звездные люди, не задумываясь, могут обрести новое лицо. Линг клянется, что не думает о таких вещах, но ни одна женщина на Склоне не может с ней сравниться.

Под настороженными взглядами двух капралов милиции Линг сидела скрестив ноги и рассматривала образцы, оставленные мульк-пауком: странные металлические предметы, заключенные в полупрозрачные золотистые коконы, подобно древним насекомым, застрявшим в янтаре. Вещи буйуров, последних законных обитателей планеты, которые улетели полмиллиона лет назад после объявления Джиджо невозделанной. Множество яйцеобразных сохраняющих коконов разбросано по пепельным берегам. Вместо того чтобы уничтожать реликты ушедшей цивилизации, местный мульк-паук предпочел сохранять их. Коллекционировать их, если поверить невероятной истории, рассказанной Ларку его сводным братом Двером.

Прозрачное покрытие заставляло его нервничать. То же самое вещество, выделившееся из пористых нитей паука, едва не погубило Двера и Рети, дикую девушку сунера, в ту самую ночь, когда схватились два робота чужаков, воспламенив живое болото ядовитых нитей и покончив с долгой безумной жизнью паука. Золотистое вещество кажется необычным на ощупь, словно под твердой оболочкой переливается медлительная странная жидкость.

Топоргический, назвала Линг скользкий материал в один из тех моментов, когда была склонна к разговорам. Встречается очень редко, но я о нем слышала. Говорят, это псевдоматерия, состоящая из органически сложенного времени.

Что бы это ни значило. Похоже на то, что может сказать Сара, когда пытается объяснить свой любимый мир математики. Будучи биологом, Линг находила странной способность живого существа выпускать «сложенное время» из пор далеко раскинувшихся щупалец, как, очевидно, делал мульк-паук.

Закончив осматривать очередной образец, Линг склонялась к стопке листов лучшей бумаги Ларка и делала записи, сосредоточившись так, словно каждая буква — это произведение искусства. Как будто она никогда не держала в руке карандаш, но поклялась овладеть этим новым искусством. Как галактический путешественник, она привыкла справляться с потоками информации, управляясь с многомерными дисплеями, просеивая данные сложных экосистем планет, разыскивая для своих хозяев ротенов биологические сокровища, которые стоило бы похитить. Письмо вручную должно показаться ей переходом от космической скорости к деревянной

повозке треки.

Крутое падение: одно мгновение — полубогиня, а в следующее — пленница неотесанных варваров.

Должно быть, эти записи помогают ей отвлечься от недавних событий — от того ужасного дня, когда всего в двух лигах ниже Святого Яйца ее база была взорвана и массы жителей Джиджо восстали. Но Ларк чувствовал нечто большее, чем сознательная попытка отвлечься. Выписывая слова на бумаге, Линг получает такое же удовлетворение, какое испытывает всегда, совершая разные простые действия. Ларк часто видел в ней это. И, несмотря на свой гнев, находил эту особенность достойной уважения.

Существуют народные легенды о мульк-пауках. Говорят, некоторые из них за долгие века пережевывания металла и каменных памятников прошлого приобретают необычные одержимости. Когда-то Ларк отмахивался от таких рассказов как от суеверия, но насчет этого паука Двер доказал их истинность. Прямо перед Ларком доказательства существования этой коллекции, они в бесчисленных капсулах рассыпаны по обожженной чаще. Это самое большое собрание галактического мусора на Склоне. И именно

это сделало берега ядовитого озера идеальным укрытием для пленной женщины-чужака, на случай если прилетевший корабль примется искать исчезнувших членов экипажа. Хотя Линг тщательно обыскали, у нее отобрали все ее вещи, в ее теле может находиться какой-нибудь датчик, который можно обнаружить, — датчик, вживленный в далеком галактическом мире. И если это так, то разбросанные вокруг бесчисленные предметы буйуров замаскируют ее присутствие.

Были и другие идеи.

Корабельные сенсоры могут не проникнуть под землю, предположил один из людей техников.

Или, предложил урский кузнец, соседний поток лавы затуманит глаза чужаков.

В такие места были отведены остальные заложники: Ро-кенн и Ранн — в надежде сохранить хоть одного пленника. Когда речь идет о жизни всех детей и личинок на склоне, стоит испробовать любые возможности. Ларку поручили очень важное дело. Тем не менее он раздражался, ему хотелось что-то делать, а не просто ожидать конца мира. Ходили слухи, что готовится схватка со звездными преступниками. Ларк не разбирается в оружии, он специалист в живых существах. Тем не менее он завидовал тем, кто готовился

к битве.

Бормочущий сопящий звук заставил его броситься в другой конец навеса, где сидел его друг Утен, прижавшись к земле, как хитиновая груда пепельного цвета. Ларк взял самодельный аспиратор, приготовленный из ствола бу, пузыря скальной свиньи и застывшего сока мульк-паука. Просунул конец трубки в одну из щелей на больших ногах квуэна и начал откачивать жидкость, которая мешала Утену дышать. Ларк повторял этот процесс на всех пяти ногах, пока его партнер и коллега по биологическим исследованиям не задышал легче. Купол квуэна приподнялся, и его зрительная полоска слегка посветлела.

— Сп-на-с-с-сибо, Л-ларк я прости, что я я тебя так затруд-ня-ю.

Утратив согласованность, голос доносился из пяти ног разрозненно, словно пять маленьких квуэнов говорили каждый по-своему. Или как треки, у которого все говорящие кольца вдруг решили заговорить самостоятельно. При виде слабости Утена у Ларка заболело в груди. Комок в горле мешал ответить оптимистично звучащей ложью.

— Ты просто отдыхай, брат по когтю. Скоро мы снова выйдем в поля, будем выкапывать ископа-

емых и придумывать такие теории, от которых ваши матери посинеют в замешательстве.

Это вызвало слабый булькающий смех.

— Г-г-ово-ря о ер-есях, кажется, ты и Хару-Хару-Харуллен получили то, что хотели.

Упоминание о другом друге-квуэне заставило Ларка горестно поморщиться. Утен не знает о судьбе своего родича, и Ларк не собирался ему рассказывать.

— О чем ты?

— Кажет-ся, грабители-грабители нашли способ избавить Джиджо от одного из Ш-е-сти Па-разитов.

— Не говори так, — попросил Ларк. Но Утен высказал распространенную мысль. Его болезнь поставила в тупик врача г'кека, который под соседним навесом в истощении сплел все четыре глазных стебелька. Болезнь напугала солдат милиции.

Все знали, что Утен был с Ларком в развалинах станции даников, разглядывая запретные вещи.

— Мне было жаль, когда фана-тики взорвали базу чужаков. — Панцирь Утена дрожал в борьбе за дыхание. — Даже когда ротены пытались использовать наше Святое Яйцо — забивали, словно клинья, свои ложные сны-видения, пытались

разделить Шесть Рас… Даже это не оправдывает негостеприимное и жестокое убийство чужаков.

Ларк вытер глаз.

— Ты милосердней большинства.

— Позволь мне за-кон-чить. Теперь мы знаем, что чужаки задумали нечто гораздо хуже видений. Они создали микробы, чтобы уничтожить нас.

Итак, Утен услышал разговоры — или додумался до этого сам.

Биологическое оружие. Геноцид.

— Как «Война миров». — Это один из любимых романов Утена. — Только роли поменялись на обратные.

Сравнение Ларка заставило серого квуэна рассмеяться — хриплым, неровным свистом.

— Я всег-гда отождествлял себя с этими бедными-бедными мар-си-анами.

Зрительная полоска затуманилась, утратила свет разума, панцирь поник. Ларк проверил дыхание друга: оно не ухудшилось. Утен просто устал.

Мы считаем серых крепчайшими из крепких. Но хитин не остановит луч лазера.

Харуллен узнал это на собственном опыте. Смерть пришла к родичу Утена во время короткой Битвы на Поляне, когда отряды милиции

Шести Рас с трудом одолели смертоносных роботов Ро-кенна. Только внезапность позволила им победить. Чужаки не подозревали, что у дикарей есть книги, а в них рассказывается, как делать огнестрельное оружие — примитивное, но смертельно опасное на близком расстоянии.

Но для Харуллена победа пришла слишком поздно. Слишком преданный своему делу или слишком упрямый, чтобы бежать, предводитель еретиков провел последние лихорадочные мгновения своей жизни, призывая к спокойствию и разуму, крича одновременно в пяти направлениях, умоляя всех сложить оружие и начать переговоры, — пока массивное крабообразное тело Харуллена не было разрезано на неровные части роботом-убийцей за несколько мгновений до того, как взорвалась сама эта машина.

Серые матроны города Тарек будут в трауре, подумал Ларк, положив руки на широкую раковину Утена, опустив голову на ее пятнистую поверхность, прислушиваясь к напряженному дыханию друга и от всего сердца желая как-то ему помочь.

И одна из его мыслей была ироничной.

Я всегда считал, что если наступит конец, квуэны погибнут последними.

ЭМЕРСОН

Теперь виды Джиджо быстро летели мимо, как будто загадочные всадницы опасались задержки, которая развеет их надежды.

Не владея речью, Эмерсон не знал, куда они так торопятся и почему.

Время от времени Сара оборачивалась в седле и ободряюще улыбалась ему. Но лицо ее окружали переданные реуком цвета дурных предчувствий — он теперь читал этот нимб эмоций, как когда-то привык понимать значение надписей на дисплее. Возможно, ее тревога должна была внушать ему опасения, потому что Эмерсон привык рассчитывать на ее руководство в этом странном, опасном мире. Но он не мог заставить себя тревожиться. Слишком о многом нужно было подумать.

Стало сыро, когда караван свернул в извилистую речную Долину. Влажные запахи пробудили воспоминания о болоте, в котором он оказался после крушения, калека, корчащийся от боли. Но он не отшатнулся от этого воспоминания. Эмерсон приветствовал любое ощущение, которое могло позволить вспомнить больше, — звук, случайный запах или вид за следующим поворотом.

Некоторые открытия вторично пробились через пропасть времени — он словно давно утратил их и теперь открывал заново. Заново открытые имена влекли за собой лица и даже краткие воспоминания о событиях прошлого.

Том Орли, такой сильный и умный. Всегда настороженный, готовый к неприятностям. Он однажды привел какой-то корабль. И вызвал тревогу во всех Пяти Галактиках.

Хикахи, милейший из дельфинов. Добрейший друг. Бросилась спасать своего возлюбленного и капитана и не вернулась.

Тошио, мальчишка, всегда готовый рассмеяться. Смелый молодой человек. Где он сейчас?

Крайдайки, капитан. Мудрый предводитель дельфин. Калека, как и он сам.

На мгновение Эмерсон задумался над сходством между раной Крайдайки и своей. Но эта мысль вызвала приступ такой острой боли, что мелькнула и исчезла.

Том, Хикахи, Тошио… Он повторял имена. Каждое из них связано с другом, которого он не видел, да, уже очень давно.

Другие воспоминания, более недавние, до них труднее дотянуться, и они вызывают большую боль.

Суэсси, Тш'т, Джиллиан…

Он повторяет каждый звук, не обращая внимания на тряску и на трудности в координации движений губ и языка. Он делает это для практики — иначе как ему вернуть прежнее беглое владение языком, искусство произносить слова, которым он так хорошо владел, когда считался умным парнем?… До того, как в его голове и в памяти появилась эта ужасная дыра.

Некоторые имена приходят легко, потому что он узнал их после пробуждения на Джиджо, в бреду в древесном доме.

Прити, маленькая шимпанзе, которая учила его своим примером. Она сама не умеет говорить, но демонстрирует отличное владение математикой и языком жестов.

Джома и Курт, звуки, связанные с разными версиями одного и того же узкого лица. Ученик и мастер уникального искусства, предназначенного для уничтожения дамб, башен и домов, которые незаконные поселенцы воздвигли на этой запретной планете. Эмерсон вспоминает Библос, архив бумажных книг, где Курт показывал племяннику искусно размещенные заряды, которые могут обрушить потолок пещеры и разнести библиотеку в пыль. Если поступит приказ.

Пленный фанатик Дединджер едет за взрывниками, его угловатое лицо покрыто темным загаром. Предводитель повстанцев людей, чьи убеждения Эмерсон не может понять, знает только, что они не любят посетителей с неба. Отряд движется вперед, а Дединджер смотрит по сторонам, рассчитывая следующий шаг.

Некоторые имена и места — они теперь имеют значение. Это прогресс, но Эмерсон не дурак. Он понимает, что до падения на эту планету должен был знать сотни слов. Иногда он почти улавливает смысл «вау-вау», которые произносят его спутники, обращаясь друг к другу. Но эти урывки не удовлетворяют, а лишь усиливают мучения.

Иногда этот поток звуков утомляет, и Эмерсон размышляет: может, люди были бы меньше склонны к дракам, если бы меньше говорили. Если бы больше времени просто смотрели и слушали.

К счастью, слова не единственная его забота. Его преследует призрачное знакомство с музыкой, во время коротких остановок он играет в математические игры с Сарой и Прити, чертит рисунки на песке. Это его друзья, и он радуется их смеху.

У него есть еще одно окно в мир.

Так часто, как может вынести, Эмерсон надевает на глаза реук — похожую на маску пленку, которая преобразует мир, окрашивает его в разноцветные тона. В своих путешествиях он, пилот, никогда не встречал подобное существо — все Шесть Рас пользуются им, чтобы лучше понять настроение друг друга. Но если его оставить надолго, начинает болеть голова. Тем не менее он находит захватывающими ореолы, окружающие Сару, Дединджера и остальных. Иногда кажется, что в этих цветах нечто большее, чем просто эмоции, хотя он не может определить, что именно. Пока не может.

Но одну истину Эмерсон вспомнил. Совет, извлеченный из прошлого, заставляет его насторожиться.

Жизнь может быть полна иллюзий.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Легенды рассказывают о многих драгоценных текстах, которые были утрачены одним печальным вечером, во время беспрецедентной катастрофы, которую некоторые называют Ночью Призраков. Тогда сгорела четверть архива Библоса. Говорят, в одном из бесценных томов, погибших той жестокой зимней ночью, были изображения буйуров — могучей расы, чья лицензия на пользование Джиджо истекла пятьсот тысяч лет назад.

От свидетелей катастрофы уцелело мало дневниковых записей, но согласно показаниям некоторых просматривавших Ксенологический фонд до того, как он сгорел, буйуры были приземистыми существами, слегка напоминавшими лягушек, изображенных на девяносто шестой странице «Руководства по земным формам жизни» Клири, но со слоновьими ногами и пристальными, глядящими вперед глазами. Говорят, они очень искусно умели создавать нужные им организмы

и имели репутацию невероятных шутников.

Но другие расы сунеров уже знали это о буйурах — и благодаря устной традиции, и по многочисленным умным служебным организмам, которые все еще встречаются в лесах Джиджо, может быть, по-прежнему ищут исчезнувших хозяев. Помимо этих скудных сведений, мы очень мало знаем о расе, чья могучая цивилизация цвела на этой планете свыше миллиона лет.

* * *

Как могли такие огромные знания быть потерянными за одну ночь? Сегодня это кажется странным. Почему колонисты первой волны не изготовили копии этих бесценных текстов, прежде чем отправить свой крадущийся корабль в океанские глубины? Почему не разместили дубликаты по всему Склону, обеспечив им безопасность от любых бед?

В оправдание наших предков вспомните, какие это были напряженные времена — до заключения Великого Мира и прихо-

да Яйца. Перед тем как звездный корабль «Обитель» проскользнул мимо пыльного сияния Измунути, чтобы незаконно высадить землян, последнюю волну незаконных колонистов, пять разумных рас, к тому времени присутствовавших на Джиджо (не считая глейверов), уже достигли непрочного равновесия. Но в те дни часто происходили схватки между урскими кланами и высокомерными квуэнскими императрицами, а племена квуэнов постоянно вели этические войны за гражданские права треки. Высокие мудрецы не имели большого влияния, они только читали и истолковывали Говорящие Свитки, единственный документ, существовавший в то время.

И вот в эту напряженную ситуацию вмешалась последняя волна поселенцев-сунеров, сумевших найти ожидавшую их неиспользуемую эконишу. Но колонисты люди не удолетворялись простым использованием незанятых плодородных земель, как поступали другие неграмотные кланы. Напротив, прежде чем затопить свой корабль, они в последний

раз использовали механизмы «Обители». С помощью этих богоподобных сил они вырубили крепость Библос, затем срубили тысячи деревьев и превратили их в свеженапечатанные книги.

Этот поступок так поразил остальных Пять, что едва не стоил земным колонистам жизни. Разгневанные королевы города Тарек осадили землян, которых намного превосходили по численности. Остальные, тоже разгневанные тем, что казалось ересью против Священных Свитков, сдержались только потому, что священники-мудрецы отказались санкционировать священную войну. Но этот запрет дал предводителям землян время для переговоров, с помощью мудрости своих книг они сумели уговорить различные племена и кланы, подкупить их многочисленными полезными вещами. Шпунты для спиц г'кеков. Лучшие паруса для хунских капитанов. А для урских кузнецов — умение делать стекло, которое они так давно искали.

Как изменилось положение всего за несколько поколений, когда новая по-

рода ученых мудрецов собралась, чтобы утвердить великий мир, поставить свои подписи на только что изготовленной бумаге и разослать экземпляры этого договора во все поселки и деревушки Склона. Чтение стало распространенным увлечением, и даже на умение писать больше не смотрели как на грех.

Ортодоксальное меньшинство по-прежнему возражает против стука печатных станков. Его представители набожно утверждают, что грамотность укрепляет память и привязанность к тем самым заблуждениям, которые принесли неприятности нашим летавшим в космосе предкам. Мы должны культивировать отвлеченность и забвение, чтобы пройти по тропе Избавления, говорят они.

Возможно, они правы. Но в наши дни мало кто торопится последовать примеру глейверов и начать спуск по благословенной тропе. Еще рано. Вначале мы должны подготовить свои души.

А мудрость, заявляют новые мудрецы, может быть почерпнута на страницах книг.

Из книги Гомера Ауф-путтвау «Сотворение мира. Историческое рассуждение»

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» КАА

Выброшенные безжалостной судьбой на берег Ифни.

Застрявшие, как кит на берегу, и лишенные возможности вернуться домой.

Столкнувшиеся с пятью препятствиями. Во-первых, отрезанные от Земли враждебными чужаками, которые ненавидят землян вообще, а экипаж «Стремительного» в особенности, хотя Каа никак не мог понять почему.

Во— вторых, изгнанные из родной галактики землян, сбившиеся с курса, потерявшие из-за каприза гиперпространства всякое представление о своем расположении — хотя многие члены экипажа винили в этом Каа, называя происшедшее «ошибкой пилота».

В— третьих, звездный корабль «Стремительный» нашел убежище на запретной планете, которая должна была отдыхать от разумных существ. Идеальное убежище, по мнению одних. Ловушка, как считают другие.

В— четвертых, отрезанные окончательно, когда усталые двигатели корабля наконец стихли, принеся «Стремительный» в царство призраков, в самом глубоком и темном уголке планеты, далеко от воздуха и света.

И наконец это, подумал Каа. Покинутый даже экипажем потерпевших крушение!

Конечно, лейтенант Тш'т так не выразилась, когда попросила его остаться вместе с тремя другими добровольцами.

— Это будет твоим первым важным поручением, Каа. Возможностью показать, на что ты способен.

Да, подумал он. Особенно если хуны проколют меня гарпуном, втащат в свою лодку и выпотрошат.

Так едва не произошло вчера. Он следил за одним из туземных парусных кораблей, пытаясь установить его цель и назначение, когда один из его молодых помощников Мопол метнулся вперед и запрыгал в оставленной деревянным

судном волне — любимое занятие дельфинов на Земле, где они часто бесплатно катаются на корабельной волне. Но здесь это настолько глупо, что Каа и не подумал заранее запретить такое занятие.

Позже, когда они вернулись в убежище, Мопол постарался оправдаться.

— К тому же я не причинил никакого вреда.

— Никакого вреда? Ты позволил им увидеть себя! — отругал его Каа. — Разве ты не помнишь: они начали бросать в тебя копья, я едва успел тебя увести?

Гладкий корпус и бутылкообразная голова Мопола сохраняли положение упрямого несогласия.

— Они никогда раньше не видели дельфинов. Вероятно, решили, что это какая-то местная рыба.

— И так и должны думать, слышишь?

Мопол согласился, но это происшествие встревожило Каа.

Немного погодя, размышляя о собственных недостатках, он работал в облаках поднявшегося придонного ила, разрезая оптический кабель, который оставила подводная лодка «Хикахи», возвращаясь к убежищу «Стремительного». Но-

вая камера, установленная Каа, позволит легче наблюдать за хунским поселком, чья пристань и замаскированные дома расположились в ближайшем заливе. Он мог уже доложить, что хунское стремление замаскироваться нацелено вверх; они пытаются скрыться от взгляда с неба, а не со стороны моря. Каа надеялся, что эта информация окажется важной.

Тем не менее его никогда не готовили быть шпионом. Он пилот, черт побери!

Конечно, на первом этапе полета «Стремительного» у него было не очень много практики; тогда он находился в тени главного пилота Кипиру, который самую трудную и приносящую славу работу всегда брал на себя. Когда Кипиру вместе с капитаном и несколькими другими членами экипажа исчез на Китрупе, Каа наконец получил возможность попрактиковаться в пилотском мастерстве — в счастье и в несчастье.

Но теперь «Стремительный» никуда не летит. Выброшенный на берег корабль не нуждается в пилоте, поэтому, полагаю, я отношусь к числу заменимых.

Каа закончил разрезать кабель и втягивал рабочие руки своей упряжи, когда мимо мелькнуло серебристое пятно, бешено извиваясь. На него

обрушился сонарный удар, и отразившиеся в воде волны окружили тело. Отмель заполнилась Щелкающим дельфиньим смехом.

Признай это, искатель звезд!

Ты меня не видел и не слышал

Когда я поднимался из глубины!

На самом деле Каа уже довольно давно заметил приближение молодого дельфина, но не хотел разочаровывать Заки: пусть учится приближаться незаметно.

— Используй англик, — кратко приказал он.

Мелкие конические зубы сверкнули в наклонном солнечном луче, молодой дельфин-турсиопа повернулся лицом к Каа.

— Но ведь гораздо легче говорить на тринари! У меня от англика иногда голова болит.

Мало кто из людей, услышав этот разговор дельфинов, понял бы его. Подобно тринари, этот подводный диалект состоял преимущественно из щелкающих стонов и скрежета. Но грамматика близка к стандартному англику. А именно грамматика направляет образ мыслей, — так говорил Крайдайки, когда мастер искусства кининка жил среди экипажа «Стремительного», руководя им с помощью своей мудрости.

Крайдайки исчез два года назад вместе с мистером Орли и другими, когда мы бежали от битвы флотов у Китрупа. Но нам его не хватает каждый день — он лучший, кого произвел наш вид.

Когда говорил Крайдайки, забывалось, что неодельфины — сырые, незавершенные существа, самая молодая и самая неустойчивая разумная раса в Пяти Галактиках.

Каа постарался ответить Заки так, как мог бы Крайдайки.

— Трудность, которую ты испытываешь, называется сосредоточенностью. Это нелегко. Но именно это позволило нашим патронам людям достичь звезд исключительно своими силами.

— Да. И посмотри, что это им дало, — ответил Заки.

И прежде чем Каа смог ответить, юноша издал сигнал «нужен свежий воздух» и понесся к поверхности, даже не позаботившись двигаться по спирали, чтобы уменьшить возможную опасность. Это нарушение правил безопасности, но с каждым проходящим джиджоанским днем строгая дисциплина кажется все менее обязательной. Море слишком мягкое, плодородное и дружелюбное, чтобы поощрять старательность и прилежание.

Каа пропустил это нарушение, вслед за Заки поднимаясь к поверхности. Они выдохнули и вдохнули сладкий воздух, чуть проникнутый слабыми отголосками дождя. Разговор вне воды на англике через генетические модифицированные дыхала требовал иного диалекта, свистящего и булькающего, но больше похожего на человеческую речь.

— Хорошо, — сказал Каа. — Докладывай.

Второй дельфин покачал головой.

— Красные крабы ничего не подозревают. Они заняты своими рачьими загонами. И лишь изредка кто-нибудь из них оглядывается, когда мы подплываем ближе.

— Это не крабы. Это квуэны. И я дал строгий приказ. Вы не должны приближаться настолько, чтобы вас увидели!

Хуны считаются гораздо более опасными, поэтому эту часть шпионской миссии Каа приберег для себя самого. Тем не менее он полагал, что сможет использовать и Заки с Мополом, которые украдкой наблюдали за квуэнским поселком на рифе. Вероятно, я ошибся.

— Мопол хотел попробовать деликатесы красных, поэтому мы решили отвлечь их внимание. Я загнал стаю рыб с зелеными плавниками, тех

самых, что по вкусу похожи на угря из Саргассова моря, и погнал их к колонии квуэнов! И знаешь что? Оказалось, что у крабов на случай такой удачи всегда наготове сети! Как только стая оказалась в пределах досягаемости, они подняли сети и захватили всех.

— Вам повезло, что не захватили и вас. А что в это время Делал Мопол?

— Пока красные были заняты, Мопол наведался в их рачьи садки. — Заки радостно рассмеялся. — Кстати, я сберег Для тебя одну штуку. Они великолепны.

На Заки мини-упряжь с единственным манипулятором, который убирается во время плавания. По невральному сигналу механическая рука порылась в сумке и протянула Каа извивающееся существо. «Что мне делать?» Каа смотрел на изгибающееся создание. Если примет, это только подбодрит Заки на дальнейшие нарушения дисциплины. А если откажется, не будет ли выглядеть грубым и неразумным?

— Подожду и посмотрю, не заболеете ли вы, — сказал он юноше. Они не должны на себе ставить эксперименты с местной фауной. В отличие от Земли большинство планетных экосистем представляют собой смесь образцов со всех Пяти

Галактик, привнесенных обитателями за десятки миллионов лет. До сих пор большинство местных рыбообразных оказывались полезными и вкусными, но следующая добыча может отомстить за себя, отравив вас.

— Где сейчас Мопол?

— Делает то, что нам велели, — ответил Заки. — Наблюдает, как красные крабы взаимодействуют с хунами. Пока мы видели, как они тащили в порт две пары саней, нагруженных скошенными морскими водорослями. А вернулись с грузом дерева. Знаешь, срубленные древесные стволы.

Каа кивнул.

— Итак, как мы и подозревали, они ведут торговлю. Хуны и квуэны, живущие вместе на запретной планете. Интересно, что бы это значило?

— Кто знает? Если бы они не были загадкой, то не были бы и разумными. Могу я вернуться к Мополу?

У Каа не было иллюзий насчет того, что происходит между двумя молодыми космонавтами. Вероятно, это мешает их работе, но если он поднимет эту тему, Заки обвинит его в ханжестве или, что еще хуже, в «ревности».

«Если бы только я был настоящим лидером, —

подумал Каа. — Лейтенанту не следовало назначать меня главным».

— Да, возвращайся, — сказал он. — Но только чтобы прихватить Мопола и вместе с ним вернуться в убежище. Уже поздно.

Заки высоко приподнялся в воде, опираясь на хвост.

Да, о возвышенный!
Твой приказ будет выполнен,
Как приливы повинуются луне.

С этими словами молодой дельфин подпрыгнул и погрузился в воду. И вскоре Каа мог видеть только его спинной плавник, сверкающий, когда он разрезает волны прибоя.

Каа задумался над вызывающим высокомерием последнего всплеска тринари Заки.

В человеческих терминах, по логике причинно-следственных связей, которой патроны учили клиентов дельфинов, океан вздымается и опускается под влиянием гравитационных полей солнца и луны. Но есть более древний образ мыслей, использовавшийся предками китообразных задолго до того, как люди вмешались в их гены. В те дни не было никаких сомнений в том, что прилив — самая могучая сила. И в древней при-

митивной религии приливы управляют луной, а не наоборот.

Иными словами, утверждение Заки на тринари — насмешка, граничащая с неповиновением.

Тш'т допустила ошибку, с горечью думал Каа, направляясь к убежищу. Нас не следовало оставлять здесь в одиночестве.

По пути он экспериментировал с главной угрозой их миссии. Это не копья хунов и не когти квуэнов, это даже не чужие космические корабли, а сама Джиджо.

В эту планету можно влюбиться.

Его манили вкус океана и бархатная текстура воды. Манили тем, как уважительно относились к нему рыбообразные существа: убегали, но не настолько быстро, чтобы он не мог их поймать.

Но самое соблазнительное — ночные эхо, проникающие сквозь стены их убежища, далекие низкие ритмы, почти на пределе слышимости. Странное напоминание о песнях земных китов.

В отличие от зеленого-зеленого мира Оакка, в отличие от ужасного Китрупа на этой планете моря почтительные. Такие, в которых дельфин может плавать с миром.

И возможно, забыться.

Когда Каа прошел сквозь маленький шлюз, по

размерам едва пригодный для пропуска дельфина, и оказался в убежище — раздутом пузыре, наполовину заполненном водой и прикрепленном к океанскому дну, — его поджидал Брукида. У одной из стен располагалась лаборатория геолога и металлурга, престарелого дельфина, который с удалением «Стремительного» от дома становился все более слабым.

Образцы, которые исследует Брукида, добыты с хунского корабля. «Хикахи» последовала за этим парусником, который вышел за пределы континентального шельфа и выбросил в океанскую впадину свой груз! Ящики, корзины и бочки опускались на дно, но несколько удалось перехватить зияющей пастью подводной лодки и оставить для анализа, когда «Хикахи» вернулась на базу.

Брукида уже обнаружил то, что он назвал «аномалиями», но сейчас что-то другое привело пожилого ученого в возбуждение.

— Пока ты отсутствовал, мы получили сообщение. По пути к «Стремительному» Тш'т подобрала нечто поразительное!

Каа кивнул.

— Я был здесь, когда она это сообщила, помнишь? Они нашли древний тайник, оставленный незаконными поселенцами, когда…

— Да не это. — Давно Каа не видел пожилого дельфина таким возбужденным.

— Позже Тш'т связалась снова и сообщила, что они спасли группу детей, которые могли утонуть.

Каа мигнул.

— Детей? Каких детей?

— Не человеческих и не дельфиньих. Но подожди, пока сам не услышишь, кто они такие и как они оказались здесь, под поверхностью моря.

СУНЕРЫ
ОЛВИН

Всего за несколько дуров до столкновения стена отбросов перед нами пришла в движение. Неровная плита, состоящая из поломанных корпусов кораблей, волшебно отошла в сторону, открыв перед кораблем фувнтусов длинный узкий проход.

Мы вошли в него, мимо стекла понеслись неровные стены, отрезав луч прожектора и оставив нас в тени. Двигатели еще раз прошумели в своем обратном движении и смолкли.

Корпус сотрясался от металлических звонов. Несколько мгновений спустя дверь в помещение отворилась. Когтистая рука поманила нас.

Снаружи ждали несколько фувнтусов, похожих на насекомых с длинными, закованными в сталь телами и огромными стеклянными глазами. Мои загадочные спасители, благодетели, пленители.

Мои друзья пытались помочь мне, но я попросил их не делать этого.

— Идемте, приятели. Мне трудно управляться с этими костылями и когда вы не толпитесь поблизости. Идите. Я иду за вами.

На перекрестке, ведущем к моей прежней клетке, я повернул налево, но наши шестиногие проводники показали, что нужно двигаться направо.

— Мне нужны мои вещи, — сказал я ближайшему фувнтусу. Но он своими механическими когтями показал «нет» и преградил мне путь.

Черт побери, подумал я, вспоминая оставленные блокнот и рюкзак. Собирался прихватить их на обратном пути.

Извилистый, сбивающий с толку маршрут провел нас через множество люков и по длинным коридорам из металлических плит. Ур-ронн заметила, что некоторые сварные швы выглядят «отвратительно». Меня восхитило, как она держится за свой профессионализм перед лицом такой невероятной технологии.

Не могу точно сказать, когда мы покинули морского дракона и оказались в гораздо большем лагере, городе, базе, улье, но наступил момент, когда брякающие движения фувнтусов стали казаться расслабленными. Я уловил несколько необычных щелкающих звуков, которые первоначально принял за речь. Но сейчас не было времени внимательно вслушиваться. Простое продвижение вперед означало борьбу с болью, и каждый шаг давался с трудом. Наконец мы оказались в коридоре, в котором чувствовалось постоянство, — со светлыми, почти белыми стенами и мягким освещением, которое, казалось, исходит от всего потолка. Необычный коридор мягко поднимался вверх в обоих направлениях, пока по обе стороны не исчезал из виду на расстоянии в четверть полета стрелы. Казалось, мы в огромном кольце, хотя я не мог себе представить, чему может служить такой странный коридор.

Но еще более странным оказался комитет по встрече! Наконец-то мы увидели два существа, которые не похожи на фувнтусов — за тем исключением, что у них тоже шесть конечностей. Они стояли прямо на нижней паре конечностей, одетые в серебристую ткань, и протягивали четыре чешуйчатые лапы с перепонками в жесте,

который я с надеждой принял за приветствие. Маленькие, ростом мне по верхнее колено или вровень с красным хитиновым панцирем Клешни. На их головах с выпуклыми глазами корона из влажных вьющихся волокон. Быстро говоря что-то, они знаками попросили нас следовать за ними, а массивные фувнтусы с явным облегчением удалились.

Мы, четверо жителей Вуфона, обменялись взглядами, потом покачивающимся, в стиле квуэнов, пожатием плечами. Повернулись и молча пошли за нашими новыми проводниками. Я слышал, как у меня на плече пыхтит Хуфу, глядя на маленькие существа, и поклялся, что брошу костыли и схвачу нура, если он попытается прыгнуть на одного из хозяев. Сомневаюсь, чтобы они были такими беспомощными, какими выглядят.

Все двери, выходящие в коридор, были закрыты. У каждого входа к стене приклеено нечто похожее на бумажную полоску, всегда на одной и той же высоте. Гек одним стебельком показала на импровизированную защиту, потом знаками азбуки Морзе просигналила мне:

ПОД НИМИ ЧТО-ТО СКРЫВАЕТСЯ!

Я понял, что она имеет в виду. Итак, хозяева не хотят, чтобы мы прочли надписи на дверях.

Это означает, что они пользуются одним из алфавитов, известных Шести. Я испытал то же любопытство, которое прямо излучала Гек. В то же время, однако, готовился остановить ее, если она попытается сорвать одну из полосок. Бывает время импульсивных действий. Но сейчас не то.

Дверной люк с мягким шипением открылся, и наши маленькие проводники знаками попросили нас войти.

Занавесы делили просторное помещение на несколько ячеек. Я мельком увидел множество сверкающих машин, но разглядел немногое из-за того, что появилось перед нами.

Мы застыли, глядя на четверку очень знакомых существ: ура, хуна, красного квуэна и молодого г'кека!

Наши собственные изображения, сообразил я. Это явно не отражения в зеркале. Во-первых, мы могли смотреть сквозь них. И пока мы смотрели, каждая фигура жестом поманила в разные ячейки.

Первоначальный шок миновал, и я заметил, что фигуры не являются точными изображениями. У ура тщательно расчесанная грива, а мой хунский двойник стоит прямо, без корсета. Имеет ли эта разница какой-то смысл? Хунская

карикатура старомодно — раздуванием горлового мешка — улыбнулась мне, но при этом не добавила гримасы рта и губ, как стали поступать хуны после появления на Джиджо людей.

— Ты прав, — сказала Гек, глядя на эрзац-г'кека перед собой, чьи колеса и спицы сверкали, новенькие и отполированные. — Я уверена, что они сунеры, Олвин.

Я мигнул. Итак, мои прежние предположения ошибочны. Но нет смысла сейчас об этом думать.

— Хр-рм, заткнись, Гек.

— Это голофафическая проекция, — сказала Ур-ронн на англике с акцентом — единственном джиджоанском языке, на котором можно выразить такую мысль. Эти слова пришли из человеческих книг, унаследованных со времени Великой Печати.

— Как скажете, — добавил Клешня, когда каждый призрак стал манить нас в разные помещения. — И что нам делать теперь?

Гек ответила:

— А какой у нас выбор? Каждый последует за своим парнем, и посмотрим, что по ту сторону.

И с грохотом ободьев покатила за светящимся изображением г'кека. За ней задернулся занавес.

Ур-ронн шумно выдохнула:

— Доброй воды вам обоим.

— Огня и пепла, — вежливо ответили мы с Клешней, глядя, как она уходит вслед за рисованной урской фигурой.

Подложный хун радостно махал мне, приглашая войти в помещение справа.

— Только имя, звание и серийный номер, — сказал я Клешне.

Он удивился.

— Что? — послышалось из трех ножных щелей. Когда я оглянулся, его панцирь все еще нерешительно покачивался. Клешня смотрел во всех направлениях, но только не на приглашавшего его квуэна.

Между нами опустился разделяющий занавес.

Мой молчаливый проводник в образе хуна подвел меня к белому обелиску, вертикальной плите, занимающей центр маленькой комнаты. Знаком велел подойти к ней вплотную и встать на металлическую пластину у ее основания. Сделав так, я обнаружил, что белая поверхность мягко прилегает к моему лицу и груди. Как только мои ноги оказались на плите, она начала наклоняться и поворачиваться вниз и вперед, превратившись в стол, на котором я оказался лежащим. Хуфу

сползла с моего плеча и завопила, когда снизу поднялась труба и устремилась к моему лицу!

Вероятно, я мог бы сопротивляться или попытаться убежать. Но какой в этом смысл? Когда из трубы появился цветной газ, его запах напомнил мне о том, как в детстве я побывал в больнице Вуфона. Дом Вони, как называли мы, дети, хотя аптекари треки были добры и всегда создавали в своем верхнем кольце какую-нибудь сладость, если мы вели себя хорошо.

Помню, что когда уходило сознание, я надеялся, что меня ждет какое-нибудь вкусное лакомство.

— Спокойной ночи, — прошептал я, а Хуфу продолжала щелкать и плакать. Потом все погрузилось во тьму.

АСКС

Гладьте свежий текучий воск, мои кольца, горячий воск, приносящий новости из реального времени.

Проследите этот изгиб, этот громкий крик отчаяния, эхом отразившийся от лесистых вершин, на которых задрожали могучие бу.

На несколько мгновений раньше могучий корабль ротенов величественно висел над раз-

рушенной станцией, сканируя Поляну в поисках отпочковавшихся отростков, исчезнувших членов экипажа.

Гремящий корабль казался разгневанным, мрачным, угрожающим, готовым к мести.

Однако мы/я оставались на месте, не правда ли, мои кольца? Долг приковал груду треки к земле: Совет мудрецов поручил нам вести переговоры с ротенскими повелителями.

Были и другие задержавшиеся на площадке для праздников. Любопытствующие зрители или те, кто хотел выразить свою преданность пришельцам.

Так что не одни мы/я были свидетелями того, что произошло потом. Присутствовало несколько сотен, в благоговейном ужасе глядя, как корабль просвечивает долину различными лучами, разглядывает почерневшие расплавленные балки уничтоженной станции.

Но тут неожиданно послышался ужасный звук. Этот звук все еще, незастывший, стекает по нашему жирному сердечнику. Сигнал ужаса и тревоги, исходящий от корабля!

Нужно ли вспоминать дальше? Посмеем мы и дальше следить за восковым следом? Даже несмотря на то, что от него исходит нестерпи-

мый жар?

Да?

Вы храбры, мои кольца.

* * *

Смотрите, как корабль ротенов неожиданно окутался светом!

Фотохимическое сияние льется на него сверху, отброшенное новым пришельцем, сверкающим, как солнце.

Но это не солнце, а другой космический корабль! Невероятно огромный, гораздо больше корабля генных грабителей; он нависает над этим кораблем, как треки с полным набором колец над только что вленировавшимся новым кольцом.

Можно ли поверить воску? Может ли существовать нечто такое огромное и могучее, как эта светящаяся гора, громоздко, как грозовая туча, движущаяся над поляной?

Захваченный врасплох, корабль ротенов испускает ужасные скрежещущие звуки, пытаясь спастись от титанического пришельца. Но теперь на него льется каскад света, прижимает, приобретая почти физическую ощутимость. Как твердый ствол, этот свет нажимает на корабль ротенов,

пока тот не по своей воле касается обожженной почвы Джиджо.

Поток шафранового цвета льется на меньший крейсер, слоями покрывая корабль ротенов, сгущаясь, как комки застывающего сока. Вскоре беспомощный корабль ротенов заключен в кокон. В золотистой оболочке висят неподвижно листья и ветки, словно остановленные посредине движения.

А вверху навис новый могучий пришелец. Левиафан.

Ослепительный свет потускнел.

Напевая негромкую песню мощи, титан спустился, как будто гигантская гора занимает свое место в Риммере. Камень с неба своим огромным весом расколол скалы и изменил очертания всей долины.

Теперь воск как будто меняет свое направление. Расплавленная сущность устремляется в новом направлении.

Она направляется, мои кольца?

Через пропасть.

В ад.

РЕТИ

Рети думала о своей птице. О яркой птице, такой красивой, так несправедливо искалеченной, так похожей на нее самое в своем упрямом стремлении к преодолению препятствий.

Ее приключения начались в тот день, когда Джесс и Бом вернулись с охоты, хвастаясь, что нашли загадочное летающее существо. Их трофей — замечательное металлическое перо — и стал той последней каплей, которую она ждала. Рети приняла это перо за знамение и укрепилась в своем стремлении уйти. Знак, что наконец настало время покинуть жалкое племя и уйти в поисках лучшей жизни.

Думаю, каждый чего-нибудь ждет, размышляла она, а робот тем временем обогнул еще один поворот ужасной реки, продолжая полет к последнему известному месту пребывания летающего разведчика Кунна. Рети стремилась к той же цели, но одновременно и боялась ее. Пилот даник жестоко обойдется с Двером. Он может также наказать и Рети за многие неудачи.

Она поклялась, что сдержит свой характер и, если понадобится, будет пресмыкаться. Только

бы звездные люди сдержали свое обещание и взяли меня с собой, когда улетят с Джиджо.

Они должны! Я отдала им птицу. Ранн сказал, что это ключ, который поможет даникам и ротенам в их поиске.

Ее мысли смешались.

В поиске чего?

Им что-то ужасно нужно, раз они решились нарушить галактический закон и тайком пробраться на далекую Джиджо.

Рети никогда не верила в эти разговоры о «генном грабеже» — что ротены явились за животными, готовыми научиться Думать. Когда вырастаешь близко к природе и рядом с другими существами ежедневно борешься за пищу, начинаешь понимать, что думать умеют все. Птицы, рыбы да некоторые из ее родичей молятся деревьям и камням!

Ответ Рети был — ну и что? Станет ли галлейтер не таким вонючим, если научится читать? Или грязный клеб будет не таким отвратительным, если, валяясь в груде навоза, будет цитировать стихи? В представлении Рети природа зла и опасна. С нее хватит такой жизни, она с радостью поменяет ее на возможность жить в каком-нибудь прекрасном галактическом городе.

Рети не верила, что люди Кунна прилетели издалека, только чтобы научить болтать каких-нибудь животных.

Но тогда какова истинная причина их появления? И чего они так боятся?

Робот избегал глубокой воды, как будто его силовое поле нуждалось в опоре на камень или почву. Когда река расширилась, а впадающие в нее притоки сами превратились в реки, дальнейшее продвижение оказалось невозможным. Даже длинные обходы не позволяли продвинуться вперед. Робот, со всех сторон окруженный водой, раздраженно гудел.

— Рети! — послышался снизу хриплый голос Двера. — Поговори с ним снова!

— Я уже говорила, помнишь? Ты, должно быть, разбил ему уши, когда вырвал антенну!

— Ну попытайся еще раз. Скажи, что я могу, я знаю способ, как перейти через реку.

Вцепившись в края платформы, Рети посмотрела вниз на него.

— Ты недавно хотел его убить, а теперь предлагаешь помощь?

Он поморщился.

— Уж лучше это, чем висеть в его клешнях, дожидаясь, пока солнце не сожжет меня. Думаю,

на летающей лодке найдутся еда и лекарства. И я так много слышал об этих чужаках. Почему все интересное должно достаться тебе?

Она не могла понять, когда он серьезен, а когда насмехается. Но это не важно. Если мысль Двера окажется полезной, это может смягчить обращение Кунна с ним.

«И со мной», — добавила она.

— Ну, хорошо.

Рети, как ее учили, обратилась непосредственно к машине.

— Робот четыре! Слушай и выполняй приказ! Приказываю тебе опуститься, чтобы мы могли поговорить о переправе через реку. Пленник говорит, что он может это сделать.

Вначале робот не отреагировал. Он продолжал метаться между двумя высокими точками берега в поисках возможности пересечь реку. Но вскоре тон гудения двигателей изменился, металлические руки отпустили Двера, и охотник покатился по мшистому берегу. Несколько мгновений молодой человек лежал и стонал. Конечности его слабо дергались, как выброшенная на берег рыба.

У Рети тоже затекло тело. Она перебралась через край платформы, морщась от соприкос-

новения с почвой. Ноги кололо, хотя, вероятно, не так сильно, как у Двера. Она опустилась на колени и тронула его за локоть.

— Эй, как ты? Помочь подняться?

В глазах Двера было выражение боли, но он отрицательно покачал головой. Однако Рети все равно обняла его рукой за плечи, когда он с трудом садился. Проверив перевязку раны на бедре, свежей крови не обнаружили.

Робот чужаков молча ждал, пока молодой человек не встал — не очень устойчиво.

— Может, я смогу помочь тебе перебраться через воду, — сказал он машине. — Если я сделаю это, будешь нести нас по-другому? Останавливаться для еды, помогать нам добыть пищу? Что скажешь?

Еще одна длинная пауза — затем чирикающие звуки. Рети за время пребывания учеником звездных людей немного овладела галактическим два. Она узнала восходящие тона ответа «да».

Двер кивнул.

— Я не гарантирую, что мой план сработает. Но вот что я предлагаю.

В сущности, это очень просто, даже очевидно, но Рети почтительно посмотрела на Двера, когда он вышел из воды, промокший до подмышек. Не

успел он полностью выйти из реки, как робот сменил свое положение над головой Двера. Он словно соскальзывал с тела молодого охотника, пока не достиг места, где его поле касалось поверхности земли.

На всем пути через реку Двер выглядел так, словно над головой у него восьмиугольная шляпа, покачивающаяся, как воздушный шар. Когда Рети снова усадила его, глаза у Двера остекленели, а волосы торчали дыбом.

— Эй! — толкнула она его. — Ты в порядке?

Взгляд Двера был словно устремлен куда-то вдаль. Но через несколько дуров он ответил:

— Хм, кажется, да.

Рети покачала головой. Даже Грязнолапый и йии перестали обмениваться сердитыми взглядами и почтительно уставились на человека со Склона.

— Это было так необычно! — заметила Рети. Она не могла заставить себя сказать «смело», или «потрясающе», или «безумно».

Двер поморщился, как будто только сейчас почувствовал боль в измученном теле.

— Да все вместе взятое и еще больше.

Робот снова зачирикал. Рети догадалась, что тройной подъем тона с резкой нотой на конце

означает: «Хватит отдыхать. Пошли».

Сложив руки, она помогла Дверу забраться на импровизированное сиденье на верху робота. На этот раз, когда робот возобновил движение, люди сидели на его площадке, а Грязнолапый и йии жались к ним, прячась от резкого ветра.

Хвастливые Джесс и Бом рассказывали об этой местности, и Рети помнила их слова. Местность низменная, болотистая, и впереди предстоит пересечь еще много рек.

ОЛВИН

Я проснулся, ошалевший и пьяный, как шимпанзе, наевшийся листьев гигри. Но по крайней мере боли больше не было.

Я по— прежнему лежу на мягкой плите, хотя зажимы и металлические трубки исчезли. Повернув голову, я увидел поблизости низкий стол. На нем мелкая белая чаша. А в ней десяток знакомых предметов, необходимых для хунского ритуала жизни и смерти.

Ифни! — подумал я. Чудища вырезали мои спинные кости!

Но потом передумал.

Погоди. Ты еще не взрослый. У тебя два набо-

ра. Еще только через год ты должен потерять первый.

На самом деле я соображаю гораздо быстрей. Но боль и наркотики способны сделать с вами что угодно. Снова посмотрев в чашу, я увидел свой детский позвоночник. Обычно он выпадает за семь месяцев и заменяется взрослым. Должно быть, в катастрофе оба набора сблизились, зажали нервы и ускорили естественный ход процесса. И фувнтусы решили удалить мой старый позвоночник, даже если новый не вполне готов.

Догадались? Или они уже знакомы с хунами?

Не все сразу, подумал я. Попробуй почувствовать коготь на пальце ноги. Можешь им пошевелить?

Я отправил приказ втянуть когти и почувствовал, как поверхность стола сопротивляется моим усилиям. Пока все хорошо.

Просунул за спину левую руку и потрогал на спине утолщение, прочное и эластичное.

И тут же послышались слова. Необыкновенно ровный голос на галактическом семь с акцентом.

— Новый ортопедический каркас поможет тебе перенести напряжение при движениях, пока позвоночник следующей стадии не окрепнет. Тем

не менее советуем не делать резких движений.

Ткань окутывала весь мой торс, в ней было легко и удобно, в отличие от того импровизированного корсета, которым раньше снабдили меня фувнтусы.

— Примите мою благодарность, — ответил я на формальном галсемь, осторожно опираясь на локоть и поворачивая голову в другую сторону. — И мои извинения за те неудобства, которые я мог причинить.

И смолк. Там, где я ожидал увидеть фувнтуса или маленькую амфибию, с которыми мы познакомились раньше, стояла дрожащая фигура, призрачная, как голографические проекции, виденные прежде, но разукрашенно абстрактная. Вблизи стола плыла сложная сеть вращающихся линий.

— Никаких неудобств. — Голос словно исходил от вращающегося изображения. — Нам было любопытно узнать, что происходит в мире воздуха и света. Ваше своевременное прибытие — падение на морское дно вблизи нашего разведочного судна — кажется нам таким же неожиданным, как вам — наше присутствие.

Даже в опьяненном состоянии я почувствовал иронию в замечании вертящегося свечения.

Оставаясь великодушным, оно напоминало мне, что «Мечта Вуфона» в долгу у спасителей: мы обязаны им жизнью.

— Верно, — согласился я. — Хотя мы с друзьями не упали бы в пропасть, если бы кто-то не забрал предмет, который мы должны были отыскать на отмели. Поиски и привели нас к падению.

Свечение приняло новый синеватый оттенок.

— Вы признаете, что вещь, которую вы искали, принадлежит вам? Это ваша собственность?

Настала моя очередь задуматься, опасаясь ловушки. Согласно законам Свитков тайник, который послала нас искать Уриэль, просто не существует. Это нарушение духа и буквы закона, который утверждает, что колонисты на запретной планете должны облегчать последствия преступления, отказываясь от богоподобных инструментов. Я был доволен, что приходится говорить на формальном языке, который позволяет яснее местных диалектов выразить мысль.

— Я признаю право осмотреть этот предмет и высказать свое мнение позже.

В вертящихся нитях появился пурпурный оттенок, и могу поклясться, я почти почувствовал, что существо забавляется.

Может быть, оно уже задавало те же вопросы

моим друзьям. Я красноречив — Гек говорит, что никто не сравнится со мной во владении галсемь — но я никогда не утверждал, что я самый умный в нашей группе.

— Этот вопрос можно обсудить в другое время, — сказал голос. — После того как ты расскажешь нам о своей жизни и о событиях в верхнем мире.

Это что-то привело во мне в действие — назовем это торговым инстинктом, который таится в каждом хуне. Владение прекрасным искусством торговли. Способность действовать осторожно и неторопливо, рассчитывать каждый шаг. Я сел, позволяя корсету принять на себя большую часть напряжения.

— Хр-р-рм. Вы просите отдать вам единственное, чем мы можем обменяться, — нашу историю и историю наших предков. А что вы предложите в обмен?

Голос издал очень неплохую имитацию печального хунского ворчания.

— Прошу прощения. Нам не приходило в голову, что вы можете так посмотреть на дело. Увы, большую часть вы нам уже рассказали. Мы возвращаем твой запас информации. Прими наше искреннее раскаяние в том, что мы воспользова-

лись им без твоего согласия.

Открылась дверь, в помещение вошло маленькое существо-амфибия, неся в четырех тонких руках мой рюкзак!

И что еще лучше, на рюкзаке лежал мой драгоценный дневник, порванный и потрепанный, но тем не менее все тот же предмет, который для меня ценнее всего в мире. Я схватил его и принялся листать страницы с загнутыми уголками.

— Успокойся, — сказало вращающееся изображение. — Изучение этого документа хотя и дало нам очень много, лишь разожгло наше любопытство. Ваши экономические интересы не пострадали.

Я обдумал эти слова.

— Вы читали мой дневник?

— Еще раз просим прощения. Это казалось благоразумным, когда мы стремились определить характер ваших ран и то, как вы появились в этом мире тяжелой мокрой тьмы.

И опять мне показалось, что в словах этих множество слоев значений и многие из них я только начинаю понимать. Но тогда мне хотелось как можно быстрей закончить этот разговор и посовещаться с Гек и остальными, что нам делать дальше.

— Сейчас я хотел бы увидеть своих друзей, — сказал я вертящемуся образу, переходя на англик.

Изображение вздрогнуло, словно кивнуло.

— Хорошо. Им сообщили, чтобы они ждали тебя. Пожалуйста, следуй за стоящим у двери.

Я осторожно опустил ноги на пол, пробуя, выдержу ли собственный вес. Маленькая амфибия сопровождала меня. Несколько раз становилось больно, но это только помогло мне лучше приспособиться к корсету. Я схватил дневник и посмотрел на свой рюкзак и чашу с позвонками.

— Здесь эти вещи в безопасности, — пообещал голос.

Надеюсь, подумал я. Они понадобятся маме и папе, конечно, если я когда-нибудь еще увижу Муфаувк и Йоуг-уэйуо и особенно если не увижу.

— Спасибо.

Пятнистое изображение завертелось.

— Рад служить.

Прижимая к себе дневник, я вслед за маленьким существом прошел в дверь. А когда оглянулся на свое ложе, вертящееся изображение исчезло.

АСКС

Вот он наконец, тот образ, который мы искали. Теперь он достаточно остыл, чтобы его можно было погладить.

Да, мои кольца. Настало время для нового голосования. Остаться ли нам в кататонии или посмотреть в лицо тому, что почти несомненно представляет собой ужасное зрелище?

Наше первое мыслительное кольцо настаивает, что прецедент должен быть отдан долгу, вопреки нашей естественной для треки склонности избегать неприятного субъективизма.

Согласны? Должны ли мы остаться Асксом и встретиться с подступающей реальностью? Как вы решите, мои кольца?

…гладьте воск.

…следуйте его изгибам.

…смотрите, как спускается могучий звездный корабль.

Издавая песнь всепокоряющей силы, чудовищный корабль опускается, давит оставшиеся деревья на южном склоне долины, перегораживает реку, заполняя горизонт, как гора.

Чувствуете ли вы это, мои кольца? Дурное

предчувствие, пронизывающее наш сердечник ядовитыми испарениями?

В высоком борту корабля открывается люк, по размерам способный проглотить небольшую деревню.

И на фоне освещенного интерьера видны силуэты.

Заостренные кверху конусы.

Груды колец.

Наши страшные родичи, которых мы надеялись никогда не увидеть.

САРА

Сара с тоской вспоминала последний ночной переход, потому что сейчас лошади шли таким галопом, что ей казалось, будто у нее вместо зада взбитое масло.

И только подумать: ребенком я мечтала поскакать верхом, как герои сказок.

Когда шаг замедлялся, Сара разглядывала загадочных всадниц, которые казались совсем дома рядом с огромными мифологическими животными. Они называли себя иллии и очень долго жили втайне. Но теперь необходимость вынудила их передвигаться открыто.

Неужели только для того, чтобы отвезти Курта и Незнакомца туда, куда хотел отправиться взрывник?

Но даже если его дело жизненно важно, зачем ему моя помощь? Я теоретик математик с ответвлением в область лингвистики.

Но даже в математике я по земным стандартам отстала на несколько столетий. А для галактов я что-то вроде умного шамана.

Спускаясь с гор, отряд начал встречать поселки — вначале урские лагеря со сгоревшими мастерскими и разбитыми загонами, скрытыми от гневного неба. Но по мере того как местность становилась плодородней, стали попадаться дамбы, за которыми расположены ульи и подводные фермы синих квуэнов. Минуя рощу на берегу реки, они увидели, что на самом деле «деревья» — это искусно сложенные мачты хунских рыбацких шхун и лодок-кут. Сара даже видела в удалении деревню ткачей-г'кеков с ее рампами, мостиками и тротуарами на высоте, по которым передвигается этот умный колесный клан. Все это опиралось на мощные деревянные столбы.

Вначале поселки, мимо которых проходили лошади, казались пустыми. Но кормушки для птиц полны, а блеклые завесы заново починены.

Полдень не лучшее время для прогулок, особенно когда в небе висят зловещие призраки. И всякий проснувшийся во время дневного сна мог разглядеть только смутные скачущие фигуры, скрытые облаком пыли.

Но позже избежать внимания не удалось: члены всех шести рас выбирались из убежищ и кричали при виде скачущих мимо всадников. Строгие всадницы иллии никогда не отвечали, но Эмерсон и молодой Джома махали ошеломленным жителям деревень, вызывая иногда неуверенные приветствия. Сара смеялась, присоединяясь к их проделкам, которые превращали скачущую галопом процессию в веселый парад.

Когда лошади уже казались сильно уставшими, проводники свернули в лес, где ждали еще две женщины, одетые в замшу и говорящие с акцентом, который показался Саре мучительно знакомым. Отряд ждала горячая пища — а также дюжина свежих лошадей.

Кто— то здесь очень хороший организатор, подумала Сара. Ела она стоя — ароматную вегетарианскую еду. Ходьба помогла размять затекшие мышцы.

Следующий этап прошел легче. Одна из иллий показала Саре, как привставать на стременах,

чтобы компенсировать толчки при езде. Сара была ей благодарна, но все же продолжала удивляться.

Где все эти люди жили все время?

Дединджер, пустынный пророк, поймал взгляд Сары, готовый обсудить с ней загадку, но она отвернулась. Привлекательность интеллекта не стоила того, чтобы страдать от его характера. Свободное время Сара предпочитала проводить с Эмерсоном. Тот хоть и не говорит, но раненый космонавт добрая душа.

Южнее Большого Болота деревни стали встречаться реже. Но здесь процветали треки: от высоких культурных груд, знаменитых своей травяной индустрией, до диких квинтетов, квартетов и маленьких трио колец, усваивающих разлагающуюся материю, как делали их предки на забытой родной планете, прежде чем какая-то раса патронов вывела их на Тропу Возвышения.

Сара представляла себе геометрические дуги, это помогало ей отвлечься от жары и скуки; она погружалась в мир парабол и волнообразных линий, свободных от времени и пространства. К тому времени когда она вновь подняла голову, над широкой рекой слева от них уже сгущались сумерки, а на другом берегу виднелись слабые

огоньки.

— Переход Трейболда. — Дединджер всмотрелся в поселок, скрытый под маскирующими растениями. — Кажется, жители поступили разумно, хотя это и неудобно для таких путников, как мы.

Жилистый мятежник казался довольным. Сара задумалась.

Он имеет в виду мост? Неужели местные фанатики разрушили его без приказа мудрецов?

Двер, ее много путешествовавший брат, описывал мост через Гентт как чудо маскировки. Мост кажется беспорядочной путаницей сломанных деревьев. Но даже это сегодня не удовлетворяет фанатичных последователей Свитков.

В сумерках она разглядела обгоревшие остатки моста — от одной отмели до другой.

Точно как в деревне Бинг дома. Что в мостах так привлекает разрушителей?

В эти дни любой предмет, изготовленный с умом, может стать целью фанатиков.

Мастерские, дамбы и библиотеки исчезнут. Мы последуем за глейверами в благословенное забытье. Ересь Дединджера окажется верной, а ересь Ларка — ошибочной.

Сара вздохнула. Моя всегда была наименее

вероятной.

Несмотря на то что попал в плен, Дединджер казался абсолютно уверенным в конечной победе своего дела.

— Теперь наши молодые проводницы проведут немало дней, пытаясь нанять лодки. Больше не будет спешки и попыток оттянуть Судный День. Как будто взрывники и их друзья могут изменить предначертанное судьбой.

— Заткнись, — сказал Курт.

— Знаешь, я всегда считал, что ваша гильдия будет на нашей стороне, когда придет время расстаться с тщеславием и пойти по Тропе Избавления. Разве тебя это не раздражает: всю жизнь готовиться взрывать и в самый критический момент воздержаться?

Курт отвернулся.

Сара ожидала, что всадницы направятся к ближайшей рыбацкой деревне. Лодка хунов достаточно велика, чтобы перевезти по одной лошади за раз, хотя медленное продвижение сделает иллий заметными для всех ротозеев в округе на дюжину лиг.

Может, их поселок в этой чаще?

Но и через эту местность проходят охотники и очистители. И никакой клан всадников не может

здесь скрываться целых сто лет!

Запутавшись в лабиринте деревьев и холмов, Сара следила за всадницей перед собой. Ей не хотелось заблудиться в темноте и остаться одной.

Тропа постепенно поднималась, и вскоре впереди открылась панорама холмов, расположенных на равных промежутках, окруженных углублениями с густой растительностью. Судя по симметричному расположению, Сара догадалась, что это руины буйуров.

Но тут что-то другое привлекло ее внимание, и она забыла об археологии. Блеск на западе, за много миль отсюда.

Широкие плечи горы закрыли большой участок звездного неба.

У вершины горели красные и оранжевые огни.

Текущая лава.

Кровь Джиджо.

Вулкан.

Сара помигала. Неужели это действительно…

«Нет, — сказала она себе. — Это не Гуэнн. Это гора Блейз».

— Если бы это было нашей целью, Сара, все было бы гораздо проще, — заговорил поблизости Курт. — Но увы, кузнецы горы Блейз консервативны. Они не желают участвовать в тех хобби и

в том времяпрепровождении, которыми занимаются там, куда мы направляемся.

Хобби? Времяпрепровождение? Неужели Курт хочет сбить ее своими загадками?

— Неужели ты говоришь, что мы отправимся до самой…

— До другой большой кузницы? Да, Сара. Не волнуйся, мы туда доберемся.

— Но мост разрушен! Потом пустыня, а за ней Спект.

Сара смолкла: отряд начал спуск в колючие заросли между двумя холмами. Трижды всадники спешивались, чтобы преодолеть преграды, которые выглядели как камни или поваленные стволы деревьев. Наконец они добрались до небольшой поляны, где проводников ожидала еще одна группа одетых в кожу всадниц. Горел костер и приятно пахло едой.

Несмотря на тяжелый день, Сара сама расседлала свою лошадь и растерла ее щеткой. Ела она стоя, сомневаясь, сможет ли когда-нибудь сидеть.

Надо проверить, как Эмерсон. Убедиться, что он принял лекарство. Может, ему потребуется рассказ или песня, чтобы УСПОКОИТЬСЯ после всего этого.

Рядом появилась маленькая фигурка, нервно переминаясь.

Не — Ходить — Дыра. — Прити жестикулировала проворными руками. — Страшно — Дыра.

Сара нахмурилась.

— О какой дыре ты говоришь?

Шимпанзе взяла Сару за руку и потащила к нескольким иллиям, которые перекладывали багаж в большой, но приземистый ящик.

Фургон, поняла Сара. Большой, на четырех колесах, вместо обычных двух. В него впряжены свежие лошади, но куда они его потянут? Конечно, не в окружающую чащу!

И тут Сара увидела «дыру», о которой говорила Прити, — зияющее отверстие у основания холма. Отверстие с гладкими стенами и ровным полом. По центру туннеля проходит тонкая блестящая полоска, продолжая спускаться, пока не исчезает из виду.

Джома и Курт уже были в фургоне, за ними был привязан Дединджер, на аристократическом лице которого застыло удивленное выражение.

На этот раз Сара была согласна с мудрецом еретиком.

Эмерсон стоял у входа в шахту и вопил, как мальчишка, с помощью эха исследующий свою

первую пещеру. Звездный человек улыбался, он казался вполне счастливым. Протянул руку Саре. Сара глубоко вдохнула и взяла ее.

Что ж, готова поспорить: Двер и Ларк никогда ничего подобного не испытывали. Может, на этот раз у меня окажется самая интересная история.

ОЛВИН

Я застал друзей в тусклом помещении, где все очертания скрывал неподвижный туман. Хоть без костылей я хромал, мои неловкие шаги были совершенно беззвучными, когда я приблизился к силуэтам Гек и Ур-ронн. Маленькая Хуфу сидела на панцире Клешни. Все смотрели в другую сторону, куда-то вниз, на мягкое свечение.

— Эй, что происходит? — спросил я. — Неужели никто не будет приветствовать.

Гек повернула ко мне один из глазных стебельков.

— Да-мы-рады-тебя-видеть-а-сейчас-заткнись-и-иди-сюда.

Мало кто из жителей Склона может так все втиснуть в единое слово на галактическом три. Но такое мастерство не извиняло ее грубость.

— То-же-самое-тебе-существу-слишком-погло-

щенному-чтобы-проявить-обычную-вежливость, — в том же духе ответил я.

Пробираясь вперед, я заметил, что мои товарищи изменились. Шкура Ур-ронн блестела, колеса Гек выглядели совершенно целыми, а панцирь Клешни был залечен и начищен. Даже Хуфу казалась гладкой и довольной.

— Что это? — начал я. — На что вы все смотрите.

Я смолк, заметив, на чем они стоят, — на балконе без перил, выходящем на источник прохлады и бледного свечения. Куб, длиной по меньшей мере в два хунских роста, светлого желто-коричневого цвета. Окутанный туманом, который сам же испускал, и без единого украшения на поверхности, за исключением символа на одной стороне. Спираль с пятью рукавами и шарообразным центром, пересеченная вертикальной линией.

Как бы низко ни пали жители Склона, как бы далеко ни остались времена, когда их предки жили среди звездных богов, эту эмблему знает каждая личинка и каждый ребенок. Нанесенная на каждый экземпляр священных свитков, она вызывает благоговейный страх, когда пророки и мудрецы говорят об утраченных чудесах. На этом

замороженном обелиске она может означать только одно: что мы стоим рядом с источником знаний, настолько обширным, что никто на Джиджо даже представить себе это не может. Если бы экипаж «Обители» сохранил печатные механизмы и книги печатались бы до сегодня, они могли бы вместить лишь ничтожную долю того, что сейчас перед нами, сокровищницы, которая зародилась раньше многих звезд на небе.

Великая Библиотека цивилизаций Пяти Галактик.

Я слышал, что такие моменты у великих умов порождают красноречие.

— Ух ты! — заметил Клешня.

Ур-ронн оказалась не такой лаконичной.

— Вопросы, — протянула она. — Вопросы, которые мы можем задать.

Я толкнул Гек.

— Ну, ты ведь говорила, что хочешь найти что-нибудь почитать.

Впервые за все годы, что я ее знаю, наша маленькая подруга на колесах утратила дар речи. Ее стебельки дрожали. И единственный звук, который она издала, был негромкий вздох.

АСКС

Если бы только у нас/меня были ноги, способные бежать, Я/мы воспользовался бы ими и побежал.

Если бы у нас/меня были когти, чтобы копать, Я/мы выкопал бы нору и спрятался.

Если бы у нас/меня были крылья, Я/мы улетел бы отсюда.

Но поскольку этими полезными искусствами мы не владеем, члены нашей груды едва не постановили навсегда отгородиться от мира, отречься от объективной вселенной и подождать, пока непереносимое не уйдет.

Но оно не уйдет.

Об этом напоминает наше второе кольцо мысли.

Многие из жирных слоев мудрости, покрывающих наш престарелый сердечник, отложились после чтения ученых книг или долгих бесед с другими мудрецами. Эти полосы философского воска согласны с нашим вторым кольцом. Как ни трудно это признать треки, космос не исчезает, когда мы замыкаемся в себе. Об этом свидетельствуют логика и наука.

Вселенная продолжает существовать. Одно за другим происходят важные события.

Тем не менее очень трудно повернуть наши дрожащие сенсорные кольца к горе-дредноуту, который только что опустился с неба и чей корпус словно заполнил всю долину и все небо.

Еще трудней смотреть в люк в борту огромного корабля, в это отверстие, которое шире самого большого здания города Тарек.

Но труднее всего — смотреть на худшее из всех возможных зрелищ, на этих родичей, от которых так давно бежали треки.

На сильных и страшных — на могучих джофуров.

Какими великолепными они кажутся, эти сверкающие кольца, раскачивающиеся на фоне освещенного портала, без жалости глядящие на искалеченную страшным весом их корабля долину. Долину, кишащую полуживотными, смешанными отбросами, дикими потомками беженцев.

Изгнанниками, которые полагали, что смогут избежать неизбежного.

Граждане Общины в страхе перешептываются, все еще не пришедшие в себя от увиденного: меньший корабль ротенов, сила которого мно-

го месяцев приводила нас в ужас, беспомощно прижат и заключен в смертоносную светящуюся оболочку.

Да, мои кольца. Я/мы чувствую, как некоторые — самые быстрые и благоразумные — убегают, исчезают еще до того, как стихает гул приземления. Другие неразумно приближаются к гигантскому кораблю, притягиваемые любопытством или благоговением. Возможно, фигуры, которые они видят, не связываются в их сознании с представлением об опасности.

Безвредный, как треки, так у нас говорят. В конце концов, чем могут грозить груды жирных колец?

О, мои/наши бедные невинные соседи. Скоро вы это узнаете.

ЛАРК

В ту ночь ему снился тот момент, когда он в последний раз видел улыбку Линг — до того, как ее и его мир безвозвратно изменился.

Казалось, это было так давно, во время ночного, при свете луны, молчаливого паломничества мимо выходов вулканических испарений и крутых утесов, в единой надежде, в преклонении

перед Святым Яйцом. Процессию составляли двенадцать дюжин одетых в белое паломников: квуэнов и г'кеков, треки и уров, людей и хунов; все они по тайной тропе поднимались к священному месту. И впервые с ними были гости из космоса: повелители ротены и два человека-даника, а также их охранные роботы; все они собирались присутствовать при ритуале единства причудливого варварского племени.

Ему снились последние мирные моменты этого паломничества, прежде чем единство было разорвано словами чужаков и делами фанатиков. И особенно улыбка на ее лице, когда она сообщила ему радостную новость.

Летят корабли. Множество кораблей.

Пора всем вам вернуться домой.

Два слова по-прежнему дрожали, как искры в ночи. Ритмично разгорались, когда он во сне тянулся к ним.

корабли.

домой.

корабли.

домой.

Одно слово во сне исчезло — он не мог сказать, какое именно. За второе ухватился, и его огненное свечение усилилось. Странный свет,

стремящийся на свободу. Он проходит сквозь плоть, сквозь кости. Свет все проясняет, предлагает показать ему все.

Все, кроме…

Но она исчезла. Ее забрало исчезнувшее слово.

Из ночного кошмара Ларка, закутавшегося в теплое одеяло, вырвала боль. Правда, рука была прижата к груди, и от нее исходили волны боли.

Ларк тяжело вздохнул и левой рукой один за другим разжал пальцы правой. Что-то прокатилось по его раскрытой ладони.

Каменный осколок Святого Яйца, тот самый, что он еще мятежным ребенком отколол и с тех пор носил с собой как наказание. Во сне он видел, как разгорячается этот осколок, пульсирует в ритм с его сердцем.

Ларк смотрел на блеклый навес над головой и на участки звездного неба.

Я остался во тьме на Джиджо, подумал он. Ему очень хотелось снова увидеть сияние, заполнявшее сон. Сияние, которое, казалось, способно осветить самые далекие дали.

Позже в тот же день, когда нервничающий солдат милиции принес к ним в палатку поднос с завтраком, Линг заговорила с ним.

— Послушай, это глупо, — сказала она. — Каж-

дый из нас ведет себя так, словно другой — отродье дьявола. У нас нет времени для перебранок: и мои и твои люди идут по курсу, который грозит трагическим столкновением.

Ларк думал о том же, хотя ее мрачный испуг показался ему чрезмерным. Линг откровенно посмотрела ему в глаза, как будто хотела наверстать упущенное время.

— Я бы сказал, что столкновение уже произошло, — заметил он.

Поджав губы, она кивнула.

— Верно. Но несправедливо обвинять всю вашу Общину за действия меньшинства, которое не получало одобрения или…

Он коротко горько рассмеялся.

— Даже пытаясь быть искренней, ты остаешься снисходительной, Линг.

Она несколько мгновений смотрела на него, потом кивнула.

— Ладно. В сущности, ваши мудрецы фактически — постфактум — санкционировали нападение фанатиков, захватив нас в плен и угрожая шантажом. Справедливо будет сказать, что мы уже…

— В состоянии войны. Верно, дорогая бывшая нанимательница. Но ты обошла наш casus

belli. — Ларк понимал, что его грамматика может хромать, но ему хотелось показать, что даже дикарь может ввернуть латинское выражение. — Мы боремся за свою жизнь. И теперь мы знаем, что ротены с самого начала замыслили геноцид.

Линг посмотрела мимо него туда, где врач г'кек извлекал все большее количество жидкости из дыхательных щелей квуэна, который без сознания лежал в глубине убежища. Она несколько месяцев работала рядом с Утеном, оценивая местные образцы с точки зрения возможного Возвышения. Болезнь серого квуэна не абстракция.

— Поверь мне, Ларк, я ничего не знаю об этой болезни. Не знаю и о том трюке, который предположительно сыграли ротены, пытаясь действовать через ваше Яйцо.

— Предположительно? Ты полагаешь, у нас есть технология, способная на подобное? По-твоему, это обман?

Линг вздохнула.

— Я не отказываюсь полностью от этой идеи. С самого начала вы, джиджоанцы, играли на наших предположениях. На нашей готовности принимать вас за невежественных варваров. Нам потребовались недели, чтобы узнать, что вы все еще владеете грамотностью. И только в

последнее время мы поняли, что у вас есть сотни, может, даже тысячи книг!

Прежде чем Ларк понял, как много выдает его выражение, на его лице появилась ироническая улыбка.

— Больше? Гораздо больше? — Линг недоверчиво смотрела на него. — Но где они? Клянусь бородой фон Даника, где они?

Ларк отставил еду, к которой почти не притронулся. Протянул руку к своему рюкзаку и достал толстый, переплетенный в кожу том.

— Не могу сказать, сколько раз я хотел показать тебе это. Теперь, вероятно, это уже не имеет значения.

Жестом, который Ларк оценил, Линг вначале вытерла руки и только потом взяла книгу и принялась осторожно переворачивать страницы. Ларк скоро понял, что то, что казалось ему почтением, на самом деле было неопытностью. У Линг просто не было практики в пользовании бумажными книгами.

Вероятно, она раньше видела их только в музеях.

Мелкий шрифт чередовался с литографированными иллюстрациями. Линг восклицала, разглядывая плоские неподвижные изображения.

Многие из нарисованных здесь видов проходили и через исследовательскую лабораторию даников, где много месяцев она и Ларк вместе искали животных, нужных хозяевам ротенам.

— Насколько стар этот текст? Вы нашли его здесь, среди этих развалин? — Линг указала на предметы, сохраненные мульк-пауком, реликты давно улетевших буйуров, запечатанные в янтарные коконы.

Ларк застонал.

— Ты по-прежнему это делаешь, Линг. Во имя Ифни! Книга написана на англике!

Она энергично кивнула.

— Конечно. Ты прав. Но тогда кто…

Ларк наклонился и раскрыл титульную страницу.

НЕЗАВИСИМОЕ ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СКЛОНА НА ДЖИДЖО

— Это первая часть. Часть вторая состоит преимущественно из набросков. Я сомневался, что мы доживем до окончания третьего тома, поэтому оставил пустыни, моря и тундру кому-то другому.

Линг смотрела на страницу, проводила пальцами по двум строкам, набранным мелким

шрифтом под названием. Потом посмотрела на Ларка и перевела взгляд на умирающего квуэна.

— Верно, — сказал он. — Ты живешь в одной палатке с обоими авторами. И поскольку я дарю тебе этот экземпляр, у тебя есть редкая возможность. Хочешь получить автографы обоих авторов? Вероятно, ты последняя, у кого есть такая возможность.

Но его горький сарказм пропал зря. Она явно не поняла слово «автограф». Во всяком случае, снисходительного захват чика-чужака тут же сменила Линг-исследователь. Перелистывая книгу, она что-то бормотала, читая каждую главу.

— Это принесло бы огромную пользу во время нашего исследования!

— Поэтому я и не показывал его тебе.

Линг ответила коротким кивком. Учитывая их несогласие по поводу справедливости генного грабежа, его отношение вполне понятно.

Наконец она закрыла том, погладила переплет.

— Этот подарок — для меня большая честь. Это достижение. Не могу даже представить себе, какие усилия потребовались, чтобы создать это — в таких обстоятельствах и только вами двумя.

— С помощью других и стоя на плечах предше-

ственников. Так создается наука. Предполагается, что каждое поколение знает больше, добавляет нечто к тому, что знали предшественники.

Он замолчал, осознав, что говорит.

Прогресс? Но это ересь Сары. А не моя!

Но почему мне так горько? Что с того, что эпидемия может уничтожить все разумные существа на Джиджо? Разве совсем недавно это не казалось тебе благословением? Разве это не идеальный способ быстро покончить с существованием незаконной колонии? С пагубным вторжением, которое никогда не должно было произойти?

За время болезни Утена Ларк кое-что понял — смерть может отвлеченно казаться желательной, но совсем другое дело, когда она подходит к тебе и касается тебя лично.

Если бы выжил еретик Харуллен, возможно, он помог бы Ларку держаться за свою веру в галактический закон, который по важным основаниям запрещает поселения на невозделанных мирах. Нашей целью было искупление эгоистического греха предков. Мы должны были помочь Джиджо избавиться от заражения.

Но Харуллен погиб, разрезанный на куски роботом ротенов, и теперь Ларк охвачен сомнениями.

Я предпочел бы, чтобы была права Сара. Если бы я только увидел в этом благородство. Что-то такое, что стоит выдержать. Ради чего стоит бороться.

На самом деле я не хочу умирать.

Линг снова принялась просматривать руководство. Лучше всякого другого она была способна оценить труд, которому они с Утеном посвятили большую часть своей взрослой жизни. Ее профессиональная оценка помогла преодолеть разделявшую их пропасть.

— Хотела бы я подарить тебе что-нибудь равноценное, — сказала она, снова встретившись с его взглядом.

Ларк задумался.

— Ты серьезно этого хочешь?

— Конечно.

— Хорошо, тогда подожди. Я сейчас вернусь.

В глубине убежища врач г'кек жестом глазных стебельков показал, что положение Утена не изменилось. Хорошая новость, так как до сих пор все перемены были к худшему. Ларк погладил хитиновый панцирь друга; ему хотелось, чтобы и в своем беспамятстве Утен почувствовал его поддержку.

— По моей вине ты подцепил эту заразу, старый

друг. Я заставил тебя пойти с собой в развалины станции поискать секреты чужаков. — Он вздохнул. — Не могу загладить свою вину. Но то, что у тебя в мешке, может помочь другим.

Он взял сумку Утена и отнес ее к Линг. Порывшись, отыскал несколько плоских, прохладных на ощупь предметов.

— Мы нашли кое-что, и ты можешь помочь мне прочесть это. Если серьезно хочешь выполнить свое обещание.

Он вложил ей в руку один из плоских ромбов, светло-коричневый и гладкий, как стекло, со спиральной эмблемой на поверхности.

Линг несколько дуров смотрела на ромб. А когда подняла голову, у нее появилось какое-то новое выражение. Неужели уважение к тому способу, с помощью которого он загнал ее в УГОЛ? Использовал единственное общее их качество — сильнейшее чувство чести?

Впервые с момента их встречи Линг словно признала, что имеет дело с равным.

АСКС

Успокойтесь, мои кольца. Никто не может заставить вас против воли гладить воск.

Как треки, каждый из нас полностью независим, волен не пробуждать невыносимые воспоминания, пока не готов к этому.

Пусть воск еще немного остынет, — требует большинство колец, — прежде чем мы решимся посмотреть на него.

Пусть самый недавний ужас подождет.

Но наше второе кольцо мысли возражает. Оно настаивает: мы/я не должны больше оттягивать встречу с ужасной новостью о прибытии на Джиджо джофуров, наших страшных родичей.

Наше второе кольцо мысли напоминает нам загадку солипсизма — ту самую головоломку, которая заставила наших основателей бежать из Пяти Галактик.

Солипсизм. Миф о «я», имеющем первостепенное значение.

На том или ином уровне развития все смертные существа рано или поздно проходят через эту концепцию. Индивид может воспринимать других зрением, осязанием или эмпатией и все же считать их собственным вымыслом или автоматами. Карикатурами, не имеющими значения.

При солипсизме мир существует только для индивида.

Если рассмотреть эту концепцию беспристраст-

но, она кажется безумной. Особенно для треки, потому что ни один из нас не в состоянии преуспевать или мыслить в одиночестве. Но для честолюбивых созданий эготизм может оказаться полезен, заставляя их целеустремленно добиваться успеха.

Безумие кажется необходимым для достижения «величия».

Земные мудрецы знакомы с этим парадоксом по своей длительной изоляции. Невежественные и одинокие, земляне переживали одно странное суеверие за другим, фанатично испытывая концепции, на которые возвышенное существо не затратит и дура. Согласно сказаниям волчат, люди непрерывно боролись со своим всепоглощающим эго.

Некоторые пытались подавить эготизм, найти отвлечение от него. Другие свои личные амбиции вкладывали в нечто большое: в семью, в религию, в лидера.

Позже они прошли через фазу, когда индивидуализм превозносился как высшая добродетель. Люди учили свою молодежь раздувать эго за пределы естественных границ или пределов. В архиве Библоса есть труды, созданные в эту эру эго, и в них на каждой странице пылает правед-

ный, самодовольный гнев.

Наконец, непосредственно перед контактом, сформировалась новая концепция.

В некоторых текстах для ее описания используется слово «зрелость».

Мы, треки, только что возвышенные из печальных болот своей родины, казались в безопасности от достижения величия, какими бы умениями и искусствами ни наделили кольца наши патроны, благословенные поа. О, нам было приятно соединяться в высоких мудрых грудах. Собирать ученый воск и летать меж звездами. Но к раздражению наших патронов, нас никогда не привлекало соперничество кланов и фракций, которое разрывает Пять Галактик. Нам всегда казались нелепыми фанатизм и лихорадочное честолюбие.

Тогда поа пригласили специалистов. Оайлие.

Оайлие в своей мудрости пожалели нас. Они наделили нас орудием достижений. Способом стать великими, Оайлие дали нам новые кольца.

Кольца власти.

Кольца эгоистической славы.

Кольца, которые превратили простых треки в джофуров.

Слишком поздно и мы, и наши патроны поа

усвоили урок — всякое честолюбие имеет свою цену.

* * *

Мы бежали, не правда ли, мои кольца?

Некоторым треки чудом удалось сбросить «дар» оайлие и спастись.

От тех дней уцелело лишь несколько восковых запоминающих кристаллов-ячеек. Воспоминаний, пронизанных ужасом перед тем, во что мы превращались.

В то время наши предки не видели иного выхода, кроме бегства.

И однако угрызения совести пронизывают наш сердечник

Существовал ли иной путь?

Могли ли мы остаться и каким-то образом приручить эти ужасные новые кольца? Теперь исход предков кажется нам тщетным, не был ли он также и ошибочным?

Став высоким мудрецом, этот треки Аскс много думал над земными книгами, изучал одинокую длительную борьбу землян — непрерывную ожесточенную кампанию, направленную на подавление собственной глубоко солипсической природы Эта борьба была в самом разгаре, когда

люди вышли из земной колыбели и вступили в контакт с галактической цивилизацией.

Асксу в своих исследованиях не удалось прийти к окончательному заключению, однако я/мы отыскал мучительные намеки.

Похоже, что фундаментальным необходимым ингредиентом является совесть.

Да, мои кольца?

Что ж, очень хорошо. Второе кольцо мысли переубедило большинство.

Мы/я снова обратимся к раскаленно-ужасному восковому следу недавних воспоминаний.

Блестящие конусы смотрели на смущенных зрителей, толпившихся на искалеченной поляне. С высокого балкона в огромном борту корабля-горы полированные груды жирных ко леи роскошно капали, разглядывая толпившихся внизу дикарей — нас, ошеломленных членов шести изгнанных рас.

Меняющиеся цвета пробегали по их пухлым торам — следы быстрых споров. Даже на таком большом расстоянии я/мы чувствовал противоречия, разделяющие великих джофуров. Они спорили. Решали нашу судьбу.

Наши капающие мысли-потоки застывают, события прерываются.

Уже близко.

Мы очень близки к самым последним событиям. К настоящему.

Вы чувствуете его, мои кольца? Тот момент, когда наши великие родичи перестали спорить, что делать с нами? Среди этого злобного спора неожиданно возникла убедительная решимость. Командующий, могучие кольца, чья власть является верховной, уверенно принял решение.

Какая уверенность! Какая решимость! Она обрушилась на нас даже на расстоянии в шесть полетов стрелы.

И тут из могучего дредноута полилось нечто иное.

Лезвия адского пламени.

ЭМЕРСОН

Ему никогда особенно не нравились дыры. А эта одновременно пугала и интриговала Эмерсона.

Странное путешествие, поездка в деревянном фургоне, в который запряжена четверка лошадей; фургон со скрипом движется по проходу с пятнистыми стенами, который кажется бесконечно растянувшимися внутренностями. Единственное освещение исходит от слабо светящейся полоски.

Полоска исчезает в обоих направлениях, впереди и сзади.

Эта раздвоенность кажется поучительной. После прохода в отверстие на укромной лесной поляне время потеряло определенность: прошлое неясно, будущее тоже. Как вся его жизнь после того, как он вернулся в сознание в этом варварском мире, с дырой в голове и с миллионами темных промежутков там, где должны быть воспоминания.

Эмерсон чувствует, как это место вызывает в глубине его искалеченного мозга какие-то ассоциации. Корреляции, которые вопят и воют за преградами его амнезии. Страшные воспоминания держатся на самом пороге восприятия. Тревожные картины жалкого бормочущего ужаса, которые жалят и хлещут, когда он пытается их уловить.

Как будто кто-то охраняет их.

Странно, но это не заставляет его отказаться от попыток проникнуть за преграды. Он слишком много времени провел в обществе боли, чтобы бояться ее. Знакомый с ее причудами и обычаями, Эмерсон считает, что теперь знает боль так же хорошо, как себя самого.

Даже лучше.

Как добыча, которая устала спасаться бегством, поворачивается и выслеживает преследователя, Эмерсон идет по запаху страха, ищет его источник.

Но остальные не разделяют его чувства. Хотя лошади тяжело дышат, а их копыта стучат, все звуки в туннеле кажутся приглушенными, почти подобными смерти. Остальные путники нервно ежатся на узких сиденьях, их дыхание паром вырывается в холодный воздух.

Взрывник Курт кажется немного менее удивленным, чем Сара и Дединджер. Старик как будто подозревал наличие подземного прохода. Но и он продолжает посматривать в разные стороны, словно пытается уловить страшные движения в окружающей тени. Даже проводницы, молчаливые женщины-всадницы, кажутся неспокойными. Должно быть, они уже бывали здесь. Но Эмерсон видит, что туннель им не нравится.

Туннель.

Он произносит это слово, гордо добавляя его к списку возвращенных существительных.

Туннель.

Некогда этот термин означал для него нечто большее, чем дыра в земле. Тогда его делом была настройка могучих машин, которые позволяют

летать в черных глубинах космоса. Тогда это слово означало…

Но другие слова не приходят в голову. Даже образы не даются, хотя, как ни странно, уравнения потоком льются из того участка мозга, который поражен меньше центра речи. Уравнения, объясняющие туннель, объясняющие абстрактным, стерильным образом. Это нечто вроде многомерной трубы, которая проходит через предательские мели гиперпространства. Но, к сожалению, формулы не позволяют вернуть к жизни воспоминания.

В них нет предательского следа страха.

Невредимым остается и его никогда не обманывающее ощущение направления. Эмерсон знает, что туннель с гладкими стенами должен пройти под рекой, но вода не просачивается. Туннель — удивительное создание галактической технологии, построенное так, чтобы выдержать века и эпохи — пока не наступит время демонтажа.

На этой планете такое время давно наступило. И, когда Джиджо была объявлена невозделанной, это место должно было исчезнуть вместе с большими городами. Но кто-то недосмотрел, и машины — огромные разрушители, — и живые ядовитые озера сюда не пришли.

И вот теперь отчаявшиеся изгнанники пользуются этим туннелем, чтобы избежать взглядов с враждебного неба, неожиданно заполнившегося кораблями.

Деталей он по-прежнему не помнил, однако Эмерсон уже знал, что когда-то летел в космическом корабле вместе с Джиллиан, Ханнесом, Тш'т и экипажем «Стремительного».

Боль, которую сопровождало мгновенное мелькание лиц после каждого имени, заставила его хмыкнуть и закрыть глаза. Лица, по которым Эмерсон тоскует и отчаянно надеется никогда не увидеть вновь. Он знает, что каким-то образом принес себя в жертву, чтобы помочь остальным улететь.

Удался ли его план? Улетел ли «Стремительный» от этих страшных дредноутов? Или он страдал зря?

* * *

Его спутники дышат тяжело и потеют. Затхлый воздух действует на них, но для Эмерсона это всего лишь другая атмосфера. За долгие годы он дышал в разных типах атмосферы. По крайней мере здесь легкие получают кислород.

В отличие от ветров на зеленой-зеленой пла-

нете, где теплый день убьет вас, если откажет шлем.

Теперь он вспоминает, что его шлем действительно отказал — и в самое неподходящее время, когда он перебирался через путаницу сосущей полурастительности, отчаянно бежал к…

Громко вскрикнули Сара и Прити, разорвав нить его мысли и заставив посмотреть, что случилось.

На большой скорости фургон неожиданно въехал в расширившийся туннель, словно в желудок, где змея переваривает еду. Пятнистые стены исчезли в глубокой тени, и в этой тени стали смутно видны десятки громоздких предметов — трубообразные экипажи, изъеденные временем. Некоторые были погребены под каменными осыпями. Груда камней преграждала противоположный выход из подземного помещения.

Эмерсон поднял руку и погладил пленчатое существо, которое сидело у него на лбу, легкое, как шарф или вуаль. Реук задрожал при его прикосновении, опустился и закрыл прозрачной мембраной глаза. Некоторые цвета потускнели, другие стали ярче. Древние экипажи замерцали, словно призраки, как будто он смотрит на них не через пространство, а сквозь время. Почти

возможно представить себе их в движении, полных жизненной энергией, несущихся по паутине ходов, пронизывающих живую всепланетную цивилизацию.

Всадницы, сидевшие на облучке, натянули вожжи и всматривались вперед, окруженные ореолом напряжения, видимым благодаря реуку. Пленка показала Эмерсону их нервный суеверный страх. Для них это не безвредный склеп, полный пыльных древностей, а страшное место, где рыщут фантомы. Привидения из века богов.

Существо на лбу интересовало Эмерсона. Как этот маленький паразит передает эмоции — даже между существами, столь отличными друг от друга, как люди и треки, — и делает это без слов? Всякий, кто принес бы такое сокровище на Землю, был бы щедро вознагражден.

Эмерсон видел справа Сару: девушка успокаивала шимпанзе, держа ее на руках. Маленькая обезьяна съежилась в этой темной, не создающей эха пещере, но реук показывал, что страх Прити обманчив. Отчасти это игра! Способ отвлечь хозяйку от ее собственных клаустрофических страхов.

Эмерсон понимающе улыбнулся. Ореол, окружавший Сару, выдавал то, что понял и невоору-

женный глаз: молодая женщина расцветает, когда она кому-нибудь нужна.

— Все в порядке, Прити, — успокаивала она. — Тише. Все в порядке.

Фразы такие простые, такие знакомые, что Эмерсон понял их. Он слышал эти самые слова, когда лежал в бреду, в туманные дни после катастрофы. Нежная забота Сары помогла ему выбраться из ямы, полной темным пламенем.

Обширная пещера все тянулась, и только светящаяся полоска помогала не сбиться с курса. Оглянувшись, Эмерсон увидел молодого Джому, который сидел на последней скамье, сжимая в руках шапку, а дядя Курт в это время что-то неслышно объяснял ему, указывая на далекие потолок и стены, — может, рассуждал, что их удерживает.

Эмерсон раздраженно фыркнул. Что за мрачные спутники! Он бывал в местах бесконечно более опасных, чем этот безвредный склеп, некоторые из этих мест он может даже вспомнить! И если какую-то истину из своей прежней жизни он может припомнить, так это то, что веселое путешествие проходит гораздо быстрей, даже если ты в глубинах пространства или на пороге ада.

Из мешка у ног он вытягивает дульцимер,

который Арианна Фу дала ему в Библосе, в том разукрашенном зале с бесконечными коридорами, уставленными бумажными книгами. Не заботясь о молоточках, он кладет инструмент на колени и дергает за несколько струн. Звонкие ноты отрывают остальных от тревожных размышлений и заставляют посмотреть в его сторону.

И хотя поврежденный мозг Эмерсона не позволяет воспользоваться речью, он выработал свои способы подталкивать и уговаривать. Музыка исходит из другого участка мозга, как и песня.

Свободные ассоциации просеивают затуманенные хранилища его памяти. Ранние ящики и шкафы, не поврежденные позднейшей травмой. В одном из хранилищ он отыскивает песню о другом путешествии по узкой дороге. Песню, которая обещает надежду в конце пути.

И песня вырывается без его воли, целиком, голосом сильным, хотя и лишенным практики.

У меня был мул по имени Сал,

Он брел пятнадцать миль по каналу Эри.

Хороший работник и добрый приятель —

Пятнадцать миль по каналу Эри.
Мы тащили груз в те дни,
Груз леса, угля и сена,
И знали каждый дюйм пути
От Олбани до Буффало-о-о.

Среди этих теней нелегко рассеять тревогу спутников. Он и сам чувствует над собой тяжесть нависших скал и годов. Но Эмерсон отказывается поддаваться. Он громко поет, и вскоре припев подхватывает молодой голос Джомы, за ним нерешительно вступает Сара. Лошади настораживают уши. Они ржут и переходят на легкий галоп.

Подземный проход снова сужается, стены быстро сближаются. Впереди светящаяся линия уходит в последний туннель.

Вспыхивает краткое воспоминание, и у Эмерсона на мгновение перехватывает голос. Неожиданно он вспоминает другое внезапное падение: он ныряет в люк, который выходит в черноту вакуума, и падает, а вселенная охватывает его со всех сторон и сжимает.

И еще.

Ряд светло-синих глаз.

Древние.

* * *

Но песня живет собственной жизнью. Ее поток продолжает неудержимо выходить из какого-то жизнерадостного уголка его мозга, подавляя эти краткие ужасные образы, заставляя вызывающе хриплым голосом произнести следующее четверостишие.

Низкий мост, все вниз!

Низкий мост! Мы приближаемся к городу.

Вы всегда знаете своего соседа,

Всегда знаете приятелей,

Если когда-нибудь плыли по каналу Эри.

Спутники отшатываются от сближающихся стен. Прижимаются друг к другу, а отверстие несется им навстречу, стремясь снова проглотить их.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда подходит к концу длительный эпизод колонизации, наиболее распространенный метод очистки отходов на планете — контролируемая переработка. Там, где природные тектонические циклы предоставляют естественную втягивающую силу, собственные процессы конвекции могут расплавить и перемешать элементы, превращенные в орудия и другие результаты цивилизации. Материалы, которые в противном случае могли бы оказаться ядовитыми для вновь возвышающихся видов или воспрепятствовать им, таком образом устраняются из невозделанной среды, когда мир погружается в необходимую фазу сна.

Что происходит с этими переработанными материалами после того, как их втянуло в глубину, зависит от процессов, происходящих в мантии каждой планеты. Некоторые конвекционные системы превращают расплавленную субстанцию в руду с высокой степенью чистоты.

Некоторые смачивают просочившейся водой, тем самым стимулируются большие разливы жидкой магмы. Еще одним результатом может стать внезапный выброс вулканической пыли; эта пыль на короткое время окутывает всю планету, и впоследствии ее можно найти в осадочных слоях.

Любой из этих результатов может привести к большим изменениям в местной биосфере, а иногда и к полному ее исчезновению. Однако возникающее в результате таких процессов плодородие обычно оказывается благотворным, компенсирует урон и способствует развитию новых предразумных видов.

Из «Руководства по галактографии для невежественных земных волчат», специальная публикация Института Библиотеки Пяти Галактик, 42 год после контакта в частичное погашение долга 35 года.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» ХАННЕС

Суэсси испытывает ностальгию по человеческой жизни. Время от времени он даже хочет снова стать человеком.

Он, конечно, благодарен Древним за то, что они дали ему в том странном месте, которое называется Фрактальной системой, где чуждые существа превратили его постаревшее, отказывающееся функционировать тело в нечто гораздо более прочное. Без этого дара он давно был бы мертв, как камень, и так же холоден, как гигантские трупы, окружающие его в темном склепе кораблей.

Древние суда кажутся мирными, они с достоинством отдыхают. Соблазнительно думать об отдыхе, позволить эпохам проходить мимо, ни о чем не заботясь, не вступая в борьбу.

Но Суэсси слишком занят, у него нет времени, чтобы быть мертвым.

«Ханнес. — Голос раздается непосредственно в его слуховом нерве. — Две минуты, Ханнес. Я думаю, что тогда мы будем готовы возобновить резку».

Столб ослепительного света прорезает водяную черноту, отбрасывая яркий овал на изогнутый корпус земного корабля «Стремительный». Луч прожектора пересекают искаженные силуэты — длинные извивающиеся тени рабочих, одетых в герметические костюмы. Движения их медленны и осторожны.

Это гораздо более опасное царство, чем жесткий вакуум.

У Суэсси больше нет ни гортани, ни легких, чтобы выдувать через эту гортань, если бы она у него была, воздух. Но голос у него сохранился.

— Я готов, Каркаеттт, — передает он и прислушивается к тому, как нормально пульсирует его голос. — Не нарушайте расположение. Не отклоняйтесь.

Одна из теней поворачивается к нему. В жестком герметическом скафандре дельфиний хвост умудряется изогнуться в движении языка жестов.

Доверься мне или у тебя есть другой выбор?

Суэсси рассмеялся — его титановая грудная клетка задрожала, это новый способ смеха, сменивший прежние синкопированные выдохи. Не очень удовлетворительно, но Древние не видели особой пользы в смехе.

Каркаеттт со своей командой делал последние приготовления, а Суэсси руководил ими. В отличие от других групп экипажа «Стремительного» инженерная команда с каждым годом становилась все более закаленной и уверенной. Со временем им может уже не понадобиться присмотр — этот вспомогательный костыль — со стороны расы патронов. И когда этот день наступит, Ханнес удовлетворенно умрет.

Я слишком много видел. Потерял слишком много друзей. Когда-нибудь одна из преследующих фракций ити нас все же схватит. Или мы получим возможность обратиться к одному из великих Институтов и там узнаем, что во время нашего бегства по всей вселенной Земля погибла. В любом случае я не хочу этого видеть.

Древние могут забрать себе Ифни — проклятое бессмертие.

Суэсси восхищается тем, как работает его отлично натренированная команда, осторожно, но настойчиво приводя в движение специально созданный станок для разрезания. Его слух улавливает низкие звуки — песни кининк, которые помогают мозгу китообразных сосредоточиться на мыслях, для которых он не был предназначен. Инженерные мысли — те самые, которые дель-

финьи философы называют самой болезненной расплатой за возвышение.

Окружение не помогает — это гигантское кладбище давно мертвых космических кораблей, призрачная мешанина, погребенная в океанской пропасти, которую дельфины традиционно ассоциируют со своими наиболее загадочными культами и мистериями. Плотная вода словно усиливает каждый звук инструментов. Каждое движение механической руки своеобразно резонирует в плотном жидком окружении.

Возможно, англик и язык инженеров, но дельфины в моменты решений и действий предпочитают тринари. Каркаеттт произносит китовую хайку, в его голосе звучит уверенность:

В полной тьме,

Когда вращение циклоида становится ближе.

Берегись поспешности!

Режущий инструмент испускает язык пламени и касается корабля, который был их домом и убежищем и пронес их через невообразимые ужасы. Корпус «Стремительного», купленный Террагентским Советом у третьеразрядного дилера и переделанный для разведочного по-

лета, был гордостью землян. Первый корабль с преимущественно дельфиньим экипажем и капитаном-дельфином, который должен был проверить истинность утверждений миллиардолетней Великой Библиотеки цивилизаций Пяти Галактик.

Теперь капитан погиб вместе с четвертью экипажа. Их миссия превратилась в несчастье и для клана землян, и для Пяти Галактик. А что касается корпуса «Стремительного», некогда такого блестящего, несмотря на возраст, — теперь он покрыт мантией из такого темного материала, что по сравнению с ним воды пропасти кажутся светлыми. Эта материя поглощает протоны и придавливает корабль.

О, каким испытаниям мы тебя подвергли, дорогой.

Это всего лишь последнее испытание их бедного корабля.

Некогда необычные поля гладили этот корпус в галактическом течении, которое называется Мелким Скоплением. Здесь они наткнулись на огромный брошенный флот, таивший в себе загадку, не тронутую тысячами эпох. Иными словами, именно тогда все пошло вкось.

Свирепые лучи качнули корабль в следующем

пункте Морграна, где в смертоносной засаде корабль и его экипаж едва не были захвачены.

Починив корабль на ядовитом Китрупе, они едва сумели уйти от множества боевых судов. Ушли, поместив «Стремительный» в корпус теннанинского крейсера и добравшись до следующего пункта перехода ценой гибели многих друзей.

После этого Оакка, зеленая планета, показалась идеальным убежищем. Это сектор, отведенный Институту Навигации. Кто имеет лучшую квалификацию, чтобы оценить и сохранить их данные? Как объясняла тогда Джиллиан Баскин, их долг как граждан галактики передать проблему великим институтам, этим древним почтенным учреждениям, где беспристрастные хозяева снимут груз ответственности с усталого экипажа «Стремительного». Это казалось вполне логичным — и едва не погубило их. Предательство агентов этого «нейтрального» учреждения показало, как низко пала цивилизация в распространившемся смятении. Догадка Джиллиан спасла землян — и еще смелый рейд Эмерсона Д'Аните, захватившего базу заговорщиков с тыла.

И снова «Стремительный» вышел из испытания очищенным, но изношенным.

Они немного передохнули в Фрактальной

системе, в том обширном лабиринте, где им предоставили убежище древние существа. Но со временем это привело лишь к новому предательству, к новым потерям друзей и к бегству, которое увело их еще дальше от дома.

Наконец, когда дальнейшее бегство казалось уже невозможным, Джиллиан нашла в ячейке Библиотеки, которую они заполучили на Китрупе, нечто вроде выхода. Там описывался синдром «Тропы сунеров». Следуя этому намеку, Джиллиан проложила опасный курс, который мог привести к безопасности, хотя при этом приходилось пройти через лижущие языки пламени гигантской звезды, большей, чем орбита Земли, чья сажа покрыла «Стремительный» слоями настолько плотными, что корабль становился слишком тяжелым для подъема.

Но этот курс привел корабль на Джиджо.

С орбиты планета выглядела прекрасной. Плохо, что у нас был только этот беглый взгляд, прежде чем мы погрузились в пропасть и попали на кладбище кораблей.

Техники дельфины ориентировались на сонары, и под их руководством импровизированный резак начал работу над корпусом «Стремительного». Вода так яростно закипала, превращаясь

в пар, что пещеру внутри металлической горы заполнило гулкое эхо. Было опасно высвобождать столько энергии в замкнутом пространстве. Некоторые газы могут, соединившись, превратиться во взрывчатую смесь. Или их убежище можно будет обнаружить из космоса. Некоторые считали, что риск слишком велик, что лучше покинуть «Стремительный» и попытаться вернуть к жизни один из окружающих их древних корпусов.

И сейчас одна команда проверяет такую возможность. Но Джиллиан и Тш'т решили все же попробовать и это и попросили руководить группой восстановителей.

Этот выбор обрадовал Ханнеса. Слишком много он вложил в «Стремительный», чтобы сейчас сдаться. «В корабле больше от меня, чем в этом теле киборга».

Отвернув сенсоры от ядовитого пламени резака, он задумчиво посмотрел на груды кораблей, окружающих импровизированную пещеру. Они словно говорили с ним — пусть даже только в воображении.

У нас тоже есть свои истории, говорили они. Каждый из нас выпускался с гордостью, полный надежды, много раз искусно восстанавливался, почитаемый теми, кого мы защищали от ледяной

космической пустоты, — задолго до того, как твоя раса начала мечтать о звездах.

Суэсси улыбнулся. Когда-то все это могло произвести на него впечатление — мысль о кораблях, которым миллионы лет. Но теперь он знал нечто об этих древних корпусах.

«Вы хотите древности? — подумал он. — Я видел древность. Я видел корабли, по сравнению с которыми большинство звезд кажутся молодыми».

Резак производил огромное количество пузырей. Он вопил, направляя ионизированные залпы на черные слои всего в нескольких сантиметрах от себя. Но когда его наконец выключили, результат получился разочаровывающим.

— И это все, что мы удалили? — недоверчиво спросил Каркаеттт, глядя на небольшой участок, с которого был срезан углерод. — Да при таких темпах нам потребуются годы, чтобы снять все!

Помощник инженера Чачки, такая массивная, что скафандр на ней едва не лопался, заметила на тринари:

Загадочное скопление,
Прячущееся в тени Ифни, —
Куда уходит вся энергия?

Суэсси пожалел, что у него нет головы, чтобы покачать, или плеч, чтобы пожать ими. Вместо этого он издал в воде булькающий звук, подобно выброшенному на берег передовому киту:

ДЖИЛЛИАН

Человеку нелегко делать вид, что он чужак.

Особенно если этот чужак — теннанинец.

Полотнища обманчивого света окутывали Джиллиан, окружая эрзац-плотью, придав ей кожистую шкуру и приземистую фигуру. На голове ее поддельный гребень каждый раз, как она кивала, изгибался и подергивался. Всякий стоящий более чем в двух метрах от нее увидел бы сильного самца-воина с бронированной кожей и медальонами сотен звездных кампаний, а не стройную светловолосую женщину с усталыми глазами, врача, силой обстоятельств вынужденного командовать маленьким кораблем на войне.

Сейчас маскировка было очень хороша. Иначе и не могло быть. Она уже целый год совершенствует ее.

— Гр-фмф плите, — сказала Джиллиан.

Когда она впервые начала разгадывать эти

шарады, машина Нисс обычно переводила ее вопросы с англика на теннанинский. Но сейчас Джиллиан полагала, что владеет теннанинским лучше любого из людей. Наверное, даже лучше, чем Том.

Впрочем, он все равно звучит дико. Словно для развлечения пукает ребенок, едва научившийся ходить.

Временами самое трудное было не расхохотаться. Конечно, этого нельзя делать. Теннанинцы не славятся своим чувством юмора.

Она продолжила ритуальное приветствие.

— Фишмишингул парффул, мф!

В тусклом помещении очень холодно, холод исходит от углубления, в котором сидит приземистый куб цвета беж, создавая собственное слабое освещение. Джиллиан не могла не подумать о нем как о волшебной шкатулке — это приемник, сложенный во многих измерениях и содержащий больше, чем способен вместить весь корабль такого размера.

Она стояла на балконе без перил, замаскированная под внешность прежних владельцев ящика, и ждала ответа. Спиральный символ на поверхности ящика казался скользким на взгляд: эмблема словно искоса смотрела на нее, смотрела

из глубины души, гораздо более древней, чем ее собственная.

— Тофторф-ф парффул. Фишфинпумпи парффул.

Голос звучал гулко. Если бы она была настоящим теннанинцем, эти обертоны гладили бы ее гребень, вызывая уважительное внимание. Дома, земная ветвь библиотеки разговаривала как добрая бабушка, бесконечно терпеливая, опытная и мудрая.

— Я готов слушать, — прозвучал из кнопки в ее ухе перевод с теннанинского на англик. — А потом буду готов дать консультацию.

Это их постоянная торговля. Джиллиан не могла просто потребовать информацию у архива. Нужно было сначала что-то сообщить.

В обычных условиях это не представляло бы трудностей. Любая ячейка Библиотеки, установленная в большом космическом корабле, снабжена расположенными в контрольной рубке и в других помещениях камерами, которые собирают информацию для потомства. В обмен ячейка предоставляет быстрый доступ к мудрости, охватывающей два миллиарда лет цивилизации и сосредоточенной в Институте Библиотеки цивилизации Пяти Галактик, в его огромных, больше

планеты размерами, архивах.

Но только не у нас, подумала Джиллиан.

«Стремительный» никак нельзя назвать «большим космическим кораблем». Его собственная ячейка Библиотеки дешевая и маломощная, единственная, какую смогла себе позволить нищая Земля. Тот куб, что перед Джиллиан, гораздо большее сокровище, найденное на Китрупе в могучем военном крейсере, принадлежавшем богатому звездному клану.

Джиллиан хотела, чтобы куб считал, будто он по-прежнему находится на звездном крейсере и служит теннанинскому адмиралу. Отсюда и маскировка.

— Твои прямые наблюдательные устройства по-прежнему отсоединены, — объяснила она на том же языке. — Однако я принес недавние записи, сделанные портативными записывающими устройствами. Пожалуйста, прими и запиши эти данные.

Она сделала знак машине Нисс, своему умному помощнику-роботу в соседнем помещении. И немедленно рядом с кубом появилась серия ярких изображений. Картин подводной впадины, которую местные жители Джиджо называют «Помойкой». Картины были тщательно отредак-

тированы, чтобы убрать кое-что.

Мы играем в опасную игру, подумала Джиллиан, пока мерцающие голограммы показывали огромные груды древних остатков, разрушенных городов и покинутых кораблей. Идея заключалась в том, чтобы делать вид, будто теннанинский дредноут «Пламя Кронодора» по тактическим причинам прячется в этом царстве мертвых машин, причем делать это нужно было так, чтобы не показывать стройный корпус «Стремительного» или дельфинов и даже не раскрывать название и расположение планеты.

Если мы доберемся домой или до нейтральной институтской базы, по закону мы должны будем сдать эту ячейку. В случае анонимной передачи будет даже безопасней, чтобы ячейка знала о нас как можно меньше.

Впрочем, Библиотека может не так уж охотно пойти на сотрудничество с какими-то землянами. Лучше пусть считает, что имеет дело со своими официальными владельцами.

С катастрофы на Оакке Джиллиан сделала это своим главным личным проектом, пускаясь на разные уловки, чтобы вытянуть информацию у своей добычи. Во многих отношениях куб Библиотеки ценнее тех реликтов, которые они вывезли

из Мелкого Скопления.

На самом деле маскировка подействовала даже лучше, чем она ожидала. Некоторая добытая информация может оказаться жизненно важной для Террагентского Совета.

Конечно, если мы сможем вернуться домой.

С самого Китрупа, на котором «Стремительный» потерял лучшую часть своего экипажа, самых умных его членов, такое предположение казалось в лучшем случае сомнительным.

* * *

В одной частной области технологии люди двадцать второго столетия почти сравнялись с галактами, даже еще до контакта.

Голографические изображения.

Волшебники, мастера спецэффектов из Голливуда, Луанды и Аристарха первыми уверенно углубились в чуждое искусство. Такая мелочь, как отставание на миллиард лет, их не смущала. Через несколько десятилетий земляне могли утверждать, что овладели одной узкой сферой не хуже могущественных звездных кланов.

Умением виртуозно лгать с помощью картинок.

Тысячи лет, когда не нужно было бороться за

еду, мы рассказывали друг другу сказки. Лгали. Пропагандировали. Порождали иллюзии. Снимали кино.

Не владея наукой, наши предки пользовались магией.

Умением убедительно говорить неправду.

Тем не менее Джиллиан казалось чудом, что ее маскировка под теннанинца сработала так хорошо. Ведь «разум» этого куба чудовищно велик, но это совсем другой тип разума, со своими ограничениями.

Или, может быть, ему просто все равно.

По опыту Джиллиан знала, что куб воспримет почти все вводимое, если только картинки представляют собой правдоподобные сцены, которых он никогда не видел раньше. И вот перед кубом развернулась подводная панорама. На этот раз изображение передавалось по кабелю из западного моря. Его посылала исследовательская группа Каа, работавшая вблизи места, которое туземцы называют Склоном. Под яркими лучами прожектора мелькали древние здания, затонувшие, безглазые, лишенные окон. Эта обширная площадь была даже больше той, где скрывается «Стремительный». Собрание артефактов, накопленных культурой планеты за миллион лет.

Наконец каскад изображений прекратился.

Последовала краткая пауза, Джиллиан нервно ждала. Затем ящик заметил:

— Поток событий не связан с предыдущими. Происшествия не соответствуют причинно-темпоральному порядку, соотнесенному с инерциальными движениями этого корабля. Это результат упоминавшихся выше повреждений, полученных в бою?

В ответ она, как всегда, выдала все ту же историю:

— Верно. До завершения полного ремонта наказания за несоответствия могут быть занесены в отчет о полете «Пламени Кондора». А сейчас подготовься к консультации.

На этот раз задержки не было.

— Задавай вопросы.

С помощью зажатого в левой руке передатчика Джиллиан связалась с машиной Нисс, ждавшей в соседнем помещении. Шпион тимбрими немедленно начал посылать запросы — потоком мерцающих огоньков, за которыми не могло бы уследить ни одно органическое существо. Вскоре обмен пошел в обоих направлениях — поток такой мощности, что Джиллиан пришлось отвернуться. Возможно, в этом потоке есть данные,

которые будут полезны экипажу «Стремительного», увеличат его шансы на выживание.

Сердце Джиллиан забилось быстрей. В этом моменте есть собственные опасности. Если поблизости сканирует пространство какой-нибудь корабль — возможно, один из преследователей «Стремительного», — детекторы на его борту зафиксируют повышенный уровень цифровой активности в этом районе.

Но океан Джиджо создает хорошую защиту, как и окружающие горы брошенных космических кораблей. И стоит рискнуть.

Если бы только большая часть информации, передаваемой кубом, не была такой непонятной! Она явно предназначалась для космических путешественников, гораздо более опытных и знающих, чем экипаж «Стремительного».

И что еще хуже, у нас кончается то любопытное, что мы можем показать Библиотеке. Без свежих данных она может отказаться отвечать. Откажется вообще сотрудничать.

Именно по этой причине она вчера решила привести четверых туземных подростков в это туманное помещение и представить архиву. Поскольку Олвин и его друзья не знают, что они на борту земного корабля, вряд ли они смогут

что-то выдать, а их воздействие на Библиотеку может оказаться полезным.

И верно, куб заинтересовался уникальным зрелищем ура и хуна, дружелюбно стоящих рядом. А одного существования живого г'кека было вполне достаточно, чтобы удовлетворить пассивное любопытство архива. Вслед за этим он охотно выдал поток требуемой информации о различных типах судов, окружающих «Стремительный» на этой подводной свалке, включая параметры, на которые рассчитаны древние буйурские приборы.

Это очень полезно. Но нам нужно больше. Гораздо больше.

Вероятно, очень скоро я буду вынуждена платить настоящими секретами.

У Джиллиан есть несколько очень неплохих тайн, если она осмелится ими воспользоваться. В ее кабинете, всего в нескольких дверях отсюда, лежит мумифицированный труп возрастом свыше миллиарда лет.

Херби.

Чтобы захватить этот реликт — и узнать координаты того места, где его нашли, — «Стремительный» после Китрупа преследует большинство фанатичных псевдорелигиозных кланов Пяти Галактик.

Размышляя о холодном кубе цвета беж, Джиллиан подумала:

«Бьюсь об заклад: если бы я позволила тебе бросить хоть один взгляд на Херби, тебя хватил бы припадок и ты выдал бы все данные, которые запас внутри».

Забавно, ничто во всей вселенной не сделало бы меня счастливей, чем если бы никогда не видели эту проклятую штуку.

Девочкой Джиллиан мечтала о межзвездных полетах, о том, что будет совершать смелые, запоминающиеся поступки. Вместе с Томом они планировали свои карьеры — и брак — с единственной целью. Встать на самый край между Землей и загадками опасного космоса.

Вспомнив эти наивные мечты и то, как экстравагантно они оказались осуществлены, Джиллиан едва не рассмеялась вслух. Но, сжав губы, умудрилась сдержать горькую иронию, не издав ни звука.

Сейчас она должна сохранять внешность достойного теннанинского адмирала.

Теннанинцы не ценят иронию. И никогда не смеются.

СУНЕРЫ
ЭВАСКС

Вам пора уже привыкнуть к этому, Мои кольца.

То пронизывающее ощущение, которое вы испытываете, это Мои волоконца контроля, спускающиеся по нашей общей сердцевине, обходя медленные, старомодные восковые следы, пронизывая ваши многочисленные торы, привязывая их друг к другу, приводя их в новый порядок.

Начнем урок. Я научу вас быть покорными слугами чего-то большего, чем вы сами. Больше вы не груда плохо скрепленных компонентов, вечно спорящих, парализованных нерешительностью. Больше никаких бесконечных голосований в надежде сохранить единство этого хрупкого, эфемерного «я».

Именно так жили наши примитивные груды-предки, медлительно и свободно размышляли в богатых запахами болотах планеты Джофекка. Звездные кланы не обращали на нас внимания, считая неподходящим материалом для возвышения. Но великие, подобные слизнякам поа

увидели потенциал наших меланхоличных предков и начали возвышать эти непривлекательные груды.

Увы, спустя миллионы лет наш медлительный, вялый характер начал раздражать поа.

И они наняли изобретательных оайлие, чтобы создать нам новые кольца. Кольца, которые будут подгонять, руководить и заставлять стремиться вперед. Генетическое мастерство оайлие так велико, что они никогда не терпели поражений.

И КАКИМ ЖЕ БЫЛ ИХ ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ ДАР?

Новые амбициозные кольца.

Кольца власти.

ПОДОБНЫЕ МНЕ.

ОЛВИН

Это проба. Я испытываю совершенно новый способ описания.

Если это можно назвать «письмом»: я говорю вслух и наблюдаю, как в воздухе над маленькой коробочкой, которую мне дали, появляются предложения. О, это великолепно. Вчера вечером Гек с помощью своего автоматического писца заполнила комнату словами и глифами на галтри, галвосемь и на всех других известных ей языках,

заставляла делать перевод с одного языка на другой и обратно, пока не оказалась со всех сторон окруженной сверкающими символами.

Хозяева дали эти машины, чтобы облегчить нам рассказ о нашей жизни и особенно о жизни Шести Рас на Склоне. В обмен быстрый голос пообещал нам награду. Позже мы сможем задать свои вопросы большому холодному ящику.

Гек с ума сошла из-за этого предложения. Свободный доступ к ячейке Великой Библиотеки Пяти Галактик! Да это все равно что сказать Кортесу, что ему дадут карту утраченных городов золота. Или легендарному хунскому герою Юквоурфмину сообщить пароль, контролирующий фабрики роботов на Куртуне. Мой тезка, тот, в честь кого я получил прозвище, не мог испытывать большего волнения, даже когда перед ним во всем блеске раскрылись тайны Вэйнамонда и Безумного Мозга.

Однако в отличие от Гек я смотрел на такую перспективу с опаской. Подобно детективу из старинных земных рассказов, я спрашивал себя: а в чем же подвох?

Нарушат ли они обещание, как только мы расскажем все, что знаем?

Может, дадут нам *лживые* ответы. (Откуда нам

знать?)

Или позволят кубу рассказать нам все, что мы захотим, потому что знают: это не принесет нам ничего хорошего, так как мы никогда не вернемся домой.

С другой стороны, допустим, все искренне и честно. Допустим, у нас действительно появится шанс расспросить ячейку Библиотеки, эту сокровищницу знаний, собранных миллиарднолетней цивилизацией.

О чем, во имя Джиджо, можем мы спросить?

Я только что провел в экспериментах мидур. Диктовал текст. Просматривал его и переписывал заново. Работать с автописцом гораздо удобней, чем с карандашом и комком смолы гуарру в качестве резинки! Достаточно движения руки, чтобы, словно физический объект, изменить или переместить текст. Мне даже не нужно говорить вслух, просто пожелать, чтобы появилось слово. Словно говоришь про себя, так, чтобы никто не услышал. Я знаю, что это не настоящее чтение мыслей: должно быть, машина фиксирует мышечные изменения в горле или что-то в этом роде. Я читал о таких устройствах в «Эре блекджека» и в «Лунном городе Хобо». Тем не менее это очень волнует.

Например, я попросил у маленькой машины ее словарь синонимов англика. Я всегда считал, что у меня большой словарь. Ведь я наизусть выучил городской экземпляр «Тезауруса» Роже. Но оказалось, в этой книге опущено большинство хинди и арабских родственных слов, употребляющихся в англо-евроазиатском варианте. В маленьком ящике достаточно слов, чтобы заставить меня и Гек почувствовать свое ничтожество, меня-то уж точно.

Мои приятели в соседнем помещении диктуют собственные воспоминания. Думаю, Гек надиктует что-то достаточно быстрое, яркое и беззаботное, чтобы удовлетворить наших хозяев. Ур-ронн будет педантичной и сухой, а Клешня все время будет отвлекаться и рассказывать о подводных чудовищах. Я их опережаю, потому что в моем дневнике уже рассказана большая часть нашей личной истории — как мы, четверо любителей приключений, оказались в этом месте со странно изгибающимися коридорами, глубоко под морской поверхностью.

Поэтому у меня есть время, чтобы встревожиться: почему фувнтусы хотят все о нас знать?

Возможно, это простое любопытство. С другой стороны, что, если что-нибудь из того, что мы

расскажем, причинит вред нашим родичам на Склоне? Не могу представить себе, каким образом. То есть я хочу сказать, что никаких военных тайн мы не знаем — кроме того, что кузнец Уриэль послала нас на поиски подводного тайника. Но быстрый голос уже знает об этом.

Иногда, в лучшие моменты, я представляю себе, как фувнтусы позволяют нам прихватить с собой сокровища, возвращают в своем металлическом ките домой, в Вуфон, и мы воскресаем из мертвых, подобно легендарному экипажу «Хукуфтау», к удивлению Уриэль, Урдоннел и наших родителей, которые, должно быть, считают нас мертвыми.

Оптимистические фантазии чередуются с другими картинами, которые я никак не могу прогнать. Я все время вспоминаю, что произошло сразу после того, как подводная лодка-кит выхватила «Мечту Вуфона» из пасти смерти. Паукообразные существа с выпуклыми глазами входят в обломки нашей лодки, издавая бессмысленные звуки, и в смертельном ужасе отшатываются при виде Зиза, нашего безвредного треки, данного нам алхимиком Тигом.

Огненные лучи разрезают бедного Зиза на части.

Поневоле задумаешься о том, что бы это значило.

Нужно приниматься за работу.

Как начать рассказ?

Зовите меня Олвин.

Нет. Слишком подражательно. А как такое начало?

«Олвин Хф-уэйуо, проснувшись однажды утром, обнаружил, что находится в гигантской…»

Ух— хм. Слишком близко к правде.

Может, построить рассказ по образцу «Двадцати тысяч лье под водой»? Мы пленники в комфортабельной подводной тюрьме. Хотя Гек и самка, она будет настаивать, что именно она и есть герой Нед Ленд. Ур-ронн, разумеется, профессор Аронакс, так что комическим персонажем Конселем остается быть Клешне или мне.

И когда же мы наконец встретимся с Немо?

Хм— м-м. Вот недостаток такого способа письма — без усилий и с возможностью легкого исправления написанного. Он побуждает много болтать, а вот когда перед тобой добрый старый карандаш и лист бумаги, нужно сначала подумать, что ты собираешься сказать.

Минутку. Что это?

Вот опять. Слабый, но гулкий звук, на этот раз

он громче. Ближе.

Мне это не нравится. Совсем не нравится.

Ифни! На этот раз дрожит пол.

Этот гул напоминает мне вулкан Гуэнн, рыгающий и кашляющий, заставляющий всех подумать, а не пришел ли Большой В…

Джики мешочная гниль! На этот раз серьезно.

Это взрывы, и они быстро приближаются!

Новый звук, словно зукир чешет голову, потому что сел на ящерицу квилл.

Что означает этот звук сирены? Я всегда гадал.

Гиштуфвау! Потускнели огни. Пол подпрыгивает.

Что, во имя Ифни, происходит?!

ДВЕР

Вид с вершины дюны не внушал оптимизма.

Разведывательный корабль даников по крайней мере в пяти или шести лигах от берега в море — крошечная точка, едва различимая там, где вода меняет цвет от светлого зеленовато синего на почти черный. Летающая машина движется взад и вперед, как будто ищет что-то потерянное. Лишь изредка, когда ветер меняет направление, они улавливают слабый гул его двигателей. Но

примерно каждые сорок дуров Двер видит, как из брюха блестящей лодки выпадает какая-то точка и падает в море, сверкая в лучах утреннего солнца. После этого проходит еще десять дуров — и поверхность океана вздымается холмом, увенчанным пеной, как будто внизу бьется в спазмах какое-то чудовище.

— Что делает Кунн? — спросил Двер. Он повернулся к Рети, которая, заслонив глаза, наблюдала за далеким флаером. — Ты понимаешь?

Девушка начала пожимать плечами, но в это время йии, крошечный самец ур, высунул голову и нацелил все три глаза на юг. Робот нетерпеливо покачнулся, подскакивая и опускаясь, как будто пытался своим корпусом посигналить далекому флаеру.

— Не знаю, Двер, — ответила Рети. — Наверно, это имеет какое-то отношение к птице.

— К птице, — повторил он.

— Ты знаешь. К моей металлической птице. Той, что мы спасли от мульк-паука.

— К этой птице? — Двер кивнул. — Мы должны были показать ее мудрецам. Но как она попала в руки чужаков?

Рети прервала его.

— Даники хотели знать, откуда она прилетела.

Поэтому Кунн попросил меня провести его в холмы, чтобы найти Джесса, потому что это он видел, как птица прилетела на берег. Я не думала, что он оставит меня в деревне. — Она прикусила губу. — Джесс должен был отвести Кунна сюда. Кунн что-то говорил о «вспугнутой добыче». Наверно, хотел раздобыть больше птиц.

— Или найти тех, кто сделал эту птицу и послал ее на берег.

— Или это. — Она кивнула, явно чувствуя себя неуверенно. Двер решил не уточнять подробности ее договора с звездными людьми.

По мере того как они продвигались на юг, количество болотистых ручьев увеличивалось, и Дверу пришлось еще несколько раз «переносить» на себе робота, прежде чем перед сумерками он сказал, что нужно остановиться. Боевая машина попыталась заставить его продолжить движение. Но божественное оружие пострадало в засаде у лагеря сунеров, и Двер бестрепетно смотрел на щелкающие клешни робота. Ему помогала странная отчужденность: он словно стал старше, побывав в силовом поле машины и выдержав это испытание. Может, это и иллюзия, но она придала ему сил.

Неохотно, почти как живое существо, робот

сдался. Двер развел небольшой костер и разделил с Рети остатки вяленого ослиного мяса. После недолгого колебания Рети внесла свою долю — два маленьких ромба, укутанных в скользкий материал. Она показала Дверу, как их разворачивать, и смеялась, глядя на его лицо, когда он ощутил во рту странный вкус. Он тоже рассмеялся, едва не подавившись даникским лакомством. Роскошная сладость пополнила его Список Того, Чему Я Рад, Что Испытал Это До Смерти.

Потом, лежа рядом с Рети на накрытых остывающих углях, Двер видел во сне фантастические картины, гораздо более яркие, чем обычно. Возможно, сказывалось воздействие силового поля, которое он испытал, «перенося» робота. Вместо давящей тяжести он испытывал легкость, словно его тело свободно плывет. Под закрытыми веками мелькали невообразимые панорамы: предметы, выступающие на темном фоне, или газообразные фигуры, испускающие собственное свечение. Однажды он ощутил странное узнавание, безвременное впечатление любящей знакомости.

Яйцо, подсказало спящее подсознание. Но священный камень выглядел странно — не просто как огромный булыжник, сидящий на горном склоне, а как гигантское темное солнце, чья чер-

нота затмевает блеск обычных звезд.

Путешествие возобновилось еще до рассвета, и до моря пришлось пересечь еще две водные преграды. Затем робот подобрал их и полетел вдоль берега на восток, пока не достиг этого поля дюн — высокой точки, с которой можно осмотреть необычно синие воды Трещины.

Во всяком случае, Двер принял это за Трещину — глубокую расселину, рассекающую континент. Хотел бы я иметь свой телескоп, подумал он. С его помощью можно было бы понять, чего добивается пилот корабля-разведчика.

Вспугнутая добыча, сказала Рети.

Если такова цель звездного воина даника, Кунну стоит овладеть некоторыми приемами охоты. Двер вспомнил урок, преподанный ему много лет назад Фаллоном.

Каким бы мощным ни было твое оружие, какой бы ни была добыча, которую ты преследуешь, никогда нельзя объединять в одном лице загонщика и стрелка. И если ты только один, не гони добычу.

Одинокий охотник должен быть терпелив и молча изучать привычки добычи.

У такого подхода есть один недостаток. Он требует эмпатии. И чем лучше ты умеешь чув-

ствовать добычу, тем больше шанс, что ты вообще перестанешь называть ее добычей.

— Что ж, одно ясно, — заметила Рети, наблюдая за тем, как дико подскакивает робот в самой высокой точке дюны, как маленький мальчик, который машет родителям, ушедшим далеко и не слышащим его. — Ты, должно быть, серьезно повредил его коммуникатор. Он не работает даже на таком коротком расстоянии, на линии прямой видимости.

Двер был поражен. Рети немало узнала с того времени, как ее приняли чужаки.

— Думаешь, пилот сможет нас увидеть, когда полетит назад в деревню, чтобы прихватить тебя? — спросил он.

— Может быть, если он вообще намерен это сделать. Найдя то, что ищет, он может вообще забыть обо мне. И просто полетит с докладом на запад, к станции ротенов.

Двер знал, что Рети уже отчасти утратила расположение звездных людей. В голосе ее звучала горечь, потому что на борту далекой летящей точки Джесс, так мучивший ее, когда она росла в варварском племени. Она собиралась отомстить этому злодею. А теперь Джесс стоит рядом с пилотом и пользуется его расположением, а она, Рети,

застряла здесь.

Ясно было, что ее тревожит. Неужели враг всей ее жизни получит награду, за которую она так боролась? Ее билет к звездам?

— Хмм. Что ж, тогда нужно позаботиться, чтобы он не пропустил нас, когда будет возвращаться.

Самому Дверу не очень хотелось встречаться со звездным пилотом, который так безжалостно сжег сверху бедных сунеров уров. И он не питал иллюзий насчет гостеприимного приема со стороны Кунна. Но для Рети разведочная лодка означает жизнь и надежду. И, может быть, вызвав интерес Кунна, он помешает тому быстро вернуться в Серые Холмы. В короткой схватке с роботом Дэйнел Озава был убит, но Двер может выиграть время для Лены Стронг и предводительницы уров, чтобы они успели договориться с племенем Рети и уйти в какое-нибудь убежище, где звездные боги никогда их не найдут. Отвлекающий маневр может быть последней полезной услугой Двера.

— Давай разожжем костер, — предложила девушка, указывая на берег, усеянный кусками дерева, выброшенными недавней бурей.

— Я собирался это предложить, — ответил Двер.

Она засмеялась.

— Ну конечно!

САРА

Вначале древний туннель казался страшным и мрачным. Сара воображала, как оживает пыльный буйурский экипаж, разгневанный призрак устремляется к фургону с запряженными лошадьми, собираясь наказать глупцов, которые посмели вторгнуться в его угрюмое царство. Какое-то время ей было очень страшно, дышала она быстро и часто, сердце колотилось.

Но у страха есть враг, еще более мощный, чем храбрость или уверенность.

Этот враг — скука.

Саре надоело долгие мидуры сидеть на жесткой скамье. Вздохнув, она выпрыгнула из фургона и пошла рядом — вначале просто чтобы размяться, но потом стала делать быстрым равномерным шагом долгие переходы.

Немного погодя ей даже начало это нравиться.

Думаю, я начинаю приспосабливаться к новым временам. В будущем мире может не найтись места для интеллектуалов.

Эмерсон, улыбаясь, присоединился к ней и

пошел длинными шагами. Туннель постепенно терял свою власть и над остальными. Погонщики, Кефа и Нули из загадочного племени иллий, на глазах успокаивались и с каждой лигой приближения к дому становились все менее напряженными.

Но где их дом?

Сара представила себе карту Склона и провела широкую дугу примерно на юг от Гентта. Это никак не помогло ей догадаться, где мог все эти годы скрываться клан всадниц.

Как насчет какой-нибудь гигантской пещеры в магме под вулканом?

Какая прекрасная мысль! Волшебное убежище, травянистые поля, недоступные гневному взгляду с неба. Подземный мир, словно в приключенческом романе эры до контакта, в котором изображались вечные пещеры, мистические источники освещения и нелепые чудовища.

Конечно, по законам природы такое место не может существовать.

Но может, буйуры — или даже предшествующие разумные обитатели Джиджо — с помощью тех же сил, что вырыли этот туннель, создали тайное убежище? Место, где можно сохранить сокровища, когда поверхность очищается от

созданных разумными существами предметов?

Сара усмехнулась такой мысли. Но не совсем ее отбросила.

Немного погодя она обратилась к Курту.

— Ну, с меня хватит. Объясни, почему так важно, чтобы Эмерсон и я сопровождали тебя в этом пути.

Но взрывник только покачал головой, отказываясь говорить в присутствии Дединджера.

А что собирается делать еретик? — подумала Сара. Разорвать узы и бежать назад, чтобы рассказать миру?

Казалось, пустынный пророк пленен надежно. Но все же тревожно было видеть уверенное выражение на лице Дединджера — как будто нынешние обстоятельства лишь подтверждают его правоту.

В такие времена появляется множество еретиков — они, словно осы тайны, собираются, чтобы посплетничать. Не удивлюсь, если начнется расцвет фанатиков.

Священные Свитки указывают нелегальным колонистам Джиджо две возможности искупить прирожденный грех — сохраняя планету и следуя Тропой Избавления. Со дней Дрейка и Ур-Чоун мудрецы учат, что оба эти пути совместимы с

торговлей и удобствами повседневной жизни. Но некоторые пуристы с ними не соглашались, настаивая, что Шесть Рас должны сделать выбор.

Мы не должны здесь находиться, провозглашала фракция Ларка. Мы, сунеры, должны использовать контроль за рождаемостью, чтобы выполнить галактический закон и оставить эту невозделанную планету в мире. Только тогда наш грех будет искуплен.

Другие полагали, что на первом месте стоит Тропа Избавления.

Каждый клан должен последовать примеру глейверов, учил культ Дединджера и Урунтая. Спасение и обновление придут к тем, кто устранит умственные препятствия и заново постигнет свою истинную природу.

И первое препятствие, которое следует устранить, якорь, что тянет вниз наши души, — это знания.

Обе группы называют нынешних высоких мудрецов еретиками, потворствующими массам своими жалкими усовершенствованиями. Когда появились страшные космические корабли, у фанатиков обнаружилось множество новых сторонников. Они проповедовали свои простые истины и сильнодействующие средства в тяже-

лые времена.

Сара знала, что ее собственная ересь не привлечет последователей. Она казалась неподходящей для Джиджо — планеты фанатиков, которая так или иначе погрузится в забвение. И все же…

Все зависит от точки зрения.

Так учат мудрецы треки.

Мы/я/вы часто обманываемся очевидным.

ЛАРК

Из леса высокого качающегося бу появился курьер ур.

Может, это и есть мой ответ?

Всего несколько мидуров назад Ларк отправил солдата милиции с сообщением к Лестеру Кембелу в тайное убежище высоких мудрецов.

Но нет. Курьер с растрепанной гривой прискакал издалека, с Поляны Праздников. В спешке самка не стала даже ждать, пока ей предложат в знак гостеприимства чашу теплой крови симлы. На глазах у изумленных людей она опустила морду в ведро с неразведенной водой и начала пить, морщась от горечи.

В промежутках между глотками она сообщала ужасные новости.

Как мы уже слышали, второй космический корабль был титаном, он опустился, как гора, перегородив реку, так что вскоре вокруг захваченного корабля ротенов образовалось болото, вдвойне пленив товарищей Линг. Пораженные свидетели утверждают, что видели в освещенном изнутри люке корабля знакомые очертания. Заостренные кверху конусы. Роскошно сверкающие груды колец.

Лишь немногие сведущие в древних легендах наблюдатели знали, что это недобрый знак, но у них не было времени предупредить, прежде чем ночь разрезали ужасные лучи и скосили все в пределах дюжины полетов стрелы.

На рассвете самые смелые зрители выглянули из-за ближайших высот и увидели обожженную землю, усеянную маслянистыми следами и кровавыми останками тел. Пораженные наблюдатели предположили, что включен защитный периметр, хотя для всемогущих звездных богов такая предосторожность казалась чрезмерной.

— Какие потери? — спросила Джени Шен, сержант из приданного Ларку отряда милиции, низкорослая мускулистая женщина и друг его брата Двера. Они все видели на удалении мерцающие огни и слышали похожий на гром звук,

но не представляли себе тех ужасов, о которых рассказала посыльная.

Самка ур говорила о сотнях погибших — и среди них высокий мудрец Общины. Возле группы любопытных зрителей и смущенных поклонников чужаков стоял Аскс, собираясь вести переговоры. После того как пыль опала, а огонь погас, треки нигде не было видно.

Врач г'кек, лечивший Утена, выразил общее горе, закатив все четыре глаза на стебельках и колотя по земле толчковыми ногами. Это персонифицировало ужас. Аскс был очень популярным мудрецом, готовым размышлять над любой проблемой, представленной Шестью Расами, начиная от брачных советов и кончая разделом имущества рассеченного улья квуэнов. Аскс мог «размышлять» днями, неделями или годами, прежде чем дать ответ — или несколько ответов, предлагая целый спектр возможностей.

Прежде чем курьер отправился дальше, Ларк, пользуясь своим статусом мудреца, просмотрел содержимое сумки. Там были рисунки. Ларк показал Линг изображение массивного овального космического корабля, намного превосходящего по размерам тот, что принес ее на эту планету. Лицо ее затуманилось. Могучий корабль был

незнакомым и пугающим.

Собственный посыльный Ларка — двуногий, человек — на рассвете исчез за рядами бу; он нес просьбу к Лестеру Кембелу прислать личную ячейку Библиотеки, принадлежавшую Линг, чтобы она могла прочесть стержни памяти, которые они с Утеном отыскали в развалинах станции.

Ее предложение, высказанное накануне вечером, сводилось к поиску информации о болезнях, особенно той, что поразила поселки квуэнов.

— Если Ро-кенн на самом деле готовил средство геноцида, по нашим законам он преступник.

— Даже повелитель ротен? — скептически спросил Ларк.

— Да, даже он. С моей стороны не будет неверностью попытаться доказать, что он этого не делал. Однако, — добавила она, — не жди, что я буду помогать вам в войне против моих товарищей по экипажу и наших патронов. Да вы и не можете ничего сделать — теперь, когда они настороже. Вы один раз захватили нас врасплох подкопом и порохом, уничтожили маленькую исследовательскую базу. Но вы поймете, что причинить вред космическому кораблю — задача, непосильная даже для ваших лучше всего снабженных фанатиков.

Этот разговор происходил до того, как они узнали о втором корабле. До того, как пришло сообщение о том, что могучий ротенский корабль превратился в захваченную игрушку рядом с подлинным колоссом из космоса.

В ожидании ответа Кембела Ларк разослал своих солдат прочесывать берега озера, собирая золотые консервирующие бусины. Галактическая технология уже много миллионов лет стандартизована. Так что среди этого сорочьего собрания предметов может найтись и работающее устройство для чтения. Во всяком случае попробовать стоило.

Разбирая груду янтарных коконов, они с Линг возобновили прерванную игру вопросов и уклонений. Обстоятельства изменились: Ларк больше не чувствовал себя в ее присутствии глупым, но все равно это был все тот же старый танец.

Начала Линг. Она расспрашивала о Великой Печати — событии, которое преобразило непрерывно ссорящееся собрание рас сунеров даже больше, чем появление Святого Яйца. Ларк отвечал правдиво, но ни разу не упомянул об архиве Библоса. Вместо этого он описал гильдии печатников, фотокопировальщиков и особенно изготовителей бумаги, с их гулкими молотами,

превращающими дерево в пульпу, и сушильными экранами, переворачивающими тонкие страницы под бдительным взглядом его отца, знаменитого Нело.

— Постоянный, со случайным доступом, аналог ячеек памяти, совершенно неуловимый из космоса. Никакого электрического или цифрового сознания, которое можно было бы зафиксировать с орбиты. — Линг удивилась. — Даже видя книги, мы решили, что это рукописные копии, единичные экземпляры, не способные ускорить культурный процесс. Только подумать: технология волчат оказалась такой эффективной в особых обстоятельствах.

Вопреки этому признанию, Ларк сомневался в истинном отношении женщины даника. Казалось, она слишком легко отвергает достижения своих собственных человеческих предков — если это достижение нельзя объяснить вмешательством ротенов.

Настала очередь Ларка задавать вопрос, и он решил свернуть на другую тропу.

— Ты казалась так же удивлена, как все остальные, когда маскирующее существо сползло с лица Ро-пол.

Он имел в виду события непосредственно пе-

ред Битвой на Поляне, когда с ротена спала его харизматическая маска-симбионт. Глаза Ро-пол, раньше казавшиеся теплыми и выразительными, стали выпуклыми и безжизненными, и смотрели они с резко скошенного, почти хищного лица, явно не гуманоидного.

Линг никогда не видела повелителя таким раскрытым. На вопрос Ларка она отвечала осторожно.

— Я не принадлежу к Внутреннему Кругу.

— А что это?

Линг глубоко вдохнула.

— Ранн и Кунн имеют доступ к знаниям о ротенах, которые неизвестны большинству даников. Ранн даже был в одном из тайных городов ротенов. Большинство из нас никогда не были так благословенны. Когда мы не участвуем в полетах, то живем с семьями в одном из укромных каньонов аванпоста Пория, там с нами всего сто или около этого патронов. И даже на Пории две расы в обычной жизни не смешиваются.

— Но все же не знать таких фундаментальных сведений о тех, кто утверждает, что…

— О, до меня доходили слухи. Иногда у ротенов лицо приобретает странное выражение, как будто часть его, ну, надета неверно. Может, мы и сами

участвуем в этом обмане, где-то в глубине души решив ничего не замечать. Но дело не в этом.

— А в чем же?

— Ты намекаешь, что меня должно привести в ужас открытие, что ротены носят симбионтов, чтобы выглядеть гуманоидными. Казаться в наших глазах прекраснее. Но почему бы ротенам не воспользоваться искусственным средством, если оно помогает им быть лучшими проводниками, которые ведут нашу расу к совершенству?

Ларк ответил:

— А как насчет такой незначительной штуки, как честность?

— А вы все говорите своим шимпанзе или зукирам? Разве иногда родители не лгут детям ради их же блага? А как же любовники, которые стремятся быть лучше в глазах друг друга? Они тоже нечестны?

Подумай, Ларк. Каковы шансы того, что иная раса будет казаться глазу человека такой же великолепной и прекрасной, какими кажутся наши патроны? О, часть этой привлекательности, несомненно, восходит к ранним этапам возвышения, на Старой Земле, когда они возвысили наших обезьяньих предков почти до полного разума, еще до начала Великого Испытания. Возможно,

это закреплено на генетическом уровне, как выбраковывают собак, чтобы они трепетали при прикосновении человека.

Но мы все еще незавершенные существа. Все еще излишне и примитивно эмоциональны. Позволь спросить тебя, Ларк. Если бы твоей задачей было возвышение вздорных, капризных, неуживчивых существ и ты бы обнаружил, что косметический симбионт облегчает твою роль учителя, ты бы им не воспользовался?

И прежде чем Ларк успел энергично сказать «нет», она торопливо продолжала:

— Разве члены ваших Шести Рас не используют с той же целью реуки? Этих симбионтов, которые пленкой покрывают вам глаза и берут немного крови в обмен на передачу эмоций? Разве реуки не являются жизненно важной частью взаимоотношений в вашей Общине?

— Хр-рм. — Ларк издал звук, который издают горловым мешком хуны. — Реук не помогает лгать. И сам не является ложью.

Линг кивнула:

— Но перед вами никогда не было такой трудной задачи, как перед ротенами — возвысить существа, такие умные и в то же время такие неуживчивые, как люди. Раса, потенциал ко-

торой к будущему делает нас капризными и опасными, склонными к ложным поворотам и смертельным ошибкам.

Ларк подавил порыв возразить. Она может только зайти еще дальше, загнать себя в угол и отказаться выйти из него. Сейчас она по крайней мере согласилась, что один из ротенов может быть способен на дурные поступки, что действия Ро-кенна могут быть преступными.

Кто знает? Возможно, в этом все и дело. Замысел преступного индивида. Может быть, раса в целом так прекрасна и удивительна, как она говорит. Ведь как хорошо было бы, если бы у человечества были такие замечательные патроны и за следующим тысячелетием нас ждало бы величие.

Линг кажется искренней, когда говорит, что капитан корабля ротенов разберется и выяснит истину.

— Очень важно убедить ваших мудрецов освободить заложников и передать тело Ро-пол вместе с «фотографиями», которые снял ваш портретист. С ротенами шантаж не пройдет — вы должны это понять. Не в их характере поддаваться угрозам. Но в перспективе «улики», которые вы собрали, могут причинить им вред.

Это было до того, как пришла поразительная

новость — что корабль ротенов пленен, заключен в темницу из света.

Ларк разглядывал одно из золотых яиц мулькпаука, а Линг продолжала говорить о трудной, но славной судьбе, которую патроны уготовили импульсивному и умному человечеству.

— Знаешь, — заметил Ларк, — в логике всей этой ситуации есть что-то искаженное.

— О чем это ты?

Ларк пожевал губу, как ур в нерешительности. Потом решил: пора все открыть.

— Я хочу сказать: давай на время оставим этот дополнительный элемент в виде нового корабля. У ротенов могут быть счеты, о которых вы не знаете. Или это прилетела другая группа генных грабителей, чтобы поживиться в биосфере Джиджо. Насколько нам известно, чиновники Галактического Института Миграции могли принести на Джиджо Судный День, предсказанный в Свитках.

Но сейчас давай займемся Битвой на Поляне — той самой, которая сделала тебя моей пленницей. Она началась, когда Блур сфотографировал мертвого ротена без маски. Ро-кенн вышел из себя и приказал роботам перебить всех, кто это видел.

Но разве ты не заверяла меня, что нет необ-

ходимости уничтожать туземных свидетелей посещения вашей команды? Что ваши хозяева справятся, даже если устные или письменные улики сохранятся сотни и тысячи лет и в них будет описано посещение генных грабителей — людей и ротенов?

— Да, заверяла.

— Но ты признаешь, что генный грабеж противоречит галактическому закону! Я знаю, ты считаешь, что ротены выше подобных соображений. Но они все же не хотят, чтобы их поймали на месте преступления.

Предположим, какие-нибудь достоверные свидетельства, даже фотографии, в конце концов дойдут до инспекторов Института Миграции, когда они в следующий раз посетят Джиджо. Свидетельства о тебе, и Ранне, и Кунне. О генных грабителях людях. Даже я знаю, что принцип «наказания всей расы» господствует в Пяти Галактиках. Ро-кенн объяснял, как ротены собираются предотвратить санкции против Земли?

Лицо Линг стало мрачно.

— Ты утверждаешь, что он использовал нас, как глупцов. Позволил мне распространить среди туземцев лживые уверения, а сам планировал похитить гены и уничтожить всех свидетелей.

Очевидно, ей нелегко было говорить это.

Линг казалась удивленной, когда Ларк отрицательно покачал головой.

— Так я думал вначале, когда заболели квуэны. Но теперь я представляю себе нечто еще худшее.

Это привлекло ее внимание.

— Но что может быть хуже массового убийства? Если обвинение будет доказано, Ро-кенна выведут из его дома в цепях! Он будет наказан так, как ни одного ротена не наказывали веками.

Ларк пожал плечами..

— Может быть. Но остановись и подумай.

Прежде всего Ро-кенн рассчитывает не только на эпидемию, которая одна должна выполнить работу.

О, у него, вероятно, целая библиотека микробов — болезнетворных агентов, которые использовались в галактических войнах. Несомненно, звездные квуэны давно разработали противоядие от тех бактерий, которые поразили лимфатические сосуды Утена. Я уверен, зараза Ро-кенна убьет еще очень многих из нас.

Линг начала возражать, но Ларк продолжал:

— Тем не менее я кое-что знаю о том, как действуют эпидемии в естественных экосистемах. Даже набор болезней не в состоянии полностью

уничтожить все Шесть Рас. Редкие случаи природного иммунитета поставят в тупик даже самых совершенных возбудителей болезни. Далее, чем реже население, тем труднее добраться до выживших.

Нет, Ро-кенну нужно было нечто большее. Гибель Общины в тотальной войне! Войне, которую можно раздувать, доводить до крайних пределов. Войне такой жестокой, что каждая раса будет преследовать противников в самых далеких уголках Джиджо, с готовностью распространять новых паразитов, лишь бы покончить с врагами.

Он видел, что Линг пытается найти пробел в логике его рассуждений. Но она присутствовала, когда проигрывались псизаписи Ро-кенна — болезненные сны, которые должны были вызвать смертельную вражду между шестью расами. Присутствующие не были обмануты, потому что оказались предупреждены, но что, если бы передачи шли, как было запланировано, усиленные, превратившиеся под воздействием Святого Яйца во всепоглощающую волну?

— Я расскажу об этом дома, — слабым голосом поклялась она. — Он будет наказан.

— Это обнадеживает, — продолжал Ларк. — Но я не кончил. Понимаешь, даже совместное

действие эпидемий и войны не гарантировало Ро-кенну полное уничтожение Шести Рас и ликвидацию даже ничтожной вероятности того, что улики могут передаваться из поколения в поколение — возможно, их спрячут в какой-нибудь пещере, — и в конечном счете дойти до следователей Институтов. С другой стороны, он мог решать, какая раса или секта окажется последней, а какая погибнет первой. В особенности есть одна, которой он очень хорошо умеет манипулировать. Это Homo sapiens.

Как я это понимаю, план Ро-кенна состоял из нескольких частей. Во-первых, ему нужно было добиться, чтобы землян ненавидели. Во-вторых, он должен был ослабить остальные пять рас, распространив болезни, в которых можно будет обвинить людей. Но главной задачей было обеспечить полное уничтожение на Джиджо людей. Ему было все равно, если кто-нибудь из уцелевших представителей остальных рас начнет рассказывать.

Линг удивилась.

— А зачем ему это? Ты сам сказал, что свидетельства могут дойти.

— Да, но когда земляне на Джиджо превратятся в историю, рассказывать будут только, что

некогда корабль, полный людей, прилетел на Джиджо, крал гены и пытался всех перебить. Никто не подумает подчеркивать, какие именно люди это делали. В будущем, возможно, всего через несколько столетий, когда последует анонимный донос, прилетят галактические судьи и услышат, что люди с Земли делали эти ужасные вещи. Земля будет жестоко наказана, а ротены окажутся ни при чем.

Линг долго молчала, обдумывая его слова. Наконец с широкой улыбкой подняла голову.

— Ты заставил меня на какое-то время встревожиться, но я нашла ошибку в твоих рассуждениях!

Ларк наклонил голову.

— Расскажи.

— Твой дьявольский сценарий имеет смысл, но в нем есть два промаха.

Во— первых, ротены — патроны всего человечества. Земля и ее колонии, сейчас управляемые глупцами дарвинистами из Террагентского Совета, тем не менее представляют главный генетический бассейн нашего вида. Ротены никогда не допустили бы вреда нашей планете. Даже в современных галактических кризисах они действуют за кулисами, чтобы обеспечить

безопасность Земли от осаждающих ее врагов.

Вот оно опять — упоминание об ужасных событиях, происходящих в мегапарсеках отсюда. Ларку хотелось развивать именно эту нить, но Линг продолжала излагать свои аргументы.

— Во-вторых, допустим, Ро-кенн хотел возложить всю вину на людей. Тогда зачем он и Ро-пол вышли из станции и показались всем? Расхаживая повсюду, позволяя художникам зарисовать себя, а писцам — записать каждое их слово, разве они не подвергали всех ротенов той же опасности, которая могла угрожать Земле?

Линг, казалось, готова была признать, что ее непосредственный руководитель оказался преступником или безумцем, но с помощью логики защищала расу патронов. Ларку очень не хотелось развеивать ее веру. У него тоже есть свои ереси.

— Прости, Линг, но мой сценарий сохраняется.

Твои четыре пункта верны только в том случае, если ротены действительно наши патроны. Я знаю: это твоя главная посылка, ты выросла с верой в нее, но вера не доказательство. Ты признаешь, что твой народ, даники, малочислен, живет на изолированном аванпосте и видит очень немногих ротенов. Отбросив мистические

сказки о древних пришельцах и египетских пирамидах, все, что есть в твоем распоряжении, это их утверждения относительно предполагаемых взаимоотношений с нашей расой. Но это может быть ложью.

Что касается твоего второго пункта, то вспомни, как разворачивались события. Ро-кенн определенно знал, что его рисуют, когда появился в тот вечер, действуя своей харизмой на толпу и сея семена разногласий. Прожив так долго вместе, все шесть рас подвержены воздействию друг друга в своих стандартах красоты, и ротены были поистине прекрасны!

Возможно, Ро-кенн даже знал, что мы можем создавать долговременные изображения. Позже, увидев фотографии Блура, он даже глазом не моргнул. О, он сделал вид, что торгуется с мудрецами, но мы с тобой видели, что он не боится «доказательств», с помощью которых его пытались шантажировать. Он только выигрывал время до возвращения корабля. И у него могло получиться — если бы Блур не обнаружил и не сфотографировал труп Ро-пол — без маскировки, обнаженный. Именно это привело Ро-кенна в истерику и заставило отдать приказ о массовом убийстве!

— Знаю. — Линг покачала головой. — Это было безумие. Но ты должен понять. Беспокойство, причиняемое мертвым, — это очень серьезно. Должно быть, это вывело его из себя.

— Вывело из себя, клянусь своим левым копытом! Он точно знал, что делает. Подумай, Линг. Допустим, когда-нибудь наблюдатели из Институтов увидят фотографии людей и группу человекоподобных существ, о которых никто никогда не слышал, совершающих преступление на Джиджо. Могут ли эти грубые изображения вызвать подозрения относительно ротенов?

— О чем ты говоришь? Все даники вырастают, видя ротенов такими, какими они кажутся со своими симбионтами. Очевидно, будут люди, которые знают…

Голос ее смолк. Она не мигая смотрела на Ларка.

— Неужели ты серьезно…

— А почему бы и нет? После длительного знакомства с вами, я уверен, они знают нужные средства. Когда люди больше не будут нужны как прикрытие для их планов, ваши «патроны» просто используют широкий спектр искусственных вирусов, чтобы уничтожить всех даников, точно так же как они планировали погубить людей на

Джиджо.

Кстати, испытав его на обоих группах людей, они смогут продать это оружие врагам Земли. И после того как наша раса исчезнет, кто будет доказывать ее невиновность? Кто станет искать других подозреваемых в целой серии преступлений, которые были совершены по всем Пяти Галактикам группой двуногих, похожих на…

— Хватит! — закричала Линг, неожиданно вскакивая и просыпая с колен золотые коконы. Она попятилась, тяжело дыша.

Ларк безжалостно последовал за ней.

— С тех пор как мы покинули Поляну, я немного поразмышлял. И все это имеет смысл. Даже то, что ротены не позволяли вам использовать невральные имплантанты.

— Я тебе уже говорила. Это запрещено, потому что имплантанты могут свести нас с ума!

— Правда? Тогда почему они есть у самих ротенов? Потому что они зашли дальше в своей эволюции? — Ларк фыркнул. — Я слышал, что в наши дни люди успешно ими пользуются.

— Откуда ты знаешь, что делают люди в других местах.

Ларк торопливо прервал ее:

— Правда заключается в том, что ротены не

хотят рисковать: однажды кто-то из вас, даников, мог бы установить прямой контакт, минуя синтезированные консоли ваших компьютеров, непосредственно подсоединиться к Великой Библиотеке и понять, что вы использовались как пешки.

Линг попятилась еще дальше.

— Пожалуйста, Ларк. Я не хочу больше это слушать.

Он почувствовал желание остановиться, пожалеть ее, но подавил его. В конце концов это должно выйти наружу.

— Признаю, это хитроумное мошенничество: использовать людей как подложных преступников, виновных в генных грабежах и других преступлениях. Даже двести лет назад, когда вылетела «Обитель», наша раса пользовалась дурной репутацией как один из низших кланов Пяти Галактик. Так называемые волчата, за которыми не стоит никакой древний могучий клан. Если кто-то будет пойман, мы прекрасно подходим на роль простофиль. План ротенов очень хитер. Но вопрос в том, позволят ли люди, чтобы их так использовали?

История дает ответ на этот вопрос, Линг. Согласно нашим текстам, во времена контакта

люди испытали сильный шок в виде комплекса неполноценности, когда наши примитивные космические каноэ столкнулись с величественными цивилизациями звездных богов. Твои и мои предки избрали разные пути обращения с этим комплексом, но каждый цеплялся за соломинку, искал любой предлог для надежды.

Колонисты с «Обители» мечтали убежать от бюрократов и могучих галактических кланов, найти место, где могли бы свободно растить детей и осуществить древнюю романтическую мечту о колонизации на фронтире. Напротив, ваши предки даники поторопились поверить в искусную ложь, которую рассказали им красноречивые ораторы. Льстивый рассказ, который пролил бальзам на их ущемленную гордость, обещая великую судьбу для немногих избранных людей и их потомков, если только они будут точно выполнять то, что им приказывают. Даже если это означало растить детей, которые станут подставными лицами и искусными ворами на службе у галактических гангстеров.

Линг дрожала, она протянула руку ладонью вперед, словно пыталась физически сдержать поток слов.

— Я просила тебя остановиться, — повторила

она. Казалось, она с трудом дышит. Лицо ее исказилось от боли.

Теперь Ларк замолчал. Он зашел слишком далеко, даже во имя правды. Пытаясь сохранить остатки достоинства, Линг повернулась и пошла к берегу ядовитого озера, которое лежало за каменными развалинами буйуров.

«Кому понравится, когда его взгляд на мир переворачивают наизнанку? — думал Ларк, глядя, как Линг бросает камни в едкие воды. — Большинство из нас отвергнет все доказательства в космосе, прежде чем согласится, что неверными могут быть наши собственные представления».

Но ученый в ней не позволит ей так легко отбросить очевидное. Ей придется посмотреть в лицо фактам, даже если они ей не нравятся.

К правде трудно привыкнуть, и это сомнительное благо. Оно не оставляет убежища, когда приходит новая правда и причиняет боль.

Ларк знал, что его собственные чувства не способствуют ясности мысли. В нем смешивался гнев со стыдом за то, что он не смог придерживаться чистоты своих убеждений. Было и детское удовлетворение от того, что ему удалось лишить Линг ее прежнего высокомерного превосходства и раздражение на этот найденный в себе мотив.

Ларку нравилось быть правым, хотя на этот раз лучше бы он ошибался.

Именно тогда, когда она начала относиться ко мне как к равному, я, может быть, даже начал ей нравиться, мне пришлось растоптать ее жизнь, разбить идолов, которым она привыкла поклоняться, показать ей окровавленные руки ее богов.

Ты можешь выиграть спор, парень. Можешь даже убедить ее. Но простит ли она тебя за то, что ты сделал?

Он покачал головой: слишком многое он сейчас отбросил ради удовлетворения своей жестокой ереси.

ЭВАСКС

Не бойтесь, Мои меньшие части.

То, что вы ощущаете, может показаться принудительной болью, но со временем вы полюбите эти ощущения. Я теперь часть вас, Я един с вами. И Я никогда не сделаю ничего, что причинит нам вред, пока этот союз выполняет свои функции.

Давайте, гладьте воск, если хотите, потому что старая память еще может использоваться в незначительных делах (пока служит Моим целям).

Проигрывайте недавние изображения, чтобы мы вместе могли вспомнить события, приведшие к нашему новому союзу. Воссоздайте сцены, воспринимавшиеся Асксом, который в благоговении смотрел, как огромный джофурский боевой корабль «Полкджи» спускается с неба, захватывает пиратов и садится в измученной долине. Бедный, слабо соединенный, слабоумный Аскс — разве вы/мы не дрожали от страха?

Да, Я могу погладить и другие восхитительные мотивации. Те самые, что поддерживали ваше удивительное единство, вопреки поднимающемуся ужасу. Это липкое, склеивающее чувство долга. Долга перед не-единством, перед сообществом полусуществ, которое вы называете Общиной.

Как Аскс, ваша груда собиралась говорить от имени Общины. Аскс ожидал встретиться с путешествующими меж звезд людьми и созданиями, известными вам как ротены. Но тут через наш входной портал стали видны джофуры!

Разве после некоторого колебания вы не повернули и не попытались убежать?

Какой медлительной была эта груда до перемены! Когда могучий корабль выпустил языки пламени, как вы реагировали на этот водоворот

уничтожения? На смертоносные лучи, которые разрезали дерево, камень и плоть, но щадили престарелую груду колец? Будь у вас замечательные беговые ноги, которыми мы обладаем сейчас, вы могли бы броситься в эту ревущую катастрофу. Но Аскс был медлителен, слишком медлителен даже для того, чтобы защитить своим корпусом треки соседей.

Все погибли, кроме этой груды.

РАЗВЕ ВЫ НЕ ГОРДЫ?

Следующий луч подхватил многополосный конус, пронес жирные кольца сквозь ночь и через ожидающие их двери.

О, как хорошо, вопреки смятению, заговорил тогда Аскс! С удивительной для не имеющей господина груды, оставляя жирные восковые следы красноречия, Аскс умолял, уговаривал и спорил с загадочными существами, которые смотрели на него из-за ослепительных огней.

Наконец эти существа продвинулись вперед. И трюм звездного корабля заполнился испарениями Аскса, выражающими крайний ужас.

Как едины вы были, Мои кольца! Свидетельства воска очевидны. В тот момент вы были едины, как никогда раньше.

Едины в общем отчаянии от зрелища торов-ро-

дичей, от которых много циклов назад бежали ваши предки.

От нас, джофуров, могучих и завершенных.

ДВЕР

Робот помог собрать выброшенную на берег древесину и сложить ее на стороне дюны, выходящей на Трещину. Без отдыха, без перерывов он бросал одну груду и тут же устремлялся снова в том направлении, которое указывала вытянутой рукой Рети. Машина даников, казалось, снова ей повинуется — пока ее приказы направлены на соединение с Кунном.

Такая целеустремленная преданность хозяину напомнила Двери рассказы о земных собаках — рассказы, которые в детстве читала ему мать. Ему показалось странным, что колонисты привезли на «Обители» лошадей, ослов и шимпанзе, но не прихватили собак.

Ларк или Сара могут знать почему.

Такова была привычная мысль Двера, когда он чего-нибудь не понимал. Только теперь она вызвала боль: ведь он знал, что может никогда не увидеть брата и сестру.

Может, Кунн не убьет меня сразу. Он может

привезти меня домой в цепях, до того как ротены уничтожат все Шесть Рас, чтобы замести следы.

Именно такую судьбу для разумных обитателей Джиджо предвидели мудрецы, и Двер полагал, что им виднее. Он вспомнил, как Лена Стронг рассуждала о том, какими средствами воспользуются чужаки для осуществления геноцида. С каким-то ужасающим наслаждением она весь долгий путь к востоку от хребта Риммер гадала, зальют ли преступные звездные боги весь Склон пламенем, испепелят все от ледников до моря. Или растопят ледяные шапки и потопят всех? Для Двера, который вел двух крепких женщин и младшего мудреца тысячи лиг по ядовитой траве до самых Серых Холмов в надежде сохранить фрагмент человеческой цивилизации на Джиджо, ее размышления стали словно пятым спутником.

Последний раз Двер видел Дженин, Лену и Дэйнела во время короткой схватки у хижин родного племени Рети. Этот самый робот смертоносным лучом сразил Дэйнела за мгновение до того, как было уничтожено его оружие.

Конечно, робот-разведчик не пес, которого можно приручить и с которым можно подружиться. И он не проявлял никакой благодарности за то, что

Двер много раз помогал ему перебраться через реки, своим телом осуществляя связь силового поля с землей.

Ненамного лучшим товарищем был и Грязнолапый. Маленькому нуру быстро наскучило собирать дерево, и он отправился исследовать береговую линию, яростно раскапывая песок в тех местах, где пузыри выдавали присутствие песчаных моллюсков. Дверу хотелось поджарить их, но он увидел, что Грязнолапый раскалывает все раковины и поедает их содержимое, ничего не оставляя для людей.

Полезен, как нур, подумал Двер, подавляя приступ голода, и, углубляясь мокасинами в мокрый песок, потащил очередную груду дров.

Двер пытался сохранить оптимизм.

«Может, Кунн накормит меня, прежде чем подсоединить к машине для пыток».

…йии гордо стоял на верху растущей груды дров. Маленький урский самец писклявым голосом отдавал указания, как будто люди без присмотра со стороны ура не в состоянии развести приличный костер. Видя незначительный вклад Двера, «муж» Рети разочарованно зашипел — как будто рана, голод и половина Джиджо, преодоленная в клешнях робота, это не оправдание.

Двер, не обращая внимания на выговоры йии, сбросил свою вязанку и снова пошел на берег, заслоняя глаза в поисках разведочного корабля Кунна.

Он увидел его вдалеке — серебристую бусинку, движущуюся взад и вперед над темно-синими водами Трещины. Через равные промежутки из стройного космического корабля выпадало что-то маленькое и блестящее. Взрывчатка, предположил Двер, потому что примерно спустя двадцать дуров после того, как точка касалась воды, море внезапно взбухало и покрывалось белой пеной. Иногда до берега доносился резкий, почти музыкальный звук.

По словам Рети, Кунн старается выгнать что-то или кого-то из убежища.

Надеюсь, ты промахнешься, думал Двер, хотя звездный пилот может лучше отнестись к пленникам, если его охота завершится успехом.

— Интересно, что все это время рассказывает Кунну Джесс, — вслух выразила свою тревогу Рети, присоединяясь к Дверу на вершине дюны. — Что, если они подружатся?

Двер подождал, пока робот не сбросит очередной груз дерева и не уйдет. Потом ответил:

— Ты передумала? Мы можем попробовать

сбежать. Захватим робота. Будем избегать Кунна. Пойдем своим путем.

Рети улыбнулась с удивительной теплотой.

— Что это, Двер? Предложение? И что же мы будем делать? Начнем собственный маленький сунерский клан здесь, на голом берегу? Знаешь, у меня уже есть один муж, и нужно его разрешение, чтобы добавить второго.

На самом деле он хотел уговорить ее вернуться в Серые Холмы, где Лене и Дженин определенно нужна помощь. Или, если путь окажется слишком трудным или Рети не захочет возвращаться в свое ненавистное племя, они смогут повернуть на запад и спустя месяц добраться до Долины — если в пути будет добыча.

Рети более резко продолжала:

— К тому же мне по-прежнему хочется пожить в квартире на аванпосте Пориа. Такой, какую показывали мне Беш и Линг, с бал-ко-ном и с постелью из облаков. Думаю, там мне будет немного удобней, чем здесь, среди дикарей.

Двер пожал плечами. Он не ожидал, что она согласится. Но как у «дикаря», у него были свои причины устраивать костер, чтобы привлечь внимание Кунна.

— Ну, все равно, думаю, робота вторично за-

стичь врасплох не удастся.

— Хорошо, что ты уцелел и сейчас можешь это делать.

Дверу понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что она только что сказала ему комплимент. И оценил его уникальность, зная, что второго может никогда не услышать.

Мгновение непривычной теплоты кончилось: что-то массивное неожиданно пронеслось мимо, сбив людей с ног воздушной волной. Тренированный взгляд охотника позволил Дверу проследить направление полета этого неясного предмета до вершины соседней дюны, которая неожиданно взорвалась фонтаном песка.

Он понял, что это еще один робот, который стремительно закапывается в песок. За несколько ударов сердца он выкопал большую яму и скрылся в ней, направив свои линзы на юг и запад.

— Пошли! — крикнул Двер, хватая лук и стрелы. Рети задержалась только для того, чтобы подхватить завывающего, шипящего йии. Они вместе бегом спустились со склона, и Двер принялся копать обеими руками.

Давным-давно его научил этому Фаллон: «Если не понимаешь, что происходит во время кризиса, подражай тому, кто понимает». Если робот счи-

тает необходимым спрятаться, Двер решил, что разумно последовать его примеру.

— Ифни! — прошептала Рети. — Какого дьявола он делает?

Она все еще стояла и смотрела на Трещину. Двер стащил ее в яму рядом с собой. И только когда песок почти закрыл их тела, он позволил себе высунуть голову и посмотреть.

Пилот даник, по-видимому, почувствовал, что что-то неладно. Маленький корабль, снижаясь, устремился к берегу. Ищет укрытия, подумал Двер. Может, умеет закапываться, как робот.

Он начал поворачиваться, чтобы увидеть, что испугало Канна, но тут лодка неожиданно резко повернула. Из ее хвоста вылетели яркие огненные шары, как искры от горящего полена. Они ярко вспыхивали, вода начинала странно колебаться, затуманивая очертания улетающего корабля.

Из— за Двера над его головой к убегающей лодке понеслись огненные полосы. Большинство, проходя через искажающие участки, отклонялись от курса, но одна миновала сверкающие шары и попала в цель.

В последнее мгновение Кунн развернул свой корабль и выстрелил в нападавших. Ответный

залп совпал с попаданием не свернувшего с пути снаряда.

Двер пригнул голову Рети и сам закрыл глаза.

Детонация оказалась менее сильной, чем он ожидал. Серия гулких сотрясений, почти разрядка напряжения.

Подняв залепленные песком лица, они увидели и победителя, и побежденного в этой краткой схватке божественных колесниц. Лодка Кунна рухнула вблизи поля дюн и погрузилась в болото. Над местом ее падения поднялся столб дыма.

Кружа вверху, победитель наблюдал за жертвой, блестя тем серебристым оттенком, который кажется скорее не металлическим, а хрустальным. Вновь прибывший был больше и выглядел гораздо мощнее разведчика даников.

У Кунна не было ни одного шанса.

Рети едва слышно сказала:

— Она говорила, что должен быть кто-то сильней.

Двер покачал головой.

— Кто говорил?

— Эта вонючая старая самка ур! Предводитель четвероногих сунеров в загоне у деревни. Говорила, что ротены боятся кого-то сильнее их. Значит, она была права.

— Уры вонючие? — возразил йии. — Как ты можешь так говорить, жена?

Рети погладила маленького самца, тот вытянул шею и довольно вздохнул.

Новый взрыв покачнул упавший корабль, в его борту осветился треугольник. Эта секция отпала, и за ней в болото выпали две двуногие фигуры, преследуемыми клубами дыма из внутренностей корабля. Пробираясь по мутной воде и держась друг за друга, люди добрались до островка и в изнеможении упали.

Второй корабль описал широкий круг, осторожно снижаясь. Когда он поворачивал, Двер увидел, что из разреза в его боку исходит бледный дым. И двигатель работает все напряженней и неровней. Вскоре второй корабль опустился рядом с первым.

Похоже, Кунн тоже попал.

Двер подумал: «Почему меня это радует?»

ОЛВИН

Сотрясающие до костей взрывы становились с каждым дуром все более ужасными, колотили по нашей подводной тюрьме-убежищу, иногда ненадолго стихали, потом возвращались с новой

силой, и бедному хуну трудно было удержаться на подскакивающем полу.

Костыли и корсет не очень помогали, не помогал и маленький автописец, заполнивший помещение моими собственными спроецированными словами. Пробираясь сквозь них, я искал какую-нибудь прочную опору, за которую можно было бы ухватиться, а писец продолжал увеличивать словесную толчею, отражая мои лихорадочные проклятия на англике и галсемь. Найдя стенную стойку, я ухватился за нее изо всех сил. Грохот взрывов походил на шаги гиганта, который подходит все ближе и ближе.

И тут, когда я начал опасаться, что сейчас в щель хлынут тяжелые воды Помойки, все неожиданно стихло.

Тишина была почти такой же ошеломляющей, как джики ужасный шум. Мой горловой мешок бесцельно раздувался, а впавшая в истерику Хуфу вцепилась в плечи, разрезая когтями чешуйки.

К счастью, хунам не свойственно впадать в панику. Возможно, у нас слишком медленные реакции, а может, дело в отсутствии воображения.

Пока я собирался с мыслями, дверь раскрылась, вошла одна из маленьких амфибий и быстро произнесла несколько фраз на упрощенном галдва.

Вызов. Нас приглашали на еще одну церемонию жертвоприношения.

— Пожалуй, нам стоит обменяться информацией, — услышали мы, когда собрались все четверо (плюс Хуфу).

Гек и Клешня, способные смотреть одновременно во все стороны, обменялись со мной и Ур-ронн многозначительными взглядами. Недавняя бомбежка нас потрясла. Даже если растешь рядом с вулканом, к такому подготовиться невозможно!

Голос как будто приходил из пространства, где абстрактные линии свивались в плотный клубок, но я знал, что это иллюзия. И линии, и звуки — проекции, посланные существом, чье настоящее тело находится где-то за стеной. Я все время ждал, что Хуфу разорвет какой-нибудь занавес, за которым мы увидим маленького человечка в изумрудном карнавальном костюме.

Они принимают нас за дураков, если думают, что мы купимся на такой трюк?

— Информацией? — фыркнула Гек, отводя назад, словно змей, три глазных стебелька. — Вы хотите, чтобы мы вам что-то рассказали? Тогда сами объясните, что происходит! Я решила, что это место сейчас расколется. Это было землетрясение? Или нас втягивает в Помойку?

— Уверяю вас, этого не происходит, — послышался спокойный ответ на галшесть. — Причина нашей общей тревоги не внизу, а вверху.

— Взрывы, — сказала Ур-ронн, раздувая края гривы и топая задней ногой. — Это не землетрясение, подводные взрывы. Сильные и очень близкие. Я сказала вы, что кто-то очень не любит вас, парни.

Клешня резко зашипел, а я удивленно посмотрел на нашу Урскую подругу, но вращающийся голос подтвердил:

— Очень проницательная догадка.

Не могу сказать, что прозвучало в этом голосе: уважение или сарказм.

— И поскольку наша местная гильдия взрывников вряд ли способна на такой подвиг, это означает, что у вас есть могущественные враги, гораздо волее грозные, чем мы, ведные Шесть.

— И это разумное предположение. Какая умная молодая леди.

— Хр-рм, — добавил я, чтобы не остаться в стороне от этой сардонической оценки. — Нас учили, что первой следует рассматривать самую простую гипотезу. Позвольте предположить: вас преследуют те самые, что недавно высадились на Поляне Праздников. Те генные грабители, о ко-

торых получила сообщение Уриэль перед нашим погружением. Верно?

— Хорошее предположение и, возможно, даже верное, хотя это может быть и кто-нибудь другой.

— Кто-нибудь другой? О чем вы говорите-рите? — спросил Клешня, поднимая три ноги и опасно покачиваясь на оставшихся двух. Его хитиновый панцирь приобрел тревожную алую окраску. — Что эти ити-ти на Поляне могут быть не единственными? Что у вас много врагов?

Наступила тишина, абстрактные линии собрались в плотный клубок. Маленькая Хуфу, которую с самого начала покорил голос, вцепилась когтями мне в плечо, пораженная застывшей спиралью.

Гек спокойней спросила:

— А сколько у вас недругов?

Когда голос прозвучал снова, в нем не было сарказма, но звучал он очень устало.

— Ах, дорогие дети. Похоже, половина звездной вселенной тратит годы на преследование нас.

Клешня застучал когтями, а Гек печально и негромко вздохнула. Мое собственное отчаянное ворчание-размышление вывело Хуфу из транса, и она нервно зачирикала.

Ур-ронн просто хмыкнула, как будто ожидала такого ответа, подтверждая свой врожденный урский цинизм. В конце концов, когда кажется, что хуже быть не может, разве обычно не становится хуже? У Ифни плодовитое, хотя и отвратительное воображение. Богиня судьбы постоянно показывает новые стороны своей вращающейся кости. — Что ж, полагаю, это означает, хрр-мм, можно отказаться от мысли, что это фувнтусы — древние обитатели Джиджо или местные глубоководные жители.

— Или оставленные буйурами машины, — продолжала Гек. — Или морские чудовища.

— Да, — согласился Клешня. В его голосе звучало разочарование. — Еще одна свора безумных галактов-лактов.

Вертящееся изображение казалось удивленным.

— Вы предпочли бы морских чудовищ?

— Забудьте об этом, — сказала Гек. — Вы все равно не поймете.

Изображение качалось и изгибалось.

— Боюсь, в этом вы правы. Ваша маленькая группа нас глубоко удивляет. Настолько, что у некоторых даже появилась мысль о шпионаже: будто вас нарочно поместили среди нас, чтобы

вызвать смятение.

— Как это?

— Ваши ценности, верования и очевидная взаимная привязанность подрывают предположения, которые мы считали непреложно свойственными природе реальности.

Имейте в виду, что смятение, о котором я говорю, не неприятно. Один из моих основных мотивов, как у разумного существа, может быть назван стремлением к удивлению. И те, с кем я работаю, столь же сильно изумлены непредвиденным чудом вашей дружбы.

— Рада, что мы вас забавляем, — заметила Гек сухим саркастическим тоном, какой раньше был у голоса. — Значит, вы, парни, прилетели сюда, чтобы спрятаться, как наши предки?

— Да, такая параллель существует. Но мы не собирались оставаться. Только сделать ремонт, пополнить припасы и подождать в укрытии благоприятного окна в ближайшем пункте перехода.

— Значит, Уриель и мудрецы, возможно, ошибаются насчет корабля на Поляне? Банда генных грабителей — это только предлог. А реальная причина наших неприятностей — вы?

— Неприятности — это синоним существования

метаболизирующего существа. Иначе почему вы, молодые искатели приключений, так энергично искали нас?

Но ваши жалобы справедливы. Нам казалось, что мы ушли от преследователей. Посадка корабля в горах может быть случайной или следствием совпадения многих неблагоприятных факторов. В любом случае, знай мы о вашем существовании, мы бы поискали убежище за пределами этой планеты, может быть, в одном из мертвых городов на ваших лунах, хотя такие места не так удобны для ремонта.

Мне трудно было в это поверить. Я всего лишь невежественный дикарь, но вырос на классических приключенческих романах и мог представить себя в каком-нибудь лунном призрачном городе, подобно своему тезке, пробуждающим могучие машины, спавшие веками. Какие звездные существа находят тесноту и соленую воду более удобными, чем чистый вакуум?

Мы замолчали, не в силах сердиться на существ, которые с такой готовностью принимают ответственность. И разве они тоже не беженцы от галактических преследований?

Или от справедливого наказания, пришла новая тревожная мысль.

— А вы можете сказать, почему все на вас рассердились? — спросил я.

Вертящаяся фигура превратилась в узкий волнующийся язык, один конец которого казался далеким и маленьким.

— Подобно вам, мы углубились в неизведанные места, воображая себя смелыми исследователями, — печально объяснил бестелесный голос. — Но нам не повезло: мы нашли именно то, что искали. Неожиданные чудеса, превосходящие всякое воображение.

Мы не нарушили закон, мы собирались поделиться найденным. Но те, кто нас преследует, отбросили всякие претензии на законность. Словно гиганты, пытающиеся завладеть собственностью карлика, они безжалостно сражаются друг с другом за право захватить нас! Увы, тот, кто захватит наше сокровище, несомненно, использует его против остальных.

И снова мы уставились на вертящийся столб. А Клешня испустил из всех щелей одновременно возбужденный и благоговейный шепот:

— С-с-сокро-ви-ви-щ-щ-ще?...

Гек подъехала ближе к вертящемуся столбу.

— Вы можете доказать то, что только что сказали?

— Не сейчас. Это означало бы поставить вас в еще более опасное положение, чем то, в котором вы оказались.

Помню, я удивился: что может быть опасней геноцида, о котором говорила Уриэль, геноцида, который скорее всего будет результатом нашего контакта с генными грабителями.

— Тем не менее, — продолжал голос, — нам, возможно, удастся повысить уровень взаимопонимания. Или даже оказать друг другу существенную помощь.

САРА

Допустим, два самых внимательных наблюдателя в мире присутствуют при одном и том же событии. Они никогда не придут к совершенно аналогичному выводу о происходившем. И они не могут вернуться в прошлое и проверить свои наблюдения. События можно записать, но прошлое не восстановить.

А будущее еще более туманно — территория, о которой мы рассказываем вымышленные истории, разрабатываем стратегии, которые никогда не осуществляются, как было запланировано.

Любимые уравнения Сары, которые она на-

ходила в научных трудах землян, созданных еще до контакта, описывают время как измерение, родственное нескольким космическим осям. Галактические эксперты высмеивали это представление, называя релятивистскую модель Эйнштейна и других исследователей «наивной». Но Сара знала, что в этих уравнениях содержится истина. Так должно было быть. Слишком они прекрасны, чтобы не быть частью плана вселенной.

Это противоречие заставило ее перейти от математики к проблемам лингвистики: как язык ограничивает мозг, почему одни идеи формулируются легко, а другие невозможно даже выразить. Земные языки: англик, россик и ниханик — казались особенно пригодными для парадоксов, тавтологий и «доказательств», которые звучат убедительно, но противоречат реальному миру.

Но хаос проник также и в галактические диалекты, которыми пользовались расы изгнанников на Джиджо еще до появления землян. Для некоторых лингвистов из Библоса это было доказательством регресса, звездная усложненность уступает место варварству, а постепенно — предразумным выкрикам. Но в прошлом году Саре пришло в голову другое объяснение, осно-

ванное на предконтактной теории информации. Эта идея была настолько захватывающей, что она покинула Библос, чтобы поработать над ней.

Или я просто искала предлога, чтобы уйти оттуда подальше?

После того как Джошуа умер во время эпидемии, а ее мать от удара, исследования в такой далекой области казались прекрасным убежищем. Возможно, в древесном доме, в обществе Прити и своих книг, Саре казалось, что она защищена от вторжения мира.

Но вселенная умеет проходить сквозь стены.

Сара посмотрела на блестящую смуглую кожу Эмерсона, на его оживленную улыбку, и ее охватило теплое ощущение привязанности и удовлетворения. Если не считать немоты, звездный человек поразительно отличался от калеки, которого она нашла в мульк-болоте вблизи Доло и вырвала из объятий смерти, вернув к жизни.

Может, мне следует отказаться от интеллектуальных претензий и заняться тем, что у меня хорошо получается. Если Шесть Рас начнут воевать друг с другом, медсестры будут гораздо нужней теоретиков.

Ее мысли хаотично нанизывались на тонкую светящуюся линию в центре туннеля. Они

продолжали движение, и линия ни разу не прерывалась. Эта неизменность упрекала Сару в ее личной ереси, странной, святотатственной вере, которая была, возможно, только у нее одной из всех обитателей Джиджо.

В совершенно необычном представлении о возможности прогресса.

Задыхаясь от очередной пробежки, Сара снова забралась в фургон и увидела, что Прити нервно ерзает. Сара протянула руку, чтобы проверить состояние раны маленького шимпанзе, но Прити высвободилась, забралась на переднее сиденье и зашипела сквозь зубы, вглядываясь вдаль.

Возчики тоже были в смятении. Кефа и Нули тревожно, с шумом, выдыхали. Сара тоже глубоко вдохнула и обнаружила, что ее охватывают противоречивые ощущения. Буколический запах лугов смешивался с острым металлическим привкусом чего-то совершенно чуждого. Она встала, упираясь коленями о сиденье.

Там, где впереди исчезает светящаяся полоса, как будто стало светлей.

Вскоре стало отчетливо видно бледное свечение. Эмерсон надел на глаза свой реук, потом снова снял.

— Дядя, проснись! — Джома потряс Курта за

плечо. — Думаю, мы приехали!

Но свечение еще очень долго оставалось неопределенным. Дединджер нетерпеливо бормотал что-то, и на этот раз Сара была с ним согласна. Ожидание близкого конца пути делало дальнейшее движение по туннелю почти непереносимым.

Лошади без понуканий ускорили ход, а Кефа и Нули порылись под сиденьем и раздали всем темные очки. Только Эмерсон их не взял, потому что его реук делал искусственную защиту излишней. Сара вертела в руках изготовленные урами очки.

Вероятно, после того как мы вынырнем из этой дыры, какое-то время дневной свет будет нам казаться невыносимо ярким. Но это неудобство будет кратким, и зрение вскоре адаптируется к верхнему миру. Предосторожность казалась излишней.

По крайней мере мы узнаем, где все это время могли прятаться лошади. Нетерпение смешивалось с печалью: никакая реальность, даже божественные чудеса галактов, не сравнятся с причудливыми вымыслами предконтактных сказок.

Мистический вход в какую-то параллельную реальность? Царство, плавающее в облаках?

Она вздохнула. Вероятно, просто долина с одним выходом, в которой жители так выродились в результате инбридинга и так невежественны, что не различают ослов и лошадей.

Древний проход начал подниматься. Вдоль стен, подобно жидкости из какого-то резервуара далеко впереди, разливалось сияние, и центральная светящаяся полоска поблекла. Вскоре туннель приобрел более реальные очертания. Сара различала какие-то предметы, рваные линии.

Отчаянно мигая, она поняла, что они устремляются прямо в тройные челюсти, словно у какого-то ура отросли такие гигантские зубы, что могут целиком поглотить фургон.

Сара посмотрела на иллий и слегка успокоилась. Кефа и Нули не боялись зубчатого отверстия. Но даже увидев, что зубы металлические, изъеденные по краям ржавчиной, Сара не могла убедить себя, что это только мертвая машина.

Огромная машина буйуров.

Ничего подобного она никогда не видела. Почти все большие здания и механизмы аккуратных буйуров были сброшены в море в последние годы их жизни на планете, когда уничтожались целые города, а остальное разъедали мульк-пауки.

Но почему не была разрушена и эта машина?

За массивными челюстями располагались диски, усаженные сверкающими камнями. Сара поняла, что это алмазы размером с ее голову.

Фургон затрясло: Кефа проводила лошадей по извилистой дороге через глотку гигантской машины, обходя огромные диски.

И тут Сара поняла.

Это и есть разрушитель! Он должен был разрушить туннель, но сломался.

Интересно, почему никто не позаботился починить его или убрать.

И тут Сара увидела причину.

Лава.

Сквозь трещины просовывались языки окаменевшего базальта, застывшие полмиллиона лет назад. Это место было захвачено землетрясением.

Много лет спустя отряды шахтеров какой-то из Шести Рас, должно быть, поработали здесь, расчищая проход в брюхе гигантской машины, вырубая полоску лавы, отделявшую туннель от выхода. Сара видела следы примитивных киркомотыг. Должно быть, использовалась и взрывчатка. Это могло объяснить, откуда гильдии взрывников известно об этом месте.

Сара хотела понаблюдать за реакцией Курта,

но тут свет усилился, лошади сделали последний поворот и поднялись по крутой рампе к водовороту сияния.

Сара схватилась за очки: мир словно взорвался цветами.

Эти мешающиеся цвета причиняли боль.

Цвета напевали такие мощные мелодии, что закладывало уши. От этих цветов дергался нос, по коже ползли мурашки, ощущение было очень сходно с болью. Пассажиры в голос ахнули: вагон перевалил через возвышение, и открылся вид, более чуждый, чем пейзаж сна.

Даже в темных очках холмы и долины были раскрашены такими цветами, для которых Сара не могла бы подобрать название.

Но даже ошеломленная, она сортировала свои впечатления. С одной стороны, гигантский разрушитель, рев искалеченного металла, утонувший в застывшей лаве. А с другой — до далекого горизонта уходят отблески — слой за слоем радужного камня.

И здесь Сара поняла, каков ответ на ее вопрос.

Где на Склоне тайну можно хранить столетие и даже больше?

Даже Дединджер, пророк пустыни Режущего Песка, застонал: догадка так очевидна.

Они в месте, где в самую последнюю очередь можно искать жителей.

В самом центре Спектрального Потока.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Хотела бы я представиться Олвину. Мне кажется, я уже знаю этого парня: ведь я прочла его дневник и подслушивала разговоры с друзьями.

Они так превосходно владеют идиомами англика двадцать третьего века, их горячий энтузиазм так отличается от того, как ведут себя хуны и уры, которых мы встречали до прилета на Джиджо, что половину времени я почти забываю, что слушаю речь чужаков. Конечно, если не обращаю внимания на необычную интонацию и ударения, которые они считают само собой разумеющимися.

Но потом один из них начинает рассуждать с такой необычной логикой, что я сразу вспоминаю: это не человеческие дети, одетые в костюмы для Хеллоуина и похожие на краба, кентавра и головоногое в инвалидном кресле.

Занимая время, они гадают (и я не могу их в этом винить), гости они в подводном убежище или пленники. Рассуждения ведут к дискуссиям на самые разные темы, к сравнению разных форм

плена, известных по литературе. У них очень своеобразное представление о литературе. Например, Ур-ронн считает, что история Ричарда II — это рассказ о законном захвате власти, а Болингброк — настоящий помощник короля.

Красный квуэн Острые Клешни считает, что героя хроники Фенг Хо против воли держали в императорском гареме, хотя там к его услугам были восемьсот красавиц и он мог уйти из гарема в любое время. Наконец Гек объявляет, что ее раздражает: Шекспир так мало внимания уделил злой жене Макбета, особенно ее попытке искупить грех и найти избавление в предразумном состоянии. У Гек есть идея продолжения «Макбета», в этом продолжении должно описываться «возвышение жены Макбета из невозделанного состояния». Она полагает, что в состоянии написать такую книгу о предательстве и судьбе, которой не будет равных в Пяти Галактиках.

Меня поражает, как здесь, на Джиджо, общество неграмотных изгнанников неожиданно оказалось затоплено письменной литературой поселенцев с Земли. Эта ироническая картина прямо противоположна земной ситуации, когда нашу собственную туземную культуру едва не подавило знакомство с сокровищами Великой

Галактической Библиотеки. Поразительно, но если Гек и Олвин типичные представители, Община Шести Рас восприняла новое уверенно и жизненно.

Я желаю успеха их эксперименту.

Признаю, мне все еще трудно понять их религию. Концепцию Избавления путем регресса они считают как бы само собой разумеющейся, но мне непонятна ее привлекательность.

К моему удивлению, наш корабельный врач говорит, что очень хорошо понимает ее.

— Каждый дельфин вырастает, слыша этот призыв, — сказала мне Макани. — Во сне наше сознание по-прежнему погружается в обширные песенные пространства Мечты Китов. Когда стрессы разумности становятся слишком сильными, они манят вернуться в нашу естественную среду.

Экипаж дельфинов больше трех лет находится в состоянии непрерывного стресса. Штат Макани вынужден присматривать за двумя десятками пациентов, которые уже «избавились», как сказали бы жители Джиджо. Эти дельфины «вернулись в свое естественное состояние». Иными словами, мы потеряли их как товарищей и опытных коллег так же безвозвратно, как если бы они умерли.

Когда Макани обнаруживает симптомы регресса, она пытается с ними бороться и сохраняет философское спокойствие. Она даже выдвинула теорию, объясняющую, почему эта идея вызывает у меня такое отвращение.

Сформулировала она ее примерно так.

— Возможно, вы, люди, боитесь этой жизненной тропы, потому что вашей расе тяжело досталась разумность, вам приходилось завоевывать ее в тяжелой борьбе на протяжении тысяч поколений.

Мы, дельфины — и эти уры, и квуэны, и хуны, и вообще все остальные галактические кланы, — все получили разум в дар от каких-то предшественников. И ты не можешь ожидать, что мы будем держаться за этот дар так же цепко и отчаянно.

Привлекательность так называемой Тропы Избавления сродни стремлению бросить школу. Есть что-то соблазнительное в мысли о том, что можно сдаться, отказаться от строгой дисциплины и труда, который необходим для поддержания разума. Если откажешься, что с того? Твои потомки получат новый шанс. Новый старт на тропе возвышения, с новыми патронами, которые покажут дорогу.

Я спросила Макани, не находит ли она эту мысль особенно привлекательной. Мысль о новых патронах. Будут ли дельфины более счастливы с другими спонсорами, а не с Homo sapiens?

Она рассмеялась и ответила на великолепно двусмысленном тринари:

Когда зима рождает лед,
Покрывающий северные моря,
Рябь покрывает теплое течение!

Этот разговор с Макани заставил меня снова задуматься о происхождении человека.

На Земле большинство не торопится высказывать мнение по вопросу о том, помогла ли людям какая-то разумная раса своим вмешательством в их гены еще до начала века науки, а затем контакта. Упрямые дарвинисты по-прежнему настаивают на своем, но мало кому хватает мужества утверждать, что галактические эксперты ошибаются, когда говорят, что единственный путь к разуму — Возвышение. Многие земляне верят им на слово.

И поэтому продолжается спор — в популярных медиа-шоу и в частных разговорах людей, дельфинов и шимпов, — спор о том, кто же мог быть отсутствующим патроном человечества.

Перечисляется не менее шести дюжин кандидатов — от тувальянцев и летани до солнечных призраков и путешественников во времени из какого-нибудь невероятного девятнадцатого измерения.

Мало кто из дельфинов верит в отсутствующих патронов, большинство подобно Макани. Они считают, что мы, люди, проделали это самостоятельно, сражались во тьме без малейшего постороннего вмешательства.

Как это однажды выразил капитан Крайдайки? О да, вот как.

«Существует расовая память, Том и Джилл. Воспоминания, которые доступны путем напряженных размышлений и сосредоточенности. В наших подобных снам легендах постоянно возникает один образ — обезьяноподобное существо плывет по морю на стволе дерева, размахивает каменным топором, кричит, что оно завоевало море, и требует у равнодушного космоса поздравлений со своим подвигом.

И я спрашиваю у вас: какой приличный патрон позволит клиентам вести себя таким образом? Быть таким нелепым?

Нет. Мы с самого начала могли сказать, что вы, люди, выращены любителями, то есть самими

собой».

Во всяком случае, так я запомнила слова Крайдайки. Том считал их простой шуткой, но мне кажется, капитан не все нам сказал. Было еще что-то, и он берег это на другой раз.

Только этого другого раза не будет.

Мы ужинали с Крайдайки тем вечером, а «Стремительный» в это время направлялся кружным и тайным путем в Мелкое Скопление.

День или два спустя все изменилось.

* * *

Уже поздно, и мне пора кончать записки. Попытаюсь немного поспать.

Ханнес докладывает о смешанных результатах работы инженерной группы. Ему с Каркаетттом удалось найти способ удалить часть углеродного нароста на корпусе «Стремительного», но более тщательная работа только ослабит наши и без того непрочные борта, так что пока мы работу прекращаем.

С другой стороны, контрольные параметры, которые я сумела выудить у библиотечной ячейки, помогли Суэсси и его команде вернуть к жизни несколько из брошенных «мусорных» кораблей! Конечно, это устаревший хлам, иначе буйуры

забрали бы их с собой, когда улетали. Но длительное пребывание в ледяной воде как будто не причинило им вреда. Возможно, один или два из них еще удастся использовать. И во всяком случае это дает инженерам возможность чем-то заняться.

Теперь, когда «Стремительный» кажется попавшим в очередную ловушку, нам нужны отвлечения. Галактические крейсеры снова начали погоню за нами в самые отдаленные уголки вселенной, стремясь завладеть нашими жизнями и нашими тайнами.

Но как?

Снова и снова я возвращаюсь к этому. Как им удалось выйти на наш след?

Курс мимо Измунути казался так хорошо замаскированным. Этим путем раньше успешно уходили другие. Например, предки Шести Рас.

Это должно было сработать.

Я смотрю на освещенную ярким лучом маленькую фигуру в противоположном углу помещения. С ухода Тома это мой самый близкий сосед.

Херби.

Наша добыча из Мелкого Скопления.

То, что принесло нам надежду и жестокие неудачи.

Может, это проклятие обширного флота полупрозрачных кораблей, который мы обнаружили в этой странной дыре в пространстве? Когда Том нашел способ пройти через их защитное поле и прихватил в качестве сувенира Херби, принес ли он с ним несчастье, которое будет нас преследовать, пока мы не вернем этот проклятый труп в его миллиарднолетнюю могилу?

Раньше эта древняя мумия зачаровывала меня. Его почти гуманоидная усмешка казалась такой причудливой, эксцентричной.

Но теперь я ненавижу ее, ненавижу пространство, через которое нам пришлось убегать после находки мумии.

Я все бы отдала, только бы Том вернулся. Чтобы последних трех лет не было. Чтобы вернулись те невинные прежние дни, когда Пять Галактик были просто очень-очень опасными и еще существовала такая вещь, как дом.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» КАА

— Но ты говорил, что хуны наши враги!

Заки говорил вызывающим тоном, хотя положение тела — опущенная голова и приподнятые,

плавники — выдавало неуверенность. Каа воспользовался преимуществом, взбивая воду спинным плавником и принимая уверенное вертикальное положение офицера Террагентской исследовательской службы.

— Это были другие хуны, — ответил он. — Катастрофа у Ну-Дауна произошла очень давно.

Заки покачал бутылкообразной мордой, разбрызгивая пену по влажному куполу.

— Итии есть итии. Они преследуют землян, как только предоставляется возможность, все эти соро, и танду, и остальные проклятые галакты!

Каа поморщился от такого чрезмерного обобщения, но после двух годов бегства подобное отношение очень распространено в экипаже. У Каа тоже появилось представление о несчастной Земле, которой противостоит вся вселенная. Но если бы это было правдой, пытка давно закончилась бы уничтожением.

У нас есть союзники, немногие друзья и невольное уважение и сочувствие нейтральных кланов, которые постоянно совещаются, решая, что делать с волной фанатизма, захватившей Пять Галактик. Постепенно большинство может достичь консенсуса и начать действовать, чтобы восстановить цивилизацию.

Они могут даже наказать наших убийц, хотя нам это ничего хорошего уже не даст.

— На самом деле, — сказал Брукида, отворачиваясь от своего рабочего стола в углу тесного убежища, — я не стал бы относить хунов к числу наших преследователей. Они не религиозные радикалы и не завоеватели, рвущиеся к власти. Брюзгливые бюрократы — такое описание им лучше подходит. Чиновники, педантично придерживающиеся правил. Именно поэтому многие из них поступают на службу в Галактические Институты. При Ну-Дауне они только восстанавливали законность. Когда человеческие поселенцы начали сопротивляться.

— Они считали, что на них нападают! — возразил Заки.

— Да. — Брукида кивнул. — Но земные колонии еще не знали о контакте, и у них не было оборудования, чтобы выслушать запросы галактов. Когда чиновники хуны явились, чтобы сделать последнее ритуальное предупреждение, они встретились с тем, чего не было в их руководствах, — с вооруженными нарушителями. С варварами, не владеющими галактическими языками. Последовала цепочка ошибок. С Джофура были вызваны отряды военных.

— Это не имеет никакого отношения к нашим теперешним проблемам, — прервал Каа лекцию Брукиды по истории. — Заки, ты должен перестать резать сети местных хунских рыбаков! Это привлекает к нам внимание.

— Гневное внимание, — добавил Брукида. — С каждым твоим набегом, Заки, они становятся все более настороженными. В последний раз они бросали копья.

Молодой дельфин фыркнул:

Пусть охотники на китов бросают!
Как в осенних бурях древности —
Волны накатываются, и двуногие тонут!

Каа поморщился. Несколько мгновений назад Заки готов был мстить за людей, погибших в последней колонии, когда дельфины едва начинали говорить. Теперь раздраженный юноша объединяет всех двуногих, вспоминая распри, которые происходили до того, как мужчины и женщины стали стражами Земли. С тем, у кого так работает сознание, невозможно спорить.

Тем не менее обязанность Каа — поддерживать дисциплину.

Если еще раз так поступишь,

Никакой гарпун не сможет так ранить твою спину,

Как мои острые зубы!

Не очень хорошая хайку — разумеется, не те классические поэтические всплески тринари, которыми так поражал экипаж капитан Крайдайки, вызывая волнами великолепных звуков восторженную преданность. Но предупреждение подействовало на Заки. Каа продолжал, из его лба вылетел звуковой поток, пронзив тело Заки и выдавая таящийся в нем страх.

Если сомневаешься, подумал Каа, поступай так, как поступали предки.

— Можешь идти, — закончил он. — Отдохни. Завтра будет еще один длинный день.

Заки послушно повернулся и отступил в дальний угол, который делил с Мополом.

Увы, Каа знал, что его успех не будет длительным.

Тш'т говорила нам, что это важное поручение. Но ручаюсь, она отправила нас сюда, потому что мы единственные, без кого «Стремительный» легко обойдется.

* * *

Этой ночью ему снилось, что он пилотирует корабль.

У дельфинов есть к этому склонность — необычно ранняя для самой молодой разумной расы в Пяти Галактиках. Всего через триста лет после того как земные генетики начали модифицировать бутылконосых дельфинов, космический корабль «Стремительный» был отправлен в полет с благородной целью доказать высокие качества дельфиньего экипажа. Террагентский Совет полагал, что непрочное положение Земли укрепит известие, что она производит первоклассных пилотов.

«Счастливчик» Каа, естественно, был доволен тем, что его отобрали для этого полета, пока до него не дошел один очевидный факт.

Я был хорош, но не был лучшим.

В полусне Каа снова увидел страшную засаду на Моргране, и даже спустя столько времени его потрясла близость катастрофы, от которой они едва ушли.

Присоединенный к многочисленным приборам на мостике, не в состоянии ничего делать, кроме как продолжать движение, главный пилот

Кипиру осуществил на старом разведывательном корабле класса «Акула» такие маневры, которым позавидовал бы боевой корабль танду; миновал все затаившиеся мины и захватывающие поля и вернулся в течение Моргран без помощи корабельных компьютеров.

Спустя два года это воспоминание потеряло свою яркость.

Вокруг них сплетались линии перехода, ослепительные полосы сингулярностей измерений. Благодаря капризу церебральной эволюции подготовленные пилоты-дельфины способны воспринимать мерцающие щели пространства-времени как сонарные отражения. Но Каа никогда раньше не проходил через такую путаницу! Через торнадо узловатых полос. Если бы корабль под неверным углом задел любую из этих сверкающих нитей, его выбросило бы в обычное пространство в виде мешанины кварков.

Однако каким-то чудом корабль легко переходил от одной нити к другой, Кипиру сумел избежать преследования, миновать обычные торговые маршруты и наконец привести «Стремительный» в убежище, избранное капитаном Крайдайки.

Китруп, где можно было в виде чистых изото-

пов металлов найти материалы, необходимые для ремонта; эти металлы, подобно кораллам, росли в ядовитом море.

Китруп — родина двух неведомых рас, одна погруженная в древнее болото отчаяния, другая новая и подающая большие надежды.

Китруп, куда никто не мог за ними последовать.

Но их продолжали преследовать. Галакты безумно сражались друг с другом у них над головой.

И вскоре Кипиру погиб, а вместе с ним Тошио, Хикахи и мистер Орли.

И Каа узнал, что некоторые желания лучше не осуществлять. Он узнал, что в конце концов совсем не хочет быть главным пилотом.

В последующие годы он набрался опыта. Он пилотировал корабль в бегстве с Оакки и из Фрактальной системы и показал себя хорошо, хотя и не слишком ярко.

Недостаточно хорошо, чтобы сохранить свое прозвище.

Не слышал, чтобы кто-нибудь сказал, что мог бы справиться с этим лучше.

Сон был не очень целительным и спокойным.

Заки и Мопол еще до рассвета снова начали

резвиться, пища и толкаясь за перегородкой, которую едва не разнесли своими молотящими хвостами. Следовало бы отправить их наружу, но Каа не решился.

— Типичное послеподростковое поведение, — сказал ему Брукида у распределителя пищи. — Молодые самцы легко возбуждаются. У дельфинов в природе однополые сексуальные игры прекращаются, когда молодые самцы начинают подумывать о привлечении внимания самок. Молодые часто проверяют свой статус, бросая вызов взрослым самцам.

Конечно, Каа все это знал. Но с тем, что это «типично», не мог согласиться. Я себя так никогда не вел. Конечно, я был несносным, высокомерным молодым дельфином. Но сознательно никогда не вел себя грубо, подобно животному.

— Может, Тш'т следовало включить в нашу группу самок, — вслух подумал он.

— Это не помогло бы, — ответил пожилой металлург. — Если эти два молодых нахала не заручились расположением ни одной самки на корабле, не получится это у них и здесь. У наших самок высокие стандарты.

Рассмеявшись, Каа едва не подавился куском полупрожеванной кефали. Он был благодарен

Брукиде за его грубоватый юмор, хотя касался он щекотливой темы. В последнее время по кораблю ходила петиция с просьбой разрешить размножение, подписанная несколькими дельфинами.

Каа сменил тему.

— Как дела с анализом материалов, которые хуны выбросили в море?

Брукида кивком указал на свой рабочий стол, где стояло несколько раскрытых ящиков, украшенных лентами. В пепельной пыли лежали куски кости и обломки кристаллов.

— До сих пор содержимое ящиков подтверждало то, что написал в своем дневнике молодой хун.

— Поразительно. Я был уверен, что это розыгрыш, подготовленный нашими врагами. — Экипажу раздали копии рукописного дневника, но трудно было поверить тому, что в нем написано.

— Очевидно, он говорит правду. На этой планете живут совместно Шесть Рас. Как часть экологически ориентированного ритуала, они посылают свои не поддающиеся переработке отходы — они называют их мусором — в море, и там их хоронят в специально отведенных зонах. Сюда входят и части их переработанных тел.

— И ты нашел…

— Останки людей. — Брукида кивнул. — А также шимпов, хунов, уров — всех тех, о ком писал молодой Олвин.

Каа все это по-прежнему ошеломляло.

— И среди них джофуры. — Он с трудом заставил себя произнести это слово.

Брукида нахмурился.

— Похоже, это вопрос дефиниции. Я обменялся мнениями с Джиллиан и машиной Нисс. Они предполагают, что эти так называемые треки могли одурачить остальные расы, выполняя свою часть сложного долговременного плана.

— Но как это возможно?

— Не знаю. Для этого не требуется, чтобы все треки знали о плане. Только немногие, с тайными кольцами власти и со скрытым оборудованием, которое позволяет руководить остальными. Не могу себе этого представить. Но Джиллиан расспрашивала захваченную ячейку Библиотеки. И такой сценарий кажется возможным.

У Каа не нашлось ответа. Такие проблемы кажутся ему слишком сложными, и его ответом была лишь дрожь, охватившая массивное тело от носа до кончика хвоста.

Еще один день они провели в наблюдениях за местными сунерами. Хунский порт Вуфон вполне

соответствовал описанию в дневнике Олвина, хотя в глазах того, кто видел небесные башни Танита и яркие города земной Луны, он казался грубым и обшарпанным. Хуны, по-видимому, больше внимания уделяли своим кораблям, чем домам. Их парусники представляли собой прекрасные резные произведения, вплоть до гордых статуй на носу в форме кричаще ярких божеств.

Когда такой корабль проходил мимо Каа, он уловил глубокие низкие звуки пения: матросы выражали свою явную радость от того, что вышли в море.

Трудно поверить, что это те самые, кого Брукида описывает как бесстрастных педантов и формалистов. Может, существуют две похожие расы, у которых одинаково звучащие названия. Каа решил сегодня в вечернем отчете отправить соответствующий запрос.

Но хуны были не одни на палубе. Он всмотрелся в маленькие фигурки, проворно карабкавшиеся по снастям, но когда попытался использовать портативный фотоаппарат, изображение промелькнуло слишком быстро, так что получилось только размытое пятно.

«Стремительный» запросил также более подробное изображение вулкана, который,

по-видимому, был центром индустриальной деятельности сунерских рас. Джиллиан и Тш'т подумывали о том, чтобы послать на берег новый независимый робот-разведчик, хотя предыдущий был утрачен. Каа сделал спектральный анализ вулканических паров и обнаружил при этом узкий рельсовый путь, замаскированный среди окружающих скал.

Он часто проверял, где Заки и Мопол, которые для разнообразия вели себя хорошо и занимались порученным им делом: подглядывали за колонией красных квуэнов. Но позже, когда они втроем уже возвращались на базу, Мопол отстал.

— Должно быть, что-то съел, — сказал голубой дельфин, из его брюха донеслось неприятное урчание.

Здорово, подумал Каа. Сто раз предупреждал его не пробовать местных животных, пока их не проверил Брукида!

Мопол говорил, что все будет в порядке. Но когда солнце село и вода, окружающая их убежище, потемнела, он начал стонать. Брукида воспользовался маленьким медицинским сканером, но не смог понять, что с Мополом.

Тш'т

Номинально она командует самым знаменитым космическим кораблем Земли — красавцем, почти новым по галактическим стандартам. Ведь ему было всего девятьсот лет, когда Террагентский Совет купил его у пунтиктина, дилера, торгующего подержанными кораблями, перестроил, назвал «Стремительным» и выпустил в космос, чтобы доказать мастерство экипажа из неодельфинов.

Увы, поврежденный корабль вряд ли когда-нибудь снова сможет лететь по спиральным путям. Отягощенный толстым слоем непокорной звездной пыли, захваченный глубоко под водой, в то время как преследователи проверяют пропасть глубинными бомбами, по всем признакам он обречен присоединиться к окружающим огромным грудам призрачных кораблей, которые медленно погружаются во всепоглощающую грязь океанской пропасти.

Возбуждение, которое вначале испытывала от своей службы Тш'т, прошло. Захваченность полетом. Опьянение. Да и особого наслаждения «властью» тоже не было: не она определяет по-

литику и принимает важнейшие решения. Этим занимается Джиллиан Баскин.

А остаются десятки тысяч разных дел, например, когда недовольный кок встречает ее в заполненном водой проходе и просит разрешения подняться в мир света.

— Здесь слишком темно и холодно, чтобы рыбачить, — жаловался Булла-джо, чьей обязанностью было добывать продовольствие для сотни привыкших к изысканной пище дельфинов. — Моя команда сборщиков урожая едва может передвигаться в тяжелых скафандрах. И видела ты так называемую рыбу, которая попадает в наши сети? Странные существа, сплошные колючки. И они светятся!

Тш'т ответила:

— Доктор Макани по крайней мере сорок местных разновидностей рыбы определила как вкусные и питательные, если только мы делаем нужные добавки.

Но Булла-джо продолжал ворчать:

— Всем нравится то, что мы добывали раньше, в верхнем мире волн и свежего воздуха. Там, вверху, большие стаи замечательной добычи.

И Булла-джо перешел на тринари:

Там, где замечательный солнечный

свет

Заставляет сверкать рыбу,

Убегающую от нас!

Он закончил:

— Если хочешь свежей пищи, отпусти нас на поверхность, как обещала!

Тш'т подавила раздраженный вздох: Булла-джо забывчив. На ранних стадиях Возвышения неодельфины часто добиваются желаемого, не обращая внимания на противоречия.

Я сама так поступаю время от времени.

Она пыталась вырабатывать в себе терпение, как учил Крайдайки.

— Доктор Баскин отменила планы посылки новых групп к солнечной поверхности, — сказала она Булла-джо, чьи пестрые бока и короткий клюв выдавали происхождение от линии дельфинов стенос. — Ты разве не помнишь, что зафиксировано изменение гравитационного поля, которое перемещается над нами? Или что кто-то бросал сверху бомбы, пытаясь отыскать нас?

Булла-джо в выражении упрямого высокомерия опустил нос.

— Мы пойдем голыми, с нами не будет никаких инструментов, и ити не смогут нас обнаружить.

Тш'т удивилась такому одностороннему мышлению.

— Это могло бы помочь, если бы обнаружение велось с орбиты или с большой высоты. Но они приблизительно знают наше местонахождение, могут кружить низко и медленно в поисках радиационно-химических следов молекул в нашей крови. Дельфины на поверхности сразу нас выдадут.

Во рту у Тш'т горьковатый привкус иронии, ибо она знала кое-что, чем не намерена была делиться с Булла-джо. Они все равно отыщут нас, какие бы предосторожности ни принимала Джиллиан.

Но раздраженному члену экипажа она говорила только успокаивающие слова.

— Еще недолго соблюдай предосторожности, Булла-джо. Мне тоже хочется поохотиться на серебристую рыбу в теплых водах. Вскоре все разрешится.

Мрачно, но слегка успокоившись, ее товарищ по экипажу отдал салют хлопаньем спинного плавника и вернулся к своим обязанностям, хотя Тш'т знала, что кризис еще не раз повторится. Дельфины не любят находиться так далеко от солнечного света или от приливного цикла, который трется о берег. Турсиопы не предназначены для

жизни на глубине, где сжатые звуковые волны становятся искаженными и тревожащими.

Это царство Файсетера, кашалота, с его огромным лбом, посланника древних богов сна. Он ныряет сюда, чтобы сразиться с многорукими демонами.

В пропасти надежды и кошмары прошлого, настоящего и будущего оседают, образуя темные осадки, и это место лучше оставлять спящим.

Мы, неодельфины, в глубине души суеверны. Но чего можно ожидать, если наши любимые патроны — люди? Люди, которые сами волчата, примитивные по стандартам миллиарднолетней культуры.

Так она размышляла, глубоко вдыхая, заполняя легкие-жабры оксиводой, насыщенной кислородом; такая вода заполняет большинство жилых помещений «Стремительного». Генетически усовершенствованная система дыхания насыщает, но никогда не приносит удовлетворения. Это одна из причин, почему экипаж так стремится к чистому яркому миру вверху.

Повернув в сторону мостика «Стремительного», она мощно двинулась в шипящей жидкости, поднимая ударами плавников облака пузырьков. Каждый пузырек издавал слабый щелчок,

когда лопался наверху или растворялся в перенасыщенной воде. Иногда шумы сливались и начинали звучать, как аплодисменты эльфов — или как насмешливый хохот, сопровождавший Тш'т по всему кораблю.

По крайней мере я не обманываю себя, думала она. Я выполняю свои обязанности хорошо. Так говорит Джиллиан, она в меня верит. Но я знаю, что не предназначена на роль командира.

Тш'т и не ожидала такого поста, когда «Стремительный» с экипажем из неодельфинов впервые поднялся на орбиту с Земли. Тогда — всего два года назад по времени корабля — Тш'т была только младшим помощником, пятым по старшинству от капитана Крайдайки. И всем было известно, что, если понадобится, место капитана могут занять Том Орли и Джиллиан Баскет, что и сделала Джиллиан во время кризиса на Китрупе.

Тш'т не была недовольна этим вмешательством людей. Осуществляя бегство из западни на Китрупе, Том и Джиллиан сотворили чудо, хотя это и привело к расставанию возлюбленных.

Разве не такова участь людей — лидеров и героев? Вмешиваться, когда кризис угрожает клиентам.

Но к кому нам обратиться, если дела начинают

идти ужасно даже под руководством людей?

Галактические традиции настаивают на строгой — некоторые даже говорят «угнетающей» — иерархии долгов и обязательств. Долга расы клиентов перед патронами. Патронов — перед их разумными благодетелями и так далее. Эта гигантская цепь возвышения уходит в прошлое, к легендарным Прародителям. Именно эта цепь вызвала лихорадочную реакцию некоторых фанатичных кланов, услышавших об открытии «Стремительного» — о флоте брошенных кораблей с древнейшими почитаемыми символами и обозначениями.

Но такая пирамида преданности имеет и свои положительные аспекты. Каскад возвышения означает, что каждый новый вид получает помощь при пересечении глубочайшей пропасти, отделяющей простых животных от граждан звездной цивилизации. И если ваши благодетели не могут найти ответ, они могут получить его у своих патронов. И так далее.

Джиллиан пыталась придерживаться этой системы, уведя «Стремительный» с Китрупа на Оакку, зеленую планету, в поисках совета со стороны беспристрастных ученых Института Навигации. Потерпев здесь неудачу, она поискала

помощи во Фрактальной системе — огромном ледяном пространстве, заполненном снежинками размером с целую Солнечную систему, — надеясь, что почтенные существа, живущие здесь, предложат мудрый выход или по крайней мере дадут убежище.

Не вина доктора Баскин, что из этого ничего не вышло. Общий замысел у нее был верный, рассуждала Тш'т. Но Джиллиан была слепа к очевидному.

Кто вероятнее всего поможет вам, когда вы в беде и за вами гонится линчующая толпа?

Суд?

Ученые какого-нибудь университета?

Или ваша собственная семья?

Тш'т никогда не решалась высказать свою идею вслух. Подобно Тому Орли, Джиллиан Баскин гордилась романтическим образом возвышенного земного клана. Единственного во вселенной. Тш'т знала, что ответ будет отрицательным.

Поэтому, чтобы не нарываться на прямой запрет, Тш'т незаметно начала выполнять свой план — непосредственно перед тем, как «Стремительному» удалось бежать из Фрактальной системы.

А что еще я могла сделать, когда «Стремитель-

ный» преследовали разъяренные флоты, лучшие члены экипажа погибли, а Земля оказалась в осаде? Наши друзья тимбрими вряд ли могут помочь себе самим. Галактические Институты оказались продажными, а Древние солгали нам.

У нас не было выбора.

У меня не было выбора.

Трудно было скрыть что-нибудь, особенно от того, кто знает дельфинов так хорошо, как Джиллиан. Неделями с прибытия сюда «Стремительного» Тш'т надеялась, что ее неповиновение ни к чему плохому не привело.

Затем офицер-наблюдатель доложил о том, что зафиксированы гравитационные следы. В пространстве у Джиджо появились космические корабли.

Значит, они все-таки пришли, подумала она, услышав эту новость и старательно скрывая свое удовлетворение, когда другие члены экипажа выражали свою тревогу, жаловались на то, что теперь они загнаны безжалостными врагами в угол на этой заброшенной планете.

Тш'т хотела бы сказать им правду, но не решалась. Добрая новость может подождать.

Ифни пожелала, чтобы я оказалась права.

Тш'т задержалась у входа на мостик, заполняя

генетически видоизмененные легкие оксиводой. Обогащенная кислородом кровь позволяла ясней подумать, прежде чем привести в действие следующий этап ее плана.

У расы клиентов есть только один выбор, когда ваши любимые патроны кажутся побежденными, а другие возможности отрезаны.

Пусть боги древних океанов Земли узнают и поймут, что я делаю.

И что мне еще предстоит сделать.

СУНЕРЫ
НЕЛО

Некогда буйурский город раскинулся на всем протяжении между двумя реками — от Рони до далекого Бибура.

Башни города давно исчезли, разобранные и сваленные в море. На их месте над топким болотом и лужами маслянистой воды росли папоротники и облакоподобные деревья вув. Несколько холмов, оставшихся от огромного города, покрыты паутиной нитей мульк-паука, но даже эти щупальца теперь поблекли, их разрушительная роль почти завершена.

Для Нело это была пустыня, богатая жизнью, но

бесполезная для Шести Рас. Разве что треки могут использовать ее как место отдыха.

«Что я здесь делаю? — думал он. — Мне следовало вернуться в Доло, заниматься своей мельницей, а не бродить по болоту в обществе сумасшедшей женщины».

За Нело моряки-хуны негромко ворчали: им не нравилось, что приходится с помощью шестов пробираться по несчастному болоту. Самое правильное время для очистки — начало сухого времени года, когда горожане в лодках с малой осадкой прочесывают болота в поисках остатков деятельности буйуров, пропущенных терпеливыми мульк-пауками. А теперь, когда каждый день можно ожидать водяных бурь, условия для исследований не самые подходящие. Грязные протоки мелкие, но опасность наводнения весьма реальная.

Нело посмотрел на пожилую женщину, которая сидела в инвалидном кресле на корме и через реук, надетый на глаза, всматривалась в окружающие деревья.

— Экипаж недоволен, мудрец Фу, — обратился он к ней. — Они предпочли бы, чтобы мы подождали безопасного времени.

Ариана Фу ответила, не отрывая взгляда от

зарослей.

— О, какая замечательная мысль! Четыре месяца или еще больше сидеть и ждать, а тем временем болота затопятся, протоки изменятся, и то, что мы ищем, навсегда исчезнет в грязи. Конечно, к тому времени информация вообще никому не будет нужна.

Нело пожал плечами. Эта женщина сейчас в отставке. Официальной власти у нее нет. Но как бывший высокий мудрец, представитель всех людей на Джиджо, Ариана обладает моральным правом просить всего, что ей угодно, включая просьбу, чтобы Нело оставил свою любимую бумажную фабрику-мельницу вблизи большой плотины Доло и сопровождал ее в этом нелепом поиске.

Конечно, сейчас на мельнице особенно делать нечего, понимал он. Паника из-за этих проклятых звездных кораблей совершенно разрушила торговлю, никто больше не заинтересован в крупных заказах.

— Сейчас самое подходящее время, — продолжала Ариана Фу. — Конец сухого сезона, когда вода стоит низко, а листва с деревьев опадает. У нас максимальная видимость.

Нело поверил ей на слово. Большинство мо-

лодых мужчин и женщин заняты в милиции, и поэтому в поисковую группу отрядили подростков и стариков. А ведь именно дочь Нело несколько месяцев назад во время обычного похода по очистке нашла в этом районе Незнакомца из космоса. И Нело в долгу перед Арианой за то, что та передала ему новости о Саре и мальчиках — что у них было все в порядке, когда она о них слышала в последний раз. Мудрец Фу провела немало времени с дочерью Нело, сопровождая Сару от города Тарек до архива Библос.

Он почувствовал, как еще одна капля упала на щеку, десятая с тех пор как они покинули реку и углубились в бесконечное болото. Нело подставил руку под мрачное небо и молился, чтобы настоящий дождь задержался еще на несколько дней.

Тогда пусть приходит! Уровень воды в озере низкий. Нам нужно водяное давление для колеса, или мне придется закрыть фабрику из-за отсутствия энергии.

Мысли его обратились к бизнесу — покупке и собиранию использованных тканей у всех Шести Рас. К размельчению и процеживанию. К прессовке, просушке и продаже отличных листов, которыми его семья славится с тех пор, как люди

принесли благословенную бумагу на Джиджо.

Благословение, которое некоторые называют проклятием. Радикальные взгляды пользуются все большей поддержкой у простых крестьян, панически боящихся конца дней.

Сверху послышался крик.

— Там! — Жилистый молодой хун, сидевший на мачте, показывал вперед. — Хр-рм. Должно быть, это корабль Незнакомца. Я говорил, что это должно быть здесь!

Выхуф-эйхуго сопровождала Сару в той знаменательной экспедиции по очистке — эту обязанность должны были исполнять все граждане. У нее нет горлового мешка, какой есть у самцов, но ее голос звучал громко и энергично. Она гордилась своим умением ориентироваться.

«Наконец! — подумал Нело. — Теперь Ариана сделает свои наброски, и мы сможем оставить это ужасное место». Пересекающиеся кабели мульк-паука заставляли его нервничать. Их лодка с укрепленным обсидианом носом без труда разрезала распадающиеся нити. Тем не менее Нело чувствовал, что они все больше углубляются в какую-то дьявольскую ловушку.

Ариана что-то пробормотала. Нело, мигая, повернулся к ней.

— Что вы сказали?

Пожилая женщина показывала вперед, ее глаза сверкали любопытством.

— Не вижу никакой сажи!

— Ну и что?

— Незнакомец обгорел. Его одежда была обожжена и разорвана в клочья. Мы считали, что его корабль упал в огне — возможно, после схватки с другим кораблем над Джиджо. Но смотрите. Видите ли вы какие-нибудь следы пожара?

Лодка обогнула последнюю рощу деревьев вув, и по другую ее сторону в путанице поломанных веток показалась блестящая металлическая капсула. Единственное отверстие напоминало не дверь или люк, а скорее скошенный лепесток цветка. Падая, корабль прорезал в растительности полосу в направлении на северо-запад. Несколько поросших травой болотных холмиков были разрезаны надвое, и разрез уже частично зарос новой растительностью.

У Нело был небольшой опыт землемера, и он помогал определять размеры корабля. Он небольшой — не больше хунской лодки — и определенно не могучий крейсер, какой недавно разрезал небо над деревней Доло, приведя ее жителей в истерическое состояние. Закругленные бока на-

помнили Нело обыкновенную каплю, а не нечто сотворенное разумными существами.

Две капли упали ему на лоб и щеку. Еще одна — на руку. Вдали послышались раскаты грома.

— Подходите ближе! — приказала Ариана, раскрывая свой блокнот.

Недовольно ворча, хуны повиновались и заработали шестами и веслами.

Нело смотрел на чужой корабль, но мог думать о нем только как о мусоре. Когда Шесть отправляются чистить буйурские города, их главная цель — отыскать то, что можно использовать дома или в мастерской. Но, полезное или нет, все со временем погружается в украшенные лентами ящики, чтобы отправиться в Большую Помойку. Колонисты считают, что тем самым помогают очищать Джиджо. Может, тем самым они приносят не вред, а пользу планете, которая их приняла.

— Ифни! — про себя произнес Нело, глядя на корабль, который выбросил из космоса Незнакомца. Для космического корабля он, может, и маловат, но слишком тяжел, чтобы передвигать его вручную.

— Трудно придется вытаскивать эту штуку отсюда, не говоря уже о том, чтобы дотащить ее до моря.

И снова с юга послышались раскаты грома.

ЭВАСКС

Нас, джофуров, учат, что ужасно быть треки — грудой без центрального руководства. Обреченной жить спокойной и неопределенной жизнью.

Все воспевают хвалу могучим оайлие, которые приняли нас у слишком робких поа и проделали последние стадии нашего Возвышения.

Оайлие создали новые господствующие кольца, чтобы связать воедино и нацелить нашу сущность.

Без таких колец, как Я, как могла наша раса стать великой, могучей и ужасной в Пяти Галактиках?

И однако, объединяя ваши маленькие сущности в новое целое, я поражаюсь яркости старых слоев, которые нахожу в нашем сердечнике! Слоев, которые восходят ко времени до того, как Я объединил эту престарелую груду колец. Какими великолепными и ясными кажутся эти воспоминания, вопреки их противоречивой гармонии. Признаю, существование все же было острым и живым, когда вы/мы были просто Асксом.

Возможно, это удивление связано с тем, что Я/

сам так молод, только недавно отделился от бока капитана нашего корабля — Я его собственное порождение.

Да, это благородное наследство. Поэтому можете себе представить Мое удивление в новой ситуации! Созданный для выполнения долга в господствующей касте, Я по прагматическим причинам связан со случайной грудой древних торов, плохо образованных и полных странных, примитивных представлений. Мне поручено использовать эту груду как можно лучше, пока позже не будет проведена хирургическая операция по реконфигурации.

Ага. Это вызывает у некоторых из вас реакцию? Наше второе кольцо мысли в особенности находит это сообщение тревожным.

Не бойтесь, Мои кольца! Проникнитесь любовью и помните свое место. Ваш долг не спрашивать, а только служить. Заверяю вас: процедура, которую Я упомянул, очень распространена среди могучих джофуров. Когда одно кольцо изымается, чтобы соединиться с новой грудой, половина или даже больше оставшихся колец тоже могут быть использованы заново. Конечно, большинство из вас уже стары, и священники могут решить, что вы заражены другими расами. Это может поме-

шать вашему соединению с другими грудами. Но выслушайте мое обещание. Когда наступит время перехода, Я, ваше возлюбленное господствующее кольцо, перенесу переход в добром здравии и буду с добром вспоминать вас в Моей новой великолепной груде.

Я знаю, что это принесет вам огромное удовлетворение, когда вы будете в нашем общем сердечнике думать о своей судьбе.

ЛАРК

Соборная тишина заполняла лес бу — густую заросль серозеленых колонн, поднимающихся к самому небу. Каждый могучий ствол обхватом в панцирь квуэна с его пятью клешнями. Некоторые высотой достигают каменного свода Библоса.

Теперь я знаю, что чувствует насекомое, когда пробирается между стеблями травы в пампасах.

Идя по узкой тропе между гигантскими стволами, Ларк часто мог развести руки и одновременно коснуться двух деревьев. Только сержанта милиции, казалось, не затронуло ощущение замкнутости, которое испытывают путники в этом месте вертикальных перспектив. Остальные

стражники нервничали, тревожно посматривали по сторонам, вглядывались в тени в узких проходах.

— Далеко ли до горы Дуден? — спросила Линг, поправляя кожаные ремни рюкзака. На ее шее блестел пот, воротник домотканой куртки, которую ей дали, потемнел от влаги. Эффект был не таким вызывающим, как во время их первого совместного путешествия, когда тонкая ткань костюма даников потрясающе облегала роскошную фигуру.

И в любом случае теперь я мудрец и не могу позволить себе этого. Повышение принесло с собой только неприятные обязанности.

— Я раньше никогда не ходил этим коротким путем, — ответил Ларк, хотя они с Утеном облазили эти горы в поисках данных для своей книги. Через горы ведут и другие тропы, и г'кеки, которым номинально принадлежит эта территория, с их колесами, вряд ли стали обращать внимание на такую неровную тропу. — По моей оценке, доберемся в течение двух мидуров. Хочешь отдохнуть?

Линг отбросила влажные пряди с глаз.

— Нет. Лучше пойдем дальше.

Бывшая генная грабительница, казалось, ни

на мгновение не забывает о присутствии Джени Шен, низкорослого сержанта милиции, которая, словно любимого ребенка, прижимала к груди свой самострел. Джени взглядом охотника часто посматривала на Линг. Она словно прицеливалась, какой жизненно важный орган лучше всего поразить стрелой. Все чувствовали растущую враждебность между двумя женщинами — и что Линг скорее умрет, чем проявит слабость перед сержантом милиции.

Для Ларка одно в их вражде оказалось удобным. Эта вражда отводила гнев Линг от него, особенно после того как он с помощью логики низверг ее любимых богов ротенов. С тех пор женщина биолог была вежлива, но по большей части мрачно молчала.

Никому не нравится, когда его самые фундаментальные представления выбивают из-под него — особенно если это делает примитивный варвар.

Ларк надул щеки и выдохнул — хунский вариант пожатия плечами.

— Хр-рм. После следующего подъема передохнем. К тому времени самый густой лес бу закончится.

На самом деле самая густая часть уже осталась

позади — такая частая, что на ветру гигантские стволы терлись друг о друга, создавая низкую гулкую музыку, от которой у всякого оказавшегося в роще дрожь передавалась костям. Идя цепочкой, обходя места, где стволы тесней прижимались друг к другу, отряд внимательно следил за пометками на стволах — они жизненно необходимы в пути.

Я правильно поступил, не взяв Утена с нами, подумал Ларк, пытаясь убедить себя. Продержись еще немного, старый друг. Может, мы найдем что-нибудь. Молюсь, чтобы это было так.

Перемещающаяся дымка ограничивала видимость: со многих больших бу, из верхних резервуаров, стекала вода, и капли словно пронизывали могучие колоннады. Несколько раз попадались поляны, где огромные стволы в реакции домино повалили друг друга, оставив водоворот ветвей и обломков.

Несмотря на туман, Ларк время от времени замечал на стволах и другие символы — не путевые знаки, а загадочные эмблемы на галдва и галшесть в сопровождении рядов цифр на англике.

Зачем кому-то понадобилось оставлять граффити в роще бу?

Иногда он даже замечал в тумане фигуры:

один раз это был человек, другой — несколько уров, наконец пара треки. Они мелькали среди гигантских зеленых стволов. По крайней мере он надеялся, что эти заостренные конусы — треки. Все исчезали, как призраки, прежде чем он мог всмотреться.

Сержант Шен вела отряд слишком быстро, чтобы можно было заниматься исследованиями. Ларка и его пленницу вызывали два высоких мудреца — и этот приказ превосходил все остальные потребности. Несмотря на неровную трудную местность, последние новости с Поляны Собраний придавали силы и энергии шагам путников.

Курьеры сообщали, что дредноут джофуров по-прежнему блокирует священную долину, удобно устроившись посреди опустошения, а поблизости вдвойне плененный корабль ротенов — вначале золотым коконом, а теперь еще и поднявшимся озером. Джофуры ежедневно посылают два небольших корабля, рассматривая сверху Склон и прилегающие моря. Никто не знает, что ищут звездные боги.

Несмотря на то что произошло в ночь посадки большого корабля, несмотря на участь Аскса и других оставшихся на Поляне, высокие мудрецы готовят новое посольство из смелых доброволь-

цев, надеясь начать переговоры. Никто не просил Ларка быть послом. Для него у мудрецов подготовлены другие задания.

Люди были не единственными, кто слегка мошенничал, когда поколение основателей прилетело на запретную Джиджо, чтобы создать колонию.

Больше года после приземления экипаж «Обители» не отправлял свой драгоценный корабль в океанскую пропасть. Этот год использовался для того, чтобы с помощью машин рубить деревья и печатать книги, затем спрятать их в крепости, которую основатели вырубили в утесе под нависающей каменной крышей. Убежище было защищено прочными стенами и рекой. В первые годы, особенно во времена войн с урами и квуэнами, крепость Библос служила жизненно важным убежищем, пока люди не стали настолько сильны, чтобы потребовать к себе уважения.

У серых королев тоже была такая крепость. Ее вырубили могучие машины, прежде чем крадущийся корабль исчез под волнами. Пещеры Шуд, вблизи современного города Овун, должны были казаться неприступными. Но когда синие и красные работники отказались быть рабами, оставили своих хитиновых императриц и от-

правились на поиски новых домов и судьбы, лабиринт глубоких, вырубленных в скалах пещер затопили поднявшиеся воды.

Гора Дуден — древнейшая из крепостей сунеров. Вслед за городом Тарек это центр жизни г'кеков на Джиджо, место удивительных грациозных рамп, позволяющих колесным существам перемещаться по многочисленным дорогам с крутыми поворотами от своих ткацких станков и мастерских до защищенных деревьями платформ, где целые семьи спят, соединив оси и медленно вращаясь. Извилистые системы под блеклыми маскирующими пологами напоминают картины, которые можно найти в земных книгах периода до контакта — нечто среднее между парком развлечений и шоссейными развязками большого города.

На лице Линг появилось радостно-изумленное выражение, когда она разглядывала поселок и, кивая, слушала объяснения Ларка. Подобно Библосу, крепость Дуден не рассчитана на то, чтобы быть вечной, ибо это нарушало Заповедь Изгнания. Когда-нибудь все это исчезнет, старейшины г'кеков соглашались с этим. Тем не менее спицы колесных дрожали от гордости при одном упоминании своего любимого города. Своего дома.

Линг поражалась, а Ларк с новой болью разглядывал полный деятельности поселок.

Это их единственный дом.

Если ротены не солгали, в Пяти Галактиках больше нет живых г'кеков.

Если они погибнут на Джиджо, то исчезнут окончательно.

Глядя на молодых г'кеков, которые лихо и бесстрашно носились по переходам, делая крутые повороты, распустив все четыре глазных стебелька, блестя ободьями, Ларк не мог поверить, что вселенная допустит подобное. Как можно позволить исчезнуть такой уникальной расе?

Лес бу остался позади, и отряд стоял на вершине хребта, поросшего обычными деревьями. Когда люди остановились, с ветвей ближайшего дерева тару спустился зукир — сплошная путаница рук и ног, покрытых белыми спиралями пушистого торга. Драгоценные помощники и любимцы г'кеков, зукиры делали для колесных существ жизнь более терпимой на планете, где дорог слишком мало, а камней, на которых можно запнуться, слишком много.

Зукир закричал, потом подобрался ближе, принюхиваясь. Он миновал всех людей и безошибочно направился к Ларку.

Верьте зукиру: он всегда увидит мудреца — гласит народная мудрость. Никто понятия не имел, каким образом это делают зукиры: ведь они в остальных отношениях считаются менее умными, чем шимпанзе. Ларка повысили совсем недавно, и он себя неловко чувствовал в своем новом звании «младшего мудреца», однако это существо без всякого труда распознало его. Зукир прижал к его руке влажные ноздри и вдохнул. Затем, удовлетворенно кудахча, сунул в руку Ларка сложенный листок пергамента.

На листке была надпись: «ВСТРЕЧАЙ НАС В УБЕЖИЩЕ».

ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ

В узком каньоне, на расстоянии в половину лиги, ждали два высоких мудреца. Это были Лестер Кембел и Ум-Острый-Как-Нож, синий квуэн, чья репутация сострадательного и сочувственного мудреца сделала его популярным среди Шести Рас.

Здесь тропа была выровнена и хорошо приспособлена для г'кеков, поскольку это часть их крепости Дуден. По лугам двигались фигуры на колесах, присматривали за своими подопечны-

ми, которые живут в шалашах под деревьями. Это приют священных простаков, чье существование — согласно свиткам — обещает стать будущим всех Шести Рас.

Несколько таких благословенных собрались вокруг Ума-Острого-Как-Нож, хихикая или издавая звуки на упрощенных, примитивных вариантах галактических языков. По большей части это были хуны и уры, но на глазах у Лестера подошел один красный квуэн, поблизости робко стояли несколько груд треки, испуская счастливые ароматы. Все они получили свою порцию ласковых поглаживаний: клешни Ума-Острого-Как-Нож словно превратились в руки.

Лестер следил за коллегой и с сознанием собственной вины чувствовал, что никогда не сравнится с ней в радостной доброте. Благословенные — высшие существа, они превосходят нормальных представителей Шести Рас. Их простота — доказательство того, что остальные расы могут последовать примеру глейверов и пройти по Тропе Избавления.

Мне следовало бы радоваться, видя их, думал он.

Но я терпеть не могу приходить сюда.

Представители всех Шести Рас жили в прими-

тивных убежищах под стенами каньона, местные г'кеки и добровольцы со всего Склона заботились о них. Когда в деревне квуэнов, хунов или уров обнаруживали молодое существо с даром невинности, наивное, как животное, счастливца отправляли сюда для заботы и изучения.

Есть только два способа избавиться от проклятия, переданного нам по наследству предками, думал Лестер, стараясь верить. Мы могли бы поступить так, как хочет еретическая группа Ларка — перестать размножаться и оставить Джиджо в покое. Или можно поискать другого пути к забвению, того, что возвращает детей наших детей к состоянию предразумности. Очистившись, мы были бы готовы к новому циклу Возвышения, могли бы еще найти новых патронов и, возможно, более счастливую судьбу.

Даже после всех компромиссов, выработанных со времени прибытия землян и появления Святого Яйца, так предписывают Священные Свитки. Учитывая ситуацию, в которой оказались изгнанники, живущие во времени, взятом взаймы, постоянно ожидающие сурового наказания, если/когда Галактические Институты найдут их здесь, какая еще цель может у них быть?

Но я не могу этого делать. Не могу смотреть на

это место с радостью. Земные ценности не дают мне увидеть в этих созданиях величественные и благословенные существа. Они заслуживают доброты и жалости, но не зависти.

Это его собственная ересь. Лестер старался смотреть в другую сторону. Но, повернувшись, увидел новую группу «благословенных». На этот раз людей. Они кружком, скрестив ноги и положив руки на колени, сидели под деревом илуна и пели негромкими звучными голосами. Мягкие улыбки и несосредоточенные взгляды, казалось, свидетельствуют, что они достигли требуемой здесь простоты, но Лестер знал, что они лгут!

Когда-то давно он сам пошел по той же дороге. Используя технику медитации, заимствованную у древних земных религий, он сидел под таким деревом, освобождая сознание от мирской одержимости, дисциплинируя его, чтобы постичь Истину. И какое-то время ему казалось, что он достигает цели. Последователи почтительно кланялись ему, называя просветленным. Тогда вселенная казалась ясной и прозрачной, как будто все звезды — это священный огонь. Как будто он един со всеми живыми существами на Джиджо, даже с окружающими его камнями. Он жил в гармонии и почти не нуждался в пище, в

словах и даже в именах.

Такая ясность — иногда с болью он ощущал, как ему ее не хватает.

Но спустя немного времени он понял: ясность, которую он нашел, это, в сущности, стерильная чернота. Чернота, которая приятна, но которая не имеет ничего общего с избавлением. Не для него. И не для его расы.

Остальные пять не используют дисциплину или концентрацию, чтобы достичь простоты. Нельзя увидеть глейвера, медитирующего у гнилого ствола над вкусными насекомыми. Простота приходит к ним естественным путем. Это их жизнь.

Когда Джиджо будет заново открыта, какой-нибудь великий клан с радостью примет новый вид глейверов и снова направит по Высокой Тропе, быть может, с большей удачей, чем в первый раз.

Но нас патроны не выберут. Ни один благородный клан не захочет иметь дела с самодовольными дзен-философами, с готовностью объясняющими собственную просветленность. Это не та простота, которая им нужна. Это простота, основанная на гордости.

Конечно, вопрос спорный. Если джофурский

корабль представляет великие Институты цивилизации Пяти Галактик, эти леса скоро будут кишеть инспекторами, подсчитывающими, сколько преступлений совершено на планете за две тысячи лет. Только глейверы будут в безопасности, потому что достигли ее вовремя. Остальные шесть рас проиграли и должны будут заплатить долг.

А если они не представляют Институты?

Ротены оказались преступниками, генными грабителями. Может, джофуры такие же? И опасность смертоносного геноцида еще не миновала. В особый ужас новости с Поляны привели клан г'кеков.

С другой стороны, еще можно договориться. Или они просто улетят, оставив нас в том же положении, в каком мы были раньше.

В таком случае убежища, подобные этому, снова станут главной надеждой на будущее для пяти рас из шести.

Мрачные мысли Лестера прервались: кто-то потянул его за рукав.

— Мудрец Кембел?... Ммм... посетители, которых вы... ммм... ожидаете, кажется.

Это был молодой человек, широкоплечий, с ясными голубыми глазами и чистой светлой ко-

жей. Мальчик мог бы показаться очень высоким, почти гигантом, но позиция подчиненности — он пригнулся — делала его меньше. И он все время постукивал себя пальцем правой руки по лбу, словно отдавал салют.

Кембел мягко ответил на англике — это был единственный язык, которым сумел овладеть парень.

— Что ты говоришь, Джими?

Юноша глотнул и с видимым усилием сосредоточился.

— Я думаю… ммм… люди, которых вы хотели увидеть, думаю, они здесь, мудрец Кембел.

— Ларк и женщина даник?

Энергичный кивок.

— Да, сэр. Я отправил их в шалаш для гостей ждать вас и других высоких мудрецов. Я правильно поступил?

— Да, правильно, Джими. — Лестер дружески пожал ему руку. — Иди к ним. Скажи Ларку, что я скоро буду.

Широкая улыбка. Парень повернулся и побежал тем же путем, каким пришел; он радовался возможности быть полезным.

Это другой тип людей, которые приходят сюда, подумал Лестер. Это особые люди.

Древний эвфемизм показался ему странным.

На первый взгляд может показаться, что люди, подобные Джими, удовлетворяют требованиям. С простым умом. Невинные. Идеальные проводники для нашего пути по Тропе.

Он взглянул на благословенных, окруживших Ум-Острый-Как-Нож: уров, хунов и г'кеков, посланных сюда своими расами, чтобы стать такими проводниками. Чтобы повести остальных.

Согласно стандартам Свитков, они не ущербны. Но хоть и достигли простоты ума, в то же время не завершены. Они лидеры. Но о Джими этого нельзя сказать. Отбросив симпатию, нужно признать, что он ущербен, неполон. Всякий может это увидеть.

Мы можем и должны любить его, помогать ему, дружить с ним.

Но он никуда не приведет человечество.

Лестер повернулся и пошел вслед за Джими, пытаясь снова думать о нынешнем кризисе. О проблеме джофурского корабля. О срочных планах, которые он должен обсудить с молодым еретиком и женщиной со звезд. У него есть отчаянное предложение, рискованное и очень опасное, и он должен попросить их принять его.

Да, проходя мимо кружка поющих и медити-

рующих людей: здоровых мужчин и женщин, которые бросили свои дома, семьи и полезные занятия, чтобы жить без забот в этой защищенной долине, — Лестер почувствовал, что его размышления отодвинуты волной горького негодования. Слова в его голове недостойны высокого мудреца, он знал это. Но ничего не мог с собой сделать.

Умственно отсталые и медитирующие — вот два типа, посланные сюда нашей расой. Вовсе не подлинно «благословенные». Совсем не по стандартам Свитков. Люди никогда не делают подлинных шагов в направлении Тропы Избавления. Ур-Джа и все остальные вежливы. Они делают вид, что у нас, людей, тоже есть возможность такого выбора, есть потенциал к спасению.

Но его у нас нет. Мы стерильны.

С звездным судом или без него, единственное будущее людей на Джиджо — проклятие.

ДВЕР

От места катастрофы спиралью поднимался дым. Неблагоразумно подходить ближе. В сущности, сейчас наилучший шанс убежать, пока робот даников укрывается в дыре и не проявляет

никакого интереса к пленным.

А если Рети захочет остаться?

Пусть остается! Лена и Джени будут рады видеть Двера, если он сумеет вернуться в Серые Холмы. Это вполне возможно: у него сохранился лук. Конечно, Рети нуждается в нем, но тем, что остались на севере, принадлежит его верность.

Чувства Двера еще не пришли в норму от грохота краткой схватки, когда мощный разведывательный корабль даников был сбит ужасным новым пришельцем. Теперь оба корабля лежат за соседней дюной, небесные колесницы, владеющие непостижимыми силами, а Рети продолжает настаивать, чтобы они подобрались ближе!

— Мы должны узнать, что происходит, — резким шепотом говорила она.

Он угрожающе посмотрел на нее, требуя тишины, и на этот раз она подчинилась, давая ему возможность подумать.

Сейчас на какое-то время Лена и Дженин в безопасности: ведь Кунн не вернется и не сможет преследовать их. Если у даников и ротенов на Джиджо появились враги, все звездные боги будут слишком заняты, сражаясь друг с другом, чтобы охотиться за небольшой группой в Серых Холмах.

Даже без руководства Дэйнела Озавы Лена Стронг достаточно сообразительна, чтобы заключить трехсторонний договор с племенем Рети и урскими сунерами. С помощью «наследства» Дэйнела это объединенное племя может посадить семена, которые прорастут в дикой местности. И если дома на Склоне произойдет худшее, их объединенная группа может найти свою дорогу к Тропе.

Двер покачал головой. Ему иногда становилось трудно сосредоточиться. С тех пор как робот воспользовался его телом в качестве проводника для своего поля, в голове словно на пределе слышимости шептали какие-то голоса. Как в то время, когда безумный мульк-паук вторгался в его мысли.

И все равно это место для рассуждений о судьбе или для принятия решений, которые надлежит принимать только мудрецам. Но кое-что очевидно. Возможно, он ничего не должен Рети. Может быть, она даже заслуживает, чтобы ее бросили. Но он просто не может этого сделать.

Поэтому, несмотря на опасения и дурные предчувствия, Двер кивнул девушке и добавил энергичный жест: она не должна издавать ни звука. Рети ответила счастливым пожатием плеч,

казалось, говоря: «Конечно, пока не передумаю».

Повесив через плечо лук и колчан со стрелами, он первым двинулся вперед, переползая от одного пучка растительности к другому, пока они не добрались до вершины дюны, осторожно раздвинули соленые стебли и увидели два небесных корабля. Меньший представлял собой дымящиеся обломки, полупогрузившиеся в топкое болото. Второй корабль, больший по размерам, находившийся поблизости, тоже не вышел из схватки невредимым. В одном борту у него было большая щель, и, когда моторы принимались работать, из этой щели вырывалась сажа.

На болотном островке поблизости, почти не шевелясь, лежали два человека. Кунн и Джесс.

Двер и Рети выкопали новую яму, устроились в ней и принялись наблюдать. Им хотелось увидеть, что произойдет дальше.

Ждать долго не пришлось. В большем цилиндре открылся люк, в нем виднелись темные внутренности. Через люк выплыла единственная фигура, поразительно знакомая — восьмисторонний столб со свисающими руками, близкий родственник поврежденного робота, с которым так близко познакомился Двер. Только этот робот был раскрашен ослепительными полосками голубого и

розового, и Дверу трудно было на него смотреть.

У основания робота виднелся нацеленный вниз похожий на рог вырост. Наверно, это помогает ему перебираться через воду, подумал Двер. Если робот похож, означает ли это, что враги Кунна тоже люди?

Но нет, Дэйнел говорил, что у полумиллиона звездных рас механизмы стандартизированы и лишь слегка меняются с проходящими эпохами. Этот новый робот может принадлежать кому угодно.

Автомат приблизился к Кунну и Джессу, осветил прожектором, ярким даже при солнечном свете, их тела. Зашевелилась их одежда под действием невидимых пальцев. Затем робот опустился, вытянув вниз руки. Кунн и Джесс лежали неподвижно, а робот искал в их одежде и поднял несколько предметов.

Должно быть, был передан какой-то сигнал, потому что из открытого люка выдвинулась рампа и опустилась в болото. «Кто собирается бродить по болоту? — удивился Двер. — Может, они хотят спустить лодку?»

Он подготовился к тому, что увидит странную чуждую расу, может, на тринадцати ногах или слизистых подушках. Еще со времен «Обители»

известно, что несколько великих кланов, например, легендарные соро или насекомоподобные танду, — враги человечества. Двер даже лелеял слабую надежду, что вновь прибывшие могут быть с Земли, прилетели навестить далеких потомков своих преступных родичей. В космосе существуют также родственники хунов, уров и квуэнов, и в распоряжении каждой такой расы корабли и обширные ресурсы.

На рампе появились фигуры. Они медленно выходили на открытый воздух.

Рети ахнула:

— Да это треки!

Двер смотрел на трио грозных кольчатых груд, с навешанными на манипулирующие торы многочисленными инструментами. Заостренные конусы достигли поверхности мутной воды и осели. Неожиданно ноги-плавники, которые казались на рампе такими неловкими, ожили и с огромной скоростью понесли своих обладателей к двум выжившим.

— Но разве треки не должны быть миролюбивыми?

Так оно и есть, подумал Ларк и пожалел, что мало внимания уделял урокам, которые мать давала Саре и Дверу. Он кое-что встречал в книгах,

которые выходят за пределы школьного курса. Попытался вспомнить название, но не смог. Но знал, что название существует. И некогда это название внушало ужас.

— Я не… — шепотом начал он, потом решительно покачал головой. — Не думаю, что это треки. Таких здесь давно никто не видел.

ОЛВИН

Вначале сцену было трудно интерпретировать. Дергались неясные сине-зеленые изображения, и от этих движений по моей незажившей спине пробегала дрожь. Гек и Клешня как будто освоились быстрее, они указывали на разные предметы на экране и обменивались понимающими возгласами. Это напомнило мне спуск в «Мечте Вуфона», когда бедный хун Олвин последним понимал, что происходит.

Я смутно догадывался, что мы видим отдаленное место действия — где-то в мире солнечного света и дождя!

(Сколько раз мы с Гек читали о том, как герой какой-нибудь книги смотрит в далекое место через приборы? Забавно. Концепция может быть знакома по романам, но вызывает страх и благо-

говение, когда сталкиваешься с ней в реальной жизни.)

Сквозь мелкую воду проходил дневной свет, в воде мягко покачивались зеленые стебли. Мимо мелькали стаи серебристых стремительных рыб. Такие часто попадают в сети наших рыбаков, а потом отправляются в сушильни или котлы в хунских кутах.

Вертящийся голос пояснил, что в камере есть «передатчик звука», и это объясняет свистящие, булькающие звуки. Клешня переместил панцирь, из всех его щелей послышалась полная тоски по дому жалоба. Он тосковал по квуэнским раковым загонам в приливной зоне. Но Ур-ронн зрелище быстро надоело, и она с тошнотворным ржанием отвернула гладкую голову. Ей стало плохо от зрелища всей этой воды.

Камера устремилась вперед, прибой на короткое мгновение стал яростным. Затем вода пенными полосками стекла с глаза камеры, и перед нами открылся низкий песчаный берег. Управляемый на расстоянии прибор двинулся в глубь суши, держась у самой поверхности.

— Обычно мы посылаем разведчиков на сушу по ночам. Но дело срочное. Надеемся, что горячий блеск поверхности скроет появление прибора.

Ур-ронн облегченно вздохнула: по крайней мере больше не видно воды.

— Удивительно, — сказала она, — почему вы раньше не посылали тайных агентов.

— На самом деле мы отправили несколько приборов на поиски цивилизации. Два из них давно не выходили на связь, но остальные показывают поразительные картины.

— Какие? — спросила Гек.

— Такие как хунских моряков, плывущих в открытом море на деревянных парусных судах.

— Хр-рр. И что в этом странного?

— И красных квуэнов, живущих без руководства со стороны серых или синих, мирно торгующих с соседями-хунами.

Клешня запыхтел, но голос продолжал.

— Заинтересовавшись, мы отправили подводную экспедицию за Трещину. Наши исследователи проследили за одним из ваших мусорных кораблей и собрали образцы из священных выбросов. Затем, возвращаясь на базу, наш разведывательный корабль наткнулся на урский тайник, за которым вас посылали. Естественно, мы решили, что владельцы этого тайника больше не существуют.

— Правда? — насмешливо спросила Ур-ронн. —

И почему?

— Потому что мы видели живых хунов! Кто может поверить, что уры и хуны мирно живут по соседству в пространстве меньше кубического парсека? Если хуны живут, мы заключили, что все уры на Джиджо погибли.

— Ага, — сказала Ур-ронн, поворачивая длинную шею и глядя на меня.

— Представьте себе наше удивление, когда ваш примитивный корабль устремился к нашей подводной лодке. Выдолбленный древесный ствол, а в нем…

Голос прервался. Управляемый на расстоянии прибор снова пришел в движение. Мы двигались вперед: это камера неслась над песком, поросшим скудной растительностью.

— Эй! — возразила Ур-ронн. — Я думала, вы не можете использовать радио или еще что-нивудь такое, что можно засечь из космоса!

— Верно.

— Тогда как вы получаете эту картинку в реальном времени?

— Отличный вопрос от того, кто не имеет непосредственного опыта в таких делах. В данном случае роботу необходимо отойти от берега всего на километр. Он тянет за собой кабель, по

которому изображения передаются, а засечь их невозможно.

Я дернулся. Каким-то образом эти слова показались мне странно знакомыми.

— Это имеет отношение к взрывам? — спросила Ур-ронн. — К недавнему нападению врагов, которые хотят вас уничтожить?

Вращающаяся фигура сжалась, потом снова расширилась.

— Вы быстро соображаете, и у вас отличное воображение Разговаривать с вами четырьмя необычайно интересно. А я создан, чтобы собирать и оценивать необычные опыты.

— Иными словами, да, — мрачно заключила Гек.

— Некоторое время назад летающая машина принялась просвечивать море звуковыми импульсами. Несколько часов спустя она начала бросать глубинные заряды, чтобы изгнать нас из нашего маскирующего убежища среди обломков.

Когда поблизости появились гравитационные следы и второго корабля, положение стало серьезным. Мы уловили ритмы воздушной схватки. В отчаянной стычке корабли обменивались снарядами и смертоносными лучами.

Клешня переступал с ноги на ногу.

— Вот это да! — выдохнул он, разрушая нашу видимость беззаботности.

— Затем оба корабля неожиданно прервали полет. Их следы прервались вблизи нынешнего расположения нашего разведчика.

— Насколько близко? — спросила Ур-ронн.

— Очень близко, — ответил голос.

Мы как зачарованные следили за быстро меняющейся сценой. Мимо с головокружительной скоростью проносилась панорама растений — на уровне лодыжки. Глаз камеры обходил пучки листьев-сабель, потом разведчик слегка набрал высоту, минуя болото.

И тут мы увидели серебристый блеск. Два отблеска. Изогнутые борта.

И тогда это случилось.

Без всякого предупреждения, как раз тогда, когда мы впервые увидели изображение кораблей, экран заполнило улыбающееся лицо.

Мы отскочили, удивленно вскрикнув. Я отскочил так быстро, что даже высокотехнологичный корсет не уберег спину от острой боли. Хуфу испустила пораженный крик и впилась когтями мне в плечо.

Лицо оскалилось, обнажив ряды белых острых

зубов. Черные глаза-бусинки, увеличенные, смотрели на нас с таким Диким интересом и весельем, что мы застонали: кажется, мы знаем, кто это.

Наш разведчик дернулся, пытаясь увильнуть, но улыбающийся демон прочно держал его обеими передними лапами. Существо подняло острые когти, готовясь ударить.

И тут послышался вращающийся голос — звук уходил, а потом возвращался к нам через передатчик камеры. Было произнесено всего три слова на галсемь со странным акцентом, причем произнесено очень высоким, почти за пределами восприятия хуна, голосом.

— Брат, — быстро обратился голос к странному нуру. — Пожалуйста, перестань.

ЭВАСКС

Пришло сообщение, что мы утратили связь с корветом!

С нашим легким крейсером, посланным на поиски ротенских бандитов.

В таком обычном деле никто не ожидал неожиданностей. И это вызывает тревожные вопросы. Может, мы недооценили силу разбойников?

Ты, наше второе кольцо мысли, ты даешь

доступ ко многим воспоминаниям и мыслям, некогда накопленным нашей грудой, прежде чем Я не присоединился к вам и не стал вашим мастер-кольцом. Воспоминаниям о том времени, когда вы/мы были всего лишь Асксом.

Вы слышали, как люди генные воры делали нелепые утверждения. Например, что их патроны — эти загадочные ротены — почти неизвестны галактическому сообществу. Что ротены пользуются огромным влиянием, но используют его тайно. Что они не боятся могучих флотов великих кланов Пяти Галактик.

Мы, на боевом корабле «Полкджи», слышали подобные байки и до прилета на Джиджо. Но считали все это простым блефом. Жалкой выдумкой, призванной скрыть истинное лицо преступников.

НО ЧТО, ЕСЛИ ЭТИ РАССКАЗЫ ПРАВДИВЫ?

Никто не может сомневаться в том, что загадочные силы существуют — древние, отчужденные, влиятельные. Может, мы перешли дорогу какой-то загадочной силе, здесь, в покинутой галактике, далеко от дома?

ИЛИ РАССМОТРИМ ПРОБЛЕМУ ШИРЕ. Может ли стоять за землянами некая тайная могущественная раса, незаметно определяя их судьбу?

Защищающая их от судьбы, уготованной всем волчатам? Это объяснило бы много странностей в недавних событиях. Это также предвещало бы неприятности нашему союзу Обейер в эти тревожные времена.

НО НЕТ! Факты не подкрепляют такие опасения.

Вы, примитивные, древние кольца, не можете этого знать, но позвольте Мне объяснить.

Не так давно с «Полкджи» связались некие мелкие торговцы сведениями, бессовестные паразиты предложили нам купить новости. К нам, великим и священным джофурам, через своих агентов людей обратились эти самые ротены, потому что наш корабль патрулировал поблизости. Они также рассчитывали, что джофуры заплатят вдвое за сведения, которые они хотели продать.

Во— первых, за указания на то, как поймать добычу, которую мы ищем, — пропавший земной корабль, который несколько лет преследуют десятки тысяч судов, ибо он — величайшая награда в Пяти Галактиках.

И во— вторых, за информацию о проклятых нашими предками г'кеках, уцелевшие остатки которых нашли здесь убежище много планетных циклов назад и избежали нашего праведного

уничтожающего гнева.

Ротены и их приспешники надеялись собрать богатый урожай, продавая нам эти сведения, вдобавок к тем генетическим урывкам, которые они могли украсть на этой незрелой планете. Ситуация должна была казаться им идеальной, потому что обе стороны будут заинтересованы в том, чтобы сохранять сделку в тайне.

Так ли должна вести себя великая, возвышенная сила? Та, что поднимается над мелкими заботами обычных смертных?

Неужели богоподобные существа так легко попадутся на Удочку местных дикарей, которые простой химической взрывчаткой сумели уничтожить их погребенную станцию?

Оказались ли они такими могущественными, когда полцикла спустя мы повернули свои кольца в акте благочестивого предательства и напали на их корабль? И погрузили их в стасис не очень хитрыми средствами?

Нет, Мои кольца, такая линия рассуждений неразумна. Меня тревожит, что вы тратите наши объединенные умственные ресурсы на такой тупиковый путь.

Это отклонение — МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ЕЩЕ ОДНА ТЩЕТНАЯ ПОПЫТКА ОТВЛЕЧЬ МЕНЯ ОТ

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТИ, КОТОРАЯ И ЯВЛЯЕТСЯ МОИМ ГЛАВНЫМ ВКЛАДОМ В НАШУ ГРУДУ?

Поэтому некоторые из вас все еще пытаются цепляться за руководство вашего глупого камня, который вы называете Святым Яйцом?

Неужели эти разнородные слабые усилия направлены на еще одно восстание?

ВЫ ЕЩЕ НЕ УСВОИЛИ УРОК?

Продемонстрировать еще раз, зачем оайлие сделали таких, как Я, и назвали нас мастер-кольцами?

Оставим эти глупые рассуждения и попробуем найти альтернативное объяснение исчезновению корвета. Возможно, наш экипаж в погоне за разведывательным кораблем ротенов наткнулся на что-то другое?

Что— то гораздо более могущественное и важное?

Верно ли это? Вы и вправду не понимаете, на что я намекаю?

Нет даже догадки? Да ведь большинство обитателей Пяти Галактик, даже загадочные занги, знают корабль, который мы ищем. Корабль, который по всему известному космосу преследуют бесчисленные армады.

Вы действительно жили в изоляции, Мои древ-

ние кольца! Мои примитивные подличности. Мои временные красавицы, которые даже не слышали о корабле с экипажем из дельфинов.

Поистине это очень странно.

САРА

Сара опасалась, что без темных очков, предоставленных всадницами иллиями, она ослепла бы или сошла с ума. Нескольких случайных проблесков хватило, чтобы поразить нервы неестественными тонами, приковывавшими внимание, опасно кричащими, умоляющими сорвать защиту, посмотреть и затеряться в мире меняющегося света.

Даже в тонах сепии окружающие утесы казались таящими загадочное значение. Сара вспомнила, как легендарный Одиссей, проплывая мимо знаменитых сирен, приказал своим людям залепить уши воском, чтобы он один мог услышать призыв искусительниц, а экипаж в это время лихорадочно греб, ведя корабль мимо ярких, призывных отмелей.

Будет ли больно, если она снимет очки и посмотрит на подернутый рябью, меняющийся ландшафт? И если она застынет, не в силах дви-

гаться, спасут ли ее друзья? Или ее мозг будет навсегда поглощен этой панорамой?

Спектральный Поток, это слепое пятно на картах Склона, упоминали редко. Даже опытные охотники, которые копьями добывают в дюнах песчаных роулов, держатся на почтительном удалении от этой ядовитой местности. Предполагается, что здесь никакой жизни нет.

Только сейчас Сара вспомнила тот день, почти два года назад, когда умирала мама в доме вблизи бумажной мельницы, а постоянное низкое гудение водяного колеса Доло казалось печальной жалобой. Сара была снаружи, но услышала, как Двер говорил об этом месте.

Конечно, ее младший брат получил специальное разрешение на то, чтобы ходить по всему Склону и за его пределами, отыскивая нарушителей Заповедей и Свитков. И Сару не очень удивило, что он побывал и в этом ядовитом месте сумасшедших красок. Но по отрывкам разговора, которые доносились в открытую дверь, выходило, что Мелина тоже видела Спектральный Поток — прежде чем вышла замуж за Нело и стала растить семью у спокойной зеленой Рони. Разговор велся не громко, скрытным тоном, и Двер впоследствии никогда о нем не говорил.

Сару тронул печальный голос ее умирающей матери: «Двер, расскажи еще об этих цветах».

Лошади, казалось, не нуждались в защите глаз, а возчики надели свою защиту привычно, с терпеливым видом, словно хорошо знакомую помеху, а не средство предотвратить ужасную опасность. Кефа, явно испытывавшая облегчение от того, что буйурский туннель кончился, что-то сказала Нули, и обе они рассмеялись — это был первый смех, который Сара услышала от иллий.

Удивление уступило место любопытству, и Сара обнаружила, что мыслит более связно и последовательно. А как же люди и народы, которые от природы не различают цвета? Эффект, по-видимому, связан не просто с изменением частоты электромагнитного спектра, и урские очки, вероятно, не просто затемняют цвета. Должен быть и какой-то другой эффект. Поляризация света? Или пси?

Реук Эмерсона заменял ему очки. Но когда он стащил симбионта и бросил незащищенный взгляд, Сара встревожилась. Эмерсон поморщился, сенсорная перенасыщенность явно подействовала на него, словно ему в глаз вонзили хунскую вилку для расчесывания. Сара направилась к нему — но этот первоначальный порыв оказался

кратким. Мгновение спустя звездный человек улыбнулся ей, и во взгляде его было выражение болезненной радости.

«Ну, если ты на это способен…» — подумала она, осторожно сдвигая очки.

Прежде всего ее удивило, что боли не было. Ее зрачки приспособились, и яркое освещение оказалось переносимым.

Но зато Сара ощутила волны тошноты: мир вокруг словно перемещался и растворялся, как будто она смотрит сквозь слои накладывающихся друг на друга изображений.

Топографически эта земля представляет собой пространство слоистых лавовых потоков, выветренных каньонов и торчащих скал. Но только сейчас все это казалось холстом, на который какой-то безумный художник г'кек наложил множество слоев светящейся краски. Каждый раз как Сара мигала, изображение менялось.

Громоздящиеся утесы превращались в сказочные замки, их бьющиеся вымпелы сделаны из сверкающих обрывков раздуваемой ветром дымки.

Пыльные пространства становились мерцающими бассейнами. Реки ртути и потоки крови словно текли вверх по холмам, как несмешиваю-

щиеся жидкости.

Неустойчивый, как воспоминание, соседний утес напоминал сооружение буйурской архитектуры — шпили города Тарек, только пустые окна сменились миллионами великолепных горящих огней.

Ее взгляд переместился на пыльную дорогу, на которой пемза летела из-под колес фургона. Но в другом плане она же казалась брызгами, сделанными из бесчисленных блестящих звезд.

Затем дорога поднялась на невысокий холм, и впереди открылся самый невероятный мираж — несколько узких, похожих на пальцы долин, окруженных крутыми, словно океанские волны, стенами, застывшими в своем пенном движении. А под этими сверкающими высотами дно долин было зеленым, покрытым невозможными лугами и нелепыми деревьями.

— Кси, — счастливо объявила Кефа с акцентом, который казался Саре так странно знакомым.

И неожиданно она поняла почему!

От удивления Сара схватилась за очки и снова надвинула их на глаза.

Замки и звезды исчезли.

Но луга оставались на месте. Стали видны четвероногие фигуры, пасущиеся на настоящей

траве, пьющие из очень реальных ручьев.

Курт и Джома вздохнули. Эмерсон засмеялся, а Прити захлопала в ладоши. Но Сара была слишком потрясена, чтобы издавать звуки. Ибо теперь она знала правду о южанке Мелине, женщине, которая давным-давно пришла на Рони, предположительно, из далекой Долины, и стала невестой Нело. О счастливой и эксцентричной Мелине, которая вырастила троих необычных детей под непрерывный шум дамбы Доло.

«Мама, — подумала Сара в немом изумлении. — Должно быть, это твой дом».

Несколько мидуров спустя прибыли остальные женщины-всадницы со своими урскими компаньонами, все грязные и уставшие. Прежде чем раздеться и броситься в теплый вулканический ручей под скалами, где отдыхали Сара и остальные гости, иллии распрягли верных лошадей.

Наблюдая за Эмерсоном, Сара решила, что еще один участок его искалеченного мозга остался нетронутым: звездный человек смотрел на женскую наготу нормальным оценивающим мужским взглядом.

Она подавила порыв ревности, зная, что ее фигура никогда не сравнится с этими загорелыми атлетическими телами.

Звездный человек посмотрел на Сару и покраснел — так застенчиво и глуповато, что она вслух рассмеялась.

— Смотри, но не притрагивайся, — сказала она, подчеркнуто грозя пальцем. Он мог не понять слов, но общий смысл понял.

И с улыбкой пожал плечами, словно говоря: «Кто, я? Даже и не подумаю!»

Пассажиры фургона уже выкупались, хотя и более скромно. Нагота не была повсеместным табу на Склоне. Но женщины иллии вели себя так, словно их никогда не учили или им все равно… тому, чему учат девушек о противоположном поле. У самцов Homo sapiens существуют врожденные рефлексы возбуждения, сложным образом связанные с оптическими нервами.

Возможно, это потому, что у них нет мужчин, подумала Сара. И действительно, она видела только женщин, молодых и постарше. Они работали в конюшнях и в убежищах. Были также уры из дружественного племени Улушту, они заботились о своих драгоценных стадах симл и ослов на краях оазиса. Две разумные расы не избегали друг друга: Сара видела дружеские встречи. Но в этих узких долинах у каждой была своя территория.

Улушту знали Курта и должны были проводить

время во внешнем мире. В сущности, и некоторые женщины иллии, вероятно, время от времени уходили отсюда и жили среди ничего не подозревающих жителей поселков Шести Рас.

Когда Мелина пришла в Доло, у нее была хорошо разработанная легенда, рекомендательные письма и ребенок Ларк на руках. И все решили, что она пришла из Долины. Типичная организация вторичного брака.

Нело, казалось, никогда не обращал внимания на то, что у его старшего сына отец неизвестен. Мелина искусно избегала расспросов о своем прошлом.

Но сохранить такую тайну.

Улушту привели с собой пленницу. Ульгор, урскую лудильщицу, подружившуюся с Сарой в Доло, но только для того чтобы подготовить ловушку. Теперь они поменялись ролями. Сара заметила, что Ульгор своими тремя глазами в отчаянии смотрит на поразительный оазис.

Как Урунтай должны ненавидеть это место! Их предки отобрали у нас лошадей и всех их уничтожили. Урские мудрецы позже, после того как Дрейк Старший разбил Урунтай, принесли извинения. Но как можно отменить смерть?

Это невозможно. Но можно обманом избежать

уничтожения. Глядя на жеребят, играющих рядом с кобылами под нависающими скалами, Сара чувствовала себя почти счастливой. Этот оазис может даже оставаться невидимым для всепроникающих взглядов звездных повелителей, скрываясь в окружающей земле иллюзий. Возможно, Кси уцелеет, когда на остальном Склоне исчезнет разумная жизнь.

Она видела, как Ульгор отвели в загон рядом с пророком пустыни Дединджером. Они не разговаривали друг с другом.

Саре нужно было только поднять глаза, чтобы за плещущимися в воде женщинами и пасущимися стадами увидеть сверкающий ландшафт, где каждая перемена освещения и каждый холм казались тысячами невероятных вещей. Земля лжи — так еще называют Спектральный Поток. Несомненно, к этому можно привыкнуть, не замечать раздражающих химер, которые никогда не бывают полезными или информативными. А может, иллии не нуждаются в снах, потому что и так каждый день погружаются в фантазии Джиджо.

Ученый в Саре задавался вопросами: одинаково ли воздействует это на все расы; как такое чудо могло возникнуть естественным путем? В Библо-

се ни о чем подобном не упоминается. Но когда «Обитель» покинула Землю, люди владели лишь ничтожными долями галактической информации. Возможно, это распространенный феномен, который можно встретить на многих планетах.

Но как было бы замечательно, если бы Джиджо создала нечто уникальное!

Сара смотрела на горизонт, позволяя своему сознанию создавать свободные ассоциации из сверкающих цветов, пока ее не окликнул мелодичный женский голос.

— У тебя глаза твоей матери, Сара.

Сара мигнула, оглянулась и увидела двух человек, одетых в кожаные одеяния иллий. Та, что к ней обратилась, оказалась первой увиденной здесь Сарой пожилой женщиной.

А вторым был мужчина.

Сара, мигая, встала. Она узнала этого мужчину.

— Ф-фаллон?

Он постарел с того времени, как был учителем Двера в искусстве жизни в дикой местности. Тем не менее бывший старший охотник казался бодрым и полным жизни. Он широко улыбнулся.

Она не очень тактично выпалила:

— Я думала, вы умерли!

Фаллон пожал плечами.

— Люди думают то, что им нравится. Но я никогда не говорил, что умер. — Дзенская шутка, если Сара еще что-то в этом понимает. Но тут она вспомнила, что сказала женщина Ата, хоть и заслоняла глаза рукой, казалось, привычно воспринимает яркие цвета Спектрального Потока.

— Меня зовут Форуни, — сказала она Саре. — Я старшая всадница.

— Вы знали мою мать?

Пожилая женщина взяла Сару за руку. Ее манеры напомнили Саре Ариану Фу.

— Мелина была моей двоюродной сестрой. Все эти годы я скучала по ней, хотя редкие письма рассказывали нам о ее выдающихся детях. Вы трое оправдали ее выбор, хотя изгнание далось ей нелегко. Трудно оставить наших лошадей и наши меняющиеся тени.

— Мама ушла из-за Ларка?

— У нас есть способы добиваться, чтобы рождались в большинстве девочки. Когда рождается мальчик, мы воспитываем его у наших тайных друзей на Склоне, беря вместо него девочку.

Сара кивнула. Обмен детьми для воспитания был распространенной практикой, помогая укрепить союзы поселков и кланов.

— Но мама не захотела отдавать Ларка.

— Именно. И нам все равно нужны были там агенты, а на Мелину можно было положиться. Так мы и сделали, и решение оказалось верным, но мы горевали, услышав о ее смерти.

Сара ответила на это кивком.

— Но я не понимаю, почему только женщины?

В углах у пожилой женщины глубокие морщины от постоянного прищуривания.

— Таково было требование в древности, когда тетки племени Урчачкин предложили некоторым людям и лошадям укрыться в самом тайном месте, чтобы уберечь их от Урунтая. В те ранние дни уры считали мужчин опасными — такими сильными и буйными, в отличие от их собственных мужей. Казалось, проще организовать все на основе договоренности женщин с женщинами.

К тому же подростки мальчики, как бы тщательно их ни воспитывали, в определенном возрасте склонны отвергать общественные ограничения. Со временем отдельные молодые мужчины все равно вырвались бы из царства иллий без необходимых приготовлений, и все было бы раскрыто. В своей потребности прославиться и покрасоваться они могли бы выдать нашу тайну всей Общине.

— Девочки тоже иногда ведут себя так, — за-

метила Сара.

— Да, но вероятность этого гораздо меньше. Подумай о твоих знакомых молодых людях, Сара. Как бы они повели себя?

Сара представила себе братьев, растущих в этом ограниченном оазисе. Ларк был бы серьезным и надежным. Но Двер в пятнадцать лет был совсем не таким, каким стал в двадцать.

— Но я вижу, здесь не только женщины.

Старшая всадница улыбнулась.

— И мы не даем обет безбрачия. Время от времени мы приводим сюда зрелых мужчин, тех, кто уже знает нашу тайну и достигает возраста, когда способен стать рассудительным, хладнокровным и надежным компаньоном, но еще сохраняет бодрую и энергичную походку.

Фаллон рассмеялся, чтобы скрыть смущение.

— Моя походка — больше не лучшая моя черта.

Форуни сжала ему руку.

— Но ты нам еще подходишь.

Сара кивнула.

— Решение, похожее на урское. — Иногда группа молодых самок, не имеющая возможности завести индивидуальных мужей, сообща пользуется одним, передавая его из сумки в сумку.

Старшая всадница иронично кивнула.

— После многих поколений мы сами стали немного урами.

Сара искоса взглянула на взрывника Курта. Тот сидел на гладком камне и внимательно изучал тщательно охраняемый текст. Джома и Прити сидели поблизости от него.

— Значит, вы отправили экспедицию за Куртом, потому что вам нужен еще один…

— Ифни, нет, конечно! Курт слишком стар для таких обязанностей, и когда мы приводим новых партнеров, то с соблюдением всех предосторожностей. Разве Курт не объяснил вам, в чем дело? Не рассказал о своей роли в настоящем кризисе? Причину, по которой мы так стремились забрать вас всех?

Когда Сара покачала головой, Форуни по-урски раздула ноздри и зашипела, как урская тетка, выведенная из себя глупым поведением подростков.

— Ну, это его дело. Я знаю только, что мы должны как можно быстрее провести вас дальше. Сегодня, племянница, ты отдыхаешь с нами. Но увы, семейным воспоминаниям придется подождать, пока чрезвычайное положение не кончится или не погубит нас всех.

Сара кивнула, мысленно смиряясь с новой поездкой верхом.

— Отсюда можно увидеть?...

Фаллон кивнул, на его морщинистом лице появилась мягкая улыбка.

— Я тебе покажу, Сара. Это недалеко.

Сара взяла его за руку, а Форуни попросила вернуться быстрей, к пиру. Сара уже чувствовала ароматы пищи, поднимающиеся от кухонного костра. Но пришлось думать о дороге. Они пересекли узкие чудесные луга, потом низкорослые кустарники, где паслись симлы, и подошли к крутому подъему между двумя утесами. Солнечный свет быстро гас, и вскоре на далеком западном горизонте стала видна меньшая луна Пассен.

Не доходя до верха подъема, Сара услышала музыку. Впереди негромко играл на дульцимере Эмерсон. Девушке не хотелось мешать ему, но ее тянуло к себе сияние, мерцающее свечение, исходящее от Джиджо и заполняющее все пространство за защищенным оазисом.

В жемчужном лунном свете местность преобразилась. Исчезли резкие кричащие тона, но оставались экстравагантные картины, возбуждающие воображение. Требовалось усилие воли, чтобы не скользнуть по склонам, не поверить в

фальшивые океаны и крепости, в призрачные города и космические корабли, в мириады фантомных миров, которые создавал из опаловых лучей и теней стремящийся к образному восприятию мозг.

Фаллон взял Сару за локоть и повернул к Эмерсону.

Звездный человек стоял на скальном выступе, держал перед собой дульцимер и играл на всех его сорока шести струнах. Мелодия казалась причудливой и странной. Ритм упорядоченный, но его невозможно сдержать, он похож на серию математических уравнений, не поддающихся решению.

Силуэт Эмерсона был окружен мерцающим огнем. Звездный человек воспевал природный водоворот.

Этот огонь не был воображаемым. Не обманом глаза. Он дергался и мерцал на удалении, окаймляя очертания могучей вершины, вздымавшейся почти до самого неба.

Свежая лава.

Горячая кровь Джиджо.

Нектар обновления планеты, расплавленный и преобразованный.

Дергая за тугие струны, Незнакомец играл горе

Гуэнн, пел серенаду вулкану, а тот в ответ окружал его ореолом мерцающего пламени.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПОЛЕЗНОМ ИНСТРУМЕНТЕ/СТРАТЕГИИ, ОСНОВАННОЕ НА НАШЕМ ОПЫТЕ НА ДЖИДЖО

Прошла почти тысяча лет с последнего крупного обнаружения трекиности.

Те находки обычно вызывали неловкость: груды несчастных колец прозябали без единого мастер-кольца, способного руководить ими. Но на памяти живого воска нет больше ни одной такой находки.

Реакцией нашего корабля «Полкджи» на подобную находку было отвращение.

Однако остановимся и подумаем, как великий джофурский союз может узнать/получить выгоду от этого эксперимента. Никогда раньше наши кольца-родичи не жили в такой интимной близости с другими расами. Эти треки, хоть они осквернены и заражены, тем не менее накопили для всех нас восковой опыт и знания относительно разумных форм жизни уров, хунов и квуэнов, а также волчат людей и паразитов г'кеков.

Больше того, те самые черты, которые мы, джофуры, находим отвратительными в природных кольцах треки: неспособность сосредоточиться на достижении великой цели, отсутствие честолюбия — позволили им достичь эмпатии с унитарными существами! Им доверяют тайны, с ними советуются, наделяют некоторых треки обязанностями медиков и даже правом продолжать или прекращать жизнь.

ТОЛЬКО ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, КАКИЕ ЭТО ОТКРОЕТ ВОЗМОЖНОСТИ, ЕСЛИ МЫ ПОЙДЕМ НА УЛОВКУ.

Мы можем намеренно создать новых треки и организовать для них «побег» из любящих объятий нашего благородного клана. Искренне веря, что они бегут от «угнетающих» мастер-колец, эти треки будут вынуждены искать убежище среди рас, которых мы называем своими врагами.

Далее предположим, что, используя этот свой дар бессодержательной эмпатии, они обретут друзей среди наших врагов. Пройдет несколько поколений, и они станут доверенными товарищами.

И в этот момент мы дадим сигнал нашим агентам схватить — собрать урожай — этих самых треки, превратить их в джофуров точно так же,

как произошло, когда Аскс преобразился и стал Эвасксом. Для этого нужно только применить мастер-кольцо.

Разве это не даст нам ценнейшие сведения о наших врагах?

Конечно, эксперимент с Эвасксом не достиг полного успеха. Старый треки, Аскс, сумел растопить многие восковые воспоминания, прежде чем метаморфоза завершилась. Возникшая в результате частичная амнезия оказалась очень неудобной.

Однако это не уменьшает ценности всего плана — поместить шпионов-эмпатов в самую середину наших врагов. Шпионов, которым будут верить, потому что они сами считают себя искренними друзьями! А потом с помощью мастер-колец мы вернем потерянных братьев, когда и где их обнаружим.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» МАКАМИ

В обширном влажном классном помещении были два типа учеников.

Одна группа излучала надежду, другая — отчаяние.

Одна была незаконной — другая несчастной.

Первый тип — невинные и жаждущие знаний.

Второй тип — те, кто и так уже видел и слышал слишком много.

хорошая рыба.

хорошаярыба, хорошаярыба.

хорошая-хорошая РЫБА!

Доктор Макани на борту «Стремительного» никогда не использовала первичный дельфиний язык. Тем более тогда, когда мастер кининка Крайдайки своим постоянным примером поддерживал равновесие в экипаже.

Увы, сегодня постоянно слышатся обрывки старой речи — простые, эмоциональные писки, какими пользовались неизмененные турсиопы в древних земных морях. Как корабельный врач, Макани сама иногда обнаруживала, что когда со всех сторон окружают огорчения и испытания, она бросает фразу на этом языке, когда ее никто не слышит.

Макани посмотрела вдоль просторного помещения, наполовину заполненного водой, а ученики в это время толпились у большого бака с вращающимся концом, торопясь получить пищу. Здесь почти тридцать неодельфинов плюс

дюжина шестируких, обезьяноподобных фигур, карабкающихся по полкам на стенах или ныряющих и быстро гребущих руками с перепонками между пальцами. Из той группы кикви, которую торопливо забрали на Китрупе, уцелела только половина, но оставшиеся в живых кажутся здоровыми и любят поиграть со своими друзьями-дельфинами.

Я по— прежнему не уверена, что мы поступили правильно, когда взяли их с собой. Неодельфины слишком молоды, чтобы принимать на себя ответственность патронов.

Два учителя старались привести толпу в порядок. Макани видела, как более молодой инструктор — ее бывшая старшая сестра Пипое — с помощью механической руки выхватывает из вращающегося бака живую пищу и бросает ждущей толпе учеников. Тот, что произнес слова на первичном языке — средних лет дельфин с лишенными блеска глазами, — поймал в зубы извивающееся существо со щупальцами, совсем не похожее на рыбу. Тем не менее, жуя, дельфин счастливо напевал:

хорошая рыба хорошая-хорошая-хорошая!

Макани была знакома с бедным Джекаджекой до того, как «Стремительный» улетел с Земли. Бывший астрофотограф любил свои камеры и сверкающую черноту пространства. Теперь Джекаджека — еще одна жертва долгого бегства «Стремительного», все дальше уходящего от теплых океанов, которые они называют домом.

Полет должен был продолжаться шесть месяцев, а не два с половиной года, причем конца ему не видно. Молодая раса клиентов не должна почти в одиночку встречаться с такими препятствиями.

Если посмотреть в таком аспекте, казалось чудом, что только четверть экипажа поддалась психозу регресса.

Подожди, Макани. Ты можешь еще сама пойти по этой дороге.

— Да, они вкусные, Джекаджека, — пропела Пипое, превращая всплеск регрессировавшего дельфина в урок. — Ты можешь сказать мне на англике, откуда пришла эта новая разновидность рыбы?

Послышались радостные писки и хмыканья — это более умная половина учеников, та, у которой есть будущее. Но Пипое поглаживала старшего дельфина сонарным подбадриванием, и вскоре

остекленевший взгляд Джекаджеки слегка прояснился. Чтобы доставить ей удовольствие, он сосредоточился.

— С с-сс-наружи. Хорошее с-с-солнце, хорошая в-в-вода.

Остальные ученики радостными возгласами приветствовали краткое возвращение к тому, кем он был когда-то. Но подъем очень скользкий. И здесь врач ничего не может сделать. Причина не в органическом заболевании.

Регресс — последнее убежище от тревоги.

Макани одобряла решение лейтенанта Тш'т и Джиллиан Баскин не сообщать всему экипажу содержание дневника хуна Олвина.

Если и есть что-то, что сейчас не нужно экипажу, так это известие о религии, которая провозглашает святость регресса.

Пипое закончила кормить регрессировавших взрослых, а ее партнер занимался детьми и кикви. Заметив Макани, Пипое двумя мощными ударами плавников проплыла все помещение и вынырнула в пене и брызгах.

— Да, доктор? Вы хотели меня видеть?

Кто не хотел бы увидеть Пипое? Ее кожа сверкает юношеским блеском, хорошее настроение не покинуло ее, даже когда корабль бежал с Кит-

рупа, оставив так много друзей.

— Нам для экспедиции нужна квалифицированная медицинская сестра. Боюсь, что экспедиция предстоит длительная.

Пипое задумалась, издавая резкие щелчки.

— Аванпост Каа. Кто-нибудь ранен?

— Не знаю. Возможно, это пищевое отравление или лихорадка кингри.

Озабоченное выражение Пипое слегка смягчилось.

— В таком случае не сможет ли Каа сам о себе позаботиться? У меня здесь есть обязанности.

— Пока ты отсутствуешь, тебя заменит Олачан.

Пипое покачала головой. Этот человеческий жест стал так привычен, что его использовали даже регрессировавшие дельфины.

— Должно быть два учителя. Нельзя смешивать детей и кикви с несчастными взрослыми.

До сих пор на корабле родилось только пять дельфиньих младенцев, несмотря на все большее количество подписей под «Петицией о размножении». Но эти пятеро заслуживали тщательного руководства. И то же самое вдвойне относится к кикви. Ведь они готовы к возвышению тем галактическим кланом, который получит право их принять. И это накладывало на экипаж «Стреми-

тельного» серьезные моральные обязательства.

— Я сама присмотрю за кикви и мы по очереди будем освобождать родителей малышей от обязанностей, чтобы они помогали учителю. Это все, что я могу сделать, Пипое.

Пипое согласилась, но недовольно сказала:

— Предстоит дикая охота за тунцом. Я знаю Каа: он, вероятно, забыл прочистить водяные фильтры.

Все знали, что пилот давно стремится к Пипое. Дельфины могут сонаром просвечивать внутренности друг друга, и от них невозможно скрыть постоянную устойчивую страсть.

Бедный Каа. Неудивительно, что он потерял свое прозвище.

— Есть и вторая причина, почему тебе следует пойти, — негромко сказала Макани.

— Я так и думала. Имеет ли это отношение к гравитационным следам и глубинным бомбам?

— Это убежище стало опасно, — подтвердила Макани. — Джиллиан и Тш'т собираются вскоре переместить «Стремительный».

— Вы хотите, чтобы я помогла найти другое убежище? Просканировать по пути эти гигантские груды мусора? — Пипое с силой выдохнула. — А что еще? Может, мне сочинить симфонию, изоб-

рести звездный двигатель и заключить договор с туземцами?

Макани фыркнула.

— По всем отчетам, освещенное солнцем море наверху очень приятное, мы такого не встречали с отлета с Галафии. Все будут тебе завидовать.

И когда Пипое с сомнением фыркнула, Макани добавила на тринари:

Легенды, рассказанные китами,

Одну черту называют восхитительной —

Приспособляемость!

На этот раз Пипое восхищенно рассмеялась. Именно так мог бы сказать капитан Крайдайки, будь он по-прежнему с ними.

Вернувшись в лазарет, Макани закончила работу с последним пациентом и закрыла кабинет. Было несколько неизбежных психосоматических заболеваний, неизбежные несчастные случаи во время работы в тяжелых бронированных скафандрах: ведь приходилось резать и сгибать металл грандиозной горы брошенных кораблей. По крайней мере с тех пор как специальная команда с сетями принялась ловить местную рыбу, жалоб на пищеварение стало меньше. Верхние

слои моря Джиджо кишели жизнью, и большинство организмов пригодны в пищу, если сделать правильные добавки. Тш'т готова была уже разрешить выход наверх для отдыха, когда сенсоры зафиксировали сигналы кораблей на орбите.

Преследование ли это? Новые разгневанные флоты, пытающиеся захватить «Стремительный» из-за его тайн? Никто не мог бы проследить за кораблем на проложенном Джиллиан тайном маршруте мимо соседнего сверхгиганта, чьи космические ветры вывели из строя сторожевых роботов Института Миграции.

Но мысль оказалась не такой оригинальной, как мы надеялись. Ранее тем же путем проходили другие, включая группу землян. Думаю, не стоит удивляться, что и нашим преследователям это пришло в голову.

Хронометр Макани запищал — это напоминание. Предстоит корабельный совет: два дельфина, два человека и безумный компьютер снова собираются, чтобы подумать, как обмануть неумолимую вселенную.

На совете молча присутствовал и шестой член, на каждом повороте предлагая новую неожиданную комбинацию возможностей и катастроф. Без вмешательства этого члена «Стремительный»

давно погиб бы или был захвачен.

Или без нее мы были бы в безопасности дома.

В любом случае избежать ее участия невозможно.

Участия Ифни, капризной богини случая.

ХАННЕС

Трудно что-нибудь делать. Доктор Баскин продолжает сокращать инженерную команду, поручая ее членам другие задания.

Он недовольно проворчал:

— Еще рано отказываться от «Стремительного», говорю вам!

— Я пока не собираюсь отказываться, — ответила Джиллиан. — Но с этим толстым слоем углерода, который тянет его вниз…

— Мы наконец сумели проанализировать это вещество. Похоже, звездный ветер от Измунути состоит не только из атомного или молекулярного углерода, но и из трубок, завитков, шаров и тому подобного.

Джиллиан кивнула, как будто ожидала этого.

— Как яйца самца. Или на галдва… — Поджав губы, она издала резкий звук, означающий «контейнер для индивидуальных атомов». — Я

провела небольшое исследование в захваченной ячейке памяти Библиотеки. Похоже, сложное переплетение таких микроформ может приобрести свойства сверхпроводника и поглощать огромное количество тепла. С теми инструментами, которые у нас есть, от него избавиться не так легко.

— Но такой материал должен иметь и свои преимущества.

— Библиотека говорит, что лишь несколько кланов сумели синтезировать подобный материал. Но что он нам даст, если делает корпус слишком тяжелым и закрывает орудийные порты, так что мы не можем сражаться.

Суэсси возразил, что предлагаемая ею альтернатива ничем не лучше. Конечно, их окружает огромное количество древних кораблей, и они сумели активировать в некоторых из них двигатели. Но это очень далеко от подходящей замены разведывательного корабля класса «Акула», который так хорошо до сих пор служил экипажу.

Это корабли, которые буйуры считали ненужными и не взяли с собой, когда покидали планету.

И прежде всего — как дельфины собираются управлять кораблем, который был построен еще до того, как люди научились делать кремневые

орудия? «Стремительный» был чудом остроумных компромиссов, перестроенный таким образом, чтобы существа без ног и рук могли в нем передвигаться и выполнять свою работу. Они либо шагали в шестиногих ходячих скафандрах, либо плавали в широких затопленных помещениях.

Дельфины — первоклассные пилоты и специалисты. Когда-нибудь их будут нанимать галактические кланы и предлагать хорошие условия как отличным профессионалам. Но мало кто пожелает иметь дело со «Стремительным», со всеми связанными с ним неприятностями.

Джиллиан настаивала на своем.

— Мы приспособились и раньше. И конечно, у некоторых из этих кораблей конструкция, которую мы могли бы использовать.

Прежде чем совет кончился, Суэсси высказал последнее возражение.

— Ты знаешь, что возня с этими машинами, да и нашими тоже, может быть уловлена даже сквозь толщу воды.

— Знаю, Ханнес. — У нее был мрачный взгляд. — Но сейчас важна быстрота. Преследователи и так приблизительно знают, где мы. Возможно, они сейчас заняты, но скоро все равно придут. Мы

должны подготовиться к перемещению «Стремительного» в другое место или даже вообще к оставлению корабля.

И поэтому Суэсси подчинился, пересмотрел обязанности членов своей команды, прекратил работы на корпусе и отправил свою уменьшившуюся группу на разведку чуждых кораблей — задание одновременно опасное и захватывающее. Многие из этих брошенных кораблей казались более ценными, чем те, что могла купить обедневшая Земля у продавцов использованных судов. В других обстоятельствах эта Помойка могла бы быть грандиозным открытием.

— В других обстоятельствах, — пробормотал он, — мы бы здесь никогда не оказались.

СУНЕРЫ ЭМЕРСОН

Какое удивительное место!

С самого великолепного заката он поет серенады звездам и светящемуся вулкану, а потом и полумесяцу сверкающих отражений на большем спутнике. Мертвые города, покинутые много веков назад.

Теперь Эмерсон поворачивается на восток, к

новому дню. Погруженный в теплую усталость, стоя на высоком утесе над узкими долинами Кси, он смотрит на кричащее вторжение рассвета.

В одиночестве.

Даже женщины всадницы днем стараются не выходить из убежищ. На рассвете лучи разбухшего солнца смешивают все краски ночи, гоня их перед собой, как могучий прилив. Волна пятнистого света. Резкая и горькая, как осколки разбитого стекла.

Прежний Эмерсон, тот логичный и рассудительный инженер, который всегда знал, что такое реальность и как ее классифицировать, счел бы эти впечатления слишком болезненными. Умный Эмерсон, который умел починить любой сломанный механизм. Тот Эмерсон дрогнул бы перед этим приступом. Перед ошеломляющим ураганом болезненных лучей.

Но сейчас это кажется ерундой по сравнению с болью, которую он испытал после падения на эту планету. По сравнению с тем, что у него вырвали часть мозга, бурю света вряд ли можно даже считать мелкой досадой. Скорее похоже на то, как пятьдесят мяукающих котят царапают его мозолистую кожу, и она зудит от бесчисленных крошечных царапин.

Эмерсон широко разводит руки, раскрываясь перед зачарованной землей, чьи цвета пробивают блокировку его сознания, сжигают преграды, высвобождают из немого заключения спазмы накопившихся образов.

Узкие каньоны слой за слоем заполняются странными образами. Взрывы в космосе. Полузатонувшие планеты, на которых пузыри-острова блестят, как металлические грибы. Дом из льда, который тянется во всех направлениях от тусклой красной звезды, превращая блеск этой звезды в прирученное пламя очага.

Перед ним проходят эти и бесчисленные другие картины. И каждая требует внимания, делает вид, что именно она реальна. Но он знает, что все эти картины иллюзорны.

Ряды бронированных женщин размахивают хлыстами из раздвоенных молний, сидя верхом на огнедышащих драконах. Кровь из ран драконов радугой опускается на поверхность пустыни. Эмерсон заинтересован, но с помощью реука преобразует картины, отбрасывая все фантастическое и не имеющее реальной основы.

Что же остается?

Похоже, остается многое.

На ближайшем лавовом поле хрустальные

частицы отражают резкие солнечные всплески, которые глаз воспринимает как далекие мощные взрывы. Всякое представление о масштабах исчезает, когда перед ним в битве гибнут могучие корабли. Эскадры судов уничтожают друг друга. Измученное пространство поглощает целые флоты.

Это правда!

Он знает, что это подлинное воспоминание. Незабываемое. Слишком ужасное, чтобы отпустить его по эту сторону смерти.

Так почему оно утратилось?

Эмерсон пытается подобрать слова, пользуясь этой редкой возможностью вернуть воспоминания туда, где им место.

Я видел, как это происходило.

Я был там.

Он пытается добиться большего. В том направлении, посреди поля, усеянного обычными камнями, лежит галактическая спираль, вид сверху на галактическое колесо. Вид из мелкого пространства, куда редко дотягиваются пространственные потоки, В этом месте множество тайн, которые не тревожат волны времени.

Пока не прилетели те, у кого больше любопытства, чем благоразумия, и не потревожили

могильное спокойствие.

Кто это?…

Он подбирает подходящее слово.

Мы.

Нет, еще более подходящее.

«Стремительный»!

Легкий поворот, и он видит корабль на каменных слоях соседней плоской вершины. Стройный цилиндр, усаженный острыми выступами, которые призваны удержать корабль в этой вселенной, враждебной всему, что олицетворяет «Стремительный». Он с тоской смотрит на корабль. Обожженный и заплатанный — многие заплаты сделаны его руками, он прекрасен в глазах тех, кто его любит.

…его любит.

Слова обладают силой, способной пробудить мозг. Эмерсон осматривает горизонт — на этот раз в поисках человеческого лица. Лица, которым он восхищался, но мог в ответ надеяться лишь на дружбу. Однако ее лицо он не может найти в этом ошеломляющем ландшафте.

Эмерсон вздыхает. Пока достаточно открытий того, что он когда-то знал. Одно соотношение оказывается особенно полезным. Если болит, это истинное воспоминание.

Что бы означал этот факт?

Вопрос сам по себе заставляет его череп словно раскалываться от боли! Может, в этом цель боли? Помешать ему вспоминать?

Его одолевают болезненные ощущения. Дело гораздо хуже! — вопросы даже нельзя задавать!

Эмерсон сжимает голову: понимание приходит к нему с сокрушительными ударами.

Никогда, никогда, никогда.

Раскачиваясь, он испускает вопль. Воет, как раненое животное, его вопли проносятся над скальными выступами. Звук летит, как вспугнутая птица, и сдерживается перед самым столкновением.

Резко, круто поворачивает и возвращается как смех!

Эмерсон ревет.

В реве он выражает свое презрение.

Он ржет воинственной радостью.

По щекам его льются слезы, но он задает вопрос и наслаждается ответом, поняв наконец, что он не трус. Его амнезия — это не истерический уход от действительности. Не бегство от травм прошлого.

То, что произошло с его мозгом, не случайность. Горячий свинец словно течет по его спине — это

запрограммированные запреты пытаются его сдержать. Сердце Эмерсона разбухает, грозит разорвать грудную клетку. Но он почти не замечает этого, с жестоким оживлением разглядывая скрытую истину.

Кто— то это сделал.

И прямо перед ним, с плоской вершины холма, на него смотрят холодные глаза. Светлые и молочные. Загадочные, Древние, обманчивые. Они могут внушать ужас — тому, кому есть что терять.

Кто— то это сделал со мной!

Сжимая кулаки, с мокрыми щеками, Эмерсон видит, как сливаются цвета. Его глаза заполняются жидкой болью. Но это больше не имеет значения.

Теперь он видит.

Видит только то, что знает.

Незнакомец кричит, и крик его летит над вечными холмами.

Крик вызова.

ЭВАСКС

Они проявляют мужество.

В этом отношении вы оказались правы, Мои

кольца.

Мы, джофуры, не ожидали, что они придут так скоро после того, как «Полкджи» выжег все на двадцать коречей вокруг места нашей посадки. Но вот эта делегация, размахивающая белым знаменем.

Вначале значение этого символа было непонятно груде коммуникации нашего «Полкджи». Но ассоциативное кольцо этой груды выдало сведения о соответствующей человеческой традиции — белый флаг означает мир.

Мы сообщили об этом капитану-лидеру. Эта возвышенная груда кажется довольной нашей службой. Мои кольца, вы поистине хорошо информированы относительно этих паразитов! Эти кажущиеся бесполезными торы, оставшиеся от прежнего Аскса, содержат в своем воске сведения о людях, которые могут оказаться полезными союзу Обейер, если в Пять Галактик действительно пришло предсказанное время перемен.

В Великой Библиотеке раздражающе мало информации о маленьком земном клане. Какая ирония, что обильные сведения мы находим на такой примитивной, отсталой планете, как Джиджо. Сведения, которые могут помочь нам в нашей цели — полном уничтожении всех

волчат.

Что? Вы содрогаетесь от такой перспективы?

В радостном предчувствии службы? В предвидении, что еще один враг нашего клана будет уничтожен?

Нет. Вы содрогаетесь, наполняя наш сердечник мятежными испарениями!

Мои бедные отравленные кольца. Неужели вы так заражены чуждыми представлениями, что вам жалко этих несносных двуногих? И паразитов г'кеков, которых мы поклялись уничтожить?

Возможно, яд настолько силен, что делает вас непригодными к службе, вопреки всем вашим знаниям.

Оайлие были правы. Без мастер-кольца все груды могут превратиться в сентиментальных треки.

ЛАРК

Высокий звездный повелитель в куртке и брюках из домотканого материала производил не менее сильное впечатление, чем в своем прежнем черно-серебристом мундире. Массивные руки Ранна и его клинообразный торс заставляли воображать невозможные картины, например,

спортивную схватку между ним и взрослым хуном.

«Это может немного сбить с него спесь, — думал Ларк. — Ничего высшего в этом парне нет. За физической силой и самодовольством Ранна та же технология, которая придала Линг внешность богини. Я мог бы стать таким же сильным — и жить триста лет, — если бы не родился в этой далекой глуши».

Ранн говорил на англике с заметным даникским акцентом, с горячими обертонами, как и его ротенские повелители.

— Услуга, о которой ты просишь, одновременно рискованна и нагла. Можешь ли назвать хоть одну причину, по которой я должен с вами сотрудничать?

Охраняемый милицейскими стражниками, звездный лорд скрестив ноги сидел в одной из пещер горы Дуден, где замаскированные рампы сливались с окружающим лесом под навесами из блеклых тканей. Далекие хребты за поселком г'кеков словно рябили, когда деревья бу сгибали под ветром свои гигантские стволы. Из соседних гротов поднимались геотермальные пары, скрывая пленника от галактических инструментов — так по крайней мере надеялись мудрецы.

Перед Ранном лежала груда ромбов с символом Галактической Библиотеки, те самые коричневые плитки, которые Ларк и Утен нашли в разрушенной станции даников.

— Я могу назвать несколько причин, — ответил Ларк. — Половина знакомых мне квуэнов больны или умирают от грязного вируса, которого выпустили вы, ублюдки.

Ранн пренебрежительно отмахнулся.

— Это ваше предположение. Я его отвергаю.

У Ларка дыхание перехватило от гнева. Вопреки всем неопровержимым доказательствам Ранн упрямо отвергал возможность распространения ротенами смертельных микроорганизмов. То, что вы предполагаете, совершенно нелепо, сказал он раньше. Это противоречит природной доброте наших повелителей.

Первой реакцией Ларка было изумление. Природная доброта? Разве Ранн не был участником той сцены, когда Блур, несчастный портретист, сфотографировал лицо ротена без маски, а Рокенн реагировал на это приказом перебить всех свидетелей?

Ларку не принесло никакой пользы перечисление, пункт за пунктом, всех доказательств, которые он излагал Линг. Рослый звездный чело-

век слишком презирал все джиджоанское, чтобы прислушаться к доводам логики.

Или он с самого начала в этом участвовал и теперь считает отказ своей лучшей защитой.

Линг с несчастным видом сидела на обломке сталагмита, не способная посмотреть в глаза своему бывшему руководителю. Они обратились к Ранну за помощью после того, как она с помощью своего информационного диска не смогла проникнуть в найденный архив.

— Хорошо, — сказал Ларк. — Если на тебя не действуют милосердие и справедливость, то, может, подействуют угрозы.

Рослый мужчина хрипло рассмеялся.

— А сколькими заложниками вы можете пожертвовать, молодой варвар? Чтобы предотвратить огонь с неба, у вас только трое нас. Твоим угрозам не хватает убедительности.

Ларк чувствовал себя, как пустынный лемминг при встрече с лиггером. Тем не менее он придвинулся.

— Положение изменилось, Ранн. Раньше мы надеялись добиться уступок, передав вас на корабль ротенов. Теперь и корабль, и все члены его экипажа заключены в пузыре. А мы будем вести переговоры с джофурами. Подозреваю, что им все

равно, как ты будешь выглядеть и в чем будешь одет, когда мы передадим тебя им.

Лицо Ранна стало бесстрастным. Ларк находил это ободряющим.

Но тут вмешалась Линг.

— Пожалуйста. Такой подход бесцелен. — Она встала и подошла к своему коллеге данику. — Ранн, возможно, нам придется всю оставшуюся жизнь провести с этими людьми или разделить судьбу, какую уготовили им джофуры. Излечение может улучшить отношения с Шестью Расами. Их мудрецы пообещали простить нас, если мы найдем средство быстро.

Молчаливая гримаса Ранна не требовала истолкования с помощью реука. Ему не нравилось оправдание со стороны дикарей.

— И еще эти фотографии, — продолжала Линг. — Ты принадлежишь к Внутреннему Кругу и, должно быть, видел лица ротенов и раньше. Но меня это шокировало. Конечно, эти фотографические изображения — оружие в руках туземцев Джиджо. Сохраняя верность нашим повелителям ротенам, ты должен подумать и об этом.

— И кому они покажут эти картинки? — усмехнулся Ранн. Потом посмотрел на Ларка, и выражение его лица изменилось. — Вы ведь на самом

деле не можете…

— Передать их джофурам? А зачем нам беспокоиться? Джофуры в любое время, когда только захотят, могут раздавить ваш звездный корабль и разделить ваших хозяев на составляющие нуклеиновые кислоты. Посмотри в лицо фактам, Ранн: маскировка больше ничего не дает. Джофуры уже могли плотно обернуть свои кольца мульчи вокруг ваших повелителей.

— Вокруг возлюбленных патронов человечества?

Ларк пожал плечами.

— Правда это или нет, но это ничего не меняет. Если джофуры захотят, ротенов предадут анафеме во всех Пяти Галактиках. Наказание может быть очень суровым.

— А как же ваши Шесть Рас? — горячо возразил Ранн. — Вы все тоже преступники. Всем вам грозит наказание — и не только людям и остальным живущим здесь, но целиком всем расам повсюду в космосе!

— Ага. — Ларк кивнул. — Но мы это всегда знали. Мы вырастали, рассуждая о вероятности такого мрачного исхода. Сознание вины всегда окрашивало наше представление о жизни. — Он сардонически улыбнулся. — Но сомневаюсь,

чтобы такое оптимистическое существо, как ты, считающее себя частью грандиозного замысла, могло бы смириться с утратой всего, что любит и ценит.

Лицо даника наконец помрачнело.

— Ранн, — настойчиво заговорила Линг. — Надо действовать совместно.

Он сердито посмотрел на нее.

— Без одобрения Ро-кенна?

— Его увезли далеко отсюда. Даже Ларк не знает, где он. И теперь я убеждена, что мы должны думать о благе человечества, о благе Земли независимо от ротенов.

— Одно без другого невозможно.

Она пожала плечами.

— Тогда будем прагматиками. Если мы поможем этим людям, может быть, они то же самое сделают для нас.

Рослый мужчина скептически фыркнул. Но спустя несколько дуров коснулся ногой груды информационных ромбов.

— Ну, мне любопытно. Они не из Библиотеки станции. Я узнаю цветные глифы. Ты уже пыталась получить доступ?

Линг кивнула.

— Тогда, может, у меня получится лучше.

Он снова посмотрел на Ларка.

— Ты знаешь, каков риск, если я включу свой ридер?

Ларк кивнул. Лестер Кембел уже объяснил ему. Вероятно, цифровое сознание, осуществляемое крошечными информационными устройствами, будет скрыто гейзерами и микроземлетрясениями, которые постоянно происходят под Риммером.

Однако для большей уверенности все основатели колонии, от г'кеков и глейверов до уров и людей, отправили свои крадущиеся корабли в Помойку. Не осталось ни одного компьютера. Наши предки, должно быть, считали опасность весьма реальной.

— Не нужно читать сунерам лекции о риске, — ответил Ларк рослому человеку со звезд. — Вся наша жизнь поставлена на кость Ифни. Мы знаем, что это не вопрос выигрыша. Наша цель — как можно дольше оттягивать проигрыш.

Джими, один из благословенных, живших поблизости, в святилище избавившихся, добродушный молодой человек, почти такой же рослый, как Ранн, но гораздо более мягкий, принес еду. А также записку от Лестера Кембела. Посольство к джофурам прибыло на Поляну

Праздника, надеясь вступить в контакт с последними пришельцами.

На листочке вручную было написано: «Каков прогресс?»

Ларк поморщился. Он не знал, что в данном случае означает «прогресс», хотя сомневался, что достиг хоть какого-то.

Линг помогала вкладывать бежевые пластинки в информационный диск Ранна. Даники вместе удивленно разглядывали непонятные сверкающие символы.

Книги периода до «Обители» описывали, что такое цифровой мир — царство бесконечных измерений, возможностей и корреляций, где любая имитация приобретает свойства ощутимой реальности. Конечно, описания не заменяют непосредственный опыт. Но я не таков, как легендарные островитяне, которых ставили в тупик ружье и компас капитана Кука. Я имею некоторое представление о возможном, немного знаю математику.

Во всяком случае он на это надеялся.

Но потом встревожился. Может, даники притворяются? Делают вид, что столкнулись с трудностями, тогда как просто тянут время?

Времени осталось немного. Скоро умрет Утен,

а за ним и другие хитиновые друзья. Но что еще хуже, дошли слухи о целых хунских селениях, все жители которых чихают и кашляют. Их горловые мешки поражены неведомой болезнью.

«Давайте! — молча торопил он. — Что сложного в простом компьютерном индексе?»

Ранн отбросил ромб, издав гортанное проклятие на чуждом арго.

— Зашифровано!

— Я так и думала, — сказала Линг. — Но мне казалось, что ты как член Внутреннего…

— Даже нам, из круга, говорят не все. Но я знаю основы кодов ротенов. Этот совсем другой. — Он нахмурился. — Однако он кажется мне знакомым.

— Ты можешь его сломать? — спросила Линг, вглядываясь в лабиринт плывущих символов.

— Не с таким примитивным ридером. Нужно что-то побольше. Настоящий компьютер.

Линг распрямилась, понимающе глядя на Ларка. Но решение предоставила ему.

Ларк выдул воздух из щек.

— Хр-рм. Я думаю, это можно организовать.

Смешанный отряд милиции тренировался под соседними деревьями, выглядя мужественно в пятнистой боевой раскраске. Ларк видел только

несколько мощных квуэнов, хотя именно пятиногие бронированные существа составляют основу милиции на Джиджо.

Как один из немногих живых джиджоанцев, побывавших на борту чуждого корабля и своими глазами видевших их оружие, Ларк представлял себе, каким неожиданным и случайным оказался исход Битвы на Поляне: копья, арбалеты и ружья против звездных богов. Такая случайность больше не повторится. Но нет причин прекращать тренировки. Они держат добровольцев занятыми и помогают предотвратить воскрешение древних распрей. Что бы ни случилось: подчинимся ли мы со склоненными головами окончательному решению или умрем сражаясь, — мы не можем позволить себе разногласий.

В палатке у ручья их ждал Лестер Кембел.

— Мы рискуем, делая это, — сказал пожилой мудрец.

— А есть ли у нас другой выбор?

Во взгляде Лестера Ларк прочел ответ.

Мы можем позволить Утену и бесчисленным квуэнам умереть, если такова цена жизни остальных.

Ларк ненавидел свое положение мудреца. Его приводил в отвращение способ мысли, который

от него ожидают — сопоставление плюсов и минусов, заключение сделок, которые, как бы ни обернулись, делают тебя проклятым.

Кембел вздохнул.

— Можно сделать попытку. Сомневаюсь, чтобы артефакт вообще включился.

За грубым деревянным столом несколько людей и уров — помощники Кембела — сопоставляли блестящие предметы с древними иллюстрациями. Ранн с изумлением смотрел на предметы, которые доставили сюда с берегов далекого кислотного озера.

— Но мне казалось, вы уничтожили свои цифровые…

— Да, уничтожили. Это сделали наши предки. А это — остатки. Реликты буйуров.

— Это невозможно. Ведь буйуры улетели полмиллиона лет назад!

Ларк рассказал сокращенный вариант истории сумасшедшего мульк-паука с коллекционерским фетишем. Существа, созданного для уничтожения, но проведшего тысячелетия в запечатывании своих сокровищ в коконы остановленного времени.

Работая днем и ночью, алхимики-треки сумели создать формулу состава, растворяющего золотую

пленку, и предметы вернулись в реальный мир. К счастью для нас, эти специалисты оказались поблизости, подумал Ларк. Усталые треки стояли снаружи, испуская желтоватые пары из своих химосинтезирующих колец.

Ранн погладил черный трапециевидный предмет, очевидно, больший родич его портативного информационного диска.

— Силовой кристалл негентропический и выглядит неповрежденным. Вы не знаете, работает ли он?

Ларк пожал плечами.

— Вы знакомы с этим типом?

— Галактическая технология очень стандартизована, хотя, когда сделали это, люди как таковые еще не существовали. Это более высокий уровень технологии, чем тот, которым я пользуюсь, но… — Человек с неба сел перед древним артефактом и нажал один из выступов.

Приспособление неожиданно испустило поток ярких лучей, которые достигли навеса. Высокий мудрец и его помощники отпрянули. Урские кузнецы фыркали, извивая длинные шеи, а техники-люди украдкой делали жесты, отвращающие зло.

Даже среди личных помощников Кембела,

воспитанных на книгах, наша умудренность так поверхностна, что ее можно соскрести ногтем.

— Буйуры преимущественно пользовались галактическим три, — сказал Ранн. — Но галдва близок к универсальному, поэтому сначала попробуем его.

Он перешел на код, издавая щелчки, свисты и стоны так быстро, что Ларк не в состоянии был следить за языком компьютерных команд. Руки звездного повелителя тоже двигались, мелькали среди плывущих изображений. Линг присоединилась к нему, протягивала руки к эрзац-объектам, которые не имели для Ларка никакого смысла, отбрасывала то, что считала не относящимся к делу, создавая Ранну рабочее пространство.

Вскоре пространство расчистилось, осталось только несколько плывущих додекаэдров, на каждой из двенадцати сторон которых пробегали символы.

— Буйуры были хорошими программистами, — заметил Ранн, переходя на галшесть. — Хотя самая большая их страсть — биологические изобретения, они не утратили и цифрового искусства.

Ларк оглянулся на Лестера, который отошел к дальнему концу стола. Там, подобно горке сия-

ющих опалов, лежала груда сенсорных камней. Нервно притопывая ногой, мудрец внимательно следил, не вспыхнет ли предупреждающий огонь.

Повернувшись еще дальше, Ларк заметил, что горный склон опустел. Отряд милиции ушел.

Никто, обладающий здравым смыслом, не будет здесь задерживаться, пока происходит такое.

Ранн пробормотал проклятие.

— Я надеялся, машина распознает шрифт, если это тип, широко употребляемый в Пяти Галактиках. А может, здесь особенности, характерные для отдельных рас или союзов.

Но увы — компьютер говорит, что не узнает криптографический подход, использованный в пластинах памяти. Он называет технику кодирования новаторской.

Ларк знал, что среди старших звездных кланов это слово считается оскорбительным.

— Может, это способ, разработанный после отлета буйуров с Джиджо?

Ранн кивнул.

— Полмиллиона лет — немало даже по галактическим стандартам.

Линг энергично подхватила:

— Так, может, он земной.

Рослый мужчина посмотрел на нее, потом кивнул и перешел на англик.

— Это может объяснить впечатление смутной знакомости. Но зачем ротенам использовать земной код? Ты знаешь, что они думают о технологии волчат. Особенно о том, что создано этими неверующими землянами.

— Ранн, — прервала его Линг негромко. — Эти плиты могли не принадлежать Ро-кенну или Ро-пол.

— Тогда кому? Ты говоришь, что раньше их не видела. Я тоже. Остается…

Он замигал, потом тяжело ударил кулаком по деревянному столу.

— Нужно расколоть эту штуку. Линг, мы потратим всю оставшуюся энергию на то, чтобы найти ключ.

Ларк сделал шаг вперед.

— Разумно ли это?

— Тебе нужно лекарство для твоих друзей дикарей? Что ж, корабль джофуров сидит на развалинах нашей станции, а наш корабль в плену. Возможно, это единственный шанс.

Очевидно, у Ранна была и другая причина для неожиданного пыла. Но как будто бы все они хотят одного и того же — пока.

Лестер выглядел встревоженным, но кивком дал разрешение и снова вернулся к разглядыванию сенсорных камней.

«Мы делаем это для тебя, Утен», — подумал Ларк.

Несколько мгновений спустя ему пришлось отступить на несколько шагов: пространство над доисторическим компьютером заполнилось. Бесчисленные глифы и знаки извивались, как снежные змеи в арктической буре. Машина буйуров прилагала все усилия своего цифрового интеллекта, чтобы разгадать сложную головоломку.

Ранн работал, руки его мелькали, а лицо становилось все более сердитым. Такое негодование можно испытать только по одной причине.

Из— за предательства.

Прошел мидур, прежде чем древний компьютер объявил о получении предварительных результатов. К этому времени Лестер Кембел уже совершенно измучился. Рубашка его потемнела от пота, а дыхание вырывалось с трудом. Но Лестер никому не доверял наблюдение за сенсорными камнями.

— Нужна длительная подготовка, чтобы заметить предупреждающее свечение, — объяснил

он. — Сейчас, если я расслаблюсь и направлю взор в нужном направлении, то едва вижу мягкое свечение в промежутке между двумя нижними камнями.

Длительная подготовка? Ларк удивился. Он всматривался в хрупкую пирамиду и разглядел слабое свечение, напоминающее приглушенный огонь, который лижет края сосуда с мульчей, когда жирные кольца треки возвращают мертвеца в цикл Джиджо.

Кембел продолжал описывать, как будто Ларк ничего не видит.

— Когда-нибудь, если будет время, мы научим тебя воспринимать пассивный резонанс, Ларк. В данном случае его пробудил боевой корабль джофуров. Его гигантские двигатели, в сорока лигах от нас, сейчас не работают. К сожалению, даже сейчас они создают такой фоновый шум, который способен замаскировать появление нового возмущения.

— Какого, например?

— Такого, как другой набор гравитационных репульсоров, приближающийся к нам.

Ларк мрачно кивнул. Подобно богатой самке ура с двумя мужьями в сумках, большие боевые корабли несут в себе меньшие суда, быстрые

и незаметные, которые способны выполнять смертоносные поручения. Это прежде всего и тревожило Лестера.

Ларк подумал, стоит ли вернуться и понаблюдать за работой двух даников, которые в поиске математических ключей вызывали все новых программных демонов. Но какой смысл смотреть на необъяснимое? Вместо этого он внимательней всмотрелся в камни. Каждая их вспышка — эхо титанических сил, подобных тем, что таятся в солнце.

Первое время он ощущал только мягкое синеватое пламя. Но потом Ларк начал замечать другой ритм, совпадающий с биением приглушенного пламени. Источник этого ритма вблизи его грудной клетки, над бьющимся сердцем.

Он сунул руку под одежду и сжал амулет — осколок Святого Яйца, висящий на кожаном ремешке. С каждым дуром биение все усиливалось, начало передаваться рукам.

Что общего у Яйца с двигателями галактического крейсера? Только одно: они оба намерены тревожить меня до самой смерти.

Он слышал, как гневно вскрикнул Ранн. Рослый даник ударил кулаком по столу, едва не опрокинув хрупкие камни.

Кембел пошел узнавать, что установил Ранн. Но Ларк не мог последовать за ним. Его остановило оцепенение, распространившееся от сжатого кулака. Прокатилось по груди и спустилось к ногам.

— Ух хухнн…

Он пытался заговорить, но слова не шли. Какой-то паралич лишил его возможности двигаться.

Год за годом пытался он достичь того, что к другим пилигримам приходило легко, когда члены Шести Рас стремились достичь единства с даром Джиджо — Яйцом, этим загадочным чудом. Некоторым оно давало благословение — образы руководства, глубокие и трогательные. Утешения в трудностях изгнания.

Но Ларку — никогда. Грешнику — никогда.

До этого момента.

Но вместо того чтобы ощутить мир и безмятежность, Ларк испытывал горечь, словно расплавленный металл во рту. В ушах скрежетало, как будто массивный камень протаскивают через слишком узкий проход. В смятении промежутки между сенсорными камнями казались пропастями между планетами. Камни — это луны, касающиеся друг друга с громоздким изяществом.

Перед ошеломленным взором серебристое пламя вздувалось, как новый росток куста роз. Новая выпуклость двигалась, отделилась от родителя, поползла по поверхности одного камня, пересекла пропасть и стала постепенно подниматься.

Почти неощутимое пламя. Не будь повышенной в приступе чувствительности, Ларк не заметил бы его.

Что— то приближается.

Но он мог реагировать только каталептическим бульканьем.

За Ларком послышались звуки ярости — это Ранн что-то швырял в гневе от своего открытия. Вокруг разгневанного чужака двигались фигуры Лестер и милицейские стражники. Никто не обращал на Ларка внимания.

В отчаянии он попытался отыскать место, откуда исходят волевые акты. Центр воли. Тот участок, который приказывает ноге сделать шаг, глазу передвинуться, голосу — издавать слова. Но душа его казалась пленницей бесцветного комка огня, продолжавшего неторопливо перемещаться.

Но зачем привлекать его внимание, если огонь не разрешает ему двигаться?

«Таково твое намерение? — спросил он у Яйца в полумольбе-полуосуждении. — Ты делаешь меня

чувствительным к опасности и не позволяешь предупреждать других?»

Прошел ли один дур — или десять — пока огонь двигался по следующему камню? С мягким шипением он пересек очередной промежуток. Сколько еще ему предстоит преодолеть, прежде чем он достигнет вершины? И какая небесная тень пронесется над головой, когда это произойдет?

Неожиданно в поле зрения Ларка действительно возник огромный силуэт. Гигантская шарообразная фигура, обширная и размытая, на его неподвижный, но несфокусированный взгляд.

Вторгшийся объект заговорил с ним.

— Ухм… Мудрец Кулхан? С вами все в порядке, сэр?

Ларк жестом — он по-прежнему не владел речью — пригласил подойти ближе. Сюда, Джими. Еще немного левее.

С благодатной внезапностью пламя исчезло, закрытое круглым лицом Джими Блаженного, Джими Простака. С обеспокоенным выражением Джими коснулся влажного лба Ларка.

— Принести вам чего-нибудь, мудрец? Может, немного воды?

Освободившись из гипнотической ловушки,

Ларк наконец обрел волю: она была на том же месте, где всегда.

— Ухххх.

Задыхаясь, выдыхая отработанный воздух, он перевел дыхание. В теле взорвалась боль, но он подавил ее, вложил всю волю в два простых слова:

— Все наружу!

ЭВАСКС

Они быстро выполняют обещания, не правда ли, Мои кольца?

Видите, как быстро туземцы соглашаются на наши требования?

Вы удивлены тем, что они так быстро решили умиротворить нас, но Я ожидал этого. Какое другое решение возможно теперь, когда так называемые мудрецы поняли, каково истинное положение?

Подобно вам, меньшие кольца, самое главное назначение других рас — повиноваться.

Как это произошло? — спрашиваете вы.

Да, у вас есть Мое разрешение гладить старомодные восковые натеки, прослеживая недавние воспоминания. Но Я перескажу их также более

эффективным способом оайлие, чтобы мы смогли сообща насладиться совместно исполненным удачным завершением.

Начнем с прибытия послов — по одному от каждого дикарского племени. Они вступили в раздавленную долину на ногах и колесах, спотыкаясь, как животные, на обломках, окружающих наш гордый «Полкджи».

Храбро остановившись под нависающим блестящим корпусом, они по очереди кричали в ближайший открытый люк, произносили высокие речи от имени своей примитивной Общины. С поразительным красноречием они цитировали от носящиеся к делу разделы галактических законов, от имени предков принимая на себя всю ответственность за пребывание на этой планете и вежливо требуя, чтобы мы объяснили причину своего появления здесь.

Являемся ли мы официальными инспекторами и судьями Института Миграции, спрашивали они. А если нет, то по какой причине нарушаем мир на этой планете?

Какая наглость! Из членов нашего экипажа наиболее взволнованная груда — младший священник. Ведь кажется, что теперь мы должны оправдываться перед варварами!

«Почему Бы Нам Просто Не Поджарить Это Посольство, Как мы Поступили Раньше?»

На это наш великолепный капитан-лидер ответил:

«Нам Ничего Не Стоит Направить Информативный Пар В Общем Направлении Этих Полуразвившихся Существ. И Не Забывайте, Что Есть Информация, Которая Нам Необходима! Помните, что Эти Мошенники, Которых Называют Ротенами, Предложили Продать Нам Ценные Знания До Того, Как Мы Справедливо Обманули Их. Может, Те Же Самые Знания Можно Получить От Местных Жителей За Гораздо Меньшую Цену. Это Сбережет Нам Время И Усилия В Поиске.»

Разве груда-младший священник не приводит новые аргументы?

«Посмотрите На Эти Ужасы! Какое Отвратительное Зрелище! Они Пришли В Тень Нашего Великого Корабля — Уры Рядом С Хунами! Бедные Обманутые Родичи Треки Стоят Рядом С Волчатами Людьми! И Среди Них Хуже Всего Г'Кеки! Что Можно Получить От Такого Смешения Рас? Сжечь Их На Месте!»

Да, Мои кольца, разве не проще бы все обстояло для нас/ Меня, если бы капитан-лидер уступил и прислушался к совету младшего священника? Но

вместо этого наш возвышенный командир склонился к старшему священнику для дальнейших консультаций.

Это величественное существо, башня из пятидесяти великолепных торов, вытянулось вверх и провозгласило:

«Я/Мы Согласен, Что Это Унизительная Задача. Но Нам Не Причинит Вреда Наблюдение За Соответствующими Формами И Ритуалами.

Поэтому Предоставим Работу Эвасксу. Пусть Груда Эваскс Разговаривает С Этими Регрессировавшими Дикарями. Пусть Эваскс Разузнает, Что Им Известно О Двух Видах Добычи, Которую Мы Преследуем.»

Так и было решено. Работу поручили этой временной гибридной груде. Поручение, достойное самого младшего агента. Вести переговоры с животными. Таким образом Я/мы узнал, как низко ценят нас другие джофуры.

Но сейчас это не важно. Помните ли вы, с какой решимостью и уверенностью взялись мы за порученное дело? На антигравитационной платформе мы опустились в поваленный лес, где ждали шесть послов. Наше кольцо ассоциаций узнало двух из них: Фвхун-дау, поглаживающего белую хунскую бороду, и Вуббена, мудрейшего

из г'кеков. Вначале эта пара радостно удивилась, считая, что видит утраченного друга — Аскса.

Затем, поняв свою ошибку, все шестеро дрогнули, издавая различные звуки отчаяния. Особенно находившийся среди них треки — сменивший нас/вас среди высоких мудрецов? — которого трансформация как будто особенно расстроила. О, как дрожала эта туземная груда торов, постигнув суть нашей джофурикации! Распадется ли это сегментированное единство на месте? Станут ли кольца-компоненты, без мастер-кольца, способного связать их и руководить ими, станут ли эти кольца рвать соединяющие мембраны и расползаться в разные стороны, возвратившись к звериным привычкам наших предков?

Постепенно все шесть представителей настолько пришли в себя, что были в состоянии слушать. В простых словах Я объяснил причину появления «Полкджи» в этой далекой системе.

Мы не представители Института Миграции, сказал Я/мы им, хотя мы применили параграф галактического закона, беря на себя полномочия, чтобы арестовать генных грабителей ротенов. И если мы справедливо накажем их или преступных колонистов, со стороны равнодушного космоса не будет никаких вопросов.

К кому будут апеллировать мудрецы?

Но наша цель не такова.

Это Я добавил, успокаивая. Есть гораздо большие преступники, достойные преследования, чем несчастная горстка изгнанников, застрявших на запретном рифе и ищущих избавления собственными средствами.

Наша главная цель — поиски исчезнувшего корабля с экипажем из земных дельфинов. Корабля, который разыскивают десять тысяч флотов по всем Пяти Галактикам. Корабля, несущего в себе тайну и, может быть, ключ к новой эре.

Я сказал послам, что мы заплатим за сведения, если туземцы помогут нам сократить поиск.

(Да, Мои кольца, капитан-лидер тоже пообещал заплатить этим негодяям ротенам, когда их корабль связался с нашим в пространстве прыжка и предложил важные сведения. Но эти нетерпеливые глупцы в своей жадности выдали слишком многое. Мы дали неопределенные обещания, выуживая у них дополнительные доказательства, затем тайно последовали за ними еще до окончательного заключения сделки! А когда они привели нас к этой планете, то стали нам не нужны. И вместо того, чтобы платить, мы захватили их корабль.

Конечно, они могли бы продать еще некоторые клочки информации. Но если корабль дельфинов действительно в этой системе, рано или поздно мы его найдем.)

(Да, Мои кольца, в нашем сердечнике памяти нет никаких восковых отпечатков дельфиньего корабля. Но другие на Джиджо могут что-то знать. Возможно, эти данные утаили от мудреца треки. Да и разве можно доверять воспоминаниям, унаследованным от Аскса? Ведь он коварно расплавил множество натеков сердечника.

Поэтому мы должны расспросить послов джиджоанцев, используя угрозы и обещания.)

Пока послы размышляли над проблемой дельфиньего корабля, Я перешел к нашему второму требованию. Наша цель — надолго отложенное справедливое возмездие!

ВАМ ЭТО ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ НЕПРИЯТНЫМ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСКИМ. НО У ВАС НЕТ ВЫБОРА. ВЫ ДОЛЖНЫ
ПОДЧИНИТЬСЯ НАШЕЙ НЕПРЕКЛОННОЙ ВОЛЕ. ЖЕРТВА, КОТОРУЮ МЫ ТРЕБУЕМ, СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМА. И НЕ ДУМАЙТЕ УВИЛИВАТЬ!

Мудрец хун испустил глубокое ворчание, раздувая свой горловой мешок.

— Мы не совсем поняли смысл сказанного. Чем мы должны пожертвовать?

На эту явную попытку увильнуть Я насмешливо ответил, добавив подчеркнутую рябь на наших верхних кольцах:

ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ДОЛЖНЫ ОТДАТЬ НАМ. МЫ ОЖИДАЕМ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОДНОШЕНИЯ. ЗАДАТКА, КОТОРЫЙ ПОКАЗАЛ БЫ, ЧТО ВЫ НАС ПОНИМАЕТЕ.

И с этими словами Я приказал нашему кольцу-манипулятору нацелить все щупальца на престарелого г'кека.

На Вуббена.

На этот раз их реакция свидетельствовала о понимании. Некоторые прежние кольца Аскса разделили их отвращение, но Я железной рукой навел дисциплину.

Устрашенные варвары удалились, унося с собой слово с небес.

Мы не думали получить от пришедших в ужас сунеров ответ в течение одного-двух дней. Тем временем капитан-лидер решил послать наш второй корвет, чтобы помочь первому, чье самовосстановление шло слишком медленно. Этот корабль застрял вблизи глубоководной впадины. (Возможное место укрытия исчезнувшего кораб-

ля землян!)

Вначале мы опасались, что наш корабль сбили дельфины и что туда следует лететь самому «Полкджи». Но наша груда-тактик рассчитала, что скорее всего в наш корабль случайно попал разведчик ротенов. И поэтому безопасно отправить меньшее судно.

И вот в тот момент, когда наша ремонтная группа уже готовилась к высадке, мы уловили сигнал с этих самых гор. Что это могло быть, как не ответ джиджоанских послов на Мои/ наши требования?

Корвет был перенаправлен на север, к месту новой передачи.

И вот! Только что пришел его доклад. Поселок г'кеков — маленький город на демонских колесах, спрятанный в лесу!

О, мы бы все равно его нашли. Наши картографы только еще начали работу.

Тем не менее этот жест внушает оптимизм. Он показывает, что Шесть (которых скоро будет пять) обладают достаточным разумом, чтобы рассчитывать шансы, предвидеть неизбежное и минимизировать потери.

Что, Мои кольца? Вы удивлены? Вы ожидали большей солидарности в вашей хваленой Об-

щине? Большей верности?

Тогда живите и учитесь, мои восковые красавицы. Это только начало.

ЛАРК

Престарелый мудрец-человек бежал по лесу, и щеки его были мокры от слез.

— Это моя вина, — задыхаясь, причитал он. — Я виноват во всем. Мне не следовало разрешать это так близко от бедных г'кеков.

Ларк слышал жалобы Кембела, когда они присоединились к толпе беглецов, бегущих по узким проходам между колоссальными стволами бу. Ларк увидел рослого хунского милиционера с большим мечом на спине. Могучий воин подхватил Лестера на руки и осторожно понес потрясенного мудреца к безопасности.

Для бегущих под бу это слово — «безопасность» — больше никогда не будет иметь прежний смысл. В течение двух тысяч лет укрепления горы Дуден предоставляли убежище старейшей и самой слабой разумной расе на Джиджо. Но никакая защита не устоит против небесного крейсера, который пролетел над укромной долиной сразу вслед за тем, как Ларк выкрикнул свое преду-

преждение. Те беглецы, у кого хватило мужества оглянуться, навсегда запомнят этот страшный корабль, нависший, как хищник, над изящными рампами, домами и мастерскими.

Должно быть, его привлек буйурский компьютер — своим «цифровым резонансом».

Пролетая над горой, чужаки не могли не увидеть внизу поселок г'кеков.

...мы были слишком близки к бедным г'кекам.

В стремлении получить ответы — и подгоняемый нестерпимым любопытством ко всему галактическому, — Кембел разрешил Линг и Ранну включить машину на полную мощность, чтобы расшифровать загадочные записи. Это все равно что поместить в этой части Риммера приманку, призывая злой ветер.

Некоторые бегущие по лесу казались не такими испуганными. Джени Шен, с яростным взглядом, поддерживала дисциплину в отряде милиции, и у Линг не было ни одной возможности отбежать вправо или влево, раствориться в лесу бу. Как будто даникам было куда идти. На их лицах было такое же отчаяние, как и у всех остальных.

Глаза Ларка все еще жгло от нестерпимо ярких лучей, которыми корабль разрывал маскировочную сеть, выставив крепость Дуден под

безжалостные лучи палящего солнца. Много численные фигуры на колесах тщетно метались, словно личинки в рухнувшем улье.

Лучи погасли, из плывущего над головами неумолимого рока полилось нечто еще более страшное.

Золотистая дымка. Поток жидкого света.

В этот момент нервы у Ларка сдали, и он тоже побежал по лесу бу. Убегал от катастрофы, которую сам помог вызвать.

Ты не один, Лестер. В аду у тебя есть компаньон.

ДВЕР

Грязнолапый казался еще безумней, чем обычно.

Вглядываясь сквозь тучу жужжащих мошек, Двер следил за тем, как спятивший нур склонялся к какому-то беспомощному животному, которое поймал на берегу и теперь держал передними лапами. В то же время он угрожающе скалился, отгоняя других животных, которые могли оказаться поблизости. Грязнолапый не проявлял никакого интереса к двум поврежденным космическим кораблям, которые лежали сразу за

дюной.

«Да и зачем ему интересоваться? — думал Двер. — Всякий галакт при его виде просто отмахнется от еще одного обитателя Джиджо. Наслаждайся едой, Грязнолапый. Ты можешь не корчиться в укрытии под горячим песком!»

Убежище самого Двера оказалось страшно неудобным. Ноги затекли, песок легко набивался в каждую складку тела. Рубашка, удерживаемая двумя стрелами и присыпанная песком, частично защищала его. Но это узкое убежище пришлось разделить с Рети — очень нелегкий подвиг, мягко выражаясь. Но что еще хуже, комары, размером с точку, находили человеческую плоть неудержимо привлекательной. Один за другим инсектоиды спускались в импровизированное убежище: ведь Дверу и Рети все равно приходилось открывать лица, чтобы вдохнуть. Мошки окружали их рот и неизбежно попадали внутрь. Рети закашлялась, плюнула и выругалась на диалекте Серых Холмов, не обращая внимания на призывы Двера к тишине.

Она не привыкла к такому, думал он, призывая себя к терпению. Когда он был учеником, мастер Фаллон оставлял его на несколько дней в охотничьей западне, а потом незаметно возвращался

и наблюдал. И за каждый звук, который издавал Двер, Фаллон добавлял еще один мидур, пока Двер не научился ценить тишину.

— Лучше бы он перестал играть со своей едой, — прошептала Рети, глядя вниз по склону на Грязнолапого. — Или принес бы нам немного.

В животе у Двера согласно заурчало. Но он ответил:

— Не думай об этом. Попытайся уснуть. Ночью попробуем отсюда выбраться.

На этот раз она готова была прислушаться к его совету. Иногда, в самом тяжелом положении, Рети становилась гораздо лучше.

При таких темпах она станет святой еще до того, как все это кончится.

Он посмотрел влево, в сторону болота. Оба корабля застряли в трясине на морском берегу всего в двух полетах стрелы. Если они с Рети пошевелятся, то станут легкой добычей. И у него не было никакой гарантии, что ночью положение изменится.

Я слышал, что у звездных богов есть линзы, которые видят движения теплого тела в темноте. Есть у них и средства обнаружения металла и инструментов.

Уйти отсюда совсем нелегко. Или даже невоз-

можно.

И никаких альтернатив нет. Одно дело — сдаться Кунну. Рети, которую даники приняли, могла уговорить пилота со звезд сохранить Дверу жизнь. Возможно.

Но эти вновь прибывшие, которые сбили маленького разведчика Кунна… Видя конические груды сверкающих пончиков, в сопровождении роботов осматривающие поврежденный корабль, Двер чувствовал, как у него волосы встают дыбом.

Откуда такой страх? Они очень похожи на треки, а треки совершенно безвредны, верно?

Нет, если они прилетают из космоса и мечут молнии.

Двер пожалел, что в детстве ерзал и невнимательно слушал святые службы, когда читались отрывки из Священных Свитков. Некоторые тексты были введены существами-кольцами, когда прилетел их крадущийся корабль. И это были тексты-предупреждения. Кажется, не все груды жирных колец дружелюбны и настроены миролюбиво. Каким названием они пользовались? Двер попытался вспомнить слово, обозначавшее тех треки, которые не являются треки, но не смог.

Иногда ему хотелось больше походить на брата и сестру — быть способным порождать глубокие мысли, читать множество ученых книг. Сара и Ларк лучше использовали бы время вынужденного бездействия. Они взвешивали бы альтернативы, перечисляли возможности, формулировали планы.

А я могу лишь дремать и мечтать о еде. Еще хотелось бы почесаться.

Он еще не в таком отчаянии, чтобы с поднятыми руками отправиться к серебристому кораблю. К тому же чужаки и их помощники по-прежнему толпятся у корпуса, занятые ремонтом.

Кивая в сонном оцепенении, он в особенности пытался подавить одно щекотливое ощущение в голове. Это ощущение впервые возникло, когда он «перевез» на себе робота даников через реку, используя свое тело как якорь, с помощью которого поле соединялось с землей. И каждый раз он падал в изнеможении на берег, а приходил в себя с таким чувством, словно выбрался из глубокой ямы. И с каждым пересечением реки этот эффект становился все сильней.

Ну, по крайней мере больше мне этого делать не придется. Робот укрывается за соседней дюной. С тех пор как корабль Кунна упал, а его хозяин

был захвачен, робот стал бесполезен и бессилен.

Спал Двер тревожно. Вначале его беспокоило жалующееся тело, а потом кошмары.

Ему всегда снились сны. Ребенком Двер просыпался по ночам и кричал так, что будил всех обитателей дома: от Нело и Мелины до последних слуг и шимпов. И все они собирались, пытаясь успокоить его. Он не помнил отчетливо, что его так пугало во сне, но у него по-прежнему бывают поразительно яркие и отчетливые сны.

Однако эти сны не заставляют кричать.

Если не считать Одного-В-Своем-Роде.

Он вспомнил старого мульк-паука у кислотного горного озера, который однажды, во время его первого самостоятельного путешествия по Риммеру, заговорил с ним, вкладывая слова непосредственно ему в сознание;

— безумного паука, непохожего на всех остальных, который использовал любые соблазны и обманы, чтобы заманить Двера в свою паутину и присоединить к «коллекции»;

— того паука, который едва не поймал Двера в ту ужасную ночь, когда в его ядовитых щупальцах оказались Рети и ее «птица», прежде чем вся паутина вспыхнула и превратилась в огненный ад.

Он видел живые нити, видел тело самого паука, пробирающееся сквозь запутанный лабиринт, подползающее все ближе, закрывая ловушку, из которой невозможно вырваться. Из каждой извивающейся нити капали тяжелые ядовитые испарения или жидкости, при прикосновении которых кожа немела.

Песчаная дюна вокруг казалась Дверу спиралью из множества петель. Эти петли все теснее сжимают его в своем любящем, по-своему сладком и липком объятии.

— Никто не оценит тебя так, как я, слышался терпеливый призыв Одного-В-Своем-Роде. У нас общая судьба, моя драгоценность, мое сокровище.

Двер чувствовал себя в ловушке — скорее не из-за окутывающего его песка, а из-за прилипчивого сна. Он пробормотал:

— Ты только мое воображение.

Проникновенный, подобный сну, смех и медоточивый голос радостно:

— Так ты всегда говорил, хотя тем не менее старательно избегал моих объятий. До той ночи, когда я едва не завладел тобой.

— Той ночи, когда ты умер! — ответил Двер. Слова потонули в его возбужденном дыхании.

— Верно. Но неужели ты на самом деле думаешь, что это конец?

Мой род очень древен. Я сам прожил полмиллиона лет, медленно разъедая и выщелачивая жесткие останки буйуров. За эти долгие века, думая свои длинные мысли, разве не мог я все узнать о смертности?

Двер понимал — все это время, когда он переносил робота через реки, контактируя с его полем, что-то в нем самом изменилось. Сделало более чувствительным. Или свело с ума. В любом случае это объясняло ужасный сон.

Стараясь проснуться, он приоткрыл глаза, но усталость навалилась на него тяжелым саваном, и он сумел только через сплетенные ресницы взглянуть на болото внизу.

До сих пор он смотрел только на корабли чужаков: больший, в форме серебристой сигары, и меньший, похожий на бронзовый наконечник стрелы. Но теперь Двер разглядел и окружение. Он увидел само болото, а не сверкающих захватчиков.

— Они всего лишь мусор, моя драгоценность. Не обращай внимания на эти мимолетные куски «сделанного», краткие фантазии эфемерных существ. Планета поглотит их — с терпеливой

помощью моих сородичей.

Занятый кораблями, он не заметил красноречивых следов. Поблизости квадратное возвышение, симметричность которого почти скрыта под растительностью. Ряд углублений, почти канав, заполненных пеной и водорослями, на одинаковом расстоянии друг от друга. Эти углубления, одно за другим, уходят вдаль.

Конечно, это древний город буйуров. Возможно, порт или морской курорт, давно покинутый, а ветер и дождь должны были уничтожить остатки.

— И помощь друзей раненой планеты, — послышался внутренний голос, полный новой гордости.

— Мы, которые помогаем зарастать шрамам.

Мы, которые ускоряем трение времени.

Вон там. Всматриваясь между собственными ресницами, Двер разглядел среди болотной растительности тонкие нити, словно натянутые между стволами и листьями, пробирающиеся через грязные отмели. Длинные трубообразные линии, движения которых медлительны, как движения ледника. Но если набраться терпения, можно уловить перемены.

— О, какому терпению ты мог бы научиться, если бы только присоединился ко мне! Сейчас

мы были бы едины со Временем, мой любимец, моя редкость.

Не только растущее раздражение назойливым голосом из сна — ведь Двер знал, что голос все же воображаемый. Растущее осознание в конце концов заставило Двера стряхнуть сон. Он так сильно сжал веки, что вызвал слезы и преодолел оцепенение. Чувствуя себя бодрее, он снова открыл глаза и снова посмотрел на слабые извилистые очертания в воде. Они реальны.

— Мульк-болото, — прошептал Двер. — И паук все еще жив.

Рети пошевелилась и ядовито заметила:

— Ну и что? Только еще один повод побыстрее убраться отсюда.

Но Двер улыбнулся. Вынырнув из раздражительного сна, он понял, что мысли его устремились в другом направлении. Больше он не испытывал предчувствий жертвы.

На удалении по-прежнему слышались лай и ворчание нура, который продолжал играть с добычей. Это привилегия хищника по закону природы. Раньше поведение Грязнолапого раздражало Двера. Но теперь он принял его за предзнаменование.

Все его неудачи, все раны, не говоря уже о здра-

вом смысле, требовали, чтобы он бежал из этого смертоносного места, уполз на животе. Увел за собой Рети в убежище, какое только можно найти в этом опасном мире.

Но сейчас у него кристаллизовалась новая идея, ясная, как соседние воды Трещины.

«Я не убегу отсюда, — решил он. — Я не знаю, как это сделать».

Охотник — вот кем он рожден, вот чему он учился.

ОЛВИН

Ну хорошо, вот мы четверо здесь, смотрим далекие картины через волшебный прибор фувнтусов. Но вот камера неожиданно дернулась, и мы увидели перед собой улыбающуюся пасть гигантского нура! Во много раз увеличенного. Таким его могла бы увидеть болотная мышь, и это был ее последний взгляд, перед тем как стать обедом.

Хуфу среагировала резким шипением. Ее когти впились мне в плечи.

Вращающийся голос, наш хозяин, казался удивленным не меньше нас. Эта вращающаяся голограмма изогнулась, как шея смущенного

ура, и закивала, словно советовалась с кем-то, нам не видным. Я услышал отрывки разговора, возможно, на англике или на галсемь.

Когда голос снова заговорил громко, мы слышали слова дважды, второй раз они приходили через приемник далекого робота. Голос говорил на галшесть с акцентом, и обращался он к необычному нуру. Три слова, произнесенные таким высоким тоном, что я едва их понял.

— Брат, — быстро произнес голос. — Пожалуйста, прекрати.

Но странный нур не остановился; повернув голову, он разглядывал прибор с одной стороны, потом с другой.

Конечно, мы, хуны, используем нуров на кораблях как помощников, и они знают многие слова и простые команды. Но это на Склоне, где они получают плату в виде сладостей и мелодичного ворчания. Но как нур, живущий к востоку от Риммера, может научиться галактическому шесть?

Голос попробовал снова, изменив высоту тона и тембр, так что звуки почти вышли за пределы моего восприятия.

— Брат, во имя Шутника, поговори с нами.

Мы с Гек обменялись изумленными взглядами. Чего пытается добиться голос?

В голову пришло полувоспоминание о том времени, когда наша злополучная «Мечта Вуфона» была раздавлена в пасти гигантского корабля фувнтусов. Нас с друзьями, задыхающихся, выбросило на металлическую палубу, и вскоре сквозь туман в глазах я увидел шестиногих чудовищ, которые расхаживали вокруг, топтали наши самодельные инструменты, размахивали фонарями и восклицали на трескучем языке, который я не понимал. Бронированные существа казались жестокими, когда они сожгли маленького Зиза, треки из пяти колец. Потом они едва не сошли с ума, увидев Хуфу. Я помню, как они, сгибая металлические ноги, приседали над моей любимицей, гудели и щелкали, как будто пытались заставить ее заговорить.

И вот теперь опять то же самое! Неужели голос надеется поговорить с диким нуром и убедить оставить управляемый на расстоянии прибор? Гек помахала мне двумя глазными стебельками, выражая заинтересованность и насмешку. Наши хозяева, может быть, и звездные боги, но они глупы, если ожидают сотрудничества от нура.

Поэтому мы были удивлены больше всех — больше даже Клешни и Ур-ронн, — когда фигура на экране щелкнула челюстями и сосредото-

ченно нахмурилась. И сквозь стиснутые зубы послышался писк — ответ на том же неформальном языке.

— Во имя Шутника, а вы кто такие?

Выздоравливающая спина ответила резкой болью: я от неожиданности распрямился и испустил изумленное ворчание. Гек вздохнула, и зрительное кольцо Клешни завертелось быстрей голограммы. Только Хуфу ничего не замечала. Она довольно облизывалась, как будто ничего не слышала.

— Что вы, джики, проклятые Ифни груды навоза, делаете! — вопила Гек. Все ее четыре глазных стебелька метались, свидетельствуя, что она скорее сердита, чем испугана. Два громоздких шестиногих фувнтуса сопровождали ее — по одному с каждой стороны, — несли, схватив за колеса.

Остальные проявляли больше сотрудничества, хотя и неохотно. Клешне приходилось наклонять свой красный хитиновый панцирь, чтобы пройти через некоторые двери. Две маленькие амфибии вели нас назад в корабль, который принес нас в подводное убежище. Ур-ронн шла за Клешней, склонив длинную шею к полу — в позе гневного протеста.

Я ковылял на костылях за Гек, держась подаль-

ше от ее толчковых ног, которые колотили стены коридора с обеих сторон.

— Вы обещали нам все объяснить! — кричала Гек. — Сказали, что мы сможем задать вопросы Библиотеке!

Ни фувнтусы, ни амфибии не отвечали, но я вспомнил, что сказал вращающийся голос перед тем, как отослать нас.

— Мы больше не можем оправдывать содержание четверых детей в условиях, которые подвергают вас всех опасности. Это место может быть снова подвергнуто бомбардировке, и с еще большей силой. К тому же вы сейчас знаете слишком много для своего блага.

— Что мы знаем? — в замешательстве спросил Клешня. — Что нуры умеют говорить-рить?

Голограмма ответила дергающимся кивком.

— И другие вещи. Мы не можем держать вас здесь или отправить домой, как собирались вначале, поскольку это может оказаться губительным для нас и для ваших семей. Поэтому мы решили перевести вас в другое место. В цель, упоминаемую в твоем дневнике. Там вам будет удобнее дожидаться необходимого времени.

— Подождите! — настаивала Гек. — Я уверена, что вы здесь не главный. Вы, вероятно, просто

компьютер, предмет. Я хочу поговорить с кем-нибудь еще! Дайте мне увидеться с вашим боссом!

Клянусь, вертящееся изображение казалось одновременно удивленным и забавляющимся.

— Какая проницательная молодежь. Нам придется после встречи с вами пересмотреть множество предположений. Поскольку я так запрограммирован, что несоответствия доставляют мне удовольствие, позвольте поблагодарить вас за этот опыт и искренне пожелать вам добра.

Я заметил, что голос так и не ответил на вопрос Гек.

Типичный взрослый, подумал я. Хунские родители или компьютеры чужаков — в основе они одинаковы.

Когда мы из изогнутого коридора перешли в переходы, ведущие к кораблю-киту, Гек успокоилась. Фувнтусы опустили ее, и она покатилась рядом с нами. Моя подруга продолжала отпускать ворчливые реплики относительно физиологии, привычек и предков фувнтусов, но я кое-что заметил. Гек выглядела очень довольной.

Очевидно, она считала, что достигла чего-то хитрого и умного.

На борту корабля-кита нас отвели в другое помещение с иллюминатором. Очевидно, фувнтусы

не боялись, что мы заметим ориентиры по пути. Вначале это меня встревожило.

Может быть, они собираются запереть нас в другом древнем корабле, под другой грудой мусора в каком-нибудь далеком каньоне Помойки? В таком случае кто нас освободит, если их уничтожат?

Голос сказал, что нас отправят в «безопасное» место. Назовите меня странным, но с тех пор как сошел с прочной суши на Окончательной скале, я не чувствовал себя в безопасности. А что имел в виду голос, когда говорил, что это место, куда мы сами хотели отправиться?

Корабль-кит вначале медленно двигался в туннеле — очевидно, это проход, специально проделанный в горе древних космических кораблей, укрепленный шестами и импровизированными балками. Ур-ронн сказала, что это соответствует тому, что мы уже знаем: фувнтусы прибыли на Джиджо недавно, вероятно, они сами беженцы, подобно нашим предкам, но с одним большим отличием.

Они надеются улететь.

Я завидовал им. Не опасности, которой они подвергаются, преследуемые смертельными врагами, но той возможности, которая у них есть,

а у нас нет. Уйти. Улететь к звездам, даже если этот путь ведет к роковому концу. Наивен ли я, считая, что свобода оправдывает все? Но я знал, что, будь у меня возможность, поменялся бы с ними местами.

Возможно, именно эта мысль привела меня к неожиданному осознанию. К тому моменту, когда все вдруг встало на свои места. Но давайте немного подождем.

Прежде чем корабль-кит вышел из туннеля, мы заметили какие-то фигуры, движущиеся в темноте, где от перемещающихся ярких огненных точек падали длинные тени. Чередование ослепительно ярких и совершенно черных полос вначале не давало возможности что-нибудь рассмотреть. Но потом Клешня узнал эти смутные формы.

Это фувнтусы, шестиногие существа, которые казались такими неуклюжими в помещениях. Впервые мы увидели их в их стихии, они плавали, а механические конечности были убраны или использовались как гибкие рабочие руки. Теперь обрело смысл и расширение в конце туловища — большой плавник помогал им грациозно передвигаться в темной воде.

Мы уже рассуждали о том, что, вероятно, это не

вполне механические существа. Ур-ронн считала, что тяжелый металлический панцирь они носят как одежду, а сами существа находятся внутри горизонтальных раковин.

Они носят панцирь в помещении, потому что у них нет ног, подумал я, зная также, что стальные корпуса скрывают их внешность. Но почему, если они прирожденные пловцы, то и за бортом продолжают носить металлический покров?

Мы видели очень яркие вспышки — это подводная резка и сварка. Ремонт, подумал я. Они были в бою, прежде чем прилететь на Джиджо? Сознание мое было полно яркими картинами из тех книг космических опер, которые так не одобрял господин Хайнц. Он считал, что дети должны улучшать свой вкус, читая Китса и Басе. Мне ужасно хотелось подойти поближе и разглядеть боевые шрамы, но тут подводная лодка вошла в узкий туннель, и корабль фувнтусов стал не виден.

Вскоре мы оказались в черноте Помойки. Сквозь стеклянный диск словно пробирался глубокий холод, и мы попятились, особенно после того как наружные прожекторы погасли и мы оказались в темном мире. Только изредка что-то посверкивало: какое-то морское создание при-

влекало пару.

Я лег на металлический пол, чтобы облегчить напряжение в спине, и почувствовал, как вибрируют подо мной двигатели. Как будто поет какой-то богоподобный хун, которому не нужно замолкать или переводить дыхание. Я заполнил свой горловой мешок и начал ворчать в контрапункте. Хуны лучше соображают под постоянные равномерные звуки, эти звуки служат точкой опоры для размышлений.

У меня было о чем подумать.

Очевидно, моим друзьям наскучило смотреть в пустоту снаружи. Вскоре все они собрались вокруг маленькой Хуфу, нашего живого амулета, и пытались заставить ее заговорить. Клешня сказал, чтобы я тоже принял в этом участие, и своим ворчанием уговорил Хуфу, но я отказался. Я знал Хуфу еще детенышем, и она не могла все это время притворяться. К тому же я видел отличие у того странного нура, который заговорил с вращающимся голосом на беглом галшесть. У Хуфу никогда так не блестят глаза.

Хотя, припоминая, я убеждался, что видел такой блеск и раньше. Он был у немногих нуров, слонявшихся по пирсам Вуфона или работавших на снастях приходивших в порт кораблей. Эти

нуры казались необычными, чуть более отчужденными, чем остальные. Молчаливые, как и их братья, они тем не менее создавали впечатление наблюдателей. Они словно что-то оценивали. И напряженная деятельность Шести Рас их забавляла.

Я никогда раньше о них не думал: ведь озорство и проказливость в характере нура. Но теперь, кажется, я знал, что делало этих нуров особыми.

Хотя нуров часто связывают с хунами, они не прилетели с нами на Джиджо, как шимпы, лорники и зукиры с сунерами людьми, квуэнами и г'кеками. Когда мы прилетели и начали строить свои первые гордые плоты, нуры уже были здесь. Мы всегда считали их местными животными, либо туземными, либо оставленными в виде розыгрыша буйурами и приспособившимися к такой жизни. И хотя мы привыкли с ними работать, мы, хуны, никогда не считали, что они наши.

Со временем Гек отказалась от стараний, предоставив Клешне и Ур-ронн продолжать уговаривать наш скучающий амулет. Моя приятельница г'кек подкатилась ко мне и какое-то время стояла молча. Но и на кидур не обманула меня.

— Ну, говори, — сказал я. — Что ты стянула?

— А почему ты думаешь, что я что-то взяла? — Она изобразила невинность.

— Хрр-ррм. Там, в зале, у тебя был гневный припадок. Такие бывали и раньше, когда ты была поменьше и хотела чего-нибудь добиться от взрослых. А как только мы оказались в коридоре, ты успокоилась, и у тебя был такой вид, словно ты стянула драгоценные подвески из-под самого носа Ришелье.

Гек поморщилась, то есть рефлекторно свила глазные стебельки. Потом усмехнулась.

— Ну, ты меня поймал, д'Артаньян. Давай, посмотришь, что я раздобыла.

С некоторым усилием я приподнялся на руках, а Гек подкатилась еще ближе. В голосе ее звучало возбуждение.

— Я использовала толчковые ноги. Ударяла ими по стенам, пока не удалось стащить вот это.

Развернулась ее похожая на щупальце рука. И тут, старательно спрятанная между кончиками, показалась узкая прямоугольная полоска, похожая на плотную бумагу. Я коснулся ее.

— Осторожней, она липкая с одной стороны. Мне кажется, в книгах это называется липкой лентой. Немного смяла, когда срывала со стены. И еще пришлось налипшие кусочки убирать.

Кажется, углубления не очень заметны, но если приглядеться внимательней.

Я всмотрелся в полоску — одну из тех, которые мы видели на стенах, всегда на одной и той же высоте, слева от дверей в изогнутом коридоре. Очевидно, полоски закрывали надписи на каком-то неведомом языке.

— Ты не смотрел, когда я срывала полоску? — спросила Гек. — Видел, что под ней?

— Хр-р. Хотел бы увидеть. Но я был слишком занят, избегая твоих пинков.

— Ну, не важно. Посмотри внимательней на этот конец. Что ты видишь?

У меня нет такого острого зрения, как у Гек, но у хунов хорошие глаза. Я увидел нечто похожее на круг с разрывом и острым выступом на одном конце.

— Это символ?

— Совершенно верно. А теперь скажи, из какого алфавита?

Я сосредоточился. В большинстве стандартных галактических кодов встречаются окружности. Но эта своеобразная форма казалась уникальной.

— Могу сообщить первое впечатление, хотя, конечно, могу и оказаться неправым.

— Давай.

— Хр-рм, мне кажется, это похоже на букву из англика. Точнее, на букву G.

Гек довольно выдохнула. Все ее четыре глазных стебелька раскачивались, словно на веселом ветерке.

— У меня такое же впечатление.

Когда корпус заскрипел и затрещал, свидетельствуя о резком изменении давления, мы собрались у иллюминатора. Вскоре мир снаружи посветлел, и мы поняли, что подводная лодка приближается к цели. За стеклом сквозь мелкую воду пробивались солнечные лучи. У нас немного кружилась голова — вероятно, от изменения атмосферного давления. Клешня, радуясь возвращению в привычный мир, где он дома (хотя, конечно, здесь нет удобств садка его родного клана), испускал радостное шипение. Скоро иллюминатор вышел из-под воды, и мы увидели свою цель.

На берегу рядами стояли наклонные обелиски и бетонные скелеты огромных зданий.

Гек мелодично выдохнула.

Развалины буйуров, понял я. Должно быть, поросшие кустарниками незаселенные места к югу от Трещины, где несколько городов оставили

на волю ветра и волн.

Голос прочел мой дневник и знал, что мы хотели сюда направиться. Если нас собираются держать в карантине, то, должно быть, здесь.

Гек стремилась к древним развалинам еще до того, как мы ступили на палубу «Мечты Вуфона». И теперь подпрыгивала на ободьях, торопясь оказаться на берегу и прочесть стенные надписи, которых, как говорят, здесь очень много. Забыты жалобы на нарушенные обещания фувнтусов. Это гораздо более давняя мечта.

Появилась одна из амфибий с шестью конечностями и жестом попросила нас идти побыстрей. Несомненно, фувнтусам хотелось переправить нас на берег до того, как их заметят враги. Гек покатилась вслед за Клешней. Ур-ронн оглянулась на меня, покачивая головой и длинной шеей — урское пожатие плечами. Ей, конечно, нравится перспектива оказаться подальше от воды и влажности. Местность казалась приятно сухой.

Но ничего не выйдет.

На этот раз мятеж поднял я.

— Нет. — Я пошире расставил ноги и раздул горловой мешок. — Я не двинусь с места.

Друзья повернулись и посмотрели на меня. Должно быть, Увидели знаменитое хунское

упрямство в том, как я сжимал костыли. Амфибия испустила тревожные писки.

— Забудьте об этом, — настаивал я. — Мы не выйдем.

— Олвин, все в порядке-рядке, — сказал Клешня. — Они пообещали нам много хорошей еды, и я могу охотиться на берегу.

Я покачал головой.

— Нас не выбросят на берег, как беспомощных детей, ради нашей Ифни-проклятой безопасности. Отошлют оттуда, где происходят события. Важные события!

— О чем ты говоришь? — спросила Гек, вкатываясь назад в каюту. Тем временем амфибия тщетно размахивала своими четырьмя руками. Вошла пара больших фувнтусов. Их длинное горизонтальное одетое в металл тело держалось на шести мощных стальных ногах. Но я не собирался сдаваться. Показал на ближайшего фувнтуса, с его парой огромных черных блестящих глаз, расположенных по одному с обеих сторон заостренной головы.

— Вызови вращающийся голос и скажи ему. Скажи, что мы можем помочь. Но если вы нас выкинете, высадите на берег, это вам ничего не даст. Мы не будем молчать. Мы найдем путь

домой, и найдем быстро. Доберемся до Трещины и передадим сигнал друзьям по ту сторону. Расскажем им всю правду о вас!

Ур-ронн спросила:

— Какую правду, Олвин?

Я сопроводил свои слова глубоким низким ворчанием.

— Что мы знаем, кто эти парни.

САРА

В доме, где живут всадницы из клана, владеющего лошадьми, можно ожидать увидеть развешанные по стенам арканы, уздечки и седельные одеяла. Ну, может, еще одну-две гитары. Казалось странным увидеть здесь, в Кси, пианино.

Инструмент, очень похожий на тот, на котором дома, в деревне Доло, Мелина часами играла детям. Она брала книги, которые как будто никто другой не открывал, книги с хрупкими страницами, от которых исходил двухсотлетней давности запах Великой Печати. Мелина ставила на драгоценное пианино, которое подарил ей Нило как часть брачной платы, книги с записанной музыкой.

Теперь, в большом зале иллий, Сара пробежала

пальцами по белым и черным клавишам, наслаждалась прикосновением к гладкой поверхности, созданной лучшими квуэнскими резчиками по дереву, представляя себе мать маленькой девочкой, выросшей в этом узком царстве лошадей и сводящих с ума иллюзий. Должно быть, для нее оставить Кси было все равно что улететь на другую планету. Чувствовала ли она облегчение, освобождаясь от клаустрофической замкнутости, направляясь буйурским туннелем к новой жизни на заснеженном севере? Или в глубине души Мелина тосковала по скрытым долинам? По возбуждающим скачкам верхом на спине лошади? По пасторальной чистоте жизни, не осквернённой присутствием мужчин?

Скучала ли она по цветам, которые проникают в каждый сон или кошмар и при дневном свете расстилаются перед тобой тайной панорамой?

Кто научил тебя играть на пианино, мама? Сидя рядом с тобой на этой самой скамье, как ты сидела со мной, стараясь скрыть разочарование от моих неловких пальцев?

На полированной крышке пианино лежала стопка листков с записями музыки. Сара пролистала их, вспоминая композиции, которые на многие часы отрывали от нее мать и заставляли

ревновать к этим точкам на странице. Точкам, которые Мелина преобразовывала в великолепную гармонию.

Позже Сара поняла, какой волшебной властью могут обладать эти мелодии. Потому что они могут быть повторены. В определенном смысле записанная музыка бессмертна. Она никогда не умрет.

Типичный джиджоанский ансамбль — секстет, включающий представителей всех рас, — играет спонтанно. Композиция от одного представления к другому никогда не повторяется. Особенно это относится к синим квуэнам и хунам, которые, согласно легендам, в упорядоченном галактическом обществе не обладали свободой новаций. И были особенно изумлены, когда партнеры люди иногда предлагали записать особенно удавшиеся композиции в воске треки или на бумаге.

Зачем? — спрашивали они. Каждое мгновение заслуживает своей собственной песни.

Джиджоанский способ взгляда на мир. Сара признавала его.

Она опустила руки на клавиши и сыграла несколько гамм. И хоть не играла давно, почувствовала себя так, словно встретилась со старым другом. Неудивительно, что Эмерсон утешается

мелодиями, вспоминая прежние счастливые дни.

Тем не менее она волновалась, вспоминая некоторые простые произведения. И начала с «К Элизе».

Согласно антропологическим текстам в Библосе, древнейшие культуры на Земле знали музыку импульсивную, такую, как джиджоанские секстеты. Но незадолго до того как выйти в космос, люди научились записывать музыку.

Мы искали порядка и возможности запомнить. Должно быть, это казалось убежищем от хаоса, заполнявшего нашу темную жизнь.

Конечно, это было очень давно, когда и математика на Земле вступила в эпоху великих открытий. Может, это общая особенность? Выбрала ли я математику по той же причине, по какой Мелина любила этот инструмент? Потому что она вносит предсказуемость в жизненный хаос?

На стену упала тень. Сара привстала и встретилась с взглядом карих глаз Форуни, пожилой предводительницы клана всадниц.

— Прости, что потревожила тебя, дорогая. — Седовласый матриарх жестом предложила Саре садиться. — Но, глядя на тебя, я едва не поверила, что к нам вернулась Мелина и снова играет, как

раньше, с прежней увлеченностью.

— Боюсь, я не очень похожа на мать. И играю и вполовину не так хорошо.

Пожилая женщина улыбнулась.

— Хорошая мать хочет, чтобы дети превзошли ее, могли делать то, чего не может она. Но мудрая мать позволяет ребенку самому выбирать, в чем превзойти ее. Ты избрала царство глубокой мысли. Я знаю, она гордилась тобой.

Сара кивком поблагодарила за доброту, но афоризм не утешил ее. Если бы выбор действительно принадлежал мне, неужели я не выбрала бы красоту, как у Мелины? Не хотела бы стать смуглой загадочной женщиной, которая поражала окружающих множеством талантов?

Математика выбрала меня, захватила своей холодной бесконечностью и обещаниями универсальных истин. Но кого трогают мои уравнения? Кто с радостью смотрит на мое лицо и фигуру?

Мелина умерла молодой, но в окружении тех, кто любил ее. А кто заплачет надо мной, когда я умру?

Предводительница иллий, должно быть, неверно истолковала выражение лица Сары.

— Мои слова обеспокоили тебя? — спросила Форуни. — Я говорю как еретик, если надеюсь на

то, что поколения можно усовершенствовать? Кажется ли тебе это странной верой племени, которое скрывается даже от цивилизации беженцев и изгнанников?

Саре трудно было ответить.

Почему дети Мелины оказались такими необычными по джиджоанским стандартам? Хотя ересь Ларка кажется противоположной моей, у нас с ним общая черта — мы отвергаем Тропу Избавления.

Книги, которые читала нам мама, часто говорили о надежде, которую вызывал какой-нибудь мятежный поступок.

Предводительнице иллий она ответила:

— Вы и ваши урские друзья спасли лошадей, когда они казались обреченными. Ваш союз превосходит союз Дрейка и Ур-Чоун. Вы сообщество преданных женщин, вы тщательно отбираете своих партнеров мужчин из того лучшего, что может предложить Джиджо. Живя в великолепной изоляции, вы видите лучшую сторону человечества и редко сталкиваетесь с его худшими сторонами.

Нет, меня не удивляет, что в глубине души иллии оптимисты.

Форуни кивнула.

— Мне говорили, что ты в своих лингвистических исследованиях пришла к аналогичным заключениям.

Сара пожала плечами.

— Я не оптимист. Не в отношении лично себя. Но какое-то время мне казалось, что я вижу определенный смысл в развитии джиджоанских диалектов и в той новой литературе, которая развивается на Склоне. Конечно, теперь, когда прилетели чужаки, это больше не имеет значения.

Пожилая женщина прервала ее.

— Ты ведь не считаешь, что нам предназначено пройти путем глейверов, обрести второй шанс через забвение?

— Вы хотите сказать, что это могло бы случиться, если бы не прилетели корабли чужаков? Я спорила об этом с Дединджером. Если бы Джиджо оставили в покое, мне кажется, была бы возможность.

Сара покачала головой и сменила тему.

— Кстати о Дединджере. Вам удалось его найти?

Форуни недовольно поморщилась.

— Прошло совсем немного времени, как он выбрался из загона, где его держали. Мы и не ду-

мали, что он окажется таким изобретательным, сумеет украсть и оседлать лошадь.

— У него было время наблюдать и учиться.

— Вижу, что мы были слишком наивны. У нас в Кси давно уже не было пленных.

К несчастью, след не ведет к туннелю, где в узком пространстве и в темноте мы могли бы схватить его. Напротив, это грязное отродье лиггера пошло прямо через Спектральный Поток.

Сара попыталась представить себе человека, одного, верхом на лошади, пересекающего пустыню из отравленного камня и безжалостного света.

— Вы думаете, он сумеет пройти?

— То есть сможем ли мы найти его раньше, чем он там умрет? — Настала очередь Форуни пожать плечами. — Фаллон сейчас не так проворен, как раньше, но с полмидура назад он уже выступил в сопровождении нескольких самых выносливых молодых всадниц. Фанатика скоро вернут, и мы будем стеречь его внимательней.

Форуни замолчала на полуслове и посмотрела на свою руку. Туда село насекомое и присосалось к вене. Сара узнала скиттера — кровососущее насекомое, распространенное по всему Склону. Скиттеры медлительны. Их легко раздавить,

но Форуни почему-то воздержалась. Напротив, позволила осе-вампиру поесть. Закончив, насекомое исполнило танец из дергающихся, манящих движений.

Сара завороженно смотрела. Скиттеры, сев на руку человеку, редко доживают до этого.

Иди за мной, словно говорило насекомое каждым взмахом своего брюшка и хвоста. Идем со мной немедленно.

Сара поняла, что это, должно быть, еще одно служебное животное, оставленное буйурами. Полезный вестник, если знаешь, как его использовать.

Форуни вздохнула.

— Увы, дорогая родственница, тебе пора идти. Ты, Курт и остальные должны быстрей двигаться туда, где вы нужнее.

«Нужнее? — удивилась Сара. — В такие времена зачем может понадобиться такой человек, как я?»

Путешествие на юг возобновилось, на этот раз верхом. Вначале воспользовались древним соединительным туннелем буйуров, там, где разрушитель недоделал свое дело. Но вскоре в стенах и потолке туннеля появились большие щели и провалы, он стал напоминать сброшенную

шкуру личинки молодого квуэна. И от туннеля оставалась пыльная траншея или яма, полная водой. С этого момента пришлось ехать под открытым небом, купаясь в разноцветном прибое Спектрального Потока. Иллии раздали плащи с капюшонами. И все равно казалось, лучи прощупывают непрозрачную одежду в поисках щели, чтобы ворваться внутрь.

Курт и Джома ехали впереди с Кефой, проводником. Престарелый взрывник наклонился вперед в седле, словно это помогало быстрей добраться до цели. Далее на осле, более подходящем для ее маленькой фигуры, ехала Прити.

Эмерсон казался необычно подавленным, хотя время от времени улыбался Саре. Он постоянно носил реук и все время поворачивал голову. Сара поняла, что пленочный симбионт не просто приглушает цвета. Должно быть, он их приспосабливает, переводит. Иногда звездный человек напрягался в седле, хотя Сара не могла решить, происходит это из-за боли, удивления или возбуждения.

В конце двигалась Ульгор, урская предательница. Она благоразумно не попыталась сбежать через ядовитую пустыню со своим бывшим союзником Дединджером. Охраняемая двумя урами

из колонии Кси, Ульгор все более нетерпеливо поворачивала голову по мере приближения к горе Гуэнн. Ноздри ее раздувались при запахах дыма и расплавленного камня: вулкан постепенно занимал впереди все большую часть неба.

Сара чувствовала себя удивительно хорошо. Ее тело привыкло к седлу. Когда подъем становился слишком крут и всадникам приходилось спешиваться и вести лошадей, ноги Сары погружались в волны приятного тепла, и в них сохранялось достаточно сил.

Итак, отшельница — картофельное пюре все-таки может держаться. Или это эйфория, признак приближающейся горной болезни?

Они поднимались по крутому холму на склоне вулкана, когда неожиданно все три ура устремились вперед, возбужденно шипя и поднимая тучи пемзы, забыв свои роли: пленницы и стражниц. На фоне неба их длинные шеи сгибались в унисон — слева направо и назад.

Наконец, запыхавшись от подъема, Сара и Эмерсон поднялись на вершину, и перед ними была огромная кальдера — одна из многих усеивающих склоны большого вулкана, которые еще на много миль уходят вверх и на юг.

Уры как прикованные стояли у фумаролы. По

неровному кругу поднимались пары. Сара осторожно сняла защитные очки. Базальт здесь более грубый, не похожий на драгоценный камень. Они вступили в другую местность.

— Здесь был первый горн, — провозгласила Ульгор благоговейным голосом. Она наклонила голову вправо, и Сара разглядела там кладку из каменных блоков, слишком неровных, чтобы быть вырубленными лазерами буйуров, и давно заброшенных. Такие поспешно сооруженные каменные убежища строили первые урские кузнецы, которые в поисках вулканического тепла посмели покинуть равнины, надеясь приручить огненную глубь Джиджо и с ее помощью обрабатывать бронзу и сталь. В те дни этому ожесточенно противились серые королевы, которые считали это святотатством — как и позже, когда люди начали Великую Печать.

Со временем, однако, святотатство стало традицией.

— Должно быть, условия на высоте оказались для них более подходящими, — заметил Джома, потому что тропа постоянно шла вверх. Урская стражница кивнула.

— С этого места ранние урские исследователи обнаружили тайный путь через Спектральный

Поток. Тайну Кси.

Сара кивнула. Это объясняло, почему одна группа уров помешала другой — могучему Урунтаю — довести до конца план истребления лошадей, когда человечество еще только появилось на Джиджо. Кузнецы тех дней не интересовались властными играми высоких королев на равнинах. Им было не важно, как пахнут земляне или на каких животных они ездят. Важно только то, что они обладали сокровищем.

Книги, напечатанные землянами. В них были тайны металлургии. Мы должны их узнать или отстанем.

Так что ход не был чисто идеалистическим — тайное содержание табуна в Кси. Была назначена и цена. Люди могут быть лучшими инженерами на Джиджо, но мы не вмешиваемся в кузнечное дело, и теперь я знаю почему.

Сара выросла среди них, но до сих поражалась, какими разными могут быть уры. Варьирование личностей и мотивов поступков — от фанатиков до прагматичных кузнецов — такое же широкое, как у людей. Еще одна причина, почему стереотипы бывают не только вредными, но и глупыми.

Вскоре после того как они спешились, тропа пошла по вершине хребта, откуда открывались

великолепные виды. Слева находился Спектральный Поток, сверхъестественное царство, слегка приглушенное расстоянием и защитными очками. Лабиринт пестрых каньонов уходил вдаль, сливаясь в ослепительную белизну, — это Равнина Режущего Песка. Дом Дединджера, где будущий пророк превращал грубых обитателей пустыни в своих преданных и фанатичных поклонников. И теперь пустынные жители видели себя авангардом человечества на Пути к Избавлению.

В противоположном направлении, на юго-запад, сквозь разрывы в горной цепи Сара видела другое чудо. Обширный океан, где осуществляется обещанное очищение и возрождение Джиджо. Куда после мульчирования отправился прах Мелины. И Джошу. Где планета искупает грех, поглощая и переплавляя все, что посылает ей вселенная.

Склон так мал, а Джиджо так велика. Неужели звездные боги сурово накажут нас за то, что мы спокойно и осторожно жили в уголке этого запретного мира?

Всегда оставалась надежда, что чужаки просто закончат здесь свои дела и улетят, предоставив Шести Расам продолжать путь, уготованный им

судьбой.

Да, заключила Сара. Есть два варианта будущего — обширный и узкий.

Они продолжали двигаться, чаще спешивались и шли, чем ехали верхом, и по мере продвижения на восток они огибали хребет Риммер с юга и перед ними открывались все более захватывающие виды. И снова Сара заметила необычную резвость уров. Местами из земли выходил горячий пар, и лошади танцевали и фыркали. Затем Сара заметила впереди красноватое свечение, немного ниже тропы, — извивающийся язык лавы, текущий в нескольких полетах стрелы по склону внизу.

Возможно, сказалась усталость или слишком трудная и неровная местность, но когда Сара оторвала незащищенный взгляд от огненного языка и посмотрела за горы, ей показалось, что она уловила неожиданную вспышку. Пребывание в Кси сделало ее чувствительной к свету, и она поморщилась.

Что это?

Вспышка повторялась через неравные промежутки, словно далекая горная вершина обращалась к ней.

И тут Сара подметила еще одно, совершенно

отличающееся от первого движение.

Должно быть, это иллюзия, подумала она. Конечно, иллюзия, но так далеко от Спектрального Потока!

Казалось, она почти готова была в этом поклясться, она видела крылья гигантской птицы или дракона… плывущие по воздуху между…

Она давно не смотрела под ноги. Неожиданно споткнулась о камень и пошатнулась. В отчаянной попытке устоять бросила весь свой вес в противоположную сторону и перестаралась, полностью утратив равновесие.

С криком Сара упала.

Усыпанная булыжниками тропа приняла на себя удар, но Сара перевалилась через край и покатилась по крутой осыпи с базальтовыми краями. И хоть была в плотной кожаной одежде, каждый толчок вызывал резкую боль. Она отчаянно пыталась уберечь лицо и голову. Ее падение сопровождал отчаянный вопль. В дымке ужаса Сара поняла, что отчаянно кричит не она, а Прити.

— Сара! — крикнул кто-то. Послышались скрежещущие звуки: кто-то пытался догнать ее.

В промежутке между толчками она что-то увидела сквозь окровавленные пальцы — быстро

приближающуюся извилистую широкую реку на пересеченной местности. Поток двигался медленно и вязко и испускал жар. Он был того же цвета, что ее кровь, и быстро приближался.

НЕЛО

Обратную дорогу в лодке Ариана Фу все время рассматривала рисунки небольшого космического корабля, который принес на Джиджо Незнакомца. А Нело раздражался из-за этого непредвиденного отвлечения. Его рабочие, конечно, не смогут придерживаться расписания. Какая-нибудь мелкая задержка даст этим лентяям предлог полежать, как хуны в сиесту.

За время кризиса торговля сократилась, и древесный склад полон товара, но Нело решил продолжать производство бумаги. Чем будет деревня Доло без скрипа водяного колеса, ударов размельчающего молота или сладкого запаха, исходящего от свежих полос бумаги, которые сушатся на солнце?

Рулевой жизнерадостно ворчал, поддерживая ритм, в котором экипаж лодки толкал ее шестами. Нело поднял руку, проверяя, не идет ли дождь. Недавно немного капало, а на юге гремел гром.

Болото кончилось, и лодка вышла в объединенную реку. Вскоре молодые члены экипажа перейдут на весла и поплывут по спокойной поверхности озера Доло.

Но вот ритм ворчания рулевого изменился, замедлился и перешел во встревоженный стон. Несколько гребцов наклонились, всматриваясь в воду. Закричал мальчишка, когда шест вырвался у него из рук. Течение необычно быстрое, подумал Нело. Последние болотные растения остались позади, мимо быстро проплывали деревья.

— Все на весла! — крикнула молодая самка хуна — капитан. Ее спинные выступы, еще совсем свежие — она недавно стала взрослой — тревожно качались.

— Закрепить весла в уключинах!

Ариана вопросительно посмотрела на Нело, тот ответил пожатием плеч.

Лодка закачалась, напомнив Нело о порогах, которые находятся на много лиг ниже по течению, за городом Тареком. Ему только раз приходилось их миновать, когда он сопровождал гроб с прахом жены в море.

Но здесь нет никаких порогов! Они исчезли столетия назад, когда было создано озеро!

Лодка повернула, отбросив его на корму. Цеп-

ляясь руками, Нело с трудом сел рядом с Арианой. Бывший высокий мудрец держалась за скамью, сунув под куртку драгоценный портфель.

— Держись! — кричал молодой капитан. Нело ошеломленно вцепился в борт, и они оказались в сумасшедшем мире. В мире, которого не может быть.

Так снова и снова думал Нело, пока они стремительно неслись по узкому протоку. По обе стороны видна была нормальная береговая линия, где прекращались заросли деревьев и их место занимала водная растительность. Но лодка намного ниже этого уровня и продолжает быстро спускаться!

Планшир захлестывала пена, пассажиры и экипаж вымокли. Моряки лихорадочно гребли по приказу капитана. У капитана нет мужского резонирующего горлового мешка, но тем не менее она умеет дать понять, что ей нужно.

— Слева противотечение, налево, вы, побитые нурами оборванцы!.. Ровней!.. Теперь все вперед! Работайте, бесспинные скрипуны! Ради своей жизни — гребите!

С обеих сторон надвинулись каменные стены, угрожая раздавить лодку. Блестя маслянистыми водорослями, они возвышались, как молот и

наковальня, а экипаж отчаянно удерживал лодку в узкой полоске между ними, обозначенной водяными брызгами и пеной. Что дальше, оставалось загадкой, и Нело молился, хотел дожить до того, чтобы увидеть.

Лодка коснулась утеса — скользящий удар, хуны, квуэны и люди закричали, и крики их звучали, словно дверной колокольчик у входа в ад. Но корпус выдержал и углубился в затянутый пеной туннель.

Мы сейчас уже должны быть в озере, жаловался Нело, дыша со свистом сквозь стиснутые зубы. Куда делось озеро?

Они, словно стрела из самострела, вылетели в поток, струившийся в абсолютном смятении по камням, резко сворачивая перед неожиданными препятствиями. Такой курс бросил бы вызов лучшему лоцману, но Нело некогда было наблюдать за борьбой экипажа: ведь это решало только, будет он жив или умрет. Он ошеломленно смотрел вперед, мимо окружающих покрытых грязью равнин, когда-то бывших дном озера, через которое протекала Рони. Теперь реку ничего не сдерживало, и она вернулась в русло, которое у нее было до прилета землян.

Плотина… Плотина.

Пара синих квуэнов застонала: они были из местного улья. Улья, чьи рыбные садки и загоны омаров привольно располагались за плотиной, которая стала для них процветающим домом. Остатки этих загонов и посадок водорослей пролетали мимо, когда лодка стремилась к центру водоворота.

Нело мигал, не в силах даже стоном выразить свое отчаяние.

Плотина все еще стояла почти на всю длину. Но почти — неподходящее слово для плотины. Сердце Нело едва не остановилось, когда он увидел рваную дыру в одном конце, который ближе к его любимой мельнице.

— Держись! — без необходимости кричала самка капитан, когда они устремились в это отверстие. И водопад, который все слышали, ревел впереди совсем близко.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Возможно, мое решение не вполне рационально.

Может быть, Олвин блефует, чтобы избежать изгнания, и на самом деле у него нет никакого представления, кто мы такие.

А может, он действительно догадался. Ведь дельфины упоминаются во многих прочитанных им земных книгах. Даже в бронированном скафандре и шестиногом приспособлении для ходьбы можно узнать очертания дельфина, если правильно посмотреть. И как только эта мысль пришла ему в голову, буйное воображение Олвина добавило все остальное.

В качестве предосторожности мы могли высадить детей гораздо дальше к югу или отправить в подводное убежище. Это обеспечило бы их безопасность и одновременно молчание. Тш'т так и предлагала, когда я приказала Хикахи вернуть детей назад.

Признаюсь, я скучаю по Олвину и его друзьям. Если бы враждующие расы Пяти Галактик могли

устанавливать такие дружеские отношения, как у них!

Они достаточно взрослые, чтобы самостоятельно выбрать свою участь.

Мы получили доклад от медсестры, помощницы Макани. Плывя в санях, чтобы проверить состояние заболевших членов команды Каа, она заметила еще две груды выброшенных космических кораблей, меньше этой, но пригодные для перемещения, если нам понадобится переместить «Стремительный». Уменьшенная группа Ханнеса уже начала подготовительные работы.

Мы можем рассчитывать только на все ту же группу из пятидесяти опытных членов экипажа. Тех надежных специалистов, чья способность к сосредоточению не ослабла за три полных стрессов года. Тех, кого не пугают суеверные слухи о морских чудовищах, которые прячутся среди мертвых буйурских машин.

Что касается наших преследователей, то мы больше не видели гравитационных следов, свидетельствующих о полете корабля к востоку от гор. Возможно, это хорошая новость, но отсутствие следов заставляет меня нервничать. Двумя маленькими кораблями дело не может ограничиться. Сенсоры регистрируют наличие

очень большого корабля примерно в пятиста километрах на северо-запад. Имеет ли этот мощный крейсер отношение к тем судам, что упали возле нас?

Они, должно быть, поняли, что этот район представляет особенный интерес.

И мне непонятно и тревожно, почему они нас не ищут.

Как будто уверены, что времени у них предостаточно.

Машина Хисс сумела обменяться еще несколькими словами с так называемым животным нуром, которого наш маленький робот-разведчик встретил на берегу. Но эта тварь держит нас в состоянии напряжения и неизвестности и обращается с маленьким роботом так, словно это ее добыча и ее можно дразнить укусами и царапаньем. Однако тащит робот к себе в болото, старательно оберегая кабель, и поэтому мы изредка можем видеть оба потерпевших крушение небесных судна.

Мы предположили, что нур — просто регрессировавшая разновидность титлала, представляющая интерес разве как редкость. Но если некоторые из них сохранили способность речи, на что еще они способны?

Вначале я думала, что машина Нисс лучше всего пригодна для того, чтобы справиться с этой непонятной ситуацией. В конце концов, нур ее родич, так сказать.

Но родственные связи могут породить ревность и даже презрение. И возможно, машина тимбрими неподходящий представитель.

Еще одна причина для того, чтобы вернуть Олвина.

Наряду со всем этим я сумела немного поэкспериментировать с Херби.

Хотелось бы иметь способ установления изотопных срезов, сделанных до того, как он умер; химический анализ образцов, взятых у древней мумии, показывает значительно меньший промежуток времени, чем анализ воздействия космических лучей на корпус того корабля, на котором побывал Том в Мелком Скоплении.

Иными словами, Херби кажется моложе корабля, на котором его нашел Том.

Из этого можно сделать несколько выводов.

Возможно, Херби — просто труп одного из предыдущих грабителей гробниц, проникшего на корабль всего пару миллионов лет назад, а не два миллиарда.

Или несоответствие является результатом

воздействия тех странных полей, которые мы обнаружили в Мелком скоплении. Эти поля окружают огромный флот призрачных кораблей, делая их почти невидимыми. Возможно, в наружных корпусах этих огромных молчаливых кораблей время идет по-другому, чем в их середине.

Я думаю о бедном лейтенанте Ячапа-джин, которого эти самые поля убили и тело которого мы были вынуждены оставить. Может быть, какая-то будущая экспедиция найдет хорошо сохранившийся труп дельфина и придет к неизбежному выводу, что наткнулась на реликт прародителей?

Примет самую молодую разумную расу за самую древнюю. Какая бы это была шутка!

Шутка над ними и над нами.

Херби никогда не меняется. Но готова поклясться, что иногда ловлю его на улыбке.

Украденная нами ячейка Галактической Библиотеки иногда становится странной и неразговорчивой. Если бы не моя маскировка, этот большой куб, вероятно, вообще ничего бы мне не сказал. Я выгляжу как теннанинский адмирал, и все равно ячейка отвечает уклончиво, когда я показываю ей символы, которые Том срисовал на

борту покинутого корабля.

Один глиф выглядит как эмблема, которую можно найти на любой ячейке Библиотеки в известном пространстве, — большое спиральное колесо. Но вместо пяти спиральных рукавов, отходящих от центра, на этом рисунке их девять! И стилизованную галактическую спираль окружают восемь концентрических овалов, так что все напоминает яблочко мишени.

Ничего подобного я раньше никогда не видела.

Когда я пытаюсь добиться ответов, наш украденный архив отвечает, что этот символ «очень древний и больше ничего о нем сказать нельзя, это математически уничтожено».

Что бы это ни значило.

Я рискую очеловечить машину, но мне кажется, что ячейка становится сердитой и раздражительной, как будто вопросы ей не нравятся. Такое я видела и раньше. Исследователи Террагентского Совета обнаружили, что некоторые темы вызывают недовольство ячеек Библиотеки, как будто им не нравится рыться в древних файлах или это просто предлог, чтобы не признаваться: есть и такое, чего они не знают.

Это напомнило мне один спор с Томом, когда мы разговаривали с Джейком Демва и пытались

обнаружить смысл в существовании вселенной.

У Джейка есть теория, что история галактики, которая уходит, как полагают, на миллиард лет в прошлое, точна только на протяжении последних ста или ста пятидесяти миллионов лет.

— Чем дальше мы уходим в прошлое, — говорил он, — в том, что нам рассказывают, появляется все более ощутимый привкус тщательно придуманной сказки.

О, разумеется, имеются свидетельства, что кислорододышащие летали в космосе в десять раз дольше. И некоторые из древних событий, о которых сохранились сведения, происходили на самом деле. Но очень многое было и придумано.

От этого предположения в дрожь бросает. Ведь считается, что великие Институты исключительно правдивы и созданы для сохранения непрерывности развития. Но как в таком случае жизненно важная информация может быть математически уничтожена?

Разумеется, это может показаться абстрактной одержимостью, особенно сейчас, когда перед «Стремительным» и всей Джиджо встали страшные и непосредственные угрозы. Но я не могу не думать об этом здесь, на дне планетарного кладбища, где тектонические плиты расплавляют

историю, превращая ее в руду.

Мы захвачены медленно движущимися частями машины, которая оказалась гораздо больше, чем мы предполагали.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» ХАННЕС

Временами Ханнесу Суэсси очень не хватает его молодого друга Эмерсона, чье необыкновенное мастерство заставляло «Стремительный» довольно мурлыкать, как леопарда, блуждающего по космическим тропам.

Конечно, Ханнес восхищается способными дельфинами из своей инженерной команды, дружелюбными, работоспособными, энергичными членами экипажа без малейших следов регресса. Но дельфины склонны представлять себе предметы как комплекс звуковых отражений, они часто делают расчеты интуитивно, основываясь за звучании двигателей. Полезная техника. Но не всегда надежная.

С другой стороны, Эмерсон Д'Аните.

Ханнес не встречал никого, кто обладал бы таким врожденным пониманием переходов квантовой вероятности. Не сложной теории

гиперизменений, а практическим владением моментов искаженного пространства-времени. К тому же Эмерсон бегло владел тринари турсиоп, он гораздо лучше самого Ханнеса мог выразить сложные идеи на гибридном языке дельфинов. Полезное умение в этой лохани.

Увы, сейчас на нижних палубах есть только один человек, помогающий дельфинам в ремонте двигателей, давно нуждающихся в замене.

Конечно, если Ханнеса Суэсси еще можно назвать человеком.

«Больше ли я, чем человек? Или меньше?»

Теперь у него «глаза» по всему машинному отделению — зрительные датчики, непосредственно соединенные с его заключенным в керамический панцирь мозгом. С помощью управляемых на расстоянии приборов Ханнес может присматривать за Каркаетттом и Чачки, которые работают в дальнем углу отделения или даже за небольшими группами, работающими где-то в других местах этой обширной груды металлолома. И когда они устают или начинают нервничать, когда их охватывает китовая клаустрофобия, он может дать им совет, успокоить.

К несчастью, кибернетические свойства и способности не предотвращают чувства одино-

чества.

Тебе не следовало оставлять меня одного, говорит Ханнес отсутствующему духу Эмерсона. Ты был инженером, а не тайным агентом и не звездным пилотом! И не тебе нужно было гулять по космосу и совершать героические поступки.

Для таких дел существуют специалисты. Когда «Стремительный» впервые поднялся в космос, на его борту было несколько таких «героев», с нужной подготовкой, с подходящими качествами личности, способных справляться с опасными вызовами и находить выход в любых ситуациях.

К несчастью, все эти специально подготовленные исчезли: капитан Крайдайки, Том Орли, лейтенант Хикахи и даже молодой гардемарин Тошио, все погибли при бегстве с Китрупа, которое обошлось так дорого.

Вероятно, кто-то должен был заполнить эту брешь, признавал Ханнес.

В сущности, Эмерсон позволил им вырваться из западни на Оакке, зеленой планете, где союз Обейяр расставил ловушку, когда Джиллиан пыталась обговорить условия мирной сдачи чиновникам Института Навигации.

Даже подозрительная машина Нисс не могла заподозрить, что нейтральные галактические

бюрократы способны нарушить свои клятвы и предать «Стремительный». Считалось, что такое вообще невозможно. И если бы не героический бросок Эмерсона по джунглям Оакки, когда он захватил создающую поля станцию джофуров, «Стремительный» попал бы в лапы одного фанатичного клана, а именно этого Террагентский Совет приказал не допускать ни в коем случае.

Но ты позволил успеху вскружить тебе голову, да? О чем ты думал? Что ты второй Том Орли?

Несколько месяцев спустя ты выкинул этот безумный трюк, повел наспех переоборудованный истребитель тенаннинцев через Фрактальную систему, надеясь «прикрыть» наше бегство. И чего ты этим добился, кроме собственной гибели?

Он вспомнил вид с мостика «Стремительного» на внутреннее пространство обширной замороженной структуры размером с солнечную систему, сооруженной из конденсированной материи. Изорванное, застывшее сооружение с бледной звездой в центре. Истребитель Эмерсона вертелся посреди выступов этого гигантского артефакта, испуская яркие, но бесполезные лучи, а тем временем вокруг него смыкались клешни водородного льда.

Глупый героизм. Древние могли остановить «Стремительный» так же легко, как остановили тебя, если бы только захотели.

Они хотели, чтобы мы ушли.

Он поморщился, вспоминая, как смелая, но напрасная «диверсия» Эмерсона кончилась вспышкой болезненного света, всего лишь небольшой вспышкой в этом невероятном, светящемся фрактальном куполе. А затем «Стремительный» понесся по туннелю между измерениями, прокладывая путь к запретной Галактике Четыре. А там извилистая тропа миновала торговые ветры водороднодышащей цивилизации и прошла рядом с сверхгигантом, чьи излучения могли наконец скрыть след землян.

Другие тайно прилетали на Джиджо до нас, и Измунути скрывала их след.

У нас тоже должно было получиться.

Но Ханнес знал, что на этот раз вышло по-другому.

За голову этих других не назначали огромную цену. За награду, обещанную несколькими богатыми пришедшими в ужас кланами за поимку «Стремительного», можно купить половину спирального рукава.

Ханнес вздохнул. Недавнее глубоководное на-

падение было неточным, значит, охотники не знают, где на обширном морском дне находится добыча. Но нападение повторится. И Ханнесу нужно делать свою работу.

По крайней мере есть предлог не приходить на эти проклятые корабельные советы. Все равно это фарс: мы делаем то, что приказывает Джиллиан. И были бы сумасшедшими, если бы не делали.

Каркаеттт сообщил, что мотивационная область готова. С помощью руки киборга Ханнес начал приспосабливать калибровку приборов на главном пульте управления, стараясь подражать искусным движениям Эмерсона. Биомеханические продолжения, заменившие ему руки, были поразительным даром, обладавшим всеми способностями живой руки, хотя ему не хватало осязательного удовольствия от прикосновения кончиков пальцев.

Древние были щедры, а потом ограбили нас и выгнали. Дали жизнь и отобрали ее. Они могли бы выдать нас за награду или скрыть в своем бескрайнем мире. Но они не сделали ни того, ни другого.

Их намерения непостижимы для человека. Возможно, все, что произошло впоследствии, есть часть их загадочного плана.

Иногда мне кажется, что человечеству было бы лучше, если бы оно оставалось в колыбели.

ТШ'Т

Она сказала Джиллиан Баскин, что думает о ее решении.

— Я по-прежнему не согласна с решением вернуть этих молодых сунеров.

Светловолосая женщина усталым взглядом посмотрела на Тш'т. Мягких морщинок в углах глаз не было, когда «Стремительный» начинал полет. В таких полетах легко состариться.

— Изгнание лучше для их же блага. Но здесь они могут оказаться полезными.

— Да, если предположить, что они говорят правду о хунах и джофурах, которые мирно живут рядом с людьми и урами, читают бумажные книги и цитируют Марка Твена!

Джиллиан кивнула.

— Я знаю, это кажется невероятным. Но…

— Подумайте о совпадениях! Как только наша разведывательная лодка находит старый урский тайник, как появляются эти так называемые дети и их игрушечная субмарина.

— Они умерли бы, если бы «Хикахи» их не под-

хватила, — заметила корабельный врач Макани.

— Может быть. Но подумайте, вскоре после их появления и мы уловили шум гравитационных моторов, приближавшихся к нам. Потом кто-то начал бомбить пропасть! Это что, случайность? Или их привели к нам шпионы?

— Чтобы им на голову сбросили бомбы? — Врач-дельфин с силой выдохнула. — Есть более простое объяснение: один из наших исследовательских роботов был захвачен и его путь прослежен сюда.

На самом деле Тш'т знала, что не четверо детей сунеров привели галактов к Трещине. Дети не имеют к этому отношения. Виновата в этом она сама.

Когда «Стремительный» готовился к бегству из Фрактальной системы, руководствуясь еще одним блестящим и отчаянным замыслом Джиллиан, Тш'т импульсивно отправила тайное послание. Просьбу о помощи из источника, которому она доверяла. Она описала маршрут корабля и назначила свидание на Джиджо.

Потом Джиллиан меня поблагодарит, думала тогда Тш'т. Когда повелители ротены придут и позаботятся о нас.

И только теперь изображения, присланные с

берега, показали ей, как на самом деле обстоят дела.

Два маленьких корабля, потерпевших крушение в болоте, и в большем по размерам свирепые неумолимые джофуры.

Тш'т поражалась тому, что ее план мог привести к таким результатам. Ведь она хотела только хорошего. Может, самих ротенов выследили? Или перехватили мое сообщение?

Ее грызли тревога и чувство вины.

В дискуссию вмешался еще один голос. Сладкозвучный. Он исходил от вращающихся спиральных линий, которые светились в одном конце зала для совещаний.

— Итак, блеф Олвина не играл никакой роли в вашем решении, доктор Баскин?

— Блефует ли он? Эти дети выросли на книгах Мелвилла и Бикертона. Может, он узнал очертания дельфинов в этих неуклюжих скафандрах. Или мы проговорились в наших беседах с ними.

— Непосредственно с ними разговаривала только машина Нисс, — заметила Тш'т, выпячивая челюсти в направлении вращающейся голограммы.

Та ответила необычным раскаянием.

— Просматривая записи, я признаю, что исполь-

зовал такие термины, как километр и час, просто по корабельной привычке. Олвин и его друзья могли сопоставить это с прекрасным владением англиком, поскольку галакты не пользуются мерами волчат.

— Ты хочешь сказать, что компьютер тимбрими способен совершать ошибки? — ядовито спросила Тш'т.

Вращающаяся голограмма испустила негромкое гудение, похожее на философское ворчание задумавшегося хуна.

— Гибкие существа обладают возможностью приспосабливаться и постигать новое, — объяснил Нисс. — Мои создатели именно по этой причине подготовили меня для службы на корабле. Именно поэтому прежде всего тимбрими и подружились с вами, мошенниками и хитрецами.

По сравнению с обычными мудрыми, но механическими ответами это замечание прозвучало насмешкой.

— Ну, все равно, — сказала Джиллиан, — не блеф Олвина заставил меня передумать.

— Тогда что же? — спросила Макани.

Голограмма Нисса рассыпалась сверкающими пятнами и ответила за Джиллиан.

— Дело в этом титлале нуре, который говорит. Он оказался не склонным к сотрудничеству и обмену информацией, вопреки нашей настоятельной необходимости выяснить, почему он оказался здесь.

Мы с доктором Баскин пришли к одному выводу.

Именно поэтому нам и нужны дети. И прежде всего Олвин.

Чтобы убедить нура поговорить с нами.

СУНЕРЫ
ЭМЕРСОН

Он винил себя. Мысленно унесся в далекие места и времена. Отвлекся и среагировал слишком медленно, когда Сара упала.

До этого момента Эмерсон добивался успеха в своей борьбе за овладение прошлым, понемногу за раз. Нелегкая задача при отсутствии части мозга — именно той части, которая поставляла слова для облегчения выражения мысли и потребностей.

Жестко закрепленные запреты сдерживали его усилия вспомнить, наказывали за каждую попытку с такой жестокостью, что он только стонал

и покрывался потом. Но какое-то время помогала необычная панорама. Отражающиеся цвета и полужидкие ландшафты вскрывали ниши, в которых были заключены воспоминания.

Одно воспоминание возникло целиком. Старое воспоминание, из детства. У соседа была большая немецкая овчарка, которая любила охотиться на пчел.

Собака подстерегала добычу самым непостижимым способом, присев и дергаясь, как огромная нелепая кошка, и преследовала ничего не подозревающих насекомых среди лепестков цветов и высоких стеблей травы. А потом прыгала и прихлопывала лапами побежденную добычу.

Мальчишкой Эмерсон радостно и восхищенно наблюдал за этой охотой, а пчела тем временем разгневанно жужжала за оскаленными зубами, затем следовало краткое мгновение, когда она переставала протестовать и пускала в ход жало. Пес фыркал, морщился, чихал. Но боль смешивалась у него с явным наслаждением. Охота на пчел придавала смысл его выхолощенной городской жизни.

Эмерсон удивился тому, что эта метафора так на него подействовала. Пес ли он, преодолевающий боль в своей охоте за воспоминаниями?

Или он пчела?

У Эмерсона почти не сохранились воспоминания о тех высокомерных существах, которые высверлили ему мозг, а потом в пылающем корабле швырнули тело на Джиджо. Но он знал, что для них люди — все равно что насекомые.

Он представлял себя владеющим острым жалом. Ему хотелось бы иметь возможность заставить Древних чихнуть. Он мечтал отучить их охотиться на пчел.

Эмерсон последовательно выстраивал с таким трудом отвоеванные воспоминания. Ожерелье, в котором гораздо больше пустых промежутков, чем жемчужин. Легче всего вспоминались события детства, подросткового возраста и лет, проведенных в подготовке к исследовательской службе в Террагентском Совете.

Даже когда цепочка всадников покинула земли режущих цветов и начала подниматься по крутой горной тропе, у него были и другие инструменты для работы: музыка, математика и жесты, которыми он общался с Прити, обмениваясь с ней грубоватыми шутками. А на привалах блокнот с рисунками помогал разбудить подсознание. Нетерпеливыми линиями и дугами он вырывал у темного времени свободные образы.

«Стремительный».

Корабль принимал видимую форму, он почти сам рисовал себя — великолепный цилиндр с роговыми выступами вдоль всего борта. Эмерсон рисовал его под водой — окруженным волнующимися водорослями, это необычно для корабля, предназначенного для глубокого космоса, но совпадает с другими воспоминаниями.

Китруп.

Ужасный мир, где «Стремительный» пытался найти убежище после того, как едва избежал западни и узнал, что сотни флотов сражаются за право захватить его.

Китруп. Планета с ядовитыми океанами, но подходящее место для ремонта, так как всего у полудюжины членов экипажа есть ноги, чтобы можно было стоять. Остальные — умные, темпераментные дельфины — нуждаются для работы в водной среде. К тому же это казалось подходящим местом для укрытия после катастрофы на…

Моргране.

Пункт перехода. Самый безопасный из пятнадцати путей, позволяющих перелетать от звезды к звезде. Нужно только нырнуть к звезде, находящейся под нужным углом и на нужном расстоянии, и вынырнешь в другой месте, очень

далеко на звездном колесе. Даже медлительный земной корабль «Везарий» смог проделать это, правда, лишь по случайности, прежде чем человечество овладело достижениями галактической науки.

Мысль о Моргране вызвала воспоминание о Кипиру, лучшем пилоте, какого когда-либо знал Эмерсон, этом позере, который увел «Стремительный» от опасности так красиво, что поразил поджидавших в засаде, и снова нырнул в водоворот, уходя от космической битвы.

Как и от другой битвы, которая развернулась несколько недель спустя на Китрупе. Великолепные сверкающие флоты, достояние благородных кланов, рвали друг друга, в мгновения уничтожая то, чем гордились многие планеты. Руки Эмерсона мелькали: на листе туземной бумаги он рисовал взрывающиеся дуги, рвал бумагу, раздраженный своей неспособностью передать великолепную дикость и жестокость того, что видел когда-то собственными глазами.

Когда всадники снова садились на лошадей, Эмерсон разорвал рисунок, радуясь, что реук скрывает его слезы.

Позже, когда они увидели парящую вулканическую кальдеру, он неожиданно вспомнил

другой бассейн, созданный из сжатого пространства, — Мелкое Скопление, последнее место, которое изучал «Стремительный» перед тем, как направиться к Морграну, место, лишенное всего достойного внимания, согласно Галактической Библиотеке.

Ум или предчувствие побудили капитана Крайдайки направить корабль в такое бесперспективное место?

Конечно, на протяжении эпох кто-то натыкался на армаду брошенных кораблей, обнаруженную «Стремительным», — причину всех его бед. Эмерсон и сейчас видит эти корабли, огромные, как луны, но почти прозрачные, словно они не вполне могут решиться существовать.

Это воспоминание причиняет другую боль. Все оно покрыто следами когтей, как будто какая-то внешняя сила пыталась разорвать его в клочья, разложить на отдельные детали, возможно, в поисках подлинного рисунка окружающих звезд, чтобы проследить путь «Стремительного» к этой точке пространства.

Эмерсон полагает, что они, видимо, потерпели неудачу. Созвездия никогда не были его специальностью.

Эмерсон, ты не обязан идти.

Голова его дергается при этом воспоминании: слова эти были произнесены за много месяцев до Морграна или Китрупа.

Эмерсон разглядывает землю лихорадочных расцветок, теперь видную с большой высоты. И находит в этих всплесках ее лицо. Встревоженное лицо, отягощенное ответственностью за сотни жизней и необходимостью сохранить необыкновенно важные тайны. Она снова говорит, и он вспоминает ее слова целиком, потому что они содержатся не в той части памяти, которая предназначена для словесных разговоров.

Потому что все, что она говорит, всегда казалось ему музыкой.

Ты нужен нам здесь. Поищем другой выход.

Но другого выхода нет. Даже саркастический тимбримийский компьютер Джиллиан не в состоянии его предложить, прежде чем Эмерсон поднимается на борт найденного теннанинского истребителя, чтобы начать отчаянную игру.

Оглядываясь назад, Эмерсон надеется, что в глазах Джиллиан было то же выражение, с каким она прощалась с Томом перед какой-нибудь опасной вылазкой.

Он видит озабоченность, даже привязанность. Но это не то же самое.

Эмерсон отрывает взгляд от измученной цветами пустыни и поворачивается на восток, к менее тревожным видам. Естественные разворачивающиеся склоны далеких гор, смягченные буйными зелеными лесами, дают возможность глазам отдохнуть.

Но тут на одной вершине что-то вспыхивает! Следует серия вспышек. Вспышки ритмичны, кажется, что они говорят.

Его заинтересованное наблюдение прерывает короткий вскрик. Эмерсон какое-то мгновение остается отчужденным, медлительным и не успевает повернуться. Он не видит, как падает Сара. Но крик Прити пронзает его, как факел, сунутый в паутину.

С невольной ясностью из его уст вырывается имя Сары. Тело его наконец начинает действовать, устремляется в преследование.

Бросаясь вниз по неровной осыпи, Эмерсон красноречиво проклинает вселенную за то, что та пытается отнять у него еще одного друга.

ЛАРК

Лицо сержанта в маскировочной раскраске. В ее черных волосах еще видны кусочки почвы и

травы: ей пришлось пробираться по расщелинам и всматриваться между кустарников. Но Ларк никогда не видел, чтобы Джени Шен выглядела лучше.

Люди расцветают, когда занимаются тем, для чего рождены. В случае Джени — это жизнь воина. Ей лучше было бы жить в те времена, когда старший и младший Дрейки из крови и огня создавали Великий Мир.

— Пока все в порядке, — сказала молодая разведчица из милиции. Пятнистый комбинезон не позволял разглядеть ее фигуру среди темных теней от ламп.

— Я подобралась близко и видела, как послы вошли в долину, неся ответ мудрецов джофурам. К ним устремилось несколько сторожевых роботов, особенно к бедному Вуббену. Они обнюхали его от колес до глазных стебельков. Затем все шесть послов направились вниз по поляне, а роботы их сопровождали. — Джени сделала скользящее движение рукой. — Теперь периметр охраняют только один-два робота! Лучшей возможности для нашего хода и ждать нельзя.

— Никаких сомнений, — добавил Ранн. Высокий человек со звезд прислонился к известковой стене, сложив руки на груди. Даник не был

вооружен, но вел себя так, словно это его экспедиция. — Конечно, мы будем действовать. Другого выхода нет.

И хоть говорил он уверенно, план на самом деле принадлежал Ларку. И ему же нужно принимать решение — действовать или нет. Ему отвечать за последствия, если погибнут шестьдесят смельчаков или их поступок спровоцирует джофуров на мстительное уничтожение.

Мы можем свести на нет усилия высоких мудрецов как раз тогда, когда они убедили галактических нетреки успокоиться.

Но с другой стороны, как могут Шесть Рас заплатить цену, которую потребовали джофуры? И пока мудрецы пытаются сбить цену, кто-то должен поискать другой выход. Возможность совсем не платить.

Из всех уголков грота — одной из бесчисленных пещер, пронизывающих эти холмы, — за ним следило множество встревоженных глаз. Взгляд Линг, стоявшей далеко от Ранна, из самых неумолимых. С того времени как они работали над расшифровкой таинственных информационных пластинок, звездные повелители враждовали друг с другом. С того самого ужасного дня, когда Ранн крикнул «предательство!», а затем на гору

Дуден опустилась золотистая дымка. У каждого из звездных людей были собственные причины помогать этой отчаянной вылазке.

Ларк не разделял радость Джени. Остались только один или два робота. Согласно сообщениям помощников Лестера Кембела, эти оставшиеся роботы все равно могут видеть на некоторое расстояние под землей и отразить приближающуюся угрозу. Но, с другой стороны, вся местность покрыта щелями, из которых выходит пар; постоянно происходят мелкие землетрясения. И еще тонкий рисунок песен Святого Яйца — под этими излучениями дрожит амулет на груди у Ларка.

Все смотрели на него, ждали его решения: добровольцы люди, уры и хуны плюс несколько еще не заболевших квуэнов.

— Хорошо, — кивнул Ларк. — Пошли.

Напряженный, решительный приказ. Джени с улыбкой повернулась, направляясь в глубину пещеры, за ней последовали факелоносцы.

На самом деле Ларк хотел сказать совсем другое. Дьявольщина, нет! Пошли отсюда! Куплю выпивку всем, кто согласен поднять стакан за бедного Утена.

Но если произнесет имя друга, может заплакать, выдать внутреннее горе. И поэтому Ларк

занял свое место в извилистой цепочке фигур, которые, наклоняясь, двигались по темному проходу, освещенному только прикрепленными к стенам полосками.

Он шел, а мысли его метались. Например, он думал, где на склоне представители всех шести рас могут одновременно выпить после такого тоста. В очень немногих тавернах подают одновременно алкоголь и свежую кровь симлы, поскольку люди и уры испытывают взаимное отвращение к выпивке друг друга. А большинство треки вежливо отказываются есть в присутствии членов других рас.

Я знаю один бар в городе Тарек, конечно, если Тарек еще не сожжен огненным дождем с неба. После Дудена джофуры могли заняться большими городами, где живет много г'кеков.

Приходится удивляться, почему вообще г'кеки прилетели на Джиджо. Они могут двигаться только по мощеной Тропе Избавления.

Ларк покачал головой.

Банальности. Мелочи. Мозг продолжает работать, даже когда твоя единственная забота — идти за идущим перед тобой и не удариться головой о сталактит.

Посмотрев на него, все видели спокойствие и

уверенность. Но про себя Ларк непрерывно болтал, пытаясь успокоиться.

Сейчас мне следовало бы оплакивать друга.

Нанять могильщика-треки, организовать роскошную церемонию мульчирования, чтобы отполированный панцирь Утена должным образом мог присоединиться к костям его предшественников на дне Великой Помойки.

Мой долг — нанести формальный визит серым королевам в том пыльном зале, в котором они когда-то правили большей частью Склона. В зале Девяноста-Вырезанных-Зубами-Колонн, где королевы по-прежнему делают вид, что правят. Но как мне объяснить этим величественным матронам, почему умерли два их лучших сына: Харуллен, разрезанный на куски лазерами чужаков, и Утен, погибший от болезни?

Могу ли я сказать этим пепельным императрицам, что следующими могут стать их остальные дети?

Утен был его лучшим другом, его коллегой, который разделял его восхищение тонкой организацией хрупкой экосистемы Джиджо. Никогда не разделяя ересь Ларка, Утен был тем единственным, кто понимал, почему расам сунеров не следовало являться на планету. Он был способен

понять справедливость галактических законов.

Я покинул тебя, старина. Но если я смогу выполнить другие свои обязанности, может, мне удастся кое-чем компенсировать это.

Справедливостью.

Пол просторной пещеры усеивали обломки. Они остались здесь от заговора фанатиков, когда группа молодых мятежников по этим самым коридорам проносила взрывчатку под исследовательскую станцию даников, уничтожив подругу Линг Беш и одного из звездных повелителей ротенов. Последствия этого события все еще расходятся, как круги от большого камня, брошенного в пруд.

Теперь на развалинах станции лежит огромный боевой корабль джофуров, но никто не предлагал вторично использовать тот же способ нападения. Даже если допустить, что такой мощный корабль можно взорвать, потребовалось бы такое количество взрывчатки, что отряд Ларка таскал бы ее до следующего Дня Основателей. Да и не находилось добровольцев для того, чтобы подойти к гиганту. План Ларка включал приближение на несколько полетов стрелы. Но даже и в этом случае идти трудно и опасно.

— Отсюда проход слишком узок для серых, —

сказала Джени.

Партизаны-уры в унисон повернули шеи, принюхиваясь к неприятному для них запаху, который доносился из сужающегося коридора.

Серые квуэны присели, и остальные стали снимать с их спин грузы. Если бы было достаточно времени, серые могли бы расширить коридор своими когтями для копания и крепкими, как алмазы, зубами, но Ларк считал, что лучше отослать их назад. Кто знает, сколько еще у них времени, ведь ветры распространяют по Джиджо эпидемию. Это бактериологическое оружие? Линг нашла доказательства этого на декодированных пластинках, хотя Ранн по-прежнему отрицал их ротенское происхождение.

Рассерженный человек со звезд был одержим другим фактом.

На станции, в команде генных грабителей, был шпион. Кто-то вел записи, тщательно фиксируя все преступления, совершенные ротенами и их слугами-людьми.

Агент Террагентского Совета!

Очевидно, у правительства Земли есть свой информатор в клане людей-фанатиков, обожествляющих повелителей ротенов.

Ларку очень хотелось расспросить Линг, но

сейчас не время для их обычной игры в вопросы и уклонения. И не было с того момента, как они бежали от катастрофы у Дудена, бежали вместе с испуганными помощниками Лестера Кембела по лабиринту гигантских бу. Бежали новыми тропами, мимо свежесрубленных стволов, пока задыхающиеся беглецы не оказались на не отмеченной на картах поляне, где испугали группу треки. Те стояли длинным рядом и испускали ядовитые испарения, шипя, как закипающий котел.

Взводы урской милиции бросились на защиту занятых треки, щипая за ноги, словно люди — это встревоженные симлы. Отряд Кембела был отогнан от поляны и направлен в убежища на западе и востоке.

Но даже когда наконец добрались до убежища, не было времени обсуждать галактические дела. Линг работала с врачами, делясь тем немногим, что узнала о болезни квуэнов из шпионских записей.

А Ларк погрузился в лихорадочную деятельность, распоряжаясь непрерывно растущим числом последователей.

Это доказывает, что те, кто в отчаянии, пойдут за любым, кто располагает планом.

Даже таким безумным планом, как мой.

Носильщики хуны взяли груз квуэнов, и караван двинулся дальше. Несколько синих квуэнов, таких молодых, что их панцири еще не просохли, замыкали строй. И хотя для своего вида они невелики, все равно людям с молотами и ломами приходилось помогать им, убирая известняковые препятствия. В плане Ларка учитывалось присутствие этих добровольцев-подростков.

Он надеялся, что подействует не только его рискованный план.

Всегда остается молитва.

Ларк коснулся амулета. На ощупь холодный. Сейчас Яйцо успокоилось.

На перекрестке заговорщики-фанатики уходили влево, неся бочонки и ящики со взрывчаткой под станцию ротенов. Но группа Ларка повернула направо. Им предстояло покрыть меньшее расстояние, но путь их более опасен.

Среди сильных мужчин, помогавших расширить проход, был и Джими Блаженный. Он с такой яростью обрушивался на преграды, что Ларку пришлось вмешаться.

— Спокойней, Джими! Ты разбудишь переработанных мертвых!

Вспотевшие работники рассмеялись, а хунские носильщики гулко заворчали. Смелые хуны. Ларк

вспомнил, как не любят хуны замкнутое пространство. А уры, которые под землей чувствуют себя хорошо, все более нервничали с приближением к воде.

И никому не хотелось приближаться к огромному звездному крейсеру.

Шесть Рас столетиями укрывались от Дня, когда прилетят корабли Институтов и будут судить их за преступления. Однако когда прилетели корабли, на них не оказалось благородных возвышенных чиновников, а были воры, а потом жестокие убийцы. И если ротены и их человеческие марионетки казались хитрыми, но доступными для маневров и переговоров, то джофуры внушали ужас.

Они требуют того, что мы не можем дать.

Мы ничего не знаем о «корабле дельфинов», который они ищут. И мы скорее предпочтем быть проклятыми, чем выдадим наших братьев г'кеков.

И вот Ларк, который всю жизнь надеялся на то, что галакты положат конец незаконной колонии, теперь ведет отряд в отчаянную схватку со звездными богами.

Человеческая литература после Великой Печати оказала огромное влияние. Она полна

описаний отчаянных, безнадежных попыток. Усилий, не оправданных никакими рациональными причинами.

Они с Линг помогали друг другу спуститься по известняковому откосу, блестевшему от воды и скользких лишайников, когда идущие впереди разведчики прислали сообщение.

Прямо впереди вода.

Сообщение передала Джени Шен.

Так Ларк и думал. Я оказался прав.

И потом добавил:

Пока.

Жидкость была маслянистой и холодной. От нее тянуло затхлостью.

Но это не помешало двум молодым и энергичным квуэнам забраться в пруд, разматывая с барабана мульк-трос. Хуны ручными насосами надували воздушные пузыри, а Ларк собирался с духом, чтобы погрузиться в эту влажную тьму.

Передумал?

Джени проверила защитный костюм из перепонок скинка. Он может предохранить от холода, но это меньше всего беспокоило Ларка.

Холод я могу перенести. Лишь бы хватило воздуха.

Пузыри — еще не испробованное изобретение.

Каждый из них представляет собой кольцо треки, утолщенное, чтобы удерживать газ под давлением. Джени прикрепила такое кольцо ему на спину и показала, как дышать через мясистый выступ — гибкое щупальце, через которое будет поступать свежий воздух и уходить отработанный.

Ты всю жизнь рассчитывал на выработанные треки составы, которые делают местную пищу съедобной, и на очищенный треки алкоголь на празднествах. Аптекарь треки своим синтезирующим кольцом делал твои лекарства. Однако прикосновение этого щупальца ко рту вызывает у тебя отвращение.

По вкусу похоже на липкую сальную свечу.

В другом конце узкого помещения Линг и Ранн легко справлялись с джиджоанской новинкой. Конечно, им не приходится преодолевать исторических впечатлений, которые ассоциируют треки с мульчей и гниющими отходами.

— Давай, — негромко и насмешливо сказала Джени. От ее голоса жгло уши. — Не вырви на меня, парень. Ты теперь мудрец. Остальные смотрят на тебя.

Он кивнул — коротко и дважды — и попробовал снова. Взял в рот конец щупальца и прикусил, как учила Джени. Воздух не такой тяжелый, как

он ожидал. И возможно, в нем содержится легкое успокоительное. Фармакологи искусны в таких вещах.

Будем надеяться, их звездные родственники до такого не додумаются.

На этом предположении основан план Ларка. Командиры Джофуров могут ожидать нападения непосредственно из-под земли. Но там, где подземный подход комбинируется с подводным, захватчики могут не ожидать неприятностей.

Ротены недооценили нас. Клянусь Ифни и Яйцом, джофуры могут сделать то же самое.

У каждого ныряльщика на глазах реук, чтобы защитить глаза и помочь им видеть в тусклом свете фосфора, который у всех в руках. Оборудование включает также перчатки с перепонками и сапоги.

Услышав звонкий смех Линг, Ларк повернул голову и увидел, что она хохочет, показывая на него.

— Ты можешь говорить, — сказал он уродливому существу, в которое она превратилась. Страшнее ротена без маски. Хуны задержались, укладывая груз у воды, и присоединились к веселью, добродушно ворча, в то время как их любимцы нуры улыбались, оскаливая острые,

как иголки, зубы.

Ларк представил себе всю эту сцену сверху, сквозь нависающие слои камня, из мира света. Верхом на изуродованной горной поляне сидит джофурский дредноут, перегородив ручью его обычный путь к морю. Образовавшееся в результате озеро теперь тянется на лигу вверх.

Вода стремится к своему уровню. Мы теперь, должно быть, в нескольких полетах стрелы от берега. Долго придется плыть, прежде чем доберемся до самого озера.

Но тут уж ничего не поделаешь. До цели добраться трудно — причем сразу во многих отношениях.

Пузыри в воде. На поверхности появился один панцирь квуэна, за ним другой. Молодые синие выбрались на берег, тяжело дыша через множество ножных щелей, и возбужденно доложили на галшесть:

— Дорога свободна — все чисто. Мы добрались быстро. Сейчас будем сопровождать вас.

Хуны и уры торжествующе закричали, но Ларк не испытывал радости.

Они не единственные, кому предстоит пройти путь до конца.

Вода преобразила пещеры и гроты. Ласты под-

нимали облака ила, и лучи фосфора заполнялись мириадами отвлекающих искорок. Верный реук Ларка играл с поляризацией, преобразуя дымку таким образом, чтобы создать частичную видимость. Тем не менее нужно было сосредоточиваться, чтобы избежать столкновений с выступами известняка. Все держались за веревку, и это не позволяло заблудиться.

Пещерное ныряние очень похоже на положение Ларка как младшего мудреца Общины: он никогда этого не добивался и не предвидел в своей предыдущей жизни еретика от науки.

Какими неуклюжими казались пловцы люди рядом с грациозными молодыми квуэнами, которые когтями цеплялись за неровные стены и с ловкостью и быстротой отталкивались от них. Под водой они чувствовали себя почти так же привычно, как на суше.

Там, где пленка скинка отходила, кожа немела. Зато другим частям тела стало жарко от усилий. Но гораздо больше неудобства доставляло извивающееся во рту щупальце треки, которое пыталось предупредить потребности Ларка, но заставляло его еще больше нервничать. Оно не позволило бы ему задержать дыхание, как делает человек, если нужно сосредоточиться на бли-

жайшей проблеме, но начинало щекотать горло, чтобы спровоцировать вдох. Когда это произошло в первый раз, Ларка едва не вырвало. (А что, если бы он задохнулся в собственном завтраке? Задохнулось бы и кольцо вместе с ним? Или приняло бы дар как вкусную, заслуженную награду?)

Ларк так внимательно следил за веревкой, что пропустил переход из каменных катакомб на туманную равнину из мокрых лугов, затонувших деревьев и плавающих обломков. Но скоро илистые границы остались позади, и дневной свет преобразил Поляну Собраний — теперь ставшую дном озера, придавая знакомым местам странную чуждость.

Веревка проходила мимо рощицы меньших бу. Их стволы достаточно высоки, чтобы выйти из воды, высоко над головой. Квуэны собрались вокруг одного ствола и сосали через него воздух. Надышавшись, они закружились вокруг Ларка и остальных людей, подталкивая их к следующему отрезку веревки.

Задолго до того как в илистой дымке стали видны подробности, Ларк по свечению различил их цель. Ранн и Линг торопливо забили ластами, обходя Джеки. К тому времени как Ларк догнал их, они прижимались руками к гигантскому

гладкому саркофагу цвета желтого лунного восхода. Внутри находился сигарообразный корабль, судно ротенов, их дом вдали от дома, замкнутый в смертоносной ловушке.

Звездные люди разошлись, он поплыл направо, она налево. Джени сопровождала рослого мужчину — вопреки разнице в размерах, она наиболее подготовлена для того, чтобы присматривать за Ранном. Ларк держался возле Линг, наблюдая, как она движется вдоль золотистой стены.

Хотя у него больше опыта обращения с машинами звездных людей, Ларк впервые оказался рядом с пришельцем, который несколько недель назад так грубо прервал Праздник Собрания. Каким огромным и величественным он тогда казался! Однако сейчас он беспомощен. Мертв или навсегда пленен.

Ларк узнавал некоторые устройства. Например, выступающие якоря, которые удерживают корабль от вероятности квантовых флуктуаций, что бы это ни означало. Самоучки техники, работавшие с Лестером Кембелом, сомневались даже в основах устройства кораблей. А что касается самого высокого мага, то он не участвовал в подготовке Ларка, а предпочел горевать в своей палатке. Он считал себя виновным в судьбе горы

Дуден.

Несмотря на усиливающееся ощущение опасности, Ларк чувствовал какую-то пугающую красоту, плывя в этом мире, пронизанном наклонными солнечными лучами, наполненными сверкающими точками, — тихом и странно задумчивом мире.

К тому же на атлетическую фигуру Линг стоило посмотреть — даже в оболочке из мембран скинка.

Они обогнули край звездного крейсера, где острая тень неожиданно закрыла солнце. Должно быть, облако или край горы. Но тут Ларк понял.

Это корабль джофуров.

Неясно видимый в мутной воде, этот гигантский купол вызывал у Ларка мурашки на коже. Возвышаясь на берегу озера, он мог бы целиком заглотить корабль ротенов.

Странная мысль пришла Ларку в голову.

Сначала нас пугали ротены. Но потом мы увидели, как их «величие» поблекло рядом с подлинной силой. А что, если это произойдет снова? Какие новые существа могут превзойти даже джофуров? Корабль размером с горный хребет? Такой, что за одну ночь способен уничтожить весь Склон?

Он мысленно рисовал ряды кораблей, каждый последующий больше предыдущего, вначале размером с луну, потом с Джиджо, а потом — почему бы и нет? — с солнце или даже с Измунути!

Воображение — поразительное свойство! Оно заполняет сознание пресмыкающегося варвара немыслимыми картинами.

Кипящие пузыри едва не сорвали реук с лица: Линг устремилась вперед, энергично отталкиваясь ластами от воды. Ларк заторопился за ней и несколько мгновений спустя пораженно застыл.

Прямо впереди Линг проводила рукой по золотистому барьеру в нескольких метрах от зияющего отверстия. Люк, освещенный изнутри. В нем стоит несколько фигур — три человека и повелитель ротен, на лице которого маска-симбионт. Все четверо стоят с встревоженными лицами, сжимая в руках инструменты.

И все они кажутся застывшими, заключенными в хрустальное время.

Вблизи желтый кокон напоминал бусины сохранности, оставленные мульк-пауком, тем самым, чья безумная страсть коллекционера едва не стоила несколько месяцев назад жизни Дверу и Рети. Но эта западня — не четко очерченный овоид. Отчасти она напоминает оплывшую свечу

с натекшими золотыми лужицами вокруг основания. Джофуры оказались щедрыми в своем даре остановленного времени, они налили столько таинственного вещества, что его хватило на весь корабль.

Как на горе Дуден, подумал Ларк.

Казалось, это идеальный способ уничтожить врага, не прибегая к разрушительным силам. Может быть, джофуры не хотят рисковать, причиняя ущерб экосистеме Джиджо. Это было бы серьезным преступлением перед большими Институтами, подобно генному грабежу или незаконному поселению.

С другой стороны, захватчики-нетреки были не столь щепетильны, уничтожая окружающий корабль лес. Так что, возможно, у золотой ловушки иная цель. Не убить, а захватить? Может быть, г'кеков, обитателей крепости Дуден, еще можно освободить из их мерцающей могилы.

Такова была первоначальная мысль Ларка три дня назад. Начались торопливые эксперименты с реликтами мульк-паука, с применением новых растворителей, созданных треки. Некоторые из сохраненных объектов некогда были живыми. Это были птицы и насекомые, давным-давно попавшие в ловушки паука.

Все они, освободившись от коконов, оказывались мертвыми.

Возможно, у джофуров лучшие методы оживления, думал тогда Ларк. Или они совсем не собирались сохранить жизнь своим жертвам, и для них это только неподвластные времени трофеи.

Но накануне ночью Ларку пришла во сне идея.

Хивверны откладывают яйца под глубоким снегом, который весной тает, яйца погружаются в растаявшую грязь, которая потом затвердевает. Но когда начинается сезон дождей, земля снова размягчается. И тут из яиц вылупляются личинки хиввернов, они могут свободно выползти.

И когда он проснулся, идея окончательно сформировалась.

У космического корабля прочный металлический корпус, как яйцо хивверна. Корабль ротенов может быть захвачен, но его экипаж остается нетронутым.

Те, что находятся внутри, могут быть еще живыми.

И вот перед ними доказательство. Четверо в люке явно знают о существовании золотого барьера, окружающего их корабль, и пытаются с помощью инструментов в руках эксперименти-

ровать с ним.

Но есть одна проблема — они не двигаются. И нет никаких признаков того, что они знают, что за ними с расстояния в рост хуна наблюдают извне.

Отталкиваясь от воды, Линг что-то нацарапала на своей восковой дощечке и показала Ларку.

ВНУТРИ ДРУГОЕ ВРЕМЯ.

Он достал собственную доску, прикрепленную к поясу.

ВРЕМЯ ЗАМЕДЛИЛОСЬ?

Ее ответ был неясным.

МОЖЕТ БЫТЬ.

ИЛИ КВАНТОВАНО ПО-ДРУГОМУ.

СМЕЩЕНЫ ФАЗЫ.

Озадаченный взгляд Ларка оказался красноречивей слов. Линг стерла надписи со своей доски и снова написала:

ДЕЛАЙ ТО ЖЕ, ЧТО Я.

Он кивнул, внимательно наблюдая за ней. Линг забила руками и ногами, отворачиваясь от корабля. Подражая ей, Ларк обнаружил, что смотрит на несчастную изуродованную Поляну. Все деревья срезаны огненными лучами и погрузились в воду поднимающегося озера. Мутная вода делала неясными все очертания, но Ларку показалось,

что он видит среди обломков кости. Ребра уров и костные острия хунов смешаны с человеческими черепами. Не так следует обращаться с останками умерших. Никакого уважения ни к мертвым, ни к Джиджо.

Может, джофуры позволят нам поселить в этом озере нового мульк-паука, думал он. Что-то придется делать, чтобы расчистить эту мешанину.

Линг толкнула его, оторвав от размышлений. ПОВЕРНИСЬ НАЗАД, было написано на ее дощечке. Ларк снова повторил ее маневр и вторично удивился.

Они переместились!

Как и раньше, в люке стояли неподвижные статуи. Только теперь их позы изменились! Один человек с удивленным видом указывал наружу. Другой словно смотрел прямо на Ларка, застыв в узнавании.

Они это проделали, пока мы на них не смотрели?

Ход времени в корабле не доступен его пониманию.

НАМ ПОТРЕБУЕТСЯ КОЕ-ЧТО СДЕЛАТЬ, написала Линг.

Ларк встретился с ней взглядом и увидел в ее глазах напряженную, но полную надежды

иронию.

Он кивнул.

Ты можешь повторить это еще не раз.

ОЛВИН

Большую часть возвращения я провел, уткнувшись носом в дневник: восстанавливал все увиденное с тех пор, как «Мечта Вуфона» спустилась с Окончательной скалы. Клешня зубами любезно подточил мой карандаш. Я лег и записал предыдущий раздел.

То, что было догадкой, постепенно становилось уверенностью.

Сосредоточенность позволяла также отвлечься от страшных предчувствий и от боли в заживающей спине. Друзья старались подольститься ко мне, но я погрузился в хунское упрямство и отказывался делиться своими выводами. Ведь фувнтусы очень старались скрыть от нас свою истинную сущность.

Вращающийся голос сказал, что это для нашей защиты. Возможно, это просто покровительственный глейверский навоз. Типичный для взрослых. Но что, если он сказал правду? Могу ли я рисковать друзьями?

Когда придет время, я поделюсь только с голосом.

САРА

Она плыла в математических облаках.

Вокруг плавали дуги и отрезки конусов, сверкая, словно сделанные из вечного огня. Мимо пролетали метеоры, двигаясь по орбитам, предписанным тяготением.

Но тут к прыгающим формам присоединились более величественные фигуры, и Сара догадалась, что это движутся по своим орбитам — эллиптическим, а не параболическим — планеты. У каждой планеты была собственная зона, в которой передвигались другие формы.

Поднимаются, опускаются.

Поднимаются, опускаются.

Этот танец напомнил ей о забытой науке, которую она когда-то изучала по непонятным текстам из архива Библоса. В бреду возникло и название этой науки — орбитальная механика, — и эта наука утверждает, что громоздкое вращение солнц и планет подчиняется не более сложным уравнениям, чем движение мельничного или водяного колеса.

Сара смутно ощущала физическую боль. Но боль проходила словно сквозь пелену старой одежды, как будто что-то неприятное затолкали на дно ящика в платяном шкафу. Сильный запах мазей треки заполнял ноздри, прогоняя боль и тревогу, оставалась только одна тревожная мысль: я ранена.

Иногда она настолько приходила в себя, что слышала речь нескольких протяжных урских голосов, ворчливый и напряженный голос взрывника Курта и еще один голос, чью жесткую педантичную четкость она помнит по прежним дням.

Пурофски. Мудрец загадок.

Но что он здесь делает?

И где это здесь?

Один раз ей даже удалось приоткрыть глаза в надежде разрешить загадку. Но Сара тут же поняла, что, должно быть, еще видит сон. Не может существовать такого места, которое она увидела сквозь неясную дымку, — мира вращающегося стекла. Вселенной прозрачных сосудов, дисков и колес, вращающихся и наклоняющихся вокруг друг друга под странными углами, ритмичными взрывами отбрасывая отражения.

Все это слишком ошеломляюще. Сара, защи-

щаясь от водоворота, снова закрыла глаза, но водоворот сохранился в сознании и продолжал существовать в абстрактном виде.

На переднем крае сознания возникла синусоидальная волна, но не неподвижная, какие она помнила по чертежам в книгах. Эта разворачивалась, как круги на воде, причем переменным измерением служило время.

Вскоре к первой волне присоединилась вторая, с вдвое большей частотой, потом третья — с еще более спрессованными пиками и углублениями. Один за другим возникали новые циклы, смешивались с предыдущими, сочетались в бесконечных сериях — трансформировались, — и их сумма указывала на новую сложную фигуру, с неровными вершинами и ущельями, словно горный хребет.

Из порядка хаос.

Горы напомнили последнее, что видела Сара, прежде чем свалиться с узкой тропы и полететь к огненной реке.

Вспышки на далекой вершине: длинная-короткая, короткая-длинная — средней длины — короткая-короткая.

Закодированное сообщение, переданное вспышками света, подобное галдва.

Срочное сообщение, переданное тайно сообщение о битве.

Мечущиеся в беспорядке мысли иногда прерывало мягкое прикосновение ко лбу — теплая ткань или нежная рука. Сара узнает длинные ловкие пальцы Прити, но есть и другая текстура, мужское прикосновение к руке или щеке. Он иногда держит ее за руку.

А когда он запел, она поняла, что это Незнакомец Эмерсон, узнала его по необычному акценту и по тому, как вырываются слова песни, вытекают из памяти гладко, как поток жидкости, без мыслей о какой-то фразе или отдельном слове. Но песня не странно синкопированная старинная земная баллада, а народная джиджоанская песня, знакомая с детства. Мать пела ее Саре, когда та болела, а сама Сара напевала ее человеку из космоса, упавшему на планету и едва живому.

Один — это горловой мешок, которым можно тебе петь, Два — это пара рук, которые укачают тебя и погрузят в сладкий сон, Три — это кольца, которые раздуваются и выдувают облачка счастливого пара, Четыре — это глазные стебельки, которые раскачиваются и пляшут, заглядывая в твой сон, Пять — это когти, которые принесут тебе новый ящик надежды, Шесть — это быстрые

копыта, чтобы нестись по прерии, Семь — это тайные мысли, ждущие в глубине, Но восемь приходит от гигантского камня, чья песня медленно проникает в тебя.

Даже в полубессознательном состоянии она знала нечто очень важное. Он не мог бы петь, если бы слова не были у него глубоко внутри, под изуродованными частями мозга. Это значило, что она тронула его, когда их роли переменились.

И никакие мази во всем мире, никакая математика не могли сделать для Сары большего. Ее вернуло к жизни сознание того, что кто-то нуждается в ней.

ЭВАСКС

Мы радостно сознаем важность нашей миссии, не правда ли, Мои кольца? Вот стоим мы, груда престарелых, потрепанных колец, но нам поручено благородное дело — мы должны объяснить послам шести рас новый порядок, установленный в этом мире.

Первое — они не должны надеяться на приход великих судей из тех Институтов, где обдумывается участь десяти тысяч звездных рас. В Пяти Галактиках слишком разыгрались страсти. Силы

Институтов отозваны, отступили и робкие, так называемые умеренные кланы, драчливое неэффективное большинство. Мужество в наши дни проявляют только большие религиозные союзы, они сражаются из-за того, как именно повернутся галактические колеса во время перемен.

Мы ваши судьи, сказал Я послам. По свойственной нам Доброте мы, экипаж «Полкджи», добровольно вызвались быть одновременно и полицией, и судом присяжных, судить и на казать Семь Рас, которые нарушили спокойствие этой невозделанной планеты.

Чтобы продемонстрировать свое милосердие, мы на много дней отложили необходимое дело, которое в первую очередь привело нас сюда, хотя это означало, что нашим товарищам пришлось самостоятельно заниматься ремонтом в восточных болотах, в то время как второй наш корвет облетал Склон, фотографируя и собирая улики. Это также дало нам возможность продемонстрировать нашу несокрушимую силу. Мы сделали это, уничтожив преступные сооружения, которыми не должны пользоваться сунеры, если их целью действительно является Тропа Избавления.

Замечено, что вы не очень помогали в этой

работе, Мои кольца. (Примите эти укоризненные удары как знаки нашего любящего руководства.) Аскс расплавил много воспоминаний, прежде чем сдаться и конвертироваться, но мы/Я вспоминаем некоторые отвратительные подробности. Например, мы приобрели авторитет, помогая проводить пароходы по реке Бибур, перестраивать башню в городе Тарек, сооружение, известное как Дворец Вони.

Не волнуйтесь. Со временем мы, на «Полкджи», отыщем все жалкие греховные сооружения, которые так ценят упрямые сунеры. Мы поможем тем, кто избрал Тропу, Ведущую Вниз, избавиться от лицемерного использования инструментов и орудий.

Второе — наше непреклонное требование справедливости. Высокие мудрецы проявили удивительный здравый смысл, когда вскоре после нашей последней встречи дали сигнал. Поток цифрового сознания направил наш корвет к крепости Дуден. Но этот символический жест недостаточен. Нам нужно рассчитаться со всеми живыми г'кеками. Сделать это не очень трудно. Застрявшие на планете без дорог, они лишены подвижности.

«Просим не уничтожать наших колесных бра-

тьев, — просили послы. — Пусть и г'кеки ищут священное убежище на Тропе Избавления. Разве не сказано, что все долги прощаются а вендетты прекращаются, когда восстанавливается невинность?»

Вначале нам показалось, что это просто адвокатские увертки. Но тут, к нашему удивлению, наш старший священник согласился! Больше того, эта величественная груда сделала необычное, совершенно новое предложение.

Вот вопрос, поставленный грудой-священником:

Какая месть г'кекам превосходит даже уничтожение?

Ответ: если г'кеки снова станут пригодными для принятия и их патронами будут джофуры! И во втором возвышении мы преобразуем их так, как нам надо, создадим существа, от которых отшатнулись бы прежние г'кеки!

Месть слаще, когда совершается с воображением. Это оправдывает присутствие на борту священника. Поистине эта разновидность груд полезна.

Конечно, у этого смелого плана есть свои сложности. Это означает, что мы должны будем утаить от Пяти Галактик сведения об этой сунерской

инфекции. Напротив, клан джофуров должен хранить все в тайне и обращаться с Джиджо, как со своим личным садом.

Таким образом, согласно галактическим законам мы становимся преступниками. Но это вряд ли имеет значение. Ибо когда наш союз на следующем этапе истории станет господствующим, законы изменятся.

Особенно если действительно вернулись Прародители.

Третье — возможность получения прибыли. Возможно, генные грабители ротены что-то обнаружили. Для невозделанного мира Джиджо кажется необыкновенно богатой. (Буйуры были хорошими опекунами, они оставили планету, полную биовозможностей.) Могли ли ротены открыть перспективную предразумную расу? Готовую к возвышению? Может, следовало подкупить генных грабителей и получить доступ к их базам данных, вместо того чтобы запечатывать их во времени?

Неправильное предположение. Они известны как обманщики и шантажисты. Для обследования Джиджо мы пришлем собственных биологов.

И кто знает? Может, нам удастся ускорить движение рас сунеров по пути, на который они

ступили! Глейверы уже далеко зашли по этому пути к невинности. У хунов, уров и квуэнов есть родичи среди звезд, и они будут возражать, если мы слишком поспешно примем этих. Но после битв, бушующих по всей галактике, все это может измениться. А что касается людей волчат, то по последним сведениям их планета осаждена и находится в смертельной опасности.

Может, те, что живут на Джиджо, последние уцелевшие представители их вида.

Остается подумать о судьбе наших родственников треки. Мятежные груды прилетели сюда, отказываясь от дара оайлие — от специализированных колец, которые придают нам целеустремленность и определяют наше назначение. Печально видеть треки, подобных нашим жалким предкам. Такие нелепые существа, такие миролюбивые и неамбициозные! Нужно немедленно разработать программу создания в больших количествах мастер-колец. Будучи преобразованными, наши родичи станут идеальным инструментом для господства и контроля, способным сознательно управлять этой планетой ради нас и без дальнейших расходов со стороны нашего клана.

Все эти проблемы кажутся первостепенно важ-

ными. Однако с самого начала некоторых членов экипажа раздражали разговоры о мести, выгоде или избавлении. Даже судьба местных треки казалась несущественной по сравнению с делом, которое прежде всего и привело нас сюда.

Ротены намекнули, что знают местонахождение исчезнувшего корабля-добычи.

Корабль-добыча несет сведения о возвращении Прародителей.

Нужно немедленно отказаться от всех остальных дел, настаивали эти груды. Послать оставшийся корвет на восток! Не дожидаться, пока экипаж первого корвета самостоятельно произведет ремонт. Схватить и допросить людей — рабов ротенов. Обыскать глубоководные убежища, где может скрываться корабль-добыча. Не откладывать дольше!

Но наши капитан-лидер и груда-жрец согласились, что еще несколько дней не имеют значения. Мы прочно овладели этой планетой. Добыча не сможет уйти.

ЛАРК

Бледный дневной свет пронизывал озеро до того места, где несколько затонувших деревьев

покачивали ветвями, словно на легком ветерке. Реук на глазах помогал видеть, усиливая тусклое освещение, но на Ларка угнетающе действовали ползучие тени, создавая ощущение нереальности.

Работая под водой рядом с Ранном и Линг, он принимал участие в странном ритуале, контактируя с захваченными обитателями консервирующего пузыря. С начала этого процесса люк корабля заполнился людьми и ротенами, которые пытались преодолеть золотой барьер. Но снаружи не было видно никакого движения. Те, кто внутри, по-прежнему кажутся восковыми статуями, изображающими существа с встревоженными лицами.

И только когда Ларк и все остальные пловцы отворачиваются, отвращают взгляды, «статуи» с поразительной быстротой меняют позы.

Согласно краткому объяснению Линг, нацарапанному на восковой дощечке, пленники живут в КВАНТОВО ОТДЕЛЕННОМ МИРЕ. Она добавила что-то о ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ СОЗНАНИЯ ОРГАНИЧЕСКИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ и, казалось, решила, что все объяснила. Но Ларк не понимал, почему так важно не смотреть. Какая разница? Несомненно, Сара поняла бы это лучше брата,

отсталого биолога. Я дразнил ее, говорил, что ее любимые книги заполнены бесполезными абстракциями. Концепциями, которые никогда не понадобятся джиджоанцам. Вероятно, это показывает, как мало я знал.

Для Ларка все это отдавало особенно неприятной магией, как будто капризная богиня Ифни специально изобрела этот золотой барьер, чтобы испытать терпение смертных.

К счастью, кольца микротреки давали пловцам весь необходимый воздух. Когда накопленные запасы кончались, маленькие торы разворачивали обширные перистые веера и помахивали ими в воде, как крыльями, высасывая для Ларка и остальных необходимый для дыхания кислород. Еще одна поразительная способность этих необыкновенно адаптирующихся кольчатых существ. Эти кольца вместе с костюмами из мембран скинков и реуками на глазах придавали пловцам сходство с загадочными морскими чудовищами — для тех, кто смотрел на них из пузыря. Наконец пленники установили электронный экран, на котором вспыхивали слова из блестящих букв англика. Слова эти были видны сквозь прозрачный барьер.

МЫ ДОЛЖНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ ВМЕСТЕ, сообщали

они.

Идея Ларка оказалась плодотворной. В отличие от трагической крепости Дуден эти пленники находятся в герметически закрытом корпусе, который не дает золотистой жидкости окутать их тела и жизненно необходимые механизмы. Больше того, холодное озеро уносит достаточно тепла, и поэтому работающие двигатели не повышают температуру внутри корабля. Пленники окружены, погружены в измененное время. Но они живы.

Когда Ларк смотрел на одного из ротенов, он ясно видел маску. Созданные реуком цвета делили харизматические черты, такие благородные с человеческой точки зрения, на две части, причем каждая часть обладала собственным ореолом. На верхней части лица лежит мясистый симбионт, предназначенный создавать высокий лоб, широкие скулы и величественный нос — неотъемлемый признак всех ротенов. Серая мертвенность свидетельствовала, что на глазах у ротенов линзы, а на красивых белых зубах коронки.

Впечатляющая маскировка, думал Ларк. Но даже и без масок ротены потрясающе гуманоидны. Несомненно, именно это сходство и породило

первоначальный план воздействия на впечатлительных землян в те давние наивные дни непосредственно после контакта, способствуя созданию замкнутого племени преданных последователей — даников. И если действовать осторожно и безошибочно, ротены могли использовать людей-посредников для всякой грязной работы. А если при этом даников поймают с поличным, виновата будет Земля.

Вообще те, кто в корабле, заслужили такую участь. Ларк проголосовал бы за то, чтобы там их и оставить, пока Джиджо не переработает отходы от них. Но теперь над всеми нависла еще большая опасность, а больше нигде не найти союзников для борьбы с джофурами.

Пленники казались взволнованными. Последняя строка их сообщения гласила:

ВЫТАЩИТЕ НАС ОТСЮДА!

Плывя в медленном течении, Ларк видел, как Ранн, рослый предводитель даников, написал на своей дощечке:

ВОЗМОЖНО, У НАС ЕСТЬ СПОСОБ.

ВЫ ДОЛЖНЫ ПРИГОТОВИТЬ ФОРМУЛУ.

ОНА ТАКОВА.

Ларк попытался схватить дощечку. Но Линг его опередила, она выхватила перо из сильной

руки Ранна. На той части его лица, которую было видно между реуком и кольцом для дыхания, отразилось вначале удивление, затем гнев. Но рослый мужчина был в меньшинстве и знал, что подводный самострел Джени Шен заряжен смертоносными стрелами. Сержант милиции наблюдала с такого места, где ее взгляд не мог помешать искаженному временем общению.

Линг заменила сообщение Ранна другим.

КАК ВЫ ПРЕДЛАГАЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ?

Она повесила доску на шнурке на шею, так что она оказалась на спине посланием наружу. По ее кивку Ранн и Линг одновременно повернулись. Ларк испытывал странное чувство, представляя лихорадочную деятельность за собой. Без наблюдателей снаружи экипаж ротенов-даников освобождался от застывшего времени, мог прочесть послание Линг, обсудить и подготовить ответ.

Я не читал книг по физике, думал Ларк. Но мне кажется ужасно странным, как это все действует.

Пловцы позволили инерции продолжить их движение и снова повернулись. Прошло всего несколько дуров с тех пор как они видели люк, но за это короткое время большинство ротенов и людей переместились. На электрическом экране

было новое сообщение.

ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ: УНИЧТОЖЕНИЕ ДЖОФУРОВ.

Ларк подавился смехом, и из его дыхательной трубки вырвались пузыри. Линг посмотрела на него и кивком головы выразила согласие. Но вторая часть сообщения была более серьезной.

ДРУГАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ: ПРЕДЛОЖИТЬ ДЖОФУРАМ ТО, ЧТО ОНИ ХОТЯТ.

ВЫКУПИТЕ НАШУ СВОБОДУ!

Ларк разглядывал неподвижные статуи. На лицах многих людей выражение отчаяния. Его не могло не тронуть, как они просят спасти им жизнь. В сущности, это не их вина. Их предки от их лица заключили глупую сделку, точно так же как мои. В те дни люди должны были быть безумными или слишком легковерными, сразу после столкновения землян с галактической культурой.

Требовались усилия, чтобы сердце ожесточилось, но Ларк знал, что обязан это сделать.

И снова Ранн попытался ответить, но его опередила Линг. Она написала:

ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ ПРЕДЛОЖИТЬ НАМ ВЗАМЕН?

Прочитав послание, Ранн и Ларк посмотрели на нее. Но Линг, казалось, не замечала, что

в сообщении не только общий, но и личный смысл. Они снова отвернулись, давая пленникам возможность прочесть и ответить. Медленно поворачиваясь по кругу, Ларк смотрел на нее, но живые очки делали невозможным прямой взгляд в глаза. Аура, создаваемая ее реуком, выражала мрачную решимость.

Ларк ожидал увидеть пленников в смятении, пораженными ее явно подразумеваемым переходом на другую сторону. Но потом понял. Они ведь видят только наши спины. И могут даже не знать, что среди нас Ранн и Линг!

ВСЕ, ЧТО ИМЕЕМ.

Откровенный ответ, выраженный сверкающими буквами.

Ответная реплика Линг тоже была откровенной и прямой.

РО— КЕНН РАСПРОСТРАНИЛ ЭПИДЕМИЮ, ПОРАЗИВШУЮ КВУЭНОВ И ХУНОВ.

А МОЖЕТ, И ДРУГИХ.

ИЗЛЕЧИТЕ ИХ ИЛИ СГНИЕТЕ ЗДЕСЬ.

При этом повторном обвинении Ранн едва не взорвался. Сдавленные проклятия донеслись из его гортани, вырываясь пузырями, и Ларк испугался, что эти проклятия могут услышать на поверхности. Звездный человек попытался

вырвать доску у Линг, схватившись с ней на короткое время. Но когда Ларк сделал движение поперек горла, Ранн оглянулся на Джени Шен, которая в сопровождении двух сильных молодых квуэнов приближалась из-за изогнутого борта корабля, размахивая своим смертоносным луком.

Плечи Ранна опустились. Он механически совершил очередной поворот. Ларк услышал низкий скрежещущий звук и понял, что рослый даник скрипит зубами.

Ларк думал, что пленники начнут с уверений в своей невиновности, и, конечно, когда они посмотрели в следующий раз, на экране было написано:

ЭПИДЕМИЯ? МЫ О НЕЙ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ.

Но Линг была непреклонна, и ее ожесточенность поразила Ранна. В сильных выражениях она предложила пленникам, своим бывшим друзьям и спутникам, в следующий раз говорить правду, иначе они будут предоставлены своей судьбе.

Это наконец вызвало неохотное признание.

У РО— КЕННА БЫЛО НЕСКОЛЬКО ВАРИАНТОВ.

ОН ИЗБРАЛ ТАКОЙ МЕТОД.

ВЫТАЩИТЕ НАС ОТСЮДА.

МЫ МОЖЕМ ПРЕДОСТАВИТЬ ЛЕКАРСТВО.

Ларк удивленно смотрел на женщину рядом с собой: его поражала сверкающая напряженность ее созданной реуком ауры. До сих пор она, должно быть, еще надеялась, что это ошибка, что в обвинениях Ларка против богов ротенов есть какая-то ошибка. Что существует какое-то альтернативное объяснение.

Теперь все эти «если» исчезли. И пламя ее гнева делало ауру Ранна бледной.

Пока оба даника кипели гневом — каждый по своей собственной причине, — Ларк взял доску, вытер ее и написал ответ.

НЕМЕДЛЕННО ГОТОВЬТЕ ЛЕКАРСТВО.

НО ЕСТЬ ЕЩЕ ОДНО.

НАМ НУЖНА ЕЩЕ ОДНА ВЕЩЬ.

Использование джофурами необычного оружия — они залили своих врагов химически синтезированным временем-пространством — имело смысл. Это соответствовало их природным способностям обращения с органическими материалами. Но в своем высокомерии их мастер-кольцо кое-что забыло.

У них есть родичи на Джиджо, которые верны Шести.

Конечно, местные треки лишены честолюбия, они несведущи в передовой галактической науке.

Тем не менее группа талантливых местных фармакологов проанализировала вещество — вязкую квазиживую ткань — исключительно при помощи вкуса. Не понимая таинственных временных эффектов этого вещества, они умудрились в своих железах создать ему контрагента.

К несчастью, дело не сводилось к созданию вещества по формуле, а потом к стиранию золотого кокона, окружавшего корабль ротенов. С одной стороны, противоядие смешивалось с водой. И применить его под поверхностью озера было непросто.

Но возможность все же была. У горы Дуден было установлено, что бусины сохранности старого мульк-паука можно протиснуть сквозь золотую стену, они проходили через барьер, как камень сквозь мягкую глину.

Ларк распорядился принести еще несколько предметов из сокровищницы существа, которое Двер называл Один-В-Своем-Роде. Проворные синие прижали несколько таких предметов к указанной части стены, напротив люка. Эти бусины были выпотрошены и превращены в сосуды, заткнутые с одной стороны пробкой из воска треки. Внутри каждого сосуда видны были машины и другие реликты эпохи буйуров, словно

насекомые, заключенные в янтаре. Только теперь эти предметы словно плавали в мыльной пене.

Вначале не было заметно никаких результатов усилий квуэнов. Вода резонировала от ударов и толчков, но никакого смешения не происходило. Ларк написал приказ.

НИКОМУ НЕ СМОТРЕТЬ!

Линг энергично кивнула. Когда раньше проводились эксперименты в опустошенном селении г'кеков, не было наблюдателей внутри. Точнее, не было живых существ. Здесь же за сценой наблюдали — странным перемежающимся образом — с обеих сторон кокона. Возможно, это наблюдение и объясняет, почему ничего не происходит.

Потребовалось какое-то время, чтобы дать понять тем, кто находится внутри, что им тоже нужно повернуться. Но вскоре ротены и люди с обеих сторон отвернулись. Молодые квуэны втянули зрительные полоски под панцири и толкали вслепую. Самый необычный способ что-нибудь сделать, подумал Ларк, глядя на затопленный ландшафт, некогда Поляну Праздников Общины Шести Рас. Всю жизнь учителя и предводители говорили ему: если хочешь хорошо выполнить работу, будь внимателен к тому, что делаешь. Но этот противоположный способ — ко-

гда достоинством становится невнимательность — напомнил ему, как некоторые найханские мистики в Долине практикуют «искусство джен», например, стрельбу из лука с завязанными глазами, вырабатывая отчужденность и готовность к Тропе Избавления.

Он снова посмотрел на Линг, биолога со звезд. Ее аура по-прежнему гневно кипела, хотя и более прохладными тонами. Она порвала прежние связи. Но появились ли у нее новые?

Что движет ею помимо мести? Ему хотелось бы уйти с нею в какое-нибудь укромное — и сухое — место и поговорить без осторожной игры их прежних разговоров. Но Ларк не был уверен, что она хочет того же. То, что его предположения оказались верными, вовсе не означает, что она поблагодарит его за то, что он разрушил идолов ее детства.

Подождав достаточно, Ларк кивнул, и все снова повернулись.

Ранн довольно хмыкнул, а у Ларка быстрей забилось сердце.

Бусины прошли почти все расстояние до сверкающей клетки! Уставшие синие довольно пускали пузыри, потом заторопились к роще бу, чтобы набрать воздуха из импровизированных

трубок.

Тем, кто стоял в люке ротенского корабля, Ларк написал:

ВСЕ УХОДИТЕ.

КРОМЕ ДВУХ МЕНЬШИХ ЛЮДЕЙ.

ПУСТЬ ОНИ НАДЕНУТ НЕ ПРОПУСКАЮЩИЕ ВОЗДУХ КОСТЮМЫ.

ПРИНЕСИТЕ ЛЕКАРСТВО!

Когда они в следующий раз повернулись к люку, он почти опустел. По ту сторону стояли только две женщины. Небольшого роста, хотя даже под герметическими костюмами Ларк различал хорошо развитые фигуры, с высокой грудью и осиной талией. Очевидно, они пользовались теми же услугами косметической биоскульптуры, которая сделала такими поразительно красивыми Линг и покойную Беш. Там, где вы можете создавать себя, подобно богу, совсем другая вселенная.

Ларк подплыл к месту, где из джофурского барьера торчала мульк-капсула. Большинство бусин находились глубоко внутри. Отверстие в импровизированной бутылке было заткнуто воском треки.

Из сумки Ларк достал инструмент, который ему дал один из техников, помощников Лестера Кембела. Нож для вскрытия консервных банок,

сказал этот парень.

Наша задача — привести растворяющую жидкость в соприкосновение с барьером, но не с водой озера, объяснил техник.

Наше решение — с помощью нового состава треки сделать полыми бусинки мульк-паука. Затем мы покрываем эти сосуды нейтральным воском и снова заполняем жидкостью-противоядием. Отверстие заткнуто, так что у нас есть запечатанный сосуд.

Я вижу, вы оставили внутри старый буйурский механизм, заметил Ларк.

Жидкость на него не подействует, а нам нужен механизм внутри. Не важно, что он делал в дни буйуров, важно то, что мы можем вновь привести его в действие, потянув за прикрепленную нить. И пробка выскочит, содержание сосуда вступит в контакт со стеной джофуров! Устройство надежное.

Ларк не был в этом уверен. Невозможно было сказать, будут ли хитрые самодельные электрические приборы работать под водой в окружении поля искаженного времени. Может быть что угодно, подумал он, нажимая на активатор.

К его облегчению, механизм буйуров сразу ожил, развернул придаток, свернутый и пружи-

нистый, как хвост шемблера.

Интересно, для чего ты предназначался, размышлял Ларк, глядя, как дергается и поворачивается машина. Обладаешь ли ты достаточным сознанием, чтобы задуматься, где находишься? Куда исчезли твои хозяева? Есть ли у тебя внутренние часы, показывающие, что прошло полмиллиона лет? Или внутри твоей бусины время остановилось?

Развернувшаяся рука забилась: машина пыталась освободиться — и дернула за веревку, привязанную к дальнему концу пробки. Пробка зашевелилась, остановилась, потом снова подалась.

Трудно было следить за событиями в «квантово отделенном времени». Эти события происходили словно рывками. Иногда следствие словно предшествовало причине. Ларк видел, как дальний конец предмета вращается, а ближний остается каким-то затуманенным. Такая странная манера напомнила Ларку картины «кубистов» на рисунках в древней книге, которую мать как-то взяла в архиве Библоса.

Наконец пробка полностью высвободилась. И сразу из носика самодельной бутылки в месте соприкосновения с золотой стеной начала

выливаться розоватая пена. Сердце Ларка забилось сильней, он почувствовал, как растущим жаром реагирует его амулет, осколок Святого Яйца. Левой рукой попытался пробраться сквозь защитные мембраны из кожи скинка, но не смог притронуться к вибрирующему камню. Пришлось выносить это ощущение, как терпишь зуд, когда невозможно почесаться.

Ранн удовлетворенно хмыкнул, когда пенное пятно расплылось, разъедая изнутри джофурский барьер. Расширяющееся отверстие вскоре соединилось с соседней «бутылкой», втиснутой в стену рядом с первой. И через несколько мгновений поступили свежие запасы разъедающей жидкости. Барьер содрогался, как живой, словно ему больно. Вокруг растущего углубления пробегали разноцветные волны: реук пытался передать странные эмоции.

Все были так захвачены этим процессом, что никто подолгу не смотрел внутрь, в люк с его двумя обитателями, пока случайное течение не утянуло Ларка в сторону. Без посторонних наблюдателей женщины даники, должно быть, переживали внутри время как некий линейный процесс. Они выглядели напряженными, отодвинулись подальше от розовой пены и по мере

приближения пузыря все больше жались к закрытому внутреннему люку. Сквозь прозрачные маски видно было выражение ужаса на лицах. Никто не знал, что произойдет, когда прорвутся шипящие пузыри.

Пузырь приближался также и к противоположной стороне барьера. Ларк пятился к остальным и обнаружил, что они отступили еще дальше.

Очевидно, если им удастся устроить туннель, он будет широким в середине и очень узким в обоих концах. К тому же материал стен не твердый. Это очень вязкая жидкость. И видно было, как к ране в барьере придвигаются свежие запасы. Даже если удастся открыть проход, он будет временным.

Если мы рассчитали неверно, если концы туннеля откроются в неверной последовательности, нам придется все начинать сначала. В пещере есть еще бутылки с разъедающим раствором. Но сколько у нас есть попыток?

Но он не мог избавиться от ощущения гордости.

Мы не беспомощны. Перед лицом превосходящей силы мы становимся изобретательными. Мы проявляем настойчивость.

Это осознание служило ироническим подтвер-

ждением истинности ереси, которую он разделял всю взрослую жизнь.

Мы не предназначены для Тропы Избавления. Как бы мы ни старались, нам никогда не достичь невинности.

Именно поэтому нам не следовало прилетать на Джиджо.

Наша судьба — звезды. Нам здесь просто не место.

НЕЛО

Старик не знал, что из увиденного самое печальное.

Иногда он жалел, что лодка не перевернулась во время дикого пробега через пороги. Тогда бы он не дожил до того, чтобы все это увидеть.

Потребовалось полдня напряженной гребли, чтобы вверх по течению добраться до деревни Доло. К тому времени как они добрались до груды бревен, которая когда-то было пристанью, молодые гребцы выбились из сил. На грязный берег выбежали жители, помогли вытащить лодку на сушу и перенести на берег Ариану Фу. Сильный хун, не обращая внимания на протесты Нело, подхватил его, как ребенка, и вскоре Нело в без-

опасности стоял у корней могучего дерева тару.

Многие уцелевшие жители апатично стояли поблизости, но другие организовали рабочие отряды, первой задачей которых стал сбор мусора. Особенно тел. Их нужно было быстро собрать и подвергнуть мульчированию, как требует священный закон.

Нело видел ряды трупов, в основном, конечно, людей. С тупым оцепенением узнал главного плотника и водопроводчика Джоби. Многие из рабочих лежали, грязные и изуродованные, на мокрой земле, многие пропали, их унесло вниз по течению, когда озеро обрушилось на мельницу и мастерские. Напротив, древесные фермеры почти не понесли потерь. Когда дамбу прорвало, они, как обычно, находились на ветвях деревьев.

Все молчали, хотя взглядами провожали бумажника. Нело шел вдоль рядов и морщился или стонал, узнавая лица своих рабочих, учеников или друзей. Добравшись до конца, он не повернул назад, но продолжал идти в прежнем направлении, к тому, что было центром его жизни.

В озере вода стояла низко. Может, наводнение уничтожило не все.

Вначале он испытал ощущение потери ориентации: Нело показалось, что его унесло далеко от

деревни, где он родился. Там, где раньше стояла спокойная вода, теперь почти на лигу раскинулся мутный поток. Через отверстие в его любимой дамбе текла река.

Для местных квуэнов дамба и дом — одно и то же. Теперь их улей был обнажен и разрушен. Катастрофа расколола надвое помещение для личинок. Отряды ошеломленных взрослых синих пытались перенести уцелевшие личинки в безопасное место, подальше от жестокого солнечного света.

Нело неохотно, с ужасом опустил взгляд туда, где рядом с изящным водяным колесом стояла его бумажная фабрика.

От его дома, мастерской, чанов для приготовления бумаги остался только фундамент.

Этот вид разрывал ему сердце, но когда Нело отвел взгляд, это не помогло. Чуть ниже по течению еще одна группа синих квуэнов вяло работала на берегу, пытаясь высвободить из какой-то сети одного из своих соплеменников. По тому, как неторопливо они действовали, можно было догадаться, что жертва мертва, может, запуталась в сети на мелком месте и утонула.

С несчастным видом Нело по знакам на панцире узнал мертвую пожилую самку — это была

сама Грызущая Бревно.

Еще один потерянный друг, удар для всех в верховьях Рони, кто ценил ее мудрость и доброту.

И тут он узнал ловушку, которая сумела погубить даже синего квуэна. Это была путаница дерева и металлических проводов. Что-то из дома самого Нело.

Драгоценное пианино Мелины, которое я заказал и очень дорого заплатил.

Наконец он смог застонать. Во всем мире у него в жизни оставалось только одно — хрупкая надежда, что дети где-то в безопасности и не увидят ничего подобного.

Но где такое место? Какое место может быть безопасным, если с неба может спуститься звездный корабль и уничтожить в несколько мгновений работу пяти поколений?

Из мрачных мыслей о самоубийстве его вырвали слова.

— Я этого не делал.

Нело повернулся и увидел поблизости еще одного человека. Тоже ремесленника, примерно его возраста. Это взрывник Хенрик, чей молодой сын сопровождал Сару и Незнакомца в путешествии в далекие земли. Вначале Нело не понял его слов. Проглотил комок в горле, прежде чем набрался

сил для ответа.

— Конечно, не ты. Говорят, прилетел корабль.

Взрывник покачал головой.

— Глупцы и лжецы. Либо не представляют ход времени, либо участники.

— Что это значит?

— Да, корабль пролетел над нами, все осмотрел. И полетел дальше. А спустя почти мидур пришла банда, в основном фермеры. Выбили пробки из моих зарядов в одном из пирсов и приложили фитиль.

Нело замигал.

— Что ты сказал? — Он посмотрел на Хенрика и снова замигал. — Но кто?…

Хенрик ответил одним словом:

— Джоп.

ЛАРК

Исследователи с торжеством вынырнули из холодного озера, добившись почти всего, чего хотели. Но их ждали плохие новости.

Усталость придавила Ларка. Помощники помогли ему раздеться и растерли полотенцами. Возвращение казалось странным, как будто жизнь на сухой земле проходила века назад.

Печальным голосом капрал-человек доложил о том, что случилось в его отсутствие.

— Поражены все наши серые, кашляют, выплевывая пузырчатую флегму. Потом заболели и молодые синие. Мы послали их к аптекарю наверх, но оттуда сообщают, что болезнь прогрессирует. Времени осталось немного.

Все внимание обратилось к женщинам-даникам, которые только что освободились из захваченного в ловушку корабля. Они все еще не пришли в себя — начиная в ворвавшейся под высоким давлением в люк воды, — когда наконец в стене образовалась щель. Затем кошмарное протискивание через отверстие, расширившееся лишь на краткий промежуток, отчаянное поспешное проталкивание, прежде чем туннель вновь закроется и навечно замурует их тела в золотистой жидкости, как бедных г'кеков в крепости Дуден.

Наблюдение за этими квантово искаженными фигурами заставляло Ларка нервничать. Он видел не две человеческие фигуры, а отдельные части человеческих тел, которые дергались в трубе, продолжавшей меняться вокруг них. Одну женщину он на мгновение увидел с внутренностями наружу. Это зрелище дало ему непрошеные

сведения о том, что она ела в последний раз.

Но вот они — живые — перед ним. Их еще тошнило от перехода, но две спасшиеся женщины выполняли свою часть договора. Они немедленно принялись работать с маленьким механизмом, который принесли с собой. В обмен на лекарство джиджоанцы помогут их товарищам выбраться из захваченного корабля, а потом будут совместно действовать против джофуров. Несомненно, это будет что-то отчаянное, требующее объединения знаний и ресурсов обеих групп плюс щедрую порцию удачи Ифни.

Все это предприятие было идеей Ларка, и он отводил ей такие же шансы на успех, как у кролика, который пробирается через логово лиггера.

— Каковы симптомы? — спросила первая женщина с рыжими волосам такого оттенка, какого Ларк никогда не видел на Джиджо.

— А разве вы не знаете, какой возбудитель? — спросила Джени Шен.

— На исследовательской станции находилось множество патогенных микробов, — ответила вторая женщина, красивая величественная брюнетка, которая показалась Ларку старше других даников. Выглядела она на сорок лет, и ей вполне могло быть двести.

— Если Ро-кенн действительно высвободил микроорганизм из этого запаса, — продолжала она, — мы должны установить, какой именно.

Даже без реука Ларк без труда видел ее фаталистическое нежелание это делать. Помогая ликвидировать эпидемию, она фактически признает, что Ро-кенн совершал геноцид и что на их корабле всегда есть запас средств для этого. Возможно, как и Линг, она до сих пор не подозревала об этом. Только полная беспомощность заставила ротенов раскрыть свои тайны перед слугами-людьми и сунерами на Джиджо.

Судя по выражению лица Ранна, рослый воин не соглашался с этим решением, и Ларк понимал почему.

Дело не только в нарушении правил морали и галактических законов. У наших местных хунов и квуэнов есть родичи там, средь звезд. Если до них дойдут сведения, они могут объявить вендетту ротенам. Или Земля подаст иск и потребует возвращения группы даников, которых ротены удерживают в течение двух столетий.

Конечно, если Земля еще жива. И в Пяти Галактиках еще существует закон.

Ранн явно считал, что риск слишком велик. Следовало принести в жертву корабль вместе с

экипажем, чтобы сохранить тайну.

Не повезло тебе, Ранн, подумал Ларк. Твои товарищи предпочли жить.

Пока Линг описывала болезнь, которая на глазах у всех пожирала Утена, Ларк услышал, как Ранн настойчиво шепчет Джени Шан:

— Если мы хотим вытащить остальных, то нужно проделать работу полностью. Понадобится переносить оружие и припасы. Нужно повторить формулу треки на самом корабле, чтобы создать долговременный проход.

Джени резко прервала его:

— После того как подтвердится действие лекарства, звездный человек. Или твоим товарищам и их хозяевам придется сидеть в собственном навозе, пока Джиджо не остынет.

Весьма красочно, подумал Ларк, мрачно улыбаясь.

Вскоре в машину ввели все относящиеся к проблеме данные.

— Многие хуны проявляют симптомы новой болезни, — напомнила Линг.

— Доберемся и до этого, — ответила рыжеволосая. — Потребуется мин или две.

Ларк смотрел, как мелькают на маленьком экране символы. Опять компьютеры, тревожно

думал он. Конечно, этот прибор гораздо меньше того, что они использовали у крепости Дуден. Это «цифровое сознание» может быть скрыто геологической активностью местности плюс пятьдесят метров сплошного камня.

Но можем ли мы быть уверены?

Прибор издал высокий писк.

— Синтез завершен, — сказала старшая женщина-даник, доставая из прибора маленький сосуд с зеленоватой жидкостью. — Здесь всего две или три дозы, но для проверки достаточно. На борту корабля мы можем начать массовое производство. Конечно, это означает, что нам понадобится постоянный проход.

Она явно считала, что на ее стороне теперь большое преимущество. Держа сосуд тремя пальцами, она продолжала:

— Теперь самое подходящее время для обсуждения, чем каждая группа поможет другой. У вас людская сила и численность, а мы можем…

Она замолчала: Линг выхватила у нее из руки сосуд и передала Джени Шен.

— Беги! — только и сказала она.

И Джени побежала, а вокруг нее с лаем прыгали два возбужденных нура.

Возвращения на плененный корабль придется

ждать до рассвета. Даже самый хороший реук не может усилить освещение, которого вообще нет.

Линг хотела, чтобы женщины-даники создавали противоядия от всех патогенных микроорганизмов, перечисленных в маленькой Библиотеке, — на случай если выпущены и другие болезни, о которых пока неизвестно, — но Ларк не разрешил. Со времени дуденской катастрофы компьютеры заставляли его нервничать. Он хотел, чтобы и этот небольшой работал как можно меньше. Пусть ротены производят новые вакцины на борту корабля и приносят вместе с другими припасами, сказал он, — если и когда будет создан новый туннель. Линг как будто собиралась спорить, но потом сжала губы и пожала плечами. Прихватив один из фонарей, она отошла в угол пещеры, подальше от Ранна и своих прежних товарищей.

Большую часть времени Ларк писал отчет для высоких мудрецов. Он запросил еще бутылок с жидкостью треки и описал общие очертания союза между Шестью Расами и их прежними недругами. Но особой веры в эту коалицию у него не было.

Они обещали и другую помощь, писал он. Но я советую проявлять осторожность. Учитывая

характеристику, данную Фвхун-дау ротенам как «мелким галактическим мошенникам», а также то, с какой легкостью они были захвачены, я предпочел бы почти любой договор, который удастся заключить с джофурами, за исключением такого, который позволил бы им совершать массовые убийства.

Восстание должно рассматриваться как самая крайняя мера.

Мудрецы могут счесть его рекомендации странными, поскольку именно его план и сделал возможным союз с ротенами. Но Ларк не видел никаких противоречий. Открытая дверь совсем не означает, что в нее нужно входить. Он просто считал, что нужно рассматривать все альтернативы.

Больше ничего не оставалось делать, как ждать, надеясь, что новости от врачей будут скорыми и хорошими. Нельзя было даже разводить костер в темной пещере.

— Холодно, — пожаловалась Линг, когда Ларк проходил мимо ее ниши. Он подыскивал место, где мог бы разложить свой спальный мешок, — не так близко к ней, чтобы она сочла его действия навязчивыми, но все же настолько близко, чтобы она могла позвать. Он остановился, думая, что бы

это могло означать.

— Приглашение? Или обвинение?

Более вероятным казалось второе. Линг было бы гораздо лучше, если бы она оставалась в высокотехнологичном жилище, купаясь в лучах мессианской веры.

— Верно, — ответил Ларк. — Холодно.

Трудно приближаться к ней. Трудно ожидать чего-нибудь, кроме отталкивания. Много месяцев их отношения были основаны на игре со взаимными договоренностями, напряженной борьбе умов — с мгновениями острого полуэротического флирта. Со временем он начал выигрывать, но в этом не его заслуга. Грехи ее богов ротенов дали ему могучее оружие и только одну возможность — уничтожить ее верования. С тех пор они вместе работают, двигаясь к общей цели, но больше личных разговоров у них не бывает.

В сущности, он заставил ее стать союзницей джиджоан и при этом потерял то, что у них было раньше.

Ларк не чувствовал себя победителем.

— Могу понять, почему тебя называют еретиком, — сказала Линг, нарушая неловкое молчание.

Ларк — от застенчивости или вызывающе — не

смотрел прямо на нее. Но теперь заметил, что у нее на коленях книга, и одна ее страница освещена тусклым огнем лампы. Это та самая книга по биологии Джиджо, которую написали они с Утеном. Работа всей его жизни.

— Я… я пытался не допустить, чтобы ересь вмешивалась в мои исследования, — солгал он.

— Как она могла не вмешаться? Твоя кладистическая таксономия противоречит классификации, выработанной галактической наукой за миллиард лет.

Ларк понял, что она делает, и обрадовался. Общая любовь к биологии — это нейтральная почва, куда не должны проникать чувства вины или стыда. Он подошел поближе и сел на каменный выступ.

— Я решил, что ты говоришь о моей джиджоанской ереси. Я участвовал в движении, — он поморщился, вспомнив своего друга Херуллена, — чьей целью было убедить Шесть Рас покончить с незаконной колонией добровольно.

Она кивнула.

— Добродетельная позиция, по галактическим стандартам. Хотя и нелегкая для органического существа, запрограммированного на секс и размножение.

Ларк почувствовал, что краснеет, и обрадовался темноте в пещере.

— Ну, теперь решение не в наших руках, — сказал он. — Даже если эпидемия Ро-кенна будет прекращена, джофуры, если захотят, могут нас уничтожить. Или передадут нас Институтам, и тогда у нас будет Судный День, предсказанный Священными Свитками. После последних нескольких месяцев это может восприниматься как облегчение. Во всяком случае мы всегда считали, что этим и кончится.

— Хотя ваши люди надеялись, что этого не случится до того, как вы избавитесь. Да, я знаю ваш джиджоанский ортодоксальный взгляд. Но я говорю о ереси в науке — о том, как вы с Утеном классифицировали живые существа в своей книге — по видам, родам, филюмам и так далее. Вы использовали старую кладистическую систему земной доконтактной таксономии.

Ларк кивнул.

— У нас было несколько текстов, объясняющих галактическую номенклатуру. Большинство наших книг — из земных архивов. Мало кто из земных биологов перешел на галактическую системологию ко времени отлета «Обители».

— Никогда не видела, чтобы кладистику при-

меняли к реальной экосистеме, — заметила Линг. — Ваша работа — очень сильный довод в ее пользу.

— Ну, мы так действовали по необходимости. Пытались понять прошлое и настоящее Джиджо, изучая один временной срез — тот, в котором живем сами. В нашем распоряжении были только особенности живых организмов и ископаемые, которые нам попадались. Это все равно что создавать историю континента путем изучения слоев породы. У землян ведь была своя наука и до контакта. Они словно подбирали улики преступления, когда тело уже окончательно остыло. А галактам никогда не требовалось пользоваться техникой интерполяции. На протяжении эпох они просто наблюдали и фиксировали подъемы и разрушения гор и расхождения видов. Или сами создавали новые виды с помощью генетической техники и возвышения.

Линг кивнула, обдумывая его слова.

— Нас учили презирать науку волчат. Вероятно, это отражалось на моем обращении с тобой, когда, ну, ты знаешь.

Если это извинение, Ларк с радостью принял его.

— Насколько припоминаю, я тоже не был с

тобой вполне честен.

Она сухо рассмеялась.

— Конечно, не был.

Снова наступило молчание. Ларк собирался еще поговорить о биологии, но понял, что делать этого не следует. То, что раньше помогало преодолеть неловкое молчание, теперь будет только помогать поддерживать отчужденность и нейтральность, которых он больше не хотел. И он неловко попытался сменить тему.

— А какая… — Он глотнул и попробовал снова. — У меня есть брат и сестра. Наверно, я их упоминал. А у тебя есть сестра там?…

Он не закончил вопрос и какое-то время опасался, что затронул слишком болезненную и личную тему. Но ее облегченный вид подсказал Ларку, что она тоже ищет путей к сближению.

— У меня есть младший брат, — сказала она. — И общая дочь, чьи старшие родители очень милы. Я по ним очень соскучилась.

В течение следующего мидура Ларк в смятении слушал рассказ о непонятном и сложном образе жизни даников на далеком аванпосту Пория. В основном он позволял Линг излить душу. Ведь теперь даже ее прежние товарищи по экипажу стали ей чужими, и вообще ничего прежнего не

осталось.

Позже казалось совсем естественным разложить спальный мешок рядом с ее. Разделенные слоями ткани и пушистого торга, их тела, не соприкасаясь, делились теплом. В глубине души Ларк чувствовал удовлетворенность, которой так долго ему не хватало.

Она меня не ненавидит.

Хорошее начало.

Второе погружение, казалось, прошло быстрей первого. Все немного привыкли к передвижению под водой, хотя пришлось заменить заболевших синих квуэнов добровольцами людьми.

Последние сообщения о ходе болезни звучали обнадеживающе. Образцы вакцины помогли первым испытуемым. Что еще лучше, их молекулы могли синтезировать треки. Но все равно еще рано было радоваться. Даже в случае полного излечения оставались проблемы распределения. Может ли средство добраться до всех далеких уголков, прежде чем там погибнут все квуэны и хуны?

В люке корабля ротенов они увидели несколько членов экипажа в костюмах для подводного плавания: трех людей и одного ротена, — а также несколько ящиков с припасами. Подобно фигу-

рам из воска, они стояли неподвижно, пока Ларк и Линг учили новых помощников тому странному искусству, которым сами овладели накануне. Потом наступило время проделать новый тоннель через золотое вещество времени.

Снова начались повороты, чтобы те, кто находится в люке, могли подготовиться. Снова добровольцы подплывали с бусинами сохранности, превращенными в бутылки с растворяющей жидкостью. Снова пришлось преодолевать сопротивление преграды, не глядя на нее. После первых нескольких попыток ничего не произошло, пока Джени не заметила, что один из новых работников с любопытством подглядывает. И вопреки сопротивлению воды так сильно ударила его, что все услышали резкий звук.

Наконец все было готово. Шесть бутылок с растворяющей жидкостью на разной глубине находились внутри барьера. Как и накануне, Ларк использовал «консервный нож» — древний буйурский механизм, который, в свою очередь, вытащил восковую пробку, начав цепную реакцию, которая проела отверстие в вязком материале. Ларк попятился, зачарованный необычным зрелищем: поползла розовая пена, начала образовываться впадина, а в ней причудливые

видения.

Неожиданно кто-то тронул его за плечо.

Это была Джени. Сержант милиции держала в руках восковую дощечку.

ГДЕ РАНН?

Ларк помигал и вслед за Линг пожал плечами. Рослый предводитель даников только что был рядом. Лицо Джени исказилось. Ларк на своей доске написал:

МЫ СЕЙЧАС НЕ НУЖНЫ.

МЫ С ЛИНГ ПРОВЕРИМ СЕВЕР.

ПОШЛИ ОСТАЛЬНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ НА ЮГ.

САМА ОСТАВАЙСЯ.

Джени неохотно с ним согласилась. Работа Ларка была почти завершена. Если туннель, как планировалось, откроется, через него сможет протиснуться очередная группа освобожденных, и Джени нужно будет проводить их вместе с багажом к пещере.

Линг кивком выразила согласие. Они с силой оттолкнулись и поплыли. Вдвоем они могут справиться с Ранном, если тот вздумает сопротивляться. Да и куда идти рослому мужчине? Как будто особого выбора у него нет.

Тем не менее Ларк встревожился. Если он их намного опередил, Ранн может доплыть до берега

озера и убежать. Может причинить неприятности, или, что еще хуже, его поймают джофуры и заставят все раскрыть. Ранн крепок, но сколько он продержится против галактической техники допросов?

Линг схватила его за руку. Ларк посмотрел вверх, куда она показывала, и увидел два ласта, медленно движущихся на сильных ногах.

Что он делает там наверху? — удивлялся Ларк, когда они поднимались вслед за даником. Поднявшись выше, они увидели, что Ранн уже вынырнул на поверхность! Голова и плечи его вышли из воды. Он хочет посмотреть на корабль джофуров? Мы все этого хотели, но никто не посмел.

Поднимаясь выше, Ларк почувствовал, как на него упала тень гигантского корабля. Впервые он осознал невероятные размеры этого шара, который полностью перегородил Поляну Праздников, превратив ее в озеро. Ларк вырос рядом с дамбой и представлял себе, каково давление такой огромной массы воды. Когда корабль поднимется, возвращаясь в свой дом меж звезд, будет сильнейшее наводнение.

Трубка во рту Ларка недовольно зашевелилась. Поставляющее воздух кольцо треки со свистом и

шипением приноравливалось к изменившемуся давлению. Но Ларка больше тревожило то, что Ранна могут заметить с корабля джофуров.

Если повезет, в костюме из мембран скинка его могут принять за кусок плавающего мусора, во что он и превратится, когда я до него доберусь! Дотянувшись до лодыжки даника, Ларк почувствовал, как его охватывает справедливый гнев.

Нога от неожиданности дернулась, потом с силой пнула, отбросив руку.

Линг снова потянула Ларка за руку, вторично на что-то показывая.

Ранн держал перед собой какой-то предмет — ротенский мини-компьютер! Гребя, он одновременно нажимал клавиши на его панели.

Ублюдок! Ларк устремился к поверхности, схватил прибор, больше не думая о том, что его могут увидеть издалека. Ранн с таким же успехом мог размахивать фонарем и одновременно бить в барабан!

Как только Ларк вынырнул, звездный человек попытался сильно ударить его — несомненно, искусный, хорошо натренированный удар, если бы дело происходило на суше. Но сопротивление воды лишило Ранна равновесия, и удар скользнул по уху Ларка.

Ощутив острую боль, Ларк увидел, как Линг вынырнула на поверхность и сзади схватила своего бывшего коллегу за горло. Ларк воспользовался тем, что внимание Ранна было отвлечено, уперся ногами ему в грудь и вырвал компьютер из рук рослого мужчины.

Увы, этого недостаточно, чтобы покончить с опасностью. Экран по-прежнему освещен. Он крикнул Линг:

— Я не знаю, как выключить эту проклятую штуку!

У нее были и свои неприятности: сильные руки Ранна ухватили ее и рванули. Ларк понял, что прежде всего нужно вывести из строя даника и сделать это быстро. Поэтому он обеими руками высоко поднял компьютер — и изо всех сил ударил Ранна по голове.

Без прочной опоры удар оказался слабее, чем рассчитывал Ларк, но внимание Ранна было отвлечено от Линг.

Второй удар был нанесен удачнее, послышался громкий шлепок. Ранн застонал и обвис в воде.

К несчастью, прочный компьютер продолжал работать. Даже после второго удара экран его светился.

Ранн плавал, широко разбросав руки; дыхание

его через кольцо треки было поверхностным. Линг подплыла к Ларку, ухватилась за его плечо. И наконец дотянулась до одного места на панели и нажала.

Так— то лучше, хотя, говорят, галакты могут проследить цифровое сознание, даже когда машина отключена.

Ларк закрыл крышку и выпустил компьютер из рук. Ему нужны обе руки, чтобы поддерживать Линг.

Особенно когда на них упала новая незваная тень. Тело Линг в его руках застыло.

Оба неожиданно ощутили холод.

Дрожа повернулись и посмотрели вверх, на то, что пришло к ним.

ДВЕР

Эта ночь была из числа самых необычных в жизни Двера, хотя началась она совершенно естественно — с ссоры с Рети.

— Я туда не пойду! — сказала Рети.

— Тебя никто и не просит. Когда я пойду вниз, ты направишься в другую сторону. Пройди с полліги на запад, к тому лесистому хребту, который мы миновали на пути сюда. Я видел там следы

хорошей дичи. Можешь поставить ловушки или поискать на берегу моллюсков. Их лучше жарить, но костер разводить нельзя.

— И я должна буду тебя ждать, верно? Чтобы наготове был горячий ужин для великого охотника, когда он вернется, победив в одиночку всю проклятую вселенную?

Сарказм должен был скрыть дрожь настоящего страха. Двер не льстил себе: Рети вовсе не за него боялась. Просто ей страшно было оставаться одной.

Сумерки опустились на дюны и болото. Горы так далеко, что стоят на горизонте неровной линией, затмевающей солнце. Убывающий свет давал наконец им возможность выбраться из дыры в песке и уйти из поля зрения разбитых кораблей. Перебравшись за вершину дюны, они стряхнули пыль с одежды и углублений тела, продолжая спорить хриплым шепотом.

— Говорю тебе, нам ничего не нужно делать! Я уверена, Кунн успел вызвать помощь, прежде чем упал. Скоро появится корабль ротенов и отыщет его. В любой дур он может спуститься сверху, освободить Кунна и забрать его добычу. А нам только нужно будет встать и покричать.

Во время долгого утомительного ожидания

Рети размышляла. Она решила, что корабль, полный колец треки, и есть та цель, которую искал Кунн, бросая глубинные бомбы, чтобы выгнать добычу из укрытия. Согласно этой логике, краткая небесная схватка была отчаянной попыткой сопротивления со стороны загнанного в угол врага. Кунн сумел ответить, и теперь добыча беспомощно лежит в болоте. Все лихорадочные усилия отремонтировать корабль пока ничего не дали.

Рети казалось, что скоро повелители ротены придут, чтобы завершить работу, и захватят треки. Ротены, конечно, будут довольны таким успехом. Настолько, что не обратят внимания на предыдущие ошибки Двера. И ее тоже.

Очень правдоподобная теория. Но в таком случае почему корабль треки нападал с запада, а не вылетел из воды, куда Кунн бросал бомбы? Двер не специалист в делах и ссорах звездных богов, но инстинкт говорил ему, что Кунна застали врасплох.

— В таком случае то, что я собираюсь сделать, должно понравиться твоим друзьям, — сказал он Рети.

— Если ты доживешь до их появления, в чем я сомневаюсь! Эти паразиты там внизу заметят

тебя, как только ты перевалишь через дюну.

— Может быть. Но я наблюдал за ними. Помнишь, когда мимо брело стадо болотных стомперов, жевало растения, поваленные при падении кораблей? Большие животные прошли мимо, и на них никто не обратил внимания. Думаю, их охранные роботы примут меня за местное животное.

— В этом ты прав, — сказала Рети.

— И оставят в покое, по крайней мере пока я не подойду очень близко.

— И что тогда? Нападешь на космический корабль со своим луком и стрелами?

Двер не стал напоминать Рети, что его лук когда-то казался ей сокровищем — добычей, ради которой стоило рискнуть жизнью, пытаясь ее украсть.

— Стрелы оставлю тебе, — сказал он. — У них стальные наконечники. Если я их возьму с собой, они поймут, что я не животное.

— Им следовало бы спросить меня. Я бы им сразу сказала, что ты…

…жена, довольно!

Это прозвучал высокий голос «мужа» Рети, который проворным языком счищал с нее песчинки.

…одумайся, жена! Храбрый юноша отвлечет глаза корабля, и мы с тобой сможем уйти! Все остальное — это просто разговоры… он хочет, чтобы мы могли безопасно скрыться, отнесись хорошо к мужчине-мальчику! Это ты по крайней мере должна сделать!

Рети мигала в ответ на выговор йии, а Двер удивлялся. Всегда ли урские мужья так обращаются со своими женами, ругают их из тяжелых сумок? Или этот йии особенный? Может, именно за это его и выгнала настоящая подруга?

— Это правда, Двер? — спросила Рети. — Ты приносишь себя в жертву ради меня?

Он попытался по ее взгляду определить, какой ответ заставит ее поступить так, как он хочет. Тускнеющий свет заставил его ограничиться догадками.

— Нет, неправда. У меня есть план. Рискованный, но я все равно хочу попробовать.

Рети смотрела на него так же внимательно, как он на нее. Наконец она коротко рассмеялась.

— Какой ты лжец! Йии прав насчет тебя. Ты слишком благороден, чтобы выжить, когда за тобой наблюдают.

«Ну вот, — подумал Двер. — Я сказал ей правду, надеясь убедить уйти».

Но Рети отреагировала неожиданно.

— Решено, — сказала она с упрямым видом, который он слишком хорошо знал. — Я иду с тобой, Двер, куда бы ты ни направился. Так что если хочешь меня спасти, давай вдвоем направимся на запад.

— Это не запад! — сердито прошептала она полмидура спустя.

Двер не обратил внимания на ее слова, по пояс в воде пробираясь по болоту. Жаль, что пришлось оставить йии с вещами, думал он. Маленький урский самец придавал «жене» хорошую дозу благоразумия и здравого смысла. Но он не выносит влагу.

Двер надеялся, что вскоре инстинкт выживания возьмет верх и Рети замолчит.

Они, почти обнаженные, брели по заросшему тростниками болоту к двум округлым силуэтам. Один побольше, его гладкие борта блестят, только в одном месте видна черная полоса. Второй лежит дальше, поврежденный и полузатонувший. Победитель и побежденный лежали тихо под бледным желтоватым сиянием Пассена, самой маленькой луны Джиджо.

Колонии длинношеих болотных лебедей гнездились в зарослях. Они дремали после трудного

дня, проведенного в охоте на отмелях и в кормлении потомства. Ближайшие поднимали свои копьеобразные головы, смотрели на двоих людей, потом, когда Рети и Двер проходили, снова опускали.

Грязь с ног до головы покрывала Двера и девушку-сунера, постоянным испарением частично скрывая их тепловое излучение. Согласно древним рассказам, из-за этого они должны казаться патрулирующим охраняющим машинам меньше, чем на самом деле. Двер также двигался извилистым медленным маршрутом, чтобы усилить впечатление, будто это охотящиеся животные.

Тонкие стрелки с прозрачными плавниками мелькали под поверхностью воды, задевая хвостами ноги. Далекий всплеск свидетельствовал, что где-то там, среди острых, как лезвие, стеблей трав охотится ночной хищник. Повсюду во влажных джунглях передвигались голодные существа. Рети как будто поняла это и на какое-то время замолчала.

Если бы только она знала, какой неопределенный план у Двера, могла бы завыть так громко, что вся спящая дичь поднялась бы в небо. В сущности, он руководствовался предположениями.

Ему хотелось поближе взглянуть на корабль нетреки и проверить свое впечатление от болота. Но чтобы сделать это, нужно соответствующим образом настроить сознание.

О чем я думал в тот день, когда впервые вступил в контакт — или это была первая галлюцинация — с голосом Одного-В-Своем-Роде?

Это произошло несколько лет назад. Он был в своем первом самостоятельном одиночном походе за Риммер. Повышение, перевод из учеников в группу мастеров-охотников, наполняло его возбуждением и духом свободы и приключений, ибо теперь он один из немногих в Шести Расах, кому разрешено идти куда угодно, даже за пределы заселенного Склона. Мир казался безграничным.

И однако.

И однако он по-прежнему отчетливо помнит момент, когда подошел к концу тропы через лес высоких бу — к окончанию соборного прохода шириной с человека и высокого, словно до луны. Неожиданно лес кончился, и Двер оказался под просторным голубым небом на краю скалистого чашеобразного пространства. Перед ним раскинулось мульк-озеро, расположенное на горном склоне и окруженное полями ломаных камней.

В этот момент перехода и временной потери

ориентации он ощутил не только приятное освобождение из замкнутого пространства. Все его сознание заполнило ощущение открытия, его зрительные способности на мгновение чрезвычайно УСИЛИЛИСЬ, он смог в деталях разглядеть буйурские руины. И неожиданно увидел древние башни такими, какими они были давным-давно, сверкающими и гордыми. И на то же мгновение Двер почувствовал себя дома.

Именно тогда он впервые услышал голос паука, шепчущий, уговаривающий, советующий заключить сделку. Справедливый договор. С помощью паука Двер перестанет жить, но никогда не умрет. Он соединится с великолепным прошлым, вместе с пауком будет путешествовать во времени.

Теперь, бредя в полутьме по болоту, Двер снова попытался испытать то же самое ощущение открытия. Судя по текстуре этого места, по его запаху и прикосновениям, здесь тоже некогда возносились в небо могучие башни, только здесь они были гораздо грандиозней, чем там, в горах. Разрушительная работа продвинулась далеко, мало что оставалось уничтожить или стереть. Но каким-то образом Двер знал, что здесь когда-то было и когда было.

Вот здесь некогда солнце приветствовал ряд

белоснежных обелисков, одновременно мистических и прагматичных в своем математически точном расположении.

У этого прозрачного фонтана буйуры размышляли и занимались многочисленными делами, недоступными его пониманию. А в небе летали торговые суда с десятков тысяч планет.

На улицах слышались голоса не только буйуров, но и мириада других мыслящих существ.

Это было великолепное время, но и утомительное для планеты, которая должна своей плотью питать такую энергичную, занятую цивилизацию. После миллиона лет интенсивного использования Джиджо отчаянно нуждалась в отдыхе. И силы разума предоставили ей такой отдых. Все деловитые голоса смолкли. Башни обрушились, и на их место пришла новая жизнь, которая призвана была залечить шрамы, появились более терпеливые, менее лихорадочно живущие существа.

Да?

Кто это?..

Слова возникли в сознании Двера, вначале еле слышные, неуверенные.

Кто зовет, кто отвлек нас от сонных размышлений?

Первым порывом Двера было отмести это как результат воображения. Разве не пострадала его нервная система, разве не испытала она страшное напряжение, когда пришлось переносить робота через реки? Бред — вполне ожидаемое явление после многих дней голодания. И привычка сопротивляться Одному-В-Своем-Роде требовала отмахнуться от голоса мульк-паука как от болезненной фантазии.

Кто болезненная фантазия?

Я, существо, которое спокойно переживает империи?

Или ты, поденка, живущая и умирающая за то время, которое требуется мне, чтобы увидеть сон?

Двер не торопился признавать существование этого голоса. Вначале он хотел убедиться. Осторожно идя вброд, он искал нити, которые заметил раньше, с вершины дюны. Многообещающим казался ближайший холмик. Несмотря на маскирующую растительность, у него были правильные очертания какого-то разрушенного сооружения. И действительно, вскоре путь Дверу преградили тросы, некоторые толщиной в его запястье, все они отходили от места, где когда-то стояло древнее здание. Двер поморщился от запа-

ха разъедающей жидкости, которую переносили эти переплетенные нити.

— Эй, да это болото-мульк! Мы натолкнемся прямо на паука!

Двер кивнул, без слов принимая замечание Рети. Если хочет уйти, она знает дорогу назад.

Пауки часто встречаются на Склоне. Молодежь любит блуждать в их логовах, хотя можно получить кислотный ожог, если не будешь внимателен. Время от времени какой-нибудь деревенский подросток умирает от глупой ошибки, когда слишком углубляется в паутину, однако такие места не утрачивают своей притягательности. Там, где твари с нитями медленно разъедают остатки прошлых дней, часто находят бесценные реликты буйуров.

Существует множество народных легенд об этих существах, чьи тела состоят из самих нитей. В некоторых легендах упоминается, что пауки могут говорить с членами Шести, хотя Двер никогда не встречал того, кто признался бы, что вступал в такой разговор. И тем более никогда не слыхал о другом таком пауке, как Один-В-Своем-Роде. Этот действительно заманивал добычу в свою сеть и заключал свои «уникальные» сокровища в гроб из твердеющего желе.

Ты его встречал? Того сумасшедшего паука с высот?

Ты действительно обменивался с ним мыслями? И спасся?

Как необыкновенно интересно.

Твой мозговой рисунок исключительно ясен для такого недолговечного существа.

Это большая редкость у поденок.

Ты единственный в своем роде.

Да, именно так разговаривал с ним Один-В-Своем-Роде. Это существо настойчиво. Или настойчиво воображение Двера.

Послышался чуть раздраженный ответ.

Ты льстишь себе, считая, что можешь вообразить такое возвышенное создание, как я. Хотя признаюсь, для преходящего создания ты интересен.

Итак, тебе нужно подтверждение объективности моего существования? Как я могу доказать, что существую?

Вместо того чтобы отвечать прямо, Двер продолжал рассуждать отвлеченно. Лениво подумал, что было бы интересно увидеть, как прямо перед ним зашевелятся нити.

Словно по твоему приказу? Забавная концепция.

Но почему бы и нет?

Приходи через пять дней. Ты увидишь, что за этот короткий промежуток все они переместятся и займут новое положение!

Двер презрительно усмехнулся про себя.

Недостаточно быстро, мой безответный друг? Ты видел, как существо-мульк передвигалось быстрей?

Да, но то был безумец, его свели с ума одиночество, большая высота и то, что камень был пропитан пси. Им овладела болезненная одержимость природой смерти и времени. Неужели ты ожидаешь от меня подобной же недостойной спешки?

Подобно Одному-В-Своем-Роде, этот мульк-паук каким-то образом может пользоваться памятью Двера, чтобы лучше строить фразы, более членораздельно говорить. Но Двер знал, что вслух разговаривать с ним не стоит. И заставил себя повернуться.

Подожди! Ты меня заинтересовал. Разговоры, которые мы ведем друг с другом, так медлительны. Ты мог бы назвать их вялыми. Мы без конца сравниваем мусор, который поедаем. И по мере того как мы стареем, эти медлительные разговоры становятся все более скучными.

Скажи, ты ведь из одной из тех фантастических рас, которые недавно поселились за горами? Тех, которые ходят и разговаривают, но почти ничего не строят?

Рети из-за спины Двера спросила:

— Что происходит?

Но он только знаком показал, чтобы она не приближалась к нитям мульк-паука.

Хорошо. Я подчинюсь капризу и сделаю это. Передвинусь для тебя!

Передвинусь, как не делал уже многие века.

Следи за мной, маленькая мерцающая форма жизни. Смотри сюда!

Двер оглянулся и увидел, как несколько нитей задрожали. Дрожь дур за дуром усиливалась, пока несколько самых крупных узлов не затянулись или не расплелись. Прошло еще несколько дуров, затем одна петля высунулась из воды, поднялась высоко, с нее капало, словно какая-то амфибия вынырнула из своего подводного дома.

Это было подтверждением не только реальности мульк-паука, но и здравого восприятия мира самим Двером. Но он подавил гордость и облегчение. Напротив, его охватило какое-то разочарование.

Молодой побег малого бу передвинется на

столько за несколько дней, думал он, не заботясь о том, чтобы спроецировать эти мысли на мульк-паука.

Ты сравниваешь меня с бу?

С бу?

Высокомерное насекомое! Это ты — фрагмент моего воображения! Ты всего лишь непереваренный кусок цемента или плохой стали, обеспокоивший мои сны.

Нет, подожди! Не уходи еще. Я чувствую, что могу убедить тебя.

Скажи, что тебе нужно. Скажи, что заставит тебя признать меня и немного поговорить со мной.

Двер почувствовал стремление обратиться непосредственно к пауку. Сообщить ему в форме просьбы свои желания. Но нет. Его многому научил опыт общения с Одним-В-Своем-Роде. Тот паук мог быть безумным, но сохранил многие свойства своего вида.

Двер знал, что паук не должен получать все легко. Поэтому изложил свою идею в форме фантазии мечты. Когда Рети снова попыталась прервать его, он жестом приказал ей молчать и продолжал рисовать как реальность то, что может убедить его в существовании паука. Что

именно способно произвести на Двера впечатление.

Мульк-существо казалось заинтересованным.

Правда?

А почему бы и нет?

Новый мусор, который ты имеешь в виду, уже привлек мое внимание. Эти большие груды чистого металла и летучих органических ядов — с такими мне давно не приходилось иметь дело.

Ты тревожишься, что этот мусор может снова улететь, заразить те части Джиджо, которые за пределами моей досягаемости? Боишься, что от них никогда не удастся правильно избавиться?

Не волнуйся больше, моя ответственная маленькая эфемерида! Я об этом позабочусь.

Предоставь это мне.

ОЛВИН

Я был прав! Фувнтусы — земляне!

С маленькими амфибиями я еще не разобрался, но большие шестиногие существа? Это дельфины. Такие, как в «Морском короле» или «Сияющем береге», только эти говорят и летают в космических кораблях! Как здорово!

И еще здесь есть люди.

Небесные люди!

Ну, по крайней мере несколько.

Я встретился с главной женщиной — ее зовут Джиллиан. Между прочим, она похвалила мой дневник. На самом деле она даже пообещала, если им удастся убраться отсюда и вернуться на Землю, найти мне агента и напечатать дневник.

Вы только представьте себе. Не могу дождаться, чтобы рассказать об этом Гек.

Но в обмен Джиллиан просит об одной услуге.

ЭВАСКС

О, как они увиливают!

Неужели это означает идти по Тропе, Ведущей Вниз?

Иногда разумная раса решает сменить курс, отвергает судьбу, избранную для нее патронами и кланом. Цивилизация Пяти Галактик предоставляет несколько возможностей для осуществления такого намерения. Но когда все они изменяют, всегда остается последнее убежище — дорога, ведущая назад, от межзвездного разума к животному. Дорога к второму шансу. К возможности начать все сначала, получить нового патрона.

Это Я/мы могу понять. Но должна ли эта дорога обязательно иметь промежуточную фазу — между разумным гражданином и бессловесным животным? Фазу, в которой эти полуразвившиеся виды становятся законниками?

Их послы стоят сейчас перед нами, цитируя параграфы галактических законов, которые сохранились в их священных преданиях. Особенно красноречив посланник г'кеков. Да, Мои кольца, вы узнаете в нем г'кека Вуббена, вашего «коллегу и друга» в те дни, когда вы были треки Асксом. О, как этот мудрец-среди-сунеров искусно пользуется логикой, доказывает, что его народ не несет ответственности за долги его рода перед нашим кланом, что он не подлежит правилам вендетты. Долгу уничтожения.

Груда, старший корабельный жрец, настаивает на том, что мы должны — ради формы — выслушать этот вздор, прежде чем продолжить справедливую месть. Но большая часть экипажа «Полкджи» на стороне капитана-лидера, гневные испарения мульчирующего сердечника которого становятся все сильней. Наконец капитан-лидер передает Мне/нам сигнал прекратить переговоры. Сигнал верному Эвасксу.

ДОВОЛЬНО! — прерываю Я Вуббена громким

тоном решительности оайлие. Все его четыре глазных стебелька удивленно сплетаются при нашем резком ответе.

ВАШИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ ОСНОВАНЫ НА НЕВЕРНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ.

Они стоят перед нами/Мной, ошеломленные нашей отповедью, и молчат. Такое молчание больше подходит полуживотным, чем вся эта бесполезная болтовня. Наконец мудрец квуэн, Ум-Острый-Как-Нож, наклоняет свой сине-зеленый панцирь и спрашивает:

— Могу я спросить, о каких предпосылках идет речь?

Наше второе кольцо мысли начинает отчаянно дергаться, и нам приходится подавить этот бунт сильными болезненными ударами, не давая мятежному кольцу продемонстрировать цветные клетки. Держите себя в руках, приказываю Я своим составляющим. Не пытайтесь подавать знаки своим бывшим товарищам. Этим вы ничего не достигнете.

Мини— восстание лишает меня возможности говорить властным голосом. Поэтому когда Я в следующий раз произношу слова вслух, звучат они более обычно. Но их смысл от этого не становится менее суровым.

— Ваши ложные предпосылки состоят из трех частей, — отвечаю Я на вопрос синего квуэна. — Вы предполагаете, что в Пяти Галактиках по-прежнему властвует закон.

Вы предполагаете, что нас должны сдерживать процедуры и прецеденты последних десяти миллионов лет.

Но прежде всего самое неверное ваше предположение в том, что нам это не все равно.

ДВЕР

Недостаточно было просто подольститься к мульк-пауку. Нужно было подобраться ближе и все время присматривать, потому что у паука не было концепции спешки.

Двер чувствовал, как паук сосредоточивается, перегоняет жидкости и собирает силы с периферии, которая тянется лига за лигой к берегу Трещины. Само представление о размерах этого существа ошеломляло. Этот паук несравненно больше того горного безумца, который едва не поглотил Двера и Рети. Этот титан находится на последней стадии уничтожения большого города, на пороге достижения своей цели, а следовательно, и конца жизни. Тысячелетия назад

он, возможно, не обратил бы на Двера внимания, как занятый рабочий не обращает внимания на скребущуюся в углу мышь. Теперь скука сделала его внимательным к каждому новому голосу, предлагая на мгновение выход из вечной тоски.

Но Двер продолжал колебаться.

Почему я мог вступать в коммуникацию с Одним-В-Своем-Роде? А теперь и с этим пауком? Мы ведь такие разные — существа, предназначенные для противоположных стадий планетного цикла.

Его чувствительность только усилилась, возможно, потому, что он соприкасался с силовым полем робота. Но она присутствовала с самого начала и, может быть, именно ей он обязан своими превосходными достоинствами охотника.

Эмпатия. Интуитивная способность понимать потребности и желания живых существ.

Священные Свитки проклинают такие способности. Псиспособности. Они не рекомендуются представителям Шести Рас, которые хотят навсегда уйти из великого театра космоса. Поэтому Двер никогда не упоминал о своей, не говорил о ней ни Саре, ни Ларку, ни даже Фаллону, хотя думал, что старый охотник что-то заподозрил.

Делал ли это я раньше? Он задумался над тем,

как уговорил паука действовать. Мне всегда казалось, что у меня пассивная эмпатия. Что я только прислушиваюсь к животным и действую соответственно.

Может быть, я все это время незаметно влиял на них? Когда я выпускаю стрелу, моя ли легендарная меткость всегда заставляет ее попасть в цель? Или я направляю полет дичи так, чтобы она оказалась на пути стрелы? Заставляю ли я танигера повернуть влево, именно туда, куда попадет мой камень?

Почему он почувствовал себя виноватым. Как будто поступал неспортивно.

Итак. А что сейчас? Ты умираешь с голоду. Почему бы не созвать к себе рыбу и дичь, чтобы ее можно было взять голыми руками?

Но Двер откуда-то знал, что из этого ничего не выйдет.

Он покачал головой, готовясь заняться только самыми насущными проблемами. Прямо впереди округлые силуэты отгрызали неровные куски от звездного неба. Два звездных корабля, неподвижные, однако по-прежнему загадочные и смертоносные. Двер окунул палец в воду, попробовал и поморщился: какая-то отвратительная жидкость вытекала из обоих упавших кораблей

в болото.

Но вот чувствительный слух Двера уловил звуки, доносившиеся от большего корабля. Звон и тяжелые удары. Несомненно, экипаж круглосуточно занят ремонтом. Несмотря на уверения Рети, Двер совсем не был уверен, что при свете дня появится корабль ротенов и повиснет над головой, чтобы забрать и потерянных товарищей, и долгожданную добычу. Более вероятным казалось как раз противоположное.

Но в любом случае ему предстоит работа.

Пока не получу новых указаний от мудрецов, я должен действовать по плану Дэйнела Озавы.

Он сказал, что мы должны защищать Джиджо.

Звездным богам здесь не место, как не место и сунерам. И даже в большей степени.

Крик болотного вьюрка заставил Двера еще больше погрузиться в воду.

Это кричала, подражая птице, Рети. Она на наблюдательном пункте в буйурских руинах возле дюн. Двер осмотрелся поверх тростников и увидел светящиеся очертания — патрульный робот, посланный застрявшими в болоте нетреки, возвращался из своего спирального маршрута.

На этот раз паук почувствовал его тревогу и заинтересовался.

Еще мусор?

Стараясь оставаться отчужденным, Двер посоветовал ему заняться делом, а летающие предметы пусть его не беспокоят.

Твоя память утверждает, что один из таких парящих механизмов убил моего брата на высотах. Может, он и был безумцем, но его работа осталась незавершенной. Кто теперь ее закончит?

Справедливый вопрос. На этот раз Двер сформулировал ответ в словах.

Если мы переживем этот кризис, мудрецы посадят зародыш мульк-паука у озера. По нашему мнению, помогая уничтожать остатки буйуров, каждое поколение Шести оставляет Джиджо немного более чистой и компенсирует тот небольшой ущерб, который причиняем мы. Свитки говорят, что это может облегчить наше наказание, когда начнется суд.

Но не тревожься из-за этого робота. У тебя есть цель, на которой нужно сосредоточиться. Там, в корпусе большего корабля, есть трещина, отверстие.

Двер почувствовал, как шевелятся волосы на затылке. Прижался, безошибочно ощутив приближение гравитационного поля. Очевидно, это

более мощный робот, чем тот, который он едва не победил в схватке у поселка сунеров. Тот робот все еще скрывается в норе в дюне, а они с Рети взялись за его врагов.

Двер прижался, как животное, и даже попытался думать, как зверь, когда вода вокруг него задрожала, как барабан квуэнов. Закрыл глаза, но его преследовали видения. Искры летят от урского горна. Жгучая пена покрывает затонувшую деревню. Звездный свет блестит на коже странной рыбы, пасть которой, похожая на пасть нура, раскрывается в сухой усмешке.

Поле ослабло, неприятное ощущение прошло. Приоткрыв глаза, Двер увидел, что робот летит на восток вдоль фосфоресцирующей линии прибоя, а затем исчезает среди дюн.

Теперь у основания большего звездного корабля собралось много нитей; извиваясь, они поднимались все выше. Вся безумная идея основывалась на одном допущении — что система защиты корабля, и так уже поврежденная, будет настроена на обнаружение «неестественного», например, металлических предметов или источников энергии. В нормальных условиях простые растения и животные не представляют угрозы для корабля с его мощными стенами.

Сюда?

Вопрос паука сопровождался мысленным изображением рваной трещины в борту корабля нетреки — результата ответного выстрела Канна, когда его корабль уже был охвачен пламенем и падал. Зрительный образ, который воспринимал Двер, был нечетким, как во сне, видны были только самые главные детали. В то же время Двер ощущал сильный запах субстанции. Паук не знает, как работают машины галактов или из чего они сделаны — и какие именно разъедающие жидкости скорее всего уничтожат это осквернение невозделанного мира Джиджо.

«Да, сюда, — ответил мысленно Двер. — А также везде вокруг».

Кроме прозрачного окна для наблюдений, добавил он. Нет смысла настораживать эти существа, покрывая их окна извивающимися нитями. Пусть обнаружат сами утром. К тому времени, с помощью удачи Ифни, будет уже поздно.

«Помни», — начал он. Но паук прервал:

Знаю. Я использую самые прочные нити.

Мульк-моноволокно — самый прочный известный Шести материал. Двер собственными глазами видел, как на такой нити поднимали гондолы до самого верха горы Гуэнн. Но у звездно-

го экипажа могут быть инструменты, способные разрезать и такой прочный материал. Если только внимание не будет отвлечено.

Шло время. В лунном свете болото казалось живым и полным движений — везде рябь и рваные подергивания. Это вокруг корабля собиралось все больше нитей. Мимо Двера проползали змееобразные тросы, но он не чувствовал ужаса, к которому привык при контактах с Одним-В-Своем-Роде. Намерение — это все. Каким-то образом Двер понимал, что огромное существо не питает к нему зла.

Через неравные интервалы Рети предупреждала о возвращении робота. Двер опасался, что робот может обнаружить трусливую машину даников, которая прячется под песком. Если это произойдет, встревоженные джофуры могут выйти и залить болото ослепительным искусственным освещением.

Со всеми предосторожностями Двер обогнул корабль. Считая шаги, он мысленно перенесся в Серые Холмы, где сейчас Лена Стронг и Дженин Уорли объединяют род Рети с выжившими урскими сунерами, создавая единое новое племя.

Нелегкая задача, но если кому-то она под силу, то именно этим двум.

Тем не менее он жалел их. Должно быть, со смертью Дэйнела Озавы им совсем одиноко. А меня унесла в своих клешнях машина ротенов. Меня они тоже, наверно, считают мертвым.

Но у Дженин и Лены есть «наследство» Дэйнела Озавы: книги и инструменты, и им помогает урский младший мудрец — предводительница отряда уров. Даже оставшись одни, они могут справиться. И задача Двера — сделать так, чтобы никто не мог прилететь и помешать им.

Он знал, что его план рискован. Ларк, окажись он здесь, конечно, придумал бы что-нибудь получше.

Но здесь только я. Двер, дикарь с Джиджо. Не повезло планете.

Голос паука послышался, когда Двер оказался по другую сторону корабля, там, где к закрытому люку вела рампа.

Сюда тоже?

Сознание заполнилось изображением еще одной трещины в борту поврежденного корабля. Сквозь рваное отверстие лунный свет пробивался внутрь. Там виднелось множество механизмов. Становилось все теснее, по мере того как все новые нити проникали внутрь, с них капала разъедающая жидкость. Но Двер почувствовал,

что его внимание привлекают к чему-то глубже. К противоположной стене.

В этой стене тоже щель, и сквозь нее пробивается свет. Не слабое освещение, а резкое, синее и синтетическое, оно приходит из какого-то помещения внутри.

Корабль, вероятно, больше не герметичен.

Жаль, что это произошло не на высокогорье. Треки ненавидят холод. Проникающий внутрь ветер с ледников — как раз то, что здесь пригодилось бы!

Нет, ответил он пауку. Не проникай в освещенное пространство. Еще не время.

Голос серьезно и задумчиво ответил:

Это свет… он может помешать моей работе?

Двер подтвердил. Да. Свет может помешать.

И забыл об этом, потому что краем глаза уловил движение на юго-востоке. Огибая груды нитей мульк-паука, к нему приближалась темная фигура. Двигалась она украдкой.

Рети! Но она должна наблюдать.

Сейчас не время для ее импульсивных поступков. Менее чем через мидур взойдет большая луна, а им надо уйти раньше, чем нетреки очнутся и поймут, что происходит.

Он устремился к девушке, стараясь не шуметь.

Нити мульк-паука с какой-то сверхъестественной вежливостью освобождали ему путь. Девушка, очевидно, направляется к другому кораблю, тому некогда могучему небесному судну, с которого Кунн, преследуя загадочную добычу, бросал в Трещину бомбы. Двер и Рети с вершины дюны видели, как серебристая стрела упала в болото, а два человека были взяты в плен.

Это может произойти и с нами. Больше, чем когда-либо Двер пожалел, что пришлось оставить «урского мужа» Рети — ее совесть и голос здравого смысла.

Относительно этого света, который может помешать.

Думаю, ты хотел бы знать.

Я о нем позаботился.

Двер постарался отмахнуться от этого мысленного прикосновения: он пересекал открытое пространство, и все его чувства были насторожены. Когда ему удалось свернуть к двум поросшим тростником холмикам, положение слегка улучшилось: теперь с корабля нетреки его невозможно увидеть. Но где-то по-прежнему патрулирует охранный робот. Лишившись наблюдателя, Двер мог полагаться только на собственные чувства, которые должны предупре-

дить его о приближении робота.

Он до подмышек погрузился в воду, преодолевая глубокое место, и почувствовал предупреждающую дрожь.

За мной наблюдают.

Двер медленно повернулся, ожидая увидеть блестящее оружие безлицего убийцы. Но не машина с гладкими бортами висела над холмиком. Двер увидел наблюдающие за ним глаза — в самой высокой точке, на возвышении, которое могло быть стеной буйурского дома. Увидел оскаленные в улыбке острые зубы.

Грязнолапый.

Опять нур это сделал.

Когда-нибудь я посчитаюсь с тобой за те случаи, когда ты пугал меня до полусмерти.

На этот раз у Грязнолапого был спутник — маленькое существо, которое он держал в лапах. Какая-то недавняя добыча? Она не сопротивлялась, но крошечные зеленые глазки как будто смотрели с холодным интересом. Улыбка Грязнолапого приглашала Двера догадаться, кто его новый друг.

Но у Двера не было времени для игр.

— Наслаждайся, — пробормотал он и двинулся дальше, начал взбираться на грязный берег. И

как раз огибал в поисках Рети дальний угол, когда сзади послышался звук. Раскатились гулкие удары и звон. Двер присел и оглянулся на больший корабль.

Борт казался невредимым — гладкая колесница звездных полубогов, готовая в любое мгновение унестись в небо.

Но тут над рампой в борту появилась прямоугольная трещина, и из нее потянулись, как призраки в ночи, клубы едкого дыма.

Помеха устранена.

Мысленное прикосновение паука было полно чувства удовлетворенности.

Сквозь тучи сажи по рампе скатывались темные фигуры, визжа от боли. Двер насчитал трех нетреки, затем две спотыкающиеся двуногие фигуры, опиравшиеся друг на друга, когда убегали от ядовитых клубов.

То, что последовало, вызвало у Двера тошноту: груды разделились на отдельные извивающиеся кольца, соскальзывающие с воскового сердечника, который делал их единым существом. Один большой тор вырвался из мрака, он бежал на пульсирующих ногах без направления или руководства, за ним тянулся слизистый след и какие-то волокна. Тор упал в глубокую воду. Другое

беспомощное кольцо упало, глядя сразу во всех направлениях полными страха глазами, но тут его поглотили черные испарения.

Я не действовал так — с такой энергией и решительностью — с тех ранних дней, когда еще уцелевшие одушевленные машины буйуров пытались после отлета хозяев скрыться и размножаться среди развалин. Тогда мы были полны сил и свирепости, мы, мульк-агенты разрушения. Нам еще предстояли долгие века терпеливой эрозии.

Ты видишь теперь, как эффективно мы могли действовать в случае необходимости? Признаешь меня теперь, о уникальная молодая эфемерида?

Двер повернулся и побежал, разбрасывая пену.

Разведчик ротенов был расколот посредине, крылья его обломились. Двер отыскал люк и забрался внутрь. Металлическая палуба казалась холодной и чужой под его босыми ногами.

Внутри не было даже слабого лунного света, поэтому ему потребовалось время, чтобы отыскать в темном углу Рети.

Девушка доставала из шкафа ротенские сокровища и прятала в свой мешок. Что она ищет? Пищу? После всех тех ядов звездных богов, кото-

рые выплеснулись во время крушения?

— У нас нет на это времени, — крикнул он. — Надо убираться отсюда!

— Дай мне один дур, — ответила девушка. — Я знаю, это здесь. Кунн держал ее на одной из полок.

Двер высунул голову в люк и осмотрелся. Снова появился охранный робот, он висел над кораблем нетреки, ярко освещая болото внизу. Расходился густой дым, и Двер ощутил что-то сладкое во рту, от чего одновременно затошнило.

Неожиданно его чувства получили новый удар — звук. Воздух сотрясли несколько резких нот. Над водой натянулись линии, это сотни нитей, окружавших корабль, напряглись, как тросы праздничного павильона. Некоторые лопнули от напряжения и, извиваясь, отскочили. Одна из таких нитей ударилась о выжившую груду колец, отбросив верхние торы в болото. Нижние беспомощно и слепо дергались. Другие выжившие торопливо отступали глубже в болото.

Робот спустился, свет его прожектора сузился, превратился в режущий луч. Под этим нападением одна за другой лопались нити. Но было уже поздно, слишком поздно. Кто-то или что-то подрыло грязь под кораблем, и он начал погружаться

в мутный склеп, грязная вода с бульканьем устремилась в люк.

— Нашла! — закричала Рети; голос у нее был на редкость счастливый. Она присоединилась к Дверу у входного люка, прижимая к груди найденное сокровище. С тех пор как он впервые ее увидел, эта штука пережила много любопытных прикосновений и проверок, так что теперь ее даже в тусклом свете невозможно было принять за живое существо. Еще один проклятый робот, подумал Двер. Ифни-проклятая штука принесла ему больше неприятностей, чем он способен сосчитать. Но для девушки сунера это символ надежды. Первый предвестник свободы в ее жизни.

— Пошли, — сказал Двер. — Этот корабль — единственное убежище поблизости. Выжившие уже идут сюда. Нам нужно уходить.

Спускаясь в болото, Рети довольно улыбалась. Она послушно следовала за ним, как будто у нее больше не было необходимости восставать.

Двер знал, что должен быть доволен. Его план сработал на удивление удачно. Но он испытывал только ощущение пустоты.

Может, это потому, что я был ранен, избит, истощен и изголодался, и теперь мне все равно.

Или мне никогда не нравилась эта часть охо-

ты.

Та часть, когда приходится убивать.

Они отступили от обоих разрушенных кораблей в ближайшие заросли. Двер пытался выбрать лучший маршрут для отхода к дюнам, когда услышал голос.

— Привет. Мне кажется, нам нужно поговорить.

Двер был благодарен мульк-пауку. И если тот хочет, он должен с ним поговорить и признать его заслуги. Но он был слишком истощен для умственных усилий. Не сейчас, мысленно ответил он. Позже, обещаю, если мы переживем эту ночь.

Но голос настаивал. И Двер скоро понял: слова не заключены внутри его головы, они висят в воздухе, и у них низкий, знакомый тон. Они доносятся из пространства прямо над головой.

— Эй, люди в болоте. Вы меня слышите?

Голос затих, как будто говорящий отвернулся и обратился к кому-то еще.

— Вы уверены, что эта штука работает? — спросил он.

Удивленный, Двер обнаружил, что, вопреки здравому смыслу, отвечает на этот вопрос.

— Откуда мне знать, что работает, а что нет? Кто, во имя Джиджо, вы такие?

Теперь голос снова слышался отчетливо. С явным удовлетворением он ответил:

— Ага, хорошо. Значит, связь установлена. Это здорово.

Теперь наконец Двер увидел, что слова исходят от Грязнолапого, который сидит сразу над ним, решив приставать с этого нового насеста. И у нура теперь новый спутник — тот самый, с зелеными глазами.

Рети удивленно ахнула, а Двер неожиданно понял, что этот новый спутник удивительно напоминает ее птицу!

— Ну хорошо! — проворчал Двер. Бесконечные игры Грязнолапого истощили его терпение. — Уноси лапы или рассказывай, что происходит.

Тварь с зелеными глазами испустила низкий рокочущий звук, удивительно громкий для такого маленького объема. Двер замигал, удивленный поразительным сходством с ворчанием хуна.

— Хрр-р-м. Для начала позвольте мне представиться. Формальное имя, которое дали мне родители, Хф-уэйуо. Но вы можете называть меня Олвин.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПРИТЧА

— Мастер, — сказал ученик, — вселенная так сложна, что Создатель не мог сотворить ее одной своей волей. В составлении ее плана, в приказах ангелам исполнить его волю Он должен был пользоваться компьютерами.

Великий ученый долго обдумывал этот вопрос и наконец ответил отрицательно.

— Ты ошибаешься. Никакая реальность не может быть создана вычислительной машиной, которая находится в этой самой реальности. Бог не пользовался компьютерами при сотворении вселенной. Он пользовался математикой.

Ученик долго думал над этими мудрыми словами, но затем стал настаивать на своем.

— Возможно, это справедливо по отношению к планированию и сотворению мира — и к предвидению последствий его сотворения, но как же обслуживание и поддержание порядка? Космос обширен и очень сложен. Каждую фемосекунду нужно делать выбор, и соответственно живые существа сохранят жизнь или погибнут.

Как могут помощники Создателя следить за этими мириадами разветвлений без компьютеров?

И снова великий мудрец укоризненно покачал головой.

— Это решает Ифни, великая помощница Творца. Но ей не нужны сложные инструменты для решения местных проблем.

Именем Творца она правит миром при помощи игральной кости.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» КАА

Когда все пятеро дельфинов собрались перед маленьким голографическим экраном, наблюдая в реальном времени, как проходит экспедиция, в маленьком подводном убежище стало тесно. Картины далекого нападения были нечеткими, но от них замирало сердце.

Брукида, Заки и Мопол теснились слева от Каа, но он острее ощущал присутствие справа Пипое: она работала грудным плавником, чтобы удержать глаза на одной линии. Ее присутствие нарушало умственное и гормональное равновесие Каа, особенно когда ее течением прижимало к нему. Для Каа это было ироническим подтвер-

ждением многосложной природы его разумного сознания: он одновременно больше всего хочет быть с ней и боится оказаться рядом.

К счастью, зрелище на экране позволяло отвлечься. Оно передавалось по тонкому волокну из скрытой камеры, расположенной в сотнях километров, на песчаном берегу над Трещиной. Низко нависали густые облака, превращая день в сумерки. Но при усилении наблюдатель мог различить в синей воде приближающиеся к берегу тени.

Неожиданно линия прибоя словно взорвалась, выбросила бронированные фигуры — шестиногие чудовища с горизонтальными цилиндрическими телами, заметно расширяющимися сзади. Фигуры устремились на берег, через береговое болото, стреляя по пути из лазеров. Нападающих сопровождали три летающих робота; они устремились к захваченному врасплох противнику, и с них еще капала вода.

Укрепление противника представляло собой всего лишь грубый матерчатый навес у подветренного борта космического корабля. Единственный сторожевой робот при виде нападающих взвыл и поднялся в воздух и тут же превратился в дымящиеся обломки, которые по-

грузились в болото. Выжившие джофуры могли только беспомощно смотреть на приближение нападающих. Глазные ячейки ошеломленно уставились, неспособные осмыслить подобное унижение. Возвышенные существа, захваченные в плен простыми дельфинами.

Самой младшей расой земного клана волчат.

Каа прекрасно себя чувствовал, наблюдая, как товарищи по экипажу справляются с этими ненавистными жирными грудами колец. Джофурский союз безжалостно преследовал «Стремительный» на звездных линиях. Эта скромная победа приносит почти такое же удовлетворение, как другой рейд на планете Оакка, где решительные действия позволили захватить вражескую базу с тыла и освободили «Стремительный» из еще одной ловушки.

Только тогда мне не пришлось следить издали. Я пилотировал корабль, чтобы забрать инженера Д'Аните, и всю дорогу приходилось уворачиваться от огня.

В те дни он еще был Каа «Счастливчиком».

Вместе с Пипое и остальными он наблюдал, как лейтенант Тш'т металлическими руками своей установки для ходьбы показывает вправо и влево, приказывая подчиненным отогнать пленных

к берегу, где из воды вынырнул китоподобный гигант, раскрывая огромную пасть.

Несмотря на густые облака, нападающим нужно было как можно больше сократить эту фазу, чтобы избежать обнаружения.

Один пленный джофур споткнулся в прибое. Составляющие его кольца дрожали, угрожая соскользнуть с соединяющего сердечника. Мопол при виде неприятностей врага радостно защелкал и забил плавниками так, что забрызгал потолок невысокого убежища.

Пипое послала Каа короткий сонарный щелчок, привлекая внимание к поведению Мопола.

— Понимаешь, что я имею в виду? Заметила она на сжатом тринари.

Каа кивнул в знак согласия. Все признаки болезни исчезли, сменившись первобытным возбуждением. Несомненно, Мополу хотелось участвовать в рейде, помучить мучителей.

Пипое, естественно, была недовольна. Ей пришлось в одноместных санях добираться сюда по незнакомым водам, полным пугающих звуковых теней, лишь для того чтобы диагностировать случай лихорадки кингри. Слово это в переводе на англик означало «симуляция». Космонавты дельфины знают много хитроумных способов,

как изобразить симптомы пищевого отравления, чтобы выдать себя за больного и не выполнять свои обязанности.

— Я так и думал с самого начала, — сказал ей еще раньше Каа. — Это решение Макани — на всякий случай прислать сестру.

Но это не смягчило Пипое.

— Долг лидера — создавать мотивации, — насмешливо ответила она. — Если работа трудная, мотивация должны быть сильней.

Каа все еще морщился от ее насмешек. Но ее слова вызвали у него и изумление: у Мопола нет причин симулировать болезнь. Несмотря на другие свои недостатки, этот член экипажа никогда не был замечен в лени. И условия на аванпосте приятнее, чем на «Стремительном», где большую часть времени приходится дышать раздражающей оксиводой и стараться уснуть в окружении причудливых сонарных эффектов, созданных водой под большим давлением. Здесь волны шелковистые, рыба вкусная, а работа — слежка за неприятелем — разнообразная и занимательная. Зачем Мополу изображать больного, если это означало оставаться в тесном подводном жилище рядом только с престарелым Брукидой?

На экране полдюжины ошеломленных джо-

фуров заводили в подводную лодку, а на берегу лейтенант Тш'т разговаривала с двумя местными людьми в грязном тряпье: молодым парнем и еще более молодой девушкой, которые казались очень истощенными и уставшими. Юноша хромал, в руках он держал лук и колчан со стрелами, а его спутница сжимала маленький сломанный робот.

Брукида воскликнул, узнав разведчика собственного изготовления, сделанного несколько месяцев назад и отправленного на берег в облике джиджоанской птицы.

Молодой человек указал на ближайшую дюну и что-то сказал: камера не уловила его слов. Почти сразу же три боевых робота землян окружили дюну и осторожно повисли над ней. Несколько мгновений спустя в туче песка появился другой робот, больше по размеру и явно пострадавший в предыдущей стычке. Он нерешительно остановился, как будто не в силах решить, сдаваться или самоуничтожиться. Наконец поврежденная машина поплыла к берегу, где дельфины в экзоскафандрах переносили на подводную лодку еще двух человек на носилках. Эти люди тоже были с ног до головы в грязи. Но под грязью видно было, что на более рослом мужчине одежда

галактического изготовления. Пленный робот повис над этим мужчиной и сопровождал его на борт лодки.

Последними поднялись на борт Тш'т и два человека. Юноша на мгновение задержался перед пустым люком, разинутым, словно пасть гигантского хищника. Но девушка излучала радость. Ноги не успевали нести ее через прибой, когда она бросилась внутрь.

Осталась только лейтенант Тш'т. Она смотрела вниз, на маленькое существо, лениво развалившееся на берегу, вычесывая свою гладкую шерсть и делая вид, словно перед ним все время в мире. Через громкоговоритель в своем скафандре Тш'т обратилась к странному существу:

— Ну, если хочешь идти, это последняя возможность.

Каа все еще трудно было примириться с увиденным. В течение двух недель наблюдал он за хунскими кораблями в порту Вуфон и видел бегающие по снастям маленькие фигурки. Не сразу он опознал в этих фигурках титлалов — расу галактических клиентов, чьи патроны, тимбрими, были самыми большими друзьями землян.

Кто бы мог винить меня? С хунами они ведут себя как умные животные, а не разумные существа.

Согласно дневнику молодого любителя приключений хуна Олвина, джиджоанцы называют их нурами. И нуры никогда не разговаривают.

Но этот на берегу заговорил! И к тому же с тимбримийским акцентом.

Могли ли Шесть Рас жить все это время, не подозревая, что прямо среди них есть еще одно племя сунеров? Неужели титлалы все это время разыгрывали отсутствие разума и ни разу себя не выдали?

Маленькое существо, казалось, испытывает терпение Тш'т и не торопится отвечать, но тут послышался новый голос, он доносился из открытого люка лодки. Камера повернулась туда, и в ее поле появилась высокая фигура, долговязая и белая, с чешуйчатыми руками и органом в виде дрожащего мешка под горлом, из этого мешка доносился низкий гулкий звук.

Олвин, понял Каа. Молодой автор воспоминаний, которые Каа читал несколько ночей подряд, знакомясь со странной цивилизацией беженцев.

Он, должно быть, «ворчит» на этого титлала.

Через мгновение маленькое существо оказалось на шагающем костюме лейтенанта, и Тш'т направилась на борт. А улыбающаяся морда создания словно говорила: ну уж раз вы наста-

иваете.

Люк закрылся, лодка начала быстро пятиться, погружаясь в воду. Но картинка не исчезла.

Оставшись наконец наедине, маленький робот-разведчик со «Стремительного» повернул камеру к дюнам. Мимо мелькали песчаные пространства: робот искал удобный наблюдательный пункт, место, откуда мог бы следить за двумя развалинами, которые когда-то были космическими кораблями, а теперь лежали в грязи, опутанные разъедающими нитями.

Несомненно, Джиллиан Баскин и корабельный совет глубоко интересуются теми, кто нанесет следующий визит в это место опустошения.

ДЖИЛЛИАН

Вступительные упражнения закончены. Тепловое покалывание охватывает плывущее тело от макушки до кончиков пальцев.

Теперь Джиллиан готова для первого глубокого нырка. Это нарушкана — «морская звезда» — вытянутые шея, руки и ноги, направленные во все пять точек компаса.

Дисциплина тела лежит в основе йоги невесомости. Джиллиан научилась этому на Земле,

когда они вместе с Томом изучали под руководством Джейкоба Демвы искусство выживания в галактике. «Плоть участвует во всем, что мы делаем, — однажды объяснил престарелый мастер-разведчик. — Нам, людям, нравится думать о себе как о разумных существах. Но чувства у нас всегда предшествуют разуму».

Это деликатная фаза. Нужно расслабить тело, чтобы вся кожа превратилась в чувствительную антенну. Но Джиллиан не может полностью расслабиться. Это означало бы выпустить на свободу накопившиеся печаль и одиночество.

Плывя в зоне невесомости, Джиллиан позволяет своему горизонтально расположенному торсу отвечать на притяжение объектов, находящихся за пределами бассейна, где-то на корабле и вне его. Их влияние проникает сквозь стены, и от него ее чувствительные нервы дергаются и зудят.

«Моменты судьбы» — так загадочные Древние называли подобные явления во время краткого посещения «Стремительным» Фрактальной системы.

Она так никогда и не видела того, кто произносит эти слова. Голос приходил откуда-то издалека, из-за пределов гигантского сооружения из игольчатого водородного льда. Фрактальная система

— это одно огромное сооружение, размером с солнечную систему, с крошечной красной звездой в центре. Никакой преследователь не нашел бы в этом обширном пространстве «Стремительный», если бы кораблю было предоставлено убежище.

У вас на корабле тяжелый груз, сказал этот голос. Мы никогда не фиксировали такой судьбоносный груз.

Поэтому вы понимаете, почему мы прилетели, ответила Джиллиан, когда стройный корпус «Стремительного» огибал фантастические кристаллы, чередующиеся с тенями протяженностью с планету. Корабль казался частичкой пыльцы в гигантском лесу.

Поистине, мы понимаем, какова ваша цель. Ваша просьба обдумывается. А тем временем можете ли вы осудить нас за отказ от приглашения побывать у вас на борту? Или даже просто прикоснуться к корпусу? К корпусу, который так недавно был освещен страшным светом?

Мы, живущие здесь, ушли из Пяти Галактик. Ушли от флотов, битв и политических интриг. Вы можете получить помощь, о которой просите, а можете и не получить — решение еще не принято. Но не ждите радостного приема. Ибо ваш груз пробуждает голод, страсти и одержимости

молодости.

Она попыталась разыграть невинность и непонимание.

Значение нашего груза преувеличивается. Мы с радостью передадим его тем, кто докажет свою беспристрастность и мудрость.

Не говори так! — потребовал голос. Не добавляй искушение к тому яду, который вы уже занесли к нам!

К яду?

В вашем трюме благословение и проклятие, заключил голос. Мы боимся, что ваше присутствие нарушит наш древний мир.

Как оказалось, «Стремительный» получил убежище всего на несколько недель, после чего конвульсии начали сотрясать всю Фрактальную систему; между гигантскими сооружениями, созданными для проживания квадрильонов, проскакивали искры. Хрустальные теплицы, размером с земную Луну, раскалывались, выплескивая в вакуум биомассу, которую они защищали. Откалывались куски размером с Юпитер, сверкающие освещенными окнами. Подобно сосулькам, сорванным сильным ветром, отлетали, сталкивались и взрывались ураганом бесшумной пыли. А тем временем взорвалась какофония голосов:

Бедные дети волчата, мы должны помочь землянам.

Нет! Уничтожить их, чтобы мы могли вернуться к спокойному сну.

Возражение! Сначала нужно вытянуть у них то, что они знают.

Да. А потом поделиться знаниями с нашими младшими братьями из союза Авейтер.

Нет! С Наследниками.

С Отрекшимися!..

Джиллиан вспоминает, как ее поразила эта разразившаяся буря мелочности.

Вот тебе и хваленая беспристрастность и отчужденность старости.

Но потом, когда все казалось потерянным, на короткое время вмешались сочувствующие силы.

Ледяное царство не то место, которое вы ищете.

Вам нужен совет, беспристрастный и мудрый. Ищите его у тех, кто еще более древен и мудр.

Там, где бушует прибой, ограждая ночь.

Торопитесь, молодежь. Воспользуйтесь этой возможностью. Бегите, пока еще возможно.

И неожиданно перед кораблем с Земли открылся проход — Щель в обширной массе водородного

льда, и за ней — усеянная звездами тьма. У «Стремительного» были лишь мгновения на то, чтобы пролететь, и этот выход оказался слишком краток и неожидан для Эмерсона Д'Аните, который уже начал свою отчаянную жертвенную вылазку.

Бедный Эмерсон. Из-за него сражались враждующие фракции, пока его корабль не был поглощен светом.

* * *

Все это вернулось к Джиллиан не последовательно, а одновременно, целиком, безвременное, когда она вспомнила слова…

Моменты судьбы.

Погрузившись в транс, она чувствует притяжение этих объектов. Тех самых, что причинили так много неприятностей во Фрактальной системе.

Они гладят ее члены — члены «нарушкана» — не физической силой, но ужасающей важностью своего существования.

Неожиданно «нарушкан» меняется на «аббушу» — «стрелку», левая рука Джиллиан указывает на массивный куб — переносную ячейку Галактической Библиотеки, окруженную холодным туманом за два коридора от нее. Пальцами мысли Джиллиан касается одной из жемчужных

фасет, украшенных гравировкой — символом со спиральными лучами. В отличие от ячеек с минимальными запасом программ, какие могли себе позволить волчата, эта предназначалась для могучего звездного клана. Вернись «Стремительный» домой только с этой добычей, его дорогостоящее путешествие вполне оправдалось бы.

Но этот куб казался наименее ценным среди грузов «Стремительного».

«Аббуша» перемещается на правую руку, ладонью вверх, как цветок, ищущий тепла, чтобы справиться с древним холодом Библиотеки.

Рука устремляется к теплу — противоположности старости.

Джиллиан слышит, что к ее личному святилищу приближается маленький слуга Киппи, и распрямляется. Амфибии кикви, жители водного мира Китрупа, ловко пользуются всеми шестью конечностями. И сопровождают работу жизнерадостными щелчками и чириканьем. Поверхностные мысли Киппи легко проследить, даже с ограниченными пси-способностями, как у Джиллиан. Киппи блаженно не подозревает, что его молодая раса оказалась втянутой в серьезный кризис, охвативший все Пять Галактик.

Что дальше? — Интересно, что?

Что дальше?

Что будет дальше? — Надеюсь, что-нибудь хорошее.

Джиллиан искренне надеется на то же самое. Ради кикви «Стремительный» должен отыскать уголок во вселенной, где еще сохраняются галактические традиции. Идеально было бы найти сильную благожелательную звездную расу, способную обнять и защитить юное племя амфибий, пока на звездных трассах дуют горячие ветры фанатизма.

Есть расы, достойные стать их патронами, помочь им, как никогда не помогали людям, пока кикви не смогут стать самостоятельными.

Джиллиан уже отказалась от надежды принять кикви в маленькую земную семью, состоящую из людей, неодельфинов и неошимпов, как надеялись вначале, когда «Стремительный» прихватил на борт небольшую группу способных к размножению жителей Китрупа. Зрелые предразумные виды — большая редкость, а это исключительная находка. Но сейчас земляне вряд ли способны защитить себя, тем более принимать на себя новую ответственность.

«Аббуша» снова меняется, переходит в «по-

пош»: ногу Джиллиан начинает покалывать; это значит, что в помещении появился еще кто-то. Появившегося сопровождает самодовольная ирония, похожая на слишком сильный запах духов. Это вращающаяся голограмма машины Несс с типичной для нее бестактностью вторгается в личное убежище Джиллиан.

Когда злополучная экспедиция отправлялась с Земли, Том решил, что неплохо было бы захватить с собой эту тимбримийскую машину. Ради Тома — ей его очень не хватало — Джиллиан подавила естественное раздражение, вызванное искусственным существом со спокойным и равнодушным голосом.

— Подводная лодка с отрядом и пленными на борту возвращается через нескольких часов, — сообщила машина Нисс. — Следует ли подготовить планы допроса, доктор Баскин? Или вы предоставите эту работу выводку детей-чужаков?

С того времени как Джиллиан поручила Олвину и Гек задачу интерпретирования, высокомерная машина как будто все время старается уколоть. Но пока дела идут неплохо. И Джиллиан знает, какие вопросы нужно задавать пленным людям и джофурам.

Больше того, у нее собственный способ подго-

товки. Как говаривал старый Джейк: «Как можно предвидеть, если вначале не запомнишь?»

Ей нужно побыть в одиночестве, без машины Нисс, без Ханнеса Суэсси, без сотни нервничающих дельфинов, которые пристают к ней, словно она их мать. Иногда это давление кажется ей тяжелее горы мертвых космических кораблей, окружающей «Стремительный» в этой темной пропасти.

Ответить словами — значит выйти из транса, поэтому Джиллиан вызывает эмпатический глиф копу. Ничего особенного — у нее нет врожденных способностей тимбрими, всего лишь предложение Ниссу найти себе уголок в кибернетическом пространстве и провести следующий час в симулированном самоповторении, пока она снова не вызовет.

Машина жужжит и возражает. Следует еще немало слов. Но Джиллиан позволяет им унестись, как уносятся прибоем плавающие обломки. Тем временем сама Джиллиан продолжает упражнение, перемещаясь к другому пункту компаса. Тому, который кажется тихим, как смерть.

Возвращается «аббуша», но теперь она устремлена к трупу, стоящему в дальнем углу ее кабинета, как мумия фараона. Мумия окружена

сохраняющими полями, которые — после трех лет и миллионов парсеков — по-прежнему обеспечивают ее неизменность. Мумия такая же, какой была, когда Том извлек древнего покойника из огромного брошенного корабля, плывшего в Мелком Скоплении.

У Тома всегда была склонность к собиранию дорогих сувениров. Но этот превзошел все.

Херби.

Ироническое имя для Прародителя, если это действительно Прародитель. Возможно, возрастом в два миллиарда лет и причина всех неприятностей «Стремительного».

Главная причина войны и смятения в дюжине спиральных рукавов.

Мы могли бы избавиться от него на планете Оакка, знала Джиллиан. Правильно было бы передать Херби Институту Библиотеки. И не только правильно, но и безопасно.

Но чиновники сектора оказались продажными. Многие библиотекари нарушили свою присягу и сами начали сражаться друг с другом — раса с расой, клан с кланом, и каждый стремился получить для себя сокровище «Стремительного».

И бегство стало долгом.

Ни одной галактической фракции нельзя поз-

волить овладеть вашей тайной.

Так приказал Террагентский Совет в единственном полученном «Стремительным» сообщении на дальнем расстоянии. Джиллиан знала текст этого приказа наизусть.

Проявление любой пристрастности приведет к катастрофе.

И может означать уничтожение земного клана.

«Моменты судьбы» тянут ее за конечности, переориентируя тело. Джиллиан плавает лицом вверх, глаза ее открыты, но она не видит металлические плиты потолка. Ее взор устремлен в прошлое.

В Мелкое Скопление. Она видит фалангу мерцающих шаров, обманчиво прекрасных, как прозрачные луны или плавающие пузыри жевательной резинки.

Затем засада у Морграна, огненные залпы могучих боевых кораблей, бесчисленных, как звезды. Все они пытаются поймать мошку.

Мошка улетела на Китруп, где так много было потеряно, включая лучшую часть ее души.

Где ты, Том? Жив ли ты еще где-то в пространстве и времени?

Затем Оакка, зеленая предательская планета,

где Институты потерпели поражение. И Фрактальная система, где Древние доказали, что возраст не ставит пределов вероломству.

Эта мысль как будто забавляет Херби.

«Древние? С моей перспективы эти обитатели огромной снежинки такие же дети, как и вы!»

Конечно, голос создан ее воображением, это оно вкладывает слова в уста, которые говорили, когда земной океан был лишен всякой жизни, кроме бактерий, когда Солнечная система была вполовину моложе.

Джиллиан улыбается, и «аббуша» преобразуется в «кунтатту» — смех среди бури мокрых вакуумных лучей.

Вскоре ей придется снова заняться решением такой задачи — как еще раз увести «Стремительный», уйти от преследования лающих псов. На этот раз потребуется что-нибудь особенное: ведь дредноут джофуров уже приземлился на Джиджо, а корпус «Стремительного» по-прежнему отягощен отражательной сажей.

Потребуется чудо.

Как они нас выследили? — гадала Джиллиан. Убежище казалось превосходным, все подходы к Джиджо закрыты, кроме одного, да и тот ведет через атмосферу гигантской углеродной звезды.

Расы сунеров проделали это успешно и прибыли сюда, не оставив следов. Где мы ошиблись?

Но упрекам нет места в йоге невесомости.

Они уничтожают невозмутимость и спокойствие.

Прости, Джейк, думает Джиллиан. Она вздыхает, понимая, что транса больше не будет. Можно выныривать и возвращаться к делам. Может быть, «Хикахи» принесет из своего рейда на поверхность полезные сведения.

Прости, Том. Может быть, когда-нибудь я смогу так очистить свое сознание, чтобы услышать тебя, переслать часть себя туда, куда ты ушел.

Джиллиан не желает считаться с самым вероятным — что Том мертв вместе с Крайдайки и остальными, теми, кого она вынуждена была оставить на Китрупе всего лишь в космическом скифе, который должен был унести их домой.

Процесс выныривания продолжается, мысли уходят в мир абстракций, облегчая Джиллиан возвращение к неприятной действительности.

И все же.

В процессе возвращения Джиллиан неожиданно ощущает новое прикосновение, щекотание в области затылочных позвонков и фолликул черепа. Это прикосновение ей знакомо. Она ощущала

его и раньше, хотя никогда оно не было таким сильным. Кто-то обращается к ней не поблизости, не в корабле, а откуда-то за его корпусом. Откуда-то из другой точки на планете.

В этом ощущении есть какая-то ритмичность и основательность, как в вибрациях, распространяющихся в плотной породе.

Если бы с нами был Крайдайки, он, вероятно, смог бы связаться, как связался с теми бедными созданиями, живущими в подземельях на Китрупе. А Том сумел бы расшифровать это послание.

Но она подозревает, что на этот раз столкнулась с чем-то новым. Корректируя свои первые впечатления, Джиллиан осознает: источник не в этом мире и не под ним, это часть планеты. Это аспект самой Джиджо.

«Нарушкан» ориентирует ее, как стрелку компаса, и неожиданно она ощущает странное, неспровоцированное смятение внутри. Ей требуется какое-то время, чтобы разобраться во впечатлениях. Но постепенно приходит узнавание.

Осторожно, как давно потерянный друг, не знающий, как его встретят, в ее сердце входит надежда.

ЭВАСКС

Неожиданно приходит новость. Слишком поспешно для того, чтобы наши кольца смогли интерпретировать еще горячий воск. Поэтому позвольте рассказать прямо.

Сообщение о катастрофе! Известие о несчастье!

Новость о потерях к востоку от этого горного хребта. Наш приземлившийся корвет — уничтожен!

Разногласия разрывают экипаж «Полкджи». Синтезирующие кольца испускают пары обвинений, а говорящие кольца обмениваются взаимными упреками.

Может ли эта трагедия быть виной корабля дельфинов, отомстивших своим преследователям? После хитроумных уходов из наших ловушек слава этого корабля распространилась на многие годы.

Но этого не может быть. Сканирование на больших расстояниях не обнаруживает никаких следов колебаний тяготения или энергетического оружия. Предыдущие сигналы свидетельствовали о каких-то неполадках на борту.

И однако коварных волчат не следует сбрасывать со счетов. Я/мы могу прочесть восковые следы, оставленные прошлым Асксом, — легенды о начальных годах джиджоанской Общины, особенно предания о войнах людей с урами. Эти рассказы свидетельствуют, что обе расы обладают исключительными способностями к импровизации.

До сих пор мы считали это совпадением — что здесь оказались люди, а у ротенов тоже слуги люди, и именно сюда явился корабль с планеты волчат. Казалось, три эти группы не имеют ничего общего, никаких общих мотивов, целей или возможностей.

Но что, если это намеренно?

Я/мы должен поговорить об этом с капитаном-лидером, как только груды с высшим статусом перестанут испускать испарения и позволят нам вставить свой дымок.

Готовьтесь, Мои кольца. Первая наша задача — допросить пленников.

ТШ'Т

Что мне делать?

Пока подводная лодка приближалась к про-

пасти и горе мертвых космических кораблей, Тш'т непрерывно обдумывала положение, в котором оказалась. Пока остальные члены экипажа «Хикахи» радовались удачному исходу рейда и с нетерпением ожидали встречи со «Стремительным», Тш'т думала о причаливании с усиливающимся ощущением ужаса.

Внешне все было хорошо. Пленники охраняются. Молодые любители приключений Олвин и Гек опрашивают Двера и Рети — людей-сунеров, которые умудрились каким-то образом победить джофурский корвет. Как только «Хикахи» благополучно миновала слой температурного скачка, Тш'т поняла, что ей и ее команде удалось нанести удар от лица Земли и уйти невредимыми.

Такой рейд — немалая заслуга командира. Кое-кто назовет Тш'т героем. Но внутри у нее нарастала тревога.

Ифни, должно быть, ненавидит меня. Худшее из всех возможных сочетание событий захватило меня в свои клешни.

— Минутку, — обрезала самка г'кек, которая присвоила себе имя героя древней земной литературы. Ее спицы дрожали от возбуждения, одним глазным стебельком она указывала на молодого человека, у которого на коленях лежали

лук и стрелы. — Ты говоришь, что прошел весь путь от Склона, чтобы найти ее скрывающееся племя, а она вернулась домой на борту небесной лодки даккинов.

Человеческая девушка, Рети, прервала:

— Даников, колесная дура! И что в этом удивительного? Я одурачила Кунна и всех остальных. Они поверили, что я готова стать одной из них. Конечно, я только ждала возможности…

Тш'т один раз уже слышала эту историю, поэтому на этот раз почти не слушала. Она отметила только, что эта «Гек» говорит на гораздо более правильном англике, чем девушка-человек. Но у нее на уме другие проблемы. Особенно интересует ее один из пленников, который находится в камере ближе к корме, — пленный космонавт может раскрыть немало тайн.

Тш'т через вживленное за левым ухом гнездо послала по нервам приказ. Ее механическое устройство для ходьбы ответило и понесло бутылкообразный клюв с мостика. Не отягощенное броней и оборудованием жизнеобеспечения, оно изящно пронесло Тш'т мимо дельфинов-зрителей. Фины были потрясены видом таких взъерошенных и грязных людей. А у девушки на лице шрам, который в любой земной боль-

нице можно устранить за день. Для членов расы патронов казались немыслимыми столь древний акцент и откровенное удивление при виде дельфинов.

Зато эти двое не находили ничего необычного в болтовне с Олвином и Гек, как будто существо на колесах и говорящий на англике хун столь же обычны, как пена на волне. Настолько обычны, что Рети и Гек пререкаются, как сверстники.

— Конечно, я привела сюда Кунна. Но только для того, чтобы узнать, откуда взялась эта машина-птица! — Рети погладила миниатюрного ура, который довольно изогнул шею под ее поглаживанием. — И мой план сработал, верно? Я нашла вас!

Гек ответила вращением всех четырех глазных стебельков — знаком сомнения и отвращения.

— Да, хотя это означало открыть расположение земного корабля и позволить твоему пилоту данику бомбить его с воздуха.

— Ну и что?

Тш'т со своей позиции у двери заметила, как самец человек обменялся понимающим взглядом с подростком хуном. Двер и Олвин только что познакомились, но уже сочувственно улыбались друг другу. Возможно, позже они обменяются впе-

чатлениями, расскажут, как умудряются жить с такими динамичными спутницами.

Тш'т находила разговор этих разнообразных голосов слишком сложным. Словно на борту настоящий зверинец.

Спор продолжался и после ухода Тш'т на мостик. Возможно, когда Джиллиан и Нисс будут анализировать каждое слово, запись этого разговора окажется полезной. Уже велась подготовка к допросу уцелевших джофуров с помощью техники, найденной в теннанинском кубе-библиотеке. Теннанинцы начали воевать с джофурами еще до того, как Соломон построил храм, и сумели разработать нужную технику.

Тш'т одобрила это намерение вначале.

Но Джиллиан собирается допросить и Кунна. А она слишком хорошо знает людей, чтобы ее можно было обмануть.

«Хикахи» — импровизированный корабль, собранный из частей, взятых от древних кораблей, которые усеивают дно Трещины. Тш'т проходила коридорами из разнообразных материалов, соединенных грубо сваренными плитами, и наконец добралась до камеры, где содержались два пленных человека. К несчастью, караульным оказался Каркаеттт, который некогда проходил

под руководством капитана Крайдайки программу тренировки мышления кининк. Тш'т не могла надеяться, что отошлет Каркаеттта по какому-нибудь поручению и заставит просто забыть обо всем. Он запомнит любое нарушение правил и распоряжений.

— Пончики спокойны, — доложил караульный. — Мы поместили поврежденный ротенский робот в холодильник. Позже мы с Ханнесом просмотрим его ячейки памяти.

— Отлично, — ответила Тш'т. — А как титлал?

Каркаеттт качнул гладкой серой головой.

— Ты имеешь в виду того, что говорит? Изолирован в каюте, как ты и приказала. А любимица Олвина, конечно, просто нур. Надеюсь, ты не велишь и ее запирать.

На самом деле Тш'т не была уверена, что понимает разницу между нуром и титлалом. Просто способность говорить? Но что, если они все это умеют, только держат в полной тайне? Титлал славится одной своей легендарной особенностью — он готов на все ради розыгрыша.

— Я хочу повидаться с пленниками людьми, — сказала Тш'т охраннику.

Каркаеттт передал сигнал открыть дверь. Согласно правилам, он сопровождал ее внутрь

камеры, нацелив оружие на пленных.

Оба человека лежали на койках с прикрепленными к рукам медицинскими пакетами. Они казались уже в гораздо лучшем состоянии, чем были в болоте, когда, кашляя и отплевываясь, цеплялись за грязный берег и старались не погрузиться в воду с головой. Младший выглядел еще более грязным и изголодавшимся, чем Рети. Это был худой молодой человек с черными волосами и шрамом под одним глазом. Джесс, называла его Рети, ее родич-сунер, и далеко не самая любимая ею личность.

Второй мужчина гораздо больше. Под грязью можно было разглядеть мундир. Как только Тш'т вошла, стальные серые глаза не отрывались от нее.

Как вы выследили нас на Джиджо?

Именно это Джиллиан, несомненно, спросит у путешественника даника. И именно этого вопроса Тш'т больше всего боится.

Успокойся, сказала она себе. Ротены знают только, что кто-то прислал сообщение из Фрактальной системы. Они не знают, кто его послал.

Да и стали бы они доверять эту тайну своим слугам даникам? Этот бедняга, должно быть, удивлен не меньше нас.

Но во взгляде Кунна была та же непоколебимая вера, какую она однажды видела у Миссионера — посланника, который когда-то принес сияющее послание истины в маленькую общину дельфинов у Бимини. Тш'т тогда была еще ребенком и плавала в волне, поднятой матерью.

Люди действительно любимые патроны расы неодельфинов, объяснял вовлекающий в новую веру в пещере, куда никогда не заглядывали туристы с аквалангами. Но всего лишь несколько столетий назад примитивные люди в кораблях охотились за китообразными и привели их на грань исчезновения. Возможно, впоследствии они вели себя лучше, но кто может отрицать, что их зрелость хрупка и неиспытана? Не желая проявлять неверность, многие неодельфины испытывают дискомфорт и думают, не существует ли кто-то или что-то, более мудрое и великое, чем человечество. Нечто такое, к чему может обратиться целый клан в опасные времена.

Ты говоришь о Боге? — спросил один из присутствующих дельфинов. И Миссионер ответил кивком.

В сущности, да. Все древние легенды о божественных существах, которые вмешиваются в земные дела, все великие учителя и пророки

могли бы подтвердить эту простую истину.

Земля не изолированная одинокая планета — дом странных волчат и их примитивных клиентов. Скорее это часть удивительного эксперимента. Я пришел к вам издалека, чтобы рассказать о нем.

За нами наблюдают очень давно. С любовью охраняют во время нашего долгого сна. Но скоро, очень скоро наступит время пробуждения.

КАА

Не было никаких признаков возвращения лихорадки у Мопола. Он казался в отличном расположении духа, когда на следующее утро вместе с Заки поплыл на восток, чтобы возобновить наблюдение за портом Вуфон.

— Видишь? С ним нужно было только поговорить построже, — с явной гордостью объясняла Пипое. — Мополу просто следовало напомнить о его долге.

Каа почувствовал скрытый упрек в ее словах, но предпочел его не замечать.

— Ты умеешь убеждать, — ответил он. — Этому, несомненно, учат в медицинских школах.

На самом деле он был убежден, что выздоров-

ление Мопола не имеет никакого отношения к лекции Пипое. Самец стенос слишком охотно соглашался со всем, что говорила молодая сестра, кивая пятнистой серой головой и постоянно повторяя: «Слушаюсь!»

Они с Заки что-то задумали, подумал Каа, глядя вслед этим двоим, уплывавшим к поселку хунов.

— Скоро мне нужно будет вернуться на корабль, — сказала Пипое, заставив Каа опустить узкую челюсть.

— Я думал, ты останешься на несколько дней. Ты согласилась взглянуть на вулкан.

Казалось, она насторожилась.

— Не знаю. Когда я уплывала, шли разговоры о перемещении «Стремительного» в другое укрытие. Преследователи подошли слишком близко.

Конечно, если галактические флоты уже зафиксировали присутствие корабля, перемещение «Стремительного» на несколько километров ничего не даст. Не поможет даже огромная груда брошенных космических кораблей, как только область поиска настолько сузится, что преследователи смогут применить химические искатели. Их приманит земная ДНК, как самца моли притягивают феромоны самки.

Каа повел плавниками — жест, соответствую-

щий пожатию плеч.

— Брукида будет разочарован. Он с нетерпением ждал возможности продемонстрировать свое собрание отбросов всех Шести Рас.

Пипое смотрела на Каа, сканировала его проникающим звуком, пока не обнаружила его внутреннюю искаженность.

Из ее дыхала вырвался смех.

— Ладно. Давай посмотрим эту твою гору. Все равно мне хочется поплавать.

Как обычно, вода оказалась прекрасной. Чуть солонее земной, но с приятным минеральным привкусом и легкой ионной маслянистостью, которая облегчает скольжение. Богатый кислородом уровень воздуха создавал впечатление, что можно плыть далеко за горизонт.

Гораздо более дружелюбный океан, чем на Китрупе или Оакке, где у океанов отвратительный ядовитый вкус. Дружелюбный, если, конечно, не обращать внимания на стоны, которые изредка доносятся из Помойки, как будто там внизу поселилось племя китов-безумцев и поет свои баллады без ритма и смысла.

Согласно дневнику Олвина, их главному источнику сведений о Джиджо, некоторые туземцы верят, что за континентальным шельфом живут

какие-то древние существа, свирепые и опасные. Эти намеки заставили Джиллиан Баскин приказать продолжить наблюдение.

Пока «Стремительный» не нуждается в пилоте, я могу продолжать играть роль тайного агента. И Пипое может уважать это занятие.

Помимо всех этих размышлений, Каа заново узнавал, как приятно плыть вдвоем с другим сильным пловцом, бить мощными плавниками, набирая с каждым толчком инерцию движения, а затем взмываться в дуге, словно взлетая. Истинное возбуждение и наслаждение плаванием никогда не достигается в одиночку. Два или больше дельфина должны двигаться в унисон, плывя в волне, поднятой другими. Когда это проделывается верно, поверхностное натяжение почти исчезает и все на планете сливается в целое без единого шва — от коры до скал и от моря до неба.

А дальше горький чистый вакуум?

Современный поэт мог бы провести такую экстраполяцию, но природным китообразным это никогда не приходило в голову — даже тем видам, которые способны разглядеть звезды, — пока люди не перестали на них охотиться и не начали учить.

Они изменили нас. Показали вселенную за солнцем, луной и приливами. Они даже превратили некоторых из нас в пилотов, ныряльщиков в бездонные дыры. Наверно, это искупляет грехи их предков.

Но кое-что никогда не меняется. Вроде полуэротических прикосновений белых шапок волн к плоти или пены горячего дыхания, соприкасающегося с воздухом. Эта прогулка дает то природное, живое наслаждение, которого ему так не хватает на борту «Стремительного».

К тому же это отличная возможность для возобновления ухаживания.

Если, конечно, она чувствует то же, что и я.

Если, конечно, я начинаю приобретать ее уважение.

Они приближались к берегу. Но могли судить об этом по эху, отражавшемуся от скал впереди. При каждом прыжке вверх можно было разглядеть окутанные туманом горные вершины. Скоро они достигнут тайной пещеры, где находится оборудование для наблюдения. И тогда Каа снова придется общаться с Пипое неуклюжими неадекватными словами.

Я хотел бы, чтобы это продолжалось бесконечно, подумал он.

Короткое сонарное прикосновение, и он понял, что Пипое чувствует то же самое. Она тоже тосковала по такому моменту освобождения примитивного.

Сонар Каа уловил присутствие на ближайших отмелях стаи псевдотунца, искушающего после невкусного затрака из синтерыбы. Тунец не вполне у них по пути, охота означала бы отклонение от курса. Тем не менее Каа произнес на тринари:

В летнем солнечном свете
Рыба привлекает, как съедобная
Сингулярность.

Каа гордился своей хайку, импульсивной, но построенной на игре слов, на смеси образов планетных и космических. Конечно, свободная охота официально не разрешена. Он ждал ответной реакции Пипое.

Когда мы минуем пропасть, или яркий риф,
Или черную дыру — что нас спасает?
Наш пилот!

От ее согласия сердце Каа расширилось: теперь он может надеяться.

Он повернул в сторону энергичного раннего ленча. И Пипое мощными ударами плавников легко удерживалась рядом с ним.

СУНЕРЫ
ЛАРК

Я бывал на борту летающей машины и раньше, говорил он себе. Я не простодушное дитя природы, пораженное металлическими дверями и искусственным светом.

Это место не должно пугать меня.

Стены меня не раздавят.

Но тело его не слушалось убеждений. Сердце отчаянно билось, и он не мог отдыхать. Ларк непрерывно испытывал ощущение, будто маленькая комната становится все меньше.

Он знал, что это иллюзия. Ни Линг, ни Ранн не проявляли никакого беспокойства из-за того, что оказались в замкнутом пространстве. Они привыкли к жестким серым поверхностям, но металлическое помещение кажется непереносимым тому, кто вырос под небом, закрытым только ветвями леса бу. Пластины пола передавали отдаленную вибрацию, ритмичную и непрекращающуюся.

Неожиданно Ларк понял, что это ему напоминает — механизмы на отцовской фабрике, мелющие и расплющивающие молоты, которые должны превратить обрывки ткани в белую равномерную массу. Именно эти удары гнали его в дикую местность, в долгие путешествия, в которых он изучал живые существа.

— Добро пожаловать на борт звездного корабля, сунер, — произнес Ранн, раздраженный головной болью и неудачей во время их схватки в озере. — Как тебе это нравится?

Все три пленника человека по-прежнему были во влажном белье: инструменты и оружие у них отобрали, мокрые костюмы заставили снять. По какой-то причине джофуры разрешили им оставить у себя симбионты-реуки, хотя свой Ранн снял, оставив красные пятна на висках: у стиснутого существа не было времени отцепить присоски для кормления.

По крайней мере никто не был ранен во время стремительного пленения, когда из гигантского корабля высыпала толпа конусообразных груд колец; каждый джофур передвигался на отдельной блестящей металлической платформе. Силовые поля прижимали воду озера, окружая плывущих людей углублениями. Парящие роботы потрески-

вали запасами сдерживаемой энергии, один из них даже нырнул под поверхность, преграждая попытку бегства; они подгоняли пленников вначале к одной из антигравитационных платформ, а затем в тюрьму.

К удивлению Ларка, их всех поместили в одну камеру. Согласно пересказам из мрачного прошлого Земли, обычной практикой было разделение пленников, чтобы сломить их дух. Но потом он понял.

Если джофуры подобны треки, они просто не могут представить себе концепцию одиночества. Одинокий треки был бы счастлив, и его кольца разговаривали бы друг с другом до возвращения Прародителей.

— Вероятно, они тщетно искали в своей базе данных информацию о землянах, — объяснила Линг. — До последнего времени такой информации почти не было.

Она подняла глаза.

— Суеверие волчат. Даже мы, даники, привыкли так думать. — Она посмотрела на Ранна. — Потребовался твой труд, тот, что вы написали с Утеном, чтобы убедить меня, что может быть и по-другому.

Ларк покраснел при этом комплименте, но

сдержал свое воображение. Он старался не смотреть на ее почти обнаженное тело. Белье не может скрыть его физическое возбуждение. К тому же вряд ли это подходящее время.

— Мне все равно трудно понять их отношение. Галакты должны ждать столетия, чтобы получить формальный отчет о нас?

— О, я уверена, что сильные кланы, такие, как соро или джофуры, имели доступ и к ранним отчетам. И с начала кризиса «Стремительного» отчаянно искали новые данные. На пример, их стратегические организации почти несомненно похитили и подвергли вивисекции несколько человек. Но вряд ли они могут незаконным путем получить самые последние сведения о каждом звездном крейсере. Это означало бы риск заражения бортовой Библиотеки. Полагаю, что экипаж этого корабля импровизировал, а это искусство не очень поощряется в галактическом сообществе.

— Но люди этому сообществу известны. Поэтому ваш корабль явился на Джиджо. Импровизируя и воспользовавшись возможностью?

Линг кивнула, потирая обнаженные плечи.

— Наши повелители роте… — Она замолчала, потом перефразировала мысль. — Внутренний Круг получил сообщение. Временная капсула,

настроенная на то, что ее уловит всякий корабль с рисунком сознания ротенов.

— Кто ее послал?

— Очевидно, на корабле дельфинов есть тайный верующий. Или находящийся в таком отчаянном положении, что нарушил приказ Терагентского Совета и решил поискать помощи у кого-то более сильного.

— Верующий… — Ларк задумался. — Верующий в даников, ты хочешь сказать. Но даники учат, что людей тайно воспитывают патроны ротены.

— И согласно традиции, это означает, что в случае необходимости экипаж дельфинов может также обратиться за помощью к ротенам, что этот бедняга, очевидно, и сделал.

— Как будто обратился к дедушке и бабушке, когда родители не справились с проблемой. Хрм.

Ларк уже знал отдельные моменты этой истории. Как первый корабль с экипажем из дельфинов отправился в разведывательный полет, чтобы проверить точность данных маленькой планетарной ветви, которую Земля получила от Института Библиотеки. Более цивилизованные кланы просто принимали информацию, накопленную предшествующими поколениями, особенно если она касалась далеких уголков все-

ленной, где исследования могли принести лишь небольшую выгоду.

Предполагалось, что полет будет самым обычным. Первый вылет, гарантированно удачный. Но затем где-то на исхоженных тропах «Стремительный» столкнулся с неизведанным, сделал открытие, которое свело с ума большие союзы. Возможно, это был ключ к переходам во времени, и он мог привести к неожиданному изменению древних истин, признанных всеми галактиками.

Говорили, что, когда это произойдет, только одна раса из десяти сможет совершить переход в новый век, как объяснял у лагерного костра вскоре после падения крепости Дуден хунский мудрец Фвхун-дау, глубоко изучивший архивы Библоса. Те, кто собирался выжить и перейти в следующую длительную стабильную фазу, естественно, захотели узнать как можно больше. Хр-р-рм. Да, даже сунер может понять, почему корабль землян столкнулся с такими неприятностями.

— Дельфин-даник, — удивлялся Ларк. — И вот этот верующий отправил тайное сообщение ротенам.

— Это не совсем точно. Англик не в состоянии передать искаженную логику коммуникации с помощью капсул времени. — Линг продолжала

разглаживать волосы. Они отросли после Битвы на Поляне и были все еще мокрыми от длительного пребывания в озере.

— Но ты прав: в послании от верующего дельфина объяснялось, где находился «Стремительный» — в одной из водородных зон, где поближе к звездным приливам скрываются многие старшие расы, после того как перестают принимать активное участие в делах галактик.

И что еще важнее — в послании говорилось, куда капитан корабля собирается его направить. — Линг покачала головой. — Это оказалось очень хитроумной версией Тропы сунеров. Трудный проход, слишком близко от свирепой Измунути. Неудивительно, что ваши Шесть Рас так долго оставались необнаруженными.

— Хр-р-рм, — по-хунски проворчал задумчиво Ларк. — В отличие от наших предков вы допустили, чтобы вас выследили.

Это вызвало реакцию Ранна, который мрачно сидел в противоположном углу камеры, поддерживая больную голову.

— Глупец! Мы ничего подобного не делали! — раздраженно сказал рослый даник. — Ты хочешь сказать, что мы не смогли повторить то, что совершила толпа трусливых сунеров?

— Оставив в стороне оскорбления, я согласна, — поддержала его Линг. — Кажется маловероятным, чтобы нас выследили. Ведь наш корабль не впервые прилетел на Джиджо.

— Как это? — спросил Ларк.

— Когда товарищи оставили нас — четверых людей и двух ротенов, чтобы выполнить биологическое изучение Джиджо, — я думала, что остальные будут поблизости в пространстве на случай, если корабль дельфинов прячется на каком-нибудь соседнем планетоиде. Но на самом деле у них была совсем другая цель.

На самом деле они отправились на поиски покупателя.

Ларк удивленно нахмурился.

— Буйура?[1] Но разве они еще существуют? Ты хочешь сказать, что ротенам понадобился буйур в качестве проводника, чтобы вернуться на Джиджо.

— Нет, совсем не буйура! — рассмеялась Линг, хотя смех ее звучал не очень весело. — Ты был прав насчет ротенов, Ларк. Они живут за счет обмена или продажи незаконно полученной информации, часто используя даников как агентов

---

[1] notes: 1

Ошибка Ларка основана на сходстве звучания английского слова buyer — покупатель с выдуманным Брином словом «буйур». — Примеч. пер

или посредников. Это была восхитительная и возбуждающая жизнь, пока ты не показал мне, как нас используют. А тут эти Шесть Рас. Несомненно, кто-нибудь заплатит за сведения о такой большой колонии преступников сунеров ничего личного.

— Я не обижаюсь. И конечно, многого стоили сведения о местонахождении корабля дельфинов. И вот… — Он с силой выдул воздух через ноздри: так поступает хун, выражая отвращение. — Твои хозяева решили продать нас всех.

Линг кивнула, пристально глядя на Ранна.

— Наши хозяева продали нас всех.

Рослый даник не смотрел ей в глаза. Он прижал ладони к вискам и негромко застонал. В этом стоне была боль и отвращение к предательству Линг. Потом Ранн отвернулся к стене, но не стал прикасаться к ее маслянистой скользкой поверхности.

— После всего, что мы видели, ты по-прежнему считаешь ротенов патронами человечества? — спросил Ларк.

Линг пожала плечами.

— Не могу так просто отмахнуться от доказательств, которые мне показывали в молодости. Эти доказательства охватывают тысячи лет. Ну,

во всяком случае, это может объяснить нашу историю, полную крови и предательства. Повелители ротены обратили на нас внимание, потому что наши темные души все время сворачивали с Тропы. Но может быть, мы именно таковы, какими они нас и возвысили. Мы выращены, чтобы быть прикрытием для шайки воров.

— Хрм. Это может освободить нас от некоторых других ответственностей. Тем не менее я предпочел бы быть волчонком, с невежеством в качестве единственного оправдания.

Линг кивнула и погрузилась в молчание. Может, думала о той грандиозной лжи, в которой провела всю жизнь. А Ларк тем временем обдумывал новые перспективы истории человечества. Это нечто большее, чем сухое перечисление событий, заимствованное из пыльных томов в архиве Библоса.

Даники утверждают, что все время вели нас, что Моисей, Иисус, Будда, Фуллер и другие были замаскированными учителями. Но если нам помогали — ротены или кто-то другой, то помощь нам оказывали очень неудачно.

Подобно трудному ребенку, который больше всего нуждается в открытом, честном, личном внимании, нам нужно было нечто большее, чем

несколько моральных панацей, туманных намеков и указаний вроде «Веруй» или «Будьте добры друг к другу». Морализаторских банальностей недостаточно для того, чтобы руководить буйными хулиганами, эти истины не предотвратили темных веков, рабства, холокоста двадцатого века или деспотии двадцать первого.

Все эти ужасы неважно рекомендуют не только учеников, но и учителей. Если только…

Если только мы действительно не проделали все это в одиночку.

Ларк испытывал те же чувства, что и во время разговора с Линг у озера мульк-паука. Его сознание было полно образом ядовитой, ужасной красоты. Он видел гобелен, сотканный за тысячи лет, — человеческую историю, видную с расстояния. Историю испуганных сирот, блуждающих в невежестве. Историю существ, достаточно умных, чтобы удивленно смотреть на звезды и задавать по вечерам вопросы, на которые ответом всегда было ужасающее молчание.

Иногда воображение в отчаянии производило страшные галлюцинации, фантастические объяснения или оправдания для любого зла, которое сильные причиняют слабым. Люди в невежестве вырубали леса, и их место занимали пустыни.

Фермеры выжигали растительность и распахивали землю — и исчезали целые виды. Во имя благородных причин велись войны, оставлявшие страшные развалины.

И однако посреди всего этого человечество каким-то образом начало объединяться, учиться искусству хладнокровия и спокойствия, смотреть вперед, в будущее, как брошенный ребенок самостоятельно учится ползать и говорить.

Стоять и думать.

Ходить и читать.

Заботиться, а потом становиться любящим родителем других.

Рожденный в мире изгнанников, чья хрупкая безопасность уже рассеялась, заключенный в недрах космического корабля чужаков, Ларк тем не менее заботился не о собственной безопасности и даже не о судьбе шести кланов изгнанников на Джиджо. В конце концов, в широком масштабе вселенной его жизнь вряд ли имеет особую ценность. Пять Галактик будут продолжать вращаться и после того, как исчезнет последний землянин.

Но Ларк чувствовал, как разрывается его сердце при мыслях об истории Homo sapiens, самоучек волчат с Земли. Эта история, полная радостей и

горестей, вызвала у него соленые слезы, вкусом напомнившие море.

Голос был знаком, ужасающе знаком.

— Рассказывайте нам немедленно.

Все три человека молчали, и допрашивающий джофур приблизился и навис над ними. Раскачивающаяся груда жирных колец издавала свистящие слова на англике, сопровождая их жидким бульканьем и слизистыми шлепаньями.

— Объясните нам: почему вы передали сигнал, который привел к вашему пленению? Вы пожертвовали собой, чтобы выиграть время для невидимых друзей? Тех, кого мы так настойчиво преследуем?

Эта груда представилась как «Эваскс», и частично ужас Ларка объяснялся тем, что он узнал знаки на кольцах — это были кольца бывшего высокого мудреца треки Аскса. Но в основании груды теперь было проворное кольцо на ногах, которое позволяло груде двигаться гораздо быстрее. И тестообразные трубки покрывали серебристые нити, которые вели наверх, к блестящему молодому кольцу, у которого не было ни каких-либо знаков, ни отростков. Но Ларк чувствовал, что именно это кольцо привело к превращению старого мудрого треки в джофура.

— Мы зафиксировали изменения в топоргическом временном поле, которое окружает корабль ротенов, — продолжал джофур. — Но эти изменения были в пределах вероятностных колебаний, и наши лидеры были слишком заняты другими делами, чтобы заниматься расследованием. Однако теперь мы/ Я ясно понимаю, чего вы хотели добиться этим трюком.

Это заявление не удивило Ларка. Насторожившись, могучие чужаки, конечно, раскроют примитивную уловку, которая позволяла захваченным даникам выйти из корабля. Он только надеялся, что Джени Шен, и Джими, и все остальные сумели уйти и добраться до сети пещер раньше, чем над ко коном времени, окружающим корабль ротенов, повис сторожевой робот.

Поскольку все три человека молчали, Эваскс продолжил:

— Логическая цепочка безупречна и раскрывает настойчивость, с которой вы, сунеры, пытались отвлечь нас от нашей главной цели на этой планете.

Короче, вы уводили нас в сторону.

Теперь Ларк удивленно поднял голову. Он обменялся взглядом с Линг: «О чем говорит этот джофур?»

— Все это началось несколько оборотов Джиджо назад, — продолжал Эваскс. — Хотя никому из других членов экипажа это не показалось странным, я удивился, когда высокие мудрецы так быстро и легко согласились на требования нашего капитана-лидера. Я не думал, что Вуббен и Лестер Кембел повинуются так быстро, открыв нам координаты главной крепости г'кеков.

Наконец Ларк заговорил:

— Ты имеешь в виду крепость Дуден?

Он все еще считал себя виноватым в том, что случайный компьютерный резонанс выдал расположение тайной колонии. Но Эваскс, очевидно, считал, что эта передача была послана целенаправленно.

— Правильно, крепость Дуден. Время прихода сигнала кажется сейчас слишком удобным и необычным. Натеки памяти, унаследованные от Аскса, указывают на отвратительный уровень взаимной преданности среди ничтожных выродившихся рас Джиджо. Эта преданность должна была помешать согласию с нашими требованиями. Мудрецы должны были бы тянуть время в надежде эвакуировать г'кеков, прежде чем выдать их местоположение.

— А зачем вам вообще нужно было ждать сиг-

нала? — спросил Ларк. — Если у вас была память Аскса, вы уже знали, где Дуден! Зачем еще спрашивать высоких мудрецов?

Впервые Ларк увидел то, что можно было бы назвать эмоциональной реакцией. Рваная дрожь пробежала по нескольким кольцам Эваскса, как будто они боролись с внутренними неприятными ощущениями. И когда Эваскс снова заговорил, голос его звучал напряженно.

— Причины неполноты нашего банка данных вас не касаются. Достаточно сказать, что заточение крепости Дуден было приятно командиру корабля «Полкджи», однако у Меня/нас, в этой груде колец, появились некоторые опасения. Слишком удобным кажется совпадение во времени.

— Что это значит?

— Я хочу сказать, что сигнал пришел как раз тогда, когда мы собирались отправить наш второй корвет на помощь первому, совершившему вынужденную посадку где-то за горами. Этот полет был отложен, поскольку мы узнали расположение крепости г'кеков. Корвет был снабжен топоргиком, чтобы иметь возможность напасть на наших кровных врагов прежде, чем хоть один из этих колесных паразитов смог уйти.

Ларк заметил, как Ранн и Линг многозначительно переглянулись. За горами. Даники отправили разведывательный корабль Кунна как раз в том направлении перед самой Битвой на Поляне. А теперь джофур сообщает, что они в том же направлении потеряли корвет?

Не потеряли. Вынужденное приземление. Тем не менее у них необычные приоритеты. Месть опережает спасение.

— После того как мы покончили с крепостью Дуден, были и другие неотложные дела. И тут, как раз когда мы возобновили подготовку к посылке помощи нашим приземлившимся родичам, возникло новое отвлечение. Я имею в виду вашу деятельность в озере. Вы нашли примитивный, но хитроумный способ подвергнуть вибрации топоргический кокон вокруг ротенского корабля. Вначале мы не обращали на это внимания, поскольку простые сунеры никогда не могли бы прорвать кокон.

Снова дрожь пробежала по кольцам существа, хотя на этот раз голос не смолк.

— Однако вскоре произошло нечто такое, что мы не смогли игнорировать. На поверхности озера, внутри нашего периметра, появились три человека! Это событие вызвало объявление

тревоги и надолго привлекло к себе наше внимание.

И теперь Я/мы совершенно уверен в ваших истинных намерениях.

Ларк удивленно смотрел на Эваскса.

Сразу после пленения они с Линг шепотом говорили о предательстве Ранна, который вынырнул на поверхность и с помощью компьютера привлек внимание джофуров. Линг попыталась прояснить возможные мотивы этого поступка:

— Верность Ранна нашим хозяевам более глубока, чем я себе представляла. Он знает, что у Шести Рас есть доказательства, которые способны разоблачить ротенов. И когда мы помогаем нашим товарищам сбежать, мы только ухудшаем положение, давая возможность новым даникам познакомиться с твоими аргументами, Ларк. С твоими доказательствами геноцида и других преступлений. И подобно мне, они могут быть переубеждены и выступить против наших повелителей.

Ранн готов пойти на уничтожение всех товарищей, на то, чтобы корабль вечно оставался в заключении, лишь бы этого не произошло. И по крайней мере клан ротенов будет в безопасности.

Объяснение Линг потрясло Ларка. Но это, услышанное от Эваскса, звучит еще более странно.

— Ты говоришь, что мы… хм… подвергли вибрации золотую оболочку вокруг затонувшего корабля, чтобы привлечь ваше внимание? И когда это не получилось, мы вынырнули на поверхность, чтобы поднять еще больший шум и чтобы вы наконец посмотрели в нашу сторону?

И только произнеся эти слова, Ларк неожиданно понял, что подобный сценарий имеет больше смысла, чем то, что произошло на самом деле. По сравнению с ним еще более невероятным казалось то, что примитивные сунеры найдут способ проникнуть в топоргическую ловушку или что даник предаст своих товарищей, чтобы оставить их в заключении. Но была одна логическая проблема.

— Но… — начал Ларк. — Но зачем нам идти на такой отчаянный поступок? Чему может служить такое самопожертвование?

Джофур раздраженно выдохнул.

— Это вам отлично известно. Однако, чтобы у нас была точно определенная база для переговоров, Я объясню.

Я/мы знаю вашу тайну, — сказал он Ларку. — Вы, несомненно, связываетесь с земным кораблем.

ОЛВИН

Дельфины никак не назвали эту гору брошенных космических кораблей. Груду обломков утраченной цивилизации, гниющую на дне Помойки.

Гек хочет назвать ее Атлантидой. Но на этот раз мне показалось, что ее предложению не хватает воображения.

Я предпочитаю название того загадочного места, которое так памятно описал великий Кларк. Семь Солнц. Место, где мой тезка нашел древние реликты давно забытых титанов, которые давно исчезли, бросив своих устаревших слуг.

Остатки великого прошлого, теперь утраченные между городом и звездами.

Мы теперь мало времени проводим вместе. Мы четверо из порта Вуфон. Четыре товарища, любителя приключений. Мы идем в разных направлениях под влиянием собственных одержимостей.

Ур-ронн проводит все время там, где вы и ожидаете, — в машинном отделении. Она с огромным желанием изучает механизмы корабля и очень подружилась с Ханнесом Суэсси. У меня впечат-

ление, что дельфины не так хороши в тонкой ручной работе, как уры, и Суэсси, кажется, рад, что она оказалась на корабле.

К тому же это самое сухое место на борту корабля. Но думаю, Ур-ронн все равно бы все время проводила там, даже если бы пришлось по колени погружаться в жидкую грязь. Здесь кузнец на своем месте.

Суэсси надеялся, что у нас могут найтись сведения, как избавить корпус «Стремительного» от толстого углеродного покрытия. Устная традиция говорит о звездной саже, которая отягощает каждый космический корабль, прилетевший на Джиджо курсом мимо Измунути. Но я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь клан пытался убрать эту сажу. Зачем это было делать нашим предкам, если они сразу после прибытия топили свои ковчеги?

Почему бы просто не переоборудовать один из древних кораблей, лежащих на дне Помойки, и улететь на нем?

Ур-ронн говорит, что Суэсси и доктор Баскин обсуждали такую возможность. Но если бы эти корабли были способны хорошо летать, разве буйуры не взяли бы их с собой?

Ур-ронн надеется за свою помощь инженерам

получить в обмен их сотрудничество в выполнении поручения, которые мы получили, когда наша самодельная «Мечта Вуфона» впервые опустилась в море у Окончательной скалы. Уриэль просила нас найти тайник — оборудование, которое помогло бы высоким мудрецам справиться с чужаками из космоса.

Теперь мы больше знаем об этих чужаках — о крейсере ротенов, за которым последовал боевой корабль джофуров, и нам кажется невероятным, чтобы какой-то тайник смог помочь в борьбе с такими богоподобными и высокомерными захватчиками. И все равно теперь Уриэль и наши родители считают нас мертвыми — с того момента, как порвался шланг, подававший воздух на «Мечту Вуфона».

И все же Ур-ронн права. Клятва есть клятва.

Я понимаю, почему доктор Баскин не хочет, чтобы мы связывались с родителями. Но я должен уговорить ее попробовать.

* * *

Клешня большую часть времени проводит с кикви — теми самыми амфибиями с шестью конечностями, которых мы вначале приняли за хозяев корабля. Но на самом деле они нечто еще

более почитаемое и ценимое в Пяти Галактиках — добросовестные предразумные существа. У Клешни к ним склонность, потому что раса красных квуэнов тоже живет там, где волны встречаются со скалистым берегом. Но это лишь внешняя причина его увлечения ими.

Он говорит о строительстве новой подводной лодки для исследования Помойки. Не только этой груды мертвых космических кораблей, но и обширных, полных чудес затопленных городов, брошенных улетевшими буйурами.

И ему нравится тот короткий промежуток, когда он был капитаном «Мечты Вуфона». Но на этот раз он надеется получить новый экипаж. Проворные, послушные, любящие воду кикви подходят для этого идеально, особенно по сравнению с долговязым хуном, многословным г'кеком и боящимся воды уром.

Может быть, Клешня все еще надеется отыскать настоящих чудовищ.

Гек отказывается верить, что что-нибудь важное может происходить без ее присутствия. Как только мы вернулись с лейтенантом Тш'т, она занялась серьезным делом — допросом пленных джофуров, взятых на разбитом корабле-разведчике.

Согласно шпионским и приключенческим романам, искусство допроса тесно связано с умением играть словами. Нужно одурачить парня, которого допрашиваешь, и заставить его выболтать то, что он не собирался выдавать. И Гек считает, что именно в этом она особенно искусна. Что с того, что джофуры отличаются от треки? Она была уверена, что прорвет их упрямое молчание и заставит говорить.

Представьте же себе ее изумление, когда одно ее появление вызвало у них приступ ярости. Когда Гек вкатилась в их камеру, они начали бросаться на ограждающее поле, пытаясь добраться до нее! И помещение заполнилось запахом страшной ненависти.

Как ни странно, но это оказалось полезным! Ибо джофуры неожиданно утратили свою мрачную сдержанность и начали говорить. По преимуществу их выкрики на галдва и галпять казались проникнуты кипящим гневом. Однако тут же вмешалась эта подлая машина Нисс и начала отпускать намеки и оскорбительные предположения.

Гек повернула все четыре глазных стебелька в сторону вращающейся голограммы, когда та предположила, что джофурам могут отдать

этого вкусного г'кека, если только они согласятся сотрудничать! И вскоре наряду с клятвами отомстить и восклицаниями возмездия стала поступать полезная информация, вроде названия корабля и ранга их капитана-лидера. И еще один очень важный факт. Хотя их корабль кажется гигантом по сравнению со «Стремительным», корабль джофуров прилетел на Джиджо один.

Гек говорит: она знала, что Нисс блефует. Никто не собирался отдавать ее джофурам. Она победила, таков был ее план с самого начала.

Я молчу и делаю вид, что не замечаю зеленый пот, покрывающий ее глазные капюшоны. После этого разговора ей понадобится ванна.

В отличие от остальных я не могу устранить все сомнения.

Правильную ли сторону мы выбрали?

О, есть немало причин, почему нам следует стать на сторону этих беглецов. Люди — члены Шести Рас, и это делает дельфинов чем-то вроде наших двоюродных братьев. И правда, что «Стремительный» больше похож на наши сунерские крадущиеся корабли, чем на высокомерные дредноуты на хребте Риммер. И я вырос, читая земные романы. Мое сочувствие всегда на стороне слабых.

Тем не менее в уголке сознания есть нечто неизменное и не подлежащее сдаче. В конечном счете моя верность принадлежит семье, расе и клану и высоким мудрецам Общины Джиджо.

И кто-то из нас четверых должен помнить наши истинные приоритеты. Может прийти время, когда они вступят в противоречие с намерениями наших хозяев.

Чем я занимался все это время?

Во— первых, учился погружаться в корабельную базу данных в поисках исторических сведений о том, что произошло после Великой Печати. Даже эти дистиллированные рассказы кажутся пиром такой прирожденной ищейке информации, как я.

И однако я никак не могу изгнать из памяти этот большой, окутанный туманом куб. Иногда мне хочется проскользнуть в то холодное помещение и задать вопросы отраслевой Библиотеке — запасу знаний такому обширному, что по сравнению с ним весь архив Библоса кажется букварем для двухлетнего ребенка.

По пути с поверхности я ближе познакомился с Рети, этой вспыльчивой гордой девушкой-человеком, чье преступное варварское племя могло бы потрясти всю Общину сенсационным скандалом.

Я также разговаривал с охотником Двером, который вспомнил, как несколько лет назад посещал порт Вуфон. Пока врач Макани обрабатывала его раны, Двер рассказывал о своих путешествиях, но вскоре устал и заснул. Потом заснула и Рети, ее маленький «муж» свернулся рядом, положив ей на грудь стройную урскую голову.

По большей части мне нужно было ворчать.

Да, верно. Ворчать ради нура.

Моя собственная любимица Хуфу не знает, как реагировать на этого новичка, того самого, которого называют Грязнолапым. Увидев его в первый раз, она зашипела и он ответил ей шипением, точно как обычный нур. Это была такая нормальная реакция, что я даже усомнился в своей памяти. Неужели я действительно слышал, как Грязнолапый говорит?

Мне поручили развлекать его, пока он не решит заговорить снова.

* * *

Думаю, я в долгу перед ними — перед Джиллиан Баскин, и Тш't, и всеми дельфинами. Они спасли нас от гибели в пропасти, хотя мы бы вообще не упали в нее, если бы не их вмешательство.

Они вылечили мою больную спину, хотя рану я

получил, когда они разбили «Мечту Вуфона».

Они превратили наше приключение в настоящий эпос, но не позволяют возвращаться домой, опасаясь, что мы о нем расскажем.

Ну хорошо, черт побери! Я буду ворчать ради этого глупого нура. Он прихорашивается и делает вид, что истосковался по этому звуку — после нескольких месяцев, проведенных только в обществе людей.

Но вблизи я чувствую разницу. Я и раньше видел нечто подобное во взглядах незнакомых нуров, бродивших по порту Вуфон.

Вкрадчивое высокомерие.

Нечто вроде ленивого самодовольства.

Такое впечатление, будто он участвует в грандиозном розыгрыше. Таком розыгрыше, когда вы ничего не понимаете, пока у вас все лицо не оказывается в яйце.

ЭВАСКС

Пленники люди кажутся упрямыми, Мои кольца, они отказываются отвечать на вопросы. Или озадачивают нас откровенной ложью.

Вопрос:

Есть ли сходство между их поведением и тем,

как вы пытались обмануть Меня?

То, как вы расплавили многие восковые воспоминания, унаследованные нами от Аскса?

То, как ваш союз колеблется между неохотным сотрудничеством и попытками пассивного сопротивления?

Этого достаточно, чтобы вызвать неприятные вопросы.

ВАМ НРАВИТСЯ БЫТЬ ЧАСТЬЮ НАШЕГО НАМНОГО УЛУЧШЕННОГО ОБЩЕГО ЦЕЛОГО? НАШЕГО ЧЕСТОЛЮБИВОГО И ИЗЫСКАННОГО ЕДИНСТВА?

Да, большинство из вас выражает радость быть частью великого джофурского существа, а не просто скучной смесью треки. Но могу ли Я/мы быть действительно уверен, что вы/ мы любите Меня/нас?

Сам по себе этот вопрос, возможно, является симптомом безумия. Какой естественно созданный джофур позволит себе такие сомнения? Груда-священник «Полкджи» предсказывал, что этот эксперимент по гибридизации закончится неудачей, Священник пророчествовал, что бесполезно пытаться навязывать мастер-кольцо кольцам треки, закореневшим в своих ложных убеждениях.

Вдоль потревоженных наплывов полурасплавленного воска поднимается метафора.

Ты пытаешься сделать сравнение, о второе кольцо сознания?

А, да, Я/мы вижу его.

Попытка выплавить благородного джофура из колец треки — все равно что попытка приручить стаю диких зверей. Подходящая аналогия.

Жаль только, что эта метафора не помогает решить Мои/ наши проблемы.

Какие тайны скрываются за расплавленными участками? Какие воспоминания сознательно уничтожил высокий мудрец треки за те несколько полных напряжения моментов, когда Аскс преобразовывался? Я/мы могу сказать, что здесь, на этих участках нашего общего сердечника, находились важные сведения. Что-то такое, чего джофур не должен был узнать.

Но Я/мы это узнаю.

Я обязан это сделать.

* * *

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ:

Возможно, удастся извлечь эту информацию из недавно захваченных людей.

Тех, которые носят имена-ярлычки Ларк, Линг

и Ранн.

ВОЗРАЖЕНИЕ:

Груда-священник испускает раздраженные испарения. Он расстроен тем, как мало сведений о землянах содержится в нашей корабельной Библиотеке. У нас есть множество подробных описаний и рецептов сыворотки правды и иных средств, эффективных в обращении со множеством рас и видов, которые враждуют с великими джофурами, но в архивах нет никаких упоминаний такого средства для людей. Наша Библиотека явно нуждается в осовременивании, вопреки тому, что это относительно новая ячейка, ей не больше тысячи лет.

Груда-тактик, приписанная к планирующему штабу корабля, предлагает использовать технику допросов, разработанную для тимбрими. Эти дьявольские шутники — близкие союзники землян и передвигаются так же, как они, на двух ногах. Проверяя это предложение, мы испробовали на пленниках волны пси-принуждения, настроенные на волну тимбрими.

Но люди как будто ничего не воспринимают и не проявляют никакой реакции.

Тем временем капитан-лидер выпускает рассерженные испарения — едкие пары, которые

заставляют всех, кто свободен от дежурства, бежать подальше от него.

В чем причина такой злобы, Мои кольца?

Недавние новости из-за соседних холмов.

Дурные новости, подтверждающие наши страхи.

Катастрофа на востоке.

Наконец наш оставшийся корвет добрался до того места, где два дня назад упал его двойник. Я/мы все на борту «Полкджи» в отчаянии смотрели на передаваемые картины разрушений.

Разбитый корпус корабля погрузился в болото — в таком болоте может понравиться бродить треки, обдумывая восковые подтеки. Шел непрерывный дождь с ветром, пока приборы отыскивали уцелевших, но нашли мы только останки — в основном одиночные кольца, вернувшиеся в первобытное звериное состояние и вяло сидящие на грудах гниющей растительности, как будто они действительно примитивные предтреки.

Несколько этих выживших колец были собраны. Исследуя их сердечники, мы обнаружили лишь немного смутных следов памяти. Но этого достаточно, чтобы предположить, что нападение совершили дельфины. Они вышли из моря и устроили хаос среди наших братьев.

Как они смогли это совершить?

Потерпевший аварию корвет доложил, что его защитная система функционирует на уровне сорока процентов. Более чем достаточно, если ее сосредоточить против отчаянной вылазки землян. Даже под прикрытием заряженных молниями туч загнанная в угол добыча не могла совершить внезапное нападение. Но приземлившийся корабль не послал ни одного сигнала тревоги до того, как был самым загадочным образом захвачен.

И снова нас тревожат сомнения. Волчат считают примитивными, не более опасными, чем варвары сунеры, чьи предки заселили эту планету. Но эти самые земляне привели в смятение все Пять Галактик и неоднократно уходили от преследующих их могучих флотов.

Возможно, мы совершили ошибку, занявшись этим делом в одиночку. Ведь только один наш боевой корабль «Полкджи» теперь должен решить судьбу всего человечества.

Слухи-запахи пронизывают теперь «Полкджи», слухи о том, что наш капитан-лидер допустил серьезную ошибку. Тайные феромоны содержат предположение, что именно ошибки его торов, рассчитанных на принятие решений, привели

нас в неудовлетворительное положение. Нашего командира ослепила одержимость местью г'кекам, и он игнорировал высшие приоритеты.

В ярости от того, что наши вентиляционные системы заполнены мятежными молекулами, капитан-лидер стремится заполнить их собственными испарениями — горячей смесью гневных реакций. И запахи разгневанного господства затопляют все палубы.

Что теперь, Мои кольца?

Ага. Наше второе кольцо сознания выдвигает новую метафору, на этот раз сравнивающую нашего капитана-лидера с капитаном хунского корабля, который пытается подчинить встревоженный экипаж, заменяя громким голосом подлинное лидерство.

Очень интересно, Мои кольца, — такая параллель между поведением чужаков и корабельной политикой джофуров. Такие вспышки вдохновения делают этот раздражающий союз почти достойным.

Если только…

Вы ведь не применяете эту метафору также к вашему мастер-кольцу?

Не провоцируйте Меня. Вы предупреждены. Это будет ошибкой.

Наша проблема остается.

В отличие от груды-тактика Я/мы не приписываем удачу волчат необычной технологии или везению. Слишком много совпадений. Я убежден, что дельфины точно знали, в какой момент нападать, когда наше внимание было отвлечено другими событиями.

Заключение: расы варваров ДОЛЖНЫ БЫТЬ связаны с кораблем землян.

Пленные люди утверждают, что не знают ни о каких контактах с кораблем дельфинов. Они говорят, что их появление на поверхности озера — результат исключительно борьбы за власть между людьми и не имеет никакого отношения к кораблю, за которым мы охотимся.

Они лгут. Следует найти способы повышения уровня их сотрудничества.

(Если бы только я мог пронизать их обезьяньи сердечники серебристыми нитями, как мастер-кольцо пронизывает остальные компоненты груды, действующие сейчас в радостном единстве!)

Похоже, нам придется обратиться к классическим, варварским методам допроса.

Следует ли пригрозить людям телесным ущербом?

Применить ли к ним метафизические пытки?

Но капитан-лидер, вопреки моему опыту, решил, что будет применена техника, которая, как нам известно, оказывалась эффективной в отношении многих теплокровных рас.

Мы используем жестокость.

САРА

Снадобья треки заполнили ее приятной немотой, как будто она выпила несколько стаканов вина. Сара чувствовала, как действуют химикалии, прогоняя боль, давая ей возможность прийти в себя.

Через день после возвращения в мир она позволила Эмерсону выкатить ее инвалидное кресло на каменную веранду святилища кузнеца Уриэль, откуда открывался великолепный вид на уходящие на север и восток величественные вершины. К западу от гор дымка скрывала многоцветное чудо Спектрального Потока и Равнину Режущих Песков за ним.

Этот вид помог Саре отвлечься от ручного зеркала, которое лежало у нее на коленях — его дала ей Уриэль — и в которое она поглядывала все утро. Просторы Джиджо делали более ясным

увещевание Эмерсона: «Мир гораздо больше всех наших проблем».

Сара протянула зеркало человеку со звезд, который ловко спрятал его в рукаве своей просторной одежды. И когда Сара вслух рассмеялась, Эмерсон улыбнулся.

Какой смысл думать о царапинах и шрамах, решила она. В будущих днях шрамы не имеют значения. Все, кто выживет, должны будут трудиться и обрабатывать землю. У красивых женщин не будет преимуществ. Но преимущества будут у крепких.

Или эта удовлетворенность — результат действия в ее венах химических веществ? Снадобий, изготовленных Тиугом, мастером алхимиком из кузницы на горе Гуэнн. Когда перед заключением Великого Мира квуэны, уры, хуны и люди непрерывно воевали друг с другом, треки научились лечить другие расы. В последние годы тексты из Библоса помогли таким мастерам молекул, как Тиуг, пополнить практику новыми достижениями, с использованием таких слов на англике, как пептиды и энзимы, и вернуть часть тех достижений, от которых отказались их предки.

Но только они не могли заглянуть в какую-нибудь Библиотеку. Земные тексты послужили

отправной точкой. Базой для новых достижений.

Что иллюстрирует ее тезис, противоречащий общепринятому мнению. Шесть Рас не движутся назад по Тропе Избавления, по тому пути, по которому собирались пройти их предки, — они идут по собственному пути.

По соседству, в просторных помещениях за этим каменным парапетом, где в мастерских и лабораториях работники Уриэль трудятся у бассейнов с жидкой лавой, вырывая у природы ее тайны, масса других доказательств ее теории. Несмотря на свои страдания, Сара радовалась увиденному на горе Гуэнн: все это доказывает, что джиджоанская цивилизация начала развиваться в новом направлении.

Пока не появились звездные корабли.

Сара поморщилась, вспомнив то, чему они были свидетелями прошлым вечером, с этой самой веранды. Друзья устроили пир под звездами, радуясь ее выздоровлению. Хунские моряки из соседнего порта пели праздничные баллады, помощницы Уриэль изгибались в сложном танце, а миниатюрные мужья сидели у них на спинах и подражали каждому повороту и вращению. Серые квуэны, украсившие прочные хитиновые спины сверкающей перегородчатой эмалью,

делали импровизированные злые карикатуры на гостей, вырезая их своими крепкими зубами из камня.

Даже Ульгор разрешили принять участие, и она играла на виоле, извлекая из нее богатые вибрирующие звуки, к которым присоединился на своем дульцимере Эмерсон. Раненый звездный человек снова непредсказуемо запел, извлекая строки из какого-то неповрежденного участка памяти.

> *В доме на острове Файф жил мужчина со своей женой, и, поверьте мне, они были ужасно смешной парой.*
>
> *Потому что, к удивлению окружающих, они смотрели обоими глазами, а когда они говорили, у них шевелились языки.*

И вот, когда пир был в самом разгаре, его грубо прервали. Горизонт на северо-западе осветился множеством вспышек, очертивших отдаленную массу горы Блейз. Все бросились к перилам балкона.

Прошло несколько дуров, прежде чем послышался звук, приглушенный расстоянием. Сара представляла себе гром и молнию — как буря, ко-

торая недавно обрушилась на пустыню, барабаня по ее болезненному безумию. Но тут по спине Сары пробежал холодок, и она обрадовалась, что Эмерсон стоит рядом. Кто-то из учеников подсчитывал промежутки между вспышками и звуком.

Молодой Джома выразил мысли Сары.

— Дядя, гора Блейз взрывается?

Лицо Курта было мрачным и осунувшимся. Но ответила, покачав своей длинной головой, Уриэль.

— Нет, парень. Это не извержение. Я думаю… — Она всмотрелась в ядовитую пустыню. — Я думаю, это город Овун.

Обрел способность речи и Курт. И слова его звучали мрачно.

— Детонация. Направленная. Хорошо рассчитанная. Такую моя гильдия произвести не может.

Понимание происходящего подавило всякие мысли о сопротивлении. Уничтожают самый большой город на Склоне, а они могут только беспомощно наблюдать. Некоторые молились Святому Яйцу. Другие клялись отомстить. Сара слышала, как кто-то объяснял, почему эта жестокость совершается в ясную ночь — чтобы происходящее увидели повсюду на Склоне. Это

демонстрация несокрушимой силы.

Потрясенная ужасным зрелищем, Сара утратила дар связной мысли. Ее сознание заполнилось образами матерей — хунских матерей, матерей г'кеков, человеческих матерей и даже высокомерных квуэнских королев. Убегая от огня, рушащихся домов, они прижимают к себе детей. Это зрелище вращалось в сознании, как столб пепла, пока Эмерсон не дал ей двойную дозу эликсира треки.

И погружаясь в глубокий сон без сновидений, она подумала:

Слава Богу, что я не приняла предложение мудреца Теина, сейчас у меня могли бы быть собственные дети.

Но сейчас не время позволять себе глубоко любить.

Сейчас, при дневном свете, Сара обнаружила, что ее мозг работает как раньше, до несчастного случая, быстро и логично. Она даже смогла выработать общую картину ночного несчастья.

Джоп и Дединджер будут говорить, что нам прежде всего не нужно было строить города. Они скажут, что галакты оказали нам услугу, уничтожив город Овун.

Сара вспомнила легенды, которые читала ей

вслух мать. Это была книга народных преданий, восходящих к годам до контакта. В большинстве земных культур есть саги о предполагаемом золотом веке в прошлом, когда люди знали больше. Когда у них было больше мудрости и силы.

Во многих мифах описывались гневные боги, мстительно уничтожавшие результаты труда возгордившихся смертных, чтобы мужчины и женщины не считали себя достойными неба. Никакие доказательства не подкрепляли такие рассказы, но они настолько распространены, что должны быть связаны с чем-то глубоким и мрачным в человеческой психике.

Может быть, моя личная ересь всегда была лишь глупой мечтой, а мои представления о «прогрессе» основаны на вымышленных доказательствах. Даже если Уриэль и другие начали двигаться по другому пути, сейчас это кажется неважным.

В конце концов Дединджер оказался прав.

Как и в этих легендах, боги проснулись и готовы сбросить нас на землю.

Позже семафор принес подтверждение случившейся катастрофе. Это была та самая система зеркал, которая поразила Сару, когда она случайно уловила вспышку во время крутого подъема от

Кси. Используя код, основанный на упрощенном галдва, сигнал передавался извилистым маршрутом от одной вершины Риммера к другой и содержал в себе сжатый рассказ об опустошении на реке Гентт.

Несколько мидуров спустя появился и очевидец, он спустился с неба на крыльях сказочной фантастической птицы и приземлился на каменном парапете Уриэль. Из-под дрожащих крыльев появился юноша, отстегнул ремни после отчаянного полета над страшной пустыней, когда он перелетал от одного восходящего потока к другому, — в нормальное время такой подвиг вызвал бы настоящую сенсацию.

Но во время войны героизм и невероятные подвиги — это обычное состояние, подумала Сара, когда вокруг юноши собралась толпа. Дрожащей рукой юноша снял реук, который защищал его глаза во время полета над Спектральным Потоком. И когда на балкон вышла Уриэль, отдал ей принятую в милиции честь.

— Прежде чем напасть на город Овун, джофуры выдвинули ультиматум с двумя требованиями, — хриплым голосом рассказал он. — Первое требование — все г'кеки и треки должны собраться в специально отведенных зонах.

Уриэль с силой выдула воздух через ноздрю. Она как будто ожидала чего-то подобного.

— И каково второе требование ультиматума?

Ответа ей пришлось подождать. Подошла со стаканом воды Кефа, всадница из Кси, и пилот стал жадно пить, вода лилась по его подбородку. Большинство уров отвернулись от этого неприятного зрелища. Но Уриэль терпеливо ждала, пока он не закончил.

— Продолжай, — поторопила она, когда юноша с улыбкой вернул Кефе стакан.

— Хм, — начал он. — Джофуры требуют, чтобы высокие мудрецы сообщили, где находится корабль дельфинов.

— Корабль дельфинов? — Копыта Уриэль застучали по плитам. — Мы слышали смутные толки об этом. Слухи и противоречивые намеки ротенов. Джофуры пояснили, что они имеют в виду?

Курьер попытался кивнуть, и на этот раз к нему приблизился Тиуг и охватил голову юноши несколькими щупальцами. Тот поморщился, когда алхимик треки начал смазывать его обожженную и обветренную кожу своими выделениями.

— Кажется… Эй, осторожней! — Он попытался вырваться из стальных щупалец, потом решил

не обращать на треки внимания.

— Кажется, именно эти дельфины — добыча, которая в первую очередь привела сюда, в Четвертую Галактику, и ротенов, и джофуров. Больше того, джофуры утверждают, что мудрецы должны были поддерживать связь с кораблем землян. Либо мы выдадим его местоположение, либо нас ждут новые разрушения, начиная с города Тарек, потом меньшие поселки, пока не останется ни одного здания.

Курт покачал головой.

— Они блефуют. Даже галакты не могут отыскать все наши постройки в лесах, спрятанные под маскировочной тканью.

Курьер был настроен не так оптимистично.

— Повсюду есть фанатики, которые считают, что наступил конец. Некоторые верят, что джофуры — это посланцы судьбы, которые пришли, чтобы вернуть нас на Тропу. Все, что нужно таким придуркам, это разжечь костер где-нибудь возле здания и бросить в него фосфор. Джофуры уловят этот сигнал с помощью своего искателя радуги.

«Искатель радуги? — Сара удивилась. — О, он, наверно, имеет в виду спектроскоп».

Джома был в ужасе.

— Это возможно?

— Так уже было в нескольких местах. Кое-где местных взрывников взяли в заложники и заставили привести в действие свои заряды. Повсюду джофуры развернули базовые лагери, в каждом дюжина груд и три десятка роботов, и они сгоняют всех оказавшихся поблизости жителей на допрос. — Тон его был мрачен. — Вы даже не знаете, как вам повезло, что вы оказались здесь.

Но Сара сомневалась. Как могут высокие мудрецы согласиться на такие требования? Г'кеков собирают вовсе не для того, чтобы вернуть им звездный статус. А что касается треки, то смерть должна казаться им более приемлемой, чем уготованная для них судьба.

Потом этот «корабль дельфинов». Даже ученая Уриэль может только гадать, были ли действительно высокие мудрецы в контакте с группой беглых земных клиентов.

Возможно, это было следствием эмоциональной усталости или долговременным результатом снадобий Тиуга, но внимание Сары отвлеклось от печального рассказа пилота. Он продолжал описывать разрушения и смерть в Овуне, а Сара повернула свое кресло на колесиках и присоединилась к Эмерсону, стоявшему возле глайдера курьера.

Звездный человек гладил прозрачные крылья и тонкие распорки, улыбаясь восторженно при виде такой изобретательности. Вначале Сара подумала, что это тот самый маленький флаер, который она видела в витрине музея в Библосе, — последний сохранившийся с тех легендарных времен, когда вскоре после приземления «Обители» смелые воздушные разведчики помогали колонистам-людям выжить в первых войнах. Со временем это искусство было утрачено из-за отсутствия необходимых материалов.

Но эта машина новая!

Сара узнавала г'кекские узоры на тонкой ткани, шелковистой на ощупь.

— Это выделения треки, — объяснил Тиуг, который тоже оставил толпу, окружившую молодого вестника. Алхимик разделял предпочтение, которое оказывает Эмерсон делам, а не словам.

— Я/мы попробовал на вкус эту нить. Полимер обладает хитроумной волокончатой структурой, основанной на мульк-ткани. Несомненно, в предстоящих пидурах он найдет и другие применения, когда начнут осуществляться наши различные планы.

Вот оно опять. Намек на какие-то тайные замыслы. Планы, которые никто не торопится

объяснить, хотя у Сары уже возникают подозрения.

— Простите нас/меня за то, что прерываю ваши размышления, достопочтенные Сары и Эмерсоны, — продолжал Тиуг. — Но послание-запах только что активировало рецепторы моего пятого сенсорного тора. Упрощенный смысл таков: мудрец Пурофски хочет, чтобы вы находились рядом с ним.

Сара перевела неловкое высказывание Тиуга.

Иными словами, хватит валять дурака. Пора браться за работу.

Вернуться в логово тайн и загадок Уриэль.

Сара видела, что кузнец уже ушла вместе с Куртом, предоставив своей первой помощнице Урдоннел заканчивать расспросы курьера. Очевидно, даже такие ужасные новости отступают на второй план перед ее работой.

Расчетные проблемы орбитальной механики? — удивилась Сара. — По-прежнему не понимаю, чем это поможет нам в трудном положении.

Она поймала взгляд Эмерсона, и тот с явной неохотой оторвался от глайдера. Но потом, наклонившись к Саре, чтобы подоткнуть края ее одеяла, звездный путешественник посмотрел ей

в глаза и открыто улыбнулся. Затем его сильные руки покатили кресло по раме в глубь горы, к фантастическому Залу Вращающихся Дисков Уриэль.

Я чувствую себя как г'кек, когда так разъезжаю. Наверно, всем людям стоит провести неделю в таком положении, чтобы понять, какова жизнь других.

Сара удивлялась, как г'кеки могли передвигаться в своей естественной среде. Согласно легенде, это были плавающие в космосе искусственные колонии. Странные места, где многие привычные для поверхности планет представления не действуют.

Эмерсон старался не попадать в колеи, протоптанные в каменном полу бесчисленными поколениями уров. А когда миновали главный горн, с его вечными испарениями, ускорил шаг и постарался защитить Сару от волн вулканического жара своим телом.

На самом деле Сара была почти готова ходить самостоятельно. Но ей было необычно приятно на время наслаждаться переменой ролей.

Приходилось признать, что он в этой роли хорош. Может, у него просто была хорошая учительница.

В обычное время кресло Сары толкала бы Прити. Но маленькая шимпанзе была занята. Она сидела на высоком стуле в святилище Уриэль, держа в руках блокнот и карандаш, и чертила на листе разлинованной бумаги для рисования дуги. За рабочим местом Прити расстилалось обширное подземное помещение, заполненное трубами, шкивами и дисками, связанными кожаными ремнями и передачами, — целый лабиринт на деревянных лесах, поднимающихся к сводчатому потолку. В ярком свете карбоацетиленовых фонарей видны были крошечные фигуры, карабкающиеся по лесам, затягивающие, подкручивающие и смазывающие. Это были миниатюрные урские самцы, для которых впервые нашлась работа за пределами сумок их жен. И вот, присматривая за сложным «хобби» Уриэль, они получают еще и немалую плату.

Когда Сара в лихорадке впервые увидела это место, она решила, что это бред и она в бреду видит ад. Вращающиеся стеклянные диски начали петь ей.

Петь не звуками, а светом. Поворачиваясь, соприкасаясь краями, узкие лучи отражались от зеркальных поверхностей, блестя, как луна зимой в бесчисленных ледяных фасетах за-

мерзшего водопада. Но здесь была не просто великолепная произвольность. Тут была упорядоченность. Какой-то ритм. Некоторые вспышки появлялись и гасли с точностью часов, другие исполняли сложные, волнообразные циклы, как накатывающийся прибой. С обостренной чувствительностью освобожденного подсознания Сара узнавала всепроникающую гармонию форм. Эллипсов, парабол, цепных линий — нелинеарная серенада геометрии.

Это компьютер, неожиданно поняла она, еще не вполне овладев всеми способностями своего ищущего мозга. И впервые с ухода из древесного дома в деревне Доло она почувствовала себя в своей стихии.

Это другой мир.

Мой мир.

Математика.

БЛЕЙД

Он мог бы оставаться дольше, но после трех или четырех мидуров воздух в ножных пузырях становился затхлым. Даже взрослый квуэн должен дышать по крайней мере десять раз в день. Поэтому к тому времени как рассеянный солнеч-

ный свет проник в его мутное убежище, Блейд знал, что должен покинуть дно холодной реки, которая защитила его во время долгой ночной огненной бури. Он сражался с течением Гентта, вцепившись всеми пятью когтями в илистый берег, и поднимался до тех пор, пока не смог высунуть купол из-под грязной поверхности воды.

Такое впечатление, будто наступил судный день.

Легендарные башни города Овун пережили эпоху разрушения, а потом и полмиллиона лет дождя и ветра. Исчезли сложные машины, которые превращали город в полный жизни галактический аванпост. Их вместе почти со всеми оконными панелями увезли давно покинувшие планету буйуры. Но даже несмотря на десятки тысяч зияющих отверстий, уцелевшие корпуса оказались роскошными дворцами для шести рас изгнанников, они предоставили место для сотен квартир и мастерских, соединенных сложной системой деревянных мостов, рамп и маскировочной решеткой.

Теперь из грязи и пыли торчало только несколько обрубков. С неба горячо били солнечные лучи, показывая, насколько тщетными были все попытки замаскироваться.

Пробираясь по речному берегу, забитому обломками каменных блоков, Блейд постоянно встречал самые страшные отбросы — тела, плавающие у берега в воде, многочисленные куски тел, конечности двуногих, колеса г'кеков и торы треки. В манере квуэнов он не морщился и не испытывал отвращения, ступая на плавающие трупы, но только надеялся, что кто-нибудь организует сбор останков, чтобы подвергнуть их приличному мульчированию. А оплакивание мертвых ничего не даст.

Блейда больше встревожил хаос в доках, где на пирсы и прибрежные склады обрушилось несколько шпилей. Ни один корабль или лодка не казались неповрежденными.

Блейд ненадолго задержался, наблюдая за тем, как безутешные хуны осматривают свой некогда прекрасный корабль. Он на короткое время испытал прилив надежды, когда узнал корабль и увидел, что его деревянный корпус невредим! Но потом понял: все мачты и снасти исчезли. Из всех его пяти ножных щелей показались пузыри разочарования.

Только вчера Блейд купил билет на этот корабль. Теперь можно достать билет из промокшей сумки и выбросить в реку, где он присоединится

к другому мусору.

Очень многое из этого мусора еще вчера было живым, когда на звездном небе появился корабль галактических богов. Он прилетел, опередив собственную звуковую волну, и провозгласил о своем появлении громким гулом тормозящих двигателей. Потом сделал удовлетворенный круг над городом Овуном, невозмутимый, как жирная рыба-хищник.

Это зрелище показалось Блейду одновременно прекрасным и ужасным.

Наконец послышался многократно усиленный голос, провозглашающий требования ультиматума на напряженном, свойственном треки диалекте галдва.

Блейд побывал в слишком многих переделках, чтобы просто стоять и смотреть. Урок, усвоенный благодаря жизненному опыту, прост: когда кто-нибудь гораздо больше и сильней тебя начинает угрожать, поскорее убирайся. И он, не дослушав слова чужаков, присоединился к бегству благоразумных. И успел добраться до реки с запасом в несколько кидуров.

Но даже десять метров бурной коричневой воды над головой не могли скрыть от него последующее. Обжигающие лучи, резкие вспышки

и крики.

Особенно крики.

Теперь, под солнцем нового дня, Блейд обнаружил, что его сознание перегружено сценами разрушений. Самый большой город на Склоне, некогда полный жизни, центр искусства и торговли, теперь был совершенно разрушен. В центре города здания не просто обрушились, они превратились в пыль, которую ветер уносил на восток.

Неужели такая же участь постигла город Тарек, где приятная зеленая Рони встречается с ледяным Бибуром? Или деревню Доло, где расположена дамба и под ее защитой процветающий улей его теток и матерей? Хоть Блейд вырос среди людей, он обнаружил, что стресс подавил его способности к англику. И сейчас ему легче выражать мысли на галактическом шесть.

Моя ситуация — она кажется безнадежной.

К горе Гуэнн — туда не добраться на океанском корабле.

С Сарой и остальными — я не могу увидеться.

Такова судьба моего обещания, моей клятвы.

Поблизости из воды выходили другие квуэны, их куполы поднимались на поверхность, как разбросанные пробки. Самые смелые уже опередили Блейда и добрались до разрушенных улиц,

предлагая свои крепкие спины и сильные когти в помощь отрядам спасателей, которые обыскивали развалины башен в поисках уцелевших. Блейд видел также несколько красных и гигантских серых, которые, должно быть, пережили эту ужасную ночь не под прикрытием воды. Некоторые казались ранеными, все были покрыты пылью, но работали рядом с хунами, людьми и остальными.

Квуэн не чувствует себя спокойно, если у него нет дела, которое он обязан выполнить. Некоторые обязательства можно удовлетворить, подобно зуду, только когда служишь. На родине квуэнов этот инстинкт безжалостно эксплуатировался серыми матронами. Но на Джиджо положение изменилось, выработался иной тип верности. Верности не просто отдельному улью или королеве.

Не видя возможности выполнить свое обещание и увидеться с Сарой, Блейд сознательно переориентировал свои приоритеты и выработал новую краткосрочную повестку дня.

Трупы для него ничего не значат. То, что большинство населения города Овун погибло, его не трогало. Однако он ускорил движение и принялся помогать тем, кто отыскивает искорки жизни.

Выжившие и спасатели пробирались через обломки с исключительной осторожностью, так как каждый перевернутый камень мог представлять опасность.

Подобно большинству поселений, это тоже было в свое время заминировано гильдией взрывников, которые готовили город к уничтожению, если когда-либо придет предсказанный Судный день. Но когда он действительно пришел, то способ его проявления не был описан в Свитках. Не было строгих беспристрастных чиновников из великих Институтов, организующих эвакуацию и тщательное устранение следов, а потом определяющих вину каждой расы по тому, насколько далеко зашла она по Тропе Избавления. Напротив, с неба устремился неожиданный и жестоко бесстрастный каскад пламени, способный только убивать. Он воспламенил некоторые тщательно размещенные заряды, за которыми много поколений почтительно присматривали взрывники, а другие остались тлеть в развалинах и превратились в смертоносные ловушки.

Когда взорвался местный центр гильдии взрывников, огненный столб поднялся так высоко, что едва не задел джофурский корвет, заставив его торопливо отступить. И даже теперь, несколько

мидуров спустя после нападения, в разных частях города по-прежнему раздавались взрывы, уничтожая усилия спасателей и нагромождая новые груды развалин.

Положение улучшилось, когда в город прискакали добровольцы-уры из ближайшего каравана. Своим чувствительным обонянием уры определяли наличие и невзорвавшихся зарядов, и живой плоти. Особенно успешно находили они лежавших без сознания или заваленных людей, чей запах им казался чрезвычайно острым.

Проходили один за другим мидуры напряженной работы. К концу дня Блейд все еще принимал в ней участие, он тащил за веревку, помогая убрать неподдающиеся преграды с заваленного подвала. Временный руководитель отряда спасателей, хунский капитан корабля, гулко подавал ритмичные команды:

— Хр-рм, теперь тяните, друзья!.. Опять! Подается! И еще раз!

Блейд пошатнулся, когда каменный блок наконец подался. В открывшееся отверстие нырнули пара проворных лорников и маленький шимпанзе, и вскоре они вытащили ошеломленного г'кека с двумя сломанными колесами. Однако черепная коробка у него оказалась невредимой

и все четыре глазных стебелька извивались в танце удивленной благодарности. Спасенный казался молодым и сильным. А колеса можно починить, спицы отрастут сами.

Но где он будет до этого жить? — тревожился Блейд, зная, что г'кеки предпочитают городскую жизнь, а не соседние джунгли, куда бежало множество жителей Овуна. Будет ли его ждать мир, в который стоит возвращаться, или он будет переполнен созданными джофурами вирусами и охотничьими роботами, запрограммированными следовать старинной вендетте?

Группа собиралась возобновить свой бесконечный труд, когда треки, которому была отведена роль часового-наблюдателя, издал резкий крик. Он сидел на высокой груде обломков и смотрел одновременно во всех направлениях.

— Смотрите! Все устремите внимание в указанном направлении!

Пара щупалец указывала приблизительно на юг и запад. Блейд приподнял свой тяжелый панцирь и попытался что-нибудь разглядеть, но его купол был покрыт пылью, а поблизости не было воды, чтобы его промыть. Если бы у квуэнов было зрение получше!

«Но, Ифни, сейчас я согласился бы на слезные

железы».

В поле зрения появился объект, почти шарообразный, он неторопливо двигался на горизонте над лесом, покачиваясь, как облачко. Не обладая чувством перспективы, Блейд вначале не мог определить его размеры. Может быть, явился титанический джофурский боевой корабль, чтобы закончить работу? Блейд вспомнил рассказы о галактическом оружии, гораздо более мощном, чем то, что применил прошлой ночью корвет. Оружии, способном растопить кору континентов. И если чужаки намерены использовать такое оружие, никакая река не спасет.

Но нет, он увидел, что поверхность шара трепещет на ветру. Похоже, шар сделан из ткани и вообще он гораздо меньше, чем казался вначале.

За первым появились еще два шара. Блейд инстинктивно сменил органические фильтры купола, рассматривая шары в инфракрасных лучах. И сразу увидел, что под каждым шаром какое-то очень нагретое место, свисающее на тросах с шара.

Другие стоявшие поблизости и обладающие более острым зрением прошли через несколько реакций. Вначале это были страх и тревога, потом замешательство и, наконец, радостное

удивление, которое выразилось в резком смехе или низком ворчании.

— Что это? — спросил стоявший рядом красный квуэн, еще более ослепленный пылью.

— Мне кажется… — начал Блейд. Но тут вмешался человек, заслонивший глаза руками.

— Это воздушные шары! Клянусь Дрейком и Ур-Чоун, это воздушные шары с горячим воздухом!

Немного погодя даже квуэны смогли разглядеть, что висит под наполненными воздухом шарами. В плетеных деревянных корзинах стояли уры и управляли огнем, который периодически ярко вспыхивал. И тут Блейд понял, кто пришел, словно вышел из оранжевого садящегося солнца.

Кузнецы с горы Блейз, должно быть, видели ночную катастрофу из своего горного святилища. И пришли на помощь соседям.

Это казалось почти святотатством. Ведь Священные Свитки всегда говорили о роке, который придет со страшного открытого неба.

Но кажется, безоблачное небо способно приносить и спасение.

ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ

Теперь он был слишком занят, чтобы испытывать муки угрызений совести. И по мере того как деятельность на тайной базе становилась все более лихорадочной, у Лестера не было времени даже на чувство вины. Нужно было постоянно проверять трубы, переносящие растворы. Трубопровод извилисто пролегал через лес бу и переносил ядовитые жидкости, созданные группой синтезирующих треки, в высокие емкости, где они принудительно сгущались в адскую смесь.

Лестеру приходилось также проверять новую машину, которая разворачивала лигу за лигой прочный трос, обвивала вокруг массивных стволов бу, тем самым тысячекратно увеличивая его прочность.

Еще нужно было заниматься загорающимися жуками. Один из помощников Лестера нашел новое применение этим старым паразитам, опасным преобразованным буйурами насекомым, которых все Шесть Рас ненавидели, но которые теперь помогли решить сложную техническую проблему. Идея казалась перспективной, но тре-

бовалось ее проверить, прежде чем включать в общий план действий.

Шаг за шагом план прогрессировал — от дикой фантазии к отчаянному риску. Говорили, что местные хунские букмекеры принимают ставки только один к шестидесяти на то, что план удастся, и больше пока никто не предлагает.

Конечно, каждый раз как они решали проблему, ее сменяли три другие. Но это ожидалось, и Лестер смотрел на растущую сложность как на благо. Быть постоянно занятым — единственный способ избавиться от навязчивых картин, которые снова и снова возникают в памяти.

Золотой туман, опускающийся на крепость Дуден. Только погружение в работу позволяет на время забыть отчаянные крики г'кеков, захваченных ядовитым дождем, который лился с джофурского крейсера.

Крейсера, который он так беззаботно призвал, поддавшись своему величайшему пороку — любопытству.

Не вини себя, Лестер, на галсемь говорила Ур-Джа. Враг все равно вскоре обнаружил бы Дуден. А твои исследования принесли очень ценную информацию. Она помогла покончить с эпидемией квуэнов и хунов. Жизнь состоит из сделок и

обменов, мой друг.

Может быть. Лестер допускал, что события могли развиваться и так. Особенно если вы предполагаете, как делают многие, что бедные г'кеки все равно обречены.

Такого рода философия легче дается урам, которые знают, что лишь немногие их отпрыски смогут выжить. Мы, люди, горюем всю жизнь, если теряем сына или дочь. И если уры кажутся нам черствыми и бессердечными, неплохо бы помнить, что они нас считают нелепо сентиментальными.

Лестер пытался рассуждать как уры.

Но у него ничего не вышло.

Пришли новости от коммандос, которые смело проникли в глубину озера, образовавшегося на Поляне Собраний. Сержант Джени Шен доложила о частичном успехе. Удалось освободить нескольких даников из захваченного корабля, но остальных, включая молодого мудреца-еретика Ларка Кулхана, захватили джофуры. С точки зрения Лестера, полная неудача.

Что сейчас делают чужаки с бедным Ларком?

Мне не следовало соглашаться с его опасным планом.

Лестер понял, что у него нет темперамента во-

енного вождя. Он не может посылать разумных, как огонь в топку, даже если это цена победы.

Когда все это кончится — если, конечно, кто-нибудь уцелеет, — Лестер собирался уйти в отставку со своего поста в Совете Мудрецов и стать самым замкнутым ученым в Библосе, ползая, как привидение, мимо полок с древними томами. Или возобновить свою прежнюю практику медитаций в узком Каньоне Благословенных, где, как известно, земные заботы рассеиваются под сладким океаном отчужденного забвения.

Это звучит соблазнительно — возможность уйти от жизни.

Но пока у него слишком много дел.

Теперь Совет собирался редко.

Фвхун-дау, который всю жизнь изучал языки и обычаи знаменитых галактов, теперь отвечал за переговоры с джофурами. К несчастью, похоже, договариваться почти не о чем. Возможны только тщетные просьбы к захватчикам изменить их многокольчатые намерения. Фвхун-дау посылал неоднократные просьбы к тороидным чужакам, указывая, что высокие мудрецы ничего не знают о «корабле дельфинов», который все ищут.

Поверьте нам, о великие повелители джофуры, умолял хунский мудрец. У нас нет тайной связи с

вашей добычей. События, о которых вы говорите, никак не связаны друг с другом, это всего лишь ряд совпадений.

Но джофуры были слишком разгневаны, чтобы поверить в это.

В попытках переговоров Фвхун-дау помогал Горш, новый представитель треки в Совете. Но у треки, заменившего Аскса, не было никаких новых мыслей или предложений. Он был членом гильдии взрывников города Тарек, очень способным и ценным техническим специалистом, но ничего не знал о своих дальних родственниках джофурах.

Но Горш обладал особой способностью, которая оказалась необыкновенно полезной. У него было призывающее кольцо.

Переменчивые летние ветры разносили призывный запах треки по всему Склону, обращение Горша ко всем подготовленным грудам колец.

Приходите, приходите туда, где вы/мы необходимы.

Сотни треки уже стояли цепочкой жирных груд, которая растянулась почти на лигу, извиваясь меж стволов бу. Каждый доброволец сидел на отдельной роскошной груде разлагающейся материи, которую постоянно подбрасывали рабо-

чие команды, как подбрасывают поленья в топку парового двигателя. Пыхтя и дымясь от напряжения, химико-синтезирующая группа каплю за каплей отправляла блестящую жидкость в импровизированные желоба, сделанные из расколотых и выдолбленных стволов; получались ручейки, которые сливались в дурно пахнущий поток.

Неподвижные, бессловесные, они ничем не походили на разумные существа. Скорее высокие жирные пчелиные ульи, выстроенные в ряд вдоль дороги. Но наружность обманчива. Лестер видел, как по телу ближайшего треки пробегает разноцветная рябь — тонкая игра теней, которая вначале возникала между двумя соседними кольцами, как будто они непрерывно разговаривают друг с другом. Но затем создавался единый рисунок из света и теней в точках, которые ближе всего располагались к соседям с обеих сторон. Те груды, в свою очередь, отвечали изменениями на своей поверхности.

Лестер узнавал волнообразный мотив — это смех треки. Работники обменивались шутками и от кольца к кольцу, и от груды к груде.

«Они самые странные из всех Шести, — подумал Лестер. — И все же мы понимаем их, а они

нас.

Сомневаюсь, чтобы даже самые мудрые и высокоразвитые галакты могли то же самое сказать о джофурах. Там вся их передовая наука не может достичь того, чего мы достигли, просто день за днем живя рядом с треки».

Лестер мог заметить, что шутки грубоватые. Многие из этих работников — аптекари из поселков со всего Склона. Тот, что ближе всего к Лестеру, рассуждает, как еще можно использовать вещество, которое они готовят, возможно, как надежное средство от постоянной проблемы хунов — запора, особенно если применение средства сопровождается обильным теплом.

Так по крайней мере Лестер интерпретировал игру света. Но он не эксперт в нюансах и оттенках. И конечно, работники могут обмениваться грубоватыми шутками. Они напряженно работают день за днем и все еще отстают от графика.

Но с каждым мидуром по призыву запаха, посланного их мудрецом, прибывают все новые треки.

«Теперь нам остается надеяться, что джофуры слишком привыкли к высокой технологии и городскому образу жизни, чтобы пользоваться такими методами и определить наше местона-

хождение по запахам, приносимым ветром».

Мудрец квуэн — Ум-Острый-Как-Нож — несет на своей широкой синей спине все административные обязанности.

Надо размещать беженцев, организовать доставку припасов, распределять отряды милиции, подавлять вспышки гражданской войны между Шестью. Недавно удалось добиться большого успеха — подавить эпидемию, размножив образцы вакцины, которые Джени Шен принесла с озера Поляны, и с помощью курьеров на глайдерах разослав их по всему склону.

Но несмотря на такие отдельные успехи, социальная ткань Общины продолжала распадаться. Приходили новости об урских отрядах, которые пересекают официальные границы Склона, пытаясь уйти от судьбы, которая угрожает всем Шести Расам. Равнина Уоррил охвачена пламенем войны между темпераментными и вспыльчивыми урскими кланами. И плохие новости все продолжают поступать.

В последнем сообщении говорилось, что несколько ульев серых квуэнов открыто объявили о полном разрыве с Общиной, восстанавливая суверенитет над своими древними территориями. Подстегнутые разрушением города Овун,

некоторые серые принцессы даже заявили об отказе подчиняться собственному высокому мудрецу.

«Мы не собираемся слушаться какого-то простого синего, — сообщил один из серый ульев, унижая Ум-Острый-Как-Нож и восстанавливая древний фанатизм. Будешь давать нам советы, когда обретешь подобающее имя».

Разумеется, красные и синие квуэны никогда не пользуются именами как таковыми. Жестоко и высокомерно упоминать об этом недостатке, унаследованном от древних времен и других миров.

И что еще хуже, приходили сообщения, что ульи серых начали собственные переговоры с джофурами.

«Кризис может развести нас или свести».

Лестер проверял работу смешанного отряда квуэнов и хунов, который возводил хрупкие леса вокруг нескольких отобранных стволов бу. Только небольшая часть из отмеченных стволов было лишена ветвей и подготовлена, но отряд все лучше осваивался с незнакомой работой. Некоторые квуэны обладали опытом, унаследованным от бабушек, которые в древние времена строили страшные катапульты в городе Тарек, господствующем над двумя реками. Это продолжалось

до тех пор, пока длительная осада не покончила с древним правлением.

Такая бурная деятельность может быть обнаружена внимательным взглядом с неба. Но каждый отобранный ствол окружали другие, более высокие, поглощая суматоху морем великанской травы.

«Мы, во всяком случае, на это надеемся».

Работой руководили несколько уров и людей, они все время сверялись с древними чертежами, найденными в единственной редкой книге в Библосе, восходящей к дням до контакта. В книге излагалась технология волчат, в которой в течение уже многих миллионов лет не нуждались галактические государства. Бок о бок мужчины и женщины рядом с коллегами урами излагали причудливые концепции из книги, переводили необычные рецепты, адаптируя их к местным материалам и умениям.

Условия были спартанские. Многие добровольцы страдали от лишений. Чтобы достичь этого леса из высоких зеленых колонн, им пришлось преодолеть многие лиги по крутым горным тропам, как и прерии, уходящим в бесконечность.

Всех добровольцев объединяла одна цель — найти способ, с помощью которого Община

Шести Рас могла бы нанести ответный удар.

Ур— Джа металась между шумящими толпами, приводила хаос в порядок, убеждалась, что у синтезаторов-треки достаточно пищи и сырья и что каждый трос туго натянут. Из всех мудрецов Ур-джа наиболее подготовлена, чтобы вместе с Лестером руководить работами. Ее шкура стала пятнистой от старости, сумки высохли, но ум в узком черепе оставался острым — и более прагматичным, чем когда-либо у самого Лестера.

Из всех высоких мудрецов оставался только Вуббен.

Рассудительный и многознающий. Обладающий глубокой проницательностью. Предводитель расы, которую враг, ничего не забывающий и никогда не сдающийся, давно обрек на уничтожение. Из всех рас изгнанников племя Вуббена больше двух тысяч лет назад первым преодолело жестокие ветры Измунути и нашло на Джиджо убежище.

Колесные г'кеки — одновременно дружелюбные и загадочные.

Соседи, хоть и странные.

Хрупкие, но надежные.

Безлицые, однако открытые, как книга.

Как много потеряла бы без них вселенная!

Несмотря на то что им трудно передвигаться по неровным тропам, некоторые г'кеки добрались до далекой горной базы и теперь ткали прочные ткани или использовали свое острое зрение, чтобы делать мелкие части. Однако их мудреца нигде не было видно.

Вуббен отправился на юг, в святое место, в опасной близости от корабля джофуров. Там он тайно попытается вступить в контакт с самой высокой и святой силой на Джиджо.

Лестер тревожился о своем мудром друге со скрипучими осями, который отправился в опасный путь в одиночестве.

Но кто-то должен это сделать.

«Вскоре мы узнаем, были ли все это время глупцами или верили в то, что достойно нашей любви».

ФАЛЛОН

Полоска ослепительной белизны обозначала границу Спектрального Потока; здесь наклонная плита сверкающего камня исчезала под океаном ослепительных песчинок. К северу от этого пункта начиналась совсем другая пустыня, которая казалась менее враждебной сознанию и глазу,

но была столь же опасной. Пустыня, где жили только выносливые существа.

И очень опасные.

Когда следы сбежавшего еретика пересекли эту границу, они изменились. Больше не светились уникальными оттенками масляных красок, одновременно говоря правду и обманывая. Без всякого перерыва уходя вперед, следы становились простыми углублениями на равнине Режущего Песка, углублениями, которые постепенно разглаживались под ветром, ласкавшим дюны. Видно было только, что недавно здесь прошел двуногий гуманоид, прихрамывая на левую ногу.

Фаллон мог сказать еще одно: путник очень спешил.

— Мы больше не можем идти по следу, — сказал он своим молодым спутницам. — Наши лошади устали. И это царство Дединджера. Он знает его лучше нас.

Реза и Пана смотрели на песчаную пустыню в не меньшем отчаянии, чем он. Старшая всадница, крепкая рыжеволосая женщина, с ружьем через плечо, не согласилась.

— Мы должны идти вперед. Еретик знает все. Если он доберется до своей банды, они вскоре вместе с ним вернутся в Кси и нападут на нас.

Или выдадут наше местоположение чужакам. Этого человека нужно остановить.

Фаллон видел, что, вопреки этой решимости и ярости, на сердце у Резы было неспокойно. Несколько дней они преследовали Дединджера по знакомой им пустыне — обширной каменной плите, такой ядовитой, что осколок, застрявший в коже, может погрузить вас в дрожащую лихорадку. Место, совершенно лишенное жизни, где дневной свет вызывает перед незащищенными глазами удивительные зрелища: водопады и огненные пропасти, золотые города и сказочную пыль. Даже ночью не было отдыха, потому что и лунный свет мог заставить задрожать того, кто без предупреждения увидит эти призрачные тени краем зрения. Таковы были ужасные чудеса Спектрального Потока, в большинстве случаев более негостеприимной местности, чем лежащая впереди космическая пустыня. Такой негостеприимной, что мало кто из джиджоанцев осмеливался исследовать ее окраины. И поэтому тайна Кси оставалась нераскрытой.

Реза справедливо опасалась последствий, если Дединджеру удастся благополучно уйти и особенно если он заключит союз с ненавидящими лошадей урами, которые называют себя Урунтай.

К этому времени трудности и препятствия Спектрального Потока уже должны были остановить беглеца. Три преследователя ожидали, что схватят его еще вчера, если не позавчера.

«Это моя вина, — думал Фаллон. — Я был слишком самоуверен. Слишком нетороплив. Мои старые кости не выдерживают галоп, а я не разрешал женщинам скакать без себя».

Кто бы мог подумать, что Дединджер без всякой практики так хорошо научится ехать верхом, со смесью заботы и жестокости подгоняя украденную лошадь, так что бедное животное пало только за две лиги до границы?

И даже после этого он шел так быстро, что расстояние между ними почти не сокращалось. Иллии берегли своих драгоценных животных, а этот безумец умудрился пересечь местность, которая должна была бы убить его.

«Мы преследуем сильного, изобретательного противника. Я предпочел бы встречу с ледовым отшельником хуном или даже с серым чемпионом, чем с этим парнем, прижатым к дюне».

Конечно, постепенно Дединджер выдохнется, дойдет до предела сил и выносливости. Может, он в беспамятстве лежит сейчас за следующей дюной. Что ж, надеяться не вредно.

— Хорошо, — кивнул Фаллон. — Пойдем дальше. Но будьте осторожны. И готовы действовать быстро, когда я скажу. Пойдем по следу до темноты, потом, даже если не догоним его, вернемся.

Реза и Пана согласились с ним и послали лошадей вперед. Животные, прижав уши, без всякого энтузиазма ступили на песок. Они тревожно заржали. Лишенные цветового зрения и воображения, они обладали иммунитетом к ослепляющим картинам Спектрального Потока, но это царство ослепительной белизны им явно не нравилось. Вскоре все три человека сняли симбионтов реуков и надели темные очки урской работы с поляризованным покрытием из рыбьих мембран.

Ифни, какое ужасное место, думал Фаллон, наклоняясь в седле и всматриваясь в следы предателя. Но Дединджер здесь дома.

Теоретически это не должно было иметь значения. Перед тем как передать свой пост ученику, Дверу, Фаллон был главным разведчиком и следопытом Совета мудрецов, экспертом, который предположительно знает каждый гектар Склона. Но это всегда было преувеличением. О, он провел некоторое время в этой пустыне, познакомился с грубыми необразованными людьми, которые

живут под некоторыми полыми дюнами и зарабатывают на жизнь охотой.

«Но в те дни я был намного моложе. Это было задолго до того, как Дединджер начал проповедовать жителям песков, льстя им и убеждая в том, что только их образ жизни праведен. Они лидеры, им предстоит возглавить движение человечества по Тропе Избавления.

Я был глуп, считая, что все еще могу быть „разведчиком“ в этой местности».

И конечно, Фаллон был захвачен врасплох, когда им пришлось пересечь рокочущие пески.

След беглеца поднимался по склону дюны по дуге, по которой лошадям было бы трудно следовать. Фаллон решил срезать путь, сберегая время и энергию, но вскоре песок перестал смягчать удары лошадиных копыт. Напротив, каждый шаг сопровождался низким звуком, гулким, словно удары барабана. С проклятием Фаллон повернул назад. Учеником он однажды неразумно прыгнул в самую середину рокочущей дюны, и ему повезло, что она не обрушилась под ним. Тем не менее следующий пидур он провел, сжимая голову, в которой продолжало звенеть.

Пришлось осторожно отходить назад, а потом все-таки огибать препятствие.

«Теперь Дединджер знает, что мы его преследуем, — бранил себя Фаллон. Сосредоточься, черт возьми! У тебя есть опыт, пользуйся им!»

Он оглянулся на молодых женщин, чей тайный клан избрал его, чтобы он приятно провел среди них свою отставку, один из четырех мужчин на всех полянах Кси. Пана все еще очень молода, а вот Реза уже трижды делила с Фаллоном постель. В последний раз она была очень добра и сделала вид, что не замечает, когда он слишком быстро уснул.

«Они считают, что опыт и способность мыслить — предпочтительные черты их компаньонов мужчин, эти качества компенсируют убывающие силы. Но я сомневаюсь в разумности такой политики. Разве не лучше ли им было держать при себе молодого жеребца, вроде Двера?

Двер гораздо лучше подходит для такой миссии. Парень схватил бы Дединджера уже несколько дней назад, надежно связал бы и вернул.

Что ж, не всегда найдешь идеального человека, пригодного для любой работы. Надеюсь только, что Лестер и остальные мудрецы хорошо используют Двера. Он на редкость одарен».

Фаллон никогда не был так «естествен», как его ученик. В прошлом он компенсировал это

дисциплиной и вниманием к мелким деталям и подробностям. И никогда не позволял себе отвлечься во время охоты.

Но времена меняются, и человек утрачивает свои способности. Сегодня он не может не отвлекаться и не переноситься в прошлое. Что-нибудь всегда напоминает ему об ушедших днях, о прошлом, которое было так насыщенно и богато. О, каким он был в те времена, когда бежал по степи рядом с Ул-тичо, товарищем по охоте на равнинах, чья великолепная жизнь оказалась такой краткой. Эта дружба значила для Фаллона больше, чем отношения с любым человеком и до и после. Никто лучше не понимал тишину в его беспокойном сердце.

«Ул— тичо, радуйся, что не увидела этот год, когда все распадается. Наши времена были лучше, старая подруга. Джиджо принадлежала нам, и даже небо не представляло угрозы, с которой мы не могли бы справиться».

Следы Дединджера по-прежнему отчетливо видны, они огибают большую дюну. Отметки все более свежие, а хромота усиливается с каждым шагом. Беглец вот-вот упадет. Если он продолжит идти, то самое большее спустя мидур всадники его нагонят.

«И мы все еще на небольшом расстоянии от убежища с пресной водой. Неплохо. Мы еще выйдем из положения».

Предположения — это роскошь, которую могут себе позволить цивилизованные люди, но не воины или жители этой местности. В неуверенных следах Фаллон читал обнадеживающую историю и потому пренебрег основным правилом, которому сам учил Двера.

Они двигались по ветру, и поэтому запах не предупредил животных, когда они повернули и оказались на северной, затененной стороне дюны. И неожиданно услышали голоса — крики, полные гнева и опасности. И прежде чем зрение Фаллона успело адаптироваться, он и женщины оказались окруженными десятком нацеленных арбалетов, которые держали серые люди в плащах, тюрбанах и мембранных очках.

И тут Фаллон рассмотрел прямо впереди сооружение, убежище от непогоды, сложенное из неровных камней. И с опозданием уловил запах пресной воды.

«Новый колодец? Построенный после того, как я побывал здесь в молодости? Или я забыл об этом?»

Более вероятно, что жители пустыни рассказа-

ли главному разведчику не обо всех своих тайных убежищах. С их точки зрения, гораздо лучше, чтобы высокие мудрецы считали свои карты полными, а у них в то же время будет кое-что в запасе.

Медленно и осторожно поднимая руки от пистолета на поясе, Фаллон увидел Дединджера, обгоревшего на солнце и державшегося за последователей. Пустынный пророк дрожал, а окружающие осторожно лили в его потрескавшиеся губы воду.

«Мы были так близко!»

Это Фаллон должен был сейчас держать Дединджера. Так и было бы, если бы все повернулось немного по-иному.

«Простите», — молча извинился Фаллон перед Резой и Паной. На лицах женщин было удивленное, но мрачное выражение.

«Я старик и я вас подвел».

НЕЛО

Битва за Доло была связана с важными проблемами, но решающим поводом для нее послужил спор, кто будет спать этой ночью в помещении.

Большинство бойцов были очень молоды или

очень стары.

В случае победы победители станут обладателями пепелища.

В случае поражения побежденные с песнями двинутся на север.

Вначале силы были равны. Работников мастерских и их союзников квуэнов было примерно столько же, сколько фанатичных последователей Джопа. Обе стороны были рассержены, решительны и плохо вооружены — только палками и дубинками. Все мужчины, женщины и квуэны призывного возраста отсутствовали, выполняя свои обязанности в милиции. Они унесли с собой мечи и остальное оружие.

Но даже и при этом условии чудо, что в схватке никто не погиб.

Бойцы потной неорганизованной толпой окружали деревенское дерево встреч, толкали и били тех, кто всю жизнь был их соседями и друзьями, и поднимали такой шум, что не были слышны приказы предводителей с обеих сторон. Так могло продолжаться до тех пор, пока все не упали бы от истощения, но судьба схватки была решена, когда к одной из сторон неожиданно подошло подкрепление.

С ветвей леса тару, с тех площадок, где рос рос-

кошный, богатый протеином мох, уникальное место работы древесных фермеров, посыпались люди в коричневом. Джоп и его последователи поняли, что они в меньшинстве, на них нападают с флангов, они повернулись и убежали с усеянной обломками долины.

— Фанатики зашли слишком далеко, — сказал один пожилой древесный фермер, объясняя, почему его люди нарушили нейтралитет и вмешались. — Даже если у них был повод взорвать дамбу без указаний со стороны мудрецов, они вначале должны были предупредить бедных квуэнов! Убийство, совершенное во имя набожности, все равно преступление. Это слишком дорогая плата за проход по Тропе Избавления.

Нело все еще тяжело дышал, поэтому от имени ремесленников благодарность выразила Ариана Фу.

— Достаточно крови уже пролилось в воды Бибура. Теперь соседи должны держаться друг друга и залечивать раны.

Несмотря на то что она была прикована к инвалидному креслу, во время краткой схватки Ариана стоила десятерых воинов, при этом не нанеся ни одного удара. Ее почитаемый статус бывшего высокого мудреца означал, что никто

не решался ей противиться. Словно круг здравого смысла двигался в толпе, прерывая схватку, которая возобновлялась, как только Ариана проходила. Именно увидев ее, большинство фермеров решило спуститься с деревьев тару на помощь.

Никто не преследовал силы Джопа, которые на каноэ и импровизированных плотах переправились на другой берег Бибура и построились на высоком холме, отделявшем реку от болота. Здесь они продолжали вызывающе распевать строки из Священных Свитков.

Нело дышал с трудом. Ему словно наполовину вырвали ребра с одного бока, и он какое-то время не мог сказать, какие боли временные, а какие вызваны ударами палок и дубинок фанатиков. Но казалось, ничего не сломано, и теперь, когда сердце уже не грозило вырваться из груди, он почувствовал себя уверенней.

Итак, Доло отвоевана, подумал он, не находя причины радоваться победе. Грызущая Бревно умерла, умерли Джоби и половина помощников Нело. Теперь, когда мастерская исчезла вместе с дамбой и садками квуэнов, битва должна была решить, кто получит убежище в уцелевших строениях.

Рядом с аптекарем треки, на ровной полоске земли, был разбит импровизированный госпиталь. Некоторое время Нело провел, зашивая порезы прокипяченными нитками и накладывая компрессы и пластыри равно друзьям и недругам.

Лечение и зашивание едва началось, как с одного из воздушных мостиков, пронизывающих весь лес, спустился посыльный. Нело узнал местную девушку, долговязого подростка, которую никто не мог перегнать на воздушных путях. Все еще запыхавшись, она приветствовала Ариану Фу и передала сообщение от командира базы милиции, расположенной неподалеку.

— Два взвода будут здесь до наступления темноты, — гордо доложила она. — К утру пришлют палатки и другое оборудование, если джофуры не взорвут корабли.

Быстрый ответ, но собравшиеся встретили новость только глухим шумом. Любая помощь сейчас недостаточна и слишком запоздала, чтобы спасти богатую дружную общину деревни Доло. Неудивительно, что люди Джопа не оказывали сильного сопротивления и предпочли отступить: по их мнению, они все равно победили.

«Перед нами Тропа Избавления».

Нело сел на пень рядом с городским взрывником, чьи разрушительные заряды использовала толпа последователей Джопа. У Хенрика плечи обвисли, он молча смотрел поверх Бибура и развалин мастерских на марширующих на противоположном берегу фанатиков.

Нело подумал, такое же мрачное и осунувшееся у него лицо, как у Хенрика. Вероятно, нет. К собственному удивлению, Нело обнаружил, что ему хочется пофилософствовать.

— За всю жизнь никогда не видел такой сумятицы, — со вздохом сказал он. — Теперь нам все придется строить заново.

Хенрик только покачал головой, словно говоря: это невозможно.

Это, в свою очередь, вызвало у Нело волну негодования. Какое право имеет Хенрик жалеть себя? Потребности его профессии невелики. С помощью своей гильдии он в течение года может вернуться к делу. Но даже если семья Грызущей Бревно получит помощь от соседних квуэнских ульев и сумеет починить дамбы, пройдут еще годы, прежде чем удастся с помощью водяного колеса, турбины и зубчатой передачи использовать давление воды. И это будет только начало восстановления. Нело рассчитал, что весь остаток

жизни должен будет посвятить строительству мастерской, такой же, какой была его прежняя мельница.

Неужели Хенрик стыдится того, что его заряды были так неправильно использованы? Но как можно было сохранить их в такие времена, когда все пророчества оказываются неверными? Галакты действительно прилетели на Джиджо, но не так, как предвиделось. Месяц за месяцем двусмысленность смешивалась со злобой чужаков, сея розни среди Шести Рас. Джоп представляет одну реакцию. Другие ищут способы сопротивляться чужакам. Но в конечном счете никакая политика не имеет значения.

Следовало бы избрать третий курс — подождать и посмотреть. Продолжать жить нормальной жизнью, пока вселенная решает, что с нами делать.

Нело удивился собственному отношению. Прежнее отчаяние уступило место странному чувству. Не онемению. И определенно не возбуждению среди всех этих разрушений.

«Я ненавижу то, что здесь сделали.

И все же…»

И все же Нело чувствовал, как в нем пробуждаются ожидания. Он уже чувствовал аромат све-

жеспиленных деревьев и острый запах кипящей смолы. Слышал ритмичный гул, с каким молоты забивают клинья, видел опилки, разбросанные по земле. И мысленно уже начал создавать план лучшей мастерской. Лучшей мельницы.

«Всю жизнь я работал на фабрике, унаследованной от предков, изготовлял бумагу освященным временем способом.

Этим местом можно было гордиться. У меня было благородное призвание.

Но оно не было моим».

И хотя первоначальный план был создан первыми поселенцами с «Обители», еще одетыми в мантии звездных богов, в глубине души Нело всегда знал: «Я мог бы выполнить эту работу лучше».

Теперь, уже в пожилом возрасте, он получил шанс доказать это. Перспектива печальная, устрашающая и возбуждающая. И возможно, самое необычное, что он снова почувствовал себя молодым.

— Не вини себя, Хенрик, — участливо сказал он взрывнику. — Подожди, и увидишь. Все будет лучше, чем раньше.

Но взрывник только снова покачал головой. Указал за реку, где сторонники Джопа теперь дви-

гались к северо-западным болотам, неся на спине каноэ и другие грузы. И по-прежнему пели.

— Они унесли мои запасы пороха. Вытащили со склада. Я не мог их остановить.

Нело нахмурился.

— Но зачем он им? По земле и воде подходит милиция. Джоп здесь больше ничего не сможет взорвать.

— Они идут не вдоль реки, — ответил Хенрик. И Нело увидел, что он говорит правду.

— Но куда тогда? — вслух удивился он.

И еще до того, как Хенрик ответил, Нело неожиданно понял, каков ответ на его вопрос. И одновременно понял, что есть гораздо более важные проблемы, чем восстановление бумажной фабрики.

— Библос, — сказал взрывник, словно эхо, повторяя мысль Нело.

Бумажник молча замигал, неспособный оценить масштабы грядущей катастрофы.

— Милиция может их остановить?

— Сомнительно. Но даже если они это сделают, меня тревожит не только Джоп.

Он повернулся и впервые за все время посмотрел в глаза Нело. Взгляд его был мрачен.

— Ручаюсь, толпа Джопа не единственная, кото-

рая движется в том направлении. Прямо сейчас, когда мы об этом говорим.

РЕТИ

Чем ближе она знакомилась со звездными богами, тем менее привлекательными они казались.

Ни один из них и вполовину не так умен, как поедающий навоз глейвер, думала она, идя длинным коридором к корабельной гауптвахте. Должно быть, это из-за всех этих компьютеров и умных машин, которые варят вам еду, делают воздух, рассказывают сказки, убивают ваших врагов, подтыкают по ночам одеяло и предсказывают для вас будущее. Если будете на них слишком рассчитывать, ваш мозг перестанет работать.

С тех далеких дней, когда Двер и Ларк впервые привели ее с гор Риммер, полуголодную дикарку с широко раскрытыми глазами, восторгающуюся самыми простыми предметами на так называемом цивилизованном Склоне — от глиняной посуды до тканей и бумажных книг, Рети стала гораздо более циничной.

Конечно, это благоговение немедленно рассеялось, как только она попробовала настоящую роскошь на борту станции ротенов, где Кунн и

остальные даники льстили ей, много обещали и заставляли кружиться голову.

Долгая жизнь, сила и красота, избавление от всех болячек и шрамов, чистое безопасное место для жизни под защитой повелителей ротенов и все те чудеса, которые связаны с положением младшей богини, гуляющей меж звездами.

Потом она встретилась с ротенами, патронами человечества. Ее патронами, говорили они. Глядя на благосклонные лица Ро-кенна и Ро-пул, Рети позволила себе увидеть лица мудрых, любящих родителей — совсем не такие, какие она знала, когда росла в диком сунерском племени. Ротены казались такими совершенными, благородными и сильными, что Рети почти сдалась. Она едва не отдала им свое сердце.

Но это оказалось ложью. И не имеет никакого значения, действительно ли они патроны человечества или нет. Имеет значение лишь то, что ротены оказались не такими могущественными, как они утверждали. И этого она им никогда не простит.

Какая польза в защитнике, который не может защитить?

Все эти полгода Рети переходила от одной группы некомпетентных, не всемогущих существ к

другой — от племени, где родилась, к грязным идиотам из Общины Шести Рас. Затем от Общины к ротенам. А когда корвет джофуров победил маленькую разведочную лодку Кунна, она серьезно подумывала о том, чтобы пойти по болоту с поднятыми руками и предложить свои услуги отвратительным существам из колец. Вот что вывело бы из себя старину Двера!

В один момент, когда он бродил по грязи и разговаривал со своим другом сумасшедшим мульк-пауком, она уже направилась к рампе космического корабля, собираясь постучать в дверь. Конечно, джофуры, как и все остальные, захотят получить у нее важную для себя информацию.

В этот решающий момент ее удержало только зловоние — вонь, которая напомнила ей о загноившихся ранах и гангрене, — к счастью, как выяснилось позже, потому что джофуры тоже оказались не способны защититься от неожиданностей.

«Так что придется поискать другой способ убраться с этой кучи грязи. И кому какое дело, что подумает обо мне Двер? Я по крайней мере не ищу оправданий тому, что делаю».

Учителем Рети была дикая местность, и она научила девушку одному жестокому уроку —

необходимости выжить любой ценой. Рети росла, наблюдая, как одни твари пожирают других, а потом, в свою очередь, бывают пожраны более сильными. Ларк что-то говорил о «пищевой цепочке», но Рети называла это «горой убивающих». И каждый выбор, который она делала, был направлен на то, чтобы подняться выше на эту гору, надеясь, что следующий шаг приведет на вершину.

Так что, когда джофуры были побеждены и захвачены таинственными дельфинами, казалось вполне естественным поскорее сесть в подводную лодку и попросить убежища у своих «земных родичей». «И только посмотрите, где я оказалась. Под горой отбросов на дне моря, прячусь со стаей земных рыб, за которыми гонятся все чудовища и звездные боги космоса.

Иными словами, назад, к основанию горы. Обреченная всегда быть добычей, а не охотником.

Черт побери! Ну уж и выбрала я!»

Конечно, была и кое-какая компенсация.

Во— первых, дельфины как будто преклоняются перед людьми — как даники перед патронами ротенами. Больше того, экипаж «Стремительного» считает Рети и Двера «героями» за их действия

в болоте против джофурской небесной лодки. В результате она может свободно ходить по кораблю, включая возможность приближаться к закрытому входу в корабельную гауптвахту.

Короткое время обе двери оставались закрытыми, и Рети поняла, что охранники разглядывают ее с помощью своих инструментов. «Вероятно, заглядывают во внутренности, не проглотила ли я лазер или что-нибудь». Рети набрала полную грудь воздуха и выдохнула, чтобы подавить инстинктивный страх перед закрытым металлическим помещением. «Это пройдет, пройдет».

Этот трюк помог ей вынести годы жизни в своем диком племени, когда казалось, что со всех сторон ее окружают поражения и жестокость.

«Не веди себя как дикарь. Если другие могут выдержать жизнь в ящиках, ты тоже сможешь, хоть ненамного».

Наконец второй люк открылся, и перед Рети оказалась рампа, ведущая вниз, в помещение, заполненное по грудь водой.

Уф!

Она терпеть не могла смешанные помещения, которые составляют большую часть этого кораб-

ля, комнаты, наполовину заполненные водой, над которой протянуты мостики для ходьбы. Такие помещения предназначены одновременно и для плавающих, и для ходящих существ. Рети спустилась. Жидкость показалась ей теплой и напомнила о вулканических источниках дома, в Серых Холмах, но в ней было какое-то щекочущее ощущение, и когда двигаешься, поднимаются облака пузырьков. Изображая спокойную уверенность, Рети приблизилась к посту охраны. Там двум караульным помогал круглый робот, сразу нацеливший на нее антенны. Один из дельфинов был в шестиногой установке для ходьбы, но без брони с выпуклыми глазами. Эта установка дает возможность проходить и в сухие помещения корабля. У второго «фина» только упряжь с инструментами. Этот дельфин легкими движениями плавников удерживался перед многочисленными дисплеями.

— Чем могу помочь, мисс? — спросил первый дельфин, добавив сильный шлепок по воде хвостом.

— Я пришла еще раз допросить Кунна и Джесса. Думаю, что добьюсь от них больше, если буду одна.

Охранник с сомнением посмотрел на нее

одним глазом. Когда Рети на первом допросе сопровождала лейтенанта Тш'т, попытка вышла неудачная. Пленники были ошеломлены и неразговорчивы, в многочисленных повязках от ран и ушибов. Офицер дельфин пыталась вытянуть из Кунна сведения о том, что происходит в Пяти Галактиках, а Рети выдерживала полный горячей ненависти взгляд своего родственника Джесса, который произнес слово «предательница» и плюнул на пол.

«Кого я, по-твоему, предала, Джесс? — удивилась она, холодно глядя на него, пока он не отвел взгляд. — Даников? Даже Кунн не удивился, когда я перешла на другую сторону после того, как он со мной обращался.

Или ты считаешь, что я предала свой родной клан? Шайку грязных дикарей, в которой родилась и которая с этого самого дня ни разу не проявляла ко мне доброты?» По его взгляду она поняла, что это личное. Это она сделала так, что Джесса схватили, подвергли пыткам и заставили служить проводником Кунна. И то, что он закрыт в этой металлической коробке, тоже ее рук дело.

Это немного подбодрило ее. «Ты должен признать, Джесс, что я все-таки сумела произвести на тебя впечатление.

Но скоро дела пойдут еще хуже.

Я заставлю тебя быть благодарным».

Тем временем Кунн рассказывал Тш'т, что осада Земли продолжается, хотя ее несколько облегчает странный союз с теннанинцами.

— Но отвечая на твой главный вопрос, никакой амнистии со стороны Институтов не было. Несколько больших кланов заблокировали разрешение вашему кораблю благополучно вернуться домой.

Рети не знала, что это значит, но новость для дельфинов была явно плохой.

И тут в воздухе раздался новый голос. Он исходил от внезапно возникшей вращающейся абстрактной фигуры.

— Лейтенант, пожалуйста, вспомните инструкции. Пусть пленник объяснит, как его корабль выследил наш на этой планете.

Рети помнит, как по гладким серым бокам дельфина пробежала дрожь, возможно, признак раздражения язвительным тоном машины. Но Тш'т в знак покорности щелкнула челюстями и подошла ближе, нависнув над Кунном. Человеку со звезд некуда было отступать от приблизившейся угрожающей машины. Рети помнит, как на лбу даника выступил пот, свидетельствуя,

что его внешнее спокойствие — это только видимость. Они видела, как он устрашает других, и была довольна тем, что роли изменились.

И тогда это произошло. Отказала какая-то деталь в оборудовании, или установка для ходьбы сделала неверный шаг. Правая нога подогнулась, и тяжелый дельфин рухнул вперед.

Только мгновенная реакция спасла Кунна, иначе он был бы раздавлен. Когда подбежали стражники и помогли офицеру высвободиться, Тш'т была вся в ушибах, рассержена и не в настроении продолжать допрос.

«Но теперь я готова, — подумала Рети, когда один из охранников готовился следовать за ней по узкому коридору с номерами на каждом люке. — У меня есть план, и на этот раз Кунну и Джессу лучше меня послушаться».

— Вы уверены, что хотите сейчас это сделать, мисс? — спросил охранник. — Ночной цикл, и пленники спят.

— Именно этого я и хочу. Они со сна будут разговорчивей.

На самом деле Рети все равно, назовет ли Кунн имена всех адмиралов флотов Пяти Галактик. Ее вопросы будут скрывать коммуникацию на другом уровне.

Она была занята в отведенном ей на «Стремительном» помещении — уютной каюте, которую раньше занимала женщина по имени Денни Стадмен. Одежда этой женщины подошла Рети. На стене были снимки молодой женщины с темными волосами. Рети сказали, что хозяйка каюты пропала несколько лет назад на одной из чужих планет вместе с другими членами экипажа — людьми и дельфинами. На столе Денни оставила умную машину, которая разговаривала с Рети гораздо более дружелюбно, чем саркастический Нисс. Машина, казалось, с готовностью помогает Рети, рассказывает ей все о земном корабле и о том, что ее окружает.

«Я изучила проходы, ведущие от тюрьмы к наружному люку. Я могу назвать все лодки, которые у них здесь есть. И что самое главное, эти земные рыбы мне доверяют. Мой пароль сможет нас вывести.

И мне нужен пилот и кто-нибудь достаточно сильный и злобный, чтобы драться, если мы встретимся с неприятностями».

А еще нужна удача. Рети тщательно все рассчитала таким образом, чтобы вероятность встретиться с Двером была мала.

«Двер знает, что мне нельзя доверять, но я

уверена, что вдвоем Кунн и Джесс сумеют его одолеть».

Но при прочих равных условиях она предпочла бы, чтобы Двер не пострадал.

«Может, я время от времени даже буду думать о нем, живя высоко в какой-нибудь галактике».

Она мало что собиралась вспоминать на Джиджо.

ДВЕР

— Мне здесь не место, — пытался он объяснить, — и Рети тоже. Вы должны помочь нам вернуться.

— Куда вернуться? — Женщина казалась искренне удивленной. — В приморское болото, в общество ядовитых отходов и мертвых колец джофуров? И конечно, там появятся новые джофуры.

Дверу опять стало трудно говорить. Трудно сосредоточиться в замкнутом пространстве, которое они называют «корабельной каютой», где воздух кажется таким мертвым. Особенно в этом тускло освещенном помещении, заполненном странными предметами, назначение которых Двер и не надеется понять.

«Ларк или Сара здесь бы справились, но я чувствую себя потерянным. Мне не хватает новостей, которые приносит ветер».

Не помогало успокоиться и то, что сидящая напротив женщина — самая прекрасная из всех виденных Двером в жизни, с темно-рыжими волосами и постоянным печальным выражением светлых глаз.

— Нет, конечно, нет, — ответил он. — Есть другое место, где я необходим. И Рети тоже.

У ее глаз появились мелкие морщинки.

— Молодой хун Олвин хочет, чтобы мы дали знать его родителям, что он жив. И чтобы мы связались с урским мудрецом, отправившим их сюда. Они все хотят вернуться домой.

— Вы их отпустите?

— Как мы можем это сделать? Помимо того, что это подвергает опасности наш экипаж и выдает наше расположение врагам, мы угрожаем всей вашей культуре опасными знаниями, которые могут оказаться проклятием.

И все же…

Она замолчала. Ее взгляд заставлял Двера чувствовать себя ребенком.

— Да, в твоем голосе сдержанность. Осторожность, с которой ты говоришь о своей цели,

заставляет подозревать, что ты не имеешь в виду возвращение домой. Не в то мирное место, где тебя знают, где у тебя друзья и близкие, не в землю, которую вы называете Склоном.

Похоже, нет смысла что-то скрывать от Джиллиан Баскин, поэтому Двер только молча пожал плечами.

— Значит, племя девушки, — догадалась женщина. — Родичи Рети в Серых Холмах, где тебя ранило, когда ты голыми руками схватился с роботом.

Двер опустил взгляд и негромко ответил:

— Там мне кое-что нужно сделать.

— Ммм. Могу себе представить. Обязательства, по-видимому? Неисполненный долг? — Голос ее звучал мягко и отдаленно. — Видишь ли, я понимаю таких людей, как ты. В чем твои приоритеты?

Это заставило его удивленно взглянуть на нее. Что она хочет этим сказать? На ее лице была покорность и печаль плюс нечто похожее на узнавание, как будто она увидела в нем что-то знакомое, разбудившее ее печаль.

— Расскажи мне об этом, Двер. Расскажи, что ты должен сделать.

Расскажи о тех, кто от тебя зависит.

Может быть, подействовала формулировка вопросов или сила ее личности, но Двер понял, что больше не может утаивать свою историю. Те ее части, о которых он до сих пор молчал:

— о своей работе главного разведчика Общины, который должен следить, чтобы ни один колонист не уходил на восток, за Риммер, уберегая от заражения остальные районы Джиджо. Поддерживая священный закон;

— о том, как ему приказали нарушить закон и провести группу, которая должна будет приручить диких родичей Рети, — задание, которое должно обеспечить выживание людей на Джиджо на тот случай, если Склон будет очищен от разумной жизни;

— как они вчетвером: Дэйнел Озава, Двер, Лена и Дженин — узнали, что Серые Холмы больше не убежище, потому что Рети привела к своему родному племени воздушную колесницу даников;

— как Двер и остальные поклялись рискнуть жизнью, чтобы дать шанс племени сунеров… четыре человека против машины-убийцы и как их замысел удался, хотя это им дорого обошлось.

— Да, и несмотря на неравенство сил, — заметила Джиллиан Баскин. Повернула голову и обратилась к третьему присутствующему в

комнате.

— Полагаю, ты тоже там был. Расскажи, постарался ли ты помочь Дверу и остальным? Или, как всегда, оставался бесполезной помехой?

Рассказав свою печальную историю, Двер сам удивился собственному хохоту. Очень подходящие слова. Джиллиан Баскин хорошо знает нуров.

Грязнолапый прихорашивался на крышке застекленной витрины. В витрине странные предметы, освещенные изнутри и снабженные ярлычками, как в музее Библоса. Немного света попадало и другому экспонату, стоявшему вертикально поблизости, — мумии, предположил Двер. Когда они были мальчишками, Ларк однажды попытался напугать Двера картинками из книги. Там было показано, как в старину на Земле так готовили тела, вместо того чтобы правильно мульчировать их. Это тело отдаленно напоминает человеческое, хотя Двер знал, что это не человек.

Грязнолапый перестал облизываться и ответил на насмешку Джиллиан зубастой улыбкой. И Двер снова представил себе, что означает эта улыбка.

«Кто, я, леди? Разве вы не знаете, что я сражался

в битве и спас всем шкуры, включая свою собственную?»

После своего общения с телепатами мульк-пауками Двер не отвергал возможности, что это не просто его воображение. Нур не проявлял никакой реакции, когда он пытался мысленно разговаривать с ним, но это ничего не доказывает.

Джиллиан также использовала различные способы, пытаясь заставить нура заговорить, — вначале попросила Олвина смягчить Грязнолапого песнями-ворчанием, потом не подпускала его к молодому хуну, закрыв на несколько мидуров в своем темном кабинете в обществе древней мумии. Машина Нисс донимала нура на высоком диалекте галсемь, часто пользуясь обращением «дорогой родственник».

— Дэйнел Озава тоже пытался с ним разговаривать, — сказал Двер Джиллиан.

— Да? И тебе это показалось странным?

Двер кивнул.

— Есть народные предания о говорящих нурах и других существах тоже. Но я никогда не думал, что мудрец…

Она хлопнула по крышке стола.

— Кажется, я поняла.

Потом встала и принялась ходить по кабинету — это простое действие она совершала с охотничьей грацией, напомнившей Дверу повадки самки лиггера.

— Мы называем этот вид титлалом, и там, откуда я прилетела, они говорят непрерывно. Они действительно родственники машины Нисс — в некотором роде, потому что Нисс сделан нашими союзниками тимбрими.

— Тимб… Кажется, я о них слышал. Это не та первая раса, с которой Земля вступила в контакт после вылета первых кораблей?…

Джиллиан кивнула.

— И это оказалось очень счастливой случайностью. О, в Пяти Галактиках множество достойных рас и кланов. Пусть нынешний кризис не заставит тебя думать, будто все они злые или религиозные фанатики. Просто большинство умеренных кланов очень консервативно. Они сначала осторожно думают и лишь после длительных раздумий начинают действовать. Боюсь, слишком длительных, чтобы помочь нам.

Но не тимбрими. Они смелые и верные друзья. И еще, по мнению многих больших кланов и Институтов, тимбрими совершенно безумны.

Двер распрямился, заинтересованный и сму-

щенный.

— Безумны?

Джиллиан рассмеялась.

— Думаю, многие люди с этим согласятся. Эту особенность иллюстрирует легенда. Говорят, однажды Великая Созидательная Сила Вселенной, раздраженная проделками тимбрими, воскликнула: «Невозможно вообразить себе более нелепые существа!»

Однако тимбрими больше всего любят вызовы. И заявление Великой Силы они тоже восприняли как вызов. И когда получили официальный статус патронов, с лицензией принимать новые виды, они обменяли две совершенно нормальные расы клиентов на предразумный вид, с которым до тех пор никто ничего не мог сделать.

— Это нуры, — догадался Двер. Потом поправился: — Титлалы.

— Они самые. Существа, которые получают удовольствие от того, что расстраивают планы, мешают, удивляют и дурачат других, по сравнению с которыми сами тимбрими кажутся образцом уравновешенности. И это возвращает нас к нашему недоумению. Как они попали на Джиджо и почему они не говорят?

— Наши шимпанзе на Джиджо тоже не говорят,

хотя ваша машина Нисс показала мне движущиеся картины: на Земле они говорят.

— Г-м-м-м. Ну, это объяснить легко. Когда улетала «Обитель», шимпы, которых привезли с собой ваши предки, были еще не очень хороши в этом. В такой момент легко подавить их способности, чтобы люди могли делать вид…

Джиллиан щелкнула пальцами.

— Конечно.

На мгновение ее улыбка напомнила Двери о Саре, когда сестра работает над какой-нибудь сложной проблемой и неожиданно находит решение.

— Через несколько лет после контакта с галактической цивилизацией лидеры Земли поняли, что вступили в чрезвычайно опасную фазу. В лучшем случае мы с трудом удержимся, пока изучаем сложные правила древней и опасной культуры. — Она пожала плечами. — Казалось разумным обеспечить страховку. Посадить семя в таком месте, где человечество будет в безопасности, на случай если произойдет самое худшее.

Лицо ее на мгновение затуманилось, и Двери не понадобилась обостренная чувствительность, чтобы понять: где-то там, за Измунути, худшее произошло, и сейчас кажется, что убегающий

«Стремительный» тоже высаживает «семя».

Вот о чем говорил Дэйнел, когда сказал: «Люди прилетели на Джиджо не для того, чтобы пройти Тропой Избавления». Он хотел сказать, что у нас убежище тех, кто должен выжить, как бедные г'кеки.

— Когда люди привезли с собой шимпов, они, естественно, постарались приглушить их разумность. Если колония будет обнаружена, шимпы могут избежать наказания. Возможно, они даже смогут разбрестись по лесам и выжить в дикой местности на Джиджо, не замеченные судьями великих Институтов.

Джиллиан повернулась и посмотрела на Грязнолапого.

— Должно быть, то же самое проделали тимбрими! Тоже прокрались на Джиджо. Только в отличие от глейверов и остальных Шести Рас они не создали колонию. Они разместили тайный запас титлалов.

— И как мы с шимпанзе, отняли у них речь. — Двер покачал головой. — Но тогда… — Он показал на Грязнолапого.

Джиллиан на мгновение свела брови.

— Тайная раса внутри расы? Титлалы, обладающие полным разумом и прячущиеся среди

остальных? Почему бы и нет? В конце концов, ваши собственные мудрецы сохраняли секреты от других. Если Дэйнел Озава пытался разговаривать с Грязнолапым, это значит, что он что-то знал о титлалах, знал с самого начала и сохранил тайну.

Она с отсутствующим видом погладила гладкую шерсть нура. Грязнолапый перевернулся, подставляя брюхо.

— А каков ключ? — спросила она у него. — Какое-нибудь кодовое слово? Что-то вроде эмпатического глифа тимбрими? Почему ты один раз заговорил с Ниссом, а потом замолчал?

«И почему ты следовал за мной по горам и пустыням?» — молча добавил Двер, очарованный загадочным рассказом, хотя его сложность в сочетании с растущей клаустрофобией вызывала у него усиливающуюся головную боль.

— Прошу прощения, — сказал он, прерывая размышления Джиллиан. — Но не можем ли мы вернуться к тому, зачем я здесь? Я знаю, что проблемы, которые стоят перед вами, значительней и важней моих, и я помогу вам, если смогу. Но не вижу, как могу своим луком и стрелами помочь звездным богам.

Я не прошу вас рисковать кораблем, и мне не

хочется надоедать. Но если бы вы могли отпустить меня, ну, допустим, уплыть на берег, у меня там действительно есть дела.

И в этот момент титлал вскочил с выражением удивления на узкой морде. Шипы, которые обычно не видны в шерсти за ушами, ощетинились. Больше того, Двер готов был поклясться, что на мгновение увидел что-то в воздухе над Грязнолапым. Призрачный завиток, более разреженный, чем пар, который словно говорил по собственной воле.

«У меня тоже, — говорил он, очевидно, продолжая утверждение Двера. — И у меня есть дела».

Двер потер глаза. Он с радостью решил бы, что этот призрак — работа его воображения, еще одно последствие того тяжелого испытания, которое пережила его нервная система.

Но, должно быть, Джиллиан тоже это заметила. Она несколько раз мигнула, показала на встревоженную морду Грязнолапого и расхохоталась.

Двер смотрел на нее, потом почувствовал, что тоже не выдерживает. До этого момента он не составил окончательного мнения об этой земной красавице. Но всякий, кто способен довести Грязнолапого до такого, в полном порядке.

РЕТИ

По пути к камере пленников, куда ее сопровождал охранник, Рети разглядела в стенах несколько вентиляционных отверстий. Схемы показывали, что вся эта система оборудована множеством предохранителей, да и отверстия слишком малы, чтобы пленники могли протиснуться.

Но они вполне достаточны для маленького урского самца, вооруженного лазерным резаком.

План Рети рискован, и ей ужасно не хотелось посылать своего «мужа» в паутину труб. Но йии был совершенно уверен, что не заблудится.

Этот лабиринт не хуже вонючих проходов под травяными равнинами, фыркнул он, рассматривая голографический план. В нем даже легче пробираться, чем по туннелям корней, где приходится прятаться урским личинкам и самцам, когда они не могут спрятаться в сумке жены. Йии свернул свою длинную шею — жест пожатия плечами.

…не волнуйся, жена! Йии отнесет инструменты запертым людям, сделает все аккуратно!

Это будет самый решающий этап. Когда Кунн и Джесс окажутся за пределами гауптвахты, осталь-

ные препятствия можно будет быстро устранить. Рети была в этом уверена.

Над усиленными дверями двух камер горели красные огоньки. Рети знала, что в дальней содержатся кольца джофуров, захваченные в болоте. Маленький г'кек по имени Гек помогал машине Нисс их допрашивать. Рети ломала голову, стараясь включить их в свой план, но в конце концов решила оставить их там, где они сейчас.

«Этот корабль „Стремительный“ не посмеет нас преследовать, когда мы выведем наружу звездную лодку, но джофурский корабль может. Особенно если у этих колец есть способ связываться с товарищами по экипажу».

Когда охранник подошел к камере Кунна, Рети нащупала сложенный листок с инструкциями. Она писала их буква за буквой, напрягая до предела свое недавно обретенное умение писать. Она знала, что, должно быть, написала с ошибками, но в такие дни не стоит быть слишком разборчивым.

КУН Я МАГУ ВЫВИСЬТИ АТСЮДА ХОЧИШ УЙТИ

Такова была первая строчка записки, которую она собиралась ему передать, делая вид, что задает вопросы. Если пилот даник поймет ее замысел и согласится с ним, она уйдет, и тогда йии про-

тиснется своим маленьким гибким телом через вентиляционную систему. Тем временем Рети подобрала несколько подходящих мест, чтобы устроить пожар: в комнате отдыха и в грузовом трюме, — и отвлечь экипаж «Стремительного» от того района, где Кунн с помощью переданных ему инструментов будет выбираться из камеры. И если все пройдет хорошо, они направятся к входному люку, украдут звездную лодку и убегут.

«Но есть одно условие, Кунн. Ты должен согласиться с тем, что мы уберемся отсюда. Подальше от этих землян, от даников и ротенов, от джофурских чудищ и всего прочего. Уберемся с Джиджо».

Рети думала, что он согласится. «И если он или Джесс будут причинять мне неприятности, то поймут, что имеют дело совсем с другой Рети».

Охранник осторожно маневрировал своей установкой для ходьбы в узком коридоре. Долговязой машине пришлось сгибаться, чтобы он мог вставить ключ в замок. Наконец дверь скользнула в сторону, и Рети увидела две койки, на которых лежали укрытые одеялами люди.

— Эй, Кунн, — сказала она, пересекая узкое помещение и трогая его за плечо. — Проснись! Больше никаких откладываний и дурачеств. Они

хотят знать, как вы выследили их.

Одеяло соскользнуло, открыв гриву блестящих волос, но Кунн не двигался.

«Должно быть, его опоили, — подумала Рети. — Надеюсь, он спит не слишком крепко. Я не могу ждать!»

Она потрясла сильней, перевернула Кунна.

И с удивленным возгласом отскочила.

Лица даника было пурпурным. Глаза выпучились, а разбухший язык заполнял рот.

Охранник дельфин отчаянно запищал, инстинктивно перейдя на свой звериный язык.

Рети боролась с шоком. Она выросла со смертью, но теперь ей потребовалась вся сила воли, чтобы сдержать рвущийся из горла крик.

Каким-то образом она заставила себя повернуться ко второй койке.

САРА

О, доктор Фауст был хороший человек.
Он время от времени порол своих учеников;
И когда порол, заставлял танцевать,
Прыгать из Шотландии во Францию,

Из Франции в Испанию.

А потом снова начинал пороть!

Песня Эмерсона гулко звучала в Зале Вращающихся Дисков, где в узких столбах света летали пылинки.

Сара поморщилась, но звездный человек явно наслаждался этими взрывами, выбивавшимися из неведомых глубин его поврежденного мозга. Он смеялся, и смеялась толпа сопровождающих его урских самцов, карабкавшихся по лесам фантастической машины Уриэль, помогая ему настраивать каждую часть. Маленькие уры хихикали, восхищенные грубоватым юмором Эмерсона, и демонстрировали свою преданность, ныряя под вращающиеся диски, чтобы там затянуть петлю, тут поправить шкив, — всюду, куда он показывал быстрыми уверенными жестами.

Кто был инженером, навсегда им останется, подумала Сара. Иногда Эмерсон напоминал ей отца, который мог молчать целыми днями, работая на своей любимой бумажной фабрике и получая большее удовольствие от поэзии гудящих молотов и катков, чем от тонких белых листов, которые делают грамотность возможной в этом варварском мире.

Ей пришла в голову параллель.

Бумага подходит Шести Расам, которым нужно средство сохранения информации, которое невозможно обнаружить из космоса. Но у машины Уриэль такие же особенности — это аналоговый компьютер, который не может засечь спутник или космический корабль, потому что здесь не используется электричество и нет цифрового сознания. И прежде всего галактам и в голову не придет, что возможна такая причудливая конструкция.

И все же в своей необычности она так прекрасна. Неудивительно, что Саре приснились математические фигуры и уравнения, когда она впервые в перерывах своего бреда увидела это чудо. Каждый раз как диск поворачивался относительно соседних, его ось вращалась с различной скоростью в зависимости от радиального расстояния до точки контакта. И когда радиус менялся как независимая переменная, соответственно менялось и вращение, описывая нелинейную функцию. Удивительно простая концепция и дьявольски трудная для практического использования без долгих лет терпеливых испытаний и ошибок.

Уриэль впервые обнаружила эту идею в старин-

ной земной книге — концепцию, исключительно характерную для волчат и короткое время использовавшуюся в древних американо-евроазиатских войнах. Вскоре после этого люди изобрели цифровые компьютеры и отказались от прежней техники. Но здесь, на горе Гуэнн, урский кузнец развила ее до невиданной ранее степени. Большая часть ее огромного богатства и вся страсть ушли на то, чтобы заставить компьютер работать.

И еще урская торопливость. Они живут так мало, что Уриэль, должно быть, с самого начала считала, что не успеет закончить до смерти. Но что в таком случае будет делать со всем этим ее наследница?

Масса столбов, арок и лесов из бу поддерживала поворачивающиеся диски на должной высоте, образуя лабиринт, который уходил от Сары, почти заполняя обширное помещение. Давным-давно из этой пещеры вырвался поток магмы и потек по могучим склонам горы. Сегодня пещера была полна другим типом созидательной силы.

Световые лучи искусно использовались в этом математическом танце. Отражаясь от нужных дисков, пульсирующие отражения падали на полоску черного песка, который был разглажен на

полу. Каждая вспышка приводила к изменениям в песчинках, вызывая легкое передвижение. И там, куда лучи падали особенно часто, вырастали песчаные холмики.

Уриэль нашла способ использовать даже крабов-молний.

На Джиджо некоторые берега покрываются пеной, когда во время бурь эти пришедшие в возбуждение крошечные существа отбрасывают песок. «Мы думали, это действуют статические разряды в воздухе, заставляя их так вести себя. Но очевидно, это свет. Нужно будет когда-нибудь рассказать об этом Ларку».

Сара поняла кое-что еще.

Должно быть, эти крабы — еще один вид, созданный буйурами. Биоэнергетические слуги, вернувшиеся в природу, но сохранившие свои свойства даже после того, как генные инженеры улетели.

Какой бы ни была их первоначальная функция, сейчас крабы служили Уриэль, которая нервно стучала копытами, наблюдая, как движется песок под каскадом сверкающих лучей. Отдельные вспышки мало что значат. Именно сумма действий на определенном пространстве и в определенное время позволяла решать сложные

математические проблемы. Рядом с Уриэль на высоком стуле сидела Прити, маленькая шимпанзе, с блокнотом в руках. Высунув язык, она чертила, копируя изображение на песке. Сара никогда не видела свою помощницу такой счастливой.

Несмотря на впечатляющую изобретательность, сами решаемые уравнения не очень сложны. Используя простые приближения Деланси, Сара уже нашла примерные решения с погрешностью в десять процентов. Но Лестеру Кембелу нужны одновременно точность и аккуратность в широком ранге пограничных условий, включая меняющееся с высотой атмосферное давление. В таких расчетах таблицы, предлагаемые машиной, дают преимущество.

«Теперь я по крайней мере понимаю, зачем все это». Мысленно Сара представляла себе бурную деятельность в лесу под уходящими в небо стволами бу, толпы работников, потоки разъедающей жидкости и обсуждения на приглушенном архаичном научном диалекте.

«Они могут быть безумны — особенно Лестер. Вероятно, эти усилия ударят по нам и еще больше разозлят чужаков. Дединджер назовет это, наряду с семафорами, глайдерами, воздушными шарами и прочими новшествами, напрасными усилиями

обреченных.

Но попытка великолепна. И если они с нею справятся, я буду знать, что была права в своей оценке Шести. Наша судьба не предсказана ни Свитками, ни ересью Дединджера или Ларка, кстати.

Она уникальна.

И если мы все равно прокляты, я за то, чтобы попробовать».

Только одно все еще удивляло ее. Сара покачала головой и вслух спросила:

— Но при чем тут я?

Курт, взрывник из города Тарек, вел себя так, словно этот проект отчаянно нуждается в Саре, в ее профессиональной оценке. Но к тому времени как отряд прибыл из Кси, машина Уриэль была почти готова. Прити и Эмерсон очень помогли, заставив работать аналоговый компьютер. Полезными оказались и книги, которые Курт привез из Библоса. И Саре почти нечего было привнести в общие усилия.

— Хотела бы я знать, зачем Уриэль послала за мной.

Ответ послышался от входа в компьютерный зал.

— Это и правда единственное, чего ты не пони-

маешь? Но это очень легко, Сара. Уриэль совсем не посылала за тобой!

Говоривший, мужчина среднего роста, с белоснежной гривой и бородой в белых полосках, стоял снаружи, словно гул его ошеломлял. В его трубке тлели листья кауши — эта привычка распространена у самцов хунов, поскольку для большинства людей запах слишком силен. На ветерке у входа стоял мудрец Пурофски. Выдыхая, он вежливо отвернулся от Сары.

Она поклонилась старшему ученому, который среди коллег считался самым глубоким умом Общины.

— Мастер, если Уриэль не нужна моя помощь, зачем меня просили приехать? Курт говорил, что это очень важно.

— Правда? Важно? Что ж, Сара, вероятно, так оно и есть. Но несколько по-иному.

Пурофски посмотрел на лучи, отражающиеся от вращающихся дисков. Во взгляде его было восхищение достижением Уриэль.

— Математика должна приносить пользу, сказал некогда мудрец. Хотя простые расчеты подобны взламыванию двери, когда вы не можете найти ключ.

Пурофски всю жизнь посвятил поиску ключей.

— Это я послал за тобой, моя дорогая, — после паузы объяснил престарелый ученый. — И теперь, когда ты оправилась от несвоевременного падения с горного склона, я думаю, пора тебе объяснить почему.

Снаружи был еще день, но перед Сарой расстилалось звездное небо. Хитроумные линзы проецировали изображение звездного неба на вогнутые стены и потолок, создавая картину ночного неба в удивительном планетарии. Создательница этого планетария, предшественница Уриэль, позаботилась о том, чтобы даже слабое зрение позволило урам видеть созвездия во всех подробностях. На лице и одежде мудреца Пурофски звезды были словно украшения, а его тень образовала на картине неба туманность в форме человека.

— Начну с объяснения того, чем был занят после твоего отъезда из Библоса. Прошло уже больше года, верно, Сара?

— Да, мастер.

— Гм-м. Очень насыщенный год. И все же.

Он немного поработал челюстью, потом покачал головой.

— Подобно тебе, я разочаровался в прежней области исследований. И решил попробовать

расширить классические доконтактные геометродинамические формулы за пределы того состояния, в котором они находились, когда «Обитель» покинула Солнечную систему.

Сара удивленно посмотрела на него.

— Но мне казалось, вы хотите привести в соответствие доконтактную земную физику с галактическими познаниями. Доказать, что Эйнштейн и Ли сделали грубые, но правильные приближения, как теория Ньютона входит составной частью в теорию Эйнштейна.

Само по себе это было бы устрашающей задачей, и некоторые назвали бы ее безнадежной. Согласно материалам, которые имелись на «Обители», эксперты-чужаки, которых Террагентский Совет нанял, чтобы они обучили землян современной науке, отрицательно отнеслись к теории относительности пространства-времени. Галактические инструкторы считали суеверием доморощенную космологию, на которую опирались земляне, основу их первых примитивных космических кораблей, ползущих на досветовой скорости, пока земной космический корабль «Везарий» не наткнулся на неопределяемую гипераномалию, тем самым покончив с долгой изоляцией человечества. Последователи Эйнштейна так и не нашли

возможности полета быстрее, хотя в Библиотеке описано несколько способов, разработанных за миллиард лет.

После контакта земляне наскребли денег на покупку нескольких третьесортных кораблей, и старые математические модели Хокинса, Перселла и Ли были забыты. Стараясь доказать ценность доконтактной физики, Пурофски возложил на себя странную, возможно, безнадежную обязанность.

— Вначале у меня было несколько многообещающих результатов, когда я переформулировал теорию переходов Серрессими в терминах, совместимых с древним тензорным исчислением.

— Правда? — Сара наклонилась вперед в своем кресле. — Но как вы ренормализовали все квазиодновременные бесконечности? Вам пришлось бы предположить…

Но пожилой мудрец, подняв руку, остановил ее, не желая вдаваться в подробности.

— Если тебе действительно интересно, для этого будет много времени потом. А пока достаточно сказать, что вскоре я осознал бесперспективность такого подхода. Сейчас у Земли должны быть специалисты, которые гораздо лучше понимают общепринятые галактические модели,

чем я могу надеяться когда-либо понять. У них для работы есть ячейки Великой Библиотеки и подлинно современные компьютерные стимуляторы. Предположим, мне действительно удастся продемонстрировать, что наша старая физика была правильным, хотя и ограниченным приближением? Это даст основания для гордости, покажет, что волчата с самого начала шли по правильному пути. Но ничего нового это не даст.

Пурофски покачал головой.

— Нет, я решил, что нужен прорыв. Двинусь вперед со старым подходом к пространству-времени и посмотрю, смогу ли решить проблему, имеющую отношение к Джиджо, — Загадку Восьми Космических Кораблей.

Сара мигнула.

— Вы хотите сказать — семи? Почему за короткое время так много сунерских рас собрались на Джиджо, и при этом ни одна не была поймана? Но разве эта задача не решена? — Она указала на самую яркую точку на стене. — Примерно двадцать столетий назад Измунути начала заливать окружающее пространство углеродными частицами. Они как град, и их достаточно, чтобы с расстояния больше светового года изменить погоду на планете. Именно эта буря уничтожи-

ла патрульные роботы, оставленные на орбите Институтом Миграции, и поэтому крадущиеся корабли смогли проникнуть сюда незамеченными.

— Хр-рм, да, но этого недостаточно, Сара. Из настенных надписей, найденных в буйурских развалинах, мы знаем, что доступ в эту систему возможен с двух пунктов перехода. Второй пункт, должно быть, коллапсировал после отлета буйуров.

— Ну и что? Именно поэтому подействовало вступление Измунути! Единственный доступный для прохода маршрут, и великие Институты по плану будут вторично исследовать это пространство спустя эпохи. Совершенно уникальная ситуация.

— Уникальная. Хрм, и очень удобная. Такая удобная, что я решил собрать свежие данные.

Пурофски повернулся к картине, созданной планетарием, и на его покрытом тенью лице появилось задумчивое выражение. Прошло несколько дуров, и Сара поняла, что он забыл о ней. Такая отчужденность может быть прерогативой гения в замкнутых залах Библоса, но после всего, что он сказал, способна вызвать ярость! Сара резко сказала:

— Мастер! Вы говорите, что нужны свежие

данные. Неужели вы смогли увидеть что-то действительно важное в простом телескопе Уриэль?

Ученый мигнул, потом наклонил голову и улыбнулся.

— Знаешь, Сара, я нахожу поразительным, что мы оба провели последний год, исследуя непризнанные теории. Ты — своим отступлением в языки и социологию — да, я с интересом следил за твоей работой. И я — считая, что могу проникнуть в тайны прошлого с помощью грубых приспособлений, сделанных из переплавленного буйурского металлолома и расплавленного песка.

А знаешь ли ты, что, наблюдая за Измунути, я случайно обнаружил эти космические корабли? Те самые, что вызвали такую сумятицу на севере? Я увидел их, когда они переходили на орбиту, хотя мое предостережение не дошло вовремя до высоких мудрецов. — Пурофски пожал плечами. — Но вернемся к твоему вопросу. Да, я сумел кое-что узнать, используя аппаратуру горы Гуэнн.

Подумай снова об уникальных условиях Джиджо, Сара. Коллапс второго пункта перехода… углеродный ветер от Измунути… неизбежная притягательность изолированной, скрытой планеты для беженцев сунеров.

Подумай вот о чем: как могли существа с таким проницательным разумом, как буйуры, не заметить начальных симптомов этих изменений, которые происходили в близком пространстве?

— Но буйуры улетели полмиллиона лет назад! Тогда никаких симптомов могло не быть. Или они были слишком слабыми.

— Может быть. И тут вступают мои исследования. Плюс, я надеюсь, твой опыт. Ибо я почти уверен, что аномалии в пространстве-времени должны были быть заметны даже тогда.

— В пространстве-времени. — Сара поняла, что он намеренно пользуется термином старой земной физики. Настала ее очередь провести в молчании несколько дуров, глядя на пятна звезд и думая о том, что означают эти слова.

— Вы говорите об эффектах линзы?

— Умница, — одобрительно ответил мудрец. — И если я смогу их заметить…

— Тогда буйуры тоже могли и предсказали.

— Они словно прочли открытую книгу! Но это еще не все. Я пригласил тебя сюда, чтобы подтвердить другое, гораздо более зловещее предположение.

Сара почувствовала, что по ее спине, словно насекомое с миллионом ледяных лапок, пробе-

жала дрожь.

— Что вы хотите сказать?

Мудрец Пурофски на мгновение закрыл глаза. А когда открыл, в них словно вспыхнуло пламя.

— Сара, я считаю, что они с самого начала все это спланировали.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Незаконное заселение невозделанных планет существовало, сколько существуют хроники Пяти Галактик. У этой постоянно возникающей проблемы есть много причин, но наиболее распространенная из них — парадокс логики размножения.

У органических существ с бесчисленного количества разных планет есть одна общая черта — стремление к воспроизводству. У некоторых рас это проявляется как осознанное стремление к появлению потомства. У других это инстинктивное влечение к сексу или ксиму, причем без внимания к последствиям.

Какими бы различными ни были конкретные механизмы, общие последствия остаются одинаковыми. Предоставленные своим наклонностям, органические формы жизни начинают размножаться со скоростью, превышающей простое воспроизводство. И за очень короткий (по звездным стандартам) период времени рост населения приводит к тому,

что самоорганизующаяся и самоподдерживающаяся экосистема планеты не выдерживает (СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ — ОТДЕЛЬНЫЕ ОТОБРАННЫЕ ПРИМЕРЫ).

Виды делают это, потому что каждый способный к размножению индивид является потомком длинной цепи успешно воспроизводившихся предков. Попросту говоря, те, кто лишен стремления к размножению, не становятся предками. Особенности, которые способствуют размножению, передаются потомкам.

Насколько нам известно, такой эволюционный императив заложен даже в экоматрицы основанных на водороде формах жизни, которые существуют параллельно с нашей кислорододышащей цивилизацией. А что касается Третьего Порядка — автономных машин, только строжайшее соблюдение жестких самоограничений помешало этим неорганическим видам угрожать расширяющимся воспроизводством, которое могло бы уничтожить жизнь в Пяти Галактиках.

У огромного большинства неразумных жизненных форм эта тенденция к

перевоспроизводству ограничивается голодом, хищниками и другими сдерживающими факторами, в результате возникает квазиустойчивое состояние псевдоравновесия. Однако предразумные формы часто используют свои недавно обретенные умственные способности, чтобы устранить соперничество и погрузиться в неограниченную оргию размножения, за которой следует истощение всех ресурсов. И если оставить их слишком долго без должного руководства, такие виды сами приводят себя к гибели в экологической катастрофе.

Это одна из СЕМИ ПРИЧИН, почему формы жизни сами по себе не могут эволюционировать до полного разума. Парадокс логики размножения означает, что кратковременные эгоистические интересы всегда побеждают долговременное планирование, если только извне патроны не привнесут разум.

Одна из первейших обязанностей патронов — добиться того, чтобы раса клиентов сознательно контролировала свое стремление к размножению,

и только при таком условии ей может быть предоставлен взрослый статус. И однако, вопреки всем предосторожностям, известны случаи, когда развитые разумные расы, обладающие высшим статусом, погружались в спазмы размножения, особенно в те периоды, когда временно ослабевает закон и порядок (СМ: ВРЕМЕНА ПЕРЕМЕН). Поспешные попытки колонизации/распространения приводили к опустошению целых галактических зон.

Согласно закону, наказанием для рас, которые создают такие эко-холокосты, может быть полное уничтожение, вплоть до самого основного генетического запаса.

По сравнению с этим незаконное заселение невозделанных планет — преступление средней тяжести. Наказание зависит от степени причиненного ущерба и от того, насколько благополучно предразумные формы выходят из этого процесса.

Тем не менее легко заметить, что парадокс логики размножения вполне

применим и здесь. Иначе зачем бы индивидам и видам многим жертвовать и рисковать возможностью подвергнуться строгому наказанию, чтобы тайно жить на планете, где им не место?

На протяжении десятков миллионов лет было найдено только одно решение этого вечного парадокса. Это решение заключается в постоянном применении прагматического предвидения в интересах всего общества.

Иными словами — в цивилизации.

Из «Галактического руководства для невежественных волчат землян», специального издания Института Библиотеки Пяти Галактик, 42 год ПК (после контакта) в частичное погашение долга от 35 года ПК

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» КАА

Они любили друг друга в скрытой пещере под береговыми утесами, под непрерывный рокот прилива, который выбрасывал пенные фонтаны,

способные долететь до вершин утесов.

Наконец-то! Каждый раз накатывающаяся на берег волна создавала гулкое эхо, как будто все ведущее к этому моменту было только прелюдией, простым переносом инерции через обширный океан, от одной полоски соленой воды к другой. Как будто волна может стать реальной, только когда ударится о камень.

Раскатистое эхо гулко отдавалось в укромной пещере. «Это я», — думал Каа, слушая, как пенные волны криком приветствуют свое краткое овеществление. Как берег завершает прилив, так и он чувствовал себя завершенным контактом с другим существом.

Вода проходила через открытый рот, все еще дрожа от их страсти. У тайного бассейна был ее вкус.

Пипое покачивалась рядом с Каа, гладя его грудным плавником, от чего у него покалывало кожу. Он отвечал прикосновением хвостового плавника и с радостью чувствовал, как она блаженно вздрагивает. Страсть после совокупления гораздо важнее и значительнее краткого танца спаривания. Это как разница между необходимостью и свободным выбором.

Могут ли горящие звезды

Кричать о радости громче,
Чем этот простой фин?

Хайку на тринари, как и полагается, вырвалась почти непроизвольно, не оформленная фронтальными долями мозга, которые тщательно формировали генные инженеры люди во время возвышения дельфинов. Щелчки и писки трехстишия отражались в гротах пещеры в то же мгновение, в которое рождались в сознании.

Ответ Пипое появился таким же путем, он был откровенно медлительным, с природной открытостью, которая не признает лжи.

Простота
Не лучшее твое качество, дорогой Каа.
Ты чувствуешь себя Счастливчиком?

Ее слова одновременно возбуждали и радовали. Она знала, как высоко он ценил свое прозвище. «Вот оно и вернулось ко мне», — радостно думал Каа.

И все было бы превосходно, момент беспорочного счастья, если бы что-то не мешало наслаждению. Дрожь, слабая и мерцающая, словно звуковая тень, создаваемая муреной или угрем, которые быстро уходят в ночь, оставляя за собой

еле заметный след.

«Да, ты вернул себе свое прозвище, — шептал слабый голос, как далекое моретрясение. Или как айсберг, стонущий в тысяче миль отсюда. Но чтобы сохранить, тебе придется его снова заслужить».

Когда Каа в следующий раз проверил перемещение разведчика-робота, тот почти добрался до верхней точки фуникулера горы Гуэнн.

Вначале решение Пипое остаться с ним было скорее профессиональным, чем личным. Она хотела помочь Каа провести специально сконструированный разведчик вверх по узкому деревянному монорельсу, который поднимался по неровному склону погасшего вулкана. И хотя бамбуковый рельс был чудом местного инженерного мастерства, Каа нелегко было проводить маленький робот мимо секций, заполненных грязью и отбросами. Ему и Пипое пришлось остаться лагерем в пещере и постоянно, сменяя друг друга, следить за продвижением робота, вместо того чтобы вернуться к Брукиде и остальным. Полностью автоматизированный прибор мог бы совершить восхождение и самостоятельно, на Джиллиан Баскин запретила его применение, потому что достаточно умную машину на берегу

могут засечь детекторы джофуров.

Момент торжества наступил, когда глаз камеры наконец добрался до конца рельса, миновал замаскированную станцию и пополз вниз по обработанным каменным плитам, таща за собой, как торопливый паук, тонкую линию связи. Каа заставил его ползти по потолку — это самый безопасный маршрут, к тому же позволяющий хорошо разглядеть внутренности мастерской.

В этот момент присоединились и другие наблюдатели. На «Стремительном» Ханнес Суэсси и его инженерная группа отпускали замечания по поводу просторных помещений, где кузнецы уры и квуэны использовали температуру лавовых бассейнов, опуская с них материалы для расплавления, сплавления и формования. На вопросы отвечала Ур-ронн, одна из четверых молодых гостей корабля, чье присутствие позволяло задавать эти вопросы. Ур-ронн давала объяснения на англике с сильным акцентом, причем о многом умалчивала. Ее услуги в качестве гида были частью соглашения, остальные условия которого будут выработаны позже.

— Не вижу Уриэль у горнов. — Голос Ур-ронн негромко звучал в приемнике Каа. — Наверно, она наверху, в помещении своего ховви.

Помещение хобби Уриэль. Судя по дневнику Олвина Хфуэйуо, Каа представлял себе сложную и бесполезную игрушку из палок и вращающегося стекла, что-то такое, что способно смягчить скуку существования в варварском мире. И ему казалось удивительным, что предводитель общества, которому грозит опасность, тратит время на претендующее на художественность творение Руби Голдберга,[2] если верить описаниям Олвина.

Ур-ронн сказала Каа, чтобы он продвинул робота в глубину мастерской, мимо нескольких похожих на лабиринт поворотов, потом через открытую дверь в полутемное помещение, где наконец стали видны легендарные аппараты.

Пипое удивленно присвистнула.

Подробное описание
Поражает неподготовленного
Интуитивной подозрительностью.

Да, согласился Каа, глядя на сводчатое помещение; полное пересекающихся балок и вспышек света, оно производило бы сильное впечатление даже на Земле. Описание Олвина не передает

---

[2] notes: 2

Рубен Голдберг — известный американский карикатурист. — Примеч. пер

всей сложности и единства этих вращающихся частей — достаточно одного взгляда, чтобы понять, что у всех этих движений есть единый ритм, контролирующий все. Каждый поворот, каждая рябь связаны с элегантным, постоянно меняющимся целым.

Сцена великолепная и абсолютно непонятная. Видно было, как по темным лесам движутся неясные фигуры, внося какие-то изменения. Несколько маленьких стремительных существ и по крайней мере одна двуногая форма, отдаленно напоминающая человека. Кроме того, голографическая передача создана для удобства существ с двумя смотрящими вперед глазами. Для дельфинов больше подошла бы панель со звуковыми передатчиками, способными улавливать параллакс.

Даже обычно сдержанный Ханнес Суэсси был поражен этим дворцом непрерывного мерцающего движения. Наконец вмешалась Ур-ронн.

«Я вижу Уриэль. Она вторая справа, в группе, которая стоит возле шимпанзе».

Рядом с шимпанзе с блокнотом в руках стояло несколько уров, которые следили за работой машины, нервно притопывая копытами. Случайные вспышки прыгали по их бокам, делая их

похожими на фавнов в лесу, но Каа видел, что Уриэль с седой мордой — самая старшая среди них. На их глазах шимпанзе показал кузнецу множество абстрактных дуг, вместо слов сопровождая демонстрацию жестами ручного языка.

— Как нам это сделать, «Стремительный»? — спросил Каа. — Просто начать говорить?

До последнего времени всем казалось, что «Стремительный» должен заниматься только своими проблемами. Но события сделали встречу с туземцами почти неизбежной — даже необходимой.

— Давайте послушаем, прежде чем сообщить о своем присутствии, — решила Джиллиан Баскин. — Я предпочла бы, чтобы на встрече присутствовало меньше свидетелей.

Иными словами, она хочет контактировать с Уриэль, а не с целой толпой. Каа послал робота вперед. Но прежде чем стали слышны слова уров, со «Стремительного» донесся новый голос.

— Прошу простить вмешательство, — послышался культурный голос машины Нисс. — Каа, пожалуйста, снова направьте камеру на сооружение Уриэль. Я хочу высказать предположение.

Джиллиан не возразила, и Каа заставил робота вторично посмотреть на обширные леса.

— Обратите внимание на полоску песка внизу, — продолжал Нисс. — Там, куда чаще всего падает свет, возникают аккуратные груды. Эти груды соответствуют фигурам, которые шимпанзе показал Уриэль.

Каа отвлекся: Пипое неожиданно хлестнула его хвостом.

— Кто-то приближается. Периферийные сканеры утверждают, что приближающийся организм обладает признаками джофура.

Вопреки возражениям Нисса, Каа заставил разведчика развернуться. И в дверях они увидели освещенный силуэт, который экипаж «Стремительного» научился ненавидеть, — заостренную коническую груду жирных пончиков.

Вмешалась Джиллиан Баскин.

— Всем успокоиться. Я уверена, что это всего лишь треки.

— Конечно, — подтвердила Ур-ронн. — Эта груда — Тиуг.

Каа вспомнил. Это «главный алхимик» кузницы на горе Гуэнн. Мастер химического синтеза Уриэль. Каа успокоительно коснулся Пипое и почувствовал, как она немного расслабилась. Согласно дневнику Олвина, треки — мирные существа, совсем не похожие на своих звездных

родичей.

И поэтому он был совершенно не готов, когда Тиуг повернул ряд своих похожих на драгоценные камни сенсоров наверх, по направлению к маленькому роботу-шпиону. Из его центрального вентиляционного отверстия поднялись клубы задумчивого желтого пара. Затем самое верхнее кольцо выпятилось.

…и неожиданно выпустило стаю летящих предметов, которые гневно устремились к глазу камеры! У Каа и остальных хватило времени, чтобы на мгновение увидеть насекомых — какую-то местную разновидность. Своими сложными глазами и быстро бьющимися крыльями насекомые рождали волны звука и света. Стая жужжащих созданий собралась, окружила линзы и приборы робота.

И через несколько мгновений на экране можно было увидеть только мерцающие статические разряды.

ДЖИЛЛИАН

Над столом для совещаний висело увеличенное изображение — маленькое существо, застывшее в полете, крылья бьются так часто, что видна

только радужная дымка, на которую больно смотреть. По сравнению с этим изображением сложная путаница спиральных линий машины Нисс казалась тусклой и абстрактной. В голосе машины слышалось раздражение.

— Может ли кто-нибудь из вас, местные дети, идентифицировать для нас это надоедливое существо?

Слова звучали достаточно вежливо, но Джиллиан поморщилась от высокомерного тона.

К счастью, Олвин Хф-уэйуо, по-видимому, не понял, что к нему относятся свысока. Молодой хун сидел рядом с подругой, его горловой мешок вибрировал: он ворчал на ультразвуковом уровне для обоих нуров, которые сидели на его широких плечах. В ответ на сардонический вопрос машины Олвин дружелюбно кивнул — этот человеческий жест казался у него совершенно естественным.

— Хрм. Это легко. Оса тайны.

— Генетически преобразованная игрушка вуйуров, — пояснила Ур-ронн. — Хорошо известное неудовство.

Гек, покачивая всеми четырьмя стебельками, разглядывала изображение.

— Теперь я понимаю, откуда у них такое на-

звание. Обычно они передвигаются так быстро, что нет возможности рассмотреть. Похоже на маленький реук с мембранами, превратившимися в крылья.

Ханнес Суэсси хмыкнул и постучал по столу левой рукой-протезом.

— Каково бы ни было происхождение этого существа, похоже, Уриэль хорошо защитила себя от шпионов. Наш робот теперь бесполезен. Решит ли она, что он послан джофурами?

Ур-ронн неуверенно пожала плечами, вернее, свила длинную шею.

— А кем еще? Откуда Уриэль знать о вас, если ов этом не сказали джофуры?

Джиллиан согласилась.

— Тогда она может уничтожить разведчика, если мы немедленно не заставим его говорить на англике. Нисс, можете вы с Каа передать сообщение?

— Мы работаем над этим. Контрольная панель посылает приказы, но эти так называемые осы как будто забили все частоты, мешая связи. Робот неуправляем.

— Черт побери. На то, чтобы послать другой, потребуются дни. — Джиллиан повернулась к Ур-ронн. — Кажется, нам трудно будет сдержать

обещание.

Ей очень не хотелось говорить это. Она с нетерпением ждала встречи с легендарным кузнецом с горы Гуэнн. Судя по всему, Уриэль исключительно умна и проницательна, и у нее очень большое влияние на джиджоанское общество.

— Есть другой выход, — предложила Ур-ронн. — Летите туда лично.

— Пока об этом нельзя и думать, — ответила лейтенант Тш'т. — Военный корабль врага немедленно обнаружит всякий летательный аппарат за пределами защитного водного покрова.

Тш'т, офицер дельфин, лежала на подушке в своем шестиногом устройстве для ходьбы. Ее длинное гладкое тело занимало конец зала для совещаний дальше всего от молодых сунеров; левым глазом она разглядывала членов совета корабля.

— Можете мне не поверить, но у нас есть и другие важные дела, кроме потери посланного Каа робота.

Джиллиан понимала причину раздражительности Тш'т. Ее доклад о предполагаемом самоубийстве двух пленников людей оставлял без ответов множество вопросов. Больше того, все острее становились проблемы дисциплины,

все больше дельфинов подписывались под так называемым «прошением о размножении».

Джиллиан старалась подкрепить моральное состояние экипажа, она разговаривала с дельфинами, слушала их жалобы, подбадривала прикосновением патрона. У Тома были к этому способности, как и у капитана Крайдайки. Шутка здесь, забавная притча там. И большинство финов, чем сложней обстановка, становились лишь преданней и решительней.

«Но видно, у меня таких способностей нет. Или бедный экипаж слишком устал после всего этого бегства».

Лучшие работники теперь за пределами корабля и трудятся почти круглосуточно, а она проводит часы с машиной Нисс, отбрасывая один отчаянный план за другим.

Одна из схем кажется менее ужасной.

«Вкусная, как назвал ее Нисс. Хотя и рискованная. Наше бегство с Китрупа по сравнению с этим было спокойным».

Следующий вопрос подняла корабельный врач Макани. В отличие от Тш'т она, пожилой дельфин-медик, не любила быть привязанной к машине. Обнаженная, только в небольшой упряжи для инструментов, она принимала участие в

совете, лежа в углублении с проточной водой у одной из стен зала для совещаний. Тело Макани блестело от множества пузырьков: все водные пространства «Стремительного» заполняла вода, насыщенная кислородом.

— Существует еще проблема кикви, — сказала она. — Ее необходимо решить, особенно если мы собираемся передвинуть корабль.

Джиллиан кивнула.

— Я хотела обсудить этот вопрос с… — Она посмотрела на мерцающий экран утраченного разведчика Каа и вздохнула. — С окончательным решением придется подождать, доктор. Продолжайте подготовку, и я дам вам знать.

Далее Ханнес Суэсси доложил о состоянии корпуса.

— Даже если мы отмоем его, как делаем сейчас, корабль будет двигаться даже медленнее, чем внутри пустого теннанинского крейсера. Медленнее, и все области вероятности будут забиты этим углеродным хламом.

— Значит, мы должны подумать о том, чтобы перебраться в один из брошенных кораблей?

— Это будет нелегко. Ведь «Стремительный» был специально подготовлен для существ, живущих в воде.

Зеркальный купол, в котором находились мозг и череп Суэсси, кивнул.

— Моя команда готовит лучшие из брошенных космических кораблей. — Из щели в шлеме послышался смешок. — Подбодритесь! Если поможет Ифни, кое-кто из нас еще сможет выбраться отсюда.

«Может быть, — подумала Джиллиан. — Но даже если мы выберемся из системы Джиджо, куда нам деться? Куда мы сможем бежать?»

Совещание закончилось. У всех, включая детей сунеров, была работа.

«А Двер Кулхан ждет меня в моем кабинете и снова будет просить разрешения отправиться на берег. Уплыть туда, если понадобится».

Чтобы вернуться в дикую местность, где он нужен.

Ее охватили противоречивые чувства. Двер почти мальчик. Тем не менее впервые за те годы, что «Стремительный» вынужден был оставить Тома на Китрупе, она испытывала нечто вроде физического влечения.

«Естественно. Меня всегда влекло к героям».

Она вспомнила, как в последний раз Том прикоснулся к ней, в ту последнюю ночь на металлическом острове в ядовитом море. Ночь

накануне его отлета на глайдере на солнечной энергии. Том собирался отвлечь внимание огромных боевых флотов, обмануть могучих врагов и создать проход, чтобы «Стремительный» мог уйти. Левое бедро Джиллиан время от времени все еще ощущало это прикосновение — именно здесь он в последний раз ласково коснулся ее, лежа в своем маленьком воздушном корабле и улыбаясь перед стартом.

— Я вернусь раньше, чем ты это узнаешь, — сказал Том. Если подумать, очень странное метафизическое выражение. А она часто об этом думала.

А потом он исчез, улетел на север, едва не задевая волны, над противоположными приливами Китрупа.

«Я не должна была его отпускать. Иногда нужно сказать герою: достаточно. Пусть кто-нибудь другой спасает мир».

Собираясь выйти из зала для совещаний, Джиллиан увидела, как Олвин, молодой хун, пытается прихватить обоих нуров. Самка его любимица, по всей видимости умное, но не обладающее разумом животное, вероятно, отпрыск местных природных титлалов, потомок тех, кто никогда не подвергался возвышению. Должно быть, тим-

брими запасли здесь, на Джиджо, генный бассейн своих любимых клиентов. Просто на случай, если с кланом произойдет что-то непредвиденное. Мудрая предосторожность, учитывая, сколько у них врагов.

А что касается второго нура, проклятия Двера и его спутника через половину континента, то сканирование мозга показало следы возвышения.

Раса, скрытая внутри расы, сохранившая все особенности, которые тимбрими выработали у своих клиентов.

Иными словами, титлалы — тоже подлинные сунеры, еще одна волна незаконных поселенцев, но под особой маскировкой. Так они могут даже избежать судьбы, которая ожидает родичей Олвина, Гек, Ур-ронн и Клешни.

Но этим все не может исчерпываться. Осторожность не очень характерна для тимбрими и их клиентов. Они не стали бы идти на такие хлопоты, только чтобы спрятаться. Должно быть, это часть чего-то гораздо большего.

Олвину не удавалось забрать Грязнолапого. Не обращая внимания на призывы, нур бродил по столу для совещаний и совал усатую морду во все, что осталось. Наконец титлал встал на задние лапы и принялся разглядывать застывшее изоб-

ражение, последнее переданное разведчиком Каа, — осу тайны.

— Нисс, — негромко позвала Джиллиан.

Рядом со щелчком возникло вертящееся абстрактное изображение.

— Да, доктор Баскин? Вы решили выслушать мое предположение относительно сложной машины Уриэль с вращающимися дисками?

— Позже, — ответила она и показала на Грязнолапого. Теперь Джиллиан видела, что титлал всматривается мимо расплывчатого изображения осы тайны во что-то за ней.

— Попробуй увеличить изображение. Узнай, на что смотрит этот маленький дьявол.

Она не стала добавлять, что и сама кое-что заметила. Нечто такое, что способен заметить только чувствительный к пси. Вторично ей показалось, что она видит слабое присутствие, смутное и эфемерное, плывущее над возбужденными черепными шипами Грязнолапого. Она не была уверена, но что бы это ни было, у него был знакомый привкус.

Можно назвать это сущностью тимбрими.

КАА

Больше в пещере делать было нечего. Робот казался мертвым.

И даже если он оживет, разговор с туземцами будет вестись со «Стремительного». А им пора возвращаться в убежище. Каа уже несколько дней не видел свою команду.

Человеческая пара могла бы задержаться перед тем, как покинуть грот, еще раз оглядеться, чтобы лучше запомнить место, где впервые занималась любовью. Но не дельфины. Как и их патроны люди, неодельфины способны испытывать ностальгию, но они умеют запасать звуковые изображения, как люди записывают изображения с помощью своих приборов. Присоединившись к Пипое под ярким солнечным светом за пределами грота, Каа знал, что они всегда могут снова посетить эту пещеру, просто сблизив крутые изогнутые лбы, воссоздавая уникальные звуковые образы в древней пропасти памяти, которую некоторые называют Сном Китов.

Приятно снова оказаться в просторном море, и Пипое рядом повторяет каждый прыжок и

изгиб тела. Движение после долгого заточения в тесных, забитых машинами помещениях равносильно радости.

Путь вперед тоже был великолепен, но насыщен сильным сексуальным напряжением. Теперь не было ни тайн, ни противоречивых желаний. Большая часть обратного пути прошла в блаженном молчании — словно у простой пары из доразумных дней, свободной от даров и тяжестей возвышения.

Наконец, когда убежище было уже близко, Каа неохотно вернулся к мыслительным ритмам на англике. Чтобы поговорить, он использовал неформальный диалект писков и щелканий, на котором дельфины общаются во время плавания.

— Ну вот и все, — послал он подводный звуковой сигнал во время следующей фазы погружения. — Снова дома, в кругу семьи, какой бы она ни была.

— Семья? — скептически повторила Пипое. — Может, только Брукида. А что касается Мопола и Заки, то разве ты не предпочел бы родственников пингвинов?

«Неужели мое мнение о них так очевидно?» Вынырнув, чтобы набрать воздух, Каа постарался

отделаться шуткой.

— О, нужно отдать должное этим двоим. Они могут поджечь океан, пока мы отсутствуем.

Пипое рассмеялась, потом добавила:

— Думаешь, они будут ревновать?

Хороший вопрос. Дельфины в отличие от людей с их сложной игрой эмоциональных обманов не могут скрывать личные отношения. Сканируя звуком внутренности друг друга, они могут не гадать, кто с кем спит.

«Зависть не была бы проблемой, если бы я с самого начала проявил свою власть как офицер и самец более высокого ранга».

К несчастью, привычка к подчинению и к уважению старших по рангу — недавняя концепция, навязанная людьми. В глубине души каждый самец дельфин испытывает древние порывы нарушить статус и бороться за свои права размножения.

«Выбор Пипое может укрепить положение Каа в местной иерархии. Хотя мне не следовало бы нуждаться в помощи, если я настоящий лидер».

— Ревность. — Он задумался, по-прежнему с силой ударяя по воде плавниками, увлекая Пипое в свою волну. — Эти двое очень сексуальны, так что, вероятно, будут испытывать ревность. Но по

крайней мере Мопол и Заки перестанут приставать к тебе с безнадежными предложениями.

С первого же дня появления Пипое молодые самцы неоднократно делали ей грубые предложения, даже сладострастно терлись о нее, пока их не прогонял Каа. Конечно, дельфины гораздо терпимее к подобному поведению, чем люди, — и Пипое способна постоять за себя, — но эта пара была так настойчива, что Каа приходилось колотить их хвостом, чтобы отогнать.

— Безнадежными? — насмешливо переспросила Пипое. — Теперь ты высказываешь предположения. Откуда ты знаешь, что я моногамна? Может, мне больше подходит небольшой гарем?

Каа раскрыл пасть и собрался укусить ее за ближайший грудной плавник, но проделал это медленно, чтобы она со смехом могла увернуться.

— Хорошо, — заметила она. — Турсиопы Тихого океана известны своими странностями. Но я предпочитаю спокойных и консервативных финов из Атлантики. Ты ведь из Подводного Майами? Вероятно, родился в старомодной семье с традиционным браком?

Каа хмыкнул в ответ. Даже англик с основой на сонаре дается с трудом во время быстрого

плавания.

— Один из вариантов семьи Хайнлайна, — подтвердил он. — Этот стиль больше подходит дельфинам, чем людям. А что? Подыскиваешь семью, чтобы войти в нее?

— М-м-м. Я бы предпочла начать новую. Всегда мечтала стать матриархом-основателем — если позволят хозяева Возвышения.

Это вечное большое Если. Ни один неодельфин не может иметь законное потомство без разрешения Террагентского Совета Возвышения. И хотя люди предоставили дельфинам необычную свободу, право голосовать и все права граждан, они все равно подчиняются древним галактическим законам.

А главный закон Возвышения гласит: совершенствуй своих клиентов или потеряешь их.

— Ты, наверно, шутишь, — ответил Каа. — Если кому-нибудь со «Стремительного» удастся вернуться домой из этого безумного путешествия, никому из нас, финов, больше не придется сдавать экзамен. Нас могут стерилизовать на месте за все те неприятности, что мы причинили. Или мы будем объявлены героями и всю остальную жизнь будем поставлять сперму, став отцами почти всего будущего поколения неофинов.

В любом случае никакой уютной семейной жизни. Ни для кого из нас.

Он сам не ожидал, что выйдет так иронично и горько. Но Пипое, должно быть, поняла, что он говорит правду. Она по-прежнему плыла рядом, но ее молчание говорило Каа, насколько она поражена.

Здорово. Все было так хорошо: эта удивительная вода, рыба, которую мы поймали на завтрак, наша любовь. Ну что стоило не мешать ей помечтать немного, представить себе счастливый конец? Сохранить фантазию, что мы еще можем вернуться домой и вести нормальную жизнь?

— Каа! — От возгласа Брукиды задрожало все маленькое убежище. — Я рад, что вы вернулись. Хорошо ли все прошло? Погоди, сначала я расскажу, что обнаружил, сопоставляя пассивные сейсмические эхо с места, где находится «Стремительный». Необработанные данные я передал в одну из старых программ Чарлза Дарта, чтобы получить томографическое изображение структурной зоны.

Все это стремительно, без пауз. Люди сказали бы «не переводя дыхания».

— Здорово, Брукида. Но отвечая на твой вопрос, наша вылазка прошла не так успешно, как

мы надеялись. У нас есть приказ собраться и свернуть лагерь. Джиллиан и Тш'т планируют переместить корабль.

Брукида покачал пятнистой серой головой.

— Разве это не рискованно? Можно выдать положение «Стремительного».

— Оно уже известно. Доктор Баскин полагает, что джофуры просто чем-то заняты, но долго это не будет продолжаться.

Каа должен был выяснить, что сунеры знают о подобных вещах. Может быть, кузнец Уриэль знает что-нибудь о планах джофуров. Никто не винит Каа в неудаче — во всяком случае, не вслух. Но он знал, что совет корабля разочарован.

«Я предлагал послать кого-то более подготовленного к шпионажу».

Он осмотрелся.

— А где остальные?

Брукида вздохнул с дрожью.

— Отправились покататься на санях Пипое. Или рвут сети местных хунов и квуэнов.

«Черт побери!» — выругался Каа. Он приказал Заки и Мополу не удаляться от купола больше чем на километр и следить за мониторами, уже установленными в порту Вуфон. И прежде всего они не должны были привлекать внимание

сунеров.

— Им стало скучно, — объяснил Брукида. — Теперь, когда на борту «Стремительного» Олвин и другие местные эксперты, наша команда не очень и нужна. Именно поэтому я принялся наблюдать за потоками лавы в зоне расположения корабля. С Китрупа это у меня первая возможность проверить идею, основанную на старых исследованиях Чарлза Дарта. Помнишь те странные существа, которые жили глубоко под корой Китрупа? Те самые, у которых непроизносимое название вида?

Пипое сказала:

— Ты имеешь в виду карранк-к?

Она прекрасно изобразила тон с двумя повышениями в конце, напоминающий шипение готового взорваться парового котла.

— Да, именно. И вот я все думал, какая экосистема может содержать их там внизу. Это заставило меня предположить…

Брукида замолчал. Все три дельфина повернулись и посмотрели на участок стены за ними, откуда послышался низкий скрежещущий звук. От дрожи у Каа заломило челюсти.

Вскоре все убежище стонало на звуковой частоте, которую Каа узнал.

— Сейсер! Кто-то нападает на купол!

— Упряжи!

По его приказу все бросились к стойке, где висели готовые к использованию упряжи с тяжелыми инструментами. Каа проскользнул в отверстие своего тщательно подогнанного аппарата и почувствовал, как гладко встают на место многие контрольные поверхности. К невральному гнезду за левым ухом подсоединился контрольный кабель. Он высвободил упряжь из стойки, и ожили руки-роботы. Упряжь Пипое высвободилась на мгновение позже.

В противоположной стене, выше и ниже уровня ватерлинии, появился грубый раскаленный прямоугольник.

— Они прорезают стену! — крикнула Пипое.

— Маски для дыхания! — приказал Каа. Из упряжи поднялся шланг и плотно закрыл ему дыхало. Запасенный воздух кажется еще более затхлым, чем та рециклированная атмосфера, которой они дышали под куполом. Каа послал невральный приказ активизировать резак и сейсер, которые в схватке могут послужить оружием.

Но инструменты не слушались!

— Пипое! — закричал Каа. — Проверь свои.

— Я помогаю Брукиде! — прервала она. — Его упряжь застряла!

Каа забил по воде плавниками, раздраженно запищав. И поскольку другого выхода не было, загородил ее своим телом от дальней стены.

Которая уже рухнула в облаке пены.

ДЖИЛЛИАН

— Я обнаружил несколько интересных вещей, — сказал Нисс, машина, когда Джиллиан проснулась после короткого искусственного сна. — Первая имеет отношение к этой удивительной туземной машине, построенной и управляемой урским лудильщиком Уриэль.

В своем затемненном кабинете Джиллиан смотрела на появившееся изображение колес, шкивов и дисков, вращающихся в радуге цветов. Поблизости древний труп — Херби, — казалось, разглядывает ту же сцену. Игра теней делала его загадочное мимуфицированное лицо улыбающимся.

— Попробую догадаться. Уриэль создала компьютер.

Нисс изобразил удивление. Его спиральные линии собрались в узел.

— Вы знали?

— Подозревала. Судя по рассказам детей, Ури-

эль не стала бы тратить время на что-нибудь бесполезное или абстрактное. Она хотела дать своему народу нечто особенное. То, от чего ее предкам пришлось отказаться.

— От обладания компьютерами. Хороший вывод, доктор Баскин. Уриэль нацелилась высоко — стать Прометеем. Принести своему народу огонь расчетов.

— Но без цифрового сознания, — заметила Джиллиан. — Компьютер, который невозможно обнаружить.

— Верно. В нашей захваченной ячейке Библиотеки я не нашел никаких указаний на подобное устройство. Поэтому я заглянул в доконтактное издание 2198 года «Британской энциклопедии». И прочел об аналоговых расчетах с помощью механических компонентов, которые на короткое время расцвели на Земле и которые имеют несомненное сходство с техникой, какую мы видим в зале вертящихся дисков Уриэль.

— Помню, я слышала об этом. Может, Том упоминал.

— А говорил ли он о том, что то же самое можно достичь с использованием простых электронных цепей? Сеть сопротивлений, конденсаторов и диодов может копировать множество уравнений. И

связывая такие устройства друг с другом, можно получить решение ограниченных проблем.

Стоит задуматься о военном потенциале подобных систем. Например, возможно управление оружием без цифровых приборов, такое оружие невозможно будет обнаружить.

Голограмма Нисса дернулась, и Джиллиан истолковала это как пожатие плечами.

— Но если бы эта идея была осуществима, она нашла бы отражение в Библиотеке.

Вот оно опять. Даже тимбрими разделяют это всеобщее убеждение: все стоящее за два миллиарда лет уже сделано. Это предположение почти всегда оказывается справедливым. Тем не менее волчата люди отвергают его.

— Ну и что? — поторопила Джиллиан, — Ты узнал, что рассчитывает Уриэль?

— А, да. — Линии задумчиво завертелись. — То есть, вероятно. Или скорее нет, не узнал.

— А в чем затруднение?

Нисс проявил раздражение.

— Трудность в том, что все алгоритмы, используемые Уриэль, земного происхождения.

Джиллиан кивнула.

— Естественно. Ее книги по математике происходят из так называемой Великой Печати,

когда знания человечества затопили эту планету — преимущественно в виде печатных текстов. Зеркальное отражение того, что Галактическое общество сделало с Землей. На Джиджо мы высвободили огромные знания, поглотившие все предшествующие убеждения.

Отсюда и недавнее причудливое происшествие — Джиллиан обсуждала достоинства литературных произведений Жюль Верна с не похожими на людей молодыми существами по имени Олвин и Гек, у которых нет ничего общего со скучными и тяжеловесными галактическими нормами.

Нисс согласился, наклонив вихрь из вращающихся линий.

— Вы уловили мои затруднения, доктор Джиллиан. Хотя мои создатели симпатизируют землянам, сами они были возвышены и стали полноправными галактическими гражданами в рамках общей традиции. Особенности моей программы уникальны, но я был создан в соответствии с установленными принципами, выработанными за долгие эпохи использования цифровых компьютеров. И эти традиции противоречат земным суевериям.

Джиллиан украдкой кашлянула. Нисс поклонился.

— Прошу простить. Я хотел сказать, «земным обычаям».

— Можешь привести пример?

Могу. Подумайте над противоречием между словами/концептами «дискретный» и «непрерывный».

Согласно галактической науке, всего можно достичь с использованием математики, складывая и вычитая, используя целые числа и рациональные дроби. Сложные арифметические алгоритмы позволяют нам, например, понять поведение звезды, разделив ее на мелкие частицы, моделируя эти частицы упрощенным способом, затем соединяя части. Таков цифровой способ.

— Для этого требуется огромная память и компьютерная энергия.

— Верно, но все это легко достижимо и достаточно для решения любой задачи, какую вы сможете поставить.

Теперь посмотрим на доконтактных волчат людей. Ваша раса провела много столетий в полуцивилизованном состоянии, вы готовы были задавать сложные вопросы, но у вас не было доступа к транзисторам, квантовым переключателям или бинарной обработке данных. До тех пор пока ваши гении Тюринг и фон Нейман не

открыли способности цифровых компьютеров, поколения ваших математиков должны были обходиться карандашом и бумагой.

А каков результат? Смесь гениального и глупого. Абстрактный дифференциальный анализ и кабалистическая нумерология. Алгебра, астрология и геометрическая топология. Большая часть этой смеси основана на нелепых концепциях, таких, как непрерывность, или на подходяще названных иррациональных числах, или на поразительном убеждении, что в каждом малом скрываются бесконечности.

Джиллиан раздраженно вздохнула.

— Вскоре после контакта лучшие умы Земли пытались объяснить нашу математику. Снова и снова доказывали мы, что она последовательна и логична. Что она работает.

— Но она не дает ничего, что не могли бы мгновенно решить подобные мне вычислительные машины. Галактические ученые отбросили все эти хитроумные уравнения как трюкачество и попытки найти кратчайший путь, а может, просто как бред дикарей.

Джиллиан кивком выразила согласие.

— Так уже было один раз, ты знаешь. В двадцатом веке после Второй мировой войны побе-

дители сразу разошлись по противоположным лагерям. Те специалисты, которых ты упомянул: Тюринг и фон Как-его-там, — они работали на Западе, помогая совершить нашу собственную цифровую революцию.

А тем временем Востоком правил диктатор, мне кажется, его звали Сталь.

— Согласно «Британнике», вы имеете в виду Сталина? Да, я вижу связь. До самой своей смерти Сталин по идеологическим причинам препятствовал развитию русско-советской науки. Он запретил работы генетиков, потому что они противоречили взглядам коммунистов на возможности достижения совершенства. Больше того, он подавил развитие компьютеров, называя это направление «декадентским». И даже после его смерти на Востоке многие по-прежнему считали, что расчеты грубы, неэлегантны и годятся только для приблизительных оценок. Для истины же нужна чистая математика.

— Так вот почему такое количество выдающихся математиков происходит из России, — усмехнулась Джиллиан. — Похоже на перевернутое изображение того, что произошло с Землей после контакта.

Нисс на мгновение задумался.

— На что вы намекаете, доктор? Что Сталин был отчасти прав? Что вы, земляне, правы? Что вы обнаружили то, что пропустила вся остальная вселенная?

— Кажется невероятным, верно? И все же разве не ничтожная вероятность того, что это правда, заставила твоих создателей направить тебя на корабль?

И снова линии завертелись.

— Хороший довод, доктор Баскин.

Джиллиан встала и начала проделывать серию физических упражнений. Короткий сон помог ей. Тем не менее ей предстоит решить сотни проблем.

— Послушай, — сказала она машине Нисс. — Есть ли цель, ради которой ты все это говоришь? Есть ли у тебя ключ к проблеме, которую пытается решить Уриэль?

Она показала на изображение колес, шкивов, кожаных ремней и вращающихся дисков.

— В одном слове, доктор? НЕТ.

О, я могу заключить, что Уриэль моделирует набор одновременных дифференциальных уравнений — если воспользоваться старинной терминологией волчат. Ранг рассматриваемых числовых величин кажется простым, даже триви-

альным. Я мог бы превзойти этот так называемый компьютер, используя всего одну квадрильонную долю своей мощности.

— Почему ты этого не делаешь?

— Потому что для решения вначале нужно расшифровать забытый язык. Мне нужен ключ, Розеттский камень, после чего все станет предельно ясно.

Короче, мне нужна помощь землян, чтобы выяснить значение выражений.

Джиллиан пожала плечами.

— Еще один прорыв. Но на этом корыте недостаток математиков. Со старой математикой забавлялись Крайдайки и Том. Я знаю, что то же делали Чарлз Дарт и Такката-Джим.

Она вздохнула.

— И Эмерсон Д'Аните. Он был последним, кто мог бы помочь тебе.

Джиллиан направилась к своей справочной панели.

— Наверно, можно просмотреть личные файлы, чтобы выяснить, нет ли еще кого.

— Возможно, это не необходимо, — прервал ее Нисс. — Возможно, удастся связаться с одним из упомянутых вами специалистов.

Джиллиан мигнула, не веря собственным

ушам.

— Вы поручили мне еще одно дело — на что смотрел этот хищный разумный титлал, которого называют Грязнолапым, в конце заседания совета. Чтобы выяснить это, я увеличил последнюю сцену, переданную камерой разведчика, прежде чем ее вывели из строя осы тайны.

Смотрите внимательно, доктор.

На большом экране появилось последнее изображение, присланное переставшей работать камерой. Джиллиан было физически болезненно смотреть на бьющиеся крылья насекомых, и она испытала облегчение, когда Нисс переместил фокус в угол поля, убрав с экрана ос тайны. Крупным планом стала видна часть машины кузнеца Уриэль — чудо изобретательности и находчивости.

«Я проходила курс старой математики до того, как поступила в медицинскую школу. Нисс может предоставить доконтактные тексты. Нужно только вдохновение. Какая-то интуиция волчат».

Но тут мысли ее прервались, ее увлекло яркое увеличенное изображение. Перед ней лабиринт импровизированных лесов, полный теней, в которых видны яркие вспышки.

Вся эта невероятная деятельность должна привести к чему-то очень важному.

Теперь Джиллиан видела цель Нисса — тени с мягкими очертаниями формы жизни, рискованно снующие по пересечениям тросов. Некоторые маленькие, со змееобразными торсами и множеством ног, в миниатюрных руках со множеством суставов у них инструменты.

«Миниатюрные уры, — поняла она. — Обслуживающая команда?»

Над этими возвышался больший силуэт. Джиллиан ахнула, поняв, что это человек. Но потом вспомнила.

Конечно. Люди — союзники Уриэль и искусные техники. Они также хорошо карабкаются на леса и в состоянии обеспечить работу машины.

Сейчас Нисс, должно быть, до предела использует свои возможности увеличения. Скорость увеличения замедлилась, и под разрешающей силой компьютера медленно начали исчезать тени. Вскоре Джиллиан поняла, что человек-мужчина, судя по форме шеи и плеч. Он на что-то показывает, может быть, дает задание маленьким урам.

Джиллиан увидела, что у него длинные волосы, зачесанные так, чтобы прикрыть страшный шрам. На мгновение она увидела неровную рану на виске…

Еще мгновение спустя изображение настолько

прояснилось, что стала видна улыбка.

Узнавание подействовало словно поток ледяной воды.

— Боже мой, не может быть!

Нисс был одновременно доволен и заинтересован.

— Вы подтверждаете сходство?

— Похоже на инженера Эмерсона Д'Аните.

Члена нашего экипажа, которого мы считали убитым Древними во Фрактальной системе.

Его разведочный корабль был окутан всепожирающим светом, когда «Стремительный» кружным маршрутом уходил на Джиджо.

У машины Нисс есть одна общая черта с ее создателями — глубочайшая любовь к сюрпризам. Теперь Нисс выразил свое удовольствие довольным гулом.

— Вы часто спрашиваете, как кто-нибудь мог последовать за вами в этот заброшенный угол вселенной, доктор Баскин.

Кажется, этот вопрос приобретает новые уровни значения.

КАА

Ему так и не удалось сразиться.

Да и как это было возможно, если все оружие отказало с самого начала? К тому же Каа не был уверен, что сможет причинить вред кому-нибудь из своего вида.

Очевидно, у нападающих таких ограничений не было.

Разрушенное убежище лежало далеко внизу, его обломки рассыпаны по континентальному шельфу. Вместе с Пипое и Брукидой Каа едва удалось увернуться от рушащихся стен, избежать водоворота металла и пены, только чтобы увидеть пистолеты хорошо вооруженных нападающих. Их погнали на поверхность, и теперь они тяжело дышали под лучами вечернего солнца.

Напротив, гладкое тело Мопола почти лениво лежало на скоростных санях, которые Пипое привела в убежище со «Стремительного». Мопол управлял двигателем и оружием импульсами, которые посылал через невральное гнездо. Поблизости в упряжи и полном вооружении плавал Заки. Он объяснял ситуацию.

— Вот какое дело, пилот. — Он произносил сло-

ва не очень отчетливо. — Вы трое будете делать, что говорят, иначе…

Каа покачал головой и нижней челюстью плеснул в глаза Заки воду.

Глупые угрозы от того,

Кто слишком часто смотрел кино!

Просто говори, придурок. Немедленно!

Мопол сердито зашипел, но Пипое рассмеялась над затруднением Заки. Теперь продолжать угрозы означало выполнить приказ Каа. Конечно, это не очень серьезная проблема, не полное поражение. Но Каа чувствовал, что сейчас нужно хоть немного вернуть инициативу.

— Мы… — Заки с силой выдул воздух и попытался продолжить. — Мы с Мополом больше не члены экипажа «Стремительного». Мы не вернемся назад, и вы не сможете нас заставить.

«Так вот в чем дело», — подумал Каа.

— Дезертирство! — возмущенно выпалил Брукида. — Бросить товарищей, когда они больше всего в вас нуждаются!

Мопол издал резкий звук отрицания.

— Наш законный срок службы кончился почти два года назад.

— Верно, — согласился Заки. — И мы никогда

не соглашались на это безумие — убегать, словно раненая кефаль, через всю галактику.

— Вы собираетесь стать сунерами, — заинтересованно сказала Пипое. — Жить дикой жизнью в этом море.

Мопол кивнул.

— Когда мы покидали корабль, кое-кто уже говорил об этом. Эта планета для нас рай. Весь экипаж должен сделать то же самое.

— Но если они не хотят, — добавил Заки, — то мы сделаем одни.

И добавил для выразительности хайку:

Шесть или семь кланов
Уже сделали это на берегу.
У нас есть прецедент!

Каа понял, что не сможет изменить их намерения. На его лучшие уговоры море ответит своей прекрасной минеральной гладкостью и соблазнительным эхом вкусной рыбы. Со временем дезертиры почувствуют, что им не хватает удобств цивилизованной жизни, или они соскучатся, или поймут, что даже в мире без крупных хищников есть свои опасности. В воде чувствовался слабый вкус изменчивости, и Каа подумал, видел ли кто-нибудь из мятежников настоящую

бурю.

Но разве другие поселенцы не сталкивались с такими же проблемами? Г'кеки, квуэны и даже люди?

— Джофуры могут вам сильно помешать, — сказал он.

— Мы рискнем.

— А если вас поймают Институты? — спросил Брукида. — Ваше присутствие — это преступление, которое может очень тяжело отразиться на…

Мопол и Заки рассмеялись. Даже Каа легко мог бы отвести этот довод. Ведь люди и шимпы уже на Джиджо. И если клан землян понесет коллективное наказание за это преступление, несколько дельфинов, живущих в море, вряд ли ухудшат положение.

— Так что вы собираетесь с нами делать? — спросил Каа.

— Ничего особенного. Вы с Брукидой можете свободно плыть к вашей драгоценной Джиллиан Баскин, если захотите.

— Но на это потребуется неделя! — возразил Брукида. А Каа пришлось удерживать невольную дрожь своих механических рук, когда он понял, на что намекает Заки. И прежде чем он справил-

ся со своим речевым центром, Пипое выразила его ужас.

— Только Каа и Брукида? Вы требуете, чтобы я осталась?

Мопол с такой радостью выразил согласие, что это было скорее похоже на гортанный дельфиний праязык, чем на тринари.

— Таков наш план, — подтвердил Заки. — Плохая у нас получится колония без единой самки.

Неожиданно Каа понял, что этот план разрабатывался давно. Приступ у Мопола должен был привлечь сюда с корабля одну из медсестер Макани. Почти все они молодые самки, и Пипое лучшая добыча.

— Вы хотите к своему дезертирству добавить и похищение? — спросила она не столько в страхе, сколько с интересом.

У Каа закипела кровь: Заки проплыл рядом с Пипое, перевернувшись и касаясь ее живота.

— Немного погодя ты не станешь это так называть, — пообещал Заки, переворачиваясь и оставляя за собой цепочку пузырей. — Со временем ты скажешь, что это твой самый счастливый день.

И тут терпение Каа кончилось. Он ударил плавниками и бросился.

Сначала темнота, потом все в тумане, в боли и оцепенении.

Инстинктивно тело Каа совершало все необходимые движения. Становилось вертикально. Высовывало дыхало над водой. Дышало. Снова погружалось. Позволяло разорванной личности снова медленно соединиться.

— Давай, мой мальчик, — говорил ему помогающий. — Еще немного.

Каа послушно плыл дальше, делал то, что велели. Этому учишься рано: если тебя ранили, всегда повинуйся помогающему. Это может быть твоя мать, тетка или какой-нибудь взрослый самец. Всегда рядом оказывается помогающий, иначе море поглотит тебя.

Со временем он вспомнил имя помогающего — Брукида. Начал вспоминать и своеобразный плеск воды недалеко от берега. Каа даже отчасти вспомнил, что привело его в такое состояние, что всякое представление о речи исчезло из сознания.

Была схватка. Он боролся против превосходящего противника, надеясь захватить его врасплох простой стремительностью и смелостью своего нападения.

Потребовался всего один удар концентриро-

ванного звука, чтобы отправить его в двойное сальто, причем дрожь сотрясала каждую мышцу. Парализованный, он смутно чувствовал, как уплывают два самца и уводят с собой его любовь.

— Тебе лучше? — спросил Брукида. Пожилой дельфин сонаром просветил внутренности Каа, проверяя его состояние. Затмевающие сознание тучи начали расходиться. Достаточно, чтобы вспомнить кое-что еще. Разбитое убежище — к нему не стоит плыть. Безнадежность преследования скоростных саней, даже если на них три пассажира, поскольку скоро ночь.

Травмированный мозг посылал приказы по невральной линии, и механические руки дергались. Каа сумел немного поднять голову, когда дышал в следующий раз, и узнал очертания береговых холмов. Брукида вел его ближе к туземному рыбацкому поселку.

— Мопол и Заки порвали все кабели и трансмиттеры в куполе. Но я считаю, что мы можем найти линии, ведущие к роботам-разведчикам в порту Вуфон, подсоединиться к ним и связаться с кораблем.

Хаотические мысли Каа постепенно приходили в порядок. Достаточно, чтобы понять, что говорит старый фин. Возвращение к разумности вызы-

вало противоречивые чувства. Он испытывал облегчение от того, что потеря временная, но тосковал по простоте, которая сейчас должна уйти, смениться срочными безнадежными делами.

Тринари вернулся легче англика.

Мы должны преследовать
Отродье сифилитических червей,
Пока их звуковой след еще свеж!

— Да, конечно, я согласен. Ужасное положение у Пипое, бедной девочки. Но сначала свяжемся со «Стремительным». Может, нам смогут помочь.

Каа понимал разумность этого предложения. Одним из принципов человеческой законности, который находил аналогии у естественных китообразных, была организация отрядов взаимопомощи и соблюдения закона. Когда совершается преступление против всей стаи, можно звать на помощь. Нельзя встречаться с трудностями в одиночку.

Он позволил Брукиде отвести его в место, где внизу, подальше от глаз наблюдателей с берега, проложены кабели. Гулкий прибой напомнил Каа счастливые утренние занятия любовью. Этот звук заставил его издать протестующий писк на праймале. Он протестовал против несправедли-

вости случившегося. Найти подругу и потерять ее в тот же день.

В воде вкус хунов и квуэнов, а также дерева и смолы. Каа отдыхал на поверхности, восстанавливая сознание, а Брукида нырнул, чтобы установить связь.

— Сейсер. Заки выстрелил в меня лучом из сейсера.

Смутно он сознавал, что Заки, возможно, спас ему жизнь. Если бы этот залп не остановил его, следующим, несомненно, выстрелил бы Мопол. И выстрелил бы из мощного оружия саней.

— Спас меня ради чего?

Ифни, скажи мне, в чем смысл?

Каа не считал, что у него снова есть прозвище.

Несколько часов — и оно снова исчезло. Она унесла его с собой.

Рядом вынырнул Брукида, оживленный, достигший быстрого успеха.

— Готово! Пошли, Каа. На линии Джиллиан. Она хочет поговорить с тобой.

В жизни иногда приходится делать выбор. Нужно выбрать, по какому течению плыть, какой прилив приведет к судьбе.

Иногда тебя разрывает на части, словно с двух сторон ухватили два гигантских кальмара, один

укусил за плавники, другой играет в перетягивание каната с твоим рылом.

Каа слышал приказ. Он понял его.

Но не был уверен, что сможет его выполнить.

— Мне очень жаль, что так случилось с Пипое, — сказала Джиллиан Баскин. Голос ее прорывался сквозь треск импровизированной линии связи, подключенной непосредственно к слуховому нерву Каа. Мы освободим ее и воздадим должное дезертирам, когда обстоятельства позволят. Поверь мне, это первостепенное дело.

Но сейчас важнее другое. От этого зависит наша жизнь, Каа.

Женщина помолчала.

— Я хочу, чтобы ты направился в гавань Вуфона.

Пора одному из нас появиться в городе.

СУНЕРЫ
ЭВАСКС

Мои кольца, наконец-то это произошло.

Радуйтесь! Вашему мастер-кольцу удалось наконец восстановить некоторые жирные воспоминания, которые вы/мы/Я считал навсегда утраченными. Эти ценные следы памяти, ко-

торые исчезли, когда храбрый и глупый Аскс растопил воск!

Этот акт неверно понятой преданности слишком на долгое время уменьшил полезность этой гибридной груды колец. Некоторые из экипажа «Полкджи» называли Меня/нас неудавшимся экспериментом. Даже капитан-лидер усомнился в этой попытке превратить дикого треки в нашего верного эксперта по джиджоанским проблемам.

Следует признать, что наши/Мои сведения о Шести Расах оказались неполными. Допускались ошибки вопреки/благодаря нашим советам.

Но теперь Я/мы вернул утраченные секреты! Вернул убеждения, некогда заполнявшие центр мульчи рассеянного существа, которое называлось Асксом.

Глубоко под расплавленным воском сохранилось несколько воспоминаний.

Не дергайтесь так! Вы должны радоваться такому важному открытию.

Яйцо.

До сих пор мы встречались только с высокомерием и самонадеянностью со стороны рас сунеров, задержками и неохотным сотрудничеством с высланными нами разведывательными группами.

Паразитов г'кеков не собирают в назначенных пунктах.

Нет миграции груд треки для оценки и преображения.

Рои роботов начали прочесывать местность в поисках групп г'кеков и треки и гнать их в огражденные места, где их можно сосредоточить в большем количестве. Но эта задача оказалась трудной и малоэффективной. Было бы гораздо удобней, если бы местные жители выполнили эту задачу.

И что еще хуже, эти падшие существа по-прежнему утверждают, что ничего не знают о нашей добыче — земном корабле.

Добиться большего сотрудничества оказалось трудно.

Нападения на населенные пункты встречены покорно. Население разбегается.

Их мрачная религия противопоставляет нам стоическую пассивность. Трудно внушить надежду тем, у кого ее никогда не было.

Но теперь у нас есть новая цель!

Имеющая для Шести Рас гораздо большее значение, чем любая из их деревень. Цель, которая способна убедить их в нашей безжалостной решимости.

Мы уже кое-что знали о Святом Яйце. Его излучения раздражали, искажая данные наших приборов, но мы считали это геологической аномалией. Пси-резонирующие формации известны на некоторых планетах. Вопреки местной мифологии, в нашей корабельной Библиотеке можно отыскать несколько аналогичных случаев. Редкий феномен, но доступный объяснениям.

И только теперь мы поняли, какова роль этого камня в местной религии. Для туземцев это центральный объект поклонения. Их «душа».

Как забавно.

Как патетично.

И как удобно.

ВУББЕН

Когда его престарелые колеса в последний раз катились по этой пыльной тропе, это было в обществе двенадцати дюжин одетых в белое паломников — лучших глаз, умов и колец всех шести рас, проходивших мимо крутых утесов и выбросов пара, чтобы попросить руководства у Святого Яйца. На то время, когда полная надежд процессия заставляла стены каньона вибриро-

вать в такт, в Общине сохранялись единство и мир.

Увы, прежде чем добраться до цели, группа оказалась в водовороте огня, кровопролития и отчаяния. И вскоре мудрецы и их последователи были слишком заняты выживанием, чтобы размышлять над невыразимым. Однако за все последующие недели Вуббен никак не мог забыть о недоконченном деле. О чем-то жизненно важном, но незавершенном.

Отсюда и его одиночное возвращение, хотя при этом его колеса оказываются слишком близко к кораблю джофуров. Оси Вуббена дрожали от трудного подъема, и он с тоской вспоминал храброго квуэна, который добровольно вызвался отнести его сюда в удобстве на широкой серой спине.

Но он не мог этого принять. Несмотря на возраст и скрип в колесах, Вуббен должен был прийти один.

Наконец он добрался до последнего поворота перед входом в Гнездо. Вуббен остановился, чтобы перевести дыхание и привести в порядок мысли перед предстоящим испытанием. Мягкой тряпкой он вытер зеленый пот со всех четырех век и глазных стебельков.

Говорят, что организм г'кеков не мог развиться

на планете. Наши колеса и тонкие конечности больше подходят искусственным мирам, где жили наши богоподобные предки, прежде чем сделали большую ставку, выиграли и все потеряли.

Он часто думал, каково было жить в огромном вращающемся городе, внутреннее пространство которого заполнено бесчисленными хрупкими дорогами, которые изгибаются, как витой сахар. Эти дороги разумны, они изгибаются, поворачивают и соединяются по вашему приказу, так что путь между двумя пунктами может быть прямым или великолепно изогнутым, как вам больше нравится. Жить там, где планета не давит на вас безжалостно дур за дуром от рождения до смерти, раздавливая ободья и забивая подшипники жесткой пылью.

Больше чем любой другой расе, г'кекам приходилось тяжело трудиться, чтобы любить Джиджо. Наше убежище. Наше чистилище.

Как только Яйцо дало знать о своем присутствии, стебельки Вуббена невольно сжались. От земли исходили колебания тайвиш. Спорадические рисунки дрожи становились все более напряженными, чем ближе он подходил к их источнику. Вуббен задрожал, когда новая волна

колебаний накатилась на него, погладила напряженные оси, заставила вибрировать мозг в прочном черепе. Слова, даже на галактическом два или три, не могут выразить это ощущение. Пси-эффект не вызывает галлюцинаций или драматичных эмоций. Скорее, возникает ощущение ожидания, оно постепенно усиливается, нарастает, как будто наконец начинает осуществляться какой-то долгожданный план.

Эпизод достиг высшего напряжения, но вот оно схлынуло, и в нем все еще не было связности, на которую Вуббен надеялся.

«Теперь начнем по-настоящему», — подумал он. Его двигательные шпульки задрожали, ведь им помогали только слабые толчковые ноги; оба колеса повернули от заходящего солнца к загадке.

* * *

Яйцо, округлый камень, возвышалось над головой и уходило на расстояние в половину полета стрелы, прежде чем начать закругляться. Столетие паломничества вырыло колею в слежавшейся пемзе, тем не менее Вуббену потребовался почти мидур, чтобы в первый раз обойти овоид у основания. Масса Яйца продавила углубление в боку

вулкана. По пути Вуббен поднимал тонкие руки и глазные стебельки в благословении, подкрепляя свою мысленную мольбу языком жестов.

«Помоги твоему народу», — просил Вуббен, настраивая свои мысли, гармонизируя их с вибрацией циклоида.

«Поднимись. Проснись. Вмешайся и спаси нас».

Обычно для связи требовалось больше одного просителя. Вуббен добавил бы свой вклад к терпению хуна, упорству квуэна, альтруистическому дружелюбию треки, а также к цепкости и ненасытности, которые делают такими похожими лучших людей и уров. Но передвижение такой большой группы могли бы заметить джофуры. Да он и не мог просить других рисковать быть пойманными в обществе г'кека.

С каждым оборотом вокруг Яйца он поднимал глазной стебелек и вглядывался в гору Ингул, чья вершина видна была за краем кратера. Фвхун-дау обещал поместить там семафорную группу, которая должна была дать сигнал при приближении угрозы — или если появятся шансы на договор с чужаками. Пока на вершине на западе не видно вспышек.

Но и другие отвлечения спутывали мысли.

В той же самой западной части неба повис Лусен; вдоль терминатора в форме полумесяца, который отделяет темную половину от светлой, видны яркие точки. Традиция утверждает, что это отражения от куполов, накрывающих города. Улетая, буйуры оставили их нетронутыми, поскольку на Лусене нет естественной экосистемы, которую нужно было бы восстанавливать. Время едва прикоснется к ним, пока этой галактике и ее мириадам звездных систем не придадут новый законный статус и в спиральных рукавах снова оживет торговля.

Как эти лунные города должны были искушать первых г'кеков, бежавших из своих покинутых космических жилищ, лишь на несколько прыжков опередив линчующие толпы. Пройдя бури Измунути и оказавшись наконец в безопасности, они увидели в этих куполах напоминание о доме. Обещание низкого тяготения и гладких ровных поверхностей.

Но такие места не могут служить долговременным надежным убежищем от безжалостных врагов. Для беглецов больше подходит поверхность планеты, с ее жизнеобеспечивающей системой и отсутствием необходимости в компьютерах. Сложная мешанина естественного

мира делала его надежным укрытием, где можно вести примитивный образ жизни и добывать пищу, как животные.

На самом деле у Вуббена было мало данных, чтобы представить мысли первых колонистов. Единственными письменными источниками того времени были Священные Свитки, а в них почти ничего не говорилось о прошлом, они рассказывали о необходимой гармонии на Джиджо и обещали спасение тем, кто пройдет Тропой Избавления.

Вуббен был известен своим глубоким знанием этих текстов и умением их цитировать. «Но на самом деле мы, мудрецы, уже сто лет назад перестали опираться на эти свитки».

Он продолжил свое одинокое паломничество, завершая четвертый обход, когда обрушилась новая волна тайвиш. Теперь Вуббен был уверен, что циклы становятся все более связными. Но было и ощущение, что гораздо большая сила еще спит под поверхностью — сила, в которой он отчаянно нуждается.

Деды хунов и квуэнов сохранили показания, что в последние дни Дрейка Молодого узор колебаний был необыкновенно мощным. Тогда Яйцо еще сохранило тепло своего рождения — оно

только что вышло из матки Джиджо. Тогда все шесть рас видели принудительные сны, которые убедили даже самых консервативных в том, что это истинное откровение.

В принятии огромного овоида сыграла свою роль и политика. Дрейк и Ур-Чоун в своих призывах истолковывали появление нового знамения таким образом, что оно укрепляло Общину.

Камень мудрости — дар Джиджо, знамение, санкционирующее и ратифицирующее Великий Мир, объявили они, и имели определенный успех. Отныне надежда стала частью обновленной религии, хотя из почтения к Свиткам само это слово использовалось редко.

Теперь Вуббен пытался найти надежду для себя, для своей расы и для всех Шести. Он искал признаки того, что великий камень снова оживает.

«Я чувствую, что это происходит! Только бы он проявил всю свою силу и сделал это быстро».

Но активность камня усиливалась по какому-то собственному ритму, с такой инерцией, которая заставляла Вуббена чувствовать себя насекомым, танцующим рядом с каким-то гигантским существом.

«Может быть, — размышлял Вуббен, — мое присутствие не имеет ничего общего с этими

переменами.

И в том, что произойдет, я совсем не буду участвовать».

БЛЕЙД

Ветер уносил его в неверном направлении.

Неудивительно. Погода на Склоне необычная уже больше года. Но и метафорически Шесть Рас подвержены действию ветров перемен. Тем не менее в конце длинного насыщенного дня у Блейда было достаточно оснований проклинать этот упрямый противный ветер.

К концу дня косые солнечные лучи превращали леса и рощи бу в панораму чередующихся теней и света. Вершины Риммера как фаланга гигантских воинов, их броня блестит под заходящим солнцем. Внизу обширное болото уступает прерии, которая, в свою очередь, становится лесистыми холмами. С большой высоты видно мало признаков обитания. Впрочем, Блейд ограничен неспособностью смотреть непосредственно вниз. Хитиновый панцирь его широкого тела не дает возможности посмотреть прямо на землю под ним.

«Хотел бы я хоть раз в жизни посмотреть, что

находится у меня под ногами!»

Его пять ног в этот момент ничем особенным не заняты. Когти висят в пространстве, иногда рефлекторно сжимаясь, тщетно пытаясь схватить воздух. И что еще более необычно, чувствительные органы вокруг рта не могут, как всегда, касаться земли и грязи, пробовать их текстуру. Они тоже бесполезно повисли. Блейд чувствовал себя немым и обнаженным в том направлении, которое квуэны меньше всего привыкли демонстрировать.

После взлета к этому привыкнуть было труднее всего. Для квуэна структура жизни определяется окружающей средой. Песок и соленая вода — для красного. Пресная вода и грязь — для синего. Мир каменных пещер — для величественных серых. И хотя у их предков были звездные корабли, квуэны Джиджо меньше всего подходят для полетов.

Открытая местность величественно уходила назад, а Блейд рассуждал, что он первым из своего рода за сотни лет поднялся в воздух.

«Какое приключение! Стоит рассказать о нем Грызущей Бревно и остальным матронам, когда я вернусь домой, за дамбу Доло. Личинки в темном логове захотят прослушать этот рассказ раз сорок или пятьдесят.

Если бы только путешествие было чуть беднее приключениями и более предсказуемо.

Я надеялся сейчас уже разговаривать с Сарой, а не плыть прямо в зубастую пасть врага».

Блейд слышал, как над его куполом и зрительной полоской ритмично, с предварительным шипением, раскрываются клапаны, затем следует волна жара. Не в состоянии пошевелиться или повернуть свое подвешенное тело, он мог только представлять себе, как над головой в плетеной корзине работает это урское сооружение, самостоятельно пополняет запасы горячего воздуха и поддерживает воздушный шар на определенной высоте.

Но не в определенном направлении.

Насколько позволяла технология кузнецов, все было автоматизировано, но избежать тирании ветра оказалось невозможно. В распоряжении Блейда было только одно средство управления — веревка, привязанная к ножу высоко над головой. Если он потянет за веревку, нож разрежет оболочку шара, выпустит горячий воздух, и шар начнет опускаться с постоянной скоростью — так уверяли кузнецы, — быстро, но не очень. И у него как у пилота была только одна обязанность: так рассчитать падение, чтобы оно завершилось в

достаточно большом количестве воды.

Но даже если он упадет на большой скорости, особого вреда его бронированному дискообразному телу не будет. Если ноги запутаются в веревках и порванной ткани и все это утащит его вниз, Блейд может задержать дыхание настолько, чтобы высвободиться и выбраться на берег.

Тем не менее было очень трудно убедить выжившие остатки совета, заседавшего в развалинах города Овун, позволить ему испытать эту безумную идею. Члены совета, естественно, не очень верили его утверждению, что их следующим курьером должен стать синий квуэн.

Но в последние дни погибло слишком много человеческих юношей и девушек, устремляясь на хрупких глайдерах. Уры на воздушных шарах ломали ноги и шеи. «А мне нужно только упасть в воду, и я гарантированно смогу выбраться. Нынешние жестокие обстоятельства сделали из меня идеального авиатора!»

Оставалась только одна проблема. Присоединяя Блейда к своему сооружению, кузнецы заверяли его, что в это время года ветер надежен, он дует прямо по долине Гентта. И в течение нескольких мидуров донесет его до озера Процветания. Оттуда потребуется небольшая прогулка пешком,

и к вечеру он доберется до ближайшей семафорной станции. И тогда его сообщения о том, что происходит в разрушенном Овуне, будут переданы потоком вспышек. После чего Блейд сможет утолить свой зуд деятельности и восстановить контакт с Сарой, как он и поклялся. Конечно, если она на горе Гуэнн.

Но ветер изменился меньше чем через мидур после взлета, И обещанная быстрая прогулка на восток превратилась в долгий крюк на север.

По направлению к дому, заметил Блейд. К несчастью, между ним и домом враг. При такой скорости его подстрелят еще до того, как он увидит деревню Доло.

И что еще хуже, он начинал испытывать жажду.

Какая нелепая ситуация, ворчал Блейд, наблюдая, как вечернее солнце сменяется звездами. Ветер периодически сменялся порывами в другом направлении. Несколько раз у Блейда оживала надежда, когда такие порывы относили его к вершинам, на которых он видел другие семафорные станции, передающие вспышки вдоль горной цепи. Очевидно, сегодня передается очень много сообщений, в основном на север.

Но как только в нужном направлении показы-

валось достаточно большое озеро, другой порыв ветра уносил шар в сторону острых скал и деревьев. Раздражение только обостряло жажду.

«Если так будет продолжаться, я буду настолько обезвожен, что прыгну в самую маленькую лужу».

Скоро Блейд понял, как далеко залетел. Когда последние солнечные лучи исчезали с самых высоких вершин, он увидел в горах ущелье, которое узнал бы каждый представитель Шести Рас на Джиджо. Это тропа, ведущая на Поляну Праздников. Здесь ежегодно собирается Община, чтобы отпраздновать — и оплакать — еще один год изгнания. Какое-то время после захода солнца компанию Блейду составлял яркий полумесяц Лусена, освещая холмы. Блейд думал, что поверхность по мере продвижения на северо-восток будет становиться ближе, но урский альтиметр как будто чувствовал изменение и добавлял жару, мешая шару столкнуться с дном долины.

Но потом зашел и Лусен, оставив Блейда в мире теней. Горы превратились в черные укусы, вырванные из звездного неба. Блейд остался наедине со своим воображением, которое рассказывало, что будут делать с ним джофуры.

Вырвется ли вспышка холодного пламени из

брюха жестокого корвета, который уничтожил город Овун? Разрежут ли его на куски звуковыми скальпелями? Или ему вместе с воздушным шаром суждено испариться при столкновении с каким-то защитным силовым полем? Барьером, который описан в причудливых земных романах?

Но что хуже всего — Блейд представлял себе «луч притяжения», который хватает его и тащит на пытки в созданный джофурами ад.

«Потянуть ли сейчас за веревку? — думал он. — Чтобы наши враги не узнали тайну воздушных шаров?»

До прихода на Джиджо квуэны никогда не смеялись. Но каким-то образом синяя разновидность усвоила эту привычку, приводившую в ярость серых королев, еще до того, как можно было бы обвинить в дурном влиянии хунов и людей. Ноги Блейда поджались, он издавал самые разнообразные свисты ножными щелями.

«Верно! Нельзя допустить, чтобы наша „технология“ оказалась во вражеских руках вернее, кольцах. Да ведь джофуры смогут делать собственные шары и использовать против нас!»

Каньоны негромко повторяли раскаты его хохота, и это эхо немного его подбодрило, как

будто есть аудитория, наблюдающая за его неминуемым расставанием со вселенной. Ни одному квуэну не хочется умирать в одиночестве, — думал Блейк, покрепче берясь за веревку. Один рывок — и он устремится к темной поверхности Джиджо. «Надеюсь только, кто-нибудь найдет останки, чтобы правильно от них избавиться».

И в этот момент он уловил слабый блеск. Он виден был прямо впереди, дальше в сужающейся долине, под горной тропой. Блейд старался сфокусировать свое зрительное кольцо и опять проклял слабое зрение, унаследованное от древнейших предков. Он всматривался в бледное свечение.

Неужели?..

Слабый свет напомнил ему отражение звезд в воде, и Блейд решил на несколько дуров задержать рывок веревки. Если это действительно горное озеро, у него будет совсем немного времени, чтобы рассчитать расстояние, включая скорость своего движения, и выбрать правильный момент для рывка. С моей удачей, это обязательно окажется ядовитое озеро мульк-паука. Но по крайней мере будет решена проблема мульчирования.

Блеск приближался, но его очертания казались необычно ровными, не похожими на природную

водную поверхность. Виден был овальный профиль, а отражения казались выпуклыми.

«Ифни и предки! — в отчаянии выругался Блейд. — Да это же корабль джофуров!»

Он в ужасе разглядывал гигантский шар.

«Такой огромный. Я думал, это часть местности».

Хуже того, Блейд проверил направление и скорость своего движения.

«Скоро я буду прямо над ним».

Ветер в спину усилился и ускорил его движение.

И тут у Блейда возникла идея, изменившая его представление о своей жестокой судьбе.

«Так— то лучше, — решил он. — Как в романе, который я читал прошлой зимой. Его написал до контакта человек. Воннегут. В конце романа герой делал смелый личный жест по отношению к Богу.

Тогда этот жест казался своевременным, а сейчас — тем более. Когда тебе грозит неизбежная гибель, а противник невероятно превосходит тебя, единственный выбор смертного — умереть вызывающе».

Это оказалось вполне возможно. Части рта квуэнов выполняют множество функций, включая

и сексуальные. Так что Блейд решил воспользоваться своей позой и подготовился появиться перед врагом самым оскорбительным образом.

«Посмотрите ЭТО в своей галактической Библиотеке!» — подумал он, соблазнительно размахивая своими органами чувств. Может быть, перед тем как его испепелить, джофуры заглянут в данные о звездных квуэнах и поймут, как он их оскорбил. Блейд надеялся, что его жизнь уйдет хотя бы на это. Его убьют в гневе, а не хладнокровно.

Волны щекочущих ощущений прокатились по его органам чувств, и Блейд подумал: «Может, опасность вызвала извращенное обострение стремления к спариванию. В конце концов, я лечу к огромному бронированному существу с обнаженными укромными местами.

Наверно, Грызущая Бревно оценила бы это сравнение».

Ветер подтолкнул его к боевому кораблю, такому огромному, что по размерам он соперничает с горами, и хитиновый панцирь закрыл его от Блейда. Последние моменты приближения он будет не виден. Блейд не находил эту иронию забавной.

И тут, к его величайшему удивлению, пока-

залось то, что ему так нужно. Озеро. Большое, запруженное огромным крейсером, затопившее Поляну Праздников гектарами растопленного снега.

«Если они меня не подстрелят, — не мог сдержаться Блейд, — если не заметят, я еще могу добраться».

Но как они могут не заметить приближающийся шар? Должно быть, уже засекли его своими божественными инструментами.

И действительно, щекочущее ощущение многократно усилилось, как будто органы Блейда поглаживали, потом в них словно впилась стая извивающихся червей шока. Но это не сексуальное возбуждение. Ощущение усилило боевые инстинкты, заставив клешни рефлекторно щелкнуть, словно схватившись с невидимым врагом.

«Мои органы чувств могут улавливать магнитные и электрические вибрации прячущейся в грязи добычи, — вспомнил Блейд. — Электромагнитные… Меня сканируют!»

Каждый раз как он выдыхал через ножные щели, проходил еще один дур. Озеро расширилось, и он знал, что теперь корабль непосредственно под ним. Чего они ждут?

И тут ему в голову пришла новая мысль.

«Меня сканируют, но могут ли они меня увидеть?»

Если бы он больше внимания уделял учебе в академии города Тарек. Хотя серые всегда лучше овладевали абстракциями — поэтому они и получали настоящие имена, Блейд подумал, что должен был настоять и прослушать курс основ физики.

Посмотрим. В человеческих романах часто говорится о «радарах» — радиоволнах, которые отражаются от отдаленных объектов и, например, выдают присутствие подбирающихся захватчиков.

Но хорошее отражение получается только от такой поверхности, которая отражает радиоволны. Металлическая или другая твердая.

Блейд быстро втянул зубы. Живот у него мягкий, и его многочисленные плоскости могут отразить лучи в разных направлениях. А воздушный шар на радаре должен быть не виднее обычного облака.

Теперь только бы урский альтиметр подождал подольше и не выбрасывал бы очередной язык пламени с ревом, который заполнит ночь.

Щекочущее покалывание усилилось, потом начало ослабевать. Чуть погодя прохлада погла-

дила нижнюю сторону тела Блейда, и он ощутил внизу присутствие большого массива воды. Осторожное облегчение сопровождалось тревогой, потому что холодный воздух увеличит скорость снижения.

«Пора? Потянуть за веревку, прежде чем включится пламя и выдаст меня?»

Вода манила. Блейду ужасно хотелось смыть пыль с дыхательных щелей. Но он сдержался. Даже если его внезапное падение с неба останется незамеченным, он окажется в самом неподходящем озере на Джиджо, глубоко внутри защитного периметра джофуров, который, вероятно, патрулируют сотни охотничьих машин. Роботы могли до сих пор не заметить его, потому что в них не могла быть запрограммирована возможность летающего квуэна. Но плавающего квуэна они определенно узнают.

Да и вода вызывала у него странное ощущение. Под ее поверхностью виднелись вспышки — необычные огоньки, укрепившие его решимость держаться подальше.

С каждым прошедшим дуром все яснее становилась справедливость такого решения: расстояние между Блейдом и гигантским дредноутом медленно увеличивалось, корабль гигантским

овалом с освещенными краями показался позади, создавая у Блейда ощущение чего-то сверхъестественного.

Неожиданно от гигантского шара отделилась ослепительно яркая точка и устремилась как будто прямо к Блейду.

Вот оно, подумал Блейд.

Но это оказался не тепловой луч. И не луч смерти. Яркая точка расширилась. Стала сверкающим прямоугольным отверстием. Дверь.

Очень большая дверь, понял Блейд, гадая, что может занимать так много места внутри гигантского звездного крейсера.

Очевидно — другой звездный крейсер.

Из гигантского ангара с низким гулом показалась стройная сигара. Вначале она двигалась медленно, потом все быстрее устремилась к Блейду.

«Понятно. Не уничтожение. Плен. Но зачем посылать за мной такой большой корабль?»

Может, они заметили его неприличный жест и поняли его лучше, чем он ожидал.

Блейд снова покрепче взялся за веревку. В последнее мгновение он вырвется из их лап или они застрелят его, когда он будет падать. Или его подхватит охотничий робот — под водой или на

суше. Но стоит попробовать. «По крайней мере напьюсь».

И опять ночное зрение причиняло ему неприятности. Попытка оценить скорость приближения крейсера оказалась тщетной. В раздражении мысли Блейда перешли с англика на более легкий галактический шесть.

«Этот ужасный призрак — я видел его раньше.

Это было последнее, что я видел, — когда он сжигал под собой город.

Город преступников — сунеров — моего народа».

Ноги Блейда спазматически дергались — корабль, не уменьшая скорости, приближался к нему.

«Что за...»

И продолжал двигаться, пронесся мимо в волне рассеченного воздуха.

Блейд чувствовал, как крюки урской стали вонзились в его тело во всех пяти точках подвешивания. Один якорь оторвался, разрезав, как бумагу, хитиновый панцирь. Теперь он бешено болтался: воздушный шар раскачивало на волне пролетевшего крейсера.

Мир стал едва различим, и Блейд понял, что такое настоящий полет.

Но тут джофурский корабль исчез, презрительно или равнодушно проигнорировав воздушный шар и его пассажира. Блейд в последний раз увидел его, когда корабль продолжал полет к вершинам Риммера, оставляя за собой след из волнующегося воздуха.

ВУББЕН

Немного погодя Вуббену почти удалось успокоиться, привести в порядок мысли и позволить резонансу тайвиша проникнуть в душу, смыть отвлечения и сомнения. Прошел еще мидур, еще один молитвенный обход, и медитация углубилась. После захода Лусена над головой развернулась обширная картина созвездий и туманностей. Мерцающая обитель богов.

Когда он приблизился к западной стороне, Вуббен уловил мерцание другого типа — равномерные вспышки, не похожие на блеск звезд. По-прежнему в трансе, Вуббен с трудом приподнял стебелек и узнал вспышки кодированного сообщения.

Потребовалось еще больше усилий и третий глаз, чтобы расшифровать сообщение.

Малый корабль/ смертоносный корабль джо-

фуров движется, передавали с горы Ингул, приближается к Яйцу.

Сообщение повторилось. Вуббен увидел, как на следующей вершине вспыхивают искорки, повторяя сообщение, и понял, что другие станции тоже передают его. Тем не менее сознание его было настроено на другую плоскость, мешая понять все значение переданного.

Вуббен снова погрузился в свои фантазии, притягивающие его к себе. Ему кажется, что он стоит на какой-то качающейся ленте, которая медленно извивается и вздымается, как волнующееся море.

Ощущение нельзя назвать неприятным. Вуббен скорее снова чувствовал себя молодым, растущим в крепости Дуден, безрассудно несущимся по качающимся подвешенным мостикам. Он чувствует, как гремят планки под колесами, несется высоко вверху по узкой дорожке без перил, а с обеих сторон смертельные пропасти. Спицы гудят, а он летит пулей, и все четыре стебелька вытянуты, чтобы максимально улавливать параллакс.

Это мгновение вернулось к нему целиком — не как далекое доброе воспоминание, но во всем своем великолепии. Самое близкое к раю ощущение,

которое он когда-либо испытывал на жесткой поверхности Джиджо.

Несмотря на возбуждение, Вуббен в глубине души чувствовал, что перешел какую-то границу. Теперь он един с Яйцом, он чувствует приближение массивного объекта с запада. Смертоносного предмета, самодовольного и ужасного, неторопливо приближающегося со стороны Поляны.

Неторопливо — по взгляду с борта.

Вуббен каким-то образом чувствует, как прижимают гравитационные поля, срывают листву с деревьев, проникают в саму почву Джиджо, тревожат древние скалы. Он знает даже самые мелкие подробности относительно экипажа в корабле — это существа со многими кольцами, гораздо более уверенные в себе и единые, чем треки.

Странные кольца. Эгоистические и одержимые.

Нацеленные на создание хаоса.

БЛЕЙД

Блейд понял, что альтиметр воздушного шара, должно быть, вышел из строя. Или кончается горючее. В любом случае автоматическая ре-

гулировка движения становилась все более хаотичной. Каждый выброс пламени сопровождали раздражающие рваные звуки, и частота вспышек все замедлялась.

Наконец они совсем прекратились.

За то время, пока шар летел в воздушной волне, поднятой крейсером, озеро осталось далеко позади. Теперь шар находился в узком ущелье и все более приближался к вершинам Риммера. Исчезла и последняя возможность дернуть за веревку и упасть в глубокую воду. Теперь внизу мелькали деревья, как зубья гребня, которым вычесываешь блох у любимого лорника.

«И я эта блоха».

Если предположить, что он выживет, когда снизу его зацепит какой-нибудь лесной гигант, его крики могут услышать и прийти на помощь. Но что они подумают, когда увидят квуэна на дереве?

Это популярная метафора невозможного, противоречивое сочетание — подобно плывущему уру, или скромному человеку, или эгоистичному треки.

Но похоже, сейчас год противоречий.

Висящий коготь задел вершину дерева. Блейд рефлекторно так стремительно отдернул его, что

все его тело развернулось. После этого втянулись все пять ног. Тем не менее в любой момент он ожидал нового удара.

Но вместо этого лес неожиданно кончился. У Блейда сложилось впечатление неровных утесов, его языка коснулся серный запах. И сразу показалось, что он начинает подниматься!

И жара. Ротовые органы чувств свернулись от потока горячего воздуха снизу.

Конечно, понял он. Пройди от Поляны несколько лиг на восток, и окажешься в стране гейзеров.

Шар поднимался, его опавшая оболочка теперь надувалась горячим воздухом снизу.

«Должно быть, в этот каньон меня втащил корабль джофуров. Это Тропа Пилигримов.

Тропа, ведущая к Яйцу».

Тело Блейда продолжало поворачиваться, шар все шел вверх. Для других существ это было бы тяжелым испытанием, но у квуэнов нет предпочитаемой пространственной ориентации. Квуэну не важно, в какую сторону он смотрит. Поэтому Блейд был готов, когда объект, который он искал, стал виден.

Вот он!

Корвет был прямо перед ним. Он остановился и теперь освещал прожекторами местность под

собой, кружась над местом, которое Блейд узнал. Это Гнездо.

Что он собирается делать?

Он вспомнил город Овун, где чужаки выбрали для нападения ночь: ужаса больше и зрительные эффекты ярче. Может, здесь у них такие же намерения?

Но ведь джофуры не могут сжечь Яйцо!

Блейд никогда не проявлял ни малейших пси-способностей. Но казалось, теперь с внешних частей тела внутрь, в лимфатический центр его существа, пробиваются какие-то чувства. Первым пришло ожидание. Затем что-то похожее на любопытство.

Наконец в быстрой последовательности он испытал узнавание, осознание и усиливающееся ощущение разочарования и скуки. Все эти ощущения пронеслись мгновенно, и он каким-то образом знал, что они исходят не от джофуров.

Действительно, то, что только что произошло: было ли это пси-оскорбление или неудавшаяся попытка контакта, — казалось, разгневало находившихся на борту крейсера, заставило их действовать. Прожекторы сузились, их рассеянные лучи стали игольчато-тонкими, ослепительно яркими. Потребовалось несколько дуров, чтобы

послышался звук несколько гулких раскатов. Цель Блейду не была видна, но от пункта соприкосновения поднимался столб дыма.

Блейд невольно резко свистнул и спазматически поджал ноги. Но впечатления боли, даже удивления не было. Потребуется нечто большее, гордо подумал он. Гораздо большее.

Конечно, джофуры могут превратить беззащитное Яйцо в расплавленную лужу. Их намерения теперь совершенно ясны.

Этот акт, даже больше, чем уничтожение Овуна, должен подорвать мораль Шести.

Блейд подгонял свой переносимый ветром экипаж, надеясь прибыть вовремя.

ЛАРК

Три человека в тюремной камере смотрели на панораму разрушений, но реагировали поразному.

Ларк смотрел на голографическое изображение с тем же благоговением и страхом, какие испытал несколько месяцев назад, когда впервые встретился с галактической техникой. Похоже, чтобы смотреть такие картины, нужна привычка, опре-

деленный способ видеть, и все это усваивается в детстве. То, что он на экране узнавал, — например, вершины Риммера, — как-то расплывалось. Необычная перспектива позволяла увидеть гораздо больше, чем окно такого же размера, особенно когда смотришь сверху на Святое Яйцо.

«Ваше упрямство — вместе и порознь — привело ваш народ к этому наказанию, — сказала высокая груда колец. — Разрушение городов не повлияло на вас, потому что ваши так называемые Священные Свитки учат вас суетности материальных предметов. Но теперь вы увидите, как наш корвет уничтожает ваше истинное основание».

Сверкающая игла коснулась Яйца. И почти немедленно Ларк ощутил на груди волну боли. Упав с криком, он рвал на себе одежду, пытаясь сорвать каменный амулет, который на ремешке висел у него на шее. Линг пыталась помочь ему, но не могла понять причины его боли.

Боль могла бы убить его, но вдруг кончилась так же неожиданно, как началась. Режущий луч исчез, оставив на боку Яйца дымящийся шрам.

Эваскс радостно булькал что-то о «сигнале» и «благодарной сдаче».

Ларк обернул одеждой осколок Яйца, чтобы

он не касался кожи. И только тут заметил, что его голова лежит на коленях у Линг, женщина гладит его лицо и говорит, что теперь все будет в порядке.

«Да, конечно», — подумал Ларк, узнавая ложь с благими намерениями. Но жест и теплый контакт оценил.

Зрение его прояснилось, и он увидел, что Ранн смотрит на него. В глазах рослого даника было холодное презрение. Он презирает Ларка за то, что тот так суеверно реагирует на повреждение обычного камня. И во взгляде его насмешка над Шестью Расами, которые так легко сдадутся, лишь бы не допустить вреда камню с пси-особенностями. Ранн уже продемонстрировал готовность принести в жертву самого себя и всех своих товарищей, чтобы защитить расу патронов. И явно считал отсутствие такой храбрости достойным презрения.

«Иди поцелуй ноги ротенов», — подумал Ларк. Но вслух ничего не сказал.

Корвет отвернул от Яйца. Камера показывала, что он набирает высоту, проносясь над темными хребтами.

Местность показалась знакомой. Ларк начинал узнавать ее.

Лестер Кембел. Они направляются прямо к Лестеру и к лесу бу.

Вот оно что. Мудрецы решили выдать загадочный проект, которым занимались несколько месяцев на своей тайной базе, лишь бы защитить Яйцо.

«Меня это не должно удивлять. В конце концов, ведь это наше святилище. Наш пророк. Наш провидец».

И все же он был удивлен.

На самом деле именно этого он меньше всего ожидал.

БЛЕЙД

Блейд молча торопил свой переносимый ветром шар, надеясь прибыть вовремя.

Для чего? Чтобы на несколько дуров отвлечь джофуров, дать, пока его сжигают, хоть немного времени Яйцу для отдыха, прежде чем возобновится нападение? Или еще хуже — чтобы лететь вверху, крича и размахивая ногами, тщетно пытаясь привлечь внимание существ, которые считают его не более значительным, чем облако?

В нем кипело раздражение. Боевые гормоны

вызывали автоматические реакции, заставляли купол убраться внутрь, защищая зрительное кольцо панцирем, оставляя вверху лишь гладкую бронированную поверхность.

Эта инстинктивная реакция имела смысл давным-давно, когда предразумные квуэны сражались когтями в прибрежных болотах на далекой планете, где их нашли и возвысили патроны. Но сейчас это досадная помеха. Блейд пытался успокоиться, дышать ровно, последовательно переходя от одной щели в ноге к другой по направлению часовой стрелки. Пришлось досчитать до двадцати, прежде чем купол настолько расслабился, что смог подняться и к Блейду вернулось зрение.

Зрительная полоска вращалась, разглядывая туманные каньоны, образующие лабиринт в этой части Риммера. И Блейд сразу понял две вещи.

За короткое время шар поднялся на большую высоту, и поле зрения расширилось.

И корабль джофуров исчез!

Но где?..

Блейд подумал, что он прямо под ним, в слепом пятне. Это вызвало в воображении фантастическую картину. Он увидел, как разрезает оболочку шара и сверху падает на крейсер! Приземляется с

грохотом и быстро движется по поверхности, пока не находит вход. Люк, который можно вскрыть, или стеклянное окно. Его можно будет разбить. А оказавшись внутри, на близком расстоянии, он им покажет.

А, вот он.

Героическое видение испарилось, как роса, когда он увидел корвет. Тот быстро уменьшался, направляясь на северо-запад.

Может, он уже покончил с Яйцом?

Внимательно вглядываясь, Блейд наконец разглядел на некотором расстоянии в противоположном направлении и огромный овоид. Теперь он был виден весь, включая шрам на боку. Рваная полурасплавленная линия светилась, бросая отблески цвета охры на каменные обломки у основания Гнезда. Тем не менее Яйцо выглядело относительно нетронутым.

Почему они улетели, не закончив работу?

Он по отражению звездного света проследил за полетом корвета.

Северо-запад. Он направляется на северо-запад.

Блейд пытался думать.

Там дом. Деревня Доло. Город Тарек.

И Библос, сразу подумал он, надеясь, что оши-

бается.

Возможно, самое плохое еще впереди.

ЭВАСКС

Угроза подействовала, Мои кольца!

Ценность нашего опыта доказана. Капитан-лидер и все груды — члены экипажа убедились в наших/Моих достоинствах. Как Я/мы и предсказывал, как только корвет начал разрезать их священный камень, пришел сигнал.

Это было то же самое цифровое излучение, которое они использовали, чтобы открыть местоположение города г'кеков. Так варвары попытались снова умилостивить нас. Они хотят любой ценой защитить свое каменное божество.

Посмотрите на пленных людей, Мои кольца! Один из них, местный самец, которого мы/Аскс некогда знали как Ларка Кулхана, стонет и дрожит при виде нападения на Яйцо, а на остальных двоих это зрелище не подействовало. Так контролируемый эксперимент показал, что Я/мы был прав относительно туземцев и их религии.

Наш корвет улетает от поврежденного Яйца, направляясь к новой цели, а женщина тем временем утешает Ларка.

Что они предложат нам на этот раз? Что-нибудь такое же удовлетворительное, как город г'кеков, теперь замороженный вместе с застывшими в нем образцами ненавистных паразитов?

Наша груда-главный тактик рассчитал, что сунеры не принесут в жертву то, что нам больше всего нужно, — корабль дельфинов. Пока не принесут. Вначале попытаются откупиться чем-то меньшим. Возможно, их легендарным архивом — жалким собранием примитивных сведений, грубо зафиксированных на листьях растений или на каком-то похожем на кору материале. Ничтожное сборище лжи и суеверий, которое эти слабоумные смеют называть библиотекой.

Ты удивленно дрожишь, о второе кольцо сознания? Ты не ожидало, что Я узнаю о второй самой большой ценности Шести Рас?

Поверь, Аскс очень тщательно постарался расплавить именно эти воспоминания. Информация пришла не от этой преобразованной груды.

Неужели ты искренне считало, что груда Эваскс — единственная попытка нашего капитана-лидера собрать сведения? Были и другие пленники, другие допросы.

Слишком много времени потребовалось, чтобы узнать об этом гнойнике контрабандных знаний

землян — о Библосе, и его точное расположение оставалось неизвестным. Но теперь Я/мы размышляю. Может, Библос — это именно то, чем они надеются откупиться от нас, обменяв свои архивы на «жизнь» Святого Яйца.

Если таково их намерение, они поймут, что ошиблись.

Мы сожжем книги, но этого недостаточно.

НИЧТО НЕ БУДЕТ ДОСТАТОЧНО.

В конечном счете даже корабль дельфинов. Хотя это будет хорошее начало.

БЛЕЙД

Северо-запад. Какая цель могла в этом направлении привлечь внимание чужаков?

«Почти все, что я знаю и что мне небезразлично, — заключил Блейд. — Деревня Доло, город Тарек и Библос».

За вершинами Риммера взошел бледный Торген. При его свете Блейд смотрел, как исчезает стройный удлиненный корабль, и знал, что потеряет его из виду задолго до того, как тот достигнет одной из этих целей. Теперь Блейду было все равно, куда несет его встречный ветер. Он не сможет увидеть, как гибнет все, что он любит.

За крейсером следовала цепочка крошечных вспышек: это расположенные на горных вершинах станции докладывали о его продвижении. Блейд расшифровал несколько обрывков на галдва и понял, что это не слова, а цифры.

«Удивительно. Мы очень хорошо описываем и измеряем нашу собственную гибель».

Приток боевых гормонов схлынул, и Блейд все сильнее ощущал физические неудобства. Там, где один из урских крюков разорвал хитиновый панцирь, выставив на холодный воздух нежную внутреннюю оболочку, нервы зудели. Блейд страдал от жажды, и это заставляло его сожалеть, что он не выносливый серый.

Шар вышел из теплого восходящего потока и перестал подниматься. Вскоре начнется пустыня, и он окажется в местности рваных теней.

Подожди дур.

Блейд старался сфокусировать свою зрительную полоску, глядя вслед далекому кораблю джофуров.

Он остановился?

Скоро Блейд понял, что не ошибся. Корабль снова неподвижно парил, заставляя ищущий луч сканировать местность внизу.

«Может, я ошибся? И следующая цель — совсем

не Библос или Тарек?»

Но там ничего нет! Только дикие холмы. Только одна тропа в бу.

Он удивленно смотрел, когда с горой под кораблем произошло нечто удивительное. На ней появились красноватые вспышки, словно болотный газ на топкой границе озера, подожженный статическим разрядом. Искры как будто распространялись посреди густых зарослей бу.

«Что теперь делают джофуры? — удивился Блейд. — Какое оружие используют?»

Искорки становились ярче, разгорались под гигантскими стволами. Корабль по-прежнему освещал местность лучом. Его будто забавляло, что из стволов местной растительности вырывается огонь. Потом корвет начал подниматься.

И когда первый раскат достиг Блейда, он неожиданно понял:

«Это совсем не джофуры! Это…»

Наконец корабль встревожился, начал пятиться. Луч его сузился до режущей иглы, проколол поднимающуюся колонну.

Мгновение спустя весь северо-западный горизонт озарился. С грохотом, сотрясающим ночь, волна за волной сверкающие трубы устремлялись в небо.

Ракеты, подумал Блейд. Это ракеты!

Большинство не попало в цель. Но рой снарядов был так велик, что точность не имела значения. Отступающий корвет не мог уничтожать их достаточно быстро, и три ракеты скользнули по его бокам.

А потом четвертая попала точно в цель. Боеголовка отказала, но удар был настолько силен, что одна секция корпуса отвалилась и, кружась, полетела вниз.

Остальные ракеты продолжали взрываться, не долетев до цели, или падали на землю и взрывались там, наполняя ночь ярким, но бесполезным освещением. И так много ракет не попало, что начинало казаться, будто поврежденный корвет сумеет уйти.

Но тут поднялась последняя ракета. Повернула и неторопливо ударила в самую середину корабля.

Ослепительный взрыв разорвал корпус, расколов корабль пополам. Блейду пришлось в разные стороны поворачивать свое зрительное кольцо, чтобы видеть, как обе половинки, словно чаши, полные огня, упали на лес.

Еще много мусора придется убирать, подумал Блейд, когда запылали несколько горных скло-

нов. Но тело его бурно реагировало, из всех щелей вырывался резкий торжествующий свист, соперничая с огненным фейерверком.

Блейд своим квуэнским зрением видел гибель корвета, но видел и то, что большинство ракет продолжают полет, — те из них, что не попали в корвет и не взорвались. Оставляя за собой красные мерцающие хвосты, они уходили в небо.

Блейд закричал еще громче, когда они закончили подниматься и устремились к Джиджо, словно град, падая на Поляну Праздников.

ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ

Лес вокруг Лестера взорвался пламенем. Ракеты падали среди тайных площадок для запуска, распространяя волны жара и поджигая высокие колонны бу. На юге, там, где упал корабль, пылало зарево. Но Лестер оставался на поляне, куда со своим ассистентом г'кеком пришел, чтобы наблюдать за мерцающим небом.

Прискакал с докладом капрал ур.

— Нас окружает пламя. Мудрец, вам нужно бежать!

Но Лестер оставался неподвижен, глядя на пламенеющее небо. Голос его звучал глухо, словно

он подавился чем-то.

— Не вижу! Все ракеты сгорели? Или продолжают полет?

Молодой г'кек ответил, поднимая вверх стебельки:

— Многие полетели в нужном направлении. Несколько десятков еще в воздухе. Ваши расчеты верны. Но теперь мы больше ничего не можем сделать. Пора уходить.

Лестер неохотно позволил увести себя с поляны по заранее запланированному маршруту отступления среди бу.

Только очень скоро они поняли, что языки пламени преграждают дорогу. Лестеру и его спутникам пришлось отступать назад, мимо тайного рабочего лагеря, маскировочная ткань над которым уже пылала. Один за другим вспыхивали чаны с пастой треки вместе с самими треки. В облаках дыма видны были и другие фигуры, а весь труд многих месяцев, проведенных в создании этого тайного промышленного центра, погружался в огненный водоворот.

— Выхода нет, — вздохнул ур.

— Тогда спасайтесь, я приказываю!

Лестер оттолкнул самку ура, повторяя приказ, пока капрал со стоном не поскакал туда, где

пламя казалось ниже. Ур может выдержать такой переход. Лестер знал, что ему не стоит даже пытаться.

Вместе со своим молодым ассистентом он стоял в центре поляны, держа рукой одно дрожащее колесо.

— Все в порядке, — говорил он между приступами кашля. — Мы сделали то, что должны были.

Все рано или поздно кончается.

Теперь все зависит от Ифни.

ЛАРК

Первые голографические изображения приводили в замешательство, но эти новые ошеломили Ларка. Он не мог понять смысл увиденного: могучие трубы бу, их основания охвачены пламенем, их десятки, и они устремляются вверх, как рой раздраженных огненных жуков.

Далекая камера повернулась: это корвет пытался уйти от залпа самодельных ракет. Изображение наклонилось так неожиданно, что у Ларка свело внутренности и ему пришлось отвести взгляд.

Остальные казались не менее изумленными. Линг громко рассмеялась и захлопала в ладоши, а на лице Ранна удивление смешивалось с

отчаянием. Тогда происходящее должно быть хорошим. Ларк позволил вспыхнуть искорке надежды.

Эваскс, джофур, издавал булькающие звуки, одновременно отрывочно произнося на галдва:

— Нелепо, предательски, неожиданно, непредвиденно!

Его составное тело сотрясала дрожь — с верхушки до нижнего кольца. Большинство этих пожилых восковых торов были знакомы Ларку. Некогда они составляли друга, мудреца, доброго и умного. Но их захватило новое кольцо — блестящий молодой круг, черный и лишенный внешних особенностей, без придатков или органов чувств.

Линг и Ранн одновременно вскрикнули. Но когда Ларк повернулся, экран был пуст — словно пустая грифельная доска.

— Корвет уничтожен! — объяснила Линг. В голосе ее звучало благоговение и страх.

Джофур испустил резкий свист. Дрожь его перешла в конвульсии.

Линг возбужденно говорила что-то об «остальных ракетах». Но Ларк, направляясь к дрожащему джофуру, подумал: его единственное оружие — руки. Ну и что?

«Лестер, ты выкинул фантастический трюк,

свойственный волчатам. Аскс гордился бы тобой.

И точно так же старина Аскс хотел бы, чтобы я это сделал».

Он нацелил удар сжатого кулака в дрожащее мастер-кольцо.

Кто— то схватил его за руку и сдержал яростной хваткой. Ларк развернулся и вторым кулаком попытался ударить Ранна. Но упрямый даник только покачал головой.

— Что это докажет? Ты их просто рассердишь, туземный мальчишка. Мы остаемся здесь в их руках.

— Убирайся с моего пути, — проворчал Ларк. — Я хочу освободить своего друга треки.

— Твой друг давно умер. Если убьешь мастер-кольцо, вся груда распадется! Я знаю это, молодой дикарь. Я применял это на практике.

Ларк был настолько сердит, что готов был наброситься на мощного даника. Ранн почувствовал это и отступил, подняв обе руки в борцовской стойке.

«Да, — подумал Ларк, приседая. — Ты звездный солдат. Но может, дикарь знает кое-какие приемы, которых не знаешь ты».

— Прекратите вы оба! — крикнула Линг. — Нам

нужно подготовиться.

Она замолчала: по металлическому полу пробежала волна сильной дрожи. Где-то в огромном корабле ожили могучие силы.

— Защитные орудия, — определил Ранн причину гула. — Но во что они стреляют?

— Ракеты! — ответила Линг. — Я говорила, они летят сюда!

Ранн начинал понимать, что сунеры действительно угрожают кораблю. Он с проклятием бросился в угол камеры. Боевой корабль содрогался, его орудия бешено работали. Ларк позволил Линг поддерживать себя. Они держались друг за друга, слушая, как приближаются отдаленные разрывы. Невероятная острота ощущений, вызванная приливом гормонов, смешивалась с удовольствием от прикосновения Линг и осознанием приближающейся смерти.

Ларк обнаружил: он надеется, что в следующее мгновение его жизнь оборвется.

«Давай, Лестер. Ты можешь это сделать. Заканчивай работу!»

Осколок Яйца лежал у него на груди, в том месте, где остались ожоги от недавнего жара. Ларк свободной рукой сжал каменный амулет, ожидая встретить тепло. Но почувствовал, что

камень холодный, как лед. И такой хрупкий, что распадется от дыхания.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Мы все чувствуем себя угнетенными. Позвонил от второй груды обломков Суэсси: только что у его команды произошел несчастный случай. Они пытались расчистить пространство вокруг старого буйурского перевозчика руды, когда произошло землетрясение. Окружающая гора брошенных кораблей сместилась, и один древний корпус обрушился на пару рабочих — Сатиму и Сап-пе. У них было время только в отчаянии бросить взгляд на рушащуюся стену, прежде чем она подмяла их.

Мы продолжаем получать болезненные раны. Наши лучшие товарищи, искусные и преданные, неизменно платят высокую цену.

А тут еще Пипое, которая всем приносила радость. Ужасная потеря, она похищена Заки и его приятелем. Если бы я только могла добраться до этой парочки!

Но пришлось солгать бедному Каа. Мы не можем тратить время на поиски Пипое по всему океану.

Это не значит, что мы ее бросим. Друзья вернут ей свободу — когда-нибудь. В этом я даю клятву.

Но наш пилот не будет одним из них.

Увы, боюсь, Каа больше никогда ее не увидит.

* * *

Макани закончила вскрытие Кунна и Джесса. Пленники, по-видимому, приняли яд, чтобы не отвечать на наши вопросы. Тш't винит себя в том, что не обыскала агента даников тщательней, но кто бы мог подумать, что Кунн так испугается любительского допроса?

И зачем ему понадобилось прихватывать с собой этого злополучного туземного мальчишку? Родич Рети вряд ли мог знать секреты, за которые стоило бы умереть.

Сама Рети ничем не может объяснить это событие. И так как допрашивать больше некого, она добровольно вызвалась помогать Суэсси, которому помощь определенно нужна. Макани считает работу хорошим терапевтическим средством для бедного ребенка: ведь она первой увидела эти страшные тела.

Но я все думаю. Какую тайну так стремился сохранить Кунн? В обычном состоянии я бросила бы все остальное, чтобы заняться этим. Но сейчас

слишком много дел: ведь мы готовимся передвинуться на новое место.

Впрочем, от пленников джофуров мы знаем, что с кораблем ротенов можно больше не считаться. Теперь перед нами другие, более настоятельные заботы.

Куб Библиотека сообщает об отсутствии всяческого прогресса в отношении этого символа — того самого, с девятью спиралями и восемью овалами. Теперь ячейка просматривает свои древнейшие файлы, а эта работа тем трудней, чем больше углубляешься.

В виде компенсации куб затопил меня сведениями о других недавних «сунерских проявлениях» — попытках основать тайные колонии на невозделанных мирах.

Большинство таких колоний быстро обнаруживаются патрулями Института Миграции. Джиджо — особый случай. Подход сюда ограничен, Измунути закрывает все окрестности, и на этот раз вся галактика объявлена невозделанной, так что инспекция ее — грандиозная задача.

Я удивилась: зачем оставлять целую галактику, когда базовая единица экологического восстановления — планета или в крайнем случае солнечная система?

Куб объяснил, что обычно подвергаются одновременному карантину гораздо большие объемы пространства. Кислороднодышащая цивилизация эвакуирует целый сектор или спиральный рукав, передавая его параллельной культуре дышащих водородом, этим загадочным существам, которых иногда называют общим именем занги. Это помогает разделять оба общества в физическом пространстве, уменьшая возможность трений.

И к тому же это позволяет поддерживать карантин. Занги непредсказуемы, они часто игнорируют мелкие вторжения, но могут стать свирепыми, если большое количество кислорододышащих появится там, где им не место.

Мы обнаружили корабли зангов перед тем, как миновать Измунути. Думаю, они приняли нас за «мелкое вторжение», поскольку оставили в покое.

Теперь обмен секторами и зонами приобретает больший смысл. Тем не менее я задаю кубу новый вопрос.

Была ли раньше когда-либо объявлена запретной целая галактика?

Ответ меня удивил.

Такого не было уже очень давно, по крайней

мере сто пятьдесят миллионов лет.

Где— то я уже слышала это число.

Нам говорят, что существует восемь порядков разума и квазиразума. Наиболее энергичный и шумливый из них — кислородная жизнь, или, как выразился Том, «мы бродим повсюду и ведем себя так, словно все принадлежит нам». Однако я была поражена, узнав, что водороднодышащих существ намного больше, чем кислороднодышащих. Впрочем, занги и им подобные большую часть времени проводят в плотных слоях юпитероподобных планет.

Некоторые утверждают, что они просто боятся контактов с кислородными типами.

Другие говорят, что они легко могут нас сокрушить, но как-то все у них до этого руки не доходят. Может, и дойдут в следующий миллиард лет.

Остальные порядки таковы: машины, меметики, квантовые существа, гипотетические существа, существа в отставке и трансцендентные существа.

Почему я говорю сейчас об этом?

Наши планы пришли в движение, и скоро «Стремительный» тоже двинется. Вполне вероятно, что через несколько дней мы будем мертвы или захвачены в плен. Если повезет, мы можем

ценой своих жизней добиться чего-нибудь достойного. Но шансы уйти кажутся исчезающе малыми.

И все же, а что, если нам это удастся? Ведь у джофуров в нужный момент могут выйти из строя двигатели. Они могут решить, что мы не стоим усилий.

Солнце может стать новой звездой.

В таком случае куда направится «Стремительный»?

Мы пытались найти справедливость и защиту у нашей собственной кислородной культуры — у цивилизации Пяти Галактик, но Институты оказались ненадежными. Мы обращались к Древним, но эти члены рас в отставке гораздо менее беспристрастны, чем мы рассчитывали.

В полной возможностей вселенной остается еще полдюжины — других «квазиразумных» порядков. Они чужды нам по мысли и сущности. Говорят, они опасны.

Но что нам терять?

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

КАА

Стоило ему вынырнуть, чтобы подышать, как в воду ударялись метательные снаряды. Копья — грубое оружие, это полые деревянные стволы с наконечниками из вулканического стекла, но когда метко нацеленный гарпун задел его бок, Каа в рефлекторном крике потерял половину воздуха. Гавань, превратившаяся в тесную ловушку без выхода, гулко откликнулась на его болезненный стон.

Моряки хуны без труда передвигались в своих лодках при свете факелов, выполняя сложные приказы капитанов, исходившие из раздутых горловых мешков. Сети вокруг Каа затягивались, и поверхность воды гудела, как натянутый барабан. Узкий выход из гавани был уже перекрыт сетями.

И что еще хуже, туземцы получили подкрепление. Со стороны города слышался приближающийся стук ног, вооруженных когтями. В воду погружались существа в хитине, напомнившие Каа фильм ужасов про гигантских крабов. Красные квуэны, сообразил он, когда новые союзники стали помогать хунам закрыть выход из гавани под водой.

Ифни! Что сделали Заки и Мопол, чтобы туземцы пришли в такую ярость при виде дельфина? Ведь они так рассержены, что готовы убить при первой же встрече.

У Каа есть еще несколько хитростей. Время от времени он обманывал хунов, изображая вялость и медлительность, заставляя их раньше времени затягивать петлю, а потом вырывался в щель между ними, уклоняясь от града копий.

«Мои предки имели в этом деле большой опыт. Люди преподали нам урок задолго до того, как начали скальпелями резать нам головы».

Однако он знал, что в таком состязании китообразный не может выиграть. Лучшее, на что он может рассчитывать, это оттянуть конец.

Нырнув под одну из хунских лодок, Каа импульсивно раскрыл челюсти, вцепился зубами в весло и вырвал его из рук моряка, словно щупальце дьявольского осьминога. От толчка заболел рот, особенно нежные десны, но он прибавил сильный удар плавниками.

Гребец допустил ошибку — постарался удержать весло, но даже хун не может сравниться с Каа в силе. Последовал удивленный крик, затем всплеск, когда моряк с силой ударился о воду далеко от лодки. Каа выпустил весло и быстро

отплыл. Конечно, такой поступок не принесет ему популярности в глазах хунов. Но, с другой стороны, ему нечего терять. Каа уже не думал о своей миссии — вступить в контакт с Общиной Шести Рас. Теперь он боролся за выживание.

Следовало прислушаться к голосу сердца.

«Сейчас я должен был бы искать Пипое».

Решение по-прежнему мучило Каа, он чувствовал себя виноватым. Как он мог подчиниться приказу Джиллиан Баскин, каким бы срочным он ни был, вместо того чтобы стремительно плыть по океану, преследуя негодяев, которые похитили его подругу и любимую?

Что такое его долг, его клятва служить Земле по сравнению с этим?

После того как Джиллиан дала сигнал окончания связи, Каа на закате вслушивался в океан, улавливая далекие звуки быстро уходящих саней. Они еще были еле слышны на северо-западе. Звуки далеко распространяются в океане Джиджо: ведь здесь нет мириадов двигателей, которые превращают в какофонию земные моря. Сани уже очень далеко, не менее чем в ста километрах, и преследование кажется безнадежным.

Ну и что? Что с того, что успех маловероятен? Для героев книг и голофильмов это никогда не

было препятствием! Да и никакая аудитория не будет приветствовать героя, если он позволил невозможному встать на своем пути.

Может, именно это в тот болезненный момент остановило Каа. То, что это — такое распространенное клише. Все герои фильмов: люди и дельфины — просто забыли бы о товарищах, о стране и о чести ради любви. Настойчивая пропаганда всех романтических историй заставляла его сделать то же самое.

«Но даже если я, вопреки всем препятствиям, добьюсь успеха, что скажет Пипое, когда я освобожу ее?

Я ее знаю. Она назовет меня придурком и предателем и никогда больше не будет уважать».

И вот Каа после наступления ночь отправился в порт Вуфон. Все деревянные рыбацкие лодки были вытащены на берег и лежали под маскировочной тканью, которая скрывала их очертания, превращая в загадочные холмики. По-прежнему ненавидя себя за свое решение, он подплыл к ближайшей верфи, где два стражника опирались на что-то похожее на палки для ходьбы. Рядом сидел зевающий нур. В звездном свете Каа приподнялся на плавниках, чтобы начать приветственную речь, которую выучил наизусть и едва спасся от

смерти. Нырнув, он на несколько сантиметров опередил острые, как бритва, лезвия копий.

— Подождите, — крикнул он, вынырнув по другую сторону пирса. — Вы допускаете ужасную ошибку! Я принес новости о ваших потерянных детях! Сведения об Олви.

Он едва увернулся во второй раз. Стражники хуны его не слушали. Темнота едва спасла Каа от все растущего числа нацеленных в него копий.

Большой ошибкой было то, что он попытался вступить в контакт в третий раз. Когда и эта попытка не удалась, Каа попробовал уйти и с опозданием увидел, что дверь заперта. Выход из гавани перекрыт, и он оказался в ловушке.

«Вот и мое хваленое дипломатическое искусство», — думал он, молча пробираясь над самым илистым дном, и едва успел увернуться, когда его сонар коснулся бронированной фигуры впереди. Фигура приближалась, широко раскрыв острые когти.

«Добавим это к моим другим неудачам — как шпион, как офицер…» Мопол и Заки не могли бы так враждебно настроить туземцев, если бы он сумел удержать их в руках.

«…и как возлюбленный».

Каа знал, что хорош только в одном-единствен-

ном деле. И похоже, ему никогда больше не придется им заняться.

Спереди, со дна бухты, донесся странный звук. Каа свернул в поисках обхода. Он боялся, что скоро легкие не выдержат и ему придется вынырнуть на поверхность.

Но что-то странное было в этом звуке. Какая-то мягкость. Мелодичная, покорная печаль словно заполнила воду. Любопытство победило, Каа повернулся и выпустил сонарный луч, чтобы пробить муть, мешавшую видеть.

Хун!

Но что этот хун здесь делает?

Каа двинулся вперед, не обращая внимания на стылый воздух в легких, и разглядел в облаках мути высокую двуногую фигуру. Звуковые отражения подтвердили то, чему он не поверил на взгляд. Хун раздевался, снимал с себя одежду и связывал веревкой.

Каа догадался, что это самка: она чуть меньше ростом и горловой мешок у нее небольшого размера.

«Та, что я сбросил за борт? Но почему она не плывет назад к лодке? Я думал…»

Каа испытал своеобразное чувство, знакомое землянам со времени контакта, — когда кон-

цепция, которая кажется такой привычной и знакомой, неожиданно полностью теряет смысл.

Хуны не умеют плавать!

Олвин Хф-уэйуо в своем дневнике никогда этого не упоминал. Больше того, из дневника следовало, что его народ страстно любит корабли и море. И хуны не относятся безрассудно и бесцеремонно к жизни, оплакивают утрату близких даже глубже, чем люди или дельфины. Неожиданно Каа понял, что записки Олвина его обманули. Ведь Олвин, как обычный земной ребенок, не упоминал о том, что казалось само собой разумеющимся.

Чужаки. Кто бы мог подумать?

Он видел, как хун привязал одежду к левому запястью, другой конец поднес ко рту и выдохнул последний воздух, надув одежду, как воздушный шар. Она всплыла, но всего метра на два и остановилась, не достигнув поверхности.

Она не призывает на помощь, понял Каа, когда самка хуна опустилась на дно и принялась петь похоронную песню. Она просто делает так, чтобы ее тело смогли легче найти и вытащить на поверхность. Каа помнил по дневнику Олвина, что местные жители очень серьезно относятся к похоронным ритуалам.

К этому времени его собственные легкие нестерпимо жгло. Каа пожалел о том, что его аппарат для дыхания, укрепленный на упряжи, сгорел, когда в него выстрелил Заки.

Он слышал, что сзади к нему приближаются квуэны, но видел брешь в их линии и был уверен, что сумеет в нее проскользнуть. Попытался повернуть и воспользоваться этой краткой возможностью.

Дьявольщина, вздохнул он и двинулся в противоположном направлении, к умирающему хуну.

Потребовалось какое-то время, чтобы добраться до поверхности. А когда вынырнули, все тело самки дрожало от судорожных быстрых глотков воздуха. Из носовых отверстий выливались потоки воды, в то же время воздух входил в рот. Каа позавидовал такой возможности.

Он подтолкнул самку поближе к плавающему веслу, чтобы она могла за него ухватиться, потом повернулся и принялся разглядывать гавань, готовясь увернуться от нового залпа копий.

Но копий не было. И вообще почему-то поблизости не оказалось лодок. Каа опустил голову, испустил сонарный луч из крутого лба — и убедился, что все лодки действительно отошли.

Взошла луна — один из крупных спутников.

Теперь он мог разглядеть силуэты — хуны стояли в своих лодках и все смотрели на север, а может, на северо-запад. У самцов были раздуты горловые мешки, и низкое устойчивое гудение заполняло воздух. Казалось, они совершенно не замечают, что один из них только что непонятным образом появился из-под воды.

«Я думал, они все соберутся тут, будут кричать, бросать веревки, пытаться ее спасти. Еще один пример чуждого образа мыслей, вопреки всем земным книгам, прочитанным хунами». Каа пришлось подталкивать концом носа самку. Он помог ей добраться до пирса, чувствуя, как странная дрожь пробегает по спине.

На пирсе стояло множество жителей порта, огонь их факелов колебался на холодном ветру. Они куда-то смотрели или к чему-то прислушивались.

Дельфин может видеть не только под водой, но и над ней, но не так хорошо, как те, кто живет исключительно на суше.

Тем более чувства Каа были в смятении, и он почти ничего не различал в том направлении, куда все смотрели. Видел только очертания гор.

Компьютерный прибор, имплантированный в его правый глаз, поворачивался и приспосабли-

вался, пока Каа не смог разглядеть мерцающую звезду над высшей точкой гор. Эта звезда пульсировала, в частом ритме разгоралась и гасла. Вначале он ничего не понял, хотя последовательность вспышек чем-то напоминала галдва.

— Прошу прощения, — начал он, пытаясь воспользоваться странным бездействием туземцев. Что бы ни случилось, ему показалось, что появился шанс вставить слово. — Я дельфин, родственник людей, меня просили передать сообщение Уриэль.

Толпа неожиданно издала такой вопль, что у Каа отвисла чувствительная к звукам челюсть. Он различал обрывки отдельных выкриков.

— Ракеты! — крикнул один из зрителей на англике. — Мудрецы изготовили ракеты!

Второй полным удивления тоном сказал на галсемь:

— Один малый вражеский корабль уничтожен. Теперь ракеты летят к большому.

Каа мигал, ошеломленный напряжением жителей порта.

«Ракеты? Я правильно расслышал? Но…»

Толпа снова закричала.

— Попали! — крикнул кто-то. — Ударили!

Неожиданно пульсирующая звезда прервала

свое сообщение. И сразу все смолкли. Хуны стояли в мертвой тишине. Даже маслянистая вода бухты стихла, негромко плескалась о пирс.

Вспышки возобновились, и толпа разочарованно застонала.

— Он уцелел, он цел. Большой боевой корабль продолжает… — слышался негромкий голос треки из толпы на галдва. — Наши усилия потерпели неудачу.

И теперь приближается расплата.

СУНЕРЫ
ЛАРК

Момент, о котором молил Ларк, так и не наступил. Стены не раскололись, разорванные изготовленными туземцами боеголовками и стволами бу. Разрывы оставались далекими. Теперь, когда элемент внезапности исчез, гул защитных орудий джофуров звучал уверенней, из лихорадочного и панического стал самоуверенным, словно приближающиеся снаряды — всего лишь незначительная помеха.

Потом наступила тишина. Все было кончено.

Ларк выпустил осколок Яйца и высвободил Линг. Подтянул ноги, обхватил руками колени

и принялся жалобно раскачиваться. Никогда в жизни он не испытывал такого разочарования.

— О, это было близко! — выдохнула Линг, явно радуясь тому, что выжила. Ларк не винил ее. Она все еще надеется на бегство или на то, что ее обменяют на какого-нибудь пленника галактов. И все это станет лишь еще одним эпизодом в ее воспоминаниях. «Эпизодом, подобным мне, — подумал Ларк. — Воспоминанием об умном лесном парне, которого она однажды встретила на Джиджо».

Старый друг Харуллен мог бы увидеть в этой неудаче и положительную сторону. Теперь разгневанные джофуры могут уничтожить всякую разумную жизнь на Джиджо, а не только своих кровных врагов г'кеков. Разве это не соответствует вере Ларка? Его ереси?

«Шести Расам здесь не место, но они не заслужили и уничтожения. Я хотел, чтобы мы действовали разумно, достойно, мирно и по собственной инициативе. Без насилия. Без этих лесных пожаров и затопленных долин».

— Смотрите!

Он посмотрел на Линг. Та стояла и показывала на Эваскса. Груда по-прежнему тряслась, но одно среднее кольцо охватили сильные конвульсии. С противоположных сторон образовались

бьющиеся круглые выступы. Они постепенно увеличивались.

Мужчины присоединились к Линг, они, не веря своим глазам, смотрели, как выступы все увеличивались, приобретали кольцеобразную форму, теперь их удерживали только мембраны. Ноги нижнего кольца сгибались и разгибались.

Люди отскочили. Неожиданно Эваскс устремился вначале к бронированной двери, потом снова назад, трижды обежал камеру и обвис, как гора вялых трубок.

Среднее кольцо продолжало биться и извиваться.

— Что он делает? — удивленно спросила Линг.

Ларк глотнул, прежде чем ответить.

— Это влен. Можно сказать, роды. Треки делают это не часто, потому что опасности подвергается единство груды. Обычно они отращивают зародыши и оставляют их самостоятельно расти на груде мульчи.

Ранн ахнул.

— Роды? Здесь? — Очевидно, он больше знал о том, как убивать джофуров, чем об их жизненном цикле.

Ларк понял: кататония Эваскса была вызвана не только неожиданным ракетным нападением.

Шок только ускорил родовые конвульсии, которые все равно должны были начаться.

Мембраны начали разрываться. Одно из новых колец, размером почти с голову Ларка и темно-пурпурного цвета, начало вращаться. Второе, меньше по размеру и алое, появилось из слизистого нароста, за ним тянулась нить остро пахнущего маслянистого вещества. Оба новых кольца соскользнули по бокам родительской груды, поползли по металлическому полу в поисках тени.

— Ларк, посмотри на это, — сказала Линг. Он с трудом оторвал взгляд от тошнотворного зрелища мокрых новорожденных. Повернувшись к Линг, увидел, что она смотрит на пол.

— Когда он дур назад бегал взад и вперед, оставил след на полу.

«Ну и что?» — подумал Ларк. Он видел жирные пятна на металлических пластинах. Треки так часто делают.

И замигал, узнав буквы англика. Одна, две, три, четыре.

РЕУК

— Что это? — вслух удивился Ранн.

Ларк поднес руку ко лбу, где его симбионт реук в ожидании следующего исполнения долга

питался ничтожными долями крови из вен. При прикосновении он спустился на глаза, изменив окраску помещения.

И все сразу изменилось. До сих пор бока джофура казались просто окрашенными в бесформенные пятна. Но теперь на поверхности нескольких старых колец стали видны ряды букв.

«Ларк, — начиналась первая надпись. — Одно кольцо открывает дверь. Используй его. Присоединись к Шести».

Болезненный крик справа остановил Ларка. Такой крик не может издавать млекопитающее. Ларк повернулся и крикнул:

— Прекрати!

Над одним из новых колец стоял Ранн, занеся ногу для второго удара. Маленькое существо дрожало, из раны на его боку текла восковая кровь.

— А почему? — спросил даник. — Этим своим жестоким ракетным нападением вы, сунеры, подписали нам смертный приговор. Можно хоть немного отплатить за него.

Линг резко возразила своему бывшему товарищу:

— Дурак! Лицемер! Ты остановил Ларка раньше, а теперь это? Разве ты не хочешь выбраться отсюда?

Она наклонилась над дрожащим кольцом и осторожно протянула к нему руку.

А Ларк повернулся к груде, к составному существу, которое каким-то необычным образом и в ограниченном смысле сумело снова стать Асксом. Когда он принялся читать вторую строку, буквы уже расплывались.

«Отдай второе Фвхун-дау/ Лестеру. Он/ты/они должны».

На этот раз крик был человеческим.

Линг! Ларк повернулся и бросился ей на помощь.

В одной руке она держала маленькое раненое кольцо, а другой вцепилась в плечи Ранна. Мужчина даник душил ее сзади, обхватив руками за горло, перекрыв дыхание, а может, и зажав артерии.

Ранн слышал негодующий рев Ларка и легко развернулся, используя в качестве щита тело Линг и продолжая душить ее. На лице его было выражение наслаждения. Ларк сделал ложный выпад направо, затем набросился на звездного воина с другой стороны. Времени для демонстрации боевого мастерства не было, они упали на пол в путанице рук и ног.

Схватка была бы равной, если бы Линг не по-

теряла сознания. Но когда ее тело бесчувственно обвисло, Ларку одному пришлось противостоять тренированному бойцу. Ему удалось нанести несколько ударов, но вскоре он вынужден был только защищать свои уязвимые места. Наконец в отчаянии он охватил руками торс Ранна в борцовской хватке.

Противник был настолько в себе уверен, что мог потратить немного сил на насмешки.

— Дарвинистский варвар, — насмехался Ранн у самого уха Ларка. — Регрессировавшая обезьяна.

Линг умудрился и сам найти оскорбление:

— Ротены свиньи.

Ранн рявкнул и попытался укусить его в ухо. Ларк вовремя отвернул голову, потом ударил ею Ранна в лицо, разбив ему губу.

Неожиданно зловоние заклубилось вокруг их голов, липким болезненным ощущением заполнив Ларку ноздри. На мгновение он даже подумал, что это телесный запах даника. Или запах его дыхания.

Ранн смог высвободить руку и ударил Ларка по боку. Но боль казалась далекой, а удары — слабыми и неуверенными. Зловоние усилилось, в глазах начало темнеть, и Ларк понял, что на противника запах тоже подействовал.

И даже сильнее.

Через несколько мгновений железная хватка разжалась, и Ранн опустился на землю. Ларк согнулся, тяжело дыша. Сквозь дымку уходящего сознания он заметил источник зловония. Раненое кольцо треки забралось к Ранну на плечи и выдавливало еще одну дозу смертоносного вещества прямо на лицо звездного бога.

Надо остановить его, подумал Ларк. Излишек может не просто лишить Ранна сознания, но и убить его.

Но жизнь распределяется по приоритетам. Борясь с головокружением и сильным желанием уснуть, Ларк перекатился в поисках Линг. Он надеялся, что ее еще удастся вернуть к жизни.

БЛЕЙД

— Наиболее эффективными боеголовками оказались те, что были снабжены топоргическими капсулами с составом треки номер 17 и порошкообразным буйурским металлом. Огненные жуки достаточно хорошо поджигали сердечники ракет. Большинство тех, что не использовали огненных жуков, либо не взорвались, либо взорвались прямо на пусковых площадках.

Блейд слушал, как молодая женщина диктует отчет телеграфисту уру, удары которого по клавишам превращались в световые вспышки. Джени Шен морщилась: аптекарь прикладывал мазь к ее обожженной коже. Лицо ее было вымазано сажей, а от одежды пахло дымом. Голос Джени звучал сухо, как графит, и было видно, что говорить ей трудно, но она продолжала диктовать, словно опасалась, что вершина горы со станцией семафора станет первой целью мести джофуров.

— Наблюдатели сообщают, что лучше всего попадали в цель ракеты с шарами-посыльными на борту. Их использование было всего лишь случайной идеей Фвхун-дао, поэтому их было немного. Прежде чем все взорвалось, Лестер сказал, что нам следует заново проверить всех созданных буйурами животных, чтобы убедиться, нет ли у них других возможностей для применения.

В каменной хижине было тесно. Ракетная атака и последующие пожары вызвали потоки беженцев, хлынувшие через горные проходы. Блейду пришлось идти в толпе беглецов, чтобы добраться до милицейского аванпоста, где он смог бы сделать доклад о своих приключениях.

На станции он узнал множество поразительных новостей о том, что удалось сбить последний

джофурский корвет, и о том, что ни одной ракете не удалось долететь до главного корабля. Вспыхнувшие было надежды снова рассеялись, когда стало известно количество жертв, включая по крайней мере одного высокого мудреца Шести Рас.

Однако некоторое оживление сохранялось. Плохие новости ожидались. Но вкус победы обострялся своей полной неожиданностью.

Блейд помнил, как в облаках пламени падали половины разрушенного корабля, разжигая лесные пожары. «Я рад, что они упали на бу». Согласно Свиткам, различные экосистемы Джиджо не равны по своей ценности. Большое бу — хищный захватчик-чужак — подобно самим Шести. И ночной пожар не нанес планете тяжелой раны.

«Мне тоже», — добавил Блейд про себя, морщась: один из врачей г'кеков пытался вправить его сломанную ногу.

— Просто отрежьте ее, — сказал он врачу. — И вторую тоже.

— Но у вас останутся только три, — возразил г'кек. — Как вы будете ходить?

— Как-нибудь справлюсь. И новые отрастут быстрее, если отрежете до самого основания. Только давайте побыстрей, ладно?

К счастью, ему удалось приземлиться на две ноги, расставленные на противоположных сторонах от тела. Пришлось выбираться из путаницы тканей и обломков гондолы на трех. Освещенный луной склон оказался каменистым и крутым — ужасное место для квуэна в середине холодной ночи. Но манящие вспышки огней, передающих сообщения от вершины к вершине, подбодрили его, и он, хромая, сумел добраться до убежища.

«Итак, я все-таки смогу рассказать Грызущей Бревно о своих приключениях. Может, я даже запишу их. Нело позволит напечатать на небольшом печатном станке, потому что половина рассказа будет посвящена его дочери».

Блейд знал, что начинает бредить от жажды, боли и недостатка сна. Но если уснет, потеряет свою очередь сразу за Джени Шен. Командир станции, узнав о его полете на воздушном шаре, переместил его очередь вперед, сразу за официальным докладом о ракетном нападении.

«Мне следовало бы чувствовать себя польщенным. Но на самом деле все ракеты уже использованы. Даже если немного осталось, элемент внезапности пропал. И нам никогда снова не удастся напасть на джофуров.

Но мою идею еще не испробовали. А она срабо-

тает! Я — живое доказательство этого.

Нужно рассказать об этом кузнецам на горе Блейз».

Так он сидел и кипел от нетерпения, прислушиваясь к длинному, полному специального жаргона докладу Джени и стараясь быть терпеливым.

Когда началась ампутация, Блейд инстинктивно втянул купол, защищая зрительную полоску толстым слоем хитина, который мешал ему смотреть. Он пытался вернуться к тому времени, когда летел в небе первый из своего рода — после космических кораблей, что было так давно.

Но память квуэна недостаточно сильна, чтобы использовать ее как преграду на пути боли.

Трем сильным хунам пришлось держать его, чтобы врач мог сделать свое дело.

ЛАРК

Когда он пришел в себя, его встретил другой запах.

Первый был клейким и глухим. И когда заполнил помещение, мир исчез под толстым одеялом сладкой остроты.

Новый запах был горьким, резким, отталкива-

ющим, разрывающим бесчувственное состояние. Не было никакого переходного периода смутности. Ларк резко чихнул и рывком сел. Он мгновенно узнал камеру, ее металлический пол и стены, тесное отчаяние этого места.

Жирный пончик, пурпурный и все еще покрытый слизью, послал ему в лицо последние капли мутной жидкости. Ларк подавился и отпрянул.

— Я пришел в себя! Прекрати, пожиратель навоза!

Комната покачнулась, когда он повернулся, отыскивая, и обнаружил Линг прямо за собой. Она тяжело дышала от усилий, пытаясь сесть. Темные пятна показывали, где ее горло сжимал Ранн, едва не лишив жизни.

Ларк снова повернулся и поискал врага.

И тут же увидел босые ноги даника, торчащие из-за круглого корпуса Эваскса.

Эваскса? Или он все еще Аскс?

Груда колец дрожала. Из ран с обеих сторон стекал восковой гной. Здесь выделились новые кольца.

Надо выяснить. Попытаться поговорить с ним.

Но Ларк уже видел упорядоченность в дрожащих торах. Систематический ритм. Почти полную организованность. Из отверстия для речи

исходили булькающие звуки.

— С… с…стойте, люди Я/Мы ПРИКАЗЫВАЮ, требую послушания.

Голос звучал неровно, но с каждым проходящим дуром набирал сил.

Ларк встретился с ним взглядом. Мгновенное понимание.

Аскс на многое пошел, чтобы предоставить свои дары.

Нужно испытать их.

— Прекратите! — просил Эваскс. — Вы обязаны…

К счастью, тело джофура еще сохраняло оцепенелость. И когда мастер-кольцо пыталось привести его в движение, самое нижнее кольцо сопротивлялось.

«Аскс все еще сражается за нас», — понял Ларк, зная, что долго так продолжаться не будет.

— Воспользуйся пурпурным, — сказал он Линг, которая прижимала к себе больший новорожденный тор. — Аскс сказал, что он открывает двери.

Она с сомнением посмотрела на него, но поднесла кольцо к пластинке у двери. Они видели, как ее касался джофур, когда хотел выйти из камеры. Тем временем Ларк превратил свою порванную рубашку в подвязку и положил в

нее меньшее, алое, кольцо. То, что было жестоко ранено Ранном. То самое, которое Ларк должен доставить высоким мудрецам, если выживет.

Из— за Эваксса послышался стон. Это наконец приходил в себя воин даник. Давай! — молча торопил Ларк, хотя Линг, несомненно, никогда не использовала раньше такой ключ.

Пурпурное кольцо выпустило из пор возле самой пластинки несколько капель жидкости. Последовали щелкающие звуки: механизм двери как будто задумался.

Потом со слабым шипением дверь открылась.

Ларк вместе с Линг торопливо вышли, не обращая внимания на брань джофура, который пытался следовать за ними, пока дверь снова не закрылась.

— Куда теперь? — спросила Линг.

— Ты меня спрашиваешь? — Ларк рассмеялся. — Ты ведь говорила, что галактические корабли стандартизованы.

Она нахмурилась.

— У ротенов нет таких боевых кораблей, как это чудовище. У Земли тоже. Нам бы повезло, если бы мы увидели такой корабль издали, и еще больше повезло, если бы он нас не заметил.

Ларк чувствовал себя странно, стоя полуобна-

женным в коридоре чуждого корабля, полного необычными запахами. В любой момент в коридоре может показаться джофур или на них начнет охоту боевой робот.

Плиты пола задрожали, вначале слабо, затем все сильней.

— Попробуй угадать, — сказал Ларк, подбадривая Линг улыбкой.

Та ответила пожатием плеч.

— Ну, если пойдем в одном направлении, рано или поздно доберемся до корпуса. Пошли. Самое худшее — это стоять на месте.

Коридоры были пусты.

Изредка Ларк и Линг проходили мимо каких-то больших помещений, внутри которых находилось множество джофуров. Они стояли возле необычно изогнутых инструментальных панелей или смешивались группами, раскачивались и общались облачками выделений. Но груды редко передвигались. Ларк, как биолог, не мог не рассуждать.

Они потомки малоподвижных существ, почти сидячих. Даже с приобретением мастер-кольца они сохраняют некоторые прежние привычки, например, предпочитают работать на одном месте, в относительной неподвижности.

Ларку казалось невероятным это молчаливое продвижение мимо закрытых дверей на расстоянии полета стрелы, затем еще одного и третьего. Они пользовались кольцом, открывая на пути бронированные люки, и никого не встречали. «Аскс должен был принять это во внимание. Мы сможем добраться до выхода из корабля и...»

Ларк задумался.

«И что тогда? Если там будут небесные лодки или летающие платформы, Линг сможет понять принцип их действия, но как сможет она управлять приборами, предназначенными для щупалец джофуров?

Может, нам следует направиться в машинное отделение? Попытаться что-нибудь вывести из строя. Причинить хоть какой-то ущерб, прежде чем нас подстрелят».

Линг пошла быстрей, ее походка стала энергичной. Возможно, она что-то почувствовала за этими толстыми дверями и изогнутыми стенами, что-то такое, что подсказывало, что они уже близко.

Следующий люк отодвинулся в сторону — и без всякого предупреждения они столкнулись с первым джофуром.

Линг ахнула, а у Ларка едва не подогнулись

колени. Он почувствовал неудержимое желание повернуться и убежать, хотя это, конечно, уже поздно. Груда была больше Эваксса, составляющие ее кольца светились здоровьем и силой, каких Ларк никогда не видел у джиджоанских треки.

«Так выглядит Ранн по сравнению со мной», — тупо подумал Ларк.

Но в это мгновение его спутница подняла пурпурное кольцо, нацелив его, как пистолет, на большого джофура.

К груде устремилось остро пахнущее облачко.

Груда еще немного постояла, потом на множестве насекомоподобных ног прошла мимо людей и двинулась по коридору.

Ларк ошеломленно смотрел ей вслед.

Что это было? Сигнал распознавания? Искусно подделанный пароль для прохода?

Он представлял себе, как Аскс — та часть мудреца треки, которая где-то сумела скрыться, — следил за химическими кодами, которые используют джофуры при передвижении по кораблю. Но чего Ларк не мог себе представить, так это тип сознания, который здесь проявляется. Как можно сознательно спрятать личность внутри личности, когда вся власть принадлежит

мастер-кольцу?

Джофур завернул за угол. Он как будто шел по какому-то делу.

Ларк посмотрел на Линг. Их взгляды встретились, и оба одновременно перевели дыхание.

Входной шлюз был заполнен механизмами, хотя никаких лодок или летающих платформ не было. Беглецы закрыли внутреннюю дверь и заторопились к противоположной стене, чтобы приложить кольцо-ключ. Им не терпелось увидеть голубое небо и вдохнуть свежий ветер Джиджо. Если им повезет и этот выход обращен к озеру, они смогут прыгнуть в воду. Конечно, и после этого их побег могут остановить в любое мгновение, как только они окажутся внутри защитного периметра джофуров. Но сейчас все это казалось не важным. Оба чувствовали себя полными жизни и неудержимой энергии.

Ларк по-прежнему нес раненое красное кольцо, гадая, что должны будут сделать с ним мудрецы.

«Может, Аскс считает, что мы должны подобрать коммандос и вернуться с бомбами, используя кольцо для входа?»

Но мысли его оборвались, когда начал отходить большой люк. И первое, что они увидели, был не дневной свет, а звезды.

Тревога на мгновение охватила Ларка, но он тут же понял: это не космос, а ночь на Риммере. Поток холодного воздуха вызвал мгновенный прилив энтузиазма. «Я никогда не смог бы покинуть Джиджо, — подумал он. — Это мой дом».

Бледное сияние затмевало созвездия там, где неровная зубчатая граница пересекала небо — это были очертания гор на востоке. Скоро рассвет. Подходящее время для начала?

Линг протянула Ларку свободную руку, он взял ее, и вдвоем они подошли к выходу и заглянули вниз.

— Пока все хорошо, — сказала она, и Ларк разделил ее радость, увидев отражение звездного света в воде.

— Снаружи еще темно. Озеро поглотит тепло наших тел. И на этот раз нас не выдаст цифровое компьютерное сознание.

«Не будет и удобных трубок для дыхания, которые позволили бы нам оставаться в безопасности под водой», — едва не добавил Ларк, но не захотел ослаблять ее энтузиазм.

— Посмотрим, нельзя ли воспользоваться чем-то, чтобы спуститься к озеру, а не прыгать, — добавила Линг. Они вместе осмотрели полки с оборудованием по одну сторону от люка, и Линг

возбужденно воскликнула:

— Я нашла катушку стандартного троса. Теперь, если разберусь в приборах…

Линг принялась разглядывать катушку, но Ларк в это время ощутил изменение в низком гуле, который сопровождал их с того мгновения, как они покинули свою камеру. Гул становился выше и громче и вскоре заполнил весь воздух.

— Что-то происходит, — сказал Ларк. — Мне кажется.

И тут же корабль неожиданно дернулся, едва не сбросив их на пол. Линг выпустила барабан, который едва не ударил ее по ногам.

Из открытого люка послышался другой звук. Ужасный скрежещущий гул, как будто жаловалась сама Джиджо. Ларк узнал скрежет металла о камень.

— Ифни! — крикнула Линг. — Они взлетают!

Помогая друг другу, изо всех сил пытаясь сохранить равновесие, они снова добрались до входного люка и выглянули наружу. И в ужасе увидели действие накопленной и внезапно высвобожденной силы.

Вот и прыгнули в озеро, подумал Ларк. Корабль джофуров величественно и бесстрастно поднимался, но критическими оказались первые

несколько десятков метров. Исчезла преграда, которая превращала затопленную долину во временное вместилище воды. И Праздничная Поляна мгновенно преобразилась в ревущий ураган. Затопленные деревья срывало с их размякших корней. Подмывало берега, и с них в воду падали камни. По мере того как корабль продолжал самодовольно подниматься, поток мутной воды и обломков устремлялся вниз, снося все на своем пути, обрушиваясь на ничего не подозревающие равнины.

«Слишком поздно, — понял Ларк. — Мы сбежали слишком поздно. И теперь захвачены внутри».

И словно подтверждая этот факт, у открытой двери загорелся огонек, и она начала закрываться. Должно быть, при подъеме сработал автоматический страховочный механизм. Ларк с трудом сдержал стремление прыгнуть в сужающуюся щель, вопреки смертоносному хаосу, который ожидал его внизу.

Линг схватила его за руку, когда они мельком увидели что-то блестящее и круглое — из-под воды показался гладкий продолговатый купол. Даже при предрассветном освещении они узнали корабль ротенов-даников, по-прежнему заклю-

ченный в кокон квантового времени.

Затем с грохотом и шипением люк окончательно закрылся, отрезав ветер. Захваченные внутри, беглецы смотрели на жестокий люк.

— Мы движемся на север, — сказал Ларк. Это было последнее, что он заметил, глядя на пролетающую внизу местность.

— Пошли, — прагматично ответила Линг. — Нужно найти где-нибудь в корабле место, где можно спрятаться.

НЕЛО

За несколько лиг до цели фанатики поняли, что они окружены. Ночь они провели на болоте, подсчитывая костры отрядов, верных высоким мудрецам. Зажатые между отрядами милиции из Библоса и преследующими силами Нело, мятежники на рассвете сдались.

Не было никаких церемоний, и у мятежников почти не оказалось оружия, которое нужно было бы сдавать. Всю их энергию отнял тяжелый марш по трясине, где когда-то в небо поднимались могучие башни буйуров. Оборванные и грязные, Джоп и его последователи неровной колонной направились к Библосу, выдерживая насмешки

недавних соседей.

— Иди посмотри, — подтолкнул Нело древесного фермера к утесу, с которого можно было взглянуть за широкую реку, все еще покрытую длинными тенями. Усиливающийся дневной свет открывал просторную пещеру, высеченную столетия назад земным кораблем «Обитель». Две дюжины массивных столбов поддерживали Каменный Кулак, повисший, как отсроченный приговор, над множеством больших деревянных зданий, каждое из которых было копией какого-нибудь знаменитого земного сооружения: Тадж-Махала, великой пирамиды Хеопса и Главной Библиотеки в Сан-Диего, Калифорния.

— Архивы уцелели, — сказал Нело своему противнику. — Ты хотел обрушить на них Кулак, но ничего не вышло. И через несколько лет я снова буду делать бумагу. Все было зря, Джоп. Жизни, которые ты погубил, уничтоженное добро. Ты ничего не добился.

Нело видел, как еще больше помрачнел Джоп, когда они достигли новой семафорной станции, установленной непосредственно против Библоса. Именно здесь они узнали о ракетном нападении, уничтожении одного корабля джофуров и предполагаемом повреждении другого. Молодые

солдаты милиции радостно кричали, узнав, что далекий «гром» прошлой ночью был на самом деле местью Шести Рас за бедных г'кеков.

Но у тех, что постарше, лица оставались мрачными. Капитан милиции предупредил, что это всего лишь одно сражение войне, которую Община Джиджо вряд ли может надеяться выиграть.

Нело отказывался думать об этом. Он выполнил поручение Арианы Фу, передав для передачи ее сообщение. Световые сигналы лучше передавать ночью, но, увидев имя Арианы на единственном листке бумаги, оператор тут же зажег лампу. Пока передавалось сообщение, капитан присматривал за подготовкой переправы через Бибур на ту сторону, где ждет душ и чистая одежда.

И сон, подумал Нело. Однако, несмотря на усталость, он чувствовал себя так молодо, как уже не чувствовал многие годы, как будто утомительная погоня по болотам сделала его моложе, превратила в сильного воина, каким он был когда-то.

Прислонившись к дереву, Нело ненадолго закрыл глаза, строя планы восстановления бумажной мельницы.

«Прежде всего нужно будет помочь синим восстановить дамбу. На этот раз устроим ее правильно. Меньше будем думать о маскировке и

больше о том, чтобы добиться получения большей энергии. Пока я в Библосе, смогу скопировать кое-какие чертежи».

Он резко поднял голову, услышав, как его зовет по имени ученик столяра из Доло. Парень читал ночные сообщения семафора, прикрепленные к стене.

— Я видел имя вашей дочери, — сказал Нело молодой человек. — Она на горе Гуэнн.

Нело сделал три неуверенных шага, и Джоп тоже. Древесный фермер тоже удивился. Но его отчаяние контрастировало с радостью Нело, услышавшего, что кто-то из его детей жив.

«Сара! — Мысли бумажника слегка путались. — Во имя основателей, как она оказалась на горе Гуэнн?»

Он торопливо направился к стенду, не терпелось узнать больше. Может, здесь есть сведения о Двере и Ларке!

В это время один из операторов внутри станции закричал. Тот, что посылал сообщение Арианы Фу, продолжал стучать ключом, но принимающий выбежал из станции. Это оказалась женщина средних лет, она размахивала листком бумаги с торопливой записью.

— Сообщение, сообщение! — кричала она, под-

бегая к капитану милиции.

— Сообщение от наблюдателей. Джофуры. Джофурский корабль летит сюда!

Корабль не парил и не падал. Он был слишком велик для этого.

Туча пыли сопровождала его полет над лесом или открытой местностью, но там, где небесная гора громоздко надвинулась на Бибур, воды оставались зловеще спокойными. Больше того, гладкая неподвижность выходила далеко за пределы тени корабля.

Лети дальше, молил Нело. Просто пролети мимо. Продолжай двигаться.

Но у огромного крейсера, очевидно, было дело именно здесь, он остановился непосредственно над рекой на виду у Великого Архива.

Теперь настала очередь Нело прийти в ярость: он увидел, как на лице Джопа появилось выражение мрачного удовлетворения. Кто-то донес, подумал Нело. Слухи рассказывали об эмиссарах джофуров, основывавших свои посты в маленьких поселках и властно требовавших сведений. Рано или поздно какой-нибудь фанатик или слепой последователь Свитков проболтался бы об этом месте.

Могучий боевой корабль не испускал смерто-

носные лучи. Не было и дождя бомб в отместку за младшего брата, погибшего прошлой ночью.

Вместо этого в борту раскрылись небольшие люки. Оттуда вылетели две дюжины роботов; они неторопливо опустились к воде, повисли на уровне роста хуна, потом построились и направились к Библосу.

Из большого корабля показалась вторая волна. Эта опускалась медленней на широких черных полированных летающих платформах. На этих плоских устройствах возвышались джофуры, как горки блинов, каждая на своей летающей сковородке.

И не успел отряд джофуров достичь стен скрытого города, как космический дредноут снова двинулся, повернулся массивным корпусом в том направлении, откуда прилетел, примерно на юго-юго-восток, и начал все быстрей набирать высоту. К тому времени как Нело потерял его из виду в лучах восходящего солнца, крейсер уже поднялся выше самых высоких облаков.

У реки собрались толпы, глядя на противоположный берег. Библос все еще был погружен в ночную тень. Роботы, по контрасту, ярко блестели, пока вместе со своими хозяевами джофурами не вошли под Каменный Кулак.

После этого Нело и всем остальным пришлось удовлетворяться словами капитана милиции, который смотрел в бинокль и рассказывал о происходящем.

— Каждый джофур входит в отдельное здание, охраняемый несколькими роботами. Некоторые входят через переднюю дверь, но один просто послал роботов, чтобы они пробили стену и вошли в пробоину.

Теперь они все внутри, а наши выбегают из домов! Люди, хуны, квуэны, вот один г'кек, его левое колесо дымится. Думаю, в него стреляли.

Толпа раздраженно гудела, но сделать что-нибудь было невозможно. Никто ничего не мог сделать.

— Вижу взводы милиции! В основном люди, с ними уры и хуны. У них ружья нового типа, с мульк-пулями. Они бегут к Зданию Наук!

Они разбились, как в засаде, и одновременно проникают в здание через противоположные двери.

Нело смотрел на ту сторону Бибура, сжимая кулаки. В то же время он гадал, почему большой боевой корабль добрался сюда, но не уничтожил центр интеллектуальной жизни Джиджо.

Наверно, у него есть и другие дела. И он все

равно вернется за высадившейся группой.

Оставалась одна надежда. Может, со вчерашней ночи осталось еще несколько ракет. И они попадут в крейсер до того, как он вернется.

Надежда всегда есть — хотя казалось маловероятным, что джофуров удастся обмануть вторично.

Он видел, как за рекой поток беженцев: ученых, библиотекарей, учеников — выливается из укреплений через отверстия для вылазок. Среди бегущих мало г'кеков. И треки тоже. Обе расы, очевидно, обречены оставаться внутри в ожидании своих разных, но одинаково ужасных участей.

Нело подумал:

«Что чужаки хотят сделать с нашей Библиотекой? Взять книги и унести с собой, чтобы почитать?

Как ни странно, эта своеобразная догадка имеет основания.

Ручаюсь, ракетное нападение дало им понять, что у нас есть еще козыри в рукаве. И неожиданно они заинтересовались тем, что мы знаем и как это узнали. И теперь просмотрят наши книги в поисках других неприятных сюрпризов».

В затененной пещере что-то происходило.

Через реку доносились щелкающие звуки. Несомненно, из Зала Наук.

— Выходят! — крикнул капитан, крепче сжимая бинокль. — Ружейные взводы, они отступают, несут с собой раненых, пытаются прикрыть друг друга. Они…

Он опустил прибор. Взгляд у него был мрачный, он стоял подавленный и молчал.

Капрал осторожно подобрала бинокль и продолжала рассказ.

— Мертвы, — было ее первое слово. — Вижу мертвых солдат. Они все лежат.

Толпа стихла. За Бибуром, казалось, больше ничего не движется, только иногда под Каменным Кулаком мелькали машины.

«Взрывники, — подумал Нело. — Почему они не привели в действие свои заряды?»

Величайшая тайна Шести Рас, самая безопасная крепость человечества на Джиджо, Библос был захвачен за несколько дуров. И теперь его драгоценные архивы в руках захватчиков.

ЭВАСКС

Значит, решено, Мои кольца? Загнали ли мы в последний угол ваше тайное сопротивление?

Можно ли считать, что больше восстаний не будет?

После недавней неприятности, когда вы, глупые кольца, умно/неразумно сумели совершить влен без ведома вашего мастер-кольца, наша груда-жрец предложила разобрать нас/ Меня. Жрец предложил извлечь до капли восковую память, чтобы узнать, куда могли деться два паразита-волчонка, которых вы (на короткое время, мятежно) высвободили в нашем замечательном корабле «Полкджи».

Но тут наша груда-тактик доложила, что, по данным телеметрии, Ларк и Линг почти несомненно покинули корабль: инструменты свидетельствуют, что люк автоматически открылся.

Люди хорошо плавают. И несомненно, оказавшись в озере, они решили, что достигли безопасности. Они не подозревали, что через мгновение поток увлечет их в водоворот разрушений после взлета нашего могучего «Полкджи»!

Забавная игра судьбы, драматическая ирония этого побега так понравилась капитану-лидеру, что был отдан приказ, перекрывающий желание груды-жреца. На какое-то время Мое/ наше единство в безопасности.

НО НЕ РАССЧИТЫВАЙТЕ НА ДОЛГУЮ

ТЕРПИМОСТЬ/ ПРОЩЕНИЕ, МОИ КОЛЬЦА!

Прощение за что, вы спрашиваете?

Вот теперь вы Меня тревожите. Неужели наш общий воск так сильно расплавлен? Неужели личность Аскса так сильно повредила нам своей второй попыткой самоубийства-амнезии? Мне следует напомнить вам о недавних событиях полуэлектронными процессами мастер-кольца?

Очень хорошо, Мои кольца, я это сделаю. И мы начнем снова, повторим опыт, который сделал нас полезными делу джофуров.

Вместе мы наблюдали за тем, как отряд из нашего корабля захватывал так называемую Библиотеку, которой пользуются варварские Шесть Рас. Хотя в битовом эквиваленте эта Библиотека содержит ничтожное количество информации, именно она источник хитростей волчат.

Их коварных планов, которые нам так дорого обошлись.

Странное событие произошло, когда Я/мы увидел эти грубые здания, построенные из срубленных деревьев и укрытые в искусственной пещере. Многие тайные восковые следы отозвались внезапным узнаванием! И приняв эти восстановленные следы, мы смогли раскрыть перед капитаном-лидером многие тайны этой

сокровищницы псевдознаний. Тайны, которые Аскс хотел сделать недоступными для нас.

Мы медленно восстанавливаем прежнюю репутацию и оценку. Рады ли вы этому, Мои кольца?

Как приятно чувствовать ваше немедленное согласие! Краткое восстание и последовавшая за ним попытка самоубийства амнезией, кажется, сделали вас более покорными. Вы больше не отдельные кольца треки, а часть великого целого.

Смотрите! Оставив отряд для захвата Библоса, наш могучий «Полкджи» обращается к своей главной задаче. Слишком долго позволяли мы себе отвлекаться/откладывать. Больше никаких переговоров с ворами ротенами. Никаких споров с варварскими расами. Всем Шестерым принесут разную судьбу наши наземные силы, рассеянные по всему Склону.

А что касается «Полкджи», мы возвращаемся к континентальной трещине, к этой океанской пропасти. К предполагаемому местонахождению корабля дельфинов.

РЕШЕНО. РОТЕНЫ ВСЕ-ТАКИ СЧИТАЛИ ВЕРНО.

Мы будем бомбить глубины, подвергая опасности корабль землян. Чтобы сохранить жизнь, они вынуждены будут подняться на поверхность и сдаться.

До сих пор капитан-лидер предпочитал торопливым действиям терпение. Мы не хотели уничтожить то, что ищем! Сначала узнаем его тайны. Поскольку ни один соперничающий клан или флот не появился на Джиджо, казалось, у нас достаточно времени.

Но это было до того, как мы потеряли оба корвета. До непрерывных оттяжек и проволочек.

Теперь мы готовы рискнуть!

С большим запасом глубинных бомб мы движемся к зоне, известной как Трещина.

ЧТО ЭТО?

УЖЕ?

ДЕТЕКТОРЫ ОБНАРУЖИЛИ ВПЕРЕДИ — ДВИЖЕНИЕ!

Радостный охотничий азарт охватил мостик. Это должна быть добыча, она выдает свое местоположение в торопливых поисках нового убежища.

Но тут управляемые на расстоянии приборы передают тревожную новость.

Зафиксированные нами колебания исходят не от одного корабля.

ИСТОЧНИКОВ ИЗЛУЧЕНИЯ ДЕСЯТКИ, СОТНИ!

САРА

Во время долгого спуска с горы Гуэнн Эмерсон казался оживленным, он прижимался лицом к искривленному окну маленького поезда, глядя на море.

«Что он чувствовал, если бы знал, с кем мы встретимся? — думала Сара, пока вагон быстрее скачущего ура проносился мимо древних лавовых потоков. — Радовался бы или попытался выпрыгнуть и убежать?»

Далеко внизу мириады солнечных отражений тянулись вдоль всей линии прибоя до самого затянутого тучами западного горизонта. Воды Джиджо казались спокойными, но Сару по-прежнему устрашал этот вид. Небольшое волнение этой обширной массы уничтожит все деревья и поселки на берегу. Спокойствие океана доказывало, насколько хороша эта планета для жизни — настоящая колыбельная видов.

«Я всегда надеялась увидеть это до того, как мои кости мусором уйдут в пропасть. Но не ждала, что приду сюда сначала верхом на лошади через Спектральный Поток, через вулкан и, наконец, на знаменитом канатном поезде, навстречу су-

ществам из легенд».

Несмотря на то что на горе Гуэнн в последнее время все спали очень мало, Сара чувствовала себя полной энергии.

Уриэль едва успела закончить свой аналоговый компьютер. Спустя несколько мидуров после отправки баллистических расчетов на север операторы семафора сообщили поразительные новости о последствиях.

Потрясающая победа ракет.

Обескураживающие неудачи ракетных запусков.

Лесные пожары, мертвые мудрецы, и Яйцо — раненое, замолчавшее, может быть, навсегда.

Поток с Праздничной Поляны, убивший или сделавший бездомными бесчисленное количество жертв.

И это еще не все. Среди многих других сообщений, приходивших всю ночь, были и такие, которые Саре перенести было особенно тяжело.

Она испытала душевный подъем, узнав о воздушных приключениях Блейда, так не подходящих для квуэна. Потом отчет ее отца вызвал в сознании картины разрушений деревни Доло, заставив ее поискать укромное место и посидеть, обхватив голову руками. Нело жив — это прекрас-

но. Но многие другие, кого она знала, погибли вместе с домом, в котором она выросла.

«Ларк и Двер, мы гадали, что произойдет, когда дамба рухнет. Но я никогда не верила, что это случится на самом деле».

На какое-то время волны горя заставляли Сару держаться в стороне от всех, потом кто-то сказал ей, что пришло срочное сообщение, адресованное в особенности ей — с санкции прежнего высокого мудреца Шести.

Ариана Фу, сообразила Сара, просматривая краткое сообщение. Ифни, кому сейчас интересны размеры корабля, в котором Эмерсон разбился в болоте? Какая разница, в какой колеснице он летал, когда был звездным богом? Теперь это искалеченная душа, захваченная на Джиджо, подобно всем нам остальным.

Так ли это?

После многих испытаний этой насыщенной событиями ночи Сара только собиралась немного поспать, когда более близкие события потрясли Уриэль и все ее окружение.

На рассвете капитан порта Вуфон прислал сообщение о чудовище в гавани. Рыбообразное существо, которое после некоторых взаимных недоразумений объявило себя родичем людей.

Больше того, существо утверждает, что у него есть послание к кузнецу.

Уриэль была полна радости.

— Маленькая шпионская камера, которая так нас испугала, это привор с земного корабля! Может, джофуры нас воовще еще не нашли!

Это очень важно. Сообщали, что небесный боевой корабль снова пришел в движение и, возможно, направляется к ним. Но Уриэль не могла эвакуировать свою мастерскую: в ней продолжалась работа над несколькими проектами, и работники никогда не были так заняты.

— Я немедленно отправляюсь на встречу с землянином, — объявила кузнец.

Не было недостатка в добровольцах для ее сопровождения. Сара ехала в первом поезде. Она наблюдала, как Прити пролистывает блокнот с рисунками Эмерсона и задерживается на изображении стройных фигур с плавниками на спинах и хвостах; эти фигуры извиваются в волнах. Рисунок, сделанный по памяти.

— Они выглядят не так, как я думала, — заметила Уриэль, изгибая свою длинную шею над плечом Прити. — До сих пор я знала о них только по описаниям в книгах.

— Надо было читать книги с картинками, —

рассмеялся взрывник Курт, подталкивая локтем племянника. Но Джома продолжал прижиматься к окну рядом с Эмерсоном. Они по очереди указывали друг другу на особенности быстро меняющегося ландшафта. Звездный человек был в своем постоянном хорошем настроении и ничем не показывал, что знает о цели поездки.

Сара знала, что ее тревожит. Помимо всех своих иных бед и печалей, она понимала: птице пора лететь к себе домой.

Глядя на полного силы человека, которого она вырвала из лап смерти, Сара не видела, что еще может предложить ему. Никакого лекарства для поврежденного мозга. Единственная надежда — на возвращение к цивилизации Пяти Галактик, даже несмотря на преследование могущественных врагов. Кто не предпочтет такую жизнь жалкому существованию на этом берегу?

«Наши предки, вот кто предпочел. Экипаж „Обители“ и всех остальных крадущихся кораблей».

Сара вспомнила, что сказал мудрец Пурофски всего несколько дней назад: «Это не случайность, Сара. Слишком много кораблей появилось на Джиджо за такой короткий срок».

«Свитки говорят о судьбе», — возразила она.

«Судьба! — презрительно фыркнул мудрец. — Слово, выдуманное теми, кто не понимает, как они очутились там, где находятся, и не видит, куда идет».

«Вы говорите, что знаете, почему мы очутились здесь, мастер?»

Несмотря на все недавние происшествия и трагедии, Сара обнаружила, что все еще потрясена ответом Пурофски.

«Конечно, знаю, Сара. Мне это кажется совершенно ясным.

Нас сюда пригласили».

ЭВАСКС

— Глупцы! — заявил капитан-лидер. — Все, кроме одного, излучения исходят от макетов торпед, которые просто подражают излучениям космических кораблей. Это стандартная обманная тактика в глубоком космосе. Но такая хитрость на близком расстоянии не поможет.

Используйте стандартную технику, чтобы отсеять обманные излучения.

НАЙДИТЕ КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ МЫ ИЩЕМ!

Ах, Мои кольца, видите ли вы, как цвета сбегают по гладким бокам нашего капитана-лидера?

Смотрите, какие они сверкающие, какие великолепные. Будьте свидетелями истинного достоинства джофурского гнева в его высшей форме.

Какое негодование! Какой эгоистический гнев! Оайлие гордились бы нашим командиром, особенно после того как мы услышали невероятную новость.

Это вовсе не макеты ракет.

Мириады объектов, которые мы зафиксировали, движущиеся из Трещины в открытый океан. КАЖДЫЙ ИЗ НИХ — НАСТОЯЩИЙ ЗВЕЗДНЫЙ КОРАБЛЬ!

Мостик затягивает испарение страха. Огромный флот из множества кораблей! Как землянам удалось раздобыть столько союзников?

Даже наш «Полкджи» не устоит перед таким количеством.

Нас превосходят во много раз!

ДВЕР

— Мне жаль, — сказала ему Джиллиан Баскин. — Решение пришлось принимать немедленно. Теперь нет времени для организации специальной высадки на берег.

Она казалась раздраженной, как будто не ожидала такой просьбы. На самом деле со второго дня на корабле Двер только об этом и просил.

Два человека плавали рядом в просторном, заполненном водой помещении, контрольной рубке звездного корабля «Стремительный». Мимо них по сферическому помещению проплывали дельфины, они дышали насыщенной кислородом водой, дышали легкими, модифицированными так, что стали почти их второй природой. У консолей и на своих рабочих местах они дышали под пузырями-куполами или через шланги, соединенные непосредственно с дыхалом. Двер эта среда казалась необычной, как во сне, но фины были в своей стихии. Напротив, Двер и Джиллиан, одетые в специальные костюмы, казались здесь совсем неуместными.

— Я здесь ничего хорошего не делаю, — повторил он, слыша слова, которые передавались в его шарообразный шлем. — У меня нет умений, которые вы могли бы использовать. Я едва дышу тем веществом, которое вы называете воздухом. И что еще важнее, меня ждут. Во мне нуждаются. Разве нельзя меня высадить в какой-нибудь лодке возле берега?

Джиллиан закрыла глаза и вздохнула — издала

короткий странный набор щелчков и стонов.

— Послушай, я понимаю твое положение, — сказала она на англике. — Но мне нужно думать о сотне жизней и на ставке нечто гораздо большее. Прости, Двер. Я могу только надеяться, что ты поймешь.

Он знал, что дальнейший разговор бесполезен. Один из дельфинов с мостика позвал ее, и вскоре Джиллиан уже разговаривала с этим дельфином и лейтенантом Тш'т, решая очередную проблему.

От гула двигателей «Стремительного» у Двера чесалась голова — возможно, остаточный эффект того обращения, какому подверг его робот даников. У него нет никаких доказательств, что дела пойдут лучше, если он окажется на берегу. Но его руки, ноги и легкие тосковали по дикой местности, по ветру в лицо и по ощущению неровной грубой поверхности под ногами.

Поперек мостика вспыхнула призрачная карта. Суша сероватыми границами с обеих сторон очерчивала подводный каньон — Трещину. Теперь глубоководная впадина полна движущимися огоньками, разбросанными, как огненные жуки, покинувшие свои ульи. Так показалось Дверу, когда свыше сотни древних буйурских

кораблей спустя полмиллиона лет ожили и покинули груды мусора, в которых так долго были заключены.

Тактика знакомая. Многие животные держатся вместе, чтобы смутить хищников. Двер восхищался хитростью Джиллиан и ее экипажа и желал им удачи.

«Но я не могу им помочь. Я здесь бесполезен. Она должна меня отпустить».

Если бы он отправился с ними, была бы возможность подвести обманный корабль поближе к берегу и выпрыгнуть из него.

Но нет, он не имеет права вмешиваться в планы Джиллиан.

«Черт побери, я привык действовать! Не могу быть пассивным наблюдателем!»

Придется.

Двер пытался набраться терпения, не обращать внимания на зуд: громоздкий костюм не дает почесаться. Он наблюдал, как расходятся огоньки, большинство направляется к выходу из Трещины, в огромную океанскую пропасть — саму Помойку!

— Двигатели звездного корабля! — объявил инженер-гравитик, взбивая хвостом воду и рождая облако пузырьков. — Пассивные детекторы

свидетельствуют о корабле класса «Нова» или выше, и корабль направляется к Трещине.

ЭВАСКС

Возникает осознание вместе со зловонием раздражения.

Огромный флот, которого мы на короткое время испугались, на самом деле для нас совсем не угроза. Это не боевые корабли, а списанные суда, давно брошенные как бесполезные для эффективного функционирования.

Тем не менее они нам мешают и скрывают нашу цель/добычу.

Туман разочарования прорывает поток властных феромонов.

ЗА РАБОТУ, приказывает наш капитан-лидер.

МЫ ИСКУСНЫ. МЫ МОГУЧИ. ТАК СДЕЛАЕМ ЖЕ ХОРОШО ВАШУ/НАШУ РАБОТУ.

РАЗГАДАЙТЕ ЗАГАДКУ. НАЙДИТЕ ДОБЫЧУ. МЫ ДЖОФУРЫ. МЫ ПОБЕДИМ.

ДВЕР

На дисплее появляется сверкающая точка, го-

раздо ярче и больше остальных, она находится выше воображаемой линии поверхности воды.

Должно быть, это боевой корабль, думает Двер. Его сознание пытается создать образ. Что-то огромное и ужасное. Когтистое и быстрое.

Неожиданно голос офицера у детектора становится резким.

— Они открыли огонь!

От яркой точки отделяются меньшие искорки.

Бомбы, понимает Двер. Он видел такое и раньше, но не в таком масштабе.

Лейтенант Тш'т выкрикивает предупреждение:

— Всем приготовиться к ударной волне!

САРА

После выхода пассажиров состав окружает отряд рабочих хунов, заполняя вагоны стопками сложенной ткани. С самого рассвета ткань отправляют в кузницу, срывая с кораблей все паруса. Но урский кузнец едва бросает взгляд на этот груз. Уриэль своей легкой походкой кентавра направляется к укромной бухте.

Густой соленый воздух на уровне моря подействовал на всех. Сара не отводила взгляда от

Эмерсона, который вдохнул морской ветер и прокомментировал песней:

Буря приближается,
Она придет ночью.
Ветер крепчает,
Надо получше затянуть снасти.

Куты и склады маленького порта прикрыты густыми зарослями дыни и нектарных вьюнков — изобильной роскошной растительностью, характерной для южного тропического климата. Но улицы пусты. Все либо работают на Уриэль, либо ушли к берегу, где собралась толпа возбужденных хунов и квуэнов. Несколько хунов: самцов и самок с бородами старшинства — стоят у самого берега и разговаривают с водой, пользуясь красноречивыми жестами. Но когда группа Уриэль приблизилась, два городских чиновника расчистили дорогу.

Сара продолжала наблюдать за Эмерсоном, на лице которого до последнего момента отражалось любопытство. Но тут из воды подняло гладкую голову скользкое серое существо.

Звездный человек остановился и смотрел, быстро мигая.

«Он удивлен, — подумала Сара. — Может, мы

ошиблись? И он не имеет ничего общего с кораблем дельфинов?»

Тут посланник китообразных еще выше приподнялся в воде, колотя по ней хвостом.

— Значит, это правда, — сказал рыбообразный землянин на англике с сильным акцентом, разглядывая Эмерсона сначала одним глазом, потом вторым.

— Рад видеть вас живым, инженер Д'Аните. Хотя это вряд ли казалось возможным, после того что случилось с вами во Фрактальном мире.

Признаюсь, не могу понять, как вы последовали за нами к этой забытой планете.

На лице Эмерсона отразились сильнейшие эмоции. Сара видела изумление, приступ любопытства и одновременно раздраженного отчаяния.

— К… К-К.

Отчаянная попытка заговорить кончилась стоном:

— А а… аххх.

Дельфина эта реакция как будто расстроила, он щелканьем выразил отчаяние состоянием человека.

Но Эмерсон покачал головой, обратившись к другим своим возможностям. И наконец нашел

способ выразить свои чувства — в бурной песне:

Как странны пути парадокса!

Он издевается над здравым смыслом!

Мы приводим множество мудрых изречений и каламбуров, Но ничто не превзойдет этот парадокс!

ДЖИЛЛИАН

Ультиматум забил все эфирные волны — скрежещущие звуки заполнили мостик «Стремительного», заставив зашипеть насыщенную кислородом воду. С каждой синтаксической фразой на галчетыре из воды поднимались тучи пузырьков.

Большинство неодельфинов, членов экипажа, читали перевод текста, подготовленный машиной Нисс. По главному голоэкрану плыли буквы англика и символы-глифы галсемь.

ВЫСЛУШАЙТЕ
И ВОСПРИМИТЕ НАШ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИКАЗ/ПРЕДЛОЖЕНИЕ!

Джиллиан слушала на оригинальном джофурском диалекте, надеясь выяснить что-нибудь дополнительное. Это был третий повтор с того времени, как вражеский дредноут начал переда-

чу из высоких слоев атмосферы.

ВЫ, КОГО МЫ ИЩЕМ, ВЫ СОВЕРШИЛИ ХИТРОУМНЫЕ МАНЕВРЫ, ДОСТОЙНЫЕ УВАЖЕНИЯ. В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ МЫ НЕ СТАНЕМ БОЛЬШЕ ТРАТИТЬ БОМБЫ. И ПРЕКРАТИМ БЕСПОЛЕЗНЫЙ ОСМОТР КОРАБЛЕЙ-МАКЕТОВ.

Такая перемена тактики ожидалась. Вначале враг посылал роботов в темные глубины, один за другим осматривая и уничтожая реактивированные буйурские корабли. Но Суэсси было очень просто установить мины-ловушки. При приближении робота каждый корабль самоуничтожался, прихватив с собой автомат.

Обычная иерархия боя, таким образом, была пересмотрена. Здесь, на Помойке, большие шумные корабли гораздо дешевле охотящихся на них роботов. У Суэсси наготове еще десятки кораблей, способных подняться из множества отдаленных друг от друга груд мусора. Сомнительно, чтобы джофуры могли позволить себе такие же потери роботов.

Была и оборотная сторона. Корабли-мишени — это отбросы; когда миллионы лет назад их оставили, они уже были в плохом состоянии. И только невероятная надежность галактического изготовления позволяла им еще оставаться

пригодными к использованию, хотя десятки и десятки их просто перегорели, усеяв дно Помойки своими мертвыми корпусами.

МЫ НЕ СМОГЛИ ЗАСТАВИТЬ ВАС И ТЕПЕРЬ ГОТОВЫ ПРЕДЛОЖИТЬ ЩЕДРЫЕ УСЛОВИЯ.

Именно эту часть Джиллиан слушала с особым вниманием, когда передача шла первые два раза. К несчастью, «щедрость» джофуров не привлекала. В обмен на информацию, карты и образцы со «Стремительного» капитан-лидер «Полкджи» обещал крионное заключение для экипажа с гарантией оживления и освобождения всего через тысячу лет. «После того как нынешние затруднения будут ликвидированы».

Иными словами, джофуры хотели получить тайны «Стремительного» и быть уверенными, что очень долго их больше никто не получит.

Пока продолжалась передача, к Джиллиан подплыла вторая по старшинству на корабле.

— Мы смогли предоставить большинство того, что запросила местная колдунья, — доложила Тш'т. Одним из результатов контакта с местными жителями был длинный список того, в чем отчаянно нуждалась Уриэль, урский кузнец.

— Несколько кораблей-макетов направлены к берегу, как вы приказали. Каа и его новая коман-

да разгрузят все, что просит Уриэль.

Лейтенант-дельфин ненадолго смолкла.

— Мне нет необходимости добавлять, что это увеличивает опасность для нас? Враг может зафиксировать эти передвижения и обратить внимание на хунский морской порт.

— Нисс предложил маневр для предотвращения этого, — ответила Джиллиан. — А как разделение экипажа? Как идет подготовка Макани?

Тш'т кивнула гладкой головой. Сделав перерыв в трудной подводной версии англика, она ответила на тринари:

Времена года меняют приливы,
Течение несет нас к нашей судьбе
И разделяет любящих.

К этому она добавила подчеркнутое заключение:

…навсегда.

Джиллиан поморщилась. То, что она планирует — это одна из многих ужасных возможностей, — перережет тесные связи в экипаже, который совместно начинал это великое испытание. Эпическое путешествие, о котором земляне будут слагать легенды и века спустя.

Конечно, если земляне после Времени Перемен еще будут существовать.

В сущности, у нее не было выбора. Половина неодельфинов из экипажа «Стремительного» проявляет все усиливающиеся признаки стрессового атавизма — утраты способностей, необходимых для логического мышления. Страх и усталость в конце концов сделали свое дело. Ни одна раса клиентов, такая молодая, как Tursiops amicus, не подвергалась столь тяжелым испытаниям так долго и, по существу, в одиночестве.

Пора принести жертву. Мы всегда знали, что приносить ее придется.

Помещение все еще дрожало от джофурских угроз. Если бы они исходили от какой-то другой расы, Джиллиан могла бы рассчитывать на элемент хвастовства или преувеличения, но в данном случае она буквально воспринимала все слова противника.

На голографическом экране горели угрожающие буквы.

МЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ ГАЛАКТИЧЕСКИЙ БОЕВОЙ КОРАБЛЬ В ЭТОЙ ЗОНЕ. НИКТО НЕ ПРИДЕТ ВАМ НА ПОМОЩЬ. И НИКАКОЙ СОПЕРНИК НЕ ОТВЛЕЧЕТ НАС, КАК БЫВАЛО В ДРУГИХ СЛУЧАЯХ.

МЫ

МОЖЕМ ВЫЖИДАТЬ, ИССЛЕДУЯ И УНИЧТОЖАЯ КОРАБЛИ-ПРИМАНКИ
С БЕЗОПАСНОГО РАССТОЯНИЯ. ИЛИ, ЕСЛИ СТАНЕТ НЕОБХОДИМО, ЭТОТ БЛАГОРОДНЫЙ КОРАБЛЬ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ЧЕСТИ ПОБЕДИТЬ В ОДИНОЧКУ И ПРИЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ ДЖОФУРСКУЮ АРМАДУ — ОТТЯЖКИ ЛИШЬ УСИЛЯТ НАШ ГНЕВ. ОНИ УВЕЛИЧАТ ВРЕД, КОТОРЫЙ МЫ ПРИЧИНИМ ВАШИМ ЗЕМНЫМ РОДИЧАМ И ОСТАЛЬНЫМ СУНЕРАМ, КОТОРЫЕ НЕЗАКОННО ЖИВУТ НА ЭТОЙ ЗАПРЕТНОЙ ПЛАНЕТЕ.

Джиллиан подумала об Олвине, Гек и Ур-ронн, которые слушают в сухом помещении по соседству, и о Клешне, представляющем их на мостике, где он носится взад и вперед, щелкая красными когтями.

«Мы и так привлекли внимание к местным жителям, когда ротены каким-то образом выследили нас на Джиджо. Должен быть способ избавить их от наказания по нашей вине.

Скоро придет время покончить со всем этим».

Джиллиан снова обратилась к Тш'т.

— Когда придет наша очередь?

Лейтенант поговорила с офицером-тактиком и руководителем перемещений.

— Мы проскользнем между четверым и пятым

кораблями-макетами примерно через восемь часов.

Джиллиан взглянула на Клешню. Его красноватый панцирь весь был покрыт пузырьками, зрительная полоска бешено вращалась, с живостью молодости воспринимая окружающее. Местная молодежь должна радоваться тому, что скоро произойдет. И Двер Кулхан тоже. Надеюсь, он будет доволен, хотя это не совсем то, чего он хотел.

Джиллиан признавалась себе самой, что ей будет не хватать молодого человека, который напомнил ей о Томе.

— Ну, хорошо, — сказала она Тш'т. — Давай отвезем детей домой.

ЛАРК

Вдвоем они оказались полуслепыми, бредя по затхлым коридорам огромного корабля чужаков, полного враждебными существами. Линг больше Ларка знала о космических кораблях, зато именно Ларк не давал им окончательно заблудиться.

На стенах очень мало символов, поэтому их знания нескольких галактических диалектов оказались почти бесполезными. Напротив, от

каждого закрытого прохода на перекрестках исходил особый, уникальный запах, который чувствовался лишь на близком расстоянии. Как джиджоанец, Ларк ощущал некоторые из этих запахов и смутно определял феромоны-указатели — примерно так, как четырехлетний ребенок способен прочесть название улицы метрополиса.

Один запах напомнил ему тот, что издают прокторы-треки на Праздничной Поляне, когда им приходится прерывать драку или успокаивать разбушевавшегося пьяницу.

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ, казалось, говорил этот знак. И Ларк уводил Линг подальше.

Однако цель определяла она. Ларк, с головой, полной запахов, охотно предоставил ей выбор цели. Несомненно, какую бы дорогу они ни выбрали, рано или поздно она приведет их назад — в тюремную камеру.

Еще три раза они сталкивались с одиночками джофурами. Но испарения пурпурного кольца делали их незаметными. Двери продолжали по приказу открываться. Дар Аскса оказался невероятно полезным. Слишком хорошим, на самом деле.

«Не думаю, чтобы он действовал долго, — рассуждал Ларк, пока они углублялись в сердце

вражеского корабля. — Аскс, вероятно, рассчитывал, что он понадобится нам на мидур или около этого, чтобы выбраться наружу. Как только экипаж узнает о бегстве пленников, эта уловка перестанет помогать. Джофуры используют контрмеры».

Но тут он понял.

«А может, никакой тревоги и не будет. Джофуры могут решить, что мы уже бежали с корабля.

Может быть».

Тем не менее каждая новая встреча с блестящей грудой колец в темных переходах заставляла Ларка чувствовать себя странно. Он всю жизнь был рядом с треки, но до сих пор не понимал, насколько отлично их сознание. Как странно для разумного существа смотреть прямо на вас и не видеть, просто потому, что вы издаете правильный запах.

На следующем перекрестке он принюхался ко всем ответвлениям и нашел указатель, нужный Линг, — простой запах, означающий ЖИЗНЬ. Он указал в этом направлении, и она кивнула.

— Как я и думала. Конструкция не очень отличается от грузового типового корабля семидесятой разновидности. Они держат это в центре.

— Что держат в центре? — спросил Ларк, но она

уже пошла вперед. У двух людей-беглецов было единственное оружие: у нее раненое красное кольцо треки, у него пурпурное.

Когда открылась следующая дверь, Линг на мгновение отступила от яркого света. Помещение было освещено гораздо ярче, чем полутемные коридоры. И воздух здесь гораздо лучше. Менее насыщенный, и с привкусом, который Ларк не смог определить. Первое впечатление — просторное помещение, полное разных цветов.

— Как я и надеялась, — кивнула Линг. — Стандартное расположение. У нас появляется шанс.

— Шанс на что?

Она всматривалась в помещение, и Ларк увидел лабиринт пересекающихся балок, покрытых самой разнообразной растительностью.

— Шанс выжить, — ответила Линг, взяла Ларка за руку и повела внутрь.

Их окружали джунгли, аккуратно организованные и размещенные. Вдаль уходили ряд за рядом полки и площадки, их обслуживали медленно передвигающиеся по рядам машины. Повсюду цветы, широкие листья, свисающие стебли. С некоторых зеленых тросов капала вода, и беглецы бросились к ближайшему и напились.

Теперь Ларк понял смысл запаха, который при-

вел их сюда.

В самом сердце ада они отыскали небольшой оазис. И в тот момент он показался им раем.

ЭМЕРСОН

Ему не хотелось идти к воде. В гавани слишком лихорадочная деятельность.

Встреча с Каа и другими друзьями не казалась радостной. Он узнал доброго старого Брукиду, и Туссито, и Ваттасети. Все они были рады встрече с ним, но слишком заняты, чтобы тратить время на разговоры.

Может, это даже к лучшему. Эмерсону было стыдно.

Стыдно, что он может приветствовать их только именами и еще изредка отрывком из песни.

Стыдно, что не может помочь в их усилиях: они выгружали из моря самый разнообразный хлам, давали указания помощникам Уриэль и отправляли материалы вверх к вершине горы Гуэнн.

Но больше всего ему было стыдно из-за того, что его самопожертвование в том огромном космическом городе, сделанном из снега, пушистом метрополисе размером с солнечную систему, который называется Фрактальной системой,

оказалось напрасным.

О, когда он вылетел на теннанинском разведчике, стреляя из всех орудий, чтобы отвлечь врага и дать возможность «Стремительному» ускользнуть, его поступок казался смелым и благородным. Перед тем как его окружили силовые поля, он бросил последний взгляд на любимый корпус в шрамах, который уходил в отверстие во льду, и молился, чтобы «Стремительный» смог уйти.

Джиллиан, подумал он. Может, она сейчас думает о нем. Вспоминает, как вспоминала Тома.

Потом его извлекли из маленького корабля Древние и по-своему с ним поработали. Исследовали и разглядывали. Искалечили его. Дали ему забвение.

И послали его сюда.

Очертания все еще скрыты дымкой, но теперь Эмерсон видит самую главную загадку.

«Стремительный» ускользнул и прилетел на эту заброшенную планету, только чтобы попасть в ловушку. Новое тяжелое испытание для экипажа, у которого не было ни одной передышки.

«Но зачем посылать сюда меня?»

Этот поступок Древних не имеет никакого смысла.

Всем было бы лучше, если бы он умер, как и планировал.

Вокруг толпилось все население хунского порта. Сара казалась занятой, постоянно о чем-то разговаривала с Уриэль или горячо спорила с седобородым человеком, ученым, имени которого Эмерсон не мог вспомнить.

Часто прибывали посыльные с полосками бумаги, на которые записывались сообщения семафора. Один раз галопом прискакал урский курьер, тяжело дыша, потрясенный доставленным известием. Вокруг Эмерсона слышались возгласы отчаяния, повторялось одно и то же слово — «Библос».

Все были расстроены и заняты, и поэтому никто не возразил, когда он выразил желание вернуться на поезде в кузницу Уриэль. Сара жестами дала ему понять, что он должен вернуться до заката, и он согласился. Очевидно, тогда что-то должно произойти. Сара отправила приглядывать за ним Прити.

Эмерсон не спорил. Он хорошо уживался с Прити. Они чем-то похожи. Грубоватые шутки маленькой самки шимпа, выраженные жестами, часто заставляли его смеяться.

«Эти рыбы наши родичи? — однажды жестами

выразила она, имея в виду занятых серьезных дельфинов. — Надеюсь, они вкусные».

Эмерсон рассмеялся. Две расы клиентов землян постоянно соперничали, и это соперничество казалось почти инстинктивным.

Во время подъема он разглядывал механизмы, которые по просьбе Уриэль предоставили Каа и остальные. Большинство похоже на хлам — галактические компьютеры низшего разряда, вырванные из консолей, которым могло быть сотни миллионов лет. Многие покрыты пятнами или слизью от долгого пребывания под водой. Мешанина приборов обладала одной общей чертой — они переоборудованы так, что их можно включить. Он видел это, потому что концы всех проводов обмотаны лентой, препятствующей включению. А в остальном похоже на груду мусора.

Ему хотелось сесть на пол и повозиться с этими приборами. Но Прити отрицательно покачала головой. Ей приказали не допускать этого. Поэтому Эмерсону пришлось смотреть в окно на далекие тучи, которые угрожающе наплывают с запада.

Он фантазировал, представляя себе побег, может быть, в Кси, тихое, пасторальное убежище, скрытое в обширной, полной цвета пустыне. Он

мог бы выращивать лошадей и играть, может быть, изготовлять простые инструменты, чтобы зарабатывать на жизнь. И как-нибудь обмануть себя, поверить, что жизнь еще имеет смысл.

Какое-то время он чувствовал себя полезным здесь, помогая Уриэль добиться результатов в Зале Вращающихся Дисков, но теперь в нем как будто больше никто не нуждается. И он чувствует себя обузой.

Будет гораздо хуже, если он вернется на «Стремительный». Вернется пустой оболочкой. Осколком. Его манила возможность излечиться. Но Эмерсон был достаточно умен, чтобы понять, что перспективы не обнадеживающие. У капитана Крайдайки была такая же рана, и корабельный врач не в силах был устранить непоправимый ущерб, причиненный мозгу.

Но может быть… дома, На Земле.

Он представил себе голубой шар, прекрасное видение, которое хранится в сердце.

В глубине души Эмерсон знал, что никогда больше не увидит Землю.

Поезд наконец прибыл. Настроение Эмерсона ненадолго улучшилось, пока он помогал работникам Уриэль разгружать вагоны. Вместе с Прити он вслед за урами и квуэнами пошел внутрь, по

длинным, извилистым коридорам, навстречу потокам теплого воздуха. Наконец они добрались до обширного подземного грота — пещеры с отверстием в противоположном конце, выходящем на север. Внутри виднелись разноцветные всплески, напомнившие Эмерсону Спектральный Поток.

Вокруг расхаживали рабочие. Эмерсон видел группы г'кеков, сшивавших большие полотнища прочной легкой ткани. Уры прилаживали клапаны, а квуэны мощными челюстями гнули трубы. В первую из изготовленных оболочек уже вливался нагретый вулканический воздух. Оболочка раздувалась, вскоре она превратится в шар.

Эмерсон смотрел на эту сцену, потом взглянул на груду хлама, присланного дельфинами.

И на его лице появилась медленная улыбка.

К его огромному удовлетворению, урские кузнецы обрадовались, когда он молча предложил помочь.

КАА

К наступлению ночи небо раскрылось, выпустив одновременно дождь и молнии.

Подводная лодка «Хикахи» задержалась перед входом в бухту Вуфона, дожидаясь, пока первые

капли дождя не начали пятнать хижины и верфи. Маскировочная ткань стала пестрой от капель, и подводная лодка направилась к берегу, к обусловленному месту встречи.

Каа плыл впереди, проводя лодку через узкий пролив между рваными рифами из полукораллов. Никто не смел отказать ему в этой чести. «Я по-прежнему главный пилот, — подумал он. — Со своим прозвищем или без него».

Тупоносый корабль повторил его поворот вокруг защитной полоски суши, а Каа продолжал плыть, мощными ударами хвоста посылая тело вперед. Это более древняя техника пилотирования, чем ныряние в специальных костюмах, не такая технологичная. Но предки Каа показывали морякам-людям путь к берегу таким способом, сколько помнит себя его раса.

Еще двести метров, «Хикахи», передал он с помощью сонара. Потом поворот направо на тридцать градусов. После этого еще триста пятьдесят метров до полной остановки.

Пришел холодный профессиональный ответ:

— Принято. Готовимся к причаливанию.

Когда корабль подошел к самому большому доку, команда Каа: Брукида и с полдюжины неодельфинов, которые прибыли с ним раньше

и помогали выгружать снаряжение для Уриэль, поймала брошенные с него тросы. На пирсе под мрачным небом ждала небольшая группа почетных граждан и чиновников. Зонтики защищали делегатов-уров, которые жались друг к другу и поводили длинными изгибающимися шеями. Люди и хуны обходились плащами и шляпами, а остальные просто не обращали на дождь внимание.

Какое-то время Каа был занят, давая указания рулевому, который корректировал положение корабля, потом выключил двигатели. В туче пены нос «Хикахи» встал вровень с пирсом. Двери лодки раскрылись, как улыбающиеся губы.

Ярко освещенный сзади, вперед вышел один человек. Высокая светловолосая женщина, гордая походка которой словно говорила, что ей мало что осталось терять. Жизнь ничего не может отнять у нее, кроме чести. Джиллиан Баскин долго смотрела на сушу Джиджо, впервые за долгие годы вдыхая свежий воздух.

Потом повернулась и поманила улыбкой и протянутой рукой.

Появились четыре силуэта: один приземистый, другой долговязый, третий на колесах и четвертый переступающий, словно нервный жеребец.

Каа знал высокого, хотя они никогда не встречались. Это Олвин, молодой писатель-«хьюмикер», подражатель людям, любитель Верна и Твена, чей дневник многое объяснил в странной смешанной культуре рас сунеров.

Ожидающие испустили радостный крик и бросились вперед.

Так — в объятиях родных, под непрерывным дождем — экипаж «Мечты Вуфона» вернулся домой..

* * *

Были и другие встречи — и расставания.

Каа отправился на корму, чтобы помочь Макани высаживать пассажиров. Каа помнил Макани моложе, теперь главный врач «Стремительного» как будто постарела и выглядела очень уставшей, когда присматривала за выросшей толпой неодельфинов, которые плескались и пищали за правым бортом корабля. Одни из них казались вялыми и апатичными, другие резвились с лихорадочной, взрывной энергией. Две сестры помогали Макани удерживать пациентов в южном углу гавани, изредка используя низковольтные разряды со своей упряжи, чтобы больные не разбегались. Регрессировавшие дельфины не

проявляли никаких признаков разумности.

Каа сосчитал их — сорок шесть — и почувствовал холодок тревоги. Такая большая часть экипажа «Стремительного»! Джиллиан должна быть в отчаянном положении, если собирается оставить их здесь. У многих, возможно, атавизм временный, и им на какое-то время нужны только мир и спокойствие.

«Ну, может, они их получат на Джиджо, — подумал он. — Если, конечно, планета будет к нам такой гостеприимной, какой выглядит. И если галакты оставят нас в покое».

Став самой последней нелегальной расой сунеров на Джиджо, дельфины имеют перед предшественниками определенное преимущество. Финам не нужны здания и не очень нужны инструменты. Только самые точные галактические приборы смогут уловить резонанс их ДНК на фоне органического варева жизни, да и то лишь на близком расстоянии.

«Да, преимущества есть, — признавал Каа. — Таким образом кое-кто из наших сможет выжить, даже если Земля и ее колонии не смогут. И если даже дельфинов здесь поймают, что с того? Как мы, земляне, можем попасть в большие неприятности, чем у нас есть сейчас?»

Каа читал о местной вере в Избавление. Виды, попавшие в трудное положение, могут получить второй шанс, вернувшись в предразумное состояние, чтобы новые патроны могли принять их и возвысить к лучшей участи. В качестве жизненной формы, использующей инструменты и орудия труда, Tursiops amicus насчитывают меньше трехсот лет. Глядя на толпу своих товарищей, бывших членов элитного экипажа звездного корабля, сейчас ведущих себя, как животные, Каа понимал, что дельфинам не понадобится много времени, чтобы достичь «избавления».

Он испытывал жгучий стыд.

Каа присоединился к Брукиде, который разгружал припасы Макани. Ему не хотелось встречаться с сестрами, которые могут пожалеть его из-за «утраты» Пипое. Теперь по крайней мере есть шанс отыскать ее. «Когда наша колония будет на месте, я смогу служить Макани разведчиком, патрулировать и исследовать и со временем найду Заки и Молола. Вот тогда мы и посчитаемся».

У кормового люка и после выхода последнего дельфина продолжалась разгрузка. Возбужденные крики заполнили гавань: это еще одна группа эмигрантов последовала за Макани к пункту сборки, на скалистом островке в центре

гавани. Проворные шестиногие амфибии с бахромой на жабрах. Переселенные с родного Китрупа, кикви, строго говоря, не являются сунерами. Это уже готовая предразумная форма — на самом деле истинное сокровище. Хорошо было бы с торжеством привезти их домой, на Землю, и обратиться в Галактический Институт Миграции с заявлением о принятии. Но теперь Джиллиан явно предпочитает оставить их здесь, где у них есть еще шанс.

Согласно плану, колония дельфинов и кикви несколько дней проведет в порту Вуфон, пока аптекари треки анализируют диетарные потребности новичков. Если необходимо, будут созданы новые груды треки, чтобы синтезировать нужные пищевые добавки. Затем обе группы направятся в поисках постоянного дома на каком-нибудь из островов в океане.

«Я иду, Пипое, — думал Каа. — Как только все будет организовано, ничто на Джиджо и в Пяти Галактиках не удержит меня».

Приятная мысль. Однако его тревожили другие мысли.

Джиллиан не просто освобождает корабль от не обладающих разумом пассажиров. Она оставляет на берегу всех, без кого может обойтись, ради их

безопасности.

Иными словами, женщина агент Террагентского Совета задумала что-то отчаянное и, вполне вероятно, смертельное.

У Каа было тревожное ощущение, что он знает, что именно задумала Джиллиан.

ОЛВИН

Думаю, воссоединение может быть неловким, даже если оно счастливое.

Не поймите меня неверно! Не могу представить себе более счастливого момента, чем когда мы вчетвером: Гек, Ур-ронн, Клешня и я — вышли из зияющей пасти кита-лодки и увидели затененные фонари нашего родного города. Мои чувства пронизало ощущение знакомого. Я слышал, как поскрипывают мусорные корабли у причалов на волнах прилива. Ощущал запахи дынных маскировочных зарослей и дым от соседней кухни — кто-то готовит похлебку чабваш. Мои магнитные мембраны щекотало знакомое присутствие горы Гуэнн, невидимой в темноте, но мощного источника воздействия на хунское ощущение формы и местности.

Но тут послышался крик-ворчание моего отца,

гулко доносящийся из тени, и ко мне устремились мать и сестры.

Признаюсь, первые мои реакции были не очень уверенными. Я был рад вернуться домой, увидеть и обнять их всех, но меня смущало внимание. К тому же было немного неловко впервые за несколько месяцев передвигаться без костыля. Когда наступил свободный момент, я поклонился родителям и протянул им пакет, завернутый в лучшую бумагу, какую я только смог найти на «Стремительном». В пакете мой детский позвоночник. Это очень важный момент. Ушел я непослушным ребенком. Вернулся взрослым, и мне предстояла важная работа.

Возвращение домой друзей было менее эмоциональным. Конечно, приемные родители Гек были рады ее возвращению из мертвых, но никто не ожидал от них, что они будут чувствовать то же, что мои родители, которые несколько месяцев назад потеряли единственного сына.

Клешня на мгновение скрестил когти с матроной из квуэнского улья, и на этом все кончилось.

А что касается Ур-ронн, то они с Уриэль едва обменялись приветствием. Тетке и племяннице было гораздо важнее побыстрее уйти из-под дождя. Они убежали в ближайший склад и сразу

занялись обсуждением какого-то проекта. Уры не любят тратить время зря.

Будет ли бессердечным, если я скажу, что не мог все внимание уделять своей семье? Даже когда родные счастливо обнимали меня, я продолжал смотреть по сторонам. Мне хотелось увидеть, что еще происходит. Ведь мне — и, возможно, Гек — предстоит рассказать будущим поколениям об этих событиях. Об этой судьбоносной встрече в доках.

Были и другие встречи.

Мой новый друг человек Двер Кулхан вышел из трюма «Хикахи» — высокий, такой же крепкий, как подросток хун. В толпе зрителей послышался крик, и к нему с широко раскрытыми объятиями бросилась молодая женщина. Увидев ее, Двер был ошеломлен, потом тоже ужасно обрадовался и обнял ее. Вначале я решил, что это возлюбленная, с которой он был долго разлучен, но теперь знаю, что это его сестра, у которой тоже нашлось что рассказать о собственных приключениях.

Дождь стал слабее. Вернулась Уриэль — в сапогах и черном плаще, который закрывал ее всю, кроме кончика морды. За ней несколько хунов подгоняли стадо четвероногих животных. Глейверы. Не меньше двух десятков тварей с

выпуклыми глазами толпились на пирсе, их опаловая шкура блестела. Несколько из них тащили в своих хватательных хвостах какие-то свертки, завернутые в ткань. Они не протестовали и без задержек направились к открытому люку подводной лодки.

Эту часть плана — обмен — я не понимал и до сих пор не понимаю. Мне совершенно непонятно, зачем беглецам землянам понадобились на борту глейверы.

Взамен Джиллиан Баскин попросила хунов вынести несколько больших ящиков. Я знал их содержание и почувствовал, как во мне возникает знакомое желание.

Книги. Сотни бумажных книг, только что напечатанных на борту «Стремительного». Не очень много по сравнению с ячейкой Галактической Библиотеки или даже с Великой Печатью, но ведь это новые книги — о современном положении в Пяти Галактиках и по другим проблемам по выбору Уриэль. Более чем достойная цена за стадо пожирающих насекомых глейверов!

Позже я связал этот обмен с оставленными в гавани Вуфона дельфинами и кикви и подумал: «В этой сделке гораздо больше, чем кажется сначала».

Я упоминал о рослом пленнике? Когда все направились на пир в большой зал, я оглянулся и увидел высокую фигуру, которую вели по пирсу к подводной лодке два настороженных ура. Фигура двуногая, но движется не как человек или хун, и я заметил, что руки у нее связаны. Кем бы ни был этот пленник, его поспешно ввели в «Хикахи», и больше я о нем не слышал.

Последняя встреча произошла полмидура спустя, когда мы все собрались в городском зале.

Согласно сложному плану, разработанному машиной Нисс, подводная лодка не должна была уходить немедленно, поэтому мы устроили банкет по обычаям джиджоанской Общины. Каждая раса сидела в углу шестиугольного помещения, приспособленного для ее надобностей, а отдельные индивиды могли направиться в центр зала, чтобы возобновить знакомства или обсудить природу вселенной. Пока Джиллиан Баскин беседовала с моими родителями и Уриэль, сестра рассказала, что происходило в порту Вуфон после нашего отплытия. Так я узнал, что наши школьные приятели отправились на север и вступили в отряды милиции, пока мы, четверо любителей приключений, занимались детскими исследованиями загадочных глубин. Некоторые наши

друзья погибли или потерялись в дымящихся развалинах города Овун. Другие, в основном квуэны, умерли во время эпидемии.

Болезнь хунов здесь, на юге, не смогла распространиться. Но перед поступлением вакцины один корабль поставили на якорь — в карантин, потому что у одного матроса были симптомы болезни.

И через неделю умерла половина экипажа.

Несмотря на серьезность рассказа сестры, мне трудно было уделять ему все внимание. Понимаете, я собирался с мужеством. Каким-то образом нужно сообщить семье новость, которая ей не понравится.

Я заметил в толпе Двера и его сестру, они сидели у огня и удивляли друг друга рассказами о своих приключениях. Радость встречи явно отравляла тревога, знакомая нам всем, — беспокойство о далеких любимых, судьба которых неизвестна. У меня было ощущение, что эти двое, как и я, знают, что времени осталось совсем мало.

Поблизости я увидел и нура, спутника Двера, Грязнолапого, того самого, которого Джиллиан называла титлалом. Он сидел на потолочной балке и разговаривал с другими нурами. И выражение у него было не нормальное беззаботное, а

тревожное. Теперь мы, Шесть Рас, знаем его тайну: титлалы — это раса, спрятанная внутри расы, еще одно племя сунеров, обладающих полным разумом и отдающих себе отчет в своих действиях. Может быть, некоторые жертвы прошлых проделок захотят отомстить этим маленьким бесенятам? Казалось, это самая меньшая из их тревог. Впрочем, я им не сочувствовал.

Добро пожаловать в реальный мир, подумал я.

В углу зала сидел Тиуг и выпускал облака испарений. Через каждые несколько Дуров синтезирующее кольцо треки выдавало еще один блестящий комок вещества, ценность которого Шесть Рас познали на собственном опыте. Например, прибавки, поддерживающие здоровье глейверов, и другие химические чудеса, которые пригодятся экипажу «Стремительного», если чудо позволит кораблю уйти. Если бы Тиуг закончил быстро, Уриэль могла надеяться сохранить своего алхимика. Но я готов был биться об заклад, что треки хочет улететь вместе с землянами.

Пир прервался, когда через кожаные ремешки дверной занавеси вошли два больших хуна со значками прокторов и ввели, крепко держа за руки, человека — мужчину, которого я раньше никогда не видел. Для своего вида он среднего

роста, со смуглой кожей и несчастным выражением лица. На лбу у него был реук, а волосы зачесаны так, чтобы прикрыть страшный шрам на виске. Сразу за ним с печальным выражением шел маленький шимпанзе.

Я был недостаточно близко, чтобы расслышать подробности, но позже узнал, что это давно потерянный член экипажа «Стремительного», чье появление на Джиджо оставалось загадкой. Он был на горе Гуэнн, помогал кузнецам Уриэль в работе над каким-то секретным проектом, когда неожиданно попытался бежать, украв летающую машину.

Когда стражники подвели его, лицо Джиллиан вспыхнуло радостным узнаванием. Она улыбнулась, хотя он морщился, словно боялся встречи. Смуглый человек повернулся, чтобы скрыть свою рану, но Джиллиан настойчиво взяла его за руки. И выразила радость от встречи с ним, поцеловав его в щеку.

Может быть, позже я узнаю больше о его роли во всем случившемся. Но сейчас времени нет, и я должен закончить рассказ до того, как «Хикахи» направится назад, к кораблю с экипажем из дельфинов. Поэтому хочу закончить кульминацией этого полного событий вечера.

Вбежал вестник. Его горловой мешок гулко и тревожно ворчал.

— Идемте! Идемте, чтобы увидеть необычное!

Все заторопились наружу и увидели, что дождь временно прекратился. В облаках образовался просвет, достаточно широкий, чтобы бледное жидкое сияние Лусена осветило склон горы Гуэнн. Показались острые огоньки звезд, и среди них один красный циклопический глаз.

Несмотря на передышку, буря совсем не закончилась. Тучи сгущались, сверкали молнии. На западе небо покрылось сплошной чернотой, оттуда постоянно доносились раскаты грома. Через мидур буря по-настоящему обрушится на берег.

Все начали показывать. Гек подкатилась к моей правой ноге и жестикулировала всеми четырьмя глазными стебельками, направляя мой взгляд к вулкану.

Вначале я не мог понять, что вижу. Смутные призрачные фигуры подпрыгивали и приплясывали вверху. Они становились преимущественно видны, когда изогнутые силуэты закрывали звезды. Иногда их освещали молнии, и тогда становились видны шарообразные очертания, заостренные книзу. Они казались большими и очень далекими.

Я подумал, не звездные ли это корабли.

— Воздушные шары, — сказала наконец Гек. В голосе ее звучало благоговение. — Точно как в «Вокруг света за восемьдесят дней».

Забавно. Гек в этот момент казалась более взволнованной, чем когда была на борту «Стремительного», среди всех этих сверкающих консолей и гудящих механизмов, Я смотрел на флотилию хрупких воздушных шаров и гадал, что за добровольцы настолько смелы, чтобы пилотировать их в такую ночь, окруженные мощными электрическими разрядами, причем выше рыщет безжалостный враг. Мы смотрели, как десятки шаров вылетают из тайных пещер горы Гуэнн. Один за другим они ловили свежий западный ветер и плыли мимо горы, исчезая из виду.

Я был недалеко от Джиллиан Баскин и потому услышал, что она сказала кузнецу Уриэль:

— Хорошо. Вы выполнили свою часть договора. Теперь пора выполнить нашу.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
ВУББЕН

Раздавлен. Колеса оторваны или повреждены. Из корпуса, в который заключен мозг, вытекает смазка. Движущие шпульки разбиты и лежат на земле.

Вуббен лежит рядом со своим божеством, чувствуя, как уходит жизнь.

Кажется невероятным, что он все еще жив. Когда джофурский корвет жестоко ударил Святое Яйцо, Вуббен частично уже обошел его и находился за изогнутым боком, почти по другую сторону. Но узкий проход в Гнезде создавал сильную тягу, как в дымоходе, передавал жар и делал тщетными попытки убежать.

И теперь Вуббен лежит беспомощной грудой, сознавая два обстоятельства.

Выжившим г'кекам понадобится новый высокий мудрец.

И кое-что еще.

Яйцо еще живо.

Это его удивляет. Почему джофур не прикончил его? У него для этого хватило бы сил.

Может, джофуров что-то отвлекло.

Может, они еще вернутся.

Или их убедили уйти?

Ритм излучений Яйца казался приглушенным, но более четким и ясным, чем когда-либо. Вуббен подумал, не кажется ли это ему из-за приближения смерти. Или его разбитые шпульки, упавшие на камень, улавливают вибрации, которые неощутимы для нормальных чувств.

Хрустальная ясность призывает его, но Вуббена еще что-то непрочное привязывает к жизни. Теперь он понимает, что именно это всегда мешало мудрецам и мистикам полностью понимать священный овоид. Смертные, даже треки, вынуждены думать о продолжении, иначе нельзя правильно играть в игру существования. Но забота — это одновременно препятствие. Она влияет на чувства. Делает вас восприимчивым к шуму.

Он с радостью отказывается от этого препятствия. Сдача расчищает путь, открывает тропу, по которой он устремляется с радостью, как юноша, только что закончивший курс владения колесами и с энтузиазмом движущийся по рампе, на которой никогда не был. И ее повороты сменяются с зловещим великолепием.

Вуббен чувствует, как мир вокруг него стано-

вится прозрачным. И с абсолютной ясностью начинает постигать связи.

В легендах, в человеческих преданиях боги разговаривают с пророками, и то только на пороге смерти. Но великий камень ничего не говорит. Вуббен не слышит ни одного слова, не видит никаких образов. Однако он в состоянии проследить формы Яйца, его дрожащее единство. Как труба, Яйцо втягивает его, увлекает в недра Джиджо.

Это первый сюрприз. Исходя только из его формы, Шесть Рас считали Яйцо изолированным, что это овальный камень, вышедший из внутреннего жара Джиджо и ставший целиком частью верхнего мира.

Но это не так. Очевидно, оно все еще поддерживает связи с миром внизу.

Ошеломленное сознание Вуббена постигает царство под Склоном не как картину, но в его сущности, как огромное владение, пронизанное жаркими нитями лавы, подобными ветвям гигантского магмового леса. Эти ветви тянутся к растущим горным хребтам. А корни леса погружены в жидкие бассейны, невообразимо глубокие и широкие, безмерные пространства, где расплавленные скалы постоянно перемалываются активной планетой.

Но даже здесь сохраняется ритм. И Вуббен поражение узнает, каков источник этого ритма.

Мусор!

Глубоко под Склоном находится обширная плита из твердого камня, океанская платформа, ударяющаяся о континент и уходящая под него еще глубже, таща за собой вековые слои базальта в процессе медленной конвекции со слоями мантии. Для Вуббена этот процесс не является совершенно загадочным. Он видел иллюстрации в текстах из Библоса. Заползая, океанская плита оставляет за собой отбросы, пенную смесь воды и элементов жизни.

…и этот ритм.

Ритм мусора! Ритм древних зданий, сооружений, машин, всего того, что выброшено давным-давно, задолго до того, как буйуры получили лицензию на эту планету. Задолго даже до их предшественников.

Сами вещи давно исчезли, расплавились, стерлись, их атомы рассеяны давлением и жарой. Но каким-то образом что-то остается. Магма ничего не забывает.

Вуббен, потрясенный следствиями своего открытия, думает: мусор предположительно очищается. Когда мы бросаем свои кости и ин-

струменты в Помойку, все это должно быть очищено огнем Джиджо. И ничего не должно оставаться!

И однако кто он такой, чтобы сомневаться, если Джиджо решает запомнить каждую населявшую ее расу, которая пользуется ресурсами планеты, ее разнообразными формами жизни, а потом улетает согласно галактическому закону?

Так вот что ты такое? — спрашивает он у Святого Яйца. Концентрат памяти? Кристаллизованная сущность видов, которые были до нас и больше не существуют?

Трансцендентная мысль, однако она приносит Вуббену печаль. Его собственная раса на краю исчезновения. Ему хочется какого-то сохранения, какого-то убежища от забвения. Но для того чтобы достичь этого, нужно долго жить на тектонической планете.

А его вид большую часть своей разумной жизни провел в космосе.

Значит, ты совсем не заботишься о нас, живых существах, обвиняет он Яйцо. Ты подобно тому сумасшедшему мульк-пауку в горах, твое лицо обращено к прошлому.

И снова ни слова в ответ, ни образа. Напротив, Вуббен ощущает усиление связанности, которая

устремляется вверх, через каналы, разогретые трением, взбирается по влажным, перегретым скалам, и тут его сознание погружается в холодное темное царство — в морские глубины, самое закрытое место.

Помойка. Вуббен ощущает вокруг себя гигантские груды мусора, оставленные недавними волнами жизни. И даже с этими реликтами буйуров Яйцо тоже связано. Вуббен чувствует, что кладбище древних машин потревожено. Груды старинных отбросов все еще дрожат от недавнего вмешательства.

Нет никакого гнева. Нет даже намека на интерес. Но Вуббен ощущает реакцию, подобную какому-то удивительному рефлексу.

Море реагирует. Потревоженные груды мусора вызвали перемены в образовании волн и приливов, в испарениях и температуре. Словно спящий гигант, тяжело реагирующий на слабый зуд, зарождается сильная буря и устремляется одновременно к поверхности и ко дну океана, унося предметы туда, где им место.

Вуббен понятия не имеет, что так раздражает Помойку. Возможно, джофуры. Или то, что Шесть Рас перестали сбрасывать мусор? Но мыслит он все медленней по мере погружения вглубь. С

каждым проходящим дуром мирские тревоги все меньше заботят его.

Тем не менее кое-что еще остается. «И это все, что мы для тебя? — спрашивает он у планеты. — Зуд?»

Теперь Вуббен понимает, что Дрейк и Ур-Чоун ловко провели всех, когда сто лет назад объявили о своем «откровении». Яйцо не бог, не сознательное существо. Ро-кенн был прав, называя его частицей пси-активного камня, более сложной и упорядоченной, чем Спектральный Поток. Это концентрат, который оказался полезен для объединения Шести Рас.

Полезен во многих отношениях, но не достоин молитвы.

Мы ощущали то, что отчаянно хотели ощутить, потому что альтернатива была для нас неприемлема — признание того, что мы, сунеры, одиноки. И всегда были одни.

Это могло бы стать последней мыслью Вуббена. Но в самый последний момент пришло еще что-то. Проблеск значения, смешивающегося с затухающими вспышками нервной системы. В это последнее мгновение Вуббен почувствовал прилив непоколебимой уверенности.

Под спящими слоями лежат еще многие другие.

Слои, которые сознают.

Слои, которые знают.

Отчаяние не последний его спутник. Его в быстрой последовательности сменяют — ожидание, удовлетворение, осознание древнего плана, терпеливо разворачивающегося.

КАА

— А нельзя использовать кого-нибудь другого?

— Кого? Никого нет.

— Например, Каркаеттта.

— Он нужен Суэсси для работы с двигателями. Наша попытка бессмысленна, если двигатели будут работать ниже своих возможностей.

Безнадежно. Каа всегда считал, что это очень простое слово. Но, подобно концепции бесконечности, оно окружено широким рангом оттенков значения. Он раздраженно ударил по воде. «Ифни, неужели ты действительно захватишь меня в такую ловушку? И снова потащишь через всю вселенную, когда я так хочу остаться?»

Джиллиан Баскин сидела поблизости на причале. Вспышки далеких молний периодически освещали залив, показывая, что «Хикахи» уже закрыла грузовой люк, готовясь к отплытию.

— К тому же, — добавила Джиллиан, — ты наш главный пилот. Никто лучше тебя не подготовлен.

Приятные слова, но на самом деле у «Стремительного» были пилоты и получше.

— На Китрупе Кипиру должен был остаться с экипажем. Мне следовало увести скиф с Крайдайки.

Женщина пожала плечами.

— Что было, то было, Каа. Я верю, что ты способен вывести нас с этой планеты целыми и невредимыми.

А что потом? Каа испустил полный сомнений писк. Все понимают, что попытка почти самоубийственная. И на Китрупе шансы были против, но там по крайней мере боевые флоты ити, преследующие «Стремительный», отвлекались на схватки друг с другом. И в этом водовороте боев и смятения оказалось возможным обмануть преследователей, замаскировавшись, используя пустой корпус теннанинского дредноута. Тогда замысел потребовал большого мастерства и удачи.

Здесь, на Джиджо, в космосе нет осложняющего соперничества. Нет схваток, в сумятице которых можно было бы ускользнуть. Только один пре-

следователь, огромный и смертоносный, ищет измученную добычу.

Пока «Стремительный» в безопасности на дне океана, но какие у него шансы, когда он выйдет на поверхность?

— Не беспокойся о Пипое, — сказала Джиллиан, понимая истинную причину его нежелания. — С Макани остается несколько сильных финов. Многие из них друзья Пипое. Они не успокоятся, пока не найдут Заки и Молола и не заставят их отпустить ее.

К тому же, — продолжала светловолосая женщина, — разве Пипое здесь не лучше? Разве ты не хочешь использовать свое мастерство, чтобы обеспечить ее безопасность?

Каа смотрел на силуэт Джиллиан, понимая, что агент Террагентского Совета использует любые средства, чтобы заставить его согласиться. Если понадобится обратиться к чести Каа или даже к его рыцарским чувствам, Джиллиан Баскин не станет колебаться.

— Значит, вы это признаете?

— Что признаю?

— Что мы приманка, ничего больше. Наша цель — принести себя в жертву.

Женщина на причале молчала несколько се-

кунд, потом пожала плечами, высоко подняв их.

— Стоит попробовать, верно?

Каа задумался. По крайней мере она честна и откровенна — именно так подобает капитану обращаться со своим пилотом.

Целый мир, семь или восемь разумных рас, некоторые из них близки к исчезновению, и уникальная культура. Разве не стоит отдать жизнь за это?

— Наверно, стоит, — ответил он после паузы.

Джиллиан победила. Каа оставит сердце на Джиджо и с открытыми глазами полетит навстречу смерти.

И тут он вспомнил. Давным-давно она сделала точно такой же выбор. Приняла решение, которое все еще преследует ее во снах, хотя тогда тоже другого выхода не было.

Но Каа очень удивился, когда Джиллиан соскользнула с причала в воду, подплыла к нему и обняла руками за голову. Она благодарно гладила его, и кожа дельфина под ее руками вздрагивала.

— Я горжусь тобой, — сказала она. — Экипаж будет рад, и не только потому, что у нас лучший пилот в целой галактике.

Смущение польщенного Каа выразилось в сонарных вопросах, отразившихся от ближайшего

пирса. Джиллиан ответила на тринари, рассеивая его растерянность, создавая почти музыкальную мелодию:

На звездных линиях

Иногда рядом с пламенем цветут снежинки.

Разве ты не чувствуешь себя Счастливчиком?

РЕТИ

Инженер-дельфин кричал из люка корабля, извлеченного из груды мусора:

— Пошли, Рети! Нужно уходить немедленно, чтобы успеть на встречу!

У Чучки были причины для возбуждения. Его установка для ходьбы дергалась и дрожала в ответ на нервные импульсы, посланные через невральный клапан. В люке было очень тесно. Здесь находились также сани, которые должны перенести их от корабля-призрака назад к «Стремительному». Конечно, если все пойдет по плану.

«Только я больше не часть этого плана», — подумала Рети.

Стоя перед Чучки, за разделяющим их порогом люка, она сняла форменную рубашку, которую дали ей как почетному члену экипажа. Вначале этот дар радовал Рети — но только до тех пор, пока она не поняла, что земляне — всего лишь еще одна партия неудачников.

Рети бросила одежду в люк.

— Скажи доктору Баскин и остальным, что я им благодарна, но отныне пойду своим путем. Удачи. А теперь убирайся.

Чучки какое-то время смотрел на нее, не в силах двигаться или говорить. Но вот зажужжали сервомоторы. Установка для ходьбы двинулась.

— Нажимай на кнопку, йии! — закричала Рети через левое плечо.

В контрольной рубке ее «муж» нажал на кнопку аварийного закрывания люка. Внутренний люк закрылся, отрезав протестующий вопль Чучки. Вскоре цепочка пурпурных огоньков показала, что помещение заполняется водой. Открылся наружный люк.

Несколько дуров спустя она услышала шум двигателя, знакомый гул мотора саней, которые принесли их сюда. Гул стихал — машина удалялась. Рети закрыла наружный люк, чтобы помешать Чучки предпринять что-нибудь

«героическое». Некоторые все еще считают ее ребенком, а многие дельфины к тому же мистически привязаны к своим патронам людям.

«Но у меня все будет хорошо. Гораздо лучше, чем с этими придурками».

От люка вели несколько низких тесных коридоров, но лишь один был освещен цепочкой ламп. По этому коридору Рети вернулась в контрольную рубку, иногда останавливаясь, чтобы погладить панель или заглянуть в помещение, заполненное загадочными механизмами. Последние несколько дней она изучала этот корабль — некогда, по словам Чучки, грузовое судно буйуров. Несмотря на беспорядок, это был один из «лучших» восстановленных кораблей, способный не только поддерживать жизнь, но и маневрировать. Все это благодаря холодным стерильным водам Помойки, способствовавшим сохранности. Прочные галактические машины могут пролежать здесь без изменений целую вечность или пока Джиджо не затянет их внутрь, под поверхность.

«Теперь он мой, — думала Рети, разглядывая свою добычу. — У меня есть собственный звездный корабль».

Конечно, это всего лишь мусор. И вероятность того, что ей удастся на нем улететь, очень мала.

Но вероятность всегда была против нее с самого рождения в грязном племени дикарей, гордившихся своим отвратительным невежеством. И особенно с того времени, как она поняла, что предпочитает быть избитой, но не станет рабой какого-нибудь грубияна с гнилыми зубами и умом животного.

Потом Рети неоднократно испытывала разочарования. Но теперь она видела, что общего было во всех ее неудачах. У нее ничего не получалось потому, что она верила кому-нибудь — вначале мудрецам Общины, потом ротенам и, наконец, этому сброду — беспомощным землянам.

Но теперь все это в прошлом. Теперь она поступает так, как поступала всегда, — рассчитывает только на себя.

Контрольная рубка примерно тридцать шагов в ширину, в ней дюжина широких инструментальных консолей. Все темные, за исключением одной, ярко освещенной. К этой консоли подведены провода и импровизированные соединения. Поблизости на полу портативная установка создает голограмму — карту ближайшего окружения древнего корабля. На карте множество огоньков движется над хребтами и впадинами океанского дна.

Большинство кораблей-приманок идет на автопилоте, но некоторые обладают большей подвижностью, на них команды добровольцев, которые ведут корабли согласно плану, разработанному машиной Нисс. Ум Рети и ее проворные руки были полезны Чучки, они возмещали ей недостаток образования. И теперь она чувствовала, что имеет право на этот корабль.

…привет, капитан!

Ее единственный спутник приплясывал на инструментальной консоли, едва не наступая на клавиши и переключатели. Маленький самец ур приветствовал ее с искренней радостью.

…мы это сделали! Как пираты равнин! Как в легендах о воинах-тетках! Теперь мы свободны. Больше никаких нуров. Никаких кораблей с любящими воду рыбами!

Рети рассмеялась. Когда ей становится одиноко, рядом всегда оказывается йии. Он может ее подбодрить.

…куда теперь, капитан? — спросило миниатюрное создание. — Улетим с Джиджо? Направимся в какое-нибудь хорошее солнечное место — для перемены?

Она кивнула.

— Таков замысел. Только нужно еще немного

потерпеть.

Вначале «Стремительный» должен подобрать Чучки и остальных разбросанных работников. У Рети было впечатление, что земляне ждут каких-то событий на берегу. Но услышав ультиматум джофуров, она поняла: Джиллиан Баскин вскоре вынуждена будет действовать.

«Я им помогла, — размышляла она. — И не стану мешать их планам, ну, не очень помешаю.

Но в конечном счете все это не имеет значения. Все знают, что их поджарят, когда они попытаются улететь. Или их поймают джофуры, как лиггер хватает детеныша галлейтера.

Никто не может винить меня в том, что я пытаюсь отыскать свой выход из западни.

А если кто-нибудь винит?»

Рети рассмеялась при этой мысли.

«В таком случае пусть попробуют перепукать треки, а мне все равно. Этот корабль мой, и с этим никто ничего сделать не сможет!»

Она улетит с Джиджо — так или иначе, но улетит!

ДВЕР

Ночью небо трещало.

Через неравные промежутки волосы его внезапно вставали дыбом. Статические разряды гулко ударяли по оболочке шара, светло-синие огоньки бегали вверх и вниз по тросам, танцуя, как возбужденные чертенята. Однажды мерцающий зеленовато-белый шар больше мидура летел за ним по небу, повторяя каждый подъем, каждое падение и поворот по ветру. Двер не мог сказать, находится ли он в полете стрелы от него или в нескольких лигах. Призрак исчез, когда между ними прошел дождевой шквал, но Двер продолжал нервно поглядывать, ожидая его возвращения.

Грандиозные версии той же могучей силы вспыхивали во всех направлениях — но до сих пор с безопасного расстояния. Двер начал подсчитывать мидуры между каждой яркой вспышкой и последующим грохотом. Когда интервал становился меньше, гром сотрясал шар, как ребенок тряпичную куклу.

Уриэль установила приборы таким образом, чтобы шар летел над бурей, во всяком случае,

по приблизительным расчетам ее компьютера из вращающихся дисков. Буря разряжала свою ярость ниже, в плотных тучах, протянувшихся от горизонта до горизонта.

Тем не менее это означало, что приходится проходить и через освещенные луной разрывы в тучах. Вокруг возвышались могучие тепловые механизмы бури — кипящие тучи, чьи вершины касались границ пространства.

Безумно опасное, это зрелище было самым возбуждающим в жизненном опыте Двера — а может, и в опыте звездных богов Пяти Галактик. Дверу хотелось вскарабкаться по обшивке, чтобы лучше видеть величие природы. Чтобы ураган развевал его волосы. Чтобы кричать в ответ, когда кричит буря.

Но он не свободен. У него есть долг.

И поэтому Двер поступал, как ему велели, теснился в проволочной клетке, изготовленной кузнецами и привязанной к плетеной корзине, которая висит под огромным воздушным шаром. Металлическая оболочка предположительно должна защитить его от не слишком сильных ударов молнии.

А что, если молния разорвет сам шар? Или зажжет топливный цилиндр? Или…

Негромкое щелканье предупредило Двера, что нужно закрыть лицо: полдура спустя сработал датчик, прикрепленный к альтиметру. Столб пламени взвился вверх, пополняя шар горячим воздухом и удерживая его на безопасной высоте.

Конечно, эта «безопасность» лишь сравнительная.

— Теоретически этот экипаж может перенести тевя через Риммер и дальше, за Спектральный Поток, — объясняла ему кузнец. — После этого молнии уже не будут представлять опасность. Тогда ты сможешь покинуть клетку Фарадея и вести шар, как мы тевя научили.

«Как они меня научили за каких-то торопливых полмидура», — подумал Двер, одновременно поспешно готовя к старту последний шар.

Остальные шары намного опередили его — флотилия легких кораблей быстро разлеталась, подхваченная различными потоками воздуха, но все двигались в одном общем направлении. На восток — под действием почти ураганных ветров. Дважды он видел вспышки в том направлении. Такое пламя нельзя объяснить только молнией. Неожиданные всплески огня цвета охры свидетельствовали, что там далеко взорвался воздушный шар.

К счастью, на всех этих шарах нет экипажей, только инструменты, снятые с брошенных кораблей. Двер оказался единственным на Джиджо безумцем, согласившимся лететь в такую ночь.

Им нужен был доброволец, которого можно потерять. Кто-то должен наблюдать и доложить, удалась ли хитрость.

Он не сердился на Уриэль и Джиллиан. Вовсе нет. Двер создан для такой работы. Она необходима. И полет перенесет его примерно в нужный район.

«Туда, где во мне нуждаются.

В Серые Холмы».

Что могло произойти с Леной и Дженин за то время, что он провел в плену у безумного робота, сражался в болоте с джофурами, а потом оказался на борту земного корабля на дне океана? Сейчас женщины должны уже объединить племена сунеров людей и уров. И возможно, далеко увести их от бассейнов гейзеров, где встретил свою смерть Дэйнел Озава. Могут потребоваться месяцы, чтобы выследить их и найти, но это не имеет значения. У Двера есть лук и припасы. Его опыт позволит справиться с этой задачей.

«Мне нужно только оказаться приблизительно в том районе, допустим, в радиусе ста лиг и, доби-

раясь туда, не сломать шею. Я смогу охотиться и собирать пищу. Сберегу пасту треки на будущее, на случай если поиски затянутся до зимы».

Двер пытался обдумывать планы, решать проблемы, которые может предвидеть, сложности исследования и выживания в дикой местности. Но мысли его все время возвращались к безумному полету в ночном небе или к печальному расставанию, предшествовавшему этому полету.

Какое-то время они с Сарой пытались подобрать слова, рассказывали о своих приключениях, делились новостями о друзьях, живых и умерших. Она рассказала то немногое, что знала о Нело и их разрушенном родном поселке. Он описывал, как Ларк спас его во время снежной бури — так давно, что это казалось другим веком.

Но над их встречей все время нависало сознание, что она кратковременная. Каждому из них нужно будет уходить. У каждого дело с ничтожной надеждой на успех, но их призывает долг и любопытство. Двер всю свою взрослую жизнь прожил таким образом, но ему потребовались большие усилия, чтобы понять: сестра пошла по той же дороге, только в гораздо больших масштабах.

Он все еще может попытаться отговорить Сару

от ее намерения — возможно, самоубийственного — присоединиться к землянам в их отчаянной попытке прорваться. Но в том, как она держалась, было что-то новое — спокойная готовность, которая возвращала Двера в детство. Тогда они сопровождали Ларка в охоте за ископаемыми, и Сара была самой выносливой и неукротимой. Ее мысли всегда уходили за пределы его понимания. Быть может, наступило время ей шагнуть в те галактики, которые заполняют ее мысли.

— Не забывай о нас, когда станешь звездным богом, — сказал он ей перед последним объятием.

Она ответила хриплым шепотом:

— Передай мою любовь Ларку и… — Сара закрыла глаза и обняла его.-…и Джиджо.

Они цеплялись друг за друга, пока урский кузнец не сказала, что это последняя возможность улететь.

И когда шар взлетел, Двер увидел гору Гуэнн такой, какой никогда не видел. Молнии сверкали над Спектральным Потоком, вызывая иллюзорные картины, которые запечатлевались на сетчатке глаз.

Двер видел сестру — маленькую освещенную сзади фигуру у входа в пещеру. Она слишком горда, чтобы плакать. И слишком сильна, чтобы

притворяться. Каждый знал, что другого, вероятно, ждет забвение. Каждый сознавал, что это их последняя встреча.

«Я никогда не узнаю, жива ли она», — подумал Двер, когда тучи закрыли огромный вулкан, заполняя ночь сверкающими арками. Посмотрев вверх, в разрыв между тучами, он увидел часть созвездия Орла.

И вопреки боли разлуки Двер улыбнулся.

«Так лучше.

Отныне и до дня своей смерти я буду представлять ее себе там. Живущей в небе».

ОЛВИН

Как оказалось, мне ничего не пришлось объяснять родителям. Джиллиан и Уриэль уже поговорили с ними — до того, как настало время расставаться.

Они объяснили, что должны быть представлены все Шесть Рас. И пусть будет, что будет.

А я заслужил право представлять Джиджо. И мои друзья тоже.

Да и кто лучше подготовлен для рассказа о Джиджо?

Му-фауфк и Йоуг-уэйуо пришлось согласиться

с моим выбором. А разве Джиджо безопасней схватки с джофурами в космосе? К тому же у меня взрослый позвоночник. Теперь я могу принимать собственные решения.

Мама повернулась ко мне спиной. Я погладил ее острия, но она заговорила, не поворачиваясь ко мне:

— Спасибо, что вернулся из мертвых. Окажи нам честь своими детьми. Назови своего первенца в честь твоего двоюродного деда, который был капитаном «Ауф-Вубуша». Цикл должен продолжаться.

И с этими словами она позволила сестре увести ее. Ее приказ одновременно тронул и позабавил меня, и я подумал, смогу ли когда-нибудь его исполнить.

Папа, спасибо ему, оказался более философски настроен. Он сунул мне в руки сумку — все свое собрание книг авторов новой волны — писателей хунов, уров и г'кеков, которые недавно начали совершенно уникально выражать себя на печатных страницах.

— Это напомнит тебе, что не только люди создают нашу культуру. В гармонии не одна только линия, сын мой.

— Я это знаю, папа, — ответил я. — Я не совсем

хьюмикер.

Он кивнул, добавив низкое ворчание:

— Говорят, мы, хуны, до того, как наш крадущийся корабль пришел на Джиджо, были педантичными, скучными и тяжеловесными. Легенды утверждают, что у нас не было слова «веселье».

Если это правда — и если ты встретишься с нашими звездными родичами, расскажи им о море, Хф-уэйуо! Расскажи о том, как паруса ловят ветер. Этот звук недоступен никакому двигателю.

Научи их вкусу жалящей пены. Покажи им то, что никогда не показывали им наши патроны.

Это будет наш дар — нас, счастливых проклятых, — тем, кто не знает радости в небе.

У остальных расставание прошло легче.

Квуэны привыкли посылать своих самцов в рискованные предприятия ради блага всего улья. Впрочем, мать Клешни украсила его панцирь благородной мозаикой и оправила в хорошем стиле.

Уры больше всего заботятся о своей работе, о верности своим избранным друзьям и о самих себе. Ур-ронн не пришлось терпеть сентиментальность. Отчасти из-за дождя, они с Уриэль расстались очень быстро. Уриэль теряла свою

лучшую помощницу, но приобретала достойную компенсацию.

Приемные родители Гек попытались выразить печаль при расставании, но даже искренняя привязанность к приемной дочери не могла заставить их горевать. Хуны не люди. Мы не можем распространять самые близкие отношения на тех, кто не наш по крови. Наша привязанность глубже, чем у землян, но ограниченней. Может, это наш недостаток.

И вот мы впятером, как официальные представители и как взрослые, снова взошли на борт лодки. Я сменил позвоночник, Клешня сбросил детский панцирь, Ур-ронн не прихорашивалась, но мы все заметили, что ее сумки больше не девственно белые, но голубые и в них бьется и потягивается ее новый муж.

Гек сама принесла собственный символ взрослости — узкую деревянную трубку, запечатанную воском с обоих концов. Скромно выглядящая, это была, возможно, самая важная вещь, которую мы брали с собой со Склона.

Когда я вступил в подводную лодку, на плече у меня была Хуфу. Я заметил, что нур-титлал Грязнолапый тоже присоединился к нам, хотя казался определенно расстроенным. Может, его изгнали

остальные за то, что выдал их древнюю тайну? Или он, подобно нам всем, вознагражден великой честью — жить или умереть за Джиджо?

Когда большие двери закрылись, отрезав нас от гаванских фонарей, нашего поселка и грозового неба, Сара Кулхан стояла в шлюзе между своим шимпанзе и раненым звездным человеком.

— Что ж, сейчас по крайней мере гораздо удобней, чем в прошлый раз, когда мы погружались в выдолбленном бревне, — заметила Гек.

Из ножных щелей Клешни раздался негодующий свист.

— Хочешь удобств? Бедный маленький г'кек хочет, чтобы я унес ее на спине и уложил в постельку?

— Заткнитесь, вы ова! — рявкнула Ур-ронн. — Как Ифни могла дать мне в компанию таких невежд?

Я поворчал, чувствуя странное удовлетворение. Хуфу плотнее прижалась ко мне. Единственное, что осталось неизменным с тех наивных дней, когда мы были подростками и мечтали о приключениях в нашей «Мечте Вуфона», это перебранки моих друзей. Приятно сознавать, что есть кое-что и неизменное в пространстве и времени.

Увы, подлинную разницу между прежним по-

гружением и этим Гек не назвала.

Тогда мы искренне верили, что у нас есть хорошие надежды на возвращение.

На этот раз мы знали, что таких шансов нет.

ЭВАСКС

Гремит тревога! Инструменты громко предупреждают об опасности!

Смотрите, Мои кольца, как наш капитан-лидер отзывает роботов и те груды, что были заняты исследованием глубоководной траншеи.

Теперь у нас гораздо более серьезные заботы!

Много дней детекторы сознания просеивали глубины, пытаясь отделить добычу от многочисленных кораблей-макетов. Мне/нам даже пришло в голову, что земного корабля может и не оказаться среди этих движущихся огоньков! Оперировать на расстоянии кораблями они могут не через обычные электрические каналы, а пользуясь своей дьявольской способностью управлять звуками.

Я/мы учусь/учимся осторожности. Я не стал сразу излагать свое предположение капитану-лидеру.

Почему Я воздержался? Наше внимание при-

влекли некоторые соображения. Те, кто обладает властью, часто просят подчиненных говорить им правду и сообщать все свои предположения. Но на самом деле они не хотят слышать противоположное мнение.

К тому же наша груда-тактик утверждает, что шансы на обнаружение добычи очень велики. В худшем случае еще один день. А мы, на «Полкджи», можем немного подождать.

Могли, пока не обнаружили непонятное вторжение. И чужаки могут прийти только из Пяти Галактик!

— Их по крайней мере шесть шестерок!

Так заявляет оператор детектора сознания.

— Они висят почти неподвижно не более чем в пятнадцати планетарных градусах к востоку. Мгновение назад их здесь не было. А в следующее — они появились!

Офицер-связист испускает пары сомнения.

— Ни Я/мы, ни наши спутники ничего не заметили. Возможны две гипотезы: ошибаются либо наши торы, либо наши инструменты.

Но стандартная проверка не обнаруживает никаких неисправностей.

— Они могли подавить память наших спутников, — предполагает груда-тактик. — Наряду с

совершенной маскирующей технологией.

— Возможно, — прерывает другая груда, офицер-гравитик. — Но гравитику так легко не обмануть. Если здесь есть шесть шестерок кораблей, то они не больше судов типа шестнадцать. В таком случае они нам не пара. Мы немедленно можем уничтожить всю флотилию.

— Поэтому они действуют украдкой? — спрашивает капитан-лидер, выделяя феромоны, устанавливающие спокойствие в напряженной атмосфере. — Может, на пределе обнаружения поджидают подкреплений?

Мы не можем игнорировать такую возможность.

И когда мы начинаем величественно двигаться на восток, с бульканьем всплывает новая мысль. Полоска воска, выделенная нашим некогда мятежным вторым кольцом сознания.

В чем дело, Мое кольцо?

Ты вспомнило, как варвары сунеры вызывали наши корветы, и не один раз, а дважды, используя цифровое сознание, чтобы привлечь наше внимание?

Первый раз они попытались подкупить нас, указав место, где скрываются г'кеки.

А второй раз? А, да. Это была приманка, зама-

нившая наш корвет в ловушку.

ОЧЕНЬ УМНО, МОЕ КОЛЬЦО!

Да, но сравнение здесь не подходит.

На этот раз источников много.

Они сильнее, и цифровое сознание имеет все признаки примитивных корабельных компьютеров.

Но главное, Мое бедное кольцо, разве ты не слышало, что сказал наш оператор?

Эти сигналы не могут издавать отсталые суперы.

ОНИ ЛЕТЯТ!

САРА

— Гравитика!

Офицер дельфин забил плавниками.

— Признаки передвижения! Большой излучатель покидает свою стационарную позицию. Корабль джофуров движется на восток на двух махах. Высота десять километров.

Сара смотрела, как воспринимает эту новость Джиллиан Баскин. Новость соответствует плану, однако светловолосая женщина как будто никак не прореагировала.

— Хорошо, — ответила она. — Сообщайте мне

о любых изменениях вектора. Оператор макетов, вводите программу расхождения номер четыре. Начинайте медленно поднимать корабли.

Наполненное водой помещение не похоже ни на какой «мостик», о которых Сара читала в древних книгах. Земной корабль контролируется из помещения, куда люди могут войти только в аппаратах для дыхания. Все здесь рассчитано на дельфинов. Это их корабль, хотя им командует женщина.

От затхлого запаха у Сары свербит в носу, но когда она поднимает руку, чтобы почесаться, рука упирается в прозрачный шлем, в пятнадцатый раз заставляя ее вздрогнуть. От пузырчатой жидкости на обнаженных руках и ногах Сары мурашки. Но у нее в сознании нет места для раздражения, страха или клаустрофобии. Помещение, в котором она находится, слишком странное, чтобы вызывать такие привычные реакции.

Общие очертания и размеры «Стремительного» все еще остаются для нее загадкой. Она только раз бросила взгляд на корпус — когда смотрела в иллюминатор, а подводная лодка осветила прожектором место встречи, — и увидела загадочный, усеянный выступами цилиндр,

похожий на гигантскую гусеницу твелк. Черная поверхность корабля не отражала свет, а словно поглощала его. Когда Каа и другие дельфины в своих паукообразных установках для ходьбы выходили из лодки и направлялись на свои рабочие места, просторный входной шлюз был почти пуст. Из всех помещений корабля, кроме мостика, почти вся вода была выкачана, чтобы максимально уменьшить вес.

Стены дрожали в ритм с работой двигателей — далеких родственников тех, что были на фабрике ее отца или на пароходах города Тарек. Сходство глубокое, оно словно заложено в крови Сары.

— Боевой корабль проходит над горами Риммер. Вскоре уйдет с прямой линии наблюдения.

— На это не очень надейтесь, — напомнила Джиллиан экипажу. — У нас над головой их спутники. Продолжайте программу расхождения номер четыре. Каа, подведи нас к восточному краю группы.

— Слушаюсь, — ответил молодой пилот. Он легко шевелил плавниками и хвостом, не проявляя ни малейших признаков напряжения. — Суэсси докладывает, что двигатели работают нормально. Гравитика заряжена и готова.

Сара взглянула на ряд экранов, на которых

изображались другие части корабля. Вначале каждый дисплей казался невообразимо маленьким, но шлему потребовалось легкое движение глаз, и изображение, на котором она фокусировала зрение, тут же увеличивалось, становилось четким и трехмерным. На большинстве экранов пустые помещения, с еще влажными стенами. Недавно они были заполнены водой. Но машинное отделение полно лихорадочной деятельностью. Сара узнала Суэсси по уникальной внешности — торс из клинообразных плит, увенчанный сверкающим куполом, в котором заключено то, что осталось от головы. Одна человеческая рука устремлена к панели. Суэсси напоминает фину-оператору о каких-то необходимых действиях.

Та же самая рука обняла Эмерсона после причаливания «Хикахи». Рука дрожала, сжимая вернувшегося блудного звездного человека. Сара не знала, можно ли ей заплакать.

Эмерсон и Прити тоже там, своими проворными руками помогают Суэсси. Сара видела, как они работают в тени в сопровождении Ур-ронн. Молодая самка ура что-то подносит занятым инженерам. Эмерсон, занятый работой, казался чуть счастливей. В конце концов, на этих палубах и среди этих машин он провел много лет. Но с

самого возвращения на корабль Сара не видела его улыбки, к которой так привыкла. Впервые он, казалось, стыдится своего увечья.

Этим людям, должно быть, отчаянно нужна помощь, если они привлекли к работе шимпанзе, урского кузнеца и бессловесного калеку. Остальная молодежь из Вуфона тоже занята, выполняя поручения и присматривая за стадом глейверов, стараясь, чтобы животные в незнакомом окружении оставались спокойными.

«Кажется, я самая бесполезная из всех. Одно Яйцо знает, что я здесь делаю».

Винить нужно мудреца Пурофски, чьи космические рассуждения оправдывают ее пребывание на борту у отчаявшихся землян. «Даже если его рассуждения справедливы, что я могу сделать относительно планов буйуров? Особенно если наша миссия самоубийственна».

Офицер у детектора запищал, взбивая пузыри плавниками.

— Главный источник гравитики ускоряется! Корабль джофуров приближается к позиции подвижного наблюдателя.

«Подвижный наблюдатель, — подумала Сара. — Это Двер».

Она представила себе его, в хрупкой корзине,

одного в просторном небе, окруженного яростью природы, а гигантский корабль устремляется к нему.

«Укройся, младший брат. Сейчас начнется».

ДВЕР

Теперь, когда наконец Риммер оказался позади, буря немного стихла и на небе иногда были видны звезды. Просветы расширялись. Со временем Двер увидел на востоке бледное свечение. В сероватом свете внизу виднелась обширная равнина раскачивающихся острых стеблей-лезвий.

Двер вспомнил, как несколько месяцев назад шел по этой самой негостеприимной равнине, сопровождая Дэйнела, Лену и Дженин к Серым Холмам. От этого похода у него до сих пор шрамы: стебли разрезали одежду и тело.

Конечно, полет в воздухе — гораздо лучший способ путешествия. Разумеется, если переживешь удары молний, и раскаты грома, от которого ноют зубы, и ужасные соприкосновения с горными вершинами, торчащими в ночи, как гигантские зубы, готовые ухватить лакомый кусочек.

Возможно, передвижение пешком все же предпочтительней.

Двер немного отпил из бутылки с водой. Рассвет означает, что пора приготовиться. Когда первые лучи коснутся шаров, проснутся спящие механизмы и замкнут электрические цепи.

Сейчас джофуры уже должны двигаться.

Двер поднял руку и коснулся реука, который ему дали перед отлетом. Реук опустился на глаза, и тотчас окружающее изменилось. Контрасты усилились. Дымка на горизонте исчезла, и Двер смог посмотреть на восходящее солнце, увидел вдали с десяток воздушных шаров, уцелевших в буре, которая занесла их так далеко, и теперь разбросанных по всему восточному горизонту.

Двер достал из сумки на поясе четыре кристалла и вставил в корзину гондолы, так что каждый отражал косые лучи восходящего солнца. На поясе у него висел молоток, но он пока оставил его там, глядя мимо шаров и пытаясь разглядеть очертания Серых Холмов.

«Я иду, Дженин. Скоро буду, Лена.

Мне нужно только преодолеть еще несколько препятствий».

Он пытался представить себе их лица, глядя в будущее, а не в жестокое прошлое. В его рюкзаке лежит чувствительный камень, который оживет в канун зимнего солнцестояния, если произойдет

чудо и мудрецы дадут сигнал, что все в порядке. К этому времени Двер должен найти Лену и Дженин и помочь им подготовить изолированное племя к ожидающей его судьбе — возвращению на Склон либо к жизни в укрытии в дикой местности.

«В любом случае я подготовлен именно к такой работе. Я знаю, как выполнить такую обязанность».

Впрочем, он обнаружил, что не может успокоиться. По какой-то причине Двер почему-то вспомнил о Рети, этой вспыльчивой девушке сунере, которая решила остаться с экипажем «Стремительного». Неудивительно: больше всего в жизни она хочет улететь с Джиджо, а это казался наиболее вероятный, хотя и рискованный способ.

Но Двер думал об их совместных приключениях в прошлом: как их захватил робот даников, когда Двер переносил машину через реки, надевая ее как шляпу и используя свою нервную систему в качестве проводника силового поля.

И сразу понял. Это воспоминание не случайно. Не произвольная ассоциация.

Это предупреждение.

Холодок пополз по спине. Странно знакомое

ощущение.

— Дерьмо! — воскликнул он, поворачиваясь на запад.

Как раз вовремя, чтобы заметить, как что-то огромное, синее и круглое, похожее на лицо демона, пронеслось над вершинами Риммера и молча, обгоняя звук, устремилось к нему.

Все равно что увидеть полет стрелы, нацеленной точно тебе в нос. В мгновения звездный корабль вырос и заполнил собой весь мир.

Двер закрыл глаза, готовясь к столкновению.

Проходили кидуры — по два на каждый удар сердца. Примерно через двадцать кидуров гондола покачнулась от звукового удара, который сотрясал ее, словно гром.

Но только звук. Никакого столкновения.

Он, должно быть, пролетел мимо!

Двер заставил себя открыть глаза, повернуться.

И увидел его на востоке. Корабль летел к шарам.

Теперь Дверу стало видно, что гигант летит на большой высоте. Неминуемое столкновение было только миражом. Корабль миновал Двера больше чем на лигу и даже не заметил его.

Но шары-приманки он не может миновать,

подумал Двер. Они хорошо видны.

Блейд, его товарищ по детским играм, сообщил, что для инструментов джофуров шары кажутся прозрачными. Но это было ночью. Сейчас уже почти день. Конечно, сейчас они видят воздушные шары.

А может, и нет. Двер вспомнил, в какое возбуждение идея шаров привела машину Нисс, которая хорошо разбирается в джофурах. Может быть, Джиллиан Баскин хорошо знала, что делает.

Идея заключалась в том, чтобы сбить джофуров с толку. Заставить их искать предполагаемые вражеские корабли, которые приборы едва могут обнаружить.

И действительно, космический титан начал сбрасывать скорость, облетая местность по широкой спирали. Какая-то оболочка словно изгибала все световые лучи, проходящие в половине радиуса от гигантского шара. В реук было видно, что это что-то вроде щита — по-видимому, это и есть основа убеждения джофуров в своей неуязвимости.

Двер протянул руку к молотку на поясе и принялся ждать.

ЛАРК

Ему хотелось продолжать любить ее.

Да и кому не захотелось бы: ведь Линг так дрожала, так прижималась к нему с криками, которые противоречат ее образу утонченной звездной богини. Он тоже испытал сейсмический толчок страсти. Страсти, которая затрагивала что-то дикое внутри. Потом последовало благословенное освобождение, не оставившее ни одной разумной мысли.

Вопреки страшной опасности, заключенный в корабле, полном смертельными врагами, Ларк чувствовал себя прекрасно. Так хорошо он себя не чувствовал с…

Да вообще никогда в жизни. Почему-то кульминация не заставила его расслабиться, но наполнила энергией, возбуждением, какого он никогда раньше не испытывал. «Вот и конец моего обета безбрачия, — подумал он. — Конечно, обет давался ради Джиджо. А мы больше не на Джиджо».

Он потянулся к Линг. Но та остановила его поднятой рукой и села. Груди ее блестели от пота.

В глазах ее была настороженность. Уши дерга-

лись, прислушиваясь.

Их окружали джунгли — поддерживаемые решеткой лесов, заполняющей помещение больше искусственной пещеры Библоса. Лабиринт фантастической, невероятно разнообразной растительности почти заполнял все помещение. В дальнем углу, за которым, очевидно, хуже ухаживали машины, беглецы устроили себе гнездо. Линг, хорошо подготовленный космобиолог, без труда отыскала несколько видов фруктов и клубней, которые можно есть. Здесь они могут прожить недели или месяцы, а может, и весь остаток жизни. Если не вмешается вселенная.

Что она, конечно, и сделала.

— Они включили защитное поле, — сказала Линг. — И мне кажется, полет замедляется.

— Откуда ты знаешь? — Ларк прислушался, но не заметил никакой разницы в мешанине звуков, более сложной, чем в зеленых джунглях.

Линг натянула порванное платье — свою единственную одежду.

— Пошли, — сказала она.

Со вздохом он надел собственную рваную рубашку. Подобрал кожаный ремешок с подвешенным амулетом — осколком Яйца, который отколол еще ребенком. Впервые за многие годы

он подумал, стоит ли его надевать. Если корабль покинул Джиджо, может, и он теперь свободен от этого бремени любви-ненависти?

— Идем! — Линг уже шла по проходу в лесах, направляясь к выходу. В перевязи из оторванного куска ткани она несла раненый красный тор — одно из двух колец, данных Асксом.

Ларк надел ремешок на шею и протянул руку к мешку, в котором лежало пурпурное кольцо и другое их имущество.

— Иду, — ответил он, выбираясь из гнезда и думая, вернутся ли они в него когда-нибудь. Теперь Линг знала, где они находятся. Ларк принюхивался на перекрестках, пурпурное кольцо служило ключом, и поэтому им было нетрудно продвигаться на «север» по оси корабля. Дважды они ускоряли движение, пользуясь трубами-лифтами. У Ларка все переворачивалось в животе, когда его тело стремительно уносилось в темный туннель. Но приземление всегда было мягким. И что еще лучше, в пути они не встретили ни одного джофура или робота.

— Они на своих местах по боевому расписанию, — объяснила Линг. — Сюда. Их контрольная рубка должна находиться под этим уровнем. Если я права, должна быть обсервационная галерея.

Ларк уловил странно знакомый запах, подобный тому, что издают треки, входя в Библос.

Линг указала на один из редких символов, написанных на стенах. Она воскликнула:

— Я была права!

Ларк и раньше видел этот глиф — лучистая спираль с пятью изогнутыми рукавами. Даже падшие расы Джиджо знали, что он означает. Это Великая Галактическая Библиотека. Символ одновременно терпения и знаний.

— Быстрей! — торопила Линг, когда он прикладывал пурпурное кольцо к входной пластинке. Дверь отошла, давая доступ в тускло освещенное помещение. Свет сюда пробивался через широкое окно, прямо напротив двери. Потребовалось несколько шагов, чтобы пройти помещение и посмотреть через стекло на ярко освещенное пространство внизу. Зал, заполненный джофурами.

— У многих больших кораблей есть обсервационные галереи, как та, в которой мы сейчас, — негромко объяснила Линг. — Они для чиновников Институтов, если они оказываются на борту, скажем, в инспекционных поездках. Но почти все время на галерее находится только наблюдатель.

— Кто?

Линг показала налево, и Ларк увидел куб высотой примерно с рост человека, с единственной темной линзой посредине, направленной в сторону рубки джофуров.

— Это ИРП — или «исключительно регистрирующая память». Свидетель. Предполагается, что на любом корабле большого клана есть такой, особенно если корабль выполняет важное поручение. Устройство ведет запись, которая может храниться очень долго, чтобы последующие поколения после истечения определенного периода могли учиться на опыте всех рас.

— И каков же этот период?

Линг пожала плечами.

— Может, миллионы лет. Обычно слышишь о наблюдателях, отправленных на хранение, но я никогда не слышала, чтобы ИРП прочитывали в текущую эпоху. Когда формулируешь таким образом, кажется, что это противоречие в терминах. Типичное галактическое лицемерие. А может, я не улавливаю каких-нибудь тонкостей концепции.

«Мы с тобой в одинаковом положении», — подумал Ларк, тут же забывая о наблюдателе, как о куске камня.

— Посмотри, — сказал он, делая жест в сторо-

ну штаб-квартиры джофуров. — Эти большие экраны показывают, что происходит снаружи. Кажется, мы пролетаем над Риммером.

— По направлению к солнцу, — кивнула Линг. — Либо сейчас утро, либо…

— На Склоне нет ничего подобного этой прерии. Это ядовитая трава. Так что сейчас утро, и это восток.

— Видишь тучи? — спросила Линг. — Они расходятся, но была, должно быть, бу… — Она замигала и смолкла. — Слышишь? Джофуры возбуждены. Может, я смогу найти нужную кнопку и…

Неожиданно обсервационную галерею заполнили звуки. Крики и скрежет галдва с акцентом:

ПРИКАЗАНО
ОТКОРРЕКТИРОВАТЬ
НЕСОГЛАСИЯ/РАСХОЖДЕНИЯ
ВАШИХ РАЗЛИЧНЫХ ДОКЛАДОВ! ПОДТВЕРДИТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ ПРЕДПРИНЯТОГО ПЛАНА ПОИСКОВ! ОБЪЯСНИТЬ, ПОЧЕМУ НЕ МОЖЕМ ВЕРНУТЬСЯ К НАШЕЙ ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ — ПОИСКАМ КОРАБЛЯ ВОЛЧАТ!

Ларк видел, как джофур на центральном помосте жестикулирует одновременно с появлением слов-глифов. Должно быть, это и есть командир. «Если бы только у меня было оружие, — подумал

он. — Но прозрачный барьер, наверно, слишком прочен для такого примитивного оружия, как джиджоанский топор или ружье».

Мы/я не можем рекомендовать оставление этого района, пока не будет подтверждена/опровергнута вероятность вражеских кораблей/малых судов, — ответила соседняя груда на менее властном варианте того же диалекта. — Поблизости зафиксировано цифровое сознание, неуловимое ни на какой другой волне! Полет без гравитики? Джофуры, великие и могучие, должны постичь/овладеть этой тайной ради собственной безопасности!

Вперед выступила еще одна груда, и Ларк почувствовал дрожь узнавания. Эта неловкая груда рваных колец некогда была высоким мудрецом треки, хотя в речи груды не слышалось непритязательной мягкости Аскса.

Я/мы предлагаю следующее рассуждение — показания индикаторов, которые мы преследуем, отчетливо пахнут хитроумным обманом. Вспомните оружие из огненных труб, которое дикие сунеры использовали против нашего корвета! Теперь наши товарищи из захваченного архива Библоса сообщают, что идентифицировали этот трюк волчат как «ракеты». Возражая офицеру-

тактику, Я/мы вынужден указать, что эти ракеты успешно летели без всякой гравитики! Я/мы далее предполагаю.

Прервала еще одна груда.

Локализация! Один из ближайших источников цифрового сознания оставался активным достаточно долго, чтобы мы смогли определить его местонахождение!

Командир выпустил облака пурпурных испарений.

ПРОДОЛЖАЕМ
ПО ВЕКТОРУ АТАКИ! ПОДГОТОВИТЬ ЯЩИК ЗАХВАТА ДЛЯ ПЛЕНЕНИЯ ИСТОЧНИКА! ПРИ ПОСЛЕДУЮЩЕМ ОСМОТРЕ УСТАНОВИМ, ЧТО ЭТО: ЗВЕЗДНЫЙ ВРАГ ИЛИ ЕЩЕ ОДНА УЛОВКА СУНЕРОВ. А ЗАТЕМ ВЕРНЕМСЯ К НАШЕЙ ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ.

Груды колец реагировали так быстро, как никогда не двигаются треки, насколько мог судить Ларк. Замелькали базовые ноги и щупальца. Вскоре наружные мониторы показали стремительно несущуюся прерию, которую демонстрировали в разных областях спектра. И на одном экране смыкались концентрические круги.

— Захватывают цель, — объяснила Линг. Но в кругах как будто ничего не было. Только пустота.

Ларк сунул правую руку под рубашку, потрогал осколок Яйца.

— Я чувствую.

Линг потянула его за руку.

— Посмотри на крайний левый экран!

Он прищурился и разглядел что-то маленькое и круглое. Призрачная фигура, почти прозрачная. Маскировочная ткань, понял Ларк, узнавая эффект специализированной ткани г'кеков. И сразу понял. Джофуры устремились к объекту, почти невидимому на их экранах, потому что он состоит только из воздуха и ткани, предназначенной для рассеивания света.

Если бы его реук не впал от истощения в спячку! Сердце Ларка забилось чаще, туманный шар становился все больше. Амулет дрожал в ответ.

— Что это? — удивленно спросила Линг.

Прежде чем Ларк смог ответить, все устремленные вперед экраны неожиданно погасли.

Один из джофуров резко закричал. Несколько выпустили разноцветный пар. Командир изгибался и кричал:

ТРЕВОГА! АВТОМАТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА! ВСЕМ ПОДГОТОВИТЬСЯ К ВОЗВРА…

ДЖИЛЛИАН

— Разрыв!

Один из офицеров «Стремительного», находившийся у детектора, возбужденно прокричал:

— Одна из наших бомб взорвалась прямо над джофуром!

Мостик заполнился радостными возгласами неодельфинов.

— Может, он уничтожил ублюдков, — с надеждой проскрипел кто-то.

Джиллиан призвала к спокойствию.

— Всем замолчать! Хлопушка способна лишь поцарапать его окраску. — Она несколько раз глубоко вдохнула. Наступил критический момент для принятия решения и всего плана.

— Выпускайте рой! — приказала она. — Поднимай нас, Каа. Точно как мы планировали.

— Слушаюсь! — Спина пилота напряженно изогнулась, он посылал приказы через свой невральный клапан. «Стремительный» отозвался немедленно, двигатели заработали в полную силу — впервые почти за год. Звук был оглушительный и, конечно, выдаст их, как только сенсоры джофура начнут работать.

Телеметрия показывала, что мотиваторы работают нормально. Джиллиан взглянула на экран, на котором было машинное отделение. Ханнес Суэсси метался по помещению, проверяя работу своей хорошо обученной команды. Даже Эмерсон Д'Аните казался поглощенным работой. Его длинные смуглые пальцы летали над приборной панелью первичного резонанса, прежним его рабочим местом во многих испытаниях. Речь казалась в этом случае необязательной, большее значение имеют вдохновение и тонкое осязание.

Может быть, и на этот раз корабль услышит победный баритон Эмерсона.

Если все отремонтированные приборы сработают. Если запасные части, снятые с брошенных кораблей, не подведут. Если корабли-макеты поведут себя, как планировалось. Если враг поступит, как мы надеемся, если, если…

Над головой напряженный купол контрольной рубки постепенно менял цвет. По мере подъема «Стремительного» сплошная чернота пропасти рассеивалась, уступала место королевской синеве, а потом светлой зелени. Звук двигателей сменил тон: океан неохотно выпустил корабль из своих тяжелых объятий.

«Стремительный» вырвался из воды, таща за

собой поток перегретого пара: корабль уже летел быстрее пули.

От подводной лодки назад в космос. Вот мы снова на месте.

Давай, старушка!

Давай!

РЕТИ

Пробудившись от полумиллионнолетнего сна, древний корабль дрожал и гремел. Вынужденный совершать яростные усилия, он ревел, как кричит в агонии раненый зверь.

Рети тоже закричала, зажав руками уши. Словно жестокие кулаки прибивали ее к изогнутому столбу, к которому она привязалась. С каждым ударом куски веревки и электрического кабеля врезались в кожу.

Йии высунул голову из сумки и посмотрел Рети в лицо.

…жена! Жена, не плачь! Не тревожься, жена!

Но его писклявый голос терялся в буре звуков. Скоро его слова перешли в протяжный вой.

Охваченная страхом перед ловушкой, Рети ногтями рвала веревку, пытаясь освободиться.

Переход из воды в воздух она так и не заметила.

На маленьком голографическом экране мелькнули пенные верхушки волн до самого берега, а потом облака.

Рети поползла по металлическому полу к входному люку, видя лишь узкий туннель в сплошной дымке боли.

ЭВАСКС

Эффект переставал действовать.

Я вынырнул из ошеломленного состояния, слепой и одинокий. Прошло еще немало дуров, прежде чем Я свел свои чувства в единство. В целеустремленность.

Посылая сигналы вдоль контрольных щупалец, Я установил связь с подчиненными кольцами. И вскоре получил доступ к различным чувствам и посмотрел во всех направлениях дергающимися и дрожащими глазными почками.

Здравствуйте, Мои кольца! Немедленно доложите и подготовьтесь к срочным передвижениям. Очевидно, мы испытали — и благополучно пережили — случай Возврата.

Чего?

Да, конечно, вы не знаете. Верно, Мои кольца? У вас не было возможности испытать этот неболь-

шой недостаток дара оайлие?

Существуют виды оружия, которые способны на короткое время лишить нас, джофуров, чувств. Во время этого краткого периода неспособности мы можем надеяться только на защиту роботов.

Неспособности к чему? — спрашиваете вы.

Я/мы осмотрелся. Мы больше не рядом с капитаном-лидером, но стоим у главной приборной панели, и наши щупальца оплетают руль пилота.

ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ?

Я приказываю щупальцам оторваться, и они повинуются. На экранах видно стремительное продвижение: это наш «Полкджи» летит над рваными изогнутыми каньонами. Ничего подобного Мои следы памяти не припомнят на Склоне. Индикаторы инерции показывают, что мы движемся на восток, все дальше от моря. Дальше от добычи.

Начинают оживать другие груды, по мере того как оправляется от Возврата их мастер-кольцо. Я торопливо привожу в движение наше нижнее кольцо, удаляясь от места пилота. Мы обходим капитана-лидера, который тоже приходит в себя от оцепенения.

По всей вероятности, остальные решили, что

наш сложный охранный робот, запрограммированный служить/защищать во время кратких перерывов Возврата, имеет достаточные основания, чтобы направить «Полкджи» в этом направлении. Изображая невинность, Я\мы наблюдаю, как пилот возвращается на свое место и берет на себя управление кораблем, останавливая этот стремительный полет и готовясь снова набрать высоту.

МОИ КОЛЬЦА, КАКОВА БЫЛА ВАША ЦЕЛЬ? ЧЕГО ВЫ СТАРАЛИСЬ ДОСТИЧЬ, ПОКА ВАШЕ МАСТЕР-КОЛЬЦО БЫЛО НЕ В СОСТОЯНИИ ДЕЙСТВОВАТЬ? РАЗБИТЬ НАС О ГОРУ, МОЖЕТ БЫТЬ?

Робот не позволил бы сделать это. Но изменить курс «Полкджи» — это было в вашей власти, верно?

Вижу, что мы еще не постигли искусство сотрудничества.

ДЖИЛЛИАН

Охваченная возбуждением от возможности снова лететь, Джиллиан тем не менее знала, что это не прежний «Стремительный». Для корабля класса «акула» он шел медленно и вяло. Планета удалялась с обескураживающей неторопли-

востью, сравнительно с прежней кроличьей стремительностью. Моторы Суэсси тут ни при чем. Все проклятая углеродная оболочка, заключившая корпус «Стремительного» в бесконечное количество тонн мертвого веса, забившее гребни вероятности и радиаторы гравитики, отбиравшее драгоценное время набора инерции движения на орбите. Минуты уязвимости.

Джиллиан взглянула на дисплей. Множество ярких точек свидетельствовало, что по крайней мере двадцать кораблей-макетов вышли из воды, еще с десяток поднимаются из своих древних могил, крича от радости — или боли — при этом нежданном массовом воскрешении. Группы кораблей-приманок разлетались в разных направлениях, действуя в соответствии с планом, хотя на их борту никого живого не было.

Пустые все, кроме одного.

Джиллиан подумала об этой девушке, Рети, самой заключившей себя в один из этих огоньков. Не лучше ли было бы ворваться в похищенный ею корабль? Или перепрограммировать его, так чтобы он вернул Рети на планету?

Нисс считал, что обе эти попытки могут удаться в небольшое оставшееся у них время. Но Олвин и Гек убедили Джиллиан не делать этого.

— Мы знаем, чего вы, земляне, добиваетесь этой попыткой прорваться, — сказала Гек.

Но вы вызвались участвовать добровольно?

— А почему бы и нет? Мы рисковали погружением в Помойку в полом древесном стволе. Все сунеры знают, что жизнь — это нечто такое, что получаешь лишь на время. И каждый должен сам выбрать, как провести ее.

Будущее наших семей и рас зависит от вашей попытки, доктор Баскин. Эта Рети сама выбрала свою судьбу. И пусть следует за своим выбором.

«Стремительный» продолжал ускоряться, а Джиллиан повернулась к дельфину, руководившему пси-оперативным отделом.

— Дайте мне знать, когда получите что-нибудь от наблюдателя, — приказала она.

— Пока никакого сигнала, — ответил фин. — И если вы меня спросите, то уже давно пора.

— Никто вас не спрашивает, — рявкнула Джиллиан.

Невольно она взглянула на джиджоанского математика Сару Кулха, чей брат полетел на воздушном шаре с нагретым воздухом, зная, что если его не погубит буря, то скорее всего это сделают джофуры. Сара плавала в облаке пузырьков, внимательно наблюдая. Но за визором ее шлема для

дыхания Джиллиан заметила слезу, сбежавшую по щеке молодой женщины.

Джиллиан не нужно дополнительное ощущение вины. Она изо всех сил пыталась размышлять прагматически.

«Я только хочу, чтобы парень не отдал жизнь ни за что. И это станет ясно… — Она еще раз взглянула на мониторы… — через несколько мгновений».

ДВЕР

Ослепительная вспышка ударила по реуку, заставив его отступить, почти погрузиться в кому. Но существо свое дело выполнило, спасло глаза Двера. Если не считать пурпурных пятен, вскоре восстановилось почти нормальное зрение.

Будет еще ударная волна, подумал он. После испытаний прошедшей ночи и утра шар может не выдержать новый удар.

Двер приготовил молоток, занес его над кристаллами, укрепленными в плетеной гондоле. И посмотрел на восток, пытаясь определить, какое сообщение посылать.

Все шары исчезли — неудивительно.

Но черт побери, а где же корабль джофуров?

Двер не может действовать без данных, поэтому он не стал ничего делать и продолжал лететь, пока гулкое эхо взрыва не пригнуло к земле острые травы Ядовитой равнины.

Шар выдержал. Отличная прочная урская работа. Взяв бинокль, Двер принялся осматривать горизонт в поисках корабля джофуров.

Может, воздушная мина его уничтожила? Джиллиан Баскин считала это почти невозможным. Никакое оружие из арсенала «Стремительного» не способно пробить защиту такого дредноута, даже если застанет его врасплох. Но в самый критический момент это может стать для неприятеля помехой.

Наконец Двер уловил отдаленный блеск. Казалось, корабль удаляется! У Двера появилась иллюзия, что джофуры летят к восходящему солнцу.

Он колебался, глядя на кристаллы-передатчики. Их только четыре. И никакой из заранее оговоренных кодов не соответствует происходящему — тому что враг покинет сцену боя. Он не летит в космос, не возвращается к Помойке, он даже не остается неподвижным, а отказывается от возможности найти корабль землян!

«Если я ничего не сообщу, они решат, что я

погиб».

Он подумал о Саре, и ему захотелось разбить сразу все кристаллы, просто чтобы успокоить ее.

«Но тогда они могут принять неверное решение, и вместо меня умрет она. Из-за меня».

В этот момент группы кораблей-макетов уже должны лететь за пределами атмосферы Джиджо, по спирали удаляясь от планеты. Джиллиан Баскин нужно решить, с какой группой улетать. И сигнал Двера должен был помочь ей сделать выбор.

Его раздражала невозможность принять решение. Снова поднеся к глазам бинокль, Двер отыскал корабль джофуров, крошечную точку на горизонте.

И тут он кое-что заметил.

Далекая точка перестала уменьшаться. Напротив, она словно неподвижно повисла над одним из рваных хребтов.

«Серые Холмы, — понял Двер. — Если бы я мог послать нужный сигнал, то начал бы спускаться именно там, где мне нужно!»

Сверкающая точка поколебалась, потом снова начала двигаться. Двер вскоре в этом убедился — она становилась больше. Джофуры летят назад!

«Теперь я знаю, что сообщать», — с удовлетво-

рением подумал он. Двер размахнулся и ударил молотком по второму кристаллу. На мгновение спину закололо. Но это ощущение быстро исчезло.

Выполнив наконец свой долг, Двер потянулся к веревке, выпускающей воздух. Корабль пройдет рядом, а у него единственная возможность маневрировать — это терять высоту.

Полегче, подумал он. Надо терять высоту медленно. Может, удастся добраться до холмов, прежде чем…

Огромный корабль мгновенно вырос и пронесся на запад, продолжая набирать высоту и разойдясь с Двером на сотни полетов стрелы.

Увы, на этот раз он обратил на шар внимание.

Пролетая мимо, огромный шар выпустил крошечную искорку. Она вначале немного поднялась, потом стала по дуге опускаться, приближаясь к шару. Дверу не нужно было разбираться в галактической технологии, чтобы узнать летящий к нему снаряд.

«Джиллиан говорила, что я могу привлечь внимание, когда передам сигнал».

Двер вздохнул, наблюдая, как точка поворачивает по пологой дуге и устремляется прямо к нему.

Ну что ж, подумал он, беря в руки свое главное сокровище — лук, изготовленный для него как главного следопыта Общины Шести Рас известным мастером в городе Овун.

И когда раздался взрыв, он был совсем не таким, как ожидал Двер.

ДЖИЛЛИАН

— Есть! — воскликнула она, радуясь новости.

Еще более обрадованная Сара закричала по-урски, узнав, что ее брат жив.

Сигнал также подтвердил предположение Джиллиан. Джофуры реагировали медленно, но именно так, как она надеялась.

Они предсказуемы, — заметил Нисс, чья вращающаяся голограмма возникла в воде, не подняв ни одного пузырька. Задержка означает только, что мы чуть больше опережаем их.

Джиллиан согласилась, но про себя добавила: «Нам нужно в десять раз больше времени, чтобы попытка удалась».

А вслух сказала пилоту:

— Вытащи нас отсюда, Каа. Держись с роем номер два. Держись за передним кораблем.

Пилот ответил:

— Слушаюсь!

Вскоре негромкий гул мотиваторов стал немного выше. Джиллиан посмотрела на экран машинного отделения. У команды Суэсси настроение неплохое. У нее на глазах Эмерсон Д'Аните откинул голову и запел. Джиллиан услышала только несколько слов, хотя песню подхватили другие.

Джиджо, Джиджо.

С войны мы отправляемся на войну!

Даже с поврежденным мозгом он умеет играть словами. Хорошо, что старина Эмерсон вернулся.

Наружные дисплеи показывали, что планета — сине-коричневый шар в тонкой оболочке жизнедающей воды — быстро уменьшается. Многочисленные зеленые пятна с четко очерченными краями показывали, где некогда располагались метрополисы, до того как эти места были сожжены и засеяны. Площадки, занятые болотом, лесом или прерией, все равно сохранили правильные очертания, и нужны еще многие эпохи, чтобы стереть их.

На Земле тоже есть такие шрамы, подумала Джиллиан. И их даже больше. Разница в том, что мы были невежественны и никаких мер не принимали. Нам пришлось в одиночку на

собственном горьком опыте учиться сберегать свой мир.

Джиллиан взглянула на Сару. Девушка глазами, полными боли и удивления, наблюдала, как ее родная планета превращается в маленький диск. Первая из сунеров, со времен предков столетия назад, она смогла посмотреть на свой дом с неба.

Убежище. Святилище для землян и остальных. Все они хотели спрятаться, укрыться от космоса, и каждая раса пыталась вернуть свое наследие особым образом.

И тут мы обрушили на них вселенную.

Джиллиан наблюдала, как лейтенант Тш'т переходит от консоли к консоли, вспышками сонора подбадривает дельфинов у приборов, отмечает всякий пробел во внимании. Такое тщательное наблюдение кажется необязательным. Ни один из членов команды на мостике никогда не проявлял ни малейших признаков атавизма. Это элитный экипаж, и всем этим финам гарантирована высокая квалификация в возвышении, когда они вернутся домой.

Если мы вернемся домой.

Если еще есть дом, который нас ждет.

Все знали истинную причину оставления на Джиджо половины экипажа вместе с кикву и

копиями записей «Стремительного».

У нас не очень много шансов на спасение, но, возможно, нам удастся отвлечь вселенную от Джиджо. Отвлечь ее внимание. Заставить снова забыть о сунерах.

Чтобы принести такую жертву, нужны мастерство и большая удача. Но если попытка удастся, какое это будет достижение! Не будет уничтожения г'кеков. Не будет насильственной трансформации треки. Нельзя будет обвинить и наказать Землю, если здесь обнаружат сунеров людей.

Если сработает, у нас на Джиджо будет полный набор землян: люди, шимпы и дельфины. И если что-нибудь ужасное случится дома, здесь в безопасности есть резерв.

Стоит попробовать. Результат все оправдает.

Конечно, как и все в космосе, он имеет свою цену.

Они миновали Лусен — на спутнике по-прежнему сверкают купола городов — и пролетели еще миллион километров, когда офицер у детектора объявил:

— Вражеский крейсер покидает атмосферу! Направляется вслед рою номер один!

На пространственной схеме видна точка, под-

нимающаяся с Джиджо, ярче и крупнее остальных. Корабль разгоняет свою огромную массу.

«Однажды мы тебя обогнали, — подумала Джиллиан. — Можем попробовать еще раз, хотя бы на время».

Даже отягощенный углеродным покровом, «Стремительный» какое-то время еще будет увеличивать расстояние между собой и преследующим боевым кораблем. Ньютонианская инерция тянет гигантский корабль джофуров назад — до тех пор, пока корабль не достигнет скорости, необходимой для гипердрайва на нулевом уровне.

И тогда преимущество перейдет к нему.

Если бы только пункт перехода был ближе. Джиллиан покачала головой, продолжая мечтать.

«Если бы только здесь были Крайдайки и Том. Они без труда вытащили бы нас, я уверена. А я могла бы спокойно удалиться в лазарет, лечить дельфинов от чесотки плавников и проводить время в размышлениях о загадках Херби».

Именно она приняла решение захватить с собой мумию возрастом в миллиард лет, несмотря на вероятность того, что «Стремительный» через несколько часов или дней может погибнуть. Она

не могла расстаться с этим реликтом, который Том с таким трудом отыскал во флоте призрачных кораблей в Мелком скоплении — еще в те горячие дни, до того, как вся цивилизация Пяти Галактик обратилась против «Стремительного».

Когда наивный экипаж ожидал благодарности за свое эпохальное открытие.

Скучного галакта ничем не удивишь, гласит тимбримийская поговорка. Если у тебя не приготовлено в кармане еще двенадцать сюрпризов.

Хороший совет.

К несчастью, ее запас сюрпризов иссякает.

Осталось всего несколько.

МУДРЕЦЫ

Теперь группа пилигримов больше знает о Святом Яйце.

Больше, чем знали Дрейк и Ур-Чоун, когда впервые увидели новорожденное чудо, только что, раскаленно-белое, появившееся из огненных объятий. Эти два знаменитых героя договорились использовать Яйцо в религиозных и политических целях. Как предвестник единства. Как божество.

Теперь у мудрецов есть документы, представ-

ленные кораблем дельфинов. Отчет, подкрепленный свидетельствами Великой Галактической Библиотеки, называет Яйцо «пси-активным геоморфом». Такой феномен наблюдается на нескольких населенных планетах, где восстановительные тектонические процессы протекают спокойно и где предыдущие циклы заселения обладали определенными временными и технологическими особенностями.

Фвхун-дау размышлял об этом, пока заново созванный Совет мудрецов приближался к священному месту, идя пешком, ползя или двигаясь на колесах. Все они по отдельности направились сюда, услышав призыв умирающего Вуббена.

И эти особенности иногда проникают через давление магмы и вулканическую жару.

На юге это проникновение хаотично и превратилось в Спектральный Поток. Но здесь условия допускали объединение. Кристаллизацию накопленных памяти и целей.

По крайней мере теперь он знает ответ на загадку, почему, вопреки начальным стычкам и вражде, все расы поселились именно на Склоне.

Мы были призваны.

Некоторые говорят, что это знание уничтожит обычаи прошлого, и Фвхун-дау соглашался с этим.

Старая вера, основанная на Священных Свитках и модифицированная последующими ересями, никогда больше не будет прежней.

Основа Общины Шести Рас изменилась.

Но сама по себе основа осталась.

Заново созданный Совет Шести вступил в узкий каньон. Некоторое время мудрецы провели здесь, оплакивая обожженные останки своего старейшего члена, путаницу хрупких нервов и тканей, прилипшую к изрытому черному боку Яйца.

Здесь они и похоронили Вуббена — единственного мудреца, удостоенного такой чести. А потом принялись за работу.

Вскоре к ним присоединятся другие. У преобразованного совета есть новые обязанности.

«Наконец мы знаем, кто мы такие, — молча думал Фвхун-дау, откидываясь, чтобы взглянуть на огромную изгибающуюся массу Яйца. — Но остаются другие вопросы. Такие, как почему?»

РЕТИ

Приборы отказывались повиноваться!

— Давай! — кричала она, колотя ладонью по голографическому экрану, а потом наобум переключая несколько рычажков.

Рети сама не знала, что будет делать, если ей удастся завладеть кораблем-приманкой. Вначале у нее путались мысли от поразительного зрелища Джиджо и космоса. Все настолько больше, чем она себе представляла. Но потом она выключила экран и занялась другими панелями и мониторами.

Здравый смысл подсказывал, что нужно оставить приборы в покое, и Рети наконец прислушалась. Она заставила себя отойти и присоединилась к йии у небольшого запаса продовольствия, которое выносила из саней, когда Чучки не видел. Рети гладила своего миниатюрного мужа, жуя брикет пищевого концентрата и обдумывая ситуацию.

Все корабли-макеты запрограммированы на то, чтобы улететь с планеты — к ближайшему «пункту перехода». Отсюда они могут выпрыгнуть из невозделанной Галактики Четыре и достигнуть далеких, полных движения транспортных линий, где кишат кислороднодышащие формы жизни.

Рети это вполне подходит, если она сумеет подать сигнал пролетающему мимо кораблю.

Старый корабль может стоить немногого, но по крайней мере этого хватит, чтобы оплатить перелет к следующей остановке.

Дальнейшее она представляла себе очень смутно. Вероятно, найдет какую-нибудь работу. У нее с собой по-прежнему маленькая обучающая машина, которая некогда принадлежала Денни Стадмен, так что ей нетрудно будет выучиться болтать на чужих языках.

«Я сумею стать полезной. Я всегда это умела».

Конечно, все зависит от того, доберется ли она до пункта перехода.

Джиллиан, вероятно, настроила приборы так, чтобы корабли-макеты привлекали внимание джофуров. Может, они издают какие-нибудь световые или звуковые сигналы, чтобы джофуры поверили, что на борту дельфины.

На какое-то время это может сработать. Вонючие кольца погонятся и будут тратить время, проверяя, что внутри.

Но Рети знала, что произойдет дальше. Со временем боги джофуры разгадают эту хитрость. Они поймут, что нужно искать и какой корабль их настоящая цель.

«Предположим, они разорвут на части половину кораблей-макетов. Получается вероятность пятьдесят на пятьдесят. Это в Ифни раз больше, чем у меня было на борту старого „Стремительного“. Как только они поймут, где настоящий

корабль, все остальные оставят и займутся делом».

Такова была в общем виде ее идея. С того момента, как нашла Кунна и Джесса мертвыми в тюремной камере, она знала, что должна как можно скорее убраться с корабля землян и идти своим путем.

«Лучше надо подумать, как подать сигнал, когда мы окажемся в цивилизованной галактике, — думала она. — Наверно, если просто посветить в окно, ничего не выйдет. Надо больше узнать о радио и о всяких гиперпространственных штуках».

И хотя обучающая машина удивительна и терпелива, Рети без всякого воодушевления думала о предстоящей работе или о том, что придется питаться пастой из древнего пищевого процессора, когда кончатся запасы со «Стремительного». Машина приняла обрезок ногтя, который скормила ей Рети, и через несколько мгновений выдала вещество, по вкусу точно как ноготь.

Ее мысли прервали чирикающие звуки. На верху голографического экрана вспыхнул огонек. Рети бросилась к машине.

— Включить изображение!

Над полом возникло трехмерное изображение. Какое-то время Рети ничего не могла понять. От

крошечного синего диска разлеталось пять групп ярких точек. Но вскоре она сообразила, что диск — это Джиджо и что группы кораблей-макетов уже покинули планету. Расстояние между группами увеличивалось с каждым дуром.

Одна точка, ярче остальных, держалась сзади. Она была не желтой, а красной. И на глазах поползла к одному из роев.

Должно быть, это корабль джофуров, сообразила Рети. Присмотревшись, она заметила, что эту большую красную точку сопровождает множество алых пятнышек, таких маленьких, что их с трудом можно разглядеть. И они словно нанизаны на нить.

Красная точка ускорялась, медленно сокращая расстояние между собой и намеченной добычей.

«Мне становится жаль тех, кто в этом рое. Скоро вонючие кольца их догонят».

Потребовалось еще какое-то время, чтобы Рети поняла неприятную истину.

Именно в этом рое движется и ее корабль.

Как всегда, повезло, пожаловалась она, понимая, что вселенная совсем о ней не думает.

ДВЕР

Все изменилось.

Только что его окружало небо. Горы, облака и прерии расстилались под плетеной гондолой. Над головой скрипел и раздувался урский шар.

С северо-запада к нему устремился сверкающий предмет, набросился, как хищник с неба, неудержимый после выбора добычи.

«Добыча — это я», — подумал Двер, оцепенев, как травяная мышь, которая, захваченная на открытом месте, знает, что спасения нет и у нее нет иного выхода, как смотреть на приближающуюся прекрасную крылатую Смерть.

Смерть устремилась к нему.

Он ощутил взрыв, яркую вспышку.

И оказался здесь.

Двер приходил в себя, окруженный золотистой дымкой.

«Я жив».

Ощущение молодого сильного тела сопровождалось раздражающим зудом и болью от недавних порезов и царапин.

Его одежда на месте. Гондола тоже — корзина,

сплетенная из высушенного речного тростника. Ее содержимое не повреждено.

Но вот о шаре этого сказать нельзя. Огромная оболочка сморщилась и лежит грудой ткани. Ее верхняя часть, по-видимому, срезана. А оставшаяся часть раскидана по внутренностям того, что, как понял Двер, является чем-то вроде тюремной камеры.

Шарообразная тюрьма. Теперь он видит ее отчетливо. Шар, внутренняя поверхность которого издает бледное золотистое сияние, в первое мгновение затрудняющее зрение.

— Ха! — К удивлению Двера, его первой реакцией была заинтересованность. В те последние моменты, когда на него падал снаряд, он попрощался с жизнью. И теперь каждое лишнее мгновение — это чистая прибыль. И можно его потратить по своему выбору.

Двер выбрал любопытство.

Он выбрался из корзины и осторожно опустил мокасины на золотистую поверхность. Ожидал, что она окажется скользкой, но материал, напротив, лип к ногам, так что каждый шаг давался с некоторым усилием. После нескольких пробных шагов Двер сделал еще одно поразительное открытие.

«Низ там, где я стою».

С новой позиции Дверу казалось, что гондола наклонилась и едва не падает на него.

Он присел, глядя на «пол» между ногами, преодолевая ожидаемую потерю ориентации. Не так плохо, как можно было подумать.

«Я привыкну. Это все равно что учиться ходить по леднику. Или заглядывать в пещеру, вися на конце веревки над утесами Опустошения».

Но тут он заметил кое-что еще. Глядя вниз, Двер разглядел что-то сквозь золотистую поверхность. Что-то блестит под ней, как далекая алмазная пыль. Драгоценности на темном фоне.

Он наклонился сильнее и заслонил глаза руками от света.

И сразу понял: алмазы — это звезды.

ЛАРК

Присев за издающим запахи обелиском, люди видели беспрецедентную картину того, что происходило в контрольной рубке корабля джофуров.

Ларк многое отдал бы за то, чтобы они оставались на спокойной «обсервационной галерее».

Поблизости возвышались груды влажных ко-

лец, испуская облака пара. Джофуры колдовали над светящимися приборами. Тяжелый насыщенный запахами воздух вызывал у Ларка рвоту. Линг, должно быть, было еще хуже: ведь она не выросла рядом с треки. Но она казалась такой же захваченной происходящим, как и он.

Плохая была идея, про себя ворчал он, вспоминая импульс, повинуясь которому они бросились прямо в яму с врагами.

Эй, смотри! Джофуры, кажется, парализованы! Давай спустимся из этого безопасного укрытия и выведем из строя их приборы, пока они не в состоянии действовать!

Но джофуры не оставались неподвижными долго. К тому времени как они с Линг преодолели половину контрольной рубки, несколько груд колец неожиданно начали пыхтеть и раскачиваться, приходя в себя. Машинные голоса начали докладывать обстановку ожившим хозяевам, и два человека едва успели присесть за грудой шпилеобразных предметов, напоминающих идеализированного джофура, но вдвое выше и сделанного из какого-то влажного волокнистого материала.

Ларк упал на пол. Ему хотелось только стать невидимым, закрыть глаза и позволить объек-

тивной реальности исчезнуть.

Отвечая его бешено колотящемуся сердцу, пурпурное кольцо задергалось в сумке из ткани. Ларк положил на него руку, и кольцо постепенно успокоилось.

— Кажется, я понимаю, что происходит!

Ларк оторвал взгляд от ног Линг и увидел, что она стоит, прислонившись к одному из влажных столбов, и смотрит на экран джофуров. Он схватил ее за левую руку и дернул вниз. Линг приземлилась рядом с ним на голый зад.

— Стань подобной букашке, — был его совет. В делах укрытия и выживания Линг есть чему поучиться у джиджоанского сунера.

— Хорошо, братец крыса. — Она кивнула с удивительным добродушием, потом энергично продолжила: — Некоторые их экраны настроены на спектры, которые мне недоступны. Но могу сказать, что мы в космосе и движемся к Измунути.

Ларк испытал приступ тошноты — ощущение, близкое к панике. В отличие от своих брата и сестры, которые в детстве постоянно говорили и мечтали о полетах к звездам, он никогда не хотел покидать Джиджо. Сама мысль об этом делала его больным. Чувствуя его состояние, Линг взяла

его голову в руки и погладила, но не перестала говорить, описывая охоту в космосе. А Ларк, как ни старался, не мог себе этого представить.

— Очевидно, поблизости от Джиджо оказался флот, — объясняла она. — Хотя не могу понять, как он мог здесь оказаться. Может, миновал Измунути, и теперь джофуры прогоняют эти корабли. Но загадочный флот как будто разделился на пять групп, и все порознь движутся к пылающей звезде. А оттуда, вероятно, к пункту перехода.

За этим кораблем тянется цепочка каких-то объектов, насколько я могу судить, все они привязаны к кораблю силовым полем. Не знаю, какова их цель. Но если у меня будет время…

Ларку захотелось вслух рассмеяться. Он отдал бы Линг весь мир. Всю вселенную! Но теперь ему хочется одного — вернуться в гнездо. В их маленькое зеленое убежище, где можно дотянуться до сладких фруктов и где никто их не найдет.

Головокружение у Ларка начало проходить, когда в помещении стало очень шумно.

— Что это? — спросил он, садясь. И не пытался удержать Линг, которая чуть приподнялась и выглянула.

— Это был орудийный залп, — пояснила она. — Джофуры выпускают снаряды в ближайшую

группу кораблей. Должно быть, очень уверены в себе: к каждому кораблю направили только по одному снаряду.

Ларк молча пожелал новым чужакам, кем бы они ни были, удачи. Если кому-то из них удастся уйти, они сообщат в Галактический Институт Миграции. И хотя Шесть Рас жили на Джиджо две тысячи лет, боясь именно этого, сейчас появление нейтральных судей гораздо лучше той судьбы, которую уготовили для джиджоанцев джофуры.

— Маленькие корабли пытаются совершить маневр уклонения, но у них ничего не получается, — сказала Линг. — Снаряды приближаются к ним.

РЕТИ

Она прокляла корабль из мусора за то, что тот не позволяет управлять собой.

Прокляла Джиллиан Баскин и дельфинов за то, что те поставили ее в положение, когда из-за их некомпетентности она оказалась в ловушке.

Прокляла джофуров за то, что те стреляют по кораблям-макетам, а не ищут нужную им добычу.

Но больше всего Рети проклинала себя. Ибо в конце концов, никого иного винить нельзя.

Обучающая машина объяснила, какие символы обозначают эти смертоносные стрелы, теперь отчетливо видные на дисплее и быстро приближающиеся.

Один за другим корабли за ней встречались с мстительными хищниками. Но янтарные точки не вспыхивали, просто меняли цвет, становились алыми. И каждый направлялся назад, на встречу с крупной красной точкой.

Корабль джофуров не поглощал своих пленников. Это отняло бы слишком много времени. Напротив, они выстраивались цепочкой, как хвост головастика, и следовали за могучим кораблем.

Рети удивилась. Может, они не хотят убивать. Может, им просто нужны пленные!

Если это так, то Рети готова. В одной руке она держала йии, в другой — обучающую машину, настроенную на галактический два — диалект джофуров.

И когда появился ее снаряд, Рети была спокойней, чем сама ожидала.

— Не волнуйся, йии, — сказала она, гладя своего маленького мужа. — Мы найдем что-нибудь такое, что им нужно, и заключим сделку. Только подожди и увидишь.

С отчаянной уверенностью она держалась, когда древний буйурский корабль неожиданно вздрогнул. Через мгновение его двигатели затихли и тут же исчезло притяжение к полу. И мягкая сила словно потянула ее к носу обездвиженного корабля.

Свет погас. Но Рети могла немного видеть. Осторожно скользя по наклонному полу, она последовала за источником освещения к открытому иллюминатору и увидела за ним мир светло-желтого рассвета.

— Неплохо быть мертвым, — сухо заметил йии.

Рети согласилась:

— Наверно.

Потом пожала плечами.

— По крайней мере увидим, чья возьмет верх.

ДЖИЛЛИАН

— Я нашел в Библиотеке ссылку на то, что называется «ящиками захвата», — объяснил Нисс. Это оружие предлагает умное решение дилеммы джофуров.

— Какое решение? — спросила Джиллиан.

— Мы полагали, что поставили их в затруд-

нительное положение. Им нужно осматривать каждый корабль-макет, чтобы найти нас! Неприятный и отнимающий много времени процесс.

А так джофурам нужно время лишь на посылку снарядов. Они могут двигаться и тащить за собой цепочку пленников.

— А разве добавочная масса не замедлит их продвижение? — спросил пилот Каа.

— Замедлит, и это нам на пользу. Но, увы, недостаточно, чтобы мы могли воспользоваться преимуществом, которое это дает нам.

Джиллиан покачала головой.

— Жаль, что мы не знали об этом в свое время, чтобы включить в наш план.

Нисс обиженно ответил:

— Большие кланы имеют доступ к оружейным файлам за весь миллиард лет галактической истории.

На мостике воцарилось молчание. Наконец заговорила Сара Кулхан. Ее голос усиливала лицевая пластина шлема.

— А что произойдет, если такой снаряд попадет в нас?

— Снаряд создает поле, того же типа, что топоргическая клетка, в которой ваши Шесть Рас видели корабль ротенов. Конечно, то поле метро-

вой толщины, а снаряды не могут нести столько псевдоматериала. Главный эффект ящика захвата заключается в подавлении цифрового сознания.

Сара посмотрела в замешательстве, и Джиллиан объяснила:

— Цифровое сознание можно уловить на расстоянии и подавить эффективными полевыми технологиями. Именно в этом главная причина того, что в Пяти Галактиках господствуют не машины, а органические формы жизни.

К несчастью, это означает, что корабли-макеты могут быть легко выведены из строя, если заключить их в тонкую оболочку искаженного пространства-времени.

Действительно, это идеальное оружие против восстановленных кораблей без экипажа. Джофуры могут быть злобными и ограниченными во многих отношениях, но в мастерстве и умении логично рассуждать им не откажешь.

Сара кивнула.

— Вы хотите сказать, что против «Стремительного» этот метод не сработает?

— Совершенно верно, — ответила Джиллиан. — Мы подготовили наши компьютеры к временной остановке без всяких последующих неудобств.

— Говорите о себе, — пробормотал Нисс.

— Как только нас окружит ящик захвата, члены органического экипажа могут с помощью простых инструментов растворить оболочку изнутри. Оцениваемое время перерыва, Нисс?

Голограмма завертелась.

— Мне бы хотелось иметь больше данных об экспедиции сунеров к кораблю ротенов. Они сообщили о сильных квантовых эффектах от топоргического слоя метровой толщины.

Но корабль джофуров посылает только тонкие пузыри. Если подготовиться, экипаж сможет освободить нас за несколько минут.

Каа и несколько дельфинов облегченно перевели дух. Но машина Нисс продолжала:

— К несчастью, когда мы выйдем из пузыря, джофурам станет известно, что в пойманном корабле есть живая добыча. И после этого наша восстановленная свобода будет поистине очень краткой.

ДВЕР

Вещество необычное на ощупь. Оно как будто слегка отталкивает руку, когда Двер подносит ее на несколько сантиметров. А потом притягивает. Ни то, ни другое не очень сильно. Он легко может

отдернуть руку.

И не может понять, почему ощущение кажется странно знакомым.

Двер обошел свою круглую клетку, время от времени останавливаясь и всматриваясь в звезды снаружи. Большинство созвездий он узнал, кроме одной полоски неба, которую невозможно увидеть со Склона. Так вот как выглядит южное небо. Перед ним, не затмеваемое атмосферной пылью, лежало скопление Одуванчик, обширное немигающее зрелище. Без золотистого барьера оно было бы еще внушительней.

Слава Ифни за этот барьер, напомнил он себе. Там нет воздуха.

В одном направлении небо было очень ярким, и он вначале его не узнал.

Потом понял — это солнце, уменьшенное и становящееся все меньше.

В противоположном направлении находится свирепый глаз Измунути. Красный блеск становился все сильней, и вскоре Двер смог различить диск. Но понимал, что до него гораздо дальше, чем до солнца. Говорят, Измунути — гигант среди звезд.

Со временем он заметил и другие объекты. Не звезды и не туманности, но сверкающие точки.

Вначале они казались очень далекими. Но в течение мидура постепенно приближались. Теперь их края стали видны не из-за слабого мерцания, а потому что они затмевали звезды.

Одна из этих точек — неровная сфера по направлению к Измунути, — должно быть, космический корабль. С каждым проходящим дуром она становилась все больше. И вскоре Двер узнал гиганта, который дважды пересекал небо над Ядовитой равниной, сотрясая своим прохождением его несчастный шар.

Перейдя на другую сторону своей камеры и посмотрев наружу, Двер увидел ряд желтых огоньков, еще ближе корабля. Их цвет заставил его сообразить: «Это такие же капсулы, как моя».

Когда он прижался к барьеру плотнее, спину и кожу головы закололо. Что-то похожее на ощущение, когда робот даников пропускал через его тело силовое поле, все еще непонятным образом изменив безвозвратно нервную систему.

«Что ж, я и до этого был необычным. Например, никто из моих знакомых не мог разговаривать с мульк-пауком».

Двер откинул голову, вспомнив наконец, что напоминало ему это вещество. Жидкость, которой безумный древний паук в горах — Один-В-Сво-

ем-Роде — запечатывал свои жертвы, уберегая бесценные коллекции от воздействия времени. Много месяцев назад такая оболочка едва не задушила Двера, когда он спасся из гнезда паука.

Странное ощущение овладело Двером. Сумасшедшая мысль.

«Я мог разговаривать с пауками — не только в горах, но с тем на болоте.

Интересно, означает ли это».

Он снова прижал руку к золотистому материалу, надавил, преодолевая начальное сопротивление, нажимая концами пальцев. Материал не поддавался.

Но Двер настроил сознание на такой же способ мышления, как когда разговаривал с мульк-существами. Раньше он всегда считал, что эту работу проделывает паук, но теперь понял: «Это моя способность. Мой особый дар. И клянусь Святым Яйцом, мне кажется, я смогу».

Что— то подалось. Сопротивление концам пальцев неожиданно исчезло, и они прошли наружу, как будто сквозь какую-то вязкую жидкость.

Неожиданный страшный холод обрушился на руку и одновременно ощущение, что тысячи вампиров пытаются через соломинки пить кровь

из жил. Двер отдернул руку. Пальцы покраснели и онемели, но в основном невредимы. Мембрана мгновенно затянула отверстие.

«Это мне повезло», — подумал Двер.

Когда посмотрел в следующий раз, корабль стал огромен. Гигантский зверь стремительно несся на него со спокойной охотничьей уверенностью.

«Я рыба на леске. И он меня вытягивает!»

По другую сторону раскачивались, едва не касаясь друг друга, плененные шары, нанизанные на невидимую нить. Расстояние их друг от друга быстро уменьшалось.

Двер немного посидел и подумал.

Потом начал собирать припасы.

МУДРЕЦЫ

Фвхун-дау повел следующий секстет, начав низким гулким ворчанием своего резонирующего горлового мешка.

Ум— Острый-Как-Нож последовала за ним, проворным языком работая на барабане-мирлитоне и усиливая звуки барабана синкопированным свистом из всех пяти ножных щелей.

Затем вступила Ур-Джа, прижав виолу к изгибу длинной шеи и создавая изогнутым смычком

двойную гармонию звуков.

После этого по старшинству добавляли свой вклад новые мудрецы от треки, людей и г'кеков. Они играли для огромного раненого камня в форме овоида. Вначале согласованность не очень получалась, но вскоре звуки слились в единстве того типа, которое способствует сосредоточенности сознания.

До сих пор все было традиционно. И другие секстеты за сто лет играли для Яйца. И среди них были гораздо более одаренные и музыкальные.

Только на этот раз положение было совершенно иным. И вообще не было группы из шести.

Были представлены еще две джиджоанские расы.

Первая из них — глейверы.

Регрессировавшая раса всегда могла свободно присутствовать, но уже несколько столетий глейверы не принимали участия в церемониях Общины — задолго до прибытия землян и определенно до прихода Яйца.

Но вот уже несколько месяцев глейверы ведут себя странно. И сегодня из кустов появилась маленькая самка и двинулась по Тропе Пилигримов сразу за Фвхун-дау, как будто шла к той же цели. Когда началась музыка, ее большие глаза забле-

стели, из искаженной гримасой пасти вырвались странные мяукающие звуки. Звуки, отдаленно напоминающие слова. В подвижном раздвоенном хвосте самка держала сделанную из шкуры животного грубую погремушку с перекатывающимися внутри камешками.

Не слишком хороший музыкальный инструмент, но, в конце концов, у глейверов очень давно не было практики.

Что должно было произойти, подумал Фвхундау, чтобы они отвернулись от блаженства Тропы Избавления?

На камне по соседству лежало восьмое существо. Время от времени оно переставало облизываться и оглядывало собравшихся. На абсолютно черной шкуре нура-титлала было два пятна — белые полоски под каждым глазом, и это усиливало его природное выражение скептического презрения.

Но мудрецы не обманывались. Нур пришел вслед за остальными, истощенный, оборванный и уставший. Видно было, что он бежал несколько дней. Заставить нура так напрягаться может только крайняя необходимость, а не обычное самодовольное любопытство. Уши существа непрерывно дергались, а светлые острые волоски

за черепом раскачивались, противореча выражению поддельной беззаботности.

Фвхун-дау заметил, что над беспечным существом начало возникать что-то непонятное, словно засветился воздух. Мудрецы изменяли гармонию, чтобы она резонировала с усиливающимся вмешательством, и на гладкой морде нура появилось выражение неуверенного удивления.

Охотно или нет, но теперь и нур участвовал в общем рисунке.

Он стал частью Совета Восьми.

В тесном резонирующем жилище Яйца они творили свое искусство, свою музыку.

И вскоре стало проявляться иное присутствие.

ЭВАСКС

Смотрите, Мои кольца, как хорошо развивается преследование!

Один беглый конвой уже ликвидирован, составляющие его суда присоединились к цепочке пленников. Эта растущая помеха мешает «Полкджи» развить полную скорость, но груда-тактик уверяет, что все суда, кроме самого последнего, будут захвачены до соприкосновения с бурями Измунути.

Чтобы ускорить продвижение, капитан-лидер приказал подтянуть поближе нить пойманных судов. Тогда ими смогут заняться роботы, и мы будем отбрасывать макеты один за другим.

Но вот груда у детектора сообщает данные, пришедшие с Джиджо, планеты за нами.

Новые следы цифрового сознания! Новые признаки работы двигателей!

Но капитан-лидер решает, что это лишь тщетная попытка отвлечь нас от преследования. Должно быть, земной корабль оставил за собой древние развалины, которые включаются на расстоянии через определенное время. Или оставленные на Джиджо сообщники пытаются привлечь нас на приманку. Но это не имеет значения. Как только беглые корабли окажутся на цепи, мы преградим землянам дорогу к Измунути.

Конечно, если бы из этой системы был не один выход, положение стало бы совершенно иным. Но так один большой корабль способен эффективно блокировать все отходы с Джиджо.

И возвратов больше не будет.

Все это правда. Однако Я/мы опасаюсь, что это еще не конец. Волчата могли отправить нас в напрасную погоню за кораблями-роботами, а сами

используют эту передышку, чтобы подыскать новое убежище где-нибудь в глубоких маскирующих водах Джиджо. Они могут даже оставить свой корабль, перенеся всю важную информацию на берег, где мы сможем ее отыскать, только уничтожив всю экосистему!

Конечно, груда-жрец не допустит такого вопиющего нарушения галактического закона. Но если такая решительная политика окажется необходимой, священник может быть смещен, а наблюдатель-свидетель уничтожен. И тогда мы будем безвозвратно связаны. В случае неудачи нас назовут бандитами, и мы навлечем позор на весь наш клан.

Но как можно даже думать о таком исходе?

Все предзнаменования с растущей уверенностью свидетельствуют, что в Пять Галактик уже пришло Время Перемен. Отсюда такая отчаянная активность великих кланов.

И если Институты действительно падут, некому будет расследовать преступления, совершенные на этой планете.

НЕ ДРОЖИТЕ ТАК, МОИ КОЛЬЦА. Разве Я неоднократно не заверял вас, что могучим джофурам суждено победить? И что вам/Мне суждено принести пользу?

Не следует думать о преступлении и наказании, если именно мы будем создавать новые правила.

Возможно, нам не придется возвращаться на Джиджо. Если добыча действительно перед нами, самые высокие стремления нашего союза вскоре будут в пределах достижимости щупальца.

Мы приближаемся ко второму конвою. И наши снаряды уже ушли.

ДВЕР

Могучий звездный корабль все приближался, а ему часто приходилось раздраженно ждать, пока желтые бусины с обескураживающей медлительностью не соприкоснутся. Закончив подготовку, Двер расхаживал взад и вперед, глядя во всех направлениях.

Со временем он усвоил технику перехода, и теперь каждый переход совершался быстрее. Он отталкивался от стены и перелетал разделяющее пространство.

Корабль джофуров надвигался, невероятно огромный. Когда его темная масса загородила полнеба, в его изогнутом борту открылось нечто вроде двери, оттуда вылетело несколько восьмиугольных фигур и направилось к тюрьме Двера.

Он узнал эти силуэты.

Боевые роботы.

Им потребовалось немало времени, чтобы приблизиться, и Двер понял, что до корабля еще большое расстояние. Не менее двадцати полетов стрелы. Тем не менее они появятся через несколько дуров.

Отойдя в тыл своей тюрьмы, он облегченно вздохнул. Плененные пузыри соприкасались! Желтые шары, они очень различаются по размерам, но ни один даже близко не приближается к величине боевого корабля. Большинство гораздо больше его собственного маленького шара.

Двер поискал, где его шар соприкасается с соседним. При каждом соприкосновении раздавалось низкое гудение.

Он застегнул комбинезон, который ему дали на «Стремительном»: костюм закрывал все, кроме рук, ног и головы. Дверу не приходило в голову попросить что-нибудь еще.

«Но сейчас космические перчатки и шлем мне бы очень пригодились».

Не важно. Когда сферы соприкоснулись в следующий раз, он правильно настроил сознание и прыгнул.

САРА

Когда от слишком долгого пребывания в насыщенной кислородом воде кожа сморщилась, Сара покинула контрольную рубку. Вообще ей не было смысла там находиться. Те же новости она может узнавать в своей удобной каюте, которая некогда была домом великого земного мудреца по имени Игнацио Метц.

Сара вытерлась и переоделась в простую корабельную одежду — облегающие брюки и пуловер. Такая одежда не станет затруднением даже для необразованного сунера. Но тем не менее это чудо мягкости и удобства.

Когда она попросила комнату представить ей тактическую картину, появилось трехмерное изображение, из которого стало ясно, что джофурский дредноут снова выбрал неправильный рой кораблей-макетов и заканчивает выпускать снаряды. Тем временем цепочка ранних жертв постепенно смешивалась с красным сиянием корабля, как будто тот поглощал их одного за другим.

По ее приказу экран показал цель «Стремительного» — сильно увеличенное изображение

красной звезды-гиганта. Ее протяженная нитеобразная хромосфера выходит за пределы обычной солнечной системы. Разбухшая поверхность Измунути кипела, выбрасывая языки ионизированного газа, богатые тяжелыми элементами, из которых состоит тело Сары.

Пурофски считает, что буйуры были способы изменять структуру звезды.

Но даже и без этой ужасной мысли картина была ошеломляющей. Мимо этого бушующего пламени прошли все крадущиеся корабли, принося свое незаконное семя на Джиджо вместе с многочисленными надеждами на будущие поколения. Эти ожидания распространялись от простого выживания для людей и г'кеков до попытки предков хунов удрать от своих обязанностей.

И все эти надежды рухнут, если «Стремительный» не сумеет миновать огонь Измунути.

Сара по-прежнему не имела никакого представления о том, как Джиллиан Баскин надеется спасти Джиджо. Позволит врагам схватить себя, а потом взорвет корабль, чтобы прихватить с собой и джофуров?

Храбрый план, но враг будет готов к этому и примет меры предосторожности.

Тогда что же?

Саре казалось, что она узнает, когда придет время.

Ей было жаль детей: Олвина, Гек и всех остальных. Но теперь они уже взрослые и добровольцы.

И мудрецы говорят, что это хорошее предзнаменование — то, что представители всех шести рас будут присутствовать при значительных происшествиях.

Но Сара оказалась на корабле не только поэтому.

«Пурофски сказал, что одному из нас придется рискнуть — ему или мне — и отправиться на „Стремительном“, хотя вероятность того, что корабль прорвется, очень невелика.

Один из нас должен проверить, правда ли это. То, что мы предположили относительно буйуров».

Вся работа ее жизни, все занятия математической физикой и лингвистикой как будто подтверждают заключения Пурофски.

Джиджо не случайность.

О, если углубиться в психологию, она может найти и другие мотивы своего настойчивого стремления оказаться на корабле.

Например, чтобы продолжать заботиться об Эмерсоне?

Но раненый звездный человек теперь с теми, кто его любит. Рядом с товарищами по команде, ради которых он много раз рисковал жизнью. Преодолев первоначальный стыд, Эмерсон нашел возможность стать полезным. Он больше не нуждается в Саре.

«Никто на самом деле во мне не нуждается.

Посмотри этому в лицо. Ты полетела из любопытства.

Потому что ты ребенок Мелины.

Потому что ты хочешь увидеть, что произойдет дальше».

ДВЕР

Хорошо, что он вспомнил о воздухе.

По ту сторону его не будет.

Протискиваясь через барьер, извиваясь и согнувшись петлей, Двер сумел создать туннель, ведущий из его личной сферы в следующую. Короткий ураганный порыв лишал его прежнюю камеру атмосферы, пока давление не уравновесилось. Тогда он протиснулся и позволил отверстию за собой закрыться.

Глаза Двера выпятились, пульс участился. Воздух сильно разредился, и он от давления почти на уровне моря за полдура словно перенесся на вершину высокой горы. В глазах плясали пятна. Организм долго такого не выдержит.

Была и другая причина торопиться. Покидая свою сферу с остатками воздушного шара, он заметил, как с противоположной стороны к барьеру прикоснулись какие-то тени. Джофурские роботы пришли осматривать первого пленника.

Имущество разбросано по полу новой камеры. Двер схватил свой импровизированный мешок и направился в единственное возможное убежище — на нос плененного звездного корабля.

Корабль ничем не напоминает массивный джофурский дредноут, скорее он похож на пару ложек, сваренных лицом друг к другу, причем выпуклость расположена впереди. К счастью, оболочка охватывает весь корабль, от кормы до носа. Под золотистой поверхностью виден ряд тусклых иллюминаторов.

И здесь есть дверь!

Двер собрался с силами, пригнулся и прыгнул к манящему люку. Проплыл разделяющее расстояние и сумел ухватиться за выступающую скобку левой рукой.

«Если тут нужен какой-то тайный код, я пропал».

К счастью, дельфины на каждом корабле установили стандартную процедуру входа и выхода. Он сопровождал их в нескольких экспедициях и помогал. Двер с радостью увидел, что установленный дельфинами входной механизм на месте. Он такой простой, что даже джиджоанский охотник его поймет.

Чтобы открыть, повернуть выступ.

Дверу везло. Выступ поворачивается.

«Если внутри есть воздух, ветер ударит мне в лицо. Если воздуха нет, меня втянет и я умру».

Пришлось упереться ногами в корпус и потянуть изо всех сил, чтобы сдвинуть люк. Поле зрения сузилось, и Двер понял, что через несколько мгновений потеряет сознание.

Неожиданно ему в лицо ударил ветер. Это воздух с силой вырвался из корабля.

Затхлый воздух. Вонючий, затхлый, влажный, удивительный воздух.

ДЖИЛЛИАН

Плохие новости не были неожиданными, однако она все же надеялась на лучшее.

Закончив нанизывать на нить очередной рой пленных судов, корабль джофуров ускорился, догоняя следующую группу.

И скоро стала ясна истина.

Удача наконец изменила «Стремительному».

Что ж, на этот раз они сделали правильный выбор, подумала она. Рано или поздно это должно было случиться.

«Стремительный» в поле зрения противника, и ему предстоит преодолеть еще немало миктааров гиперпространства, чтобы достичь безопасности.

МУДРЕЦЫ

«На Джиджо есть и другие, — подумал Фвхун-дау, зная, что и восьми недостаточно. — Со временем нужно будет пригласить новых колонистов — дельфинов.

Я читал в земных книгах о китообразных и о великой Мечте Китов. Какую музыку мы могли бы создать, если бы эти странные существа добавили свои голоса к нашему хору?

А после них — кто знает? Лорники, шимпы и зукиры? Кикви, которых издалека привезли дельфины? Какая смесь голосов! Может быть,

цивилизация все же достойна своего имени.

Все это впереди — сверкающие возможности, превосходящие всякое сравнение или предположение. А пока совет состоит из тех, кто заслужил место своим выживанием на Джиджо, создавая этот мир. Выращивая детей, все атомы организма которых исходят из обновленной коры материпланеты. И эти черты определяют музыкальную гармонию восьми.

С каждым вдохом мы вдыхаем Джиджо».

Так «ворчал» Фвхун-дау, издавая низкие вибрирующие звуки своим горловым мешком.

«Мы пьем ее воду. После смерти наши любимые опускаются в ее пропасть. И там мы присоединяемся к ритмам планеты».

Присутствие, присоединившееся к ним, было одновременно знакомым и ужасающим. Совет чувствовал его биение в каждой ноте флейты или мирлитона. Оно пронизывало треск погремушки глейвера и сухие эмпатические глифы титлала.

Поколениями Яйцо прикасалось к их мечтаниям. Его мягкая музыка была платой за каждое паломничество, помогая сплачивать единство Общины.

«Но на протяжении всех этих лет мудрецы знали. Оно спит. И мы не знаем, что произойдет,

когда оно проснется».

Просыпается ли Яйцо из-за того, что совет наконец обрел недостающие части? Или жестокие джофуры прервали его сон?

Фвхун-дау нравится думать, что к этому приложил руку его старый друг Вуббен.

А может, просто пришло время.

Отголоски постоянно усиливаются. Фвхун-дау ощущает их ногами. Они возникают под поверхностью и нарастают, достигая крещендо. Высвобождение накопленной энергии. И цели.

Какая энергия! Что произойдет, когда она освободится полностью? Его мешок пульсирует в ворчании, болезненней и сильней, чем когда-либо раньше.

Фвхун-дау представляет себе, как с титанической силой взрывается горная кальдера, выплескивая потоки лавы на измученные склоны Праздничной Поляны.

Однако, как выяснилось, высвобождение пришло лишь с легкой дрожью земли.

Но мудрецы содрогнулись, когда высвобожденная энергия устремилась вперед быстрее мысли.

СКЛОН

К Нело, стоящему на развалинах бумажной мельницы, утомленному и расстроенному долгим возвращением домой, оно пришло длинной последовательностью запахов.

Сладким запахом размельченной в пульпу ткани, исходящей паром на экранах для сушки.

Горячим запахом кожи его покойной жены, когда она после долгого дня заботы об их необычных детях обращала свое внимание и на него.

Запахом волос Сары, когда той было три года, — к этому запаху привязываешься, как к наркотику.

Нело тяжело опустился на остаток стены. За долю кидура он ощутил множество различных чувств. Что-то в нем лопнуло, и он заплакал.

— Дети мои, — плакал Нело. — Где вы теперь?

Что— то говорило ему, что их нет больше на планете.

К Фаллону, привязанному и лежащему в ожидании смерти в подземном логове хищного роула, ощущение пришло в виде множества образов.

Загадочные остролистые деревья на равнине Восхода, так далеко на восток, как не пробирался

никто другой.

Ледяные потоки северо-запада, огромные плывущие горы, со снежными башнями, высеченными ветром.

Мерцающие насмешливые галлюцинации Спектрального Потока и оазис Кси, куда ласковые иллии пригласили его провести дни своей старости, разделить с ними их тайны и благородных лошадей. Фаллон не плакал. Он знал, что Дединджер и его друзья за порогом этой пещеры в дюне слушают. И когда хищник вернется в логово, никакого удовлетворения от бывшего главного следопыта Общины они не получат.

Тем не менее поток воспоминаний подействовал на него. Фаллон уронил одну-единственную благодарную слезу.

«Жизнь имеет смысл только в твоих собственных глазах». Фаллон осмотрел свою жизнь и назвал ее хорошей.

Для Уриэль, занятой очередным срочным проектом, набежавшая волна была только нежелательной помехой. Напрасной тратой времени. Особенно когда все помощники отложили инструменты и уставились в пространство, испуская низкие почтительные стоны, или вздохи, или ржание.

Уриэль знала, что это такое. Благословение, на которое у нее был простой ответ.

Ну и что?

У нее слишком много дел, чтобы безрассудно тратить дуры на то, что не подвластно ее контролю.

Она сухо заметила на галдва:

Я рада, что ты наконец решилось.

Хвала тебе, о долгоживущее Яйцо. Ты наконец решилось действовать.

Но прости меня, если я не буду восхищаться слишком долго.

Ибо у многих из нас жизнь так коротка.

К Эвасксу — мгновение спустя и на расстоянии в пол световых года — оно пришло как короткая болезненная дрожь воска. Древнего воска, накопленного за многие джадуры прежней грудой — старым мудрецом треки.

Из общего сердечника груды невольно вырвался пар, миновал мастер-кольцо и плотным облачком выделился из верхнего отверстия.

Хвала судьбе.

Другие кольца отпрянули от Эваскса под действием уникальных запахов, порожденных джиджоанской почвой.

А старшая груда-священник автоматически

среагировала на этот запах, поклонившись и добавив:

Аминь.

ЛАРК

— Ларк, дай руку!

Он дрожал, пытаясь справиться с припадком, который начался так внезапно, заставив ухватиться за амулет, висящий на шее. Ларк крепко сжимал камень, даже когда тот начал жечь руку.

Прижавшись за странными обелисками, их единственной защитой в просторной контрольной рубке джофуров, Ларк не посмел закричать от боли. Он старался не биться, а Линг обеими руками пыталась разжать его кулак. Наконец камень высвободился, упал на пол, оставив запах сожженной плоти. И даже сейчас температура продолжала повышаться. Они пятились, а камень все больше разгорался. Он начал светиться, так что на него трудно стало смотреть.

— Нет! — хрипло прошептал Ларк, когда Линг, пригнувшись, потянулась к ремешку. К его удивлению, ремешок по-прежнему держался. Линг схватила его, дважды взмахнула над головой и словно выпустила из пращи осколок солнца.

Талисман Ларка по дуге пролетел над заполненным помещением к центру.

Последовал отчаянный свист, сопровождаемый волной запахов, таких подавляющих, что Ларка едва не вырвало.

— Какого дьявола ты… — начал он, но Линг потянула его за руку.

— Нам нужно отвлечение. Идем, это наш единственный шанс.

Линг мигнул, пораженный силой привычки. Он действительно рассердился на нее за то, что она бросила его амулет.

Ему даже пришлось подавить стремление броситься за этим проклятым камнем!

«Оставь его, и скатертью дорога», — подумал он и кивнул Линг.

— Хорошо, пошли.

ДВЕР

Внутри корабля-макета он упал на пол. Его вырвало, и он лишился того немногого, что еще оставалось в желудке.

Но посреди этого неприятного опыта другой, совершенно особый тип безориентации обрушился на Двера. На мгновение ему показалось, что в голову забрался Один-В-Своем-Роде и снова пыта-

ется заговорить. Странное головокружительное ощущение могло бы даже показаться приятным, если бы тело не сотрясалось от позывов к рвоте.

«Джофуры быстро покончат с моим маленьким урским шаром. И перейдут к следующему пузырю».

При нормальном тяготении, наверное, было бы невозможно подняться вдоль всей длины корабля и добраться до его кормы. Но Двер старался воспользоваться условиями, в которых оказывался, и вскоре научился летать.

ЛАРК

Они бежали по задымленному коридору, преследуемые гневными криками и редкими вспышками молний, когда взрывы сотрясали плиты пола. Волна воздуха ударила людей сзади, сбив их с ног.

«Мы это сделали», — подумал Ларк, решив, что враги применили какое-то оружие.

Однако, оглянувшись через плечо, он заметил, что роботы неожиданно повернули и направились в другую сторону! В шумную бурю клубящейся черной сажи, вылетавшей из контрольной рубки.

— Ты думаешь?... — начал он.

Линг покачала головой.

— Джофуры выносливы. Сомневаюсь, чтобы взрыв мог им что-нибудь сделать. Только на время вывел из строя.

«Что ж, — подумал он. — Ведь это был всего лишь кусочек камня».

Ларк остро ощущал его отсутствие.

Он помог Линг встать, по-прежнему опасаясь роботов, которые могут вернуться.

— Наверно, теперь они знают о нас.

Они снова побежали. Несколько дуров спустя Линг со смехом согласилась:

— Да, наверно, знают.

ДЖИЛЛИАН

Было зафиксировано пси-излучение, на мгновение охватившее всю планету. Вскоре после этого офицер у детектора сообщил об изменении картины на тактическом экране.

— Взгляните на это!

Джиллиан увидела. Положение корабля джофуров изменилось. Яркий красный диск на мгновение замерцал. «Хвост» из крошечных алых точек, который подтягивался все ближе к

кораблю, теперь расслабился и начал постепенно отходить.

«Похоже, враг выбросил все захваченные макеты. Могу лишь предположить, что они научились быстро оценивать добычу. Теперь корабли-макеты независимо двинутся к Измунути, а боевой корабль, освободившись от них, быстрее догонит нас».

Надежды Джиллиан, ожившие с приходом пси-волны, снова развеялись.

— Нам нужно приготовиться к последней схватке, — негромко сказала она.

Дельфины молчали. Ни одного сонарного щелчка. Они словно не хотели овеществлять этот момент, делать его реальным, издавая звуки.

— Минутку! — сказал Каа. — Джофур сбрасывает скорость! Возвращается, чтобы забрать выброшенную нить!

— Но… — Джиллиан замигала. — Неужели они упустили ее случайно?

Голограмма Нисса начала вращаться, потом абстрактным кивком согласилась с такой возможностью.

— Возможна гипотеза. Пси-волна, которую мы зафиксировали, была слишком слаба, чтобы подействовать на боевой крейсер, если только не

имела специального назначения.

— Объясни.

— Она могла послужить детонатором и — случайно или намеренно — ускорить высвобождение возможностей, которые уже существовали, допустим, на борту корабля джофуров.

— Иными словами, волна все-таки подействовала на них. Может, вызвала события, которые помешали…

— Именно. Если это заставило джофуров временно потерять контроль над цепочкой захваченных кораблей, они, конечно, вернутся, чтобы снова захватить их, хотя это и задержит их. Потому что заподозрят, что именно освобождение кораблей и было целью этой пси-волны.

— Иными словами, она станут еще тщательней проверять каждый ящик захвата. Гм-м-м.

Джиллиан кивнула, затем спросила:

— Много у них на это уйдет времени?

Каа забил плавниками.

— Довольно много. Однако недостаточно. Мы доберемся до короны Измунути, но враг будет так близко, что без труда сможет преследовать нас с помощью детекторов. Плазма для него не послужит помехой.

Джиллиан кивнула.

— Что ж, положение слегка улучшается. А одна-две хитрости еще улучшат его.

Дельфины понимающе зафыркали и снова принялись за работу, издавая уверенные щелчки. Именно так сказал бы Том в подобной ситуации.

Но на самом деле Джиллиан не знала, какой план был бы достоин его имени.

САРА

Говорили, что с Джиджо пришла пси-волна, но Сара ничего не ощутила.

Неудивительно. Из троих детей Мелины Двер всегда казался самым чувствительным, в то время как она, самая логичная из всех, никакой чувствительностью не обладала. И до недавнего времени совсем не интересовалась подобными проблемами.

А теперь подумала: «Может, это и есть то, что нам нужно искать, как сказал Пурофски?»

Сидя в своей каюте за рабочим столом, она обратилась к портативному компьютеру:

— Относительно этой пси-волны — есть ли у нас оценка ее гиперскорости?

— Только очень приблизительная. Она распространялась примерно со скоростью два миктаара

за мидур.

Сара попыталась сделать мысленный расчет, переводя в термины, которые знает лучше, например, световой год. Потом сообразила, что машина может все это представить графически.

— Покажи мне.

Появилась голограмма, на которой ее родная планета была представлена голубой точкой в нижнем левом квадранте. «Стремительный» — желтая вспышка вверху справа, его сопровождают другие точки, представляющие корабли-макеты второго роя. Алый конвой — корабль джофуров и плененные им корабли — тем временем возобновил преследование.

Компьютер наложил на эту картину сетку из пересекающихся линий. Сара знала, что это волновые векторы в гиперпространстве нулевого уровня. Математика достаточно простая. Но Саре потребовалось некоторое время, чтобы освоиться с трехмерным изображением. Потом она присвистнула.

— Это не обратный квадрат. Это даже не один сверх R. Волна была направленной.

— Сжатый направленный волновой пакет, резонирующий на первой, третьей и восьмой волнах.

Компьютер погрузился в пси-жаргон, который Сара не понимала. Но ей было достаточно увидеть, что пакет был направленным. И пик его проходил точно через «Стремительный» и его преследователя.

Это не могло быть совпадением. Это значит, что великая сила Джиджо точно знает, где находятся оба корабля, и…

Сара сдержала себя.

«Не хватайся за первую догадку, пришедшую в голову. Что, если мы совсем не были целью луча?

Просто оказались на пути между Джиджо и…»

Она вскочила на ноги.

— Покажи Измунути и пункт перехода!

Масштаб изображения изменился, уменьшился, так что теперь «Стремительный» находился на полпути к предполагаемой безопасности яростного красного гиганта.

А за ним складка пространства. Искажение ткани реальности. Место, куда направляешься, если хочешь неожиданно оказаться очень далеко.

И хотя нужны возможности компьютера, чтобы ясно показать его, пункт перехода не невидимка. Измунути выпячивается в его направлении, посылая охряные выбросы к этой дыре в про-

странстве.

— Когда пси-волна достигнет Измунути?

— Она уже достигла ее.

Сара с трудом глотнула.

— Тогда покажи мне предполагаемую… — Она порылась в памяти, ища слова, которые встречала в текстах, но сама редко использовала. — Покажи вероятные гиперотклонения, когда пси-волна достигла красного гиганта. Увеличь метастабильные области обращенных запасов энергии с потенциалом для стимулированной эмиссии на тех волнах, которые ты упомянул.

На лице Сары появились отблески многочисленных разноцветных линий и дуг.

Она широко распахнула глаза, на мгновение вокруг зрачков показались белки. Сара беззвучно произнесла одно слово.

Затем схватила ближайшую стопку бумаги — это оказалась лучшая бумага производства ее отца — и записала две колонки координат.

Джиллиан Баскин ответила на ее срочный звонок, хотя казалась занятой и слегка раздраженной.

— Сара Кулхан, у меня на самом деле нет времени.

— Есть, — убежденно ответила Сара. — Через

сорок дуров ждите меня в вашем кабинете. Вам обязательно нужно это услышать!

РЕТИ

Молодая женщина сидела в закрытой комнате. Она была совершенно одна, пока кто-то не постучал.

На самом деле она не была одна, с ней был йии.

Больше того, постучали не в дверь, а в окно у нее под ногами. Тем не менее это очень удивило ее. Рети подпрыгнула и постаралась отодвинуться от звука, который с каждым ударом становился все громче.

…он идет отсюда! — крикнул йии, указывая своей длинной шеей.

Рети сразу увидела, что он имеет в виду. Под окном скорчился какой-то силуэт, освещенный сзади золотистой дымкой, окружающей бесполезный корабль. Фигура с искаженными пропорциями держит какой-то тупой предмет и бьет им.

На этот раз в месте удара по стеклу пошли тонкие трещинки.

…враг прорывается!

Рети представила себе космических чудовищ, но не испугалась. Она не собирается отдавать свои владения захватчику — джофуру, роботу или кому угодно.

Еще один удар пришелся в то же место. Ясно, что нужно еще несколько ударов, чтобы причинить окну серьезные повреждения. Подбодренная тем, что увидела противника, Рети направилась к неясной фигуре. Прижалась к стеклу и выглянула наружу.

Вначале все расплывалось. Потом существо как будто заметило ее присутствие и тоже прислонилось к окну. Рети разглядела что-то вроде развевающегося купола из свернутой ткани. Она поняла, что это импровизированный шлем.

А внутри этого защитного пузыря…

— Аи! — крикнула она, отшатываясь, как от привидения.

А когда снова посмотрела, фигура снаружи начала делать отчаянные жесты, указывая в сторону корабля.

— А, да, — сказала она. — Я ведь заперла люк.

Рети энергично кивнула — так, чтобы гость смог увидеть, и вдоль наклонных стен заскользила к зажатой двери. Сняла брус, которым закрыла дверь изнутри, чтобы не дать Чучки вернуться.

Люк открывался медленно, давая Рети подумать, не обманули ли ее глаза. Может, это просто уловка какого-то существа, умеющего читать мысли и посылающего ей образы из ее прошлого.

Наконец открылась и внутренняя дверь, и ввалился Двер Кулхан, срывая импровизированную оболочку, которую он использовал как грубую жизнеобеспечивающую систему. К тому времени как Рети помогла ему перерезать приклеенные части, сорванные со многих кораблей вдоль цепочки, лицо его посинело. Молодой охотник тяжело дышал, а Рети отступила от него и смотрела. Наконец он настолько пришел в себя, что поднял голову и встретился с ее недоуменным взглядом.

— Мне следовало бы догадаться, что это ты, — покорным тоном произнес Двер.

А Рети в то же время сказала:

— Ифни! Неужели я никогда от тебя не избавлюсь?

ЭВАСКС

Нужно взвесить все возможные варианты и сделки.

На Измунути разворачивалась атмосферная

буря, а наша груда-тактик тем временем заявила, что потеряно ценное время.

Три цели-роя уходят впереди от нашего могучего «Полкджи».

Первый войдет в бурю, когда мы его настигнем.

Второй мы догоним в момент максимального гиперболического изменения инерции.

А третий?

Третий достигнет пункта перехода, и у него будет достаточно времени, чтобы перейти на иной, более высокий уровень гиперпространства.

Таким образом, саботаж в контрольной рубке создал серьезные проблемы для нашего капитана-лидера, который скоро должен вернуть себе свои способности. А тем временем тактик предлагает план.

МЫ ДОЛЖНЫ ВЫБРОСИТЬ ЯЩИКИ ЗАХВАТА, КОТОРЫЕ СДЕРЖИВАЮТ НАС.

Теперь они на курсе к Измунути. Если наша добыча находится внутри одной из мерцающих оболочек, она скоро должна будет проявить себя или рисковать уничтожением.

ОСВОБОДИВШИСЬ,
НАШ «ПОЛКДЖИ» НАПРАВИТСЯ ПРЯМО К ПУНКТУ ПЕРЕХОДА!

Таким образом мы сумеем расположиться между нашей добычей и путем ее спасения. Конечно, такое стремительное маневрирование приведет к некоторому мертвому ходу, но оно же положит конец всем надеждам землян, в каком бы рое они ни находились. А их последующая деятельность позволит нам установить, какой корабль управляется разумными существами, а не простой автоматической программой.

Охотничьи запахи заполняют наш мостик. Все стремятся к скорейшему завершению преследования. Для «Полкджи» будет чрезвычайно почетно победить землян, не обращаясь за помощью к великому клану. Добиться успеха там, где потерпели неудачу целые флоты. Как это будет великолепно!

А теперь за порученное нам дело, Мои кольца!

На нашем дредноуте есть вредители. И наш поврежденный/покрытый сажей мостик опозорен в присутствии библиотекаря/наблюдателя.

Вредители должны быть найдены. Я/мы признан наиболее квалифицированным для такой охоты, потому что Я/мы обладаю опытом общения с людьми.

Итак, каков наш первый шаг, Мои кольца?

Обратиться к пленному человеку!

К тому, который называет себя Ранном.

Он поможет найти своих прежних товарищей. Он уже проявил свою склонность к этому.

Возрадуйтесь, Мои кольца!

Таким образом мы докажем свою полезность и избежим расчленения. Если достигнем успеха, мастер-кольцо получит награду и повышение.

Дрожите в радостном предчувствии, Мои кольца! «Полкджи» направляется к очередной победе в космосе, а мы начинаем охоту внутри него.

ЭМЕРСОН

Двигатели говорят с ним на языке, который он по-прежнему понимает.

Когда он работает с калибраторами, может показаться, что он стал прежним. Хозяином машин. Прирожденным механиком. Человеком, который заставляет летать звездные корабли.

А потом что-нибудь напомнит ему. Письменный отчет на экране или голос робота, перечисляющего параметры. Прити не может служить ему переводчиком: язык жестов не способен передать тонкости гиперволновых трансформаций.

Товарищи уважают старания Эмерсона. Они радуются его желанию помочь и удивлены тем,

что это у него получается.

Но он теперь понимает, что они потакают ему.

Положение никогда не будет прежним.

Долгая вахта кончилась. Суэсси приказывает ему отдохнуть. Поэтому он вместе с Прити отправляется в трюм и навещает глейверов, чувствуя свое сходство с этими простыми существами, почти так же лишенными речи, как и он сам.

Олвин и Гек обмениваются издевками и остротами на англике, его родном языке, но он способен следить только за общим тоном их дружеского общения. Они внимательны к нему, но и здесь он не находит утешения.

Он ищет Сару и обнаруживает ее наконец в помещении для совещаний, окруженную штатом Джиллиан. В центре комнаты висит изображение гигантской яростной красной звезды, через ее пламенеющую оболочку проложены многочисленные орбиты. Некоторые проходят совсем близко, обещая с помощью эффекта пращи направить «Стремительный» к пункту перехода — изогнутому туннелю в пространстве. Тактика выглядит нелегким испытанием даже для такого пилота, как Каа. Но этот подход наиболее очевиден.

Нет никакого сомнения, что враг ожидает

именно такого маневра.

Другие орбиты не имеют смысла; огибая красный гигант, они уводят от дыры в пространстве. Уводят от единственного способа уйти из этой опасной части запретной галактики.

Позволить врагу первым достичь пункта перехода — такое решение кажется самоубийством.

С другой стороны, скорость, с которой приближается корабль джофуров, не оставляет «Стремительному» выбора. Может быть, Джиллиан и Сара собираются направиться в глубокий космос и скрыться среди обожженных скал, которые когда-то были планетами — до того как Измунути разбух и пожрал своих детей.

Эмерсон наблюдает за Сарой, поглощенной работой. Как будто никто не замечает такой самонадеянности и несоответствия — дикарка, родившаяся на Джиджо, дает указания ученым, летающим меж звездами. В такие времена идея значит больше опыта.

Наконец это несоответствие заставляет его улыбнуться и отчасти возвращает хорошее настроение. Он начинает испытывать оптимизм.

«В конце концов, разве и раньше не приходилось бывать в положении, когда все шансы против тебя?»

* * *

За мостиком есть обсервационный купол. Подняться туда можно только по витой лестнице, ступени которой расположены слишком близко друг к другу. Маленькое помещение осталось от тех, кто некогда владел «Стремительным» — до того, как его купили земляне и переделали с учетом потребностей дельфинов. Чтобы добраться до этого уютного местечка, требуется большая ловкость. Это тайное убежище Эмерсона.

В одном конце толстое кварцевое невероятно прочное выпуклое стекло позволяет посмотреть наружу. Здесь звездный свод обнажен, его ничто не затмевает, и он окружает Эмерсона вечной ночью. Нос корабля закрывает Измунути, но обширные местные галактические спирали сверкают, как бриллиантовые. Шаровые скопления похожи на диатом, фосфоресцирующих в освещенном луной море. Придя в себя на Джиджо, Эмерсон не думал, что сможет снова увидеть это зрелище. Увидеть вселенную.

Она вливается в него своим избытком красоты. Ее слишком много. И это причиняет боль.

Конечно, Эмерсон целый год провел в знакомстве с самыми разными видами боли, пока она не

стала чем-то вроде друга. Его союзником, помогающим высвобождать воспоминания. И когда он смотрит на звездный огонь, это происходит снова.

Он вспоминает вонь — сразу после крушения на Джиджо, когда горящую одежду погасила мутная болотная вода. Он смутно помнит, что только что участвовал в бою. Он предпринял отвлекающий маневр — принес себя в жертву, чтобы помочь спастись друзьям.

Но это неправда.

Это прикрытие истинной истории.

На самом деле Древние извлекли его из старого теннанинского истребителя. Они щупали его, исследовали. Много дней и недель они рылись в его мозгу, а потом посадили в маленькую капсулу. В трубу, которая стиснула.

Эмерсон стонет, вспоминая, как полет кончился падением на Джиджо, в ужасное болото, где его нашла Сара.

Он представляет себе Древних. Вернее, части их. Холодные глаза. Жесткие голоса, требующие забыть. Забыть и в то же время осуждающие на жизнь.

Я знаю, что вы солгали.

Приказ пытается подавить его волю. Боль ста-

новится такой сильной, какой он никогда не испытывал.

Боль примитивная, как окружающий его черный вакуум.

Как льющиеся космические лучи.

Как мириады квантовых слоев, подхватывающие каждый кварк и каждый лептон в его потрясенном организме.

Из-за этого он не может сфокусировать зрение, смотрит сквозь боль, которая превращает бесчисленные звезды в колющие иглы.

Но вот одна из этих точек обретает форму. Она извивается, бьется, движется зигзагами.

Плывет, соображает он. Приближается к нему, словно против течения, преодолевая мощный прилив. Фигура всплывает из памяти, но вместо того чтобы принести новое горе, это воспоминание словно рассеивает боль. Оно отталкивается сильными плавниками, и успокаивающий поток покрывает Эмерсона.

В фокусе оказывается лицо дельфина.

Капитан.

Крайдайки.

Это изуродованное лицо, под левым глазом у него глубокая рана. Слишком похожая на рану Эмерсона, чтобы быть совпадением.

Объяснение приходит к нему в звуках.

Мошенникам и лжецам

Не хватает воображения, Они жестоко воруют идеи!

Эмерсон сразу понимает смысл хайку на тринари. Древние каким-то образом прочли в его мозгу о ране Крайдайки. Казалось, это соответствует их целям, поэтому они нанесли пленному человеку такую же рану. Как можно лучше всего отпустить его и при этом быть уверенным, что он ничего не расскажет?

Но это все же оставляет открытым вопрос — зачем? Зачем они вообще его освободили, хотя это означает сумеречное существование?

Какие у них были мотивы?

Все в свое время.

Фраза вызывает у него улыбку, потому что он воспринимает ее так, как никогда не воспринимал раньше.

Простое, чистое значение.

…свое время.

Эмерсон, освободившись от боли, смотрит на галактику. Теперь он понимает, что боль тоже была иллюзией. Продуктом преувеличенного сознания собственного значения, которое враги использовали против него.

На самом деле океан ночи слишком велик и слишком занят, чтобы интересоваться его болью. Развивающаяся вселенная не может заниматься проблемами одного-единственного индивида, члена одного из низших порядков разумной жизни.

Зачем ей это?

И вообще привилегия ли это — существовать? В конечном счете он всем обязан космосу, а космос не обязан ему ничем.

Эмерсон умудряется воспользоваться последней возможностью связи со своим капитаном и другом. Ему все равно, призрак ли этот улыбающийся дельфин, мираж или какое-то чудесное подлинное изображение. Он знает только, что урок Крайдайки правдив.

Нет никакого препятствия, никакой раны или жестокого удара судьбы, которые нельзя было бы превратить в песню.

На мгновение Эмерсон ощущает музыку в каждом луче звездного света.

Когда зимний тайфун
Бросает в тебя
Песчинки,
Острые и сверкающие,

И мироздание,
Объединившись,
Бросает тебя
Во Время перемен,
В тот момент,
Когда перехватывает дыхание
И вытекает
Парящая кровь твоей жизни,
Осмотри этот яркий риф,
Мой дорогой друг,
Поищи дар,
Который можно передать другому,
Чтобы как-то заранее
Заплатить
За все данные тебе
Блага.
Ибо в свое время
Ты увидишь далеко впереди
На Береге Бесконечности
Новую перспективу.

ПЕРЕЧЕНЬ РАЗУМНЫХ РАС

Г'кеки — первая раса сунеров, прибывшая на Джиджо около двух тысяч лет назад. Возвышенные расой друли, г'кеки обладают биомагнетически приводимыми в движение колесами и глазными стебельками вместо голов. Большую часть своего периода разумности они жили не на планетах. Г'кеки исчезли во всех Пяти Галактиках и сохранились только на Джиджо.

Глейверы — третья раса сунеров на Джиджо. Возвышенные таннуктайурами, которые, в свою очередь, были возвышены буйурами, глейверы способны передвигаться на двух конечностях, у них опалесцирующая кожа и большие выпуклые глаза. Примерно в метр ростом, они обладают раздвоенным хватательным хвостом, который помогает их не очень эффективным рукам. Со времени незаконного поселения на Джиджо они регрессировали до состояния предразумности. Для некоторых глейверы — это блестящий образец для подражания, показывающий всем путь к Тропе Избавления.

Джофуры — организмы, напоминающие за-

остренную коническую груду пончиков; подобно своим родичам треки, джофуры состоят из сменяемых губчатых «сочных колец», обладающих ограниченным разумом. Объединившись, эти кольца создают разумное общинное существо. Специализированные кольца служат груде органами чувств, манипулирующими органами и иногда обладают поразительными химосинтезирующими способностями. В виде треки эта уникальная раса была возвышена поа. Позже фанатичные оайлие снабдили их «мастеркольцами», которые трансформировали треки в джофуров, своенравных и предельно честолюбивых.

Квуэны — четвертая раса сунеров на Джиджо. Возвышенные зошами, квуэны обладают радиально симметричным экзоскелетом с пятью ногами, вооруженными когтями. Их мозг частично располагается в убираемом центральном куполе. Мятежное племя квуэнов поселилось на Джиджо, чтобы сохранить древнюю кастовую систему, в которой серая разновидность поставляла королев-матриархов, а красная и синяя разновидности были слугами и ремесленниками. Условия на Джиджо, включая более позднее появление людей, привели к крушению этой системы.

Люди — самая молодая раса сунеров, прибывшая на Джиджо менее трехсот лет назад. «Волчата» люди эволюционировали на Земле, где, возможно, самостоятельно достигли стадии технологической цивилизации и примитивных космических полетов. Их величайшее достижение — возвышение неошимпанзе и неодельфинов.

Ротены — загадочная галактическая раса. Одна группа людей (даккины, или даники) верит, что ротены и есть утраченные патроны землян. Ротены — двуногие существа, крупнее людей, но с такими же пропорциями. Их считают плотоядными.

Тимбрими — гуманоидная раса, союзник земного клана. Известны своим умом и дьявольским чувством юмора.

Титлалы — раса, считавшаяся не поддающейся возвышению. Возвышены тимбрими.

Треки — вторая по времени раса незаконных поселенцев на Джиджо. Треки — это предшественники джофуров, сбежавшие от навязываемых им мастер-колец.

Уры — шестая раса сунеров на Джиджо. Пло-

тоядные кентавроподобные обитатели травянистых равнин; у них длинные гибкие шеи, узкие головы и лишенные плеч руки, которые заканчиваются проворными пальцами. Уры начинают жизнь в виде крошечных шестиногих личинок, которых матери выбрасывают из сумок и предоставляют самим заботиться о себе. Всякая личинка, дожившая до «детства», может быть принята в урское племя. Самки уров достигают размеров крупного оленя и обладают двумя сумками, в которых держат миниатюрных мужей, размером меньше домашней кошки. Самка, у которой должны родиться личинки, выбрасывает одного или обоих мужей, чтобы освободить место для потомства. Уры испытывают отвращение к воде в ее чистой форме.

Хуны — пятая волна поселенцев на Джиджо, двуногие всеядные со светлой чешуйчатой кожей и ногами, поросшими белой шерстью. Их позвоночники — это массивные полые сооружения, представляющие собой часть циркуляционной системы. Горловой мешок хунов, первоначально использовавшийся в брачных столкновениях, теперь применяется для «ворчания». Будучи возвышенными гушатса, хуны стали повсеместно известны как скучные и педантичные чиновни-

ки галактической культуры.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Англик — человеческий язык, созданный в двадцать первом веке с использованием многих английских слов, но под воздействием других доконтактных языков и модифицированный в соответствии с новейшим пониманием лингвистической теории.

Библос — крепость, в которой содержится архив, или собрание книг; нечто вроде объединения университета с центральной библиотекой; Библос оказал огромное влияние на джиджоанскую культуру.

Бибур — река, на которой стоит Библос; в городе Тарек сливается с Рони.

Буйуры — прежние законные обитатели Джиджо, внешне похожие на лягушек и известные своим умом, предвидением и мастерством в создании генетически преобразованных специализированных животных-инструментов. Улетели с Джиджо, объявленной невозделанной, почти полмиллиона лет назад.

Великая Печать — внезапное введение бу-

мажных книг, предпринятое людьми вскоре после прибытия на Джиджо.

Великий Мир — период усиливающегося взаимопонимания Шести Рас, приписываемый либо влиянию Библоса, либо появлению Святого Яйца и симбионтов реуков.

Взрывник — специалист по разрушению, который минирует поселки Шести Рас для быстрого их уничтожения в Судный День. Штаб-квартира гильдии взрывников расположена в городе Тареке.

Влен — редкая форма воспроизводства треки, при которой от взрослого отпочковывается маленькое кольцо.

Возвышение — процесс превращения предразумных животных в разумную расу, способную присоединиться к галактическому сообществу. Совершается расой патронов.

Волчата — уничижительный галактический термин, обозначающий расу, которая как будто возвысила себя сама до стадии космических полетов, без помощи патронов.

Галакт, галактический — личность, раса,

концепция или технология, возникшие в древней цивилизации Пяти Галактик.

Галактическая Библиотека — фантастически большое собрание знаний, накопленных в течение сотен миллионов лет. На большинстве галактических звездных кораблей и в галактических поселениях имеются квазиразумные «отраслевые Библиотеки».

Галактические Институты — большие влиятельные учреждения, предположительно нейтральные и не вмешивающиеся в межклановую политику. Институты поддерживают различные аспекты галактической цивилизации. Некоторым институтам свыше миллиарда лет.

Гентт — река к северу от горы Блейз.

Годы изгнания — эпоха, начавшаяся с прибытием на Джиджо первой расы сунеров.

Грок — слово на англике с неясным происхождением, обозначающее понимание явления или концепции во всей глубине. Синонимично шотландскому ken.

Гуэнн — вулкан, на котором расположена куз-

ница Уриэль.

Даники (даккины) — упрощенное произношение термина «даникениты»; направление общественной мысли и культуры, возникшее вскоре после установления первого контакта с галактической цивилизацией. Даники верят, что земляне были возвышены расой патронов, которые по неизвестным причинам предпочли оставаться неизвестными. Часть даников считает, что этой расой мудрых и загадочных патронов являются ротены.

Джадур — приблизительно сорок три часа.

Джиджо — планета в Четвертой Галактике. Дом семи рас сунеров: людей, хунов, квуэнов, уров, г'кеков, регрессировавших глейверов и «демодифицированных» джофуров, известных как треки.

Джофекка — планета — родина джофуров.

Доло — деревня на реке Рони, известная своей фабрикой по изготовлению бумаги.

Дуден — старейший и самый крупный поселок г'кеков.

Дур — примерно треть минуты.

«Ереси» — различные представления о судьбе Джиджо, разделяемые группами, которые не согласны с высокими мудрецами. Одни считают, что галактический закон справедлив и что Джиджо было бы лучше без «заражения» расами сунеров. Другие придерживаются более ортодоксального толкования Священных Свитков и полагают, что каждая раса должна искать спасения на Тропе Избавления. Одна из наиболее редких ересей называется «прогрессом».

Занги — водороднодышащая раса, ее представители внешне напоминают огромного моллюска. Живут в атмосфере газовых гигантов. Институт Миграции отвел весь район Джиджо этим водороднодышащим; разумные существа, которые дышат кислородом, не должны появляться здесь в течение долгого периода, пока эта зона считается невозделанной. Патрульные шары зангов, которых все боятся, изредка посещают Джиджо.

Земной клан — маленькое эксцентричное галактическое «семейство» разумных рас, включающее неошимпанзе, неодельфинов и их патронов-людей.

Зош — патроны квуэнов.

Зукиры — служебные животные, выращенные г'кеками, способные запоминать и повторять сообщения, но не такие умные, как неошимпанзе.

Измунути — гигантская красная звезда, опасно близкая к солнцу Джиджо; посылаемый ею углеродный ветер маскирует Джиджо от наблюдения со стороны Института Миграции.

Илия — матриархальное племя женщин-всадниц, живущее тайно на Спектральном Потоке.

Ифни — вероятно, вульгаризация английского infinity — бесконечность. В традиции космонавтов это имя богини удачи. Персонификация вероятности, или закона Морфи.

Каменный Кулак — огромная каменная плита над Библосом, подготовленная взрывниками; она должна уничтожить Библос в Судный День.

Кидур — примерно половина секунды.

Кикви — предразумная раса амфибий, живущих на Китрупе.

Китруп — водяная планета, богатая тяжелыми металлами, где «Стремительный» потерял капитана Крайдайки и многих других членов экипажа, уходя из смертоносной ловушки.

Клиенты — раса, отрабатывающая период служения патронам, которые возвысили ее из предразумной животной стадии.

Кси — оазис, луга посреди Спектрального Потока, где живут иллии.

Лорники — одомашненные животные, выращенные квуэнами в качестве слуг. Лорники радиально симметричны, обладают четырьмя ногами и четырьмя руками с тремя пальцами.

Лусен — самый крупный из трех спутников Джиджо.

«Мечта Вуфона» — подводная лодка, построенная Клешней с помощью Олвина, Гек и Ур-ронн. Оборудована кузнецом Уриэль.

Мидур — единица измерения времени. Примерно семьдесят одна минута.

Моргран — пункт перехода, где на «Стремительный» впервые напал флот фанатичных религиозных кланов.

Мульк-пауки — форма жизни, созданная для уничтожения зданий и технологических приспособлений на мирах, объявленных невозделанными.

Мульк-церемония — уничтожение мертвых тел, возвращение плоти в экосистему Джиджо. Обычно происходит путем поглощения плоти специализированными кольцами треки. Остатки, не поддающиеся переработке, рассматриваются как мусор и отправляются в Помойку.

Мусор — не поддающиеся биообработке материалы, которые сбрасываются в Помойку для рециклирования во внутреннем тектоническом огне Джиджо.

Неодельфины — возвышенные дельфины, клиенты человечества.

Неошимпы, неошимпанзе — возвышенные шимпанзе, первые клиенты человечества. Полностью возвышенные неошимпанзе могут говорить; «незавершенный» вариант — неошимпанзе, не умеющие говорить, — сопровождал людей на Джиджо.

Ниханик — один из доконтактных человеческих языков, возникший как гибрид японского и китайского-ханьского.

Нуры — умные, проворные и озорные существа, внешне похожие на выдру. Нуров невозможно приручить, но терпеливые добродушные хуны

могут использовать некоторых нуров на своих кораблях. Другие расы сунеров считают нуров надоедливой помехой.

Оайлие — «приемные родители» джофуров по возвышению, члены фанатичного союза Обейер. Как специалисты по генной инженерии, оайлие переработали биологию и психологию треки, добавив мастер-кольцо, которое превратило их в джофуров.

Оакка — планета, на которой расположена региональная штаб-квартира Института Миграции и на которой «Стремительный» едва избежал предательства и пленения.

«Обитель» — крадущийся космический корабль, который свыше двухсот лет назад привез на Джиджо людей сунеров.

Пассен — самый маленький спутник Джиджо.

Патроны — галактическая раса, которая возвысила по крайней мере один вид животных до полного разума.

Пидур — шесть в седьмой степени дуров, или приблизительно четыре дня.

«Полкджи» — боевой корабль джофуров, ко-

торый в поисках «Стремительного» приземлился на Джиджо.

Помойка — обширная подводная впадина, или зона изъятия, сформированная тектоническими плитами, которая проходит вдоль всего Склона. Мусор, накопленный разумными расами — от остатков скелетов до корпусов космических кораблей, — сбрасывается сюда, чтобы природные силы Джиджо унесли его под кору и переплавили.

Попугайская муха — своеобразное созданное буйурами насекомое, способное запоминать и повторять короткие сообщения. Первые люди на Джиджо усомнились в своей разумности, когда начали «слышать голоса».

Пориа — штаб-квартира даников, где небольшое человеческое население служит повелителям ротенам.

Праймал — полуязык, используемый естественными, невозвышенными дельфинами на Земле.

Прародители — легендарная первая разумная раса, которая два миллиарда лет назад начала цикл возвышения.

Пункт перехода — точка ослабленного пространства-времени, которая позволяет кораблю, правильно вошедшему в нее, лететь со скоростью быстрее скорости света.

Разрушитель — механическое приспособление, предоставляемое Институтом Миграции для устранения остатков технологической цивилизации на планете, объявленной невозделанной.

Раса — разумный клан на Джиджо, то есть г'кеки, глейверы, хуны, уры, треки, квуэны и люди.

Реук — симбионт квазигриб, который помогает Шести Расам «читать» эмоции и язык телодвижений друг друга.

Риммер — горный хребет, по которому проходит восточная граница Склона.

Святое Яйцо — загадочный массивный псиактивный камень, который появился из вулкана сто лет назад в сопровождении широко распространившихся видений и снов.

Священные Свитки — тексты неизвестного происхождения, единственные письменные материалы на Джиджо от отлета буйуров и до введения людьми печатных книг. Свитки учили

г'кеков и последующих колонистов необходимости скрываться, заботиться о планете и идти по пути Избавления.

Спектральный Поток — непроходимая пустыня в центре южной части Склона, считавшаяся необитаемой. Покрыта пластами разноцветного пси-активного камня и выступами фотоактивных кристаллов.

«Стремительный» — земной космический корабль с экипажем из неодельфинов. Открытие, сделанное «Стремительным», привело к беспрецедентному преследованию корабля десятками галактических фракций, которые стремились завладеть тайнами дельфинов.

Стрессовый атавизм — состояние, встречающееся у недавно возвышенных видов, когда под влиянием стресса индивид утрачивает высшие функции сознания.

Судный День — согласно пророчеству, день, когда Шесть Рас Джиджо будут подвергнуты суду за их преступления. Многие надеялись, что к этому времени их потомки будут подобны глейверам — невинными и далеко прошедшими по Тропе Избавления.

Сунеры — преступники, которые пытаются колонизировать планеты, объявленные галактическим Институтом Миграции невозделанными. На Джиджо термин применялся к тем, кто основывал новые поселения за пределами Склона.

Тарек — самый большой город на Склоне, на слиянии Рони и Бибура. Штаб-квартира гильдии взрывников.

Террагентский Совет — орган правительства межзвездного человечества, занимающийся вопросами взаимоотношений между земным кланом и галактическим сообществом.

Топоргик — псевдоматериал, состоящий из органически спрессованного времени.

Торген — один из спутников Джиджо.

Трещина — ответвление Помойки, расположенное в южном конце Склона.

Тропа Избавления — цель ортодоксальных религиозных сект на Джиджо, которые считают, что расы сунеров должны регрессировать до состояния предразумности. Только так могут они избежать наказания за колонизацию невозделанного мира и получить второй шанс

на возвышение. Глейверы уже вступили на эту Тропу.

Урчачка — родная планета уров.

Урчачкин — урский клан, который предоставил убежище женщинам и лошадям на Спектральном Потоке.

Фен — множественное число от «фин». Обозначение на англике неодельфинов.

Фрактальный мир, или Фрактальная система — место пребывания рас, покинувших цивилизацию Пяти Галактик. Огромное рассеянное сооружение, созданное из водородного снега, предназначенное для улавливания и использования энергии малой звезды.

Фувнтус — шестилапый вредитель на Джиджо, питающийся древесиной.

Хьюмикер — сленговое обозначение того, кто подражает людям, поскольку земные тексты попрежнему преобладают в литературе Джиджо, много лет после Великой Печати.

Шимпанзе, или шимпы — частично возвышенная разновидность, которая сопровождала людей на Джиджо. Шимпы не умеют говорить,

но способны общаться с помощью языка жестов.

Яйцо — см. Святое Яйцо.